ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

С. Я. НАДСОНА

СЪ ПОРТРЕТОМЪ, ФАКСИМИЛЕ И
БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ **М. В. ВАТСОНЪ**

ТОМЪ ВТОРОЙ

ИЗДАНІЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ :: ПЕТРОГРАДЪ

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1917 г.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

Автобіографія С. Я. Надсона*).

Начнемъ съ начала, если это для кого-нибудь интересно. Исторія моего рода, до моего появленія на свѣтъ, для меня—область, очень мало извѣстная. Подозрѣваю, что мой прадѣдъ или прапрадѣдъ былъ еврей. Дѣда и отца помню очень мало. Мать происхожденія русскаго, изъ рода Мамантовыхъ, которые, въ свою очередь, ведутъ свое происхожденіе отъ нѣкоего легендарнаго хана Мамута—татарина. Такъ какъ я своего рода не знаю, то не знаю также, были ли въ немъ люди чѣмъ-либо замѣчательные; слышалъ только, что отецъ мой, надворный совѣтникъ Яковъ Семеновичъ Надсонъ, очень любилъ пѣніе и музыку, способность, которую и я отъ него унаслѣдовалъ. Иногда мнѣ кажется, что, сложись иначе обстоятельства моего дѣтства, я былъ бы музыкантомъ. Замѣчательно также, что, когда я, девяти лѣтъ отъ роду, началъ писать стихи, они хромали во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ метрическаго, и размѣръ у меня всегда былъ безошибоченъ, хотя о теоріи стихосложенія я и понятія не имѣлъ. Думаю, что это—результатъ моихъ музыкальныхъ способностей.

Исторія моего дѣтства—исторія грустная и темная. Я мало могу сообщить подробностей и объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ мои первые жизненные шаги, такъ какъ тогда, будучи ребенкомъ, я многаго не понималъ, а потомъ разспросить мнѣ было некого,—да, по правдѣ сказать, и не хотѣлось много разспрашивать.

Родился я 14-го декабря 1862 года, въ Петербургѣ. За-

*) Автобіографія покойнаго поэта относится къ концу 1881 г. С. Я. доставилъ ее намъ, какъ матеріалъ для задуманной нами тогда „Исторіи новѣйшей русской литературы". Нѣкоторыя подробности въ автобіографіи (напр., исторія рода) являются отвѣтомъ на прямо ему поставленные нами вопросы. *С. Венгеровъ.*

тѣмъ мать и отецъ увезли меня, годъ спустя послѣ моего рожденія, въ Кіевъ. Отецъ вскорѣ умеръ, такъ что моя сестра, Анна, моложе меня полутора годами, родилась уже послѣ его смерти. Въ Кіевѣ я помню наше семейство слитымъ съ семействомъ нѣкоего Фур—ова (Фурсова), у котораго мать моя жила экономкой и учительницей его дочери. Когда мнѣ было семь лѣтъ, мать моя, разссорившись съ Фурсовыми, уѣзжаетъ въ Петербургъ. Я поступаю въ приготовительный классъ 1-й классической гимназіи.

Мы живемъ у моего дяди, брата матери, Діодора Степановича Мамантова (теперь уже умершаго). Впечатлѣнія мои у него опять главнымъ образомъ музыкальныя, такъ какъ дядя игралъ на віолончели (у него собирались квартеты; музыка была серьезная и хорошая). Вскорѣ мать, больная чахоткой, выходитъ вторично замужъ за Николая Гавриловича Ѳомина, управляющаго кіевскимъ отдѣленіемъ россійскаго общества страхованія и транспортированія кладей, и уѣзжаетъ съ мужемъ въ Кіевъ. Меня переводятъ въ кіевскую гимназію (2-ю классическую).

Во время каникулъ, на дачѣ, подъ Кіевомъ, отчимъ мой, въ припадкѣ умопомѣшательства, вѣшается, послѣ многихъ семейныхъ сценъ, въ конецъ измучившихъ мою больную мать. Мы остаемся въ Кіевѣ безъ всякихъ средствъ и испытываемъ всѣ ужасы нужды и всю тяжесть „помощи добрыхъ людей", къ числу которыхъ принадлежали мать и братъ моего покойнаго отца, жители Кіева. Такъ дѣло тянется до зимы, когда другой мой дядя, братъ матери, Илья Степановичъ Мамантовъ, высылаетъ намъ деньги и снова вызываетъ насъ въ Петербургъ. Тутъ, въ 1872 г., меня отдаютъ пансіонеромъ во 2-ю военную гимназію (теперь 2-й кадетскій корпусъ), а сестру мою—въ Николаевскій институтъ. Мать въ эту же зиму,—правильнѣе весною 1873 г.,—умираетъ, не оставивъ намъ съ сестрой почти ничего. Меня беретъ подъ свое попеченіе И. С. Мамантовъ, сестру—Д. С. Мамантовъ, о которомъ я уже упоминалъ (братья матери). Мы растемъ розно. Въ 1879 г. я кончаю курсъ въ гимназіи и поступаю въ Павловское военное училище. Но еще до начала учебныхъ занятій болѣзнь груди принуждаетъ меня, будучи юнкеромъ, отправиться на Кавказъ, въ Тифлисъ, гдѣ я провожу зиму и лѣто 1880 года. Осенью—возвращаюсь въ училище, кончаю курсъ черезъ два года и выхожу въ 1882 г. подпоручикомъ въ Каспійскій полкъ, въ Кронштадтѣ. Болѣзнь груди, получившая свое дальнѣйшее развитіе, и пламенное личное желаніе принуждаютъ меня покинуть службу въ 1884 году и

выйти въ отставку. Лѣто я отдыхаю, проводя его у А. Н. Плещеева, на его дачѣ, по Варшавской желѣзной дорогѣ,— но отдыхъ мнѣ идетъ не въ прокъ, и я, уже занявшій было мѣсто секретаря редакціи въ газетѣ „Недѣля“, которое добылъ съ большимъ трудомъ и которымъ былъ вполнѣ доволенъ, долженъ былъ покинуть его и, по совѣту врачей, на средства, доставленныя мнѣ участіемъ и хлопотами моихъ друзей (главн. образомъ—Алекс. Аркадьевной Давыдовой и докторомъ Бертенсономъ), долженъ уѣхать за границу, въ Висбаденъ и Каннъ, чтобъ отсрочить на нѣкоторое время свой смертный приговоръ... Веселенькій пейзажикъ!..

Такова фактическая сторона моей микроскопической жизни.

Теперь разскажу литературную и душевную. Четырехъ лѣтъ я уже читалъ по-русски. Въ семьѣ, до смерти матери, я былъ маленькимъ чудомъ и маленькимъ деспотомъ. Мать меня любила до безумія. Я былъ болѣзненный, впечатлительный ребенокъ, съ дѣтски-рыцарскими взглядами, благодаря раннему чтенію и идеализму матери. Поступленіе въ корпусъ было первымъ моимъ серьезнымъ горемъ. Въ первомъ классѣ я уже мечталъ о писательствѣ (мнѣ было 9 лѣтъ). Тогда уже я проглотилъ почти всю дѣтскую литературу,—Майнъ-Рида, Жюля Верна, Густава Эмара,—зналъ наизусть почти всего Пушкина и самъ писалъ прозой разсказы, героемъ которыхъ былъ нѣкій благородный Ваня. Послѣ смерти матери жить мнѣ стало очень тяжело. Съ одной стороны, меня не любили въ корпусѣ,—такъ какъ я чувствовалъ себя развитѣе товарищей, чего не могъ имъ не показать изъ болѣзненно-развитого самолюбія, съ другой мнѣ тоже жилось не важно и у дяди, хотя онъ и тетка по-своему меня очень любили и только изъ врожденной сдержанности не хотѣли обнаруживать своихъ чувствъ, а я привыкъ ко всеобщему поклоненію. Холодность между мной и семействомъ дяди прогрессивно увеличивалась, въ особенности въ послѣдніе годы моего пребыванія въ гимназіи, когда мои идеалы и взгляды стали рѣзко отталкивать меня отъ военной службы, въ которую прочилъ меня дядя. Думаю, что эта служба главнымъ образомъ и съѣла мое здоровье. Во второмъ классѣ гимназіи я началъ уже писать стихами,—въ подражаніе стихамъ моего двоюроднаго брата, Ѳ. Мѣдникова, который былъ двумя годами старше меня и котораго всѣ хвалили за талантъ,—вскорѣ, впрочемъ, безъ слѣда исчезнувшій. Въ первый разъ я рѣшился показать свое стихотвореніе учителю, будучи въ пятомъ классѣ. Живо помню его рецензію на мой кровожадный „Сонъ Іоанна Грознаго“:—„Языкъ образный, есть вымыселъ

и мысль,—только нѣкоторые стихи неудобны въ стилистическомъ отношеніи". Въ пятомъ же классѣ я началъ печатать въ журналѣ „Свѣтъ", Н. П. Вагнера, и... въ первый разъ полюбилъ. Воспоминаніе о предметѣ моей любви останется навсегда однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ въ моей жизни. Ея памяти посвящаю я теперь и мою книжку (памяти Н. М. Д.). На слѣдующій годъ обо мнѣ въ первый разъ была рецензія, въ „Петерб. Вѣдом.", гдѣ преувеличенно хвалили одно изъ моихъ стихотвореній („Христіанка"). Въ слѣдующемъ году (1879) я испыталъ первое литературное торжество, читая на концертѣ въ гимназіи другое свое стихотвореніе: „Іуда", имѣвшее шумный успѣхъ (его впослѣдствіи безъ моего позволенія напечатали въ „Мысли" Оболенскаго). Затѣмъ я печаталъ въ „Словѣ". Въ 1882 г. со мной пожелалъ познакомиться А. Н. Плещеевъ, открывшій мнѣ дорогу сначала въ „О. З.", гдѣ я дебютировалъ „Тремя стихотвореніями", а потомъ и въ другіе журналы. Его я считаю своимъ литературнымъ крестнымъ отцомъ и безконечно обязанъ его теплотѣ, вкусу и образованію, воспитавшимъ мою музу. Все лучшее изъ написаннаго мною вошло въ книжку. Въ 1884 г. началъ умирать. Затѣмъ, — честь имѣю кланяться. Благодарю за честь!

29-го сентября 1884 г.
С.-Петербургъ.

1875—1876 годъ.

ДНЕВНИКЪ и СОЧИНЕНІЯ

С. Надсонъ.

17 Апрѣля.

На тебя заглядѣться не диво,
Полюбить тебя всякій готовъ.
(Некрасовъ).

Я помню все: и голосъ милый,
И ласки, ласки безъ конца,
И буду помнить до могилы
Черты любимаго лица.
(Русск. романсъ).

Счастливъ, кто смолоду былъ молодъ,
Счастливъ, кто вò-время созрѣлъ.
(Пушкинъ).

Кабы вѣдали да знали,
Какъ я С... любилъ.
Думалъ, что я не забуду,
Да и позабылъ.
(Русск. романсъ).

На зарѣ туманной юности
Всей душой любилъ я милую.
(Русск. романсъ).

Ваша чудная улыбка
Можетъ всѣхъ свести съ ума.
(Деревенскій поэтъ) С. Н.

Отчего я тебя
Такъ безумно люблю?
(Русск. романсъ).

Какъ въ гостиницѣ-то „Дудки“
Провели однажды сутки.

Прим. ред. Заглавная страница тетради дневника.

ПРОЗА. ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА.

ЗИМА И ВЕСНА.

Дневникъ.

Счастливъ, кто смолоду былъ молодъ,
Счастливъ, кто во-время созрѣлъ.

Пушкинъ.

17-го апрѣля 1875 г.

Накопецъ я собрался писать дневникъ. Выписки изъ него послужатъ хорошимъ матеріаломъ для задуманнаго мною сочиненія: „Воспоминанія юности". Какъ-то вѣрнѣе и живѣе пишетъ недавно послѣ событія, и это много вліяетъ на успѣхъ сочиненія. Но я собираюсь писать дневникъ, а между тѣмъ пишу пока вещи, не относящіяся нисколько къ дневнику. Нужно обдумать, столько случилось новаго и пріятнаго для меня, что все еще я въ какомъ-то чаду. Прежде всего надобно замѣтить, что теперь Пасха, четвертый день ея. Пасху я провелъ совсѣмъ не такъ, какъ ожидалъ. Столько удовольствій сразу я и не думалъ имѣть, но не надо торопиться, я буду описывать по порядку. Прежде всего надобно записать въ дневникъ, что до Пасхи я былъ влюбленъ въ одну барышню, нѣкую Сашу Сазонову. Она мнѣ нравилась, и я ею чуть не бредилъ, но теперь, ахъ! Однако я начинаю бросаться, а надобно описывать, какъ я и намѣревался, по порядку. Насъ распустили въ среду на Страстной недѣлѣ поста. До субботы ничего особеннаго не случилось, а въ субботу я узналъ, что насъ, т.-е. меня съ Васей (Катю думали отправить къ Лизаветѣ Васильевнѣ) собираются взять въ деревню къ Григорію Васильевичу *). Впрочемъ, это не деревня, а помѣстье въ 14 верстахъ отъ Луги. Надобно до Луги ѣхать по Варш. ж. д., а отъ Луги до имѣнія, называемаго Алтуфье-

*) Бардовскому.

вымъ Берегомъ, на лошадяхъ. Наступила суббота. Поѣздъ, на которомъ мы собирались ѣхать, отходилъ въ половинѣ четвертаго дня, и съ утра еще началась укладка и возня. Въ два часа дядя нанялъ карету и, позабывъ спросить адресъ Лизаветы Васильевны, зная, впрочемъ, что она живетъ на Сергіевской, поѣхалъ съ Катей къ ней. Вотъ уже половина третьяго, дяди нѣтъ, а отъ насъ до вокзала дорога добрыхъ полчаса ѣзды. Всѣ мы съ нетерпѣніемъ ждемъ дядю каждую секунду. Бьетъ три четверти—его нѣтъ! Тутъ мы принялись обѣдать, и черезъ минуту раздается звонокъ. Слава Богу, наконецъ-то дядя пріѣхалъ!

У всѣхъ насъ точно гора съ плечъ свалилась. Наскоро закусивши, мы сѣли въ карету и покатили на станцію. Но я уже слишкомъ все подробно описываю—скажу короче. На дорогѣ ничего особеннаго для меня не случилось, только разболѣлась сильно нога. Въ вагонѣ я все время читалъ „Войну и миръ“ графа Толстого, что мнѣ очень понравилось. Ну, этого-то, положимъ, и прибавлять нечего: „Война и миръ“ нравится почти всѣмъ. Пріѣхали наконецъ въ Лугу и, нанявъ два тарантаса, покатили въ деревню. Первыя десять верстъ проѣхали по ровному шоссе безъ всякихъ приключеній, на одиннадцатой насъ встрѣтили сани тройкой, высланныя въ Лугу, къ намъ навстрѣчу. Вася, я и Петръ Васильевичъ сѣли въ сани. Тетя осталась въ своемъ тарантасѣ, а дядя, чтобы облегчить лошадь, сѣлъ въ другой. Они поѣхали впередъ, а мы немного поотстали. Когда уже было всего полверсты до дому, лошади неосторожно рванули, сани полетѣли на бокъ, и мы всѣ торжественно вывалились въ снѣгъ. Никто не ушибся, только мою ногу прищемило немного, отчего она снова заболѣла сильнѣе. Наконецъ всѣ вылѣзли изъ снѣга, снова усѣлись въ санки и съ веселымъ хохотомъ поѣхали дальше. Черезъ пять минутъ мы подъѣхали къ крыльцу дома и вошли черезъ переднюю и маленькую комнатку, неизвѣстно для чего назначенную, въ зало. Здѣсь, раздѣвшись, мы пришли въ такъ называемую маленькую гостиную и напились чаю.

Домъ въ Берегу чрезвычайно большой и очень изящно украшенный внутри. Видно, что здѣсь когда-то жилъ русскій бояринъ на широкую руку. Домъ окружаетъ со всѣхъ сторонъ садъ, въ полуверстѣ находится лѣсъ, въ другой сторонѣ, сейчасъ же за садомъ, громадное озеро. Черезъ зимнюю дорогу, ведущую къ озеру (черезъ нее зимою ѣздятъ), лежитъ садъ сосѣдней усадьбы Каромышевыхъ. Хозяйка усадьбы, Платонида Николаевна, очень умная (какъ, по крайней мѣрѣ,

мнѣ показалось и какъ я слышалъ отъ другихъ), привѣтливая барыня. У ней нѣсколько дочерей и сыновей и, замѣчательная вещь, всѣ дочери, какихъ я только знаю, отличаются красотой. Но объ этомъ послѣ, хотя это-то и есть та самая причина, почему я началъ писать дневникъ. Итакъ, тетя, дядя, Петръ Васильевичъ, Вася и я пріѣхали въ деревню и напились чаю. Я уже сказалъ, что это было въ субботу, т.-е. наканунѣ Свѣтлаго Воскресенья. Въ четырехъ верстахъ отъ Алтуфьева Берега (вотъ непоэтичное названіе!) находится Черменецкій мужской монастырь. Окрестные жители имѣютъ обыкновеніе ѣздить туда на заутреню, и вотъ и теперь всѣ наши, исключая тети и меня, тети—потому что она очень устала, а меня—потому что моя нога разболѣлась сильнѣе,—поѣхали въ монастырь. Я прилегъ на диванѣ, не раздѣваясь, ожидая, когда пріѣдутъ отъ заутрени, чтобы разговѣться, а тетя совсѣмъ раздѣлась и заснула. Правда, и я вздремнулъ съ часика два, но вѣдь нельзя же безъ этого, я больше отъ скуки, чѣмъ отъ желанія спать. Теперь надобно описать, кто были въ Берегу тѣ, про кого я говорю „наши". Вся компанія состояла изъ тети, дяди, Петра Васильевича, Григорія Васильевича, Анны Арсеньевны, Платониды Николаевны, Александра Арсеньевича, Марьи Арсеньевны, Вани, Васи и меня. Въ усадьбѣ Григорія Васильевича жили: онъ самъ, Анна Арсеньевна, тетя и дядя, Петръ Васильевичъ, Вася и я, а въ той усадьбѣ остальные, да еще пріѣхавшій сосѣдъ Пѣтуховъ. Всѣ должны были разговляться у Григорія Васильевича, и былъ накрытъ въ столовой большой столъ, установленный разными кушаньями для разговѣнья: тутъ были двѣ пасхи, два кулича, окорокъ ветчины, телятина, яйца, сыры, селедки и редиска (покушать можно вкусно!). Мнѣ было очень весело, но отчего? Порядокъ, порядокъ! Наконецъ наши пріѣхали. Григорій Васильевичъ подарилъ намъ троимъ: Васѣ, Ванѣ и мнѣ по яйцу съ сюрпризомъ. У меня вышелъ подсвѣчничекъ, у Васи брошка, а у Вани портмоне. Вся компанія сѣла за столъ. По одну сторону меня сидѣлъ Вася, потомъ Ваня, по другую Платонида Николаевна и Марья Арсеньевна. Буду называть ее для краткости Марусей. Надобно замѣтить, что Маруся съ перваго раза, какъ я ее увидѣлъ, мнѣ очень понравилась, это было еще передъ прошлыми каникулами. Теперь я окончательно въ нее влюбился, если можно выразить этимъ пошленькимъ словомъ то, что я чувствовалъ. Ужинъ былъ очень веселъ и оживленъ. Хохотали безъ умолку и говорили всякій вздоръ.

Вася разсказывалъ, какъ на обратномъ пути дядя упалъ

въ снѣгъ; Платонида Николаевна бранила монаховъ за плохое пѣніе.

Ваня говорилъ про предполагаемое для лѣта убѣжище. Ахъ, я и забылъ сказать, что лѣтомъ мы будемъ жить въ Берегу! Итакъ, ужинъ былъ очень оживленъ. Меньше всѣхъ говорила Марья Арсеньевна, виноватъ: Маруся! Она все хлопотала: то наливала чай, то предлагала пасхи. Наконецъ, когда уже всѣ поужинали и принялись за чай, Григорій Васильевичъ сказалъ мнѣ, чтобы я обнесъ гостей конфетами. Никакія слова передать не могутъ, что̀ я чувствовалъ, когда она своими розовыми губками проговорила: merci! Я былъ счастливъ, нѣтъ, больше,—наверху блаженства. А она! Спокойная, какъ всегда, сейчасъ же отвернулась въ другую сторону. Да и могла ли она знать, что̀ я чувствовалъ? Конечно, нѣтъ. Я въ эти мгновенія, кажется, жизнь отдалъ бы за одинъ поцѣлуй ея ножекъ! Сазонова въ эти мгновенія мнѣ показалась такою ничтожной и уродливой! А прежде я думалъ, что по красотѣ ей нѣтъ равной въ цѣломъ мірѣ! Впрочемъ, надъ этимъ смѣяться нечего: тогда она мнѣ нравилась, теперь нравится другая. Не упрекайте меня въ непостоянствѣ; на любовь нельзя надѣть вожжи и управлять ею по произволу, это свободное, вольное чувство, которое иногда напрасно мы стараемся подавить или возбудить по произволу. Это Любовь и не что̀ иное. Но я очень зафилософствовался и прервалъ нить моего разсказа. Итакъ, я былъ очень счастливъ. За ужиномъ мнѣ удалось еще нѣсколько разъ услужить Марусѣ, и только тѣ, кто любилъ въ молодости (на зарѣ туманной юности, какъ сказалъ одинъ изъ поэтовъ), могутъ понять, что̀ я чувствовалъ, ложась спать. Какъ это описать?

Мнѣ хотѣлось и плакать и смѣяться, я радовался и въ то же время горевалъ. Все мнѣ казалось прекраснымъ. Даже хлопья утренняго снѣга, сѣткой падающіе на землю, имѣли для меня какую-то особенную привлекательность. Мнѣ хотѣлось расцѣловать всѣхъ и каждаго, и образъ ея, ея волшебная улыбка такъ и вертѣлись передъ глазами. То я вспоминалъ, какъ, подавая ей конфеты, стоялъ слишкомъ далеко, и Григорій Васильевичъ сказалъ:—„Ты не бойся, Сеня, Маруси, она не кусается!“. Вѣроятно, я очень сконфузился тогда, такъ какъ, подавая Аннѣ Арсеньевнѣ коробку, я такъ близко налѣзъ на нее, что запутался въ шлейфѣ ея платья и чуть не упалъ. Къ счастію, никто, кромѣ ея, этого не замѣтилъ, а то... и т. д. Иногда мнѣ вспоминалось дорогое merci, мнѣ кажется, за одно это merci я полѣзъ бы въ огонь и въ воду; за одинъ взглядъ и ласковую улыбку, насмѣшливо

играющую на этихъ губкахъ *), я лишилъ бы себя жизни. Однако не стану описывать того, что̀ каждый найдетъ въ любомъ романѣ, и мнѣ даже досадно становится, что все избито и знакомо всѣмъ и каждому; зачѣмъ не я только одинъ люблю на свѣтѣ?..

На слѣдующій день насъ всѣхъ звали туда обѣдать. Рядомъ со мною сидѣлъ Ваня, а за нимъ Маруся; я старался какъ можно меньше глядѣть на нее, но не могъ. Не знаю. замѣтила ли она, что я на нее заглядывался, или нѣтъ? Дай-то Богъ, чтобы нѣтъ. Какъ мнѣ хотѣлось бы, чтобы она прочла это!

Вечеромъ она все время сидѣла въ гостиной, такъ что я видѣлъ ее только въ то время, когда она разливала чай. Я чуть не до драки поспорилъ съ Ваней: онъ сдѣлалъ веревочный хвостъ и на конецъ привязалъ кусочекъ ваты. Онъ привѣшивалъ это къ Пѣтухову и Петру Васильевичу. Я хохоталъ, какъ и всѣ, но разъ чуть-было не заплакалъ.

Ваня спросилъ:

— Кому бы теперь привѣсить хвостъ? Развѣ Марусѣ?

— Попробуй только!—отвѣчалъ я съ такимъ (вѣроятно) комическимъ видомъ, что Ваня и Вася расхохотались.

— Ну что̀ жъ, и привѣшу, отчего же не привѣсить?—спросилъ онъ.

— Оттого что не посмѣешь!—отвѣтилъ я.

— Кого же мнѣ пугаться, ужъ не тебя ли?—продолжалъ Ваня дразнить.

— Да, меня!

— Да тебѣ-то какое дѣло?

— А вотъ увидишь!

— Ну, что̀ жъ ты сдѣлаешь?

— А я скажу Марьѣ Арсеньевнѣ.

— Да какъ же ты скажешь?

— Скажу, что у васъ сзади хвостъ,—сказалъ я и самъ расхохотался.

Конечно, я споръ поддерживалъ только ради потѣхи, но чуть не заплакалъ, когда Ваня сказалъ, что привѣсилъ хвостъ. Мы всѣ вышли въ залу.—Что̀ это вы меня такъ пристально разсматриваете?—обратилась къ намъ Маруся.—Такъ, ничего,—отвѣчали Вася и Ваня, лукаво улыбаясь и посматривая на меня.

На губкахъ Маруси мелькнула такая ѣдкая и сардоническая улыбка, выраженіе которой нельзя передать.—„Дѣти,

---

*) ? ласковую—насмѣшливую? 1 октября 1877 г.

дѣти", такъ и, казалось, говорила намъ эта улыбка. Я былъ золъ на эту улыбку, и на Васю съ Ваней, на всѣхъ и на все.

Все это ребячество и дѣтскій бредъ, а не Любовь, и какъ надъ этимъ смѣялась она, такъ впослѣдствіи буду смѣяться я самъ. Я хочу казаться ей большимъ, а между тѣмъ поступаю, какъ мальчишка. Мнѣ кажется, что подобная любовь дѣлаетъ и безъ того „не особенно умныхъ дѣтей" еще глупѣе. (Это выраженіе отнесла ко мнѣ одна почтенная дама). А. Ѳ. В.

Но буду продолжать мой разсказъ. Весь вечеръ я только о „ней" и думалъ. Да, я влюбленъ окончательно. На слѣдующій день у меня сильно заболѣла нога. Всѣ обѣдали у насъ. Я не могъ сидѣть за обѣдомъ и очень объ этомъ жалѣлъ. Ваню съ Васей послали въ ту мызу за спускомъ, и они пошли и пропали, а нога болѣла все сильнѣе да сильнѣе. Рѣшили, что надо гольдъ-крема, но такъ какъ онъ былъ на той мызѣ, то попросили Марусю сходить за нимъ. Мнѣ кажется, что мнѣ не столько помогъ гольдъ-кремъ, сколько убѣжденіе, что всякое лѣкарство, которое она держала въ своихъ рукахъ, должно помогать. На слѣдующій день наши уѣхали, оставивъ меня, по случаю ноги (? 31 мая 1876 г.). Вечеромъ я выползъ къ чаю и увидѣлъ ее. На другой день, который долго останется у меня въ памяти, надо было ѣхать въ городъ. Мы, т.-е. Григорій Васильевичъ, Анна Арсеньевна и я, были приглашены обѣдать въ ту мызу. Передъ обѣдомъ Маруся заговорила со мной, но я ей отвѣчалъ какую-то ерунду. Я чувствовалъ, что я краснѣю, мнѣ было очень неловко. Какъ только она ушла, я заглянулъ на себя въ зеркало. Боже! Я былъ похожъ на вареннаго рака! За обѣдомъ я сидѣлъ подлѣ Маруси и былъ очень счастливъ. (?! 31 мая 1876 года). Ахъ, я чувствую, что все, что я пишу теперь, вяло и тупо, я чувствую, что я стою выше этого, я хочу бросить писать, но не могу: чудный образъ ея съ ласковой улыбкой, кажется, и теперь еще стоитъ передо мною и говоритъ: пиши, пиши! Ну, дѣлать нечего, буду продолжать. (Боже, какая ерунда! 31 мая 1876 года). Послѣ обѣда мы сейчасъ же разсѣлись и поѣхали. Впереди ѣхалъ Григорій Васильевичъ съ своимъ товарищемъ, Закревскимъ, потомъ Анна Арсеньевна и Маруся, потомъ я на телѣгѣ. Только-что отъѣхали мы полверсты отъ дому, какъ лошадь Анны Арсеньевны шарахнулась въ сторону и завязла въ снѣгу. Еще минута, и онѣ обѣ вывалились бы, но тутъ мужчины поспѣли имъ на помощь и высадили обѣихъ.

Какъ я проклиналъ мою больную ногу! Я чуть не грызъ себѣ пальцы отъ досады! Поѣхали дальше. Во всю дорогу Маруся оглянулась разъ шесть, и всегда на губкахъ ея играла добрая, свойственная ей улыбка. (Противорѣчіе—31 мая 1876 г.). Каждая изъ улыбокъ этихъ казалась мнѣ солнечнымъ лучемъ, проглянувшимъ сквозь нависшія тучи. Каждая изъ этихъ улыбокъ заставляла сильнѣе биться сердце и скорѣе течь кровь. Я находился въ какомъ-то странномъ состояніи, въ которомъ не могу дать себѣ отчета даже въ настоящую минуту. Одно, что̀ я ясно сознавалъ тогда, это то, что я ее люблю всѣми силами моей души. Можетъ-быть, я слишкомъ вычурно и книжно выражаюсь, можетъ-быть, меня упрекнутъ въ томъ, что это давно извѣстно всѣмъ и каждому. Что̀ жъ дѣлать, я описываю свои чувства, и если они только въ чемъ-нибудь отстаютъ отъ справедливости, такъ это въ томъ, что набрасываютъ лишь слабый очеркъ и даютъ очень блѣдное, въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ я чувствовалъ, понятіе.

Пріѣхали на поѣздъ и... Можно вообразить себѣ досаду всѣхъ нашихъ, кромѣ меня и Маруси: мы опоздали! Когда мы уѣдемъ, вотъ вопросъ, который занималъ меня. Ахъ! Какъ бы подольше остаться въ Лугѣ,—думалъ я,—по крайней мѣрѣ больше возможности видѣть ее! Я узнаю, къ моей величайшей радости, что останемся до 5 часовъ утра, раньше поѣздъ не идетъ.

Я былъ въ такомъ расположеніи духа, что смѣялся рѣшительно надъ всѣмъ и каждымъ. То мнѣ казался смѣшонъ Гр. Вас. съ своимъ романсомъ, который онъ напѣвалъ постоянно:

Отчего я тебя
Такъ безумно люблю.

То казался мнѣ смѣшнымъ городъ Луга, то гостиница, въ которой мы остановились, носящая громкое названіе „Дудки“, то, наконецъ, я самъ. Мнѣ вдругъ показалось, что въ комнату вошла дама, тогда какъ это былъ трактирный слуга, и я отъ души расхохотался. Я былъ въ очень веселомъ расположеніи духа и, кажется, покажи мнѣ палецъ кто-нибудь, я бы расхохотался. Но въ одно мгновеніе веселость моя смолкла при улыбкѣ Маруси! „Дѣти! дѣти“, говорила эта улыбка, и мнѣ стало даже совѣстно, что я дитя и больше ничего. Богъ знаетъ, какія бы я отдалъ сокровища (если бы они у меня были) за то, чтобы въ мигъ превратиться въ 22-лѣтняго молодого человѣка, красавца собою и очень умнаго.

Но:

...Что желать невозможнаго—
Никогда не взойдетъ солнце съ запада!

Я уже сказалъ, что гостиница называлась „Дудки". Надъ этимъ названіемъ было много шутокъ, и даже сложилась впослѣдствіи пѣсня слѣдующаго содержанія:

Какъ въ гостиницѣ-то „Дудки"
Провели однажды сутки.
    Ахъ вы дудки, мои дудки,
    Люли дудочки мои.

Если бъ мы не опоздали,
Вѣрно бъ, въ „Дудкахъ" не застряли.
    Ахъ вы дудки, мои дудки,
    Люли и т. д.

Къ намъ явился въ „Дудкахъ" мальчикъ
(Онъ слуга) съ мизинецъ-пальчикъ.
    Ахъ вы дудки, мои дудки,
    Люли и т. д.

Подавалъ онъ намъ жаркое,
Да прекрасное какое!
    Ахъ вы дудки, мои дудки,
    Люли и т. д.

Ѣли мы пирогъ съ грибами,
Ночевали мы съ звѣрями.
    Ахъ вы дудки, мои дудки,
    Люли и т. д.

Въ „Дудкахъ" мы чаи пивали
Да про Питеръ вспоминали.
    Ахъ вы дудки, мои дудки,
    Люли и т. д.

Мы сидѣли тамъ до свѣта,
Дожидалися разсвѣта
    А теперь конецъ ужъ шутки
    Про гостиницу, про „Дудки"

Григорій Васильевичъ отправился съ Закревскимъ на станцію, чтобы просить, чтобъ насъ взяли на товарный, но напрасно. Пока онъ тамъ разговаривалъ, я остался съ Анной Арсеньевной и Марусей. Я болталъ всякую чепуху и вообще показалъ себя, какъ самый глупый ребенокъ. Мнѣ бы хотѣлось впослѣдствіи серьезностью искупить мою притворную веселость. Наконецъ пришелъ Григорій Васильевичъ и Закревскій. Они хлопотали неудачно. Григорій Васильевичъ спросилъ себѣ чаю. Когда мы напились, то отправились гулять по Лугѣ.

Луга—небольшой уѣздный городокъ; если считать тамъ каменныя зданія, то едва ли наберется пять. Тротуаръ не вымощенъ, и потому весною ужасная грязь. Въ Лугѣ есть двѣ церкви, и начали теперь строить еще соборъ. Главная улица Луги служитъ Невскимъ проспектомъ для жителей: на ней выстроенъ Гостиный дворъ, и она же служитъ для гулянья жителямъ. Одна аптека, двѣ гостиницы и трактиръ, вотъ зданія, которыя бросаются въ глаза по причинѣ своихъ сравнительно громадныхъ и разукрашенныхъ вывѣсокъ.

Въ заключеніе остается сказать нѣсколько словъ о лужскихъ жителяхъ. Можно подумать, что въ Лугѣ вовсе нѣтъ стариковъ: я всего одного и видѣлъ, да и то пріѣзжаго крестьянина! По вечерамъ на главной улицѣ Луги устраивается гулянье, если такъ можно выразиться, гулянье молодежи, группами ходящей въ самыхъ яркихъ костюмахъ и преимущественно шляпкахъ, взадъ и впередъ. Вотъ все, что можно сказать о Лугѣ, и еще, виноватъ, позабылъ-было: въ Лугѣ изобилуютъ звѣри двухъ породъ: собаки и блохи!

Возвратившись въ гостиницу, Григорій Васильевичъ спросилъ чаю. (Отъ-нечего-дѣлать начали пить). Напившись чаю, мы поужинали въ вокзалѣ и опять пришли въ славныя „Дудки“. Григорій Васильевичъ и Закревскій начали играть въ карты, а мы отъ-нечего-дѣлать опять за чай китайскій.

Черезъ полчаса меня и Марусю пригласили играть въ короли. Игра была оживленная, и мѣста постоянно мѣнялись. Въ концѣ концовъ Григорій Васильевичъ сдѣлался королемъ, Маруся принцессой, Закревскій солдатомъ, а я—мужикомъ. (Знать, ужъ мнѣ несчастье такое!) Впрочемъ, говорится, что „кто въ картахъ несчастливъ, тотъ въ любви счастливъ“.

Да, я еще упустилъ одно маленькое происшествіе: передъ тѣмъ, какъ играть въ короли, я попросилъ бумаги и карандашъ и началъ, вдохновясь, писать стихи. Я открылъ, какъ выражается Лермонтовъ,

Еще невѣдомый и дѣвственный родникъ,
Простыхъ и сладкихъ звуковъ полный.

Я сочинилъ стихи, но такъ какъ они еще не окончены, то помѣщу ихъ послѣ.

Когда я писалъ, то Григорій Васильевичъ говорилъ: „Это онъ насъ съ вами, Александръ Александровичъ (такъ зовутъ Закревскаго), обличаетъ“.—„А я знаю, что ты теперь пишешь“,—сказалъ онъ.

— Что?—спросилъ я.

— Ты пишешь,—возразилъ Григорій Васильевичъ,—вотъ что̀: „Тамъ была одна очень миленькая барышня, которую звали Маруся, и я замѣтилъ, что она нѣсколько разъ бросала на меня свои взоры“. Такъ, что ли?—спросилъ онъ.

Я отрицательно покачалъ головой, но самъ покраснѣлъ, какъ маковъ цвѣтъ, по нашему народному выраженію; кажется, этого никто не замѣтилъ.

— Ну что̀ жъ! По-твоему Маруся не миленькая развѣ?—дразнилъ Григорій Васильевичъ.

— Я никогда не говорю свое мнѣніе въ присутствіи лицъ, о которыхъ говорится!

— Это колко!—замѣтилъ Григорій Васильевичъ.—А если ты влюбленъ, то это ничего. Я самъ былъ влюбленъ въ твои лѣта. Блаженъ, кто рано былъ влюбленъ!

— Счастливъ, кто смолоду былъ молодъ,
Счастливъ, кто во̀-время созрѣлъ,—

отвѣчалъ я стихами Пушкина. Я взглянулъ на Марусю. „Дитя!“—говорила ея улыбка, и я прекратилъ мои ораторствованія. Мнѣ показалось, что все, что̀ я говорилъ, было такъ пошло, избито и гадко, что и говорить не стоило. Мнѣ кажется, что она дѣлала мнѣ милость, улыбаясь. Можетъ-быть, она припоминала подобныя рѣчи свои въ своемъ дѣтствѣ въ Смольномъ, въ разговорѣ съ подругой? Все можетъ быть, но мнѣ, не знаю почему, напомнились наши разговоры съ товарищемъ Вальбергомъ. Я вспоминалъ, какъ, бывало, въ большую перемѣну, послѣ обѣда, мы выбирали темный уголокъ и долго разговаривали другъ съ другомъ. Пламя отъ печки краснымъ свѣтомъ обдавало голыя стѣны нашего коридора, и я помню, какъ восхищался имъ тогда. Я помню, какъ шопотомъ съ жаромъ разсказывалъ Вальбергу чуть не въ сотый разъ подробности бала у Сазоновыхъ! И сотый разъ разсказъ этотъ доставлялъ мнѣ наслажденіе. Я помню, какъ въ свою очередь Вальбергъ мнѣ разсказывалъ, гдѣ и когда видѣлъ онъ Эльзу Каврайскую въ послѣдній разъ, что̀ она говорила и что̀ онъ ей отвѣчалъ. И мнѣ казалось въ тѣ минуты, что ничего выше, святѣе и поэтичнѣе этого быть не можетъ. А въ залѣ раздавались веселые крики товарищей, то сильнѣе, то слабѣе доносящіеся до насъ. Я задумался и надѣлалъ глупостей въ картахъ, машинально ходя то тою, то другой.

Игра кончилась, и мы разошлись спать по своимъ номерамъ.

На другой день я проснулся въ половинѣ четвертаго и разбудилъ Закревскаго, спавшаго въ одномъ номерѣ со мною. Вскорѣ замѣтно было движеніе и въ тѣхъ двухъ номерахъ. Наконецъ мы одѣлись и отправились на поѣздъ. Напившись чаю и послѣ нѣсколькихъ перемѣщеній изъ вагона въ вагонъ, изъ одного мѣста въ другое, мы усѣлись. Въ вагонѣ почти всю дорогу никого не было, только передъ самимъ Петербургомъ сѣла какая-то старуха да еще одна горничная. Я сидѣлъ такъ, что почти все время видѣлъ „ея" личико. Она, какъ мнѣ казалось, не спала, а только представлялась спящею. Полное личико, дугообразныя брови, чудные глаза, правильно вздымающаяся грудь понравились бы всякому.

Маруся знала, что она хороша, она гордилась своею красотой, но не кокетничала. Она еще не научилась этому у нынѣшнихъ барышень.

Подъ конецъ пути, передъ самымъ Петербургомъ, проснулись Григорій Васильевичъ, Маруся и Закревскій, я всю дорогу не спалъ, а любовался Марусей. Я разговорился съ Закревскимъ и когда оглянулся въ ту сторону, гдѣ сидѣли остальные, то увидѣлъ, что Анна Арсеньевна спала, а Григорій Васильевичъ о чемъ-то разговаривалъ съ Марусей. О чемъ они говорили, я не слышалъ, но видѣлъ, что Маруся сильно покраснѣла. Что̀ такое? подумалъ я. Въ это самое время Маруся, громко отчеканивая слова, сказала своимъ чуднымъ голосомъ:—„Полно вамъ, Григорій Васильевичъ, глупости говорить". Лицо ея было такъ мило, такъ весело! Я не знаю самъ, что̀ я чувствовалъ. Какъ мнѣ было тогда пріятно и весело! Наконецъ пріѣхали въ Петербургъ въ одиннадцатомъ часу, я распростился съ Бардовскими и Марусей и отправился домой, полный сладкихъ воспоминаній и воздушныхъ надеждъ. Цѣлое лѣто я буду имѣть возможность ее видѣть, не заманчивая ли перспектива?

Однако я все описывалъ, что̀ было тогда, а о теперешнемъ не говорю ни слова оттого, что нечего говорить. Я берегу и лелѣю одну мечту, одну надежду, какъ бы поскорѣе увидѣть „ее".

18, 19, 20 и 21 прошли безъ всякихъ событій и приключеній, пишу изъ гимназіи. Ахъ, хоть бы поскорѣе отпускъ, а съ нимъ надежда видѣть Марусю!

---

22 апрѣля. Я позабылъ въ дневникѣ за 1875 годъ Вторникъ 17 апрѣля написать, что видѣлъ Нюшу, мою дорогую

сестренку. Да, третьяго-дня былъ у Егерева въ балаганѣ. Видѣлъ что-то волшебное и очаровательное: представляли клоуны, братья Галлонъ-Ли. Стрѣлялъ изъ ружья, раза три попалъ въ цѣль, и ѣздилъ на каруселяхъ. Окончательно рѣшили взять въ деревню француза—мальчика Альбера; я опасаюсь соперничества, строю планы и воздушные замки и размышляю о томъ, какъ лучше проводить время въ деревнѣ. Ходилъ на плацъ и видѣлъ уже много свѣжей, ярко-зеленой травки, она привѣтливо выглядывала между сѣдою прошлогоднею травою. Изъ головы не выходитъ образъ Маруси, мнѣ совѣстно, что я ее такъ фамильярно называю; что дѣлать, это имя поэтичнѣе и больше мнѣ нравится, а я думаю, что она никогда не прочтетъ то, что теперь пишу. Скучно по обыкновенію, какъ бываетъ скучно въ гимназіи. Вспоминаю о томъ времени, которое провелъ въ Берегу.

23 апрѣля 1875 года. Среда. Что за чудные деньки теперь настали! Нева разошлась, солнышко почти не заходитъ ни на минуту, такъ тепло и пріятно. Жду съ нетерпѣніемъ мая, а съ нимъ и экзаменовъ, чудное время. Я помню, какъ мы съ Вальбергомъ вечеромъ на плацу, лѣниво потягиваясь на травкѣ, любовались солнечнымъ закатомъ. Хорошее было время! Мы тогда были маленькіе ребята, а теперь большіе ребята! Премилыя выраженія, не правда ли? это сочиненіе Вальберга, онъ постоянно улыбается, когда говоритъ это. А странный человѣкъ этотъ Вальбергъ! Онъ, кажется, считаетъ величайшей добродѣтелью человѣка—твердость характера и желѣзную волю! Это хорошо имѣть, конечно, но есть гораздо лучшія чувства и качества. Мнѣ кажется, что человѣкъ скупой непремѣнно долженъ быть сквернымъ, и скупость такъ противна мнѣ, что я никогда не сближусь и не полюблю скупыхъ. Я люблю людей веселыхъ, но не черезъ мѣру, непремѣнно честныхъ, не скупыхъ, серьезныхъ когда надо и умѣющихъ сосредоточиваться на одномъ, правдивыхъ и еще тѣхъ, у которыхъ въ душѣ есть

Еще невѣдомый и сладостный родникъ,
Простыхъ и сладкихъ звуковъ полный.

У меня всѣ люди раздѣляются на двѣ половины: на людей живыхъ и людей мертвыхъ. Самое главное и отличительное свойство людей живыхъ—это любовь къ природѣ, способность восхищаться, познавать ея красоту и глубоко чувствовать превосходство надъ собою всего прекраснаго и высшаго. Къ моимъ живымъ людямъ я отношу художниковъ, писателей романовъ, народныхъ сказокъ, разсказовъ, повѣстей и иногда

писателей для театра. Кромѣ того, во главѣ ихъ я ставлю поэтовъ, каковы, напр.: Гоголь, Пушкинъ, Лермонтовъ, Некрасовъ, Кольцовъ и Никитинъ, а также нѣсколько извѣстныхъ мнѣ хорошо особъ женскаго пола. Къ мертвымъ—купцовъ, ученыхъ, погруженныхъ только въ свои расчеты и кромѣ нихъ ничего не видящихъ и не понимающихъ. Недавно я замѣтилъ, что есть люди, не подходящіе ни къ одному ни къ другому разряду. Это такъ называемые мною средніе люди. Къ нимъ принадлежитъ большее число людей. Эти средніе люди могутъ легко сдѣлаться или живыми, или мертвыми, смотря подъ какимъ вліяніемъ они находятся. Къ несчастію, чаще всего эти средніе люди дѣлаются пошлецами и не приносятъ никакой пользы отечеству, ни своею ученостью, ни умными и обдуманными стихами, ни прозой. Люблю пофилософствовать и помечтать—это моя страсть. Интересно мнѣ знать, вѣрны ли мои умствованія и, если невѣрны, есть ли въ нихъ хоть капля здраваго смысла? Авось-то есть. Мнѣ свѣтъ и люди представляются далеко не въ розовомъ свѣтѣ, и жизнь, какъ сказалъ Лермонтовъ, мнѣ кажется ни больше ни меньше, какъ

„Пустая и глупая шутка".

Однако веселое весеннее утро вовсе не располагаетъ къ мрачнымъ мыслямъ, наоборотъ, я веселъ и самъ не знаю, какъ мнѣ на умъ взбрело сегодня философствовать. Ну, пока лѣнь писать, вѣроятно, вечеромъ еще поупражняюсь въ изложеніи задушевныхъ мыслей на бумагѣ.

Третій урокъ. Пока Шебальскій объясняетъ что-то Куряжскому, что̀ я знаю, я хочу еще побесѣдовать съ Дневникомъ.

Что̀ у насъ за личности въ классѣ, что̀ за типы. Я постараюсь по порядку сказать нѣсколько словъ о каждомъ. Аксеновъ—добрый, начитавшійся слишкомъ много Майнъ-Рида и Густава Эмара, яростный поклонникъ Жюля Верна и бредящій кораблемъ, который могъ бы плавать подъ водою. NN.—скверная, трусливая, честолюбивая и злая душонка, выскочка и готовый употребить всякія средства для достиженія цѣли. Мельницкій—такъ называемый средній человѣкъ, неглупый и добрый малый, * добродушный, но не совсѣмъ честный, ** жестокій и злой, Имеретинскій—неглупый, но поддающійся вліянію другихъ, Александеръ—одинъ изъ немногихъ живыхъ людей, Куряжскій—также. Сухотинъ—добрый и честный мальчикъ, относится къ среднимъ. *** дрянная личность, навязчивый и мстительный. **** соеди-

неніе всего дурного: лгунъ, хвастунъ, франтъ, о нравственности его и говорить не стòитъ. Орфеновъ—одинъ изъ немногихъ живыхъ людей, но со странностями. Новицкій—добрый, но легкомысленный, Ивановъ—добрый и честный, но со странностями, любитъ все въ миніатюрѣ. Г—ъ—болѣзненная и странная личность, я его совсѣмъ не знаю. Левашовъ странный, онъ добръ и вмѣстѣ съ тѣмъ вспыльчивъ, любитъ похвастаться молодечествомъ: знайте, дескать, нашихъ. Власьевъ—добрый малый, хорошій человѣкъ, ужасно любитъ болтать. Борейша довольно добръ, но мстителенъ. XX корчитъ изъ себя ребеночка, дуракъ, по моему мнѣнію, и больше ничего. К... избалованъ и хочетъ изъ себя сдѣлать сочинителя; хорошъ, когда по сочиненіямъ самые плохіе баллы. Д... ужасно любитъ болтать, корчитъ изъ себя второго Донъ-Кихота, начитался разныхъ рыцарскихъ романовъ Вальтеръ-Скотта, обожаетъ Густава Эмара. Трубецкой любитъ читать, бѣгло говоритъ по-французски. Целтко — гордая, честная натура, ужасно озлобленъ противъ всего, храбрецъ, любитъ все удалое и смѣлое, первый стоитъ за классъ. Викгорста я не знаю, силачъ, страстный любитель чтенія и ливерной колбасы (?! 31 мая 1876 г.). Эризосканео—румынъ, добрый, но со странностями мальчикъ. Вальбергъ—одинъ изъ лучшихъ моихъ друзей. Задушевнее желаніе его быть историческимъ художникомъ. Чрезвычайно развитой, начитанный и остроумный. Любитъ похохотать, за чтò часто платится. Максимовичъ — добрый мальчикъ, развитой, по своимъ лѣтамъ почти младшій изъ всего класса. Я суть Я. Затѣмъ N. — французъ, смѣсь хорошаго съ дурнымъ. NN.—лѣнтяй, извощикъ, въ смыслѣ громаднаго запаса ругательныхъ словъ. Глупъ непроходимо и хочетъ быть живымъ, по самъ пошлая личность и больше ничего, самый худшій изъ всего класса. Я еще не сказалъ ничего о Дорофѣевскомъ. Добрый и хорошій, но слишкомъ самолюбивый. Вотъ личности, вотъ общество, которое окружаетъ меня въ гимназіи; вотъ кругъ, въ которомъ я долженъ вращаться еще цѣлыхъ четыре года. Жду съ нетерпѣніемъ каникулъ, какъ обновленія. Послѣ, вѣроятно, еще буду писать.

24 апрѣля 1875 года. Четвергъ. Какое счастье! Вчера отъ радости даже писать не могъ! Меня выбрали играть на скрипкѣ, вчера послѣ обѣда бралъ первый урокъ, а сегодняшнюю ночь мнѣ не спалось, и я сочинилъ стихи подъ номеромъ 8 „Ночь на озерѣ“. Какъ всякій влюбленный посвящаетъ свои лучшія произведенія предмету страсти, если онъ, конечно, ихъ производитъ, такъ и я посвящаю мое про-

изведеніе дорогой Марусѣ. Я попрошу Александра Өедоровича, учителя музыки, положить ихъ на музыку и выучить меня играть ихъ на скрипкѣ. То-то будетъ радость для меня! Я тогда въ деревнѣ, если случится тамъ вечеромъ кататься на лодкѣ, возьму съ собою скрипку и буду играть и пѣть. Экія воздушныя мечты! Слабошевича нѣтъ, сегодня я долженъ рапортовать учителю, какъ второй ученикъ. Пріятно и страшно. Однако сейчасъ начнется урокъ, надо узнать, кого нѣтъ въ классѣ, а то, пожалуй, невѣрно отрапортую.

Вечеръ, вторыя занятія! Ярко свѣтитъ солнышко и какъ бы прощается съ нами на всю ночь, долгую, туманную. На меня по вечерамъ находитъ вдохновеніе, и я обыкновенно вечеромъ сочиняю стихи. Ну, пора, однако, приготовлять уроки, а то, чего добраго, не схватить бы дурного балла, это будетъ скверно!

---

25 апрѣля 1875 года. Пятница. Какое утро, настоящее весеннее. Невольно забываешь почти все, кромѣ того, чтобы любоваться природой и Марусей. Написалъ стихотвореніе: „Ноченька“, — ничего вышло, порядочно. Писать нечего, все идетъ своимъ порядкомъ, какъ обыкновенно въ гимназіи. Мечтаю объ отпускѣ и о Марусѣ.

---

26 апрѣля 1875 года. Суббота. Сегодня въ отпускъ, ура! Баллы порядочные: по-французски 8 и 9 и по естественной исторіи 9. Кто бы отгадалъ, о чемъ я спорилъ сейчасъ? О знаменитомъ спиритѣ, Бредифѣ. Я стою за существованіе духовъ, но почти всѣ мнѣ возражаютъ. Дѣйствительно, поднятіе стола на воздухъ и другія подобныя штуки могутъ вскружить голову всякому. Странно подумать, что даже въ тѣ минуты, когда предполагаешь, что никто не видитъ тебя и не знаетъ сокровенныхъ твоихъ мыслей, около присутствуетъ духъ, всезнающій, всемогущій. Чтобы отогнать непріятное впечатлѣніе, произведенное на меня разсказомъ очевидца—Куряжскаго, я началъ развлекать себя дневникомъ. Ну, до понедѣльника писать не буду. Въ воскресенье къ себѣ приглашаетъ Аксеновъ. Вѣрно, будетъ весело, впрочемъ, не знаю. Какія надежды принесетъ съ собою этотъ отпускъ и принесетъ ли ихъ?

28 апрѣля. Понедѣльникъ. По порядку надо, какъ провелъ субботу и воскресенье. Выхожу изъ гимназіи вмѣстѣ съ Бруни... но надо однако сказать, кто такой Бруни. Бруни одного со мною класса, но другого отдѣленія и возраста.

Очень развитой и добрый мальчикъ. Простой характеръ его мнѣ понравился, и мы, не знаю какъ, сошлись и стали друзьями. Мы ходимъ вмѣстѣ почти каждую субботу. Итакъ, когда мы вышли съ Бруни изъ гимназіи, встрѣтили Васю. Бруни знакомъ съ Васей довольно коротко, и они говорятъ на „ты“. Ну, тутъ сейчасъ же начали разсказывать разныя новости: Вася сказалъ, что выдержалъ экзаменъ по-латыни въ прогимназію и что остальные будетъ держать въ среду. Я ему съ своей стороны сообщилъ, что выбрали меня играть на скрипкѣ. Тутъ онъ сказалъ, что на недѣлѣ у насъ была Маруся, нѣтъ, это скверно, что я ее такъ называю, я ее буду называть полнымъ именемъ, а то, право, неловко, и перо какъ-то не пишетъ. Итакъ, у насъ на недѣлѣ была Марья Арсеньевна, Анна Арсеньевна и Григорій Васильевичъ. Анна Арсеньевна сказала, что я самъ виноватъ, если у меня сильнѣе разболѣлась нога, такъ какъ почти всю дорогу изъ Луги до Петербурга стоялъ. (А стоялъ я затѣмъ, что когда „она“ пересѣла, я, сидя на своемъ мѣстѣ, не могъ ея видѣть.) „Марья Арсеньевна,—разсказывалъ Вася,—разсмѣялась, когда Анна Арсеньевна это сказала, а я захохоталъ и убѣжалъ въ другую комнату“. Ну, не оселъ ли онъ послѣ этого, и стòитъ ли ему разсказывать что-нибудь?

„А знаешь что̀, Надсонъ,—сказалъ вдругъ Бруни,—ты сегодня встрѣтишь Сазонову“.—„Вотъ-то будетъ гадость, я тогда нарочно перейду на другую сторону, она только дѣвчонка и больше ничего“,—сказалъ я и задумался. О чемъ же? Объ этой самой „дѣвчонкѣ“. Мнѣ вспомнился балъ у Сазоновыхъ, впечатлѣніе, произведенное чудными глазами Саши на меня, вспомнились мнѣ мои безсонныя ночи, проведенныя въ воспоминаніяхъ, дорогихъ и милыхъ сердцу, и мнѣ странно показалось, какъ можно такъ скоро разлюбить. Однако мы дошли до того мѣста, гдѣ должны были разойтись съ Бруни, и, попрощавшись съ нимъ, пошли дальше. Почти у самаго дома я замѣтилъ на другой сторонѣ Сазонову.—„Перейдемъ на ту сторону къ ней“,—предложилъ Вася. Перешли и начали съ ней болтать. Мнѣ она очень понравилась, я чуть-чуть опять не влюбился, но воспоминаніе о Марьѣ Арсеньевнѣ сейчасъ же отогнало объ этомъ всякую мысль. Пришли домой, пообѣдали, поговорили, поговорили и спать легли. Въ воскресенье приглашалъ Аксеновъ, я пошелъ къ нему. Было довольно весело, вмѣстѣ съ Аксеновымъ ходилъ на цвѣточную выставку, особенно хорошаго тамъ ничего не было. Сегодня сочинилъ подъ вліяніемъ грустныхъ мыслей стихотвореніе „Былинка“. Сегодня была первая гроза.

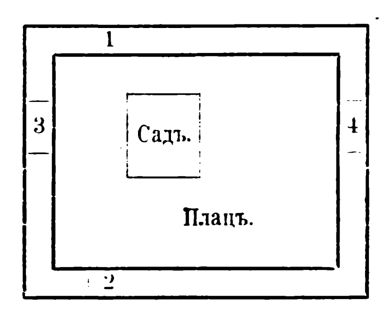
Воздухъ свѣжій. Еще и теперь льетъ дождь. Пока больше писать не буду, надоѣло.

29 апрѣля. Вторникъ. Вчера взялъ второй урокъ на скрипкѣ. Ну, сглазилъ я погоду: дождикъ льетъ, грязь, слякоть, нельзя выходить. Скучно, дѣлать нечего, мечтаю, — это одно мое развлеченіе. Передать ли бумагѣ мои мечтанья? Я согласенъ, что это воздушные зàмки, но они мнѣ доставляютъ удовольствіе. Всякій можетъ догадаться приблизительно, что я думаю только о каникулахъ, да о томъ, когда и гдѣ увижу Марью Арсеньевну. Я не знаю, какъ я буду себя держать при ней. Вѣроятно, смѣшаюсь, покраснѣю. Ахъ, какъ жалко, что мы такъ далеко живемъ, я бы все время гулялъ около, въ надеждѣ ее встрѣтить. Хотя, конечно, мнѣ ничего не значитъ пойти туда, но, когда узнàютъ, что я такъ далеко гуляю, мнѣ попадетъ. А узнàютъ навѣрное, такъ какъ надобно по крайней мѣрѣ два часа, чтобы побывать тамъ и вернуться домой. Къ тому же я гуляю почти всегда съ Васей, а онъ ни за что не согласится итти въ такую даль, тѣмъ болѣе, что можетъ догадываться, что я хожу для того, чтобы хоть на одно мгновеніе увидѣть Марусю. Скука ужасная, дѣлать нечего; уроковъ нѣтъ, да если бы и были, не сталъ бы теперь готовить: ни за что приниматься не хочется. Читать бы, — да нечего, вотъ до чего тутъ могущественна скука, что одинъ изъ товарищей, В., даже вѣшаться собирался, да больно стало. Чтò дѣлать? Скучать! Больше нечего.

30 апрѣля 1875 года. Среда. Вчера у насъ въ гимназіи произошло нѣчто, заставившее задуматься весь классъ. По случаю жары окна у насъ открыты. Двое изъ товарищей К. и Н., только Н. не Надсонъ, а другой, вздумали похвастаться своею храбростью и спустились по трубѣ на плацъ и потомъ обратно влѣзли въ окно по трубѣ же. Мы восхваляли ихъ храбрость, не подозрѣвая, что есть и другіе, кто видѣлъ это воздушное путешествіе, и что эти другіе могутъ довести его до свѣдѣнія начальства (говоря дѣловымъ тономъ). Плацъ нашъ лежитъ въ серединѣ и окруженъ со всѣхъ четырехъ сторонъ зданіемъ гимназіи, ея внутренними стѣнами. Это имѣетъ такой видъ.

Изъ окна стѣны № 1 спускались К. и Н. по трубѣ, а изъ оконъ № 3 видѣли это воспитанники старшаго возраста и ихъ воспитатель, который послалъ къ намъ одного изъ воспитанниковъ. Этотъ передалъ нашему воспитателю, что два какихъ-то воспитанника спускались по трубамъ изъ второго этажа на плацъ.

Мы рѣшили всѣмъ классомъ не выдавать виновныхъ. Но эта штука дошла до свѣдѣнія нашего отдѣленнаго воспита-

теля, онъ подвергался бы большой отвѣтственности, если бы случилось какое-нибудь несчастье, а оно могло бы легко случиться: труба очень непрочна. Нашъ воспитатель хотѣлъ даже выйти изъ гимназіи совсѣмъ (выйти изъ гимназіи—наше казенное выраженіе, оно означаетъ, что воспитатель не хочетъ болѣе служить въ гимназіи). Нашъ воспитатель человѣкъ очень добрый, по его милости многіе въ прошломъ году перешли въ слѣдующій классъ, когда они должны бы были остаться во второмъ. Поэтому желаніе его насъ оставить заставило задуматься насъ. Мы рѣшили себя хорошо вести. При этомъ рѣзко выдѣлились характеры многихъ. Большая часть рѣшила вести себя хорошо, но иные, во главѣ которыхъ стоялъ Львовъ, кричали, что надо устроить бенефисъ. Бенефисомъ у насъ называется слѣдующее: классъ, устраивая какому-нибудь воспитателю бенефисъ, сговаривается выкидывать съ воспитателемъ всевозможныя вещи. Къ числу болѣе употребительныхъ принадлежитъ вечеромъ, когда всѣ улягутся въ постели, бѣгать въ простыняхъ по спальнымъ камерамъ, по коридорамъ, по залу, мимо комнаты воспитателя, однимъ словомъ, по всему возрасту. Поднимается шумъ, гамъ, крикъ, въ музыкальной комнатѣ страшная ушидрательная музыка на разныхъ инструментахъ; всѣ возятся, хохочутъ, снуютъ взадъ и впередъ, и повсюду только слышны восклицанія: „Бенефисъ!“, „Бенефисъ!“ Въ постеляхъ остаются очень немногіе, и я никогда не принималъ участія въ подобныхъ выраженіяхъ нелюбви къ воспитателю. Я горою стоялъ за то, что, наоборотъ, надо извиниться передъ нимъ, и мало-по-малу на мою сторону начали переходить многіе, побѣда была одержана! Львова чуть я не поколотилъ, онъ этого очень стоилъ. Наконецъ, когда почти всѣ возстали противъ „бенефиса“, онъ долженъ былъ также смириться. Ну, больше писать не о чемъ, прибавлять каждый день, что скучно, становится скучно! Все мечтаю о Марьѣ Арсеньевнѣ. А вѣдь хорошенькая, а?

1 мая 1875 года. Четвергъ. Сегодня чудесный день, погода теплая, а все-таки скучно, скучно, скучно. Прочелъ книгу Густава Эмара: „Благородное сердце“, окончаніе первой серіи его романовъ. Я почти всѣ его романы перечиталъ, ужасно невѣроятныя приключенія, чепуха! Можно себѣ представить, до чего у насъ нельзя рѣшительно ничего дѣлать. Мы съ В. вѣшаться хотѣли, да веревки нигдѣ не могли найти. Ну, какъ это вамъ покажется, что̀ дѣлать прикажете? Нѣтъ возможности что-либо дѣлать, рѣшительно нечего. Ахъ, если бы скорѣе каникулы!

2 мая 1875 года. Пятница. Что̀ за чудеса, право, все во снѣ одно и то же снится. Вечеромъ видѣлъ себя въ Берегу, третьяго-дня и сегодня; чудеса да и только, право. Прочелъ Марлинскаго сочиненія, два тома, да кромѣ того отдѣльный его романъ „Амалатъ-Бекъ“; мнѣ не нравится, читаю оттого, что другого ничего нѣтъ. Въ нашей библіотекѣ я все перечиталъ. Да и вся-то библіотека нашего возраста не богата: всего-то книгъ двѣсти и нѣкоторыхъ по нѣскольку экземпляровъ. Да и что̀ за книги: нѣсколько сочиненій Майнъ-Рида, одинъ романъ „Юрій Милославскій“ Загоскина, а тамъ кусочки изъ Пушкина и Лермонтова: „Капитанская дочка“, „Пѣсня про купца Калашникова“, „Сорочинская ярмарка“ Гоголя, потомъ сказки Данилевскаго, нѣсколько номеровъ „Вокругъ Свѣта“, „Отъ земли до луны“, „Дѣти капитана Гранта“, „Подъ водой“ Жюля Верна, „Россійская исторія“ Карамзина, „Разсказы изъ русской исторіи“ Чистякова, „Жизнь-Дневникъ“— его же, „Русская исторія“ Павловича, „Исторія кусочка хлѣба“, нѣсколько номеровъ журнала для дѣтей—Чистякова, „Чудеса страны пирамидъ“ О—ля, „Очерки Америки“ Гер—некера, „Великій предводитель Аукасовъ“ Густава Эмара, нѣсколько разрозненныхъ номеровъ „Библіотеки для воспитанія“, нѣсколько же номеровъ „Дѣтскаго Чтенія“, „Онѣгинъ“, „Изъ воспоминаній кавказскаго офицера“, „Разсказы изъ путешествій“ и еще нѣсколько незначительныхъ книгъ. Вотъ и вся наша казенная библіотека нашего возраста. Если я читаю хорошія книги и романы, какъ, напримѣръ: „Лѣсничій“, „Страшное искушеніе“, „Война и миръ“, „Давидъ Коперфильдъ“, „Въ кандалахъ“, „Людовикъ Четырнадцатый“, повѣсти Чистякова, „Ледяной домъ“, „Искуситель“, „Трилиственникъ“, „Два брата“, „Домъ привидѣній“, Сочиненія Лермонтова, „Какъ я отыскалъ Ливингстона“, „Тидія и Цейлонъ“, „Дворянское гнѣздо“, „Вудстокъ“, „Монастырь“ и другія, то обязанъ этимъ Борису Александровичу, моему воспитателю, нѣкоторымъ товарищамъ, абонированнымъ въ разныхъ библіотекахъ, и Васѣ.

Книжки, какъ напримѣръ „Евгенія, или Тайны французскаго двора“, мелкіе разсказы Гофмана, „Ваня“—Скавронскаго, „Дѣтство, отрочество и юность“, „Разсказы доброй сосѣдки“, Жуковскій, Тургеневъ („Записки охотника“ и другіе разсказы, напримѣръ, „Рудинъ“, „Затишье“, „Два пріятеля“, „Живыя мощи“, „Странная исторія“ и другія), Гончаровъ („Фрегатъ Паллада“, „Обрывъ“), „Свой хлѣбъ“—Рѣшетникова, „На распутьѣ“—Авсѣенко, „Дача на Рейнѣ“—Ауэрбаха, нѣсколько повѣстей и разсказовъ Лѣскова-Стебницкаго, нѣсколько книгъ Чистякова, Макаровой-Ростовской, „Моя юность“, много дѣтскихъ книгъ и разныхъ сказокъ, „За скипетры и короны“, „Европейскіе типы“, „Эпигоны“—Самарова, „Брянскіе лѣса“, „Искуситель“—Загоскина, да не переписать всѣхъ, очень ихъ много. Я прочелъ эти книги, еще бывши въ Кіевѣ, и многія изъ нихъ сильно на меня вліяли.

Думаю написать повѣсть „Подкидышъ“. Тема вотъ какая: въ Петербургѣ живетъ бѣдный сапожникъ съ женой и сыномъ. У него не хватаетъ средствъ содержать всѣхъ. Во время разсказа жена сапожника больна. Черезъ нѣсколько дней она умираетъ, производя на свѣтъ новое существо, второго сына. Сапожникъ не имѣетъ средствъ найти кормилицу и, посовѣтовавшись, подкидываетъ мальчика одному доктору. Докторъ человѣкъ добрый, вдовецъ. Хотя онъ имѣетъ сына шести лѣтъ, но принимаетъ въ домъ маленькаго подкидыша; подкидышъ растетъ, считая отцомъ своимъ доктора. Случайно онъ открываетъ, что докторъ ему не отецъ. Его и сына доктора отдаютъ въ гимназію. Въ гимназіи онъ дружится съ однимъ мальчикомъ и узнаётъ, что это его старшій братъ, сынъ сапожника; сапожнику помогаетъ какой-нибудь благодѣтель, и тотъ открылъ свой магазинъ въ какомъ-нибуь городѣ, далеко отъ столицы, а старшаго сына послалъ въ гимназію, гдѣ они и сошлись. Остается нѣсколько дней до выпуска, и вотъ, блистательно выдержавъ экзаменъ, оба брата получаютъ отъ доктора, которому они уже сообщили все, подарокъ въ нѣсколько десятковъ рублей и ѣдутъ обратно къ отцу. Въ заключеніе оба женятся въ своемъ городѣ и живутъ счастливо, можетъ-быть, и до сихъ поръ, если не умерли. Вотъ, можетъ-быть, лѣтомъ буду писать, можетъ-быть, раньше, а еще вѣрнѣе: никогда! Ну, пока больше не о чемъ писать, вѣроятно, вечеромъ побесѣдую съ дневникомъ еще!

2 мая. Пятница. Завтра въ отпускъ, а сегодня: скучно + грустно + невесело + гадко + мерзко + просто надо повѣситься на сегодня, а завтра итти въ отпускъ.

3 мая 1875 года. Суббота. Слава Богу, наконецъ насту-

пила суббота, черезъ десять минутъ въ отпускъ. Теплынь страшная. Живу еще пока только ожиданіемъ отпуска, не жди я его, повѣсился бы. Вы смѣетесь? да и я также. Однакожъ прощайте до понедѣльника и до новыхъ восклицаній: Скука, скука!

7 мая. Среда. Ничего не писалъ про воскресенье, понедѣльникъ и вторникъ, потому что былъ занятъ одной сдѣлкой: я не купецъ, т.-е. не люблю ничего покупать и продавать, хотя это очень развито въ гимназіи, но въ отношеніи книгъ я окончательно перемѣняюсь. У меня какая-то жажда къ ихъ пріобрѣтенію, страшная, непонятная; я готовъ голодать, но лишь бы пріобрѣсти побольше книгъ. На этой недѣлѣ мнѣ повезло. Хотя и пострадаетъ мой желудокъ, такъ какъ у насъ ѣда обыкновенно употребляется вмѣсто денегъ, но зато я пріобрѣлъ нѣсколько романовъ и успѣлъ ихъ прочесть. Они суть: „Игорный домъ“, романъ Андріена Пола, два тома, „Мисъ Буря“, романъ Амедея Ашара, „Горасъ Сольтоунъ“, романъ Теккерея, „Золотой браслетъ“, романъ Максима дю-Канна и „Дядя и племянникъ“, повѣсть какого-то Конметело. Больше всего мнѣ нравится „Мисъ Буря“ и „Дядя и племянникъ“. Этотъ небольшой запасъ книгъ я постараюсь взять съ собой въ деревню, въ Берегъ. Можетъ-быть, кому-нибудь изъ тамошнихъ обитателей и, въ особенности, обитательницъ захочется читать и... но тутъ мои надежды нужно понять всякому, и, можетъ-быть, одною изъ этихъ обитательницъ окажется Марья Арсеньевна. Кстати о ней: я ее видѣлъ въ субботу мелькомъ: разъ, когда мы съ Васей ходили къ Лизаветѣ Васильевнѣ и Василью Александровичу, то они, т.-е. Марья Арсеньевна, Анна Арсеньевна, Григорій Васильевичъ и Ваня ѣздили кататься на острова. Кромѣ нея насъ съ Васей никто не замѣтилъ. Меня тогда точно солнцемъ освѣтило. Когда мы шли домой отъ Лизаветы Васильевны мимо ихъ окна, я опять увидѣлъ ея мелькающую тѣнь. Что за чудная была ночка. Мы шли по набережной Невы, шелъ ладожскій ледъ. Полная луна, то задергиваемая прозрачными облаками, то выглядывающая изъ нихъ, ярко освѣщала плывущій ледъ, отражаясь въ его чистыхъ, голубоватыхъ кристаллахъ. Я былъ какъ въ чаду, ослѣпленный мелькнувшимъ передо мною въ окошкѣ образомъ Марьи Арсеньевны. Свѣжій весенній воздухъ мало-по-малу освѣжилъ лицо и мысли, и ночь весенняя, свѣтлая ночь представлялась мнѣ во всей красотѣ. Было тихо повсюду, лишь порой прогремятъ дрожки и полусонный сѣдокъ, кутаясь въ пальто, броситъ равнодушный взглядъ на насъ и опять закроетъ смыкающіеся глаза.

Мы съ Васей все время болтали о разныхъ пустякахъ и о Керегѣ. Пришли домой страшно усталые въ половинѣ двѣнадцатаго и, повалившись на постели, заснули тихимъ безмятежнымъ сномъ. Такъ прошла суббота, а за нею безъ особенныхъ приключеній проползли: воскресенье, понедѣльникъ и вторникъ.

Собственно сегодняшній день отличается только тѣмъ изъ ряду обыкновенныхъ дней недѣли, что сегодня остается ровно мѣсяцъ, даже мѣсяцъ безъ одного дня до каникулъ и недѣля до экзаменовъ; скоро, скоро пролетятъ они, и настанутъ для меня красивые дни.

Сейчасъ завтракъ, а потомъ пойдемъ или на пѣніе, или на плацъ. Если бы на плацъ! Я игралъ бы тогда въ лапту.

Не повели ни на плацъ ни на пѣніе, такъ пойду играть на скрипкѣ.

---

8 мая 1875 года. Четвергъ. Пасмурный и тяжелый день. Идетъ дождь. Утро. Первый урокъ. Меня только-что спрашивалъ учитель французскаго языка Г. Варонъ, отвѣчалъ я ему хорошо. Случилась перемѣна въ книгахъ: вмѣсто „Золотого браслета“—„Между небомъ и землей“, двѣ части Отто Людвига и еще „Невѣста священника“ Бичеръ-Стоу, автора „Хижины дяди Тома“, которую я прочиталъ очень давно. Читаю „Загадку“, сочиненіе Густава Эмара изъ прусско-германской войны 1870—71 годовъ, довольно интересно.

Вечеръ, послѣдняя занятія: о чемъ писать? скучно, скучно и скучно, это старая пѣсня. Попробую сочинить стихи, можетъ-быть, развлекуся.

---

9 мая 1875 года. Пятница. Первыя занятія, т.-е. между 5 и $6^1/_2$ часовъ. О чемъ писать? Можетъ-быть, попозже напишу что-нибудь, а теперь лишь напишу мое обычное, ежедневное: „Скучно!“

Завтра суббота, это пріятно? Да или нѣтъ, т.-е. въ переводѣ на обыкновенный языкъ: увижу, или нѣтъ? Авось Богъ смилуется, дастъ мнѣ возможность увидѣть „ее“. Вѣдь у меня два языка: языкъ влюбленный и обыкновенный. Однако скучно, скучно и милліоны разъ скучно.

10 мая 1875 года. Суббота. Наконецъ настала суббота. На этой недѣлѣ всего одна десятка. Звонокъ... пора въ отпускъ!

13 мая 1875 года. Вторникъ. Писать некогда теперь, надо

готовиться къ экзаменамъ. Скажу только, что страшно завидую Васѣ: въ пятницу, 9 мая, Вася цѣлый день былъ у Григорія Васильевича, а 14 предполагается ловля рыбы тоней, съ Григоріемъ Васильевичемъ, Анной Арсеньевной Марьей Арсеньевной и другими членами ихъ семейства. Счастливецъ Вася, его также возьмутъ съ ними. Ну, зато я лѣтомъ на нее нагляжусь. Вѣроятно, больше писать до каникулъ не буду по случаю экзаменовъ. Экзамены въ третьемъ классѣ не тѣ, что̀ въ первомъ или во второмъ, надо сильно заниматься. Ну, вѣроятно, до лѣта больше писать не буду.

ЛѢТО.

Дневникъ.

Чародѣйка моя,
Ты погубишь меня.

Русская пѣсня.

7 іюня 1875 года.

Каникулы! Сколько глубокаго смысла для насъ, кадетовъ-затворниковъ, въ этомъ благодатномъ словѣ! Каникулы! Какъ-то странно подумать, что вотъ наконецъ наступило событіе, ожидаемое цѣлый годъ, событіе, равно всѣмъ милое и дорогое. Сколько надеждъ, сколько воздушныхъ за̀мковъ строится въ послѣдніе часы, въ ожиданіи звонка-освободителя, и вотъ наконецъ раздается его пронзительный звонъ, возвѣщая всѣмъ и каждому, что настали каникулы! Съ наступленіемъ ихъ тѣсно связанъ рядъ удовольствій, которыя каждый ожидаетъ отъ своихъ каникулъ. Послѣ звонка наступаетъ пріятная классная тишина, такъ мало знакомая уху кадетовъ: ее прерываютъ лишь слова молитвы, послѣдней благодарственной молитвы за ученіе въ году. Наконецъ все кончилось, и вотъ я сижу и пишу уже дома. Всѣ непріятныя и пріятныя впечатлѣнія экзаменовъ слились во что-то общее, мелькнувшее, что̀ возвратится ужъ не раньше, какъ черезъ два мѣсяца!

Скажу сначала нѣсколько словъ объ экзаменахъ и всемъ, что̀ случилось въ это время.

Прежде всего, что̀, конечно, главнѣйшее, я видѣлъ два раза Марью Арсеньевну. Одинъ разъ былъ у нихъ цѣлыхъ два дня. Кромѣ главной любви еще два раза мнѣ случилось увлекаться. Первый разъ мнѣ понравилась красавица-венгерка

въ Лѣтнемъ саду, второй—моя тетушка Клавдюша! Я, кажется, и не писалъ, что мы съ нею друзья, и что она влюблена... Кто бы догадался, въ кого?

— Въ Васю!!!

Она теперь въ Николаевскомъ институтѣ, и я ее видѣлъ тамъ. Ея скромный костюмъ, застѣнчивыя институтскія манеры, складываніе рукъ подъ передникомъ, все это мнѣ понравилось, но скоро опять совершенно испарилось изъ памяти. Вотъ въ краткихъ словахъ все важнѣйшее изъ періода экзаменовъ.

Я перешелъ въ четвертый классъ гимназіи третьимъ ученикомъ; хотя я спустился по ученикамъ, однако баллы у меня значительно прибавились, чему я очень радъ.

Въ деревню ѣдемъ мы съ Васей во вторникъ или среду. Сейчасъ отправлюсь къ Мамантовымъ, завтра отправлюсь въ институтъ, гдѣ увижу опять Клавдюшу. Хочу попробовать пробраться къ Нюшѣ. Раньше того времени, когда я буду въ деревнѣ, — писать не стану.

---

11 іюня 1875 года. Среда. Я въ деревнѣ... Кажется, столько счастья и удовольствій ожидалъ я, которыя она мнѣ принесетъ? Да не тутъ-то было! По одному дню хотя и нельзя судить, но во всякомъ случаѣ, если всѣ дни будутъ похожи на сегодняшній, то мнѣ будетъ не слишкомъ-то весело. Главное, на что я разсчитывалъ, видѣть „ее“ не удалось во весь день; рыбу ловить, а также и купаться нельзя по причинѣ мелководія озера. Лѣсъ въ двухъ съ половиной верстахъ отъ мызы. Что̀ же остается дѣлать? Одно, что̀ я могъ бы дѣлать и въ гимназіи, скучать, скучать да скучать. Одно̀ прошу только у Бога: видѣть Марью Арсеньевну.

Никакъ не думалъ, что придется написать еще слова два: видѣлъ ее и не кляну, какъ прежде, деревню, а благословляю ее!

13 іюня 1875 года. Пятница. Пишу сегодня утромъ за вчерашній день. Вышла плохая исторія для насъ троихъ, Васи, Альбера и меня: Альберъ не можетъ выговорить Маруся, а говоритъ Маркуся. Насъ это очень смѣшитъ, и поэтому мы прозвали Альбера Маркусей. Когда мы купались въ озерѣ, то, думая, что насъ никто не видитъ, позволяли себѣ нѣкоторую вольность въ выраженіяхъ и, называя Альбера Маркусей, насмѣхались надъ его страннымъ произношеніемъ, вообще хохотали съ причиной и безъ причины и никакъ не подозрѣвали, что она, Марья Арсеньевна, все это слышитъ. Очень понятно, что она насъ считаетъ теперь уличными мальчишками. Надо загладить это непріятное впечатлѣніе, про-

изведенное на нее нашимъ вольнымъ поведеніемъ на озерѣ. Однако не могу больше писать. Солнышко ярко свѣтитъ и такъ манитъ на свѣжій, нѣсколько холодный воздухъ.

16 іюня 1875 года. Понедѣльникъ. Писать каждый день положительно невозможно, но я буду писать только тогда, когда случится что-нибудь, что̀ сто̀итъ записать, а то, право, лѣнь одолѣваетъ. Ну, къ дѣлу! Марья Арсеньевна больна. Почему? Это для меня загадка, зато многіе знаютъ это. Я разрѣшу ее во что бы то ни стало. Вотъ что̀ было. Какъ я уже, кажется, замѣчалъ, Григорій Васильевичъ, говоря просто и безъ обиняковъ, влюбленъ въ Марью Арсеньевну; много есть причинъ думать это, причинъ, о которыхъ долго разсказывать, однимъ словомъ, это вѣрно. Съ тѣхъ поръ, какъ Григорій Васильевичъ уѣхалъ, она заболѣла. Что̀ это значитъ, какъ разгадать? Я слышалъ, какъ шопотомъ поговаривали про это, слышалъ отрывочныя слова въ родѣ такихъ: „она почти еще дѣвочка, и это неблагоразумно...", но что̀ неблагоразумно, это было мудрено отгадать, такъ какъ все это сообщалось шопотомъ на самомъ изящномъ французскомъ нарѣчіи. Вотъ уже два дня, какъ я не видѣлъ ея, долѓо ли это продолжится?

Ахъ, какъ она была хороша въ субботу: всѣ ѣздили кататься на лодкѣ, насъ дѣтей только не взяли. „Дѣтей", какъ это страшно отдается въ ушахъ.

Передъ тѣмъ, когда пришли мужчины, однѣ барышни, т.-е. Марья Арсеньевна, сестра ея Ольга Арсеньевна, и еще Коврайская Любовь Степановна пробовали сдвинуть лодку. Какъ тогда была хороша она, въ своей круглой шляпочкѣ съ широкими полями. Какъ ни возились около лодки, она не двинулась. Тогда принялись мы, мальчики, и сейчасъ же сдвинули лодку съ мѣста. Но, чу, зовутъ, надо пойти узнать—зачѣмъ.

17 іюня 1875 года. Вторникъ. Вчера звали ловить карасей. Ловимъ неводомъ. „Она" была тамъ, съ заплаканными глазами. Что̀ это значитъ? Какая была у „ней" болѣзнь и отчего?

18 іюня 1875 года. Среда. Узналъ! Узналъ! Узналъ! „Она" больна не была, „она" плакала вотъ отчего: въ тотъ день, когда пріѣхалъ Григорій Васильевичъ, она очень долго была у насъ, слишкомъ долго. За это ей досталось отъ матери, и вотъ почему она плакала и не показывалась. Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось посмотрѣть Марью Арсеньевну плачущей, какъ должна быть она хороша!

2 августа 1875 года. Суббота. Виноватъ передъ самимъ собою, признаюсь! Больше мѣсяца ничего не писалъ. Вѣдь

это просто срамъ не писать, а между тѣмъ случилось много такого, что̀ слѣдовало бы записать. Силъ нѣтъ. Осталась одна недѣлька погулять; въ скучные гимназическіе вечера напишу про все, что̀ случилось. Съ какимъ нетерпѣніемъ жду я свиданія съ А—имъ и В—омъ. Хочется имъ передать все, все, все, раздѣлить мои опасенія и надежды. Первыхъ страшно много, послѣднихъ почти нѣтъ. Не могу больше сидѣть въ душной комнатѣ, пойду на вечерній воздухъ

Вѣрно, до гимназіи писать не буду.

4 августа 1875 года. Понедѣльникъ. Думалъ, что не буду писать до гимназіи, да вотъ пишу. Зовутъ. Господи, и дневника-то пописать не дадутъ покойно!

---

11 августа 1875 года. Въ гимназіи! Однако не скучаю. Друженъ очень съ однимъ воспитанникомъ А—мъ. У насъ перемѣнился воспитатель, нѣкто Павелъ Николаевичъ Витореръ. Довольно о сегодняшнемъ днѣ: новаго ничего не случилось, лучше въ краткихъ словахъ передамъ мою жизнь въ Берегу, такъ какъ въ бытность мою тамъ не могъ писать, не могъ благодаря лѣни. Всемогущая лѣнь! сколько бѣдъ надѣлала ты многимъ и многому!

Пріѣхавши въ Берегъ, какъ я и описалъ, я сначала отчаивался видѣть „ее“, но потомъ какъ ея посѣщенія къ намъ, такъ и наши путешествія на ихъ мызу подъ разными предлогами начали становиться чаще и чаще и дошли до того, что я насчиталъ во все лѣто всего около пяти дней, когда мы, т.-е., вѣрнѣе сказать, я не видѣлъ Марьи Арсеньевны. Однажды случилось нѣчто, что̀ прекратило мое желаніе ходить часто къ ней въ домъ. Я лежалъ на травѣ подъ березою съ карандашомъ и бумагою въ рукахъ и съ твердымъ намѣреніемъ писать стихи. Было около полудня. Солнце ярко палило, бросая свои косвенные лучи на очаровательную природу.

Какъ бы замирая въ объятіяхъ жаркаго дня, дремало озеро, изрѣдка поблескивая своими прохладными струями о камни берега. Ни малѣйшій вѣтерокъ не шевелилъ вершинъ заснувшаго лѣса, прибрежный камышъ, нагнувшись къ водѣ, кажется, шептался съ озеромъ. Къ довершенію картины, по водамъ скользила лодка рыбака, отражаясь, какъ въ зеркалѣ, на поверхности. Все было упоительно-хорошо и невольно располагало къ мечтанію. Передо мною лежали карандашъ и бумага. Я писалъ не помню что̀: окошечко на чердакѣ, окошечко той комнаты, гдѣ обитала моя фея, вдохновляло меня, я писалъ, писалъ, писалъ!..

Вдругъ я проснулся отъ моихъ мечтанiй, отъ шороха... Оглядываюсь назадъ; знакомая соломенная шляпа, сѣренькое платье мелькнули передо мною; это была Марья Арсеньевна!

— Что вы тутъ дѣлаете, Сеня?—спросила она, немного покраснѣвъ и какъ-то странно выговаривая букву „ч".

— Ничего, такъ себѣ, валяюсь,—отвѣчалъ я, также немного смѣшавшись.

Она прошла мимо и скрылась между кустами. Изрѣдка изъ-за нихъ проглядывали то шляпка, то конецъ платья, то рука или личико.

Я смялъ бумажку и бросилъ ее на траву.

Черезъ нѣсколько дней всѣ уже знали, что я влюбленъ въ М. А.: вѣрно, нашелъ кто-нибудь бумажку и прочелъ. Съ этихъ поръ я бѣгалъ отъ нея все время каникулъ, а надо мной всѣ все время трунили. Такъ кончилась исторiя моей любви лѣтомъ.

19 августа 1875 года. Вторникъ. Сказавъ про конецъ исторiи моей лѣтней любви, я скажу вообще про конецъ и моей любви къ Марьѣ Арсеньевнѣ!

На этой недѣлѣ въ четвергъ былъ праздникъ, я ѣздилъ съ Өедей Мѣдниковымъ въ Павловскъ и остался тамъ до воскресенья вечера. Въ эти дни я похоронилъ свою любовь, а вмѣстѣ съ тѣмъ началъ другую.

Прiѣхавши въ Павловскъ, Өедя мнѣ объявляетъ, что на верху надъ ними живетъ барышня, не то что очень хорошенькая лицомъ, однако недурненькая и очень симпатичная. Въ пятницу я увидѣлъ Валентину Александровну (это ея имя). Первое впечатлѣнiе, произведенное на меня Валентиной Александровной, было невыгодное, но потомъ простота и симпатичность ея мнѣ начали нравиться, и подъ конецъ вечера я былъ влюбленъ. Не правда ли, что я скоро измѣняю?

Въ субботу мы были вмѣстѣ съ ними въ Розовомъ павильонѣ, гдѣ видѣли нѣкоего Салтыкова, который очень нравится моей героинѣ. Я злился на нее и на него, она на меня за то, что я сказалъ, что Салтыковъ нечестно поступилъ, позволяя своимъ товарищамъ смѣяться надъ моей Валентиной. Впрочемъ, въ концѣ концовъ, при прощаньи, она очень вѣжливо просила бывать у нихъ въ Петербургѣ. Охъ! ужъ эти барышни: всѣ онѣ кокетки страшныя и ужасно скоро измѣняютъ. Авось она измѣнитъ Салтыкову!

Страшно трудно учиться; задаютъ по множеству уроковъ. Которымъ-то я буду на спискахъ? Къ намъ поступилъ новичекъ Азанчевскiй; говорятъ, онъ хорошо учится. Я боюсь

за свое мѣсто третьяго ученика, какъ бы не съѣхать? Лѣнь писать, иду играть въ бары, это веселѣе.

20 августа 1875 года. Среда. Странно какъ-то я чувствую себя: никто не нравится особенно, я чувствую охлажденіе ко всѣмъ и ко всему. Теперь, когда остыло то чувство, которое я такъ громко называлъ любовью, я хочу дѣйствительно разсудить похладнокровнѣе, любилъ ли я или нѣтъ. Вопросъ рѣшить трудно для меня, ребенка. Я помню, какъ съ какою-то необъяснимою тоскою сидѣлъ я на воротахъ, ведущихъ къ барскому дому, и смотрѣлъ, какъ на горизонтѣ вставала полная луна, обливая своимъ свѣтомъ крышу и отражаясь въ спокойной поверхности озера. Я никогда не забуду, какъ рождались и замирали въ душѣ тогда отрадные звуки, и предо мною вставало мое всегдашнее видѣніе. Неужели это была не любовь юноши, самая чистая и святая изъ всякой другой? Мудрено рѣшить. Мнѣ какъ-то странно скучно: на глазахъ навертываются благодатныя слезы, и хочется всѣхъ и каждаго любить. Въ такія минуты я обыкновенно пишу стихи, но теперь какъ-то не хочется. Какъ пусто то, что̀ называютъ жизнью. Какъ пусты и мелочны всѣ ея волненія, и какъ ужасенъ тихій сонъ могилъ, со своими непроницаемыми тайнами. Отчего нѣтъ выходцевъ съ того свѣта, если онъ существуетъ, выходцевъ, которые могли бы повѣдать намъ загробную жизнь? И есть ли она, эта обѣтованная вѣчная жизнь, гдѣ праведники счастливы, жизнь, которую намъ обѣщаетъ Евангеліе? Страшныя мысли; напрасно тревожатъ умъ мой подобные вопросы; къ несчастью, никто не можетъ мнѣ отвѣтить на нихъ. О, счастливы тысячу разъ тѣ, кто имѣетъ мать, кому она можетъ объяснить все это и успокоить святымъ словомъ любви. Холодно живется на этомъ свѣтѣ сиротѣ, котораго волнуютъ страшные вопросы; два утѣшенія и успокоенія есть у меня въ подобныя минуты: читать и писать.

Послѣобѣденное время. Осеннее солнышко хоть и ярко свѣтитъ, но мало грѣетъ. Косвенный лучъ его скользитъ по дневнику и блеститъ на перѣ. Я помню, въ окончаніи дневника прошлаго года чаще всего встрѣчается слово „скучно“; то же самое слово послужитъ вѣрной характеристикой теперешняго времени. Можетъ-быть, это оттого, что у насъ умеръ одинъ воспитанникъ, нѣкто Макаровъ. Я самъ собираюсь умирать отъ скуки; главное, что̀ меня положительно бѣситъ, это то, что до сихъ поръ не открыта наша казенная библіотека. Хотя въ ней и мало порядочныхъ книгъ, но все-таки теперь библіотека новая, будутъ встрѣчаться романы, а на

нихъ-то я ужъ понаброшусь. Буду глотать, упиваться ихъ небывалыми приключеніями, чтобы вознаградить теперешнее потерянное время бездѣйствія.

На скрипкѣ въ этомъ году до сихъ поръ еще не бралъ уроковъ. На каникулахъ выучился играть нѣсколько вещей изъ La fille de M-me Angot и Мандолинату. Также и свои фантастическіе мотивы. Уроки французскаго языка насчетъ правописанія шли плоховато, но зато въ искусствѣ болтать я пріобрѣлъ больщіе успѣхи. Я и другіе замѣчаютъ, что моя особа сдѣлалась болѣе развязной и свѣтской, и даже нѣкоторые отзываются за глаза о моемъ лицѣ, что оно очень пріятное. Я очень сталъ заниматься собою, хочу нравиться. Да кто и не хочетъ этого? Недавно былъ на скачкахъ, особеннаго ничего на нихъ не видѣлъ. Боже мой, какъ скучно безъ любви на свѣтѣ жить, и помечтать-то не о комъ. Скучно, скучно, скучно, скучно, скучно, скучно, скучно.

21 августа 1875 года. Четвергъ. Пишу утромъ до начала перваго урока. Сегодня утромъ весь плацъ былъ покрытъ инеемъ, скоро наступитъ матушка холодная Зима, со своими морозами, елкой, масленицей, Великимъ постомъ и Пасхой; опять начнутся прежніе долгіе вечера, въ которыхъ остается одно приготовившему уроки воспитаннику,—мечтать. Кто же не изъ „живыхъ", тотъ спитъ обыкновенно. Да, скучно жить на свѣтѣ. О чемъ писать? О томъ ли, что читать нечего и что отъ скуки начинаешь играть то въ бары, то въ пятнашки? Какія дѣтскія пустыя развлеченія. Да и что̀ не пусто въ этомъ мірѣ? Все глупость, пустота, даже пошлость! Второй урокъ. Аксеновъ явился изъ отпуска. Веселѣе будетъ съ нимъ, онъ иногда̀ такъ смѣшитъ. Какая великолѣпная вещь „Невѣста священника": просто зачитываться можно!

Первыя занятія. Заходящее солнышко свѣтитъ изъ-за противоположной крыши. Надъ нимъ медленно плывутъ два блѣдно-палевыя облачка причудливыхъ формъ. Небо сѣро-синее, передъ глазами видны бѣлыя стѣны гимназіи со своими правильно выведенными окнами, желтоватыми трубами и трещинами. Какъ мнѣ милъ этотъ видъ, съ которымъ я успѣлъ давно свыкнуться! Каждая малѣйшая неправильность въ окнѣ, трещина въ стѣнѣ, все мнѣ извѣстно. Какъ ни уныло-однообразны наши красныя крыши, какъ ни скученъ и прозаиченъ видъ начинающаго желтѣть плаца, но все это находитъ живой отголосокъ въ душѣ, все мнѣ давно знакомо; какъ хотите, провести бо̀льшую часть юности въ гимназическихъ стѣнахъ что-нибудь да значитъ; немудрено, что я успѣлъ давно сродниться съ однообразнымъ видомъ гимназіи.

Вотъ солнце уже скрылось, и только небо въ томъ мѣстѣ, гдѣ было оно, осталось еще блѣднаго желтаго цвѣта. Какія-то страшныя мысли тѣснятся въ груди, какой-то непонятной тоской пропитано все мое существо, и мнѣ хочется плакать. Боже, какъ скучно! Писать не о чемъ, мечтать не о комъ, хоть умирай!

22 августа 1875 года. Пятница. Обыкновенно въ пятницу у меня всегда рождаются желанія о томъ, какъ провести субботу и воскресенье; сегодня ихъ нѣтъ. Я въ отпускъ не пойду, такъ какъ никого нѣтъ въ городѣ; дядя въ деревнѣ еще, какъ и тетя со всѣми домочадцами. Послѣ завтра только намѣреваюсь сходить я къ сестрѣ. Мои финансы, правда, очень ограничены, но ничего, какъ-нибудь справлюсь. Больше писать не о чемъ, развѣ то, что нечего писать и что скучно ужасно!

23 августа 1875 года. Суббота. Пустая лекція. Вчера хоронили одного изъ нашихъ воспитанниковъ, нѣкоего Макарова. Хорошо умирать у насъ въ гимназіи, такъ хорошо хоронятъ! Директоръ самъ несъ гробъ, и вся гимназія съ церковнымъ пѣніемъ провожала гробъ до Тучкова моста.

Сегодня къ намъ въ гимназію пріѣзжалъ французскій генералъ, чтобы осмотрѣть наши порядки. Ему пѣли и играли, онъ уѣхалъ и остался, кажется, очень довольнымъ. Директоръ все время съ нимъ смѣялся и слышно только было: „oui, oui, oui, non, non, non!“ И такъ далѣе, опять сначала.

24 августа 1875 года. Воскресенье. Утро какъ будто нахмурилось, небо все въ тучахъ; какъ бы не пошелъ дождь. Сегодня я послѣ обѣда думаю сходить къ сестрѣ, въ Николаевскій институтъ. Дай Богъ хоть тамъ влюбиться! Это было бы хорошо и для сестры, если она имѣетъ хоть маленькое удовольствіе, когда меня видитъ: я стану чаще къ ней приходить. На будущей недѣлѣ два праздника, и оба они должны пропасть, это досадно! Сегодня мнѣ отчего-то не такъ скучно, какъ обыкновенно, я этому очень радъ. Писать больше пока не о чемъ, до возвращенія изъ института больше не буду. Влюблюсь ли я или нѣтъ?

25 августа 1875 года. Понедѣльникъ. Нѣтъ! Все еще не влюбленъ. Что дѣлать, мнѣ послѣ тѣхъ хорошенькихъ личностей, въ которыхъ я былъ влюбленъ прежде, никто не нравится. Вчера въ 12½ часа товарищъ мой Я—ій и я вышли изъ гимназіи, переѣхали на лодкѣ Неву и отправилась къ институту. Я—ій пошелъ гулять, а я, увидѣвъ, что было только половина перваго, а пріемъ начинается въ два, отправился смотрѣть на Невскомъ картины. Больше всего мнѣ понравк-

лись двѣ женскія головки. Потомъ, вернувшись, я вошелъ въ институтъ и вызвалъ Нюшу, Полю и Клавдію. Не просидѣли мы и полчаса, какъ входитъ тетя Лида и одна изъ ея воспитанницъ.

— Ты зачѣмъ здѣсь?—спросила тетя.

— Какъ зачѣмъ?—отвѣчалъ я:—я у Нюши.

— Хорошъ, хорошъ,—продолжала тетя:—два праздника не былъ у бѣдной, она чуть не плакала. А теперь ты откуда?

— Изъ гимназіи,—отвѣчалъ я.

— Какъ изъ гимназіи, развѣ ты наказанъ?

— Никакъ нѣтъ.

— Такъ какъ же изъ гимназіи?

— Да такъ-съ, дяди нѣтъ, и мнѣ не къ кому итти въ отпускъ.

— А ко мнѣ?

— Да къ вамъ, тетушка... гм... гм...

— Что̀, гм... гм?

— Да я и не подумалъ, я воображалъ, что вы въ Павловскѣ.

Въ это время пріѣздъ бабушки и дяди Анатолія прекратилъ этотъ разговоръ. Потомъ набралось очень много народа, разные знакомые да подруги, и такъ быстро пролетѣло время. Меня пригласили на всѣ эти отпуски къ Мамантовымъ. На этихъ дняхъ много праздниковъ: сегодня насъ распустятъ на завтра, въ пятницу на субботу и воскресенье, на будущей недѣлѣ въ субботу на воскресенье и понедѣльникъ. Во всѣ праздники буду въ институтѣ.

27 августа 1875 года. Среда. Осеннее утро сыро и туманно, холодно и скучно. Вчера былъ у сестры и пришелъ къ тому заключенію, что въ Николаевскомъ институтѣ хорошенькихъ нѣтъ совсѣмъ. Ужасно мнѣ нравится мое холодное отношеніе ко всѣмъ безъ исключенія: хочу любить и некого. Какое-то предчувствіе говоритъ мнѣ, что въ этотъ разъ я буду любить сильнѣе всѣхъ прочихъ, и что... но это напрасная надежда, я никогда никому не понравлюсь. Скучно и грустно подъ вліяніемъ сѣрой осенней погоды. Читать нечего, мечтать не о комъ, хоть умирай. Когда-то сойдетъ на мою душу истинная серьезная любовь? Ахъ, хоть бы поскорѣе!.. Въ моемъ дневникѣ были Весна и Зима и Лѣто, теперь же онъ будетъ продолжаться подъ заглавіемъ „Осень и Зима“.

ОСЕНЬ И ЗИМА.

Дневникъ.

> Если бъ вѣдали да знали,
> Какъ его любила,
> Думала, что не забуду,
> Да и позабыла.
>
> *Русская пѣсня.*

25 августа 1875 года. Сѣрые туманные дни, желтые листья, валящіеся съ деревьевъ, плацъ, начинающій мало-по-малу мѣнять зеленый цвѣтъ травы на желтый, все это показываетъ наступленіе холодной и сырой осени, а съ нею и Волшебницы Зимы. Скоро ли бѣлый снѣгъ покроетъ безжизненныя поля своими несмѣтными блестками и санки обновятъ новый путь? Скоро ли настанетъ эта волшебница Зима, съ неизъяснимою прелестью, которую она имѣетъ для поэта? Хоть бы скорѣе! А то такъ скучно. Когда ни взглянешь въ окно— туманъ, дождь, слякоть; что̀ за противная погода. Собственно о сегодняшнемъ днѣ писать нечего, проходитъ онъ, какъ прошли и пройдутъ всѣ прочіе дни кадетской жизни, съ своею всегдашнею тоской, всегдашнею лѣнью, прогулками на плацъ, обѣдомъ, уроками и тому подобной ерундой!

28 августа 1875 года. Четвергъ. Завтра отпуски, это утѣшительно: послѣ завтра увижу сестру и моихъ почтенныхъ тетушекъ. Хотя и есть одна тема на мечтаніе (я вѣдь мечтаю по темамъ)—будущій отпускъ, но онъ для меня не представляетъ никакихъ особенныхъ приключеній. Разгадка этого въ одномъ, что я до сихъ поръ ни въ кого не влюбленъ. Я вѣдь только и живу любовью, къ несчастью, ни одно изъ моихъ подобныхъ приключеній не увѣнчалось успѣхомъ, исключая одного: въ меня влюбилась одна барышня, но я ея не люблю. Что̀ дѣлать, не могу! Мнѣ надо очень хорошенькихъ, иначе я сейчасъ же измѣню!

Какой ерундой полонъ весь мой дневникъ, какъ, должно-быть, тупы всѣ мои мысли, какъ должна быть смѣшна моя любовь и мои мечты, но мнѣ все это кажется истиннымъ. Да и пусть кажется на здоровье, здѣсь ничего худого нѣтъ, это мнѣ пріятно, и нравится помечтать.

3 часа. Классы кончились; увы, сладкія мечты объ отпускѣ, получилъ дурной баллъ отъ учителя нѣмецкаго языка и пойду, вѣрно, послѣ всенощной. Это не слишкомъ-то пріятно. Ну, да что̀ жъ дѣлать, знать, мнѣ не судьба.

29 августа 1875 года. Пятница. Я узналъ отъ нашего Н. П., что пойду въ отпускъ въ $8^1/_2$ часовъ послѣ всенощной. Это еще лучше, чѣмъ я воображалъ, въ $10^1/_2$ часовъ я буду у Мамантовыхъ, если пойду пѣшкомъ. Ѣхать не стòитъ, да и кромѣ того я хочу посмотрѣть Невскій проспектъ поздно вечеромъ: каковъ-то онъ?

Сегодня чудесное утро для осени. Небо совсѣмъ чудное, голубое, нѣтъ ни малѣйшаго облачка, дай Богъ, чтобы ночь была звѣздная, давно я не видалъ звѣздныхъ ночей. Больше писать пока не о чемъ. Да, была маленькая перебранка съ А—мъ, ну да это ничего, помирился. По русскому языку намъ задано сочиненіе на тему: „Разборъ басни Оселъ и Соловей“. Его написать довольно трудно, но, Богъ дастъ, одолѣемъ!

1 сентября 1875 года. Понедѣльникъ. Въ субботу и воскресенье былъ въ институтѣ. Кажется, я рожденъ для романовъ! (хо! хо! хо! хо! ха! ха! ха! ха! ой, батюшки!).

Въ пятницу меня Н. П. въ концѣ концовъ отпустилъ въ 3 часа. Я отправился къ тетѣ Лидіи, а мнѣ говорятъ, что она уѣхала на другую квартиру. Сказали адресъ, и я отправился къ ней.

Закусивъ, принялся помогать устанавливать книги, стулья, этажерки, вѣшать карты и тому подобныя вещи. Вечеромъ напился чаю и выспался чудеснымъ образомъ. На другой день пошелъ въ институтъ. Тамъ есть одна подруга нашихъ, нѣкто Ольга Птицкая. Очень недурненькая личикомъ и, что̀ главное—барышня очень умная.

Кромѣ меня въ институтѣ у сестры никого не было, и мы начали разговаривать о любви. Птицкая увѣряла меня, что двѣнадцатилѣтній мальчикъ любить не можетъ, я же ей возражалъ. Споръ зашелъ довольно далеко, и мы уже начали говорить другъ другу довольно крупные „комплименты“. Между прочимъ, она отзывалась обо мнѣ, какъ о мальчикѣ, и я ей отвѣтилъ тѣмъ же, у ней бываетъ одинъ воспитанникъ 1-й гимназіи, нѣкто Ходаревъ, онъ влюбленъ въ Птицкую, и я ей сказалъ: „какъ это не надоѣстъ Ходареву шляться къ вамъ каждый разъ. Нашелъ къ кому!“

Она вся вспыхнула и сказала мнѣ: „Немножко повѣжливѣе“.

„Благодарю за урокъ“, отвѣчалъ я, небрежно усмѣхнувшись и посмотрѣвъ ей прямо въ лицо. Несмотря на нашъ споръ, я откровенно скажу, что она премиленькая барышня, однако я въ нее не влюбленъ! (пока!).

Я позабылъ сказать за девятое или десятое іюля, что былъ

въ Лѣтнемъ саду и видѣлъ хоръ венгерокъ. Одна изъ нихъ мнѣ очень понравилась. Во время этого отпуска я видѣлъ ее два раза! Это хорошо.

Больше писать нечего за субботу.

Воскресенье я провелъ у тети Лиды и отчасти у дяди Анатолія, человѣка чрезвычайно честнаго и художника; онъ мнѣ показывалъ свои очень хорошіе рисунки. Потомъ я отправился въ гимназію. Больше ничего особеннаго за тѣ дни не встрѣчалось.

Вечеръ, занятія. Наши несчастныя пять лампъ какъ-то уныло и невесело горятъ. Сегодня, въ четверть восьмого, у насъ будутъ выбирать въ пѣвчихъ. Мнѣ бы хотѣлось, авось и выберутъ.

Скучно, ни за что не хочется приняться. У насъ съ Аксеновымъ затѣвается Литературно-Сатирическій журналъ. Туда я буду помѣщать мои стишки и прозу. Мною предположено написать пока двѣ вещи прозою: „Романъ моего дѣтства“ и „Петербургскіе бѣдняки“. И на то и на другое много у меня передъ глазами матеріаловъ. Изъ стиховъ буду помѣщать туда только лучшіе. Подписчиками будутъ знакомые, плата за мѣсяцъ—десять листовъ писчей бумаги. Журналъ, конечно, не будетъ печататься. Его будутъ переписывать во столькихъ экземплярахъ, сколько будетъ подписчиковъ, карикатуры туда будетъ рисовать сестра А—ва, она хорошо рисуетъ. Между сотрудниками будутъ: Аксеновъ, я, и еще постараемся завербовать нѣсколько человѣкъ. Выходить нашъ журналъ будетъ помѣсячно, по двадцати листовъ каждый экземпляръ. Въ немъ также будутъ помѣщаться разныя современныя объявленія, анекдоты, разсказы, критика и тому подобныя вещи. Мнѣ пришло на мысль еще писать въ журналѣ „Очерки современной жизни въ гимназіи“. Въ нихъ я думаю выставлять всѣ рѣзко выдѣляющіяся натуры и типы, всѣ новости и волненія въ этомъ замкнутомъ кружкѣ. Я думаю выпускать всѣ мои сочиненія подъ псевдонимомъ, напримѣръ: Журнальный Писака, Знакомый Незнакомецъ и друг. Меня это предпріятіе очень интересуетъ, я очень желаю, чтобы оно удалось.

А—въ будетъ помѣщать тамъ статьи сатирическія, литературныя и научныя.

Боже мой, неужели я влюбленъ въ Ольгу Птицкую, нѣтъ-нѣтъ, да и подумаю о ней. Она даже не очень хорошенькая, самое обыкновенное, хотя и исполненное лукавства личико. Чортъ ихъ разберетъ, кто въ кого влюбленъ. Говорятъ одни, что Женя и Ходаревъ въ нее влюблены, и что она влюблена въ Ходарева. Но между тѣмъ другіе говорятъ,

что Женя и Ходаревъ въ нее влюблены, но что ей нравится одинъ морской офицеръ Лахматовъ, и что Птицкая влюблена въ то же время въ дядю Анатолія, и кромѣ того въ дядю Анатолія влюблена еще одна барышня Баръ. Я скажу отъ себя, что мнѣ Птицкая нравится, и что она не разъ спрашивала у Нюши, какого я о ней мнѣнія. Я отвѣтилъ Нюшѣ, что если Птицкая ее еще разъ объ этомъ спроситъ, такъ чтобы она отвѣтила, что я думаю, что она недурненькая и очень умная барышня.

Зовутъ на пробу голосовъ по пѣнію, некогда больше писать.

2 сентября 1875 года. Урокъ французскаго языка. Г. Варонъ объясняетъ грамматику. Вотъ вызываетъ меня, сколько-то поставитъ? Ухъ, кончено, ну, кажется, хорошій баллъ. Мы интересную исторію сдѣлали; увѣряемъ Варона, что намъ заданъ не новый урокъ, а повторить, хотя былъ заданъ новый урокъ; онъ повѣрилъ, кончилъ спрашивать старое и спрашиваетъ меня, могу ли я перевести новое. Я говорю, что могу, а я это уже училъ къ сегодняшнему уроку и отвѣчаю ему порядочно. Онъ меня посадилъ, и тѣмъ дѣлу конецъ. Звонокъ, перемѣна.

Вечернія занятія. Какъ я радъ: по французскому языку 10, а по ариѳметикѣ 9. Это очень пріятно. Намѣреваюсь въ отпускъ итти въ 3 часа—думаю, что зайду къ дядѣ Анатолію. Завтра возьму первый урокъ на скрипкѣ въ этомъ году. Мое истинное желаніе, чтобы дѣло пошло хорошо. Тогда я буду и музыкантъ, и пѣвчій, и все, что вамъ, т.-е. мнѣ, угодно. Хоть до этого и далеко, но вѣдь извѣстно, что прикрасить иногда не грѣшно.

3 сентября 1875 года. Среда. Вотъ мерзостный день: небо все въ тучахъ, темно, грязно, сыро, скучно и все, что вамъ угодно. Кромѣ того мнѣ къ завтраму много работы, сочиненій пять по крайней мѣрѣ придется написать, а это не шутка. Надобно, чтобы одно не походило на другое, но чтобы было хорошо. Да, работы не мало. Такъ ругаемся, ругаемся съ товарищами, а какъ придетъ время писать сочиненія, всѣ сейчасъ и лѣзутъ. Совѣстно какъ-то отказать, да и то правда сказать, что сочиненія—моя гордость. А однако я очень славолюбивый, такъ что раза два услышать похвалы для меня не непріятно!

4 сентября. Четвергъ. Вчера былъ первый урокъ на скрипкѣ въ этомъ году. Нашъ учитель А. Ѳ. Б. нашелъ, что я сдѣлалъ большіе успѣхи. Сегодня, т.-е. вчера вечеромъ, мнѣ пришлось написать четыре сочиненія. Кажется, всѣ вышли

порядочныя. Сегодня будутъ читать, посмотримъ, что-то скажутъ. Дай Богъ, чтобы похвалили,—они моя слава!

Еще пришлось написать два сочиненія. Однако нашъ учитель, кажется, самъ сочиняетъ правила для правописанія: такую чушь городитъ, что самъ чортъ не разберетъ.

5 сентября 1875 года. Ничего особеннаго пока не случилось. Началъ писать одну повѣсть въ стихахъ, но едва ли докончу. Хочу показать ее дядѣ Анатолію, я такъ его люблю!

За 6, 7, 8, 9 и 10 сентября. Среда. Мнѣ некогда было писать за это время, я переписывалъ всѣ свои стихотворенія, ихъ набралось двадцать два; вотъ ихъ заглавія:

За 1874 годъ: „Къ черновой тетрадкѣ", „Къ А. С—вой", „Кто такая А. С—ва", „Съ Ангеломъ".

За 1875 годъ: „Воспоминанія", „Не растравляй", „Къ ласточкѣ", „На озерѣ ночью", „Ночка„, „Былинка", „Гдѣ мечты, гдѣ веселыя грезы", „Русалки", „Пѣсня", „Зачѣмъ", „Минута изъ жизни въ гимназіи, посвящено А. Александеру", „Бесѣдка", Лѣсная рѣка", Покинутый корабль", „Мнѣ скучно", „Поздравленіе", „Къ красавицѣ" и „Видѣніе".

Въ эти дни ничего не случилось особеннаго. Развѣ то, что прочелъ одну вещь: „Женская жизнь". Я просто очарованъ этимъ сочиненіемъ, это прелесть что̀ такое, это лучше всего мнѣ нравится изъ того, что̀ я читалъ. „Женская жизнь" есть исполненіе моей завѣтной мысли: тамъ въ одной части есть описаніе институтскихъ воспоминаній; они такъ чудесно описаны, такими яркими и привлекательными красками описана институтская жизнь! Это описаніе затронуло и еще болѣе подзадорило мое желаніе написать воспоминанія „Изъ гимназической жизни". Въ эти минуты мнѣ больше всего хочется быть учителемъ въ институтѣ.

Четвергъ 11-ое. Ну, въ этотъ разъ я не смѣю хулить нашу библіотеку, тамъ чудесныя книги. Хоть этого и не позволяется, но я сдѣлалъ вылазку въ дежурную комнату и узналъ, что тамъ между множествомъ другихъ книгъ есть: „Обыкновенная исторія", романъ Гончарова, „Обломовъ", его же, Рукописи о Севастопольской оборонѣ и другія хорошія книги.

За пятницу, субботу, воскресенье и понедѣльникъ 15 сентября 1875 года. Въ пятницу случилось одно происшествіе. Л—овъ задѣвалъ Аксенова. Аксеновъ чрезвычайно безсиленъ, и я не могъ равнодушно видѣть, что̀ съ нимъ выкидывалъ Л—овъ. Я вступился, мнѣ вывихнули ногу, и я принужденъ былъ пролежать нѣкоторое время въ лазаретѣ. Больше ничего не случилось особеннаго.

За вторникъ 16, среду 17, четвергъ 18, 1875 года.

Я не писалъ дневника за эти дни, такъ какъ былъ очень занятъ. Мы издаемъ журналъ „Домашній Кружокъ“, и я съ А—вымъ его редакторы-издатели. Дѣло идетъ тугонько, ну, да авось направится. Пока помѣщены статьи, стихотворенія Львова и мое, потомъ „Лѣтопись обитателей подполья“ В—а, „Охота за зайцами князя В. И—скаго“ и „Очерки изъ гимназической жизни“—мое. Еще думаемъ помѣстить переводы съ французскаго князя Т—го и научныя статьи А—ва. Еще нѣкоторыя объявленія войдутъ въ составъ журнала.

За дни отъ 18 до 23, вторникъ. Я сталъ очень рѣдко писать въ моемъ дневникѣ, не знаю почему. Можетъ-быть, мало къ этому поводовъ? Нѣтъ, поводы есть: многое, многое мнѣ надо написать, а много очень уроковъ, такъ что изрѣдка выберешь время, чтобы почитать или написать. Въ перемѣны я бѣгаю и вотъ почему. Мое дѣтство исчезнетъ, и я спѣшу насладиться всѣми его удовольствіями. По мѣрѣ исчезновенія его меня мучаетъ одна мысль, что каждый день рожденія приближаетъ меня къ смерти. Но прочь, печальныя мечты; буду веселиться, пока еще молодъ, пока есть къ этому какая-нибудь возможность!

Теперь приступаю къ описанію прошедшей недѣли и начала нынѣшней.

Въ субботу я встрѣтилъ одну особу, именно А. Сазонову. Я не видѣлъ хорошенькаго лица ея, и встрѣча не произвела на меня никакого особеннаго впечатлѣнія. Пришедши домой и пообѣдавъ, кое-какъ протянулъ вечеръ. Напившись чаю, легъ спать. На другое утро послѣ завтрака пошелъ въ институтъ и замѣтилъ, можетъ-быть, и ошибочно, что я нравлюсь довольно сильно барышнѣ, считаемой тамъ красавицею. Ее зовутъ Аня Подольская. Опишу ея портретъ. Полное, бѣленькое личико, большіе, черные глаза, опушенные рѣсницами, какъ у соболя, темно-русые волосы, маленькія губки и стройный станъ. Охъ, ужъ эти мнѣ губки и темно-русые волосы, не разъ бросали они крѣпкую стрѣлу въ мое сердце! Сазонова, Гриневичъ, Марья Арсеньевна и наконецъ Подольская! Хоть у ней одинаковые признаки красоты со всѣми остальными, однако она въ другомъ родѣ. Что у нея превосходитъ всѣхъ, это улыбка. Сазонова улыбалась слишкомъ гордо, Гриневичъ — пошловато, Марья Арсеньевна—съ насмѣшкой и плохо скрываемою ироніей, а у Подольской добрая улыбка русской красавицы, улыбка, порождающая восхитительныя ямки на щекахъ и озаряющая полное, подвижное лицо! (Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!)

Я не скажу пока, что я влюбленъ, слѣдующій отпускъ

рѣшитъ все. Живу среди скучнаго гимназическаго круга, утѣшаясь лишь тою мыслею, что отпускъ дастъ мнѣ возможность увидѣть А. Подольскую съ ея дорогою улыбкой и рѣшить, влюбленъ ли я или нѣтъ?

Среда 24. Сегодня особенно замѣчательнаго ничего не случилось. Нѣсколько разъ въ головѣ моей вставалъ образъ Ани Подольской, что̀ заставляло меня думать, что я влюбленъ. Сегодня я имѣлъ маленькое торжество на урокѣ исторіи: я отвѣчалъ на всѣ вопросы, которые мнѣ предлагалъ нашъ учитель, и онъ мнѣ прибавилъ противъ прежняго 4 балла: было 6, а теперь—10. Это очень пріятно!

Мнѣ предстоитъ взять сегодня 8-й урокъ на скрипкѣ. Что-то новенькаго я пріобрѣту?

Писать пока не о чемъ. Вечеромъ, вѣрно, еще буду.

Четвергъ 25-го. Уже четвергъ! Хоть бы скорѣе настала суббота, а затѣмъ воскресенье! Видѣть опять Подольскую, ея милую улыбку, о, это верхъ счастія! А вдругъ я получу дурной баллъ, и отпускъ, насмѣшливо улыбаясь, пролетитъ передъ самымъ моимъ носомъ? Нѣтъ! Этого не будетъ, я хочу, я долженъ итти въ отпускъ, непремѣнно, непремѣнно! Обѣщаю себѣ серьезно распушить сестру, если она имѣетъ дурной баллъ или была наказана за поведеніе, распушить серьезно, какъ только могу, не смѣясь и не улыбаясь! Хоть это будетъ и очень трудно, однако на радостяхъ увидѣть Подольскую я приложу къ тому всѣ мои силы. А что̀, если къ Подольской не пріѣдутъ? Если она не выйдетъ, и я не увижу ея милаго, озареннаго счастьемъ личика? Нѣтъ, лучше брошу писать, а то допишусь до плохихъ результатовъ.

(16 мая 1876 года. Это правда!)

Пятница 26 сентября 1875 года.

Пятница! Завтра въ отпускъ! На этой недѣлѣ пока я чистъ; 10 по исторіи и 8 по-нѣмецки. Я этому очень радъ, въ особенности восьмеркѣ; нѣмецкій у меня туго идетъ, а потому каждый хорошій баллъ мнѣ пріятенъ. Въ этомъ году у меня слѣдующіе баллы:

По французскому—9, 9, 10, 7, 6.
По нѣмецкому—5, 5, 9, 7, 6, 8, 5, 5.
По закону Божію—9.
По исторіи—6, 8, 10.
По естественной исторіи—4.
По ариѳметикѣ—9.
По алгебрѣ—
По геометріи—8.

По рисованію—6, 7.

По русскому языку—

По географіи—

Очень боюсь я одного предмета: именно географіи. Собственно я ее хорошо знаю, но учитель очень странный и строгій человѣкъ, придирается къ каждому слову. Но ничего, авось отвѣчу удовлетворительно, я не надѣюсь—хорошо.

Завтра отпускъ, а послѣ завтра увижу, быть-можетъ, А. Подольскую. Если бъ только она вышла! Не знаю, какъ завести съ нею знакомство, что-то сообщитъ мнѣ этотъ отпускъ? Хорошія или дурныя вѣсти?

Пишу утромъ. Какъ скверно это осеннее, дождливое утро, и какую красоту, правда, нѣсколько мрачную, имѣетъ оно для поэта.

Многіе смѣются надъ этимъ, но что же тогда, кромѣ любви и поэзіи, останется святого и хорошаго на землѣ? Религія, отвѣтятъ мнѣ; да, религія была хороша, когда не основана была на обманѣ и на подобныхъ вещахъ, а теперь лишь только въ глубокой глуши Россіи можно найти истинно и нелицемѣрно вѣрующія сердца! А здѣсь, служа заказанную панихиду, священникъ только и думаетъ, что о деньгахъ. То же самое и въ прославленномъ святомъ Кіевѣ, мама моя разсказывала однажды слѣдующую исторію: „Я пріѣхала въ Кіевъ въ первый разъ и наслышалась о разныхъ святыняхъ этого города; первымъ моимъ дѣломъ было отслужить панихиду по мужѣ. Панихида отслужена, и я кладу въ руку священника 8, 9 двугривенныхъ. Онъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ пересчиталъ ихъ и потомъ, потряхивая на рукѣ, сказалъ мнѣ: „маловато, сударыня!“—„Такъ вотъ они, кіевскіе знаменитые священники“,—подумала я и дала ему столько же. Онъ низко поклонился и совершенно спокойно, насвистывая какой-то мотивъ, направился обратно въ церковь“.

Какъ вамъ это покажется? Такъ всегда случается на бѣломъ свѣтѣ. Вотъ вамъ и служители религіи въ лучшихъ городахъ Россіи. Но это не значитъ, чтобы я презиралъ ее; никогда, я желалъ только записать на память происшествіе, которое переворотило на изнанку мое мнѣніе о священникахъ. Это не одинъ примѣръ, ихъ найдутся тысячи, если бы искать! Скорѣй бы воскресенье, а съ нимъ и удовольствіе видѣть Подольскую.

Суббота. 1875 годъ. 27 сентября 1875 года.

Суббота, день давно жданный, наконецъ-то онъ наступилъ. Отпускъ и надежда увидѣть А. Подольскую. Сегодня были у насъ танцы. Какая это пародія на настоящіе! Музыку изъ

себя изображаетъ отчаянная скрипка, а дирижировку замѣняетъ громкій голосъ французау чителя, кричащій: „лѣвое плечо впередъ, балансе“, и тому подобные бальные термины, перемѣшанные съ кадетскими словами и далеко не острыми остротами. Однако это предметы неважные; я ничего писать не могу, потому что только и думаю, что объ отпускѣ.

29 сентября 1875 года. Понедѣльникъ. Я не понимаю, что̀ со мною сдѣлалось. Подольскую видѣлъ лишь вскользь, и особеннаго впечатлѣнія она на меня не произвела. Хорошенькая и больше ничего. Но зато, кто произвелъ на меня впечатлѣніе, это опять та же Сазонова. Не даромъ сказалъ Лермонтовъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній:

Но, новымъ преданный страстямъ,
Я разлюбить его (образъ красавицы) не могъ.
Такъ храмъ оставленный—все храмъ,
Кумиръ поверженный—все Богъ.

Разскажу, какъ все произошло. Въ субботу я ее встрѣтилъ, но не обратилъ особеннаго вниманія. Въ воскресенье братъ предложилъ мнѣ отправиться въ церковь. Я согласился, хотя, грѣшный человѣкъ, не только изъ религіозной цѣли, а надѣялся встрѣтить тамъ Сазонову. Вошли мы въ церковь, вдругъ братъ толкаетъ меня и говоритъ:—„Сзади стоитъ мать Сазоновой съ младшей дочерью“.

Сердце у меня тревожно забилось, я оглянулся назадъ, но Саши тамъ не было; была сама Сазонова и ея младшая дочь. Въ это время запѣли Херувимскую. Надо отдать справедливость пѣвчимъ: они отлично брали всѣ переходы этой пѣсни. Я увлекся пѣніемъ, заслушался и уже забывалъ все окружающее. Вдругъ сзади меня раздались шаги и сдержанный шопотъ. Естественное любопытство принудило меня оглянуться, и я увидѣлъ „ее“. Она стояла на колѣняхъ; чудная головка обращена была къ алтарю. Глаза обращались къ образа̀мъ, и черныя пряди распущенныхъ волосъ роскошно ниспадали на ея плечи. Пѣніе, фантастическій свѣтъ восковыхъ свѣчей, отражающійся и переливающійся въ позолотѣ иконъ, все это заставило думать меня, что предо мною живой херувимъ.

Опять проснулась прежняя любовь къ ней со всею силой, опять вернулись ко мнѣ тѣ безсонныя ночи, когда, раскинувшись среди подушекъ, я мечталъ, мечтаю, и конца не бываетъ этимъ свѣтлымъ мечтаньямъ!

Я счастливъ, я снова влюбленъ.

Вотъ, вѣроятно, почему на меня не произвелъ особеннаго впечатлѣнія образъ Ани Подольской!

Послѣ церкви отправился я въ институтъ. Тамъ ничего особеннаго не случилось. Прихожу, мнѣ говорятъ, что сестра уже вызвана. Застаю у нея одну тетю, бабушку и еще какого-то Струбинскаго. Здороваюсь, журю, по обыкновенію, Нюшку за то, что плохо себя ведетъ, и слушаю ея оправданія. Вдругъ я вижу, что къ Подольской пришелъ ея отецъ. Совершенно хладнокровно смотрю на нее, и такъ проходитъ все время. Въ головѣ еще до сихъ поръ вертится образъ Сазоновой, чудный, дорогой образъ. Ухожу безъ всякаго сожалѣнія, развѣ только жалко разстаться съ Нюшкой. Воскресенье проходитъ незамѣтно, даже немного скучно. Немудрено! Ея нѣтъ со мною.

(1) Трудно постороннему понять и оправдать эти строки,— но я ихъ понимаю. 1881 г.

Сегодня ничего нѣтъ особеннаго; мечтаю о Сазоновой, живу надеждой увидѣть ее въ церкви. Да, завтра вѣдь отпускъ, такъ какъ въ среду праздникъ. Слава Богу! (я теперь съ моей любовью сталъ болѣе религіозенъ. Отчего это, не потому ли, что я нашелъ Сазонову похожей на херувима? Можетъ-быть, и потому). Кажется, на этой недѣлѣ не будетъ дурныхъ балловъ. Господи! Если бы мнѣ увидѣть моего „херувима“!

30 сентября 1875 года. Вторникъ. Нашъ классъ готовитъ бурю, чѣмъ-то она кончится? Намъ нѣтъ положительно времени для приготовленія уроковъ, а G. Varon задалъ намъ листки. Листками у насъ называется диктовка. Мы собираемся отказаться отъ урока, и если первый ученикъ не захочетъ сказать учителю, что мы не приготовились, то я скажу. Все равно, результатъ почти одинъ, если мы откажемся или будемъ писать, ничего не зная: если откажемся, насъ запишутъ въ классный журналъ и, можетъ-быть, оставятъ безъ отпуска, если же будемъ писать, то намъ повыставятъ дурные баллы, за которые опять-таки будемъ безъ отпуска, да кромѣ того будутъ дурные списки; а лучше быть записаннымъ въ журналъ, чѣмъ получать дурные баллы на спискахъ. Въ случаѣ чего мой сосѣдъ А—ъ готовитъ такъ называемую шпаргалку, т.-е. бумажку, на которой написана диктовка, а мое дѣло лишь незамѣтно списать съ нея фразы (что̀ намъ продиктуютъ, бываетъ заранѣе извѣстно, и мы имѣемъ право учить хоть наизусть эту диктовку). Какое-то предчувствіе говоритъ мнѣ, что я въ отпускъ, благодаря этимъ листкамъ, не пойду. Это будетъ не тово!

Увижу ли я сегодня Сазонову, а если увижу, произве-

детъ ли она на меня какое-нибудь впечатлѣніе? Вотъ вопросъ, который занимаетъ и мучаетъ меня: я бы желалъ, страшно желалъ ее видѣть, но не желалъ бы разочароваться въ моихъ мечтахъ, не желалъ бы потерять то впечатлѣніе, которое произвела на меня ея красота, много выигрывающая отъ фантастическаго освѣщенія и изящной позы; Боже, дай мнѣ еще разъ увидѣть ее въ томъ положеніи, при тѣхъ же условіяхъ!

2 октября 1875 года. Четвергъ. Въ отпуску ничего особеннаго не случилось. Видѣлъ Подольскую, Сазоновой же не видалъ. Сегодня получилъ 5 балловъ по нѣмецкому языку,— мерзкая пятерка!

Больше ничего не случилось, да и нечему-то случиться. Опять будетъ появляться въ дневникѣ прежнее: скучно, скучно и скучно!

3 октября 1875 года. Пятница. Утро. Сегодня выпалъ первый снѣгъ. Съ большою грустью замѣчаю я, что съ каждымъ годомъ встрѣчаю снѣгъ съ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ равнодушіемъ. Неужели въ душѣ угасаетъ природная поэзія и замираютъ тѣ неясные звуки, которые я передаю подъ образомъ стиховъ? Это будетъ ужасно. Сегодня рѣшится моя судьба; если я буду хорошо отвѣчать по нѣмецкому языку, то поправлю пятерку и пойду въ отпускъ въ 3 часа. Если же нѣтъ, то въ 6, а можетъ-быть, и позже.

4 октября 1875 года. Суббота. Нечего писать, иду въ отпускъ въ 6 часовъ! скука, скука, скука! Прочелъ 2 части „Обломова". Очень, очень интересно. Намъ задано сочиненіе на тему: сравнить „Описаніе Днѣпра" Кузнецова съ „Описаніемъ Днѣпра" Гоголя, по содержанію и способу выраженія. Тема довольно богатая, но очень трудная; не знаю, какъ-то напишу.

6 октября 1875 года. Понедѣльникъ. Я не знаю, что̀ со мною дѣлается: тоска, тоска, тоска! Сегодня получилъ четвертую пятерку по нѣмецкому языку! четвертую, легко ли сказать! Я ничего не могу дѣлать, просто руки опускаются. Кажется, что влюбленъ (наконецъ-то!) въ Юлю Завадовскую, институтку Николаевскаго института, по крайней мѣрѣ я всю ночь промечталъ о ней. Когда будетъ время, подробнѣй разскажу обо всемъ, теперь же некогда, надо учить уроки.

Того же дня, вечеромъ. Я хотѣлъ подробнѣе разсказать объ отпускѣ и обо всемъ, что̀ произошло во время его: сейчасъ начну!

Мнѣ кажется, что я влюбленъ, впрочемъ, не буду увлекаться, это все ерунда и больше ничего!!!!! Скучно, скучно,

скучно, скучно, скучно, скучно, скучно, скучно, скучно, скучно и скучно. Скучно, милліоны разъ скучно! ! ! ! ! ! ! ! ! ! ! !

7 октября 1875 года. Вторникъ. Сегодня ничего особеннаго не случилось, развѣ выгнали изъ класса учителя русскаго языка.

За 9 октября 1875 года. Четвергъ. Я упоенъ моимъ торжествомъ! Я, если не побѣдилъ, то по крайней мѣрѣ не уступилъ Азанчевскому въ достоинствѣ сочиненія. Еще не остыло въ душѣ впечатлѣніе, произведенное на меня похвалою учителя. Что я чувствую, что бушуетъ во мнѣ, не въ состояніи выразить никто человѣческими словами: здѣсь есть и ревность къ Азан—у и счастье (положительное счастье!), что я не уступилъ ему!

13 октября 1875 года. Понедѣльникъ. Въ этотъ отпускъ особеннаго ничего не произошло. Былъ въ институтѣ. Завадовская попрежнему нравится, однако я не чувствую того восторженнаго состоянія, которое чувствовалъ при первой встрѣчѣ. Вообще послѣ того, какъ я разлюбилъ Марусю (надѣюсь, что она не узнаетъ, что я ее такъ просто называю), ни къ кому очень сильной любви не чувствовалъ; развѣ къ сосискамъ. Неужели можно ихъ любить?

Пришедши домой, я ожидалъ выговора, однако все сошло благополучно. Напился чаю и легъ спать. На другой день пошелъ въ институтъ.

А—ъ былъ въ прошломъ году влюбленъ въ Завадовскую: она жила гдѣ-то поблизости, а потому они сначала познакомились, а потомъ миленькое личико Юли (такъ зовутъ ее) начало нравиться ему. Это чувство перешло мало-помалу въ любовь, но потомъ оно незамѣтно изгладилось, такъ какъ А—у понравилась какая-то Женя Бабошина, но это къ дѣлу не идетъ. Итакъ, А—ъ, узнавъ, что моя сестра въ Николаевскомъ институтѣ, сказалъ мнѣ, что тамъ воспитывается предметъ его прежней любви, Юля. Мнѣ было очень интересно посмотрѣть, что это такое Юля и каковъ вкусъ у А—а. Я началъ маленькой интрижкой, т. е. сказалъ, что А—ъ передаетъ поклонъ Юлѣ. Она догадывалась, догадывалась и никакъ не могла догадаться, кто этотъ А—ъ (она его фамиліи не знала). Потомъ, кажется, догадалась; мнѣ показали эту Юлю. Дѣйствительно, премиленькое личико; напоминаетъ Марусю. Въ институтѣ есть одно очень миленькое личико; бѣлокурые волосы и чудные голубые глаза. Губки также недурны, носъ немного широкъ, но это скрадывается правильностью всѣхъ чертъ ея лица!

Ахъ, да, чуть-было не позабылъ разсказать. Въ институтѣ

пришелъ Ѳедя; мы съ нимъ сидимъ, болтаемъ, онъ выставляетъ манжеты, кокетничаетъ. Вотъ мерзость! Я не думалъ, что онъ окажется такимъ пустымъ.

Вдругъ я замѣчаю, что изъ дверей, откуда выходятъ институтки, выглядываютъ двѣ барышни. Лицо одной я замѣтилъ, другую же не разглядѣлъ. Только-что замѣчаютъ онѣ, что я смотрю, какъ вдругъ исчезаютъ. „Что за комедія,—говорю я Ѳедѣ,—посмотри, какія мартышки тамъ выглядываютъ. Это или на тебя, или на меня смотрятъ!“ Не знаю почему, Ѳедя былъ увѣренъ, что это смотрятъ на него, но я былъ убѣжденъ въ противномъ; конечно, я имѣлъ основаніе такъ думать: я пришелъ еще раньше Ѳеди и замѣтилъ, что и тогда онѣ выглядывали; однако я не хотѣлъ ему возражать: пусть остается въ сладкомъ заблужденіи.

16 октября 1875 года. Четвергъ. Давно я не писалъ, а между тѣмъ у насъ въ классѣ совершаются огромные перевороты: на мѣсто перваго ученика Слабошевича, который такъ долго поддерживалъ свое первенство, вступаетъ, кажется, А—евскій. Я о немъ еще ничего не писалъ особеннаго: онъ отлично пишетъ сочиненія, что меня очень безпокоитъ. Кажется, его можно отнести къ числу „живыхъ людей“! Слабошевичъ принялся заниматься, такъ что сомнительно, за кѣмъ останется мѣсто. Скучаю, сочиняю стихи, лѣнюсь, ничего не дѣлаю, вотъ все, что могу сказать о своихъ занятіяхъ въ настоящее время. Сегодня выпалъ первый большой снѣгъ, и часа два крыши и плацъ были покрыты имъ. Много, очень много хорошаго напомнилъ мнѣ зимній коверъ, и какое-то невыразимое словами человѣческаго языка чувство сдавило грудь!

17 октября 1875 года. Ну, развѣ это (прошу извинить за выраженіе) не свинство! Нашъ почтенный лысакъ (отъ слова „лысина“) изволилъ сдѣлать гоненіе на дневники! Какъ это покажется! И неужели мнѣ придется бросить ту тетрадку, которой я долго повѣрялъ мои мысли! Никкоггддааа!!!.....

Совершенно неожиданно, утромъ Н. П. сдѣлалъ нападеніе на наши столы. Боясь быть открытымъ, я переправилъ дневникъ къ сосѣду. Онъ же (т.-е. лысакъ), осмотрѣвъ у меня, подвергнулъ осмотру и столъ А—ра и, нашедши мой дневникъ, съ сладенькой улыбочкой принялся перелистывать страницы. Ахъ, онъ дрянь, пивная бочка, торговка съ какого вамъ угодно будетъ рынка, каковъ, а! Своими толстыми, красными лапищами осмѣлился онъ касаться до моей завѣтной тетрадки! Ужъ я бы ему порядкомъ натузилъ бока, если бы могъ! Чтобы всѣ черти его разодрали!

Я сегодня въ чрезвычайно веселомъ настроеніи духа, именно вслѣдствіе осмотра! Можетъ-быть, и даже навѣрное, я не слишкомъ нѣжно выражался, какъ разъ по-кадетски, ну, да не въ этомъ дѣло!

У насъ Лев—овъ выдумалъ устроить такую штуку: написать нарочно дневникъ, въ которомъ онъ будетъ то и дѣло ругать лысака, и сдѣлать, чтобы онъ попалъ ему. Я заранѣе воображаю удивленіе Н. П. В.! Ну, да и по дѣломъ будетъ ему! Зачѣмъ лазаетъ по чужимъ столамъ да читаетъ дневники! Вообще лысакъ человѣкъ, какъ кажется, недурной. Вѣроятно, былъ въ свое время веселый и шикарный молодой человѣкъ.

3 ноября 1875 года. Я опять принимаюсь писать дневникъ, много интереснаго случилось для меня, и вотъ я спѣшу записать это въ тетрадь. Пишу съ опасностью, чтобы не отняли у меня, потому что дневникъ, несмотря на запрещеніе Виторфа, остается себѣ въ гимназіи. Дѣйствительно, невозможно писать дома по воскресеньямъ: единственный день въ недѣлѣ, день отдыха, да и то не вполнѣ; съ двѣнадцати до половины пятаго я не бываю дома, потому что хожу въ институтъ. Тамъ мнѣ особенно нравятся разговоры съ Ольгой Владимировной Птицкой. Несмотря на то, что она какъ-то выразилась, что я ребенокъ, она, кажется, мало-по-малу начинаетъ въ этомъ разувѣряться. Я прикидываюсь влюбленнымъ, говорю съ нею намеками и тому подобной ерундой. Впрочемъ, я отчасти не прикидываюсь: въ такія минуты я невольно увлекаюсь разговорами, моими намеками и говорю съ жаромъ и чувствомъ. И то и другое улетучивается, какъ только выйду изъ института. Но во всякомъ случаѣ разговоры съ Ольгой Владимировной доставляютъ мнѣ большое удовольствіе. Полюшка очень хорошѣетъ. Я замѣчаю въ ней даже нѣкоторые признаки кокетства, конечно, институтскаго, застѣнчиваго, но все-таки кокетства. Какъ-то: выставленіе кончика ножки изъ-подъ платья, складываніе живописно ручекъ, особенной мудреной прической, которая, сказать мимоходомъ, очень къ ней идетъ. Нюшка попрежнему ребенокъ и, что̀ скверно, лѣнивый ребенокъ; я боюсь за ея будущую судьбу.

Клавдія ни хорошѣетъ ни дурнѣетъ. Ея черты, прежде мягкія и добрыя, стали теперь еще мягче и добрѣе. Въ лицѣ Клавдіи есть что-то особенно привлекательное и пріятное, неуловимое и необъяснимое, но вмѣстѣ съ тѣмъ манящее, и человѣкъ-наблюдатель непремѣнно бы подумалъ: „изъ этой выйдетъ впослѣдствіи сосредоточенная, серьезная и глубоко религіозная дѣвушка. Она даромъ не полюбитъ, она не бу-

детъ увлекаться звономъ шпоръ и блескомъ эполетъ, зато человѣкъ, котораго полюбитъ она, будетъ долго, долго любимъ, искренно, безпорочно, идеально".

Сказавъ о перемѣнахъ, происшедшихъ въ людяхъ, интересующихъ меня, я скажу о перемѣнахъ, которыя я могъ замѣтить въ самомъ себѣ.

Во-первыхъ, я сталъ религіознѣе. Это меня очень радуетъ; больше всего развитію моей религіозности послужила моя ссора съ Александеромъ. Правду говоритъ пословица: нѣтъ худа безъ добра. Ссора мнѣ была очень непріятна, однако увеличеніе моей религіозности пріятно. Въ эти минуты (т.-е. во время ссоры) я молился, и эта молитва доставляла мнѣ удовольствіе, которое перешло наконецъ въ обычай или, лучше сказать, въ долгъ, но въ долгъ пріятный. На скрипкѣ ученіе подвигается довольно быстро, во французскомъ языкѣ особенныхъ успѣховъ въ себѣ не замѣчаю, пишу попрежнему вирши, или, сказать по-тургеневски, высиживаю ихъ.

Въ отношеніи моихъ любовныхъ похожденій я очень несчастливъ. Два раза имѣлъ возможность видѣть Марусю и не видѣлъ, хотя не по своей винѣ. Больше ничего не случилось, писать опять, вѣрно, нѣсколько дней не буду; надо отнести дневникъ въ спальную комнату, а тутъ можетъ нашъ „Лысакъ" отыскать.

6 ноября 1875 года. Четвергъ. Я эти дни не писалъ оттого, что не о чемъ было писать,—это во-первыхъ, и во-вторыхъ, потому что я боялся, какъ бы почтенный „Лысакъ" не отнялъ дневникъ у меня. Только-что прочелъ трагедію Шиллера „Разбойники". Она произвела на меня сильное впечатлѣніе. Какой нуженъ былъ могучій геній, чтобы произвести подобную трагедію! Какъ чудно, живо выставлены тамъ характеры дѣйствующихъ лицъ! Какъ великъ и удивителенъ характеръ Моора-разбойника! Это отличная вещь. Я прежде, признаться откровенно, сильно таки сомнѣвался въ геніи Шиллера. И вотъ наконецъ убѣждаюсь въ томъ, что Шиллеръ былъ необыкновенный человѣкъ. Ужъ я не представляю его себѣ толстымъ, обрюзгшимъ бюргеромъ, съ огромной кружкой пива въ рукахъ и трубкой въ зубахъ.

Теперешняя погода заслуживаетъ описанія. Снѣгъ уже лежитъ повсюду. Я давно не видалъ такого чудеснаго зимняго дня. Небо совсѣмъ чисто, лишь тамъ, полускрываясь въ его синевѣ, плыветъ легкое, бѣлое и полупрозрачное облачко, будто вытканное изъ легкихъ кружевъ. Солнце начинаетъ заходить, и весь плацъ покрывается мало-по-малу тѣнью. Однако послѣдніе лучи солнечные еще блестятъ золотой нитью

на снѣгу и, какъ бы прощаясь, блестятъ цвѣтами радуги въ снѣжинкахъ.

Я думаю всегда о Марьѣ Арсеньевнѣ. Впрочемъ, объ этомъ нечего писать, это само собой разумѣется.

Тотъ же день передъ обѣдомъ. Сейчасъ я испыталъ новое удовольствіе: любовался черезъ форточку спальни бѣлизной снѣга, картиной крышъ домовъ на Петербургской сторонѣ и дышалъ свѣжимъ не гимназическимъ воздухомъ! Огромная рѣдкость для меня въ серединѣ недѣли!

24 ноября 1875 г. Она здѣсь! Я видѣлъ ее; кто и что— объясню потомъ подробнѣй, теперь не могу, иду танцовать.

Танцы кончились, всѣ пьютъ чай. Постараюсь, по возможности хладнокровно, передать, что произошло. Сегодня именины Кати, поэтому позваны гости. Я очень сожалѣлъ, что не могу быть на именинахъ, такъ какъ сегодня понедѣльникъ, слѣдовательно учебный день. Можно представить себѣ мою радость, когда дядя мнѣ вручаетъ письмо, заключающее въ себѣ просьбу объ отпускѣ моемъ на сегодняшній день. Послѣ нѣкотораго колебанія, воспитатель соглашается, и въ 3 часа, послѣ уроковъ, одѣвшись и почистившись, я лечу стрѣлой домой, раздѣваюсь, поздравляю Катю и съ нетерпѣніемъ слѣжу за всѣми, кто приходитъ. Вотъ ужъ пришло довольно много гостей, а тѣхъ, кого я ожидаю, нѣтъ какъ нѣтъ. Наконецъ, къ моей неописанной радости, являются: Григорій Васильевичъ, Анна Арсеньевна и Марья Арсеньевна!

Я не знаю, что со мной дѣлается: мнѣ и скучно, какъ-то необъяснимо скучно, и вмѣстѣ съ тѣмъ безпредѣльно, безконечно весело. Я не знаю, за что приняться, возьму книгу, пробѣгу глазами двѣ-три строки и опять закрываю, ничего не могу прочесть, вѣрно, оттого, что меня такъ и тянетъ въ гостиную. Такъ прошло нѣсколько времени до тѣхъ поръ, пока я не сдѣлался въ состояніи нѣсколько владѣть собою. Наконецъ я вошелъ въ гостиную, поклонился какъ только могъ ловче всѣмъ присутствующимъ, преимущественно наклоняя голову въ сторону Марьи Арсеньевны, и я замѣтилъ, что она сильно покраснѣла. Я это вполнѣ понимаю: ей, конечно, не могло быть пріятно встрѣтиться со мною послѣ лѣтней исторіи. Однако я, постоявъ у дверей и отвѣчая на вопросы односложными словами: „да и нѣтъ“, улучилъ минутку и выскользнулъ изъ гостиной. О чемъ еще говорить? Игралъ въ шахматы и шашки, былъ счастливъ до тѣхъ поръ, пока не пришло время танцевъ. Она сидѣла все время въ углу съ одной знакомой, А. Н. Колоколовой, не принимая въ

танцахъ ни малѣйшаго участія. Впослѣдствіи она протанцовала раза два вальсъ, потомъ кадриль и снова удалилась въ свой уголокъ, наблюдая за танцами. Я танцовалъ довольно и, по обыкновенію, плохо. Въ кадрили, во время grand rond мнѣ пришлось танцовать съ Марьей Арсеньевной рука въ руку. Первый разъ дотрагивался я до ея руки и, можетъ быть, въ послѣдній... Потомъ мнѣ пришлось обносить конфетами всѣхъ и слышать то очаровательное merci, которое повліяло на меня столь сильно на Пасхѣ. Боже! Какъ я былъ счастливъ! Кромѣ того Анна Арсеньевна нашла, что я очень стройно держусь и что я особенно какъ-то причесанъ, хотя, собственно говоря, я совсѣмъ никакъ не былъ причесанъ. Кто-то нашелъ, что я похорошѣлъ и выросъ. Наконецъ всѣ разъѣхались, мнѣ пора итти спать! А завтра меня ждетъ гимназія, со всѣми ея обычаями и стѣсненіями, которые такъ невыразимо противны для меня.

---

29 ноября 1875 года. Суббота. Мелькнуло, какъ во снѣ или волшебной панарамѣ, „ея“ личико и исчезло, оставивъ по себѣ одно отрадное, дорогое воспоминаніе! Я дома, сижу у стола въ дѣтской и пишу подъ аккомпанементъ говора нѣмки-гувернантки! На недѣлѣ ничего не случилось, записывать нечего; развѣ можно занести то, что Милютинъ похвалилъ мое сочиненіе на вольную тему, которое попалось ему подъ-руку, когда онъ вошелъ въ нашъ классъ. Учитель отозвался ему обо мнѣ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, что̀ мнѣ очень пріятно. Вальбергъ сильно боленъ, у него брюшной тифъ. Душевно сожалѣю.

Намѣреваюсь завтра сходить въ институтъ, самому стыдно, что такъ давно не видалъ дорогую Нюшку. Впрочемъ, въ прошлое воскресенье я не могъ у нея быть, такъ какъ долженъ былъ быть въ гимназіи на обѣднѣ, по случаю храмового праздника. Больше писать нечего. Меня преслѣдуетъ всюду скука, апатія, изъ которой я выхожу лишь тогда, когда вспоминаю или о жизни въ Алсуфовомъ Берегу, или о Марьѣ Арсеньевнѣ.

20 февраля 1876 года. Суббота. И я сжегъ все, чему поклонялся. Поклонялся всему, что̀ сжигалъ!

Пять мѣсяцевъ ничего не писалъ я въ дневникѣ, сегодня, наткнувшись нечаянно на него, вздумалось мнѣ опять приняться за старое занятіе и подѣлиться съ бумагой своими впечатлѣніями. Пять мѣсяцевъ — время небольшое, а между тѣмъ я сильно измѣнился. Недавно, кажется, я писалъ въ моемъ дневникѣ въ какомъ-то восторженномъ тонѣ всякую

чепуху, а теперь не знаю, какимъ образомъ дошелъ до сознанія, что все, написанное мною, въ высшей степени глупо, и я краснѣю, перечитывая мой дневникъ, за самого себя, съ моими нелѣпыми тогдашними мыслями, мечтаніями и всякой другой чепухой. Я рѣшилъ (и сознаю, что хорошо сдѣлалъ), что разыгрывать пошленькую роль вздыхателя съ моей стороны ужасно глупо, а вслѣдствіе этого я не буду обнаруживать ни передъ кѣмъ моихъ чувствъ, чтобы послѣ не краснѣть за нихъ. Нѣсколько разъ я пытался догадаться и объяснить себѣ то чувство, которое я такъ громко называлъ любовью; мнѣ кажется, что это не что̀ иное, какъ вредное вліяніе тѣхъ романовъ, которые поглотилъ я въ дѣтствѣ. Отъ этого глупаго чтенія воображеніе мое вездѣ начало рисовать таинственныя приключенія, прогулки при лунѣ и тому подобные ужасы, которые, къ счастью, никогда или почти никогда не встрѣчаются въ дѣйствительной жизни. Я радъ, что наконецъ образумился, что пересталъ заставлять себя думать только объ одной моей (такъ называемой) любви, которой вовсе нѣтъ и не было. Я пришелъ къ заключенію, что все это временное увлеченіе или, правильнѣе говоря, ослѣпленіе, которое, слава Богу, минуло; я наконецъ понялъ, чего я хотѣлъ: я хотѣлъ жить такъ, какъ не живутъ другіе мои сверстники, хотѣлъ думать такъ, какъ они не думаютъ, однимъ словомъ, хотѣлъ выдѣлиться, стать выше ихъ, обратить на себя вниманіе, сдѣлаться предметомъ всеобщей похвалы и удивленія. Безсмысленныя желанья мои, къ счастью, не оправдались, и я получилъ вмѣсто ожидаемыхъ похвалъ однѣ только насмѣшки, которыя заставили меня задать себѣ вопросъ: „Неужели всѣ смѣются надо мною безъ причины?“ Нѣтъ, не можетъ быть, чтобы безъ причины, рѣшилъ я, такъ какъ безъ причины смѣются только дураки, а что всѣхъ тѣхъ, кто надо мною смѣялся, назвать дураками было невозможно, въ этомъ я никогда не сомнѣвался. „Слѣдовательно, — вывелъ я заключеніе,—несмотря на то, что мое самолюбіе огромное, и даже до глупости огромное самолюбіе пострадало отъ этого заключенія, — я достоинъ этого смѣха“. Этого было довольно, я вышелъ на хорошую дорогу и сталъ искать, что̀ именно во мнѣ смѣшно. Добравшись до этого, я началъ додумываться, отчего развились во мнѣ эти смѣшныя стороны, доискавшись наконецъ, что причиной всему — во-первыхъ, раннее чтеніе романовъ и, во-вторыхъ, воспитаніе почти безъ присмотра и добрыхъ совѣтовъ, я рѣшился искоренить въ себѣ эти смѣшныя стороны, а если и будутъ просыпаться у меня иногда глупыя стремленія, то не буду выказывать ихъ передъ тѣми людьми,

мнѣніемъ которыхъ я дорожу. Слава Богу, наконецъ-то попалъ я на истинный путь!

Во время этихъ пяти мѣсяцевъ особеннаго ничего не случилось, развѣ только можно занести въ дневникъ, что былъ на балу у Сазоновыхъ и велъ себя не такъ глупо, какъ прежде, былъ разговорчивъ и даже (вотъ до чего дошло) танцовалъ нѣсколько разъ польку съ Сашей! На другой день была свадьба Антонины Васильевны, сестры тетиной. Праздновали ее на квартирѣ Григорія Васильевича. Были Кавронскіе, много другихъ дамъ и мужчинъ, знакомыхъ и незнакомыхъ. Марья Арсеньевна была хороша, какъ всегда, но мнѣ что̀ за дѣло до этого: я тринадцатилѣтній мальчикъ и буду имъ, а не стану корчить изъ себя влюбленнаго! На масленицѣ были на балаганахъ два раза, а на Рождествѣ (какъ я непослѣдовательно разсказываю) плясалъ очень часто. Ну, больше писать не о чемъ, можетъ-быть, долго не возьму опять въ руки дневника: лѣнь одолѣваетъ. P. S. Прочелъ только-что „Обыкновенную исторію“ Гончарова. Порядочно—но „Обломовъ“ мнѣ больше нравится. Ахъ, какой я дуракъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ прежде, съ моимъ романическимъ бредомъ и мечтаньями!

31 марта 1876 г. Я отпущенъ сегодня на Пасху. Сколько волненій и опасеній было у меня въ послѣдніе часы моего пребыванія въ гимназіи! Прошлый разъ я былъ аттестованъ въ неудовлетворительномъ разрядѣ за 5 балловъ по математикѣ. Въ эти списки боялся того же, если не худшаго, но однако напрасно, такъ какъ не только у меня баллы хорошіе, вслѣдствіе чего я и въ разрядѣ хорошихъ, но многіе учителя прибавили мнѣ противъ прежняго. Такъ, напримѣръ, по-французскому языку я ожидалъ 10 балловъ, а получилъ 11. А—ъ опасно боленъ. Надежда на выздоровленіе очень слаба. Впрочемъ, я давно ничего не знаю о ходѣ болѣзни, можетъ-быть, онъ и поправляется. Скоро годъ съ тѣхъ событій, которыя были описаны на первыхъ страницахъ дневника, а въ этотъ годъ я не на много поумнѣлъ, развѣ только созналъ глупость моего неравнодушія къ М. К.; краснѣю вспоминая о старыхъ глупостяхъ. Дядюшка Петръ Ивановичъ въ „Обыкновенной исторіи“ Гончарова правъ, совершенно правъ.

---

16 мая 1876 года. Воскресенье. Скверное настроеніе духа: досадно на самого себя и на всѣхъ другихъ; что̀ же? можетъ-быть, я и имѣю причину? Не писалъ я давно, потому что была лѣнь; не стану ничѣмъ ее оправдывать, потому что солгу въ дневникѣ, а такимъ образомъ обману самого себя.

Съ нѣкотораго времени я сталъ сильно присматриваться къ себѣ и другимъ. Я понялъ, что для того, чтобы быть хорошимъ писателемъ, надо хорошо изучить человѣческую натуру, и чѣмъ раньше начать изученіе ея, тѣмъ успѣшнѣе пойдетъ впередъ это дѣло. Я присматриваюсь, какъ къ людямъ вообще, такъ и къ каждому въ особенности, и вижу, какъ всѣ они далеки отъ моего идеала человѣка, который создало мое воображеніе. Я думалъ, напримѣръ, что люди помогаютъ другимъ бѣднякамъ изъ состраданія, но мнѣ пришлось скоро очень разочароваться: дядя (котораго я считалъ за очень хорошаго человѣка) говорилъ какъ-то, что ему ужасно надоѣли дѣла по Дамскому Лазаретному Комитету (учрежденіе богоугодное!), и что онъ пока „не видитъ для себя никакой пользы" отъ того, что хлопочетъ и тратится въ пользу бѣдныхъ.

Досадно мнѣ было на себя и на людей за это разочарованіе, ну, да что жъ дѣлать, когда-нибудь надо бы было узнать правду; нечего цѣлый вѣкъ обманывать себя и другихъ, говоря, что мы живемъ для того, чтобы приносить пользу. Мы должны жить для этого, но гдѣ же эти идеальные Лео, которыхъ выставилъ Шпильгагенъ въ своемъ романѣ „Одинъ въ полѣ не воинъ"? Едва ли они есть въ нашей благословенной Россіи, а если и есть, то не смѣютъ смѣло приняться за дѣло: ихъ забросаютъ грязью, назовутъ либералами и вольнодумцами, а назовутъ тѣ, которые втайнѣ будутъ имъ сочувствовать! Я поставилъ своею цѣлью сдѣлаться романистомъ, я не знаю, достигну ли я ея или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ я надѣюсь, что мои наблюденія принесутъ кому-нибудь пользу, хотя это и будетъ одна капля въ широкомъ просторѣ житейскаго моря (преглупая фраза, не правда ли?). Мнѣ досадно на себя, что я не сильный, не могучій Лео, а такъ, какъ и всѣ прочіе въ мои лѣта, безплодный мечтатель, никому не приносящій пользы своими грезами, которыя, если вѣрить „Обыкновенной исторіи", никогда не осуществятся. Скверная доля!

ВЕСНА И ЛѢТО.

30 мая 1876 года. Воскресенье. Хотя по календарямъ весна началась гораздо раньше, но зато это и было только по календарямъ, такъ какъ 10 мая въ богоспасаемомъ Питерѣ снѣгъ лежалъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Настоящая весна,

въ полномъ смыслѣ этого слова, началась только за нѣсколько дней до сего времени; зато что за весна! Жара страшная, солнце неумолимо печетъ людей и животныхъ, какъ будто желая ихъ превратить въ кушанья. Ну, однако я порядочную чепуху несу, не прекратить ли пока свои разглагольствованія?

---

31 мая 1876 года. Понедѣльникъ. Третій урокъ, сегодня экзаменъ русскаго языка. Я по грамматикѣ рѣшительно ничего не знаю. На бѣду еще пріѣхалъ генералъ Исаковъ, ну что, если Докучаевъ вызоветъ меня при немъ! Бѣда да и только, тогда не только двѣнадцать, дай Богъ десять получить. У меня душа ушла въ пятки. На первыхъ двухъ урокахъ писали сочиненіе. Темъ было три:

1) Лѣтній вечеръ въ деревнѣ,

2) Характеристика Петра Великаго и

3) Взглядъ Карамзина на покоренье Казани. Я писалъ на первую тему. Навалялъ строчекъ семь, а дальше что писать и не знаю; наконецъ мнѣ пришла въ голову счастливая мысль: приклеить какъ-нибудь къ описанію вечера грозу. Задумано — сдѣлано, и гроза отправилась въ докучаевскій портфель вмѣстѣ съ кучею другихъ произведеній нашего класса. На скуку пожаловаться не могу, такъ какъ во время экзаменовъ трудно скучать. Вчера въ первый разъ ѣздилъ на пароходѣ въ Петергофъ. Море, или, вѣрнѣе говоря, заливъ произвелъ на меня очень сильное впечатлѣніе. Подробностей описывать не стану: некогда, сейчасъ Докучаевъ войдетъ въ классъ. Пока всѣ экзамены выдержалъ: главныя трудности — алгебру и ариѳметику — перешагнулъ, получивъ по шестерочкѣ: „и то хлѣбъ“, какъ говоритъ В—ъ: онъ срѣзался — очень сожалѣю; получилъ по алгебрѣ годовой *6*, экзаменный — *4*. Эти двѣ науки для меня съ нимъ — Сцилла и Харибда. Однако что-то я слишкомъ расписался, то и гляди Докучаевъ застанетъ за симъ занятіемъ!

Того же числа вечернія занятія. Просматривая свой дневникъ, я съ удивленіемъ увидѣлъ, что тамъ нѣтъ ни слова о происшествіяхъ на Пасхѣ, а между тѣмъ они стоятъ быть занесенными на страницы этой тетради. Собственно говоря — это всего одно происшествіе.

Недѣли за три до Пасхи я увидалъ у моего товарища М—а нѣсколько листковъ желтой почтовой бумаги. Спрашиваю — что это такое? — Это моя роль, — отвѣчаетъ онъ, показывая мнѣ заглавный листъ, гдѣ крупнымъ красивымъ почеркомъ выведено:

Роль Жевакина

изъ пьесы Женитьба Гоголя.

Я — страстный любитель домашнихъ театровъ и потому началъ распрашивать Мельницкаго, у кого онъ будетъ играть, кто затѣялъ это, откуда раздобудутъ костюмы и тому подобное. Онъ мнѣ сказалъ, что театръ будетъ у Чичаговыхъ. Ахъ, надо замѣтить, что наканунѣ этого дня я былъ у моей кузины А. Н. Абариновой и видѣлъ у нея бойкую барышню, лѣтъ 14, которую зовутъ Люд. Викт. Чичагова. Она и Нина Абаринова—совершенно современныя барышни, конечно, обѣ уже успѣвшія влюбиться въ какихъ-то Колей, говорящія по-французски и страшныя охотницы до интригъ. Случайно мнѣ удалось завести съ ними одну: отъ Мельницкаго я раньше слышалъ фамилію Чичаговыхъ, а потому и сказалъ какъ-то Нинѣ Абар.—„я знаю Люд. Викгор., такъ какъ много о ней слышалъ“.

Нина вдругъ обернулась къ Чичаговой и сказала ей: „ахъ, Миля, вѣдь это все противный Ребендеръ ему разболталъ“.

Я и знать не знаю, что̀ это за Ребендеръ, однако счелъ своимъ долгомъ завѣрить, что это—дѣйствительно онъ. Ѳедя съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на меня, но я далъ ему знакъ молчать и черезъ нѣсколько времени урвалъ минутку сообщить, въ чемъ дѣло. Ѳедя согласился съ удовольствіемъ поддерживать мою невинную ложь, и мы пошли съ нимъ пускать такого туруса на колесахъ (или, по выраженію французскаго учителя г. Варона, „на турусахъ, на колесахъ“), что онѣ окончательно увѣрились, что мы знаемъ этого „противнаго Ребендера“. Но вдругъ Люд. Викт. спросила:

— Да какъ же вы знаете Ребендера, когда онъ не во второй, а въ третьей гимназіи?

— Ничего не значитъ,—храбро возразилъ Ѳедя,—у меня тамъ цѣлая компанія знакомыхъ: Абжелтовскій, Абрамовичъ (тутъ онъ прибралъ такія фамиліи, которыхъ, я думаю, никто еще и не слыхивалъ).

— А что̀, его сестра пріѣхала? — вдругъ спросила Миля, обратясь къ Ѳедѣ.

— Пріѣхала, — увѣренно отвѣтилъ онъ,—нѣтъ, позвольте, какъ же... пріѣхала, пріѣхала...

Я слушалъ да смѣялся втихомолку. Такимъ образомъ завели мы интригу съ Абариновой и Чичаговой. Пріѣхавъ въ гимназію, мы выбрали по листку изъ ролей братьевъ Мельницкихъ и на этихъ листкахъ послали письма къ Нинѣ. Это

былъ послѣдній ударъ ихъ невѣрію. Теперь онѣ окончательно увѣрились, что все это—правда. Ну, если увѣрились, тѣмъ лучше для насъ. Мы продолжаемъ до сихъ поръ нашу интригу и сводимъ съ ума Нину; Милю мы не видѣли съ тѣхъ поръ. Нина, какъ говоритъ Ѳедя, имѣла глупость въ меня влюбиться. Что̀ же, на здоровье!

Предполагаемый, но неудавшійся театръ Чичаговыхъ навелъ меня на мысль учинить такую же штуку. Ѳедя поддержалъ мое предложеніе, и рѣшено было, испросивъ предварительно согласіе Николая Николаевича (дяди Ѳеди), привести въ исполненіе нашу мысль. Съ его стороны не было препятствій, и вотъ мы принялись хлопотать, переписывать роли, закупать нужное. Въ послѣднюю ночь клеили декораціи, несмотря на то, что внизу былъ балъ и насъ приглашали танцовать. Насталъ съ нетерпѣніемъ ожидаемый вечеръ. Можно легко представить нашъ ужасъ, когда мы вдругъ узнали, что Вася окончательно не знаетъ большей половины роли и не имѣетъ нужнаго костюма. Съ костюмомъ кое-какъ наладили, а роль думали, что сойдетъ, и думали не напрасно. Передъ обѣдомъ Ѳедя и его товарищъ Философовъ отправились гримироваться. Остальнымъ лицамъ это было лишнее. Философова узнать было нельзя: онъ былъ превосходно загримированъ. Всѣ собрались около шести часовъ; была сдѣлана послѣдняя репетиція, и наконецъ, когда публика размѣстилась,—зрителей было человѣкъ до пятидесяти,—рѣшили, что пора поднимать занавѣсъ. Первая пьеса была водевиль Баженова „Бѣдовая бабушка“. Передъ открытіемъ занавѣса двѣ дѣвочки: бабушка (С. Н. Мамантова) и внучка (М. А. Пещурова) помѣстились на сценѣ. Уморительно было видѣть ихъ перепуганныя личики и смотрѣть, какъ онѣ крестились передъ началомъ. Наконецъ занавѣсь поднялась.

Глаша (внучка) начала довольно бойко, но бабушка, и безъ того говорящая обыкновенно неясно, заголосила такимъ неистовымъ дискантомъ, что зрители и актеры за сценой не удержались и фыркнули. Бабушка, не конфузясь, быстро продолжала свою роль, качая въ тактъ головою, убранною чепцомъ. Черезъ нѣсколько времени на сцену долженъ былъ выйти докторъ, котораго роль исполнялъ А. И. Философовъ. Его выходъ былъ превосходенъ. Потомъ появился и я. Какъ только я вышелъ на сцену, множество зрителей сильно смутило меня, но я, запихавъ подальше страхъ, чисто заговорилъ свою роль; вскорѣ я освоился съ новизною положенія, и голосъ потерялъ свое прежнее дрожаніе. Первая пьеска сошла довольно удачно, настала очередь второй; бо̀льшая

часть актеровъ очень плохо знала роли (въ томъ числѣ и азъ многогрѣшный). Открылась занавѣсь. Ѳедя отлично сказалъ свой монологъ. Затѣмъ Философовъ сыгралъ также недурно. Потомъ показалась супруга Ѳеди (Е. М. Пещурова), наконецъ я, а послѣ меня Вася. Этотъ началъ довольно твердо, но потомъ обращался ко всѣмъ шопотомъ съ вопросомъ, что̀ дальше? Мы фыркали, а онъ, не смущаясь, несъ ахинею, какъ будто такъ и должно быть. Я не стану перечислять нѣкоторыхъ довольно значительныхъ неудачъ, такъ какъ придется слишкомъ много писать, скажу только, что конецъ пьесы вышелъ отвратительный. Это не помѣшало однакожъ публикѣ хлопать и награждать трехъ барышень картинками съ конфетами, Ѳедю—лавровымъ вѣнкомъ, Философова—множествомъ тостовъ за его здоровье, а остальныхъ неумолкаемыми аплодисментами. Послѣ театра отправились танцовать. Много было остротъ между публикой по случаю послѣдней пьесы—„Двѣ гончія по одному слѣду“, острили насчетъ актеровъ, и общій приговоръ былъ таковъ, что вообще играли сносно. Ну что̀ жъ, намъ, не слишкомъ славолюбивымъ актерамъ, больше ничего не было надо! Послѣ танцевъ всѣ перепились ужасно. Одинъ воспитанникъ изъ царскаго училища, съ которымъ я пилъ брудершафтъ, не могъ потомъ добрести домой и остался ночевать, такъ же, какъ и я, у хозяина; на другое утро я чувствовалъ себя очень дурно, однако это мнѣ не помѣшало смѣяться надъ вчерашнимъ нашимъ состояніемъ. Я хоть и былъ пьянъ тогда (9 рюмокъ портвейна—не пустякъ), но между тѣмъ не утратилъ способности наблюдать, а потому мнѣ все вчерашнее казалось такимъ карикатурнымъ, что я не могъ вспомнить о немъ безъ хохота!

Вторникъ, 1 іюня 1876 года. Утромъ. Еще шесть дней, не считая сегодняшняго, и ура! Каникулы! Насъ распустятъ въ понедѣльникъ. Въ этотъ самый день назначено засѣданіе театральнаго комитета, состоящаго изъ А. Философова, А. Лихонина, Ѳ. Мѣдникова, В. Мамантова и, можетъ-быть, А. Ратикова. Будутъ выбирать—въ режиссеры, президенты и секретари комитета. Во второмъ случаѣ я подамъ голосъ за А. Философова, въ первомъ за Ѳ. Мѣдникова. На этомъ комитетѣ будутъ рѣшаться всѣ дѣла по поводу театра на будущемъ Рождествѣ. Пока предполагается играть: „Несчастье особаго рода“, „Что̀ имѣемъ, не хранимъ, потерявши—плачемъ“, „На хлѣбахъ изъ милости“ и „Алегри“. Но комитетъ распредѣлитъ, кто какую роль будетъ играть.

Вообще будутъ участвовать:

Мужской персонажъ:

Ѳ. Ѳ. Мѣдниковъ (Ѳедя).
А. Лихонинъ.
А. Философовъ.
В. Мамантовъ (Вася).
А. Ратиковъ.
С. Надсонъ (я).

Дамскій персонажъ:

Е. М. Пещурова 1-ая (Елиз. Мих... Лиза).
М. А. Пещурова 2-ая.
С. Н. Мамантова (Сонечка).
А. Н. Абаринова.

Кромѣ того мною будетъ предложено комитету дать маленькія роли

К. И. Мамантовой 2-ой (Катя).
В. М. Пещуровой 3-ей.
А. Н. Мамантовой 3-ей (Аня).

Каждый изъ мужчинъ обязанъ будетъ внести въ общую кассу по пяти рублей, что̀, вѣроятно, Вася и Петя Пещуровъ не сдѣлаютъ. Но въ такомъ случаѣ у насъ все-таки будетъ довольно: 25 руб. хватитъ за глаза, да мы притомъ надѣемся немного на Николая Николаевича.

Сегодня приготовленіе къ геометріи, а я и не началъ ее повторять; пора и честь знать, завтра экзаменъ, какъ бы не получить пяти! Это ужъ будетъ премерзко.

Того числа вечеромъ послѣ чаю. Ужасно боюсь за завтрашній экзаменъ: послѣдняго отдѣла о кругахъ совсѣмъ не знаю, а о задачахъ понятія не имѣю. Надо будетъ теперь присѣсть и повторить.

Комитетъ состоялся сегодня, участвовали:

Ѳ. Ѳ. Мѣдниковъ,
А. Н. Философовъ,
А. Мамантовъ,
С. Надсонъ;

были выборы въ режиссеры: Васю—отвергли всѣ, Лихонина—также, Ратикова—тоже, Философова—2 отвергли, два согласились, меня—всѣ, за исключеніемъ самого, выбрали и Ѳедю всѣ выбрали. Въ секретари единогласно былъ выбранъ Лихонинъ, и порѣшили на нашемъ первомъ совѣщаніи, что участвовать будутъ всѣ, переименованные мною выше, за исключеніемъ П. А. Пещурова, К. И. Мамантовой 2-ой, В. М. Пещуровой и А. Н. Мамантовой. Въ понедѣльникъ съ семи часовъ будетъ первое собраніе, въ которомъ приметъ участіе весь мужской персонажъ нашего театральнаго комитета.

---

2 іюня 1876 г. Среда. Раннее утро, еще нѣтъ и четырехъ часовъ. Солнышко еще не встало, и только розовые края облаковъ, похожихъ на клочки ваты, живописно разбросанные по голубому фону, предвѣщаютъ его скорое появленіе. Въ воздухѣ свѣжо отъ легкаго вѣтерка, который слегка шевелитъ деревья, выглядывающія изъ-за крыши гимназіи. Гдѣ-то кричитъ пѣтухъ, еще дальше чуть слышно доносится до меня крикъ другого, отвѣчающаго на привѣтствіе. Ага, вотъ и солнышко облило золотомъ трубы на крышѣ и провело отъ нихъ длинную тѣнь. Какъ ни однообразенъ и скученъ видъ нашей гимназіи, но все-таки есть что-то отрадное видѣть первые признаки утра, дающаго себя знать чириканьемъ воробьевъ съ нашего плаца и цвѣтомъ плывущихъ надъ нимъ облаковъ. Зданіе гимназіи, угрюмое и непривѣтливое, принимаетъ совсѣмъ другой видъ, когда солнечные лучи оживляютъ его темные выступы и обливаютъ золотомъ стекла оконъ.

Сегодня экзаменъ, я порядкомъ-таки боюсь: хотя отдѣлъ о кругахъ и успѣлъ повторить, но все-таки далеко не вполнѣ увѣренъ въ хорошемъ баллѣ, не только въ хорошемъ, даже— въ удовлетворительномъ! Ну, да авось сойдетъ! Я — русскій человѣкъ, слѣдовательно имѣю право это сказать.

Ахъ, какъ хорошо это блѣдно-голубое утреннее небо съ мелкими розоватыми облаками! Какъ свѣжа, ярка зелень деревьевъ! Какъ весела пѣсня птичекъ! Скорѣй бы въ деревню,— погрузиться всецѣло въ наблюденія природы, которую я такъ глубоко, страстно люблю! А во многихъ нашихъ журналахъ въ послѣднее время частенько стали попадаться несправедливыя насмѣшки надъ любителями природы: то говорятъ, что весной нечѣмъ восхищаться, что въ это время—какъ выйдешь на улицу—грязь и грязь! Вѣрно, что каждое время года имѣетъ свои недостатки, но зато оно имѣетъ и достоинства, о которыхъ господа журналисты почему-то умалчиваютъ. Да наконецъ кто мнѣ говоритъ, что есть въ Петербургѣ весна? Развѣ можно назвать этимъ именемъ возрожденіе нѣсколькихъ садовъ, которыми не богата наша столица, или смягченіе морозовъ? Какая же это весна, если 10-го мая нельзя высунуть носъ на воздухъ, боясь его отморозить. Нѣтъ, въ Петербургѣ весны не бываетъ, весна—на югѣ, весна — въ глуши, вдали отъ большихъ городовъ, въ деревняхъ и селахъ. Тамъ настоящая, не исковерканная человѣкомъ природа, тамъ ужъ не встрѣтить обстриженныхъ и обрѣзанныхъ рядовъ акацій по садамъ; вотъ гдѣ надо искать Чародѣйку-Весну, а не жалкое ея подобіе, ежегодно насту-

пающее въ Петербургѣ. Но и онъ бываетъ иногда хорошъ; хорошъ не такъ, конечно, какъ южныя мѣста, а какъ-то своеобразно, оригинально. Жалко, что это „иногда“ случается слишкомъ рѣдко, и не всѣмъ бываетъ удобно любоваться Петербургомъ въ его красивѣйшія минуты. Такъ, напримѣръ, не всякій захочетъ встать въ четыре часа, чтобъ любоваться первыми отблесками солнечныхъ лучей, искрящихся въ водахъ Невы и блестящихъ въ позолотѣ ангела на Петропавловской крѣпости и корабля—на Адмиралтействѣ. Послѣ, вѣроятно, буду еще писать, писать больше не могу—не о чемъ, да и некогда!

Того же числа 1-й урокъ. Вотъ и экзаменъ. Послѣ того, какъ я написалъ сегодня утромъ нѣсколько строкъ въ дневникѣ, пошелъ я прогуливаться по коридору, заглянулъ въ спальную камеру да и соблазнился: пошелъ да и легъ спать; сначала я возымѣлъ твердое намѣреніе только полежать и опять приняться за повтореніе, но этому намѣренію не привелось осуществиться: я легъ, да и заснулъ; не знаю, долго ли я спалъ, но только, когда проснулся, слышу звонокъ; я думалъ, что это строиться къ чаю, и поэтому всталъ и направился въ залу, но тамъ было пусто; оказалось, что звонокъ былъ изъ классовъ, что я проспалъ чай и утреннія занятія. Ѣсть мнѣ хотѣлось ужасно! На мое счастье, наткнулся на Философова, съ которымъ и отправился въ кухню. Онъ раздобылъ мнѣ хлѣба, за что я ему чрезвычайно благодаренъ!

---

3 іюня 1876 года. Вечеромъ на первыхъ занятіяхъ. Вчера по геометріи годовой у меня 7, экзаменный 8; я очень доволенъ этимъ балломъ; завтра прочтутъ списки по русскому языку; завтра же экзаменъ по естественной исторіи; я пока успѣлъ пройти одну только ботанику, о минералогіи понятія не имѣю, не посплю сегодня ночь—выучу!

Того же числа, вторыя занятія. Мнѣ сегодня пришла фантазія писать, и я произвелъ на бѣлый свѣтъ слѣдующее стихотвореніе, которое, какъ мнѣ кажется, сравнительно съ прежними не дурно.

Не долгій срокъ намъ данъ въ отдохновенье:
Два мѣсяца стрѣлою пролетятъ,
И снова книги, скучное ученье
Часы свободы быстро замѣнятъ.
Опять звонокъ будить насъ утромъ будетъ,
Опять онъ насъ погонитъ на урокъ,

Но средь заботъ обычныхъ не забудетъ
Никто изъ насъ каникулъ краткій срокъ!
И будемъ мы, надъ книгой засыпая,
Видать во снѣ родимый уголокъ,
Гдѣ рѣчка катится, волной блистая,
Гдѣ не звучитъ докучливый звонокъ!
Гдѣ нѣтъ журналовъ классныхъ и дежурныхъ,
Гдѣ нѣтъ чернилъ, линеекъ, циркулей,
Гдѣ нѣту сценъ и „бенефисовъ“ бурныхъ,
Гдѣ нѣтъ скотовъ подъ образомъ людей.
Мы спимъ надъ книгой, спимъ, а воспитатель
Давно глядитъ, давно насъ сторожитъ,
И—что̀ за мука адская, Создатель!—
Разбудитъ насъ и стать на штрафъ велитъ!

Бенефисомъ въ пользу кого-нибудь изъ воспитателей или учителей называется договоръ между воспитанниками, по которому они сговариваются вести себя отвратительно.

---

4 іюня 1876 года. Пятница, утреннія занятія. Сегодня ночь почти совсѣмъ не спалъ и успѣлъ пройти восемь билетовъ по минералогіи, а всѣхъ десять. Ничего, два успѣю!

Съ какимъ наслажденіемъ вывелъ я сегодняшнее число—4! Скоро, черезъ три дня наступятъ каникулы, у Ѳеди же—завтра, счастливецъ!

На каникулахъ я буду жить въ деревнѣ Дидвино, Новгородской губерніи, по Николаевской дорогѣ, 12 верстъ со станціи Полежалы въ сторону. На каникулахъ буду заниматься съ Антониной Васильевной англійскомъ языкомъ, она уже обѣщала мнѣ это. Наши поѣдутъ, кажется, 10-го числа за границу; я не очень завидую Васѣ!—Меня чрезвычайно интересуетъ знать, сколько я получу сегодня по естеств. исторіи, тѣмъ болѣе, что ничего не могу предположить,—хотѣлось бы десяточку! и очень хотѣлось бы. У меня слѣдующіе баллы:

		Ср. б.
По франц. яз.	10	+ 2
„ нѣмецк. яз.	8	+ —
„ Закону Бож.	10	+ 2
„ русск. яз.	10	+ 2
„ ариѳм.	6	— 2
„ алгебрѣ.	6	— 2
„ геометріи	8	+ —
„ естеств. истор. . . .	10	+ 2
„ географіи	10	+ 2
„ рисованію	9	+ 1
„ исторіи	9	+ 1

+ 12
— 4   8,8

+ 8

Многие изъ моихъ стиховъ я отдавалъ Жор—ву, не списывая ихъ въ свою тетрадку, гдѣ всѣ они собраны. Теперь у него ихъ набралось нѣсколько. Это самые древніе первые мои опыты, но въ нихъ, какъ мнѣ кажется, больше чувства, чѣмъ въ теперешнихъ. Я ихъ спишу пока въ дневникъ, а потомъ отсюда въ мою тетрадку.

Фантазія

Ночь благовонной тишиною
И южной прелестью полна;
Надъ спящей мирнымъ сномъ землею
Горитъ, какъ мѣдный шаръ, луна.
Вдали, обросшій весь кустами,
Стоитъ твой домикъ надъ рѣкой;
Облитый лунными лучами,
Бѣлѣетъ въ чащѣ онъ лѣсной.
Въ твоемъ окошкѣ, замирая,
Лампадки слабый свѣтъ блеститъ,
Какъ будто нитка золотая,
Онъ, въ рѣчкѣ искряся, дрожитъ.
Быть-можетъ, ты теперь читаешь,
Иль, растворивъ окно, мечтаешь
Подъ звуки пѣсни соловья.
Иль предъ иконою святою
Съ молитвой жаркою стоишь
И, вѣрой полная живою,
На ликъ Спасителя глядишь.

Лѣнь писать, да и некогда. Бетхеръ каждую секунду можетъ вызвать меня, надо быть готовымъ.

---

5 іюля 1876 г. Суббота. 1-й урокъ (пригот.). Скоро, черезъ два денька, считая сегодняшній, кончатся экзамены, а тамъ за ними—свѣтлая перспектива каникулъ! Вчерашній экзаменъ сошелъ замѣчательно хорошо: годовой 9, экзаменный—11, одно досадно, что не десять годовой, а то все равно 11 или 10 получить на экзаменѣ, въ среднемъ-то всетаки десятка окажется! Вчера у насъ было второе засѣданіе, окончательно измѣнившее всѣ предположенія: роли совсѣмъ перемѣнились, и кромѣ прежнихъ лицъ прибавился еще В. Ратиковъ. Я ни его ни А. Ратикова не знаю, что-то они за люди окажутся? Мнѣ дали двѣ роли, какъ и всѣмъ: въ первой пьескѣ („Что имѣемъ, не хранимъ, потерявши плачемъ“) я играю Александра, молодого, только-что женившагося художника, во второй („Несчастье особаго рода“)—дядюшку. Ѳедя говоритъ, что это—отличная роль. Кромѣ того порѣшено сдѣлать двѣ занавѣси: бѣлую, съ красной золото-

струнной лирой по серединѣ, и голубую, съ золотыми звѣздами. Много толковали насчетъ другихъ мелкихъ условій. но ничего пока окончательно не порѣшили. Мнѣ велѣно купить 3 пьески: „На хлѣбахъ изъ милости“, „Несчастье особаго рода“ и „Чтò имѣемъ, не хранимъ, потерявши плачемъ“; изъ двухъ послѣднихъ выписать свои роли и роль Матрены Карловны. Ее будетъ играть, по общему приговору, Елизавета Михайловна Пещурова.

Нѣтъ, хоть и совѣстно передъ самимъ собою, а приходится признаться, что она мнѣ очень нравится! Да и въ самомъ дѣлѣ, чего ради я буду стыдиться того, чтò не въ моей волѣ? Вѣдь это значитъ принуждать себя увѣриться, что я еще ребенокъ, ничего не понимающій, начитавшійся глупыхъ романовъ и ищущій ихъ вездѣ! Зачѣмъ же я буду говорить, что я таковъ, если я иной на самомъ дѣлѣ! Моя воля, конечно, никому не открывать этого, чтò я и намѣренъ сдѣлать, во избѣжаніе насмѣшекъ! Хотя бы поскорѣй выйти изъ этого несноснаго дѣтскаго возраста! Но довольно объ этомъ, мнѣ стыдно за самого себя, рука отказывается описывать подробности нашей встрѣчи, какъ, когда и гдѣ я ее встрѣтилъ и тому подобное!

Послѣзавтра у насъ экзаменъ по географіи. Я разсчитываю на десять балловъ, но если получу одиннадцать, буду несказанно радъ, такъ какъ тогда, можетъ-быть, буду выше Руденкова, а чего добраго, и Львова. Это было бы отлично! Ниже пятаго я не разсчитываю быть, а это значитъ, что скрипка моя!

Я говорю о скрипкѣ, не объяснивъ, чтò это значитъ: дядя Діодоръ Степановичъ обѣщалъ мнѣ подарить скрипку, если я выдержу хорошо экзамены! Это дѣло слажено, а слѣдовательно лѣтомъ у меня будетъ великолѣпнѣйшая скрипка. Я ужасно доволенъ! Это было моей задушевной мечтой съ тѣхъ поръ, какъ я началъ учиться. Нашъ учитель музыки, А. Ф. Баганцъ, подарилъ мнѣ свой сборникъ легкихъ дуэтовъ для двухъ скрипокъ; первая играетъ мотивъ, вторая аккомпанируетъ. Изъ сорока восьми пьесокъ, помѣщенныхъ тамъ, я свободно играю двѣнадцать, остальныя разучу лѣтомъ. Хоть бы поскорѣй настало это такъ долго ожидаемое лѣто! Въ Любани, въ пятнадцати верстахъ отъ Дидвина, будетъ жить Елизавета Михайловна, слѣдовательно я ее буду видѣть, такъ какъ наши часто будутъ ѣздить въ Любань за всякой всячиной. Весело пролетятъ два мѣсяца! Потомъ въ гимназіи долго буду помнить ихъ со всѣми удовольствіями каникулъ.

Я рѣшилъ этотъ часъ прошалберничать, по выраженію

Лысака, что и исполняю съ величайшей легкостью. Пока еще книги не раскрывалъ по географіи, а если бы раскрылъ, испугался бы того, сколько нужно мнѣ учить. Вѣдь я схватилъ только верхушки пройденнаго курса въ этомъ классѣ, а положительно, какъ слѣдуетъ, не знаю ни одного предмета. Меня вывозитъ мое умѣнье гладко говорить: какъ только вызовутъ, я, не смущаясь, несу такую ахинею, въ которую невозможно вдуматься, а учителя слушаютъ, развѣсивъ уши, и ставятъ въ заключеніе хорошій баллъ. Часто я, отвѣчая исторію, съѣду на географію и естественную исторію, съ географіи же на миѳологію, и такимъ образомъ наговорю понемногу изъ разныхъ отраслей знанія, что̀ вмѣстѣ составитъ порядочный потокъ словъ, пересыпанный первыми попавшимися въ голову терминами! Перемѣна—съ будущаго урока примусь за географію!

---

7 іюня 1876 года. Понедѣльникъ. 1 урокъ. Сегодня! Не вѣрится просто, что сегодня каникулы. Какъ я радъ! Хоть бы поскорѣй пролетѣли пять часовъ экзамена, а тамъ—двухмѣсячная свобода—утѣшительно! Померанцевъ ругается свирѣпымъ образомъ: умора да и только! Только-что кончается первый часъ, а ужъ четыре пули поставлены: Левашову, Иванову, Имеретинскому и Хрозоеколео; кромѣ того Янчунскому четыре балла! Вчера былъ въ Павловскѣ, время провелъ довольно весело. Былъ въ Розовомъ павильонѣ, катался и каталъ другихъ на гигантскихъ шагахъ, качеляхъ и другихъ тому подобныхъ снарядахъ. Дядя подтвердилъ свое обѣщаніе на счетъ скрипки. Скорѣй бы сегодняшніе три часа настали! Едва ли буду много писать за лѣто: лѣнь одолѣваетъ.

Вчера утромъ провожалъ Васю на желѣзную дорогу: онъ ѣхалъ въ Лугу. Я даже удивился самому себѣ: отчего я ему не завидовалъ? Я зналъ, что тамъ будетъ Марья Арсеньевна, и между тѣмъ совершенно равнодушно отнесся къ этому! Скоро я перемѣнился!

---

9 іюня 1876 года. Среда. 7 іюня вызвали по географіи въ послѣднія три минуты. Я только-что успѣлъ сказать нѣсколько словъ, какъ звонокъ прервалъ мои краснорѣчивыя разглагольствованія. Я въ страшной досадѣ: на прибавку балла и надѣяться нечего! Читаютъ: годовой девять, экзаменный... ну, сколько-то, думаете?—одиннадцать!!! Я испускаю радостный крикъ и бѣгу одѣваться на каникулы.

Послѣзавтра въ деревню! Вчера ходилъ къ дядѣ Донѣ и... ура!—скрипка моя! Дядя хочетъ ее нѣсколько поправить и прикупить струнъ. Писать больше не о чемъ.

---

16 іюня 1876 года. Среда. Вотъ я и въ Дидвинѣ, и скрипка у меня подъ столомъ, однимъ словомъ, исполнились мои завѣтныя мечтанія. Не весело и не скучно, такъ себѣ. Лѣнь писать дальше!

---

23 іюня 1876 г. Среда. Раннее утро; вчера вечеромъ пришла мнѣ фантазія лечь спать въ строеніи, въ которомъ предполагалось прежде устроить ледники; спалъ я съ работникомъ Андреемъ и пастухомъ, мальчикомъ лѣтъ пятнадцати, Ѳомою. Заснули поздно, часовъ въ двѣнадцать, а до тѣхъ поръ я имъ разсказывалъ двѣ сказки Гоголя: „Сорочинская ярмарка“ и „Ночь передъ Рождествомъ“. Андрей заснулъ подъ конецъ, но Ѳома дослушалъ до конца и остался весьма доволенъ. „Ну, а теперь спать“,—заключилъ я свой разсказъ и растянулся на соломѣ, рядомъ съ Андреемъ, прикрывшись его теплымъ овчиннымъ кожухомъ. Черезъ полчаса мы захрапѣли дружнымъ тріо и проспали до тѣхъ поръ, пока арендаторъ не пришелъ будить Андрея и Ѳому, которымъ было время итти работать. Распрощавшись съ ними, я захватилъ скрипку, съ которой рѣдко разлучаюсь, и вышелъ изъ ледника. За рѣкою пылала заря. На огнисто-аломъ фонѣ ея рѣзко выдѣлялись темно-зеленыя кроны елей, окаймляющихъ съ лѣвой стороны садъ. Сквозь ихъ густую зелень просвѣчивала Тигода, гладкая, какъ стекло, вся залитая яркимъ сіяньемъ зари. У насъ во все горло кричалъ пѣтухъ, и ему вторилъ другой изъ-за рѣки. Я отправился къ себѣ въ комнату и подъ чириканье воробьевъ принялся писать свой дневникъ. Который-то часъ? У насъ во всемъ домѣ ни у кого нѣтъ часовъ, но, кажется, солнышко уже взошло, такъ какъ на кухнѣ и на стволахъ березъ исчезли красивые отблески зари, хотя облака носятъ еще по краямъ ея отпечатокъ. Люблю я это раннее, немного свѣжее утро, это громкое ку-ку, доносящееся изъ сосѣдней рощи, мирную картину трехъ деревень, ярко облитыхъ алымъ свѣтомъ. Все это—чисто-русское, родное! Вчера цѣлый день писалъ роли для нашего театра. Такъ какъ нѣкоторые члены не одобрили выборъ пьесъ, которыя мы предполагали исполнить, то я хочу настоять, чтобы играли водевиль „Путаница“, потому что тамъ двѣ мужскія и двѣ женскія роли очень хороши. Кромѣ нихъ есть еще незначительная роль лакея—Ферапонта. Ее можно поручить кому-нибудь изъ

второстепенныхъ актеровъ. Я переписалъ уже роли Клушиной и Ферапонта, началъ переписывать роль Сатиной. Остается ее окончить и приняться за переписку Огрызскаго и Велевскаго. Обѣ роли—не маленькія.

Третьяго-дня ѣздилъ за 17 верстъ верхомъ, въ Любань, въ надеждѣ видѣть Елизавету Михайловну, но надежда не оправдалась, я нисколько объ этомъ не пожалѣлъ; странный я, право, человѣкъ!

Въ субботу праздникъ въ сосѣдней деревнѣ—Коколайрикахъ; я думаю переодѣться крестьяниномъ и, захвативъ скрипку, отправиться туда съ Андреемъ.

Антонина Васильевна въ городѣ; она поѣхала провожать Петра Васильевича, который уѣзжаетъ служить въ Польшу, и нашихъ. Больше писать не о чемъ, все течетъ своимъ порядкомъ, какъ обыкновенная деревенская жизнь. Поваляюсь немного, а потомъ примусь оканчивать переписку ролей, даже не оканчивать, а пока еще только продолжат

---

29 іюня 1876 г. Вторникъ. Много новаго испыталъ я за нѣсколько послѣднихъ дней. Перечислять подробно—значитъ исписать три такихъ тетради, какъ эта, поэтому я не скажу ничего о моихъ прошлыхъ впечатлѣніяхъ и перейду къ настоящему.

Сегодня Петровъ день, именины Петра Васильевича. Несмотря на то, что онъ теперь въ Польшѣ, въ городѣ Плоцкѣ, его жена, Раиса Алексѣевна, задумала справлять этотъ день. Къ обѣду были позваны сосѣди—Охочинскіе, а на кухнѣ угощалась цѣлая ватага мужиковъ и бабъ. Удручающая картина: мужики и молодыя дѣвушки держали себя сравнительно прилично, а бабы—это верхъ безобразія. Сначала все шло порядочно, но къ обѣду, когда всѣ перепились и начали во все горло голосить пѣсни, въ кухню лучше бы было и не заходить, такъ грустно было смотрѣть на пьяныхъ крестьянокъ. Особенно скверное впечатлѣніе произвела на меня одна баба, по имени Ульяна. Попозже, часовъ въ восемь, когда гости разошлись и только на кухнѣ остались двое-трое мужиковъ съ женами, я зашелъ туда и что же увидѣлъ? На креслѣ сидѣла Раиса Алексѣевна и спокойно курила; въ ногахъ у нея, съ рюмкой водки въ рукѣ, валялась Ульяна, лепеча почти совсѣмъ неповинующимся ей языкомъ: „Ты для меня дороже всего, тебѣ—сто рублей за улей цѣна, ты так... такая барынька, благодѣтельница, что мнѣ слѣдуетъ тебѣ ноги мыть да воду пить“, и она принималась покрывать безумными поцѣлуями руки и ноги Раисы Алексѣевны. Мнѣ было гадко

видѣть такое уподобленіе человѣка—животному, но я молчалъ, даже не молчалъ, а глядѣлъ вызывающимъ образомъ на „барыньку“ Раису Алексѣевну, какъ-то невольно вторилъ ея безпечному смѣху, несмотря на то, что въ душѣ я вовсе не смѣялся. Черезъ нѣсколько минутъ, когда Ульяна выдумала и передо мною ползать на колѣняхъ, доказывая, что она мной „довольна“, мнѣ сдѣлалось противно, и я поспѣшилъ уйти. Потомъ мнѣ пришлось опять зачѣмъ-то сходить въ кухню, гляжу—на полу, растянувшись, лежитъ Ульяна, съ прикрытой какою-то тряпкой грязной, косматой головой!!!

Вскорѣ дурное впечатлѣніе, произведенное на меня Ульяной, изгладилось совершенно: причиной этому—теплая лѣтняя ночь. Садясь за чайный столъ, я услышалъ, какъ на сосѣдней мызѣ коверкали великолѣпную малороссійскую пѣсню „Ганзя“. Подъ предлогомъ, что надо дать простыть чаю, я схватилъ шляпу и скрипку и выбѣжалъ на балконъ. На глазахъ блестѣли слезы восторга, я весь увлекся своей игрой, а вокругъ будто слушала меня темная ночь, которая была обворожительно хороша. Дремлющая Тигода, полукругъ полей, зубчатыя вершины Бѣлой Рощи, мирныя избы Милаевки; все это было одѣто беззвѣзднымъ, темнымъ покровомъ. Луна, какъ растопленный золотой кругъ, сквозила черезъ зелень кленовъ и дубовъ и вдругъ скрылась за облакомъ, позолотя его края. Пришелъ Болеславъ Ивановичъ, и мы долго пѣли и играли, нарушая покой и затишье лѣтней ночи!..

---

30 іюня 1876 года. Среда. Раннее утро. Я только-что возвратился съ охоты, если можно такъ назвать безплодное двухъ-трехъ-часовое броженье съ собакой по сосѣднимъ рощамъ. Только и убилъ двухъ воробьевъ, и то хорошо для начала! Стрѣлялъ разъ шесть по куликамъ, но всѣ шесть разъ далъ промахъ, причиной, вѣроятно, моя горячность и отсутствіе хладнокровія въ то время, когда я вижу птицу.

Весело было бродить по росистой травѣ съ ружьемъ-двухстволкой за плечами, цѣлить и стрѣлять, заряжать и снова стрѣлять. Пока больше писать не о чемъ, послѣ, можетъ-быть, еще набросаю на страницы дневника нѣсколько замѣчаній.

---

1 іюля 1876 г. Четвергъ. Сѣрый и пасмурный день. Небо въ темно-сѣрыхъ облакахъ. Хорошо было бы итти на охоту, да лѣнь одолѣваетъ. За сегодняшній день еще нечего писать, такъ какъ онъ еще начинается,—всего теперь 12 час., запишу только происшествія вчерашняго.

Вчера, часовъ около пяти, Болеславъ Ивановичъ долженъ былъ отправиться па желѣзную дорогу, чтобы ѣхать въ городъ; Антонина Васильевна и я отправилась его провожать до деревни Чудской Боръ, назадъ мы хотѣли итти пѣшкомъ или подождать Мареу (работницу, которая везла Болеслава Ивановича), пока она вернется со станціи, и ѣхать обратно въ тарантасѣ домой. Доѣхавъ до Бора, мы съ Антониной Васильевной вышли изъ тарантаса и отправились въ лавку. Тамъ, закупивъ, что̀ слѣдовало, отдохнувъ и выпивъ бутылочку пива, мы порѣшили итти пѣшкомъ потихонечку домой, въ надеждѣ, что Мареа насъ догонитъ. Я вооружился длинною палкою отъ собакъ, и мы двинулись.

По дорогѣ купили дичи, отдохнули, поѣли винныхъ ягодъ и опять пустились въ путь. Не доходя до мызы Васильевыхъ, я замѣтилъ, что за нами надъ боромъ висѣла густая, черно-свинцовая туча. Вдали погромыхивалъ громъ. „Идемте поскорѣе,—совѣтовалъ я Антонинѣ Васильевнѣ,—если не хотите вымокнуть“.—„Успѣемъ,—отвѣтила она,—а не то доберемся до Коколайрики (Коколайрика — деревня, лежащая на нашемъ пути),—тамъ переждемъ грозу и подождемъ Мареу“.—„Какъ хотите!“—отвѣтилъ я. Только-что мы вошли въ Коколайрику, какъ раздался оглушительный громовой ударъ, и дождь полилъ, какъ изъ ведра. Мы вошли подъ навѣсъ одной избы. Хозяйка радушно разговорилась съ нами, и скоро изъ оконъ начали высовываться любопытныя личики дѣтей. Антонина Васильевна одѣлила всѣхъ гостинцами. Меня поразило личико одной дѣвочки—Маши, до того она походила на Лизу Пещурову; тѣ же черты и, главное, тѣ же чудные глубокіе глаза. Я думалъ, что вижу передъ собой Лизу, но дѣвочка заговорила, и ея крестьянскій выговоръ разрушилъ очарованіе. Но вотъ подъѣхала Мареа, мы сѣли въ тарантасъ, а дождь будто нарочно припустилъ сильнѣй, и мы пріѣхали домой, измокшіе до костей. Переодѣлись, напились чаю и улеглись спать!

---

7 іюня 1876 г. Среда. Не писалъ такъ долго, такъ какъ ни на минутку не могъ успокоиться: зубы не давали покоя. Сегодня, кажется, они рѣшили, что могутъ мнѣ дать одинъ день отдыха, и вслѣдствіе этого не болятъ.

Недавно съ нами случилось странное происшествіе. Ночь была великолѣпна, мы пѣли, болтали, я игралъ на скрипкѣ, и незамѣтно время пролетѣло до полуночи. Разошлись по своимъ комнатамъ. Я раздѣлся, легъ въ постель, взялъ въ руки книгу, какъ вдругъ слышу, что въ комнатѣ Антонины

Васильевны скрипнула дверь. Кто тамъ?—спросила Антонина Васильевна,—отвѣта нѣтъ.

Минутъ черезъ пять все снова замолкло. Я не обратилъ на это большого вниманія и принялся читать про Картуша; какъ вдругъ я вижу—у моей двери нажалась ручка, и кто-то такъ сильно дернулъ за нее, что дверь соскочила съ крючка и наполовину отворилась. Кто тамъ?—спросилъ въ свою очередь я. Опять молчаніе.

Я разсказалъ черезъ стѣну это происшествіе Антонинѣ Васильевнѣ, и изъ нашего разговора выяснилось, что мы оба боялись. Пока мы перекликались, вошла Раиса Алексѣевна спросить, отчего поднялся шумъ. Мы ей разсказали. Позвали арендатора, осмотрѣли всѣ закоулки,—ничего нѣтъ! Странно!

Вчера приводилъ въ порядокъ садъ Антонины Васильевны, а послѣ обѣда ѣздилъ въ тарантасѣ въ Чудской Боръ за провизіей. Написалъ письмо Ѳедѣ, жду его сюда. Поговоримъ о нашихъ театральныхъ дѣлахъ. Собственно о сегодняшнемъ днѣ нечего писать, такъ какъ онъ только-что начинается. Утро было восхитительно, но погода измѣнилась — будетъ дождь.

---

28 іюля 1876 г. Среда. Лѣнь было писать, а потому я такъ долго не повѣрялъ своихъ впечатлѣній дневнику, а между тѣмъ многое надо бы записать.

У насъ, т.-е. въ Дидвинѣ, былъ Гр. Вас., Ан. Ар. и Мар. Арс. Не хочется мнѣ сознаться, но также нельзя утаить, что Мар. Ар. произвела на меня нѣкоторое впечатлѣніе, хотя, правда, далеко не такое сильное, какъ прежде. Я съ большимъ удовольствіемъ замѣтилъ, что она страшно подурнѣла, но я не могу себѣ объяснить, почему именно это доставило мнѣ удовольствіе.

Какъ-то застрѣлилъ утку и дрозда. Отъ Григорія Васильевича получилъ приглашеніе въ Берегъ. Хотѣлъ бы пріѣхать, да финансы плохи. Вчера сосѣди Охочинскіе брали у насъ лодку, а сегодня вечеромъ мы отправились къ нимъ за нею. Назадъ возвратились ночью на лодкѣ. Веревка у веселъ оборвалась, и я долженъ былъ грести стоя.

Такой лунной, свѣтлой ночи еще ни разу не было, хотя вообще въ послѣднее время ночи—великолѣпны. Ѳедька не ѣдетъ и не отвѣчаетъ на письмо, Александеръ—также. Обоимъ будетъ трепка. Дальше писать лѣнь...

---

9 августа 1876 года. Понедѣльникъ. Не особенно весело, но и не очень скучно. Пріѣхалъ братъ Болеслава Ивановича, Альбинъ Ивановичъ, и его товарищъ, Николай Александровичъ Макаренко. Устраиваютъ парусъ на лодкѣ. Ну, и пускай себѣ устраиваютъ!

---

18 августа 1876 г. Среда. Грустно видѣть, какое вліяніе на нашъ классъ имѣетъ Вал—ъ, Вин—ъ, Ор—овъ и другіе изъ ихъ партіи. Классу было скучно, и вотъ принялись за любимое занятіе задѣвать кого-нибудь. На сегодня была моя очередь, и ни одного голоса не было за меня. Б. И. говорилъ, что человѣкъ всегда самъ виноватъ, если не сумѣлъ поставить себя въ хорошее положеніе. Неужели это правда?

Если это правда, значитъ, человѣкъ въ данномъ случаѣ виноватъ въ томъ, что не обладаетъ сильными кулаками! Если это правда, значитъ, правда, что такимъ людямъ, какъ я, нельзя жить на свѣтѣ, въ особенности меня удивило, что Азанчевскій также принялся задѣвать меня. Впрочемъ, нечему удивляться: я знаю, что онъ умный человѣкъ, и что онъ, по всей вѣроятности, старается завоевать въ классѣ положеніе Вальберговъ, Орфеловыхъ и разныхъ другихъ сильныхъ міра сего. Онъ, вѣроятно, сообразилъ, что особеннаго грѣха въ этомъ случаѣ на его совѣсти не будетъ, а классъ приметъ его выходку съ удовольствіемъ и дастъ ему мѣсто среди своихъ тузовъ!

Положимъ, что подобное разсужденіе не лишено справедливости, но я не рѣшился бы такъ поступить! Страшно мнѣ это кажется, какъ порядочный человѣкъ можетъ сдѣлать подлость для своихъ выгодъ?

Жалко и досадно, а главное

Некому руку пожать
Въ минуту душевной невзгоды!

Ни одного человѣка не оказалось расположеннаго въ мою пользу, никто, по крайней мѣрѣ, не возвысилъ голоса, между тѣмъ какъ я, обдумавъ хладнокровно все это, могу смѣло сказать, что я былъ совершенно правъ.

Полчаса спустя.

Нѣтъ, можетъ-быть, я и дѣйствительно самъ виноватъ: по глупости или по самолюбію не поставилъ себя въ первомъ классѣ, какъ слѣдуетъ, а потому и приходится теперь платиться за это. Ну, да, впрочемъ, что̀ прошло, то прошло, и такъ долго говорить объ этомъ не сто̀итъ труда.

---

19 четвергъ 1876 года. Не понравился мнѣ нашъ новый учитель исторіи, И. Григоровичъ. Больно франтовскія у него замашки. Мѣдниковъ и другіе накричали, что отлично разсказываетъ; ничуть не бывало, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ. То ли дѣло Н. Залогерскій! Во время его урока всѣ точно вылитые сидятъ на мѣстахъ.

23 августа. Ничего особеннаго не случилось и не случается во всѣ эти дни. Казенныя новости скучно записывать. Онѣ мнѣ и такъ ужъ давно надоѣсть успѣли. Въ отпуску не былъ—наши за границей. Скука изрядная, уроковъ множество. Цѣлые дни пилю на скрипкѣ. На А—а немного сердитъ. Однимъ словомъ, ерунда!

---

24 августа 1876 г. Вторникъ. На-дняхъ я получилъ записку, въ которой сказано напыщеннымъ и дѣловымъ тономъ, что „г. режиссеръ Ѳ. Мѣдниковъ и г. секретарь Н. Философовъ объявляютъ о засѣданіи". Будутъ обсуждаться всѣ вопросы, касающіеся театра. Я не хотѣлъ-было итти завтра въ отпускъ (въ четвергъ—праздникъ), но дѣлать нечего, придется измѣнить мое намѣреніе, потому что не быть на совѣщаніи значитъ получить самыя скверныя роли, а я, понятно, этого не желаю. Въ лицахъ, участвующихъ въ спектаклѣ, произошла небольшая перемѣна, а именно: вмѣсто А. Абариновой играть будетъ какая-то О. Писецкая. Что̀ за особа, положительно не знаю.

Съ Сашкой помирился. Мы съ нимъ рѣдко подолгу ссоримся! Славный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ, жаль только, что немного непостояненъ. Ну, да это пройдетъ со временемъ.

---

25 августа 1876 года. Среда. Въ послѣднее время мнѣ все начало представляться въ мрачномъ свѣтѣ, и если бы не сочувствіе русскихъ герцоговинскому возстанію, я былъ бы увѣренъ, что теперь ни у кого нѣтъ благородныхъ движеній души. Если они, впрочемъ, и есть, то проявить ихъ почти невозможно человѣку мало-мальски самолюбивому. Накричатъ, что хочешь быть выскочкой, что это донъ-кихотство, а иные прибавятъ еще, что и подлость.

---

27 августа 1876 года. Пятница. Былъ въ отпуску у тети Ани. Что̀ я за слабохарактерный! Послѣ проблеска разума на страницахъ дневника опять появляется ерунда, но милая мнѣ, дорогая ерунда, потому что она касается тѣхъ предметовъ, или, вѣрнѣе, лицъ, которыми я имѣлъ глупость быть заинтересованнымъ. Такъ и теперь со мной случилось: опять

влюбленъ! Ну, что̀ мнѣ подѣлать съ моею влюбчивой натурой! Влюбленъ-то, главное, въ кого?—Въ Полюшку. Жду съ нетерпѣніемъ воскресенья, чтобы... А, да и писать-то досадно! Дальше!

---

27 августа. Вечернія занятія. Скверно и тяжело на душѣ. Нехорошая исторія случилась со мною и, главное, съ Александеромъ. Онъ держалъ экзаменъ естеств. исторіи въ первый разъ у К. Сентъ-Илера, а въ продолженіе года учился у Бетхера. Послѣднимъ было многое пропущено, а С. Ил. именно пропущенное изъ курса и спросилъ у Александера, и когда тотъ, разумѣется, не зналъ и сказалъ, что у насъ этого не проходили, С. Ил. отослалъ его экзаменоваться къ Бетхеру, которому наговорилъ про Александера, что тотъ на экзаменѣ капризничаетъ. Конечно, это можетъ показаться невѣроятнымъ, но это было такъ; къ чему мнѣ обманывать самого себя? Александеръ между тѣмъ отправился экзаменоваться къ Бетхеру. Тотъ съ видимой неохотой принялся за экзаменованіе, сбивалъ Александера на всѣ лады и когда наконецъ не могъ, то просто порѣшилъ, что Александеръ ничего не знаетъ, чему помогъ поддакиваньемъ своимъ Н. Померанцевъ. Мнѣ стало обидно за Сашу, я не могъ сдержать своихъ слезъ, убѣжалъ въ чистильню и заплакалъ. Потомъ объяснилъ Н. Померанцеву причину моихъ слезъ, что̀ онъ назвалъ вздоромъ. Объяснить я рѣшился только послѣ его настоятельныхъ приставаній. Трудно было бы мнѣ не заплакать. Сашу я люблю очень, понятно, что мнѣ стало обидно, что его усиленные труды кончились ничѣмъ. Такого безсовѣстнаго поступка отъ начальства я не ожидалъ, а главное, что правды и суда на него негдѣ отыскать. Неужели же всегда будутъ только сильные царствовать! Неужели же у кого кулакъ больше, тотъ имѣетъ право на счастье? Кто разрѣшитъ мнѣ это?

Я самъ чуть не попалъ подъ арестъ отъ того же самаго Померанцева. Иду въ большую послѣобѣденную перемѣну по коридору и посвистываю. Вдругъ вылетаетъ изъ дежурной комнаты Померанцевъ и, схвативъ за руку, тащитъ подъ арестъ. За что̀?—изумляюсь я.

— За всѣ дерзости, которыя ты мнѣ сегодня сдѣлалъ!

— Какія же дерзости?

— Тамъ узнаешь.

„Ну, едва ли узнаю“,—думаю я. Подошли къ двери карцера, солдата не оказалось. Померанцевъ пробурчалъ что-то непонятное, оставилъ меня и ушелъ въ дежурную комнату. Но, главное, интересно, какія я ему дерзости говорилъ?

---

31 августа 1876 года. Вторникъ. 29 августа былъ отпускъ на 30 и 31 число. Померанцевская исторія минула, не оставивъ по себѣ никакого слѣда, или, выражаясь проще, я почти не былъ за нее наказанъ. Витторфъ удовольствовался сбавкою двухъ часовъ, такъ что, вмѣсто того, чтобы итти въ субботу послѣ уроковъ, я отправился послѣ обѣда. Пѣхтурой потащился я съ Александеромъ на Знаменскую. Онъ у Гостинаго двора сѣлъ въ дилижансъ, идущій въ село Александровское, я же двинулся дальше. Пришелъ домой, закусилъ, почиталъ Пушкина и легъ спать. Проснулся рано. Битыхъ два часа сидѣлъ передъ зеркаломъ, причесываясь и вообще приводя въ порядокъ собственную персону. Напился чаю и двинулся въ институтъ, въ голубую залу. Вызвалъ нашихъ; Полюшка показалась мнѣ красавицей. Изъ института направилъ свои стопы къ Николаю Николаевичу. Онъ встрѣтилъ меня, по обыкновенію, очень радушно и ласково. Поѣхали въ Павловскъ. Множество красавицъ и великолѣпная музыка Арбана произвели на меня очень сильное впечатлѣніе. Лиза изгладилась изъ памяти. Всю дорогу назадъ меня грызла зависть, что я не могу позволить себѣ нѣкоторой роскоши. Рѣшилъ занять деньги, чтобъ купить: двѣ собственныхъ рубашки въ 4 руб., собственные суконные брюки—8 руб., платковъ, хоть полдюжины—4 р. 50 к., рукавчиковъ, воротничковъ и запонокъ. Всего около 20 рублей. Не знаю—удастся ли? На другой день опять пошелъ въ институтъ. Нюшка опять наказана. Поля была, какъ всегда, прелестна. Я началъ перечислять тѣхъ красавицъ, которыхъ видѣлъ въ Павловскѣ, между прочимъ назвалъ фамилію „Барманская“ и спросилъ, знаетъ ли ее Поля. Нюша и она лукаво переглянулись, и Поля сказала: „Какъ же, очень хорошо знаемъ! Онъ такой хорошенькій, братъ Барманской“.—„А, вотъ оно что̀,—подумалъ я,—теперь знаю, кто тебѣ, голубушкѣ, нравится“, и принялся бранить Барманскаго за его поведеніе, которое, какъ я имѣлъ случай неоднократно наблюдать, бываетъ постоянно очень похвально. Боже мой, что̀ сдѣлалось съ Полей, щечки зардѣли, загорѣлись темные глаза и гнѣвно блеснули изъ-подъ густыхъ рѣсницъ. Она была великолѣпна, повторяю я еще разъ. И полились чудныя рѣчи, въ которыхъ она краснорѣчивѣе любого адвоката принялась защищать Барманскаго. Сначала я возражалъ, но потомъ замолкъ, залюбовавшись на мою „прекрасную непріятельницу“, какъ выражается Вася. Поля замѣтила, вѣроятно, мой восторгъ, такъ какъ сначала покраснѣла, а потомъ, поднявъ гордо голову и улыбнувшись, пытливо заглянула мнѣ въ глаза. Въ свою очередь я сконфу-

зился и перемѣнилъ тему разговора, обращаясь преимущественно къ Клавдіи, боясь встрѣтить Полинъ взоръ, который, какъ я чувствовалъ, еще лежалъ на мнѣ. Минуты черезъ двѣ я распрощался, причемъ Поля робко, какъ бы нехотя, протянула мнѣ руку и лѣниво промолвила: „Что же вы такъ скоро?“ Я пробормоталъ что-то и быстро вылетѣлъ за дверь и въ мигъ очутился на улицѣ. Задумчиво поплелся я по Невскому, досадуя, самъ не зная за что, на всѣхъ и на все. День прошелъ безъ приключеній. Провожалъ на Пески Ол. Птицкую, причемъ она разсказывала лишь о томъ, какъ провела лѣто. Вечеромъ отправился въ гимназію, шелъ по Невскому, видѣлъ иллюминацію, которая была очень плоха. Въ гимназіи поболталъ съ Александеромъ, онъ мнѣ показалъ карточку Али Бабатиной, которая ему нравится. Улегся спать. Сегодня катался на гигантскихъ шагахъ. Д—ій запустилъ въ меня ощелкой пребольно. Вотъ и все, что случилось со мной за послѣднее время. Погода хмурится. На березахъ почти совсѣмъ увяли листья. Мелкій дождь, которымъ обыкновенно богата осень, стучитъ по крышамъ гимназіи. Тоску наводитъ такая погода, хоть бы скорѣй пролетѣла скучная осень да настала зима. Я ее представляю себѣ въ видѣ веселой бѣлокурой красавицы, окруженной толпою послушныхъ слугъ, которые только болѣе придаютъ красокъ ихъ повелительницѣ.

ОСЕНЬ.

1 сентября 1876 года. Среда. Скучно. Опять сѣрое, мутное небо съ желтоватымъ просвѣтомъ надъ крышею младшаго возраста; опять дождь, грязь, уроки и вообще однообразная гимназическая жизнь со всѣми ея прелестями. Какъ-то и мечтать не хочется, не то лѣнь, не то не о чемъ, Богъ его знаетъ отчего. Въ настоящую минуту мнѣ рѣшительно все равно—жить или умереть, такъ какъ я свое настоящее состояніе не могу считать жизнью. Ничего не занимаетъ, ничто не радуетъ, скука, равнодушное прозябанье,—а въ будущемъ единицы, единицы,—цѣлый частоколъ единицъ, такъ какъ ихъ, кажется, много предвидится.

---

6 сентября 1876 года. Понедѣльникъ. Вчера былъ въ отпуску у Н. Н. Мамантова. Ѣздили съ нимъ въ Ораніенбаумъ. Время провелъ весело и самъ былъ на-веселѣ: выпилъ два

стакана шампанскаго и около двухъ стакановъ сотерна. Во вторникъ окончательно назначенъ комитетъ, но Ѳедька заболѣлъ или прикидывается, что заболѣлъ, такъ что, можетъ-быть, и не состоится собраніе комитета. Завтра опять праздникъ по случаю какого-то праздника. Сегодня получилъ 5 по исторіи, но въ журналъ мнѣ не поставлено. Урокъ и старое зналъ отлично, сбился на хронологіи. Для меня эта хронологія—адъ.

Вчера видѣлъ Флорансъ Пещурову, отъ нея узналъ, что Лиза пріѣхала. Вчера были ея именины, мы съ Ѳедей послали ей поздравленіе черезъ Флорансъ. Въ институтѣ не былъ, да и не хотѣлось особенно быть. Полюшку уже разлюбилъ, по крайней мѣрѣ, на время. Хорошо, что завтра отпускъ, а то я умеръ бы съ тоски. Куда поѣду завтра, самъ пока не знаю, но увѣренъ въ одномъ, что куда-нибудь поѣду. Хочется видѣть Лизу, измѣнилась ли она, похорошѣла или подурнѣла.

---

7 сентября 1876 г. Послѣдній урокъ. Наконецъ-то состоялось окончательное совѣщаніе вчера вечеромъ, въ лазаретѣ у Мѣдникова. Порѣшили, что будутъ играть три пьесы, а именно:

„Путаница", „Картинка съ натуры" и „Ворона въ павлиньихъ перьяхъ".

Въ первой пьесѣ участвуют

Г-жа Клушина	М. М. Пещурова.
Сатина, внучка ея	С. Мамантова.
Огрызковъ	С. Надсонъ.
Веневскій (женихъ Сатины) .	Ѳ. Мѣдниковъ.
Ферапонтъ (слуга Клушиной) .	А. Философовъ.

Во второй пьесѣ участвуютъ:

Господинъ N.	А. Лихонинъ.
Жена его	Е. М. Пещурова.
Денщикъ	А Философовъ.

Въ послѣдней пьесѣ участвуютъ.

Г-жа N.	Е. М. Пещурова.
Дочь ея	С. Мамантова.
Антонъ Антоновичъ	С. Надсонъ.
Докторъ	Ѳ. Мѣдниковъ.
Мальчикъ изъ трактира . . .	* * *

---

13 сентября 1876 г. Понедѣльникъ. Урокъ исторіи кончился, но звонка еще не было, а поэтому я пользуюсь свободнымъ временемъ набросать на страницы дневника мои послѣднія впечатлѣнія... Эхъ, звонокъ... Потомъ какъ-нибудь запишу.

---

20 сентября 1876 г. Понедѣльникъ. Лѣнь, лѣнь, лѣнь и лѣнь. Запустилъ по математикѣ уроки ужасно. Ну, да Богъ съ ними, съ уроками, дѣло ихъ теперь не касается, т.-е. не дѣло, а такъ... Ну, однимъ словомъ я „залепортовался", это случается. Въ субботу отправился въ отпускъ съ Ѳедей, забралъ съ собой роли и роздалъ, кому слѣдуетъ. Вечеръ субботы и утро воскресенья провелъ дома. Въ часъ явился Николай Николаевичъ съ Ѳедей. Ѳедя мнѣ сказалъ, что въ два часа къ нижнимъ Пещуровымъ придетъ Лиза. Все время я былъ, какъ въ лихорадкѣ. Проситься у дяди пойти къ Николаю Николаевичу не хотѣлъ, потому что и такъ слишкомъ часто у него бываю. Все время думалъ, какъ бы увидѣть Лизу. Самые разнообразные, самые отчаянные планы тѣснились въ головѣ, но, какъ всегда случается въ такихъ обстоятельствахъ, ни одинъ изъ нихъ нельзя было привести въ исполненіе. Какъ я завидовалъ Ѳедѣ! Тутъ я замѣтилъ, что мнѣ не на шутку нравится Лиза. Отозвавъ въ сторону Ѳедю, я ему сказалъ, чтобы онъ непремѣнно устроилъ такъ, чтобы я видѣлъ Лизу. Онъ обѣщалъ. Вдругъ я вижу, Николай Николаевичъ собирается уходить! Всѣ мои надежды лопаются, какъ мыльные пузыри. Я стараюсь успокоить себя, какъ могу — напрасно, ужасно досадно становится. Наконецъ я нѣсколько успокоился. Отправились мы, т.-е. Альбинъ Ивановичъ, Вася и я, смотрѣть несгораемаго человѣка на плацу Павловскаго училища. Идя туда, я слабо надѣялся встрѣтить тамъ Лизу, ну и, конечно, не встрѣтилъ! День былъ холодный, я возвратился домой, продрогъ ужасно. Вдругъ дома меня встрѣчаетъ Коля словами: „Сеня, тебѣ письмо отъ Ѳеди". Я догадался тотчасъ же, что это письмо — приглашеніе къ Пещуровымъ. Я не ошибся. Послѣ обѣда, накинувъ шинель, стрѣлой помчался къ Ѳедѣ, а оттуда къ Пещуровымъ. Я видѣлъ Лизу, провелъ весь вечеръ съ ней; можно ли быть такимъ счастливымъ? (Эге)!

То же число. Вечернія занятія. Безобразно, глупо влюбленъ я. Опишу подробнѣе всѣ вчерашнія происшествія, вообще все, что касается Лизы. Видѣлъ я ее въ первый разъ въ Павловскѣ, три года тому назадъ. Видѣлъ мелькомъ, ничего особеннаго

въ ней не нашелъ. Ѳедя все увѣрялъ меня, что она очень симпатичная особа, а я на это возражалъ, что мнѣ она не нравится, и все тутъ! Думалъ ли я, что буду въ нее влюбленъ до безумія? А между тѣмъ это такъ. Потомъ я встрѣтилъ ее на балу у нѣкихъ Поповыхъ. Объ этомъ разскажу подробнѣе. Во время Рождества прошлаго года былъ я на одномъ балу Николая Николаевича. Злилъ Философова, называя его непризнаннымъ сатирикомъ, злилъ Нину Абаринову, говоря, что ей Ребендеръ кланяется, и веселился самъ. Вдругъ мнѣ говоритъ Ѳедя:—Хочешь въ пятницу попасть на балъ?— Я, понятно, изъявилъ полнѣйшую готовность и спросилъ: — Къ кому? — Къ Поповымъ, — отвѣчаетъ Ѳедя. — Къ какимъ? — Къ однимъ моимъ знакомымъ! — Да я-то чего ради туда попаду? — возразилъ я. — Да вотъ въ чемъ дѣло, — отвѣтилъ мнѣ Ѳедя: — Поповы пригласили меня черезъ Философова и сказали, чтобъ я безъ кавалеровъ не являлся; ясно?— Ясно! Идетъ, — отвѣчалъ я. Много нужно было преодолѣть препятствій, чтобы попасть на этотъ счастливый балъ, но мы мужественно выдержали нападенія со стороны Николая Николаевича, и такимъ образомъ побѣда осталась за нами — мы отправились! Даль страшнѣйшая, я позабылъ даже гдѣ. У меня, по правдѣ говоря, замирало сердце. Ѳедя дорогой мнѣ объявилъ, что на балу будетъ Лиза Пещурова. „Ну, что это за хваленая Лиза“,—думалъ я, подъѣзжая къ крыльцу поповскаго дома и глядя въ освѣщенныя окна, черезъ которыя видны были силуэты танцующихъ. „Которая-то изъ нихъ Лиза?“—разговаривалъ я про себя, самъ съ собою и даже съ перчаткой, которую наготовѣ держалъ въ рукѣ. Мнѣ припомнилась извѣстная пѣсня:

„Шелъ по Невскому пришпекту,
Самъ съ перчаткой разсуждалъ!“

Поднялся по лѣстницѣ. Съ замирающимъ сердцемъ слѣдилъ я за движеніями Ѳединой руки, когда онъ дергалъ звонокъ. Колѣни дрожали, и рѣзкій звукъ колокольчика отдался въ сердцѣ. Вотъ послышались шаги, щелкнулъ замо̀къ, и мы съ Ѳедей вошли въ продолговатую маленькую переднюю. Навстрѣчу выбѣжала хозяйка, приняты мы были очень радушно. Я натянулъ перчатки, церемонно вошелъ въ залу, раскланялся, взглядомъ окинулъ барышень, сидѣвшихъ по стѣнамъ на стульяхъ. Ѳедя живо представилъ меня хозяйской дочери, Нинѣ Михайловнѣ Поповой, потомъ Лизѣ и еще полдюжинѣ другихъ Ивановыхъ, Петровыхъ, Никитиныхъ и т. д. Лизѣ я не подалъ руки, по моему обыкновенію, а только раскла-

нялся издали. Съ любопытствомъ принялся осматривать эту „симпатичную особу“ и ничего не нашелъ въ ней особеннаго. Вечеръ не прошелъ, а пролетѣлъ. Танцовали, бѣсились, играли безъ умолку. Лиза мнѣ нравилась сильнѣе и сильнѣе, и я „имѣю счастье“ сказать, что и я ей понравился. Я былъ выбранъ ею танцовать съ ней, я получилъ отъ нея бантикъ, я былъ счастливъ, но стыдился сознаться самому себѣ, что она мнѣ нравится больше, чѣмъ я въ нее влюбленъ.

Когда я вернулся, Ѳедя спросилъ меня, какъ мнѣ понравилась Лиза. „Такъ себѣ, ничего!“ — отвѣтилъ я равнодушно, насколько могъ, но глаза, въ которыхъ свѣтился восторгъ, измѣнили мнѣ. — Ну, знаю я это ничего, — проговорилъ, улыбаясь, Ѳедя. Я смолчалъ.

Улегшись, долго думалъ о Лизѣ (какъ это сентиментально!). Наконецъ усталость взяла свое — я заснулъ. На другой день — пустота въ сердцѣ и головѣ, и тоска, тоска. (Чудесная болѣзнь! — 29 мая 1878 г.).

---

21 сентября 1876 г. Вторникъ. Буду продолжать. Второй разъ я видѣлъ Лизу на первой репетиціи прошлогодняго еатра. Мнѣ особенно понравилась ея кокетливая поза во время репетиціи: она сидѣла на стулѣ, у правой стѣны, склонивъ голову на бокъ и положивъ ногу на ногу. Правая рука лежала у нея на колѣняхъ, а лѣвая свѣсилась со стула. Она совершенно серьезно слѣдила за комической игрой Флорансъ, комической до того, что никто, кромѣ Лизы и Философова, не могъ удержаться отъ взрыва хохота. Вася, Ѳедя, Петя Пещуровъ, Аня, Коля, я, всѣ, даже Володя покатывались до слезъ. Очень хороша показалась мнѣ тогда Лиза!

Потомъ я видѣлъ ее на всѣхъ репетиціяхъ и опять у Поповыхъ (само собою разумѣется — на спектакляхъ также). Разскажу про вечеръ у Поповыхъ.

Поповы пригласили меня къ себѣ на вечеръ. Ѳедя также былъ приглашенъ, но онъ не могъ итти, такъ какъ долженъ былъ ѣхать къ Вальтерамъ. Пожалѣвъ его, я отправился къ Философову, и съ нимъ вмѣстѣ мы отправились къ Поповымъ. Хозяйка обратилась къ намъ со словами:—Это очень мило съ вашей стороны, что вы пришли. А гдѣ же Ѳедоръ Ѳедоровичъ? — Онъ не здоровъ,—отвѣчалъ я, — и поэтому не можетъ прійти. — Лгалъ я такимъ образомъ по его просьбѣ.

Вошли въ залу. Видимъ, сидятъ на диванѣ барышни, а передъ ними на стулѣ нѣкто Мазураки. Онъ что-то говоритъ, а онѣ хохочутъ. Поздоровались, завязалась игра. Сначала

играли въ жмурки, потомъ били по рукамъ; здѣсь грація Лизы дошла до апогея своей славы. Потомъ придумали сражаться въ темной комнатѣ. Свалка была ужасная, изъ нея я узналъ, что Лиза сильнѣе меня, но она этого не узнала. Весело было ужасно. Вернулся домой къ часу — заснулъ въ два. Три раза видѣлъ я Лизу мелькомъ въ Любани, но мы даже не кланялись. Послѣдній разъ видѣлъ я Лизу у Алексѣя Алексѣевича Пещурова. Влюбленъ теперь по уши. Досадно на себя, да дѣлать нечего! Неужели же мнѣ корчить изъ себя разсудительнаго мальчика, говоря, что я не влюбленъ, повторяя слова другихъ, что „эта мнимая любовь — слѣдствіе глупыхъ романовъ“ („и гоньбы за лаской и идеалами“. Что̀ правда, то правда! 29 мая 1878 года).

Нѣтъ, я пишу то, что̀ чувствую, а не фальшивлю, не обманываю самого себя, какъ я дѣлалъ это мѣсяца четыре тому назадъ. Если я влюбленъ, я не стану себя увѣрять, что нѣтъ. Не знаю, долго ли протянется у меня подобный образъ мыслей, но въ настоящее время мнѣ кажется, что я правъ, разсуждая такимъ образомъ.

Многіе говорятъ, что мечтатели глупы, жалки и смѣшны. Не знаю, какъ другимъ, а мнѣ жизнь кажется слишкомъ скверной, и, чтобы не представлять ее себѣ во всей наготѣ, я придаю людямъ и предметамъ такія качества, которыхъ они не имѣютъ. Быть-можетъ, настанетъ время, когда

Исчезнетъ мечтою
Украшенный міръ.

Быть-можетъ, даже близко это время (Оно настало! 29 мая 1878 г.), но мое правило любить, мечтать, пока мечтается, вѣрить, пока вѣрится, смѣяться и плакать, — пока есть смѣхъ и слезы!

Собственно о происшествіяхъ гимназической жизни писать не стану. Не сто̀итъ: скука, эта скука, даже надоѣло выписывать это противное слово. Не знаю, за что я такъ полюбилъ Лизу. Собой она не красавица, граціозна только. Неужели же за одну грацію? Кстати о граціи: я различаю ее двухъ сортовъ: твердую и мягкую, или кошачью. У Сазоновой грація твердая, у Лизы — кошачья! Сазонову я часто встрѣчаю, когда иду въ отпускъ; она въ это время возвращается изъ гимназіи.

Нѣтъ, Лиза хороша собой и кромѣ того — умна. Охъ, какъ умна! По однимъ глазамъ, оттѣненнымъ темной кожицею вѣкъ, видно, какъ она умна. Счастливъ тотъ, кого она любитъ,

а что она любитъ — это я знаю. Не даромъ ходятъ про это разные слухи.

---

24 сентября 1876 года. Пятница. Тяжело! Потомъ объясню, не въ силахъ больше писать. (Лаконически!).

Того же числа, третій урокъ. Пользуюсь пустымъ урокомъ, чтобы записать мои впечатлѣнія, далеко не отрадныя на этотъ разъ. Звонокъ... потомъ допишу. (Очень хорошо!).

---

27 сентября 1876 г. Понедѣльникъ. 5-е октября 1876 г. Среда. 24, 27 и всѣ другіе дни писать было некогда. Да, собственно говоря, и не стоило. Упомяну, что за разные пустяки сидѣлъ два раза подъ арестомъ. Всѣ мысли мои въ настоящее время заняты театромъ нашимъ. Лиза не будетъ играть. Жалко, да дѣлать нечего. Я рѣшился выучить и сыграть мою роль Огрызка вслѣдствіе разныхъ измѣненій, возбуждаемыхъ отказомъ Лизы — какъ нельзя лучше, чтобъ показать ей, что и безъ нея можемъ обойтись. Этотъ отказъ ея выражаетъ какъ будто пренебреженіе къ намъ, мы ей отомстимъ блестящимъ образомъ. Какъ именно — пока не рѣшаю. Я очень доволенъ своей ролью, она, какъ мнѣ кажется, совершенно по мнѣ.

Зима у воротъ. Плацъ весь покрытъ инеемъ, который блеститъ на солнцѣ. Въ воскресенье — репетиція. Ну-ка, отличимся!

---

7 октября 1876 года. Четвергъ. Сегодня весьма замѣчательный день для меня. Были листки по алгебрѣ. Я вообще плохъ по математикѣ, а алгебра больше всѣхъ остальныхъ наукъ у меня хромаетъ. Понятно, что этихъ листковъ ждалъ я со страхомъ и трепетомъ, которые, впрочемъ, не оправдались. Я сговорился съ товарищемъ моимъ Чер — вскимъ; условіе было слѣдующее: я ему помогаю въ сочиненіяхъ, онъ — въ математикѣ. Я уже написалъ ему съ своей стороны два сочиненія и во время листковъ притянулъ его за бока: „Ну, говорю, теперь твоя очередь мнѣ помогать, ибо я ничего не понимаю“. Тотъ обѣщалъ, но и самъ рѣшить не могъ. Тогда я преспокойно списалъ съ Мак — а весь первый примѣръ и съ Дом — о — второй, на самыхъ глазахъ учителя Грезарина, который, хотя и пристально смотрѣлъ на меня сквозь очки, но все-таки ничего не видѣлъ. Потомъ былъ заданъ третій примѣръ не обязательно, а тѣмъ, кто хочетъ, рѣшившимъ его вѣрно обѣщана прибавка балла. Я и его списалъ и такимъ образомъ вышелъ сухимъ изъ воды.

Уроковъ къ завтраму немного, вслѣдствіе чего я всѣ занятія зубрилъ свою роль. Знаю уже хорошо до X-го явленья, а дальше что, даже понятія не имѣю. Въ воскресенье репетиція, она покажетъ мнѣ, по себѣ ли я взялъ эту роль. Пока ничего особеннаго не произошло. Писать нечего, замѣчу только, что нашъ плацъ былъ сегодня часовъ до двѣнадцати дня весь въ инеѣ и что до снѣговъ не далеко.

Скорѣй бы зима! Люблю я это время года больше всѣхъ остальныхъ, даже больше весны. Ну, что можетъ быть лучше русской зимы, ея снѣговъ, яркихъ морозныхъ дней и лунныхъ ночей! А дома у камина, съ интересной книгой въ рукахъ... Нѣтъ, лучше не описывать, слюнки текутъ.

---

9 октября 1876 года. Суббота. По всей вѣроятности, опять не иду въ отпускъ: записанъ за подсказку Докучаевымъ. Ну, хоть то хорошо, что проступокъ не важный: хотѣлъ выручить товарища, подсказалъ и покаялся. Но есть еще надежда — Докучаевъ, можетъ-быть, проститъ, авось удастся — на репетиціи очень быть хочется. Экая проклятая наша гимназическая жизнь: каждый день дрожишь, какъ бы не получить дурного балла или записи. Ведемъ себя, кажется, отлично, и вдругъ сюрпризомъ и объявятъ тебѣ, что въ отпускъ не пустятъ. За что, молъ? — Да вотъ Докучаевъ за подсказку записалъ, а за это шопотомъ сказанное слово сидишь себѣ и субботу и воскресенье въ четырехъ стѣнахъ! Ахъ, хоть бы вырваться оттуда скорѣе.

Послѣднія мои сочиненія на тему: Сраженіе со Змѣемъ (Жуковскаго) — вышли удачны; самъ я получилъ 11 — 11, а трое товарищей, которымъ написалъ, 9 — 10. П — а не довѣрился мнѣ и написалъ самъ, Докучаевъ поставилъ ему 7—8.

Какая тоска! Хоть бы какое-нибудь развлеченье, а то ничего нѣтъ, часъ за часомъ, день за днемъ, медленно пойдетъ въ вѣчность наша жизнь, наши мученія (глупѣйшія), дни молодости. А, чтобъ чортъ побралъ проклятую гимназію (вотъ это дѣльно! — 29 мая 1878 г.). Если Докучаевъ не проститъ, я ему выкину какую-нибудь штуку, доволенъ не будетъ, за это поручусь.

---

11 октября 1877 г. Понедѣльникъ. Докучаевъ простилъ меня, и я былъ въ отпуску. Разскажу подробно, съ самаго начала.

Въ субботу не случилось ничего особеннаго, въ воскресенье въ 25 мин. третьяго я былъ у Николая Николаевича. Тамъ собрались уже почти всѣ участвующіе въ спектаклѣ: Флорансъ

Пещурова, Лихонинъ, Ѳедя, Соня, Володя Ратимовъ, потомъ пришелъ Саша Ратимовъ, Коля Свѣчниковъ и Философовъ. Когда я шелъ по Адмиралтейскому скверу, то встрѣтилъ Лизу Пещурову. Я отдалъ ей честь по-военному, она съ пресерьезнымъ видомъ кивнула головой. Началась репетиція путаницей (т.-е. водевилемъ „Путаница").

Флорансъ привела Лизу, но та, просидѣвъ нѣсколько минутъ, убѣжала къ Поповымъ, куда и я былъ приглашенъ. Вечеромъ отправился я къ Философову, а оттуда вмѣстѣ съ нимъ къ Поповымъ. Тамъ опять была Лиза, время провелъ очень весело и въ два часа ночи вернулся въ гимназію. Теперь некогда, въ свободное же время опишу подробнѣе поповскій вечеръ. За что я такъ полюбилъ Лизу? За что?! А Богъ его знаетъ, за что люблю; потому что любится, коротко и ясно.

Тотъ же день, послѣдній урокъ. Сколько муки и сколько наслажденій въ этой любви! Бываютъ минуты глубокаго страданія, но эти страданія я не промѣняю никогда на радости. Я горжусь тѣмъ, что я люблю, не увлекаюсь мечтами, а люблю, какъ любятъ взрослые, только не такъ сильно. Эта любовь доказываетъ мнѣ мое развитіе. Я радуюсь ей, мнѣ кажется, не будь ея, я сдѣлался бы такимъ пошлякомъ, какъ большая часть нашего класса. Жить одними гимназическими интересами — для меня немыслимо, они слишкомъ вялы, скучны и однообразны, чтобы могли удовлетворить всѣмъ потребностямъ моей натуры. (Вотъ такъ натура! — 8 окт. 1878 г.). Я странный человѣкъ. Люблю опасности и случайности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и боюсь ихъ. Я, по моему мнѣнію, не принадлежу къ трусамъ, но не могу назваться и храбрецомъ, такъ, середина на половинѣ. Я трусъ передъ и послѣ опасности и не трусъ — во время ея. Да, впрочемъ, опасность опасности рознь. Для меня самая большая опасность — разстройство нервовъ. Оно доходитъ иногда до большихъ размѣровъ. Но спрыгнуть съ высокаго мѣста, кинуться въ средину драки, чтобы спасти товарища, или назвать въ глаза туза и силача класса подлецомъ, когда онъ, пользуясь своей силой, обидитъ кого-нибудь,—о, этого я не испугаюсь. Бывали примѣры, что я ходилъ недѣлю съ синяками за смѣлое возраженіе, а въ началѣ прошлаго года лежалъ въ лазаретѣ, когда заступился за Аксенова, и Левашовъ (не тѣмъ будь помянутъ, онъ выгнанъ теперь и готовится въ классическую гимназію) свихнулъ мнѣ ногу.

Вчера вечеромъ особенно понравилась мнѣ Лиза, когда она,

съ завязанными глазами, ловила всѣхъ. Личико разгорѣлось, глазки блестятъ (вотъ те и разъ, завязанные-то!—8 окт. 1878 г.), волны бѣлокурыхъ волосъ широкими прядями падаютъ по самый поясъ. Нѣтъ никого лучше ея на бѣломъ свѣтѣ! (Довольно наивно! А Наташа? — 29 м. 1878 г.).

Я весь вечеръ старался не глядѣть на нее, но иногда почувствуешь на себѣ ея взглядъ, оглянешься — она тотчасъ отвернется, и я отвернусь. Оба слегка сконфузимся и покраснѣемъ. Мнѣ и стыдно и пріятно, что я поймалъ ее „на мѣстѣ преступленья", и жду случая, чтобъ опять сдѣлать это. А иногда случается ошибаться въ расчетахъ. Думаешь, что она смотритъ на тебя, а она разговариваетъ съ кѣмъ-нибудь и случайно взглянула на меня, вызоветъ на своихъ губкахъ насмѣшливую и вызывающую усмѣшку, которая будто говоритъ: „Что̀, братъ, ошибся? По дѣломъ!" Когда-то я еще разъ увижу ее?..

---

12 октября 1876 г. Вторникъ. Второй урокъ. У насъ только-что были французскіе листки, написалъ не важно: ошибокъ 8 или 9.

На этой недѣлѣ списки. Они меня не слишкомъ волнуютъ: баллы будутъ порядочные. Да Богъ съ ними, съ баллами, лучше писать что-нибудь о Лизѣ.

Есть одна цыганская пѣсня; въ ней встрѣчаются такія слова:

Твои движенья гибкія,
Твои кошачьи ласки,
То гнѣвомъ, то улыбкою
Сверкающіе глазки.

Мнѣ кажется, будто авторъ собственно для характеристики Лизы, именно Лизы, написалъ этотъ куплетъ, такъ вѣрно онъ представляетъ мнѣ ея грацію, мягкую, небрежную, ея выразительные, быстрые глазки, то смѣлыя и скорыя, то задумчивыя и лѣнивыя движенія. Я цѣлые дни напѣваю про себя эту пѣсенку, и мнѣ весело становится, когда бурчу я про себя ея дорогія мнѣ слова. Хороша она, гибкая, стройная, вѣчно веселая Лиза, и чѣмъ больше стараюсь я отыскать недостатковъ въ ея оригинальной красотѣ, тѣмъ привлекательнѣе кажется мнѣ удивительная гармонія всѣхъ чертъ лица. Все въ ней на мѣстѣ, даже маленькое родимое пятнышко, пріютившееся у угла рта, и то у мѣста: оно придаетъ насмѣшливое выраженіе, такъ идущее къ Лизѣ. А когда ее сконфузятъ чѣмъ-нибудь? Какой яркій румянецъ вспыхиваетъ

на щечкахъ, какъ мило заалѣетъ прозрачная кожа маленькихъ, красивыхъ ушей! Нѣтъ, лучше Лизы не найти на бѣломъ свѣтѣ.

Скорѣй бы воскресенье — я тогда опять увижу ее, чудную, веселую Лизу.

Послѣдній урокъ. — Мечтать и писать о Лизѣ доставляетъ мнѣ величайшее наслажденіе. Въ настоящее время даже и писать нечего, и я все перечитываю дневникъ.

Меня вызвалъ учитель, надо итти отвѣчать.

Занятія.—Разразилась гроза. Витторфъ сердится въ классѣ и кричитъ, и по дѣломъ: нашъ классъ устроилъ неблагородную вещь. Еще давно сговорились устроить т. н. „бенефисъ" одному изъ воспитателей — Владимиру Евгеньевичу Хлѣбникову, человѣку очень доброму, за то, что будто бы онъ во время междоусобій нашихъ со старшимъ возрастомъ сказалъ имъ:—Хорошо вы дѣлаете, господа, что вразумляете моихъ мальчишекъ. — Я протестовалъ противъ этого бенефиса, такъ какъ, когда мы спросили Хлѣбникова, дѣйствительно ли онъ сказалъ эти слова, онъ отвѣчалъ отрицательно. Мнѣ возразили, что Хлѣбниковъ могъ отпираться; тогда я спросилъ:— кто же слышалъ, какъ онъ это говорилъ? Во всемъ возрастѣ никого не оказалось, слѣдовательно это была сплетня, пущенная для того, чтобы можно было придраться къ случаю, нашалить и посердить слишкомъ добраго человѣка. Когда всѣмъ стало ясно, что они не въ состояніи доказать мнѣ справедливости ихъ мнѣній, меня закидали хлѣбомъ (это было за завтракомъ), но я не отступалъ отъ своихъ мнѣній и смѣло продолжалъ доказывать совершенную несправедливость ихъ поступка. Нѣкоторая часть класса согласилась со мной, но многіе настаивали на бенефисѣ. Принялись сумасшествовать, я и нѣсколько товарищей все время держались въ сторонѣ отъ зачинщиковъ, хотя сильно намъ хотѣлось побѣситься въ свою очередь.

На занятія пришелъ Витторфъ, разсердился на весь классъ, назвалъ зачинщиковъ „скотами" (вѣжливый, милый человѣкъ! — 29 м. 1878 г.), да и по дѣломъ, — и обѣщалъ посадить подъ арестъ. Вотъ и развязка! Я радъ, что выдержалъ характеръ и, несмотря на насмѣшки, названіе „Высоконравственнаго Надсона" и другую ерунду, не отступился отъ своихъ убѣжденій. Кстати о нравственности: такого упадка ея, какъ у насъ, я нигдѣ не встрѣчалъ; всевозможные пороки, къ числу которыхъ отнесу и пьянство, отсутствіе честности и справедливости, нахальство и все, тому подобное. Дать учителю честное слово и не сдержать его — считается не

только не проступкомъ, по чуть ли не похвальнымъ подвигомъ. Украсть какой-либо аппаратъ или матеріалъ для опытовъ въ физическомъ классѣ — тоже. Сколько ни возстаешь противъ этого — нѣтъ толку, „хлѣбомъ закидываютъ"... Опять хотятъ устроить бенефисъ Хлѣбникову подъ глупѣйшимъ предлогомъ. Я, конечно, опять не участвую.

---

13 октября 1876 г. Среда. Я сейчасъ только кончилъ спорить. Опять противъ бенефиса. Я ужасно взволнованъ, но доволенъ собой. Мнѣ угрожали, что меня прибьютъ, если я подлость буду называть подлостью и пойду противъ всего класса. Что же, я знаю, они исполнятъ свою угрозу, но я не боюсь, я смѣло буду говорить.

---

14 октября 1876 г. Четвергъ. Вечернія занятія. Сегодня было двое листковъ—диктантъ французскій и русское сочиненіе. Диктантъ написалъ порядочно, а сочиненіе даже хорошо. Тема очень скучная была: разборъ басни „Прудъ и рѣка". Для меня ничего нѣтъ хуже этихъ разборовъ, но дѣлать нечего, пришлось писать, ругая въ душѣ Докучаева на чемъ свѣтъ стоитъ. Сначала принялся нехотя, измаралъ и изорвалъ много листовъ бумаги, потомъ увлекся, слова полились волною, и, самъ не зная какъ, написалъ шесть четвертушекъ листа. По перепискѣ все умѣстилось на полулистѣ, исписанномъ мелкимъ почеркомъ (не такъ, какъ я здѣсь пишу). Я думаю за сочиненіе получить не меньше одиннадцати.

Послѣ обѣда играли въ бары. Сколько смѣлаго въ этой игрѣ, сколько удалаго русскаго! По ней легко можно опредѣлить характеръ человѣка: благородный не задумается пожертвовать собой для спасенія изъ плѣна товарищей, тогда какъ трусъ или эгоистъ никогда не отважится близко подойти къ непріятелю. Всю перемѣну между первыми и вторыми занятіями привозился съ С—ичемъ. Мы, т.-е. Ак—овъ, Ст—овъ и я, захотѣли его растормошить, и намъ удалось это.

---

16 октября 1876 г. Суббота. Пятый урокъ. На предыдущемъ урокѣ отвѣчалъ по исторіи. Григоровичъ строгъ ужасно; сколько поставилъ, не знаю. Отвѣчалъ я, скажу безъ хвастовства, очень хорошо, ни надъ чѣмъ не запнулся. Да, я дѣйствительно зналъ, а не выѣзжалъ, какъ обыкновенно выѣзжаю по ест. истор. и географіи, на умѣньи говорить и какъ выѣзжалъ въ прошломъ году по исторіи.

Въ отпускъ пойду, кажется, въ три часа. Особеннаго ни-

чего не увижу, но кажется, что сегодня jour fixe у Григорія Васильевича. Если тетя и дядя возьмутъ насъ, будетъ недурно.

Въ воскресенье думаю пойти въ институтъ, а то давно не былъ, стыдно передъ Нюшей. Кстати, слѣдуетъ ее выбранить за исторію, которую она устроила лѣтомъ дядѣ Діодору. Писать не о чемъ. Да, пятнадцатаго октября выпалъ снѣгъ, даже не выпалъ, а просто упало нѣсколько снѣжинокъ, которыя растаяли, не долетѣвъ до земли.

---

18 октября 1876 г. Понедѣльникъ. Объ отпускѣ писать не стоитъ, ничего особеннаго не было. Былъ на репетиціи, и порѣшили, что я буду играть роль Лугинина изъ „Каприза“. Ну, и ладно.

Глазыринъ прочелъ списки. У меня по алгебрѣ 6, по геометріи 10. Это великолѣпно. Я думаю, что у меня списочные баллы будутъ такіе:

	Ал. . 9^3,	Зак. Б. 9,	Гр. рус. 11,	Ест. ист. 7	
Физ. 10.	Геом. 10,	Фр. яз. 10,	Соч. рус. 11,	Истор. 7	9,2
	Рисов. 9,	Нѣм. яз. 8,	Обр. сл. 11,	Георг. 7	

---

19 октября 1876 г. Вторникъ. Урокъ физики. Ковальскій разбираетъ списочное сочиненіе по физикѣ товарища Берткевича. Вчера выпалъ первый порядочный снѣгъ. Плацъ нашъ и до сихъ поръ еще имъ покрытъ. Вчера же послѣ обѣда пошелъ гулять на плацъ и сражался въ снѣжки. Если бъ не было такъ много дѣла, скучалъ бы непремѣнно. Въ пятницу долженъ былъ быть праздникъ, но почему-то пришла фантазія его не праздновать. Ну, да Богъ съ ними, одну недѣльку какъ-нибудь дотянемъ. Сегодня у меня будетъ урокъ на скрипкѣ. Ну, больше писать нечего.

---

20 октября 1876 г. Сегодня опять шелъ снѣгъ. Вчера по франц. яз.—11, а сегодня по физикѣ—9. Столько же будетъ и на спискахъ, Ковальскій сказалъ. Особеннаго ничего нѣтъ.

---

26 октября 1876 г. Вторникъ. У насъ умеръ одинъ воспитанникъ старшаго возраста, Орфеновъ. Братъ его въ нашемъ классѣ, кажется, не очень печалится о смерти брата. Впрочемъ, по виду судить нельзя. Не стану описывать подробнѣе этого, такъ какъ производитъ на меня очень непріятное впечатлѣніе, я даже жалѣю объ этихъ немногихъ строкахъ, которыя успѣлъ написать. „Оставимъ мертвецамъ хоронить мерт-

вецовъ", скажу я фразой Тужи изъ романа Шпильгагена „Одинъ въ полѣ не воинъ".

Послѣдній отпускъ провелъ я довольно весело. Въ субботу, по обыкновенію, читалъ, именно кончалъ „Жизнь Щупова, его родныхъ и знакомыхъ". Были гости, я легъ спать въ половинѣ третьяго и проснулся въ половинѣ десятаго. Утромъ думалъ-было итти въ институтъ, да это и осталось только думаньемъ. Отъ-нечего-дѣлать отправился къ Ѳедѣ. Вхожу по лѣстницѣ и вдругъ нежданно-негаданно встрѣчаю Вѣрочку Пещурову, младшую сестру Лизы, которая сходитъ съ Аней съ лѣстницы и направляется къ квартирѣ Ал. Ал. Пещ. „А,—думаю,—значитъ, Лиза внизу! Это недурно"—поднялся по лѣстницѣ, позвонилъ, меня встрѣтилъ Николай Николаевичъ своей собственной персоной, по обыкновенію, очень радушно. Первымъ моимъ вопросомъ было—гдѣ Ѳедя?—„Ушелъ куда-то",—отвѣчалъ Николай Николаевичъ. „Ну, это не особенно-то пріятно", опять подумалъ я и началъ разговаривать съ Николаемъ Николаевичемъ. Странный онъ человѣкъ, я не знаю ни одного, на него похожаго: онъ чрезвычайно самолюбивъ, уменъ, веселъ, образованъ, честолюбивъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти жестокъ и любитъ подчасъ напустить на себя байронизмъ. Ну, да не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что онъ потащилъ меня къ Пещуровымъ, и, когда я вздумалъ отговариваться, онъ нагнулся и шепнулъ на ухо: „Я вѣдь знаю, тебѣ Лиза нравится". О, я въ этотъ моментъ былъ ему такъ благодаренъ за то, что онъ не сказалъ эти слова съ презрѣніемъ, съ насмѣшкой, а съ доброй, снисходительной и братски лукавой улыбкой. Мнѣ было ново видѣть подобное участіе въ немъ. Я не хочу этимъ сказать, что дома меня не любятъ, нѣтъ, нисколько! Но только надо мной въ такихъ вещахъ постоянно смѣются, а онъ—нѣтъ. Впрочемъ, когда я взгляну отрезвленными глазами на свою глупую любовь, я самъ нахожу, что это—немного смѣшно; но что̀ дѣлать, видно, я созданъ на изнанку!..

Итакъ, Николай Николаевичъ потащилъ меня къ А. А. Пещурову. Мнѣ ужасно было неловко, но можно себѣ представить, каково было мое положеніе, какъ вдругъ Флорансъ на своемъ птичьемъ языкѣ спросила:—„здравствуйте, Сеня, что̀ вамъ угодно?" Я пробормоталъ что-то непонятное, а къ увеличенью моего смущенія изъ дверей вышла Лиза! Я тогда чуть не бѣгомъ исчезъ за дверью, во весь духъ, съ одного маха пробѣжалъ лѣстницу, неистово прижалъ пуговку электрическаго звонка квартиры Николая Николаевича, гдѣ и сталъ терпѣливо ждать возвращенія Ѳеди. Наконецъ и онъ явился!

Кое-какъ, сбѣгавъ къ Пещуровымъ, ему удалось объяснить, что я пришелъ къ нимъ, вслѣдствіе крайней необходимости видѣть Ѳедю, и потомъ, когда онъ вернулся, мы вдвоемъ начали уговаривать Сонечку позвать Лизу. Она исполнила нашу просьбу, я опять велъ войну взглядами съ Лизой и на прощанье подалъ ей, сверхъ обыкновенія, свою руку. Она,—даже теперь при воспоминаніи объ этомъ мнѣ дѣлается безумно весело,—пожала ее довольно крѣпко. Что̀ это, знакъ ли ея расположенія, или просто уловка ея кокетства? Богъ ее знаетъ, но я, конечно, охотнѣе вѣрю первому.

(Господи, есть такіе дураки, какъ азъ многогрѣшный).

Въ слѣдующее воскресенье опять репетиція. Авось опять встрѣчу Лизу. Но надо подучить хорошенько свою роль!

Списки вышли гораздо лучше, чѣмъ я ожидалъ, именно.

Физика—9;	Рисованіе—9;	Грам. рус.—12;	Ест. ис.—7;	
Алгебра—9;	Зак. Бож.—9;	Соч.—11;	Истор.—8;	9,9.
Геом.—11;	Франц. яз.—10;	Образ. слов.—12;	Геогр.—10;	

Я не знаю еще, какимъ буду ученикомъ. Все зависитъ отъ балла Аксенова по физикѣ; получитъ онъ 9—я третій, получитъ 10—четвертый.

---

27 октября 1876 г. Среда. Вторыя занятія. Сегодня хоронили Орфенова; я просилъ у директора позволенія не быть на похоронахъ, онъ разрѣшилъ.

На второмъ урокѣ у меня была отчаянная борьба съ Аксеновымъ. Является въ классъ Ковальскій (учитель физики) и объявляетъ, что Аксенову 10. Тотъ торжествуетъ, мнѣ же досадно въ высшей степени. Быть четвертымъ только потому, что фамилія Аксенова выше по алфавиту,—ужасно досадно. Я къ Ковальскому присталъ, чтобъ онъ меня спросилъ, Аксеновъ тоже, но, по флегматичности своего характера, ему надоѣло стоять у каѳедры и просить Ковальскаго; мнѣ же, вѣроятно, „за долгое терпѣнье въ награжденье“, какъ говаривалъ графъ Суворовъ, тотъ прибавилъ баллъ и вмѣсто девяти поставилъ десять. Теперь настала моя пора радоваться, Аксеновъ остался съ длиннымъ носомъ, что̀, впрочемъ, нисколько не разорвало нашихъ пріятельскихъ отношеній. Послѣ обѣда Лихонинъ приносилъ мнѣ проектъ занавѣси, которую взялся нарисовать масляными красками на холстѣ одинъ воспитанникъ шестого класса—Стрѣльбицкій. Предполагается на холстѣ написать пурпурную полуопущенную занавѣсь, изъ-подъ которой снизу проглядываетъ море съ восходящимъ солнцемъ и деревушкой на отлогомъ берегу. Что-то больно много они затѣваютъ, едва ли выйдетъ что-нибудь путное.

Насчетъ дверей и оконъ надо просить дядю Анатолія, чтобы онъ ихъ нарисовалъ на папкѣ. Роль свою я знаю всю. Собственно говоря, и знать-то нечего—надо только запомнить нѣсколько характеристичныхъ фразъ и содержаніе пьески, остальныя фразы просты.

Но игра очень трудна и, вдобавокъ, неблагодарна! Роль не главная въ пьескѣ, а слѣдовательно никогда не скажутъ, что сыграна хорошо, а такъ себѣ, порядочно.

---

28 октября 1876 года. Четвергъ. Первыя занятія. Ужасно скоро летитъ время, и не замѣчается, какъ летитъ недѣля за недѣлей. Нездоровится мнѣ ужасно; болитъ голова и холодно, но въ лазаретъ не пойду, не стòитъ: послѣзавтра отпускъ!

---

2 ноября 1876 г. Вторникъ. Не писалъ въ дневникѣ до сихъ поръ, потому что былъ боленъ. Съ пятницы отправился въ лазаретъ и пролежалъ тамъ до сегодняшняго дня. Въ пятницу я совсѣмъ умирать собрался; у меня было сорокъ градусовъ, а высшая температура 42. Одно время у меня стѣснило дыханіе. Ну, думаю, прощай, бѣлый свѣтъ! Однако ничего, цѣлъ остался. Ну, и слава Богу, нечего объ этомъ толковать, все это скучное, лазаретное, гимназическое. Поговорю о чемъ-нибудь другомъ, чтò поинтереснѣе. Въ отпуску я, понятно, не былъ. Съ нетерпѣніемъ ждалъ Философова, чтобъ тотъ разсказалъ о послѣдней репетиціи.

„А у насъ, батенька, Ѳеня новая!“—торжественно возгласилъ онъ, когда навѣстилъ меня, бѣднаго болящаго.—Кто такая?—освѣдомился я (Ѳеня—роль горничной въ „Маленькомъ капризѣ“).—Да Богъ ее знаетъ, повыше Сонечки, свѣтлокаштановые волосы, играетъ, по словамъ Лихонина, лучше всѣхъ остальныхъ, зовутъ, кажется, Маня. Вотъ и все, чтò знаю!

Я ломалъ и до сихъ поръ ломаю голову, но не могу догадаться, кто это такая! Ѳедя не пришелъ изъ отпуска. Онъ одинъ въ состояніи разъяснить мнѣ, чтò это за особа; когда вернется, скажетъ.

Повторяю свою роль. Ни тычка ни зазубринки, гладко идетъ, знаю отъ доски до доски!

Не знаю, какую-то поставятъ еще пьеску и какую роль дадутъ мнѣ въ ней! Ну, да чтò объ этомъ гадать, увижу послѣ.

А все-таки
славное было время!
29 мая 1876 г.

Какая пустая,
безсодержательная
жизнь! Какъ я
могъ сожалѣть
о ней и хвалить ее?
28 февраля 1879 г.

ЗИМА.

5 ноября 1876 г. Пятница. Мнѣ кажется, едва ли дотяну я эту тетрадку до Новаго года. Зимою обыкновенно пишется больше: во-первыхъ, лѣнь слабѣе, во-вторыхъ, и писать больше, такъ какъ въ городѣ со мной случается болѣе достойнаго замѣчанія, чѣмъ въ деревнѣ.

Не знаю, буду ли я продолжать дневникъ; по моему мнѣнію, онъ мнѣ необходимъ. Иногда вдругъ охватитъ меня чувство одиночества, хочется повѣрить кому-нибудь свои радости, свои печали, а вокругъ ни одного отдѣльнаго лица, а только стоглавое товарищество. Я поссорился съ А..., глуповатъ онъ или просто въ немъ есть нѣкоторыя несимпатичныя черты, я рѣшить не могу, да и не стòитъ трудиться. Онъ теперь для меня слишкомъ ничтожная личность. Вотъ и примешься въ эти тяжелыя минуты за дневникъ и плачешь иногда надъ нимъ. Впрочемъ, слезы-то теперь не встрѣчаются, а во второмъ и третьемъ классахъ нерѣдко онѣ бывали. Выйдешь на занятіяхъ изъ класса, прильнешь къ стѣнкѣ и зальешься горячими, жгучими слезами. Не знаю, куда послѣ моей смерти забросить судьба этотъ дневникъ и какое сдѣлаютъ изъ него употребленіе (я намѣренъ его хранить всю жизнь). Можетъ-быть, попадется онъ въ мелочную лавочку, къ нашему Воробьеву, напр., и въ него будутъ завертывать шоколадъ и кофе, а можетъ-быть, онъ попадется еще куда-нибудь и похуже.—Чтò будетъ во второй театради дневника, не знаю. Мнѣ кажется, что тамъ будутъ встрѣчаться болѣе зрѣлыя мысли. Ужъ за одну первую страницу я краснѣю, и если на ней одной написано много глупостей, сколько же наберется ихъ на 300 слишкомъ страницахъ этой тетради?

Завтра отпускъ. Я ждалъ и жду субботы съ величайшимъ

нетерпѣніемъ: надоѣла гимназія. Если позволятъ дома—отправлюсь на репетицію, а если нѣтъ—пойду въ институтъ.

У насъ теперь урокъ Докучаева. Скука смертная: онъ разбираетъ сочиненія. Только и слышишь: „Вы списали съ вашего товарища", или „у васъ галиматья написана" и слѣдующій за тѣмъ ревъ, выражающій полное сочувствіе класса къ тѣмъ, въ кому обращены эти слова.

За четверть часа до чаю.—Я еще въ концѣ прошлаго года выбранъ пѣвчимъ и только-что со спѣвки. Не знаю почему, но мнѣ ужасно весело, я забываю, что я въ гимназіи. А завтра между тѣмъ трудные уроки: Законъ Божій и исторія. По Закону Божьему задана вся всенощная, а это не шутка. Впрочемъ, я надѣюсь успѣть все выучить. Я даже желалъ, чтобы меня спросили по исторіи—я люблю отвѣчать по ней. Слова и мысли льются, факты, цѣпляясь одинъ за другой, составляютъ связный разсказъ былого, и давно умершія личности точно недавно сошли въ могилу, точно самъ присутствовалъ при тѣхъ ихъ подвигахъ, которые описываешь у доски съ картой. Одно только жалко: въ головѣ нѣтъ-нѣтъ да и промелькнетъ мысль: „а ну, какъ злодѣй Григоровичъ срѣжетъ?", и запутаешься, укоротишь разсказъ, чтобъ не сказалъ учитель, что онъ разбавленъ водой. Приходится передавать одни голые факты, факты и факты, не оживляя ихъ интересными подробностями! Однако я заболтался! Не мѣшаетъ приняться за исторію. Выучу, что̀ успѣю, до ужина, а потомъ займусь и послѣ него. Отрадно броситься въ постель послѣ трудового дня и заснуть съ свѣтлой мечтой о Лизѣ!

Звонокъ... Ну, послѣ ужина успѣю заняться. Теперь перемѣна, всѣ повалятъ курить, я же еще поболтаю. Странны мнѣ для самого себя мои чувства къ Лизѣ. Люблю я ее или нѣтъ? Э, да не сто̀итъ давать себѣ въ этомъ отчета! Просто она мнѣ нравится за гибкій станъ, ясный взглядъ, бойкую рѣчь, нѣгу и грацію! Нѣтъ, впрочемъ, не просто нравится! Бываютъ минуты страстной любви. Я лицомъ приникаю къ подушкѣ и цѣлую, цѣлую ее безъ конца, воображая, что цѣлую Лизу. Конечно, это довольно смѣшно, но я не желаю останавливать въ себѣ проявленій чувства, въ чемъ бы оно ни выражалось!

А вѣдь какой я дуракъ на самомъ дѣлѣ! Понятно, что всякій, кто прочтетъ эти строки, вполнѣ согласится со мной и похвалитъ меня за смиреніе. А между тѣмъ я самолюбивъ, самолюбивъ до глупости, и не считаю это порокомъ.

———

6 ноября 1876 года. Суббота. Наконецъ-то настала она, вожделѣнная суббота—день отпуска. А что за чудный день! Небо чисто и ясно, лишь изрѣдка мелькнетъ по лазури его прозрачное облачко и скроется. Солнце сіяетъ ярко и переливается въ кристаллахъ, которые нарисовалъ на стеклахъ морозъ. Весело будетъ шагать по скрипучему снѣгу домой. Знаю, что встрѣтятъ радушно! А завтра—репетиція. Посмотрю, что за Зальборнъ такая; Лихонинъ что-то очень хлопочетъ, чтобы ему дали роль ея обожателя: это что-то подозрительно! Я радъ, что знаю свою роль: прежде я только читалъ ее, теперь буду играть. Черезъ часъ—въ отпускъ: утѣшительно!

Послѣдній урокъ.—У насъ Докучаевъ. Разбираютъ „Полтаву". Только-что вызывалъ меня отвѣчать и поставилъ 12 балловъ. Это хорошо.

---

8 ноября 1876 года. Понедѣльникъ. Пока не пришелъ лишь нѣмецъ...

---

16 ноября 1876 г. Вторникъ. Писать мнѣ прошлый разъ не удалось, вошедшій учитель прервалъ меня. Ну, да и бѣда не большая, особеннаго ничего не было. Въ пятницу и въ субботу я въ первый разъ пѣлъ у насъ на клиросѣ. Въ воскресенье хоръ оказался слишкомъ большимъ, и регентъ отпустилъ меня. Придя домой, я узналъ, что мы отправляемся въ театръ, и что дядя пошелъ уже брать билеты. Онъ взялъ первый номеръ ложи перваго яруса Александринскаго театра. Давали „Общее благо", ком. въ 4-хъ дѣйствіяхъ, и „Нѣтъ дѣйствія безъ причины"—маленькій преуморительный водевиль, въ которомъ мнѣ особенно понравился Монаховъ въ роли учителя. Въ первой пьесѣ очень хорошъ былъ Сазоновъ, недурны Зубовъ и Виноградовъ, и (по мнѣнію дяди) Леонидовъ никуда не годился. Но этого мнѣнія я не раздѣляю, мнѣ, наоборотъ, очень понравилась его игра. Мелкія роли, помоему, были исполнены скверно вообще, но лучше всѣхъ была Читау, изображающая изъ себя слезливую барыню, которой кажется, что всѣ ее обижаютъ, всѣ дѣлаютъ ей наперекоръ.

Вчера по поводу нашего спектакля у меня былъ оживленный, даже черезчуръ оживленный споръ съ Мѣдниковымъ. Дѣло вотъ въ чемъ: предлагали играть не то, что выбрали окончательно.

---

18 декабря 1876 года. Суббота, вечеръ. Давненько не писалъ я въ дневникѣ, почему, самъ не знаю. Должно-быть,

лѣнь была. Я сижу въ карцерѣ за запись Докучаева. Но все обстоятельнѣе опишу завтра, теперь же спать хочется.

---

19 декабря 1876 года. Воскресенье. Утро. Въ нашей церкви звонятъ къ обѣднѣ. Скучно что-то. Да и можетъ ли быть весело въ карцерѣ: „Четыре желтыя стѣны, полинялый полъ и ...потолокъ съ чернотой, какъ грязная масса виситъ надъ тобой", по выраженію класснаго поэта К. Галкина. Я пишу, придвинувъ скамейку къ окошку, на которомъ лежитъ Стасюлевичъ, понятно, не собственной персоной, а только его сочиненіе „Исторія среднихъ вѣковъ". На Стасюлевичѣ громоздится хрестоматія Яковлева, а на Яковлевѣ „Картины средневѣковой жизни" Фрейтага. Но все это предметы не интересные; направо красуются въ желтомъ переплетѣ „Магазинныя барышни" Поль-де-Кока, и картину дополняетъ обгрызокъ хлѣба, кусочекъ клякс-папира и чернильница, вставленная въ коробку отъ табаку. Между двойными рамами окна, огороженнаго съ наружной стороны желѣзной рѣшеткой, наброcано множество бумажекъ, на которыхъ написано, что такой-то сидѣлъ за то-то, а такой-то за то-то. Я не преминулъ со своей стороны бросить туда же лоскутокъ казенной тетради, чтобы увѣковѣчить свое имя въ карцерѣ.

---

20 декабря 1876 года. У насъ въ классѣ издается журналъ „Литературный винегретъ", редакторомъ-издателемъ котораго пребываю я. Первый номеръ уже вышелъ, второй готовится къ изданію. Въ институтѣ не былъ очень и очень давно. Все занятъ театромъ. Не прошло воскресенья, когда бы я не былъ или на репетиціи, или на клейкѣ у В. Ратикова. Идутъ двѣ пьески: „Это мой маленькій капризъ", гдѣ роль Лучинина исполняю я, его жены—Сонечка, лакея—В. Ратиковъ, Рыжанова—дядя, горничной—Зальборнъ и, наконецъ, Бляхиной—нѣкто Фраткина. Но подробнѣй о послѣднихъ двухъ барышняхъ я скажу послѣ. Вторая пьеска „Картинка съ натуры". Здѣсь роль Сергѣя Петровича исполняетъ Лихонинъ, его жены—Сонечка и денщика—Философовъ.

---

6 марта 1877 года. Пробѣгая страницы моего дневника, я краснѣю за прежнія мои мысли. Эти нѣсколько строкъ будутъ послѣдними въ этой тетради. Начну другую, чтобы рядомъ съ глупыми страницами не были помѣщены—проникнутыя каплею здраваго смысла.

(Браво!!!—приписка карандашомъ).

Канунъ Свѣтлаго Воскресенія. Не хотѣлъ я больше писать въ этой тетради, но теперь такая тишь въ домѣ,—такой великій день!

Два года тому назадъ, немного позже теперешняго времени, мы всѣ сидѣли за столомъ въ Берегу, и весеннее утро весело заглядывало въ окна столовой. Теперь я сижу одинъ, дожидаюсь возвращенія тети, дяди, Васи и Кати изъ церкви и пишу мой дневникъ. Я не совсѣмъ здоровъ и не могъ пойти съ ними. Тихо въ домѣ и на улицахъ, залитыхъ неровнымъ сіяніемъ плошекъ. Но только-что загорится утро, Петербургъ оживетъ, и радостное „Христосъ воскресъ!"—послышится во всѣхъ его улицахъ. Я слышу благовѣстъ какой-то церкви. Тамъ теперь молится народъ, дожидаясь съ нетерпѣніемъ, когда споютъ—„Христосъ воскресъ"!

Какая
теплая
вѣра!—
29 мая 1878 г.

---

28 февраля 1879 года. Почти два года прошло съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ эту тетрадку. Пересматривая ея страницы и вообще вдумываясь въ прошедшее и настоящее и стараясь отгадать будущее, я пришелъ къ тому заключенію, что я жилъ самой полной жизнью въ періодѣ знакомства моего съ Дешевовыми. Все остальное такъ ничтожно, такъ мелко и низко, что я бы желалъ совершенно забыть его. Странное, мнѣ самому непонятное,—дѣтство, потомъ—жизнь у дяди безъ ласки, безъ искренней дружбы, безъ взаимнаго уваженія, потомъ, наконецъ, знакомство съ Дешевовыми,—дальше въ будущемъ—армейскій офицеръ, писатель-неудачникъ, запоздавшій романтикъ и мечтатель—пустая, глупая жизнь. Въ душѣ—ни слезъ, ни жалобъ, ни желаній—покой, убійственный покой.

ДНЕВНИКЪ.

1877—1879 г.

ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ.

И душитъ сердце мнѣ сознанье,
Что я—я рабъ, а не пророкъ.
«Слово» *С. Н.*

И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,
Такая пустая и глупая шутка.
М. Лермонтовъ,
«И скучно, и грустно».

Понедѣльникъ, 31 октября 1877 года. Дневникъ мнѣ необходимъ: онъ хоть на краткій срокъ отгоняетъ сознаніе того одиночества, которое приходится мнѣ переносить и въ гимназіи и дома. Я не хочу этимъ сказать, что дома меня не любятъ, но я не могу, подъ опасеніемъ солгать, сказать, что меня также очень любятъ. Дядя всегда разсудительно-холоденъ со мною, тетя—ласкова, но какъ-то особенно, сдержанно. Я не жалуюсь, такъ какъ жаловаться нечего. Я доволенъ своимъ положеніемъ и сознаю, что въ другихъ рукахъ я не имѣлъ бы ни такихъ матеріальныхъ выгодъ, ни того лоска и нѣкоторой доли свѣтскости, которые вынесены мною изъ пятилѣтняго пребыванія у тети и дяди. Но мнѣ хотѣлось бы немного больше родственнаго участія; впрочемъ, мало ли кому чего хочется? Вонъ товарищъ мой, Аксеновъ, всѣмъ хотѣлъ быть, начиная съ пожарнаго и кондуктора конножелѣзной дороги и кончая геологомъ. Кромѣ того, Катя относится ко мнѣ съ участіемъ, Вася—также, чего же болѣе? Извѣстная, вѣковая истина, что человѣкъ никогда, кромѣ

первыхъ моментовъ, ничѣмъ не бываетъ доволенъ, осуществилась и на мнѣ. Я всегда стараюсь отыскать всевозможное худо во всякомъ добрѣ и, къ несчастью, постоянно достигаю своей цѣли. Однако довольно философствовать, лучше передать свои „впечатлѣнія и замѣтки“ за послѣдній отпускъ. Прошлая недѣля прошла счастливо, безъ записей и дурныхъ балловъ. Замѣчу кстати, что это большая рѣдкость, ибо я сталъ ужаснѣйшій лѣнтяй: цѣлые дни сижу за стихами, а уроки оставляю для большихъ оказій. Въ субботу отправился въ три часа. Вошелъ. Дома, кромѣ Васи, никого нѣтъ.

Натали со своей всегдашней улыбкой, въ которой сквозитъ сознаніе собственнаго, неизвѣстно какого рода, достоинства, отперла мнѣ дверь. Вася хлопочетъ надъ ружьемъ и прочими охотничьими снарядами: его пригласилъ Григорій Васильевичъ ѣхать въ Дидвино, на охоту за зайцами.—„Пятьдесятъ человѣкъ мужиковъ загонять будутъ“,—повторялъ онъ мнѣ каждую минуту. Я завидовалъ ему страшно. Я, вообще, кажется, завистливъ, или, вѣрнѣе говоря, самолюбивъ. Вася сообщилъ мнѣ, что его, быть-можетъ, и не отпустятъ; пріѣхала тетя и сказала, что Вася не можетъ ѣхать, такъ какъ у него нѣтъ такихъ сапогъ, которые можно было бы пожертвовать на охоту. Я предложилъ съѣздить въ гимназію и принести оттуда свои. Тетя приняла предложеніе, и Вася поѣхалъ къ своему французу брать урокъ, а я—на высотѣ конножелѣзной—въ гимназію. По привычкѣ, я, наблюдая самъ за собой, замѣтилъ, что, когда Васѣ позволили ѣхать, я хотѣлъ, чтобы онъ не ѣхалъ, хотѣлъ изъ зависти или изъ самолюбія, что онъ будетъ больше знать и больше испытаетъ, чѣмъ я; когда же ему не позволяли, я, точно стыдясь за свое дурное желаніе, вновь хотѣлъ, чтобы онъ ѣхалъ, и очень желалъ помочь ему, чтобы не упрекать себя въ эгоизмѣ. Какъ бы то ни было,—Вася уѣхалъ. Точно также уѣхали тетя, дядя и Катя. Я, испросивъ предварительно позволенія, отправился за Лихонинымъ и притащилъ его ко мнѣ. Онъ предложилъ мнѣ взять его двухсотрублевую скрипку, на что я, конечно, согласился съ удовольствіемъ. Пришли къ намъ, поболтали, напились чаю, и я отправился его провожать. Наконецъ, подождавъ нѣсколько времени и дождавшись нашихъ, я улегся спать. Утромъ игралъ на скрипкѣ и потомъ отправился къ Мѣдникову на репетицію. Прохожу по Адмиралтейскому скверу—навстрѣчу идетъ Кіяковскій.—„Зальборнъ будетъ?“—спрашиваетъ онъ меня.—„Да, должно-быть!“—отвѣтилъ я.—„Кланяйся непремѣнно“—и разошлись. Оказалось, однако, что Зальборнъ не было, были: Фраткина, Володя, Ратьковъ-Рож-

новъ, Храповицкій, Носовъ, Философовъ, Мѣдниковъ, конечно, и я. „Сотрудники“ не репетировали; пошло только: „Что̀ имѣемъ—не хранимъ, потерявши плачемъ“. Я свою роль зналъ только съ начала и сыгралъ такъ себѣ. Володя и Ѳедя были недурны, Фраткина—безцвѣтна, Сонечка—мила. Кажется, эти двѣ синьоры въ пьесѣ помѣнялись тѣми ролями, которыя онѣ играютъ въ нашемъ кружкѣ: тамъ Фраткина бываетъ мила, Сонечка—безцвѣтна. Ролью своей я вполнѣ доволенъ: она не большая, но съ патетическими мѣстами, которыя не только не утруждаютъ исполнителя, но, наоборотъ, помогаютъ ему. Съ Ратьковымъ мы, вѣрно, опять будемъ браниться, зато Храповицкій мнѣ понравился: онъ выглядитъ очень милымъ и серьезнымъ. Когда я вошелъ въ гостиную, Фраткина встрѣтила меня словами:—„вотъ одинъ черненькій“. Къ несчастью, „черненькій“, т.-е. я, убѣдился, что онъ очень непривлекателенъ собою, что̀ больно кольнуло его самолюбіе, какъ кольнуло его то предпочтеніе, которое Фраткина оказываетъ хлыщу высшаго полета, В. Кольнуло мое самолюбіе не потому, чтобы мнѣ Фраткина нравилась, а такъ, изъ самолюбія. Володя небрежно подалъ мнѣ лѣвую руку; я ему нехотя—свою. Трещалъ онъ, вертѣлся и горячился; но особеннаго эффекта не произвелъ. Ѳедя говорилъ въ своей роли хорошо, но жесты его мнѣ не нравились, слишкомъ мало было изящнаго. Въ будущее воскресенье репетиціи не будетъ: мы всѣ приглашены къ Философову на обѣдъ и на вечеръ. Удастся ли отпроситься у Витторфа до утра? Когда я уходилъ съ репетиціи, Ѳедя обратилъ мое вниманіе на бархатную шубу и синій платокъ, которые висѣли въ швейцарской, и сказалъ мнѣ:—„Изучай!“—„А что̀?“—спросилъ я, догадываясь ужъ заранѣе объ отвѣтѣ: „Да Лиза внизу“. Мнѣ очень хотѣлось остаться. Я почувствовалъ, какъ шевельнулось во мнѣ старое чувство и знакомой мнѣ, пріятной и вмѣстѣ съ тѣмъ утомляющей грустью вторгнулось въ грудь. „Полно притворяться,—твердилъ я самъ себѣ,—ты ужъ больше не мальчикъ“; и я говорилъ правду: я давно не мальчикъ душою, я давно юноша, но довольно-таки „печальный“, какъ выразился нашъ прославленный и, à propos, прескверный гимназическій поэтъ В. Берверхотъ, которымъ и я, грѣшный, увлекался въ былыя времена. Что̀ у меня впереди? Мракъ, густой, непроглядный, грубая жизнь армейскаго офицера. Въ гвардію я самъ не желаю, потому что придерживаюсь изреченія какого-то великаго грека,—кого именно позабылъ, чуть ли не Алкивіада или Александра Македонскаго: лучше быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ послѣднимъ въ городѣ. Я не принадлежу

къ числу тѣхъ счастливцевъ, у которыхъ, по собственному моему выраженію:

Впереди не тоска, не печаль,
Не тяжелая, желчная злоба,
А серебрянымъ свѣтомъ облитая даль
И спокойная совѣсть до гроба.

У меня именно впереди „тоска и печаль“, „даль“ моей жизни полна вѣчнаго, тяжелаго труда за кусокъ хлѣба, вѣчныхъ уколовъ моему самолюбію, а совѣсть у меня давно неспокойна... Однако что̀ объ этомъ толковать! Я точно рисуюсь самъ передъ собою напускнымъ байронизмомъ; я не хочу клеветать на судьбу: и у меня есть надежда возвыситься—это мой поэтическій талантъ, буде онъ существуетъ.

А, кажется, Лиза мнѣ и до сихъ поръ нравится. Когда я вспоминаю о ней—я опять влюбленъ; забылъ ее, и кончено, она теряетъ привлекательность хорошихъ воспоминаній и остается въ памяти, какъ бездушный призракъ прошлаго. Мнѣ очень хочется ее видѣть: говорятъ, она выросла, стала совсѣмъ большой барышней. Я знаю, что на меня, конечно, не будетъ обращено вниманія—я не дамскій кавалеръ: комплиментовъ говорить не умѣю, на французскомъ языкѣ не изъясняюсь, на нѣмецкомъ и англійскомъ тѣмъ паче, на фортепіано не бренчу, и, вдобавокъ, похожъ на комара безъ жала, такъ какъ самолюбія во мнѣ много, а остроумія нѣтъ. Однако я не могу сообразить: зачѣмъ судьба пихнула меня въ такой кружокъ, въ которомъ я долженъ занимать одно изъ послѣднихъ мѣстъ? Обидно это и досадно, а что̀ жъ дѣлать? Къ несчастью, мнѣ этотъ кружокъ очень нравится, несмотря на ту послѣднюю или почти послѣднюю роль, которую я въ немъ играю.

Скорѣй бы пришла зима, съ ея свѣтлыми солнечными, морозными днями, съ блѣдной полумглой „задумчивыхъ ночей“. Боже мой, сколько во мнѣ противорѣчій! Я не люблю аристократовъ и аристократизма, а между тѣмъ люблю аристократическое общество, балы и театры; я знаю, что я не могу нравиться, такъ какъ „простое сердца чувство для свѣта—ничего; тамъ надобно искусство“ и т. д., а у меня именно и нѣтъ этого искусства, а между тѣмъ я люблю барышенъ. Мнѣ и пріятно и больно смотрѣть, какъ со мной кокетничаютъ; пріятно, такъ какъ я вижу, что употребляютъ усилія, чтобы мнѣ нравиться, больно, такъ какъ я ненавижу кокетство, какъ ненавидитъ звѣрь сѣти ловца. Я, благодаря тому, что много наблюдаю, пріобрѣлъ себѣ нѣкотораго рода навыкъ,

нѣкотораго рода опытность, а между тѣмъ всегда попадаюсь въ сѣти ловца. Я знаю, что тамъ дальше будетъ разочарованіе и даже ревность, но я хочу вѣрить, что я нравлюсь; довольно пошлые комплименты принимаю за чистую монету, ну и, конечно, послѣ и сожалѣю и раскаиваюсь, а между тѣмъ я такъ свыкся съ дѣтства съ положеніемъ влюбленнаго (я въ первый разъ влюбленъ былъ 6-ти лѣтъ въ Лелю Авсѣенко, мою двоюродную сестру), что мнѣ скучно, когда я не влюбленъ, когда не нахожу предмета поклоненія и посвященій своихъ поэмъ, когда не испытываю постояннаго перехода отъ радости къ печали. Въ этихъ случаяхъ я стараюсь самъ изобрѣсти себѣ идеалъ, стараюсь увѣрить себя, что я влюбленъ въ Полю, Соню, Фраткину и чуть ли не въ Катю. Но, впрочемъ, такое самообманываніе скоро прекращается; я съ неудовольствіемъ вижу, что это все чушь, чушь и чушь, и въ моемъ дневникѣ появляются обыкновенно страницы, въ которыхъ я браню себя и мои воображаемые идеалы. Я, можетъ-быть, и ошибаюсь, что Лиза мнѣ нравится, но, можетъ быть, и нѣтъ. Я говорю это на томъ основаніи, что прежде она мнѣ нравилась. Признаваясь откровенно самому себѣ, я, пожалуй, не желалъ бы нравиться Лизѣ, да и кому бы то ни было другому: я такъ свыкся съ глупой ролью робкаго воздыхателя, что едва ли бы захотѣлъ перемѣнить ее; она соединяетъ съ собой слишкомъ много привлекательныхъ воспоминаній. Во-первыхъ, моя страсть къ Марусѣ, гдѣ я разыгрывалъ молчаливаго, угнетеннаго любовника, т.-е. влюбленнаго, потомъ Сазонова, потомъ Лиза, потомъ Фраткина, да ихъ не перечесть всѣхъ. Лихонинъ нашелъ, что Сонечка похорошѣла, она, дѣйствительно, недурненькая дѣвочка, но только дѣвочка, да и къ тому же неискусная кокетка. Это разныя Фраткины и Зальборнъ ее испортили. Скука, да и писать надоѣло; я точно за дѣло усаженъ: брови нахмурены, глаза устремлены на бумагу. Пойду покурю; мнѣ вѣдь дома разрѣшено, а потомъ опять усядусь, попишу. Все-таки больше разнообразія: точно разговариваешь съ другомъ, точно уносишься далеко-далеко изъ однообразныхъ гимназическихъ стѣнъ.

Вотъ не было печали—черти накачали! Зарѣзалъ меня совсѣмъ Ѳедя, безъ ножа зарѣзалъ. Подхожу я къ нему съ обычной фразой: „пойдемъ—поболтаемъ!“—и отправляемся въ залу. Сначала было сдѣлано нѣсколько предположеній насчетъ спектакля, потомъ вдругъ Ѳедя обращается ко мнѣ и говоритъ: „А знаешь, ты опоздалъ, я говорилъ съ Лизой!“. Меня такъ и кольнуло.—„Ну что же?“—спрашиваю.—„Она теперь

совсѣмъ барышня, выросла ужасно, въ длинномъ платьѣ, стройненькая этакая! Да-съ, это не про насъ!"—говоритъ онъ. Я самъ зналъ, что это не про насъ, и мнѣ больно защемило мое самолюбіе. Я не могъ понять, что со мной дѣлалось именно, я вынесъ только общее впечатлѣніе: въ груди было точно пусто, и тамъ точно вѣтеръ шумѣлъ.

Находятъ, что безпощадный анализъ—мученье. Я, наоборотъ, нахожу въ немъ какое-то особенное наслажденіе, особенное удовольствіе, похожее, какъ мнѣ кажется, на то увлеченіе гнѣвомъ, которое чувствовалъ Пьеръ Безуховъ, объясняясь съ Элленъ. Боже мой, неужели я люблю Лизу? Проклятое самолюбіе, я чувствую, что одна встрѣча съ ней, и я опять влюблюсь. Экая натура глупая!

Я чуть опять не сдѣлалъ генеральной глупости: я давно собирался написать поэму „Монахъ", въ которой бы монахъ влюбился въ образъ Божьей Матери. Сегодня, поговоривъ съ Ѳедей, я принялся за работу и чуть не посвятилъ новаго своего произведенія своему старому кумиру—Лизѣ; но, къ счастью, разсудилъ, что это черезчуръ ужъ пошло и избито. Плохо что-то двигается моя поэма, не потому ли, что я очень требователенъ къ самому себѣ, не потому ли, что меня заѣло, можетъ-быть, неосновательное желаніе славы? Богъ знаетъ.

Сегодня воспитатель параллельнаго отдѣленія попросилъ у меня мою тетрадку со стихами. Я поломался—и далъ. Не знаю, что-то онъ скажетъ; я не особенно, впрочемъ, вѣрую въ посторонній судъ, хотя, вообще, онъ ко мнѣ довольно милостивъ. Меня часто мучаетъ одна мысль: неужели я одинъ изъ Александровъ, такъ мѣтко очерченныхъ Гончаровымъ въ его „Обыкновенной исторіи", или изъ неудачниковъ—Райскихъ въ „Обрывѣ"? Если такъ, то хоть стрѣляйся. Я положительно погибну, если увѣрюсь, что во мнѣ нѣтъ поэтическаго таланта. Однако я что-то больно горячо принялся за дневникъ. Наболталъ много. Богатый будетъ впослѣдствіи матеріалъ для собственной характеристики.

Я хочу достигнуть самопознанія, какъ (по мнѣнію какого-то мудреца) источника блаженства. Довольно однако на сегодня, больше мнѣ писать не о чемъ, да кстати и конецъ страницѣ. Думалъ, что больше писать не буду, однако надо занести въ дневникъ еще два слова. Леванда передъ чаемъ позвалъ меня къ себѣ. Въ чемъ дѣло, думаю? У васъ, говоритъ, стихъ выработался и т. д... вы, пожалуйста, все, что будетъ новаго, давайте мнѣ; что касается до мыслей, то онѣ придутъ, кромѣ того замѣтно подражаніе Пушкину и т. д. Я раскланялся и вышелъ. Первый опытъ подвергнуть свои произведенія суду

взрослыхъ — удался, что, признаюсь откровенно, много польстило моему авторскому самолюбію.

---

1 ноября. Вторникъ. Сегодня утромъ я проснулся, и первая моя мысль была о Лизѣ. Въ ушахъ у меня все время звучали Ѳедины слова: хороша, да не про насъ. Я опять-таки задаю себѣ вопросъ, что я—дѣйствительно ли влюбленъ, или все это только погоня за идеаломъ. Полина карточка, на которую я двѣ недѣли тому назадъ не могъ насмотрѣться, теперь валяется между бумагами. Пальниковъ только-что мнѣ показалъ новый журналъ „Сѣверная Звѣзда". Сличая два помѣщенныя такъ стихотворенія: „Изъ дунайскаго альбома" и „Птичка", я нашелъ, что даже и мои нехитростныя произведенія куда лучше. „Если такую мерзость печатають, мои напечатають тѣмъ паче",—думалъ я, и рѣшилъ на этомъ основаніи попробовать счастья—послать въ журналъ три свои стихотворенія: „Пускай смѣются надо мною", „Двѣ картинки" и „Ночь". Къ несчастью, не знаю, какъ это дѣлается. Спрошу у кого-нибудь свѣдущаго. Подъ стихами подпишу свою полную фамилію.

Нѣмецъ спрашивалъ, Богъ его вѣдаетъ, сколько поставилъ. Теперь у насъ второй урокъ: физика. Отъ Ковальскаго только и слышались „токи на токи", „дѣйствіе подъ угломъ", „притяженіе и отталкиваніе", „съ магнитомъ", „Бар... колесо", „полюсы" и много всякой всячины. Мой „Монахъ" двигается. Я имъ пока доволенъ. Впрочемъ, написано еще очень немного.

Ну, я сжегъ свои корабли! Стихи переданы Пальникову, чтобъ онъ ихъ послалъ въ редакцію „Сѣверной Звѣзды". Къ стихамъ я приложилъ слѣдующее письмо:

Милостивый Государь,
Г. Редакторъ!

„Не найдете ли Вы удобнымъ помѣстить на страницахъ Вашего уважаемаго журнала эти бездѣлки? Съ нетерпѣніемъ жду отвѣта. Адресуйте его во вторую гимназію, воспитаннику VI класса I отд. Семену Яковлевичу Надсону.

Примите увѣренія въ моемъ искреннемъ почтеніи и преданности".

С. Надсонъ.

Слово въ слово такъ и даже съ такимъ росчеркомъ. Будь что будетъ, а будетъ то, что рѣшитъ судьба и „г. редакторъ уважаемаго", сирѣчь препочтеннаго журнала. Дай Богъ удачи!

Неужели я дождусь счастья видѣть когда-нибудь напечатанными свои стихотворенія? Дай-то Господи!

А мысль о Лизѣ не выходитъ изъ головы, но я думаю теперь смѣлѣе о моей капризной героинѣ: я печатаю свои стихи (т.-е. пока только надѣюсь, что ихъ напечатаютъ, но мечта несетъ меня дальше), я славенъ (опять иллюзія), мое имя съ восторгомъ повторяетъ Россія (вишь ты, куда залетѣлъ), и Лиза, большая, стройненькая дѣвочка, въ длинномъ платьѣ, также читаетъ мои стихи и гордится тѣмъ, что знаетъ автора (ой, ой, ой!!!). Въ общество меня приглашаютъ наперерывъ читать мои поэмы и драмы, блеснуть мною, какъ диковиной. Мое посѣщеніе считаютъ за честь, мнѣ начинающіе поэты посвящаютъ свои неопытныя произведенія, и я тузъ въ литературномъ мірѣ. Лиза меня любитъ, я, конечно, также... Затѣмъ мои мечты принимаютъ очень туманный и мнѣ самому не вполнѣ ясный, но вполнѣ заманчивый характеръ: тройка..., небо упыпано звѣздами, яркая серебряная луна сверкаетъ въ снѣжинкахъ... направо — обнаженный лѣсъ, налѣво — поле, прямо предо мной темноватой змѣйкой вьется дорога... вдали окна моего дома прорѣзываютъ ночной сумракъ и кажутся издали огненными четыреугольниками. Я обхватилъ Лизу за талію... Лошади несутся во весь духъ... снѣгъ залѣпляетъ намъ глаза и бьетъ въ лицо и т. д..., а тамъ опять сначала, опять разыгрывается воображеніе, и все роскошнѣе, все разнообразнѣе рисуемыя имъ картины, узоры, сцены, лица и разговоры.—Мы съ Аксеновымъ затѣяли потѣшную штуку: сочинили вдвоемъ геніальную стихотворную чепуху и собираемся послать ее въ „Ниву“. Стихами завѣдывалъ я, прозой — Аксеновъ. Вотъ стихи:

Желаніе славы.

Давайте мнѣ славы,
Давайте ее
Она мнѣ нужна
И пусть свѣтъ лукавый
Мнѣ скажетъ ничего
А оно всѣ одно.

Епиграмма г-ну Ж.

посвищяима я.

Ты подлѣцъ и ты свинья
Вотъ и сказка вся моя.

Раманъ.

Въ минуту жизни труднуя,
Стисниться ли въ сердце грудь
Адну малитву чудную
Я все твержу, твержу.

Есть сила араматная
И звукъ сихъ словъ пустыхъ
Но сладость тутъ пріятная
И разлюбезный стихъ.
И ты купецъ и ты подлецъ
Ты долженъ также молиться.

Четвертаго стихотворенія приводить не стану, о немъ можно судить по приведеннымъ тремъ. Интересно знать, что-то мнѣ отвѣтятъ? Аксеновъ собирается вступить въ полемику съ редакціей, если она сдѣлаетъ какія-либо замѣчанія по поводу стиха или орѳографіи. Все-таки развлеченіе, хотя и преглупое.

Боже мой, какая тоска! Хотѣлъ-было продолжать своего „Монаха“, да стихъ не слушается. Обидно, хоть бы скорѣй „Сѣверная Звѣзда“ соблаговолила прислать свой отвѣтъ! А какъ хороша Лиза! Хотя это вовсе и не кстати, но что̀ дѣлать—я ее люблю и готовъ кстати и не кстати говорить о ней.

Однако спать страшно хочется. Пойду лучше спать, завтра напишу.

---

2 ноября. Среда. Пришелъ Пальниковъ. „Послалъ?“—спрашиваю.—„Послалъ!“—„Когда?“ — „Сегодня утромъ“. — „Ну, спасибо!“ Однако отвѣта скоро нельзя ждать. Развѣ на будущей недѣлѣ „Сѣверная Звѣзда“ почтитъ отвѣтомъ начинающаго поэта.

А мнѣ, говоря правду, будетъ страшно непріятно, если не примутъ. Ну, да что̀ будешь дѣлать?

Я съ нетерпѣніемъ жду отпуска: можно будетъ выбирать себѣ любое изъ двухъ удовольствій: обѣдъ у Философова или театръ. Я пока больше всего склоняюсь на сторону обѣда, театръ мнѣ надоѣлъ уже въ Павловскѣ. Церемонно затянутая во фракѣ фигура Трифонова длинными шагами похаживаетъ по классу и глядитъ на меня съ сожалѣніемъ: я вѣдь совсѣмъ пропалъ по математической части. VI классъ не шутка: у насъ проходятъ изъ математическихъ наукъ: черченіе геометрическое, геометрію, алгебру и физику, и изъ этихъ четырехъ предметовъ мое расположеніе (да и то въ микроскопической дозѣ) заслуживаетъ физика. Остальные три мнѣ противны до-нельзя. Противная математика.

Вечернія занятія.—Перечитывая моего „Монаха“, я увидалъ, какъ много въ немъ негладкостей и ошибокъ. Прежде всего меня поразила вялость слога. Развѣ такъ написанъ лермонтовскій „Демонъ“? Я отложилъ свою поэму до поры до времени, а то вдохновеніе охладѣло, картины приглядѣлись, писать не

хочется. Меня самого поражаетъ моя лѣность, а я не могу отъ нея отвыкнуть.

$10^1/_2$ часовъ вечера. Только-что написалъ сочиненіе: характеристика „Теона и Эсхина“. Нашло вдохновеніе, а безжалостный воспитатель гонитъ спать. Вотъ тутъ и пиши стихи!

---

3 ноября. Четвергъ. Съ какимъ удовольствіемъ вывелъ слово „четвергъ“! Черезъ день—въ отпускъ: тамъ меня ожидаетъ лихонинская скрипка. О моихъ стихахъ до сихъ поръ ни слуху ни духу. Ну, да, впрочемъ, я очень скоръ: вчера только они посланы. Если приметъ ихъ „Сѣверная Звѣзда“, пошлю еще раза два, три въ этотъ журналъ, потомъ отважусь на „Кругозоръ“, потомъ—на „Пчелу“ и наконецъ—на „Ниву“. Если буду получать гонораръ, первымъ долгомъ куплю себѣ часы, потомъ отдамъ починить скрипку, потомъ куплю американскіе коньки и буду мало-по-малу копить деньги для покупки произведеній лучшихъ русскихъ авторовъ, какъ-то: Пушкина, Лермонтова, Жуковскаго, Гоголя, Тургенева, Гончарова, Аксакова, гр. Л. Толстого, гр. А. К. Толстого, Грибоѣдова, Фонъ-Визина и Бѣлинскаго; но, впрочемъ, все это похоже на молочницу, которая собиралась продать кувшинъ молока и купить на эти деньги свинью, потомъ—корову, потомъ домъ и т. д., и всѣ ея надежды разбились вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ разбился кувшинъ съ молокомъ. Что̀ это на меня сегодня писарство напало: такія буквы выписываю, что уму непостижимо. А какая гордость мнѣ будетъ (вотъ такъ фраза, чисто-нѣмецкая), какая слава, хотѣлъ я сказать, въ нашемъ кружкѣ, если узнаютъ, что я, пятнадцати лѣтъ, уже печатаю въ журналахъ, хотя бы и такихъ неизвѣстныхъ, какова „Сѣверная Звѣзда“! Хоть бы Лиза какъ-нибудь объ этомъ узнала!

Однако до какой мелочности довелъ я свое самолюбіе: поэзія у меня является не цѣлью, а средствомъ, матеріаломъ для рисовки и возможности блеснуть заработанными часами, американскими коньками, скрипкой, библіотекой, перчатками и прочимъ. Но, впрочемъ, нечего обольщать самого себя,—вѣрнѣе всего, что мои... (хотѣлъ написать, жиденькія произведенія, но разсчиталъ, что мнѣ и не расчетъ, да и несправедливо клеветать на самого себя) неопытныя произведенія такъ и останутся ненапечатанными. А было бы пріятно начать литературную карьеру удачей. Ну, да мало ли что̀ пріятно, къ несчастью, намъ всегда кажется пріятнымъ по большей части или то, что̀ трудно достать, или даже невозможно. А какъ бы я былъ радъ! Докучаевъ (учитель русскаго языка)

объяснять какое-то длиннѣйшее, скучнѣйшее и непонятнѣйшее изъ всѣхъ писемъ Жуковскаго, толкующаго о какой-то „горной философіи“. Куда намъ грѣшнымъ уноситься за горы; у меня вотъ въ перспективѣ позоръ: редакторъ выругаетъ, чего добраго. Эхъ, вызвалъ Докучаевъ, пойду отвѣчать!

Спасибо Аксенову: все подсказалъ. Однако Докучаевъ не удовольствовался отвѣтомъ; сказалъ, что мало спрашивалъ, что еще потомъ спроситъ. Ну и отлично!

Однако премерзкое состояніе ожидать отвѣта изъ „редакціи“. Первая попытка напечатать! Вѣдь это важная вещь! У меня въ груди такая борьба между страхомъ и надеждой, а съ небесъ все нѣтъ отвѣта. Должно-быть, владѣтель „Звѣзды“ и позабылъ о грѣшномъ авторѣ погрѣшнаго произведенія. Чортъ бы его взялъ совсѣмъ!

5-го ноября. Суббота. Вчера не писалъ, потому что ничего особеннаго не было. Началъ только новое стихотвореніе „Самъ“. Начало выходитъ удачно, но, вѣроятно, опять не хватитъ терпѣнія кончить: вдохновеніе ослабѣетъ. Каждый день справляюсь о томъ, нѣтъ ли письма—и до сихъ поръ не могу его дождаться. Это, наконецъ, невѣжливо со стороны редактора: или сегодня, или въ понедѣльникъ долженъ выйти слѣдующій номеръ. Завтра надо на обѣдъ къ Философову ѣхать, а у меня премерзкій ячмень на глазу; терпѣть не могу подобныхъ мерзостей. Вчера вызвалъ Докучаевъ по словесности, 11 балловъ поставилъ, ну и Богъ съ нимъ. А проклятая „Звѣзда“ не пишетъ отвѣта.

7-го ноября. Понедѣльникъ. Слѣдующій номеръ „Звѣзды“ вышелъ, а отвѣта нѣтъ. Ну, да Богъ съ нимъ, надоѣло ужъ мнѣ все это; разскажу лучше, какъ провелъ отпускъ.

Суббота прошла довольно безцвѣтно, читалъ думы и стихи Д. Минаева, игралъ на скрипкѣ и курилъ. На другой день одѣлся, напился чаю и пошелъ въ церковь. Скрываться не стану: особеннаго удовольствія бывать въ церкви я не нахожу, но между тѣмъ я довольно религіозенъ; не люблю ханжить! У „Екатерины“ поютъ недурно, хотя хуже, чѣмъ въ прошломъ году. Впрочемъ, одну вещицу спѣли очень порядочно: что̀ именно—не помню; дисканты были очень недурны, хоть альтъ—слишкомъ громкій и рѣзкій. Придя домой, мы съ Васей позавтракали и только собрались итти къ Философову, какъ вдругъ раздается звонокъ, и входятъ Сонечка и Аня: онѣ пришли за Катей звать ее на репетицію и обѣдать. Но Катя была еще раньше отозвана къ Антонинѣ Васильевнѣ.

Сонечка, видно, домой ѣхать не хочетъ (Аня ужъ раздѣлась), а Катя не догадывается пригласить ее остаться, да и видно и боится безъ тети. Наступаетъ минутное неловкое молчаніе, изъ котораго выводитъ горничная Оля вопросомъ: „что же, барышни, остаетесь вы, или идете?“ Я началъ просить Сонечку. чтобъ осталась немного, не для себя, а потому что неловко же въ самомъ дѣлѣ со стороны Кати не пригласить. Вася догадался и подхватилъ мою просьбу, но Катя все молчала. Меня даже бѣсила такая невѣжливость. Наконецъ онѣ остались, а мы съ Васей, зайдя за Ѳедей, двинулись въ путь къ Философову. Вошли, позвонили. „Какъ это мило“,—залепеталъ Философовъ, здороваясь и пожимая руки на обѣ стороны (видно было, что онъ не зналъ, о чемъ съ нами разговаривать). У него уже были N и X, оба юнкера Павловскаго училища. N, по всеобщему отзыву, ужасно глупый человѣкъ, но, во всякомъ случаѣ, насколько я замѣтилъ, онъ изъ породы добрыхъ глупцовъ. X, тотъ педантъ, это безъ сомнѣнія, но онъ принадлежитъ къ числу дураковъ заносчивыхъ, хотя у насъ съ нимъ, вообще, отношенія были хорошія, вѣроятно, потому, что я выказалъ уваженіе... не ему, а его павловскому мундиру. Вышла сестра Философова Будзинская, очень миленькая и граціозная Она протянула мнѣ свою узкую, тонкую, изящную ручку, и я неловко подалъ свою. Она ѣхала дѣлать визиты и потому одѣта была очень элегантно. За нею вышелъ ея мужъ, бородатый, румяный, средняго роста инженеръ. Онъ также протянулъ мнѣ руку. Я отвѣтилъ легкимъ пожатіемъ. Я не безъ грусти проводилъ глазами Будзинскую. Она такъ мило сказала нѣсколько словъ, когда вошла въ гостиную, такъ мило, нараспѣвъ, высокой нотой произнесла про Носова: „бѣдненькій“, когда мы объявили, что онъ не будетъ, что я невольно и безсознательно пожалѣлъ Носова. Я видѣлъ и прежде Будзинскую, но тогда она мнѣ не нравилась. Зашли разговоры, и я навелъ ихъ на тему о Лизѣ, такъ какъ Андрюша еще раньше мнѣ шепнулъ, что на-дняхъ видалъ Лизу, и на вопросъ мой, похорошѣла ли она, отвѣтилъ: „подурнѣла“. Я отлично зналъ, что онъ сказалъ это, чтобъ подразнить меня, и мнѣ было пріятно, Богъ знаетъ почему, что онъ знаетъ, какъ я ее люблю. Вообще, насколько я замѣтилъ, у меня очень откровенная натура,—о всемъ готовъ проболтаться.—„Ахъ, какъ она похорошѣла,—сказала мать Философова въ отвѣтъ на мой вопросъ, не видала ли она Лизы послѣ лѣта,—я ее видала недѣли двѣ тому назадъ“.—„Она, кажется, въ длинномъ платьѣ?“—нѣсколько неровнымъ голосомъ спросилъ я.—„Да, дѣйствительно,—вскользь замѣтила

Философова, — какие у нея глаза прелестные! Дивные!“ А проклятое длинное платье не давало мнѣ покоя. Лиза въ длинномъ платьѣ, Лиза барышня, а я еще мальчишка, гимназистъ!—„Она будетъ извѣстная красавица“,—продолжала Философова, и каждое слово, какъ молотокъ, било меня по вискамъ. Философова, думая, что я не вѣрю, неумолимо продолжала: „О ней заговоритъ весь Петербургъ!“ И мнѣ хотѣлось слушать дальше, и было больно слушать; зависть, злоба на самого себя, самолюбіе и отчаяніе, да, отчаяніе, все это шевельнулось во мнѣ.

— О комъ это?—подлетѣлъ Ѳедя.

— О m-lle Пещуровой,—отвѣтила Философова.

Ѳедя скорчилъ комическую гримасу и проговорилъ: „иззубрилась“.

— Да нѣтъ, она первой идетъ; это ничего не значитъ, она изъ самолюбія занимается хорошо.

И я, приверженецъ благодатнаго dolce far niente, я страстно уважалъ въ это время Лизу за ея самолюбіе, за ея прилежаніе.

— У насъ даже въ гимназіи сложилась поговорка,— продолжалъ щебетать Ѳедя съ той особенной физіономіей, которую онъ всегда корчитъ, когда собирается сострить. Тогда на лицѣ его написанъ и смѣхъ и удовольствіе и какъ будто жалость къ кому-то...—„Ты зубришь, какъ Лиза Пещурова...“— докончилъ онъ свою мысль. Мнѣ было и „больно и смѣшно“.— „Да, я знаю, батюшка, почему вы такъ говорите: вы вѣрно гонялись за нею, а она вамъ натянула носъ! Зеленъ виноградъ, ягодки нѣтъ зрѣлой“, отвѣтила Аделаида Леонардовна изъ басенъ Крылова. — Нѣтъ-съ, выжатый лимонъ! — бойко отвѣтилъ Ѳедя;—„выжатый лимонъ“, повторилъ онъ, какъ бы самъ любуясь и разбирая свою остроту. Въ эту минуту у него на лицѣ дѣйствительно явилось огромное сходство съ выжатымъ лимономъ.—„Самъ хорошъ, батюшка“, подумалъ я.

Какъ видно, и Аделаидѣ Леонардовнѣ и Ѳедѣ понравились ихъ выраженія, и они повторяли ихъ нѣсколько разъ въ продолженіе вечера, какъ бы любуясь тѣмъ ensemble, который они составляли.

Будзинскіе вернулись съ визитовъ. На столѣ было накрыто, и всѣ мы усѣлись обѣдать. За обѣдомъ Ѳедя своей болтовней заставилъ насъ покраснѣть, выдавъ секреты Философова, мои, Коли Орновскаго и ни въ чемъ неповиннаго Васи. Въ отомщеніе мы пристали къ нему, чтобы онъ выдалъ свой идеалъ.—„Евгенія Модестовна Ратькова-Рожнова!“—громко произнесъ онъ и разсмѣшилъ все общество. Но мнѣ не по-

нравилась эта развязность. Мнѣ кажется, подобное хвастовство опошливаетъ имя, дорогое по многимъ воспоминаніямъ. Эта брезгливая щепетильность, я согласенъ, смѣшна и похожа на донъ-кихотство, но во всякомъ случаѣ я придерживаюсь этого правила. Зашелъ разговоръ о спектаклѣ.—„Вы также играете, m-r Надсонъ?“—спросила меня Будзинская, и мнѣ очень понравился этотъ вопросъ, хотя я и зналъ, что она его сказала, чтобы сказать что-нибудь.—„Да“,—со вздохомъ отвѣтилъ я, какъ будто сожалѣя, что играю. Будзинская посмотрѣла на меня съ удивленіемъ и любопытствомъ вполнѣ основательнымъ, и я покраснѣлъ и былъ отчего-то очень доволенъ. За обѣдомъ я почти ничего не пилъ, если не считать стакана краснаго вина. (Признаюсь, я написалъ съ удовольствіемъ слово „стаканъ“, мысленно рѣшивъ: вотъ какой я большой, вино стаканами пью! И въ то же время мнѣ, Богъ знаетъ почему, представилась хвастливая личность Загорѣцкаго изъ „Горя отъ ума“ и его слова о Чацкомъ:

...Шампанское бокалами тянулъ...
Бутылками. да пребольшими!
Загор. Нѣтъ-съ, бочками сороковыми!).

Впрочемъ за мечтой не угонишься, буду продолжать разсказъ.

Когда, пообѣдавъ и раскланявшись (при чемъ, замѣчу въ скобкахъ, мой поклонъ не былъ никѣмъ замѣченъ, какъ всегда у меня бываетъ, и я подвергнулся опасности показаться невѣжей), мы отправились въ столовую, и Андрюша притащилъ туда вина. Я выпилъ еще и былъ нѣсколько пьянъ. Всего смѣшнѣе для меня были наблюденія надъ самимъ собой, когда я старался рѣшить, пьянъ я или только „камедь ломаю“. Во мнѣ тогда точно сидѣли два человѣка: одинъ, трезвый, смѣялся надъ пьянымъ, а пьяный увѣрялъ, что онъ не пьянъ. Окончательное же мнѣніе, также въ видѣ чего-то особеннаго, несвязнаго съ мыслями двухъ тѣхъ людей, которые сидѣли во мнѣ, склонялось то на ту, то на другую сторону; такъ я и не пришелъ ни къ какому результату. Играли въ карты на деньги, и я то выигрывалъ, то проигрывалъ; въ заключеніе все-таки рубля два выигралъ. Я говорю такъ неопредѣленно, потому что куши были большіе и Философовъ до сихъ поръ не успѣлъ еще свести счетовъ. Такъ, въ стуколкѣ ремизъ доходилъ до 30 тысячъ. Правда, мы играли по сотой, но все-таки это составляетъ значительную сумму для нашихъ пустыхъ кармановъ. Потомъ плясали подъ мою отвратительную музыку, въ чемъ я великодушно сознавался;

потомъ, наконецъ, разошлись, напившись чаю. На воздухѣ я совсѣмъ отрезвился. Ялозо, съ которымъ мы выпили брудершафтъ, довелъ насъ до самаго дома, на Вознесенскомъ.

8 ноября. Вторникъ. Григоровичъ задалъ сочиненіе. Темы довольно порядочныя, но очень трудныя: „Учрежденіе Опричины и ея значеніе“, „Бракъ Іоанна III съ Софіей Палеологъ и его значеніе“, „Ганзейская и послѣдующая торговля Новгорода“. Послѣдняя тема хуже остальныхъ. Я буду писать на одну изъ первыхъ. Скука!

9 ноября 1877 г. Среда. Послѣдній урокъ. Насилу я могу писать, такъ темно. Вчера вечеромъ была сыгровка: идетъ Полонезъ и Маршъ Кейрбаха. Кромѣ того труднѣйшая Guitor-polka... Я играю первую скрипку, чему очень радъ. Сегодня вызывалъ Варонъ, поставилъ 11, несмотря на то, что я зналъ очень немного. Пишу новую вещь: „Сказку дѣдушки“, которую, увы, посвятилъ моей героинѣ Лизѣ, хорошенькой, миленькой, граціозной, умной красавицѣ Лизѣ. Экъ охарактеризовалъ! Составилъ программу сочиненій по исторіи, пишу на Опричину. Какой однако злодѣй былъ Іоаннъ Грозный! А снѣга все нѣтъ какъ нѣтъ. Въ три часа буду играть на скрипкѣ. Завтра у меня урокъ и сыгровка. Надо разучить Guitor-польку. Я заваленъ работой.

11 ноября 1877 г. Пятница. Вчера не писалъ, такъ какъ ничего особеннаго не было. „Сказку дѣдушки“, какъ и слѣдовало ожидать, бросилъ, но зато написалъ „Сонъ Іоанна Грознаго“. Удалось! Хочу подать Докучаеву: тотъ какъ-то сказалъ, что тому, кто подастъ ему поэтическое произведеніе, онъ поставитъ двѣнадцать, а получить двѣнадцать далеко не непріятно. Вообще мои дѣла въ наукахъ идутъ порядочно. Исторію я почти написалъ, физики не знаю, но буду знать, французскій хорошо, сочиненія—Богъ вѣдаетъ, Докучаевъ не возвращалъ еще моего сочиненія, но я надѣюсь на поддержку „Іоанна“, русская грамматика, т.-е. славянская грамматика... ну, объ этой долго толковать не стоитъ: благодаря судьбѣ, употребившей Витторфа орудіемъ своей воли, около меня сидитъ Аксеновъ, великій Аксеновъ, знающій всѣ уроки. Математика... ну, ее догонимъ какъ-нибудь, по словесности я былъ спрошенъ, а тамъ рисованіе и всякая такая штука,—пустяки! Витторфъ говоритъ, что нашъ новый директоръ Кузьминъ-Караваевъ приказалъ А. Баганцу ставить играю-

щимъ баллы по музыкѣ, и, кажется, Его Превосходительство собирается дѣлать экзамены по всему оркестру. На здоровье!

Кстати о здоровьѣ: моя совѣсть здорова цѣлый мѣсяцъ! Урра, Иванъ Петровичъ Старковъ!

Урокъ вчерашній Баганцъ отложилъ, а сыгровка была. Отъ Guitor-polk'и у меня на указательномъ пальцѣ пузырь вскочилъ. Но все-таки полька премиленькая.

---

15 ноября 1877 г. Вторникъ. Спѣшу занести мои отпускныя впечатлѣнія. Отпускъ былъ на воскресенье и понедѣльникъ, слѣдовательно есть о чемъ поболтать. Субботу провелъ такъ, какъ вообще люблю проводить время: т.-е. читалъ, игралъ на скрипкѣ, курилъ и пѣлъ. Вася былъ у своего французскаго учителя, потомъ у Антонины Васильевны и вернулся довольно поздно. Напились чаю, улеглись спать, вотъ и все, о чемъ можно говорить, а о чемъ нельзя, то я буду помнить, и не занося этого въ дневникъ.

Въ воскресенье Вася пошелъ въ церковь, а я попросилъ у тети позволенія не ходить. Что̀ я мальчишка, что ли? Для чего нужно ханжество? Отправился къ Лихонину, но не засталъ его, т.-е. засталъ, да онъ спалъ еще, въ половинѣ двѣнадцатаго. Оставилъ ему записку о перемѣнѣ репетиціи, т.-е. что репетиція отложена до 6-ти часовъ вечера, и скрылся. Пришелъ домой. Позавтракалъ. Далѣе произошло затрудненіе, какъ мнѣ устроиться съ обѣдомъ: у насъ обѣдъ долженъ былъ быть въ 4 часа, но Вася отправляется къ Бардовскимъ обѣдать и звалъ меня. Я также не прочь былъ пойти, но у Бардовскихъ обѣдали очень поздно, и я не поспѣлъ бы на репетицію. Приходилось отказаться или отъ репетиціи, или отъ обѣда. Я предпочелъ послѣднее и отправился къ Григорію Васильевичу. Дома никого не было. Мы съ Васей закурили папиросы и принялись разсуждать. Я нашелъ стихи Некрасова и, конечно, тотчасъ за нихъ усѣлся. Но вотъ раздается звонокъ. „Сейчасъ войдетъ Марья Арсеньевна", мелькнуло у меня въ головѣ, и я, проходя въ переднюю, невольно остановился въ залѣ передъ зеркаломъ, поправляя слегка волосы, опять-таки увидалъ въ зеркалѣ свою уродливую физіономію и съ убитымъ видомъ вышелъ въ переднюю. Крючокъ щелкнулъ, показалась сначала Анна Арсеньевна и потомъ... о, разочарованіе, потомъ никого не показалось.—„Вы одни?"—спросилъ Вася. „Одна",—отвѣтила она. Она мнѣ показалась красавицей. Бархатная шубка, отороченная мѣхомъ, такъ мило обнимала ея станъ, такимъ веселымъ и смѣлымъ взглядомъ глядѣли ея... эхъ, позабылъ какого цвѣта,

сѣрые, кажется, глаза; такой здоровый румянецъ горѣлъ на ея щекахъ, что мнѣ, ей-Богу, стало завидно смотрѣть на ея здоровую фигуру; мнѣ, отъ этому, сдѣлалось досадно. отчего я такой.

Вася поспѣшно бросилъ только-что скрученную имъ папиросу (и скрученную преотвратительно) и поздоровался съ Анной Арсеньевной. Она протянула намъ свою маленькую ручку, ловко обтянутую лайковой перчаткой, чему я былъ въ тайнѣ радъ, такъ какъ мнѣ всегда стыдно становится за свои руки, когда ихъ пожимаютъ не товарищи, а дамы (или дѣвицы, все равно). Мнѣ кажется, что онѣ всегда должны испытывать нѣкотораго рода отвращеніе, и, несмотря на то, что я, будучи самъ брезгливымъ, вполнѣ понимаю его, я всегда нѣсколько золъ, когда мнѣ приходится подавать руку. Я предпочитаю раскланиваться издали, причемъ, какъ я замѣтилъ, моихъ поклоновъ большею частью не замѣчаютъ.

— Я вамъ хочу дать порученіе, — обратилась къ намъ Анна Арсеньевна,—сходить въ судъ и послать телеграмму.

Мы съ Васей изъявили готовность исполнить всевозможныя порученія.—„Ну и отлично,—отвѣтила Анна Арсеньевна,—я васъ довезу въ каретѣ. Только вотъ усядемся ли мы?“ Я замѣтилъ, что я могу и „пѣтушкомъ, пѣтушкомъ“ за каретой. Но Анна Арсеньевна рѣшила, что усядемся, и мы, одѣвшись, вышли на подъѣздъ. Вошелъ Вася и усѣлся. Рядомъ съ нимъ сѣла Анна Арсеньевна и предлагала мнѣ усѣсться на колѣни. Но я наотрѣзъ отказался. — „Да чего вы глупите?—смѣялась Анна Арсеньевна своимъ добрымъ, открытымъ, но тихимъ смѣхомъ, прищуривая глаза, — вы ужъ большой человѣкъ, какъ можно?“

— Конечно, большой, — отвѣтилъ я съ напускной важностью,—я, слава Тебѣ Господи, въ 6 классѣ.—Ну и, конечно, не сѣлъ къ ней на колѣни, а усѣлся къ Васѣ, причемъ онъ, несчастный, жался на всѣ ножки.

— А мы здѣсь съ Марусей и Гришей втроемъ ѣздили, — замѣтила Анна Арсеньевна.

— Съ кѣмъ?—переспросилъ я.

— Съ Марусей, — отвѣтила она, и мнѣ показалось, что это слово было сказано какъ-то особенно, нѣсколько печально. Оказалось, что, кромѣ суда, Аннѣ Арсеньевнѣ надо было съѣздить еще туда и сюда, и такимъ образомъ мы путешествовали въ каретѣ около двухъ часовъ.

Наконецъ наши странствованія окончились, мы вернулись назадъ и позвонили. Ваня отперъ двери. Въ глубинѣ кабинета я замѣтилъ фигуру Маруси.

---

16 ноября 1877 г. Среда. Вчера пришелъ Докучаевъ и помѣшалъ мнѣ писать. Моимъ питомцамъ за изложеніе послѣднихъ сочиненій поставилъ по десяткѣ, мнѣ—одиннадцать. Я ему подалъ свое послѣднее стихотвореніе: „Сонъ Іоанна Грознаго". Онъ взялъ. Однако буду продолжать объ отпускѣ. Я сказалъ, что замѣтилъ въ кабинетѣ Марусю, и тотчасъ же со стыдомъ сознался, что Лиза и Анна Арсеньевна, какъ дымъ, исчезли изъ головы. Несмотря на то, что я смотрѣлъ на Марусю съ полнымъ желаніемъ и расположеніемъ пробудить въ себѣ старое, я замѣтилъ съ какой-то странной радостью, что она значительно подурнѣла и похудѣла. Цвѣтъ лица испортился, въ глазахъ пропалъ прежній кокетливый вызовъ, во всѣхъ движеніяхъ нѣтъ слѣда той свѣжести, которая въ Алтуфьевомъ Берегу напоминала мнѣ русскую зиму. Одно, что̀ осталось при ней отъ прежняго, что̀ напоминало въ ней красавицу Марусю — это ея серебряный смѣхъ, особенный, милый складъ губъ, да женственность и нѣга, проглядывающія во всѣхъ ея движеніяхъ. Но, несмотря на то, что Маруся измѣнилась, она можетъ еще очень нравиться. Я говорю безъ преувеличенія, что стоитъ мнѣ захотѣть, и у меня въ ушахъ звучитъ ея металлическій милый смѣхъ, въ которомъ, кажется, слышится принужденіе и покорность чему-то. Она смѣется всегда ноткой выше, чѣмъ говоритъ.

Я помню ее въ день свадьбы Антонины Васильевны. Какъ она хороша была тогда! Какъ шло къ ней ея свѣтлое газовое платье, ея декольте, замаскированное бѣлой атласной, на лебяжьемъ пуху, мантильей, и ея бѣлыя лайковыя перчатки, чуть не до плеча! Отчего же произошла такая перемѣна? Аллахъ его вѣдаетъ, какъ выражается Ковальскій. Моя пылкая фантазія рисуетъ цѣлый романъ ея отношеній къ Григорію Васильевичу, страданія гордой и самолюбивой Анны Арсеньевны, сцены ревности, горе Маруси и какая-нибудь причина, мѣшающая ей покинуть домъ Бардовскихъ. Но вѣдь все это фантазія, а къ разгадкѣ дѣйствительности нѣтъ и нѣтъ ключа.

Трифоновъ вызывалъ по алгебрѣ, пятерку поставилъ. Этакая проза, право! Ну, да Богъ съ нимъ и съ его алгеброй, надоѣла она мнѣ хуже горькой рѣдьки.

Я нѣсколько нерѣшительно вошелъ въ кабинетъ и раскланялся. Маруся поклонилась мнѣ вѣжливо и нѣсколько кокетливо. Для важности закуривъ папиросу, я не зналъ, что̀ дѣлать—молчать или говорить, и если говорить, то о чемъ говорить? Вообще положеніе было глупое. Я счелъ за лучшее смѣяться надъ Васей, надъ тѣмъ, что онъ куритъ, но свои,

очень часто неудачныя остроты я говорилъ вполголоса, изъ самолюбія, такъ что кромѣ меня ихъ никто и не слыхалъ. Наконецъ Маруся ушла. Я вздохнулъ облегченною грудью и въ то же время пожалѣлъ. Явился Ваня. Мы всѣ закурили папиросы и начали болтать. Я говорилъ и смѣялся громко, старался все время говорить какъ-нибудь умнѣе, и все выходило глупо и пошло. Я зналъ, или, по крайней мѣрѣ, думалъ, что меня слышатъ, и самъ наносилъ ударъ за ударомъ своему самолюбію. „Господи, зачѣмъ я такъ глупъ?"—думалось мнѣ.

Мы всѣ усѣлись за столомъ. Я взялъ Некрасова и началъ читать его „Пьяную ночь" изъ „Кому на Руси жить хорошо". Я читалъ вслухъ. Два раза мимо прошла Маруся, и я боролся самъ съ собою, то думая, что лучше прервать чтеніе, то желая ей дать возможность слышать, какъ я хорошо читаю. Наконецъ меня позвали обѣдать. Пока я обѣдалъ, пріхали тетя, Болеславъ Ивановичъ и Антонина Васильевна. Поблагодаривъ и попрощавшись съ Анной Арсеньевной, я не хотѣлъ прощаться съ другими, потому что зналъ, что при Марусѣ не сумѣю попрощаться какъ слѣдуетъ, а или споткнусь, или что-нибудь опрокину и разобью, и потому спасся позорнымъ бѣгствомъ и направился къ Адмиралтейству, на репетицію. Я былъ въ какомъ-то восторженномъ настроеніи: я признался заочно въ любви къ Марусѣ, пѣлъ какую-то унылую и чувствительную пѣсню про „Широкую Волгу матушку", импровизируя вполголоса слова и мотивъ, и вообще былъ въ сумасшедшемъ состояніи восторженнаго вдохновенія. Быстро дошелъ я до Адмиралтейства и вступилъ въ швейцарскую.

Быстро оглядѣвшись, я замѣтилъ опять пальто Лизы, но оказалось, что я ошибся: Лизы не было. Я позвонилъ и вошелъ въ кабинетъ. Черезъ нѣсколько времени вошла туда и Фраткина, веселая, розовая отъ холода.—„Здравствуйте, черненькій!"—„Здравствуйте, Анна Адольфовна". Она протянула мнѣ руку, я небрежно подалъ свою. Фраткина тогда была очень хороша, такая свѣженькая, веселая, румяная!

Пошла французская пьеска. Николай Николаевичъ сердился на Аню за то, что она не умѣла сказать чего-то плаксивымъ голосомъ. Наконецъ Аня заплакала серьезно отъ надоѣдливости Николаича, и онъ остался очень доволенъ. Фраткина указала мнѣ рукой мѣсто рядомъ съ ней. Я сѣлъ. Болтали всякую ерунду, въ болѣе патетическихъ мѣстахъ пьески мы хохотали и притворялись плачущими, вообще Фраткина кокетничала, я—дурачился. Наконецъ и русскія пьески пошли.

Лихонина не было, я игралъ за него его роль и въ томъ мѣстѣ, когда онъ просыпается, разсмѣшилъ всѣхъ. Потомъ сыграли и нашу пьеску: „Что имѣемъ — не хранимъ, потерявши плачемъ“. Меня немного удивляла и конфузила развязность Фраткиной. Она такъ смѣло меня теребила и трогала въ своей роли, что мнѣ становилось за нее совѣстно. Впрочемъ, она славная барышня, хотя вѣтрена и кокетка изрядная. Послѣ репетиціи посидѣли и поболтали, начали играть въ мнѣнія, причемъ я назвалъ Фраткину змѣей подколодной, за что она за чаемъ притворно надулась. Николаевичъ расщедрился на угощеніе. Фраткина, Господь знаетъ зачѣмъ, отломила кусочекъ своей пастилки и заставила меня съѣсть (что я исполнилъ съ удовольствіемъ: пастила была свѣжая и вкусная). Наконецъ надо было расходиться. Я, Носовъ и Орловскій отправились ее провожать до извозчика, а Носовъ даже на извозчика съ ней усѣлся и поѣхалъ провожать ее до дому. Мы съ Орловскимъ ужасно на него озлились. Орловскій славный малый. Онъ проводилъ меня до угла Кадетской линіи, а тамъ мы съ нимъ распрощались. Ночь была отличная. Я вернулся домой и долго не могъ заснуть: въ Васиной комнатѣ штора не была спущена, и ласковая, наивная мѣдная луна заглядывала въ окно и отражала его свѣтлыми квадратами на выступѣ стѣны. Я находился подъ обаяніемъ красоты Фраткиной и думалъ о ней.—Усталъ. Вечеромъ допишу.—Промчался день. „Слава тебѣ Господи“, скажу я вмѣстѣ съ гончаровскими обломовцами и допишу о моихъ отпускныхъ приключеніяхъ.

На другой день я провалялся сравнительно долго и еще въ костюмѣ Адама принялся возиться съ Васей. Наконецъ, свершивъ свой туалетъ и узрѣвъ въ зеркалѣ свою „богомерзкую“ рожу причесанной и умытой, я отправился пить кофе, совершивъ предварительно церемонный, офиціальный поклонъ тетѣ (нецеремонный я совершаю обыкновенно еще въ постели, когда тетя приноситъ Васѣ чистое бѣлье). Засимъ засѣлъ за скрипку и потомъ предложилъ Васѣ отправиться на Сергіевскую, за Ваней. Тетя просила еще зайти на Вознесенскій и и къ Berin, въ кондитерскую. До Вознесенскаго она меня подвезла въ каретѣ, причемъ у насъ былъ такой длинный разговоръ, какого мы не вели съ нею съ самаго моего поступленія подъ ея вѣдомство, разговоръ, въ которомъ я велъ себя не мальчикомъ, а юношей. Ладно. Съ Вознесенскаго мнѣ пришлось пѣшкомъ отправиться на Морскую, оттуда къ Лѣтнему саду, на Сергіевскую и наконецъ обратно, на Васильевскій. Я бы не предпринялъ такого путешествія, если

бы не желаніе увидѣть Марусю. Однако я ошибся въ расчетахъ: Маруси не встрѣтилъ, она не вышла. Захватилъ Ваню и отправился съ нимъ домой. По дорогѣ встрѣтилъ нѣсколькихъ маленькихъ великихъ князей. Они шли по улицѣ и разговаривали довольно громко. Я съ особеннымъ удовольствіемъ сталъ имъ во фронтъ, причемъ крайній, кажется, Петръ Николаевичъ, отвѣтилъ мнѣ, отдавъ честь съ какимъ-то скучающимъ досадливымъ лицомъ, а одинъ изъ сыновей Константина Николаевича—довольно привѣтливо. Пришли домой. За обѣдомъ тетя сказала мнѣ комплиментъ, что я довольно порядочно играю на скрипкѣ, такъ что ей пріятно слушать, и прибавила, что я и пою недурно. Это мнѣ въ свою очередь было пріятно слушать.—„И m-lle Энглезъ такого же мнѣнія",—проговорила тетя, съ ласковой улыбкой глядя на гувернантку. Я комически шаркнулъ ногой подъ столомъ. Послѣ обѣда усѣлись за карты. Я сыгралъ роберъ въ вистъ, и мнѣ надоѣло. Вася же съ Ваней принялись за банкъ, Вася проигралъ сорокъ копеекъ. Ему, видно, было ужасно досадно: онъ, вообще, скупъ. Тамъ поболтали, покурили, я опять игралъ на скрипкѣ, наконецъ напились чаю, и я отправился въ гимназію. Больше ничего и не было. Однако спать не хочется, заниматься—и того меньше, читать нечего: въ столѣ только „Адъ" дантовскій да карамзинскія повѣсти. Выборъ не большой, но все-таки Карамзинъ лучше. За него и примусь.

---

22 ноября 1877 года. Вторникъ. Большія буквы, какими я написалъ это слово, не имѣютъ ровно никакого особеннаго значенія. Я ихъ написалъ, потому что такъ мнѣ было удобнѣе. Пишу объ этомъ, чтобы потомъ, при разборѣ своихъ дневниковъ, не укорять себя въ глупости.

Я этотъ отпускъ провелъ довольно весело, въ особенности же хорошо провелъ вчерашній вечеръ, хотя я, по обыкновенію, злился на себя какъ нельзя болѣе. Я сейчасъ объясню, почему, и какъ я провелъ вечеръ.

За завтракомъ я спросилъ тетю, будетъ ли она вечеромъ дома, разсчитывая въ противномъ случаѣ пригласить Лихонина. Тетя отвѣчала, что не будетъ, хотя отвѣчала не прямо, а такъ, какъ будто еще сама не знаетъ. Я записываю это для характеристики тети; у нея, вообще, привычка такъ отвѣчать. Катя добавила, что, по всей вѣроятности, мы всѣ отправимся къ Аннѣ Арсеньевнѣ, что̀ мнѣ въ одно время и понравилось и не понравилось: понравилось, такъ какъ, признаваясь откровенно, мнѣ хотѣлось видѣть Марусю, не понравилось, такъ какъ я зналъ, что мнѣ надо въ половинѣ девятаго ворочаться

въ гимназію, слѣдовательно я не успѣю и насмотрѣться на своего прежняго идола.

Я однако, не долго думая, отправился къ Витторфу, вооруженный наскоро сочиненной запиской, подписанной тетей. Г-нъ полковникъ рѣшилъ, что я могу остаться до утра. Я зашелъ въ классъ, чтобы узнать, какіе уроки; впрочемъ, я готовить ихъ не собирался, а спросилъ только такъ, совѣсти очищенія ради. И наконецъ, узнавъ, къ величайшему удовольствію, что уроковъ нѣтъ, ретировался домой. Въ семъ путешествіи мнѣ сопутствовалъ Вася. Ладно. Пришли домой, пообѣдали; гусь былъ прелестнѣйшій, ей-Богу! Я-таки его и покушалъ. Потомъ Базиль, сирѣчь Вася, отправился за коляской, а я въ ожиданіи занялся набивкой папиросъ и запихиваніемъ оныхъ во вновь пріобрѣтенный мною за полтинникъ портсигаръ рассейскаго дерева. Прелестная штука! Усѣлись въ коляску, какъ сельди въ бочонкѣ. Мы съ Васей каждую секунду подвергались опасности свергнуться съ высоты нашего величія и при каждомъ толчкѣ ухватывались обѣими руками за ручки скамеечки и другъ за друга.

---

28 ноября 1877 года. Понедѣльникъ. Вальбергъ правду говоритъ, что ужасно мало времени, когда воспитанникъ можетъ располагать самъ собой: вонъ ужъ сколько времени я не писалъ дневника, а между тѣмъ надо бы много записать. Я скажу обо всемъ, о чемъ передумалъ, что видѣлъ и что дѣлалъ, какъ можно короче. Прошлый разъ я разсказывалъ, что мы отправились къ Аннѣ Арсеньевнѣ. Теперь прибавлю, что Маруся была очень хороша, и я чувствовалъ себя нѣсколько свободнѣе. Даже (чему я удивился не мало) на ея вопросъ: „Сеня, хотите еще чаю?“—я отвѣтилъ ей совершенно твердымъ голосомъ:—„Нѣтъ, мерси“. Но все-таки ѣсть не рѣшался, хотя гусь выглядѣлъ очень аппетитно: вообще, у насъ что-то теперь въ модѣ гуси. Конечно, я даже не подалъ ни малѣйшаго повода на разговоръ, раскланялся издали (причемъ Маруся, кажется, не замѣтила моего поклона) и исчезъ. Ночь была отличная. Ѣхать было очень пріятно.

Второй разъ видалъ я Марусю въ прошлый четвергъ, на Катиныхъ именинахъ. Прихожу домой—въ сосѣдней комнатѣ, въ тетиной, пляшетъ Катя, радостно взвизгивая и цѣлуя куклу, большую гуттаперчевую. Спрашиваю—кто подарилъ?—„Гриша“,—отвѣчаетъ Катя и сообщаетъ, что Григорій Васильевичъ боленъ, что не можетъ пріѣхать, и никто изъ нихъ не будетъ. Мнѣ это страшно не понравилось, и я вдругъ почувствовалъ себя дурно, злился и на Васю, и на Катю, и на

комнату, и на папиросы, вообще былъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа, причемъ однако какъ-то озлобленно разбиралъ по ниточкамъ всѣ свои мысли и поступки. Вдругъ входитъ Катя.—„Что съ Григоріемъ Васильевичемъ?“—спросилъ я, желая узнать, не пріѣдетъ ли Марья Арсеньевна, т.-е. убѣдиться, что она не пріѣдетъ (въ глубинѣ души я еще хранилъ надежду). — „А не знаю, — равнодушно отвѣтила Катя. — Марья Арсеньевна пріѣдетъ“, — прибавила она, улыбнувшись и, очевидно, понявъ мою мысль.—„Неужели?“— радостно сорвалось у меня съ языка, но я хотѣлъ принять опять свой прежній, недовольный видъ, боясь себя выдать. Однако это мнѣ не удалось: я самъ чувствовалъ, что сквозь натянутыя черты моего лица сквозитъ скрытый смѣхъ, а на губахъ играетъ вполнѣ явная улыбка. Вася, насколько мнѣ показалось, также просвѣтлѣлъ и еще разъ переспросилъ у Кати про Марью Арсеньевну: Катя засмѣялась въ отвѣтъ и убѣжала въ другую комнату. Мое дурное расположеніе духа мгновенно пропало: мы переглянулись съ Васей и оба усмѣхнулись.—„Хитришь, батюшка, и тебѣ она нравится“,—подумалъ я. Вѣроятно, то же самое подумалъ и Вася. Я съ удовольствіемъ закурилъ ту самую папиросу, которую только-что находилъ отвратительной, и не зналъ, за что схватиться. Каждый звонокъ въ передней болѣзненно отдавался во мнѣ, но я сидѣлъ, какъ прикованный къ стулу, и боялся выйти въ другую комнату. Вася, наоборотъ, каждую минуту выбѣгалъ въ переднюю и возвращался назадъ, отвѣчая на обыкновенный вопросъ: — „Кто? Не она?“—„Нѣтъ, не она“. Я ужъ началъ терять терпѣніе и отчаиваться, какъ вдругъ Вася сообщилъ мнѣ, что она пришла, сообщилъ словами изъ моей роли: „она и одна“. У меня даже духъ захватило, и я совсѣмъ растерялся: то забѣгаю по комнатѣ, то закурю папиросу и брошу ее, не докуривъ, то наконецъ подойду къ зеркалу и начну поправлять передъ нимъ свою прическу „à la Capoul“. Наконецъ я услышалъ въ Катиной комнатѣ голосъ Маруси и ея звонкій смѣхъ и поздравленія. Я вскочилъ съ дивана, закурилъ папиросу (чуть ли не десятую) и подошелъ къ зеркалу. Потомъ съ глупѣйшимъ и надутѣйшимъ выраженіемъ въ лицѣ вошелъ въ Катину комнату и сталъ въ дверяхъ, ожидая, пока Маруся посмотритъ въ мою сторону, чтобъ отвѣсить ей мой поклонъ. Она замѣтила наконецъ меня и обернула ко мнѣ свою головку вольнымъ, граціознымъ движеніемъ. Я съ тѣмъ же глупымъ выраженіемъ, но вдвое солиднѣе, поклонился ей. Она отвѣтила мнѣ вѣжливо, но, какъ мнѣ показалось, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ ироніи.

Взглянувъ украдкой еще разъ на нее и найдя, что она довольно интересна въ черномъ, плотно обтягивающемъ бюстъ и талію платьѣ, я быстро ретировался и бросился на диванъ. Еще раньше приходила Симантовская, сказала мнѣ, что я совсѣмъ уже молодой человѣкъ, что̀, говоря правду, мнѣ очень польстило, и я, для подтвержденія, закурилъ еще папиросу. Позвали обѣдать. За обѣдомъ Васѣ, кажется, ужасно хотѣлось подпоить насъ съ Ѳедей виномъ, но это ему не вполнѣ удалось: у меня только голова трещала, а у Ѳеди, кажется, и того не было. Послѣ обѣда... Да, кстати объ обѣдѣ: обѣдъ былъ очень недуренъ, хотя я почти ничего не ѣлъ: не хотѣлось. На послѣднее подали мороженое и, о ужасъ, также сдѣланное въ видѣ гуся или чего-то на него похожаго! Послѣ обѣда засѣли въ карты; мнѣ не хотѣлось: я терпѣть не могу банка. Вася, по обыкновенію, сначала горячился и проигралъ около семи рублей, потомъ вернулъ наконецъ проигранное и даже выигралъ съ Ѳеди двугривенный, чему и обрадовался несказанно. Потомъ насъ потащили танцовать. У меня кружилась голова, да кромѣ того я чувствовалъ, что на мои ноги пристально смотрятъ глаза Маруси, и поэтому чуть не свалилъ съ ногъ несчастную Сонечку. Но танцовать вскорѣ надоѣло; засѣли-было играть въ мнѣнія — мнѣнія выходили глупы. Ѳедя подсѣлъ къ Марусѣ и началъ съ ней разговоръ. „Что̀, вы бываете у Пещуровыхъ?"—спросила она его. „А чортъ съ ними, чтобъ не сказать Богъ съ ними",—промолвилъ Ѳедя со своей всегдашней миной на лицѣ. Зашелъ разговоръ о Пещуровыхъ, Флорансъ и Лизѣ. Ѳедя издѣвался надъ Флорансъ елико возможно, о Лизѣ выразился, что она ничего, только „иззубрилась", и тотчасъ же извинился за кадетское выраженіе.—„Отъ нея безъ ума одинъ мой товарищъ",—началъ Ѳедя, косо поглядывая на меня.—„Только не въ настоящее время",—подумалъ я и съ нетерпѣніемъ сталъ ждать, что̀ скажетъ Маруся.

— Онъ изъ вашей гимназіи?—лукаво спросила она.

— Д-да!

— Вашего класса?

— Ннѣтъ, помоложе будетъ однимъ классомъ.

Я дѣлалъ видъ, что ничего ровно не слышу изъ ихъ разговора.

— Онъ здѣсь?—продолжала разспрашивать Маруся.

— Можетъ-быть,—отвѣчалъ Ѳедя.

— Этотъ?—И она махнула въ моемъ направленіи своей хорошенькой головкой.

„Ну, скажи только",—подумалъ я про Ѳедю и еще усерднѣе принялся разглядывать.—„Можетъ-быть... а вѣрнѣе, что

нѣтъ, — отвѣтилъ Мѣдниковъ. — Правда, Сеня?“ — обратился онъ ко мнѣ. — „Чтò такое?“ — переспросилъ я, будто не дослышалъ. Но онъ не счелъ нужнымъ повторить и только въ отвѣтъ лукаво переглянулся съ Марусей. Больше въ тотъ вечеръ ничего особеннаго не было. Мнѣ не удалось съ нею проститься: она ушла, когда я былъ въ Васиной комнатѣ.

Потомъ я видѣлъ ее вчера вечеромъ и даже (о, ужасъ!) рѣшился съ нею разговаривать и острить совершенно непринужденно, но все-таки ни за обѣдомъ ни за ужиномъ не рѣшился испробовать гуся. За обѣдомъ, правда, взялъ кусочекъ, но выбралъ спину, въ которой ровно нечего было ѣсть, и на предложеніе Анны Арсеньевны взять еще отвѣчалъ съ комичнымъ вздохомъ, что я сытъ. Едва ли кто-нибудь понялъ его значеніе, такъ какъ никто не обратилъ вниманія, какой я выбралъ отличный кусокъ. Возился съ Настей (Настасьей Семеновной) Коврайской, шутилъ съ Катей, перерисовывалъ узоры, игралъ на фортепіано и даже пѣлъ. Въ концѣ однако, когда пришлось прощаться, незамѣтно раскланялся и скрылся за дверью. Я сравнивалъ свою прежнюю любовь къ Марусѣ и теперешнюю. Прежде, самъ того не сознавая, видѣлъ только идеалъ, за которымъ я гонялся, начитавшись разныхъ романовъ. Маруся была для меня Богомъ, я считалъ ее совершенствомъ во всѣхъ отношеніяхъ и потому (кесъ ке са ве диръ? 22 ноября 1878 г.) робѣлъ ея. Теперь я поклоняюсь въ ней воспоминанію о быломъ и красотѣ, хотя она и сильно подурнѣла. Я теперь вижу, что она такое же обыкновенное существо, какъ и всѣ мы грѣшные, можетъ-быть, нисколько не умнѣе насъ. Я даже рѣшаюсь осуждать ея поступки, порицать въ ней ту или другую черту. Вотъ вслѣдствіе того, что она уже перестала для меня стоять на прежнемъ высокомъ пьедесталѣ, чѣмъ больше я ее вижу, тѣмъ меньше боюсь уколовъ самолюбія и держу себя непринужденнѣе. Да и пора, я, слава Богу, не мальчикъ.

Въ субботу, передъ отпускомъ, я познакомился съ нѣкою г-жею Дешевовой, и такъ какъ это знакомство для меня очень важно, я и спѣшу занести о немъ въ дневникъ. Какъ-то въ лазаретѣ я столкнулся съ мальчикомъ, очень бойкимъ и, какъ мнѣ показалось съ перваго взгляда, очень умнымъ. Я сошелся съ нимъ очень близко и, какъ мнѣ кажется, никого, кромѣ развѣ Александера, такъ скоро и такъ прочно не полюбилъ, какъ Мишу. Онъ заболѣлъ коклюшемъ и до сихъ поръ въ лазаретѣ. Когда я какъ-то пришелъ къ нему, онъ, бѣдный, заплакалъ: чувство ли одиночества или просто разстроенные нервы вызвали его слезы—не знаю; мнѣ кажется, что скорѣй

первое. Я самъ бывалъ въ подобномъ положеніи и поэтому очень сожалѣлъ его, но, къ несчастью, не могъ подобрать ни одного слова утѣшенія, даже самаго пошлаго, чтобъ успокоить его, показать, что есть ему сочувствующіе, что онъ—не одинъ. Я знаю самъ цѣну этакихъ словъ. Мнѣ пришло въ голову, что ему пріятнѣе всего было бы увидать свою мамашу, и потому я предложилъ ему написать ей, а въ ожиданіи, чтобъ онъ не скучалъ, принесъ ему книгу пушкинскихъ стиховъ. Письмо было отослано, и Мишѣ стало нѣсколько легче. Черезъ нѣсколько дней онъ объявилъ мнѣ, что его мамаша хочетъ со мной познакомиться. Мнѣ также хотѣлось потѣснѣе сойтись съ Мишей, и я пришелъ въ субботу въ три часа къ Мишѣ, одѣтый, чтобы итти въ отпускъ, и познакомился съ Софьей Степановной Дешевовой. Наружность ея не разсматривалъ, но мнѣ показалось, что у нея прелестные, добрые глаза. Говоритъ она хорошо, но не вычурно и имѣетъ обыкновеніе въ концѣ какого-нибудь спора какъ-то особенно отрывисто смѣяться. Я вначалѣ держалъ себя нѣсколько бурбономъ, но потомъ разговорился. О чемъ мы ни толковали? И о религіи, и о политическихъ вопросахъ и преступленіяхъ, и о музыкѣ, и о театрѣ и литературѣ—словомъ, обо всемъ. Два часа пролетѣли совершенно незамѣтно. Софья Степановна—необыкновенная женщина: въ ней есть что-то такое неуловимо-мягкое, доброе, умное, женственное, что ты съ перваго взгляда считаешь ее другомъ. Я не могу выразить, какое сильное впечатлѣніе произвела она на меня. Типы самыхъ лучшихъ женщинъ, какихъ я только знаю, все это потускнѣло передъ ея типомъ. Даже самое слово „идеалъ“ казалось мнѣ слишкомъ пошлымъ, чтобы охарактеризовать ее. Она—что-то высшее, великое. Разставшись съ нею, я чувствую то же самое, что̀ чувствую по прочтеніи какой-нибудь геніальной вещи, по выслушаніи какого-нибудъ геніальнаго произведенія, и я даже нѣсколько времени сомнѣвался, не во снѣ ли я видѣлъ такое дивное, доброе созданье. Она и Миша просятъ настоятельно бывать у нихъ. Я съ удовольствіемъ обѣщалъ. Завтра она будетъ въ гимназіи у Миши. Если бы я не боялся показаться навязчивымъ, я бъ непремѣнно прибѣжалъ къ нему въ три часа.

Однако пора спать! Да, чуть не позабылъ: сегодня была сыгровка, играли квартетъ, я играю третью скрипку. Отличная вещица. Однако спать, спать!

---

29 ноября 1877 года. Вторникъ. Ура! Плевна взята! Весь возрастъ гремитъ ура! Есть чему радоваться. Сегодня за

чаемъ еще солдатъ объявилъ: Плевна взята, Османъ въ плѣну. Въ перемѣну извѣстіе повторилось, и всюду загремѣло прямо изъ сердца русское ура. Насилу успокоились. Ходятъ толпами, и всюду слышится: Плевна взята, приступъ, Скобелевъ урра!

---

14 декабря 1877 г. Среда. Сегодня мнѣ ударило пятнадцать лѣтъ—пора юношества, какъ мнѣ только-что объяснилъ Николай Алексѣевичъ Трифоновъ. Дружески пожалъ я руки Аксенову и Новицкому, въ отвѣтъ на ихъ товарищеское позволеніе... тьфу, поздравленіе! Несмотря на то, что домой я сегодня не собираюсь—не приглашенъ, вѣрно, забыли,—я крайне веселъ, и слава Богу. Мнѣ почему-то кажется, что сегодняшнимъ пасмурнымъ днемъ начинается новый періодъ моей жизни, что-то новое, отрадное, свѣтлое. Что тамъ въ въ этой туманной дали моей жизни—Богъ знаетъ! Я ввѣряю себя Его святому покровительству. Опишу теперь главнѣйшее, что случилось со мной въ послѣднее время.

Особеннаго, конечно, ничего быть не могло и поэтому не было (логично), а неособеннаго такъ много, что надо выбрать только главнѣйшее. Государь вернулся съ театра войны въ Петербургъ. Мы ходили всей гимназіей его встрѣчать. Промерзли ужасно, у меня на другой день голоса не было отъ громкаго ура... Некогда.

---

22 декабря 1877 г. Четвергъ. Сегодня отпускъ на Рождество. Послѣ Рождества время положительно бѣжитъ. Недалека масленица, за ней и Великій постъ со своей мрачной торжественностью, потомъ Пасха, экзамены и каникулы. А тамъ, гдѣ-то вдали (я все это представляю себѣ образно) возвышается что-то могучее, торжественное: седьмой „выходной" классъ, училище, литература, офицерство и академія. Разбирая свои мысли и чувства, я, какъ только-что убѣдился, совершенно не имѣю убѣжденій, и только-что упомянутое мною—единственное въ своемъ родѣ.

---

28 декабря 1877 года. Среда. Ну, будетъ памятно мнѣ это Рождество навсегда. Много хорошаго испыталъ я съ 22 декабря, дай Богъ побольше такихъ свѣтлыхъ и нѣсколько наивныхъ воспоминаній. Я не стану говорить о мелочахъ: Богъ съ ними, не стоитъ терять время, скажу только о крупномъ, о болѣе выдѣляющемся. Начну съ того, что я опять влюбленъ.

---

10 января 1878 г. Тогда не успѣлъ дописать: кто-то помѣшалъ. Теперь у насъ вторыя занятія, уроковъ почти нѣтъ,

одна геометрія, которую я знаю. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы записать все, что происходило со мной на Рождествѣ.

Я раньше говорилъ уже о впечатлѣніи, которое произвела на меня Софья Степановна Дешевова: на меня пахнуло какой-то свѣжей, здоровой жизнью, чѣмъ-то такимъ, чего я никогда не встрѣчалъ ни дома ни у кого изъ знакомыхъ. Я съ большой охотой согласился на просьбы Миши и приглашеніе Софьи Степановны и Михаила Михайловича бывать у нихъ и не откладывать долго своего перваго визита, и въ субботу, въ сочельникъ, направилъ свои стопы въ далекое странствіе къ Египетскому мосту, захвативъ съ собой нѣмецкія тетради для передачи ихъ Мишѣ. По дорогѣ встрѣтилъ я Мишу съ какой-то барышней. Онъ меня не разсмотрѣлъ черезъ свои синія очки и узналъ только тогда, когда я его окликнулъ. Я поздоровался съ нимъ и нѣсколько говорно поклонился его спутницѣ.

— А, такъ это вы прославленный Надсонъ? — обратилась она ко мнѣ.

Мнѣ нѣсколько не понравился ея вызывающій кокетливый тонъ, и я сдержанно отвѣтилъ:

— Я Надсонъ, но пока еще не прославленный, — и тотчасъ же въ свою очередь спросилъ:—Я, вѣрно, имѣю честь разговаривать съ Натальей Михайловной?

— Точно такъ-съ! — насмѣшливо отвѣтила она и надула губки при словѣ: „имѣю честь“. Мишѣ какъ будто было совѣстно за развязность его сестры, и онъ вопросительно смотрѣлъ на меня, вѣроятно, желая уловить, какое на меня впечатлѣніе производитъ ея непринужденный тонъ. Но моя физіономія, какъ всегда во время перваго знакомства съ кѣмъ бы то ни было, обыкновенно ровно ничего не выражаетъ, да кромѣ того я замерзъ ужасно и думалъ только объ одномъ, какъ бы отогрѣться!

— Ну что жъ мы стоимъ, идемте домой, — затараторила Наташа.—Вы, конечно, зайдете къ намъ, Надс... Ахъ, извините, пожалуйста, у меня преглупая привычка называть всѣхъ попросту.

— Сдѣлайте одолженіе, — поклонился я, — называйте меня, какъ угодно, но зайти къ вамъ я не собираюсь, некогда: спѣшу домой. — Начались упрашиванія, и я согласился проводить ихъ до угла, имѣя тайное намѣреніе зайти.

— Вы насъ проводите только, — тараторила Наташа, — а тамъ мы васъ не отпустимъ,—добавила она, лукаво улыбаясь и искоса взглядывая мнѣ въ лицо.

„Должно-быть, тонкая кокетка“,—подумалъ я, шагая между

нею и Мишей по скользкому тротуару, и началъ разглядывать ея личико.

А личико и вообще вся ея стройная фигурка были очень привлекательны. Она не высока, но не низка ростомъ, немного пониже меня. Лицо ея, не круглое, но овальное, поражало своей живостью и прелестнымъ, свѣжимъ цвѣтомъ. Тоненькія брови красиво изогнулись надъ сѣрыми глазами, опушенными длинными рѣсницами, носъ съ чуть-чуть замѣтнымъ горбикомъ, который видишь, только присмотрѣвшись къ лицу, маленькія, полныя, красныя губы и роскошная русая коса— все это произвело на меня пріятное впечатлѣніе. На щекахъ Наташи игралъ румянецъ, вызванный морозомъ, и ослѣпительно блестѣли при улыбкѣ два ряда маленькихъ, бѣлыхъ зубовъ. Улыбалась она также какъ-то особенно: улыбка была не только на губахъ, но точно свѣтомъ озаряла всѣ черты ея лица и придавала ему еще бо̀льшую прелесть. Улыбка казалась постоянно лукавою отъ какой-то неуловимой, особенной манеры язычка, чуть касающагося зубовъ во время улыбки. Наташа болтала всю дорогу, задавала мнѣ вопросъ за вопросомъ, не ожидая моихъ отвѣтовъ, и сама разсказывала про себя съ такимъ простодушіемъ и наивностью, что я невольно раскаялся въ томъ, что принялъ ее за опытную и тонкую кокетку. „Это просто веселое и шаловливое дитя“,— подумалъ я.

Дошли до подъѣзда. Я думалъ-было отретироваться, но Наташа своей хорошенькой ручкой толкнула меня въ дверь. Я вошелъ и раздѣлся, чувствуя нѣкотораго рода неловкость. Миша и Наташа ввели меня въ залу и убѣжали куда-то. Въ это время въ комнату вошелъ Михаилъ Михайловичъ. Онъ поздоровался со мной, проговоривъ обычное въ этихъ случаяхъ: „очень пріятно“, и замолчалъ, очевидно, не находя, о чемъ со мной толковать. Я понялъ, что слѣдуетъ что-нибудь сказать, но что̀ именно?

— Вотъ... мы и познакомились... — сказалъ я и покраснѣлъ, чувствуя, что отпустилъ глупость.

— Да,—отвѣтилъ Дешевовъ, пріятно улыбаясь.

„Что-то будетъ дальше?“—подумалъ я.

А дальше настало молчаніе, во время котораго мы оба напрасно ломали голову, изыскивая предметъ для разговора, и ничего не выдумали. На наше счастье вбѣжала Наташа и утащила обоихъ въ такъ называемую дѣтскую. Меня сейчасъ же напоили чаемъ.

Дѣтская эта была скорѣе гостиной молодой дѣвушки, чѣмъ дѣтской. Два комода по бокамъ двери, туалетъ, уставленный

разнаго рода бездѣлушками, и письменный столъ съ принадлежностями придавали ей видъ гостиной, но въ то же время коллекціи по стѣнамъ, дѣтская дѣланная елка и орнаментъ, да лежащія на столѣ учебныя книги придавали комнатѣ дѣйствительно оттѣнокъ чего-то дѣтскаго.

Эту же самую смѣсь, смѣсь взрослой барышни съ дѣвочкой, замѣтилъ я и въ характерѣ Наташи. То она поражала хитростью рѣчи и искусствомъ поддержать разговоръ, то вдругъ какъ будто откидывала въ сторону роль хозяйки, какъ нѣчто напускное и неестественное, и разговаривала съ такимъ милымъ простодушіемъ и откровенностью, какъ говорятъ только старые друзья.—„Здравствуйте, Надсонъ“, — закричала мнѣ изъ-за перегородки Софья Степановна. Я пресерьезно всталъ съ мѣста и молча раскланялся съ перегородкой, совсѣмъ забывъ, что Софья Степановна не можетъ видѣть моего поклона.

Наташа разразилась громкимъ хохотомъ. Я самъ не удержался и разсмѣялся. Эта минута рѣшила наши дальнѣйшія отношенія: моя неловкость и сдержанность улетучились, какъ дымъ, и въ отвѣтъ на болтовню и остроты Наташи я отвѣчалъ тѣмъ же, такъ что скоро она, обращаясь ко мнѣ, сказала:—„Знаете, Надс... Семенъ Яковлевичъ, извините, у меня къ вамъ просьба“.

— Какая же?—спросилъ я.

— Нѣтъ, вы мнѣ пообѣщайте сначала, что исполните.

— Постараюсь исполнить.

— Нѣтъ, вы обѣщайте, ну что вамъ стоитъ? Я знаю, вы тамъ скажете, неловко, да мало знакомы... Вы обѣщайте раньше.

— Ну, я догадался, Наталья Михайловна, можете не говорить.

— Не можетъ быть.

— А вотъ я вамъ сейчасъ докажу: когда вы захотите просить меня объ этомъ, тогда обратитесь къ папѣ, а я напишу эту просьбу на бумажкѣ и отдамъ ему.

— Ну хорошо. — Я взялъ клочокъ бумаги и настрочилъ на немъ: „говорить на ты“. Но Наташа не вытерпѣла и начала упрашивать, чтобъ я позволилъ Мишѣ показать ей.— „Какой вы проницательный! — смѣясь, замѣтила она. — Вы просто колдунъ“.

— Нѣтъ, вы колдунья, — отвѣтилъ я, сдѣлавъ удареніе на словѣ колдунья.

Наташа съ укоризной взглянула на Мишу. Я отвѣтилъ такъ, потому что зналъ, что Наташа ярая сторонница спиритизма и сама медіумъ.

Мы болтали и смѣялись, и незамѣтно пролетѣлъ часъ. Софья Степановна просила меня остаться обѣдать. Я, какъ приказываетъ приличіе и какъ учитъ та доля лоску, которую я получилъ дома, поломался нѣсколько и согласился. Послѣ обѣда Михаилъ Михайловичъ предложилъ сыграть квартетъ. Наташа недурно играетъ на скрипкѣ, т.-е. знаетъ теорію, но смычкомъ владѣетъ плохо. Она играла первую скрипку, я вторую. Другъ ихъ дома, Катерина Степановна Калиновская играла на концертино и Михаилъ Михайловичъ—на віолончели. Я вралъ страшно, путался въ счетѣ и въ гаммѣ и все оттого, что противъ меня, слегка освѣщенное пламенемъ заставленной абажуромъ свѣчки, лукаво улыбалось хорошенькое личико.—„Ахъ, какой я дуракъ“,—выругалъ я мысленно себя, выбивая ногою тактъ, и краснѣлъ, чувствуя на своемъ лицѣ веселый взглядъ Наташи. А она, какъ ни въ чемъ не бывало, почти не смотря на ноты, легко водила смычкомъ и, улыбаясь, смотрѣла на мою сконфуженную физіономію. Но пришла пора разстаться. На прощанье Наташа крѣпко пожала мнѣ руку, а Софья Степановна просила быть на второй день праздника. Я поблагодарилъ, сказалъ, что постараюсь, и въ душѣ далъ себѣ слово быть во что бы то ни стало.

---

11 января 1878 года. Я пришелъ домой къ восьми часамъ. Вечеромъ мнѣ предстояло ѣхать на елку къ Василію Александровичу, гдѣ, какъ я зналъ, будетъ Маруся.—„Желаю вамъ веселиться,—сказала мнѣ Наташа, пожимая руку,—и видѣть вашу Дульцинею“. Эти слова сопровождались какой-то странной, грустной улыбкой, которая окончательно рѣшила впечатлѣніе, произведенное на меня семействомъ Дешевовыхъ вообще и Наташей въ особенности. Я вышелъ отъ нихъ не съ тѣмъ смутнымъ впечатлѣніемъ, которое обыкновенно является у меня признакомъ любви, а съ какой-то гордостью и сознаніемъ, что я чего-нибудь стòю. Я не знаю, чѣмъ было вызвано это странное сознаніе, но только оно было. Вернувшись, я не вытерпѣлъ и разсказалъ Васѣ про Дешевовыхъ. Конечно, симпатичный образъ Наташи сталъ какимъ-то блѣднымъ и неестественнымъ въ моемъ разсказѣ, какимъ онъ является и по этому описанію, и слѣдовательно сильно грѣшилъ противъ истины: въ Наташѣ все, что̀ въ другихъ неестественно, наоборотъ, какъ будто нарочно выдумано для нея. Но, несмотря на это, Васю сильно занялъ мой разсказъ, и онъ взялъ съ меня обѣщаніе познакомить его съ Дешевовыми. Мы начали строить разные воздушные

замки, придумывая, какъ бы ловче это устроить, и ни на чемъ не остановились. Между тѣмъ пора было отправляться къ Василію Александровичу.

Я шелъ къ нему, какъ на испытаніе; мнѣ было интересно знать, кто одержитъ верхъ: Наташа или Маруся, и оказалось, что, несмотря на прелестный модный костюмъ моего прежняго кумира съ воротничками à la Ришелье, несмотря на то, что Маруся была особенно оживлена и весела, я ни на минуту не рѣшился промѣнять на нее Наташу. Впрочемъ, это и понятно: Маруся хороша собой на рѣдкость, но она бойкая и умная свѣтская барышня, барышня, какихъ много. Наташа не красавица, но очень миленькая и кромѣ того оригинальная барышня, оригинальная въ полномъ смыслѣ этого слова. Маруся можетъ нравиться, въ Наташу не трудно „влюбиться", но зато Маруся будетъ нравиться долго, а Наташа—только первое время, какъ новинка: къ ней скоро присматриваешься, и она теряетъ тотъ ореолъ оригинальности, который такъ ярко освѣщаетъ ее въ первое время.

Мы съ Васей все время толковали о томъ, какъ бы познакомить его съ Наташей. Наконецъ мы остановились на одномъ планѣ, который мнѣ казался удобнѣе къ исполненію.

Впрочемъ, объ этомъ напишу завтра, теперь пойду спать: всѣ мысли путаются.

---

12 января 1878 года. Четвергъ. У насъ въ гимназіи ждутъ Государя, а я жду съ нетерпѣніемъ, когда вернется Миша. Мы съ нимъ очень сошлись въ послѣднее время. Но объ этомъ послѣ, буду продолжать свой разсказъ.

Мы рѣшили съ Васей устроить дѣло такимъ образомъ: на второй день праздника мы отправляемся на катокъ, къ Египетскому мосту. Вася тамъ остается, а я захожу къ Дешевовымъ и вызываю на катокъ Мишу и Наташу, гдѣ знакомлю ихъ съ Васей. Планъ довольно несложный, и мы во второмъ часу отправились на катокъ. Но тутъ случились два совершенно неожиданныя происшествія. Ѣдемъ мы съ Васей на извозчикѣ по направленію къ мосту, и вдругъ перегоняетъ насъ какой-то господинъ, пристально вглядывающійся въ мое лицо. Мнѣ также показалось знакомо его лицо, но кто именно, я не могъ припомнить сразу.—„Господи, да это Михаилъ Михайловичъ Дешевовъ",—догадался я наконецъ и поклонился. Михаилъ Михайловичъ отвѣтилъ мнѣ очень любезно и скрылся впереди за угломъ.

— Ну, пропало!—замѣтилъ я Васѣ.

— Отчего?

— Да теперь ихъ не выпустятъ на катокъ.

Вася печально поникъ головой.

---

30 января 1878 года. Понедѣльникъ. Я долго не писалъ дневника, такъ какъ былъ совсѣмъ увлеченъ новымъ знакомствомъ, но теперь чадъ нѣсколько прошелъ, и я могу свободнѣе углубиться въ себя, разобрать всѣ свои мысли, поступки и впечатлѣнія.

Я не стану описывать, какимъ образомъ удалось мнѣ познакомить Васю съ Дешевовыми, но дѣло въ томъ, что все это вышло очень естественно, очень хорошо. Съ катка отправились мы оба, по настоятельному приглашенію Дешевовыхъ, къ нимъ. Этотъ день былъ положительно самымъ страннымъ днемъ въ моей жизни. Наташа вначалѣ чуть сама не сказала мнѣ, что „я васъ люблю“, и я держу пари, что она сказала бы это, если бы я самъ изъ глупаго желанія побайронствовать не отклонялъ всѣ ея любезности. Я не въ силахъ передать всѣ подробности этого вечера: каждое слово, каждое движеніе и взглядъ имѣли свое значеніе; скажу только, что я получилъ на память ленточку (какъ это сентиментально!) и разстался очарованный. Даже скрытный Вася не могъ удержать своего восторга и признавался, что онъ никого лучше Наташи не видалъ. Мы опять получили приглашеніе.

Здѣсь на сцену является еще одно новое лицо—нѣкто Анна Ивановна Колчина, подруга Наташи. Я имѣлъ счастье (или несчастье) понравиться ей. Я держалъ себя въ этотъ вечеръ, какъ ловкій свѣтскій кавалеръ, и замѣтилъ, что Наташѣ понравилось это: „ну, изъ недалекихъ, значитъ“, рѣшилъ я противъ своего убѣжденія и тотчасъ же раскаялся. Анна Ивановна не хороша собой, но очень веселая и милая барышня. Ну ладно, плывемъ дальше! У меня въ душѣ проснулось много стараго, можетъ-быть, и глупаго, но хорошаго; мое разочарованіе исчезло безъ слѣда. Я снова помирился съ жизнью, о чемъ поспѣшилъ оффиціально заявить самому себѣ новымъ стихотвореніемъ. Я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что всю ночь не спалъ: трудно передать словами, какое наслажденіе доставило мнѣ сознаніе, что я любимъ, я, чуть не уродъ, любимъ такою красавицей и умницей. Мнѣ было ново это полное, счастливое чувство взаимной любви. Какъ нарочно, прямо въ комнату заглядывалъ полный мѣсяцъ, и мнѣ буквально казалось, что свѣтъ его врывался мнѣ прямо въ сердце, пробуждая тамъ что-то до того новое и прекрасное, что у меня невольно сжималось въ груди сердце и на глаза

выступали обычныя слезы восторга. Я всю жизнь мою готовъ отдать за одну такую ночь.

Между тѣмъ насталъ канунъ Новаго года. Мы всѣ отправились къ дядѣ Донѣ: онъ получилъ звѣзду, и въ двѣнадцать часовъ мы, съ бокалами въ рукахъ, поздравляли его и со звѣздой и съ Новымъ годомъ. Я былъ въ очень хорошемъ настроеніи духа. Мысль о Наташѣ не покидала меня ни на минуту. Я даже показалъ по секрету дядѣ „вещественный знакъ невещественныхъ отношеній“ — полученную ленточку. Онъ шутливо погрозилъ пальцемъ, посовѣтовалъ не слишкомъ увлекаться, однакожъ пожелалъ успѣха. Я замѣтилъ, какъ по губамъ его промчалась какая-то грустная, добрая улыбка: можетъ-быть, онъ самъ вспомнилъ свою первую любовь и хорошую, добрую сѣдую старину.

Въ то время, когда било двѣнадцать часовъ, я написалъ на бумажкѣ три желанья; они были: Здоровье, Слава, Любовь Наташи. Я и вѣрилъ и не вѣрилъ въ гаданье, но разсуждать и доказывать себѣ, что я дѣлаю глупо — я не могъ. Мнѣ глупость тогда казалась только добротою, злость — недоразумѣніемъ, скупость — расчетливостью, притворство и ложь — шуткою. Я самъ былъ черезчуръ счастливъ, чтобы быть въ состояніи осуждать другихъ. Еще одна вещь доставляла мнѣ несказанное удовольствіе: завтра я отправлялся съ визитомъ къ Дешевовымъ. Въ два часа мы вернулись домой. У меня въ головѣ нѣсколько шумѣло отъ выпитаго шампанскаго, и я заснулъ со свѣтлой мечтой о ней, моей богинѣ!

Поздно поднялся я на другой день и тотчасъ же сталъ одѣваться. На свою наружность я, вопреки своему обыкновенію, употребилъ немало вниманія; чистилъ и округлялъ ногти, усердно чистилъ зубы порошкомъ, теръ мыломъ обѣ щеки и, взглянувъ въ зеркало, не преминулъ мысленно плюнуть на свою физіономію: больно она мнѣ не нравится. Вася также скоро всталъ, и мы, заѣхавъ сначала къ Елизаветѣ Васильевнѣ, отправились къ Дешевовымъ. Позвонили и, натянувъ чопорно перчатки, вошли въ столовую, гдѣ сидѣло все семейство. Передъ дверями мнѣ невольно пришелъ въ голову стихъ изъ лермонтовскаго „Демона“:

И входитъ онъ, любить готовый,
Съ душой, открытой для добра.
И мыслитъ онъ, что жизни новой
Пришла желанная пора.
Неясный трепетъ ожиданья,
Страхъ неизвѣстности нѣмой,
Какъ будто въ первое свиданье
Спознались съ гордою душой.

Я хотѣлъ поздравить всѣхъ Дешевовыхъ заранѣе приготовленной, заученной фразой, но только-что я вошелъ и поздоровался, только-что собирался начать свою великолѣпно-пышную и остроумно-оригинальную фразу, какъ меня перебила Софья Степановна:—„Садитесь, господа,—проговорила она намъ съ Васей,—я вамъ сейчасъ налью чаю. Замерзли? Ну, сейчасъ отогрѣетесь. Да, сегодня, правда, холодно“.

Это теплое участіе заставило сразу испариться изъ моей головы мою фразу, и я отвѣчалъ въ томъ же простомъ духѣ, въ которомъ мнѣ были предложены вопросы. Между тѣмъ въ комнату вошла Наташа. Меня поразило съ перваго взгляда ея нѣсколько смущенное, виноватое лицо.

То было злое предвѣщанье,—

опять вспомнился мнѣ стихъ изъ Лермонтова. А Наташа была очень хороша въ своемъ синемъ платьицѣ съ маленькой діадемой въ роскошныхъ русыхъ волосахъ, но я замѣтилъ, что она какъ-то избѣгала моихъ вопросительныхъ взглядовъ.

„Съ Новымъ годомъ, Наталья Михайловна, со старыми симпатіями!“—поздравилъ я, безпокойно заглядывая въ ея глаза. Она еле-еле протянула мнѣ руку, сказавъ: „и вамъ того же“, и тотчасъ же обратилась къ Васѣ. Почти все время она весело смѣялась, болтала и заигрывала съ нимъ. Я не вѣрилъ своимъ ушамъ и глазамъ: неужели эта барышня, такъ холодно меня оттолкнувшая, была та Наташа, которая два дня тому назадъ откровенно высказывала мнѣ свое особенное расположеніе? Неужели же все это было не что иное, какъ маневръ опытной кокетки? Она, Наташа—кокетка? Нѣтъ, не можетъ быть, мнѣ такъ только кажется, у ней, можетъ-быть, есть какая-нибудь особая причина разговаривать съ Васей, она меня не забыла. Она, можетъ-быть, боится подозрѣнія со стороны матери, или, можетъ-быть, за что-нибудь сердита на меня—и такими и подобными этимъ объясненіями я желалъ успокоить себя насчетъ прежняго расположенія ко мнѣ Наташи.

Напрасно бросалъ я на нее вопросительные взгляды: она не видала или не хотѣла видѣть и понимать ихъ значенія. Наконецъ я самъ сознаiлъ, какъ были нелѣпы всѣ мои объясненія, и нехорошо стало у меня на сердцѣ. Я сознаiлъ опять себя ничтожнымъ, неумѣлымъ, заброшеннымъ, одинокимъ. Въ первый разъ я полюбилъ дѣйствительно, полюбилъ такъ страстно и сильно, какъ я самъ не ожидалъ, и въ первый же разъ испыталъ счастье взаимности; но, Боже мой, какъ недолго было это счастье! Да и была ли это взаим-

ность? Нѣтъ, это просто капризъ кокетки, и я сталъ жертвою, довѣрчивою, глупою жертвою пустого каприза. Больно мнѣ было это сознаніе, а между тѣмъ все было черезчуръ очевидно, чтобъ я могъ продолжать себя обманывать, да и зачѣмъ: все равно, вѣдь все это исчезнетъ

При словѣ холодномъ разсудка,
И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,
Такая пустая и глупая шутка!

Мнѣ необходимо было излить все, что было у меня на сердцѣ, и я выбралъ своимъ повѣреннымъ Мишу.—„Да, Наташа мнѣ сказала, что она любитъ тебя, какъ хорошаго мальчика, но не какъ...“. И Миша замолчалъ, не находя слова. Это былъ послѣдній ударъ. Надежды нѣтъ, и

Вновь остался я, надменный,
Одинъ, какъ прежде, во вселенной,
Безъ упованья и любви!

Передъ обѣдомъ мы уѣхали, но мнѣ не хотѣлось разставаться: меня манилъ къ себѣ образъ моей чародѣйки, манилъ особенными неотразимыми чарами красоты, ума и неиспорченности, цѣльности ея молодой натуры.

Невесело возвращался я домой, зато Вася, упоенный недавней побѣдой, былъ просто въ восторгѣ.

Здѣсь больше нѣтъ „твоей“ святыни.
Здѣсь „я“ владѣю и люблю,—

говорилъ онъ, дѣлая ударенія на словахъ „твоей“ и „я“. „Да, моя комедія окончена,—думалось мнѣ,—я долженъ уступить свое мѣсто другому, болѣе блестящему и свѣтскому счастливцу“.

Дома, находясь подъ впечатлѣніемъ свѣжей грусти, я написалъ стихотвореніе, въ которомъ высказалъ все, что жгло и волновало меня. Я помню, оно вышло у меня недурно и довольно сильно. У меня была тайная надежда возбудить этимъ стихотвореніемъ жалость въ Наташѣ, ея участіе. И странная вещь—я и хотѣлъ и не хотѣлъ этого сожалѣнія. Отчего хотѣлъ я его—я до сихъ поръ не могу дать себѣ отчета, а не хотѣлъ потому, что оно возмущало мою гордость, что мнѣ нравилась роль гордаго, мужественнаго человѣка, человѣка нравственной силы, который глубоко затаилъ въ глубинѣ души все, что такимъ неожиданнымъ ударомъ разразилось надъ его головою.

Когда мы были слѣдующій разъ у Дешевовыхъ, я замѣтилъ, что Наташа дѣйствительно сожалѣетъ обо мнѣ, хочетъ оправдаться, хочетъ возвратить мнѣ внезапно-потерянное счастье, замѣнивъ любовь дружбою. Но моя гордость возмущалась отъ этой мысли, и я кончилъ тѣмъ, что прочелъ Наташѣ мое стихотвореніе. Вася говоритъ, будто она послѣ плакала, значитъ, я дѣйствительно сильно выразился.

„Пришла бѣда—отворяй ворота!“—говоритъ русская пословица. Эта пословица вполнѣ оправдалась на мнѣ: у меня завязалась дома борьба за независимость.

Давно уже замѣчалъ я, что я лишній въ семьѣ дяди, что меня держатъ потому, что неловко же, въ самомъ дѣлѣ, выкинуть меня за дверь, какъ собачонку, и, странная вещь, чѣмъ глубже сознавалъ я свое положеніе въ домѣ дяди—положеніе приживальщика, тѣмъ больше было какого-то злобнаго удовольствія сознавать его, сознавать, что я съ молодости испыталъ горе и что я начинаю закаляться, вырабатывать въ себѣ презрѣніе къ людямъ и землѣ, возвышаться надъ безпечною или развратною толпою моихъ товарищей и сверстниковъ. — „Вотъ оно какое горе бываетъ“, — говорилъ я самъ себѣ, лежа въ раздумьѣ на диванѣ и, Богъ знаетъ зачѣмъ, пристально вглядываясь въ рисунокъ обоевъ. Я зналъ, что каждый мой жестъ, каждое движеніе были противны и тетѣ и дядѣ, я видѣлъ, какъ неестественна была ихъ улыбка, когда она адресовалась ко мнѣ, я чувствовалъ за нихъ ненависть къ самому себѣ, и все это, какъ острымъ кинжаломъ, врывалось мнѣ въ сердце съ нестерпимой, но какъ-то своеобразно пріятной болью. Ненависть тети и дяди противъ меня наконецъ разразилась громовымъ ударомъ, который чуть-было не повліялъ на всю мою жизнь.

Но объ этомъ послѣ, теперь же иду спать! Измучился страшно, глаза слипаются. Наташа, Наташа, за что я тебя такъ любилъ?

---

31 января 1878 года. Вторникъ. Я положительно въ восторгѣ; причиной этому—рецензія Докучаева на моего „Іоанна Грознаго“; вотъ она, отъ слова до слова: „Вымыселъ отличается правдоподобіемъ; изложеніе образное, есть идея, только нѣкоторые стихи неудобны въ стилистическомъ отношеніи“. Одного только я не понимаю: какую онъ идею нашелъ? Я, право, самъ ея не знаю. Что касается до неудобства нѣкоторыхъ стиховъ въ стилистическомъ отношеніи, Докучаевъ правъ. Впрочемъ, эту неисправность я постараюсь

исправить во второй редакціи стихотворенія. Въ началѣ русскаго урока я былъ въ какомъ-то бѣшеномъ восторгѣ, но Докучаевъ читалъ намъ сегодня „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ“, и это чувство мало-по-малу исчезло, уступивъ мѣсто тихому, пріятному впечатлѣнію. Какая прелесть этотъ Гоголь! Докучаевъ кромѣ того прочелъ очень недурно. Однако буду продолжать.

Какъ-то разъ (это было уже послѣ Рождества) я получилъ три записки отъ Дешевовыхъ и два письма отъ Александера. Дешевовы и Сашка звали къ себѣ. Прихожу домой и объявляю Васѣ.—„Ну, мама навѣрно не пуститъ,—печально рѣшилъ онъ,—но все-таки попытаться можно“. Впрочемъ, попытка была сдѣлана не имъ, а мною.

Въ субботу за чаемъ я говорю тетѣ, что у меня, дескать, въ эту недѣлю была обширная корреспонденція. Ее удивило, съ чего это я вдругъ заговорилъ съ ней о своихъ личныхъ дѣлахъ, и она уже спросила меня: „такъ что жъ?“, какъ вдругъ вспомнила, что это несогласно съ принятой ею на себя ролью моей второй матери (но только, впрочемъ, ролью, да и то неудачно выполняемой), и спросила, насильственно улыбаясь: „отъ кого?“. Да вотъ такъ и такъ, Дешевовы зовутъ меня и Васю въ воскресенье, говорю. Мигомъ натянутая улыбка исчезла съ устъ тети, и онѣ злобно сжались.

Когда же и Вася присоединилъ свои просьбы къ моимъ, тетя просто разсвирѣпѣла: „Вотъ онъ, твой менторъ,—злобно и ядовито заговорила она, указывая на меня и смотря мнѣ въ глаза,—онъ тебя всему научитъ“. Я подошелъ къ столу, оперся на него одной рукой и въ свою очередь принялся глядѣть прямо въ глаза тетѣ. Она принялась отворачиваться и говорить скороговоркой: „онъ тебя всему, всему выучитъ: курить выучилъ, выучитъ и пьянствовать. Что жъ, иди, куда хочешь, переселяйся хоть совсѣмъ, мнѣ все равно“. И она судорожно передернула плечами. Я медленно повернулся, еще разъ взглянулъ на тетю и гордо вышелъ изъ комнаты. Вася—тоже.

Васѣ самому стало совѣстно за то оскорбленіе и тотъ несправедливый упрекъ, которыми такъ некстати швырнула въ меня тетя. Онъ тотчасъ же улегся спать, улегся и я, но мнѣ не спалось: много передумалъ я въ эту ночь, вспомнилось мнѣ мое прежнее тихое семейное счастье, моя мать и простушка Нюша—и мнѣ стало какъ-то хорошо. Я твердо рѣшилъ быть завтра у Дешевовыхъ во что бы то ни стало, несмотря на всѣ запрещенія тети, и больше не ходить въ отпускъ, оставаясь по праздникамъ и на каникулахъ въ гимназіи, и я далъ себѣ слово, что я сдержу свое рѣшеніе.

если тетя сама не сдастся. Меня не пугала перспектива прослыть у всѣхъ знакомыхъ и родныхъ неблагодарнымъ. Какое мнѣ было дѣло до ихъ мнѣнія, когда они ясно мнѣ доказали, что имъ до меня нѣтъ дѣла? Я заснулъ, успокоенный принятымъ рѣшеніемъ.

На другое утро я чуть поклонился тетѣ и тотчасъ же, какъ выпилъ чай, ушелъ въ Васину комнату. Черезъ нѣсколько времени туда пришла и тетя—„Ты можешь итти куда тебѣ угодно,—заговорила она,—можешь дѣлать, что хочешь: мнѣ до тебя дѣла нѣтъ, но моего не смѣй таскать съ собою“. Я съ усмѣшкой выслушалъ ея монологъ и, проводивъ ее глазами изъ комнаты, рѣшилъ еще сильнѣе отправиться къ Дешевовымъ. За завтракомъ тетѣ стало стыдно своей вспышки: она начала обращаться со мной замѣтно ласковѣе и тономъ родственнаго участія пожурила меня за то, что я давно не былъ у сестры.

„Знаемъ мы эти удочки,—подумалось мнѣ,—но стараго воробья на мякинѣ не проведешь“,—и я холодно отвѣтилъ, что сегодня, можетъ-быть, отправлюсь къ сестрѣ, а оттуда къ Дешевовымъ. Тетка ничего не возразила. Я ушелъ къ Нюшкѣ, оттуда—къ Дешевовымъ.

Наташа, кажется, собиралась опять кокетничать со мной, но она ошиблась: я помнилъ слишкомъ хорошо прошлый урокъ, чтобъ таять отъ ея взглядовъ, разговоровъ и намековъ. Я, наоборотъ, чтобъ разсердить и подзадорить ее, началъ, въ свою очередь, ухаживать, и не безъ успѣха, за Анной Ивановной Колчиной; но моя уловка какъ-то не удавалась: Наташѣ еще слишкомъ памятенъ былъ Вася, въ особенности, когда она заключила съ нимъ дружбу. Отъ Дешевовыхъ я, вмѣстѣ съ Мишей, отправился въ гимназію. Дорогой я ему сообщилъ о своей домашней неурядицѣ, и онъ сказалъ мнѣ, что давно подозрѣвалъ о ней. Тяжело мнѣ было повѣрять ему эти семейныя тайны: мнѣ почему-то казалось, что я унижаю свое достоинство, разсказывая ему про свое горе, но зато на сердцѣ сдѣлалось нѣсколько легче. Мое рѣшеніе не ходить въ отпускъ между тѣмъ не колебалось. Вдругъ въ среду приходитъ Вася и разсказываетъ, что онъ хочетъ употребить какой-то особый маневръ противъ тети и что она не устоитъ противъ него. На этомъ основаніи онъ совѣтуетъ мнѣ обождать съ моимъ рѣшеніемъ. Я не вѣрилъ, чтобъ что-нибудь вышло изъ этого, но изъ любопытства обѣщалъ пойти въ отпускъ. Оказалось, что Вася былъ правъ: онъ написалъ какое-то письмо, слѣдствіемъ котораго было разрѣшеніе тети пускать насъ къ Дешевовымъ черезъ воскре-

сеньс, если насъ будутъ приглашать. Мы поздравили другъ друга съ побѣдой, и Вася сообщилъ мнѣ, что тетя раскаивалась въ томъ, что обидѣла меня въ прошлый разъ, и созналась, что была неправа. Меня встрѣтили дома ласково, или, по крайней мѣрѣ, хотѣли показать, что ласково, но я еще дулся и гордо поглядывалъ въ глаза тети. Мы рѣшили съ Васей на другой же день отправиться опять къ Дешевовымъ, пользуясь счастливой перемѣной обстоятельствъ. Однако пора спать. А все-таки лучше Наташи едва ли кто-нибудь найдется на бѣломъ свѣтѣ.

---

1 февраля 1878 года. Среда. Сегодня отпускъ, такъ какъ завтра праздникъ Срѣтенія, а въ пятницу мои имянины. Я спросилъ у тети позволенія пригласить на мои именины коговнибудь, и она позволила: въ четвергъ у меня будутъ обѣдать Ваня, Ѳедя Мѣдниковъ и Миша. Буду продолжать. Пріѣзжаемъ на другой день къ Дешевовымъ—оказывается, что они не могутъ насъ принять: Наташа больна, и даже Миши нѣтъ дома. Мы начали откланиваться, но насъ упросили остаться напиться чаю, что мы и сдѣлали. Тутъ я долженъ сдѣлать маленькое отступленіе и упомянуть объ одномъ, совершенно упущенномъ изъ виду обстоятельствѣ.

Когда мы съ Васей были какъ-то у Дешевовыхъ, зашелъ разговоръ о томъ, кто о комъ будетъ мечтать. Вася выбралъ своей повѣренной Анну Ивановну и, взявъ съ нея раньше слово, что она никому не откроетъ его секрета, открылъ, что ему нравится Наташа. Послѣ онъ мнѣ говорилъ, что Анна Ивановна во время интимнаго ихъ разговора очень часто конфузила его разными наивными и иногда безтактными вопросами. Я также изъявилъ желаніе шепнуть свою тайну Аннѣ Ивановнѣ и на ея вопросъ, о комъ я буду мечтать, я шепнулъ ей тутъ: „о васъ!“.

— Семенъ Яковлевичъ!—проговорила она укоризненнымъ голосомъ, но я замѣтилъ, что все лицо ея зардѣлось торжествомъ побѣды.

— А вы, Анна Ивановна, вы о комъ будете мечтать?—спросилъ я ее, стараясь удержать улыбку.

— О васъ!—восторженно шепнула она. Я постарался на своей физіономіи выразить восторгъ, не знаю, удачно ли? Возвращаясь домой, Вася выразилъ мнѣ свои опасенія, боясь, что Анна Ивановна скажетъ Наташѣ про его секретъ, и тогда все пропало—онъ перестанетъ нравиться Наташѣ. Я его успокоилъ, имѣя въ душѣ тайную надежду, что Анна Ивановна разскажетъ все Наташѣ. Теперь буду продолжать.

Софья Степановна позволила Наташѣ показаться публикѣ, только съ тѣмъ условіемъ, если она будетъ „держаться на почтительномъ разстояніи“, но это почтительное разстояніе все болѣе и болѣе суживалось, и я вскорѣ замѣтилъ Наташу рядомъ съ Васей. Мысленно выбранивъ обоихъ, я завязалъ споръ съ Софьей Степановной по поводу лѣни Миши. Скоро споръ этотъ охватилъ всѣхъ, одна Наташа лишь посмѣивалась. Замѣчательна одна вещь: и я и Вася, мы оба готовы были дать слово: я—въ томъ, что Наташа смотрѣла только на меня, Вася—въ томъ, что только на него. По правдѣ сказать, меня смутило это разногласіе, и опять у меня зародилось подозрѣніе, не кокетка ли она?

———

3 февраля 1878 г. Пятница. Прежде, чѣмъ запишу свои отпускныя впечатлѣнія, буду продолжать свой разсказъ. Уѣхалъ я отъ Дешевовыхъ со смутнымъ чувствомъ надежды, но я замѣтилъ, что, чѣмъ болѣе загоралась у меня надежда, тѣмъ болѣе ослабѣвала моя страсть. Вся любовь моя къ Наташѣ была мгновенной вспышкой ищущаго любви сердца, первой сильной вспышкой! Молодость заговорила во мнѣ наперекоръ разсудку и заликовала, ободренная новымъ, неиспытаннымъ счастьемъ. Но счастье закатилось—замолчала и молодость.

Слѣдующій разъ, когда мы были у Дешевовыхъ, я видѣлъ въ Наташѣ уже не свой идеалъ, который достоинъ только раболѣпнаго поклоненія, передъ которымъ, не разсуждая, склоняешься всѣмъ существомъ, принося ему въ жертву мысли, грезы, надежды, покой, всѣ свои дѣйствія и всѣ свои досуги, идеалъ туманный, неуловимый образъ котораго вѣчно рисуетъ тебѣ услужливое воображеніе. Нѣтъ, я видѣлъ въ ней просто умную барышню и... только!—„Я выздоровѣлъ, Наталья Михайловна“,—радостно объявилъ я ей.—„Отъ какой болѣзни?“—„Отъ порока сердца“. Она усмѣхнулась. Не помню, какимъ образомъ мы заключили съ ней дружескій союзъ, и первый вопросъ ея былъ такого рода:—„Скажите, Сеня (не Семенъ Яковлевичъ, а Сеня), любитъ ли меня Вася?“—Я, какъ истинный другъ, несмотря на нежеланіе Васи вообще обнаруживать свое расположеніе къ Наташѣ, сказалъ ей: „да“.—„А какъ же онъ говорилъ Анѣ, что любитъ какую-то Наденьку?“—„Вотъ въ чемъ дѣло“,—подумалъ я и объяснилъ Наташѣ, что Вася взялъ съ Анны Ивановны слово не говорить никому о его секретѣ, и что Анна Ивановна, не желая терять довѣрія Наташи, только измѣнила имя. Въ то же время Вася въ залѣ укорялъ Анну Ивановну въ томъ, что она выдала его секретъ.

Анна Ивановна разсказала, въ чемъ было дѣло, и слѣдствіемъ этого было полное примиреніе между ними. Входя въ такъ называемую дѣтскую, Вася, продолжая разговоръ, подтвердилъ то, что̀ я сказалъ Наташѣ. Чтобъ пощеголять передъ нею своимъ актерствомъ, я вызвался ей представиться влюбленнымъ въ Анну Ивановну и до отъѣзда съ успѣхомъ разыгрывалъ свою роль.

Съ тѣхъ поръ, то-есть съ прошлаго воскресенья, не былъ у Дешевовыхъ, да и Богъ знаетъ, когда буду: надо будетъ въ институтъ заѣхать, я давно ужъ не былъ у милой Нюшки.

Прошлый отпускъ провелъ недурно: въ среду читалъ Достоевскаго „Бѣсы“ да Шиллера. У насъ лежалъ Дарвинъ, да этого не хотѣлъ читать, Богъ съ нимъ: раскрылъ на какой-то страницѣ—вижу, разбираетъ человѣкъ любовь, какъ болѣзнь какую-то, всѣ признаки, всѣ симптомы. Мнѣ даже обидно стало за Амура, котораго авторъ третировалъ, какъ какую-нибудь ариѳметическую задачу.

Въ воскресенье были гости: Миша, Ваня и Ѳедя. Послѣ обѣда играли въ карты и лото, а тамъ бѣсились, играя въ жмурки и свои сосѣди. Утромъ въ воскресенье были у Сашки.

Вечеръ. Вторыя занятія. Усталъ страшнѣйшимъ образомъ: только-что кончилъ заниматься съ Мишей и написалъ два сочиненія: одно—себѣ, а другое—Черленіовскому 8-ему, по исторіи. Это уже четвертое сочиненіе по исторіи и все про „Опричину“, а у меня еще въ перспективѣ имѣется написать пять штукъ: немудрено напрактиковаться. Недурно было бы завтра или послѣзавтра попасть къ Дешевовымъ, да какъ сдѣлать? Потомъ обдумаю. Сегодня еще много дѣла: надо одолѣть еще одно сочиненіе да съ тригонометріей сладить. Вотъ отвратительная-то наука. Не приведи Господи злѣйшему врагу моему, собакѣ Дешевовыхъ, Муркѣ, изучать ее когда бы то ни было. Нѣтъ, я рожденъ не для математики, а

. . . . для вдохновенья,
Для сладкихъ звуковъ и молитвъ.

Завтра отпускъ: это недурно. Однако довольно переливать изъ пустого въ порожнее и изводить даромъ и время и бумагу. А интересно бы знать, что̀ теперь дѣлаетъ Наташа? Думаетъ ли обо мнѣ, грѣшномъ? Впрочемъ, мнѣ вѣдь это ро̀вно все равно!

---

4 февраля 1878 г. Суббота. 6 февраля 1878 г. Понедѣльникъ. Хотѣлъ въ субботу писать, да не было времени, впрочемъ, и не стоило: ничего особеннаго не произошло, запишу лучше

отпускныя происшествія. Впрочемъ, теперь некогда. Докучаевъ разбираетъ „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ“, а я большой поклонникъ Гоголя. Потомъ запишу.

Вторыя вечернія занятія. Только-что кончилъ заниматься съ Мишей и спѣшу занести мои послѣднія впечатлѣнія.

Первое и главное это то, что я принужденъ былъ сознаться самому себѣ, что я влюбленъ, и какъ! Я готовъ все отдать за одно слово, за одинъ взглядъ Наташи. Боже мой, я сознаю, что все это глупо, пошло, но что же мнѣ дѣлать? Я знаю одно: я ни разу до этихъ поръ влюбленъ не былъ; всѣ тѣ фразы о любви, которыми пересыпанъ весь мой дневникъ—фальшь. Я самъ ошибался: я принималъ за любовь желаніе любви, поклоненіе тому неопредѣленному, но прекрасному идеалу, который нарисовало мнѣ воображеніе и чувство. Я отказываюсь отъ своего прошлаго, я весь отдаюсь теперь новому, свѣтлому чувству моей первой любви, всей душой переношусь въ заманчивый міръ страданій и наслажденій, счастья, упоенія, надежды, мечты и ревности.

Что я нашелъ особенно хорошаго къ Наташѣ—не знаю, я не хочу объ этомъ думать; я знаю одно, что всю жизнь свою я готовъ отдать за нее, и мнѣ довольно этого сознанія. Мнѣ дорого все, что, хоть самымъ отдаленнымъ образомъ, касается ея, мнѣ дорого все, на что обращаетъ она свое вниманіе, и въ награду за всю безконечность, всю глубину моей любви я получилъ глупый титулъ друга и удостоился быть свидѣтелемъ, какъ отдавали Васѣ свое прекрасное сердце. Огромное вознагражденіе! Боже мой, неужели она не можетъ понять, что мнѣ надоѣли всѣ комедіи и переброски фразами и двусмысленными словами, которыя тѣшатъ ее, какъ тѣшатъ маленькаго ребенка оловяннымъ солдатикомъ. Да и не ребенокъ ли она въ самомъ дѣлѣ, какъ и я, гоняющійся за любовью и идеалами? Что жъ, можетъ-быть! Если бъ она знала, какъ я люблю ее, если бъ она могла проникнуть въ тотъ огонь, который скрывается въ этихъ строчкахъ, она, быть-можетъ, перестала бы неосторожно шутить чувствомъ, обнадеживать меня взглядами и пожатіями руки. Нѣтъ, она просто бы посмѣялась надо мною и была бы права: развѣ не смѣшонъ уродъ нравственный и физическій, влюбленный въ красавицу? Смѣйтесь всѣ надъ нимъ, добрые люди, указывайте на него пальцами, но онъ, наряженный въ свой шутовской кафтанъ, не опуститъ взгляда предъ вашими взглядами и гордо подыметъ свою безталанную голову, усмѣхнувшись презрительной улыбкой въ отвѣтъ на ваши насмѣшки.

Боже мой, что дѣлать? Какъ вырваться изъ этого водово-

рота, какъ выздоровѣть отъ горячки первой, неувѣнчанной счастіемъ страсти?

---

7 февраля 1878 г. Вторникъ. Вчера вечеромъ нашелъ на меня бѣшеный приливъ страсти, но сегодня я нахожусь въ болѣе спокойномъ состояніи и хочу разсказать о томъ изъ моихъ отпускныхъ происшествій, которое наиболѣе важно и наиболѣе касается Наташи. О другомъ мнѣ лѣнь говорить и думать. Въ субботу получилъ отъ Дешевовыхъ приглашеніе, но быть въ воскресенье не могъ, такъ какъ боялся, что въ слѣдующее воскресенье не отпустятъ. Однако не вытерпѣлъ и вмѣстѣ съ Васей отправился на катокъ. Не пробылъ тамъ и десяти минутъ и побѣжалъ за Мишей. Просили зайти напиться чаю съ мороза. Я обѣщалъ. Просидѣли у Дешевовыхъ ³/₄ часа и назадъ бѣжали почти бѣгомъ, чтобъ не опоздать къ обѣду. Дома, конечно, ничего не сказали, что были у Дешевовыхъ. Наташа меня точно холодной водой окатила: не обращала на меня вниманія, а я еще щеголяю въ чинѣ „друга“. Избави Господи отъ такой дружбы! К. С. Калиновская по секрету отъ меня посылала мои стихи въ „Ниву“. Отвѣтъ былъ слѣдующій: стиховъ не напечатаю, но долженъ замѣтить, что у автора несомнѣнный талантъ и т. д. Цѣлая страница почтовой бумаги содержитъ въ себѣ разныя похвалы моему таланту. Такой отвѣтъ меня немало порадовалъ, но, если бы Наташа обошлась со мной ласково, мнѣ оно было бы вдесятеро пріятнѣе. И сюда она примѣшалась!

---

8 февраля 1878 г. Среда. Что за чудный день сегодня! Уже нѣсколько времени стоитъ оттепель, а теперь къ ней примѣшалось еще ясное, блѣдно-голубое по краямъ и синее въ вышинѣ небо и яркое солнышко.

Трифоновъ велѣлъ спрятать тогда дневникъ, что съ нимъ подѣлаешь? Теперь перемѣна, сейчасъ погонятъ насъ, какъ барановъ, къ чаю. Въ ожиданіи пользуюсь удобной минутой, чтобъ побесѣдовать съ дневникомъ. Вальбергъ просилъ дать ему что-нибудь изъ моихъ произведеній. Я нѣсколько пополнилъ своего „Іоанна Грознаго“ и отдалъ ему.—„Въ субботу за чаемъ прочту,—сказалъ онъ,—у насъ будутъ гости“.

— И Зыбина?—спросилъ я.

— И Зыбина,—отвѣтилъ онъ. Зыбина его пассія. Господи, что за скверность такая быть разочарованнымъ въ пятнадцать лѣтъ; для другихъ теперь пора свѣтлыхъ надеждъ и мечтаній, а меня ничто не манитъ, ничто не интересуетъ а между тѣмъ умирать не хочется, отчего—и самъ не знаю.

Ужасно хочется нагрубить кому-нибудь, подраться, поспорить, сломать что-нибудь и все оттого, что никто не хочетъ откликнуться на тотъ горячій призывъ любви, который шлетъ моя душа.

И вновь остался онъ, надменный,
Одинъ, какъ прежде, во вселенной,
Безъ упованья и любви!

Что̀ ни говорите, а лучше Лермонтова нѣтъ у насъ поэта на Руси. Впрочемъ, я, можетъ-быть, думаю и говорю такъ оттого, что самъ сочувствую ему всей душой, что самъ переживаю то, что̀ онъ пережилъ и великими стихами передалъ въ своихъ твореніяхъ. Не такъ бы я думалъ, если бъ Наташа любила меня!

И за что Васѣ такое счастье? Вѣдь онъ не любитъ ея, хотя старается увѣрить въ этомъ и меня и себя: просто его самолюбію льститъ вниманіе хорошенькой и умненькой дѣвочки.

И никто не знаетъ, что̀ у меня на сердцѣ! Да если бы и знали, никто бы не понялъ любви пятнадцатилѣтняго мальчика.

Одинокій, потерянный
Я, какъ въ пустынѣ, брожу,—

сказалъ Некрасовъ. Я также брожу одинокій, потерянный въ толпѣ товарищей. Чѣмъ я могу сблизиться съ ними, въ чемъ сочувствовать? Идеалъ каждаго—гусарскій мундиръ, шпоры, водка да опера-буффъ, я же чуждъ ихъ бурбонскаго фарса, мнѣ противно все, что̀ составляетъ предметъ ихъ мечтаній. Есть, правда, между ними и исключенія, но это или глупцы, которыхъ кромѣ сна и ѣды ничего не интересуетъ, или сухіе эгоисты и атеисты. Всѣ они, конечно, за исключеніемъ послѣднихъ, можетъ-быть, въ сущности и славные люди, т.-е. „добрые малые“, да все это общество такъ пусто, такъ далеко отклонилось отъ нравственнаго идеала человѣка, что не сто̀итъ труда переламывать себя, чтобъ съ ними сойтись. Да,

Одинокій, потерянный
Я, какъ въ пустынѣ, брожу,

отыскивая днемъ съ фонаремъ человѣка, клича кличъ и не получая отзыва. Неужели же никто не отзовется на этотъ отчаянный вопль больной души?

---

10 февраля 1878 г. Пятница. Скверно. Сѣрое петербургское утро непривѣтливо заглядываетъ въ окна. Воздухъ какой-то

грязный, снѣгъ грязный, классъ грязный, товарищи грязные, да и души ихъ не первой чистоты. Сейчасъ войдетъ въ классъ сонный Докучаевъ и соннымъ голосомъ начнетъ передъ соннымъ классомъ читать „Тараса Бульбу", котораго мы теперь разбираемъ.

Скука смертная, лѣнь ужасная. Не хочется ни заниматься, ни читать, ни думать, ни спать, одно только желаніе и есть: поскорѣй отправиться въ отпускъ, увидѣть Наташу и растравить свѣжую рану. Поневолѣ приходится согласиться съ Гоголемъ, когда онъ, заканчивая свою повѣсть „Миргородъ", говоритъ: „скучно на этомъ свѣтѣ, господа!". А есть ли еще другой-то свѣтъ? Вотъ вопросъ, который уже три года меня мучаетъ и который я не могу рѣшить до сихъ поръ. Надо будетъ поговорить объ этомъ съ Софьей Степановной, и если она не дастъ мнѣ положительнаго отвѣта, и если она не увѣритъ меня въ существованіи Бога, тогда, право, не зачѣмъ жить. Жизнь вѣдь, „какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ, такая пустая и глупая шутка", какъ сказалъ Лермонтовъ, а мое мнѣніе, что и обидная вдобавокъ. Хоть бы увлечься чѣмъ-нибудь, хоть бы разъ испытать счастье взаимной любви.

Сейчасъ начнется четвертый урокъ. Погода, паче чаянія, прояснилась, прояснилось и у меня на душѣ. Я постигъ наконецъ, что̀ такое Наташа. Лермонтовъ объяснилъ это однимъ изъ своихъ стихотвореній, которое я выписываю цѣликомъ:

Какъ мальчикъ кудрявый, рѣзва;
Нарядна, какъ бабочка лѣтомъ;
Значенья пустого слова
Въ устахъ ея полны привѣтомъ.
Ей нравиться долго нельзя,
Какъ цѣпь, ей несносна привычка.
Она ускользнетъ, какъ змѣя,
Порхнетъ и умчится, какъ птичка.
Таитъ молодое чело
По волѣ и радость и горе.
Въ глазахъ какъ на небѣ свѣтло,
Въ душѣ ея темно, какъ въ морѣ.
То истиной дышитъ въ ней все,
То все въ ней притворно и ложно,
Понять невозможно ее,
Зато не любить невозможно *).

*) Стихотвореніе на другихъ не производитъ того впечатлѣнія, какое произвело оно на меня: типъ, который оно обрисовываетъ, слишкомъ тонокъ и неуловимъ, и только тотъ, кто встрѣчалъ нѣчто подобное, пойметъ его, пойметъ „намекъ", который дѣлаетъ стихотвореніе. До сихъ поръ Наташа моя любовь и святыня. 30 сентября 1882 года.

Это портретъ Наташи. Подробнѣе и яснѣе охарактеризовать ее—невозможно. это что-то неуловимое, дивное, странное, но въ то же время обаятельно-прекрасное.

Вторыя занятія кончились. Сейчасъ пойдемъ къ чаю. Усталъ ужасно: занимался съ Мишей и писалъ сочиненіе по исторіи, это чуть ли не девятое. Надоѣло страшно, а отказать неловко. Въ перспективѣ имѣется еще два по русскому и одно по исторіи, все это удовольствіе къ завтрашнему дню. Не знаю, какъ успѣю. Зато завтра въ отпускъ, а послѣзавтра увижу ее, моего идола, мою царицу. Господи, зачѣмъ она такъ обаятельно-прекрасна, отчего она меня не любитъ? Хоть бы и мнѣ позабыть, разлюбить ее, да нѣтъ, не могу! Я ничего не хочу, ни славы ни богатства, я хочу любви, такой же страстной и не разсуждающей, какъ и моя! Однако пойду пройдусь нѣсколько по коридору, а то усталъ сидѣть и писать. Мнѣ еще сегодня немало дѣла.

Суббота, 11 февраля 1878 года. Сейчасъ раздастся звонокъ, и зашумятъ, загудятъ коридоры, заспуютъ воспитанники: въ отпускъ, въ отпускъ, въ отпускъ! Господи, дай мнѣ только увидѣть Наташу, больше не хочу ничего! Погода чудесная, солнце такъ и сіяетъ. Беру съ собой дуэты для двухъ скрипокъ Pleyel'а, какъ гласитъ надпись. Будемъ играть ихъ съ Наташей. Господи, какъ въ отпускъ хочется! Ну, больше писать некогда, сейчасъ дрогнетъ звонокъ.

---

13 февраля 1878 года. Понедѣльникъ. Этотъ отпускъ долженъ имѣть для меня важное значеніе. Сейчасъ выясню, почему.

---

14 февраля 1878 г. Вторникъ. Разскажу, что случилось со мной въ прошлый отпускъ. Вчера не могъ, что-то помѣшало. Въ субботу сидѣлъ дома, прочелъ какой-то общипанный сборникъ куплетовъ съ глупымъ названіемъ: „Тру-ля-ля“, и потомъ разсказы, очерки и картинки Кущевскаго. Очерки эти отличаются отъ всѣхъ подобныхъ имъ, во-первыхъ, отличнымъ, очень сильнымъ слогомъ и во-вторыхъ—содержательностью и неподдѣльнымъ юморомъ. Дома не было ни тети ни дяди, я долго читалъ, лежа въ постели.

Въ воскресенье утромъ, по настоянію тети, отправился въ церковь. Пѣли не такъ хорошо, какъ обыкновенно, и духовный концертъ былъ неважный. Молился мало. Послѣ церкви мы начали дѣлать приступы къ тетѣ и просить ее отпустить насъ къ Дешевовымъ. Конечно, сначала она немного пока-

ризничала, но потомъ принуждена была согласиться. Обрадованные усѣлись мы съ Васей на извозчика (попался лихачъ, езъ отлично) и двинулись въ путь.

Погода была отчаянная: снѣгъ, пополамъ съ дождемъ, лесталъ въ лицо, рѣзко завывалъ холодный вѣтеръ и свистѣлъ въ ушахъ, по морозу не было, такъ что ко всѣмъ этимъ довольствіямъ присоединялась еще и грязь. Но намъ мало ыло дѣла до погоды: насъ занимали другія мысли. Вотъ наонецъ мы проѣхали Египетскій мостъ и направились по наережной. Сердце мое забилось усиленно. Мы разсчитались съ звощикомъ, взбѣжали по лѣстницѣ и остановились передъ верью. Наконецъ я робко дернулъ колокольчикъ. Теперь исать некогда, послѣ докончу. Послѣдній урокъ. Не стану оворить подробно объ отпускѣ: некогда; у меня для всей оей жизни имѣютъ слишкомъ важное значеніе внутренніе опросы, которые тревожатъ теперь мой покой.

У Дешевовыхъ занимался съ Мишей, шутилъ съ Анной вановной. Наташа предложила мнѣ искреннюю и вѣчную ружбу, но я оттолкнулъ ее: я не могу быть другомъ съ чевѣкомъ, у котораго то все вдругъ дышитъ истиной, то все ритворно и ложно. Люблю я ее попрежнему, сильно, безазсудно. Перейду теперь къ тѣмъ вопросамъ, которые волуютъ меня теперь. Они давно уже тлѣли у меня въ душѣ, теперь заговорили съ новой силой благодаря тому толчку, оторый мнѣ былъ данъ Дешевовыми.

Заговорили мы о спиритизмѣ, оттуда перешли къ религіи. ася замѣтилъ, что онъ вѣрующій, а я отвѣтилъ ему на это: авидую тебѣ".

— Какъ, а вы развѣ не вѣрите?—обратилась ко мнѣ катерина Степановна.

Вопросъ этотъ, несмотря на то, что я давно хотѣлъ говоть о немъ съ Дешевовыми, нѣсколько смутилъ меня, и я, истально вглядываясь въ папиросу, которую держалъ въ кахъ, нервно отвѣтилъ: „нѣтъ".

На нѣсколько секундъ воцарилось молчаніе.

— Сожалѣю же я о васъ,—заговорила Екатерина Стеновна.

— Я самъ сожалѣю,—отвѣтилъ я.

Катерина Степановна горячо принялась доказывать существованіе Бога. Я слушалъ ея доводы, но не вѣрилъ, и ея ктамъ не вѣрилъ; для убѣжденія меня нужно было какоебудь реальное чудо, но его не было. Катерина Степановна ла мнѣ прочесть книгу: „Введеніе въ православное гословіе", говоря, что эта книга заставитъ меня повѣрить.

Сейчасъ прочелъ послѣднюю часть „Анны Карениной"—он
какъ разъ относится къ моему душевному состоянію, но н
даетъ мнѣ никакого отвѣта на мой вопросъ.

Я не отрицаю религіи, но и не вѣрю въ нее и ставлю те
перь вопросъ такимъ образомъ: я буду стараться или увѣ
риться въ существованіи Бога или въ Его несуществованіи
Если Онъ существуетъ—я буду жить, если нѣтъ—застрѣлюсі
такъ какъ тогда я буду имѣть полное право сказать пр
жизнь, что она—„пустая и глупая шутка". Жить, страдать
любить, бороться, думать—и все это для того, чтобъ ум
реть—право, все это не стоитъ труда. Вѣрую, Господи, по
моги невѣрію моему.

Вторыя занятія. Нехорошо у меня на душѣ: меня давит
и мучаетъ вопросъ: зачѣмъ я живу? Поэзія, любовь, наука
искусство, дружба—все это имѣетъ только тогда смыслъ, когд
оно освѣщено религіей, а развѣ стоитъ отдаваться вдохнове
нію и чувству, зная, что все это механическія проявленія тог
страннаго вещества, той непонятной силы, которую мы зо
вемъ умомъ? Развѣ стоитъ жить и волноваться, зная, что ран
или поздно смерть оборветъ всѣ тѣ струны, которыя когда
то звучали, всѣ тѣ стремленія, которыми жилъ и волновался
оборветъ ихъ безъ слѣда, не оставивъ ничего. Смерть—страш
пая неразгаданная тайна, и тепло тому на свѣтѣ, для ко
она разъяснена вѣрованіемъ, кто видитъ въ ней переходъ к
лучшей жизни. Какъ бы мнѣ хотѣлось вѣровать! Вѣра—так
благо!

Да, если бъ я вѣровалъ, я гордо поднялъ бы свой свѣточ
во имя блага человѣчества, я оставилъ бы что-нибудь на па
мять грядущимъ поколѣніямъ, я зналъ бы, что съ мое
земной жизнью не прекращается мое существованіе, и стра
ный вопросъ „зачѣмъ" не тревожилъ бы больше мертваг
безмятежнаго покоя моей юности.

Бурный годокъ выдался для меня: много я передумал
много перечувствовалъ и испыталъ. Рано начали тревожи
меня тѣ вопросы, надъ рѣшеніемъ которыхъ долго бились
бьются люди, и слава Богу: чѣмъ раньше рѣшатся они, і
какую бы сторону ни рѣшились, тѣмъ лучше: если я увѣру
я въ состояніи больше принести добра, если нѣтъ—я раньш
прекращу ту безполезную, „пустую и глупую шутку", кот
рую называютъ жизнью. За это послѣднее время я выро
нравственно цѣлой головой; я скинулъ съ себя все дѣтско
я поднялъ знамя юности и поднялъ его въ пору душевных
волненій и тревогъ. Я знаю, какъ важно рѣшеніе этихъ дву
вопросовъ, передъ которыми все остальное блѣднѣетъ, ил

ѣрнѣе говоря, я чувствую эту важность, предугадываю истинктомъ. Боже мой, какъ бы мнѣ хотѣлось поскорѣе рѣшить съ этими тревогами, подъ впечатлѣніемъ которыхъ я знемогаю. Что же такое въ сущности вѣра? Неужели только еразсуждающая, слѣпая увѣренность въ тѣхъ истинахъ, о оторыхъ намъ проповѣдуетъ церковь? Нѣтъ, не можетъ быть: то черезчуръ унижало бы то высокое достоинство религіи, оторое далъ ей Іисусъ Христосъ,—Богъ или геніальный четовѣкъ. Вѣра—разумное убѣжденіе, не боящееся нападокъ и ритики, или то свойство, которое дается намъ свыше.

Да, тяжелую, бурную эпоху моего развитія переживаю я ъ настоящее время. Эта эпоха—моя нравственная болѣзнь, я чутко прислушиваюсь къ ходу ея, какъ врачъ, ждущій ъ часу на часу перелома, отъ котораго зависитъ жизнь или мерть. Я стою теперь на распутьѣ, двѣ дороги предо мной; о которой же суждено мнѣ итти?

---

2 мая 1878 года. Вторникъ. 11 часовъ ночи. Но что это дивная ночь: тепло и тихо кругомъ, и высоко надъ землею ерκаетъ серебряной луной стройно надвинувшійся сводъ ѣдно-голубыхъ небесъ. На западѣ догораетъ еще розовой олоской заря, но эта свѣтлая полоска нѣжно сливается съ ларью неба, какъ бы оттѣняя ее своимъ матовымъ блескомъ. унный свѣтъ широкими просвѣтами лежитъ на плацу, пробрается и на крыльцо, сквозь нашу отворенную дверь, и фектно обливаетъ мужественныя, серьезныя лица товарищей, льефно выхватывая ихъ изъ голубой полумглы. Мы сейчасъ мъ пѣли, и дружно и вольно рвались изъ полусотни молоыхъ грудей сильные голоса, замирая вдали напѣвомъ родной сни. Боже мой, что за дивная ночь!

Не хочется спать; рядъ грезъ тѣснится въ груди, пестрымъ емъ носятся передо мной, подымая и вызывая изъ мрака ошлаго давно забытыя лица, давно прошедшія, пережитыя ртины. Хочется и писать и смѣяться; рой звуковъ кипитъ груди и просится на свободу, и шалунья-мечта дразнитъ ображеніе знакомымъ призракомъ...

Вотъ она, вся предо мной, моя Наташа, мой земной ангелъ. я предо мной ея стройная, граціозная фигура, ея милое цико, ея голубые, сверкающіе добрымъ блескомъ глаза. поминается мнѣ и ея лукавая улыбка, которая такъ оживетъ ея лицо и обнаруживаетъ двойной рядъ зубовъ, и ея осъ, чудной гармоніей звучащій для слуха. Слова любви мираютъ на устахъ, горячій стихъ восторга просится на ю... Боже, какъ хорошо живется на свѣтѣ!

Такъ лейтесь же, кипите звуки.
И рвитесь изъ груди скорѣй,
Въ васъ первой страсти слышны муки,
Въ васъ адъ и рай любви моей!

Надо лечь спать: завтра поднимусь въ 3 часа.

---

3 мая 1878 г. Среда. Славное утро: Петербургъ окутан еще туманомъ, который мало-по-малу разсѣивается. Налѣв какъ гранитный великанъ, тонетъ въ сѣрой дымкѣ горды Исаакій, прямо передъ окномъ раскидывается паркъ, и через стволы деревьевъ синею струей просвѣчиваетъ Нева. Въ во: духѣ чувствуется какая-то прохлада и вливаетъ въ серді бодрость и свѣжесть. Безоблачное небо роскошнымъ пологом виситъ надъ землей, и ярко сіяетъ ласковыми лучами золоті солнце. Сейчасъ войдетъ въ классъ учитель физики, и экзамен начнется. По окончаніи его мнѣ придется сказать рѣ Ковальскому, что такъ молъ и такъ, мы съ вами желали б разстаться друзьями и все такое прочее, а потому въ зна памяти и уваженія примите отъ насъ эту небольшую вещи (т.-е. серебряный портсигаръ съ шифромъ Ковальскаго и надписью: „Якову Игнатьевичу Ковальскому отъ воспитанн ковъ VI кл. I отд. 1878 г.“). Вообще, все это должно вый трогательно, я только боюсь разсмѣяться въ серединѣ рѣч

Мои личныя дѣла идутъ отлично: два первые экзаме (математика) выдержалъ (случайно, должно-быть). Физи также выдержу. Стихи мои будутъ напечатаны въ слѣду: щемъ номерѣ журнала „Свѣтъ“. Объ этомъ послѣдне: сообщили мнѣ Дешевовы. Въ Наташу, какъ видно изъ в рашняго сумасшедшаго монолога я влюбленъ и, должно п лагать, надолго.

Теперь мало времени, а то я описалъ бы объ этомъ п дробнѣе. Впрочемъ, это еще и не уйдетъ. Я теперь впол счастливъ: я нашелъ себѣ дорожку и смѣло пойду по н опираясь въ случаѣ необходимости на совѣты такого дру: какимъ выказала себя въ отношеніи меня Софья Степанові Споткнусь ли я—меня поддержитъ теплая вѣра въ Бога, жизнь и людей. Я гордо держу свой факелъ на пользу общ если только у меня хватитъ силы для борьбы со мглою, хватитъ—я паду борясь, съ честнымъ именемъ поборни „Свѣта“. Впередъ, мой челнъ, впередъ по бурнымъ волна житейскаго моря, къ вѣчной Правдѣ, къ благодатному Свѣ

У насъ теперь третій урокъ. Меня еще не спрашива Сегодня въ три часа должна пріѣхать Софья Степанов

Если „Свѣтъ“ вышелъ, она привезетъ мнѣ этотъ номеръ. Какъ пріятно будетъ увидѣть напечатаннымъ свое стихотвореніе: я воображаю себѣ, какъ написано будетъ заглавіе: „На зарѣ“, и тамъ подпись подъ стихотвореніемъ! Скорѣй бы вышелъ этотъ номеръ, съ которымъ соединено такъ много въ моей жизни. Я вступилъ теперь на дорогу, назадъ поздно, да и не зачѣмъ: даль являетъ такой заманчивый призракъ Славы, невидимый голосъ шепчетъ: „Иди впередъ, впередъ“, и я пойду впередъ.

———

Экзаменъ по физикѣ, конечно, выдержалъ; получилъ 10 балловъ. Сегодняшній день для меня сравнительно богатъ происшествіями. Во-первыхъ, послѣ экзамена пришлось говорить Ковальскому. Я бодрился-бодрился передъ урокомъ, а когда дошло до дѣла, то взволновался не на шутку. Какъ только что я сказалъ ему первыя фразы и взглянулъ на растроганное лицо его, я почувствовалъ, что мнѣ сжимаетъ грудь отъ рыданій, и понялъ, что въ самомъ дѣлѣ, разставаясь съ нимъ навсегда, я лишаюсь добраго, славнаго учителя и замѣчательно рѣдкаго человѣка, къ которому успѣлъ привыкнуть за время моего пребыванія въ гимназіи и котораго успѣлъ полюбить за рѣдкій умъ и замѣчательно возвышенный характеръ. Я быстро договорилъ свою рѣчь, подалъ портсигаръ и стушевался въ толпѣ, чтобы скрыть свои слезы, которыя невольно выступили на глазахъ. Ковальскій заговорилъ въ отвѣтъ глубоко растроганнымъ голосомъ: „Благодарю васъ, господа,—произнесъ онъ,—я самъ знаю, какъ мало пользы принесъ я вамъ своими уроками по физикѣ; у меня одинъ важный недостатокъ: я не могу ловить воспитанниковъ въ незнаніи и ставить имъ дурные баллы. Я не виню васъ въ томъ, что дѣло наше шло не такъ успѣшно, какъ можно было бы ожидать: здѣсь множество условій, въ которыхъ вы не виноваты, и я разстаюсь съ вами съ глубокимъ сожалѣніемъ. Но я надѣюсь, что, когда вы сдѣлаетесь честными людьми и истинными слугами своего отечества, вы вспомните наши, не относящіеся къ дѣлу и урокамъ разговоры и помянете вашего учителя добрымъ, теплымъ словомъ. Я съ своей стороны сочту себя счастливымъ, если хоть сколько-нибудь содѣйствовалъ вашему усовершенствованію на пути добра и истины!“—Урра, урра!—загремѣло въ воздухѣ въ отвѣтъ на эту теплую рѣчь, и Ковальскаго начали качать.—„Благодарю, благодарю васъ, господа!“—кланялся онъ всѣмъ и, сопровождаемый толпою, со слезами на глазахъ, пошелъ въ швейцарскую, обѣщая намъ всѣмъ свои фотографическія карточки.

А кругомъ звучало и замирало въ воздухѣ восторженное урра!

Взволнованный, но довольный и счастливый, отправился я въ первый возрастъ, чтобы узнать, выдержалъ ли Миша.— „Къ Дешевову сестра пріѣхала“, крикнулъ кто-то. Я не повѣрилъ, но, дѣйствительно, войдя въ коридоръ, различилъ въ отдаленіи знакомый легкій и стройный образъ Наташи. Она пріѣхала вмѣстѣ съ Софьей Степановной. Я поздоровался. Наташа сухо протянула мнѣ руку. Софья Степановна очень безпокоилась, выдержалъ ли Миша или нѣтъ. Я сбѣгалъ узнать, и, кажется, онъ выдержалъ, навѣрно узнать не могъ. Вдругъ является и Вася. Онъ все время ходилъ съ Наташей и о чемъ-то горячо разговаривалъ. Мнѣ опять стало больно, ухъ какъ больно! Ну, да что объ этомъ.

Дешевовы пробыли недолго и, простившись, уѣхали. Софья Степановна, можетъ-быть, будетъ еще завтра. Дѣла множество, не знаю, какъ справлюсь.

И зачѣмъ это я полюбилъ такъ Наташу?

Передъ чаемъ. Чудный вечеръ: туманъ, легкій, голубоватый, стелется надъ землею. Небо по краямъ блѣдно-розовое и, чѣмъ ближе къ зениту, тѣмъ красивѣе, нѣжнѣе его, переходящій въ голубой, цвѣтъ. Только-что приходилъ Сережа Колчинъ. Толковали о томъ и о семъ и между прочимъ о Наташѣ. Сережа разсказывалъ, что лѣтомъ, въ русскомъ костюмѣ, Наташа была такъ хороша, что всѣ на нее заглядывались. А изъ такого множества ухаживателей (какое пошлое слово!), конечно, не трудно выбрать и блестящѣе и талантливѣе меня. Скажу больше: трудно найти уродливѣе меня. Нѣтъ, никогда мнѣ не достигнуть величайшаго счастья—любви ея. До ея сегодняшняго пріѣзда я еще надѣялся; слова Софьи Степановны, а главное ласковое обращеніе Наташи подавали мнѣ поводы для этого, но ея сегодняшняя сухость и церемонность разбили все. Боже мой, что за мука переходить отъ надежды къ отчаянію и отъ отчаянія къ надеждѣ! Я теперь ясно объясняю себѣ ласковость ко мнѣ Наташи въ прошлый отпускъ: Вагнеръ объявилъ меня талантомъ, предсказалъ мнѣ блестящую будущность (о, если бъ я могъ вѣрить въ эти предсказанія)... а вѣдь такъ пріятно поиграть съ талантливымъ человѣкомъ, завлечь его и оттолкнуть, вызвать два-три, полныя желчи стихотворенія и съ странной радостью читать ихъ ядовитыя строки и наслаждаться мыслью, что это дѣло собственныхъ рукъ!

И вѣдь главное, что больно и обидно, такъ это то, что никто не хочетъ понять, что вырванные изъ сердца стихи—не на-

вѣяпныя, звучныя фразы, не рисовка и фальшь, а истина, плодъ „ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ“!

Я только-что съ плаца. Я чувствую, какъ меня осѣняетъ теперь божественнымъ крыломъ вдохновеніе: въ груди ужъ кипятъ и формируются стихи. За дѣло, скорѣй за дѣло!

Четвергъ, 3 мая 1878 года. Насилу вырвалъ нѣсколько минутъ, чтобы записать мои сегодняшнія впечатлѣнія.

Цѣлый день сидѣлъ и занимался: у насъ завтра экзаменъ черченія, котораго я таки-побаиваюсь. Сидѣлъ съ Ч** и иногда положительно не въ состояніи былъ преодолѣть дремоту, какую возбуждаетъ во мнѣ математика.

Сегодня я былъ пораженъ и возмущенъ до глубины души картиной того страшнаго разврата, до котораго можетъ дойти человѣкъ.

Нѣсколько дней тому назадъ появилась въ сосѣднемъ саду, принадлежащемъ учителю пѣнія, какая-то особа, называемая „Наташкой“ и „вдовушкой“. Къ ней начали перебираться за заборъ воспитанники, и оттуда часто раздавался громкій хохотъ. На мой вопросъ, что̀ это за Наташка такая, мнѣ отвѣчали, что это жена одного, недавно умершаго у насъ учителя гимнастики, Гу—ва.—„Что̀ же вы тамъ дѣлаете съ нею?“—спрашивалъ я и получалъ въ отвѣтъ многозначительныя улыбки и подмигиванья. Вскорѣ о трехъ главныхъ герояхъ этой исторіи начали ходить темные слухи, будто бы они въ близкихъ и очень близкихъ отношеніяхъ съ „вдовушкой“, причемъ съ ея стороны все это поддерживается не изъ какихъ-либо корыстныхъ расчетовъ, а такъ „par amour“, какъ выразился одинъ изъ героевъ. Черезъ день слухи подтвердились, и число героевъ достигло до семи. Я не вѣрилъ до тѣхъ поръ, пока не услыхалъ изъ ихъ собственныхъ устъ простосердечнаго разсказа о вдовушкѣ. Мнѣ передавали, что она, какъ бы желая оправдать себя, сказала имъ: „я вдова, дѣлайте со мной, что̀ хотите“. Мое воображеніе тотчасъ же нарисовало крайне чувствительную картину: мужъ умираетъ, цѣлую жизнь борясь съ нуждой, и уноситъ съ собой въ могилу всѣ надежды на улучшеніе положенія семьи. Жена остается одна, со многими дѣтьми, жить нечѣмъ, и вотъ въ головѣ ея созрѣваетъ ужасный планъ паденія и т. д., на манеръ французскихъ романовъ. Однако разсудокъ помѣшалъ иллюзіи: оказывается, что дѣтей у „вдовушки“ всего двое, и что кромѣ того она имѣетъ мѣсто гувернантки въ домѣ учителя пѣнія. Что̀ же въ такомъ случаѣ побудило ее на такой страшный шагъ?

Сегодня въ три часа прихожу на плацъ, гляжу—на заборѣ толпа воспитанниковъ нашего возраста, и всѣ семь „героевъ" красуются рядышкомъ верхомъ на заборѣ. Я также влѣзъ полюбопытствовать: гляжу—въ маленькой бесѣдочкѣ сидитъ какая-то женщина и водитъ быстро карандашомъ по тетрадкѣ, очевидно, поправляя переводъ или диктовку своей питомицы, которая сидитъ рядомъ съ ней. Я принялся вглядываться въ лицо этой пресловутой Наташи—лицо самое обыкновенное: низкій, жирный лобъ, съ зачесанными въ косу волосами, одинъ локонъ которыхъ безпорядочно падаетъ на лобъ, густыя, черныя брови, носъ такъ называемая картошка и красныя, чувственныя губы. Цвѣтъ лица недурной, выраженія никакого, точно она одеревянѣла, точно жизнь оставила ее навсегда. Но глаза этой „Наташи" приводили меня положительно въ смущеніе—такимъ страннымъ взглядомъ окидывала она сборище воспитанниковъ. Я не умѣю передать ни значеніе ни выраженіе этого странно-тягостнаго взора. „Наташа, можно будетъ прійти сегодня вечеромъ?"—крикнулъ одинъ изъ „героевъ".—„Приходите!"—деревянно и безучастно, безъ малѣйшаго волненія прозвучало въ отвѣтъ. Я принялся всматриваться въ ея лицо,—ничего, даже не передернуло его стыдомъ, негодованіемъ или наконецъ животною радостью, только глаза „огрызнулись" по направленію къ спрашивающему и обдали его лучезарнымъ страннымъ взглядомъ.—„А это вашъ ребенокъ?"—спросилъ кто-то, указывая на грудного ребенка, который лежалъ у нея на колѣняхъ.—„Мой!"—равнодушно отвѣтила она.—„Откуда же вы его достали?"—вновь зазвучалъ вопросъ, и громкій хохотъ раздался въ похвалу „героя". На него и „вдовушку" посыпались шутки и насмѣшки—она ничего, только порой „огрызается глазами". Я ловилъ на ея лицѣ хоть признакъ чего-нибудь, похожаго на стыдъ—напрасно.

— Чего-чего, а этого добра хватитъ!—попрежнему отвѣтила она, и хохотъ усилился. Я не вытерпѣлъ и сошелъ съ забора. Признаюсь, мнѣ хотѣлось въ нее швырнуть камнемъ и раздавить ногой, какъ гадину—но недоставало силы: я съ изумленіемъ замѣтилъ, что мнѣ жаль ее. За что—не знаю. Тяжелое впечатлѣніе произвела на меня вся эта сцена. Мнѣ кажется, что страницы, посвященныя ея описанію, стали какими-то грязными. Боже мой, какъ противенъ бываетъ человѣкъ!

Пятница, 4 мая 1878 г. Вчера не успѣлъ дописать до конца—надо было заниматься. Теперь спѣшу пробѣжать мимо тягостнаго чувства, возбужденнаго во мнѣ „вдовушкой", и перейду къ описанію лучшихъ впечатлѣній.

Хлѣбниковъ прочелъ баллы, и я узналъ, что Миша экзаменъ выдержалъ. Я тотчасъ же посовѣтовалъ ему послать домой извѣщающую объ этомъ записку, которая пародировала извѣстное суворовское донесеніе: „Слава Богу, слава Вамъ, Туртукай взятъ, и я тамъ“.

Черезъ нѣсколько времени былъ принесенъ отвѣтъ. Мнѣ почему-то показалось, что отвѣтъ непремѣнно написанъ Наташей. Миша прочелъ его и передалъ мнѣ: краснымъ карандашомъ, торопливымъ почеркомъ, на полулистѣ почтовой бумаги было набросано знакомой мнѣ рукой: „Поздравляю тебя, милый братъ, я желаю тебѣ выдержать всѣ экзамены. Твоя Таля. P. S. Мама сегодня не можетъ пріѣхать“. Вотъ и все отъ слова до слова. Кажется, немного, а между тѣмъ сколько разныхъ ощущеній внезапно заговорило во мнѣ при видѣ этихъ строчекъ. На губахъ моихъ независимо отъ моей воли появилась глупая-преглупая улыбка удовольствія, и я самъ сознавалъ, что она здѣсь совсѣмъ некстати, что даже неловко улыбаться: Миша можетъ подумать, что я смѣюсь надъ Наташей, надъ ея запиской, а между тѣмъ удержаться я не могъ и краснѣлъ по этой причинѣ все болѣе подъ удивленнымъ взглядомъ Миши. Я торопливо распрощался съ нимъ и, едва удерживая безпричинный радостный смѣхъ, бѣгомъ пустился въ возрастъ, опять за скучныя книги, за снотворные чертежи.

Третьяго-дня я написалъ небольшое стихотвореніе—варіацію на старую тему о „Свѣтѣ“,—которое мнѣ, кажется, удалось. Отдалъ верховному критику, Софьѣ Степановнѣ, и если она найдетъ его недурнымъ, пошлю къ верховнѣйшему критику Вагнеру и буду ждать его приговора.

Записываю это стихотвореніе сюда:

Кругомъ легли ночныя тѣни,
Глубокой мглой окутанъ садъ:
Кусты душистые сирени
Въ весенней нѣгѣ мирно спятъ.
  Склонясь зелеными вѣтвями,
  Осока дремлетъ надъ прудомъ,
  И небо яркими звѣздами
  Горитъ въ сіяньи голубомъ.
Усни, забитый злой судьбою,
Усни, усталый и больной,
Усни, подавленный нуждою,
Измятый трудною борьбой.
  Пусть ядъ безжалостныхъ сомнѣній
  Въ груди истерзанной замретъ,
  Пусть рой отрадныхъ сновидѣній
  Тебя неслышно обойметъ.

Усни, чтобъ завтра съ силой новой
Бороться съ безотрадной мглой,
Чтобъ не упасть въ борьбѣ суровой,
Чтобъ не поддаться предъ грозой,
Чтобъ челнъ свой твердою рукою
По морю жизни направлять
Туда, гдѣ зорькой золотою
Едва подернулася гладь,
Гдѣ скоро жаркими лучами
Свѣтъ мысли ласково блеснетъ,
И солнце правды надъ водами
Въ красѣ незыблемой взойдетъ!

Сегодня, можетъ-быть, Софья Степановна пріѣдетъ. Ну, что̀ бъ ей стоило захватить съ собой Наташу! Меня обрадовала бы, по крайней мѣрѣ!

Урра! „Туртукай взятъ, и я тамъ": геометрическое черченіе одолѣлъ и получилъ два балла противъ годового. Недурно!

У насъ въ гимназіи, если присмотрѣться хорошенько, немало симпатичныхъ и занимательняхъ типовъ. Особенно пріятное впечатлѣніе произвели на меня три личности, а именно, нѣкто Гордѣевъ, завѣдующій библіотекой, человѣкъ изъ солдатъ, выбравшійся на довольно почетную должность; онъ очень начитанъ и любитъ пофилософствовать: я намѣренъ потомъ съ нимъ познакомиться ближе.

Второй—крайне симпатичная личность—нашъ фельдшеръ. Человѣкъ крайне знающій, но, къ несчастью, не энергичный и придавленный судьбой. Третій, нашъ хлѣборѣзъ, Пахомъ, у котораго такъ развита жажда познаній, что онъ, мало того, что прочелъ очень многое, выучился самъ математикѣ. „Терпѣнье и трудъ все перетрутъ"—славный девизъ! Тоска страшная. Софья Степановна не пріѣхала и, къ несчастью, нѣтъ возможности увидаться съ нею ни въ субботу ни въ воскресенье: Катерина Степановна очень больна.

„Твоя Таля"—какъ это граціозно звучитъ! Какъ ласкаетъ слухъ нѣжное имя „Таля". Нѣтъ, что̀ бы Софья Степановна ни говорила, а я влюбленъ; какъ я ни стараюсь увѣрить себя въ противномъ, я чувствую всѣ фазисы страсти: быстрые переходы отъ радости къ отчаянію, ревность... да, ревность, а не оскорбленное самолюбіе. Моего самолюбія передъ Наташей не существуетъ, мнѣ становится дорогимъ все, что̀ хоть сколько-нибудь касается ея, я не могу лечь спать, не помолившись за нее, наконецъ всюду и всегда передо мной встаетъ ея образъ, и я чувствую себя способнымъ сдѣлать все, чтобъ только ей угодить. А эти ночи, безумныя, страстныя ночи, когда сонъ летитъ далеко отъ глазъ, когда кровь жаркой струей бьетъ

въ виски, щеки и глаза горятъ безпокойнымъ, лихорадочнымъ огнемъ, и все во мнѣ сливается въ одну, наиболѣе пріятную мечту о Наташѣ (хотѣлъ сказать „о Талѣ“, да не смѣю даже въ дневникѣ)! Развѣ это не страсть, вѣчная, глубокая, первая страсть? Пусть Софья Степановна отвѣтитъ на этотъ вопросъ! Не оттого ли мнѣ такъ нравится „Обрывъ“, что я въ страданіяхъ Райскаго читаю свои страданія? Бѣдный, какъ онъ былъ несчастливъ! Должно полагать, не всѣ влюбленные такъ же глупы, какъ я: такую чепуху горожу, что совѣстно становится.—Таля, Таля, Таля!—что̀ за дивное имя!—Господи, хоть бы дольше время тянулось до отъѣзда на Кавказъ: все-таки чаще буду ее видѣть!

!!Таля!!

„Свѣтъ“ вышелъ! Вотъ то событіе первой важности, котораго я ждалъ такъ долго и съ такимъ нетерпѣніемъ. Я только-что объ этомъ узналъ, и трудно передать, какъ я счастливъ. Я никогда не забуду той услуги со стороны Софьи Степановны, что она первая оцѣнила мой талантъ. Я бѣгалъ сейчасъ на квартиру Болосогло (онъ получаетъ „Свѣтъ“) и видѣлъ свое стихотвореніе. Вагнеръ не измѣнилъ ни строчки. Урра, тысяча разъ урра. Не могу писать, я изнемогаю подъ наплывомъ разнообразныхъ ощущеній: бѣгу помолиться. Наташа, я счастливъ!

Понедѣльникъ, 7 мая 1878 г. Долго ли будетъ продолжаться моя упорная безнадежная борьба за любовь Тали (не могу удержаться, чтобъ ее такъ не называть), долго ли эта буря въ стаканѣ воды будетъ волновать и тревожить меня, то повергая въ бездну отчаянія, то вознося на 7-ое небо? Этотъ отпускъ безъ конца полонъ опять той же смѣсью радостныхъ и горестныхъ событій, которыя такъ часто врываются въ колею моей жизни. Начну по порядку.

Въ субботу пришелъ домой и усѣлся читать тургеневскую „Первую любовь“, чуть ли не въ двадцатый разъ. Но читалъ я больше между строчками въ своихъ воспоминаніяхъ, и нельзя сказать, чтобъ они представляли что-нибудь особенно радостное, но между тѣмъ я упивался ими съ какимъ-то страннымъ, мучительно-жгучимъ удовольствіемъ. Я припомнилъ всѣ уколы моему самолюбію, которые такъ безжалостно наносилъ мнѣ мой кумиръ, я сознаять, какъ глупа и жалка моя роль „несчастнаго вздыхателя“, безмолвнаго свидѣтеля счастья другого. Особенно рельефно выступило это сознаніе, когда я припомнилъ свое счастье, затаенную ревность Сережи Писаревскаго и мое сожалѣніе къ его положенію. Къ счастью, меня никто не сожалѣетъ: я не перенесъ бы ни отъ кого

такой обиды; развѣ только утѣшила бы мои страданія (я смѣло ставлю это слово) Софья Степановна, да съ ней не всегда удобно и ловко объ этомъ разговаривать: когда у самого на душѣ не легко, когда нужно помогать, можетъ-быть, еще жесточайшимъ мукамъ, мукамъ и физическимъ и нравственнымъ, подъ тяжестью которыхъ угасаетъ дорогой другъ, не до бредней влюбленнаго сумасброда. Поэтому-то мнѣ становится и пріятно и неловко, когда Софья Степановна заговоритъ объ этомъ предметѣ, потому что она поступаетъ ужъ черезчуръ великодушно.

Считаю необходимымъ сдѣлать маленькую оговорку: Софья Степановна просила давать ей всѣ мои дневники. Я обѣщалъ и въ то же время далъ себѣ обѣщаніе писать такъ же откровенно обо всемъ, какъ писалъ до моего обѣщанія (Господи, сколько обѣщаній!). Признаваясь откровенно, я нѣсколько задумался передъ тѣмъ, какъ написать предыдущія строки: я боялся, чтобы Софья Степановна не сочла всего написаннаго за умышленную лесть. Но вѣра въ довѣріе Софьи Степановны ко мнѣ преодолѣла, и я написалъ, что̀ просилось подъ перо.

Въ три часа насъ распустили (раньше обыкновеннаго). Отправился я къ Вагнеру, причемъ запасся деньгами, чтобъ купить послѣдній выпускъ „Свѣта". Хотя Софья Степановна обѣщала мнѣ прислать его, мнѣ не терпѣлось, и я рѣшился итти самъ за нимъ, захвативъ помѣщенное выше стихотвореніе.

Признаться, сердце таки у меня постукивало, когда я дрожащими отъ волненія руками дернулъ за мѣдную ручку звонка и сталъ ждать. Вскорѣ за дверью зачастили чьи-то мелкіе шаги, и мнѣ отперла дверь какая-то молодая дѣвочка, вѣроятно, горничная Вагнера.

— Могу я видѣть г. профессора?—спросилъ я.

— Кого-съ?

— Господина редактора?

— Редактора-съ!..—съ видимымъ недоумѣніемъ произнесла она.—Вамъ, можетъ, Николая Петровича нужно-съ... они дома и Екатерина Александровна (или Сергѣевна, не помню) также дома-съ.

— Нѣтъ, мнѣ лично г. Вагнера надо. Доложите ему.—Я услыхалъ, какъ быстро своими мелкими шажками пробѣжала дѣвочка какую-то большую комнату, должно-быть, залу, и произнесла: „Васъ тамъ какой-то кадетъ спрашиваетъ".

Я невольно улыбнулся.

Черезъ нѣсколько секундъ опять раздался ея скорый аллюръ, и она сказала мнѣ:—Пожалуйте-съ въ кабинетъ!—Дѣлать

нечего, пришлось итти въ кабинетъ; на порогѣ котораго встрѣтилъ меня Вагнеръ и, сухо поклонившись издали, очевидно, досадуя, что его оторвали отъ работы, произнесъ:— Что вамъ угодно-съ?—Я нѣсколько смутился и объявилъ ему, что хотѣлъ бы имѣть послѣдній выпускъ „Свѣта“.

— Катя, дай ему тамъ 4-й №,—произнесъ Вагнеръ. Жена его принесла мнѣ номеръ.

— Что это стоитъ?—спросилъ я и почувствовалъ, что краснѣю до ушей.

— Да вѣдь въ розничной продажѣ нельзя, кажется, продавать,—возразила она.—А? нельзя?

— Нельзя!—отвѣтилъ Вагнеръ.

— Да какъ же ты сказалъ тогда, чтобъ я дала номеръ?

— Да я думалъ, что такъ хотятъ взять!—равнодушно пробормоталъ онъ.

Я закусилъ губы.—„Добрякъ, должно-быть“,—мелькнуло у меня въ головѣ. Жена же его ничего; она, навѣрно, привыкла уже къ подобнымъ выходкамъ „Кота-Мурлыки“.

— Такъ какъ же?..—начала она.

— Очень жаль,—перебилъ я,—здѣсь помѣщено мое стихотвореніе.—И я началъ откланиваться-было, какъ вдругъ Вагнеръ быстро подошелъ ко мнѣ.

— Вы Надсонъ?—спросилъ онъ.

— Да,—съ поклономъ отвѣтилъ я.

— Здравствуйте, здравствуйте,—и онъ протянулъ мнѣ руку, которую я не преминулъ пожать съ уваженіемъ, сознавая, что жму ту руку, которой были написаны сказки „Кота Мурлыки“.

— Что же, вы желаете получить гонораръ?—спросилъ Вагнеръ. Я, разумѣется, отказался.

— Такъ вы возьмите хоть всѣ номера „Свѣта“. Катя, дай ему пожалуйста 1, 2 и 4-й.

— А третій?—спросила жена.

— Ну и третій, конечно,—совершенно хладнокровно отвѣтилъ Вагнеръ. Я опять закусилъ губу. Онъ сказалъ мнѣ еще нѣсколько одобряющихъ словъ, я передалъ ему свое новое стихотвореніе и исчезъ. Да, еще въ передней долго возился съ шинелью, крючка которой долго не могъ застегнуть. Вышелъ я изъ редакціи въ полномъ восторгѣ. Опять заговорило воображеніе, опять гдѣ-то въ дали, въ чудной, свѣтлой, золотой дали поднялся волшебный призракъ Славы. Я крѣпко прижалъ къ губамъ номера „Свѣта“, заработанные мною и поэтому дорогіе номера, и, быстро шагая по панели, принялся вслушиваться въ тотъ отрадный внут-

ренній голосъ, который повторялъ мнѣ фразу Вагнера при отдачѣ новаго моего стихотворенія: „Если оно будетъ такъ же хорошо, какъ предыдущее, я непремѣнно помѣщу его!“

Остальная часть субботы прошла въ работѣ: написалъ два сочиненія, выучилъ два билета по геометріи и улегся спать около двухъ часовъ, съ мечтою повидать на другой день Талю, наговориться съ ней и насмотрѣться на ея милую, дорогую фигуру. Я не думалъ тогда, какъ дорого достанутся мнѣ оба эти удовольствія, но объ этомъ послѣ!

Вторникъ, 8-го мая 1878 г. Таля въ воскресенье обращалась со мной очень сухо; между прочимъ заставила меня принять рѣшеніе больше никогда не бывать у Дешевовыхъ, укоряя меня въ фальши и доказывая, что я вовсе не друженъ съ Мишей. А такъ какъ я принятъ у Дешевовыхъ именно какъ Мишинъ другъ, слѣдовательно послѣ этого разговора, несмотря на всю жгучую боль, которую принесетъ мнѣ это огромное лишеніе, я бывать у нихъ не могу, тѣмъ болѣе, что Наталья Михайловна дала мнѣ понять, что и Софья Степановна раздѣляетъ ея мнѣніе. Это меня, говоря откровенно, нѣсколько изумило: я, кажется, не только на словахъ, но и на дѣлѣ всегда старался доказать свою дружбу. Конечно, я мало принесъ пользы Мишѣ, но я могу смѣло сказать, что во всѣхъ моихъ поступкахъ въ отношеніи его я руководился моею дружбой къ нему и уваженіемъ и привязанностью вообще къ Дешевовымъ. Мнѣ остается только пожалѣть о томъ, что я не сумѣлъ заслужить къ себѣ довѣріе въ хорошихъ людяхъ, и—проститься съ ними. Нечего и говорить, какъ мнѣ это тяжело. Я не комедію игралъ въ отношеніи Натальи Михайловны, я дѣйствительно люблю ее первой молодой страстью; не видаться съ ней, не слышать этихъ жестокихъ словъ, этихъ насмѣшекъ и недовѣрія—вдвое тяжелѣе, чѣмъ жить совершенно счастливо, не видя ея. Но я, какъ я ни дуренъ, глубоко сознаю, что укора я не заслуживаю, и поэтому считаю нужнымъ уступить свое мѣсто другому.

Одна мысль меня нѣсколько безпокоитъ: я боюсь, чтобъ Софья Степановна не подумала, что я перестаю бывать у нихъ потому, что мнѣ уже „не нужно“ ихъ помощи на моей литературной тропинкѣ. Но, во-первыхъ, хорошее знакомство уже по одному тому, что тамъ тепло и хорошо становится наболѣвшему сердцу, дорого, и слѣдовательно я во всякомъ случаѣ теряю отъ прекращенія его, во-вторыхъ—я бросаю свою литературную карьеру на первомъ же успѣхѣ,

я разбиваю свои мечты о славѣ и приношу ее въ жертву названію честнаго человѣка.

Боже мой, какъ тяжело и больно на сердцѣ! Разставаться съ тѣми, къ которымъ глубоко успѣлъ привязаться, разставаться, быть-можетъ, навѣки! Я, не преувеличивая, говорю, что меня точно холодомъ обдаетъ при этой мысли. Я нашелъ-было слабый путеводный огонекъ свѣта, и вотъ онъ гаснетъ опять, онъ подавленъ и окруженъ безпощадной, непроглядной сѣрою мглой. Но я не поддамся: я своимъ девизомъ поставилъ—итти къ свѣту и другихъ вести къ нему. Все равно, пусть ноетъ, болитъ сердце, пусть разбиваются и рухнутъ личныя надежды, личныя мечты... впередъ безъ устали, безъ отдыха къ свѣту, къ свѣту!

Впередъ! покуда сильны руки,
Челнокъ свой къ Свѣту направляй
На славу правды и науки
Свой Свѣточъ честно зажигай!
Я предалъ прошлое забвенью,
Разбилъ надеждъ отрадный рой
И вырвалъ съ болью сожалѣнья
Твой образъ изъ груди больной.

Вотъ были бы матеріалы для будущихъ стихотвореній, если бы я ихъ продолжалъ писать.

Подведу итоги всего, что я теряю. Я разбиваю свои надежды на любовь, на дружбу, на славу. Кромѣ того, я теряю друга (А. Александера), который уѣзжаетъ на Кавказъ, вѣрно, навсегда. Я остаюсь опять одинъ, безъ опоры и поддержки въ глухой степи, окутанной черною, тяжелой, непроглядной мглой.

. . . .

---

22 ноября 1878 г. Какое странное бурное время пережилъ я тогда. Оно навсегда останется темными страницами въ книгѣ моей жизни. Теперь вопросы и сомнѣнія уже не мучаютъ меня,—я ихъ рѣшилъ; будущее также не тревожитъ: я печатаю, мною дорожатъ въ редакціи, хвалятъ меня въ газетахъ. Я люблю Наташу и стою къ ней близко, какъ вѣрный другъ ея, я люблю уже не бѣшеною страстью, но тихимъ, грустнымъ чувствомъ—и все-таки мнѣ хочется умереть, не жить не существовать.

---

31 марта 1879 года. Я не умеръ, къ несчастью, но она, наше солнышко, наша свѣтлая звѣздочка, погасла... зака-

тилась... пропала въ той темнотѣ, страшной и неразгаданной, которую мы зовемъ смертью. Господи, упокой ея душу.

Не время виновато въ томъ, что мнѣ даже въ самыя свѣтлыя минуты такъ страстно хотѣлось умереть,—виновато то, что, сознавая всю идеальность взглядовъ Наташи и вполнѣ имъ сочувствуя, я въ жизни встрѣчалъ діаметрально-противоположную ложь и грязь. Я послѣ ея смерти — смерти совсѣмъ не боюсь, но умирать не хотѣлъ бы изъ принципа; во-первыхъ, мнѣ еще сильно нужно работать надъ собой для того, чтобы имѣть надежду соединиться съ нею тамъ, въ чудномъ и свѣтломъ Божіемъ Царствѣ, во-вторыхъ, нужно работать для другихъ, нужно постараться одному сдѣлать то, что̀ мы собирались сдѣлать съ ней вмѣстѣ. У меня есть талантъ, въ этомъ я, наконецъ, убѣдился—и ея именемъ я обѣщаю не допускать ни одного фальшиваго и неискренняго звука въ моихъ пѣсняхъ, ни одного подкупнаго слова. Я бы очень хотѣлъ видѣть ее еще до моей смерти и, по правдѣ говоря, надѣюсь на исполненіе этого желанія—мы въ послѣднее время съ ней очень сошлись.

———

1880 годъ.

10 іюня 1880 г. Давно, очень давно въ послѣдніи разъ брался я за перо, чтобъ заносить на страницы дневника то, что̀ почему-нибудь входило въ кругъ моей наблюдательности и волновало меня.

Я говорю „очень давно“—хотя, въ сущности, съ тѣхъ поръ прошло немного времени—но какъ много пережито, какъ много перечувствовано въ этотъ небольшой промежутокъ времени! Не скажу, чтобъ я сдѣлался другимъ человѣкомъ, нѣтъ,—я просто состарился, и состарился скверной старостью.

Съ дневникомъ я встрѣчаюсь опять, какъ со старымъ другомъ — и слѣдовательно не безъ чувства горечи, принимая въ соображеніе, что̀ было, что̀ ожидалось—и что̀ совершилось. Съ грустью замѣчаю, что даже и перо мнѣ измѣнило, и хоть „страданіе слова“, какъ выражается Достоевскій, и „благородное страданіе“—но ужаснѣе его я не знаю: оно назойливо напоминаетъ человѣку о его жалкой ничтожности.

Прошлымъ тетрадямъ дневника я давалъ особое заглавіе и особый эпиграфъ, давалъ, чтобы ихъ сдѣлать похожими на рукопись романа (такъ я люблю литературу даже въ ея мелочахъ!). Къ этой тетради какъ нельзя больше идетъ заглавіе: „Записки сумасшедшаго“ и эпиграфъ: „У Алжирскаго бея на самомъ носу шишка!“... Я не иронизирую: если я еще не сошелъ съ ума, то, по крайней мѣрѣ, схожу и вскорѣ сойду окончательно: это мое твердое убѣжденіе въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ.

Впрочемъ, это нисколько не удивительно: человѣкъ состоитъ изъ мяса, костей и нервовъ; я состою изъ костей и разстроенныхъ нервовъ, причемъ послѣдніе, конечно, имѣютъ окончательное вліяніе на мою душу и разсудокъ. Смерть Наташи, смерть Софіи Степановны, положеніе сестры,

бающій безплодно талантъ (въ томъ, что онъ есть у меня, я больше не сомнѣваюсь), ненавистная карьера военнаго на всю жизнь и наконецъ страшное одиночество—все это, конечно, не можетъ вліять на меня благопріятно, въ особенности, если прибавить ко всему ту непосильную тяжесть, которая уже столько лѣтъ наполняетъ безпрерывною борьбою мою жизнь и медленно, но вѣрно ведетъ меня къ сумасшедшему дому и ранней, мучительной смерти. „Спасенья нѣтъ, ты погибла!“, какъ поетъ Мефистофель Маргаритѣ. Да, да, спасенья нѣтъ,—и никому на всемъ просторѣ Божьяго міра нѣтъ до этого никакого дѣла, а между тѣмъ вѣдь я не лишній и не безполезный человѣкъ,—пользы людямъ я могъ бы принести много,—но я сверхштатный, я—чиновникъ для усиленія... Горько.

Порой мнѣ кажется, что я не живу, а читаю книгу о томъ, какъ жилъ и страдалъ кто-то другой, до того я мало способенъ вѣрить себѣ! А умереть—не хватаетъ силъ: не трусость мучаетъ,—нѣтъ, смерть не страшна, а жить хочется, страстно, безумно хочется... Но „къ чему жить?“ Идеалъ жизни, и жизни не личной, а общественной, слѣдовательно самый высокій идеалъ—свободы, равенства, братства, труда и т. д., и т. д.—все это, въ концѣ концовъ, сводится къ одному, давно знакомому итогу—„наслажденью“, а наслажденье возможно вѣдь и безъ жертвъ и безъ борьбы, стòитъ только потушить въ себѣ то, чтò мы называемъ лучшимъ въ человѣкѣ. Но теперь вопросъ: если бы эгоистичный идеалъ и былъ достижимъ, удовлетворилъ ли бы онъ меня? Нѣтъ, потому что я уродливо созданъ, созданъ для самопожертвованья и великодушничанья, а не для эгоистичнаго счастья и блаженнаго покоя... Слѣдовательно жить мнѣ не зачѣмъ, и жизнь для меня—мỳка, такъ какъ не можетъ удовлетворить потребностямъ моей души. Міръ для меня тѣсенъ, а другого нѣтъ, даже если и допустить существованіе рая, который опять-таки сводится къ личному блаженству и покою и, значитъ, выдуманъ людьми.

. . . .

Отчего я сошелъ съ ума?

Прежде всего—смерть Наташи... Послѣ ея смерти Софья Степановна на устраиваемыхъ ею сеансахъ увѣряла, что является духъ Наташи, что это ея рука ласкаетъ насъ и это ея уста цѣлуютъ насъ. Но я зналъ, что это ложь, зналъ вотъ почему: во-первыхъ, я видѣлъ на фонѣ свѣтлой дверной щелки, что рука, выдаваемая за руку Наташи, принадлежитъ Софьѣ Степановнѣ; во-вторыхъ, Наташа при жизни относи-

лась ко мнѣ лучше и теплѣе, чѣмъ къ Васѣ, а по смерти она, точно нарочно, меня оскорбляла... Не могу высказать, какъ меня это мучило и волновало, пока я не убѣдился, что Наташа не можетъ такъ поступать.

Въ-третьихъ, когда я высказалъ сомнѣніе въ подлинности явленій Васѣ, Софья Степановна, которая неизвѣстно отчего узнала объ этомъ (не думаю, чтобъ ей разболталъ Вася), сказала мнѣ, что къ ней являлась Наташа и объявила, что никогда больше не будетъ являться при мнѣ. Чтобъ Наташа такъ отнеслась къ честному сомнѣнію, вызванному благоговѣніемъ къ ея памяти, я положительно не вѣрю и не хочу вѣрить, такъ какъ это предположеніе унижаетъ Наташу. Къ тому же Софьѣ Степановнѣ было выгодно придраться къ случаю, на который она явно разсчитывала, обѣщая, что Наташа явится вся на слѣдующій сеансъ... Я заранѣе сказалъ Васѣ, что не вѣрю этому, и что Софья Степановна придумаетъ какой-нибудь отводъ. Такъ оно и случилось. Къ чему было Софьѣ Степановнѣ поступать такимъ образомъ?..

Второе, что̀ повліяло на меня очень сильно: возникшія тяжелыя отношенія между мной и матерью Наташи, Софіей Степановной. Обрисую ихъ въ короткихъ словахъ: соперничая съ Васей въ любви къ Наташѣ, мы, послѣ ея смерти, стали ревновать другъ друга даже къ ея памяти, а такъ какъ С. С. одна могла разсказать намъ о ея послѣднихъ минутахъ, то мы, очевидно, ревновали другъ друга и къ С. С. И вотъ она начала разсказывать, будто Наташа о В. вспоминала съ любовью, а обо мнѣ съ насмѣшкой, будто съ В. она желала прощаться, а со мной нѣтъ, и т. д. Что̀ со мной дѣлали эти разговоры, невозможно себѣ представить, хотя у меня и было много причинъ заподозрѣвать ихъ искренность. Я мучился невыносимо. Одинъ изъ кумировъ—или Софья Степановна, или Наташа—падалъ навсегда съ своего пьедестала... Выходки умирающей Софьи Степановны дѣлались невыносимыми,—а я бѣгалъ подъ ливнемъ ночью въ аптеку, кололъ ночью же для нея ледъ на ледникѣ, сносилъ милліоны несправедливыхъ обвиненій и униженій, и все это—въ память Наташи. Вася, кромѣ того, выставилъ меня лжецомъ въ глазахъ тети, которая, какъ всегда, мнѣ не повѣрила, а повѣрила ему. Изъ письма Васи къ М. М., которое поразило меня прежде всего своимъ тономъ, я понялъ, что Вася клеветалъ на меня, самъ не зная, что клевещетъ, съ глубокимъ убѣжденіемъ, что онъ кругомъ правъ. Впрочемъ, я никогда въ семействѣ дяди не видѣлъ должнаго и заслуженнаго мною довѣрія и подвергался иногда страшнымъ оскорбленіямъ.

А между тѣмъ С. С. умерла—и я до сихъ поръ не могу простить ее. Когда я пишу эти строки—вся кровь моя кипитъ отъ глубокаго, невыразимаго негодованія, а все это уже такъ давно было, что успѣло и быльемъ порасти.

Третье обстоятельство, окончательно добивающее меня—это скорбь по Наташѣ, скорбь жгучая, безумная, безконечная. Я не могу повѣрить, чтобъ она умерла—я нерѣдко жду ее цѣлыя ночи напролетъ, обманываю себя, говорю себѣ, что она пришла, разговариваю съ ней и разстраиваю нервы до почти нечеловѣческой чуткости...

Четвертое: убѣжденіе, что Наташи нѣтъ на свѣтѣ (несмотря на противорѣчіе съ только-что сказаннымъ, оно живетъ въ моей помѣшанной, страдающей душѣ), и что если бъ былъ загробный міръ, она бы явилась, чтобы успокоить и утѣшить меня, дать мнѣ силы бороться съ моимъ несчастьемъ (болѣзнью) и осуществить тѣ мечты о жизни, которыя она мнѣ завѣщала. Но она не является, а слѣдовательно... нѣтъ загробнаго міра, нѣтъ цѣли жизни! Все—прахъ, все—мгновенье, все—безсмыслица и путаница!

Пятое—моя болѣзнь. Я иногда нарочно поддаюсь ея вліянію, поддаюсь съ невыразимымъ, злобнымъ наслажденіемъ, думая, что оно даетъ мнѣ право проклинать Бога! А между тѣмъ я боюсь темноты и крещусь на ночь... Проклинать и креститься—и вмѣстѣ съ тѣмъ не вѣрить въ Бога?—развѣ это не сумасшествіе?..

Шестое—мое одиночество. Ненавистная военная служба. Положеніе моей сестры... И меня же смѣютъ упрекать въ равнодушіи къ сестрѣ! Да, свиданія съ нею мучаютъ меня, и безъ того измученнаго; мнѣ не по силамъ ея горе, которое она съ дѣтской довѣрчивостью дѣлитъ со мной! Я и подъ бременемъ своего быстро и безостановочно гибну!..

Когда во мнѣ, ребенкѣ, страдало оскорбленное чувство справедливости, и я, одинъ, беззащитный, въ чужой семьѣ, горько и безпомощно плакалъ, мнѣ говорили: „опять начинается жидовская комедія", съ нечеловѣческой жестокостью оскорбляя во мнѣ память отца*). Когда я хотѣлъ объясниться, мнѣ отвѣчали, что со мной много разговаривать не станутъ, а если и разговаривали, такъ оскорбляли меня несчастнымъ недовѣріемъ. Меня подозрѣвали даже въ томъ, что я лгу, говоря, что боленъ, лгу для того, чтобы на годъ отдѣлаться отъ занятій и проѣхаться на Кавказъ. Подо-

*) Какъ извѣстно, отецъ С. Я. Надсона, хотя родился православнымъ, но происходилъ изъ еврейской семьи.

зрѣнія высказывались мнѣ въ лицо, при постороннихъ, а оправданій я не смѣлъ представлять, такъ какъ мнѣ на это отвѣчали: „у меня много и своего горя, чтобъ слушать твои бредни“. Иногда подозрѣнія мнѣ не высказывались, но я чувствовалъ ихъ во всемъ: въ тонѣ, въ обращеніи, въ насмѣшкахъ, въ нотаціяхъ, съ которыми ко мнѣ обращались и которыми мучилъ меня дядя во время моей болѣзни. Онъ остался правъ, какъ всегда—онъ мнѣ далъ деньги на поѣздку и слѣдовательно выполнилъ задачу благодѣтеля, но онъ забылъ, что въ груди у меня сердце рвалось отъ муки, и что, если бъ не надежда, что путешествіе меня исцѣлитъ, я бы скорѣй бросился въ Неву, чѣмъ принялъ эту подачку. Отъ меня требовали, чтобы я былъ снисходителенъ къ тѣмъ оскорбленіямъ, которыя сыпались на меня, когда у тети бывали разстроены нервы, а когда я готовъ былъ пустить себѣ пулю въ лобъ отъ страшной тоски, каждое мое слово взвѣшивали и осуждали. И не мудрено: мнѣ никогда не вѣрили: все это была съ моей стороны комедія. Подождите же, вы, разсудительные люди: ждать не долго. Клянусь вамъ памятью Наташи, что еще мѣсяцъ, другой, и если обстоятельства не перемѣнятся—я покончу съ собой! Впрочемъ, вы и тутъ найдетесь, вы скажете, что я сдѣлалъ это со злости, чтобъ подвести васъ, какъ опекуновъ! Вѣдь вы же говорили это, когда я, полоумный отъ горя и тоски, старался нарочно усилить свою простуду, находясь въ лазаретѣ училища, выбрасывалъ лѣкарства и сидѣлъ передъ форточкой! Въ вашихъ глазахъ это тоже была комедія!

Прочь же, проклятая робость и великодушіе! Молчать на краю гроба и безумія я не могу и не хочу! Я брошу вамъ въ глаза все, что̀ накипѣло у меня въ больной душѣ, и если въ васъ есть искра совѣсти и справедливости (а она есть, вы только ослѣплены!), вы поймете, что дѣло пахнетъ уже не комедіей, не жидовской комедіей, а тяжелой, невыносимо тяжелой драмой! Я васъ обвиняю во всемъ. Обвиняю васъ въ своей болѣзни—такъ какъ вы относились къ ней совершенно равнодушно. Я васъ,—видитъ Богъ и Наташа,—любилъ, вы меня отдаляли, оскорбляли и говорили, что я къ вамъ холоденъ. Вы не могли оцѣнить цѣломудренности моей привязанности къ вамъ: вамъ хотѣлось бы, чтобъ она била въ глаза, а я любилъ молча.

Боже, если Ты есть! Не отнимай у меня послѣдней надежды на спасеніе: внуши имъ помочь мнѣ! Я на волосокъ отъ гибели. Не денегъ проклятыхъ мнѣ нужно—мнѣ нужно чувства, поддержки, довѣрія ко мнѣ, уваженія памяти моихъ

покойныхъ родныхъ! Господи, если правда, что Ты далъ тетѣ даръ сношеній съ загробнымъ міромъ, внуши ей, чтобъ она хоть тамъ спросила, лгу ли я или мучаюсь въ самомъ дѣлѣ, и если мучаюсь, то какъ мнѣ помочь. Силъ нѣтъ!.. За что столько страданій? Чѣмъ я такъ прогнѣвилъ Тебя? Господи, откликнись на мольбу обезумѣвшаго отъ горя раба Твоего!..

Теперь же клянусь, чтобъ отрѣзать себѣ путь къ отступленію, что этотъ дневникъ я дамъ прочесть тетѣ. Тетя, дорогая, пожалѣйте же меня! Вѣдь и собаку жалѣютъ!.. Не судите строго мои слова: я вамъ говорю, что я съ ума схожу, что расчетъ съ жизнью близокъ, что сердце во мнѣ рвется па куски. Повѣрьте же хоть теперь!

Буду продолжать. Сегодня мнѣ все равно не заснуть: сведемъ же итоги прошлыхъ и настоящихъ счетовъ!

Недавно узналъ я, что Михаилъ Михайловичъ женится, хотя не прошло еще года со смерти Софьи Степановны. Вѣсть эта ударила меня, какъ ножомъ, тогда какъ по другимъ она только скользнула.

И не мудрено: у другихъ есть семья, есть цѣль жизни, есть интересы, а у меня, кромѣ памяти Наташи—ничего! Женясь, М. М. точно офиціально призналъ ея смерть и помирился съ этой мыслью, тогда какъ я до сихъ поръ мучаюсь и тоскую. На-дняхъ я видѣлъ ее во снѣ. Трудно передать, какое впечатлѣніе произвело это на меня: я цѣлый день послѣ ходилъ, какъ помѣшанный, такъ что даже Катерина Васильевна замѣтила, что со мной творится что-то неладное. Вѣсть о женитьбѣ М. М. вызвала у меня и другое чувство—сожалѣніе о С. С. Да, я помню очень хорошо все то дурное, что̀ она причинила мнѣ,—и все-таки жалѣю о ней и оскорбленъ за нее!

Какія же, въ самомъ дѣлѣ, были мои отношенія къ Наташѣ?

Я не былъ въ нее влюбленъ, но я любилъ ее такъ, какъ и не подозрѣвалъ, что могу любить. Я любилъ въ ней сестру, любилъ чистую и безгрѣшную дѣвушку, любилъ идеалъ свой. Я знаю, что другой Наташи я не встрѣчу! (Только сейчасъ замѣтилъ, что я плачу—и мнѣ не стыдно этихъ слезъ)...

Скука ужасная! И день и ночь—все тѣ же тяжелыя думы. Я становлюсь страшенъ самому себѣ: я похожъ на доктора, который прислушивается къ ходу собственной болѣзни и наблюдаетъ, какъ мало-по-малу предсмертная агонія охватываетъ его тѣло. Такъ продолжаться не можетъ: все это должно разрѣшиться чѣмъ-нибудь.

Я уже начинаю видѣть галлюцинаціи: часто въ ушахъ моихъ

звучитъ голосъ, рѣзко окликающій меня по имени. Разъ я узналъ въ немъ голосъ матери. Вокругъ меня всегда, и теперь, мелькаютъ какія-то бѣлыя тѣни!—Или, въ самомъ дѣлѣ, спиритизмъ имѣетъ смыслъ, или я ужъ очень быстро схожу съ ума. Но довольно на сегодня: на почтѣ пробило часъ. За открытымъ окномъ чернѣетъ темная масса святого Давида и горитъ звѣздная лазурь. Ночь тиха. Она точно ласкается. Я мало-по-малу успокоился. Господи, благослови!..

11-го іюня 1880 г. Вчера я сильно погорячился. Такія мучительныя минуты нерѣдки въ моей жизни, и попадись мнѣ въ руки револьверъ — я, навѣрно, не задумался бы кончить съ собой, несмотря на неудовлетворенную жажду жизни. Меня останавливаетъ, во-первыхъ, надежда, что все кончится благополучно, потому что за что же въ самомъ дѣлѣ мнѣ гибнуть — это разъ, а второе — мысль, что я черезчуръ уже мрачно смотрю на жизнь, и что этотъ взглядъ не что̀ иное, какъ слѣдствіе болѣзни.

Но фактовъ я не беру назадъ и не отказываюсь ни отъ чего, что̀ я высказалъ. Я правъ: холодность ко мнѣ родныхъ погубила меня.

Мать меня пугала корпусомъ, какъ какимъ-то адомъ; но незадолго до ея смерти дядя настоялъ, и меня отдали въ корпусъ. По дневнику видно, какъ нелегко достались мнѣ любовь и уваженіе товарищей и сколько пришлось мнѣ помучиться, чтобъ заслужить ихъ!

Я ненавижу такъ называемыя военныя науки — и долженъ изучать ихъ. Я понимаю, что, напр., Вася Ю. можетъ учиться хорошо: у него есть планы, есть мечты. Онъ знаетъ, что можетъ принести пользу, — а я долженъ учиться убивать людей по правиламъ.

Я нервенъ, болѣзненъ и раздражителенъ — и долженъ бродить по плацу съ ружьемъ, выслушивать замѣчанія, высиживать подъ арестомъ, не спать ночей за дневальствомъ!

Я не признаю дисциплины, основанной на боязни палки — и долженъ подчиниться ей, хотя она противна мнѣ, возмущаетъ меня!

У меня есть способности къ музыкѣ — онѣ гибнутъ даромъ!

На мои нервы мучительно дѣйствуетъ ужъ не только выстрѣлъ, но всякій шумъ и крикъ, — а я долженъ итти въ артиллерію!.

На все это мнѣ скажутъ, что я фантазирую, идеальничаю, что для меня много сдѣлано и такъ, что жизнь мою устроили такимъ образомъ, чтобы навсегда обезпечить меня, что боль-

шаго я не смѣю и ожидать и долженъ быть благодаренъ и за эти милости.

Я и благодаренъ: благодарю за все! За то, что мнѣ не дали умереть съ голоду, за то, что восемь лѣтъ кормили меня и доставляли мнѣ не только необходимое, но даже нерѣдко и роскошь: я бывалъ въ театрѣ, я имѣлъ возможность читать книги, мнѣ давали деньги на папиросы... Я не шучу: я благодаренъ, глубоко благодаренъ и лучше кого-нибудь другого знаю, что это была милость, и что дѣлать это были не обязаны. Но легче ли мнѣ отъ этого? Я не умеръ съ голоду — а чувства, теплаго чувства любви и тогда не зналъ и теперь не знаю. Можетъ-быть, я въ этомъ самъ виноватъ: я стыдился выражать свою привязанность. Но меня не передѣлать! Я и Наташѣ не говорилъ и не показывалъ, какъ я люблю ее.

Тяжело начинать жить такимъ образомъ: я весь изломанъ! Военная служба противна, офицеромъ хорошимъ я никогда не буду, моя горячность и неумѣніе себя сдержать приведутъ меня подъ судъ, заниматься хорошо я тоже не могу: стоитъ ли тратить время и силы на изученіе науки убивать людей! А вѣдь эти силы и способности могли бы развиться и принести пользу! Богъ меня не обидѣлъ ни умомъ ни желаніемъ добра людямъ! Грустно, очень грустно становится на душѣ, когда подумаешь обо всемъ этомъ, и не мудрено, если я кончу плохо. Небольшой толчокъ, несправедливость, рѣзкое слово начальства — и я не выдержу...

Страшно!.. За что же, за что? Неужели меня нельзя спасти?

Для тети и дяди — не секретъ мое отвращеніе къ приготовленной для меня карьерѣ: но они, какъ всегда, не повѣрили, чтобы оно было серьезно. Они разсчитывали, что я помирюсь и свыкнусь съ мыслью погубить свои способности за нелюбимымъ дѣломъ. Разсчитывалъ на это и я, но, какъ видно, напрасно. Прошелъ годъ — и я не знаю, куда мнѣ дѣваться отъ тоски. Неужели же и теперь они мнѣ не вѣрятъ и скажутъ, что это „комедія“ и фантазіи!

Подумайте же, ради Бога, къ чему мнѣ играть эту комедію? Какая у меня можетъ быть цѣль? Вспомните всю мою жизнь у васъ и скажите мнѣ, когда я лгалъ вамъ? За что вы не вѣрите мнѣ? За что вы относитесь ко мнѣ, какъ къ врагу? Справедливо ли мучить меня такъ?

Общественная жизнь идетъ впередъ! Съ каждымъ днемъ выступаютъ новые труженики мысли и искусства, а я долженъ тратить время на военныя науки, ломать и мучить себя во имя дисциплины и имѣть въ перспективѣ положеніе военнаго! Что такое въ наше время офицеръ? Какъ поставленъ

онъ въ отношеніи начальства? Поставленъ такъ, что всякій выше его чиномъ, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется, можетъ оскорблять въ немъ человѣческое достоинство и читать нотаціи. Офицеръ—вѣчный школьникъ. Кончилъ онъ училище,—онъ долженъ рѣшать задачи, задаваемыя полковымъ командиромъ, долженъ слушать разныя лекціи, исполнять задаваемыя съемки и чертить планы къ сроку, какъ мы чертимъ карты въ училищѣ. О свободѣ, независимости, — этомъ правѣ всякаго мало-мальски развитого человѣка, — онъ не долженъ и думать: надъ нимъ всегда занесена рука съ палкой, и называется эта палка — дисциплиной...

А если еще начальникъ попадется въ родѣ Е.?.. Если онъ свой деспотизмъ будетъ ставить выше всего, что̀ тогда дѣлать человѣку, мало-мальски самолюбивому и уважающему себя?..

Нравится тебѣ маршировать весь вѣкъ и звонить шпорами—что̀ жъ, иди въ военную службу, мирись со всѣми ея непріятностями. И счастливъ тотъ, кто можетъ это сдѣлать! А мнѣ-то изъ чего себя ломать? Сестрѣ изъ моего нищенскаго жалованья я все равно не буду въ состояніи помочь, путнаго ничего сдѣлать тоже не буду въ состояніи — о чемъ же тутъ думать?

Комедія, да и только!

Въ памяти моей встаетъ одна сценка. Было это въ прошломъ году, зимой. У В. была сломана нога, а я просился къ Дешевовымъ. Тетя не пускала. Я, кажется, наговорилъ рѣзкостей и разсердилъ тетю. Помню, что мнѣ тогда было необходимо видѣть Наташу: въ душу нахлынули мучительные вопросы, а Наташа успокаивала меня. Отъ думъ у меня голова ломалась на части. Тетя была раздражена, и я ей всего не высказалъ. Вообще тетя смотрѣла ошибочно на наши отношенія къ Д—вовымъ и думала, что намъ дома скучно, и что мы ищемъ тамъ развлеченій. Я извинился передъ ней и опять повторилъ свою просьбу, но тетя наотрѣзъ отказала. И вотъ я проплакалъ цѣлый вечеръ. Между тѣмъ раздражительность тети прошла; она, очевидно, раскаивалась, что не повѣрила мнѣ, и часовъ въ девять вечера хотѣла-было уже меня отпустить, но было слишкомъ поздно, и я самъ согласился съ этимъ.

Между прочимъ, тетя сказала: „Если бъ я знала, что ты такъ это примешь, я бы тебя пустила“.

Припомнилъ я эту сцену вотъ почему: очевидно, тетя не пускала меня оттого, что не вѣрила мнѣ. Она не вѣрила, что мнѣ необходимо видѣть Наташу, что въ противномъ случаѣ я промучаюсь Богъ знаетъ сколько времени. Слѣдовательно тетя не желала сознательно причинить мнѣ зло,

и вообще не желаетъ этого, а только почему-то не хочетъ повѣрить, что все, что я высказываю, всѣ мои муки и отвращенія—не комедія, а вещь очень серьезная при моей болѣзненной впечатлительности. Когда тетя повѣрила мнѣ — она пожалѣла, что такъ отнеслась ко мнѣ, и раскаялась въ томъ. Отъ раскаянія я и хочу предостеречь тетю. Какъ тамъ, такъ и здѣсь послѣдствія разувѣрятъ ее, но тамъ раскаянье касалось пустяковъ, а здѣсь — вещи очень серьезной. Подумайте объ этомъ, тетя!..

Я не Гамбетта, который пугалъ отца тѣмъ, что вырветъ себѣ глазъ, если его не возьмутъ изъ пансіона, — и вырвалъ. Я пугать не намѣренъ и не собираюсь: я просто дошелъ до предѣла, за которымъ молчаніе немыслимо, и говорю, потому что вижу тутъ мою послѣднюю надежду: обманетъ она меня — все кончено!

Чего же я, собственно, хочу?

Я не хочу ничего невозможнаго. Я не хочу ни новыхъ тратъ ни новыхъ издержекъ. Будто безъ нихъ невозможно устроить мою будущность? Мало ли заведеній, гдѣ можно учиться на казенный счетъ. Мнѣ все равно, — куда-нибудь, но только не въ военную службу. Хоть въ сапожники!..

Собственно мечты мои — университетъ или консерваторія. Способностей у меня хватитъ, въ охотѣ тоже нѣтъ недостатка. Но въ университетъ нужно готовиться, а на это опять-таки необходимы деньги, а въ консерваторію я могу поступить и такъ. Съ удовольствіемъ пошелъ бы даже на музыкальное отдѣленіе театральнаго училища, тѣмъ болѣе, что туда можно попасть на казенный счетъ. Однимъ словомъ, куда угодно— но не въ военную службу! Она мнѣ невыносимо противна и идетъ совершенно въ разладъ съ моимъ характеромъ и способностями.

Лѣнтяй я порядочный, но лѣнтяй не отъ природы. Въ классической гимназіи я занимался очень хорошо, а въ военной бросилъ заниматься только въ старшихъ классахъ, и то оттого, что не стоило трудиться изъ удовольствія быть прапорщикомъ артиллеріи. Дядя самъ не разъ мнѣ это доказывалъ. Е. К. положительно предсказалъ, что меня за неспособность исключатъ изъ военной службы, а если и не исключатъ, такъ будутъ смотрѣть, какъ на никуда негоднаго офицера. Всѣ мои знакомые офицеры подтверждаютъ, что мнѣ служить въ военной службѣ не стоитъ, и что успѣхъ въ ней зависитъ отъ такихъ качествъ, которыхъ во мнѣ нѣтъ. Что же ждетъ меня тамъ? Куда я иду? На что убиваю свои силы и способности? Мнѣ ли быть военнымъ?

Если все, что я пишу и что написалъ, почему-нибудь ошибочно, глупо, невозможно и нечестно — вина не моя. Здоровой жизни и здоровыхъ мыслей для меня нѣтъ, пока меня душитъ моя болѣзнь, а чтобы она меня оставила — необходимъ какой-нибудь большой переворотъ въ моей судьбѣ, необходимо, чтобы мнѣ стоило жить. А жить для военной службы — не стòитъ.

Ко всему тому, что здѣсь написано, можно отнестись двояко: или съ недоброжелательностью, или позабывъ и простивъ всѣ рѣзкія слова, которыя сказала моими устами моя болѣзнь, съ участіемъ.

Я не хотѣлъ бы, чтобы слова мои были истолкованы въ дурную сторону, чтобы вы видѣли въ нихъ угрозу и упрекъ.

Упрекнуть, собственно, я могу только въ одномъ, — въ томъ, что вы мнѣ никогда и ни въ чемъ не вѣрили. Что же касается до угрозы, то я о ней и не думалъ. Говоря, что я застрѣлюсь, я хотѣлъ только показать, насколько серьезно мое горе. Виноватъ ли я, что жизнь для меня становится невыносимой: болѣзнь и эта проклятая военная служба гнетутъ и мучаютъ меня! Силъ больше нѣтъ!..

Я обращаюсь къ вамъ съ полнымъ довѣріемъ, я открываю передъ вами всю душу: не оттолкните же меня и не оскорбляйте опять этимъ гадкимъ словомъ „комедія“. О, я его хорошо запомнилъ и никогда не забуду, не по злости, нѣтъ, а потому, что въ немъ причина многихъ моихъ мученій и страданій. Если то, о чемъ я прошу васъ — невозможно, откажите мнѣ помягче, безъ вражды! Пожалѣйте меня, — вѣдь вы все-таки ко мнѣ ближе всѣхъ на свѣтѣ. А я постараюсь какъ-нибудь жить.

Какъ извѣстно, просьба не была исполнена. С. Я. Надсонъ поступилъ въ Павловское военное училище и все-таки нашелъ въ себѣ силы — остался жить.

Издат.

Сплю, — но сердце мое чуткое не спитъ!..

А. Мей.

7 октября 1880 г. Вторникъ. Довольно трудно писать исторію своей жизни, не живя, а я именно принимаюсь за эту работу. Я не живу, по крайней мѣрѣ не живу такъ, какъ хотѣлось бы жить.

Я съ ранняго дѣтства помню въ себѣ одну черту, которую, впрочемъ, не знаю, сумѣю ли формулировать. Если мнѣ дарили,

напримѣръ, игрушку, то я, и не играя ею и забывъ о ней, испытывалъ какое-то особенное чувство — обладанія вещью. Я помню, что на другой день послѣ подарка я даже просыпался съ этимъ чувствомъ, и мнѣ стоило нѣкоторыхъ усилій памяти и анализа, чтобы припомнить его причину. Но это продолжалось до тѣхъ только поръ, пока на игрушкѣ не было ни одной царапины. Стоило мнѣ только немного ее испортить, — и все обаяніе исчезало: цѣльность наслажденія нарушалась воспоминаніемъ о порчѣ. Впослѣдствіи то же чувство прилагалось мною въ разныхъ случаяхъ жизни, переходя въ другія, болѣе сложныя формы; общей формулой его можно выразить такъ: предметъ или обстоятельство имѣли и имѣютъ для меня цѣну до перваго разочарованія, какъ бы оно мало ни было. Стòитъ мнѣ подмѣтить въ человѣкѣ, котораго я ставилъ на пьедесталъ (отъ этой привычки я до сихъ поръ не отвыкъ) и который дѣйствительно заслуживаетъ полнаго уваженія, какую-нибудь мелочь, но мелочь не симпатичную мнѣ, — и все обаяніе исчезаетъ: въ моихъ глазахъ онъ дѣлается равнымъ массѣ, толпѣ и слѣдовательно — нулю. (Однако видно, что я вчера сдавалъ репетицію по математикѣ). Итакъ, цѣльность моего представленія о предметѣ можетъ нарушить самый пустякъ, самая мелочь, — но нарушить безвозвратно.

Я могу цѣнить красоту дѣвушки, пока не замѣчу, что у нея неровно остриженъ ноготь: разъ я это увидѣлъ, и разъ это подѣйствовало на меня непріятно, — кончено! Для меня красоты не существуетъ, для меня существуетъ одинъ только этотъ неровно остриженный, непріятно рѣжущій глазъ, ноготь. Съ перваго раза это можетъ показаться смѣшнымъ и страннымъ, но, вдумавшись, я выяснилъ себѣ причину и провѣрилъ ее на опытахъ. Дѣло въ томъ, что я люблю во всемъ только первый номеръ, посредственность для меня невыносима, — посредственность — грубый и самодовольный застой, а я дорожу стремленіемъ къ вѣчному усовершенствованію, къ идеалу. Изъ этого я заключаю, что я идеалистъ во всемъ, даже въ мелочахъ и пустякахъ.

Все это наговорилъ я затѣмъ, чтобы выяснить, почему я такъ смотрю на свою жизнь: я могъ радостно ощущать въ себѣ чувство бытія только до тѣхъ поръ, пока на жизни моей не было ни одного пятна, пока я вѣрилъ, именно вѣрилъ въ красоту дѣвушки, пока не замѣтилъ этого ногтя. Но мало-по-малу зеркало моей жизни (выражаюсь карамзинскимъ стилемъ) потускнѣло и загрязнилось, отношенія запутались, разочарованія за разочарованіями — и жизнь потеряла для

меня всю прелесть: цѣлость наслажденія нарушена, и все пропало.

Каждый разъ, какъ я принимаюсь за анализъ, я чувствую себя все сильнѣе и сильнѣе въ немъ. Хорошо ли это? Итти ли по этой дорогѣ? Я ужъ испыталъ всю сладость честной мысли, наблюденія и анализа — и мнѣ страшно за себя, я боюсь въ концѣ концовъ прійти къ очень ужъ страшнымъ и безотраднымъ для себя выводамъ. Но лучше самая скверная правда, чѣмъ самый радужный обманъ, да наконецъ эти страданія мнѣ льстятъ: они — благородныя страданія, они меня выдѣляютъ изъ этой добродушно-глупой или животно-злой, но всегда слѣпой, близорукой и склонной къ самообману толпы.

---

9 октября 1880 г. Я до сихъ поръ не сказалъ, гдѣ я и что̀ я! Я въ Петербургѣ, въ Павловскомъ военномъ училищѣ и силюсь изобразить изъ себя „исправнаго юнкера“, какъ выражается мой товарищъ Голиковъ. Живу я жизнью очень смутною и сомнительною, такъ что иногда забываю, что живу: цѣлый день занятъ, — и занятъ преимущественно пустяками. Я не говорю уже о строевыхъ занятіяхъ, на которыхъ я, вооруженный ружьемъ, которое еле могу сдержать, и выпячивающій до невозможности глаза на ротнаго командира, чтобъ выразить мое усердіе „къ службѣ“, представляю довольно-таки плачевную карикатуру юнкера, настолько плачевную, что начальство, находясь въ игривомъ настроеніи духа, милостиво изволило ткнуть меня сегодня въ животъ и сказать мнѣ, что я „невозможенъ“. Но и сами лекціи, сами эти, такъ называемыя военныя науки и ихъ жрецы—капитаны, штабсъ-капитаны и другіе воинскіе чины, — что̀ это за безсердечная ерунда и что̀ это за коллекція наивныхъ людей! Хотя бы, напримѣръ, мой взводный командиръ: человѣкъ онъ безспорно неглупый и недурной, вообще онъ кажется хуже, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ, и видитъ въ этомъ какой-то особенный шикъ,—но какъ этотъ неглупый и незлой человѣкъ можетъ опуститься до такой степени, чтобъ покупать популярность среди юнкеровъ невозможными, невѣроятными сальностями! И вѣдь онъ человѣкъ женатый и семейный. Какъ этотъ неглупый и незлой человѣкъ можетъ хладнокровно выставлять на позоръ цѣлой роты несчастныхъ юнкеровъ, не находящихъ въ себѣ ни силы ни ловкости, чтобъ ловко дѣлать ружейные пріемы! Да и какъ наконецъ самъ онъ можетъ дѣлать ихъ ежедневно и обучать имъ другихъ съ полной увѣренностью, что онъ дѣлаетъ дѣло и исполняетъ свой долгъ! Развѣ же это не наивно?

По наукамъ я иду хорошо. Какъ и всегда, меня нѣсколько подкузьмила математика, а именно — я получилъ 7, но зато по остальнымъ предметамъ баллы, къ моему удивленію, очень и очень порядочные: по нѣмец. у меня 9, по химіи 10, по тактикѣ 11 и по русск. яз. 12. Меня интересуетъ, какъ я буду учиться, дѣйствительно работая.

Да, впрочемъ, въ училищѣ больше нечего и дѣлать, какъ учиться.

---

7 октября 1880 г. Положительно нѣтъ времени писать: прошлый разъ взялъ-было тетрадь на тактику, — явилось начальство и сѣло со мной рядомъ, и я, для отвлеченія его подозрѣній, принужденъ былъ измазать двѣ страницы разной ерундой. Я предвижу, что два года, проведенные мной въ училищѣ, придется совершенно исключить изъ жизни: это будетъ два года изученья военныхъ наукъ да маршировки.

Вокругъ меня, съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ, произошло много перемѣнъ, очень крупныхъ: Марья Арсеньевна (опять ея имя на страницахъ дневника) вышла замужъ тотчасъ же послѣ того, какъ арестовали Григорія Васильевича. Григорій Васильевичъ помѣшался. Отъ дальнѣйшихъ комментарій повоздержусь. Мар. Арс. я не видѣлъ около двухъ лѣтъ, да и не хочу видѣть: она профанируетъ святость воспоминанія первой любви.

Михаилъ Михайловичъ женился, Софья Степановна умерла, Мишу исключили изъ гимназіи. Жизнь точно нарочно старается доказать мнѣ, какъ все пошло и гадко въ ней. Женитьба Михаила Михайловича — развязка моего знакомства съ Дешевовыми. Мнѣ дико и странно вспоминать то впечатлѣніе, которое они производили на меня: это было нечеловѣческое, неземное впечатлѣніе; обаяніемъ рая вѣяло отъ него, — и разрѣшилось все такъ пошло, такъ мерзко! Я видѣлъ теперешнюю жену Михаила Михайловича и нашелъ, что она — самая невыдающаяся, самая обыкновенная женщина: ничего дурного и ничего хорошаго; и эта-то обыкновенность послѣ необыкновенности Софьи Степановны, эта безличность, замѣнившая, хоть, можетъ-быть, и странную, но геніальную женщину (да, именно геніальную), меня убиваетъ, подавляетъ, отталкиваетъ!.. Да, странная исторія — исторія моего знакомства съ Дешевовыми.

Только теперь, послѣ женитьбы Михаила Михайловича, я вѣрю, что Наташа умерла. Послѣдняя горсть земли и тяжелый камень навалены на ея могилу этой позорной женитьбой... О Михаилѣ Михайловичѣ ходятъ дурные слухи и грязныя сплетни.

между прочимъ, я слышалъ ихъ изъ устъ Эвальда, котораго уважаю и къ которому расположенъ. Но Эвальдъ, можетъ-быть, распространяетъ ихъ съ досады, что Мих. Михайловичъ женился на Л., а не на старой дѣвѣ, его родственницѣ! О, Боже мой, Боже мой, какъ все это гадко и грязно! Зато Наташа, милая, святая Наташа, воспоминаніе о которой до сихъ поръ вызываетъ слезы на мои глаза, сіяетъ попрежнему, окруженная немеркнущимъ ореоломъ. У Васи на столѣ стоитъ ея карточка, и съ тѣхъ поръ я не могу войти въ его комнату безъ благоговѣнія, — благоговѣнія, которое и теплѣе и искреннѣе, чѣмъ то, которое я испытываю, входя въ храмъ. Я чуть-было не отличился, не разрыдался, когда былъ у Михаила Михайловича: вошелъ я въ знакомую мнѣ переднюю, а оттуда въ бывшую комнату Софьи Степановны — и меня сразу охватило горячее воспоминаніе прошлаго: въ этой самой комнатѣ мы не разъ сидѣли съ Наташей въ послѣднее время нашей дружбы. Въ этой самой комнатѣ меня, одинокаго и заблудившагося безъ любви и участья, приласкала Софья Степановна. Въ этой самой комнатѣ читалъ я Дешевовымъ „Демона“. Въ этой самой комнатѣ Наташа радостно объявила мнѣ, что первое мое стихотвореніе напечатано. Милая, она такъ радовалась! А теперь: жена, новая жена (фу, какъ это дико и гадко!) Мих. Мих. при другихъ и для другихъ цѣлуетъ его, конечно, не любя: она молоденькая женщина, а онъ недолго проживетъ. Вспомнить тотъ рай и увидѣть, что ангеловъ въ немъ нѣтъ, что люди съ ихъ ложью и пошлостью живутъ подъ этимъ знакомымъ небомъ, въ тѣни тѣхъ же райскихъ кустовъ — и такъ и шевелится въ груди горькое проклятіе!

Я завидую Васѣ: онъ ничего этого не испытываетъ. Впрочемъ, онъ давно уже мнѣ не симпатиченъ въ высшей степени. Странное дѣло: знакомство съ Дешевовыми повліяло на насъ совершенно различнымъ образомъ: я сталъ гораздо лучше, чѣмъ былъ, онъ гораздо хуже. Достаточно упомянуть, что онъ теперь сейчасъ даже красится, что эгоизмъ и скупость свою довелъ до колоссальныхъ размѣровъ, что и въ немъ и въ Катѣ развилась какая-то смѣшная жадность, заставляющая ихъ завидовать всему и стараться присвоить себѣ все, что̀ имъ попадется на глаза.

Вася сталъ въ своей комнатѣ все запирать, неизвѣстно отъ кого. Э, да что̀ и толковать: предскажу навѣрное: тетя рано или поздно будетъ жестоко наказана за тѣ ошибки въ воспитаніи, которыя она сдѣлала. Самой тети я тоже не узнаю: въ ней появилась какая-то дикая заносчивость. О скупости я не говорю — она въ крови у всѣхъ нихъ. Анто-

нина Васильевна, которая всегда была мнѣ такъ симпатична, тоже неузнаваема. Школа Болеслава Ивановича сказалась въ совершенствѣ: взгляды Антонин. Вас. цѣликомъ заимствованы изъ его помѣшанной головы. Одинъ Зуевъ держится и попрежнему мнѣ симпатиченъ, хотя я и его перестаю понимать. А вокругъ — никого, пустыня, мертвая пустыня! Неужели же и я отступлю?

---

18 октября. Суббота. Я не знаю, что̀ со мной дѣлается. Куда-то я рвусь, чего-то хочу и ищу, а чего — и самъ не знаю. Литература не приноситъ мнѣ больше ни крупныхъ тревогъ ни крупныхъ радостей, вокругъ пусто, мертво, безсодержательно!..

Вчера я ходилъ въ отпускъ. Тетя просила Васю сходить къ Н. Н., и мнѣ тоже захотѣлось уйти куда-нибудь изъ дома, такъ какъ портретъ Наташи, стоящій у Васи на столѣ и вызывающій во мнѣ живое воспоминаніе о невозвратномъ прошломъ, доставилъ мнѣ много мучительныхъ минутъ. Давно я не былъ у Н. Н. Онъ меня встрѣтилъ съ тѣмъ же озабоченнымъ видомъ, которымъ всегда отличался, и трижды облобызалъ (что̀ я счелъ совершенно лишнимъ, такъ какъ это лобызаніе было совершенно неискренне: какая ему радость видѣть меня?). Я сличилъ его съ Ѳ. и подумалъ: „рыбакъ рыбака видитъ издалека".

Выплыла Сонечка — она стала большой барышней. Кончила пансіонъ, попала „въ невѣсты". Она недурна собой, но уродуетъ себя манерничаньемъ и какой-то невозможной прической. Во все время нашего разговора она старалась изобразить милаго котенка, граціозно откидывалась на спинку кресла и бродила взорами по потолку. Н. Н. возбудилъ только мою жалость: вѣдь онъ и не глупъ и очень добръ, а такъ глупо поставилъ себя и свою семью. Между прочимъ, мнѣ понравилась его наивность: онъ собирается ѣхать за границу съ подпоручикомъ Ѳ., а подпоручика начальство не отпускаетъ. Н. Н. знаетъ это, какъ никто другой, но въ воображеніи его встаетъ слѣдующая сцена: великодушный благодѣтель-дядя спасъ отъ голодной смерти своего племянника. Племянникъ былъ опредѣленъ въ гимназію, потомъ въ училище и наконецъ вышелъ „въ люди", т.-е. въ подпоручики россійской арміи. Очевидно, что онъ весь проникнутъ благодарностью къ высокому покровителю, даже, можно сказать, сквозитъ благодарностью. Но высокій покровитель на этомъ не останавливается: онъ желаетъ довершить сдѣланное и везетъ благодарнаго подпоручика за границу, гдѣ сановникъ-дядя и

молодой русскій офицеръ-племянникъ само собой будутъ производить фуроръ и восторгъ. Не правда ли, трогательно? Трогательно-то трогательно, жаль, что неправдоподобно; но Н. Н. выше подобныхъ пустяковъ: картина красива, — и для него этого совершенно довольно: онъ забываетъ прошлое, забываетъ, какого былъ онъ мнѣнія о своемъ благодарномъ, благонравномъ племянникѣ, и, захлебываясь отъ сознанія своей „благодѣтельности", сразу входитъ въ роль. Практическій подпоручикъ заранѣе угадываетъ планъ того сценическаго произведенія, которое возникло въ почти-что министерской головѣ дядюшки, и тоже входитъ въ роль благодарнаго племянника— и, къ обоюдному ихъ удовольствію, оба они надуваютъ „сами себя и другъ друга" съ безмятежнымъ и вѣрнымъ успѣхомъ. Точно то же касательно и другихъ прошлыхъ, настоящихъ и будущихъ приживальщиковъ: великодушный русскій сановникъ покровительствуетъ талантливой молодежи. Н. Н. въ этой пьесѣ завладѣваетъ ролью сановника, а роли талантливой молодежи распредѣляются поочередно между двумя бездарными актеришками и однимъ прапорщикомъ русской артиллеріи. Joli? Еще бы, очень joli. У великодушнаго сановника такая красавица жена, что молодой русскій прапорщикъ не можетъ сдержать своего юношескаго, чистаго и благоговѣйнаго восторга.

На дѣлѣ практичный молодой человѣкъ ухаживаетъ за женой своего покровителя, надѣясь ея вліяніемъ удержаться при Н. Н. въ типѣ приживальщика. Въ свою очередь Н. Н. очень радъ, что нашелся хоть одинъ безвкусный дуракъ, который можетъ ухаживать за его супругой. И какъ все это наивно дѣлается, Господи!

---

22 октября. Среда. Вчера я ходилъ въ отпускъ и убѣдился, что мнѣ дома скучнѣе, чѣмъ въ училищѣ: я уже теперь не въ училищѣ мечтаю объ удовольствіи быть дома, а дома — объ удовольствіи вернуться въ училище. Впрочемъ, совсѣмъ не бывать у тети я не могу: мнѣ нужно успокоить свой глазъ на изящной обстановкѣ, вырваться изъ тѣснаго круга училищныхъ интересовъ, подумать о чемъ-нибудь другомъ, побренчать на фортепьяно и... и поѣсть хорошенько, такъ какъ въ училищѣ кормятъ въ высшей степени отвратительно. Я, какъ кошка, привязанъ не къ людямъ, но къ мѣсту, и виноваты въ этомъ только они.

У меня ужасно сильно чувство изящнаго: безъ изящнаго я жить не могу: недостаетъ чего-то. Этимъ я объясняю то впечатлѣніе, которое производитъ на меня балъ и все напо-

минающее балъ: я говорю это по поводу вчерашняго вечера. Сидѣлъ-сидѣлъ я послѣ обѣда дома и наконецъ не вытерпѣлъ, — взялъ и ушелъ въ училище: мочи не стало: тетя спитъ, дядя спитъ, Дарья Васильевна нездорова и спитъ, Кати и Васи нѣтъ дома, я одинъ. Господи, да это не жизнь, а спячка какая-то. Какъ Вася можетъ это выносить ежедневно? Впрочемъ, Вася и самъ постоянно спитъ послѣ обѣда. Онъ не протестуетъ, такъ какъ душа его большаго ничего и не требуетъ. Ну и пусть себѣ они спятъ! Прихожу въ училище и узнаю, что послѣ чая будетъ въ залѣ музыка и танцы (т.-е. желающіе юнкера могутъ танцовать другъ съ другомъ), и, къ моему удивленію, я провелъ вечеръ очень весело: не танцы собственно прельщали меня, а тѣ грезы, которыя они мнѣ навѣвали. Невольно вспоминалось:

Какъ новый вальсъ хорошъ... въ какомъ-то упоеньи
Кружилась я...

Мнѣ чудилась наша же училищная зала, но залитая огнями и увѣшанная гирляндами цвѣтовъ, чудились звуки дивной, вакхически-увлекательной музыки и толпа хорошенькихъ женщинъ въ изящныхъ туалетахъ. Мнѣ слышался, пересыпанный желчью и солью, свѣтскій разговоръ, легкій и блестящій, запахъ духовъ, оживленный смѣхъ и говоръ...

---

24 октября 1880 г. Суббота. Вчера былъ въ отпуску: ходилъ въ редакцію и никого не нашелъ тамъ за исключеніемъ барыни, которую мы съ Васей немедленно окрестили прозвищемъ литературной болонки. Ужасно скучно. Отдалъ Иванову свое стихотвореніе „Томясь и страдая“, которое и будетъ помѣщено въ „Русской Рѣчи“ за декабрь, подъ его фамиліей. Въ „Словѣ“ дѣла мои идутъ хорошо. Занятія начинаютъ надоѣдать: въ понедѣльникъ у насъ отвратительная математика, а я не могу похвастаться, чтобъ сдѣлалъ что-нибудь. И вообще больше писать не стоитъ да и не о чемъ.

ОТДѢЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ ИЗЪ ЧЕРНОВЫХЪ ТЕТРАДЕЙ.

1 ноября 1881 г. Мнѣ переданъ былъ лестный отзывъ А. Плещеева о моихъ стихахъ. 5 ноября я прочелъ въ 10 № „Будильника" отзывъ о моихъ стихахъ: „Что̀ хорошо, то хорошо, а стихи № 1 „Слова" всѣ, случайно или нѣтъ, прекрасны. Особенно хороши стихи Надсона съ Кавказа"... и т. д...

---

2 января 1882 г. Я знакомъ съ Плещеевымъ; стихи мои: „О любви твоей", „Завѣса сброшена" и „Какъ бѣлымъ саваномъ покрытыя снѣгами"—будутъ напечатаны въ январѣ 1882 въ „Отеч. Запискахъ". Плещеевъ далъ мнѣ на память свою карточку съ надписью. На-дняхъ въ одномъ изъ №№ „Иллюстрированнаго Міра" за февраль я нашелъ стихи В. Миронова, посвящені мнѣ.

---

10 сентября 1882 г. И вотъ я офицеръ. Жизнь безпріютная, жизнь одинокая началась для меня. Богъ вѣсть къ чему, и страхомъ сжимается мое сердце на порогѣ этой жизни. Цѣли нѣтъ, смысла нѣтъ, возможности счастья и удовлетворенія тоже нѣтъ,—есть тоска и тоска. Нѣтъ, не умереть—малодушно, а тянуть дальше эту безсмысленную комедію, отъ которой равно скучно и зрителямъ и актеру. Или я все еще жду чего-нибудь? Сердце глупое, смолкни ты, окаменѣй, отчайся—ничего нѣтъ, все дымъ... чепуха!..

---

18 сентября 1882 г. Сегодня первый день моей самостоятельной жизни,—и не скажу, чтобы онъ возбуждалъ во мнѣ отрадныя впечатлѣнія: все такъ, какъ я объ этомъ мечталъ когда-то; я совершенно независимъ, у меня уютная комната, на столѣ—любимыя книги. Я живу въ семьѣ. Ясные дѣтскіе глазки сверкаютъ предо мной. Десятилѣтняя дѣвочка Маня,

очень хорошенькая, разсказываетъ теперь за дверью сказку Вагнера „Дядя Пудъ“, которую только-что прочелъ я ей и ея маленькимъ брату и сестрѣ при мерцающемъ блескѣ свѣчи. Заперты ставни; налѣво отъ стола—полка съ книгами. Въ углу, передъ образàми, теплится лампадка, а на этажеркѣ—карточка незабвенной Наташи. Только-что отшумѣлъ самоваръ и смолкъ. Старшая дочь Краснова сейчасъ кончила урокъ на фортепьяно. Старая собака вошла ко мнѣ въ комнату и совершенно неожиданно для меня стала „служить“. Я ей далъ кусокъ калача, и она, изъ вѣжливости помахавъ хвостомъ, удалилась. Ахъ, какъ все это было бы хорошо, если бъ не было много дурного.

Начнемъ съ того, что̀ произвело на меня наиболѣе тяжелое впечатлѣніе. Я уѣхалъ изъ Петербурга вчера, въ четыре часа. Вальбергъ, который пришелъ проводить меня на пристань, познакомилъ меня съ прапорщикомъ моего полка (148 Каспійскаго). Что̀ это за человѣкъ? Этимъ вопросомъ не стоило и задаваться. *** порядочнѣе и опрятнѣе . . . . (правда, онъ только мѣсяцъ, какъ офицеръ), но въ нравственномъ отношеніи это полнѣйшая ничтожность. Съ пристани мы отправились искать гостиницы, и я помѣстился въ грязномъ „Парижѣ“, гдѣ, хотя за номеръ я платилъ 2 рубля, все оказалось весьма скромнымъ. Вечеромъ меня *** повелъ въ „офицерское собраніе“.

Какъ ни мало ожидалъ я отъ „собранія“, но то, что я увидалъ, превзошло всѣ ожиданія.

Обстановка „клуба“, съ закоптѣлыми стѣнами, съ оборванными обоями, съ потертымъ сукномъ бильярда, съ какой-то стойкой, украшенной „закусками“ и обильно налитой водкой,— сама эта обстановка производитъ страхъ Это . . . . грязный, дрянной, еле освѣщенный. Гамъ, шумъ, ругань, оранье пѣсенъ пьяными голосами, засаленные мундиры и вся грязь „души на распашку“, — Господи, да куда же наконецъ я попалъ? Въ ушахъ моихъ до сихъ поръ стоитъ возгласъ пьянаго самарскаго майора: „мейнъ либе Саша, Александръ“,— возгласъ, который онъ распѣвалъ на всевозможные тоны все время, пока я былъ въ „собраніи“. Но всего невѣроятнѣе оказалась одна ужаснѣйшая личность, — личность, даже трагично-ужасная. Когда я вошелъ въ ту комнату „собранія“, гдѣ помѣщается . . . . . стойка, то прежде всего взоры мои упали на одну странную фигуру: человѣческое существо это было лишено физіономіи въ строгомъ смыслѣ этого слова: вмѣсто лица я видѣлъ что-то красное, растрепанное, волосатое. Два глаза горѣли пьянымъ блескомъ сквозь тусклыя

очки на угреватой кожѣ. На фигурѣ этой былъ надѣтъ невозможно засаленный мундиръ Самарскаго полка съ грязнымъ, когда-то бѣлымъ воротникомъ и безъ погонъ. При представленіи меня другимъ офицерамъ и эта страшная преждевременно-старческая физіономія протянула мнѣ грязную руку и тотчасъ же обратилась съ просьбой о папиросѣ къ своему сосѣду. Сосѣдъ съ видимой неохотой исполнилъ эту просьбу. Потомъ, когда я сказалъ нѣсколько необходимыхъ словъ и пьяный старикъ въ совершенствѣ осмотрѣлъ меня, а я, воспользовавшись случаемъ, удралъ въ уголъ и сталъ оттуда наблюдать, К** (фамилія этой фигуры) подошелъ ко мнѣ съ приторно-сладкой улыбкой и спросилъ меня, откуда я поступилъ въ полкъ.

Я сказалъ.

— Ахъ, очень радъ,—отвѣтилъ онъ мнѣ,—я самъ изъ Константиновскаго училища, а теперь... видите? (и онъ развелъ руками). Что̀ дѣлать?... Роту обокралъ... Я былъ ротнымъ командиромъ въ Самарскомъ полку, не выдавалъ солдатамъ чего слѣдуетъ, упекли подъ судъ, и вотъ...

И онъ пытливо взглянулъ на меня изъ-подъ очковъ. Не зная, правда это или пьяная откровенность, я чувствовалъ себя очень неловко и не находилъ словъ для отвѣта...

Усталъ, допишу въ другой разъ. Пока я писалъ, вошла ко мнѣ Маня и попросила у меня книгу сказокъ. Я ей далъ, и она читаетъ ее за стѣной. Милая дѣвочка...

---

19 сентября 1882 г. Воскресенье. Кронштадтъ. Вновь вечеръ, теплится лампадка и мерцаетъ свѣча на моемъ столѣ, а я сижу за своей тетрадью. Запишу сначала впечатлѣнія сегодняшняго дня. Пока дневникъ мой идетъ туговато: я отвыкъ, но, вѣрно, со временемъ перо разойдется.

Проснулся я скорѣе рано, чѣмъ поздно, часовъ около девяти. Солнечный лучъ билъ сквозь щель моей ставни и обѣщалъ свѣжій осенній денекъ. Явился денщикъ Семенъ со своимъ глупо-усерднымъ видомъ и принялся надоѣдать мнѣ своими чрезмѣрными услугами. Былъ въ полковой канцеляріи и въ собраніи, гулялъ по Кронштадту (я гулялъ!!!), искалъ моря, но такъ и не нашелъ и вечеромъ познакомился съ двумя... ну, хоть барышнями, но только кронштадтскими. Обѣ онѣ, конечно, не произвели на меня ни тѣни какого-нибудь впечатлѣнія. Вечеромъ я былъ у хозяевъ вмѣстѣ съ пришедшимъ ко мнѣ В. Съ дѣтьми моихъ хозяевъ я ознакомился въ совершенствѣ и сейчасъ только кончилъ повторенье уроковъ съ маленькимъ Колей. Славныя дѣти. Однако

больше я не буду сегодня писать. Да и стоитъ ли труда К... описывать. Странно, дневникъ у меня выходитъ ужасно блѣдный.

---

28 сентября 1882 г. „Изъ записокъ жильца маленькой комнаты“. Я такъ привыкъ жаловаться на свою судьбу, что теперь положительно обезкураженъ,—даже скажу больше,—разочарованъ.

Полкъ, куда закинулъ меня случай, оказался, несмотря на то, что онъ принадлежитъ къ арміи, далеко не такимъ ужаснымъ, какъ я воображалъ раньше, за стѣнами училища, а моя жизнь пока положительно мнѣ нравится. Маленькій приморскій городокъ К., съ его деревянными домами, карикатурными вывѣсками и патріархальными нравами, повѣялъ на меня свѣтомъ и теплотой моего ранняго дѣтства, которое тоже прошло въ провинціи. Люблю я низенькія комнаты съ занавѣсками изъ пожелтѣлой отъ времени кисеи, затворяющіяся на ночь ставни, миганіе лампадки, зажженной набожной рукой моей старушки-хозяйки предъ огромнымъ, почернѣлымъ образомъ Христа (сегодня суббота), люблю стараго и лѣниваго хозяйскаго кота, который иногда, беззвучно отворивъ мою дверь, входитъ ко мнѣ подремать предъ теплящейся печкой, люблю пѣніе самовара на столѣ и звонкій дѣтскій смѣхъ вокругъ меня. Жизнь моя обставилась пока совершенно такъ, какъ я мечталъ и какъ пишутъ въ книгахъ, а между тѣмъ это не мечты и не книги, а жизнь. А какъ радостно и живо во мнѣ сознаніе моей новоиспеченной самостоятельности, какъ весело вхожу я въ комнату, зная, что за нее плачу я, моими собственными, мной заработанными деньгами. Денщика я, право, готовъ былъ расцѣловать за то, что онъ—мой денщикъ.

Я хотѣлъ - было начать мой новый дневникъ словами: „жизнь одинокая, жизнь безпріютная началась для меня“,— и не началъ, боясь солгать: это ужъ говоритъ много о моемъ настроеніи духа. Куда дѣлась моя рефлексія, куда дѣлась моя печаль, моя привычка жаловаться? Оглянешься назадъ, на время моего воспитанья и первыхъ литературныхъ попытокъ (подчасъ очень тяжелое время), и все пережитое, всѣ его мученья, тревоги и борьба—кажутся сномъ или болѣзненнымъ вымысломъ. Къ чему задаваться мудреными вопросами, когда сама жизнь вокругъ такъ проста? Чего желать, когда сердцу такъ покойно и тепло? Страшно мнѣ какъ-то за мое теперешнее „мажорное“ настроеніе духа, очень ужъ оно мнѣ не въ привычку.

Но, однако, прелюдія кончена, станемъ „на почву фактовъ", какъ говорилъ мой учитель исторіи, и не будемъ „заниматься пустымъ языкошлепствомъ", какъ нерѣдко писалъ на поляхъ моихъ сочиненій учитель словесности. Гдѣ я, что̀ я, какъ я?.. Со страхомъ и тревогой выѣзжалъ я изъ столицы въ провинціальную глушь. Небольшой кругъ моихъ литературныхъ друзей отпѣвалъ меня, какъ мертвеца, да и въ моей душѣ я тоже не молебенъ служилъ. Я любилъ Петербургъ, любилъ его за все: за „бѣлыя ночи" Достоевскаго, ему посвященныя, за стихотворенія Некрасова, пѣвшія о немъ, за красоту его въ морозные дни, за мои первые лавры (какъ громко!), за уютную комнату маститаго поэта и восторги, пережитые въ ея стѣнахъ, за мою первую, гимназическую любовь, полную поэзіи и чистоты (я влюбленъ былъ въ образъ ангела съ пепельными волосами), и за многое другое, чего не перечтешь, но что̀ освѣщено тѣмъ особеннымъ, привлекательнымъ свѣтомъ, который даютъ воспоминанья даже и темнымъ годамъ жизни. Даже природа Петербурга, даже его туманы были мнѣ дороги, потому что и къ нимъ, навѣрно, прицѣплялось какое-нибудь едва уловимое воспоминаніе,—провинція же пугала меня. Армія, глушь, маршировка и пьянство—послѣ того, какъ я побывалъ въ обществѣ людей, чьи имена извѣстны всей Россіи и которые ведутъ ее впередъ и двигаютъ ея сознанье,—переходъ, конечно, не маленькій. Пугала меня также и моя полнѣйшая житейская неопытность, и боязнь первыхъ офиціальныхъ шаговъ въ новомъ положеніи, но все обошлось благополучно: товарищи меня приняли радушно, полковникъ оказался добрѣйшимъ человѣкомъ, а случай привелъ меня прямо къ Савельевымъ, прямо въ ту добрую комнату, въ которой сижу я теперь и пишу дневникъ. Разскажу подробнѣе, какъ я попалъ сюда...

. . . .

---

30 сентября 1882 г. Сейчасъ я разобралъ мои старые дневники,—и снова дрогнуло мое сердце, снова всталъ предо мною образъ Наташи и повѣяло прошлымъ. Господи, что̀ жъ это? Все святое уходитъ,—остается одна проза, одна скука жизни. Сливаешься съ толпой, идеалъ блѣднѣетъ, перестаетъ быть необходимымъ, какъ воздухъ, становится чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ жизни, какимъ-то миражемъ... А въ прошломъ—какія святыя мгновенья, какая святая любовь! Наташа, Наташа, если бъ я могъ кровью сердца написать тебѣ этотъ возгласъ, я бы написалъ: приди и спасай! Всѣ струны души зовутъ къ тебѣ, о, моя дорогая!.. Гдѣ ты, гдѣ ты? слышишь ли

ты меня? Къ чему любовь?.. Любить кости, трупъ, съѣденный червями? О, жизнь, насмѣшка надъ человѣкомъ!

---

2 октября 1882 г. Суббота. Я долженъ преодолѣть свою лѣность и записать впечатлѣнія одного вечера.

Было это третьяго дня, т.-е. 30 сентября. Въ 4 часа уѣхалъ я изъ Кронштадта на пароходѣ, а около 7 былъ уже у Плещеева. Онъ собирался на торжественное засѣданіе Пушкинскаго кружка, и я заѣхалъ за нимъ, чтобы отправиться вмѣстѣ.—„Терпѣть не могу разныхъ этихъ чтеній,—ворчалъ Плещеевъ,—изволь одѣваться въ свѣтозарныя одежды, взбираться на каѳедру, а читая, все оглядывайся да берегись, ибо въ стихахъ каждое слово теперь взвѣшивается на вѣсахъ благонадежности“. Я былъ нѣсколько взволнованъ, и не мудрено: между прочими номерами Плещеевъ долженъ былъ читать и одно мое стихотвореніе („Изъ дневника“—„Отечеств. Записки“. Сентябрь). Наконецъ пріѣхали, поднялись по лѣстницѣ, и я сейчасъ же сдѣлалъ два новыя литературныя знакомства: съ Лихачевымъ и Альбовымъ. Меня потащили въ комнату участвующихъ. Тамъ я встрѣтилъ Оболенскаго, Пальма, Самуся (пѣвца) и др. участниковъ. Наконецъ Плещеевъ, какъ предсѣдатель, открылъ вечеръ торжественной рѣчью. По-моему, рѣчь ему не удалась. Первое отдѣленіе прошло бы довольно заурядно, если бъ не Минскій; его стихотвореніе „Жирондисту“ произвело эффектъ, который бы могъ быть втрое больше, если бъ онъ читалъ лучше. Закончилъ отдѣленіе Лейкинъ.

Плещеевъ долженъ былъ начать второе отдѣленіе моимъ стихотвореніемъ. Чѣмъ ближе была минута, тѣмъ болѣе росло мое волненіе. Я безпокоился, что публика не садится, что въ залѣ разговариваютъ и хлопаютъ дверьми; наконецъ Плещеевъ сталъ читать и удивилъ меня: прочелъ очень вѣрно и съ огнемъ. Раздались рукоплесканья... нѣкоторые знакомые обернулись ко мнѣ (я стоялъ сзади) и закричали: „автора!“. Публика подхватила. И, въ довершеніе моего конфуза, вышелъ Вейнбергъ, подошелъ ко мнѣ, провелъ меня мимо рукоплескавшей публики и заставилъ раскланяться съ эстрады. Меня вызвали еще разъ.

Въ этотъ вечеръ я испыталъ всѣ удовольствія успѣха. Я видѣлъ удивленные взгляды, толчки другъ друга, шопотъ... Мое имя облетало публику. Иные нарочно говорили мнѣ вслѣдъ, чтобъ я слышалъ: „какой молоденькій; прекрасные стихи, удивительные!“. Барышни томно роняли мнѣ вслѣдъ: „и какъ похожъ на Лермонтова!..“ Одна во время танцевъ

подошла и пригласила меня на кадриль, я благоразумно отказался. Члены кружка и литераторы жали мнѣ руки и знакомили съ женами и сестрами,—такимъ образомъ я познакомился еще съ Михайловскимъ, Шелгуновымъ, Минскимъ, Баранцевичемъ, съ семьей Кривенко, съ Горбуновымъ и его дочкой, съ какимъ-то гусаромъ, съ какимъ-то писателемъ Щедровымъ, съ какой-то дамой пожилой и дамой молодой, съ женой Лихачева и проч. и проч., имена же ихъ Богъ вѣси!.. За ужиномъ пили за мое здоровье; Лепочка Плещеева, Катерина Михайловна и Анна Николаевна жали мнѣ руки,—успѣхъ полный,—а въ душѣ полный сумбуръ, ощущенье чего-то пьянаго, кошмаръ какой-то и... тяжелое разочарованіе!..

Что̀ жъ это значитъ наконецъ? „Что̀ же ты любишь, дитя маловѣрное, гдѣ же твой идолъ стоитъ?“, или, проще, какого тебѣ еще рожна нужно? А между тѣмъ я не рисуюсь,—мнѣ въ самомъ дѣлѣ было грустно,—грустно до тяжести, когда уходилъ я домой, увѣнчанный моимъ успѣхомъ. Причина этому та, что отъ меня не укрылась изнанка многаго, не укрылась ложь и фразы этого вечера, не укрылось то, что всѣ подпили, что Оболенскій считаетъ меня за талантливаго дурачка и сманиваетъ очень тонко и хитро вернуться въ свою колыбель, т.-е. въ его „Мысль“, не укрылась та, если можно такъ выразиться, оргійная сторона того вечера, которая мнѣ такъ противна. Сегодня въ 2 часа, по всей вѣроятности, я избранъ въ члены кружка и вступаю въ тотъ міръ, который еще Грибоѣдовъ назвалъ въ одномъ интимномъ письмѣ „(оторвано) нашихъ литераторовъ“ и изъ котораго, какъ изъ „сумасшедшаго дома“, бѣжалъ великій честнѣйшій графъ Л. Толстой. Я вхожу въ этотъ міръ съ честной мыслью и искренностью, съ глупымъ, страстнымъ, отзывчивымъ сердцемъ, съ мальчишескимъ благоговѣніемъ передъ святыней и чистотой искусства. Скоро ли я изолгусь, какъ многіе, скоро ли угаснетъ послѣдній свѣтъ души моей—вѣра въ искусство?..

---

31 октября 1882 года. Воскресенье. Раннее утро: еще нѣтъ шести часовъ, и свѣтать еще не начинало. Пишу на дежурствѣ, въ арестантскомъ лазаретѣ, благо спать не хочется, а дѣлать нечего. Жизнь моя идетъ такъ себѣ, безъ особыхъ приключеній и огорченій. Въ литературѣ—попрежнему успѣхъ, редакторы просятъ моихъ стихотвореній наперерывъ; надо ковать желѣзо, пока горячо, а, какъ на зло, ничего не клеится. Главное, что̀ меня смущаетъ, это вопросъ: „только-то?“. Въ самомъ дѣлѣ, чего мнѣ, кажется, еще надо: сытъ, имѣю

уютный уголъ, пользуюсь успѣхомъ и успѣхомъ не заурядным,—а меня словно душитъ. Я бы сказалъ, что мнѣ слезъ хочется, хочется страсти, бурь и грозъ, и мнѣ ихъ хочется на самомъ дѣлѣ теперь, но я знаю, что настань онѣ—онѣ бы меня не удовлетворили. Теперь я, какъ Гаршинъ, спрашиваю у жизни: „только-то, и это все?“, а тогда буду спрашивать: „къ чему?“. Это—старая-старая пѣсня!

Хотѣлось бы мнѣ заболѣть, заболѣть не тяжелой, а сладкой болѣзнью: хотѣлось бы лежать въ лихорадкѣ, въ бреду, съ пылающимъ челомъ, безъ мысли и движенья, въ уютной комнаткѣ, лежать и чувствовать, какъ нѣжная, женская, холодная ручка заботливо отводитъ порой спутанные волосы съ горячаго лба, какъ прикасаются къ этому лбу едва слышнымъ, нѣжнымъ поцѣлуемъ милыя, пересохшія отъ безсонной ночи губки. Хотѣлось бы мнѣ, чтобы она была не чужою мнѣ, и не видѣніемъ, а той дѣвушкой, которую я люблю, люблю даже въ моей болѣзни, въ моей полубезсознательности. И пусть къ окнамъ прильнетъ темная ночь, пусть тихо горитъ лампа съ зеленымъ абажуромъ и мало-по-малу, краснѣя, сливается съ мутнымъ разсвѣтомъ встающаго дня. И вотъ—черный квадратъ окна сначала посинѣлъ, потомъ поблѣднѣлъ, и мягкія утреннія снѣжинки вьются и опускаются, какъ вата, на подоконникъ, я смыкаю глаза и засыпаю...

Здоровы ли эти грезы?

---

20 ноября 1882 г. Не хочется и писать, а надо же какънибудь отомстить ей, хоть здѣсь, наединѣ съ собою. Глупо и стыдно, но теперь, въ эти минуты, я влюбленъ. Я знаю, что отъ меня совершенно зависитъ, чтобы любовь моя не продлилась болѣе двухъ дней, но меня бѣситъ одно противорѣчіе ума и сердца во мнѣ, моя ничтожность... Вѣдь я все отрицаю, вѣдь жизнь для меня пустой и глупый звукъ, а я между тѣмъ влюбленъ. Что̀ же послѣ этого всѣ мои наблюденья и всѣ убѣжденья? Гдѣ ложь: въ сердцѣ или въ умѣ? Отчего жизнь для меня (и мнѣ это совершенно ясно) пустая и глупая шутка, а во мнѣ между тѣмъ копошится самолюбіе, жажда любви, жажда наслажденья этой самой жизнью? Сердце мое,—о, какая ты странная и загадочная вещь!..

---

1 декабря 1882 г. „Одинокій, потерянный“ и наивный до глупости!.. Вчера, напримѣръ, у Т** я вздумалъ высказывать имъ свои взгляды и убѣжденья, на что Екатерина Александровна сказала мнѣ, что я и самъ ною и на другихъ нагоняю тоску, а Марья Александровна мнѣ посмотрѣла въ

глаза (мы иногда съ ней такъ переглядывались) и серьезно сказала мнѣ: „вы сумасшедшій“, и, можетъ-быть, говоря безъ фразъ, положа руку на сердце, сказала правду. Впрочемъ, разговоръ этотъ былъ мнѣ полезенъ, такъ какъ я самъ для себя привелъ въ порядокъ и формулировалъ свою философію. Жизнь—и глупая и грустная шутка, но я не умираю, почему—не знаю: боюсь смерти или жду переворота въ жизни, или, и это вѣ нѣе всего, и то и другое вмѣстѣ. Но, разъ я живу, я принимаю жизнь, какъ она есть, не возвышаясь мысленно надъ предразсудками и умышленно уходя въ толпу. Et voilà tout! (Е вола ту).

Сегодня въ „Кронштадтскомъ Вѣстникѣ“, въ отчетѣ о 1-мъ музыкально-литературномъ вечерѣ Морского Собранія, написано: „Къ удовольствію слушателей, молодой поэтъ, г. Н., обратившій на себя вниманіе своими прелестными стихотвореніями, напечатанными въ нашихъ лучшихъ журналахъ, съ увлеченіемъ прочелъ одно изъ этихъ стихотвореній“.

Гм!..

---

11 декабря 1882 г. Пора наконецъ разобраться въ этомъ хаосѣ мыслей и чувствъ. Ну, положимъ, я люблю ее, по крайней мѣрѣ, она мнѣ нравится,—что же выйдетъ изъ этого? Въ лучшемъ случаѣ—страданія для обоихъ (я говорю о невозможности взаимности), въ худшемъ—для одного меня. Оборвать знакомство безъ всякаго повода трудно,—а возможно постепенно, но я на это не рѣшусь, потому что не зачѣмъ. Что жъ что страданья, зато и наслажденье ее видѣть, за которое можно заплатить страданьемъ,—а такъ будутъ одни только страданья, и что самое подлое, такъ это то, что и въ безнадежности, въ самой сокровенной глубинѣ души, таится надежда. Я знаю, что это все равно, что вѣрить въ чудо (я вѣрилъ во внезапное воскресеніе Наташи)—но не вѣрить—нельзя, свыше моихъ силъ, потому что отъ меня не зависитъ. У меня опять начались лихорадки,—умереть бы, что ли, скорѣй,—да вотъ не умираемъ!.. Впрочемъ, я уже начинаю съ логикой сумасшедшаго додумываться до той идеи, что высшее блаженство—это небытіе. Авось и додумаюсь наконецъ.

Я бы испугался смерти, но мнѣ хотѣлось бы удовлетворенія за нее, высказаться передъ нею вполнѣ, тронуть ихъ всѣхъ и ее, тронуть до отчаянія, до любви, и умереть на первыхъ, дѣвственныхъ розахъ этой любви, зная, что и на мою долю выпало въ жизни счастье. Именно удовлетворенья хотѣлось бы мнѣ! Но развѣ такое удовлетворенье возможно?

Тронуть до любви, когда любви нѣтъ! (И я не люблю, я завидую тѣмъ, кто думаетъ, что любитъ). Что̀ мнѣ дѣлать съ моимъ прошлымъ, съ памятью о Наташѣ? Воспоминаніе о ней мучаетъ меня!..

Я знаю, что черезъ день угаснетъ все,—и слава Богу!

---

20 декабря 1882 г. На этотъ разъ, кажется, въ самомъ дѣлѣ все кончено. Не знаю, умиралъ ли кто-нибудь такъ странно, какъ я умру: никогда я еще не жилъ такъ весело; балы, литературные вечера, спектакли, знакомства—и всюду я играю видную роль: кажется, я полонъ жизни, но безсонныя ночи знаютъ, сколько во мнѣ ея осталось . . . . . .

. . . . (оторвано) . . . .

. . . .

. . . такъ, чтобъ я вамъ сказалъ: но за десять лѣтъ моей жизни у васъ вы не заслужили ни крошки моего довѣрія: вы мнѣ чужіе,—проклинаю васъ!..

Несмотря на мое проклятіе, вы будете у меня на похоронахъ и даже будете стараться умышленно плакать („чтобъ не подумали и т. д.“). Это дастъ вамъ поводъ щегольнуть великодушіемъ: „онъ такой-сякой, неблагодарный, а мы все-таки...“ . . . . ! Вася всему виной, его эгоизмъ такъ великъ, что ради него онъ равнодушно смотритъ даже на смерть человѣка, тогда какъ этотъ человѣкъ всегда дѣлился съ нимъ всякимъ средствомъ къ спасенью, а Васѣ спасти его ничего бы не стоило. Что̀ жъ вамъ еще сказать? Сестру мнѣ очень жаль, вы всѣ—...,—а Алексѣя Николаевича Плещеева люблю и благословляю за его живую человѣческую душу до послѣдней минуты моей жизни. Вася, стыдно тебѣ! Просите Абрамова передать (зачеркнуто), что я не успѣлъ по отношенію къ ней окончить начатое, а ей предсказываю скорое забвеніе меня.

---

22 января 1883 г. Сижу въ караулѣ и, отъ-нечего-дѣлать, записываю свои мыслишки и ощущеньица. Ручка, которой я пишу, какая-то обгрызанная, а чернила зѣло разбавлены водой, но все это меня не смущаетъ. Отвѣчу на три пункта: жизнь, литература, любовь.

Въ жизни дѣло совсѣмъ швахъ: недугъ все растетъ и растетъ, даль не прожитаго еще пугаетъ скукой и безцвѣтностью, главный мотивъ: „все равно, ничего нѣтъ осмысленнаго и прочнаго, не во что вѣрить и не для чего жить, а впрочемъ, пусть пока тянется канитель“. Маханье рукой на жизнь, возведенное въ принципъ.

Литература тоже—увы!—швахъ. Первый разъ приходится это записывать: чувствую, что талантъ догораетъ... Хотѣлъ итти впередъ, да пороху не хватило; разныя злоязычныя моськи ужъ лаютъ (не въ печати, а такъ, пока на словахъ).

Любовь—это, кажется, удачнѣе всего, (зачеркнуто) мнѣ нравится. Только немножко бы ей развитія больше, да это придетъ. А вѣдь я могъ бы жениться.

Ручка и чернила служили-таки..... Бросаю.....

---

16 марта 1883 г. Четвергъ. Печатанье мнѣ принесло вредъ: мнѣ трудно теперь писать что-нибудь, не зная ясно, къ чему я пишу: печатанье говорило мнѣ: для того, чтобы прочли другіе,—дневникъ къ чему? Для себя? Но развѣ годы, которые я переживаю, могутъ быть для меня пріятнымъ воспоминаньемъ, да и придется ли мнѣ когда-нибудь вспоминать ихъ? Вся эта канитель, все равно, долго тянуться не можетъ, и смерть у меня на носу.

Я не лгу передъ собой, я дѣйствительно мучительно страдаю: это видно ужъ и изъ того, что мнѣ лѣнь записывать мои впечатлѣнія; прежде, въ гимназіи, я говорилъ съ любовью о своихъ горестяхъ, потому что я ихъ любилъ, теперь настало настоящее страданье и—главное—позорное; да, позорное: я не могу себя утѣшить даже тѣмъ, что оно—одинъ изъ стимуловъ поэзіи. А поэзія и самолюбіе—вотъ двѣ вещи, которыя теперь наиболѣе властны еще надо мной, но и тѣ, и тѣ слабѣютъ. Что̀ же останется, когда я ихъ анатомирую прикосновеніемъ рефлексіи? Что̀ будетъ мнѣ скрашивать безцвѣтные дни, что̀ останется солью моей жизни?

М. А. Т. я не люблю, это болѣе чѣмъ вѣрно, и только изъ тщеславія добиваюсь ея любви, изъ тщеславія и опять ради поэзіи быть любимымъ. Послѣдняго, кромѣ того, мнѣ хочется еще для того, чтобы доказать себѣ, что и я человѣкъ еще, что я—какъ другіе, и что не все отнялъ у меня проклятый недугъ. Буду теперь спать—если, впрочемъ, и вправду я не накликалъ себѣ безсонницы, что̀ иногда бываетъ.

Прощай, пай-мальчикъ Сеня, армейскій умникъ! Все сіе писано въ часъ ночи, послѣ посѣщенія Т**! Трогательно...

---

2 апрѣля 1883 г. Я сейчасъ вернулся съ прогулки: прежде я не понималъ этого удовольствія, но провинція всему научитъ. Пройтись было пріятно: сіяло солнце, день вечерѣлъ, гуляющихъ масса. Впрочемъ, писать лѣнь. Люблю ли я М. А. Т. или нѣтъ?

---

9 апрѣля 1883 года. Спѣшу записать не совсѣмъ обыкновенныя для моего теперешняго прозябанія впечатлѣнія вчерашняго вечера. Вчера у насъ въ клубѣ назначенъ былъ музыкально-литературный вечеръ и балъ. Погода была прекрасная, я упоминаю объ этомъ потому, что все это имѣло на меня вліяніе. Долго не погасала заря, и гости начали съѣзжаться еще засвѣтло. Я стоялъ на крыльцѣ и поджидалъ Т**. Наконецъ онѣ подъѣхали. Маня на крыльцѣ оступилась и чуть не упала, чѣмъ вызвала у меня невольный крикъ. Торопливо и небрежно, какъ всегда (вѣроятно, съ цѣлью замаскировать нѣкоторое смущенье), она на ходу протянула мнѣ руку, весело бросивъ мнѣ: „здравствуйте", и исчезла въ уборную. Вечеръ начался. О немъ я говорить не буду, хотя на немъ и было кое-что достопримѣчательное и интересное. Я читалъ въ первомъ отдѣленіи, а во второмъ усѣлся въ публику за Т** и изрѣдка перебрасывался съ Маней замѣчаніями. Она сдѣлала изъ программы бумажнаго пѣтушка, и, вполовину слушая, вполовину не слушая доморощенныхъ нашихъ пѣвцовъ и чтецовъ, мы съ ней втихомолку смѣялись. Между прочими номерами прекрасно сыграна была въ четыре руки извѣстная Шубертовская серенада, и эта пѣсня печали и любви легла на мое сердце на ряду съ воспоминаньями о краскахъ догоравшаго дня и весеннемъ теплѣ, часъ тому назадъ ласкавшемъ меня. Наконецъ начались танцы. Мы съ Маней танцовали первую кадриль.

— Ну, Семенъ Яковлевичъ,—говорила она,—вы сегодня опять скучный!.. Я васъ не видѣла цѣлую недѣлю, рвалась сюда, думала съ вами поговорить, а вы насупились.—Говорилось все это немножко аффектированнымъ тономъ. Послѣ кадрили, когда мы съ ней ходили по гостиной, она прижалась ко мнѣ (мы шли подъ руку). Слѣдующую кадриль я танцовалъ съ Ек. Ал. Былъ настроенъ нервно: Маня меня волновала,—да къ тому же этотъ громъ музыки, блескъ, лица дамъ,—все это дѣйствовало неотразимо, все это, какъ всегда, опьяняло меня. Мнѣ захотѣлось по-кошачьи приласкаться хоть къ кому-нибудь, хоть съ кѣмъ-нибудь поговорить тепло и по-дружески. Мной овладѣло знакомое мнѣ съ дѣтства чувство, когда бывало, вечеромъ при лампѣ, мама сядетъ за книгу или работу на диванѣ, а я нѣжусь за ея спиной, прижимаюсь головой къ ея тонкимъ, нѣжнымъ рукамъ, увиваюсь вокругъ нея, какъ котенокъ... Не знаю какъ,—но ожило мое мертвое сердце, дрогнуло неподдѣльной любовью и дружбой къ Ек. Ал..., и я сказалъ ей, что люблю Маню. Вмигъ ея оживленіе отлетѣло. Она сдѣлалась грустной и задумчивой,

начала говорить, что она глупа, что всѣ ея надежды разсыпались, какъ миражъ, что ей нечего дѣлать, не къ чему стремиться. Вышла гейневская „alte Geschichte“: „Красавицу юноша любитъ“... Маня меня усердно разспрашивала, буду ли я у нихъ въ воскресенье, приглашая меня очень усердно, но нараспѣвъ, какимъ-то фальшивымъ, кокетливымъ, вызывающимъ тономъ. Она отлично собой владѣетъ,—это мнѣ несимпатично. Сдержанность—признакъ ограниченности. Только беззавѣтность въ отношеніяхъ обезпечиваетъ беззавѣтность въ чувствахъ. Ек. Ал., когда я поѣхалъ ихъ провожать, нарочно устроила такъ, чтобы я ѣхалъ съ Маней. На извозчикѣ мы говорили съ ней о всякихъ пустякахъ. Отъ Т** я вернулся опять въ клубъ, взволнованный и нервный, усѣлся ужинать съ Соловьевымъ и Стравинскимъ, опьянѣлъ чуть-чуть и пробылъ въ клубѣ до 9 часовъ утра, видя, какъ встаетъ голубое весеннее утро. А теперь въ душѣ сумбуръ полнѣйшій. Завтра я вновь у Т**: чѣмъ разрѣшится все это? А вѣдь все-таки это жизнь!.. Хоть немножко шевельнулось мертвое сердце...

---

18 мая 1883 г. Счастливые, благодатные дни! Не думалъ я, что и мнѣ выпадетъ на долю какое-нибудь счастье. Ожило мертвое сердце. Какъ разсказать обо всемъ, что̀ случилось? Въ словахъ—все будетъ жалко и смѣшно. Скажу только, что Маня меня любитъ, что она... что не могу я ни на секунду забыть ея дорогого личика, ея милыхъ глазокъ! Надолго ли меня освѣтило счастье? Завтра я ее увижу...

---

16 іюня 1883 г. С.-Петербургъ. Дни здѣсь летятъ такъ быстро, что не успѣваешь и оглянуться: въ Кронштадтѣ за всю зиму я не пережилъ столько впечатлѣній, сколько переживаю здѣсь въ недѣлю: литературныя знакомства и сближенія идутъ непрерывно. Между прочимъ, я познакомился съ В. Гаршинымъ и, несмотря на тотъ скептицизмъ, съ которымъ я вообще отношусь къ людямъ, положительно влюбился въ него. Есть что-то непередаваемо-мягкое, почти женственное въ немъ. Да, этотъ человѣкъ переживетъ себя: на немъ,—какъ выражается Мережковскій,—печать, печать несомнѣнная. Вообще же литературный кругъ производитъ на меня впечатлѣніе довольно блѣдное: крупныхъ талантовъ немного: Минскій, если бы только его не заѣдала фраза, можетъ-быть, Альбовъ и несомнѣнно—Гаршинъ. Вообще же на языкъ такъ и просится фраза—не боги горшки обжигаютъ. Я боленъ, и что̀ будетъ дальше—не знаю. Видѣлся и говорилъ

съ Салтыковымъ; на этомъ тоже несомнѣнная печать. Замѣчательны у Салтыкова глаза,—большіе, умные, какъ-то особенно смотрящіе съ исхудалаго лица, замѣчательны руки, необычайно маленькія, бѣлыя, чисто-женскія. Въ О. З. пойдутъ мои „Грезы“. Другимъ онѣ нравятся, мнѣ же—не вполнѣ. Салтыковъ принялъ меня у себя въ кабинетѣ. Былъ любезенъ и изгладилъ дурное впечатлѣніе, произведенное въ первый разъ. О Манѣ пока молчу, ибо сердце мое—это чепуха, въ которой мнѣ мудрено разобраться. Знаю только, что она милая дѣвочка, милая! . . . .

Оглавленіе стихотвореній

1878—79 года.

---

18) Похороны.
19) Бѣдный стихъ мой.
20) Мать.
21) Вспыхнуло личико нѣжное.
22) Гдѣ ты? откликнись на стонъ ожиданія (еще не отдано).

} Отданы въ редакцію „Слово“ 1879 г.

Черновыя стихотворенія

1879 г.

Окончены:

1) Порваны прежнія струны на лирѣ моей.
2) Я не сравню тебя съ видѣньемъ мимолетнымъ
3) Замолкъ послѣдній звукъ.
4) Похороны.
5) Бѣдный стихъ мой.
6) Мать.
7) Вспыхнуло личико нѣжное.
8) Гдѣ ты, откликнись на стонъ ожиданія

Полный списокъ моихъ напечатанныхъ стихотвореній.

I. Журналъ „Свѣтъ“ (1878—79 г.).

1) На зарѣ (посв. В. Мамантову, апрѣль 78 г.).
2) Кругомъ легли ночныя тѣни (1878 г.).
3) Идеалъ.
4) Не весь я твой.
5) Впередъ.
6) Къ тихой пристани.
7) Во мглѣ.
8) Надъ свѣжей могилой.
9) Я чувствую и силы и стремленье.
10) Терпи, пусть взоръ горитъ слезой.
11) Христіанка (октябрь 1878 г.).
12) Бояринъ Брянскій.

II. Журналъ „Мысль“.

13) Въ сумеркахъ.
14) Іуда.
15) Слово.

III. Журналъ „Слово“.

16) Похороны. (Іюнь 1879 г.).
17) Поэтъ. (Іюль 1879 г.).
18) Поэзія. (Августъ 80 г.).
19) Я не тому молюсь. (Тоже).
20) Другъ мой, братъ мой. (Январь 1881 г.).
21) Да, чудно хороши Кавказскія вершины. (Тоже).

IV. Журналъ „Устои“.

22) Чуть останусь одинъ я. (1882 г.).

V. Журналъ „Русская Рѣчь“.

23) Томясь и страдая... (№ 12, 1880 г.) Подписано П. Ин-новъ.
24) На полдорогѣ. Подписано Ѳ. Юрьевъ.

VI. Журналъ „Дѣло“.

25) Съ итальянскаго. (Сент. 1882 г.).
26) Изъ мрака прошлаго. (Окт. 1882 г.).
27) Милый другъ, я знаю. (Ноябрь 1882 г.).
28) Я пришелъ къ тебѣ.

VII. Газета „Театръ“.

29) Сбылося все, о чемъ за школьными стѣнами. (Янв. 1882 г., № 2).

VIII. Журналъ „Отечеств. Записки“.

30) О любви твоей, другъ мой.
31) Завѣса сброшена.
32) Какъ бѣлымъ саваномъ.
} Январь 1882 г.
33) Позабытые шумнымъ ихъ кругомъ. (Февр. 1882 г.).
34) Весенняя сказка. (Май 82 г.).

Изъ дневника.

35) И крики оргіи... } Сент. 1882 г.
36) Я вчера еще радъ былъ }
37) Мы спорили долго. (Янв. 1883 г.).
38) Я не щадилъ себя. (Май 1883 г.).
39) Неужели сейчасъ еще бархатный лугъ. } Авг., Сент. 1883 г
40) Греза. }

IX. Журналъ „Русская Мысль“.

41) Зачѣмъ. (Октябрь 1883 г.).

X. „Еженедѣльное Обозрѣніе“.

42) Не вини меня, другъ мой. (Декабрь 1883 г., № 1).
43) Цвѣты.

XI. „Иллюстрированный Міръ“.

44) Муза.

ПРОЗА.

„От. Зап.“ августъ 1883 г. Рецензія на стихотворенія К. Случевскаго въ отдѣлѣ новыхъ книгъ. Безъ подписи. Рецензія на романъ Стремаухова „Въ Бухарѣ“

„От. Зап.“ Сент. 1883 г.

„От. Зап.“ Октябрь. Рецензія на стихи Омулевскаго.

Рецензіи о моей книгѣ [1]).

1) Недѣля—Гайдебурова Вячеслава
2) Кронштадтскій Вѣстникъ—Абрамова.
3) Новое Время—Буренина.
4) Новости—Скабичевскій.
5) Новь—Минскаго.
6) Русское Богатство—Оболенскій.
7) Русскія Вѣдомости—Скабичевскаго.
8) Русская Мысль.
9) Живописное Обозрѣніе—Крестовскій (псевдонимъ).

---

[1]) „Стихотворенія“ С. Надсона.

10) Еженедѣльное Обозрѣніе.
11) Ласточка—Минскій.
12) Наблюдатель—В. Зотовъ.
13) Вѣстникъ Европы—К. Арсеньевъ.
14) Недѣля (2 изд.)—В. Кигнъ.
15) Новое Время (2 изд.)—А. Суворинъ. Библіограф. замѣтка.
16) Всемірная Иллюстр. (1 изд.)—С. Семеновъ.
17) Заря (2 изд.)— N. M. W. (Малининъ).
18) Кроншт. Вѣстникъ (2 изд.)—Меньшиковъ.
19) Одесскій Листокъ (2 изд.)—Гольденовъ.
20) Сѣв. Вѣстникъ—Михайловскій (3 изд.).

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ.

(1883—1886).

С. Я. НАДСОНА.

Предисловіе къ изданію 1887 года.

Въ настоящемъ изданіи собраны всѣ журнальныя статьи С. Я. Надсона, за весьма немногими исключеніями. Первые двѣнадцать критическихъ фельетоновъ, помѣщаемыхъ въ этой книгѣ, появились въ кіевской газетѣ „Заря“, журнальнымъ обозрѣвателемъ которой С. Я. Надсонъ состоялъ съ мая по сентябрь 1886 г. Рецензіи о гг. Омулевскомъ, Случевскомъ и графѣ Голенищевѣ-Кутузовѣ были первоначально помѣщены въ библіографическомъ отдѣлѣ „Отечественныхъ Записокъ“ за 1883 и 1884 г. Статья: „Поэты и критика“ явилась на страницахъ „Еженедѣльнаго Обозрѣнія“ въ январѣ 1884 г., а „Замѣтка по теоріи поэзіи“ найдена въ посмертныхъ бумагахъ поэта. Статьи эти, заключая въ себѣ нѣкоторыя біографическія подробности, вмѣстѣ съ тѣмъ дополняютъ литературную физіономію такъ рано угасшаго поэта, выражая взгляды его на искусство и печать и требованія, которыя онъ предъявлялъ къ нимъ.

Журнальныя обозрѣнія.

I.

(Мелочи.—Стихотворенія Аксакова.)

Не знаю, право, какъ это случается, но стоитъ мнѣ на пять минутъ заглянуть за чѣмъ-нибудь въ книжный магазинъ или даже только остановиться передъ его выставкой,—и я тотчасъ же дѣлаюсь обладателемъ цѣлой массы книгъ, пріобрѣтать которыя никогда раньше мнѣ и въ голову не приходило. Такъ было со мной и въ послѣдній мой пріѣздъ въ Кіевъ: увидалъ за окномъ магазина только-что вышедшую брошюрку о Буддѣ, зашелъ ее купить—и увезъ съ собой въ деревню огромный ворохъ печатной бумаги. На этотъ разъ попались все больше поэты: очень ужъ часто и красиво стали они издаваться въ послѣднее время; я рѣшительно не нашелъ въ себѣ мужества отвѣтить отказомъ на вкрадчивую услужливость приказчика.

Въ деревнѣ, между тѣмъ, за мое недолгое отсутствіе произошли большія перемѣны. Въ первый разъ въ жизни доводится мнѣ встрѣчать весну въ томъ благословенномъ краѣ, гдѣ „все обильемъ дышитъ, гдѣ рѣки льются чище серебра, гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ, въ вишневыхъ рощахъ тонутъ хутора“,—и, надо сознаться, болѣе красивой, задушевной, нарядной весны мнѣ не приходилось видѣть, хотя я странствовалъ немало. Какіе тѣнистые, уютные уголки образовались въ саду! Какъ мягко заткала узорная, молодая, благоухающая зелень недавніе просвѣты! И на тонахъ и полутонахъ этой зеленой гаммы то здѣсь, то тамъ, какъ невѣста въ вѣнчальномъ нарядѣ, мелькаетъ, осыпанная кружевомъ цвѣта, струящая томительный ароматъ черемуха. До книгъ ли, кажется? Какая книга скажетъ столько, сколько говоритъ эта лазурь неба, эта даль полей, эта глушь сада?.. Но горожане неисправимы: вдоволь налюбовавшись окружающей меня красо-

той, я забралъ мое новопріобрѣтенное богатство на любимую скамейку у пруда, обставленнаго тополями, — и вотъ снова острый, специфическій запахъ печатной бумаги защекоталъ мое обоняніе.

Скажу два слова о брошюркѣ Шюрэ. Вотъ ея полное заглавіе: „Сакія-Муни(;) древній мудрецъ" (легенды о Буддѣ), соч. Шюрэ. Несмотря на свой небольшой объемъ (43 страницы), брошюрка очень и очень стоитъ вниманія и явилась какъ нельзя болѣе кстати, въ виду интереса къ буддизму, овладѣвшаго въ послѣдніе годы нашимъ обществомъ.

Читателя, желающаго солидно ознакомиться съ догматической и философской сторонами ученія Будды, мы отошлемъ къ другому, болѣе спеціальному и научному сочиненію по этому вопросу: „Будда, его жизнь, ученіе и община", соч. Ольденбурга, 1884 года. Шюрэ имѣлъ въ виду другую цѣль: онъ собралъ въ одну полную и яркую картину подлинныя легенды о жизни Будды, главнымъ образомъ обративъ вниманіе на психологическую сторону вопроса,—на то, какимъ образомъ и подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ сложилась у Сакія-Муни его философія. Небольшое вступленіе знакомитъ читателя съ литературой предмета и выясняетъ культурное значеніе Индіи въ исторіи человѣчества. Затѣмъ идетъ увлекательный связный разсказъ, пересыпанный перлами народной поэзіи. Интересъ читателя не ослабѣваетъ ни на минуту до послѣдней страницы, и ему становятся понятными слова Гёте, приводимыя въ предисловіи: „Хочешь ли ты весеннихъ цвѣтовъ и плодовъ? Хочешь ли ты опьяняющихъ благоуханій и питательныхъ яствъ? Хочешь ли ты, однимъ словомъ, обнять небо и землю?—Я называю тебѣ Сакунталу, и я все этимъ сказалъ". Слова эти вполнѣ примѣнимы и къ тѣмъ легендамъ, на которыхъ построилъ Шюрэ свой разсказъ.

Совсѣмъ другою жизнью,—трезвой, реальной, будничной,—вѣетъ со страницъ недавно вышедшаго „Сборника стихотвореній" И. С. Аксакова. Небольшая, изящно отпечатанная книжка эта разослана была подписчикамъ „Руси" по смерти ея редактора. Такъ называемый „средній читатель", слѣдящій за общественной жизнью по одной, много по двумъ газетамъ, врядъ ли отдастъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, какую роль сыгралъ покойный публицистъ въ исторіи русской культуры и политики. Недавняя смерть Аксакова и вызванный ею нестройный газетный гамъ не очень помогутъ ему оріентиро-

ваться, — слишкомъ много подняли они личнаго, мелкаго, спеціально-газетнаго. Если въ обществѣ нашемъ находятся люди, смѣшивающіе направленіе „Руси“ съ направленіемъ г. Каткова, — нѣтъ ничего удивительнаго, что найдутся и такіе, которые запишутъ Аксакова въ ряды такъ называемыхъ „народниковъ“. На самомъ дѣлѣ, славянофильство, не всегда ясно ставящее свои идеалы даже для своихъ сторонниковъ, точно маятникъ въ часовомъ механизмѣ, въ однихъ общественныхъ вопросахъ откачивалось направо, въ другихъ — налѣво. Рамки рецензіи не позволяютъ намъ дольше остановиться на этомъ вопросѣ, но, къ счастью, это и не является существенно необходимымъ для сужденія объ Аксаковѣ, какъ о поэтѣ: въ лучшей части сборника Аксаковъ является очень мало славянофиломъ,—а мы поставили себѣ задачей останавливать вниманіе читателя главнымъ образомъ на положительной сторонѣ разбираемыхъ произведеній.

Къ сожалѣнію, нужно сознаться, что количественно слабыя вещи перевѣшиваютъ дѣйствительно удачныя пьесы. Мистерія „Жизнь чиновника“ рѣшительно не выдерживаетъ критики. Юморъ вообще не сроденъ таланту Аксакова, а основная мысль мистеріи, по нашему мнѣнію, не стоитъ поэтической формы. Она заключается въ томъ, что сухой, бумажный бюрократизмъ, не принося никому пользы, только напрасно губитъ лучшія силы духа тѣхъ, кѣмъ онъ завладѣваетъ. Мистерія написана тяжелымъ, грубымъ стихомъ и очень растянута. Впрочемъ, недостатки ея нѣсколько извинительны, такъ какъ Аксакову, когда онъ писалъ эту вещь, было только 19 лѣтъ. Неудачной вещью считаемъ мы и другую крупную пьесу сборника: „Зимняя дорога“. Авторъ назвалъ ее licentia poetica, — вѣроятно, за оригинальную форму, которую онъ ей придалъ. Въ этомъ полуфантастическомъ и несвязномъ произведеніи онъ заставляетъ говорить старый домъ, тарантасъ, двухъ пріятелей, невидимые голоса и проч. и проч., изъ чего образуется порядочный сумбуръ. Герой пьесы умудряется какъ-то вывести изъ всего этого обычную народно-славянофильскую тенденцію, но выводъ его для читателя является страннымъ и немотивированнымъ. Зато въ третьей крупной вещи сборника, въ поэмѣ „Бродяга“, попадаются страницы, написанныя рукой истиннаго художника. Сюжетомъ поэмы служатъ незамысловатыя похожденія нѣкоего Алексѣя, бѣжавшаго изъ родного села. Лучшія строки поэмы—описательныя. Аксаковъ рисуетъ природу нѣсколько суховато, но правдиво, реально, жизненно. Отрывки изъ поэмы: „Всенощная въ деревнѣ“, „Шоссе и проселокъ“ и „Ночь“ („Жаръ свалилъ,

повѣяла прохлада") вошли во всѣ хрестоматіи. Есть, впрочемъ, и неудачныя мѣста. Вотъ, напримѣръ, описаніе наружности героя: „Что онъ, каковъ? Лицомъ не очень смуглый, ростъ семь вершковъ и подбородокъ круглый; носъ невеликъ; особенныхъ примѣтъ не указалъ бы паспортный билетъ. Темноволосъ; лѣтъ 20; худъ немножко, Матвѣевъ сынъ, и звать его Алешка". Это именно „паспортный билетъ", а не художественное описаніе. Есть въ сборникѣ еще небольшой отдѣлъ—это стихотворенія, написанныя въ селѣ Варваринѣ, куда удалился Аксаковъ въ 78-мъ году, послѣ постигшей его административной кары. Настроеніе его въ этихъ пьесахъ является нѣсколько двойственнымъ. Съ одной стороны, онъ весь еще полонъ увлеченія и пыла недавней борьбы, съ другой—деревенская природа, дружба и покой мало-по-малу завладѣваютъ уже его душой. Въ этихъ стихотвореніяхъ тоже попадаются недурныя описанія природы. Вотъ одно изъ нихъ: „Рѣки серебряный извивъ, блестящій въ муравѣ зеленой; по зыбкимъ скатамъ желтыхъ нивъ бродящей тѣни переливъ и рощей (?) сумракъ отдаленный... Виднѣютъ (?) села... Здѣсь и тамъ сверкаетъ крестъ, бѣлѣетъ храмъ. Куда ты взоръ ни обратишь, какая ширь!.. какая тишь!.." Но и въ этомъ красивомъ отрывкѣ стихъ нельзя признать безупречнымъ.

Мы переходимъ теперь къ лучшей части сборника, — къ 39-ти лирическимъ стихотвореніямъ, написаннымъ Аксаковымъ въ періодъ отъ 45-го до 60-го годовъ, т.-е. къ самымъ молодымъ его произведеніямъ, если не считать неуклюжей мистеріи. Всѣ сильныя стороны таланта Аксакова — горячность, искренность, стремительность — сконцентрированы въ этихъ небольшихъ пьесахъ, дышащихъ иногда чисто-пророческимъ паѳосомъ.

При чтеніи ихъ невольно вспоминаются выразительныя строки посланія Я. П. Полонскаго, написаннаго имъ когда-то Аксакову: „Когда мнѣ въ сердце бьетъ, звеня, какъ мечъ тяжелый, твой жесткій, безпощадный стихъ, съ невольнымъ трепетомъ я внемлю невеселой, холодной правдѣ словъ твоихъ. Не внемля шопоту соблазна, строгій геній ведетъ тебя инымъ путемъ туда, гдѣ нѣтъ уже ни жаркихъ увлеченій ни примиренія со зломъ" [1]). Да, это именно „тяжелый мечъ", поднятый сильною рукой борца. Преобладающимъ мотивомъ аксаковской лирики является призывъ къ труду, негодованіе на праздныя слова, не переходящія въ живое дѣло, горячій

[1]) Полн. собран. сочин. Я. П. Полонскаго, т. I, стр. 128, 1885 г.

упрекъ тѣмъ, кто, не борясь, легко и малодушно мирится со зломъ и неправдой жизни. Это поэзія обличительная и карающая, напоминающая знаменитые ямбы Барбье. „Зачѣмъ душа твоя смирна?—говоритъ Аксаковъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній,—твой праздный день предъ Богомъ грѣшенъ! Ты возлюбилъ свое бездѣлье и сна душевнаго недугъ!“ Ты примиряешься съ неправдой, не разрѣшая возмутительныхъ противорѣчій, не разъясняя мглы вокругъ тебя... „Стряхни ярмо благоразумья! Люби ревниво, до безумья, всѣмъ пыломъ дерзостной души! Освободясь въ стремленьи новомъ отъ плѣна ложнаго стыда, позоръ, греми укорнымъ словомъ, подъемля насъ всевластнымъ зовомъ на тяжесть общаго труда!“ Въ другой пьесѣ поэтъ негодуетъ на тѣхъ, которые „съ душой мечтательной и тѣломъ полновѣснымъ рѣчь умную, но праздную ведутъ“,—неизвѣстно о чемъ тоскуютъ, неизвѣстно чего желаютъ,—„о жизни мудрствуютъ, но жизнью не живутъ“. О, какъ мнѣ хочется,—восклицаетъ онъ,—взамѣнъ ихъ досужей скуки, дать имъ „заступъ и соху, топоръ желѣзный въ руки и, толки прекратя объ участи людской, работниковъ изъ нихъ составить полкъ лихой...“ Жизнью, бодростью, силой дышитъ отъ этихъ правдивыхъ строкъ. Написанныя тридцать лѣтъ тому назадъ, онѣ пришлись какъ нельзя болѣе кстати въ наше время, въ наши дни унынія, безсилія, общаго страха и лѣни. „Мы всѣ,—говоритъ поэтъ въ другой пьесѣ,—не прочь за ужиномъ въ роскошно убранной палаткѣ, потосковать о младшемъ братѣ, погорячиться о добрѣ...“ Но... „что̀ жъ толку въ этомъ?“—„Слова, слова, одни слова!“

Мѣтко и глубоко схвативъ и почувствовавъ недостатки своего поколѣнія, поэтъ горячо упрекаетъ его за то, что оно часто „за комаромъ бѣжитъ съ топоромъ, за мухою гоняется съ обухомъ“, за то, что въ немъ „умомъ ослаблены мечтанья, мечтаньемъ обезсиленъ умъ“... Знайте, восклицаетъ онъ, что „путь мертвый отрицанья живыхъ плодовъ не принесетъ!“—и когда, тронутые силой и правдой его рѣчи, друзья выражаютъ ему свой восторгъ,—онъ отвѣчаетъ: я таковъ же, какъ вы... Я подсмотрѣлъ въ себѣ тѣ пороки, за которые караю васъ! Не меня хвалите,—хвалите мою музу: „Умнѣй и чище она и дѣлъ и чувствъ моихъ!“

Намъ показалось особенно характернымъ и удачнымъ посланіе Аксакова къ нѣкоей г-жѣ —ой. Женщины, вѣроятно, не часто получали такія посланія отъ поэтовъ. „Вчера,—разсказываетъ Аксаковъ,—восторженный и шумный, тревожной рѣчью порицалъ я вашъ отвѣтъ благоразумный и примиренье отвергалъ...“ Я, вѣроятно. былъ смѣшонъ въ вашихъ глазахъ...

вы думали: „съ годами остынетъ юношескій пылъ, и выгодъ власти и разврата, какъ всѣ мы, будетъ онъ искать...“ Нѣтъ! вы ошиблись... Я молю Бога объ иномъ: „не дай мнѣ опытомъ и лѣнью тревоги сердца заглушить... мой духъ усталый воскреси, пошли мнѣ силъ и помощь Божью, съ житейской мудростью и ложью отъ примиренія спаси!..“ А вы,—продолжаетъ онъ, обращаясь къ лицу, которому посвящено стихотвореніе, — вы „къ покою и прощенью пришли въ развитіи своемъ не сокрушенія путемъ, но равнодушіемъ и лѣнью...“ Живите же счастливо, Богъ съ вами... я не приду больше моей мятежной рѣчью смущать вашъ покой... мнѣ не нужно вашего сочувствія...

На странныя мысли навело насъ это и другія стихотворенія Аксакова. Этихъ ли глубокихъ, правдивыхъ, пылкихъ рѣчей долженъ былъ ожидать читатель отъ человѣка, цѣликомъ ушедшаго въ схоластику славянофильства? Какой свѣтлый ангелъ спасъ Аксакова? Этотъ свѣтлый ангелъ — сила таланта, сила непосредственнаго творчества, сила молодости, правдивой и неподкупной. Вглядитесь пристальнѣй въ это стихотвореніе, — и оно напомнитъ вамъ произведеніе человѣка, держащагося совсѣмъ другой стороны: мы говоримъ о Глѣбѣ Успенскомъ, объ одномъ изъ прекрасныхъ его разсказовъ: „Фельдшеръ Кузмичевъ“. Разсказъ весь проникнутъ тѣмъ же негодованіемъ на пошлую житейскую мудрость, на примиреніе, на тупое и эгоистичное благоразуміе. Если же мы припомнимъ еще два стиха изъ Некрасова: „Будь онъ проклятъ, растлѣвающій, пошлый опытъ, умъ глупцовъ“, — намъ станетъ ясно, куда влекъ Аксакова его талантъ, когда онъ давалъ ему говорить. Нельзя не вспомнить при этомъ фразу одного изъ редакторовъ нашихъ непрогрессивныхъ журналовъ: „нужно сознаться, — сказалъ онъ, — что таланты не на нашей сторонѣ“.

Музу свою Аксаковъ характеризуетъ въ слѣдующихъ строкахъ: „Не прелесть празднаго мечтанья, не нѣга сладостныхъ молитвъ, но злой порывъ негодованья, жестокій судъ, призывы битвъ, отвага дерзко-молодая въ ней вдохновляли пѣсенъ строй... Изъ хора всѣхъ доступныхъ (?) музъ, я съ музой бодрой, строгой, гнѣвной, вступилъ въ воинственный союзъ“. Правда, иногда и на эту бодрую музу находило облако печали и вырывало у нея горькія строфы, но отъ этого поэтическая личность Аксакова дѣлается только еще понятнѣе, еще человѣчнѣе. Для примѣра укажу на стихотвореніе: „Пусть сгибнетъ все“. Въ немъ есть строфы, имѣющія не много равныхъ себѣ въ нашей литературѣ по глубинѣ и силѣ скорбнаго чувства.

„Слабѣйте силы, вы не нужны!.. Засни ты, духъ, давно пора!.. Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны во имя правды и добра!“ И потомъ дальше: „Ликуй же, Ложь, и насъ, безумцевъ, урокомъ горькимъ испытуй... Гони со свѣта вольнодумцевъ, казни, цари и торжествуй!“ Не лишнимъ считаемъ прибавить, что стихотвореніе это было написано въ 49-мъ году, когда жить и дышать было особенно трудно.

Переходя къ другимъ темамъ, которыхъ касается поэтъ, мы увидимъ, что въ натурѣ его уживались рядомъ и карающая безпощадность пророка и порывы высоко-гуманнаго чувства. Какой силой, напримѣръ, дышитъ небольшое стихотвореніе, посвященное людямъ такъ называемаго „высшаго круга“. Вотъ его заключительныя строки: „Не стыдно вамъ пустыхъ занятій, богатствъ и прихотей своихъ, вамъ ни почемъ страданья братій и стоны праведные ихъ! Господь, Господь, вонми моленью, да прогремитъ бѣдами громъ земли гнилому поколѣнью и въ прахъ разсыплется Содомъ!“ Да, эти рѣчи далеки отъ идеаловъ гг. Маркевича, Авсѣенки, Орловскаго и всѣхъ, имена же ихъ Ты, Господи, вѣси!.. И рядомъ съ этимъ „желѣзнымъ“ стихотвореніемъ мы находимъ другое, развивающее ту мысль, что людей безвозвратно испорченныхъ нѣтъ, что стоитъ только вглядѣться въ человѣка, „и предъ очами предстанетъ каждая душа съ своими вѣчными правами...“ Повѣрь,—говоритъ поэтъ,—„нетлѣнной красоты душа не губитъ безъ возврата...“ „Бери жъ надежное огниво, ударь въ заржавленный кремень!..“

Вотъ то общечеловѣческое, близкое и понятное каждому, что роднитъ съ Аксаковымъ людей, совершенно не раздѣляющихъ его общественныхъ и политическихъ взглядовъ. Талантъ его не изъ крупныхъ и не изъ широкихъ. Даже сама внѣшняя фактура стиха заимствована имъ у Хомякова. Но искренность, горячность, глубина убѣжденія придаютъ ему такія крылья, какими могутъ похвастаться немногіе изъ родныхъ поэтовъ.

Закончимъ нашу первую бесѣду горячимъ пожеланіемъ успѣха другому небольшому сборнику стиховъ—„Сибирскіе мотивы“, составленному очень недурно и изданному съ благотворительною цѣлью, въ пользу семьи покойнаго поэта Омулевскаго (Ѳедорова). Пріобрѣсти эту книжку (и стоитъ-то она всего 20 коп.!) положительно обязательно для каждаго читающаго, чтобъ и на него не упалъ упрекъ, брошенный когда-то въ русскаго читателя знаменитымъ сатирикомъ: „Писатель пописываетъ, а читатель почитываетъ,—а чуть съ писателемъ бѣда стрясется,—читатель сейчасъ въ подворотню шмыгнетъ“.

Положительно стыдно будетъ русскому обществу, въ двѣ недѣли расхватавшему такое „произведеніе“, какъ книга „о женщинахъ“ „Вопросительнаго знака“, — если „Сибирскіе мотивы“ въ скоромъ времени не потребуютъ второго изданія!..

II

(Романъ г-жи Шапиръ „Безъ любви“.—Мелочи.—Сказаніе о гордомъ Аггеѣ, В. Гаршина).

Послѣдній романъ г-жи Шапиръ („Безъ любви“) возбуждалъ оживленный интересъ и въ критикѣ и въ обществѣ. Критика не разъ уже замѣчала, что, во-первыхъ, г-жа Шапиръ беретъ обыкновенно для своихъ произведеній темы психологическія, и, во-вторыхъ, что она—писательница тенденціозная. Послѣдній терминъ требуетъ небольшой оговорки.

Года два тому назадъ г. Арсеньевъ помѣстилъ въ „Вѣстн. Евр.“ разборъ стихотвореній А. Майкова, въ которомъ онъ упрекаетъ поэта за то, что онъ измѣнилъ закону непосредственнаго творчества и превратился въ писателя тенденціознаго. Въ февральской книжкѣ того же журнала за текущій годъ, въ статьѣ „Романъ—орудіе регресса“, тотъ же критикъ заявляетъ, что тенденціозность, сама по себѣ, еще не недостатокъ. Выходитъ, что г. Арсеньевъ какъ будто противорѣчитъ самому себѣ. На самомъ дѣлѣ обстоятельство это, по нашему мнѣнію, произошло оттого, что слову „тенденціозность“ какъ-то не повезло въ нашемъ условно-критическомъ языкѣ: случается, что одинъ и тотъ же критикъ употребляетъ его въ двухъ совершенно различныхъ значеніяхъ: иногда подъ нимъ подразумѣваютъ общее, стройное міросозерцаніе автора, проникающее однимъ духомъ всѣ его произведенія, иногда называютъ имъ какую-либо предвзятую мысль, вѣрную или невѣрную по существу, но подъ которую, какъ подъ Прокрустово ложе, авторъ старается подогнать изображаемую имъ жизнь, отчего и произведеніе его является одностороннимъ и фальшивымъ. По моему мнѣнію, г-жа Шапиръ тенденціозна именно въ этомъ послѣднемъ смыслѣ.

Авторъ поставилъ себѣ цѣлью доказать, что безъ любви не можетъ существовать ни прочное семейное благополучіе ни личное счастіе. Обративъ вниманіе на схему романа, на его внутреннее строеніе, мы найдемъ въ немъ двѣ центральныя фигуры, двухъ „героинь“, какъ принято выражаться: это—мать и дочь Кубанскія. Связавъ для единства фабулы два эти лица родственными узами, авторъ, однако, рисуетъ намъ ихъ

діаметрально противоположными по характеру. Точно также діаметрально противоположны и тѣ мотивы, по которымъ каждая изъ нихъ отказывается отъ любви. Этимъ пріемомъ г-жа Шапиръ, вѣроятно, имѣла въ виду доказать, что справедливость основной тенденціи романа не зависитъ ни отъ лицъ, къ которымъ она прилагается, ни отъ обстоятельствъ ихъ жизни. Посмотримъ, насколько ей это удалось. Кубанская-мать, или Лиза, какъ называетъ ее г-жа Шапиръ въ первой части романа, отказывается отъ любви потому, что чувство это заговорило въ ней уже тогда, когда она была замужемъ и имѣла дочь. Правда, мужъ Кубанской—совершенный негодяй, котораго Лиза не уважаетъ ни на волосъ, а дочь ихъ Надя—пока малютка, и жизнь ея для всѣхъ—закрытая книга. Но эти естественныя соображенія не приходятъ въ голову высоконравственной героинѣ г-жи Шапиръ. Въ Лизу влюбленъ нѣкто Балычевъ, употребляющій всѣ усилія склонить ее на рѣшительный шагъ, но Лиза согласна дать волю своему чувству только въ случаѣ развода, о которомъ ея мужъ и слышать не хочетъ. Балычевъ доведенъ до крайней степени отчаянія; онъ рѣшается наконецъ навсегда покинуть N—скъ и умоляетъ Лизу объ одномъ—пріѣхать проститься съ нимъ на вокзалъ (зачѣмъ?). Въ письмѣ, въ которомъ онъ извѣщаетъ ее о своемъ рѣшеніи, есть прозрачные намеки на то, что, въ случаѣ ея отказа, дѣло можетъ имѣть трагическую развязку (!). Какъ же поступаетъ Лиза? Во имя семьи и долга, она преспокойно даетъ Балычеву застрѣлиться; мало того, она снова сходится съ мужемъ, этимъ убійцей любимаго ею человѣка, не любя, дѣлается его наложницей, его самкой, совершенно смиряется передъ нимъ нравственно и на протяженіи всего романа уже и не вспоминаетъ своей погибшей любви! Вотъ при какихъ обстоятельствахъ и по какимъ мотивамъ отказалась Лиза отъ любви.

Надо признаться, давно не читали мы ничего болѣе возмутительнаго, чѣмъ эта первая часть романа г-жи Шапиръ. Разберемся, читатель. Лиза знала, что губитъ Балычева, что послѣдній стоитъ на краю бездны, и все-таки на вокзалъ не поѣхала. Какія же вѣскія причины имѣла она, чтобы поступить такъ жестоко съ любимымъ человѣкомъ? Къ чему обязало бы ея согласіе исполнить его просьбу? Ровно ни къ чему. Правда, она могла подать поводъ своимъ поступкомъ для праздныхъ пересудовъ и сплетенъ городскихъ кумушекъ, но, во-первыхъ, романъ ея и безъ того былъ извѣстенъ всѣмъ и каждому, и, во-вторыхъ, соображеніе это не могло имѣть никакой силы, разъ на картѣ стояла человѣческая жизнь, да и

притомъ еще жизнь любимаго человѣка. Да и вообще какіе были поводы у Лизы мучить и себя и Балычева? Кому, какому Молоху принесла она свою кровавую человѣческую жертву? Мужу? Но вѣдь онъ не стòитъ мизинца Балычева. Надѣ? Но развѣ нельзя было пойти на компромиссъ, принять какія-нибудь мѣры, чтобы на дѣвочкѣ не отразился слишкомъ жестоко рѣшительный шагъ матери. Находила же Лиза возможность развода. Выходитъ, слѣдовательно, что поступки Лизы диктовались ей ея безхарактерностью. Чтò же касается дальнѣйшаго поведенія Лизы, то мы просто отказываемся вѣрить въ возможность его: увлеченная желаніемъ рельефнѣе провести свою тенденцію, г-жа Шапиръ оклеветала женщину, женское сердце: Лиза—самка, Лиза—наложница убійцы любимаго лица, — это что-то невѣроятное, уродливое, патологическое! И всего курьезнѣе, что г-жа Шапиръ видитъ въ своей героинѣ почти святую, что маніачество ея она возводитъ въ подвигъ самоотверженія! Къ сожалѣнію, такія странныя понятія въ сферѣ нравственныхъ вопросовъ мы встрѣчаемъ у г-жи Шапиръ не въ первый разъ.

Но пойдемъ дальше. Итакъ, кровавая жертва домашнимъ пенатамъ принесена, и между Лизой и ея семьею не стоитъ больше ничего. Тутъ, собственно, и начинается глубокая драма, вѣрно и правдиво нарисованная, но фальшиво освѣщенная авторомъ. Старшая дочь Кубанской, Надя, вырастаетъ вторымъ экземпляромъ отца: изъ нея выходитъ бездушное, эгоистическое существо, порожденіе близорукаго скептицизма, не признающаго ничего святого и высокаго, и дешевой житейской мудрости, указывающей на проторенныя, безопасныя дороги; это типъ вполнѣ современный и многимъ знакомый. Надя также отказывается отъ любви, если можно назвать любовью ея легкое, капризное чувство къ Давиду Штарку, студенту и, какъ водится, бѣдняку. Она предпочитаетъ выгодно продать себя въ жены пустому свѣтскому фату Ханайскому, чтò и дѣлаетъ, несмотря на отчаяніе матери. Не больше отрады доставляютъ Лизѣ и другія дѣти: сынъ ея Саша, совершенно не удовлетворенный семейной обстановкой, бѣжитъ за границу съ неудавшимся молодымъ ученымъ Зандеромъ, а младшая дочь Женя, больная и хилая, умираетъ. Сама Кубанская сходитъ съ ума.

Итакъ, семейный храмъ, возведенный Лизою съ такими трудами и жертвами, распался. Авторъ хочетъ увѣрить насъ, что это произошло оттого, что между мужемъ и женой Кубанскими не было любви; но мы позволимъ себѣ тщательнѣе провѣрить эти выводы. На Лизу обрушились три несчастія:

первое—смерть Жени. При чемъ въ этомъ случайномъ фактѣ отношенія между Лизой и мужемъ? Второе—бѣгство Саши. Но сдѣлала ли Лиза хоть что-нибудь, чтобы предотвратить его? Была ли она другомъ своего сына, пробовала ли руководить образованіемъ его характера? На эти вопросы мы должны отвѣтить отрицательно. За героиней г-жи Шапиръ вообще, кромѣ нытья и жалобъ, никакихъ поступковъ въ романѣ не числится; она обыкновенно начинаетъ креститься только тогда, когда громъ уже грянулъ и бѣды поправить нельзя. Ушедши вся въ свою исключительную привязанность къ больной Женѣ, она предоставила другимъ дѣтямъ расти и развиваться, какъ Богъ на душу положитъ, ограничившись въ своихъ заботахъ о Сашѣ только тѣмъ, что взяла для него репетитора, когда мальчикъ сталъ изъ рукъ вонъ лѣниться. Очевидно, что и въ фактѣ его бѣгства нужно винить не ложныя отношенія между Кубанскими, а собственную бездѣятельность, безхарактерность и несостоятельность Лизы. Тѣ же условія окружали и Надю, — но у нея не было добрыхъ задатковъ, спасшихъ ея брата, а мать не постаралась вложить какихъ-нибудь принциповъ въ хорошенькую головку своей дочери. Не двинула пальцемъ Лиза и тогда, когда Надя объявила ей о своемъ рѣшеніи выйти за Ханайскаго; она только плакала да жаловалась, хотя и дѣлала это въ изобиліи. А въ это время бѣда постепенно назрѣвала, пока наконецъ не грянула надъ головой ея тяжелымъ громовымъ ударомъ. Очевидно, что и здѣсь отсутствіе любви между Лизой и ея мужемъ ровно ни при чемъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что по отношенію къ Лизѣ тенденція г-жи Шапиръ осталась недоказанной. Но, можетъ-быть, авторъ болѣе послѣдовательно и убѣдительно провелъ ее въ исторіи замужества Нади? Мы должны отвѣтить отрицательно и на этотъ вопросъ; романъ, растянутый г-жою Шапиръ на 4 книжки журнала, все-таки остался идейно недоконченнымъ, такъ какъ о Надѣ онъ сообщаетъ очень немного: мы узнаёмъ только, что Ханайскій оказался не только негодяемъ, но и преступникомъ, такъ какъ женился на Надѣ при жизни своей первой жены. Великодушіе ея помогаетъ Надѣ скрыть это обстоятельство отъ людского правосудія; такимъ образомъ съ внѣшней стороны въ жизни ея ничего не измѣняется. Но какое вліяніе имѣлъ этотъ фактъ на ея внутреннюю жизнь и на степень ея семейнаго счастія—объ этомъ мы ничего не знаемъ. Что̀ же касается самаго факта, то онъ опять-таки не говоритъ намъ, самъ по себѣ, ровно ничего, такъ какъ взятъ произвольно, а не вытекаетъ изъ отсутствія любви Нади къ ея мужу.

Таково внутреннее содержаніе романа г-жи Шапиръ, такова его идейная цѣнность. Переходя теперь къ типамъ, выведеннымъ въ романѣ, мы должны признать значительную правдивость художественнаго образа Нади, нарисованнаго ярко, выпукло и жизненно. Недурно удался также автору отецъ-Кубанскій; сцены между нимъ и Ханайскимъ дышатъ правдою. Къ удачнымъ типамъ относимъ мы также старика Зангера и его младшаго сына, еще на школьной скамейкѣ смотрящаго въ директоры департамента. Остальныя лица, въ особенности молодежь, очерчены блѣдно и плоско. Положительные типы вообще не удаются г-жѣ Шапиръ.

О языкѣ, которымъ написанъ романъ, мы говорить не будемъ. У насъ, какъ извѣстно, одинъ только писатель можетъ назваться виртуозомъ стиля—это Гончаровъ. Подаетъ надежды въ этомъ отношеніи г. Короленко, но онъ написалъ еще слишкомъ мало; говоря же объ остальныхъ, какъ-то совѣстно и затрагивать этотъ вопросъ. Укажемъ только, что способъ изложенія г-жи Шапиръ отличается совершенно ненужной, наводящей тоску болтливостью: изъ цѣлой страницы едва десять строкъ ведутъ къ дѣлу, остальныя безъ ущерба могутъ быть совсѣмъ выброшены. Зато въ романѣ разсыпано немало мелкихъ замѣтокъ, иногда мѣткихъ и глубокихъ, иногда, однако, и черезчуръ рискованныхъ и смѣлыхъ. Вообще странная писательница г-жа Шапиръ; есть такія лица: кажется, природа ихъ не обидѣла; всѣ контуры правильны, всѣ части соразмѣрны, а красивыми ихъ назвать нельзя. Есть какая-то черта, которая отдѣляетъ ихъ отъ красоты, что-то лежащее глубоко-глубоко во внутреннемъ складѣ человѣка; художникамъ хорошо знакомо это явленіе. Такова и литературная физіономія г-жа Шапиръ: недодѣланность, недодуманность и недостаточная сжатость, „экстрактность“ ея художественнаго письма — вотъ обычные враги ея таланта, продѣлывающіе иногда надъ нею очень злыя шутки. А талантъ у нея есть, и талантъ симпатичный уже потому, что обращенъ онъ не на случайныя, эпизодическія явленія жизни, а на вопросы широкіе и типичные.

Въ апрѣльской книжкѣ „Вѣстн. Евр.“ нашли мы очень интересную и цѣнную статью г. Арсеньева: „Валеріанъ Майковъ“. Сколько намъ извѣстно, это первое произведеніе г. Арсеньева, носящее историко-литературный характеръ. Симпатичная личность В. Майкова, въ самомъ началѣ своей дѣятельности отнятая смертью у русскаго общества и русскаго искусства, извѣстна немногимъ, а между тѣмъ она очень и очень стоитъ вниманія. Въ Майковѣ не безъ основанія видятъ прямого

продолжателя критической миссіи Бѣлинскаго. Къ сожалѣнію, онъ успѣлъ сдѣлать не много. Но и въ короткій срокъ своей дѣятельности Майковъ затронулъ нѣсколько такихъ важныхъ художественныхъ и соціальныхъ вопросовъ, которые и въ наши дни не потеряли еще своего остраго интереса. Мы настоятельно рекомендуемъ читателю эту статью. Далеко не со всѣми взглядами Майкова онъ согласится: со смерти даровитаго критика прошло почти 40 лѣтъ, въ которыя наше общественное сознаніе не могло не уйти впередъ; но многое изъ сказаннаго Майковымъ и теперь еще заставляетъ призадуматься. Въ началѣ статьи г. Арсеньевъ приводитъ отзывы и воспоминанія о Майковѣ его знаменитыхъ современниковъ, затѣмъ излагаетъ взгляды самого Майкова и наконецъ дѣлаетъ имъ критическую оцѣнку. Статья эта тѣмъ болѣе интересна, что о Майковѣ имѣется въ нашей литературѣ очень немного свѣдѣній.

Путевые очерки г. Евгенія Маркова, озаглавленные: „Европейскій востокъ“, не оставляютъ прочнаго впечатлѣнія. Въ нихъ много красотъ, много лиризма, но мало содержанія: прочтешь—и въ глазахъ остается какой-то не то голубоватый, не то розоватый туманъ. Не очень, по правдѣ сказать, „наблюдательный“ наблюдатель г. Марковъ,—да онъ, кажется, за этимъ и не гонится; было бы красиво сказано, а о чемъ говорить—это ему все равно.

Изъ стихотвореній „Вѣстн. Европы“ обращаетъ на себя вниманіе небольшая пьеса г. Минскаго „Другу“. Поэтъ дѣлаетъ въ ней очень вѣрную характеристику нашего времени. „Мы потеряли все, — говоритъ онъ, — безсмертіе и Бога, и цѣль, и разумъ бытія. Кумиры прошлаго развѣнчаны безъ страха, грядущее темно, какъ море предъ грозой, и родъ людей стоитъ межъ гробомъ, полнымъ праха, и колыбелію пустой“. Нельзя не признать горькой правды этихъ образныхъ и поэтичныхъ строкъ.

Въ „Русской Мысли“ тянутся до сихъ поръ два большіе романа: г. Эртеля „На водахъ“ и Д. Сибиряка „На улицѣ“. Отзывы объ этихъ произведеніяхъ мы отлагаемъ до ихъ окончанія.

Послѣ долгой разлуки встрѣтили мы на страницахъ этого журнала давно жданное имя В. Гаршина. Молодой беллетристъ на этотъ разъ предлагаетъ намъ небольшую легенду: „Сказаніе о гордомъ Аггеѣ“, написанную, очевидно, подъ сильнымъ вліяніемъ народныхъ разсказовъ графа Л. Толстого. При всемъ уваженіи нашемъ къ выдающемуся таланту В. Гаршина, отдавая полную справедливость художественности его

разсказа, мы противъ помѣщенія такихъ произведеній на страницахъ нашихъ толстыхъ журналовъ: предназначенныя для совершенно иной аудиторіи, они только нарушаютъ цѣлость и стройность программы журнала. Вѣдь если признать законность ихъ появленія въ „Русской Мысли“, отчего бы не печатать тамъ и дѣтскіе разсказы „О благонравномъ Ѳедѣ“, или клиническія лекціи, или, наконецъ, статьи по военнымъ наукамъ, садоводству, архитектурѣ и проч. и проч.? Безспорно, каждому редактору пріятно и выгодно выставить на своей обложкѣ такое любимое имя, какъ имя В. Гаршина, но врядъ ли эти мотивы могутъ быть признаны основательными. Мы дѣлаемъ исключеніе для графа Толстого, имѣя въ виду, что разсказы его пропагандируютъ философскія идеи графа, такъ живо и такъ глубоко захватившія именно интеллигентную часть нашего общества; но г. Гаршинъ, сколько намъ извѣстно, не принадлежитъ къ числу послѣдователей философія графа Толстого и въ своемъ разсказѣ преслѣдуетъ чисто-нравственныя цѣли. Что же касается самой легенды, она очень красива и выразительна по своему содержанію и разсказана точнымъ, чистымъ, образнымъ и въ то же время вполнѣ простымъ языкомъ. Вотъ въ двухъ словамъ ея фабула:

Въ нѣкоторой странѣ жилъ правитель, по имени Аггей. Богъ гнѣвался на него за гордость и захотѣлъ наказать его. Однажды на охотѣ правитель погнался за оленемъ. Онъ опередилъ всю свою свиту и, то догоняя звѣря, то упуская его изъ виду, доскакалъ за нимъ до берега рѣки, въ которую тотъ кинулся. Аггей снялъ съ себя одежду, привязалъ къ береговымъ кустамъ своего коня и бросился за своей жертвой. Въ это время ангелъ одѣлся въ его платье и принялъ видъ правителя, сѣлъ на его коня и вернулся во дворецъ. Аггей между тѣмъ потерялъ оленя изъ виду, но набрелъ на пастуха, которому и разсказалъ о своемъ приключеніи, требуя его помощи. Пастухъ не только не повѣрилъ Аггею, но даже побилъ его за самозванство; то же случилось съ Аггеемъ, когда онъ вернулся домой. Случайно увидавъ того, кто занялъ его мѣсто, правитель узналъ въ немъ ангела и рѣшилъ покориться Божьей волѣ. Прошло три года, во время которыхъ Аггей, странствуя по бѣлому свѣту, ухаживалъ за нищими и слѣпыми, надѣясь смиреніемъ искупить грѣхъ своей гордости. Ангелъ по прошествіи этого срока захотѣлъ вновь вернуть правителю его санъ, власть и богатство, но Аггей отказался: онъ понялъ отраду любви и милосердія. И много еще лѣтъ послѣ этого, никѣмъ не узнанный, трудился Аггей, а ангелъ, оставивъ

тѣло правителя, какъ будто бы онъ умеръ, вернулся предъ лицо Господа.

Нѣтъ словъ, идея разсказа очень гуманна и симпатична, но есть одно обстоятельство, на которое не мѣшало бы обратить вниманіе лицамъ, пишущимъ для народа: не слишкомъ ли злоупотребляютъ они въ своихъ разсказахъ элементомъ чудеснаго, не развиваютъ ли они этимъ въ народѣ весьма нежелательный мистицизмъ и опасную безпечность? „Богъ, дескать, все видитъ, а я буду сидѣть, сложа руки, и ждать, пока Онъ пошлетъ мнѣ съ неба Свою манну“. Вопросъ этотъ важенъ. На правильные выводы и обобщенія у народа врядъ ли хватитъ умственнаго развитія, — онъ все принимаетъ такимъ, какимъ оно ему преподносится. Не мѣшало бы почаще напоминать ему пословицу: „на Бога надѣйся, а самъ не плошай“.

Отмѣтимъ въ заключеніе помѣщенную въ „Русской Мысли“ очень интересную статью В. И. Семевскаго объ отношеніи славянофиловъ къ крестьянскому вопросу и весьма живо составленный критическій отчетъ о послѣднихъ художественныхъ выставкахъ, принадлежащій перу г. Ковалевскаго.

III.

(„Изъ дѣтства и школьныхъ лѣтъ“, г-жи А. Л.)

...Какъ дымные очерки тучъ на аломъ разливѣ заката, плывутъ и плывутъ предо мной далекія тѣни былого... Онѣ простираютъ ко мнѣ прозрачныя, блѣдныя руки; сплетаясь въ туманный узоръ, заслоняютъ открытую книгу, колеблютъ дыханьемъ своимъ огонь нагорѣвшихъ свѣчей, бѣлѣютъ на фонѣ окна, отвореннаго въ дремлющій садъ... И вспомнилъ я дѣтство мое,—мое одинокое дѣтство...

Я вижу себя худенькимъ десятилѣтнимъ мальчикомъ. Темно и тупо смотритъ въ высокія окна освѣщеннаго класса зимняя петербургская ночь. Мой сосѣдъ по скамейкѣ, Ивановъ,— одинъ изъ безчисленнаго множества Ивановыхъ, разсѣянныхъ по широкому лицу земли русской,—положивъ свою круглую, коротко остриженную голову на столъ, храпитъ самымъ беззастѣнчивымъ образомъ, пользуясь тѣмъ, что виднѣющаяся на каѳедрѣ усатая и горбоносая фигура нашего воспитателя цѣликомъ ушла въ развернутую передъ нимъ книгу. Я тоже, съ грѣхомъ пополамъ, покончилъ съ моими уроками и безсознательно засмотрѣлся на огонекъ одной изъ лампъ, освѣщающихъ нашъ классъ. Тоска грызетъ меня,—тяжелая, упорная тоска: что-то теперь дѣлается дома?.. Что мать, сестра, няня?..

...Изъ душнаго класса стрѣлой летитъ моя дѣтская греза. Какъ птица, мелькнула она надъ снѣжной пустыней Невы, на мигъ затерялась въ толпѣ, снующей на улицахъ шумныхъ, и тихо скользнула, какъ тѣнь, въ знакомый родной уголокъ...

Передо мной небольшая, уютная комната, мирно освѣщенная вечерней лампой. Накрытъ столъ. Дымясь, напѣваетъ свою пѣсню неугомонный самоваръ. Старушка-няня возится за чайнымъ приборомъ, а сбоку, у стола, утонувшая въ мягкихъ креслахъ, видится мнѣ фигура моей бѣдной больной матери. Широкій платокъ, въ который она закуталась, все-таки не спасаетъ ея отъ обычнаго вечерняго пароксизма чахоточной лихорадки, страннымъ огнемъ озарившей ея большіе глаза, страдальчески смотрящіе съ худого, блѣднаго, но все еще прекраснаго лица. Зато какой жизнью, какимъ здоровьемъ дышитъ рядомъ съ ней смуглая, румяная, черноволосая головка моей сестры, заботливо наклоненная надъ полураздѣтой куклой!..

... О, милыя тѣни, зачѣмъ не тамъ я, зачѣмъ я не съ вами!.. Мнѣ хочется ласкъ и любви, я здѣсь одинокъ и заброшенъ; никто надъ кроваткой моей съ заботой не шепчетъ молитвы, никто моихъ темныхъ волосъ не касается нѣжной рукой!..

Отчего же другія дѣти живутъ всегда дома? Отчего я долженъ сегодня пить чай не изъ моей любимой, разрисованной китайской чашечки, а изъ противной глиняной казенной кружки? Меня здѣсь не любятъ, надо мной смѣются! Я не виноватъ, что не могу скоро бѣгать въ „казаки-разбойники“ и ловко поддавать мячъ въ лапту. Я не виноватъ, что я не такъ силенъ, какъ этотъ толстый, лѣнивый Ивановъ! И вотъ нежданно-негаданно на глаза мои набѣгаютъ неудержимыя дѣтскія слезы...

— Что̀ съ тобой?—внезапно раздается съ каѳедры голосъ воспитателя, на минуту оторвавшагося отъ своей книги и замѣтившаго, что я что-то долго вожусь съ платкомъ.—Ты нездоровъ?

— Нѣтъ... такъ!..—едва сдерживаясь, отвѣчалъ я. — Позвольте выйти напиться воды...

— Ну, ступай!

— Баба... у, баба!—язвительно и злобно шепчетъ мнѣ вслѣдъ крѣпышъ Ивановъ, раздосадованный, что я помѣшалъ ему спать.—Вотъ погоди, я тебѣ покажу послѣ чаю!..

Но я его не слушаю. Я прохожу по коридору въ длинную, слабо освѣщенную рекреаціонную залу. О, какъ она знакома мнѣ со своими деревянными, жесткими, настоящими „казен-

ными“ скамьями, со столбами и веревками гимнастики, подымающимися въ ея дальнемъ темномъ концѣ, съ географическими картинками по стѣнамъ и золотымъ огонькомъ лампадки передъ женственно-красивымъ образомъ архангела Гавріила, въ котораго годъ спустя я такъ пламенно влюбился!.. Какъ она знакома и какъ ненавистна мнѣ!.. Я прислоняюсь лбомъ къ стеклу одного изъ ея голыхъ, длинныхъ оконъ и, безсознательно наблюдая, какъ мигаютъ на улицѣ фонари, окруженные отъ мороза радужными ореолами, и какъ смутно бѣлѣютъ черезъ дорогу высокія липы парка, занесенныя инеемъ,—я плачу, плачу горько, безпомощно, истерически, пока рѣзкій сигналъ трубы не извѣщаетъ меня, что пора „строиться“ къ чаю.

...Какъ живо ты вспомнилось мнѣ, мое одинокое дѣтство!..

. . . .

Печальное дѣтство мнѣ пало на долю:
Изъ прихоти взятый чужою семьей,
По темнымъ угламъ я наплакался вволю,
Извѣдавъ всю тяжесть подачки людской.
Меня окружало довольство, лишеній
Не зналъ я,—зато и любви я не зналъ.
И въ тихія ночи отрадныхъ моленій
Никто надъ кроваткой моей не шепталъ.
Я росъ одиноко; я росъ позабытымъ,
Пугливымъ ребенкомъ, угрюмый, больной,
Съ умомъ, не по-дѣтски печалью развитымъ,
И съ чуткой, болѣзненно-чуткой душой;
И стали слетать ко мнѣ свѣтлыя грезы
И стали мнѣ дивныя рѣчи шептать
И дѣтскія слезы, безвинныя слезы
Съ рѣсницъ моихъ тихо крылами свѣвать!..
Ночь... въ комнатѣ душно... Сквозь шторы струится
Таинственный свѣтъ серебристой луны...
Я глубже стараюсь въ подушки зарыться—
А сны надо мной ужъ—завѣтные сны...
Чу!.. Шорохъ шаговъ и шумящаго платья...
Несмѣлые звуки слышнѣй и слышнѣй...
Вотъ нѣжное „здравствуй“—и чьи-то объятья
Кольцомъ обвилися вкругъ шеи моей...
Ты здѣсь, ты со мной, о, моя дорогая,
О, милая мама! Ты снова пришла...
Какіе жъ дары изъ далекаго рая
Ты бѣдному сыну съ собой принесла?
Какъ въ прошлыя ночи, взяла ль ты съ собою
Съ луговъ его—яркихъ, какъ день, мотыльковъ
Изъ рѣкъ его—рыбокъ съ цвѣтной чешуею,
Изъ темныхъ садовъ—ароматныхъ плодовъ?
Споешь ли ты райскія пѣсни мнѣ снова?
Разскажешь ли снова, какъ въ блескѣ лучей
И въ синихъ струяхъ ѳиміама святого
Тамъ носятся тѣни безгрѣшныхъ людей?

Какъ ангелы въ полночь на землю слетаютъ
И бродятъ вокругъ поселеній людскихъ,
И чистыя слезы молитвъ собираютъ
И нижутъ жемчужныя нити изъ нихъ:..
Сегодня, родная, я стою награды,
Сегодня... о, какъ ненавижу я ихъ,—
Опять они сердце мое безъ пощады
Измучили злобой упрековъ своихъ...
Скорѣй же, скорѣй!..—И подъ тихія ласки,
Обвѣянъ блаженствомъ нахлынувшихъ грезъ,
Я сладко смыкалъ утомленные глазки,
Прильнувши къ подушкѣ, намокшей отъ слезъ!..

. . . .

Да проститъ мнѣ читатель это небольшое лирическое отступленіе; оно не такъ чуждо темѣ нашей сегодняшней бесѣды, какъ это можетъ показаться съ перваго раза: всѣ эти полугрезы, полувоспоминанія навѣялъ на меня только-что оконченный въ „Сѣв. Вѣстникѣ“ разсказъ г-жи А. Л., озаглавленный: „Изъ дѣтства и школьныхъ лѣтъ“. Хорошую, теплую вещь удалось написать г-жѣ А. Л.! По-моему, ея „воспоминанія“, по своей правдѣ и искренности—одно изъ самыхъ выдающихся беллетристическихъ произведеній текущаго литературнаго года, не выключая отсюда и разсказовъ Л. Толстого. Ни тема „воспоминаній“ г-жи А. Л. ни отдѣльные эпизоды ихъ не отличаются особенной новизной и оригинальностью положеній; тѣмъ лучше: „устарѣло все, что ново“, какъ сказалъ великій поэтъ,—а все оригинальное, по выраженію другого писателя, часто бываетъ весьма трудно отличить отъ моднаго; кромѣ того, оригинальное заслоняетъ отъ насъ простое и обыкновенное, требующее нашего изученія и нашей помощи. Въ обоихъ этихъ парадоксахъ есть своя доля правды.

Исторія дѣтства „Паночки [1]) Медвѣдевой“, просто и безъ претензій разсказанная г-жою А. Л.,—исторія самая обыденная, встрѣчающаяся въ жизни на каждомъ шагу. Бѣдная дѣвочка имѣла несчастье рано лишиться своихъ родителей и попасть въ бархатныя руки непрошенныхъ благодѣтелей. Изъ этого факта, какъ изъ причины, логически вытекаютъ всѣ дальнѣйшія ея злоключенія. Кому не извѣстно, что такое подобные „благодѣтели“? Осчастливливая кого-нибудь своей щедростью, они, главнымъ образомъ, заботятся о томъ, чтобы, во-первыхъ — разславить по всему свѣту о нѣжности своего сердца, и, во-вторыхъ—сдѣлать это какъ можно дешевле для своего кармана. Преслѣдуя эти двѣ цѣли, они прежде всего стараются спихнуть свою жертву куда-нибудь въ закрытое заведеніе на

---

1) Уменьшительное отъ „Прасковья“.

казенный счетъ и о дальнѣйшей участи ея не считаютъ нужнымъ заботиться. Такъ поступили они и съ Паночкой Медвѣдевой. Воспоминанія ея логически дѣлятся на двѣ части: на жизнь ея въ семьѣ богатаго дяди-генерала и на жизнь въ институтѣ. Въ домъ дяди Паночка попала прямо изъ деревни, въ которой бросилъ ее отецъ, задумавшій уйти въ монахи. Неласково встрѣтила бѣднаго ребенка сановная семья дяди: съ эгоизмомъ и сухостью, свойственными всѣмъ такимъ семьямъ, тетка Паночки прежде всего заподозрѣла въ маленькой дѣвочкѣ, стоящей передъ ней, всевозможные недостатки и пороки и постаралась нравственно отдѣлить ее отъ своихъ дѣтей. Тысячи незаслуженныхъ униженій посыпались на голову дѣвочки.

— Дѣти, вотъ ваша кузина Медвѣдева; она сирота и бѣдна и будетъ жить пока съ вами.—Такъ отрекомендовала тетка своимъ дѣтямъ маленькую Паночку.

Какъ вы думаете, для чего она сочла нужнымъ упомянуть дѣтямъ о бѣдности дѣвочки? Разумѣется, для того, чтобы они были вдвое деликатнѣе съ нею: бѣдность щепетильна, бѣдность обидчива! Вы ошибаетесь; въ словахъ „генеральши“ сквозило нѣчто другое; они были простой перефразировкой извѣстныхъ словъ Фамусова: „кто бѣденъ, тотъ тебѣ не пара“. Медвѣдева сразу отводила въ своемъ домѣ мѣсто для племянницы между членами семьи и прислугой. Вотъ какая сценка разыгралась въ дѣтской, когда тетка удалилась: — „Какъ васъ зовутъ?“—спросила старшая дѣвочка.—„Паночка“,—отвѣчала я. — „Паночка! Какое смѣшное имя!.. Это что̀ же значитъ: Паночка?“—„Прасковья“,—сказала я.—„Ой, ай!“—завопили всѣ четверо сразу, заливаясь смѣхомъ, а младшая дѣвочка прибавила: — „Прасковья — такъ только горничныхъ зовутъ; ну, да вы бѣдная! Это, вѣрно, оттого васъ такъ и зовутъ, какъ у мужиковъ. Мужики тоже бѣдные...“—„Значитъ, у васъ нѣтъ своей деревни?“—спросилъ другой мальчикъ.—„Конечно, у нея нѣтъ... Развѣ деревни у бѣдныхъ бываютъ?“

Вотъ какіе выводы и сближенія сдѣлали дѣти изъ словъ Медвѣдевой. Дальше пошло еще хуже: на слѣдующее утро, когда дѣвочка проснулась и хотѣла одѣваться, ее прежде всего повели въ ванну.

„Ничего, ничего, сударыня, надо мыться,—приговаривала нянька.—Упаси Господи, чего изъ деревни привезть могли-съ. Недолго—и на нашихъ дѣтей перейдетъ. А вѣдь наши дѣти—генеральскія, не какія-нибудь безпомѣстныя!“ По окончаніи процедуры мытья, няня принялась старательно вычесывать

голову дѣвочки, пристально разсматривая гребень на свѣтъ. Тутъ мы опять предоставляемъ слово автору.

„Да чего вы ищете, няня?"—спросила я накопецъ, заинтригованная всѣмъ этимъ. — „Чего? Временнообязанныхъ, барышня!..—Она засмѣялась.—Нѣту ихъ у васъ въ деревнѣ (опять намекъ!), думала, не найдутся ли хоть въ головкѣ-съ... Ну, нѣтъ-съ и тутъ..." — „Чего?" приставала я. — „Чего да чего? Вшей!"—нетерпѣливо огрызнулась она, раздраженная моими разспросами.

Подобныя сцены повторялись на каждомъ шагу. И вотъ началась для дѣвочки тяжелая и нерадостная жизнь: холодная враждебность тетки, недовольной вторженіемъ въ семью посторонняго элемента, обиды и оскорбленія прислуги, которой прибавилось дѣла и заботы, насмѣшки избалованныхъ дѣтей и слезы,—одинокія, безпомощныя, беззащитныя дѣтскія слезы! Такъ дѣло тянулось до поступленія Ианочки въ институтъ. Пребыванію ея въ стѣнахъ заведенія посвящены двѣ остальныя части воспоминаній.

Я всегда съ живѣйшимъ интересомъ слѣжу въ журналистикѣ за всякими беллетристическими разоблаченіями институтской жизни. По моему мнѣнію, основанному въ значительной степени на моемъ личномъ знакомствѣ съ институтскимъ бытомъ, заведенія эти—своего рода бурса, ждущая новаго Помяловскаго, чтобы изъ-за китайской стѣны, ревниво оберегающей ихъ отъ любопытныхъ взглядовъ, выплыли на свѣтъ Божій многія крайне интересныя подробности ихъ организаціи и жизни. Снисходительность, незлобивость и кротость являются основными чертами воспоминаній г-жи А. Л. Она слишкомъ далека отъ всякихъ обличительныхъ намѣреній и сосредоточиваетъ свое главное вниманіе на личной исторіи своей маленькой героини и ея подругъ. Но и тѣ немногіе факты, которые мимоходомъ приводитъ она, въ высшей степени выразительны и краснорѣчивы. Вотъ, напримѣръ, какъ характеризуетъ г-жа А. Л. тотъ педагогическій символъ вѣры, который исповѣдовала начальница N-скаго института (чтобъ успокоить читателя, напоминаемъ ему, что воспоминанія г-жи А. Л. относятся къ прошлому):

„Что̀ касается воспитательной ея дѣятельности,—говоритъ г-жа А. Л.,—то она сводилась къ поученіямъ на слѣдующую тему: хорошо воспитаннымъ дѣвушкамъ нужно: прежде всего имѣть хорошія манеры и говорить безъ акцента по-французски; это условіе sine qua non ихъ будущаго счастья; это талисманъ, который достаточнымъ образомъ обезпечитъ не только успѣхъ въ обществѣ, но и добудетъ богатымъ—комильфотнаго жениха,

а бѣднымъ дастъ возможность попасть на хорошо оплачиваемыя казенныя мѣста учительницъ и воспитательницъ (!). Затѣмъ для дѣвицы нужна хорошая нравственность; что̀ подразумѣвалось подъ этою нравственностью, довольно трудно опредѣлить сразу. Первымъ артикуломъ было не грубить начальству и слушаться всякаго приказанія безпрекословно; потомъ: не завивать волосъ, не носить на шеѣ бархатокъ и ленточекъ; въ закрашенныхъ окнахъ не выцарапывать ясныхъ мѣстечекъ, чтобы выглядывать на улицу, не читать книгъ, приносимыхъ посторонними заведенію лицами; въ нѣмецкое дежурство говорить по-нѣмецки, а во французское — по-французски и по возможности не произносить ни одного русскаго слова иначе, какъ во время русскихъ уроковъ или необходимыхъ сношеній съ прислугою, знать свои уроки добропорядочно, однако не слишкомъ блестящимъ образомъ, потому что... ну, потому, что „знать что-либо очень хорошо“—для молодой, благовоспитанной дѣвицы какъ будто даже неприлично (!!)... Молодая, хорошо воспитанная дѣвица должна колебаться, сомнѣваться въ непреложности своихъ взглядовъ и за разъясненіемъ обращаться къ старшимъ...“

Мы ничего не прибавимъ отъ себя къ этой выпискѣ: всякіе комментаріи будутъ слабы въ сравненіи съ перлами этого „Credo“. Скажемъ только, что въ немъ особенно характерно выразилась основная черта институтскаго воспитанія—ложь во всѣхъ ея видахъ и проявленіяхъ, начиная съ титула „maman“, съ которымъ обязательно обращаться къ начальницѣ, и кончая этими притворнымъ незнаніемъ и нерѣшительностью, предписываемымъ институткамъ, вѣроятно, въ видахъ сохраненія въ нихъ „женственности“, о которой столько толкуютъ въ послѣднее время различные развратники, прикрывающіеся маской моралистовъ.

Тяжело и скучно было на первыхъ порахъ бѣдной Паночкѣ. Положимъ, она успѣла уже отвыкнуть за время своего пребыванія у Медвѣдевыхъ отъ семейныхъ ласкъ и заботъ, но все-таки формализмъ заведенія, его мертвыя, сухія казенныя стороны не могли не душить ея. Вѣроятно, не разъ испытывала она тѣ ощущенія, о которыхъ я пытался дать понятіе читателю въ началѣ моей бесѣды, припомнивъ изъ собственнаго опыта мое душевное состояніе и вмѣстѣ съ тѣмъ душевное состояніе многихъ дѣтей, оторванныхъ отъ теплаго огонька ихъ семейныхъ очаговъ. Но не можетъ же быть, однако, чтобъ въ томъ темномъ царствѣ, въ которое вводитъ читателя вслѣдъ за своей героиней г-жа А. Л., не приносилось ни одной свѣжей струи, не было ни одного отрад-

наго явленія? Конечно, не можетъ быть; такихъ безусловно гнилыхъ угловъ не существуетъ въ жизни; свѣтило своe „красное солнышко“ и N-скому институту: къ несчастью, оно закатилось слишкомъ скоро. Этимъ „краснымъ солнышкомъ“ былъ учитель словесности Антонъ Алексѣевичъ Алексѣевъ.

Кстати объ учителяхъ словесности вообще: мнѣ пришлось по поводу ихъ имѣть очень интересный, живой разговоръ. Рѣчь шла о современной молодежи, объ исчезновеніи въ ея средѣ духовныхъ интересовъ и горячей любви къ наукѣ.

— Вы, конечно, помните, — говорилъ мнѣ собесѣдникъ, одинъ глубоко-симпатичный русскій типъ, хорошо знакомый всѣмъ намъ и по книгамъ и изъ личныхъ нашихъ воспоминаній:—я говорю объ учителѣ словесности, объ этомъ чудакѣ, съ вѣчно растрепанными волосами, съ горящими глазами, съ вдохновеннымъ лицомъ поэта, странно выглядывающимъ изъ чиновничьяго мундира, и съ пламенными рѣчами на устахъ о правдѣ, о добрѣ, о вѣчномъ и прекрасномъ. Помните ли вы его размашистые жесты, когда онъ, весь холодѣя отъ священнаго восторга, читалъ намъ въ классѣ съ бурсацкимъ акцентомъ одну изъ безсмертныхъ повѣстей Гоголя или одну изъ льющихся, какъ музыка, огненныхъ статей Бѣлинскаго? Какимъ чистымъ пламенемъ зажигалъ онъ наши сердца, какія безконечныя, свѣтлыя дали раздвигались и раскидывались передъ нами, какъ неуклонно и твердо вѣрилось намъ тогда во все прекрасное! Куда онъ дѣлся въ наше время? Онъ пропалъ, исчезъ... Его замѣнилъ аккуратно-выбритый, педантичный чиновникъ со славянской грамматикой Перевлѣсскаго въ рукахъ. А между тѣмъ роль его была въ высшей степени важна и почтенна: онъ будилъ и направлялъ нашу мысль, одухотворялъ идеаломъ нашу жизнь.

Знакомый мой въ самомъ дѣлѣ правъ... Куда вы подѣвались, честные труженики, лучшіе друзья юношества?.. Какое ненастье распугало васъ?.. Отзовитесь!..

Антонъ Алексѣевичъ въ воспоминаніяхъ г-жи А. Л. является однимъ изъ такихъ живыхъ типовъ. Онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы заронить хоть одну свѣтлую мысль въ усердно ограждаемыя головки своихъ учеництъ, но и ему стало наконецъ не подъ силу бороться съ китайщиной, царствовавшей въ заведеніи: послѣ одного изъ обысковъ, дѣлавшихся иногда въ институтѣ, начальство нашло у дѣвицъ нѣсколько книгъ, принадлежавшихъ Алексѣеву, которыя и были отнесены ему обратно со строгимъ выговоромъ. Чаша терпѣнія его переполнилась, и онъ подалъ въ отставку.

Вотъ въ какой средѣ росла и воспитывалась маленькая Наночка Медвѣдева. Слава Богу,—она не была обижена ни умомъ ни сердцемъ и сумѣла вырваться на волю, не тронутая тлетворнымъ дыханіемъ институтской лжи, не изуродованная нелѣпыми порядками своей школьной жизни. Не всѣ ея подруги могутъ похвастаться тѣмъ же. Г-жа А. Л. разсказываетъ намъ объ участи двухъ ихъ нихъ, изъ которыхъ одна почти буквально задохлась отъ уродливыхъ условій, окружавшихъ ее въ семьѣ и школѣ, а другая вступила на скользкій путь кокотки. Фигура первой изъ нихъ, маленькой Шурочки, нарисована г-жою А. Л. съ рѣдкой теплотой и типичностью, и участь бѣдной дѣвочки глубоко трогаетъ читателя. Очень удались также г-жѣ А. Л. характеристики семьи Медвѣдевыхъ и нѣкоторыхъ изъ классныхъ дамъ, — зато личность Машеньки Орловой, другой подруги Наночки, вышла блѣдной, ходульной и слишкомъ идеализированной. Написана повѣсть въ высшей степени простымъ и задушевнымъ тономъ и читается съ неослабѣвающимъ интересомъ. Побольше бы такихъ жизненныхъ произведеній въ нашихъ журналахъ!

Два слова о поэзіи: упорно надѣясь рано или поздно заинтересовать читателя русской поэзіей, обыкновенно игнорируемой нашей критикой, я обращаю его вниманіе на молодого поэта г. Фофанова, обладающаго, по-моему, большимъ дарованіемъ чисто-художественнаго оттѣнка. Къ сожалѣнію, г. Фофановъ преимущественно печатался въ маленькихъ журналахъ и поэтому извѣстенъ немногимъ. Чтобы не показаться бездоказательнымъ, привожу изъ „Всемірной Иллюстраціи“ одно изъ его стихотвореній.

„Когда, удалившись отъ золъ суеты, отъ благъ и житейскихъ страданій, ты внидешь, исполнена тайной мечты, въ обитель святыхъ покаяній,—быть-можетъ, тебя навѣстить я приду усталой, признательной тѣнью, весною, когда въ монастырскомъ саду запахнетъ душистой сиренью.

„Войду я безмолвенъ, войду я унылъ въ обитель молитвы и мира, услышу бряцанье пахучихъ кадилъ и пѣнье согласное клира. Тебя я узнàю межъ юныхъ черницъ, твой взоръ будетъ кротокъ и нѣженъ; ты будешь безмолвна, какъ сумракъ темницъ, я буду, какъ буря, мятеженъ.

„Но ты не узнàешь, родная, меня; пройдешь ты потупившись мимо, блѣдна, какъ мерцанье осенняго дня, прекрасна, какъ тѣнь серафима. Не дрогнутъ рѣсницы, не вспыхнетъ

щека,—пройдешь и исчезнешь безъ шума... Ты будешь отъ думы земной далека, я весь буду трепетъ и дума!"

Стихотвореніе это не безъ недостатковъ, но романсъ изъ его вышелъ бы прелестный, пѣвучій, граціозный...

IV.

(Рыночный журналъ.—Книжки „Недѣли").

Спросите у любого провинціальнаго читателя или, еще лучше, у читательницы „не изъ бойкихъ", кого она считаетъ первымъ русскимъ современнымъ романистомъ?—и она безъ запинки отвѣтитъ: Всеволода Соловьева. Попробуйте послѣ этого назвать ей имена Глѣба Успенскаго, Гаршина—она сдѣлаетъ удивленные глаза и скажетъ вамъ, что изъ нихъ никого не читала,—нѣтъ, впрочемъ, попыталась разъ прочесть что-то такое Успенскаго, но тамъ о мужикахъ говорится, ей показалось скучно, и она бросила. Откуда происходитъ это нелѣпѣйшее изъ нелѣпыхъ явленій нашей жизни?

Русская литература, какъ извѣстно, не богата направленіями и оттѣнками. Съ одной стороны, бѣдность эта далеко не утѣшительна, такъ какъ доказываетъ, что наша общественная жизнь находится еще въ младенческомъ состояніи, съ другой—меньше направленій, меньше и розни, меньше полемики, часто мелкой и личной, больше силы и вліянія. Въ послѣднее время къ существовавшимъ литературнымъ теченіямъ присоединилось еще одно, новое и небывалое, которое всего справедливѣе окрестить эпитетомъ „рыночнаго". Несмотря на свою сравнительную молодость, это рыночное „направленіе" начинаетъ все болѣе и болѣе охватывать періодическую литературу, проскальзывая даже въ такіе органы, которые прежде были безупречны въ этомъ отношеніи. Каждый органъ при своемъ возникновеніи обыкновенно торжественно заявляетъ, что онъ поставилъ себѣ цѣлью пополнить тотъ или другой подмѣченный имъ въ литературѣ „пробѣлъ"; органы рыночные подразумѣваютъ при этомъ случаѣ исключительно „пробѣлы" въ карманахъ своихъ редакторовъ-издателей. Поставивъ себѣ такую высокую задачу, они неизбѣжно должны выдвинуть на первый планъ не какіе-либо политическіе и нравственные интересы, а публику въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, въ смыслѣ читающей массы, часто полуграмотной, неразвитой и чуждой всякихъ убѣжденій. Само собою разумѣется, что при такой постановкѣ вопроса не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы поднять эту публику до себя, стараться расширить кругъ ея знаній, воспитывать ея

художественный вкусъ, пробуждать въ ней общественные инстинкты. Гораздо легче, проще и выгоднѣе спуститься до нея, угощать ее пошленькими или грязноватыми издѣльицами ловкихъ мастеровъ литературнаго цеха, льстить ея темнымъ и низменнымъ инстинктамъ и въ награду собирать золотую жатву богатой подписки. „Публика" любитъ, чтобы чтеніе ей обходилось подешевле и чтобы его было побольше,— прекрасно! И вотъ на бѣлый свѣтъ начинаютъ появляться разныя „Радуги", „Эпохи", „Нови", „Лучи", „Колосья" и т. д., въ аршинныхъ рекламахъ объявляющія, что онѣ за ломаный грошъ доставятъ читателю цѣлые пуды печатной бумаги и чуть не эдемскія наслажденія. „Публика" любитъ легкое зубоскальство, и на почвѣ его развертывается роскошнымъ цвѣткомъ несравненный талантъ г-на Лейкина. „Публика" любитъ историческіе романы, въ которыхъ исторія трактовалась бы въ томъ смыслѣ, въ какомъ нѣкогда трактовали ее Митрофанушка и его скотница,—и вотъ появляется на сцену г-нъ Вс. Соловьевъ и предлагаетъ публикѣ въ многотомномъ повѣствованіи о нѣкоемъ Сергѣѣ Горбатовѣ описаніе всѣхъ трусовъ, гладовъ, нашествій иноплеменниковъ и иныхъ ужасовъ, какіе только выпадали на долю нашей отчизны. „Публика" не прочь отъ сплетенъ и грязи—и на свѣтъ Божій выдвигаются изъ мрака неизвѣстности гг. Поликарповъ, Н. Морской, „Вопросительный знакъ" и вслѣдъ за ними—цѣлая фаланга ретивыхъ пасквилянтовъ, оплевывающихъ всѣхъ и каждаго, чья жизнь представляетъ какой-нибудь общественный интересъ... „Публика требуетъ... публика любитъ... публика привыкла..."—вотъ выраженія, не сходящія изъ устъ редакторовъ-издателей. Въ общемъ получается „веселенькій пейзажъ", какъ выражался Череванинъ у Помяловскаго, и надъ всѣмъ этимъ виситъ въ воздухѣ, какъ туча, сплошной гулъ торгашескихъ зазываній и крѣпкой ругани, совершенно оглушающій растерявшагося читателя.

На этой же почвѣ погони за наживой и вытекающаго изъ нея раболѣпства передъ „публикой" возникли и журналы „безъ направленія", развязно заявляющіе, что они представляютъ собою не трибуны людей убѣжденныхъ, чего-то хотящихъ и куда-то стремящихся, а просто складочные сараи литературнаго хлама, лишь бы онъ пришелся по вкусу публикѣ... И въ самомъ дѣлѣ, къ чему еще какое-то направленіе? Во-первыхъ, оно, видите ли, стѣсняетъ развитіе талантовъ, гнететъ ихъ узостью кружковыхъ тенденцій (какъ будто кружокъ и направленіе—одно и то же!), а во-вторыхъ, и сама публика довольно равнодушна ко всякимъ направленіямъ,

кромѣ того, которое выражается коротенькой формулой—„надо жить!“. Послѣдняго соображенія, разумѣется, вслухъ высказать нельзя,—и вотъ явилась настоятельная необходимость возвести въ направленіе самое это отсутствіе направленія. Нашлись искусники, успѣшно продѣлавшіе и этотъ фокусъ, и на знаменахъ ихъ органовъ появилось начертанное сусальнымъ золотомъ слово „культура“, жрецами которой они провозгласили себя. Надо сознаться, выдумка эта не лишена своеобразнаго рыночнаго остроумія.

Получился, такимъ образомъ, круговоротъ, изъ котораго никакого движенія впередъ не выйдетъ, да и не можетъ выйти: публика поддерживаетъ журналы, пришедшіеся ей по вкусу, журналы угождаютъ публикѣ—и обѣ стороны довольны другъ другомъ. Къ числу такихъ изданій относимъ мы и „Наблюдателя“, майская книжка котораго лежитъ передъ нами.

Редакторъ „Наблюдателя“, г. Пятковскій, во-первыхъ, все-таки литераторъ „шестидесятыхъ“ годовъ и, во-вторыхъ, человѣкъ осторожный и на нововведенія, хотя бы и остроумныя, не падкій. На своемъ журнальномъ знамени слово „культура“ онъ не написалъ; онъ предпочелъ спрятаться за направленіе вполнѣ почтенное, давшее русской литературѣ много дѣльныхъ и полезныхъ органовъ. Направленіе это привлекло и продолжаетъ привлекать къ его журналу нѣкоторыя порядочныя литературныя силы, болѣе или менѣе заслуживающихъ уваженія тружениковъ слова. Однако все это сущности дѣла не мѣняетъ, и принципъ раболѣпнаго угожденія публикѣ сквозитъ въ журналѣ очень явственно, если приглядѣться къ тому, какъ онъ ведется. Г. Пятковскій, напримѣръ, очень хорошо знаетъ, что въ читающей массѣ есть немало „аматеровъ насчетъ журнальной полноты“, какъ бывали, если вѣрить Гоголю, „аматеры насчетъ полноты женской“ *),—и вотъ „Наблюдатель“ выходитъ въ такомъ объемѣ, точно его раздуло отъ водянки, и при этомъ стòитъ всего 12 р. (безъ доставки). Какъ же достигаетъ г. Пятковскій возможности давать за сравнительно низкую плату такъ много матеріала? Очень просто: онъ наполняетъ страницы журнала массой переводной беллетристики, помѣщаетъ въ каждомъ номерѣ чуть не печатный листъ изъ рукъ вонъ плохихъ стихотвореній, доставляемыхъ часто даромъ,—и дѣло улаживается. Бѣдность столичной интеллигенціи вошла въ пословицу: переводы въ наши дни стòятъ баснословно дешево; заплатить за листъ перевода отъ 8 до 15 руб., во всякомъ случаѣ, выгоднѣе, чѣмъ пла-

*) Гоголь, „Женитьба“, слова Жевакина.

тить по 100—150 р. за листъ оригинальнаго произведенія. Что же касается „публики“, то и она остается не въ накладѣ, такъ какъ при такомъ веденіи дѣла журналъ оказывается переполненнымъ такъ называемымъ легкимъ чтеніемъ.

Въ лежащей передъ нами майской книгѣ „Наблюдателя“ одновременно печатается шесть переводныхъ беллетристическихъ произведеній, занимающихъ въ суммѣ около 15 печатныхъ листовъ изъ 25, составляющихъ объемъ всей книжки. Оригинальная беллетристика журнала составляетъ всего 4 листа, т.-е. втрое меньше, и представлена всего двумя произведеніями: печатающимися гомеопатическими дозами романомъ г. Макс. Бѣлинскаго и дикой повѣстью г-жи Назарьевой, озаглавленною „Безправная“. Выборъ переводныхъ произведеній также не отличается особеннымъ вкусомъ: на ряду съ живыми, интересными разсказами Грентъ-Аллена и съ такой крупной, по своему художественному значенію, вещью, какъ послѣдній романъ Золя „Идеалъ“, читатель находитъ въ журналѣ хлыщеватые и легковѣсные очерки парижскаго фельетониста Альбера Вольфа „Прожигатели жизни“, представляющіе рядъ поверхностныхъ замѣтокъ о разныхъ притонахъ разврата и никому ненужныхъ біографій свѣтскихъ шалопаевъ и кокотокъ. Въ той же книжкѣ журнала напечатанъ цѣликомъ и новый буржуазно-тупой и шаблонный романъ Жоржа Онэ, Богъ вѣсть за какія достоинства вошедшаго въ послѣднее время въ моду во Франціи. Нетрудно такимъ образомъ убѣдиться, что г. Пятковскій и самымъ выборомъ статей усердно служитъ публикѣ, давая ей возможность при чтеніи произведеній Вольфа удовлетворить страстишки къ грязнымъ исторіямъ и скандаламъ, а при чтеніи романа Онэ затрогивая и сентиментальныя струны и удовлетворяя любви ея къ интересной фабулѣ при пустотѣ содержанія. Въ этомъ же родѣ были и многіе изъ переводовъ, помѣщенныхъ въ предыдущихъ книжкахъ журнала. Разсказы Катюлля Мендеса поражали наглымъ цинизмомъ своего содержанія, повѣсти Эрнеста Додэ, брата знаменитаго Альфонса Додэ, оказались крайне безцвѣтными и шаблонными, равно какъ и длиннѣйшій англійскій романъ „Мормонъ“, нагонявшій зѣвоту, несмотря на многочисленныя неожиданныя перипетіи борьбы между его двумя дѣйствующими лицами—романтическимъ злодѣемъ и романтическимъ героемъ. Не лучше и поэзія „Наблюдателя“. Г. Фофановъ, далеко не обдѣленный талантомъ, какъ мы имѣли случай это замѣтить въ прошлой бесѣдѣ, въ этотъ разъ отличился весьма сомнительнымъ образомъ, посадивъ въ стихотвореніи „Молитва

ласточки“ своего Зевса на огненный престолъ и совершенно упустивъ изъ виду, какъ много неудобствъ можетъ представить для бѣднаго бога такое раскаленное сѣдалище. Мудрено ли, что при этомъ случаѣ поэтъ „различилъ“ въ чертахъ божества, какъ онъ выражается, „тѣнь сумрачной тоски и тѣнь глубокой боли“. Г. Можайскій сочинилъ какія-то варіаціи на тему извѣстной школьной пѣсенки: „наступилъ мѣсяцъ май, прилетѣла птица ай!“. Г. Линдегренъ довольно неуклюже перевелъ небольшое стихотвореніе Франсуа Коппэ; г. Гославскій въ стихотворной филиппикѣ обрушился на заѣвшую насъ фразу, обозвавъ ее „свѣтлой, чарующей, сладостно-жгучей (???), ложной, мишурной звѣздой!“. Но пальма первенства, какъ и слѣдовало ожидать въ силу естественнаго каламбура, безспорно принадлежитъ г. Пальмину. Г. Пальминъ рѣшительно нездоровъ: онъ боленъ „стихоточивостью“ безъ удержа, безъ передышки. Въ сравнительно короткое время своей дѣятельности онъ выпустилъ два весьма увѣсистыхъ тома стихотвореній и продолжаетъ строчить въ „Осколкахъ“ г. Лейкина по три пьесы въ недѣлю и въ другихъ журналахъ—въ томъ же количествѣ. Что̀ это за стихи, Богъ мой, что̀ за стихи! Вотъ, напримѣръ, стихотвореніе „Ау!“, помѣщенное въ „Наблюдателѣ“: „Писатели братья,—восклицаетъ г. Пальминъ,—жизнь темна, какъ лѣсъ, давайте-ка аукаться въ ней священнымъ (?) зовомъ (?). Слушайте, я начинаю“— и дѣйствительно начинаетъ: „Ау, я взываю громовымъ проклятьемъ (?) гордынѣ, возставшей главой къ небесамъ“ (что̀ это за гордыня такая?). „Ау!—шлю презрѣнье кичащейся силѣ, ау!—милымъ братьямъ, уснувшимъ въ могилѣ... Ау!— пронесется въ вѣкахъ“ (скромно сказано!). И затѣмъ продолжается безъ умолка: „Ау,—братья по слову, Ау,—въ древнемъ прахѣ (?) боецъ опочившій... Ау!—геній жданный, покуда не жившій“—и заканчивается эта чепуха такъ: „Давайте же въ жизненномъ лѣсѣ, какъ дѣти, аукаться! Братья, впередъ! Братъ брата найдетъ!“

Мы бы, разумѣется, оставили въ покоѣ г. Пальмина, если бы не одно небольшое обстоятельство: чуть не половина произведеній этого поэта наполнена негодованіемъ на недостойныхъ торгашей словомъ, ворвавшихся въ чистый храмъ искусства и превращающихъ его въ рынокъ. Ау!—милый братъ, г. Пальминъ,—чѣмъ кумушекъ считать трудиться... Знакома ли вамъ эта басня?..

Зная, что „публика“ непрочь позубоскалить, и помня, вѣроятно, успѣхъ знаменитаго „Свистка“, такъ оживлявшаго „Современникъ“,—г. Питковскій завелъ и при своемъ жур-

налѣ юмористическій отдѣлъ, озаглавивъ его: „Фонографъ Наблюдателя“. Но что къ лицу Юпитеру,—не къ лицу быку: „фонографъ“ оказался плоскимъ и тупымъ, какъ большинство нашей современной юмористики: адвокаты, тещи, масленичное и пасхальное обжорство, лысины, легонькія насмѣшечки надъ политическими событіями,—вотъ набившія давно оскомину темы фонографа. Это не остроуміе,—это просто шутовство дурного тона. Въ майской книжкѣ журнала отдѣлъ этотъ, впрочемъ, отсутствуетъ.

Объ оригинальной беллетристикѣ „Наблюдателя“ мы на этотъ разъ ничего не скажемъ: романъ г. М. Бѣлинскаго и повѣсть г-жи Назарьевой не окончены. Изъ предыдущихъ четырехъ номеровъ журнала у насъ сохранилось воспоминаніе о недурномъ разсказѣ г. Мачтета: „Его часъ насталъ“ и мало даровитой повѣсти г-жи Дубровиной: „Пристроилась“. Въ другихъ отдѣлахъ мы нашли небезынтересную статью о положеніи современнаго итальянскаго рабочаго пролетаріата, нѣсколько бойкихъ сообщеній о „рыцаряхъ труда“ въ Америкѣ и живыя замѣтки о современной французской литературѣ. Отдѣлъ „Новыя книги“ составленъ безцвѣтно и матеріаломъ очень небогатъ; кромѣ того, отзывы о книгахъ часто запаздываютъ. Въ „Современномъ обозрѣніи“ съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, преслѣдуются евреи и притомъ въ самомъ нетерпимомъ и неприличномъ тонѣ, во вкусѣ нападокъ „Новаго Времени“. Изъ сказаннаго не трудно заключить, что собственно къ литературѣ, въ строгомъ смыслѣ этого слова, „Наблюдатель“ относится въ очень небольшой степени, и о каждой книжкѣ его говорить рѣшительно не стоитъ. Такъ мы и будемъ поступать впредь, отмѣчая въ нашей хроникѣ только что-нибудь выдающееся на страницахъ этого журнала,—если выдающемуся суждено будетъ какъ-нибудь проскользнуть на нихъ.

Совершенно иначе ведетъ свои дѣла г. Гайдебуровъ, выпускающій при „Недѣлѣ“ двѣнадцать книжекъ въ годъ, посвященныхъ исключительно беллетристикѣ. До сихъ поръ этотъ типъ изданія—беллетристическія приложенія къ газетѣ—тоже нельзя было признать вполнѣ литературнымъ; таковы и теперь еще книжки „Гражданина“, „Живописнаго Обозрѣнія“ (1886 г.), „Свѣта“ и др. органовъ. Если онѣ и не составляются сплошь изъ переводовъ, то во всякомъ случаѣ съ художественной точки зрѣнія представляютъ весьма сомнительную цѣнность. Г. Гайдебуровъ довелъ свои книжки до того, что онѣ получили интересъ сами по себѣ, помимо га-

зеты, дополненіемъ къ которой онѣ служатъ. Правда, требованія „публики“, въ смыслѣ читающей массы, не совсѣмъ игнорируется и книжками „Недѣли“: можно и въ нихъ встрѣтить произведенія, интересныя развѣ только со стороны сложной фабулы. Такова, напримѣръ, печатающаяся въ нихъ теперь повѣсть г. Мордовцева: „Нашъ Одиссей“, гдѣ дѣйствительное событіе, само по себѣ довольно маловажное, безконечно растянуто и размазано г-мъ Мордовцевымъ и передано, къ тому же, въ самой примитивной беллетристической формѣ. Особенно курьезными показались намъ тѣ страницы этой „исторической“ повѣсти, на которыхъ г. Мордовцевъ самымъ дѣтскимъ образомъ умиляется передъ мощью кулаковъ одного „россійскаго Геркулеса“ старыхъ временъ, офицера Лукина. Нельзя сказать, чтобы г-ну Мордовцеву удалось въ лицѣ своего „Одиссея“ подарить нашу публику особенно глубокомысленнымъ и художественнымъ произведеніемъ. Зато на страницахъ „Книжекъ Недѣли“ не рѣдкость встрѣтить имена Льва Толстого, Салтыкова, Гл. Успенскаго, Д. Сибиряка, Я. Полонскаго, Л. Русскина, Н. Минскаго и др. Помимо этихъ общепризнанныхъ талантовъ, въ „Недѣлѣ“ попадаются иногда и даровитые дебютанты, къ числу которыхъ мы относимъ г. В. Маценко, помѣстившаго тамъ въ этомъ году повѣсть „На свой ладъ“—вещицу очень свѣжую и написанную правдиво и жизненно.

Въ майской книжкѣ, лежащей теперь передъ нами, мы нашли милый и симпатичный небольшой разсказъ В. А—ова, названный: „Изъ первыхъ“. Разсказецъ этотъ весьма несложенъ по своей фабулѣ: жили-были молодой студентъ и молодая дѣвушка; они встрѣтились и, какъ слѣдовало ожидать, полюбили другъ друга. Повидимому, никакихъ помѣхъ къ счастливому браку не предвидѣлось,—но тутъ примѣшалось одно небольшое обстоятельство. Дѣло происходило въ ту эпоху нашей жизни, когда среди русскихъ женщинъ впервые проснулось сознаніе своей равноправности и жажда учиться и быть полезными. И дѣвушка и юноша пожертвовали наукѣ своимъ чувствомъ: она уѣхала за границу „изъ первыхъ“ русскихъ женщинъ,—онъ окончилъ университетъ, сдѣлался докторомъ и дѣятелемъ и въ концѣ концовъ женился на другой, сохранивъ, впрочемъ, самое теплое дружеское чувство къ подругѣ своей юности. Не то было съ нею: она навсегда осталась вѣрной своей первой любви, и бракъ его былъ для нея тяжелымъ ударомъ. Маленькая драма эта выясняется въ послѣдней сценѣ разсказа, въ которой авторъ сводитъ своихъ героевъ у самовара, въ тихій лѣтній вечеръ, и заставляетъ

ихъ предаться воспоминаніямъ прошлаго. Разсказецъ написанъ очень тепло и хорошимъ языкомъ. Тонкая струйка юмора, кой-гдѣ пробивающаяся въ немъ, очень его оживляетъ. Ни мѣткой психологіи ни яркихъ характеровъ читатель въ немъ не найдетъ; но прочтетъ онъ его съ удовольствіемъ, и впечатлѣніе у него останется хорошее, ободряющее, свѣтлое. Въ этой же книжкѣ „Недѣли" нашли мы продолженіе романа г. Ильина „Въ новомъ краю", большое, но неудачное стихотвореніе г. Толмачева и, въ переводной части, продолженіе романовъ Берингъ-Гульда „Встрѣчные токи" и Золя „Въ мірѣ искусства". Романъ г-на Ильина очень интересенъ по тѣмъ фактамъ, которые сообщаетъ авторъ изъ жизни Ташкентскаго края; жаль только, что онъ не удержался отъ пріобрѣвшей у насъ право гражданства замашки выводить въ беллетристическомъ произведеніи подъ прозрачными псевдонимами извѣстныя личности; такой манеры слѣдуетъ избѣгать, хотя бы выводимыя лица уже сошли со сцены, какъ сошли съ нея герои г-на Ильина. О переводахъ „Недѣли" много распространяться не будемъ: они исполняются всегда очень тщательно, и выборъ въ большинствѣ случаевъ бываетъ вполнѣ удачный.

Лѣто начинаетъ мало-по-малу вступать въ свои права. На литературѣ оно отражается обыкновенно пустотой въ журналахъ и почти полнымъ прекращеніемъ издательской дѣятельности. Пожелаемъ же хорошенько отдохнуть и поправиться всѣмъ, кто честно потрудился за зиму: много нужно силъ для тяжелаго и труднаго литературнаго пути! Это не фраза: на долю литератора выпадаетъ одна изъ самыхъ трудныхъ и отвѣтственныхъ обязанностей общественной жизни. Я позволю себѣ напомнить читателямъ одно небольшое стихотвореніе Я. П. Полонскаго, особенно ярко иллюстрирующее эту мысль. Вотъ оно: „Писатель, если только онъ волна, а океанъ— Россія, не можетъ быть не возмущенъ, когда возмущена стихія! Писатель, если только онъ есть нервъ великаго народа, не можетъ быть не пораженъ, когда поражена свобода!".

V.

(Посмертное стихотвореніе Пушкина.— О г-кѣ Буренинѣ).

У французскаго поэта Булье есть очень хорошенькое стихотвореніе, прекрасно переведенное на русскій языкъ П. И. Вейнбергомъ. Въ стихотвореніи этомъ разсказывается, что жилъ-былъ нѣкогда на бѣломъ свѣтѣ поэтъ, который такъ

хорошо пѣлъ, что даже звѣзды не могли равнодушно слушать его и однажды, въ ясную лѣтнюю ночь, внимая чудной гармоніи его стиховъ, алмазнымъ дождемъ посыпались съ неба на пѣвца. На слѣдующее утро поэтъ почувствовалъ себя голоднымъ и, вспомнивъ о богатствѣ, доставшемся ему наканунѣ, постучался у дверей перваго встрѣчнаго дома и попросилъ дать ему кусокъ хлѣба, обѣщая расплатиться за него звѣздой. Но толстые, самодовольные, тупые буржуа съ насмѣшками отогнали пѣвца отъ своего порога. Тѣ же насмѣшки были ему отвѣтомъ всюду, куда онъ ни обращался, и бѣдный пѣвецъ умеръ съ голода, въ страшной нищетѣ. „Но настанетъ день,—вдохновенно заканчиваетъ свое стихотвореніе Булье,—и дрогнетъ земля, и расколется крышка гроба, и яркимъ снопомъ брызнутъ изъ него алмазныя звѣзды, проливая свой чудный, кроткій свѣтъ на весь міръ Божій!“

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ навсегда захлопнулась крышка гроба надъ нашимъ незабвеннымъ, роднымъ соловьемъ—Пушкинымъ, но изъ его темной могилы отъ времени до времени не перестаютъ вырываться и свѣтить отчизнѣ чудныя, поэтическія звѣзды его пѣсенъ. Читатели „Зари“ прочли, конечно, новыя четыре строфы изъ „Родословной моего героя“, на-дняхъ цѣликомъ перепечатанныя „Зарей“ изъ „Русской Мысли“. Хвалить ихъ было бы верхомъ дерзости съ нашей стороны,—да это, разумѣется, и не нужно: изящная, чисто-„пушкинская“ простота стиха, тонкій, граціозный юморъ, чарующая мелодичность, роскошь образовъ и красокъ,—все это говоритъ само за себя, все это слишкомъ бьетъ въ глаза, чтобы не быть замѣченнымъ и оцѣненнымъ безъ всякихъ критическихъ комментаріевъ съ нашей стороны. Г. Онѣгинъ, сообщившій эти строки въ „Русскую Мысль“, въ небольшомъ предисловіи къ нимъ заявляетъ, между прочимъ, что, владѣя бумагами покойнаго Жуковскаго, онъ имѣетъ въ виду подѣлиться съ читателями еще многими, не напечатанными до сихъ поръ строками Пушкина, найденными въ этихъ бумагахъ. Намъ остается только отъ всей души поблагодарить г. Онѣгина за это обѣщаніе и порадоваться, что драгоцѣнный матеріалъ попалъ въ руки человѣка, сумѣвшаго понять все его громадное художественное значеніе. Къ сожалѣнію, это не всегда бываетъ.

Кромѣ этого отрывка изъ Пушкина, мы не нашли на страницахъ майской книги „Русской Мысли“ ничего, особенно стоящаго вниманія: романы Эртеля и Сибиряка все еще не закончены, а небольшой разсказецъ В. Салова: „Доѣзжачій“,

по нашему мнѣнію, не имѣетъ особеннаго литературнаго интереса. Г. Саловъ—разсказчикъ живой, наблюдательный и опытный; фигура старика Кира, умирающаго съ горя по своей погибшей охотничьей славѣ, нарисована Саловымъ умѣло, ярко и выпукло. Нѣкоторыя мѣста разсказа даже трогаютъ; но, строго говоря, всѣ эти вздохи о прошломъ, когда крѣпостное право давало возможность помѣщикамъ предаваться страсти къ охотѣ безъ всякаго удержу, могутъ быть интересны только для очень ограниченнаго круга людей. Я, напримѣръ, никакъ не могу позабыть, что на охоту въ старое время самымъ безжалостнымъ образомъ сгонялись отовсюду крестьяне, оторванные отъ своего дома и дѣла, что крестьянскія нивы нерѣдко совершенно погибали подъ копытами лошадей неистовствовавшихъ охотниковъ, и что барскій арапникъ не разъ хлесталъ по спинѣ и плечамъ какого-нибудь неловкаго выжлятника или доѣзжачаго; все это сильно уменьшаетъ въ моихъ глазахъ прелесть этой пресловутой „потѣхи“ нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Къ тому же типъ Кира, выводимый г. Саловымъ, вовсе не новъ въ нашей литературѣ: я помню такого же виртуоза - доѣзжачаго въ одномъ изъ разсказовъ Андрея Печерскаго. Напоминаетъ онъ нѣкоторыми своими сторонами и знаменитаго Ерошку изъ „Казаковъ“ графа Л. Толстого.

Кстати объ Ерошкѣ: я думаю, что не сдѣлаю большой нескромности, если сообщу читателямъ нѣсколько подробностей о томъ періодѣ жизни графа Толстого, когда онъ, служа на Кавказѣ, проводилъ время въ обществѣ Ерошки и другихъ героевъ своей повѣсти. Какъ-то я получилъ письмо отъ одного изъ моихъ друзей, разъѣзжающаго съ зоологическими цѣлями въ тѣхъ краяхъ. Въ письмѣ этомъ онъ, между прочимъ, сообщаетъ мнѣ, что ему удалось въ глухомъ углу Ставропольской губерніи познакомиться съ казакомъ, лично знавшимъ Толстого во время его пребыванія между гребенскими казаками. Это еще очень живой и бодрый старикъ, отлично помнящій графа, бывшаго тогда юношей, и много разсказывавшій о немъ моему пріятелю. Между прочимъ, онъ говорилъ ему, что, живя въ станицѣ, графъ все свое свободное время отдавалъ охотѣ, и что домъ его былъ всегда открытъ для всѣхъ удальцовъ и джигитовъ станицы. Съ „Ерошкой“—настоящее имя его было Епишка—графъ былъ въ особенно дружескихъ отношеніяхъ и, уѣзжая, звалъ его съ собой; тотъ отказался и потомъ очень жалѣлъ объ этомъ. Теперь его давно уже нѣтъ на свѣтѣ... Старикъ-разсказчикъ знаетъ грамоту, читалъ „Казаковъ“ и слышалъ о теперешней

славѣ графа Толстого; когда же мой пріятель попытался дать ему понятіе о послѣдней дѣятельности графа, онъ добродушно разсмѣялся и замѣтилъ: „Вотъ бы подойти къ нему теперь и сказать ему на ушко: „Левъ Николаевичъ, а Старогладовскую станицу помните?“

Въ послѣднее время къ такому большому кораблю, какимъ является въ нашей литературѣ Левъ Толстой даже и въ глазахъ людей, не раздѣляющихъ его философскихъ и этическихъ воззрѣній, самымъ усерднымъ образомъ старается прицѣпить свою утлую ладью другой, въ нѣкоторомъ родѣ, „писатель“ и „графъ“,—графъ Алексисъ Жасминовъ. Дѣлаетъ онъ это очень характерно: съ напускнымъ умиленіемъ кадя великому романисту, онъ въ то же время зорко слѣдитъ по сторонамъ, норовя задѣть своимъ кадиломъ всю остальную пишущую братію. „Толстой—проповѣдуетъ онъ,—это дѣйствительно „левъ“ нашей литературы, и всѣ прочіе, въ сравненіи съ нимъ, являются „козлами, баранами и поросятами“ (!!). Послѣ „Смерти Ивана Ильича“ трудно писать разсказы о дѣйствительной жизни, безъ грустной и серьезной думы, что все нами (кѣмъ?) написанное будетъ далеко отъ той реалистической правды и глубины, которыя теперь, благодаря генію нашего литературнаго льва, почти обязательны для художественной повѣсти“. Высокій комизмъ этихъ строкъ выступаетъ особенно ярко, если припомнить собственные беллетристическіе опыты графа Жасминова: порнографія самаго низкаго качества бьетъ въ глаза съ каждой страницы этихъ „реалистическихъ повѣстей изъ дѣйствительной жизни“. „Вздрагивающія бедра“, „обнаженныя плечи“, „античныя руки“, „неприкрытая грудь“,—„паденіе“ въ началѣ разсказа, „паденіе“ въ серединѣ и „паденіе“ въ концѣ... сцены въ спальняхъ, будуарахъ, купальняхъ и иныхъ мѣстахъ, излюбленныхъ порнографистами,—все это разсыпано въ повѣстяхъ графа Жасминова въ такомъ изобиліи, что становится совершенно непонятнымъ, причемъ тутъ „серьезныя (!) и грустныя (!) думы о реалистической правдѣ и глубинѣ“. Впрочемъ, въ сегодняшнемъ фельетонѣ у меня нѣтъ мѣста заниматься подробно беллетристикой графа, но я обѣщаю читателямъ сдѣлать это въ ближайшемъ будущемъ: графъ Жасминовъ столько лѣтъ работалъ, и до сихъ поръ никто еще не подводилъ итоговъ его литературнымъ заслугамъ. Это непростительный пробѣлъ въ нашей критикѣ!

Достается въ разбираемомъ мною фельетонѣ и молодымъ поэтамъ, которыхъ особенно не возлюбилъ за что-то графъ. Какихъ - какихъ только обвиненій ни сыплетъ онъ на нихъ

безталанныя головы! И риѳмы-то у нихъ въ родѣ „ножницы“ и „любовницы“, „кратеръ“ и „характеръ“, и „пищатъ“-то они и „мяукаютъ“, и „отбили у публики вкусъ къ стихамъ“ и „опошлили стихотворное остроуміе“. Цѣлый музеумъ непростительнѣйшихъ литературныхъ преступленій! Испуганный и потрясенный, я навожу немедленныя справки и убѣждаюсь, что произведенія „мяукающихъ поэтиковъ“, отбившихъ у публики вкусъ къ стихамъ, раскупаются очень бойко, тогда какъ стихотворные опыты самого графа преспокойно лежатъ себѣ на полкахъ книжныхъ магазиновъ, дожидаясь болѣе развитого, въ художественномъ отношеніи, читателя, чѣмъ читатель современный. Вслѣдъ затѣмъ я заглядываю въ послѣдній сборникъ графа: „Пѣсни и шаржи“ и нахожу тамъ по части риѳмъ такіе, напримѣръ, перлы: „типъ“ и „принципъ“, „цѣли“ и „вьолончели“, „Анѳиса“ и „дивися“. „Маріинскій театръ“ графъ именуетъ „Марьинскимъ“, а вмѣсто „Испанія“ говоритъ „Испанья“. Изъ этого же сборника почерпаю и образчики остроумія, опошленнаго молодыми поэтами; вотъ одинъ изъ этихъ образчиковъ: „Желаніе обѣдать каждый день,—замѣчаетъ графъ,—насъ (кого?) побуждаетъ дѣлать все на свѣтѣ“, а именно: писать стихи, „вертѣть носкомъ въ балетѣ“ (?), пускать въ ходъ акціи, сочинять проекты реформъ, и проч. и проч.,—или, наконецъ, „постыднымъ сдѣлаться сутягой, какъ Егозовичъ, славный адвокатъ, прыгнувшій изъ поповичей въ поляки, и ***, тотъ присяжный... гадъ (!), чьи лживыя уста, какъ зѣвъ клоаки, продажнымъ краснорѣчіемъ смердятъ (!); кто съ озлобленьемъ бѣшеной собаки, взявъ рубль желанный отъ блудливыхъ вдовъ, преслѣдовать печать (!) всегда готовъ. Наемный плутъ, изъ нѣдръ своей душонки выбрасывалъ онъ на судѣ не разъ зловонныя и грязныя подонки фальшиво-либеральныхъ словъ и фразъ“... Не выписываю дальше,—тамъ все идетъ въ томъ же родѣ. Признаюсь, такое остроуміе, при всемъ желаніи, опошлить не легко. Оно получаетъ особенный блескъ, если вспомнить, что подъ псевдонимомъ „Егозовичъ“ и подъ тремя звѣздочками графъ Жасминовъ выводитъ двухъ дѣятелей нашей адвокатуры, когда-то больно отхлеставшихъ его на судѣ за одинъ изъ его „литературныхъ подвиговъ“.

Итакъ, графъ пришелъ къ убѣжденію, что писать „реалистическія повѣсти“ послѣ Толстого нельзя, изъ опасенія самому попасть въ разрядъ козловъ, барановъ и поросятъ, а вкусъ къ стихамъ,—по крайней мѣрѣ къ стихамъ графа,—совершенно пропалъ въ невѣжественномъ современномъ читателѣ. Между тѣмъ „желаніе обѣдать каждый день“, толкающее человѣка

на всевозможныя пакости, очень живо въ поэтической душѣ графа. Какъ же быть? На выручку къ графу является никогда не покидающій его геній изобрѣтательности. „Отчего вы не попробуете,—говоритъ графу его муза,—писать стихи безъ риѳмъ и размѣра?“ Можно было бы отвѣтить музѣ, что идея ея вовсе не нова, что такіе стихи уже писали: у насъ—Тургеневъ, у французовъ—Шарль Бодлэръ. Но графъ или не боится ихъ соперничества, какъ боится соперничества Толстого, или забываетъ объ этомъ обстоятельствѣ. Онъ хватается за мысль своей музы, какъ за какую-то вновь открытую Америку. „Въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ онъ,—риѳма—небольшая выгода („Аѳиса“ и „дивися!“), а отсутствіе ея—небольшая бѣда. Даже и для самыхъ романическихъ сюжетовъ не надо стихотворной формы, чтобъ они вышли поэтическими и трогательными; ихъ легко можно обработать и прозой, разумѣется, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы проза эта была хороша“. Для подтвержденія этой лжи онъ беретъ тему, дѣйствительно, очень недурную. Что же, однако, изъ этого слѣдуетъ? Если графъ хотѣлъ сказать своей балладой, что произведенія, выраженныя прозой, могутъ быть поэтичными по содержанію,—я совѣтую ему зайти на досугѣ въ третій классъ любой гимназіи, и онъ убѣдится, что даже для гимназистовъ эта идея не будетъ новой: они покажутъ графу второй томъ хрестоматіи Галахова, носящій общее заглавіе: „Поэзія“, хотя далеко не всѣ произведенія, помѣщенныя въ немъ, написаны стихами. Если же графъ хотѣлъ сказать, что стихотворная форма совсѣмъ не нужна въ литературѣ,—онъ, дѣйствительно, открылъ Америку, но—увы!—Америку очень сомнительную. Не маніаки же и не сумасшедшіе были Пушкинъ и Лермонтовъ, убившіе такую массу труда на выработку стихотворной формы въ своихъ произведеніяхъ! У нея есть своя область и свои выгоды: тѣсныя рамки стиха требуютъ отъ поэта большей точности, яркости, сжатости и силы, чѣмъ просторъ, предоставляемый прозой. Что же касается музыкальной прелести, придаваемой стиху риѳмой, я думаю, ея не сталъ бы отрицать и самъ князь Тугоуховскій. Впрочемъ, все это до такой степени азбучно, что мнѣ просто совѣстно повторять эти истины. Если бы графъ заглядывалъ иногда въ психологическіе этюды на эту тему, онъ убѣдился бы, что извѣстная ритмичность рѣчи вообще свойственна человѣку въ минуты глубокаго душевнаго потрясенія; онъ нашелъ бы подтвержденіе этого даже въ своей балладѣ, приглядѣвшись къ разстановкѣ словъ въ наиболѣе патетическихъ мѣстахъ ея. Укажу ему еще на извѣстный романъ Алексѣя Толстого, гдѣ нап-

болѣе лирическія страницы написаны тою размѣрной прозой, которую принято называть „бѣлымъ стихомъ“. Нѣтъ, рѣшительно не удается графу Жасминову сдѣлаться „новаторомъ“ въ нашей литературѣ!

Романтическая баллада „Олафъ и Эстрильда“ входитъ въ фельетонъ графа, названный „Обезьяна—поэма въ прозѣ“, только какъ вводный эпизодъ; главнымъ же героемъ поэмы является, какъ говоритъ графъ, обезьяна. Фельетонъ только-что начатъ, и, по правдѣ сказать, продолженіе его не очень интересуетъ насъ. Не нужно обладать особымъ даромъ предвидѣнія, чтобы предсказать, что и онъ въ концѣ концовъ сведется на пасквиль, какъ многія другія произведенія графа. Я хочу только попутно сдѣлать маленькое замѣчаніе графу. Заканчивая свою балладу, онъ говоритъ: „Представляю нашимъ высокообразованнымъ критикамъ и не менѣе высокообразованнымъ поэтамъ изслѣдованіе о томъ, кто авторъ этой баллады; сочинилъ ли я эту балладу самъ или взялъ ее у какого-либо современнаго поэта,—оставляю это въ тайнѣ“. Въ качествѣ „высокообразованнаго поэта“, я беру на себя смѣлость замѣтить графу, что сочинить такую балладу вовсе не большая мудрость: что основной мотивъ ея—бѣдный молодой пѣвецъ, влюбившійся въ дочь или жену короля и погибшій отъ этой любви,—далеко не новъ; что множество варіантовъ на эту тему можно найти во всей сѣверо-западной поэзіи, и одинъ изъ самыхъ близкихъ къ варіанту, передаваемому графомъ, написанъ Уландомъ и переведенъ г. Вейнбергомъ, подъ заглавіемъ: „Проклятіе пѣвца“ (см. „Нѣмецкіе поэты Гербеля). Дальше графъ говоритъ: „Читатели знаютъ, что до сихъ поръ еще ни одинъ поэтъ не избиралъ своимъ героемъ обезьяну. Разумѣется, тѣмъ больше чести мнѣ: я являюсь единственнымъ въ данномъ случаѣ. Пускай Гомеръ воспѣвалъ Ахилла, Виргилій—Энея, Мильтонъ—Сатану; я воспою обезьяну“. Я долженъ замѣтить графу, что даже и выдумать эту обезьяну ему не удалось: она фигурируетъ въ поэзіи со временъ гораздо болѣе отдаленныхъ, чѣмъ времена Гомера и Виргилія; царь обезьянъ Гануманъ, сынъ царя вѣтровъ Паваны, является однимъ изъ видныхъ героевъ индѣйской миѳологіи. Въ Калькуттѣ ему выстроенъ огромный храмъ, гдѣ онъ изображенъ съ лирой въ рукахъ, какъ основатель одной изъ четырехъ системъ индѣйской музыки. Надѣюсь, что послѣ такого высокоученаго замѣчанія моя образованность становится внѣ насмѣшекъ почтеннаго графа. Но этого мало: сразившись съ нимъ на почвѣ теоретической, я хочу сразиться съ нимъ и на почвѣ практической. Я пред-

лагаю переложить въ стихи первыя пять строкъ его баллады, предоставивъ читателямъ рѣшить, выиграетъ или проиграетъ она отъ этого „писка“ и „мяуканья“. Начинаю, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ. Сначала—отрывокъ изъ образцовой прозы графа. Вотъ онъ:

„Олафъ и Эстрильда“.

„Кто онъ,—сказалъ король Гаральдъ,—кто тотъ пѣвецъ, чьи пѣсни раздались по всей Норвегіи? Эти пѣсни поетъ крестьянинъ за сохой, морякъ, распуская бѣлый парусъ на морѣ. Я часто слышалъ эти пѣсни на поляхъ битвъ: ихъ распѣвали рыцари, устремляясь на врага. Я хочу узнать, я хочу увидѣть этого пѣвца-волшебника,—приведите его въ мой замокъ.

„Король Гаральдъ сидѣлъ на своемъ золотомъ тронѣ. Къ нему привели молодого Олафа, искуснаго пѣвца, крестьянскаго сына. Посмотрѣлъ Олафъ направо, посмотрѣлъ налѣво—кругомъ стояли толпой придворные въ блестящихъ цвѣтныхъ нарядахъ; они оглядывали пѣвца и шептались и смѣялись между собою.

„Посмотрѣлъ молодой Олафъ на своего повелителя. Кто сидитъ тамъ на тронѣ, рядомъ съ королемъ, въ голубой одеждѣ, подобной небу? Это прекрасная Эстрильда, дочь короля. Она стройна и гибка, точно ель въ лѣсу; у нея лицо бѣлое, бѣлое, какъ чистый снѣгъ. Точно золото, развѣваются ея волосы, и глубоки ея глаза, будто синее море.

„Она не смѣялась и не шептала. Ея глубокіе, кроткіе глаза говорили: „Томится моя душа, тяжело мнѣ тутъ, среди этого блеска, среди окружающихъ меня, одѣтыхъ въ золото и шелкъ пустыхъ людей. Исцѣли мое больное сердце, молодой пѣвецъ, исцѣли его своими волшебными пѣснями“.

„Молодой Олафъ ударилъ по струнамъ. Подобно орлу, понеслась его пѣсня, полная силы. Онъ пѣлъ о солнцѣ, которое свѣтитъ міру, объ эльфахъ, пляшущихъ на цвѣтахъ въ благоухающую весеннюю ночь, о герояхъ стараго времени, сражавшихся въ бояхъ, объ ихъ честныхъ ранахъ и о благосклонности женщинъ, исцѣляющихъ раны“.

Такъ повѣствуетъ графъ. Теперь попробую я.

I.

„Кто онъ,—молвилъ Гаральдъ,—тотъ пѣвецъ-чародѣй,
Тотъ избранникъ, отмѣченный Божьимъ перстомъ,

Чьи напѣвы звучатъ по отчизнѣ моей.
Зажигая сердца непонятнымъ огнемъ?
Ихъ поетъ поселянинъ, трудясь за сохой,
И поетъ ихъ рыбакъ, выплывая въ заливъ,
Бѣлый парусъ надъ лономъ волны голубой
Горделиво навстрѣчу зарѣ распустивъ:
Я слыхалъ ихъ подъ грохотъ желѣзныхъ мечей,
На кровавыхъ поляхъ, въ безпощадномъ бою,
И внималъ имъ въ лѣсу, у бивачныхъ огней,
Торжествуя съ дружиной побѣду мою:
И хочу я услышать ихъ въ зàмкѣ моемъ!..
Призовите жъ пѣвца!.. Пусть, спокоенъ и смѣлъ,
Онъ споетъ предо мной, предъ своимъ королемъ,
То, что̀ съ дивною силой народу онъ пѣлъ!.."

II.

Льютъ хрустальныя люстры потоки лучей,
Шелкъ, алмазы и бархатъ блистаютъ кругомъ,
И Гаральдъ, окруженный толпою гостей,
Возсѣдаетъ на тронѣ своемъ золотомъ...
Распахнулась завѣса,—и вводятъ пѣвца:
Онъ въ крестьянскомъ нарядѣ и съ лютней въ рукахъ;
Вьются кудри вокругъ молодого лица,
Пышетъ знойный загаръ на румяныхъ щекахъ...
Поклонился пѣвецъ королю и гостямъ,
Оглядѣлся вокругъ—и смутился душой:
Слышитъ юный Олафъ: пробѣжалъ по рядамъ
Тихій смѣхъ, словно моря далекій прибой:
Видитъ юный Олафъ: сотни чуждыхъ очей
На него любопытно и зорко глядятъ...
Льютъ хрустальныя люстры потоки лучей,
Шелкъ, алмазы и бархатъ повсюду горятъ...

III.

И взглянулъ онъ впередъ, оглушенъ, ослѣпленъ
И испуганъ богатствомъ, разлитымъ кругомъ...
Боже, что̀ съ нимъ такое?.. То явь, или сонъ?
Кто тамъ рядомъ, на тронѣ, съ его королемъ?
То Эстрильда краса, королевская дочь...
Ярче вешнихъ небесъ на Эстрильдѣ нарядъ...
И не въ силахъ волненья Олафъ превозмочь
И не въ силахъ отвесть очарованный взглядъ.
Какъ зеленая ель въ заповѣдныхъ лѣсахъ,
Молодая царевна гибка и стройна:
По плечамъ разметались душистой волной
Золотистыя кольца упрямыхъ кудрей,
И какъ море темно передъ близкой грозой,—
Такъ темна глубина ея синихъ очей...

IV.

Не смѣются они надъ смущеннымъ пѣвцомъ,
Нѣтъ, они говорятъ: „Я грустна... я больна...
Ахъ, зажги мое скорбное сердце огнемъ,
Разбуди мое скорбное сердце отъ сна!
Что̀ мнѣ роскошь дворца? Что̀ мнѣ пышный нарядъ?

Что мнѣ льстивыя рѣчи корыстныхъ рабовъ?
Я хотѣла бы въ лѣсъ, гдѣ деревья шумятъ,
Я хотѣла бъ въ поля, на коверъ изъ цвѣтовъ!..
Позабытая всѣми, свободна, одна,
Убѣжать я хотѣла бъ на берегъ морской,
Чтобъ послушать, какъ дышитъ въ туманѣ волна,
И какъ вѣтеръ, ласкаясь, играетъ съ волной...
Ненавистенъ и тяжекъ мнѣ царскій вѣнецъ,—
Ненавистнѣй тюрьмы и тяжеле цѣпей!..
Исцѣли жъ мое бѣдное сердце, цѣвецъ,
Исцѣли его сладкою пѣсней своей!..“

V.

И ударилъ Олафъ по струнамъ и запѣлъ.—
Такъ запѣлъ, какъ донынѣ еще не пѣвалъ:
Юный голосъ слезами печали звенѣлъ,
Зноемъ страсти и нѣгой желаній дрожалъ.
Пѣлъ о солнцѣ Олафъ и о ясной веснѣ,
О манящихъ улыбкахъ и нѣжныхъ очахъ:
Пѣлъ о томъ, какъ въ весеннюю ночь, при лунѣ,
Пляшутъ эльфы, рѣзвясь на душистыхъ цвѣтахъ;
Пѣлъ о громкихъ дѣяньяхъ могучихъ вождей,
Пѣлъ о славныхъ сраженьяхъ и ранахъ бойцовъ,
О печали ихъ женъ, о любви матерей,
О смятеньи и страхѣ сраженныхъ враговъ,—
И была его пѣснь, словно буря, дика,
Словно буря ночная въ родимыхъ горахъ,
И была его пѣснь, какъ молитва, сладка,
Какъ молитва на дѣтскихъ, невинныхъ устахъ!..

Довольно, я думаю. Для меня не было бы очень большимъ трудомъ переложить такимъ образомъ всю балладу, но я боюсь, что и такъ успѣлъ наскучить читателямъ. „Смѣю думать,—скажу я въ заключеніе, пародируя слова графа Жасминова,—что я отчасти достигъ моей цѣли“; жаль только, что взялся за это дѣло именно я, а не кто-нибудь другой изъ моихъ молодыхъ товарищей, болѣе меня сильный въ эпическомъ родѣ,—напримѣръ, хоть г. Мережковскій, доказавшій свое выдающееся эпическое дарованіе прекрасными подражаніями Данте, которыя онъ напечаталъ въ этомъ году въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“.

VI.

(Статьи гг. В. В., Михайловскаго и Лесевича).

Еще недавно мнѣ пришлось бесѣдовать съ читателемъ о рыночномъ направленіи, овладѣвшемъ въ послѣднее время многими изъ нашихъ періодическихъ изданій, и указывать на огромное зло, вносимое имъ въ журналистику. Рѣзкую противоположность съ органами этого рода представляетъ со-

бою „Сѣверный Вѣстникъ“, майская книжка котораго заняла очередное мѣсто въ моей хроникѣ. Насколько въ органахъ рыночныхъ все случайно, пестро, легковѣсно, безсвязно, — настолько въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ и подборъ статей и ихъ содержаніе отличаются строгой обдуманностью и жизненностью, показывая, что журналомъ руководитъ въ послѣднее время твердая редакторская рука, и что сотрудники его „спѣлись“ между собою и дѣйствуютъ дружно и единодушно. Передъ нами—литературный органъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, а не сшитый на живую нитку, лишенный какой-либо опредѣленной окраски альманахъ, предназначенный для безпечальнаго времяпровожденія благополучныхъ россіянъ. Журналъ прогрессируетъ съ каждой вновь появляющейся книжкой, обѣщая вполнѣ оправдать тѣ надежды, которыя возлагались на него при его появленіи лучшей частью нашей интеллигенціи и которыя нѣсколько поостыли въ первое время его дѣятельности, не чуждой колебаній и уклоненій въ сторону...

Одной изъ самыхъ значительныхъ по содержанію и захватывающихъ по интересу является въ майской книжкѣ статья г-на В. В., озаглавленная: „Ученіе о нравственности Кавелина“. Я позволю себѣ, однако, не согласиться съ мнѣніемъ г. В. В., считающаго появленіе книги Кавелина фактомъ малознаменательнымъ для нашей молодежи, на томъ основаніи, что между поколѣніемъ, къ которому принадлежалъ Кавелинъ, и между юношествомъ, для котораго написана его книга, стоитъ еще „зрѣлый человѣкъ“. Г-нъ В. В. полагаетъ, что именно этотъ зрѣлый человѣкъ и долженъ былъ бы, на основаніи своей жизни и дѣятельности, изслѣдовать вопросы о нравственности и завѣщать результаты этого изслѣдованія молодежи, какъ послѣдніе и самые полные итоги, какъ крайнюю черту, съ которой она должна начать свое этическое движеніе впередъ. Мнѣ кажется, что основы этики, какъ науки, не могутъ кореннымъ образомъ измѣниться въ одно-два десятилѣтія; если же принять во вниманіе бѣдность нашей литературы по этому предмету и настоятельно чувствуемую молодежью необходимость въ неотложномъ рѣшеніи вопроса—какъ жить, чтобы жить нравственно, сохраняя полный миръ и гармонію съ своей совѣстью,—нужно признать появленіе книги Кавелина обстоятельствомъ важнымъ и желательнымъ. Пусть Кавелинъ во многомъ ошибается, пусть его этическая система одностороння и узка,—важно то, что вопросъ этотъ поднятъ, что о немъ говорятъ, его обсуждаютъ. Рано или поздно, изъ всѣхъ этихъ споровъ и дебатовъ несомнѣнно брызнетъ лучъ истины, освѣтивъ для молодежи, уставшей отъ нравственныхъ

шатаній и всякаго рода недоумѣній, вѣрный, честный и полезный путь. Я самъ принадлежу къ поколѣнію молодому, только-что вступившему въ жизнь, я весь дышу его интересами и хорошо знаю, какъ темно и смутно живется ему въ наше время, какъ надоѣли ему праздныя слова, какъ горячо чувствуетъ оно свое святое право любить родину и трудиться для нея и не знаетъ, гдѣ найти такое дѣло, которое, не требуя геройскихъ силъ и соотвѣтственнаго нравственнаго закала, пришлось бы по плечу всей массѣ. Мнѣ кажется, книга Кавелина дастъ непремѣнный толчокъ рѣшенію вопроса о нравственности, а слѣдовательно и о нравственной дѣятельности, и такимъ образомъ хоть часть роковыхъ недоумѣній молодежи будетъ разъяснена и разсѣяна.

Г-нъ В. В. относится къ теоріи нравственности, предлагаемой Кавелинымъ, отрицательно. Различіе взглядовъ обоихъ авторовъ коренится въ самомъ опредѣленіи понятія нравственности. Кавелинъ утверждаетъ, что всякій сознательный поступокъ человѣка состоитъ изъ двухъ элементовъ: изъ душевнаго движенія, вызвавшаго поступокъ, и проявленія этого движенія. Первый элементъ Кавелинъ называетъ „поступкомъ внутреннимъ“, второй — „поступкомъ внѣшнимъ“. Поступки внутренніе онъ считаетъ подлежащими разсмотрѣнію этики и суду нравственности, поступки же внѣшніе относитъ къ области права и къ вѣдѣнію суда, какъ понятія юридическаго. Г-нъ В. В. считаетъ такое дѣленіе произвольнымъ и неправильнымъ. Онъ тоже признаётъ, что области права и этики различны, но утверждаетъ, что онѣ не дополняютъ одна другую, а просто разсматриваютъ одно и то же недѣлимое цѣлое съ разныхъ точекъ зрѣнія. Такъ, домохозяинъ и художникъ, смотря на одну и ту же картину горящаго дома, относятся къ этому явленію каждый по-своему: первый высчитываетъ свои убытки, второй наблюдаетъ художественный эффектъ. Если юристъ считаетъ необходимымъ для постановки рѣшенія не ограничиться однимъ только разсмотрѣніемъ внѣшняго поступка, но изслѣдуетъ и мотивы, его вызвавшіе, то и моралистъ въ правѣ поступать аналогично, не ограничиваясь одними мотивами, но разсматривая и самый поступокъ, тѣмъ болѣе, что двѣ эти стороны предмета, по мнѣнію г-на В. В., неотдѣлимы одна отъ другой и только для болѣе тщательнаго, частичнаго изслѣдованія могутъ быть временно разложены,— подъ непремѣннымъ условіемъ, что при выводѣ общаго заключенія этика будетъ имѣть дѣло опять-таки съ цѣлымъ, будетъ толковать объ его законахъ, а не о законахъ части. Г-нъ В. В. утверждаетъ это на томъ основаніи, что, по его мнѣнію, нрав-

ственная дѣятельность отличается отъ другихъ сторонъ психической жизни человѣка, напримѣръ, отъ дѣятельности умственной или эстетической, именно тѣмъ, что она влечетъ за собою обязательное проявленіе во-внѣ своихъ внутреннихъ поступковъ, образуя изъ мотива и этого проявленія одно цѣлое. Нравственный человѣкъ безъ всякихъ видимыхъ нравственныхъ отношеній къ обществу — немыслимъ, такъ какъ внѣ общественной жизни нѣтъ ни нравственнаго ни безнравственнаго.

Упустивъ изъ виду въ психологическомъ изслѣдованіи вопроса о нравственномъ этотъ необходимый элементъ его обязательности,—упустивъ его по той причинѣ, что обязательными могутъ быть только внѣшніе поступки человѣка, совершенно исключенные Кавелинымъ изъ своей системы, а не душевныя движенія, не подлежащія власти человѣка,—Кавелинъ, какъ утверждаетъ г-нъ В. В., построилъ невѣрно и самую систему нравственности. По мнѣнію Кавелина, слѣдуетъ считать нравственнымъ того человѣка, который подчиняетъ свои душевныя движенія субъективному идеалу. Г-нъ В. В. совершенно основательно замѣчаетъ, что этого еще недостаточно: идеалъ, руководящій душевными мотивами человѣка, долженъ быть идеаломъ обязательнымъ, т.-е. такимъ, за уклоненіе отъ котораго человѣка карала бы совѣсть—дѣятельное сознаніе этого идеала. Честолюбецъ можетъ поставить для себя субъективнымъ идеаломъ высокое положеніе и власть; но если онъ въ жизни отступитъ отъ этого идеала, пожалѣвъ, напримѣръ, честнаго бѣдняка, ставшаго ему поперекъ дороги, совѣсть упрекать его за это не будетъ, — наоборотъ. Слѣдовательно свой субъективный идеалъ онъ считаетъ для себя необязательнымъ.

Итакъ, съ точки зрѣнія Кавелина, человѣкъ, завѣдомо безнравственный (какъ, напримѣръ, честолюбецъ, подчиняющій свои душевныя движенія субъективному идеалу власти), долженъ быть признанъ нравственнымъ. Съ другой стороны, отвергая въ нравственномъ смыслѣ внѣшній поступокъ, Кавелинъ часто можетъ назвать человѣка нравственнаго — безнравственнымъ. „Ну, а если я отъ природы надѣленъ множествомъ недостатковъ?—спрашиваетъ г. В. В., — если я золъ, нетерпѣливъ, гордъ, фальшивъ, но у меня сильно развито нравственное чувство,—напримѣръ, сознаніе права остальныхъ людей на извѣстное къ нимъ отношеніе, подъ вліяніемъ котораго я составилъ себѣ идеалъ человѣка, дѣйствующаго наперекоръ всѣмъ этимъ недостаткамъ? Если всякое столкновеніе съ дѣйствительностью возбуждаетъ въ моей душѣ то или другое низкое стремленіе, но я его съ успѣхомъ побѣждаю; если я, чувствуя недостой-

нымъ образомъ, поступаю совершенно,—неужели я человѣкъ безнравственный?“ Приложивъ къ данному случаю кодексъ, рекомендуемый Кавелинымъ, и устранивъ совершенно внѣшній поступокъ, какъ чуждый, по его мнѣнію, области этики,— придется одновременно отвѣтить на вопросъ, поставленный г-номъ В. В., и утвердительно и отрицательно: съ одной стороны, человѣкъ, взятый г-номъ В. В., обладаетъ низкими и порочными душевными движеніями — значитъ, онъ человѣкъ безнравственный; съ другой стороны, каждому его хорошему поступку предшествуютъ колебанія и внутренняя борьба, причемъ онъ подчиняетъ свои душевныя движенія извѣстному субъективному идеалу—значитъ, онъ человѣкъ нравственный. Возможность такихъ противорѣчій совершенно устранится, если взять за мѣрило нравственности человѣка не его душевныя движенія, а внѣшнія ихъ проявленія, т. е. выйти изъ замкнутаго круга личной жизни и дѣятельности человѣка на болѣе широкую арену жизни и дѣятельности общественной.

Если позволительно и мнѣ, профану, высказать въ данномъ случаѣ мое мнѣніе, я, глубоко симпатизируя въ общемъ взглядамъ г-на В. В., замѣчу однако, что и его система возбуждаетъ нѣкоторыя недоумѣнія. Суди человѣка по его душевнымъ побужденіямъ, говоритъ Кавелинъ. Суди человѣка по его дѣламъ, говоритъ г. В. В., и поясняетъ: „это значитъ, что лишь тѣ внутренніе поступки человѣка могутъ быть принимаемы для оцѣнки его нравственнаго содержанія, которые сопровождались соотвѣтствующими внѣшними дѣйствіями“. Читатель видѣлъ уже, къ какимъ неправильнымъ и противорѣчивымъ сужденіямъ можетъ повести основное мѣрило Кавелина. Но и г-нъ В. В., по-моему, тоже нѣсколько суживаетъ область нравственности, ея подсудность, если можно такъ выразиться. Онъ беретъ человѣка, чувствующаго недостойно, но поступающаго совершенно,—я возьму такого, который и чувствуетъ и поступаетъ совершенно. Если принять критерій Кавелина, перваго изъ нихъ слѣдуетъ признать безусловно безнравственнымъ, второго—безусловно нравственнымъ. Это, очевидно, несправедливо. Если взять критерій г-на В. В., оба будутъ одинаково нравственны. Это тоже несправедливо, или, вѣрнѣе, неточно. Возьму другой примѣръ. Я заблудился ночью по дорогѣ, зашелъ въ чей-то домъ, стоящій въ глухомъ и уединенномъ мѣстѣ, и, убѣдившись, что дома остался одинъ только дряхлый старикъ-слуга, задумалъ убить его и ограбить жилище. Но онъ такъ радушно усадилъ меня къ огню, такъ заботливо сталъ угощать меня, что низкое движеніе души смѣнилось раскаяніемъ и благо-

дарностью, и, уходя, я оставилъ ему еще денегъ. Г-нъ В. В. предлагаетъ судить меня, или, вѣрнѣе, предлагаетъ мнѣ судить себя по моему внѣшнему поступку. Съ этой точки зрѣнія я окажусь чистъ и правъ, какъ голубь; что̀ же касается до моего перваго душевнаго движенія, г-нъ В. В. считаетъ его „ненастоящимъ“, „несерьезнымъ“. Я позволю себѣ спросить его, куда же дѣться однако моралисту съ этимъ „ненастоящимъ“, но несомнѣнно существовавшимъ и несомнѣнно безнравственнымъ душевнымъ движеніемъ? Мнѣ кажется, если я предлагаю признать подлежащими суду нравственности не только внѣшніе поступки, но и душевныя движенія человѣка,—такъ какъ иногда они могутъ и не выразиться во-внѣ— я этимъ самымъ нисколько не ставлю вопросъ о нравственномъ на почву замкнутую и личную и не лишаю его общественной подкладки, на которой настаиваетъ г. В. В. Дурное намѣреніе—точно такой же грѣхъ противъ общества, какъ и дурное дѣло. Впрочемъ, я повторяю, что высказываю мое заключеніе не какъ критикъ, а какъ живо заинтересованный его статьей читатель и притомъ совершенный профанъ въ области вопросовъ, затрогиваемыхъ г-мъ В. В.

Какіе выводы вытекаютъ изъ поправокъ, вносимыхъ г-мъ В. В. въ ученіе о нравственности Кавелина,—ясно каждому. Для человѣка, по мнѣнію г-на В. В., является обязательнымъ уже не одно личное самосовершенствованіе an und für sich, но и, главнымъ образомъ, нравственная общественная жизнь, т.-е. проявленіе во-внѣ своего нравственнаго кодекса. По мнѣнію Кавелина, человѣкъ, не вмѣшивающійся въ борьбу съ существующимъ зломъ, но и самъ этому злу не служащій, поступаетъ нравственно; по взглядамъ г. В. В.—безнравственно. Г. В. В. справедливо замѣчаетъ въ концѣ своей статьи, что, проповѣдуя личную, замкнутую нравственность, этика Кавелина является научнымъ прообразомъ того ученія о непротивленіи злу, какое графъ Левъ Толстой предлагаетъ теперь русской интеллигенціи въ болѣе доступной для массы догматической формѣ. Такимъ образомъ всѣ теоретическія возраженія, которыя дѣлаетъ г. В. В. Кавелину, могутъ быть цѣликомъ отнесены и къ ученію графа Толстого. По отношенію къ личности послѣдняго выводы г. В. В. интересны еще и тѣмъ, что они налагаютъ на графа Толстого обязанность самому безусловно слѣдовать въ жизни тому, что̀ онъ проповѣдуетъ въ теоріи. Такъ ли поступаетъ на самомъ дѣлѣ графъ Толстой? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ намъ г. Н. М. въ другой интересной и живой статьѣ „Сѣвернаго Вѣстника“, озаглавленной: „Дневникъ читателя“.

Горячая и сильная статья эта распадается на двѣ части: дѣятельности графа Толстого посвящена вторая часть,—въ первой же авторъ касается опять-таки „Задачъ этики" Кавелина. Проводя параллель между его ученіемъ и ученіемъ одного американскаго изслѣдователя этого вопроса, Сальтера, г. Н. М. доказываетъ, что этика послѣдняго гораздо болѣе приложима къ жизни, чѣмъ этика Кавелина. Авторъ опровергаетъ этимъ высказанное Кавелинымъ мнѣніе, что въ Европѣ смотрятъ на этику, какъ на отвлеченную науку, а у насъ—какъ на обязательный для жизни кодексъ. Не останавливаюсь подробно на доводахъ г. Н. М., такъ какъ, сравнительно со статьей г. В. В., они являются только разборомъ частныхъ вопросовъ, хотя и не лишеннымъ значенія,—я перехожу прямо ко второй части „Дневника", посвященнаго дѣятельности графа Толстого. По мнѣнію г. Н. М., она возбуждаетъ въ каждомъ мыслящемъ человѣкѣ массу недоумѣній. Г. Н. М. пожелалъ пріобрѣсти себѣ XII томъ сочиненій графа, имѣя уже предшествовавшее ихъ изданіе. Оказалось, что послѣдній томъ отдѣльно не продается, и что г-ну Н. М. пришлось заплатить 17 р., т-е. купить все изданіе, чтобы пріобрѣсти и этотъ томъ. Указывая на то, что произведенія другихъ нашихъ писателей (Достоевскаго, Полонскаго, Успенскаго) продаются по томамъ, г. Н. М. недоумѣваетъ, за что графъ Толстой, проповѣдникъ высокой нравственности вообще и презрѣнія къ деньгамъ въ частности, облагаетъ своихъ читателей такимъ огромнымъ налогомъ? Г. Н. М. отлично сознаётъ, что его вопросъ щекотливъ, но онъ рѣшается предложить его вслухъ, такъ какъ графъ Толстой и самъ во всеуслышаніе говоритъ о себѣ и другихъ допускаетъ это дѣлать печатно, въ разсказахъ о томъ, какъ онъ живетъ, какъ думаетъ, какъ сапоги шьетъ и дрова рубитъ. Приводя затѣмъ изъ XII-го тома нѣсколько строкъ изъ „Исповѣди", въ которыхъ графъ Толстой признаётъ зломъ и ложью свою прежнюю литературную дѣятельность, г-нъ Н. М. вполнѣ основательно спрашиваетъ, зачѣмъ же въ такомъ случаѣ графъ выпустилъ новое изданіе своихъ произведеній, да еще и беретъ за нихъ такъ дорого? Ложь и зло не слѣдуетъ распространять и даромъ—тѣмъ болѣе за деньги. Въ томъ же мѣстѣ „Исповѣди" графъ скорбитъ, что получалъ нѣкогда много одобреній „отъ людей царствующаго ученія". Онъ получаетъ эти одобренія теперь,—но какая странность! Газеты, восхваляющія его, какъ пророка и учителя, въ то же время и не думаютъ активно пристать къ его дѣятельности и прекратить свою, совершенно имъ отрицаемую, и, умиляясь духомъ, когда графъ Толстой

называетъ хореографію—грязнымъ и дурнымъ дѣломъ, циничной пляской обнаженныхъ женщинъ,—въ то же время стараются быть сами au courant всѣхъ новостей этого дѣла и рекомендуютъ своимъ читателямъ разныя его пикантныя тонкости. „Самсонъ,—говоритъ г-нъ Н. М.,—пытается потрясти своды храма и обрушить ихъ на головы филистимлянъ,—а филистимляне, продолжая служить Дагону и Астароту, не бранятъ, не гонятъ его, а даже похваливаютъ: „молодецъ, Самсонъ!“. Должно-быть, не страшна имъ мощь Самсона; должно-быть, они увѣрены, что не расшатать ему колоннъ. Еще одна необъяснимая черта въ славѣ графа Толстого: поклонники его, какъ пророка и учителя, въ то же время поклоняются ему, какъ и великому художнику, совершенно не обращая вниманія на то, что пророкъ-Толстой отрицаетъ Толстого-беллетриста. „И за плюсъ слава,—говоритъ г. Н. М.—и за минусъ—слава, и плюсъ на минусъ не сокращаются, а вопреки всякой логикѣ и ариѳметикѣ, выходятъ двѣ славы!“... Продолжая далѣе сравненіе Толстого съ Самсономъ, г-нъ Н. М. замѣчаетъ, что Самсонъ самъ погибъ подъ развалинами обрушеннаго имъ храма. Такъ ли поступаетъ гр. Толстой? Въ своей „Исповѣди“ онъ кается во многихъ ужасныхъ съ перваго взгляда преступленіяхъ: „я убивалъ людей, — говоритъ онъ (понимай: „я былъ на войнѣ“),—я владѣлъ себѣ подобными“ (понимай: я былъ помѣщикомъ во время крѣпостного права). Однако ни за одно такое дѣяніе, какъ извѣстно, наша общественная нравственность не караетъ; за нѣкоторыя, какъ, напр., за военную храбрость, она даже награждаетъ. Гдѣ же тутъ искреннее смиреніе, искреннее покаяніе? Вся призрачность ихъ встаетъ особенно ярко, если сравнить „Исповѣдь“ графа Толстого съ „Посмертными записками“ Пирогова, въ которыхъ маститый ученый чистосердечно разсказываетъ, какъ онъ однажды укралъ нѣсколько кусковъ сахару у своего товарища-студента. Г-нъ Н. М. совершенно справедливо замѣчаетъ, что въ такомъ мелкомъ поступкѣ гораздо труднѣе сознаться,—именно потому, что онъ мелокъ,—чѣмъ въ грандіозномъ и вовсе не унизительномъ въ глазахъ общества фактѣ убійства людей на войнѣ. Еще фактъ. У графа Толстого есть сказка: „Два старика“, въ которой повѣствуется, какъ одинъ изъ этихъ стариковъ, совершивъ великодушный поступокъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобы никто никогда не узналъ объ этомъ. „Вотъ какъ надо поступать“,—учитъ графъ Толстой,—и между тѣмъ слава его гремитъ по всему свѣту, и самъ онъ въ одной изъ своихъ статей выражается, напр., такимъ образомъ: „Всѣ ученые проглядѣли

бездоказательность выводовъ Мальтуса", — всѣ, кромѣ его, графа Толстого, сразу открывшаго эту Америку. Нельзя не признать, что послѣ такого факта графа Толстого было бы странно упрекать въ излишнемъ смиреніи.

Есть еще одна крайне характерная сторона въ дѣятельности графа Толстого: это ея разсудочность, непроизводительность. Въ своихъ статьяхъ, вызванныхъ московской переписью, онъ разсказываетъ, какъ однажды онъ не зналъ, кому отдать оставшіеся у него на рукахъ 17 руб., несмотря на то, что жизнь вокругъ него кипѣла самой вопіющей нищетой. Долго искалъ онъ достойнаго. „Этотъ—скверно бранился, та пьянствовала, третья гуляла"—и т. д. Съ трудомъ рѣшилъ онъ свой замысловатый вопросъ. Очевидно, что дѣло было не въ томъ, чтобы помочь голодному человѣку, заткнуть просящій хлѣба ротъ,—а въ немъ самомъ, графѣ Львѣ Николаевичѣ Толстомъ, въ его удивительнѣйшей справедливости. Человѣкъ сердца не сталъ бы долго раздумывать въ подобномъ случаѣ. Не менѣе ярко та же черта выразилась и въ отношеніи графа Толстого къ женскому вопросу. Въ то время, когда друзья и поборники женскаго образованія почти отчаиваются воскресить трупъ его,—графъ Толстой считаетъ умѣстнымъ выступить противъ него съ своей принципіальной статьей „Женщинамъ", считаетъ возможнымъ дать и отъ себя пинка этому трупу. Очевидно, что вопросъ объ образованіи женщинъ стоитъ тутъ на второмъ планѣ, такъ какъ ломиться въ открытую дверь не представляется никакой необходимости, а важно опять-таки то, что думаетъ объ этомъ предметѣ онъ, графъ Толстой. Вотъ главнѣйшія мысли, проводимыя г-номъ Н. М. въ его статьѣ. Я убѣжденъ, что заинтересованный читатель самъ познакомится съ нею, а теперь мнѣ необходимо сказать еще два слова о третьемъ жизненномъ и интересномъ произведеніи, помѣщенномъ въ той же книжкѣ и тоже связанномъ, по своему содержанію, съ двумя только-что разобранными,—объ изслѣдованіи В. В. Лесевича: „Буддійскій нравственный типъ".

Г-нъ В. В., разбирая ученіе Кавелина и указывая на его аналогичность съ ученіемъ графа Толстого, тѣмъ самымъ коснулся своей критикой и пресловутаго догмата „о непротивленіи злу". Г-нъ Н. М. разобралъ дѣятельность графа Толстого съ практической точки зрѣнія,—г-нъ Лесевичъ переноситъ вопросъ на почву философско-историческую. Указывая на связь его изслѣдованія съ первыми двумя статьями, я вовсе не хочу лишить трудъ г-на Лесевича того серьезнаго, самостоятельнаго научнаго значенія, которое онъ имѣетъ; я только подчеркиваю общую связность и стройность содер-

жанія книжки, дружность усилій редакціи. Со свойственной ему эрудиціей г-нъ Лесевичъ доказываетъ, что догматъ о непротивленіи злу вовсе не новъ, что онъ существовалъ около XXV вѣковъ тому назадъ, составляя одинъ изъ главнѣйшихъ элементовъ индусской этики. Какъ ни странно на первый взглядъ такое воскресеніе воззрѣній, давно уже умершихъ, наука доказываетъ, что подобнаго рода факты нерѣдки въ жизни. Въ мірѣ біологическомъ они извѣстны подъ именемъ атавизма, въ мірѣ антропологическомъ англійскій ученый Тейлоръ присвоилъ имъ терминъ „оживаній“ („revivals“). Г-нъ Лесевичъ начинаетъ съ того, что изслѣдуетъ религіозную почву, подготовившую успѣхъ буддизму, отмѣчая особенно тотъ психологическій моментъ, когда мистическая работа мысли древняго брамана дошла до понятія о сути всѣхъ вещей, „объ ихъ сокѣ“, и воплотила его въ божественной личности Атманъ-брамы,—въ сравненіи съ абсолютной неизмѣнностью и всеобъемлемостью котораго человѣческая жизнь, какъ юдоль явленій, вѣчно измѣнчивыхъ и несовершенныхъ, стала казаться зломъ и страданіемъ. Такой пессимизмъ индусовъ особенно обострился ученіемъ о переселеніи души, осуждавшимъ ее на вѣчныя скитанія въ этомъ мірѣ зла, лжи и страданій. Будда, обѣщающій своимъ ученіемъ прекращеніе этихъ скитаній, полное забвеніе, нирвану, явился, очевидно, спасителемъ въ глазахъ индусовъ. Иллюстрируя далѣе свое изслѣдованіе древними легендами, изъ которыхъ нѣкоторыя очень художественны и по формѣ и по содержанію, г-нъ Лесевичъ тщательно разбираетъ черту за чертой, изъ которыхъ слагается буддійскій нравственный типъ, и объясняетъ значеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ чертъ. Между прочимъ, онъ убѣдительно подчеркиваетъ характеръ противообщественности, общій и буддійской этикѣ и явленіямъ патологическимъ, и находитъ родство между тѣми и другими, выражаемое внѣшнимъ образомъ въ галлюцинаціяхъ и псевдо-галлюцинаціяхъ. Очень любопытнымъ показалось намъ также то мѣсто изслѣдованія, гдѣ, говоря о поправкѣ, внесенной Буддой въ законъ о переселеніи душъ,—по которой переселяется собственно не душа покойнаго, а сила его заслугъ и достоинствъ,—нѣчто близко подходящее къ понятію о характерѣ,—г-нъ Лесевичъ видитъ въ этомъ ученіи намекъ на законъ о наслѣдственности, играющій такую значительную роль въ современной наукѣ. Задавшись далѣе цѣлью показать, какое вліяніе имѣлъ буддизмъ, какъ этическій кодексъ, на практическую жизнь, г. Лесевичъ останавливается на китайцахъ и, сопоставляя отзывы объ ихъ бытѣ, заимствованные у извѣстныхъ знато-

ковъ страны, приходитъ къ выводамъ самымъ отрицательнымъ.

Сожалѣю, что недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ остановиться дольше на его статьѣ и выяснить подробнѣе его взгляды. Беллетристику „Сѣвернаго Вѣстника“ отлагаю до слѣдующаго фельетона.

VII.

(Повѣсть г-на Златовратскаго „Труженики“. —Романъ г. Мачтета „Изъ невозвратнаго прошлаго“).

Прошлый разъ я познакомилъ читателя съ такъ называемыми серьезными статьями „Сѣвернаго Вѣстника“; сегодня предполагаю заняться его беллетристикой. Въ майской книжкѣ ей отведено немного мѣста: мы находимъ въ ней только небольшой очеркъ г. Златовратскаго: „Труженики“ и окончаніе романа г. Мачтета: „Изъ невозвратнаго прошлаго“.

Въ послѣднее время, съ легкой руки Глѣба Успенскаго, у нашихъ „народниковъ“ вошло въ обыкновеніе передавать рѣчь дѣйствующихъ лицъ, выводимыхъ ими, со всѣми ея характеристическими свойствами и особенностями. Глѣбъ Успенскій достигъ виртуозности въ пользованіи этимъ пріемомъ: вспомните его крестьянъ, приказчиковъ, купцовъ, фельдшеровъ и массу другого, рабочаго и празднаго, сѣраго и несѣраго люда: рѣчь этихъ дѣйствующихъ лицъ такъ мѣтка и колоритна, отличается такою образностью и яркостью красокъ, что къ нимъ вполнѣ можно примѣнить выраженіе Бюффона: „стиль — это человѣкъ“. Но писатели съ менѣе сильнымъ талантомъ, заимствовавшіе у Гл. Успенскаго этотъ пріемъ, не всегда могутъ похвалиться умѣлымъ примѣненіемъ его. Къ числу таковыхъ я отношу и г. Златовратскаго. Возьмите его послѣдній очеркъ: въ немъ, благодаря туманному языку, которымъ говорятъ его дѣйствующія лица, нѣтъ возможности добраться до сути его очерка или даже понять фабулу.

Начинаетъ г. Златовратскій свой разсказъ полулирическимъ вступленіемъ: онъ вспоминаетъ о своемъ дѣтствѣ, о томъ, какъ маленькимъ ребенкомъ гостилъ онъ у своего дѣда-помѣщика. Страницы, посвященныя этимъ воспоминаніямъ, дышать той мягкой, грустной, туманной, но задушевной поэзіей, которая составляетъ одну изъ самыхъ сильныхъ сторонъ симпатическаго дарованія нашего автора. Но вотъ выдвигаются на сцену дѣйствующія лица: самъ дѣдушка, дьячокъ Поликарпычъ, дьяконъ, понамарь, просвирня, — и

для читателя, начинается цѣлый рядъ неразрѣшимыхъ недоумѣній. Герои г-на Златовратскаго волнуются какими-то опасеніями и скорбями, — но точный смыслъ всего этого не выясняется читателю изъ несвязныхъ бесѣдъ ихъ. Знакомясь въ этомъ разсказѣ съ ограниченнымъ кругомъ интересовъ, волнующихъ описываемый имъ церковный причтъ безконечнымъ рядомъ опасеній, треволненій и непріятностей, читатель догадывается, что причиною всему этому служатъ раскольники, заблудшія овцы, отщепившіяся отъ православія; но изъ-за чего всѣ эти треволненія, въ чемъ ихъ сущность — Ты, Господи, вѣси! Чтобы слова мои не показались бездоказательными, сдѣлаю небольшую выписку. Дьячокъ Поликарпычъ разсказываетъ дѣду и причту о какихъ-то новыхъ сектантахъ. Вотъ какимъ образомъ онъ выражается: „Ужъ это — вѣрнѣе смерти!.. Идутъ, идутъ — глядь, пахнетъ... живымъ... что̀ такое?.. хелькаютъ... огоньки... Волки?.. Куда тебѣ!.. Огни настоящіе... Изба... старцы... Волосы щеткой... служба идетъ... Дѣвка... Наша Василиса, изъ Прудковъ!.. Она... корявая... она самая“. (Пропускаю реплики дѣйствующихъ лицъ и продолжаю выписывать только слова Поликарпыча). „Изсохла..., голосъ сталъ грубый... что̀ у пьяницы... Ликъ Божій извратился... Вдругъ одинъ старецъ, сухой... скрючило всего... Видно сразу, изъ солдатъ... Только обросъ весь волосами, звѣрообразно... Всталъ, Василисѣ поклонился... Василиса ему... что-то проситъ... и всѣ прочіе просятъ... Тутъ старецъ стащилъ съ себя рубаху... спина исполосована... въ ранахъ... на плечахъ вериги пудовъ въ пять... Глядь — клеймо!.. изъ-подъ волосъ-то клеймо!... Всѣ ему въ ноги... потомъ завертѣлись-завертѣлись и закружились-закружились... вихремъ, вихремъ!.. Хвать... что̀ такое?.. Гудитъ, будто... изъ-подъ земли... Бѣсы?... Анъ — щель изъ подполья... свѣтится..., припали... Глядь: олово плавятъ... Монетчики... фальшивые... Они самые!.. Васька Курьяковъ, самолично, прасолъ изъ Быкова... въ красной рубахѣ... рукава засучены..., глаза такъ коловоротомъ и ходятъ... вотъ только... мѣшаетъ... что̀ такое?... Стонетъ!.. Тихонько — ровно птапка, стонетъ, сто-о-нетъ... Припадай, говорятъ, ребята — ухомъ къ землѣ!.. Хвать, анъ это Митюшкинаго сынишки голосокъ-то... Ну, вонъ того, что̀ не дали крестить-то... Годовъ пять тому... у Митюшки хвораго, въ Крестахъ... что еще невѣстку увели... такъ и пропала!.. Самый этотъ... и стонетъ, стонетъ, сто-о-нетъ... Значитъ, ангельская-то душонка по христіанскому-то таинству тоскуетъ!.. Вотъ и стонетъ, и стонетъ...“

Я не говорю уже о томъ, что читателю крайне утомительно

слѣдить за мыслью автора, такъ безсвязно выраженною; но я просто не понимаю, о чемъ идетъ рѣчь въ этомъ ототрывкѣ... Съ одной стороны, Поликарпычъ разсказывалъ какъ будто о раскольничьемъ служеніи, потомъ выдвигаются на сцену фальшивые монетчики, и наконецъ кто-то куда-то припадаетъ ухомъ и слышитъ, что стонетъ душа какого-то Митюшкинаго младенца... Что это такое? И, вообразите, такимъ образомъ написанъ весь очеркъ: дѣдъ почему-то долженъ спасаться изъ села бѣгствомъ, заставляя автора сдѣлать крайне странный скачокъ, при которомъ и дѣдъ и весь причтъ совсѣмъ исчезаютъ со сцены, а на смѣну имъ является нѣкій Марко Терентьевичъ — глава самой-то раскольничьей секты — и цѣлая масса разнаго пестраго люда, ждущаго отъ этого Марка Терентьевича утѣшенія въ своихъ скорбяхъ и исцѣленія отъ духовныхъ немощей. Новыя дѣйствующія лица продолжаютъ говорить такимъ же безсвязнымъ манеромъ, какъ и сошедшій со сцены Поликарпычъ. Читатель переворачиваетъ страницу за страницей, въ тщетной надеждѣ, что когда-нибудь да разъяснится же все это хитросплетеніе, —и внезапно натыкается на подпись: „Н. Златовратскій", краснорѣчиво свидѣтельствующую о томъ, что очерку конецъ, и что никакихъ дальнѣйшихъ разъясненій ожидать не надлежитъ. Не стану спорить, — быть-можетъ, знатокамъ раскола и будутъ понятны эти намеки на „что-то", разсыпанные авторомъ въ его разсказѣ; но для обыкновеннаго читателя содержаніе разсказа остается загадкой. Неумѣлость типическаго воспроизведенія народной рѣчи служитъ тому немалою причиной. Этимъ я отнюдь не хочу сказать, что г. Златовратскій придумываетъ слова: напротивъ, я почти увѣренъ, что всѣ употребляемыя имъ фразы дѣйствительно подслушаны у „народа", но думаю, что онѣ подслушаны отъ разныхъ лицъ и въ разное время, а теперь прихотливо сведены авторомъ въ одну нестройную кучу.

И въ самомъ тонѣ разсказа чувствуется какая-то странная, почти болѣзненная напряженность, точно авторъ хотѣлъ передать что-то глубоко волнующее его и не нашелъ достаточно яркихъ для этого словъ. Какъ это ни покажется страннымъ, но при чтеніи „Тружениковъ" мнѣ невольно пришло на память одно мѣсто изъ поприщинскаго монолога:

„Вотъ небо клубится предо мною, звѣздочка сверкаетъ вдали; лѣсъ несется съ темными деревьями и мѣсяцемъ; сизый туманъ стелется подъ ногами; струна звенитъ въ туманѣ..."

Да, это дѣйствительно звенитъ какая-то мучительно-

напряженная, готовая оборваться струна въ туманѣ чувствъ и мыслей, все болѣе и болѣе овладѣвающемъ творчествомъ г. Златовратскаго.

Послѣ тяжелаго впечатлѣнія, съ которымъ оставляешь неопредѣленный и странный очеркъ г. Златовратскаго, какъ-то вдвойнѣ пріятно остановить свое неудовлетворенное вниманіе на интересныхъ, хотя не блещущихъ особенно яркимъ талантомъ, страницахъ произведенія г. Мачтета.

Романъ г. Мачтета по своему типу принадлежитъ къ романамъ-эпопеямъ, захватывающимъ своимъ содержаніемъ исторію цѣлаго народа въ данную эпоху. Г-нъ Мачтетъ говоритъ о сельскомъ населеніи нашего Юго-Западнаго края и беретъ эпоху, предшествовавшую освобожденію крестьянъ. Я давно уже собирался познакомить читателя съ симпатичнымъ дарованіемъ г-на Мачтета и радъ, что мнѣ представился теперь удобный къ этому случай. Романъ задуманъ очень умно: для того, чтобы захватить въ романъ и шумную жизнь деревенскаго панскаго „палаццо“ и скромное прозябаніе обитателей дымной крестьянской хаты, г-нъ Мачтетъ ставитъ своего героя въ центръ панорамы, развертываемой имъ передъ читателемъ, дѣлаетъ его дворовымъ человѣкомъ, сохранившимъ, съ одной стороны, органическую связь съ деревней и являющимся, съ другой, зрителемъ и даже участникомъ радостей и горестей своихъ пановъ. Для того же, чтобы этотъ герой, отъ лица котораго и ведется разсказъ, могъ болѣе или менѣе правильно судить о поступкахъ своихъ господъ, г-нъ Мачтетъ надѣляетъ его и нѣкоторымъ образованіемъ: маленькій Ясь имѣлъ счастье, въ бытность свою дворовымъ казачкомъ, понравиться прекрасной „пани“, и она приказала учить его вмѣстѣ со своимъ сыномъ, Михасемъ, для возбужденія въ послѣднемъ соревнованія. Замѣчу къ большей чести автора, что въ романѣ его нигдѣ не проявляется узкой ненависти малоросса къ поляку, что онъ безпристрастно отмѣчаетъ хорошее и дурное и въ тѣхъ и въ другихъ, и что, несмотря на скользкую въ этомъ отношеніи тему романа, — взаимныя отношенія деспотовъ-пановъ къ холопамъ-малороссамъ, — г-нъ Мачтетъ остался чуждъ уличному quasi-патріотизму и племенной нетерпимости.

Я не стану подробно пересказывать фабулу романа г-на Мачтета, такъ какъ не въ ней суть; читатель не въ правѣ требовать отъ нея, какъ отъ фабулы историческаго романа, ни строгаго единства ни стройности частей; онъ не найдетъ этихъ двухъ качествъ даже и въ классическомъ романѣ „Война и миръ“, — и это вполнѣ понятно: романистъ-исто-

рикъ беретъ наиболѣе яркія явленія эпохи, которую онъ иллюстрируетъ, не обращая вниманія на ихъ разрозненность, внѣшнюю несвязность, и поэтому ему часто приходится ставить своего героя въ самыя разнообразныя, самыя неожиданныя положенія. Главная цѣль — какъ можно болѣе расширить рамки личныхъ наблюденій и впечатлѣній своего героя, и поэтому случается, что въ такого рода романахъ одна какая-нибудь сцена является пришитой къ другой, какъ говорится, „бѣлыми нитками". Отъ степени дарованія автора зависитъ, чтобы эти „бѣлыя нитки" были не очень замѣтны. Г-нъ Мачтетъ довольно удачно справился съ этой задачей,— неизмѣримо удачнѣе г.г. Всеволода Соловьева, Мордовцева, Шардина и другихъ, имъ подобныхъ „историческихъ романистовъ", — но и его романъ не чуждъ нѣкоторыхъ натяжекъ. Такъ, напр., на семью его героя, Яся, обрушивается сразу черезчуръ много несчастій, дерутся и душатъ другъ друга въ романѣ черезчуръ часто, а самъ Ясь, изъ-за личной выгоды и холопскаго усердія предъ паномъ продающій свою семью, является мерзавцемъ слишкомъ „чистой воды", какихъ въ жизни врядъ ли можно встрѣтить. Зато фактическій матеріалъ романа — внутреннее его содержаніе — крайне богатъ и полонъ. Передъ читателемъ развертывается широкая картина взаимныхъ отношеній всемогущаго пана и его холоповъ, написанная очень живо и талантливо. Тяжелыя сцены смѣняютъ одна другую: вотъ засѣкаютъ до смерти дядю героя, бросившагося съ коломъ на своего пана, чтобъ отомстить ему за самоубійство своей дочери, Олеси, которая предпочла добровольную смерть позорной долѣ панской наложницы; вотъ сдаютъ въ солдаты жениха другой дѣвушки, тоже имѣвшей несчастіе приглянуться пану; вотъ ярко написанная картина панскаго разгула, въ которомъ поневолѣ принимаютъ участіе раздѣтыя донага деревенскія красавицы, исполняющія роли живыхъ статуй и красующіяся среди потоковъ резноцвѣтныхъ огней и моря цвѣтовъ на мраморныхъ пьедесталахъ. А вотъ и оборотная сторона медали, — зловѣщее зарево пожара, подбирающагося къ панскимъ хоромамъ, но благополучно потушеннаго — дѣло рукъ бѣднаго жениха, сданнаго въ солдаты; вотъ трупъ жестокаго приказчика Кондрата, убитаго безшабашнымъ Тарасомъ, братомъ героя; сцена ярмарки... Слѣпой „лирникъ" поетъ пѣсню о погибшей казацкой волѣ; кругомъ — горящіе ненавистью взгляды и понурыя головы; и вдругъ выдвигается впередъ какой-то смѣльчакъ: „Вотъ такъ рыцари были, — рѣзко отчеканиваетъ онъ, быстро окинувъ взглядомъ толпу, — не

попыхачи панскіе!.. А что, панове громадо, если бы милосердный Богъ намъ и теперь послалъ такихъ?“ Толпа волнуется... сочувственная, но мрачная улыбка облетаетъ всѣ лица. А смѣльчакъ не унимается. Каждое его слово, каждая выходка, направленныя противъ пановъ, вызываютъ дружный и злобный смѣхъ. „Кто еси?“—начальственно спрашиваетъ его тысяцкій.

— Кто я? — удивился незнакомецъ, сдвигая плечи: — Петро Сокира.

Тысяцкій опѣшилъ, толпа дрогнула. Петро Сокира былъ знаменитый въ уѣздѣ разбойникъ, ненавистникъ пановъ, одна изъ тѣхъ горячихъ головъ, которыя не умѣютъ ждать, спрятавшись въ свою нору, когда обстоятельства измѣнятъ ихъ тяжелую долю, а пытаются сами измѣнить обстоятельства. Все это написано горячо, поэтично, красиво.

Съ другой стороны, какъ я уже замѣтилъ выше, авторъ, относясь съ глубокой симпатіей къ угнетенному народу, не проходитъ молчаніемъ и того хорошаго, что встрѣчаетъ онъ въ кругу пановъ. Вы видите въ немъ человѣка, который ненавидитъ не поляка, какъ представителя извѣстной національности, а деспота и самодура, независимо отъ того, къ какой бы національности онъ ни принадлежалъ. Крайне симпатичной и тепло обрисованной является въ романѣ личность Михася, панскаго сына. Отецъ и мать его, занятые своими личными дѣлами,—дѣлами по преимуществу эротическаго свойства, — не обращали никакого вниманія на воспитаніе своего сына, всецѣло поручивъ его старику-французу Ратоплану, проживающему въ палаццо въ качествѣ гувернера. Типъ этого Ратоплана, добродушнѣйшаго и честнѣйшаго чудака, нѣсколько сентиментальнаго, припахивающаго нюхательнымъ табакомъ и лучшими идеями французскихъ политическихъ дѣятелей XVIII вѣка, показался намъ очень жизненнымъ, очень выпуклымъ въ романѣ г-на Мачтета. И учитель и воспитанникъ его, которому Ратопланъ привилъ свой гуманный взглядъ и въ сердце котораго онъ вложилъ ненависть ко всякому лицемѣрію и сдѣлкамъ со своею совѣстью, являются двумя наиболѣе свѣтлыми типами романа, хотя носятъ оба не народную сермягу, а европейское платье. Тихимъ и поэтичнымъ видѣніемъ проходитъ въ романѣ и личность первой, покойной жены пана, являющаяся только въ воспоминаніяхъ о ней Михася. Но самъ панъ, самодурствующій, какъ говорится, „во всю“, тщеславный, властный, сластолюбивый, жестокій, внушаетъ только ужасъ и отвращеніе. Сходныя чувства возбуждаетъ также и его вто-

рая жена, хитрая, лицемѣрная, строгая Діана по наружности и разнузданная вакханка по натурѣ; я думаю однако, что тотъ эпизодъ романа, въ которомъ эта гордая пани обольщаетъ своего крѣпостного холопа, Ясія, нѣсколько рискованъ по формѣ.

Г-нъ Мачтетъ назвалъ свой романъ „Изъ невозвратнаго прошлаго“. Да, къ счастію, это прошлое дѣйствительно невозвратно; только историкъ, романистъ да читатели ихъ будутъ еще переживать тѣ тяжелыя впечатлѣнія, о которыхъ такъ правдиво разсказываетъ г-нъ Мачтетъ. Но двадцать пять лѣтъ съ достопамятнаго дня, многимъ милліонамъ людей возвратившаго ихъ человѣческое достоинство,— не Богъ вѣсть какой срокъ! Ни слѣды прошлаго ни воспоминанія о немъ не изгладились еще изъ народной памяти. Часть текущаго лѣта я провелъ въ одномъ изъ богатыхъ имѣній Подольской губерніи. Старый барскій домъ этого имѣнія, съ верху до низу заплетенный густымъ виноградомъ, его огромная зала, его фамильные портреты, тускло и понуро глядящіе со стѣнъ,—все это еще живетъ и дышитъ недавнимъ прошлымъ. Отъ окрестныхъ помѣщиковъ мнѣ довелось услышать немало разсказовъ объ этомъ прошломъ, иногда мрачныхъ и темныхъ, иногда любопытныхъ, главнымъ образомъ, съ психологической точки зрѣнія. Вотъ одинъ изъ нихъ, въ достовѣрности котораго я не имѣю повода сомнѣваться. Недалеко отъ того имѣнія, гдѣ я жилъ, находится село С—новки, рѣзко отличающееся своимъ наружнымъ видомъ отъ другихъ подольскихъ селъ, обыкновенно сбитыхъ въ кучу, безъ всякаго плана и порядка. Богатыя, большія хаты С—новки тянутся стройно и правильно въ два ряда, не убѣгая въ глубь вишневыхъ садиковъ, окружающихъ ихъ, и не выпячиваясь впередъ, на солнцепекъ, къ пыльному краю дороги. За кустами зелени ярко горитъ золотой крестъ каменной церкви. Лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ села тутъ не было и помина: оно помѣщалось верстахъ въ пяти отъ теперешняго своего мѣстоположенія. Но вотъ что случилось. Однажды сынъ помѣщика Ор—скаго, юноша лѣтъ 15-ти, ѣхалъ куда-то въ гости. Навстрѣчу ему попалась телѣга, въ которой, развалившись, лежалъ смуглый и коренастый семинаристъ, сынъ мѣстнаго священника. Молодой поповичъ—не знаю, нечаянно или нарочно—не только не снялъ шапки предъ юнымъ панычомъ, но даже и не свернулъ передъ нимъ съ дороги. Тотъ вскипятился: началась перебранка, кончившаяся тѣмъ, что панычъ ударилъ семинариста кнутомъ, а послѣдній, вырвавъ кнутъ изъ его рукъ, отхлесталъ имъ самого паныча. Не

знаю, чѣмъ разрѣшилась эта исторія и какъ вывернулся священникъ изъ затруднительнаго положенія, въ которое былъ поставленъ своевольствомъ сына, но окончательная развязка этого столкновенія разыгралась только значительно позже.

Помѣщикъ умеръ, оставивъ имѣніе своему сыну, Сев—ну Ор—скому, котораго мы встрѣтили раньше панычомъ. Умеръ и священникъ; на мѣсто его былъ назначенъ его сынъ. И вотъ между старыми врагами возгорѣлась жестокая война. Доносъ за доносомъ посылались на молодого священника; послѣдній изъ этихъ доносовъ грозилъ ему потерей мѣста, и онъ вынужденъ былъ покинуть село и отправиться для разъясненія дѣла въ тотъ городъ, гдѣ жило его начальство. Разъясненія эти затянулись на долгое время. Возвратившись, онъ не нашелъ села на его прежнемъ мѣстѣ: передъ нимъ возвышалась одна церковь да принадлежащія къ ней постройки причта, а вмѣсто деревни тянулось вокругъ однообразное, распаханное поле. Зато въ пяти верстахъ отъ прежняго села стройно тянулись въ два ряда хаты деревни С—новки, словно выросшей изъ-подъ земли, и рабочіе неустанно трудились надъ возведеніемъ новаго каменнаго храма. Работали усиленно и спѣшно; церковь была скоро выстроена и освящена: въ нее пригласили новаго священника, а прежній остался ни при чемъ. Эпизодъ этотъ, записанный мною изъ устъ людей, хорошо знакомыхъ съ исторіей своего края, показываетъ какъ нельзя лучше, что г-нъ Мачтетъ ничего не преувеличилъ въ романѣ, разсказывая о темныхъ сторонахъ „невозвратнаго прошлаго“ нашей окраины.

Два слова о моихъ литературныхъ „пріятеляхъ“. Г-нъ Буренинъ на-дняхъ „разнесъ“ меня въ пухъ и прахъ въ своемъ фельетонѣ, озаглавленномъ: „Урокъ стихотворцу“, взобравшись для того на коня науки, съ котораго однако, къ вящшему своему посрамленію, былъ немедленно совлеченъ въ нашей газетѣ г-мъ Историкомъ культуры. Такимъ образомъ возражать по существу на его фельетонъ я не имѣю никакой необходимости. Мнѣ хочется только заявить моимъ читателямъ, что сообщеніе г. Буренина о томъ, что я самъ послалъ ему свой фельетонъ, желая вымолить такимъ предупрежденіемъ его вниманіе—совершенно лживо. Я писалъ для моихъ читателей, а не для г-на Буренина; правда, послѣдняго я признаю нѣкоторой, хотя и очень небольшой силой, съ которой невольно приходится иногда считаться. Вотъ почему я намѣренъ не разъ еще бесѣдовать въ своей хроникѣ о г-нѣ Буренинѣ, но

бесѣдовать съ г-номъ Буренинымъ, а тѣмъ болѣе интересоваться его мнѣніемъ о моихъ работахъ—было бы слишкомъ наивно съ моей стороны. Хотя я и „начинающій“ (на что язвительно указываетъ г-нъ Буренинъ, считая молодость непростительнымъ порокомъ, должно-быть, за свойственныя ей честность и прямолинейность), но безполезность какихъ-либо споровъ съ г-мъ Буренинымъ и для меня совершенно ясна. Пусть себѣ язвитъ меня въ пяту—такое ужъ его провиденціальное назначеніе.

Не стану много распространяться и объ авторѣ „Белибердіады“, посвященной редакціи „Зари“ вообще и мнѣ въ особенности. Бѣдный поэтъ! Онъ разсчитываетъ обратить на себя вниманіе публики скандальной перемѣной своихъ убѣжденій и озлобленными нападками на тѣхъ, кому онъ еще недавно надоѣдалъ своими восторгами. Врядъ ли ему удастся достигнуть этого: бездарность его равно сквозится и въ хвалебномъ гимнѣ и въ грязномъ пасквилѣ.

VIII.

(Разсказъ г-на Боборыкина „Безвѣстная“.—Повѣсть г-жи Кузьминской „Бѣшеный волкъ“.—Стихотвореніе г-жи Чюминой).

Въ дѣтствѣ у меня была одна довольно извѣстная, распространенная игрушка: въ большомъ деревянномъ ящикѣ помѣщались узорно-выпиленныя пластинки дерева съ наклеенными на нихъ частями картины. Задача играющаго состояла въ томъ, чтобы, сложивъ эти пластинки одну съ другой, получить, такимъ образомъ, всю картину. Помню,—со временемъ многія изъ этихъ составныхъ частей картины утерялись; остались, напримѣръ, передняя половина бѣлой лошади и протянутая впередъ рука въ красномъ обшлагѣ, грозящая обнаженной саблей,—но ни того браваго генерала, которому принадлежитъ эта рука, ни остальной части лошади нѣтъ; вотъ древко знамени и широко разставленныя ноги знаменщика, — но самое знамя, а также и голова героя — отсутствуютъ.

Мнѣ эта игрушка вспомнилась по поводу разсказа г. Боборыкина: „Безвѣстная“, оконченнаго въ іюльской книжкѣ „Вѣстника Европы“. Авторъ то останавливаетъ вниманіе читателя на какой-нибудь подробности, не имѣющей, повидимому, никакого значенія въ общей концепціи разсказа, то совершенно умалчиваетъ о чемъ-нибудь важномъ и необходимомъ для связи картины, какъ будто тотъ деревянный кусочекъ, на которомъ изображено это важное, внезапно имъ утерянъ.

Фабула разсказа г-на Боборыкина не сложна. Проживаетъ въ Петербургѣ нѣкая бѣдная акушерка Марья Трофимовна Евсѣева; у нея есть пріемная дочь Маруся, обнаружившая талантъ къ музыкѣ и обладающая недурнымъ голосомъ. Два эти качества обратили на дѣвочку вниманіе благодѣтелей, взявшихъ ее къ себѣ, такъ какъ въ подвалѣ Марьи Трофимовны и сыро, и холодно, и голодно. Читателю становится также извѣстнымъ, что дѣвочка ходитъ въ гимназію и что платитъ за нее Марья Трофимовна; но что̀ дѣлаетъ она кромѣ этого у благодѣтелей, каковы ихъ взаимныя отношенія, съ какимъ обществомъ сталкивается тамъ Маруся, учится ли она пѣнію, или нѣтъ,—обо всемъ этомъ авторъ не говоритъ ни слова; эти части картины, какъ въ моей дѣтской игрушкѣ, для читателя утеряны. Зато авторъ очень подробно разсказываетъ, какова была собою женщина, посланная однажды за Марьей Трофимовной съ извощичьяго двора (эпизодъ совершенно случайный и не имѣющій никакой связи съ фабулой разсказа). „Марьѣ Трофимовнѣ понравилось, — говоритъ онъ,—рябоватое, круглое лицо, съ прядью черныхъ волосъ, выбившихся на самый носъ, широкій и смѣшной: одна ноздря была уже другой“ (стр. 130). Сообщаетъ онъ также и о томъ, какъ, отправляясь съ этой женщиной, Марья Трофимовна подошла къ вѣшалкѣ, гдѣ висѣли драповое пальто и шуба на кротовыхъ шкуркахъ, крытая сукномъ; Марья Трофимовна, однако, пальто оставила въ покоѣ, а надѣла шубку. Затѣмъ, неизвѣстно для чего, разсказывается нѣсколько эпизодовъ изъ медицинской практики Евсѣевой и много еще разныхъ другихъ вещей, не менѣе безполезныхъ для читателя. Наконецъ появляется на сцену и Маруся. Особа эта, „съ крупно-вырѣзанными глазами“ и „круто-вывороченными губами“, сразу заинтриговываетъ и свою пріемную мать и читателя: „Ахъ, мамаша, — говоритъ она,—вы и вообразить себѣ не можете, какая штука устраивается“. Затѣмъ, на протяженіи шести страницъ, Марья Трофимовна все спрашиваетъ у Маруси: „въ чемъ дѣло“, а она ѣстъ лѣнивыя щи и отвѣчаетъ самымъ уклончивымъ образомъ, должно - быть, въ видахъ вящшаго возбужденія интереса въ читателѣ. Но такъ какъ все на свѣтѣ имѣетъ конецъ, то разъясняется и загадка, на которую намекаетъ Маруся: оказывается, что какой-то актеръ, „баритонъ, но въ родѣ, какъ теноръ“, встрѣтившись съ ней неизвѣстно гдѣ и неизвѣстно при какихъ обстоятельствахъ, предложилъ ей ангажементъ въ Москву. Гимназія оставляется, и дѣвушка уѣзжаетъ, хотя не безъ сопротивленія со стороны пріемной

матери. Въ спорѣ этомъ и Марья Трофимовна и авторъ ведутъ себя такъ странно, что я хочу разсказать объ этомъ нѣсколько подробнѣе.

Узнавъ объ ангажементѣ, Марья Трофимовна приходитъ въ ужасъ:

— Какъ? бросать гимназію, ѣздить неизвѣстно съ кѣмъ, неизвѣстно на что?..—„Довольно коптѣть“, рѣзко отвѣчаетъ Маруся... „Въ звукахъ голоса ея было что-то совсѣмъ новое, — замѣчаетъ въ концѣ этой сцены авторъ: — такъ прежде она не говорила. Тутъ мужчина, любовное влеченіе“... Какъ вамъ нравится, читатель, такая проницательность: дочь говоритъ: „довольно коптѣть“, а мать въ „звукахъ ея голоса“ подмѣтила сейчасъ же „мужчину, любовное влеченіе“? И мало того, что подмѣтила, но побѣжала слѣдить за дочерью, когда та ушла, причемъ, хотя не нагнала Маруси, но домой не вернулась: „авось гдѣ-нибудь попадется“. Увлекаемая все дальше и дальше своей проницательностью, она твердо рѣшила, что Маруся отправилась на свиданіе съ своимъ баритономъ. Но Петербургъ великъ — гдѣ искать заблудшую дѣвочку? „И вотъ,—разсказываетъ авторъ,—когда она уже хотѣла тащиться (!) къ себѣ, ей точно въ голову что̀ ударило, вмѣстѣ съ мыслью: „На Михайловской улицѣ, около магазина гуттаперчевыхъ издѣлій“. Почему около этого магазина? Она вспомнила, что онъ называется „Макинтошъ“. Да, Макинтошъ (?). Это слово повело за собой и другую подробность. Кто-то не такъ давно разсказывалъ ей (о чемъ?), кажется, какая-то паціентка признавалась ей въ своемъ „грѣхѣ“. И „душенька“ вызвалъ ее въ первый разъ къ этому самому „Макинтошу“. Тутъ часто назначаютъ свиданія.

При всемъ моемъ уваженіи къ беллетристической опытности и повѣствовательному таланту г. Боборыкина, я не могу не признать приведеннаго отрывка крайне страннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, героиня г. Боборыкина сильно смахиваетъ на помѣшанную: сначала она прозрѣла въ звукахъ голоса дочери „мужчину“, потомъ погналась за этимъ призракомъ по Петербургу, а въ заключеніе, по внезапному наитію, рѣшила, что выдуманное ею свиданіе должно происходить непремѣнно у магазина „Макинтошъ“, причемъ даже сдѣлала нелѣпое обобщеніе, что тамъ часто происходятъ свиданія! Неужели г. Боборыкинъ полагаетъ, что, навязывая Марьѣ Трофимовнѣ эти дикіе поступки, онъ занимался психологическимъ анализомъ? Неужели вся эта тирада, переданная къ тому же крайне неуклюжимъ языкомъ, не „сочинена“, въ смыслѣ художественной правды, отъ первой до послѣдней строки?

Безумства Марьи Трофимовны этимъ однако не кончаются. Она, дѣйствительно, бѣжитъ къ магазину „Макинтошъ“ и сталкивается около подъѣзда магазина съ брюнетомъ,„похожимъ лицомъ на армянина“. Дѣлаю еще выписку: „Онъ, онъ!“—прошептала она, и ей захотѣлось остановить его, взять за руку, умолять „Христомъ Богомъ“ не губить ея дѣвочки. Она и остановилась-было. Прохожій тоже замялся на ходу: ему было неудобно пройти по тротуару, суженному въ этомъ мѣстѣ. Марья Трофимовна взглянула на него, чувствуя, что блѣднѣетъ, и сошла съ тротуара, дала ему дорогу. Брюнетъ тоже взглянулъ на нее и пошелъ прочь. „Нѣтъ, не онъ,— успокоила она себя“.

Весь этотъ эпизодъ до такой степени невѣроятно дикъ, что всякіе комментаріи здѣсь будутъ излишни. И между тѣмъ читатель очень ошибается, если и въ самомъ дѣлѣ приметъ героиню г. Боборыкина за... большую чудачку, чтобы не сказать болѣе: въ другихъ мѣстахъ разсказа она обнаруживаетъ и смѣтливость, и „бывалость“, какъ выражаетъ авторъ, и большой здравый смыслъ. Виноватъ г. Боборыкинъ, сочинившій и навязавшій Евсѣевой нелѣпую „психологію“, а не сама Марья Трофимовна. У г. Боборыкина нѣтъ почти совсѣмъ художественнаго творчества: чуть онъ перестаетъ списывать съ натуры, онъ начинаетъ путаться и говорить Богъ знаетъ что.

Несмотря на всѣ нелѣпыя выходки пріемной матери, Маруся уѣзжаетъ, чѣмъ и заканчивается первая часть разсказа. Считаю нужнымъ оговориться при этомъ, что я умалчиваю о многихъ побочныхъ эпизодахъ разсказа, напр., о посѣщеніи Евсѣевой своей подруги Переверзевой, такъ-какъ рѣшительно не знаю, съ какой стати они понадобились автору.

Во второй части мы встрѣчаемъ Марью Трофимовну въ Москвѣ, куда уѣхала дочь. Испуганная тономъ ея писемъ, Евсѣева продала свой скарбъ и, не предупредивъ Маруси, отправилась разузнать о ея житьѣ-бытьѣ. Тутъ авторъ развертываетъ передъ нами цѣлую Одиссею: оказывается, что „бывалая“ Марья Трофимовна не только не позаботилась разспросить у дочери, какую сценическую фамилію она для себя избрала,—хотя дочь передъ отъѣздомъ и сообщила ей о фактѣ перемѣны своей фамиліи,—но даже не сумѣла сразу разыскать ее въ Москвѣ, „забывъ, что можно справиться объ ея мѣстонахожденіи въ адресномъ столѣ“. Разумѣется, и помимо адреснаго стола узнать о томъ, гдѣ живетъ дочь, было не трудно: вѣдь Евсѣева ей отвѣчала на письма не въ пространство, а куда-нибудь въ опредѣленное мѣсто. Но, отправься

Евсѣева прямо къ дочери, пришлось бы выпустить всю сцену розысковъ дочери и всѣ связанные съ ней побочные эпизоды разсказа, составляющіе однако, по своей величинѣ, самую значительную часть его. И вотъ авторъ подробно толкуетъ о томъ, какъ его героиня расплатилась съ носильщикомъ на вокзалѣ, и какъ наняла извозчика, и по какимъ улицамъ онъ везъ ее, и какъ она пріѣхала въ театръ, и что̀ ей сказалъ швейцаръ, и что̀ она сказала швейцару. Разсказываетъ онъ и о томъ, какъ швейцаръ велѣлъ ей пріѣхать еще разъ къ семи часамъ, и она отправилась пока разыскивать домъ, гдѣ прошло ея дѣтство (Марья Трофимовна была москвичка по происхожденію). Домъ оказался проданнымъ какому-то купцу, но въ немъ жила еще родственница семьи, когда-то пріютившей Евсѣеву. Разумѣется, и родственница и купецъ немедленно являются на сцену, причемъ подробно описываются ихъ костюмы, наружность, жесты, произношеніе и проч. Затѣмъ Марья Трофимовна опять возвращается въ театръ, знакомится съ театральной портнихой и наконецъ-то сталкивается съ Марусей. Оказывается изъ дальнѣйшаго объясненія, что „баритонъ въ родѣ тенора“, сманившій Марусю, бросилъ ее, и она сошлась съ какимъ-то другимъ актеромъ, „простакомъ“, доставившимъ ей ангажементъ въ Рыбинскъ. Здѣсь Марья Трофимовна выкидываетъ еще одинъ удивительный кунштюкъ. Воспользовавшись короткимъ отсутствіемъ дочери, она отправляется въ уборную къ коварному тенору „объясниться“. Разумѣется, объясненіе выходитъ крайне нелѣпо; оказывается, что дочь и до знакомства съ актеромъ пошаливала въ Петербургѣ, и своимъ поступкомъ Марья Трофимовна навлекаетъ только на себя подозрѣніе въ шантажѣ. Вся эта печальная исторія съ Марусей заканчивается самымъ трагическимъ образомъ: переманивъ мать на свою квартиру и обобравъ ее до нитки, дочь, вмѣстѣ съ „простакомъ“, внезапно исчезаетъ изъ Москвы, оставивъ Марью Трофимовну раздѣлываться съ долгами Маруси, какъ она знаетъ. И вотъ скромные пожитки Евсѣевой квартирный хозяинъ оставляетъ у себя, а акушерку выгоняетъ на улицу съ 60-ю копейками въ карманѣ.

Оставшись безъ крова, злополучная Марья Трофимовна принуждена провести ночь въ ночлежномъ пріютѣ. Попадаетъ она въ него не сразу: авторъ неутомимо мѣшаетъ ей въ достиженіи этой цѣли, то, неизвѣстно зачѣмъ, заставивъ ее разговаривать на бульварѣ съ нищимъ, отставнымъ офицеромъ, то въ самомъ пріютѣ, смущая ея первый сонъ приходомъ репортеровъ, явившихся осматривать заведеніе. Разсказъ заканчивается тѣмъ, что въ пріютѣ внезапно оказы-

вается необходимость въ акушеркѣ. Рожаетъ нищая, неизвѣстно гдѣ „пригулявшая ребенка“. Вся апатія, вся усталость разомъ оставляютъ Марью Трофимовну; бодро принимается она за обычное дѣло, и, когда на свѣтъ Божій появляется, съ ея помощью, новый жилецъ,—она объявляетъ, что беретъ его на воспитаніе.

„Какъ? — спроситъ читатель: — но вѣдь она сама нищая, сама принуждена ночевать Богъ вѣсть гдѣ и шататься безъ крова по улицамъ?“ — „Вывернусь, — отвѣчаетъ Марья Трофимовна: — возьму у Переверзевой“. — „Но почему же вы, Марья Трофимовна, не надумались сдѣлать это раньше?“— пристаетъ читатель. „Бывалая“ героиня г-на Боборыкина сконфуженно киваетъ на автора, — „спрашивайте, дескать, у него“. А дѣло, между тѣмъ, очень ясно: догадайся Евсѣева прежде обратиться къ Переверзевой, — хозяинъ не прогналъ бы ее съ квартиры, она не попала бы въ ночлежный пріютъ, не встрѣтилась бы съ офицеромъ, не увидѣла бы репортеровъ и наконецъ не помогла бы нищей, ребенка которой она усыновила. Не будь всего этого — не было бы никакого трагизма въ ея судьбѣ, а не будь этого трагизма — не было бы и разсказа. И вотъ авторъ выдумалъ цѣлую исторію и, надо сознаться, выдумалъ крайне неловко.

Разсказъ озаглавленъ: „Безвѣстная“. Признаюсь, я не сразу разгадалъ значеніе этого заглавія. Мнѣ объяснила его только послѣдняя сцена разсказа; заглавіе г-на Боборыкина, очевидно, не полно,—слѣдуетъ читать его: „Безвѣстная героиня“. Теперь замыселъ автора станетъ понятнымъ: г. Боборыкинъ, очевидно, задался цѣлью написать произведеніе „съ идеей“, произведеніе тенденціозное: онъ захотѣлъ вывести на сцену одну изъ тѣхъ незамѣтныхъ личностей, затерянныхъ въ сѣрой толпѣ рабочаго люда, которыя безъ жалобъ и упрековъ, несмотря ни на какіе удары судьбы, какъ муравьи, скромно и безвѣстно совершаютъ свой житейскій подвигъ любви и труда. Замыселъ крайне симпатичный, но выполненъ онъ, къ сожалѣнію, слабо. У г-на Боборыкина не хватило ни творческаго таланта ни простоты, тогда какъ послѣдняя была особенно необходима; выбранный имъ типъ „безвѣстной героини“ именно простъ въ жизни до послѣдней степени. Марья Трофимовна рѣшительно не удалась ему; правда, авторъ много разсказываетъ о томъ, какъ безкорыстно и радушно помогала она бѣднякамъ, довольствуясь своей скромной долею,—но зато въ своихъ отношеніяхъ къ Марусѣ она была неправа. Изъ повѣсти видно, что Евсѣева не имѣла никакого вліянія на свою воспитанницу; она сама помѣстила

ее къ какимъ-то сомнительнымъ благодѣтелямъ, сама отпустила въ Москву. Она не сдѣлала ничего, чтобы предотвратить то разочарованіе, которое готовила ей дочь. Фальшиво нарисована Евсѣева и какъ типъ: съ одной стороны, авторъ на каждомъ шагу подчеркиваетъ ея опытность, практичность, бывалость, энергію (послѣднее качество необходимо даже для его творческаго замысла—для того, чтобы его Марья Трофимовна была дѣйствительно героиней, а не тряпкой). Въ то же время онъ заставляетъ ее нелѣпо преслѣдовать дочь по улицамъ Петербурга, нелѣпо растеряться, разыскивая ее въ Москвѣ, нелѣпо объясняться съ теноромъ, нелѣпо позволить обмануть себя въ Москвѣ и безъ нужды довести себя до печальной необходимости ночевать въ какомъ-то вертепѣ. Гдѣ же тутъ умъ, смѣтливость, практичность, энергія? Крайне мѣшаетъ также впечатлѣнію разсказа его растянутость, масса ненужныхъ эпизодовъ, въ родѣ встрѣчи съ офицеромъ или репортерами, масса ненужныхъ деталей, какъ, напримѣръ, описаніе ноздрей служанки, мелькнувшей въ разсказѣ на одно мгновеніе. Языкъ разсказа отзывается сочиненностью, вычурностью, оригинальничаніемъ. Сапоги г. Боборыкинъ называетъ ботиками, калоши—быхомами. Маруся присаживается на стулъ „съ озорствомъ“ и не повертывается, а „повертываетъ“ къ двери. Въ другомъ мѣстѣ та же Маруся „легла поперекъ кровати и вскинула ногами“—совершенно безъ всякой причины. Вмѣсто харчевни, г. Боборыкинъ говоритъ „харчевушка“; у извозчика его—„щекастое лицо“, а проѣзжающій мимо вагонъ конно-желѣзной дороги „шипитъ“. Такой же сочиненностью отзываются и нѣкоторые эпизоды разсказа: у нищей Марьи Трофимовны оказываются въ карманѣ особыя восковыя спички для освѣщенія лѣстницы, когда по ней приходится итти въ ночное время (какой европеизмъ, подумаешь!). Она же, крайне взволнованная, разъѣзжая по Москвѣ, находитъ возможнымъ считать попадающихъ ей навстрѣчу пѣшеходовъ съ непокрытыми головами, причемъ авторъ сообщаетъ, что она насчитала ихъ до двадцати. Магазинъ, который героиня подозрѣваетъ въ томъ, что онъ служитъ мѣстомъ свиданія ея возлюбленной дочери, именуется „Макинтошъ“, подруга Евсѣевой зовется „Переверзева“, а двѣ церкви, о которыхъ упоминается въ разсказѣ, именуются: одна—Успенье-Печатникъ, а другая Троица-Листы. Всѣ эти странныя имена, можетъ-быть, и взяты г-мъ Боборыкинымъ изъ жизни, но, поставленныя рядомъ, они производятъ впечатлѣніе чего-то до-нельзя изысканнаго и выдуманнаго. Въ иныхъ мѣстахъ авторъ выражается просто непра-

вильно, не по-русски. Такъ, открытое письмо онъ называетъ „почтовая карта“, переводя это слово съ французскаго— „carte postale“. Что это—небрежность, спѣшность, или тоже оригинальничанье особаго рода? Недаромъ Тургеневъ въ своихъ „Стихотвореніяхъ въ прозѣ“ назвалъ русскій языкъ неоцѣнимымъ сокровищемъ. Съ сокровищемъ слѣдуетъ и обращаться тщательно и благоговѣйно.

Мнѣ очень жаль, что, заговоривъ въ моей хроникѣ о г-нѣ Боборыкинѣ, я долженъ былъ на этотъ разъ дать о послѣднемъ его произведеніи отзывъ скорѣе отрицательный, чѣмъ положительный. Меня давно уже возмущали огульные, несправедливые нападки нашей критики на почтеннаго романиста, который, несмотря на свои крупные недостатки, все-таки обладаетъ и выдающимся изъ ряду талантомъ, и беллетристической опытностью, и наконецъ недюжиннымъ образованіемъ. Послѣднее качество, какъ справедливо замѣчаетъ мой достойный оппонентъ, г. Буренинъ, тоже чего-нибудь да стоитъ, хотя, собственно, глумленіе надъ г-мъ Боборыкинымъ началось именно съ легкой руки г. Буренина. Но на этотъ разъ я не могъ доказать фактами моего взгляда на г-на Боборыкина: разсказъ „Безвѣстная“ дѣйствительно, по выполненію, крайне слабъ.

Слабой вещью показалось намъ и произведеніе г-жи Кузьминской: „Бѣшеный волкъ“, помѣщенное въ той же книжкѣ „Вѣстника Европы“. Авторъ называетъ свое новое дѣтище истиннымъ происшествіемъ. На самомъ дѣлѣ это не что иное, какъ растянутая газетная корреспонденція о нападеніи на крестьянскую семью бѣшенаго волка, — сырой матеріалъ, частью интересный, частью совершенно незначительный. Художественной обработки предмета тутъ нѣтъ и слѣда. Тѣмъ же недостаткомъ отличалась и другая повѣсть дебютирующаго автора, помѣщенная нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ „Вѣстникѣ Европы“ и озаглавленная: „Бабья доля“. Я встрѣтилъ какъ-то подпись г-жи Кузьминской и въ одномъ изъ нашихъ дѣтскихъ журналовъ, подъ разсказомъ съ весьма сомнительной моралью. Все это даетъ нѣкоторое основаніе думать, что большого пріобрѣтенія въ лицѣ молодого автора наша литература не сдѣлала. Да и помимо формы, самый выборъ сюжета, разсчитанный на интересъ, возбужденный въ нашемъ обществѣ открытіемъ Пастера, не очень мнѣ симпатиченъ: врядъ ли достоинство серьезной литературы позво-

Есть въ этой же книжкѣ „Вѣстника Европы“ произведеніе и другой дебютантки — г-жи Ольги Чюминой. Г-жа Чюмина выступаетъ передъ читателемъ въ качествѣ поэтессы, съ небольшимъ лирическимъ стихотвореніемъ. Мы помнимъ ея имя также на страницахъ „Колосьевъ“, „Новаго Времени“, „Художественнаго Журнала“ и „Сѣвернаго Вѣстника“. Надо сознаться, что особой „кружковой“ узкостью взгляда г-жа Чюмина не отличается: ей все равно, гдѣ бы ни печатать, лишь бы напечатать. Не знаю, можно ли считать достоинствомъ такую ширину взгляда; впрочемъ, говорятъ, г-жа Чюмина еще очень молода, а молодости многое прощается за ея неопытность. Насколько можно судить по тѣмъ произведеніямъ молодой поэтессы, какія намъ удалось прочесть, она обладаетъ нѣкоторымъ талантомъ, но скорѣе талантомъ переводчицы, чѣмъ талантомъ оригинальнымъ; собственно ей принадлежащія пьесы нѣсколько банальны и по формѣ и по мысли; попадаются и прямыя несообразности. Такъ, въ послѣднемъ стихотвореніи ея, она говоритъ: „Съ балкона усадьбы, во мракѣ бѣлѣя, виднѣется липъ серебристыхъ аллея“. Во-первыхъ, серебристыхъ липъ не бываетъ; во-вторыхъ, липы во мракѣ не могутъ бѣлѣть; а въ-третьихъ, и самаго мрака не могло быть, какъ о томъ свидѣтельствуютъ первыя четыре строки стихотворенія: „свѣжо... вечерѣетъ... зарею огнистой подернулся западъ“ и т. д. Мысль этого небольшого стихотворенія (20 строкъ) тоже не отличается свѣжестью: весной они любили другъ друга, а осенью разстались, такъ кратковременно людское счастье! Симпатичной намъ показалась только простота формы стихотворенія. Желательно однако, чтобы простота эта не переходила въ банальность. Во всякомъ случаѣ задатки для дальнѣйшаго развитія, насколько мы можемъ судить, у г-жи Чюминой есть, но работать предстоитъ еще не мало.

IX.

(Романъ г-на Эртеля „Минеральныя воды“ и г-на Сибиряка „На улицѣ“).

Знакомясь съ содержаніемъ каждой вновь выходящей въ свѣтъ книжки „Русской Мысли“, начиная съ марта мѣсяца настоящаго года, я не безъ удовольствія убѣждался, что начатые въ этомъ мѣсяцѣ романы гг. Сибиряка и Эртеля еще не окончены и что, слѣдовательно, отзывъ о нихъ я могу пока отложить. Это тянулось такъ долго, что въ сердце мое стала даже закрадываться тайная надежда совсѣмъ не дожить до того рокового момента, когда оба автора поставятъ заключи-

тельныя точки, а я, наоборотъ, долженъ буду взяться за перо, чтобы освѣтить для читателя достоинства и недостатки ихъ произведеній. Надежда эта особенно поддерживалась тѣмъ обстоятельствомъ, что, несмотря на большое количество прочитываемыхъ мною въ каждой новой книжкѣ печатныхъ листовъ, дѣйствіе въ романахъ рѣшительно не подвигалось впередъ, словно замерзнувъ въ завязкѣ. Увы, надеждѣ моей не суждено было сбыться: въ майской книжкѣ на двухъ-трехъ послѣднихъ страницахъ г. Эртель, точно утомясь безцѣльно стенографировать праздные разговоры своихъ героевъ, внезапно затянулъ передъ читателемъ узелъ интриги своего романа и, такъ же внезапно оборвавъ его въ іюньской книжкѣ, положилъ перо. Начинаетъ какъ будто что-то проясняться и въ романѣ г. Сибиряка, хотя попрежнему читателю крайне трудно угадать, куда клонитъ авторъ и скоро ли онъ договорится до конца. Дѣлать нечего, приходится сказать объ этихъ произведеніяхъ хоть нѣсколько словъ.

Литературная карьера обоихъ разбираемыхъ мною авторовъ имѣетъ много сходныхъ чертъ: начали они,—какъ одинъ, такъ и другой,—сравнительно недавно, хотя имена ихъ уже пользуются въ литературѣ и въ публикѣ нѣкоторою извѣстностью. Г. Эртель писалъ небольшія повѣсти съ строго-опредѣленной фабулой, въ которыхъ разрабатывалъ различныя частныя явленія наблюдаемой имъ жизни. Г. Сибирякъ заявилъ себя очень талантливымъ разсказчикомъ изъ сибирскаго быта. Но рамки прежней дѣятельности показались обоимъ авторамъ слишкомъ тѣсными: г-на Эртеля увлекло желаніе дать болѣе широкую картину жизни, чѣмъ онъ давалъ раньше, приблизиться отъ типа небольшого разсказа къ типу сложнаго романа, а г-нъ Сибирякъ, израсходовавъ, вѣроятно, накопленный имъ прежде матеріалъ, рѣшился коснуться другихъ сферъ жизни, избравъ предметомъ своего романа описаніе нравовъ столичной улицы. Такимъ образомъ, по мысли авторовъ, новыя произведенія ихъ должны быть шагомъ впередъ въ ихъ литературной дѣятельности, должны выяснить читателямъ, насколько велики и разносторонни ихъ дарованія. Я склоненъ думать, однако, что эти произведенія скорѣе слѣдуетъ признать шагомъ въ сторону, чѣмъ впередъ.

Взявшись за большой романъ, г-нъ Эртель сдѣлалъ положительную ошибку: романъ ему не удался,—не удался, главнымъ образомъ, со стороны замысла и компановки. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ собственно хотѣлъ намъ сказать г-нъ Эртель? Въ произведеніи его нѣтъ никакого единства, если не брать въ соображеніе единства мѣста, служащаго ареной для ро-

мана, — единства чисто-внѣшняго и случайнаго. Выводимыя авторомъ лица ничѣмъ не связаны во взаимныхъ отношеніяхъ; они взяты изъ различныхъ слоевъ общества и сведены вмѣстѣ только простымъ случаемъ. Передъ читателемъ мелькаютъ и купцы, и аристократы, и военные, и представители интеллигентной молодежи, и дѣятели міра артистическаго, и типы изъ міра литературнаго. Очевидно, такимъ образомъ, что г-нъ Эртель не имѣлъ въ виду нарисовать нравы какой-нибудь опредѣленной группы лицъ, связанныхъ общностью воспитанія, образа жизни, привычекъ и интересовъ. Не имѣлъ онъ въ виду также и разрѣшить своимъ романомъ какой-либо нравственный или психологическій вопросъ. Выходитъ, что произведеніе лишено связующаго его части цемента, такъ какъ нельзя же считать цементомъ то обстоятельство, что всѣ герои г-на Эртеля пріѣхали на воды лѣчиться. Зато отдѣльные типы въ романѣ и нѣкоторые частные эпизоды, какъ, напр., поѣздка курсового общества на Бермамутъ, нарисованы очень удачно и рельефно. Почти всѣ лица живы, естественны и оригинальны. Обстоятельство это еще разъ доказываетъ, что жанръ г-на Эртеля—именно небольшіе разсказы съ эпизодическимъ содержаніемъ. Какъ только онъ выходитъ за ихъ рамки,—онъ совершенно теряется въ собранномъ имъ матеріалѣ, оказываясь неспособнымъ умѣло справляться съ общимъ ходомъ своего произведенія. Каждое лицо, интересное и живое само по себѣ, говоритъ и дѣйствуетъ въ его романѣ отдѣльно отъ другихъ, приклеено къ общей фабулѣ насильственно, да и сама фабула развивается крайне бѣдно и вяло. Впрочемъ, „Минеральныя воды“ — первая попытка г-на Эртеля въ этомъ родѣ. Можетъ-быть, съ развитіемъ въ немъ опытности, онъ лучше овладѣетъ техникой постройки романа. Это было бы особенно желательно въ виду той яркости и жизненности, которую обнаружилъ г-нъ Эртель въ обрисовкѣ отдѣльныхъ типовъ, изъ которыхъ нѣкоторые требовали очень тонкой и обдуманной работы.

О романѣ г. Сибиряка мы должны высказать мнѣніе, совершенно противоположное тому, которое мы высказали о романѣ г. Эртеля: то, что̀ слабо у послѣдняго, сильно у перваго, и наоборотъ. Романъ г. Сибиряка задуманъ въ высшей степени интересно и жизненно, и, если бы выполненіе соотвѣтствовало замыслу, „На улицѣ“ было бы однимъ изъ выдающихся беллетристическихъ произведеній текущаго года; но торопливость, съ которою работаетъ г. Сибирякъ, помѣшала вылежаться и созрѣть его произведенію, помѣшала отлиться его идеѣ въ яркую и художественную форму.. Заглавіе ро-

мана г-на Сибиряка слѣдуетъ понимать въ переносномъ смыслѣ. Для того, чтобы выяснить читателю, о какой улицѣ идетъ рѣчь въ романѣ, сдѣлаю выписку, въ которой авторъ самъ поясняетъ намъ свою мысль.

„И вы и я, Нилушка Чвоковъ, m-r Богомоловъ, и вашъ отецъ, и сама несравненная Жюдикъ,—всѣ мы одинаково жертвы улицы,—заговорилъ Покатиловъ, глядя прямо въ лицо своей слушательницѣ.—Это вотъ что значитъ, Сусанна Антоновна: есть извѣстный средній уровень, который давитъ все и всѣхъ. Ученый несетъ сюда послѣднія слова науки, артистъ и художникъ—плоды своего вдохновенія, общественные дѣятели—свою энергію, женщины—молодость и красоту. Улица всесильна, и у нея есть на все запросъ: всякая микроскопическая особенность на этомъ всеобщемъ рынкѣ находитъ себѣ самый вѣрный сбытъ. Пѣвецъ сюда несетъ какое-нибудь необыкновенное верхнее до, литературный талантикъ—послѣднее созданіе фантазіи, нашъ братъ газетчикъ тащитъ всякій выдающійся фактъ, даже добродушіе опеl'я имѣетъ цѣну и сбытъ. Вы слышали сегодня Жюдикъ? Вотъ олицетвореніе улицы, хотя и болѣе широкой, чѣмъ наша петербургская. Къ особенностямъ улицы принадлежитъ, между прочимъ, и то, что она все, что попадаетъ на нее, передѣлываетъ по-своему, т.-е. искажаетъ: есть спеціально-уличная музыка, какую мы слышали сегодня, есть уличные актеры, уличная наука, уличная литература и т. д. Улица на все даетъ свою моду, и эта мода безмолвно выполняется всѣми строже всякихъ уголовныхъ законовъ. Нужно замѣтить, что наше несчастное время есть время господства улицы по преимуществу, и нужно обладать настоящимъ геройствомъ, чтобы не поддаться этому всесильному вліянію. Есть, конечно, истинная и великая наука, есть великіе честные дѣятели, есть красота, поэтическое вдохновеніе, энергія, таланты, которые остаются незараженными этою уличною атмосферою, но вѣдь геройство необязательно, и мы, обыкновенные люди, платимъ тяжелую дань своему времени. Въ этомъ заключается главный источникъ душевнаго разлада, борьбы совѣсти, тайнаго и явнаго протеста чувства, мукъ и настоящихъ страданій. Бороться съ требованіями улицы не всякому по силамъ, когда маленькая сдѣлка съ совѣстью даетъ извѣстность, имя, успѣхъ, богатство. Улица по преимуществу эксплоатируетъ дурные инстинкты, наши слабости, животную сторону нашего существованія. Вашъ покорный слуга, въ данномъ случаѣ, не лучше другихъ и по возможности иллюстрируетъ жизнь улицы—самая благодарная работа, потому что улица можетъ потѣшаться сама надъ собой“.

Итакъ, вотъ что̀ такое „улица“. Нетрудно понять, насколько явленіе, затронутое г. Сибирякомъ, важно въ жизни: наше искусство оно низвело до оперетки въ музыкѣ, до олеографіи въ художествѣ, до „иллюстрированныхъ“ журналовъ и ихъ корифеевъ въ литературѣ; науку оно подружило съ шарлатанствомъ, а нравственность, честь и долгъ свело къ умѣнью прослыть пріятнымъ человѣкомъ, „славнымъ малымъ“, веселымъ собесѣдникомъ! Улица врывается въ жизнь черезъ всѣ щели, нагло торжествуя на каждомъ шагу, безъ труда срывая аплодисменты и вѣнки. Посмотрите на репертуаръ нашихъ драматическихъ театровъ въ послѣднее время—на всѣ эти „Лакомые кусочки“, „Фофаны“, „Байбаки“ и пр. и пр.—развѣ это не улица? Справьтесь, какія изданія бойко расходятся на книжномъ рынкѣ? Успѣхъ газетъ, въ родѣ „Новаго Времени“, и книгъ, въ родѣ „О женщинахъ“ или „Сергѣя Горбатова“—развѣ это не „уличный“ успѣхъ? Замѣтьте, кому аплодируютъ въ оперѣ и драмѣ — развѣ эти смазливыя, избалованныя дешево доставшимися лаврами лица — не улица? Правда, успѣхъ на улицѣ бываетъ кратковременен: легкомысленная и забывчивая, она быстро свергаетъ съ пьедестала свои вчерашніе кумиры, наказывая ихъ забвеніемъ и равнодушіемъ, и, какъ бабочка на огонь, жадно бросается на новыя впечатлѣнія, новыя удовольствія. Но бѣдные жрецы улицы, опьяненные своимъ мишурнымъ величіемъ, не смотрятъ, не умѣютъ смотрѣть впередъ: мгновеніе несетъ имъ славу и деньги, а о томъ, что̀ будетъ дальше, они не задумываются. Благо тому, кто понялъ улицу и не захотѣлъ служить ей, кого ведутъ впередъ высшія цѣли—вѣчныя цѣли науки, добра и искусства! Въ то время, когда память объ уличныхъ фаворитахъ и шутахъ заглохнетъ, какъ брошенная нива, и разсѣется, какъ плывущій дымъ,—имя его останется навсегда незапятнаннымъ и незабвеннымъ. Только много ли такихъ?..

Г. Сибирякъ, какъ мы уже замѣтили, выполнилъ свой замыселъ неудовлетворительно. Онъ взялъ не улицу въ широкомъ смыслѣ этого слова, а „аристократію улицы“, дѣятелей наиболѣе видныхъ, талантливыхъ и образованныхъ; онъ польстилъ улицѣ, представилъ ее „en beau“, скрасилъ ея глубокую пустоту и жалкое ничтожество. Не удалось ему также широко захватить явленіе, которое онъ такъ мѣтко охарактеризовалъ въ приведенной нами выпискѣ: личности, выведенныя имъ, далеко не исчерпываютъ коллекціи уличныхъ типовъ, далеко не служатъ самыми общими и распространенными ихъ представителями: они слишкомъ своеобразны, слишкомъ оригинальны для этого. Очень жаль, что г. Сибиряку

не пришло въ голову, на ряду съ дѣятелями улицы, дать два-три портрета истинныхъ тружениковъ науки, истинныхъ служителей искусства; безъ этого контраста романъ его будетъ мало понятенъ,—по крайней мѣрѣ, мало понятенъ для самой улицы, не умѣющей читать между строками и составляющей въ то же время, по количеству, самую значительную часть нашихъ читателей... Можетъ-быть, намъ прійдется еще разъ вернуться къ роману г. Сибиряка впослѣдствіи.

Не могу не обратить вниманія читателя еще на одно обстоятельство, имѣющее въ послѣднее время мѣсто въ нашей беллетристикѣ—на изображеніе въ карикатурномъ или отрицательномъ видѣ дѣятелей литературы. Не избѣгли этого и оба разбираемые мною автора: въ произведеніи г-на Эртеля фигурируетъ нѣкая романистка Матрена Вальяжная, перессорившая своими сплетнями все „курсовое“ общество и навязывающая всѣмъ и каждому свой романъ „Шестикрылые“; а у г-на Сибиряка однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ является будущій редакторъ уличной газеты Покатиловъ и, рядомъ съ нимъ, на третьемъ планѣ романа—цѣлая группа „извѣстныхъ литераторовъ“, готовыхъ съ легкимъ сердцемъ продать Покатилову свое имя и трудъ и настойчиво набивающихся въ сотрудники его газеты. Что̀ значитъ это гоненіе на литературу, поднятое самими литераторами? Гдѣ корень этого грустнаго явленія?

Къ сожалѣнію, я долженъ признаться, что многія изъ отрицательныхъ сторонъ современнаго литературнаго типа, выводимыхъ въ своихъ произведеніяхъ нашими беллетристами, безусловно вѣрны дѣйствительности. Литераторъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимали это слово въ 40-хъ и 60-хъ годахъ, мало-по-малу сходитъ со сцены; его замѣняетъ дѣятель новаго типа—скорѣе ремесленникъ, чѣмъ публицистъ или художникъ—отличающійся многими несимпатичными чертами. Для этого новаго типа не существуетъ прежнихъ завѣтныхъ традицій литературной чести, не позволявшихъ его предшественникамъ ни на іоту поступаться своими убѣжденіями; главнымъ двигателемъ его дѣятельности является гонораръ, а излюбленнымъ кумиромъ, которому онъ служитъ—улица. Задумайтесь хоть надъ исторіей возникновенія „Нови“ съ ея „сотней знаменитыхъ писателей и ученыхъ“—развѣ это не характерное явленіе? Задумайтесь надъ постоянными перемѣнами направленія какъ лицъ, такъ и цѣлыхъ литературныхъ органовъ,—развѣ это не характерное явленіе? Вотъ, напримѣръ, молодая поэтесса Ольга Чюмина, о которой я говорилъ прошлый разъ: сегодня она сотрудница баталип-

скихъ „Колосьевъ“, а завтра несетъ свои стихи въ „Вѣстникъ Европы“. Очевидно, что она свободна не только отъ всякой кружковой узкости, какъ кричатъ разные литературные ренегаты и торгаши, но и отъ всякихъ убѣжденій: кромѣ того, что, чѣмъ больше гонораръ, тѣмъ лучше. А вотъ еще примѣръ: выдвигается на сцену нѣкто г. Чеховъ, человѣкъ, несомнѣнно отмѣченный выдающимся дарованіемъ, и печатаетъ свои вещи въ уличномъ, зубоскальствующемъ журналѣ „Осколки“, издаваемомъ уличнымъ „юмористомъ“ г-мъ Лейкинымъ, и въ уличной же газетѣ „Новое Время“. На каждомъ шагу читатель натыкается на какое-нибудь возмущающее душу литературное неприличіе: тутъ, подъ видомъ рецензіи, ловкій критикъ пишетъ доносъ на своего личнаго врага; тамъ не менѣе ловкій беллетристъ выводитъ въ пасквильномъ видѣ рецензента, давшаго о немъ неблагопріятный отзывъ. Тайны псевдонимовъ раскрываются самымъ наглымъ, самымъ развязнымъ образомъ, какъ сдѣлалъ это, напр., г-нъ Буренинъ, глумясь надъ книгою О. К. Нотовича. Къ крайнему моему прискорбію, я долженъ признаться, что эту нравственную безшабашность въ значительной степени внесла въ литературу—литературная молодежь, испорченная развращающимъ вліяніемъ переживаемагѣ нами историческаго момента. Литераторамъ слѣдовало бы серьезно задуматься надъ этимъ явленіемъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ нѣкоторыми органами былъ поднятъ вопросъ о литературномъ судѣ чести. Нельзя не пожалѣть отъ всей души, что у поднявшихъ этотъ вопросъ не хватило энергіи провести его въ жизнь, добиться осуществленія своего проекта на практикѣ.

...Вспоминается мнѣ одинъ скверный-прескверный петербургскій осенній вечеръ... Было это не очень давно, лѣтъ пять-шесть тому назадъ; но если я и теперь еще не могу похвастаться обиліемъ мудрыхъ сѣдинъ въ моихъ волосахъ, если теперь еще наша критика, упоминая иногда о моей скромной особѣ, упорно именуетъ меня „начинающимъ“, подражая въ этомъ случаѣ извѣстной гоголевской теткѣ, до конца дней своихъ считавшей Ивана Ѳедоровича Шпоньку „совсѣмъ еще молодымъ дѣтиной“,—легко вообразить себѣ, какъ возмутительно юнъ былъ я въ то время, о которомъ идетъ рѣчь. Это была самая неистовая, самая зеленая юность, слѣпо вѣрящая и въ честь, и въ правду, и въ добро, и въ прекрасное, во всѣ тѣ глупыя книжныя бредни, которыя, однако, я и до сихъ поръ не могу привыкнуть считать бреднями... Не замѣчая пронизывающаго до костей осенняго холода, не заглядывая по сторонамъ, въ сіяющія серебромъ,

цвѣтными тканями и яркими бездѣлушками зеркальныя окна магазиновъ, рѣзко выходящія изъ мрака,—точно на крыльяхъ несся я по мокрому тротуару Невскаго проспекта, торопясь къ сроку въ училище, въ которомъ я якобы „воспитывался". Темно и скверно было кругомъ, но на душѣ моей цвѣла и горѣла радужнымъ блескомъ самая нарядная, самая благоуханная весна: вечеръ, о которомъ я вспоминаю, былъ вечеромъ перваго моего вступленія въ литературный міръ, перваго знакомства съ маститымъ извѣстнымъ поэтомъ Плещеевымъ, обратившимъ вниманіе на мои стихи, напечатанные въ журналѣ „Слово", и письменно пригласившимъ меня къ себѣ „потолковать и познакомиться". Я былъ какъ въ чаду. Передъ глазами моими неотступно стояла высокая, широкоплечая фигура, съ благороднымъ и добрымъ лицомъ, съ бѣлыми волосами, откинутыми назадъ, и широкой „патріархальной" бородой, упадающей на грудь... Я слышалъ еще этотъ нѣсколько глухой и усталый, но мягкій и задушевный голосъ, и свѣтлыя-свѣтлыя перспективы широко открывались передо мной... Вотъ занесенное снѣгомъ село... Въ одной изъ хатъ мерцаетъ огонекъ... Русая головка дѣвушки-учительницы склонилась надъ послѣдней книгой журнала. Это—читательница, моя будущая читательница... Вотъ шипитъ самоваръ, и за столомъ, освѣщеннымъ лампой, тоже декламируютъ стихи... Вотъ шумная студенческая пирушка... Одинъ изъ гостей случайно раскрылъ книгу журнала и тоже углубился въ напечатанное тамъ стихотвореніе... это все мои читатели! И это будетъ, непремѣнно будетъ; онъ сказалъ, что у меня есть талантъ; онъ сказалъ, что мнѣ стоитъ работать!.. О, счастье!..

Таковы были мои грезы. Я не скажу, чтобы я вполнѣ разочаровался въ нихъ,—но жизнь выдвинула на глаза мои и много такого, о чемъ я не имѣлъ никакого понятія... Едва я вышелъ изъ рамокъ поэзіи и рискнулъ подать мой голосъ въ другой области—въ области литературной критики,—на меня сразу посыпались всевозможные сюрпризы; два раза я имѣлъ удовольствіе читать грязные пасквили на мою личность. То тамъ, то здѣсь, подъ шумокъ, коснулась меня клевета. Одинъ разсерженный редакторъ назвалъ меня печатно „шантажистомъ". Одна разсерженная бездарность стала дѣлать на меня легонькіе лживые доносцы въ литературной формѣ. Я говорю объ этомъ для того, чтобы охарактеризовать фактически извѣстную часть нашей современной литературной среды, чтобъ читатель не думалъ, что на нашемъ пути попадаются намъ однѣ только розы; чтобы выяснить ему, насколько справедливы нападки на литературу этого рода

со стороны нашихъ беллетристовъ. Правда, нерѣдко бываетъ, что „обличителями“ руководитъ мелочное, личное чувство, что они ругаютъ не типы, а просто Петрова или Иванова. Но въ принципѣ „обличители“ не совсѣмъ неправы: честный литераторъ вырождается... Шумная улица нагло вторгается въ поруганный храмъ...

X.

(Разсказъ г-на Бажина „Одинъ“.—„Въ августовскую ночь“, Матильды Серао, переводъ съ итальянскаго).

Вновь вышедшія книжки журналовъ принесли съ собой мало интереснаго для читателей и утѣшительнаго для хроникера. „Наблюдатель“ появился такимъ же пестрымъ шутомъ, какъ всегда. Тѣ же сомнительныя произведенія отечественныхъ талантовъ, тѣ же переводы иностранныхъ авторовъ „числомъ поболѣе, цѣною подешевле“, тѣ же хромыя стихотворенія! Особенно хорошъ на этотъ разъ отдѣлъ „новыхъ книгъ“. Разбирая въ майскомъ № книжку г. Кроткова, которая однако вышла еще въ прошломъ году и поэтому можетъ назваться „новой“ развѣ только сравнительно съ вѣчностью, рецензентъ „Наблюдателя“ указалъ на эскизность разсказовъ г-на Кроткова и великодушно простилъ ему этотъ недостатокъ на томъ основаніи, что разсказы эти будто бы печатались въ газетѣ „Новое Время“; на самомъ же дѣлѣ главнѣйшіе изъ нихъ, какъ, напр., „Гладкія взятки“, помѣщены были въ „Отечественныхъ Запискахъ“, что̀ далеко не все равно. Въ настоящемъ № мы нашли критическіе перлы еще болѣе высокаго достоинства. Такъ, разбирая шаблонный романъ г-на Немировича-Данченко „Цари биржи“, столько же вѣрный русской жизни, сколько вѣрна ей любая балаганная масленичная пьеса, проницательный критикъ „Наблюдателя“ восхищается жизненной и талантливой обрисовкой типовъ въ этомъ романѣ и находитъ, что послѣ Тургенева у насъ никто такъ мастерски не описывалъ природу, какъ г. Данченко... Тургеневъ—и г. Данченко! Вотъ что̀ значитъ имѣть вѣрный критическій глазъ! Не менѣе интересна рецензія на стихотворенія молодого кіевскаго поэта, г. Николаева, дѣйствительно не лишеннаго искренности и дарованія: критику „Наблюдателя“ особенно понравилось въ стихахъ его то, что г. Николаевъ не еврей, хотя и живетъ въ странѣ, заполненной „кулишеровскими“ (?) органами! И кого это „Наблюдатель“ собирается поучать такой критикой?

Послѣдняя книжка „Сѣвернаго Вѣстника“ тоже уступаетъ

въ интересѣ предыдущей. Небольшой разсказъ г-на Бажина „Одинъ“ написанъ суховато и большими художественными достоинствами не отличается. Содержаніе его въ общихъ чертахъ состоитъ въ слѣдующемъ. У Катерины Андреевны Часовой, оставшейся по смерти мужа безъ всякихъ средствъ, есть два сына; первый изъ нихъ, Иванъ, красавецъ и умница, составляетъ всю гордость, всю надежду матери. Поставленный въ необходимость поддерживать ее и младшаго своего брата—Мишу, Иванъ бросаетъ гимназію и ищетъ мѣста. Красота и ловкость открываютъ передъ нимъ двери всѣхъ домовъ, но съ юношей, лишеннымъ всякихъ нравственныхъ принциповъ, случается грѣхъ—и довольно крупный: онъ запускаетъ руку въ шкатулку однихъ своихъ знакомыхъ и попадается. Отчаянію и негодованію матери нѣтъ предѣловъ; она совершенно отказывается отъ своего сына. Иванъ Часовъ до поры до времени исчезаетъ со сцены.

Между тѣмъ второй сынъ, Миша, хромая и спотыкаясь, постоянно борясь съ нуждой, а также съ болѣзненностью своей натуры, кончаетъ курсъ и получаетъ мѣсто сельскаго учителя съ 25 рублями жалованья. Устроившись и уже женившись, онъ приглашаетъ къ себѣ мать, мыкающуюся по чужимъ людямъ, и жизнь маленькой семьи первое время идетъ дружно и безъ особыхъ треволненій. Это однако продолжается недолго: мать начинаетъ скучать въ деревнѣ... Мало-по-малу доводы ея и просьбы Вари, молодой жены Часова, заставляютъ его покинуть насиженное гнѣздо и любимое дѣло и перебраться въ городъ. Здѣсь на сцену опять является старшій Часовъ, Иванъ, успѣвшій темными путями разбогатѣть и нажиться. Почти насильно врывается онъ въ семью брата, выпрашиваетъ прощеніе матери, завладѣваетъ расположеніемъ Вари и переманиваетъ ихъ обѣихъ въ свои палаты, а Михаилъ Часовъ уѣзжаетъ одинъ опять въ деревню—лѣчить трудомъ свое горе и одиночество. Такова фабула разсказа. Изъ типовъ, выведенныхъ авторомъ, ему наиболѣе удался младшій Часовъ, прямая, честная, непосредственная натура, со взглядомъ на жизнь, можетъ-быть, нѣсколько узкимъ, но зато ужъ безусловно честнымъ. Вообще разсказъ, не выдаваясь изъ ряда произведеній современной беллетристики, общее впечатлѣніе оставляетъ симпатичное, хотя и не яркое.

Кромѣ произведенія г-на Бажина, мы нашли въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ начало повѣсти г-на Каронина: „Сверху внизъ“; но отзывъ о ней отложимъ до ея окончанія. „Дневникъ читателя“ на этотъ разъ показался намъ менѣе инте-

реснымъ, чѣмъ когда-либо: о покойномъ Островскомъ г. Н. М. не сказалъ ничего своего, оригинальнаго и мѣткаго, а продолженіе разбора дѣятельности графа Толстого написано съ меньшей убѣдительностью и энергіей, чѣмъ первая статья г-на Н. М., посвященная тому же предмету. Наиболѣе вѣскій упрекъ, заключающійся въ новой статьѣ г-на Н. М., относится собственно не къ графу, а къ складу „Посредникъ“, обратившемуся недавно ко всѣмъ, стоящимъ близко къ народу, съ просьбой объ указаніи тѣхъ темныхъ сторонъ народной жизни и тѣхъ настоятельныхъ нуждъ народа, которыя складъ могъ бы освѣтить и разрѣшить своей авторской и издательской дѣятельностью. Г-нъ Н. М. справедливо замѣчаетъ, что одною изъ такихъ темныхъ сторонъ является суевѣріе, и что, выпуская въ свѣтъ книги, наполненныя разсказами о чудесахъ, складъ самъ въ значительной степени поощряетъ и развиваетъ его.

Но если оригинальныя статьи „Сѣвернаго Вѣстника“ на этотъ разъ блѣднѣе обыкновеннаго, зато выборъ переводовъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Въ особенности хорошъ романъ итальянской писательницы Матильды Серао: „Фантазія“, начатый въ этой книжкѣ. Имя г-жи Серао очень мало извѣстно русской публикѣ: изъ ея произведеній мы помнимъ прекрасныя жанровыя сценки: „Въ пансіонѣ“, помѣщенныя недавно въ „Русской Мысли“, да одинъ изъ мелкихъ ея разсказовъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“,—вотъ, кажется, и все. Между тѣмъ молодая писательница очень стоитъ вниманія. Романъ „Фантазія“ считается лучшимъ ея произведеніемъ. Мы вернемся къ нему, когда онъ будетъ оконченъ, а пока, чтобъ ознакомить по мѣрѣ силъ читателя съ ея симпатичнымъ и изящнымъ дарованіемъ, я прошу позволенія привести здѣсь одинъ изъ ея небольшихъ разсказовъ, еще нигдѣ не переведенный и заимствованный мною изъ сборника: „Pagina azurra“ (лазурная страница), вышедшаго въ 1883 году. Онъ называется:

Въ августовскую ночь.

Широкая мраморная терраса ярко бѣлѣла подъ лучами полной луны. Въ ея мягкомъ, чарующемъ свѣтѣ контуры предметовъ сглаживались, становились расплывчатыми и неясными. Снопами падали безстрастные лучи на широкіе листья жасмина, которые казались выкованными изъ серебра; снопами падали они и на блестящую мѣдную клѣтку, гдѣ спали пестрыя птички, подвернувъ подъ крылья свои головки и

видя во снѣ зеленый сумракъ тропическихъ лѣсовъ своей родины. Лицо Клеліи точно осыпано было хлопьями снѣга; все оно сквозило фарфоровой бѣлизной, и только тамъ, гдѣ опущенныя вѣки соприкасались со щекой,—ярко чернѣла густая тѣнь длинныхъ рѣсницъ... Ни одного всплеска на морѣ. Далекая дуга Позилипа, тонущая въ мерцающемъ свѣтломъ туманѣ, все болѣе и болѣе походила на голову какого-то фантастическаго чудовища, погруженнаго въ глубокое раздумье... На торжественно-безмятежномъ фонѣ вызвѣздившагося неба четко рисовался спокойный профиль статуи Побѣды, крылатой и неподвижной.

Даже и она, бронзовая статуя, казалась согрѣтой въ эту чудную ночь нѣжностью, лаской и чарами забвенія.

Среди притихшей жизни, смолкнувшихъ звуковъ и поблекшихъ красокъ два предмета на террасѣ не покорялись умиротворяющему вліянію тихой ночи. Одинъ былъ крупная брильянтовая сережка, сверкавшая въ прозрачномъ ухѣ Клеліи. Съ гордымъ, безстрастнымъ великолѣпіемъ, свойственнымъ драгоцѣннымъ камнямъ, она струила изъ себя цѣлые снопы переливчатаго блеска. Другой былъ вспыхивающій огонекъ сигары Жоржа. Въ тѣни, въ углу, образуемомъ стѣной и балюстрадой террасы, она мерцала и дымилась, какъ маленькій вулканъ. Жоржъ былъ вольнодумецъ и скептикъ, esprit fort, какъ говорятъ французы; онъ терпѣть не могъ природы, поэзіи, неясныхъ, сладкихъ ощущеній и фантастическихъ грезъ—терпѣть не могъ всего того, что освобождаетъ сердце отъ крѣпкихъ латъ безстрастія и насмѣшливости, въ которыя заключилъ его Жоржъ. Но сегодня Жоржу было не по себѣ. Лунный свѣтъ покорялъ его. Онъ чувствовалъ, что спасительная иронія измѣняетъ ему, что легкія морщины разглаживаются на его лбу, что натянутые нервы распускаются, и серьезныя думы превращаются въ пестрыя мечты, вкрадчивыя, нѣжныя, благоуханныя. Жоржъ бѣжалъ отъ этого свѣта въ тѣнь, въ уголъ—и въ видѣ протеста, съ мрачной рѣшимостью, зажегъ свою сигару, молча поглядѣвъ въ лицо Клеліи. Она же, вѣчная мечтательница—вся нѣжилась, вся отдавалась чарамъ этой ночи. Она, казалось, забыла даже о присутствіи Жоржа, такъ какъ не поднимала на него своего бархатнаго взгляда. Недвижная, молчаливая, проникнутая луннымъ свѣтомъ, она напоминала собой статую спящей Галатеи, чутко ждущей въ своемъ снѣ Пигмаліона, который бы ее разбудилъ.

Вдругъ, въ безбрежной тишинѣ, разлитой вокругъ, прозвучалъ и донесся до террасы рѣзкій, вибрирующій аккордъ;

гдѣ-то вдали по клавишамъ рояля ударила рѣшительная рука. Клелія вздрогнула, открыла глаза, прислушалась и наконецъ сказала, обращаясь къ Жоржу:

— Вотъ она!

— Кто?

— Вы сейчасъ услышите.

И въ самомъ дѣлѣ незнакомая піанистка выдержала паузу— и бѣшеные звуки хлынули цѣлымъ ураганомъ. Это было что-то стремительное, неудержимое. Странныя, пестрыя гаммы—то рѣзко и весело хохочущія, то мрачно гремящія громовыми раскатами, сыпались одна за другой, и ухо едва успѣвало слѣдить за всѣми модуляціями и переходами этого звенящаго трелями, рокочущаго марша. Казалось, бѣглыя руки піанистки преслѣдуютъ одна другую, быстро перебѣгая по всей клавіатурѣ, соединяются на мигъ въ одномъ созвучьѣ и, разбѣгаясь, опять продолжаютъ съ новымъ увлеченіемъ свою безумную игру. Но вотъ звуки стали расти и расти... Ясныя, опредѣленныя, патетическія ноты отчетливо долетали до террасы. Изъ бѣшенаго каскада стала выдѣляться нѣжная, широкая мелодія. Ей тихо вторилъ аккомпанементъ, гаммы разорвались, какъ нитка жемчуга, съ которой медленно одинъ за другимъ падаютъ перлы. Что̀ это такое было? Колыбельная пѣсня, молитва ребенка, грусть любви?

Музыка была безъ словъ,—но въ широкихъ звуковыхъ волнахъ, плывущихъ въ воздухѣ, ясно отражались волны луннаго свѣта, проникающаго мглу этой ночи... Море, небо, бронзовая статуя Побѣды,—все это стояло очарованное, заслушавшись и задумавшись... Казалось, по временамъ легкая, свѣтлая улыбка озаряла ихъ.

Но вотъ темпъ снова измѣнился, рояль снова дрогнулъ взрывомъ веселаго, раскатистаго смѣха... andante стало ускоряться, и бѣсъ опять вселился въ руки піанистки. Нѣжность перешла въ страсть, плавная медлительность смѣнилась нервной быстротой. Буря росла и росла—и вдругъ точно нестройный крикъ сорвался съ рояля: дойдя до апогея, піанистка сдѣлала ошибку, взяла фальшивый аккордъ.

— Она ошиблась, ошиблась!..—не выдержавъ, вскрикнула Клелія, вся поблѣднѣвъ и похолодѣвъ.

— Ну такъ что̀ жъ? Чего же вы тревожитесь?—насмѣшливо спросилъ Жоржъ.

— Ничего,—отвѣтила она, стараясь преодолѣть свое волненіе.

Піанистка, между тѣмъ, начала снова; снова совершила она весь пройденный путь, вкладывая въ свои звуки еще

больше души, чѣмъ прежде, если только это было возможно. Вновь забушевалъ, запѣлъ и засмѣялся послушный рояль, и вновь въ роковомъ мѣстѣ пьесы раздался рѣзкій вопль, на этотъ разъ еще болѣе нестройный... Инструментъ заупрямился... Но и артистка заупрямилась тоже. Снова и снова съ удвоенной настойчивостью принималась она за свою пьесу; но, казалось, паническій страхъ овладѣвалъ ею, едва доходила она до фатальнаго мѣста... Все ея вниманіе, всѣ усилія разбивались о неразрѣшимую задачу этого такта... онъ не давался ей, какъ кладъ...

На Клеліи самымъ живымъ образомъ отражались всѣ перипетіи этой борьбы человѣка съ инструментомъ. Вся превратившись въ слухъ, она слѣдила за усиліями піанистки, про себя одобряла ее, улыбалась въ началѣ пьесы, во время самыхъ искусныхъ пассажей; потомъ ею начинало овладѣвать волненіе, она тревожилась, удваивала вниманіе, и, когда съ клавишъ рояля срывался неизбѣжный диссонансъ,—она чувствовала себя совершенно изнеможенной и разбитой. Жоржъ глядѣлъ на нее задумчиво. Сигара его потухла.

Мало-по малу острота этихъ впечатлѣній сгладилась, и Клелія чувствовала только какую-то странную печаль, навѣянную на нее этой музыкой. Сама артистка, очевидно, тоже устала. Она перешла къ другой пьесѣ и исполнила ее мастерски. Видно было, что она хотѣла разсѣяться, забыть о своей неудачѣ. Нѣсколько блестящихъ фантазій и выразительныхъ сонатъ слѣдовали одна за другой. Пальцы артистки начали утомляться этимъ богатствомъ, этой роскошью музыкальныхъ звуковъ... Но вотъ снова раздался вступительный аккордъ первой пьесы. Очевидно, артистка вернулась къ своей idée fixe... На этотъ разъ, казалось, самъ рояль задрожалъ отъ злораднаго смѣха надъ ея новой неудачей... Звуки оборвались и смолкли... Ночь приняла ихъ въ себя и поглотила ихъ своимъ молчаніемъ.

— Ну-съ, что̀ же во всемъ этомъ вы видите интереснаго?..—спросилъ Жоржъ, но голосъ его звучалъ необычно мягко.

— Она смущаетъ меня, она волнуетъ мнѣ душу...—отвѣтила Клелія.—Десять дней подъ-рядъ трудится она надъ своей пьесой и мучается своей неудачей, а я мучаюсь вмѣстѣ съ ней.

— Почему?

— Почему?—я этого и сама не знаю. Въ сущности что̀ для меня ея музыка? Но я чувствую, что между моимъ душевнымъ состояніемъ и ея игрой есть какая-то связь. Я не-

пытываю то же, что и она... Почему?—повторила она:—въ томъ-то и дѣло, что я не знаю почему, не знаю, что значитъ этотъ роковой, не дающійся ей тактъ, это темное, недоговоренное мѣсто,—но оно просто пугаетъ меня.

Жоржъ не отвѣчалъ. Заглянувъ въ себя, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что чувство Клеліи понятно и близко ему, что онъ самъ почти страдаетъ за артистку.

— Знаете,—продолжала она,—мнѣ всегда казалось, что всѣ мы, сколько насъ ни есть, и вѣрующіе и невѣрующіе, и старящіеся юноши и молодящіеся старики, и мечтатели и позитивисты—всѣ носимъ въ груди что-то неразгаданное, темное, недоговоренное, ключъ къ жизни, ключъ къ счастію... Что это такое—я не сумѣю вамъ объяснить, но оно всегда съ нами. Есть ли это вопросъ, бросаемый нами небу и безконечности, боязнь за свою судьбу—ахъ, я не знаю, не знаю... Испытали ли вы это чувство? Понимаете ли вы меня? Права ли я?..

— Можетъ-быть,—задумчиво отвѣтилъ Жоржъ.

— Можетъ-быть? Да, вотъ настоящее слово... Мы ничего не знаемъ, мы можемъ только допускать... Мы слѣпы, слѣпы... Ахъ, лучше ужъ совсѣмъ не спрашивать себя ни о чемъ и спать, спать!..

Изнеможенная, она откинула голову на спинку кресла, и ея серьги ослѣпительно сверкнули при лунномъ свѣтѣ. Холодный, вкрадчивый, онъ завладѣлъ почти всей террасой и пробирался уже и въ уголъ Жоржа. А Жоржъ, сдвинувъ брови, задумчиво спрашивалъ себя, что съ нимъ такое, какое сомнѣніе заговорило въ глубинѣ его души...

Въ это время снова грянулъ вступительный аккордъ. Артистка пыталась въ послѣдній разъ...

— Боже мой!—нервно прошептала Клелія, закрывая лицо руками.—Неужели я никогда не избавлюсь отъ этой власти неизвѣстнаго, тяготѣющаго надо мною? Неужели я такъ и не услышу этого недоиграннаго аккорда, такъ и не пойму, чего хочетъ мое сердце?

Роковая минута приближалась... Она была близка... близка...

— О, Жоржъ,—безпокойно сказала Клелія, обратившись къ нему,—если вы знаете это слово жизни, это роковое слово, умоляю васъ, скажите его...

— Любовь,—глухо отвѣчалъ Жоржъ.—Я люблю васъ, Клелія!

Рояль издалъ вопль торжества. Роковой тактъ стройно и мощно прозвенѣлъ въ воздухѣ. Луна между тѣмъ завладѣла послѣдней темной чертой въ углу Жоржа, и глубокій миръ этой августовской ночи тихо осѣнилъ собой молодыхъ людей.

XI.

(Статья г-на Песковскаго: „Образованіе женщинъ у насъ и за границей“).

Въ послѣдней, іюльской книжкѣ „Русской Мысли“ помѣщена статья, заслуживающая особеннаго вниманія. Она принадлежитъ г. Песковскому и посвящена современному женскому образованію у насъ и за границей. Какъ извѣстно читателю, вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи въ Россіи въ настоящее время переживаетъ, если можно такъ выразиться, свой кризисъ: разрѣшеніемъ этого вопроса занята особая правительственная комиссія, на которую возложено рѣшить, въ какой формѣ и въ какихъ границахъ можетъ быть допущено у насъ высшее женское образованіе и какія права будутъ предоставлены лицамъ, получившимъ его. Въ ожиданіи рѣшенія комиссіи пріемъ слушательницъ въ высшія учебныя заведенія временно прекращенъ. Съ другой стороны озабочено рѣшеніемъ этого вопроса само общество, къ принципѣ горячо сочувствующее идеѣ высшаго женскаго образованія. Это выразилось, напримѣръ, въ той готовности, съ которой оно матеріально пришло на помощь женскимъ врачебнымъ курсамъ въ Петербургѣ, когда объявленъ былъ сборъ пожертвованій на этотъ предметъ. Нечего и говорить, какъ близко принимаютъ къ сердцу судьбу высшаго образованія тѣ, кого касается рѣшеніе ея непосредственно,—окончившія въ этомъ году или кончающія въ непродолжительномъ времени курсъ среднихъ образовательныхъ заведеній. По всему видно такимъ образомъ, что будущій результатъ работы комиссіи, каковъ бы онъ ни былъ, получитъ значеніе крупнаго историческаго факта, одного изъ тѣхъ фактовъ, которые являются характеристичными для цѣлой эпохи, въ ряду другихъ культурныхъ и политическихъ событій своего времени.

Г. Песковскій въ своей статьѣ касается не только высшаго женскаго образованія въ частности, но и женскаго образованія вообще, какъ у насъ, такъ и за границей. Статья его не лишена нѣкоторыхъ недостатковъ. Такъ, исторіи и итогамъ заграничнаго образованія отведено въ ней слишкомъ мало мѣста; написана статья нѣсколько разбросанно, безъ строгаго плана и послѣдовательности, что̀ мѣшаетъ читателю оріентироваться. Наконецъ, съ нѣкоторыми выводами г. Песковскаго не всякій согласится: такъ, напримѣръ, говоря о полезныхъ сторонахъ институтскаго образованія въ первое время существованія этихъ заведеній, г. Песковскій указываетъ на то,

что институты выпускали изъ своихъ стѣнъ учительницъ, болѣе способныхъ къ педагогической дѣятельности, чѣмъ пріѣзжія француженки, нерѣдко являющіяся подонками общества у себя на родинѣ и съ охотой мѣняющія въ Россіи педагогическую карьеру на путь въ нравственномъ отношеніи болѣе скользкій, но и болѣе выгодный. Врядъ ли это такъ: несомнѣнно, что въ моральномъ отношеніи институты были выше; но пріѣзжія француженки, какъ ни низко могло быть ихъ соціальное положеніе на родинѣ, навѣрно были знакомы съ наукой не меньше, чѣмъ институты екатерининскаго времени *). Наука въ этихъ институтахъ не шла дальше самыхъ примитивныхъ познаній въ области чтенія, письма, счета, исторіи и географіи, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ г. Песковскій; а если принять къ свѣдѣнію, насколько западное общество того времени, только-что просвѣщенное идеями энциклопедистовъ, было выше тогдашней русской интеллигенціи и какъ невелико было въ умственномъ отношеніи различіе между высшими и низшими классами на Западѣ, сравнительно съ тѣмъ же различіемъ у насъ,—различіемъ, еще и до сихъ поръ открывающимъ цѣлую бездну между „бариномъ" и „мужикомъ",—ясно станетъ, что невѣжественныя у себя на родинѣ француженки далеко не являлись таковыми же у насъ. Вообще г. Песковскій слишкомъ мягко относится къ институтамъ; ниже я постараюсь доказать читателю, что и теперь еще они не Богъ вѣсть какъ далеко ушли впередъ въ дѣлѣ педагогики и науки отъ своихъ первообразовъ.

Я не имѣю возможности, по недостатку мѣста, передать читателю всю статью г. Песковскаго, даже въ краткомъ изложеніи. Мнѣ придется остановиться только на тѣхъ ея страницахъ, которыя касаются непосредственно Россіи. Г. Песковскій дѣлаетъ довольно содержательный историческій очеркъ высшаго женскаго образованія у насъ. Картина неутомимаго, почти стихійнаго движенія впередъ и впередъ вопроса о женскомъ образованіи, несмотря на массу препятствій, встрѣчаемыхъ на пути, должна подѣйствовать успокоительно на всѣхъ, кто съ преувеличеннымъ страхомъ ждетъ окончательнаго рѣшенія этого вопроса. Имъ станетъ ясно, что помѣшать движенію такого рода нельзя, какъ нельзя произвольно измѣнить направленія вѣтра и теченія звѣздъ. Человѣческій прогрессъ является такимъ же закономъ природы, какъ и всѣ

---

*) Первый русскій институтъ, основанный указомъ Екатерины Великой въ 1764 г., назывался „Воспитательнымъ обществомъ благородныхъ дѣвицъ". Теперь онъ извѣстенъ подъ именемъ Смольнаго монастыря.

прочіе: его можно искусственно задержать, но не уничтожить окончательно.

Существуетъ мнѣніе, что по отношенію къ женскому образованію Россія занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди европейскихъ государствъ. На самомъ дѣлѣ, какъ доказываетъ г. Песковскій, это далеко не такъ. Не говоря уже о настоящемъ моментѣ, когда права русской женщины на высшее образованіе совсѣмъ еще не признаны оффиціально въ ея отечествѣ, въ Америкѣ въ 1871 г., т.-е. 15 лѣтъ тому назадъ, считалось больше ста тысячъ женщинъ, окончившихъ высшія учебныя заведенія. Даже въ Японіи, Индіи и Египтѣ женщинамъ открытъ доступъ въ высшія учебныя заведенія, тогда какъ у насъ вопросъ этотъ остается пока нерѣшеннымъ. Очевидно, что намъ кичиться нечѣмъ, и что много энергіи нужно двигателямъ этого вопроса, чтобы поставить его на желанную высоту. Императрица Екатерина Вторая первая въ Россіи дала толчокъ дѣлу образованія женщины. Ею, какъ уже сказано, основано было „Воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ“, извѣстное теперь подъ именемъ Смольнаго института. Такимъ образомъ идея образованія женщинъ въ Россіи пріютилась сначала въ среднемъ учебномъ заведеніи; что же касается низшихъ, народныхъ школъ—онѣ въ то время еще не существовали. Вообще о низшихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Песковскій даетъ очень скудныя свѣдѣнія, такъ какъ дѣло народнаго образованія прочно поставлено у насъ сравнительно недавно, и точныхъ статистическихъ данныхъ по этому предмету еще не существуетъ. Судя же приблизительно, женщины въ этомъ отношеніи значительно отстали отъ мужчинъ: число обучающихся въ народныхъ школахъ дѣвочекъ не составляетъ и трети суммы обучающихся мальчиковъ. „Въ отношеніи же собственно сельскаго населенія,—замѣчаетъ г. Песковскій,—выводъ этотъ будетъ еще болѣе неблагопріятнымъ, такъ какъ значительная часть обучающихся дѣвочекъ приходится на города“.

Итакъ, первое по времени женское учебное заведеніе въ Россіи принадлежало къ типу среднихъ и привилегированныхъ, такъ какъ принимались исключительно дѣвицы „благороднаго происхожденія“. Спустя годъ послѣ его основанія императрица издала новый указъ, которымъ повелѣвалось открыть при немъ и особое мѣщанское отдѣленіе. Вскорѣ по образцу вновь учрежденнаго института стали открываться новые и новые, и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ число ихъ достигло до 15. Въ 58-мъ году идея женскаго образованія въ Россіи сдѣлала новый шагъ впередъ.

Но мы остановимся пока на педагогической дѣятельности института.

Говоря объ „Воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ“, послужившемъ прототипомъ для институтовъ, г. Песковскій останавливаетъ вниманіе читателя на инструкціи, данной начальницѣ заведенія, замѣчая отъ себя, что она, эта инструкція, смѣло могла бы выдержать педагогическую критику даже въ настоящее время. Говоря откровенно, для насъ осталось неяснымъ, что̀ собственно такъ понравилось г. Песковскому въ цитируемомъ имъ отрывкѣ изъ этой инструкціи. Вотъ она отъ слова до слова: „Хотя благоразуміе и искусство будутъ основаніемъ всѣхъ поступковъ начальницы, однакоже надлежитъ соединять ихъ съ кротостью, а наипаче съ непринужденною (?) веселостью. И сіе вперять или сообщать и прочимъ госпожамъ, а особенно молодымъ дѣвицамъ, дабы симъ способомъ отвращенъ былъ и самый видъ того, что̀ скукою, грустью или задумчивостью назваться можетъ“. Врядъ ли современная педагогика одобрила бы внушенія, которыя не должны клониться къ тому, что̀ имѣетъ даже только видъ задумчивости! А какъ наивно это требованіе отъ человѣка обязательной, и въ то же время непринужденной, веселости! Нѣтъ, по нашему мнѣнію, въ инструкціи этой уже лежитъ зерно той лжи и того притворства, которыя составляютъ одинъ изъ главнѣйшихъ недостатковъ институтскаго образованія и воспитанія въ наше время. Намъ тѣмъ менѣе понятно одобреніе г. Песковскимъ воспитательной программы „Общества благородныхъ дѣвицъ“, что самъ же онъ выше говоритъ: „Въ новомъ женскомъ учебномъ заведеніи мало было обращено вниманія на образовательную сторону; заботы направлялись преимущественно на физическое и нравственное воспитаніе“. И потомъ дальше: „Конечно, на практикѣ все свелось къ воспитанію благонравной свѣтской барышни. Чистота произношенія по-французски, ловкость въ танцахъ, умѣніе играть на клавикордахъ,—вотъ чѣмъ измѣрялась тогда степень образованности вообще и образованности женщины въ особенности. Разумѣется, другихъ, болѣе благопріятныхъ результатовъ и нельзя было ожидать для воспитанницъ, которымъ „вперялось“, что онѣ должны гнать самый видъ (!) того, что̀ „задумчивостью назваться можетъ“.

Читатель, можетъ-быть, помнитъ прекрасныя воспоминанія г-жи А. Л., озаглавленныя: „Изъ дѣтства и школьныхъ лѣтъ“, помѣщенныя въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“. Въ свое время я давалъ отчетъ о нихъ въ моей хроникѣ. Сколько я слышалъ стороной, авторъ этихъ воспоминаній описываетъ институты

конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ,—время отъ насъ сравнительно очень мало отдаленное. Въ Америкѣ, какъ свидѣтельствуетъ г. Песковскій, числилось въ это время больше 100.000 женщинъ съ высшимъ образованіемъ. Разбирая воспоминанія г-жи А. Л., я останавливалъ вниманіе читателей на томъ педагогическомъ символѣ вѣры, которой исповѣдывала, по словамъ автора, начальница описываемаго имъ института. Я позволю себѣ еще разъ привести выдержку изъ этого мѣста воспоминаній г-жи А. Л.: „Что касается воспитательной ея дѣятельности,—говоритъ г-жа А. Л.,—то она сводилась къ поученіямъ на слѣдующую тему: хорошо воспитаннымъ дѣвушкамъ нужно: прежде всего имѣть хорошія манеры и говорить безъ акцента по-французски: это условіе sine qua non ихъ будущаго счастія; это талисманъ, который достаточнымъ образомъ обезпечитъ не только успѣхъ въ обществѣ, но и добудетъ богатаго, комильфотнаго жениха, а бѣднымъ дастъ возможность попасть на хорошо оплачиваемыя казенныя мѣста учительницъ и воспитательницъ. Затѣмъ для дѣвицы нужна хорошая нравственность. Что подразумѣвалось подъ этой нравственностью, довольно трудно опредѣлить сразу. Затѣмъ обязательно было знать свои уроки добропорядочно, однако и не слишкомъ блестящимъ образомъ... ну, потому что „знать что-либо очень хорошо"—для молодой благовоспитанной дѣвицы какъ будто даже неприлично. Молодая, хорошо воспитанная дѣвица должна колебаться, сомнѣваться въ непреложности своихъ взглядовъ и за разъясненіемъ обращаться къ старшимъ". Припоминая сдѣланную г. Песковскимъ характеристику женскаго образованія и воспитанія въ первомъ, основанномъ Екатериною Второю, институтѣ и сопоставляя ее съ этимъ свидѣтельствомъ г-жи А. Л., мы увидимъ, что педагогическіе взгляды и пріемы въ обоихъ названныхъ случаяхъ, между которыми лежитъ промежутокъ въ сто лѣтъ, ничѣмъ существенно не разнятся между собой. И тамъ и здѣсь отъ воспитанницы требуются притворство и ложь; и тамъ и здѣсь наука оттѣснена на третій планъ, а главное вниманіе обращено на внѣшнюю благовоспитанность, на умѣніе держать себя въ обществѣ, на чистоту французскаго произношенія... Немного измѣнились институты и за тотъ промежутокъ времени, который отдѣляетъ ихъ отъ нашихъ дней: туго пробиваются за ихъ крѣпкія стѣны свѣжія струи жизни и свѣтлые лучи знанія. А между тѣмъ въ педагогическомъ отношеніи они могли бы быть заведеніями очень полезными при тѣхъ средствахъ, которыми они располагаютъ; но для этого имъ нужно отказаться отъ многихъ взглядовъ

XVIII вѣка, до сихъ поръ полноправно царящихъ въ ихъ стѣнахъ.

Но пойдемъ дальше. Къ началу 50-хъ годовъ существующихъ институтовъ оказалось недостаточно, чтобы дать мѣсто всѣмъ желающимъ поступить въ нихъ; на каждую вакансію являлись до восьми кандидатокъ. Столь рѣзко выразившаяся потребность въ открытіи новыхъ учебныхъ заведеній для женщинъ подала поводъ взяться за это дѣло частнымъ лицамъ, и вотъ въ Россіи стали возникать среднія учебныя заведенія новаго типа,—пансіоны для дѣвицъ. Хотя образовательная сторона поставлена была въ нихъ, по свидѣтельству г. Песковскаго, ниже, чѣмъ въ институтахъ, но мы все-таки должны считать возникновеніе ихъ шагомъ впередъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ они являлись заведеніями открытыми и слѣдовательно ближе стоящими къ дѣйствительной жизни и къ ея требованіямъ. Вскорѣ и правительство признало необходимость такихъ открытыхъ среднихъ учебныхъ заведеній—и вотъ, по иниціативѣ профессора Вышнеградскаго, открылось въ Петербургѣ Маріинское женское училище, доступное для дѣтей всѣхъ сословій и съ программой нѣсколько разнящейся отъ институтской. Успѣхъ новооткрытаго училища былъ огромный. Число кандидатокъ, желающихъ поступить въ него, значительно превзошло число свободныхъ мѣстъ въ немъ. Спустя два года послѣ основанія Маріинскаго училища въ Россіи считалось уже шестнадцать заведеній этого типа, а еще черезъ два года, а именно въ 1862 г., имъ присвоено было наименованіе гимназій, подъ которымъ они и существуютъ до нашего времени.

Итакъ, среднимъ учебнымъ заведеніямъ для женщинъ у насъ повезло наиболѣе. Если читатель вдумается въ смыслъ той быстроты, съ которою покрывалась ими Россія, онъ увидитъ, что потребность въ образованіи у насъ далеко опередила мѣропріятія, направленныя къ ея удовлетворенію. Съ той же быстротой стали возникать, по частной иниціативѣ, опирающіяся на общественную потребность и высшія учебныя заведенія для женщинъ. Hat man A gesagt, muss man B sagen, говоритъ нѣмецкая пословица — то-есть, если ты сказалъ а, то долженъ сказать и б. Пословица эта какъ нельзя болѣе оправдалась и въ исторіи возникновенія у насъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній. Едва среднее образованіе женщинъ достигло удовлетворительной степени развитія, какъ явилась мысль о высшемъ образованіи. Въ 1861 году нѣсколькимъ женщинамъ удалось проникнуть въ стѣны медико-хирургической академіи и университетовъ. „Вскорѣ однако,—

замѣчаетъ г. Песковскій, — двери высшихъ учебныхъ заведеній снова наглухо захлопнулись для нихъ“. Такъ продолжалось до 69 года. Тѣмъ не менѣе, несмотря на неблагопріятныя обстоятельства, явившіяся для женщинъ помѣхой, преградившей имъ путь къ высшему образованію, потребность въ немъ нельзя было задавить окончательно, — и вотъ русскія женщины нашли для себя исходъ въ пилигримствѣ за границу, гдѣ онѣ поступали въ университеты, давно уже доступные на Западѣ для женщинъ. Количество такихъ піонерокъ возрастало съ каждымъ годомъ, и вскорѣ, въ $^{69}/_{70}$ году, въ видѣ полумѣры, открыты были въ Петербургѣ: „Публичныя лекціи для мужчинъ и женщинъ“ (Владимирскіе курсы) и „Аларчинскіе курсы“, въ Москвѣ — „Публичные курсы для женщинъ по программѣ классическихъ гимназій“ (Лубянскіе курсы). Впрочемъ, полумѣра эта не удовлетворила стремленія женщинъ къ высшему образованію и только подняла въ нихъ энергію и настойчивость. Наконецъ въ 1872 г. открыты были въ Москвѣ профессоромъ Герье „Высшіе женскіе курсы“. Въ томъ же году открылись и въ Петербургѣ „Курсы ученыхъ акушерокъ“, переименованные въ 76 г. въ „Женскіе врачебные курсы“. Затѣмъ, по образцу курсовъ Герье, начали возникать такія же женскія учебныя заведенія и въ провинціи — въ Казани и въ Кіевѣ. Другіе университетскіе города, Одесса, Харьковъ, Варшава, тоже выработали для себя уставы высшихъ женскихъ курсовъ, но... уставы эти утвержденія не получали: ходатайства профессоровъ, взявшихъ на себя иниціативу этого дѣла, остаются безъ отвѣта, какъ будто бы ихъ и не было.

Программы вновь открытыхъ высшихъ учебныхъ заведеній съ 76 по 78 гг. были троякаго рода: педагогическія (педагогическіе курсы с.-петербургскихъ женскихъ гимназій), медицинскія (женскіе врачебные курсы) и университетскія (въ Москвѣ курсы Герье и Лубянскіе, курсы въ Казани, Петербургѣ и Кіевѣ). Къ сожалѣнію, не только возникновеніе новыхъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній было парализовано, какъ мы видѣли это на примѣрѣ Одессы, Варшавы и Харькова, но и уже существующія начали мало-по-малу уничтожаться. Печальная участь эта постигла раньше всего врачебные курсы, пріемъ слушательницъ на которые прекращенъ въ 1882 г. Наконецъ въ текущемъ (1886) году появилось въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ извѣстное читателямъ правительственное сообщеніе, по которому временно прекращенъ пріемъ и во всѣ остальныя высшія женскія учебныя заведенія вѣдомства министерства народнаго про-

свѣщенія. Такова исторія женскаго образованія въ Россіи.

Да не посѣтуютъ на меня читатели за то, что весь мой сегодняшній фельетонъ я посвятилъ одной статьѣ г-на Песковскаго и что, за недостаткомъ мѣста, мнѣ пришлось ограничиться однимъ только сухимъ перечнемъ. Но мнѣ кажется, что выводъ изъ этихъ фактовъ получается самъ собой, и выводъ, въ концѣ концовъ, утѣшительный и ободряющій: общественная потребность въ женскомъ образованіи есть потребность органическая, законная въ той же мѣрѣ, въ какой законны въ человѣкѣ жажда и голодъ. Это гарантируетъ уже само по себѣ и удовлетвореніе этой потребности. Будемъ же терпѣливо ждать рѣшенія комиссіи и будемъ надѣяться, что рѣшеніе это поставитъ дѣло высшаго женскаго образованія у насъ такъ прочно, что намъ не придется краснѣть за невѣжество нашихъ матерей и женъ передъ Европой, давно уже съ чувствомъ глубокаго уваженія отзывающейся о нравственныхъ качествахъ русской женщины.

Къ іюльской книжкѣ „Русской Мысли" я надѣюсь вернуться еще разъ и тогда побесѣдую съ читателемъ о новой повѣсти г. Короленко, помѣщенной въ ней.

XII.

(Повѣсть г. Короленко: „Слѣпой музыкантъ").

Какъ-то весной, въ минуту тихой грусти, должно-быть, набѣжавшей ко мнѣ сквозь открытое окно изъ благоухающаго въ сумеркахъ сада, какъ набѣгаетъ иногда ласковая струйка душистаго вѣтерка, у меня написалось такое стихотвореньице.

Опять меня томитъ знакомая печаль,
Опять меня зоветъ съ неотразимой властью
Нарядная весна въ заманчивую даль,
Къ безвѣстнымъ берегамъ, къ невѣдомому счастью...
Волшебница, молчи! Куда еще спѣшить,
Чего еще искать? Подъ бурей испытаній
Изжита жизнь до дна! Назадъ не воротить
Заносчивыхъ надеждъ и дерзкихъ упованій!
Въ минувшіе года я вѣрилъ въ твой призывъ...
Я отдавался весь твоимъ безумнымъ чарамъ...
Какъ гордъ я былъ тогда, какъ былъ нетерпѣливъ,
Какъ слѣпо подставлялъ я грудь мою ударамъ!
Я, какъ Икаръ, мечталъ о ясныхъ небесахъ!..
Напрасныя мечты. Неопытныя крылья
Сломились въ вышинѣ, — и я упалъ во прахъ,
Съ сознаніемъ стыда, печали и безсилья.
Довольно! Догорай неслышно день за днемъ
Надломленная жизнь! Тяжелою цѣною

Достался опытъ мнѣ. За яркимъ мотылькомъ
Не брошусь я теперь, не увлекусь мечтою:
Пускай вѣнки побѣдъ другихъ къ себѣ влекутъ. —
Тѣхъ, кто еще кипитъ отвагою орлиной.
А мнѣ хватило бъ силъ на мой завѣтный трудъ,
На незамѣтный трудъ, упорный, муравьиный!..

Въ самомъ дѣлѣ, имѣть возможность безъ помѣхи, упорно, не заносясь, работать во имя того, что̀ считаешь добромъ и истиной, — какое бы это было большое и какое человѣчное счастье! Къ сожалѣнію, я бываю иногда лишенъ этой возможности. Давно уже подъ одной кровлей со мной поселилась злая старуха, которая, едва я берусь за перо, отталкиваетъ меня отъ письменнаго стола, костлявой рукой закрываетъ мою чернильницу и на приготовленномъ листѣ бѣлой бумаги, вмѣсто задуманнаго мною, неумолимо выводитъ высокія цифры лихорадочной температуры. Я однако не сдаюсь и краду у нея рѣдкія, свѣтлыя минуты для занятія любимымъ дѣломъ.

Зато долгое время, когда я поневолѣ долженъ былъ пріостановить мои отчеты о текущей литературѣ, литературная жизнь шла своимъ чередомъ: выходили въ срокъ книжки журналовъ, присылались въ редакцію отдѣльныя сочиненія съ просьбами объ отзывѣ... Впрочемъ, ничего особенно выдающагося за это время не случилось. Въ „Вѣстн. Европы“ помѣщенъ былъ недурной разсказецъ г-жи А. Л. „Яковъ Хохолъ“, принадлежащій къ серіи ея очерковъ, печатавшихся въ этомъ журналѣ подъ общимъ заглавіемъ: „Старинныя дѣла“. Тамъ же напечатанъ и разсказъ г-жи Винницкой: „Врачъ по призванію“, далеко уступающій первой повѣсти той же писательницы, помѣщенной, если мы не ошибаемся, нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, въ іюльской книжкѣ, закончилась повѣсть г. Каронина „Снизу вверхъ“, ничѣмъ въ сущности не отличающаяся отъ цѣлаго ряда однородныхъ съ ней повѣстей изъ деревенскаго быта. Въ той же книжкѣ мы нашли весьма странный, чтобъ не сказать болѣе, разсказъ г-на Ю—ва: „Записки спирита“, напоминающій своимъ содержаніемъ писанія госпожъ Блавацкой и Желиховской, украшающія иногда страницы „Русскаго Вѣстника“. Въ книжкахъ „Недѣли“ бросается въ глаза крайней наивностью своей тенденціи и неумѣлостью изложенія повѣсть изъ жизни маріонетокъ: „Либералъ и народникъ“, въ которой посрамляются либералы не только въ своихъ соціальныхъ убѣжденіяхъ, но даже и въ частной жизни. Во „Всемірной Иллюстраціи“ помѣщены стихотворенія г-на Фруга, въ одномъ изъ которыхъ онъ, между

прочимъ, воспѣваетъ своего коня за то, что у этого коня „горделивая посадка“ (?). Двѣ вновь вышедшія книжки „Дѣла“, которое, какъ вѣчный жидъ, никакъ не можетъ умереть окончательно, представляютъ собою настоящую аравійскую пустыню во всѣхъ отдѣлахъ. Какъ видитъ читатель изъ этого краткаго перечня, — интереснаго не много. Тѣмъ съ большей охотой я предлагаю ему остановиться на этюдѣ г-на Короленко „Слѣпой музыкантъ“, напечатанномъ въ іюльской книжкѣ „Русской Мысли“ и являющемся однимъ изъ самыхъ выдающихся произведеній за текущій литературный годъ.

Появленіе въ „Русской Мысли“ этюда г. Короленко было настоящимъ тріумфомъ для автора: критика встрѣтила новое произведеніе даровитаго писателя единодушными похвалами и, — о, диво! — даже „Петербургскія Вѣдомости“, обыкновенно крайне нетерпимо относящіяся къ произведеніямъ, помѣщаемымъ въ либеральныхъ органахъ, всецѣло присоединились къ этому общему хвалебному хору. Казалось, г. Короленко удовлетворилъ всѣмъ требованіямъ и всѣмъ вкусамъ, — успѣхъ, выпадающій на долю только первоклассныхъ дарованій. Что касается лично меня, я не совсѣмъ согласенъ съ этимъ общимъ мнѣніемъ: мнѣ кажется, что помѣщенный въ той же „Русской Мысли“ разсказъ г. Короленко „Въ дурномъ обществѣ“ гораздо выше по своему художественному достоинству, чѣмъ его „Слѣпой музыкантъ“. Отдавая полную справедливость несомнѣннымъ и крупнымъ достоинствамъ этого этюда, достоинствамъ, о которыхъ я буду говорить ниже, я нахожу въ немъ и нѣкоторыя художественныя погрѣшности. Напримѣръ, не кажется ли вамъ страннымъ хоть этотъ восторгъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“, такъ открыто и такъ положительно выраженный ими? Наша прогрессивная литература по количеству занимаетъ преобладающее мѣсто; не можетъ быть, чтобы въ продолженіе цѣлаго десятка лѣтъ въ четырехъ-пяти толстыхъ журналахъ не попалось ни одного произведенія съ настолько яркими художественными достоинствами, чтобы оно не вызвало похвалъ въ литературѣ противоположнаго берега; а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ это было такъ; одинъ только г. Короленко представляетъ въ этомъ случаѣ счастливое исключеніе. Въ чемъ же тайна этого явленія? Чѣмъ заслужилъ г. Короленко такое безпристрастіе со стороны „Петерб. Вѣд.“? Timeo Danaos et dona ferentes, т.-е. „бойся данайцевъ и дары приносящихъ“. То, за что хвалятъ г. Короленко „Петерб. Вѣдом.“, является въ нашихъ глазахъ однимъ изъ наиболѣе крупныхъ недостатковъ новаго произведенія молодого автора. Мы говоримъ объ исключительности избраннаго г. Короленко сюжета, объ

его отвлеченности отъ современной жизни, съ нуждами и запросами тяжелаго рабочаго дня, съ нашими недугами и нашими упованіями. Вся маленькая драма, нарисованная г. Короленко, развивается въ замкнутомъ кругу личной жизни его героевъ и ихъ спеціальныхъ интересовъ. Разумѣется, критика не въ правѣ указывать авторамъ на темы для ихъ произведеній: это дѣло личнаго настроенія и міросозерцанія автора; но критика въ правѣ поставить выше по значенію произведеніе, затрогивающее вопросъ, болѣе широкій и близкій современности, чѣмъ произведеніе, посвященное вопросу частному, хотя бы и то и другое отличались одинаковыми достоинствами изложенія. Такъ, „Отцы и дѣти“ Тургенева выше по своему значенію многихъ изъ его маленькихъ разсказовъ, напр., хоть „Якова Пасынкова“, такъ какъ рознь между отцами и дѣтьми существовала, существуетъ и будетъ существовать, пока существуетъ въ обществѣ движеніе впередъ; точно также никогда не умрутъ Гамлеты и ихъ антиподы Донъ-Кихоты, — не умрутъ Фамусовы, Чичиковы и другіе типы, принадлежащіе къ числу вѣчныхъ типовъ человѣчества. Г. Короленко захватилъ своимъ разсказомъ очень узкую и очень исключительную сферу, — исторію того, какимъ образомъ надѣленный выдающимися музыкальными способностями слѣпой мальчикъ научился переводить на языкъ музыки всѣ остальныя жизненныя явленія, воспринимаемыя или только угадываемыя имъ, и какимъ образомъ онъ понемногу примирился со своимъ горемъ, сознавъ громадность общей суммы того же горя, выпавшей на долю другихъ слѣпцовъ, поставленныхъ въ менѣе благопріятныя, чѣмъ онъ, условія. Нечего и говорить, что тема эта очень гуманна и очень интересна въ психологическомъ отношеніи, но едва ли она можетъ быть задачей художественнаго произведенія.

Второй упрекъ, который мы можемъ предъявить г. Короленко, заключается, какъ это ни покажется страннымъ, въ томъ, что, по нашему мнѣнію, этюдъ недостаточно разработанъ именно съ психологической стороны. Г. Короленко, открывая намъ внутренній міръ своего героя, чаще говоритъ о его физіологическихъ ощущеніяхъ, чѣмъ о нравственномъ и умственномъ его ростѣ, чѣмъ объ его интимной душевной жизни. Мы знаемъ, что̀ чувствуетъ физически его герой по поводу каждаго внѣшняго явленія, и въ изображеніи этихъ физическихъ ощущеній г. Короленко достигаетъ иногда удивительной яркости и образности; но какъ отражаются эти явленія на его внутренней жизни, — объ этомъ г. Короленко говоритъ крайне бѣгло. Такъ, напр., даже въ самомъ кульми-

національномъ пунктѣ повѣсти, въ томъ мѣстѣ, гдѣ юношу Петра впервые потрясаетъ сознаніе, что не онъ одинъ страдаетъ въ жизни, что есть люди въ тысячу разъ болѣе несчастные, чѣмъ онъ, — г. Короленко совершенно не говоритъ намъ о той бурѣ чувствъ и мыслей, которая должна была разразиться въ этомъ случаѣ въ душѣ его героя: онъ прямо сообщаетъ, что Петръ заболѣлъ послѣ этого случая нервной горячкой, а когда наступило выздоровленіе, — онъ всталъ съ постели уже совершенно перерожденнымъ. Такимъ образомъ самое острое мѣсто повѣсти, — нравственный кризисъ, давшій Петру навсегда успокоеніе и примиреніе съ своей судьбой, — остается задернутымъ отъ читателя завѣсою болѣзни. И въ другихъ мѣстахъ повѣсти, вмѣсто яркой картины внутренней жизни Петра, г. Короленко ограничивается короткими фразами: „Петръ былъ задумчивъ“, или „Петръ былъ грустенъ“; но что̀ думалъ Петръ, въ какія формы отливалась его грусть,— остается тайной для читателя. Авторъ взялъ душевную жизнь своего героя какъ-то слишкомъ исключительно, только со стороны отношенія Петра къ его физическому недостатку. Крайне мало разработана также и душевная жизнь Эвелины. Она, со своей стойкостью, со своей самоотверженной преданностью Петру, все время остается для читателя немножко загадкой. О другихъ лицахъ повѣсти мы и не говоримъ. Всѣ они, кромѣ дяди Максима, скорѣе похожи на блѣдныя тѣни, чѣмъ на живыхъ людей. Таковы, напр., отецъ и мать героя, въ особенности первый, сосѣдняя молодежь и дударь Іохимъ. Повѣсть производитъ, такимъ образомъ, впечатлѣніе картины, на которой вырисованы красками только двѣ-три главныя фигуры, а остальныя едва намѣчены углемъ. Зато природа въ этюдѣ г. Короленко и живетъ и дышитъ; это настоящая, согрѣтая настоящимъ солнцемъ и обвѣянная настоящимъ воздухомъ природа; тепломъ и нѣгой весны обдаетъ васъ съ тѣхъ страницъ книги, которыя посвящены ея описанію. Вы слышите эту „торопливую весеннюю капель отъ нависшихъ съ крыши сосулекъ, прихваченныхъ утреннимъ морозомъ и разогрѣтыхъ полдневнымъ солнцемъ“, слышите, какъ она „стучитъ тысячью звонкихъ ударовъ, быстро отбивающихъ переливчатую дробь; по временамъ сквозь этотъ шумъ и звонъ окрики журавлей плавно проносятся съ далекой высоты и постепенно смолкаютъ, точно они тихо таютъ въ воздухѣ“. Въ этомъ маленькомъ описательномъ отрывкѣ, заимствованномъ мною у самого автора, каждое слово, каждый эпитетъ полонъ правды, поэзіи и образности: „Торопливая“ капель... звуки, „падающіе“ въ комнату подобно „яркимъ и звонкимъ

камешкамъ“, быстро отбивающимъ „переливчатую“ дробь... Стоящіе вокругъ шумъ и „звонъ“... „Плавные“ окрики журавлей, „тающіе“ въ воздухѣ. Такой мѣткости и такой оригинальности сравненій и образовъ давно мы не встрѣчали въ современной беллетристикѣ. Нынѣшніе литературныхъ дѣлъ мастера замѣняютъ обыкновенно образность и оригинальность вычурностью, а мѣткость — ненужнымъ размазываніемъ ненужныхъ подробностей.

Заговоривъ о прекрасномъ, поэтическомъ языкѣ, которымъ написанъ этюдъ г. Короленко, перейдемъ къ другимъ его достоинствамъ. Для большаго удобства, я предлагаю читателю прослѣдить со мной въ краткомъ пересказѣ судьбу героя г. Короленко съ начала и до конца, причемъ мы будемъ останавливаться на наиболѣе выдающихся въ художественномъ отношеніи мѣстахъ.

Въ богатой семьѣ Юго-Западнаго края, состоящей изъ отца, пана Попельскаго, его жены и „дяди Максима“, родился слѣпой мальчикъ. Мальчикъ росъ и, благодаря здравому смыслу дяди Максима, сразу сумѣвшему поставить какъ слѣдуетъ его воспитаніе, развивался со дня на день. Самъ дядя Максимъ является крайне оригинальной личностью: это одна изъ тѣхъ натуръ, которымъ душно бываетъ въ обыкновенныхъ условіяхъ будничной жизни, которыхъ вѣчно тянетъ къ приключеніямъ и опасностямъ; скрытая жизненная сила, въ изобиліи дарованная имъ природою, не даетъ имъ ни минуты покоя. Дядя Максимъ къ тому же былъ развитъ гораздо выше своего времени. „На любезности пановъ, — говоритъ авторъ, — онъ отвѣчалъ дерзостями, а мужикамъ спускалъ своеволіе и грубости, на которыя самый смирный изъ шляхтичей непремѣнно отвѣчалъ бы оплеухами“. Но и дядѣ Максиму не подъ силу было бороться съ царствовавшими тогда крѣпостными порядками. Жажда свободы увлекла его съ его родины туда, гдѣ можно было, по крайней мѣрѣ, сражаться за свободу: онъ поступилъ въ ряды гарибальдійцевъ, дрался рядомъ съ великимъ вождемъ во всѣхъ его славныхъ схваткахъ и наконецъ, совершенно изувѣченный, безъ ноги и съ пораненной рукой, вернулся на родину доживать свой вѣкъ. Онъ чувствовалъ себя, по выраженію автора, „рыцаремъ, выбитымъ изъ сѣдла жизнью и поверженнымъ ею въ прахъ“, и не разъ холодная мысль о самоубійствѣ стала навѣщать его въ минуты раздумья. Рожденіе племянника отогнало эту мысль; въ немъ онъ увидѣлъ такого же инвалида, какъ онъ самъ, и, сознавая себя развитѣе окружающихъ, понялъ, что если кто можетъ облегчить мальчику его судьбу, такъ это именно онъ, дядя Максимъ.

Главной задачей своей дядя Максимъ поставилъ настолько развить въ племянникѣ его природныя способности, чтобы вознаградить этимъ хоть отчасти недостатокъ зрѣнія; единственнымъ средствомъ для этого было предоставленіе ребенку какъ можно болѣе широкой самостоятельности. Онъ настоялъ, чтобъ мать не старалась предупреждать каждое желаніе своего сына, чтобъ она дала возможность ему отыскивать самому нужныя вещи и переходить съ мѣста на мѣсто: такая система первоначальнаго воспитанія до тонкости развила въ мальчикѣ осязаніе и слухъ; онъ росъ и незамѣтно, въ долгихъ бесѣдахъ, поучался отъ дяди Максима всему, что̀ было доступно его возрасту. Главнѣйшими впечатлѣніями его жизни сдѣлались мало-по-малу впечатлѣнія звуковыя; смутно замиравшая пѣсня давала ему понятіе о дали; всплескъ рѣки, звучавшей внизу подъ утесомъ, говорилъ о высотѣ этого утеса, а весенній громъ, перекатывающійся по небу, возбуждалъ въ немъ представленіе о просторѣ поднебесныхъ высотъ. Такимъ образомъ даже идея пространства выражалась для мальчика на языкѣ звуковъ; слухъ его былъ развитъ до того, что онъ легко слышалъ даже звонъ крыльевъ летающей мухи; нуженъ былъ только толчокъ, чтобъ въ головѣ мальчика возникло понятіе о звукахъ гармоническихъ, о мелодіи. Толчокъ этотъ былъ вскорѣ данъ.

Въ усадьбѣ Попельскихъ жилъ работникъ Іохимъ; полюбилась Іохиму дворовая дѣвка сосѣдняго пана, Марья, но исканія хохла не увѣнчались успѣхомъ. Марьѣ больше пришелся по сердцу барскій камердинеръ. Іохимъ былъ натурой тонкой, художественной; выучившись самоучкой играть на скрипкѣ, онъ пользовался далеко по окрестностямъ славой самаго искуснаго музыканта. „Когда игралъ Іохимъ,—говоритъ авторъ,—даже старый Янкель, аккомпанировавшій ему на контрабасѣ, воодушевлялся до послѣдней степени. Что̀ же и говорить о крещеномъ народѣ, у котораго ноги устроены изстари такимъ образомъ, что при первыхъ звукахъ веселаго плясового напѣва начинаютъ подгибаться и притопывать?“

Однако Іохиму было не до плясовыхъ напѣвовъ. „Вострая Марья“ не выходила у него изъ головы; грусть, наполнявшая его сердце, просилась наружу, излиться въ звукахъ, и скрипка показалась почему-то ему неподходящимъ для этого инструментомъ. Онъ сталъ бродить по болотамъ, пока не отыскалъ тамъ подходящаго ствола ивы; изъ этото ствола на славу вышла звонкая дудка,—и вотъ по тихимъ вечерамъ стали разливаться изъ конюшни и плакать въ воздухѣ задушевные звуки: то усатый Іохимъ выплакивалъ ими свою скорбь и свою любовь.

Чуткій ко всякому звуку, Петръ не могъ, разумѣется, не услышать этихъ музыкальныхъ упражненій. Долгое время онъ не въ состояніи былъ отыскать ихъ виновника, понять ихъ причину; они долетали къ нему въ спальню въ тихій часъ сумерекъ и глубоко волновали въ немъ начинавшіе уже пробуждаться музыкальные инстинкты; проснувшись утромъ послѣ такой музыки, онъ, къ большому недоумѣнію своей матери, долго и настойчиво разспрашивалъ ее: „Что̀ это было, что̀ это вчера было такое?“. Между тѣмъ звуки продолжали раздаваться попрежнему каждый вечеръ. Однажды Петръ не могъ долѣе удержаться; босикомъ всталъ онъ съ своей постельки и ощупью направился навстрѣчу зовущей его мелодіи; она привела его въ конюшню. Съ этой минуты между Іохимомъ и Петромъ завязалась странная дружба, и вмѣстѣ съ тѣмъ началась для Петра новая эра развитія.

Мы дошли теперь до одного изъ самыхъ глубокихъ и самыхъ поэтичныхъ мѣстъ повѣсти, въ художественныхъ о̀бразахъ разрѣшающаго тайну искусства. Пани Попельская стала ревновать Петра къ его новому другу; но дудка была слишкомъ могущественной союзницей Іохима для того, чтобъ эту дружбу можно было легко разорвать; пани Попельская поняла, что она можетъ бороться съ Іохимомъ только на томъ же поприщѣ,—на поприщѣ музыки,—и вотъ скоро въ помѣщичьихъ хоромахъ установился выписанный изъ города дорогой рояль, и между нимъ и скромной ивовой дудкой завязалась борьба на жизнь и на смерть. Пани Попельская вспомнила, что когда-то, въ годы своего ученія, и она считалась не послѣдней піанисткой въ кіевскомъ пансіонѣ, гдѣ „нѣмецкая дѣвица Клапсъ“ въ продолженіе многихъ лѣтъ выламывала ея пальцы для приданія имъ надлежащей бѣглости; старанія дѣвицы Клапсъ увѣнчались успѣхомъ, и на публичномъ экзаменѣ Анна Михайловна исполненной ею пьесой стяжала обильныя похвалы себѣ и своей учительницѣ. Казалось, гдѣ было спорить бѣдной дудкѣ, скромно звучавшей подъ закорузлыми, неуклюжими пальцами Іохима, съ дорогимъ иностраннымъ инструментомъ и съ выдрессированною ловкостью рукъ ученицы дѣвицы Клапсъ! Но на самомъ дѣлѣ оказалось иное: когда съ клавишъ рояли сорвались въ первый разъ бѣглые, рѣзвые, но мертвые и бездушные звуки какой-то музыкальной „штучки“, переполненной техническими тонкостями и музыкальными хитросплетеніями,—Іохимъ, присутствовавшій при этомъ первомъ опытѣ, только презрительно улыбнулся, а маленькій Петръ былъ ошеломленъ, удивленъ, испуганъ,—но не восхищенъ. Простое непосредственное чув-

ство подсказало ему, что эти звуки—что-то не то, что въ нихъ чего-то не хватаетъ, и что это что-то и есть именно великая тайна искусства; а не хватало въ нихъ немногаго на первый взглядъ: не хватало души, не хватало рвущагося изъ сердца чувства. Пани Попельская потерпѣла рѣшительное пораженіе, а дудка надолго еще осталась побѣдительницей.

Итакъ, одна изъ причинъ, по которой побѣдилъ Іохимъ, намъ извѣстна: изъ шести отверстій его дудки вырывались согрѣтые неподдѣльнымъ чувствомъ звуки; но была тутъ и другая тайна: простая малороссійская дудка была сродни окружающей ее природѣ; всѣ тихіе звуки вечера такъ нераздѣльно сливались съ ея звуками, что трудно было иногда отличить, гдѣ начинается музыка природы и гдѣ кончается гармонія, воспроизведенная человѣческимъ искусствомъ. Съ тихими мелодіями Іохимовой дудки сливались и гудѣніе пролетающаго жука, и звонъ струи въ ручьѣ, и осторожный окликъ кулика, перелетающаго съ отмели на отмель надъ тихой, словно застывшей рѣкой, а издали долетала и сплеталась со всѣмъ этимъ заунывная малороссійская пѣсня, минорные переливы которой какъ нельзя болѣе гармонировали съ музыкой Іохима: однимъ словомъ, дудка его была въ Украйнѣ—у себя на родинѣ, опиралась на родную природу, на родныя пѣсни, на родныя преданія,—иначе говоря, искусство Іохима было искусствомъ народнымъ, если позволительно только примѣнить къ простымъ мелодіямъ дудки такой книжный терминъ. Народность и задушевность — вотъ тѣ два главные союзника, которые доставили побѣду Іохиму.

Та же самая борьба между простой дудкой и фортепіано наблюдается въ переносномъ смыслѣ и въ другихъ областяхъ искусства вообще и въ поэзіи въ особенности. Возьмите, напр., хоть извѣстное стихотвореніе Жадовской: „Ты скоро меня позабудешь, но я не забуду тебя; ты въ жизни разлюбишь, полюбишь, но я никого, никогда“. Если хотите, это съ перваго взгляда и на стихи не похоже; обратите вниманіе хоть на риѳмы: „позабудешь“, „разлюбишь“, „тебя“, „никогда“... Ни одной полной риѳмы,—а между тѣмъ стихотвореніе это извѣстно всѣмъ и каждому и распѣвается по всему широкому лицу земли русской; такой успѣхъ доставили ему его простота, искренность и то горячее чувство, которое дышитъ въ этихъ неловкихъ по постройкѣ строкахъ. Для сравненія я приведу другое стихотвореніе, виртуозно переведенное съ французскаго г. Андреевскимъ. Оно называется „Эхо“

Я громко сѣтовалъ въ пустынѣ:
„Кто будетъ близокъ мнѣ отнынѣ,

Какъ были близки сердцу вы?"
Мнѣ эхо вторило: „увы!"
„Какъ буду жить больной и скучный,
Томимъ печалью неотлучной
И рядомъ горестныхъ годинъ?"
Мнѣ эхо вторило: „одинъ!"
„Но гдѣ укрыться? Міръ—могила.
Мнѣ жизнь безцѣльная постыла.
Гдѣ прежній блескъ, и шумъ, и рай?"
Сказало эхо: „умирай".

Не знаю, какъ на васъ, но на меня эта пьеса производитъ странное впечатлѣніе, которое едва ли было какъ въ интересахъ его французскаго автора, такъ и въ интересахъ переводчика. Мнѣ представляется при этомъ не одинокій человѣкъ, бродящій въ поляхъ и громко сѣтующій на свою судьбу, а самъ авторъ, сидящій за лексикономъ и выбирающій изъ него нужные для задуманнаго эффекта каламбуры. Г. Андреевскій, конечно, не виноватъ въ томъ, что французская поэзія, со времени образованія въ ней школы такъ называемыхъ „парнасцевъ", ушла вся въ отдѣлку одной внѣшней формы, и что направленіе это отразилось и на Франсуа Коппе, изъ котораго сдѣланъ этотъ переводъ и который наиболѣе держится реальнаго направленія. Какъ переводчикъ, г. Андреевскій блистательно выполнилъ свою задачу; но все-таки, если романсъ Жадовской мы можемъ сравнить съ простыми мелодіями Іохимовой дудки, то эту пьеску несомнѣнно слѣдуетъ признать однородной съ той бѣглой, хитросплетенной музыкальной „штучкой", которую такъ неудачно разыграла въ первый разъ г-жа Попельская. Къ сожалѣнію, это стремленіе къ вычурности, прикрывающее обыкновенно недостатокъ чувства, въ послѣднее время все болѣе и болѣе захватываетъ и нашу поэзію. Съ нѣкотораго времени даровитый г. Фофановъ въ своихъ стихахъ „словечка въ простотѣ не скажетъ, все съ ужимкой", воспѣвая то „Зевса, сидящаго на огненномъ тронѣ", то „усики свинцово-сѣрой пыли" (?), которые „въ лучахъ зари рѣяли и плыли, какъ блѣдный рой усталыхъ танцовщицъ". Даже такой сравнительно крупный талантъ, какъ г. Минскій, и тотъ не избѣжалъ этого явленія, а между тѣмъ мнѣ памятны еще—да и всѣмъ, вѣроятно, памятны—его „Бѣлыя ночи", въ которыхъ были, напр., такія строки: „Къ тѣмъ пѣснямъ не муза меня вдохновляла: что̀ сердце терзало—рука написала; то пѣсни, что̀ долго въ душевной тѣни таилъ я, покуда таить было мочи; то пѣсни, зачатыя въ черные дни, рожденныя въ бѣлыя ночи". Какія это прекрасныя, полные простоты и искренности стихи!

У меня недостанетъ мѣста говорить такъ же подробно о всей повѣсти, какъ я дѣлалъ это до сихъ поръ; она возбуждаетъ слишкомъ много чувствъ и мыслей, и трудно удержаться, чтобы по поводу ихъ не отклониться въ сторону. Поневолѣ поэтому мнѣ приходится сжать мое изложеніе. Въ концѣ концовъ дудкѣ стало не подъ силу бороться съ роялемъ. Пани Попельская тоже поняла тайну Іохимова успѣха; она стала работать, обращать вниманіе на внутреннее содержаніе своей игры, и наконецъ у самого Іохима вырвалось; „О то жъ якъ гарно! Бачь, яка вона штука!“

Заинтересовался новымъ инструментомъ и мальчикъ, и самъ началъ прикасаться иногда къ клавишамъ рояля. Но тутъ случилось нѣкоторое событіе, котораго мы не можемъ пройти молчаніемъ. Петръ любилъ уединеніе. Онъ бралъ съ собой дудку, уходилъ куда-нибудь въ окрестности и тамъ игралъ или дремалъ, откинувшись на траву и наслаждаясь теплотой украинскихъ лѣтнихъ вечеровъ. Мать обыкновенно отдавала приказъ не нарушать его одиночества; но однажды, вблизи отъ себя, онъ услышалъ чей-то голосъ, осмѣлившійся не признавать власти его матери. „Уйдите,—говоритъ Петръ маленькой дѣвочкѣ съ золотистыми кудрями,—мама приказала, чтобъ сюда ко мнѣ не ходили“.—„А моя мама позволила мнѣ ходить надъ рѣкой“,—отвѣчала дѣвочка. Гнѣвъ овладѣлъ Петромъ; онъ приподнялся и заговорилъ: „Уйдите, уйдите!“. Неизвѣстно, чѣмъ кончилась бы эта сцена, если бы Петра не отозвалъ Іохимъ *).

На слѣдующій день онъ самъ окликнулъ дѣвочку. Между дѣтьми завязался разговоръ. „Кто тебя выучилъ такъ хорошо играть на дудкѣ?“ — „Іохимъ выучилъ“. — „Очень хорошо! Только... отчего ты такой сердитый?“—„Я не сержусь на васъ“.—„Ну, такъ и я не сержусь... Давай играть вмѣстѣ...“—„Я не умѣю играть съ вами“.—„Не умѣешь играть?.. Почему?“—„Такъ“.—„Нѣтъ, почему же?“—„Такъ“,—отвѣтилъ онъ чуть слышно и еще болѣе потупился. Знакомство продолжало скрѣпляться. Слѣпой наконецъ почувствовалъ желаніе узнать, съ кѣмъ онъ говоритъ, и употребилъ для этого единственный, доступный ему способъ: взявъ лѣвой рукой дѣвочку за плечо, онъ ощупалъ ея волосы, потомъ вѣки и наконецъ быстро пробѣжалъ пальцами по лицу, изучая незнакомыя ему черты. Эвелина, не догадавшаяся, что мальчикъ слѣпъ, ужасно разсердилась на Петра. „Чувство жгучей боли и обиды подступило къ горлу мальчика, и онъ

---

*) Выписываю почти буквально изъ разсказа.

заплакалъ“. Эвелинѣ стало жаль его. „Послушай,—заговорила она,—о чемъ ты плачешь? Ты думаешь, что я нажалуюсь? Ну, не плачь, я никому не скажу“. Тутъ мы принуждены сдѣлать еще одну большую выписку. Мы увѣрены, что читатель не посѣтуетъ на насъ за нее и оцѣнитъ по достоинству ту теплоту и тотъ талантъ, съ которыми передалъ г. Короленко эту сценку—одну изъ самыхъ трогательныхъ во всемъ разсказѣ: „Слова участія и ласковый тонъ вызвали въ мальчикѣ еще бо́льшую нервную вспышку плача. Тогда дѣвочка присѣла около него на корточки и стала успокаивать его понемногу, гладя рукой его волосы. Потомъ она, съ чисто-женской настойчивой мягкостью, приподняла его голову и стала вытирать платкомъ его заплаканные глаза, точно мать, которая успокаиваетъ огорченнаго ребенка“.

— Ну, ну!—заговорила она шутливымъ тономъ взрослой женщины.—Я давно не сержусь. Я вижу, ты жалѣешь что напугалъ меня...

— Я не хотѣлъ напугать тебя,—отвѣтилъ онъ, глубоко вздыхая, чтобы подавить нервные приступы.

— Ну, ну, хорошо! Я не сержусь... Ты вѣдь больше не будешь,—говорила она, приподнимая его съ земли и стараясь усадить рядомъ съ собою.

Онъ повиновался. Теперь онъ сидѣлъ, какъ прежде, лицомъ къ сторонѣ заката, и когда дѣвочка опять взглянула на это лицо, освѣщенное красноватыми лучами, оно опять показалось ей страннымъ. Въ глазахъ мальчика еще стояли слезы, но глаза эти были, попрежнему, неподвижны; черты лица то и дѣло передергивались отъ приступовъ дѣтскаго плача, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ виднѣлось не дѣтское, глубокое и тяжелое горе.

— Какой ты, право... странный,—сказала она съ задумчивымъ участіемъ.

— Я не странный,—отвѣтилъ мальчикъ съ жалобною гримасой.—Нѣтъ, я не странный... Я... я—слѣпой!

— Слѣп-о-ой?—протянула она нараспѣвъ, и голосъ ея дрогнулъ, какъ будто это грустное слово, тихо произнесенное мальчикомъ, нанесло неизгладимый ударъ въ ея маленькое женственное сердце.

— Слѣп-о-ой?—повторила она еще болѣе дрогнувшимъ голосомъ и, какъ будто ища защиты отъ охватившаго всю ее неодолимаго чувства жалости, она вдругъ обвила шею мальчика руками и прислонилась къ нему лицомъ.

Пораженная внезапностью печальнаго открытія, маленькая женщина не удержалась на высотѣ своей солидности и, пре-

вратившись вдругъ въ огорченнаго и безпомощнаго въ своемъ огорченіи ребенка, она, въ свою очередь, горько и неутѣшно заплакала.

Читатель, разумѣется, догадался, что знакомство Петра съ Эвелиной не оборвалось на этой встрѣчѣ. Съ того момента, какъ она узнала, что Петръ слѣпъ, ей казалось, по выраженію г. Короленко, „что въ сердце ея воткнутъ ножъ, и что если бы кто-нибудь попытался этотъ ножъ вынуть, т.-е. разлучить ее съ Петромъ, то оно бы, это чуткое сердце, истекло кровью". Бульварный романистъ нагородилъ бы при этомъ случаѣ всевозможныхъ ужасовъ. Онъ влюбилъ бы Эвелину въ кого-нибудь другого, заставилъ бы Петра страдать отъ ревности, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Но г. Короленко не охотникъ до дешевыхъ эффектовъ и шаблоннаго драматизма; онъ глубоко понялъ, что положеніе его героя достаточно трагично и безъ этихъ измышленій, и, несмотря на то, что съ совершеннолѣтіемъ Петра въ усадьбу Попельскихъ хлынула новая жизнь и что ее стала посѣщать молодежь (выдумка дяди Максима, желавшаго испытать этимъ средствомъ силу привязанности Эвелины), молодая дѣвушка безъ всякихъ препятствій дѣлается женою Петра; объясняетъ она ему объ этомъ въ высшей степени просто; когда однажды слѣпой загрустилъ и ушелъ изъ веселой комнаты въ темную аллею, она послѣдовала за нимъ, утѣшила его, какъ могла, и въ заключеніе сказала ему: „Полно, не горюй, что ты безполезенъ,—вѣдь вотъ дядя Максимъ воевалъ, какъ могъ, и теперь живетъ, какъ можетъ. Ну, и мы..."—„Ты говоришь: мы,—спросилъ слѣпой,—почему?"—„Потому что... ну да, потому что вѣдь ты на мнѣ женишься и, значитъ, наша жизнь будетъ одинакова". — „Я? на тебѣ?.. Значитъ... ты за меня... замужъ?"—„Ну да, ну да, конечно,—отвѣтила она въ торопливомъ волненіи, — какой же ты глупый! Неужели тебѣ никогда не приходило это въ голову? Вѣдь это же такъ просто: на комъ же тебѣ жениться, какъ не на мнѣ?.."

Вотъ и все, читатель. У автора эта сцена немногимъ распространеннѣе, чѣмъ я привелъ ее, и, несмотря на эту свою краткость, когда вы читаете ее въ общей связи разсказа, она вызываетъ у васъ невольныя слезы. Надо отдать справедливость г. Короленко,—онъ умѣетъ рисовать дѣйствительно поэтическія картины.

Необходимость заставляетъ насъ досказать конецъ этюда г. Короленко въ двухъ словахъ. Юноша Петръ сталъ серьезно учиться музыкѣ по приспособленнымъ для слѣпыхъ рельефнымъ нотамъ. Однажды онъ взволновалъ весь домашній кру-

жокъ мастерскимъ исполненіемъ одной пьесы. Но Петръ все же продолжалъ считать себя самымъ несчастнымъ въ мірѣ человѣкомъ. Выше я уже говорилъ, какимъ образомъ излѣчилъ его отъ этого чувства дядя Максимъ: онъ свелъ его на ярмарку и далъ ему возможность услышать пѣніе слѣпыхъ нищихъ. И вотъ, нѣсколько лѣтъ спустя, въ Кіевѣ, въ контрактовой залѣ, собралась однажды многолюдная толпа. Въ этотъ вечеръ давалъ концертъ слѣпой музыкантъ. Успѣхъ былъ громадный. Рояль жилъ подъ его пальцами, и вдругъ на немъ прозвучалъ какой-то вопль: „вырвался, загремѣлъ и замеръ“. Вотъ онъ повторился опять. Максимъ узналъ ее, горькую пѣсню слѣпыхъ. „Подайте сліпенькимъ, ради Христа“. Зала дрогнула, будто надъ ней разлился ударъ...

Повѣсть заканчивается слѣдующими прекрасными строками: „Старый ветеранъ (Максимъ) опустилъ голову и думалъ: Да, онъ прозрѣлъ... На мѣстѣ слѣпого и неутомимаго эгоистическаго страданія онъ носитъ въ душѣ чужое горе, онъ его чувствуетъ, видитъ... И въ его рукахъ великая сила!..

„И старый солдатъ все ниже опускалъ голову. Онъ сдѣлалъ свое дѣло, онъ не даромъ прожилъ на свѣтѣ; ему говорили объ этомъ полные силы, властные звуки, стоявшіе въ залѣ, царившіе надъ толпой!..“

Замѣтки по теоріи поэзіи.

Смѣлое предсказаніе покойнаго Писарева, повидимому, не оправдывается: не только никому не приходитъ на мысль сажать „послѣдняго“ поэта въ банку со спиртомъ и выставлять его въ музеѣ, какъ нѣчто уродливое, рѣдкое и анормальное, но наоборотъ, — русская поэзія въ послѣдніе дни замѣтно поднимаетъ изъ праха свою голову. Сборники стихотвореній выходятъ одинъ за другимъ, на книжномъ рынкѣ на нихъ есть несомнѣнный спросъ. Въ обществѣ о нихъ говорятъ, журнальные рецензенты по поводу ихъ ломаютъ перья, выдвигая изъ среды дебютантовъ болѣе талантливыхъ и освѣщая передъ читающей публикой характерныя стороны ихъ дарованій. Такимъ образомъ недавній еще вопросъ о томъ, имѣетъ ли поэзія право на существованіе, рѣшился безъ критическихъ дебатовъ, какъ-то нечаянно, самъ собой: существуетъ, — значитъ, имѣетъ и право существовать. И читателю и критикѣ приходится въ данномъ случаѣ не мудрствовать лукаво, а просто признать фактъ, стоящій передъ глазами, и ироническія строки Лермонтова: „смѣшно жъ терять для звучныхъ строфъ златое время, — въ нашемъ вѣкѣ зрѣломъ, извѣстно вамъ, всѣ заняты мы дѣломъ“, — потеряли теперь свою соль. Русскій читатель, выростая и развиваясь, сбросилъ съ себя обаяніе остроумной, бойкой, мѣткой, но односторонней критики Писарева и пересталъ бояться, чтобы кто-нибудь не засталъ его нечаянно за чтеніемъ стиховъ. Поэзія получила несомнѣнное право гражданства въ нашей литературѣ, и цитатами изъ поэтовъ, какъ и въ доброе старое время, мы подкрѣпляемъ житейскую и литературную нашу рѣчь.

Что̀ же такое, на самомъ дѣлѣ, она, эта поэзія? Какова ея сфера, въ чемъ ея задачи? Какіе шаги сдѣлала она впередъ съ тѣхъ поръ, какъ замолкли голоса Лермонтова и Пушкина и вмѣстѣ съ ними — поучающій и анализирующій голосъ ихъ комментатора, Бѣлинскаго? Да не покажутся чи-

тателю праздными эти вопросы: немногіе даже изъ любителей стиховъ могли бы на нихъ отвѣчать. Одному нравится музыкальность стиха любимаго поэта, другому образность, третьему задушевность, — но все это черты частныя, мелкія; точнаго критерія нѣтъ ни у кого, и многіе изъ читателей не рѣшатся высказать свое мнѣніе о стихотвореніи, пока не взглянутъ на его подпись: Богъ его знаетъ, можетъ-быть, оно и хорошо, а можетъ-быть, и дурно. Зато какъ смѣло высказывается такой судья, увидя, что стихотвореніе принадлежитъ „извѣстности“.—„А, N. N.!.. Талантливый человѣкъ!.. Его X. похвалилъ въ своемъ фельетонѣ“... Вотъ и вся мотивировка,— какъ будто поэзія есть что-то темное, неясное, неточное и случайное! Между тѣмъ и у поэзіи есть свои опредѣленные законы, зная которые, каждый можетъ самостоятельно судить о поэтическомъ произведеніи, если только онъ не лишенъ вовсе дара понимать поэзію. Но прежде, чѣмъ перейти къ нимъ, нужно совершенно опредѣленно умѣть отвѣтить на вопросъ,: что̀ такое поэзія,—такъ какъ ея законы сами собой вытекаютъ изъ этого отвѣта.

Пониманіе искусства вообще есть особый даръ, особый талантъ. Можно сказать, что между поэтомъ и человѣкомъ, понимающимъ поэзію, та разница, что у перваго больше таланта, чѣмъ у второго, но что у обоихъ этотъ талантъ есть. Даръ этотъ обусловливается особенностями организаціи и степенью воспріимчивости лица, хотя въ своемъ зачаточномъ состояніи онъ находится у каждаго. Въ студіи любителя скульптуры мнѣ пришлось наблюдать однажды молодую крестьянскую дѣвушку, послужившую ему случайной моделью. Оправившись отъ смущенія и разговорившись, она никакъ не могла понять, на что художнику понадобилась большая глиняная кукла, надъ которой онъ такъ старательно и вдумчиво работалъ. Ее удивляли и смѣшили его горячность, нетерпѣніе, вспышки художническаго отчаянія и творческаго восторга. Очевидно, она чувствовала себя такъ же, какъ почувствовалъ бы каждый изъ насъ, вдругъ увидя, что его знакомый, считающійся всѣми за дѣльнаго и серьезнаго человѣка, увлекается пусканіемъ мыльныхъ пузырей. Попади та же самая дѣвушка въ другія условія жизни—и даръ пониманія искусства могъ бы у нея развиться. Въ средѣ интеллигентной даръ этотъ развитъ въ большей степени, но и въ ней не рѣдкость люди, для которыхъ искусство или какая-нибудь его отрасль — каменный идолъ, въ капищѣ котораго слѣпцы приносятъ нелѣпыя жертвы, когда рядомъ широко и свѣтло открыта дверь въ храмъ другого истиннаго бога — науки и

знанія. Рѣдко, очень рѣдко выдается натура, которой доступны всѣ роды искусства: одинъ не понимаетъ музыки, другой, стоя передъ картиной, никакъ не можетъ увидѣть въ ней живущую и дышащую природу, и его глазъ различаетъ только ткань полотна да разноцвѣтные мазки красокъ; для третьяго непонятно, зачѣмъ понадобилось поэту изломать на ровныя строки человѣческую рѣчь и заострить каждую строку пѣвучей риѳмой. Бѣлинскій, человѣкъ съ несомнѣнно развитымъ эстетическимъ чувствомъ, былъ совершенно равнодушенъ къ музыкѣ. Зато богатая натура Лермонтова отзывалась на всѣ роды искусства. Къ сожалѣнію, люди, не обижающіеся на природу за то, что она лишила ихъ какого-нибудь выдающаго по силѣ таланта, не хотятъ обыкновенно добросовѣстно сознаться, что они лишены дара пониманія искусства, не признаютъ въ этомъ отношеніи власти природы. Чаще всего они поступаютъ, какъ Ломоносовъ, сказавшій, что его нельзя отставить отъ академіи, а можно только академію отставить отъ него. Они, такъ сказать, „отставляютъ отъ себя искусство",—не признаютъ его вовсе или толкуютъ о немъ вкривь и вкось. Послѣднее свойство нерѣдко можно встрѣтить даже и у присяжныхъ цѣнителей и судей. Вотъ причина, почему толки о художественныхъ произведеніяхъ обыкновенно такъ разнорѣчивы. Нельзя спорить противъ того, что $a+b=a+b$, но можно назвать Пушкина бездарнымъ и Болеслава Маркевича — геніемъ.

Итакъ, пониманіе искусства есть низшая степень художественнаго таланта. А такъ какъ присутствіе или отсутствіе у человѣка таланта обусловливается естественными, физіологическими причинами, то слѣдовательно и даръ понимать искусство есть даръ естественный, физіологическій. Отсюда и законы искусства должны быть не произвольными, не выдуманными критикомъ или художникомъ, а естественными, природными. Пояснимъ это примѣромъ. Мы удовлетворяемъ свой аппетитъ не всѣмъ, что̀ попадется намъ подъ-руку, а тѣмъ, что̀ питательно. Никому, напр., не приходитъ въ голову грызть орѣховую скорлупу или глотать камень, растертый въ порошокъ. Самый вкусъ человѣка обусловливается именно этимъ физіологическимъ требованіемъ питательнаго. Такъ и потребность эстетическихъ впечатлѣній, которую можно бы назвать духовнымъ голодомъ, обусловливается закономъ духовной питательности,—закономъ, слѣдовательно, не выдуманнымъ, а естественнымъ. Насъ спросятъ: какъ же въ такомъ случаѣ искусство можетъ прогрессировать и развиваться? Естественные законы, законы природы постоянны.

Но вѣдь предки наши находили же возможнымъ удовлетворять свой аппетитъ сырымъ мясомъ, а мы считаемъ нужнымъ его жарить и приправлять. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы измѣнилась сущность закона питанія—попрежнему человѣкъ выбираетъ себѣ въ пищу вещества болѣе питательныя; измѣнился только самый организмъ человѣка, его требованія, а законъ остался тѣмъ же. Такъ и нравственный организмъ человѣка мѣняется съ каждымъ поколѣніемъ, а слѣдовательно мѣняются и формы искусства... Остается неизмѣннымъ только тотъ законъ, что искусство должно отвѣчать потребностямъ этого организма.

Область поэзіи — область чувства. Основной естественный законъ ея состоитъ въ томъ, что она должна выражать и будить въ человѣкѣ свойственныя его натурѣ чувства.

Откуда мы взяли это? Какія соображенія дали намъ право поставить этотъ законъ? Для того, чтобы меня поняли, я долженъ въ одномъ условиться съ читателемъ: въ моемъ лицѣ ему придется признать человѣка, не лишеннаго способности понимать поэзію.

Законъ нашъ мы вывели такъ, какъ выводятся всѣ законы природы,—изъ нея самой. Этимъ именно свойствомъ и отличается естественный законъ отъ закона выдуманнаго, произвольнаго. Вообразите себѣ чудака, который повѣсилъ бы въ своей прихожей мѣховую шубу и требовалъ бы отъ каждаго входящаго съ улицы въ его домъ, чтобъ онъ надѣвалъ эту шубу! Тутъ законъ произвольный обусловливалъ бы извѣстное дѣйствіе. Законъ природы требуетъ другого: входя въ тепло, человѣкъ снимаетъ съ себя лишнюю, грѣющую одежду. Въ этомъ разница между двумя законами: въ первомъ случаѣ функція вытекаетъ, какъ слѣдствіе закона, во второмъ — законъ вытекаетъ изъ функціи. Такъ какъ мы уже установили, что законы искусства естественны, — они тоже должны вытекать изъ функцій таланта, т.-е. художественныхъ произведеній. Довольно пеленокъ и рамокъ, произвольно сдерживавшихъ ростъ искусства! Зрителю все равно, соблюдено ли въ драмѣ условіе трехъ единствъ, или нѣтъ. Если драма отвѣчаетъ своимъ естественнымъ законамъ, она и безъ соблюденія единствъ хороша. Читателю все равно, есть ли въ данномъ разсужденіи вступленіе, пропозиція и конклюзія, какъ требовала этого риторика. Если разсужденіе логично, — оно во всякомъ случаѣ хорошо. Мы имѣли право вывести нашъ основной законъ поэзіи потому, что онъ неизбѣжно вытекаетъ изъ анализа произведеній, признанныхъ нами за поэтическія. Вся наша работа въ данномъ случаѣ сводилась къ обобщенію

полученныхъ изъ анализа данныхъ, — обыкновенный путь, которымъ слагаются естественные законы. Теперь познакомимся съ ходомъ этой работы.

Если бы я предложилъ на выборъ читателю два слова: „садъ“ и „огородъ“, и спросилъ его, которое изъ нихъ поэтичнѣе,—я думаю, отвѣтъ былъ бы несомнѣненъ и опредѣленъ. Считаю нужнымъ оговориться—я имѣю въ виду обыкновеннаго читателя, простодушно говорящаго, что̀ онъ думаетъ, а не того проницательнаго читателя, съ которымъ нѣкогда такъ ужорно воевалъ извѣстный труженикъ русской мысли. Проницательный читатель непремѣнно придрался бы ко мнѣ, сталъ бы хитрить, доказывать, что это зависитъ отъ того, каковъ садъ и каковъ огородъ, однимъ словомъ, онъ блистательно доказалъ бы мнѣ и свой умъ и свое критическое отношеніе ко мнѣ. Простодушный читатель, вѣрно, согласился бы со мной и въ томъ, что понятія „лунный свѣтъ“ и „соловьиная пѣсня“—понятія поэтическія. Что̀ общаго во всѣхъ этихъ трехъ понятіяхъ? Всѣ они говорятъ чувству человѣка. Не правда ли, что при словѣ „садъ“ вамъ вспомнился извѣстный, знакомый вамъ садъ, и цвѣты, и ароматъ, и шорохъ листьевъ, и воспоминаніе это затронуло въ васъ чувство красоты? Примѣните тотъ же пріемъ къ слову „огородъ“,— ваше чувство останется безотвѣтнымъ. Итакъ, есть понятія, которыя сами по себѣ могутъ быть названы поэтичными,— это такія понятія, которыя говорятъ нашему чувству. Разъ установивъ это, мы поймемъ, почему такъ высоко цѣнится стихъ Пушкина: „морозной пылью серебрился его бобровый воротникъ“. Критика, приводя этотъ стихъ, указывала на способность Пушкина поэтизировать предметы, по сущности своей совершенно непоэтичные. Осыпавъ этотъ воротникъ морозной пылью,—серебряной на темномъ мѣхѣ,—Пушкинъ заставилъ его говорить чувству красоты; эта способность затронуть чувство и подразумѣвалась инстинктивно критикой подъ словомъ „опоэтизированіе“.

Перейдемъ теперь отъ отдѣльныхъ понятій къ связнымъ мыслямъ. Я напомню читателямъ двѣ строки изъ извѣстнаго посланія Ломоносова къ Шувалову:

Не право о стеклѣ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
Которые стекло чтутъ ниже минераловъ.

Съ точки зрѣнія техники, эти двѣ строки безупречны; размѣръ опредѣленный, скандирующій, риѳма рѣдкая и богатая,—и въ то же время въ нихъ нѣтъ ни искры поэзіи, хотя,

можетъ-быть, мысль, выраженная ими, и вполнѣ справедлива. Рядомъ съ ними я поставлю двѣ строки изъ Лермонтова:

Печально я гляжу на наше поколѣнье:
Его грядущее иль пусто, иль темно.

Каждому ясно, что мысль ломоносовскихъ стиховъ совершенно чужда области чувства, тогда какъ стихи Лермонтова служатъ выраженіемъ его. Приведу еще примѣръ прозаическихъ стиховъ, заимствованный, если не ошибаюсь, у Н. Курочкина:

да и прожить иногда затруднительно
Литературнымъ трудомъ.

Къ этимъ двумъ строкамъ можно вполнѣ приложить все что̀ мы сказали о ломоносовскомъ двустишіи. Какъ на искусственный образчикъ такого прозаизма, можно указать на извѣстную пародію Добролюбова (Конрада Лиліеншвагера), начинающуюся словами:

Сто сорокъ семь рублей и двадцать три копейки, —
Вотъ мѣсячный окладъ Семена Кузьмича.

Въ русской поэзіи немало примѣровъ такихъ поэтовъ-прозаиковъ. Бо̀льшая часть стихотвореній Розенгейма, значительная доля юмористическихъ и публицистическихъ произведеній Некрасова, нѣсколько пьесъ Полонскаго относятся къ этой области. Въ особенности грозитъ опасность впасть въ прозу поэтамъ, воспѣвающимъ такъ называемую гражданскую скорбь: они должны обладать въ значительной степени художественнымъ чувствомъ, чтобы не переступить границы, отдѣляющей поэзію отъ публицистики.

Намъ не разъ приходилось слышать отъ нѣкоторыхъ изъ современныхъ поэтовъ, что поэма — нѣсколько дѣланный и неудобный родъ творчества. И дѣйствительно, мало быть поэтомъ, чтобы написать поэму, надо для этого быть техникомъ, версификаторомъ, виртуозомъ. Связный и сложный разсказъ требуетъ отъ поэта огромной гибкости стиха, требуетъ именно способности „поэтизировать" разныя неизбѣжныя подробности, ничего не говорящія нашему чувству, а поэтому прозаичныя. Какъ, напримѣръ, описать костюмъ героя? Мастера поэзіи обыкновенно поступаютъ такимъ образомъ: они не перечисляютъ части одежды, а говорятъ о впечатлѣніи, производимомъ этимъ костюмомъ на чувство окружающихъ. Возьмемъ, напр., хотя бы извѣстное стихотвореніе „Грѣшница" графа А. К. Толстого. Описывая наружность своей грѣшницы и ея костюмъ, онъ говоритъ

Вкругъ стана падая широко.
Сквозныя ткани дразнятъ око

Съ нагого спущены плеча...
Ея и серьги и запястья,
Звеня, къ утѣхамъ сладострастья,
Къ восторгамъ пламеннымъ зовутъ.

Поэтъ обращаетъ здѣсь вниманіе читателя не на то, что на ней былъ надѣтъ какой-то сквозной костюмъ, а на то, что костюмъ этотъ дразнилъ око. Онъ не говоритъ: въ уши она вдѣла серьги и на руки надѣла запястья; онъ указываетъ на то, что эти серьги и запястья, звеня, говорили что-то чувству любви, звали къ пламеннымъ восторгамъ. Вышеприведенные два стиха: „да и прожить иногда затруднительно литературнымъ трудомъ"—несомнѣнно выражаютъ мысль справедливую, — можетъ-быть, къ сожалѣнію, слишкомъ справедливую,—но мысль эта ничего не говоритъ чувству и сама по себѣ не служитъ выраженіемъ какого-либо горячаго, страстнаго чувства.

Смотря на законы поэзіи, какъ на законы естественные, мы получаемъ возможность легче разобраться и въ другихъ вопросахъ, касающихся поэтическаго творчества. Однимъ изъ такихъ вопросовъ является вопросъ о тенденціозности, до сихъ поръ не рѣшенный критикой. Присматриваясь къ современнымъ поэтическимъ произведеніямъ и у насъ и въ западной литературѣ, мы увидимъ въ нихъ два рѣзко обозначенныя теченія: одна группа поэтовъ исповѣдуетъ принципъ „искусство для искусства"; другая требуетъ отъ поэтовъ служенія злобѣ дня, служенія идеѣ добра и правды, насущнымъ нуждамъ и пульсу минуты. Кто правъ и кто виноватъ? Какой родъ творчества долженъ быть признанъ вѣрнымъ и какой искусственнымъ? Мнѣ кажется, обѣ группы правы и обѣ виноваты. Теорія искусства для искусства говоритъ, что поэзія сама въ себѣ заключаетъ свою цѣль и не должна стремиться быть утилитарной. Сторонники этого направленія — группа такъ называемыхъ „парнасцевъ" у французовъ и наши русскіе парнасцы, Фетъ, Майковъ, Полонскій—служатъ главнымъ образомъ чувству красоты. Вся такъ называемая антологія держится на этомъ чувствѣ. Чувство красоты есть несомнѣнно элементъ поэтическій, и съ этой точки зрѣнія группа права. Степень дарованія ея представителей, степень творческой силы и производительности ихъ обусловливаютъ и степень поэтической цѣнности ихъ произведеній. Извѣстное стихотвореніе Майкова „Долго ночью вчера я уснуть не могла", не менѣе извѣстная пьеса Полонскаго „Пришли и стали тѣни ночи", и даже осмѣянная нѣкогда фетовская пьеса „Шопотъ, робкое дыханье" — произведенія несомнѣнно поэтическія и

по своей цѣнности занимаютъ не послѣднее мѣсто среди произведеній русскихъ поэтовъ. Но не менѣе поэтическая вещь и некрасовская „Саша“ или его же „Рыцарь на часъ“. Разница между произведеніями поэтовъ первой группы и произведеніями Некрасова только та, что Некрасовъ шире взглянулъ на поэзію, что онъ не ограничилъ ея рамками чувства красоты, а заставилъ ее служить, кромѣ того, и другимъ, высшимъ чувствамъ человѣческой природы, чувству добра, истины и справедливости. Такимъ образомъ Некрасовъ въ элементахъ своей поэзіи является шире, чѣмъ гг. Фетъ и Майковъ, хотя по степени таланта г. Майковъ, напр., ему не уступаетъ. Впрочемъ, все, что̀ мы говоримъ о послѣднемъ, относится только къ Майкову стараго времени; современный намъ Майковъ тоже зараженъ тенденціей; къ сожалѣнію, тенденція эта не можетъ быть симпатична большинству мыслящаго русскаго общества.

Итакъ, поэты, проповѣдующіе искусство для искусства, напрасно думаютъ, что школа ихъ противоположна другой, тенденціозной школѣ: она является просто одною изъ ея составныхъ частей, служа только чувству красоты, тогда какъ вторая служитъ и чувствамъ справедливости, добра и истины. Не трудно видѣть, которой изъ этихъ двухъ группъ принадлежитъ будущность. Тенденціозность есть послѣднее мирное завоеваніе, сдѣланное искусствомъ, есть пока послѣднее его слово. А искусство, сдѣлавъ такое завоеваніе, не отступаетъ назадъ, если только оно не противорѣчитъ его естественному закону. Очевидно, что недалеко время, когда поэзія тенденціозная поглотитъ поэзію чистую, какъ цѣлое свою часть, какъ океанъ поглощаетъ разбившуюся объ утесъ свою же волну.

Поэты и критика.

I.

Статья о поэзіи въ передовомъ углу газеты — явленіе необычайное. Можно что угодно выдвигать на первый планъ, говорить о какой угодно „злобѣ текущаго дня“ — объ опереткѣ, о кабакахъ,—можно избрать сюжетомъ статьи какое-нибудь грязное преступленіе и по поводу его излить въ страстной рѣчи свое гражданское негодованіе, можно, наконецъ, за неимѣніемъ подходящихъ сюжетовъ для бесѣды съ читателями, пуститься въ иностранную политику и, глубокомысленно пережевывая давно избитыя истины, трактовать хотя бы о шишкѣ на носу алжирскаго бея, особенно если это вліяетъ на расположеніе духа бея и слѣдовательно можетъ сопровождаться какими-либо „политическими осложненіями“ и т. д. Но ставить во главу статью, посвященную „вопросу“ о поэзіи (кромѣ „вопросовъ“ нынѣ ничего не встрѣчается)— это уже прямое нарушеніе всѣхъ требованій газетной моды. Мы, впрочемъ, и ранѣе не шли по проторенной дорожкѣ господствующихъ теперь „направленій“ и даже сдѣлали нѣсколько шаговъ, не совсѣмъ согласныхъ съ требованіями газетныхъ церемоніймейстеровъ, такъ что совершить новое нарушеніе условныхъ приличій намъ уже не такъ страшно... Мы не думаемъ, чтобы поэзія имѣла меньшее жизненное практическое значеніе и воспитательное вліяніе, чѣмъ иныя изъ празднословныхъ затѣй политиканствующаго ума. И какъ ни третировали поэзію въ послѣднее время, въ публикѣ вновь пробуждается сочувствіе къ гонимой подругѣ Аполлона и начинаютъ уже появляться горячіе протесты во имя ея. Достаточно вспомнить извѣстное письмо „друга поэзіи“, попавшее на зубокъ г. Буренина, и недавнюю горячую замѣтку въ „Новостяхъ“ неизвѣстнаго автора по поводу смерти Смулевскаго. Все это, повидимому, свидѣтельствуетъ, что и для поэзіи настаютъ лучшіе дни. Давно пора!

Хотя и прошло то время, когда сапоги, даже и нечищенные, предпочитали Шекспиру, тѣмъ не менѣе и доселѣ по-

ложеніе бѣдной музы поэзіи въ ряду другихъ ея сестеръ крайне неказисто. Критика,—даже жалкая современная критика,—посматриваетъ на поэзію полупрезрительно, съ высоты своего вершковаго величія. Возьмите, напримѣръ, отдѣлъ новыхъ книгъ любого толстаго современнаго журнала: пока рецензентъ разбираетъ философское или научное произведеніе, онъ выражается весьма торжественно, серьезнымъ, „высокимъ штилемъ“; о романѣ и повѣсти, въ зависимости отъ ихъ содержанія, пишется или „среднимъ“, или „низкимъ штилемъ“; что̀ же касается до стихотвореній — ихъ неизбѣжнымъ удѣломъ является одинъ только „низкій штиль“. У рецензента сразу прибываетъ и увѣренности, и развязности, и игривости, такъ какъ онъ отлично знаетъ, что въ наше время написать критическую статью о поэтическомъ произведеніи — вещь весьма нехитрая: въ началѣ необходимо коротенькое вступленіе, въ которомъ обыкновенно проводится та справедливая мысль, что „наше время“ бѣдно поэтическими талантами; затѣмъ слѣдуетъ самый разборъ по одному изъ слѣдующихъ двухъ шаблоновъ: критикъ пишетъ: „Принимая во вниманіе эту бѣдность, нельзя пройти молчаніемъ недурные „стишки“ господина такого-то (имя рекъ); міросозерцаніе поэта грустное (грустное—это неизбѣжно), ему не чуждо чувство гражданской скорби (выписка)... Какъ видитъ читатель, стихотворенію этому нельзя отказать въ извѣстной долѣ теплоты и силы“. Затѣмъ еще два-три образчика стиховъ—и статейка оканчивается замѣчаніемъ, смыслъ котораго клонится къ тому, что теперь, когда стихотворная рѣчь достигла значительной степени выработки, писать стихотворенія—мудрость небольшая. Все это бываетъ написано обыкновенно такимъ небрежнымъ тономъ, что похвала чуть-чуть не оказывается на самомъ дѣлѣ грубой бранью. Второй шаблонъ также несложенъ: вступленіе въ немъ то же, что̀ и въ первомъ; затѣмъ сообщается, что такой-то (опять имя рекъ) выпустилъ свой сборникъ, представляющій собой верхъ курьеза. За образчикъ разбора берется почтовый ящикъ зубоскальствующихъ журналовъ, и все заканчивается тою же замѣткой о выработанности въ наше время стиха, но съ укоромъ, примѣненнымъ къ погрѣшностямъ автора. Несмотря на діаметрально противоположный смыслъ обѣихъ замѣтокъ, на авторовъ онѣ производятъ одинаковое впечатлѣніе: они чувствуютъ себя въ положеніи взрослаго, серьезнаго человѣка, котораго его камердинеръ засталъ за пусканіемъ мыльныхъ пузырей, и разница между ними только та, что одинъ изъ нихъ пускаетъ эти пузыри удачно, а другой—нѣтъ.

Прежде чѣмъ разбирать, насколько такого рода критика удовлетворяетъ своему назначенію, остановимся на одномъ ея излюбленномъ положеніи, на фразѣ: „Время наше бѣдно поэтическими талантами“. Не странно ли, чуть не ежедневно печатно устанавливая фактъ нашей бѣдности на такого рода таланты, ограничиваться по этому поводу одними только казенными изъявленіями сожалѣнія да платоническими вздохами, не утруждая себя неизбѣжнымъ вопросомъ: „Да гдѣ же причина этой бѣдности, гдѣ ея корень? Или, можетъ-быть, поэзія и стихотворный складъ рѣчи—принадлежность только дѣтства человѣчества, какъ игрушки — принадлежность дѣтства отдѣльнаго лица, и теперь, когда мысль и сознаніе освободили насъ отъ старыхъ пеленокъ, — искусство должно совершенно стушеваться, уступая мѣсто другимъ, болѣе современнымъ элементамъ общественной жизни? Но какъ въ такомъ случаѣ объяснить Пушкинское торжество и другія подобныя же событія: юбилей Жуковскаго и похороны Некрасова—у насъ въ Россіи, юбилей Виктора Гюго—во Франціи, Шиллера—въ Германіи и т. п.? Да и можетъ ли поэзія, если она и на самомъ дѣлѣ жрица добра, истины и красоты, отжить свой вѣкъ, пока человѣческій идеалъ по-старому слагается изъ трехъ этихъ элементовъ?“ По крайнему нашему разумѣнію—нѣтъ, и мы глубоко убѣждены, что, несмотря на всѣ зловѣщія предсказанія въ этомъ родѣ, ей суждено еще долго вызывать отзвукъ въ человѣческомъ сердцѣ, составляя источникъ одного изъ самыхъ высокихъ его наслажденій. Широко понимая слово „поэзія“, мы не можемъ также согласиться и съ тѣмъ предположеніемъ, что настоящій историческій моментъ, переживаемый цивилизованнымъ міромъ, настолько остръ и важенъ въ его развитіи, что на время оттѣсняетъ интересы искусства на второй планъ. Въ развитіи человѣчества всѣ моменты одинаково важны, или кажутся таковыми для современниковъ,—это во-первыхъ; а во-вторыхъ, поэзія—если только она, по произволу поэта, не ограничена отжившей теоріей искусства для искусства — сама является и однимъ изъ элементовъ этого общаго развитія и служительницей современныхъ ей интересовъ. Трудно также допустить, что въ наше время просто „неурожай“ на поэтовъ въ физіологическомъ, если можно такъ выразиться, смыслѣ этого слова, т.-е. неурожай на людей, обладающихъ той особенной чуткой и нервной организаціей, которая, въ соединеніи съ разными другими условіями, дѣлаетъ человѣка поэтомъ. Допустить это трудно потому, что жалобы на бѣдность раздаются въ нашей литературѣ чуть ли не со временъ Пуш-

кина, тогда какъ и послѣ него мы считаемъ у себя много талантливыхъ поэтовъ. Остается, такимъ образомъ, предполагать, что люди съ большимъ или меньшимъ дарованіемъ и теперь встрѣчаются между нами, но дѣятельность ихъ или проходитъ незамѣченной, или они сами не достигаютъ кульминаціоннаго пункта своего развитія. Разъ установивъ этотъ фактъ, мы, не обинуясь, всецѣло обвиняемъ въ немъ современную поэтическую критику, и если она имѣла право упрекнуть наше время въ бѣдности поэтическими талантами, то поэзія, по нашему мнѣнію, имѣетъ вдвое большее право упрекнуть ее въ бѣдности критическими дарованіями.

Задача критики можетъ быть разсматриваема съ двухъ точекъ зрѣнія,—по отношенію къ обществу и по отношенію къ автору разбираемаго произведенія. По отношенію къ обществу критикъ долженъ чутко уловить каждое, мало-мальски выдающееся литературное явленіе, подчеркнуть читателю его достоинство, указать на его недостатки и такимъ образомъ сразу отвести ему соотвѣтствующее мѣсто въ литературѣ. Но этого мало: критикъ, если только онъ стоитъ на высотѣ своей задачи, формулируетъ каждый новый шагъ впередъ, каждый новый законъ, вырабатываемый прогрессомъ искусства. Онъ первый привѣтствуетъ все то въ литературѣ, чему можно предсказать будущность и развитіе, и, давая отчетъ о текущихъ произведеніяхъ искусства, въ то же время обогащаетъ и его теорію. Задача его по отношенію къ автору не менѣе серьезна: замѣчено, что люди истинно-талантливые всегда сомнѣваются въ своихъ силахъ. Сомнѣніе это доходитъ часто до полнаго отчаянія, совершенно препятствующаго творчеству; недаромъ Некрасовъ называлъ это чувство „пыткой творческаго духа" и недаромъ Лермонтовъ такъ скупо и такъ неохотно отдавалъ въ печать даже лучшія свои вещи. Геніальные актеры всѣхъ временъ, какъ свидѣтельствуютъ ихъ біографы, всегда глубоко волновались, прежде чѣмъ выйти изъ-за кулисъ передъ свѣтъ рампы. Въ области живописи наглядный примѣръ такой неувѣренности въ себѣ представляетъ знаменитый художникъ Ивановъ. Истинный талантъ только тогда увѣруетъ въ свое произведеніе, когда въ него увѣруютъ другіе,—увѣруетъ масса. Критику представляется тутъ благотворное поле дѣятельности: трезвымъ и безпристрастнымъ словомъ одобренія онъ можетъ совершенно поднять упавшій духъ, спокойствіе котораго такъ необходимо для творчества. Замѣчено также, что обыкновенно авторы — самые плохіе судьи своихъ произведеній. Для нихъ нѣтъ ничего легче, какъ сбиться съ вѣрной дороги и безполезно

растратить силы на чуждый ихъ таланту родъ дѣятельности. Здѣсь опять должна вмѣшаться критика: на ея обязанности лежитъ—указать автору слабыя и сильныя стороны его дарованія, давъ ему, такимъ образомъ, возможность совершенствоваться въ истинномъ направленіи. Таковы обязанности критики, такъ понималъ ихъ, по крайней мѣрѣ, лучшій изъ русскихъ критиковъ—Бѣлинскій. Формулируя эти законы, мы только хотѣли резюмировать ихъ читателю для того, чтобы яснѣе показать, насколько отклонилась отъ нихъ современная намъ поэтическая критика.

II.

Читатель, слѣдящій за текущей литературой, могъ бы замѣтить, что въ послѣдніе два-три года поэтическая дѣятельность у насъ значительно оживилась. Не говоря уже о томъ, что рѣдкая книжка журнала выходитъ въ свѣтъ безъ двухъ-трехъ стихотвореній, за послѣднее время можно насчитать до пятнадцати вновь вышедшихъ полныхъ собраній стихотвореній, и, какъ намъ достовѣрно извѣстно, многія еще готовятся къ изданію. Можно было бы ожидать, что соотвѣтственно оживится и поэтическая критика; но на дѣлѣ оказалось иначе: одна только статья г. Арсеньева въ декабрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“, посвященная разбору стихотвореній г. Майкова, заслуживаетъ вниманія; все остальное написано по одному изъ двухъ указанныхъ нами ранѣе шаблоновъ. Зато и обрадовались же этой статьѣ: всюду, и изъ среды пишущихъ и изъ публики, мы слышали самыя горячія похвалы ей; видно было, что всѣ оцѣнили это вниманіе со стороны критика къ нелюбимому дитяти русской литературы — къ поэзіи.

Мы бы не очень горевали о небольшомъ количествѣ критическихъ отзывовъ, если бы, по крайней мѣрѣ, содержаніе ихъ было достаточно вѣско; но, къ несчастію, наша критика и этимъ не можетъ похвастать. Примѣры налицо: вышелъ въ свѣтъ сборникъ г. Немировича-Данченко и вызвалъ сравнительно много рецензій, въ особенности въ газетахъ и въ такъ называемой мелкой прессѣ. Общій тонъ этихъ рецензій былъ безусловно хвалебный; одинъ только г. Буренинъ счелъ нужнымъ сдѣлать небольшія оговорки. Въ публикѣ, такимъ образомъ осталось представленіе о г. Немировичѣ-Данченко, какъ объ одномъ изъ наиболѣе талантливыхъ современныхъ поэтовъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ не болѣе, какъ талантливый версификаторъ, плѣняющій наборомъ звонкихъ и шаблонно-безсодержательныхъ фразъ. Стуманенный ими до-

вѣрчивый читатель такъ и остается съ убѣжденіемъ, что стихотворенія г. Немировича-Данченко не только „талантливы, содержательны и глубоки", но что на „днѣ" ихъ скрывается еще нѣкій крокодилъ, стѣсненный въ своихъ движеніяхъ только цензурными путами... Впрочемъ, о произведеніяхъ этого поэта мы поговоримъ еще особо и обстоятельно. Теперь же для насъ достаточно отмѣтить простой фактъ „пріятельскаго" отношенія „критики" къ такому „поэту", какъ г. Немировичъ-Данченко. Этотъ фактъ, признаться, наводитъ „на печальныя размышленія".

Какое же, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть эстетическое образованіе и развитіе общества, какую мѣрку таланта даетъ теперь критика въ руки довѣрчиваго читателя? А такихъ читателей, какъ оракула, слушающихъ свой журналъ или свою газету, масса на Руси. Толстые журналы поступаютъ нѣсколько добросовѣстнѣе; они не похвалятъ завѣдомо плохой вещи, но они вдаются въ другого рода ошибку: они все и всѣхъ стараются подогнать подъ мѣрку своего направленія, иногда очень узкаго, и судятъ поэта именно съ этой точки зрѣнія. Вотъ почему несомнѣнно-художественныя стихотворенія графа Алексѣя Толстого и г. Фета были совершенно затоптаны въ грязь критикой либеральныхъ журналовъ. Мы тоже мало сочувствуемъ тенденціямъ этихъ двухъ поэтовъ, но мы не можемъ не отдать имъ должнаго за чисто-художественную сторону ихъ произведеній. Пусть ихъ поэзія изъ трехъ элементовъ—истины, добра и красоты—служитъ только одной красотѣ — спасибо и за это: „овому данъ талантъ, овому—два!"

Если, съ одной стороны, современная поэтическая критика ставитъ на пьедесталъ людей, не заслуживающихъ этого, и, смотря крайне односторонне, глумится надъ истиннымъ дарованіемъ, съ другой—она способна совершенно не замѣтить яркій и крупный художественный талантъ. Такая печальная исторія приключилась, между прочимъ, съ покойнымъ поэтомъ Симборскимъ. Кто изъ публики знаетъ его имя? А между тѣмъ онъ очень и очень заслуживалъ вниманія, въ особенности „въ наше бѣдное поэтическими талантами время". Мы намѣренно указываемъ на Симборскаго: человѣкъ этотъ уже сошелъ съ „жизненной сцены" года два тому назадъ. Но Симборскій не единственный примѣръ: критика проспала также и покойнаго Старостина. Любители поэзіи, впрочемъ, могутъ утѣшиться: на-дняхъ мы слышали, что одинъ русскій библіографъ предпринимаетъ изданіе роскошнаго сборника всѣхъ современныхъ поэтовъ, съ крат-

кими образчиками ихъ произведеній, съ портретами и съ біографическими данными. Опытность составителя ручается за успѣхъ будущаго изданія.

Итакъ, по отношенію къ обществу текущая критика поэтическихъ произведеній далеко не оказалась на высотѣ своей задачи. Это стало чувствоваться не только людьми пера, но даже и самой публикой: нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ г. Буренинъ получилъ письмо отъ неизвѣстнаго „друга поэзіи", въ которомъ этотъ послѣдній (хотя и не безъ нѣкоторой наивности) упрекаетъ г. Буренина въ небрежности по отношенію къ молодой русской поэзіи. Упрекъ, кажется, довольно серьезный для критики. но г. Буренинъ постарался сдѣлать, какъ говорятъ французы, bonne mine à mauvais jeu: онъ, вмѣсто всякаго отвѣта, написалъ балаганный разборъ шутовскихъ произведеній Алексиса Жасминова. Не пора ли перестать отвѣчать на серьезный запросъ публики звономъ арлекинскаго бубенчика?

О новыхъ произведеніяхъ старыхъ поэтовъ еще говорится иногда „критикою" по два-три полуодобрительныхъ или полунасмѣшливыхъ слова, да и то, что̀ называется, по обязанности. По отношенію же къ молодымъ, начинающимъ силамъ критика за послѣдніе годы ровно ничего не сдѣлала, чтобъ ободрить ихъ къ дальнѣйшему развитію или остановить безталанныхъ, и если въ обществѣ уже сложились двѣ-три репутаціи поэтовъ послѣднихъ дней,—онѣ сложились не по иниціативѣ критики. Кромѣ злораднаго гоготанья и глумленья, кромѣ „шалопайскаго подлавливанія словечекъ съ уснащеніемъ ихъ вопросительными и восклицательными знаками",— какъ мѣтко выразился г. Щедринъ,—молодая русская поэзія ничего не видала отъ русской критики.

III.

Что̀ же касается Симборскаго, не имѣя, къ сожалѣнію, подъ руками необходимаго для того матеріала, да и лишенные возможности въ бѣглой замѣткѣ обрисовать, какъ бы то слѣдовало, литературную физіономію покойнаго поэта, мы ограничимся самой летучей характеристикой его таланта и приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ его стихотвореній, чтобы обратить на нихъ вниманіе читателей. Симборскій писалъ довольно много. Въ юмористическихъ журналахъ и сборникахъ читатель часто можетъ встрѣтить его подпись: В. Н. Сим—скій, но эти произведенія значительно ниже дѣйствительной силы его таланта. Намъ случилось быть въ Тифлисѣ незадолго передъ тѣмъ, какъ онъ застрѣлился, и мы всегда

съ глубокимъ сожалѣніемъ встрѣчали въ мѣстныхъ газетахъ его стихотворные фельетоны. Правда, они въ своемъ родѣ были хороши, хороши до такой степени, что даже запоминались мѣстами наизусть; юморъ, иногда смѣлый до дерзости и высокій до паѳоса, билъ въ нихъ ключомъ. Но что̀ значили эти произведенія, имѣющія только временный и мѣстный интересъ, передъ тѣми, что̀ бы могъ дать Симборскій, какъ серьезный лирикъ и эпикъ! А что онъ дѣйствительно могъ дать многое—это несомнѣнно. Намъ памятно одно его лирическое стихотвореніе, помѣщенное въ „Русскомъ Обозрѣніи“, теперь давно не существующемъ, и озаглавленное „Ожиданіе“.

А вѣтра нѣтъ какъ нѣтъ... Повисли паруса,
Недвижный нашъ корабль стоитъ, какъ изваянье;
Раскинувшись надъ нимъ, синѣютъ небеса
Въ бездушной красотѣ, въ торжественномъ сіяньи...
Расплавленнымъ стекломъ легла громада водъ,
Вся блескомъ залита,—но мертвая, нѣмая...
Сознанье тяжкое безсилія, какъ гнетъ,
Ложится на сердце, что̀, страстно замирая,
Стремится съ мукою туда, гдѣ полоса
Родной земли, для глазъ чуть видная, темнѣетъ...
А вѣтра нѣтъ какъ нѣтъ... повисли паруса,
И тишь и блескъ кругомъ,—а въ сердцѣ злоба зрѣетъ!.

Да, это не балаганная вывѣска разрисованная всѣми цвѣтами радуги развязной рукой г-на Немировича-Данченко, а широкая и яркая картина.

И тишь и блескъ кругомъ... Галлюцинацій рядъ,
Терзая и дразня, проходитъ предъ глазами:
Вотъ волны рѣкъ родныхъ играютъ и гремятъ
И мчатся, сжатыя крутыми берегами.
Вонъ вкругъ убогихъ селъ убогія поля,
Облитыя слезой обильною и кровью...
И вся желанная, далекая земля
Какъ будто тутъ, въ глазахъ... Съ привѣтомъ и любовью
Шумятъ по скатамъ горъ зеленые лѣса,
Манятъ, зовутъ къ себѣ... Рванулся бъ къ нимъ скорѣе.
Но вѣтра нѣтъ какъ нѣтъ! Повисли паруса,
И тишь и блескъ кругомъ,—и злоба все сильнѣе...

Со стономъ вырывается изъ груди слѣдующая за этой третья строфа:

Нѣтъ пытки тяжелѣй: стоять передъ врагомъ,
Съ нимъ рваться въ бой и знать, что тщетны всѣ усилья,
И въ бѣшенствѣ тупомъ, подстрѣленнымъ орломъ,
Безплодно поднимать израненныя крылья!
Близка стремленья цѣль. Въ мечтѣ ужъ подъ ногой
Шуршитъ, скрипитъ песокъ на пристани родимой,

И, тѣша жадный взоръ, открылся предъ тобой
Давно желанный видъ, знакомый и любимый,
Ужъ слышишь, чудятся родимыхъ голоса,
Ужъ видишь ихъ къ тебѣ протянутыя руки,
А вѣтра нѣтъ какъ нѣтъ... Повисли паруса,
И рвется сердце вонъ отъ скорби и отъ муки!..

Мы не выписываемъ послѣдней строфы, боясь, что наша замѣтка и такъ уже вышла черезчуръ длинной; но полагаемъ, что достаточно и трехъ приведенныхъ, чтобы видѣть, сколько силы, теплоты и художественности разлито въ стихотвореніи. Что-то жгучее, болѣзненное, горячечное слышится въ немъ, звучитъ какая-то глубоко симпатичная и человѣчная струна. А это стихотвореніе не единственное удачное изъ произведеній Симборскаго. Замѣчательно хорошъ также эпическій отрывокъ, помѣщенный въ томъ же „Русскомъ Обозрѣніи“ и озаглавленный—„Пиръ звѣрей“. Возьмемъ изъ него заключительный эпизодъ: поэтъ рисуетъ травлю звѣрями христіанскихъ мучениковъ.

. . . . Вотъ старикъ,
Уцѣлѣвъ, стоитъ суровый...
Звѣрь къ нему. Но въ этотъ мигъ
Съ крикомъ злобы рабъ высокій,
Молодой, исполненъ силъ,
Грудью выпуклой, широкой
Старика застановилъ...
Дерзкимъ жестомъ оскорбившись,
Звѣрь огромный далъ скачокъ...
Человѣкъ и звѣрь, сцѣпившись,
Покатились на песокъ...
Лапой мощной рвется тѣло...
Брызги крови на стѣнахъ...
Слышно, что-то захрустѣло
На безжалостныхъ зубахъ...
Но гибка, подобно змѣю,
И могуча, и ловка, —
Колоссальной кошкѣ шею
Сжала крѣпкая рука...
Силой бѣшеною стиснутъ
Звѣрь хрипитъ, измученъ, слабъ...
На полвзмахѣ лапы виснутъ...
Все сильнѣе давитъ рабъ...
Роетъ землю коготь острый,
Пѣны бѣлая черта
Потекла по мордѣ пестрой
Изъ оскаленнаго рта...
Слабыхъ судорогъ мгновенье—
И кровавый, грозный глазъ
Въ смертной мукѣ и въ томленьи,
Закатившися, погасъ...
Грянулъ вопль. Восторгомъ вынесъ

Вся арена... Конченъ бой...
Крикъ помилованья слышитъ
Весь израненный герой...
О песокъ рукой измятой
Оперся онъ, привстаетъ...
Книзу массой синеватой
Тихо внутренность ползетъ...
А надъ нимъ въ свѣту, въ лазури,
День плыветъ, роскошный день...
Ave, Caesar! Morituri
Te salutant.

Сколько силы, сколько энергіи, истиннаго, вдохновеннаго паѳоса!.. Даже смѣлый реализмъ, который могъ бы покоробить чрезмѣрно брезгливаго читателя, здѣсь умѣстенъ и нуженъ. Укажемъ еще на одну прекрасную вещь: „Ссора Владимира съ Ильей Муромцемъ“ и простимся съ читателемъ пожеланіемъ ему поближе и получше познакомиться съ талантомъ Симборскаго. Забвеніе и небрежность по отношенію къ талантливымъ людямъ—непростительная неблагодарность!..

Библiографическiя статьи.

Пѣсни жизни, стихотворенiя *Омулевскаго* (И. В. Ѳедорова). С.-Петербургъ, 1883.

Въ послѣднее время замѣчается большое оживленiе въ нашей поэтической литературѣ: стихотворные сборники выходятъ почти непрерывно одинъ за другимъ. Значитъ ли это, что въ обществѣ поднялся вкусъ къ поэзiи, или это явленiе просто случайное,—рѣшать не беремся, но фактъ налицо: въ сравнительно небольшое время вышли въ свѣтъ стихотворенiя гг. Фета, Случевскаго, князя Цертелева, Пальмина, Якунина и наконецъ Омулевскаго, посыпавшiяся на читающую публику, словно падающiя звѣзды въ августовскую ночь. Сборникъ г-на Омулевскаго является едва ли не наиболѣе симпатичнымъ изъ всѣхъ. Стихотворенiя его составляютъ довольно объемистый томъ (500 стр.), снабженный эпиграфомъ: „Идите въ мiръ и послужите мiру". Одинъ ужъ этотъ эпиграфъ показываетъ, что г. Омулевскiй не принадлежитъ къ школѣ, исповѣдующей принципъ искусства для искусства и до сихъ поръ имѣющей у насъ своихъ представителей. При ближайшемъ знакомствѣ съ его произведенiями становится яснымъ, что онъ и не можетъ къ ней принадлежать: талантъ его не обладаетъ необходимыми для этого данными. Г. Омулевскiй далеко не „художникъ": онъ не даетъ въ своихъ произведенiяхъ ни законченныхъ, строго-выдержанныхъ типовъ, ни яркихъ образовъ и картинъ, ни баюкающей мелодiи, очень часто прикрывающей у нашихъ художниковъ нищету содержанiя. Поэзiи, въ строгомъ смыслѣ этого слова, въ стихахъ г. Омулевскаго немного; но зато въ нихъ есть та теплота, правда и жизненность, которыя, какъ нѣкогда выразился Тургеневъ, говоря о стихахъ Добролюбова, не хуже поэзiи. Не чуждъ таланту г. Омулевскаго и юморъ — юморъ подчасъ горькiй и напоминающiй нѣсколько юморъ Некрасова и Сырокомли.

Сборникъ распадается на два отдѣла: первый заключаетъ въ себѣ произведенія оригинальныя, второй — переводныя.

Главный недостатокъ оригинальныхъ произведеній г. Омулевскаго заключается въ томъ, что въ нихъ оригинальнаго-то мало. И мотивы и образы стихотвореній далеко не новы: тѣ же совѣты молодому поколѣнію бодро итти впередъ, тѣ же скорбныя думы вслухъ „у гроба почившаго труженика“, горькія сѣтованія на жизнь, стремленія и призывы къ свободѣ, къ труду и знанію, сравненіе души поэта съ моремъ, таящимъ въ своей глубинѣ чудные перлы... Но все это выражено тепло, задушевно, просто, безъ нестерпимаго наставническаго апломба и эстетическихъ кривляній. Взглядъ на жизнь г. Омулевскаго горькій, но не доходящій до безпросвѣтнаго, мертвящаго отчаянія. Тамъ, гдѣ-то далеко, за ночью горя и борьбы, ему видится даже въ самыя тяжелыя минуты жизни — свѣтъ незакатнаго грядущаго дня. „Еще далеко та страна, говоритъ онъ, обращаясь къ молодому поколѣнію,—

Гдѣ протекаютъ рѣки медомъ:
Не вдругъ познается она
Идущимъ издали народомъ:
Не вамъ дано въ ней отдохнуть
Кончая подвигъ жизни бранной,
Но хорошо окончить путь
Въ виду земли обѣтованной!..

Эта теплая вѣра въ обѣтованный край даетъ поэту и силу и отвагу для борьбы, даетъ ему энергію даже изъ-за тюремной двери восклицать: „да здравствуетъ свобода!“.

И слышалъ сторожъ мой, какъ изъ-подъ свода
Я восклицалъ: „да здравствуетъ свобода!“ (Монологи, II),

Свободѣ и прославленію ея въ сборникѣ г. Омулевскаго вообще отведено почтенное мѣсто. Не дурны тамъ также пьесы, озаглавленныя авторомъ „Деревенскія пѣсни“. Онѣ запечатлѣны чисто-народнымъ юморомъ и мѣткостью.

Что же касается до поэмъ г. Омулевскаго, то онѣ значительно ниже его лирическихъ пьесъ и по замыслу и по выполненію.

Въ книжкѣ есть еще отдѣлъ стихотвореній, посвященныхъ поэтомъ его родинѣ, Сибири, но и они по большей части неудачны. Въ талантѣ г. Омулевскаго нѣтъ описательнаго элемента. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній, лирическаго характера, выдаются своей простотой и прочувствованностью. Вотъ, напримѣръ, одно изъ такихъ стихотвореній:

Если ты странствуешь, путникъ,
Съ цѣлью благой и высокой,

То посѣти, между прочимъ,
Край мой далекой...
Тамъ, сквозь снѣга иморозы,
Носятся мощные звуки;
Встрѣтишь людей тамъ, что терпятъ
Муки за муки...
Нѣтъ тамъ пустыхъ истукановъ,
Вздоховъ изнѣженной груди...
Тамъ только люди да цѣпи,
Цѣпи да люди!..

Это теплое отношеніе поэта къ людямъ, „что терпятъ муки за муки“, является одной изъ наиболѣе симпатичныхъ сторонъ его дарованія. Есть недурныя вещицы и въ отдѣлѣ юмористическомъ, хотя въ немъ много и шаблоннаго. Какъ на лучшія, укажемъ на пьесы: „Передъ трупомъ“ и „Случай“.

Переводный отдѣлъ сборника представляетъ меньшій интересъ, чѣмъ оригинальный. За изъятіемъ двухъ-трехъ пьесъ изъ Виктора Гюго и Мицкевича, переводы всѣ — изъ Сырокомли. Въ большинствѣ случаевъ достоинствамъ подлинника приходится искупать грѣхи перевода. Бойкій, веселый и легкій до виртуозности стихъ Сырокомли совершенно не дался г. Омулевскому: стихъ его перевода выходитъ или скученъ и прозаиченъ, какъ, напримѣръ, въ поэмѣ „Стелла Форнарина“, или отличается той дѣланой и натянутой веселостью и простотой, которыя хуже всякой напыщенности. Неужели, напримѣръ, это народная рѣчь:

Охъ, не сладокъ хлѣбъ солдатскій.
А какъ вспомнишь, на рѣсницы
Валятъ слезы по-дурацки,
Точно ложку съѣлъ горчицы.
Знамо, юность — или тоже
Какъ у васъ теперь такая?
Сохрани, помилуй Боже!

Припоминая прекрасный переводъ того же стихотворенія, сдѣланный покойнымъ Меемъ, станетъ ясно, насколько переводъ г. Омулевскаго слабѣе. Или что, напримѣръ, знаменуетъ слѣдующій припѣвъ къ стихотворенію „Сладость мечтаній“:

„Влѣзъ на грушку, рвалъ петрушку,
Ахъ, какъ вкусенъ лукъ!

Если это какой-нибудь полонизмъ, его слѣдовало пояснить. Лучше другихъ переведены пьесы: „Рыцарь на стражѣ“, „Обывательская надгробная“ и „Молчаніе поэта“.

К. Случевскій. **Поэмы, хроники, стихотворенія. 3-я книжка 1883.**

Имя г. Случевскаго, какъ поэта, далеко не ново въ нашей литературѣ и когда-то стояло подъ такими произведеніями

подъ которыми, вѣроятно, не отказались бы подписаться... г.г. Майковъ и Полонскій. Въ первой книжкѣ его стихотвореній есть, напримѣръ, небольшая пьеса „Статуя“, написанная въ высшей степени красиво и виртуозно и грѣшащая развѣ только своей полной безсодержательностью. Но такихъ пьесъ очень немного у г. Случевскаго, и въ третьей книжкѣ, которая теперь лежитъ передъ нами, читатель не найдетъ ничего, хотя бы отдаленно напоминающаго его богатую обѣщаніями зарю. Г. Случевскій и въ отношеніи формы и въ отношеніи содержанія регрессировалъ съ каждой написанной имъ строфой. Томикъ его стихотвореній — находка для юмористическихъ журналовъ, и намъ положительно непонятно, почему никто изъ критиковъ до сихъ поръ не обмолвился ни однимъ словомъ объ этихъ замѣчательныхъ жемчужинахъ родной поэзіи.

Книжка представляетъ большое разнообразіе содержанія, свидѣтельствующее о разносторонности таланта г. Случевскаго. Мы находимъ въ его томикѣ и поэму, и разсказъ, посвященный г. Данченко, и драматическія сцены, посвященныя г. Каразину, и драматическую хронику (совсѣмъ какъ у Шекспира), составленную по Тациту, и даже мистерію. Все это по большей части вещи не новыя, фигурировавшія уже на страницахъ разныхъ изданій, для которыхъ и г. Случевскій поэтъ. Но наиболѣе любопытными вещами въ книжкѣ слѣдуетъ признать лирическія стихотворенія, названныя авторомъ „Изъ альбома односторонняго человѣка“, и неподражаемую мистерію. Въ нихъ, какъ въ произведеніяхъ, завершающихъ книжку, по русской пословицѣ: „чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ“, наиболѣе набросано поэтическихъ „дровъ“, поэтому мы и посмотримъ на нихъ. Мы не обѣщаемъ читателю собрать въ одинъ букетъ всѣ перлы этихъ произведеній. Это трудно. Какъ вы думаете, напримѣръ, что̀ такое убѣжденія? Это, видите ли, „слѣдъ долгихъ натруживаній, нѣкія (с) мозоли мысли“, какъ весьма удовлетворительно объясняется на стр. 235. А какого вы мнѣнія о художественныхъ красотахъ слѣдующаго произведенія, которое мы, изъ боязни обронить изъ него что-нибудь, цѣликомъ переносимъ на наши страницы:

И они въ звукахъ пѣсни, какъ рыбы въ водѣ,
Плавали, плавали!
И тревожили ночь, благовонную ночь
Звуками, звуками!
Вызывала она (ночь?) на любовь, на огонь
Голосомъ, голосомъ.

И онъ (голосъ?) ей отвѣчалъ, будто вправду пылалъ,
Теноромъ, теноромъ!
А въ саду подъ окномъ ухмылялась тайкомъ
Парочка, парочка!
Эти молоды были и пѣть не могли,
Счастливы, счастливы...

Безподобно! Какая наблюдательность, какая смѣлость образовъ, какая оригинальность формъ! И это поэтъ, печатавшійся нѣкогда въ „Современникѣ", въ самую блестящую пору этого журнала! Прелестное это произведеніе помѣщается на стр. 236, непосредственно за „мозолями мыслей". Небезынтересно также, какими соображеніями руководствуется авторъ въ разстановкѣ знаковъ препинанія. Такъ, напримѣръ:

У тебя, на каретѣ твоей
Мой, какъ будто крещеный еврей,
Весь обшитъ дорогимъ галуномъ,
Высоко возсѣдаетъ лакей!

Попробуемте передать это прозой, сообразуясь съ запятыми автора: „Высоко на твоей каретѣ, весь обшитый, какъ будто крещеный еврей, дорогимъ галуномъ, возсѣдаетъ мой лакей"!.. Направимся однако дальше:

Онъ сложилъ свои руки крестомъ.
Крестъ!! (?)... великій, священный символъ.
Ну, нашелъ же ты мѣсто, нашелъ (стр. 238).

И это — все стихотвореніе, отъ строки до строки! Изъ него читатель узнаетъ, что лакеи не всегда сидятъ на козлахъ, а иногда, хотя, вѣроятно, и очень рѣдко, взбираются и на самую карету. Изъ стихотворенія явствуетъ также, что крещеные евреи всѣ обшиты галунами. Направимся однако дальше.

Веселье нынче: гдѣ оно?
Вино смѣется въ насъ, вино! (стр. 239).

И тоже все стихотвореніе! Коротко и неясно. И такихъ ребусовъ много въ книгѣ!

Еще два-три образчика. Я бы могъ привести ихъ гораздо больше, такъ какъ выборъ не представляетъ большого труда, но, мнѣ кажется, довольно и этого. Кто и теперь не увѣруетъ въ поэтическія достоинства замѣтокъ „одностороннаго человѣка", тотъ пусть платитъ 2 рубля, покупаетъ книгу г. Случевскаго и изслѣдуетъ самъ ея дебри.

Вся земля одно лицо! Отъ вѣка
По лицу тому съ злорадствомъ разлита
И травитъ(??) въ сознаньи человѣка
Мощной мысли злая кислота...

Арабески!! Каждый день обновки!
Что-то будетъ? Хуже ли, чѣмъ встарь?
Нѣтъ! такой, такой татуировки
Не одинъ не сочинялъ дикарь (стр. 244).

Что̀ это такое, членораздѣльная ли рѣчь человѣческая или безсвязный бредъ? Кто кого „травитъ"? Что̀ значатъ патетическіе восклицательные знаки послѣ слова „арабески"? Стараться отыскать мысль среди этого набора словъ и массы вдохновенно-брошенныхъ на строки знаковъ препинанія совершенно безполезно: труды не увѣнчаются успѣхомъ. Читателю, огорошенному глубиной этого произведенія, какъ ударомъ обуха по головѣ, ничего больше не остается, какъ воскликнуть по адресу поэта: „Какой свѣтильникъ разума угасъ!". Еще одна маленькая „арабеска" изъ альбома, и мы окунемся въ мутную воду мистеріи:

Мечты, твои любовницы
Летаютъ впопыхахъ!
Онѣ, какъ ты — чиновницы,
Всѣ въ лентахъ и въ звѣздахъ (стр. 246).

Немного словъ, а какая глубокая мысль, какъ много сказано!.. Интересно только, у какихъ зулусовъ бываютъ чиновницы въ лентахъ и звѣздахъ?

Почему г. Случевскій назвалъ эти стихи альбомомъ „односторонняго" человѣка? Въ чемъ „односторонность" этихъ жалкихъ, претенціозныхъ виршей? Никакихъ своихъ убѣжденій, этихъ „нѣкихъ мозолей", односторонній человѣкъ не высказываетъ; онъ просто бормочетъ разныя слова, Богъ вѣсть почему приходящія ему въ голову, стараясь, чтобъ они ложились въ риѳму. Всѣ эти вопросы, впрочемъ, предвидѣлъ, должно-быть, и самъ авторъ, ибо въ одномъ изъ неподражаемыхъ стихотвореній „альбома" онъ прямо говоритъ недоумѣвающему читателю: „Спроси у сумасшедшихъ, они меня поймутъ" (стр. 237).

А какъ роскошно издана книжка! Мы слышали, что ея художественный переплетъ былъ выбранъ и заказанъ въ Парижѣ. Невольно на ряду съ этимъ чистенькимъ, раззолоченнымъ томикомъ вспоминается намъ внѣшность одного изданія задушевныхъ и милыхъ стихотвореній Сурикова: сѣрая обертка, сѣрая бумага... Довольно объемистая книжка стоила только рубль! Обидно становится за русскую поэзію: часто люди дѣйствительно талантливые не могутъ совсѣмъ издать своихъ произведеній или по недостатку средствъ, или по „независящимъ обстоятельствамъ", а вирши г. Случевскаго выходятъ залитыя въ золото!

Заглянемъ теперь въ мистерію, носящую красивое и звучное заглавіе „Элоа" — имя ея героини, ангела женскаго пола, рожденнаго изъ слезы, уроненной, по преданію, Христомъ на гробъ Лазаря. Въ силу такой родословной, ангелу надлежитъ изображать въ мистеріи духа скорби и любви. Спѣшу предупредить читателя, что замыселъ г. Случевскаго крайне грандіозенъ: его Сатана является ни больше ни меньше, какъ продолженіемъ лермонтовскаго „Демона", въ чемъ легко убѣдиться изъ нижеслѣдующихъ строкъ. „Прекрасный призракъ", говоритъ Сатана, обращаясь къ Элоа:—

...полюби меня.
Какъ прикоснулся я къ красавицѣ Тамарѣ
И новымъ ангеломъ пространства населилъ,
Мнѣ самки двухъ міровъ не по сердцу бывали... (стр. 264).

Мистерія начинается тѣмъ, что у преддверья ада „толпы неясныхъ тѣней" тянутся къ красному свѣту. Слышится пѣсня:

Была коза и въ дѣвушкахъ осталась (?).
Изсохъ залогъ всѣхъ материнскихъ силъ!
Кой-кто рѣшилъ, рѣшенье исполнялось...

Навстрѣчу тѣнямъ появляется Сатана и очень кстати прерываетъ эту невозможную дичь вопросомъ: „Какое пѣнье? Отчего не на работѣ и не на своихъ мѣстахъ?" Отсюда явствуетъ, что тѣни — служебные духи Сатаны, и что у нихъ есть какія-то свои мѣста. Читатель заинтересованъ.

Заступникомъ за несчастныхъ тѣней является Молохъ, играющій въ мистеріи роль наперсника Сатаны и надсмотрщика за его рабами. „Работы мало, князь", — заявляетъ онъ, прибавляя, что какія-то вожжи совсѣмъ ослабли. Но Сатана не смягчается этими аргументами, грубо, совсѣмъ не по-княжески гонитъ онъ тѣней въ „подлунную, сотворять зло", причемъ высказываетъ глубокое замѣчаніе, что ночь, „какъ большой парникъ, дающій овощи, возращаетъ зло". Покорные духи исчезаютъ; Сатана остается въ пріятномъ tête-à-tête съ Молохомъ. Мы не беремся передавать читателю ихъ бесѣду: она совершенно непонятна для простого смертнаго, не посвященнаго въ адскія тайны; впрочемъ, на наше счастье, tête-à-tête продолжается недолго. Сатана за что-то разгнѣвывается на Молоха, удаляетъ его выразительнымъ мановеніемъ руки и остается одинъ. Не можемъ при этомъ случаѣ не позавидовать Молоху — ему не приходится выслушивать того, что̀ медленно начинаетъ говорить Сатана:

Туманъ холодный тихо вьется, выползая,
И безполезно (?) тратитъ влажность на скалахъ,

И въ странныхъ образахъ снуетъ между скалами...
Онъ тоже князя мрака признаётъ во мнѣ,
И льнетъ, и ластится! А я — какой я князь?
И Богъ и я — мы два враждебныхъ брата,
Предвѣчные эоны самой высшей силы
Намъ неизвѣстной, эманаціи ея...
Кряжи безсчетныхъ горъ лежатъ передо мною...
Но если бы не ломка ихъ, не искривленья,
Не щели нѣдръ земныхъ, обвалы и кипѣнья (??) —
Въ нихъ не было бы этой грозной красоты,
Гдѣ такъ любовно, тихо, тѣни голубыя
Ложатся и закатъ малиновый горитъ...

Тутъ, благодаря Бога, почти все ясно, послѣднія двѣ строки даже красивы. Интересно только, какимъ образомъ все это относится къ началу монолога? Теперь мы приступаемъ къ самой интересной части монолога (держитесь, читатель!):

Мое, мое созданье эта красота,
Всегда присущая крушеніямъ порядка!
А красота — добро! Я этой злобой добръ (!),
А въ этомъ двойственность... И ею адъ и небо
Идутъ неудержимо оба къ разрушенью.
Лежитъ зерно: ему раздвоиться — судьба!
Тогда изъ оболочки и изъ содержанья
Просунется ростокъ! Не то же ли и здѣсь (гдѣ?)?
Зерно — мы оба, и изъ насъ идетъ творенье!

Сатана добръ злобой, въ этомъ двойственность, и этой двойственностью „и адъ и небо идутъ къ разрушенью“. Господи, помилуй насъ, грѣшныхъ! Будемъ продолжать:

Несочетаемаго сочетать нельзя.

Это, по крайней мѣрѣ, ясно. Кузьма Прутковъ, глубокій, несравненный Кузьма Прутковъ, еще ранѣе говорилъ: „Плюнь въ глаза тому, кто скажетъ тебѣ, что можетъ объять необъятное!“ Итакъ,

Несочетаемаго сочетать нельзя —
И въ этой-то борьбѣ двухъ основныхъ различій
Играетъ жизнь и смерть! Броженіе дрожжей...
. . . .
И самъ я сбился и совсѣмъ не отличаю,
Что̀ Божье, что̀ мое?

Самъ Сатана сбился! Посмотримъ, не яснѣе ли дальше?

Не можетъ зло пройти: присуще бытію (?);
Но въ чистотѣ своей зло сильно помутилось,
Густой отстой добра спускается въ него.
А зло, какъ тьма трясины, что̀ пускаетъ кверху (?)
Листву широкую могучихъ плауновъ,
На стебляхъ безконечно-длинныхъ — проникаетъ
Въ добро — и кажется, и дѣйствуетъ добромъ...

„Сатана задумывается“. Читатель тоже. Есть отъ чего задуматься, даже потерять голову: „мозоли мыслей“... „ночь — большой парникъ“... „отстой добра“... „зло — тьма трясины“... „зло — листва могучихъ плауновъ, кажущихся и дѣйствующихъ добромъ“. Связи съ предыдущимъ читатель уже не ищетъ, — до связи ли тутъ! Но однако Сатана очнулся. Вниманіе!

Какъ это было?..
Да, припоминаю я...
Не совершились времена тогда (??)... Природа
Была готова, только мысли лишена!
Мысль оставалась прирожденнымъ достояньемъ
Однѣхъ духовныхъ сферъ, и въ нихъ витали мы!
Когда же рядомъ опытовъ, слѣпыхъ исканій
Отъ сочетанья къ сочетанію, наощупь,
Съ отбрасываньемъ формъ ненужныхъ, неудачныхъ,
Мысль наконецъ таки-пробилась на землѣ
И глянулъ (?) человѣкъ, то связка развязалась
Сращенья двухъ міровъ въ живомъ общеньи жилъ (??)

Эта „развязавшаяся связка сращенья двухъ міровъ въ живомъ общеньи жилъ“, по нашему мнѣнію, безсмертна! Какъ ни привыкли мы встрѣчать подобные перлы у г. Случевскаго, но этого „общенья жилъ“ мы не ожидали! Что передъ этой фразой знаменитая пѣсня: „рано утромъ, вечеркомъ, въ полночь, на разсвѣтѣ“.

Сатана продолжаетъ еще и дальше болтать подобный же вздоръ; но съ насъ довольно и этого. Такимъ образомъ написана вся мистерія: между отдѣльными сценами никакой связи; въ сценахъ никакого смысла.

Стихотворенія графа А. А. Голенищева-Кутузова. Спб. 1884 г.

Талантъ графа А. А. Голенищева-Кутузова въ послѣднее время обращаетъ на себя все большее и большее вниманіе и критики и читателей, принадлежащихъ къ тому литературному лагерю, къ которому примкнулъ поэтъ. По правдѣ сказать, мы еще не видимъ въ этомъ явленіи особенной чести для графа Кутузова: среди болѣе или менѣе бездарныхъ дебютантовъ, фигурировавшихъ въ качествѣ трубадуровъ на страницахъ „Русскаго Вѣстника“, и въ обществѣ гг. Фета и Случевскаго, изъ которыхъ каждый, въ послѣдніе годы, успѣлъ дописаться до геркулесовскихъ столповъ безсмыслицы, всякій, кто мало-мальски владѣетъ языкомъ и имѣетъ хоть крупицу таланта, покажется „бѣлымъ голубемъ въ стаѣ черныхъ грачей“. Графъ Голенищевъ-Кутузовъ несомнѣнно владѣетъ языкомъ и обладаетъ нѣкоторымъ дарованіемъ: что же удивительнаго, если въ глазахъ его почитателей онъ, человѣкъ

обыкновенной величины, принимаетъ размѣры „брокенскаго видѣнія“? На безлюдьѣ и Ѳома—дворянинъ!..

Странное впечатлѣніе производитъ на безпристрастнаго читателя его сборникъ: въ книгѣ очень много стихотвореній, съ заманчивыми заглавіями и совсѣмъ безъ заглавій, съ риѳмами и безъ риѳмъ, съ тенденціей и безъ тенденціи; есть тутъ и лирика и эпосъ; масса красивыхъ стиховъ, звонкихъ фразъ, пестрыхъ картинокъ, и нѣтъ главнаго—содержанія. Во что вѣритъ поэтъ, какому Богу молится, какой путь считаетъ въ жизни истиннымъ—для читателя это остается неразгаданной тайной, такъ какъ тамъ, гдѣ поэтъ выражаетъ свое міросозерцаніе, онъ до-нельзя туманенъ, а изъ стихотворныхъ конфетокъ, написанныхъ исключительно для звонкой формы, конечно, немного извлечешь. Раскуситъ читатель одну такую конфету, раскуситъ другую,—а послѣ третьей ему такое угощеніе покажется уже и приторнымъ. Что̀, напримѣръ, хотѣлъ сказать авторъ этой бездѣлкой:

Темной ночью буря выла,
Но твой сонъ былъ тихъ и ясенъ:
И мечта мнѣ говорила:
Жизнь свѣтла и міръ прекрасенъ.
Темной ночью буря выла,
Но во снѣ ты улыбалась—
И легко на сердцѣ было,
И невольно пѣснь слагалась...

Что̀ это такое? На что это нужно, кому нужно? „Выла—было, улыбалась—слагалась“—кромѣ звуковъ, мы ничего тутъ не видимъ. А изъ такихъ безцѣльныхъ пустячковъ состоитъ добрая половина лирическихъ стихотвореній сборника.

Кромѣ такихъ лирическихъ пустячковъ въ сборникѣ есть нѣсколько посланій. Намъ кажется страннымъ желаніе автора воскресить эту выводящуюся литературную форму. Какое дѣло читателю до личныхъ отношеній поэта къ близкимъ ему людямъ, хотя бы это были и общественные дѣятели? Извѣстная вещь, что въ такого рода отношеніяхъ человѣкъ всегда будетъ пристрастнымъ. Графъ Голенищевъ-Кутузовъ доказалъ это своимъ посланіемъ къ Майкову, написаннымъ по поводу присужденія послѣднему пушкинской преміи за драму „Два міра“. Поэтъ говоритъ:

Когда, поэзіи служитель одинокій (!..)
Въ нашъ вѣкъ неправедный, бездушный и жестокій,
Глашатай истины, добра и красоты,
Свое творенье въ даръ принесъ отчизнѣ ты,
Глаголу вѣщему внимая чуткимъ слухомъ,
Я поднялъ голову, я ободрился духомъ,
Я возгордился (!) тѣмъ, что на Руси у насъ,

Средь смуты и вражды, безумья и разврата,
Средь торжествующей хулы на Духа Свята (?),
Путеводительный свѣтильникъ не угасъ...

И дальше:

Тотъ свѣточъ въ оны дни держалъ иной пѣвецъ,
И нынѣ на тебѣ его почіетъ сила:
Тѣнь Пушкина тебя усыновила
И на главу твою сложила свой вѣнецъ.

Это, по нашему мнѣнію, немножко смѣло. Пушкинъ врядъ ли повиненъ въ присужденіи академіей г-ну Майкову пятисотъ рублей. Если поэтъ правъ, Пушкину пришлось бы отвѣчать и за такъ называемый Пушкинскій кружокъ, а Ломоносовъ оказался бы виноватымъ въ забаллотированіи г. Менделѣева. Да и со стороны формы стихотвореніе неудовлетворительно: въ глазахъ читателя такъ и пестритъ отъ разныхъ словъ: глашатай, пріять, глаголъ, въ оны дни, нынѣ, почіетъ, глава, хула и проч. и проч.

Еще менѣе удовлетворительны тѣ пьесы сборника, въ которыхъ графъ Голенищевъ-Кутузовъ пытается выразить частицу своего міросозерцанія и что-либо доказать читателю. Стихотворенія этого рода отличаются чисто-дѣтской сбивчивостью и нелогичностью. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ такихъ произведеній поэтъ силится доказать, что „свобода—обманъ, и что влеченье къ ней людскихъ сердецъ совершенно напрасно“. „То лести (?) звукъ пустой“,—говоритъ онъ:

То праздныхъ словъ игра, то призракъ лишь свободы!
Обманутые имъ волнуются народы,
Метуся вкругъ него съ надеждой и тоской,
И что же? Каждый разъ, когда тотъ призракъ ложный,
Цѣль яростной борьбы, дается въ руки имъ,
„Обманъ и суета!“—вновь шепчетъ духъ тревожный
И устремляетъ вновь ихъ къ призракамъ инымъ!
Бѣгутъ—и нѣтъ конца погонѣ той мятежной!
Проходятъ смутные дни, годы и вѣка,
Разсвѣта не видать, стремленье безнадежно,
Заманчивая цѣль все такъ же далека!
И сердце отрицать ее уже готово...
Къ ней путь давно заглохъ и терніемъ поросъ;
Божественной любви давно забыто слово:
„Свобода—въ истинѣ, а истина—Христосъ“.

Съ перваго взгляда—очень глубоко, но вглядимся пристальнѣе: кажется, что̀ удивительнаго, что съ развитіемъ человѣчества развивается и понятіе о свободѣ! Вчера человѣкъ считалъ себя свободнымъ, если его не хваталъ первый встрѣчный за шиворотъ—сегодня онъ требуетъ, чтобы ему позволили мыслить и говорить, а завтра, можетъ-быть, потребуетъ еще

чего-нибудь. Неужели же изъ того, что понятіе о свободѣ становится шире и человѣческое сознаніе прогрессируетъ, слѣдуетъ, что свобода—„обманъ"? Въ такомъ случаѣ и всѣ научные выводы—обманъ, потому что и наука не стоитъ на одномъ мѣстѣ! И какъ хитро закончено стихотвореніе: въ началѣ идетъ рѣчь о свободѣ политической, а цитата относится къ свободѣ нравственной, моральной! И стихотвореніе это написано тою же рукой, которою написаны и слѣдующія строки:

Для битвы честной и суровой
Съ неправдой, злобою и тьмой
Мнѣ Богъ далъ мысль, мнѣ Богъ далъ слово,
Свой мощный стягъ, Свой мечъ святой!

. . . .
. . . .

Да, наложить на разумъ цѣпи
И слово можетъ умертвить
Лишь Тотъ, Кто властенъ вихрямъ въ степи
И грому въ небѣ запретить!..

Это ли еще не требованіе той самой свободы, которая десять страницъ назадъ, тремя энергическими словами: „нѣтъ!", признается за призракъ и обманъ!.. Какъ, слѣдовательно, сбивчивы убѣжденія автора, если онъ этого не замѣтилъ!

Не обошлось, конечно, въ сборникѣ безъ стихотвореній, отдающихъ специфическимъ, славянофильскимъ запахомъ. Одно изъ такихъ стихотвореній, озаглавленное „Самому себѣ", заключаетъ лирическій отдѣлъ сборника. Мы не станемъ говорить подробно о пьесахъ этого рода: онѣ представляютъ собою старую погудку на новый ладъ, перепѣвы того, что̀ двадцать разъ уже было пѣто другими поэтами, вкусившими отъ плода славянофильства: предреканія родинѣ небывалаго могущества и славы, обѣты смиренья, сѣтованья о томъ, что мы порвали связь съ прошлымъ нашей отчизны и нашего народа—кому это неизвѣстно, кому это не успѣло надоѣсть? Надо сказать правду—не разнообразны и не богаты мотивы славянофильской поэзіи.

Второй отдѣлъ сборника состоитъ изъ произведеній эпическихъ: здѣсь помѣщенъ драматическій отрывокъ „Смерть Святополка" и нѣсколько небольшихъ поэмъ. „Смерть Святополка"—положительно слабая, мелодраматическая вещь: ни характеровъ ни психологическаго анализа; одни только „жалкія слова", трескучіе монологи да разсчитанные на эффектъ ужасы. Поэмы можно прочесть съ удовольствіемъ, конечно, если нѣтъ подъ рукой чего-нибудь болѣе содержательнаго. По фабулѣ онѣ или вычурны, какъ, напримѣръ, поэма „Дѣдъ простилъ"; идеи

въ нихъ нѣтъ. Остается, слѣдовательно, недурной стихъ да мѣстами красивыя описанія. Къ этому и сводится положительный итогъ поэтической дѣятельности графа Голенищева-Кутузова. Вообще, разбираемый нами сборникъ сравнительно съ первымъ, озаглавленнымъ: „Затишье и буря“, и вышедшимъ въ 1878 г., отличается какимъ-то утомленіемъ. Въ первомъ сборникѣ попадались иногда строфы замѣчательно сильныя. Сличая оба эти сборника, мы не видимъ, чтобы поэтъ прогрессировалъ въ своемъ развитіи, хотя не видно и упадка въ его талантѣ.

ИЗЪ ЧЕРНОВЫХЪ ТЕТРАДЕЙ.

Неоконченные наброски и варіанты.

I.

Я не знаю, что̀ выйдетъ изъ моего писанья: повѣсть, разсказъ или очеркъ, даже я лично склоненъ думать, что изъ него ровно ничего не выйдетъ, такъ какъ не первый разъ принимаюсь я за перо, и въ моемъ портфелѣ (какъ это торжественно, и портфеля-то никакого нѣтъ), въ моемъ портфелѣ покоилась цѣлая коллекція подобныхъ началъ. Но у меня есть свободное время, у меня есть непреодолимое желаніе набросать тѣ типы и тѣ сцены, которые приходилось мнѣ наблюдать, у меня есть наконецъ любовь и симпатія къ моимъ героямъ, и я, хотя и подъ страхомъ увеличить свою коллекцію, снова принимаюсь за старые грѣхи. Какъ видите, я откровененъ съ самаго начала и таковымъ же намѣреваюсь пребывать и впередъ,—это мой первый обѣтъ самому себѣ .

. . . .

КЪ ТИХОИ ПРИСТАНИ.

Разсказъ.

Тифлисъ 1879 г.

Извольте, господа, я согласенъ! Вы, можетъ-быть, замѣтили, что воспоминанія дѣтства и юности, въ особенности, если они имѣютъ хотя нѣсколько чертъ сходныхъ у собесѣдниковъ, какъ-то сближаютъ ихъ между собой, хотя я и немного могъ сказать о своемъ дѣтствѣ... Къ тому же эта полутьма, догорающій каминъ и старый мой другъ, серенада Шуберта, которую такъ хорошо сыгралъ сейчасъ Алексѣй Петровичъ,— все это располагаетъ меня къ откровенности. Я вамъ разскажу мою встрѣчу съ „необыкновенной личностью", боюсь только, что я не сумѣю придать фактамъ должный колоритъ и заставить васъ почувствовать то же, что̀ перечувствовалъ и пережилъ я. Сегодня я какъ-то особенно настроенъ и—скрываться не стану—мнѣ хочется, мнѣ нужно говорить! Простите только мнѣ мой нѣсколько книжный языкъ въ уваженіе къ тому, что это—старая привычка неудавшагося писателя.

Я росъ страннымъ мальчикомъ. Организмъ мой, тонкій, нѣжный, впечатлительный и чуткій, дѣлалъ меня въ полномъ смыслѣ мученикомъ жизни: всѣ удары, всѣ самые маленькіе щелчки судьбы отзывались на мнѣ очень сильно. Виновато ли тутъ мое уродливое дѣтство, или ужъ сама природа еще при рожденіи позаботилась о надѣленіи меня всѣми этими качествами—не знаю, но, чей бы ни былъ этотъ подарокъ—я не поблагодарю за него судьбу.

Вы, господа, мало знаете объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ мое дѣтство, я также знаю о нихъ не много: нѣсколько отрывочныхъ фактовъ, объясненья которымъ я до сихъ поръ не сумѣлъ подыскать.

Вслѣдствіе этого я никогда не вспоминаю о своемъ дѣт-

ствѣ—я его себѣ „представляю", какъ представляю, напримѣръ, годъ въ видѣ какой-то круглой дороги, причемъ часть ея, соотвѣтствующая Великому посту, мнѣ кажется покрытой чернымъ сукномъ, а Пасха—краснымъ, какъ представляю себѣ Рождество въ видѣ убранной елки и т. п.

Когда случается мнѣ представлять себѣ мое дѣтство—прежде всего встаетъ предо мною нашъ маленькій флигелекъ въ К. Я и до сихъ поръ люблю такіе флигельки: привѣтливый, уютный, со множествомъ пристроекъ, съ полусгнившимъ заборомъ изъ барочнаго лѣса, за которымъ тянется пустырь, поросшій бурьяномъ, молочаемъ, ромашкой и полынью; въ памяти моей онъ останется навсегда синонимомъ удобства, домовитости и тихой, беззаботной жизни. Въ низкихъ комнатахъ съ неуклюжими широкими печами, съ цвѣтами и занавѣсками на окнахъ, съ дешевенькими обоями и некрасивой, зато удобной и прочной мебелью, прошло мое первое, раннее дѣтство. Изъ него почему-то мнѣ врѣзались въ память два факта, или, вѣрнѣе, двѣ картинки.

Одна—какъ я въ первый разъ, четырехъ лѣтъ отъ роду, въ уютной кухнѣ принялся учиться грамотѣ у моей разсудительной старушки-няни, готовя сюрпризъ ко дню ангела мамы; другая—какъ я съ сестрой, играя на заставленномъ дровами дворѣ, готовилъ обѣдъ изъ цвѣтковъ бѣлой и желтой акаціи и какой-то травы съ морковнымъ вкусомъ, называемой нами дубьями. Отчего именно эти два факта врѣзались въ мою память—не знаю, но я помню эти сценки, какъ бы онѣ случились со мной только вчера.

Далѣе, помню я себя въ деревнѣ, въ подгородномъ имѣніи Фуксова, у котораго моя мать живетъ экономкой и гувернанткой. Воображеніе рисуетъ мнѣ прежде всего старый, запущенный садъ съ двумя, соединенными плотиной, прудами, съ густой зеленью березъ, ивъ, дубовъ и липъ, съ пирамидальными вершинами итальянскихъ тополей и узкими дорожками, потонувшими въ душистыхъ кустахъ жасмина и шиповника, перевитыхъ гибкими лозами ярко-зеленаго хмеля.

Особенно памятенъ мнѣ поросшій крапивой оврагъ; нерѣдко, вооруженный деревянной саблей, я врѣзывался въ самую середину крапивы, которая въ моихъ одинокихъ дѣтскихъ играхъ казалась мнѣ полчищемъ татаръ—и, несмотря на обжоги, отважно рубилъ направо и налѣво, пока, утомленный, не выбирался изъ оврага и не бросался на густую траву на берегу залитаго солнечнымъ блескомъ пруда, лѣниво прислушиваясь къ металлически-звонкому и однообразному кваканью лягушекъ и немолчно раздающемуся въ ушахъ стрекотанью

кузнечиковъ. А въ травѣ все жило своей особенной, чудно-новой жизнью. Я старался поставить себя на мѣсто большого, краснаго муравья, взбирающагося по стебельку стройнаго колокольчика, и съ его точки зрѣнія взглянуть на этотъ новый міръ, я подмѣчалъ игру свѣта сквозь зеленую полумглу сквозящихъ на солнцѣ широкихъ листьевъ подорожника, открывалъ свѣтлыя и привѣтливыя лужайки и грозныя гранитныя вершины и достигалъ наконецъ того, что высокій кустъ рэпейника казался мнѣ такимъ гигантомъ, что при видѣ его у меня въ груди сжималось сердце какимъ-то мучительно-подавляющимъ чувствомъ. Такъ развивалъ я свое воображеніе. А тутъ кстати пришлась еще и моя страсть къ чтенію.

Какъ я уже сказалъ вамъ, я рано, можетъ-быть, слишкомъ рано выучился читать. Сначала дѣло шло довольно туго: помню, что я никакъ не могъ помириться съ Ѣ и съ Ъ, встрѣчающимися въ срединѣ слова. Цѣлый годъ употребилъ я на то, чтобы прочесть „Швейцарскаго Робинзона“ и кое-что изъ Пушкина, зато потомъ надолго моимъ любимымъ чтеніемъ сдѣлались путешествія и стихи, пока не замѣнила ихъ уже позже страсть къ романамъ.

Погруженный всегда въ самого себя и свои мечты, цѣлый день на воздухѣ, я не имѣлъ времени наблюдать за тѣмъ, что происходило вокругъ меня, и только позже, гораздо позже узналъ, или, вѣрнѣе, догадался изъ неясныхъ намековъ щадившихъ меня родныхъ о томъ, какъ тяжело было положеніе моей бѣдной мамы въ домѣ Фуксова.

Я только въ краткихъ словахъ разскажу вамъ объ этомъ, такъ какъ и до сихъ поръ, при воспоминаніи объ этой грустной страницѣ моей жизни, въ душѣ моей закипаетъ неудержимое негодованіе и на обстоятельства, и на окружавшихъ меня лицъ, изъ которыхъ многія уже теперь гніютъ въ могилѣ, и даже на Того, Кто, говорятъ, все видитъ и всѣмъ управляетъ... Впрочемъ, можетъ-быть, такъ было нужно, простите, господа, я и до сихъ поръ нѣсколько мистикъ.

О происхожденіи Фуксова ходили темные слухи: говорили, что онъ былъ сыномъ купца, получилъ свое образованіе въ какомъ-то уѣздномъ училищѣ, потомъ благодаря милости какого-то важнаго лица, вызванной голубыми глазами его миловидной жены (женился онъ „по любви“, безъ благословенья родителей), попалъ въ ходъ и на какомъ-то тепломъ мѣстечкѣ нажилъ себѣ порядочное состояніе и купилъ имѣніе; но все это, конечно, я узналъ уже значительно позже. Воспоминанія же сохранили мнѣ образъ высокаго человѣка съ густой черной бородой и небольшими черными глазами, который всегда

такъ долго, почти вслухъ, молился, пѣлъ въ сосѣдней церкви на клиросѣ, отлично читалъ вслухъ и, повидимому, очень любилъ маму, сестру, меня и свою дочь, некрасивую, худенькую Настю. Его отношенія къ женѣ казались даже и мнѣ очень странными—она все время сидѣла у себя, выходила только къ обѣду, молчала или вздыхала, робко опустивъ глаза, вздрагивала, когда къ ней кто-нибудь обращался, и отвѣчала неохотно, а послѣ обѣда опять сейчасъ же уходила къ себѣ и запиралась со знакомымъ докторомъ, который почти каждый день пріѣзжалъ изъ К. Она никогда не принимала участія ни въ одной изъ нашихъ прогулокъ, ни въ одномъ общемъ совѣщаніи и вообще, казалось, только необходимостью была связана съ домомъ Фуксова.

Какъ и гдѣ познакомился Фуксовъ съ моей мамой—не знаю, и даже и послѣ не могъ узнать, знаю только одно, что положеніе гувернантки вообще не радостное, а матери моей было вдвое тяжелѣе, такъ какъ ея существованіе отравляли родственники жены Фуксова и въ особенности его теща, часто пріѣзжавшая гостить на дачу. Отъ ея язвительныхъ намековъ не было проходу моей бѣдной мамѣ, и даже и намъ, ни въ чемъ неповиннымъ дѣтямъ, постоянно доставалось отъ сердитой старухи. Въ городѣ пошли безчисленныя сплетни, которыя въ особенности усилились, когда Фуксовъ, не выдержавъ, какъ-то рѣзко выгналъ ее изъ дому. Сплетни эти дошли и до Петербурга, нашей родины, о которомъ мама всегда вспоминала съ восторгомъ и гдѣ остались у нея два брата на видныхъ и почетныхъ мѣстахъ. Письмо за письмомъ самаго угрожающаго свойства прилетали въ нашъ хуторокъ и глубоко терзали маму, которая ужъ и безъ того начинала кашлять...

Такъ тянулись дѣла съ мѣсяцъ. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день къ нашему крыльцу подкатила тройка, изъ тарантаса выскочилъ какой-то мужчина и, подозвавъ меня и сестру къ себѣ, сказалъ, что онъ нашъ дядя, поцѣловалъ насъ и спросилъ, гдѣ мама...

Результатомъ этого неожиданнаго пріѣзда было то, что черезъ недѣлю мы уже сидѣли въ вагонѣ и ѣхали въ Петербургъ. На станціи встрѣтила насъ жена Льва Александровича, Нина Петровна, и вотъ мы поселились у дяди.

Я не разъ слышалъ отъ бѣдной мамы, что дядя Левъ Александровичъ—ангелъ, но рай, въ которомъ онъ обиталъ, былъ, какъ видно, слишкомъ тяжелъ для мамы. Нина Петровна, можетъ-быть, была и не злая женщина, но она съ удивительной жестокостью мучила маму: она была расчет-

лива до скупости и любила мужа до слѣпоты, ревнуя его ко всѣмъ, къ кому только можно было ревновать. Опять посыпались на маму и насъ язвительные упреки, опять пришлось намъ видѣть безотрадныя слезы на ея прекрасныхъ, черныхъ глазахъ, когда вечеромъ уходила она къ себѣ въ комнату и молча, присѣвъ на диванъ, задумчиво гладила своей тонкой рукой мои волосы, а я, лежа у нея на колѣняхъ, лѣниво слѣдилъ за свѣтлымъ кругомъ отъ лампадки на потолкѣ и за мерцающими тѣнями, таинственно перебѣгающими на ткани драпировки и на безмятежномъ личикѣ заснувшей въ креслахъ сестренки...

Задумываясь надъ нерадостной исторіей короткой жизни моей матери, я положительно начинаю вѣрить, что одни родились на свѣтъ для счастья, другіе—для несчастья. Разительное доказательство этому я вамъ сейчасъ представлю.

Къ дядѣ довольно часто ѣздилъ нѣкто Шидловичъ. Въ то время я, семилѣтній мальчикъ, не могъ еще отдать себѣ отчета, что̀ это за личность, помню только, что это былъ высокій, худощавый брюнетъ съ выразительнымъ, блѣднымъ лицомъ и тихимъ, грустно звучащимъ голосомъ. Говорили потомъ, что онъ былъ замѣчательно несчастный человѣкъ, что въ жизни ему никогда ничего не удавалось, что съ самаго ранняго дѣтства ему приходилось бороться съ нуждой и въ этой безпощадной борьбѣ онъ потерялъ и разстроилъ свою силу,—но мнѣ, ребенку, мало было дѣла до этихъ толковъ, я видѣлъ только одно, что мама его уважаетъ, подолгу разговариваетъ съ нимъ при насъ и наединѣ, скучаетъ, когда онъ долго не пріѣзжаетъ, и вообще, однимъ словомъ, признаётъ его за человѣка хорошаго. Всего этого было слишкомъ довольно для того, чтобы дать мнѣ поводъ взобраться къ нему на колѣни и сказать ему: „Александръ Петровичъ, мама васъ очень любитъ“. Но, только-что вырвалось у меня это слово, я инстинктомъ почувствовалъ, что не слѣдовало говорить, потому что Шидловичъ вдругъ весь вспыхнулъ, а съ мамой случился сильнѣйшій припадокъ кашля.

Черезъ нѣсколько дней мама была объявлена его невѣстой.

Я помню до мельчайшихъ подробностей, какъ торжествовался этотъ несчастный день маминой свадьбы. . . . .
. . . .

Къ тихой пристани.

I.

Лампа съ зеленымъ абажуромъ слабо освѣщала уютную комнату въ одномъ изъ петербургскихъ домовъ. Письменный столъ съ книгами и тетрадями, этажерка, нѣсколько фотографическихъ карточекъ по стѣнамъ, на одной изъ которыхъ красовалось ружье со всѣми охотничьими приспособленіями, навѣшанными на рога гипсовой оленьей головы, а на другой—скрипка и смычокъ, кровать, диванъ, у дивана маленькій столикъ съ открытой книгой новаго журнала и послѣднимъ померомъ газеты, пюпитръ съ нотами въ углу, да мраморный умывальникъ—вотъ и вся утварь этого уютнаго уголка. Въ комнатѣ находилось двое молодыхъ людей. Старшій изъ нихъ писалъ что-то за письменнымъ столомъ, младшій же лѣниво просматривалъ журналъ.

— Сережа,—началъ онъ,—когда же конецъ твоему вдохновенію? Что ты тамъ строчишь еще?

— Ахъ, Володя, вѣдь я толкомъ, кажется, просилъ не мѣшать мнѣ, когда я пишу,—досадливо отвѣчалъ старшій, отрываясь на минуту отъ работы и послѣ снова склоняясь надъ своей тетрадью.

Въ комнатѣ снова наступило молчаніе, нарушаемое только поскрипываніемъ пера о бумагу. Володя опять было-взялъ журналъ и тотчасъ же бросилъ его на столъ, зѣвнулъ, потянулся, закурилъ папиросу и принялся пристально слѣдить за голубовато-сѣдыми струйками дыма. Вотъ изъ клубовъ его выдѣлилось тонкое кольцо, поколебалось въ воздухѣ, и одна изъ сторонъ его вытянулась внизъ и окончилась небольшимъ утолщеніемъ; вновь набѣжавшіе клубы перемѣшались съ нимъ и, вторгнувшись въ освѣщенное лампой пространство, повисли дымнымъ пологомъ надъ комнатой.

„Господи, тоска какая! — пронеслось въ головѣ Володи. — Скоро ли этотъ Сережа кончитъ!..“

А Сережа, какъ на зло, не оканчивалъ: перо его быстро бѣгало по бумагѣ. Работа, казалось, спорилась.

„И вѣдь главное—и дѣться-то некуда,—продолжалъ размышлять Володя.—У Иваныча тоска, у Балтазара—тоже, у Красносельскаго—карты, водка и табакъ—надоѣло. Мама спитъ, папа тоже. Хоть бы скорѣй чай подавали, да спать...“

— Ну, довольно,—проговорилъ между тѣмъ Сережа, закуривая папиросу.

— Почитай-ка, что ты тамъ склеилъ,—обратился къ нему Володя.

Сережа всталъ и началъ читать.

„Ты помнишь,—ночь вокругъ торжественно горѣла“,

началъ онъ, и голосъ его дрогнулъ отъ сдерживаемаго чувства,—

„И темный садъ дремалъ, склонившись надъ рѣкой...
Ты пѣла мнѣ тогда, и пѣснь твоя звенѣла
Тоской, безумною и страстною тоской...
Я жадно ей внималъ: въ ней слышалось страданье
Разбитой вѣры въ жизнь, обманутой судьбой—
И изъ груди моей горячее рыданье
Невольно вырвалось въ отвѣтъ на голосъ твой.
Я хоронилъ мои разбившіяся грезы,
Я рядъ минувшихъ дней съ тоской припоминалъ,
Я плакалъ, какъ дитя,—и, плача, эти слезы
Я всей душой тогда благословлялъ.
Съ тѣхъ поръ прошли года, и снова надъ рѣкою
Рыдаетъ голосъ твой во мракѣ голубомъ,
И снова дремлетъ садъ, объятый тишиною,
И лунный свѣтъ горитъ причудливо на немъ.
Истерзанный борьбой, измученный страданьемъ—
Я много вытерпѣлъ, я много перенесъ—
Я бъ облегчить хотѣлъ тоску мою рыданьемъ,—
Но... въ сердцѣ нѣтъ давно святыхъ и свѣтлыхъ слезъ“.

— Хорошо...—лѣниво проговорилъ Володя, когда послѣдній дрожащій слезами звукъ замеръ въ комнатѣ.

Сережа ничего не отвѣтилъ на эту небрежную похвалу, но въ душѣ его зашевелилось жгучее чувство. „Поэтъ!—злобно подумалъ онъ.—Талантъ непризнанный...“—и молча откинулся на спинку стула, бросивъ тетрадь на столъ.—„Господи, хоть бы одного друга, хоть бы кого-нибудь, кто бы понялъ меня. И что это въ самомъ дѣлѣ за жизнь,—думалось ему:—придешь въ субботу изъ гимназіи, пробѣжишь новые журналы—не съ кѣмъ обмѣняться мыслями. Съ теткой и дядей въ какихъ-то офиціальныхъ отношеніяхъ, Володя—или за уроками, или спитъ, да онъ едва ли и пойметъ меня. Горе на душѣ высказать некому, радость—тоже... Тоска, тоска и тоска... только и живешь надеждой увидѣть Раю... Въ воскресенье утромъ идешь на поклоненіе „благодѣтелямъ“ и въ торжественномъ молчаніи вкушаешь кофе. День проходитъ въ ужасной увѣренности, что вечеромъ будутъ гости, а вечеромъ въ самомъ дѣлѣ являются они... Да чего же мнѣ въ самомъ дѣлѣ нужно? Чего мнѣ недостаетъ?..“

Да, чего? Это было рѣшить не легко. Сережа любилъ читать—къ услугамъ его были книги. Сережа игралъ на скрипкѣ—инструментъ и ноты имѣлъ всегда. Все, что касается до

внѣшняго удобства и даже до комфорта въ извѣстной степени,—все это у него было. Чего жъ просило его молодое, шестнадцатилѣтнее сердце, куда оно рвалось, чего ждало?

Сережа былъ больной ребенокъ. Достаточно ближе познакомиться съ его дѣтствомъ, чтобы убѣдиться, что при такихъ условіяхъ, при какихъ росъ и развивался онъ,—воображеніе и нервы должны были достигнуть до высшей степени напряженія.

Онъ началъ себя помнить съ четырехлѣтняго возраста. Почему-то всегда, когда онъ припоминалъ о дѣтствѣ,—изъ тумана воспоминаній прежде всего выдвигалась въ его воображеніи старая, свѣтленькая кухня, кухарка, хлопочущая за плитой, старушка-няня въ очкахъ и онъ, Сережа, маленькій, худенькій, черноволосый и черноглазый мальчуганъ съ тонкими и правильными чертами блѣднаго личика; онъ сидитъ на табуреткѣ, на которую положена еще нянина подушка въ бѣлой наволочкѣ, изъ отверстій которой выглядываютъ ярко-красные кумачные углы. Передъ нимъ старая - престарая азбука, на которую ярко ударяетъ свѣтлый снопъ лучей золотого зимняго солнца, озаряя въ то же время и сморщенныя руки няни, кропотливо вяжущей чулокъ, и рыжаго кота Ваську, ея любимца, покоящагося на колѣняхъ ея темно-кофейнаго платья и тихо напѣвающаго свою пѣсенку. У Софьи Александровны, матери Сережи, болятъ зубы. Она прилегла отдохнуть. Сестренка Юля спитъ въ своей маленькой колыбелькѣ, и няня съ Сережей воспользовались этимъ временемъ, чтобы Сережа еще нѣсколько разъ повторилъ приготовляемый имъ къ именинамъ Софьи Александровны сюрпризъ—знаніе русской азбуки. Няня Настасья попалась грамотная и очень уважающая грамотеевъ — и она-то и внушила эту мысль Сережѣ.

— Азъ, Буки, Вѣди, Добро...— твердитъ онъ, отворотясь отъ книги и обращаясь къ нянѣ.

— А Глаголь? Глаголь пропустилъ, батюшка?

— Ахъ, да, сейчасъ, няня, сейчасъ, только ты не перебивай меня. Азъ, Буки, Вѣди, Глаголь, Глаголь...—И опять начинается съ начала, подъ тихое мурлыканіе кота и возню толстой Анны, передвигающей на плитѣ кастрюлю съ супомъ и ворчащей на эту кастрюлю за то, что вода никакъ не хочетъ кипѣть. За окномъ—безконечные заборы, изъ-за которыхъ свѣшиваются одѣтыя инеемъ вершины деревьевъ. На улицѣ Сенька и Петька — два пріятеля Сережи — катаютъ одинъ другого въ салазкахъ. Тишина, глушь, провинція—и только рѣдко-рѣдко промчатся по снѣгу мимо оконъ легкія

санки и исчезнуть за угломъ сосѣдняго желтаго, засыпаннаго сугробами снѣга забора. Безъ устали работаетъ маленькая головка Сережи, безъ устали возится Анна у своихъ кастрюль и котловъ, безъ остановки мурлыкаетъ сибаритъ Васька, мелькаютъ спицы въ рукахъ няни, да стучитъ мѣдный маятникъ простенькихъ стѣнныхъ часовъ.

Набѣжавшій туманъ скрываетъ въ воображеніи Сережи дальнѣйшее развитіе картины, и передъ нимъ проносятся иныя сцены и иныя лица.

На высокомъ холмѣ, въ семи верстахъ отъ ихъ уѣзднаго городка расположенъ барскій домъ. По бокамъ извиваются двѣ густыя аллеи и сходятся внизу въ небольшую террасу, на краю которой растетъ огромный каштанъ, одѣвающій своей исполинской тѣнью все расчищенное мѣсто. За каштаномъ—опять обрывъ внизъ къ пруду, мирно уснувшему въ своихъ берегахъ. Имѣніе это, съ аллеями, фруктовымъ и цвѣтнымъ садомъ, фермой и дачами, разбросанными по склонамъ холма по другую сторону дома,—принадлежитъ Адріану Сергѣевичу Столбовцеву, у котораго мать Сережи живетъ въ качествѣ экономки. Сережѣ уже семь лѣтъ. Онъ уже бойко читаетъ, и читаетъ все, безъ разбора, что̀ ни попадается ему въ руки. Сестренка Нюша *) также подросла. Она не отстаетъ отъ брата въ его набѣгахъ на крапиву и въ огородъ и лепечетъ своимъ, понятнымъ только для близкихъ языкомъ разныя мысли, приходящія въ ея русую, милую головку. Сережа не безъ нѣкоторой важности играетъ роль ея покровителя. Мама или хлопочетъ по хозяйству, или читаетъ и разговариваетъ съ Адріаномъ Сергѣевичемъ—высокимъ, полнымъ мужчиной съ густой черной бородой. О чемъ они толкуютъ—Богъ ихъ знаетъ: Сережа ничего не можетъ понять изъ ихъ разговоровъ; но зато онъ прекрасно чувствуетъ, какъ хорошо поетъ Адріанъ Сергѣевичъ подъ мастерской аккомпанементъ мамы, когда темная, душистая, нѣжная ночь знойно глядитъ въ раскрытыя окна маминой комнаты и стальные лучи луны причудливо сливаются съ блескомъ свѣчей на небольшомъ піанино. Ему всегда кажется страннымъ, что̀ это пѣніе какъ будто не нравится блѣдной, голубоглазой, болѣзненной Вѣрѣ Васильевнѣ, женѣ Столбовцева, хотя она—этакая вѣдь хитрая—улыбается и всегда хвалитъ его въ глаза, а за глаза Сережа самъ слышалъ, какъ она называла изъ-за него мать безсовѣстной и говорила, что сдѣлаетъ возможное, чтобъ отравить ея жизнь. О, какъ горѣли тогда ея голубые глаза, какъ

*) Явная описка. Все время сестренка называется Юліей. *Ред.*

дрожали ея тонкія, блѣдныя губы! Сережа, случайно услышавшій это обѣщаніе, испугался не на шутку и разсказалъ о немъ мамѣ, которая притянула его къ себѣ, поцѣловала его большой, умный лобикъ и загляделась въ открытое окно, безсильно опустивъ свои тонкія, бѣлыя руки на колѣни.

А вечеромъ она опять играла, и Адріанъ Сергѣевичъ опять пѣлъ. Прядь волосъ выбилась изъ-подъ маминой сѣтки, на щекахъ игралъ румянецъ, а большіе черные глаза ея горѣли необыкновеннымъ блескомъ подъ длинными рѣсницами.

„Тебѣ одной всѣ чистыя желанья“ —

пѣлъ Адріанъ Сергѣевичъ—и мотивъ этого романса до глубокой ночи звучалъ въ ушахъ Сережи, пока наконецъ онъ не заснулъ въ трепетномъ мерцаніи душной, глубокой ночи. А утромъ, чуть только яркое солнце ударило сквозь окно въ его дѣтскую кроватку,—онъ услышалъ въ сосѣдней комнатѣ маминъ голосъ, тихо поющій тѣ же самыя слова.

Гроза собиралась. Даже дѣтское сердечко Сережи—и оно чувствовало ея приближеніе. Между Адріаномъ Сергѣевичемъ и женой и между Софьей Александровной и Вѣрой Васильевной установились сухія, натянутыя отношенія. Зато Адріанъ Сергѣевичъ все больше и больше времени проводилъ съ мамой и все чаще пѣлъ съ ней по вечерамъ. Какъ-то вечеромъ Сережа былъ не совсѣмъ здоровъ и, уложенный заботливымъ стараніемъ матери раньше обыкновеннаго, заснулъ въ своей чистенькой постелькѣ подъ ласки Софьи Александровны. Онъ спалъ спокойно, пока его не разбудили звуки музыки въ сосѣдней комнатѣ. Въ щелку дверей падалъ лучъ свѣта и скользилъ по стѣнѣ.

Сережа, откинувъ одѣяло и опершись рукой на подушку, сталъ слушать.

„Тебѣ одной всѣ чистыя желанья“—

раздалось рядомъ въ комнатѣ, и вдругъ романсъ прервалъ визгливый голосъ Вѣры Васильевны.

— Не пой этого, слышишь, не смѣй пѣть!—запальчиво крикнула она мужу.—Довольно я натерпѣлась отъ нея и не дамъ, чтобы въ моемъ присутствіи ты объяснялся ей въ любви...

— Матушка, ты съ ума сошла, замолчи и иди отсюда,—дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ отвѣчалъ Адріанъ Сергѣевичъ.

— Нѣтъ, довольно!..—задыхаясь, отвѣчала Вѣра Васильевна.—Довольно... я больше не могу терпѣть... Извергъ, злодѣй... и ты также... бросаешься на шею первому встрѣч-

ному и поперечному, отбиваешь мужей отъ женъ!—кричала она.—Довольно, я не позволю, я не могу больше терпѣть...

— Экъ расходилась твоя купеческая натура,—гнѣвно прервалъ ее Адріанъ Сергѣевичъ.—Уйди, я тебѣ говорю, иначе будетъ худо. Ты меня вѣдь знаешь?

— Да, знаю, мучитель ты, извергъ... Семь лѣтъ я мучаюсь съ тобою, семь лѣтъ не знаю ни...

— Вѣра, замолчи!—прогремѣлъ Адріанъ Сергѣевичъ...

— А, ты бить? Ты бить меня хочешь?!—взвизгнула Вѣра Васильевна.—Бей, бей... Что же ты сталъ, чего ты ждешь еще?.. Изъ-за нея, изъ-за экономки, изъ-за горничной, ты хочешь меня бить?.. На, бей же...

Сережа слышалъ, какъ что-то тяжелое ударилось о стѣну, какъ по всему дому раздался отчаянный крикъ:—„Спасите!..". Онъ вскочилъ съ кровати и распахнулъ двери. Сцена, которую онъ увидѣлъ, навсегда врѣзалась въ его дѣтское воображеніе.

У піанино на полу лежала безъ чувствъ Софья Александровна. Одна свѣча, потухшая и переломленная, валялась около стѣны отдѣльно отъ подсвѣчника, который былъ въ рукахъ у Вѣры Васильевны, прижавшейся въ уголъ и защищающейся руками отъ Адріана Сергѣевича, который стоялъ передъ ней съ поднятымъ надъ головой стуломъ. Все это видѣлъ Сережа только одно мгновенье.

— Мама умерла!..—промелькнуло у него въ головѣ, и онъ бросился къ Софьѣ Александровнѣ... Страшныя, тяжелыя воспоминанія, грустныя преданія грустнаго дѣтства!..

Помнилось ему потомъ, что они уѣзжаютъ въ Петербургъ по настойчивому приглашенію дяди. Онъ самъ пріѣхалъ за ними, самъ помогалъ имъ убираться и самъ нанялъ наканунѣ отъѣзда комнату въ гостиницѣ. Всю ночь, предшествовавшую отъѣзду, никто не спалъ. Маму душилъ кашель, дядя Николай и Столбовцевъ о чемъ-то толковали въ углу, маленькая Юля плакала,—а Сережа долго думалъ о новой жизни и о столицѣ, думалъ, пока не блеснулъ въ окна разсвѣтъ и не ударили первые горячіе лучи солнца. Его воображеніе рисовало ему заманчивыя картины новыхъ, никогда не виданныхъ мѣстъ, никогда не испытанныхъ удовольствій. Особенно привлекала его мачта и сѣтка въ Павловскѣ, о которыхъ такъ много говорила ему мама. И только на зарѣ забылся онъ чуткимъ сномъ.

Стройныя улицы, толпа народу, грохотъ экипажей, милліоны пестрѣющихъ вывѣсокъ, шумъ и водоворотъ суетливой столичной жизни.. Быстро мчится карета мимо величествен-

ныхъ зданій и широкихъ площадей, мимо выровненныхъ и вытянутыхъ въ ниточку скверовъ и узорныхъ мостовъ. Словно волшебная панорама развертывается передъ любопытными взорами Сережи, а по щекамъ Софьи Александровны бѣгутъ радостныя слезы: „Родной мой, я дома, я на родинѣ!“—говоритъ она, пожимая руку дяди Николая и называя Сережѣ знакомыя улицы, мосты и зданія. А вотъ и Нева! Карета въѣхала на Николаевскій мостъ. Жадно всматривается Сережа въ десятки яликовъ, барокъ и кораблей, разбросанныхъ на синей поверхности царственной рѣки.

— Мама, вѣдь это корабль, настоящій корабль?—спрашиваетъ онъ.

— Да, настоящій, настоящій... А вотъ смотри—пароходъ... Видишь, онъ ведетъ на буксирѣ эти барки.

— Что̀ значитъ „на буксирѣ“?

И ему толкуютъ непонятное слово.

— А вотъ въ этомъ самомъ дворцѣ живетъ дядя.

— Да кто жъ онъ? министръ?

Дядя смѣется.

— Нѣтъ, еще пока не министръ,—отвѣчаетъ онъ, помогая мамѣ сойти съ подножки кареты и вводя ее по широкой лѣстницѣ наверхъ къ двери, на которой на мѣдной дощечкѣ красуется надпись: „Николай Александровичъ Петровъ“.

Звонокъ, дверь открывается. Въ глубинѣ передней видна какая-то женская фигура. — Нина, дорогая! — вскрикиваетъ мама и бросается ей на шею. Слезы и смѣхъ, перешептываніе прислуги и отчаянный лай дядинаго Лорда, огромнаго, мохнатаго бѣлаго пуделя...

Потомъ... но, впрочемъ, прочь это воспоминаніе! Что̀ въ немъ отраднаго? Страданія и слезы мамы, колкости и намеки „дорогой Нины“, въ особенности тогда, когда дяди не бываетъ дома, гимназія, однообразный рядъ учебныхъ дней, да изрѣдка театръ—вотъ характеръ этой смутно-памятной Сережѣ зимы. Мама больна и больна серьезно: говорятъ, у нея чахотка. Она ѣздитъ къ докторамъ и иногда беретъ съ собою Сережу. Особенно памятна ему одна поѣздка. Они вошли, мама и онъ, и скромно сѣли въ полутемномъ уголкѣ пріемной петербургской знаменитости.

— Сережа, любишь ты Александра Валеріановича?—тихо спросила его Софья Александровна, наклоняясь къ его лицу и смотря въ его глаза своими большими, ласковыми черными глазами.

„Да за что же мнѣ его любить или не любить?—поду-

малъ Сережа.—Ахъ, впрочемъ, онъ мнѣ желѣзную дорогу подарилъ и ложу для насъ въ театръ взялъ".—Да, люблю,—отвѣчалъ онъ.

Александръ Валеріановичъ былъ сослуживецъ дяди, одинъ изъ его постоянныхъ гостей.

— Онъ скоро сдѣлается твоимъ папой,—повеселѣвъ, отвѣчала Софья Александровна:—я выхожу за него замужъ.

— Какъ, вы?..—съ изумленіемъ спросилъ Сережа. Онъ никакъ этого не ожидалъ. А между тѣмъ это была правда. Какъ какой-то смутный сонъ, встаютъ въ воображеніи Сережи дальнѣйшія картины его дѣтства. Помнится ему освѣщенная церковь на свадьбѣ мамы. Онъ несетъ образъ, и въ петличкѣ его курточки воткнутъ бѣлый восковой цвѣтокъ. Хоръ поетъ такъ согласно и стройно, вокругъ—такъ много народу. Дядя говоритъ, что это все родные и знакомые, а Сережа между тѣмъ знаетъ очень немногихъ.

„Откуда взялись, напримѣръ, эти два толстыхъ генерала со звѣздами? Неужели у меня такіе важные знакомые?"

„А мама? Какая она хорошенькая въ своемъ сиреневомъ шелковомъ платьѣ! И „новый папа" также красивъ. Онъ, должно-быть, добрый, этотъ папа—у него лицо такое доброе".

Ну вотъ, церемонія и кончена. Всѣ цѣлуютъ и поздравляютъ маму и папу. Два важныхъ генерала также подходятъ къ нимъ, но, увидѣвъ его, Сережу, съ его бѣлымъ цвѣткомъ въ петлицѣ, даютъ ему дорогу. Вотъ и карета подана. За молодыми и Сережей захлопнулись дверцы, и лошади тронулись.

— Ну, теперь ты моя, моя навѣки, дорогая, дарованная мнѣ Богомъ жена,—растроганнымъ голосомъ говоритъ „новый папа", покрывая страстными поцѣлуями мамины руки.

А мама цѣлуетъ его въ лобъ и въ губы, плачетъ и смѣется, потомъ цѣлуетъ Сережу и опять его. Бѣдное, усталое сердце мамы опять вѣритъ и ждетъ, отдыхая отъ страданій прошлаго...

Да, не на радость была эта судьба. Толстые генералы не принесли счастья мамѣ. Папа получилъ мѣсто въ томъ же провинціальномъ городкѣ, въ которомъ Сережа и мама жили прежде, борясь съ нуждой и ненастьемъ, какъ могли и какъ умѣли. На лѣто рѣшено ѣхать куда-нибудь на воздухъ, въ деревню—и Александръ Валеріановичъ нанялъ хорошенькій и уютный домикъ у стараго отставного полковника Козловскаго, сосѣда Столбовцевыхъ по имѣнію. Опять по бокамъ коляски запестрѣли поля и луга. Опять лѣсъ точно заигрывалъ съ путниками: то вдругъ тѣсно-тѣсно обступитъ дорогу, такъ что нужно наклоняться, чтобы избѣжать удара вѣтвей

по лицу, то снова разбѣжится по обѣимъ ея сторонамъ, образуя небольшія поляны, пестрѣющія пятнами клевера, ромашки, синихъ колокольчиковъ и еще какой-то странной травы съ синеватой серединкой и нѣсколькими желтыми лепесточками наверху.

— Здравствуйте, родныя поля!—горячо привѣтствовали ихъ Сережа и Юля.

На другой же день послѣ пріѣзда Сережа перезнакомился съ хозяйскими дѣтьми. О, сколько чудныхъ ночей провели они впятеромъ — онъ, полненькая и розовая Юля, Миша, Саша и маленькій, толстопузый, остриженный подъ гребенку Коля, съ такимъ выраженіемъ лица, какъ будто все оно собирается вспорхнуть и улетѣть отъ своего владѣльца. Имъ была полная свобода—и они почти не заглядывали домой: ребяческія головы Сережи и Миши были наполнены чудесами изъ романовъ Майнъ-Рида. Они тотчасъ же поспѣшили просвѣтить ими и младшихъ членовъ, и скоро въ мирномъ хуторкѣ образовались двѣ воинственныя партіи команчей и апаховъ, ведущихъ между собой упорную, непрерывную войну. Нужно было взглянуть на величественное и серьезное выраженіе предводителей, когда закуривали они воображаемую „трубку мира“, обдумывая кровавый набѣгъ съ цѣлью похищенія прекрасной сеньориты Маріи,—которая была, попросту говоря, русоволосой, розовой Юліей. Вотъ уже и солнце спустилось за пасѣкой. Прощальный румянецъ зари угасъ въ безоблачной лазури. Надъ тихимъ прудомъ и темнымъ садомъ сверкнули звѣзды, плавно и спокойно выплыла серебряная луна. Поздно... но звонкій дѣтскій смѣхъ и говоръ долго еще не стихаютъ въ воздухѣ, долго будятъ мирное затишье ночи...

Да, весело и беззаботно пронеслось для Сережи это лѣто: онъ не могъ видѣть оборотной стороны медали. Онъ не слыхалъ ни ревнивыхъ упрековъ нервнаго Александра Валеріановича ни слезъ матери. А между тѣмъ между ними постоянно разыгрывались сцены.

Наступила и осень — скоро и въ городъ! Какъ-то Александръ Валеріановичъ пріѣхалъ откуда-то домой нахмуренный и сильно не въ духѣ. Вечеромъ онъ особенно былъ ласковъ съ женой и дѣтьми, рано утромъ ушелъ гулять. Проходитъ день—онъ не возвращался. Проходятъ еще два дня — его все-таки нѣтъ. Мама въ страшной тревогѣ... Наняла нѣсколько мужиковъ отыскивать его.

И вотъ помнится Сережѣ гробъ, въ гробу—мертвый Александръ Валеріановичъ. Лицо посинѣло... Трупъ издаетъ сильный запахъ. Сережа узналъ по секрету отъ прислуги, что

онъ повѣсился изъ ревности къ знакомому имъ студенту. Еще одно кровавое, страшное пятно на фонѣ дѣтскихъ воспоминаній...

Положеніе семьи было просто критическое. Александръ Валеріановичъ не оставилъ въ обезпеченіе участи жены ни капли денегъ, отказавъ въ завѣщаніи все своимъ родственникамъ. Пришлось опять обратиться къ петербургскимъ роднымъ — какъ ни тяжело было это для гордой Софьи Александровны, а пока жить на хлѣбахъ изъ милости у зятя. Опять безконечные, тяжелые упреки, опять слезы: „ты погубила своего мужа, а теперь и насъ объѣдаешь“...

А чахотка между тѣмъ дѣлала свое дѣло. Прекрасное личико мамы осунулось и похудѣло. Глаза стали еще глубже и блестящѣе, обведенные темнымъ кругомъ—тяжелымъ слѣдомъ безсонныхъ ночей. На впалыхъ щекахъ появилось два роковыхъ красныхъ пятнышка. Въ характерѣ—раздражительность и нервность; въ голосѣ—страдальческія нотки... Мама была не далеко отъ могилы...

И ужъ какъ горько плакалъ Сережа надъ этой могилой!

Но недолго дѣтское горе: мундиръ съ погончиками — и оно прошло, пока не вспомнилось опять въ болѣе позднемъ возрастѣ, не вспомнилось жгучими и безумными слезами, неутолимой жаждой ласки и нѣжнаго материнскаго участія...

А тяжелыя сцены смерти, когда добрые родственники изъ-подъ рукъ умирающей матери расхищали и то немногое, что думала она оставить своимъ осиротѣлымъ птенцамъ. Но прочь отъ нихъ, мимо этихъ грязныхъ сценъ людского эгоизма. Посмотримъ лучше, какъ жилось моему герою на рукахъ дяди. . . . .

Къ тихой пристани.

Повѣсть.

1879 г.

Сергѣй Сергѣевичъ Зимкевъ, несмотря на свое раннее развитіе и на рано выработанную имъ способность наблюдать, смутно помнилъ свое дѣтство. Въ воспоминаніяхъ его остались только какіе-то клочки, неизвѣстно почему врѣзавшіеся въ память. То промелькнетъ передъ нимъ стройный, блѣдный образъ его матери, съ ея густыми, черными волосами и роковыми красными пятнышками на щекахъ, то, какъ изъ

дымки тумана, выглянетъ сморщенное лицо старушки-няни съ ея огромными очками и гладко приглаженными сѣдыми волосами подъ бѣлымъ чепцомъ, няни, которая первая обучила его грамотѣ, когда ему было только четыре года. То наконецъ встанетъ передъ нимъ маленькій деревянный флигелекъ въ К. съ его уютнымъ дворикомъ, загроможденнымъ дровами и почему-то непремѣнно покрытымъ снѣгомъ, или старый каштанъ на дачѣ, надъ обрывомъ на берегу пруда, подъ которымъ знакомые офицеры расположенной вблизи дивизіи не разъ зажигали жженку и подъ которымъ звучно раздавались въ непроглядныхъ сумеркахъ южной ночи или звонкія пѣсни подъ гитару, или мелодичные звуки флютгармоники подъ искусными пальцами его матери. Но и за эти клочки онъ не могъ отвѣчать: они возникли въ воображеніи его еще до того времени, когда онъ началъ отдавать себѣ отчетъ во всемъ, что̀ было у него на душѣ, и онъ не могъ утверждать, что не идеализировалъ свои воспоминанія и что они — строгая дѣйствительность. Когда онъ нарочно хотѣлъ припомнить свое дѣтство—онъ никогда не достигалъ результата. Но зато онъ могъ себѣ всегда его „представить“, какъ представлялъ онъ годъ въ видѣ какой-то круглой дороги безъ конца и начала, причемъ часть дороги—время Великаго поста—было покрыто чернымъ сукномъ, а время Пасхи—краснымъ, какъ представлялъ себѣ Рождество не иначе, какъ въ видѣ освѣщенной елки, вокругъ которой толпились дѣти, и дѣвочки были непремѣнно одѣты въ бѣлыя платьица съ темно-пунцовыми бантами. Со словомъ „дѣтство“ въ воображеніи его неразрывно соединялось понятіе о чемъ-то нѣжномъ, женственномъ, мягкомъ и любящемъ, можетъ-быть, потому, что первые близкіе къ нему люди были женщины: мать, няня и сестра (отца онъ не помнилъ, да и не могъ помнить), а можетъ-быть, и потому, что онъ рано лишился матери и материнской любви, росъ сиротой въ чужихъ людяхъ и нерѣдко въ своемъ воображеніи искалъ средствъ пополнить этотъ недостатокъ.

Онъ составилъ себѣ въ воображеніи свою собственную исторію дѣтства, съ которой онъ свыкся и слюбился, и если бы кто-нибудь ему доказалъ ея невѣрность, онъ разстался бы съ ней неохотно. Да и немудрено: сложилась она въ долгія семь лѣтъ его пребыванія въ казенномъ заведеніи, въ минуты, когда ему особенно нужна была чья-нибудь любовь, въ самыя горькія минуты его жизни. Больной и нервный, онъ часто плакалъ по ночамъ о томъ миломъ призракѣ его матери, который неизгладимо жилъ въ его душѣ, плакалъ

безумно, горько, едва сознавая самъ, о чемъ онъ плачетъ, тогда какъ вѣсть о ея смерти онъ принялъ почти хладнокровно. Его дѣтское, жаждущее любви сердечко въ этомъ фантастическомъ образѣ воплотило все чистое, все прекрасное, насколько могло оно его понимать, и горько ему становилось, когда кто-нибудь неосторожнымъ отзывомъ о Нинѣ Александровнѣ касался его больной струны. Семейство отца Нины Александровны, Сережина дѣдушки (лица, также миѳическаго въ понятіяхъ Сережи), было велико. Но отъ первой жены онъ имѣлъ только трехъ дѣтей: старшаго сына Ѳедора Александровича, младшаго—Александра Александровича и дочь Нину. По смерти сестры они взяли на себя воспитаніе ея дѣтей, причемъ на Сережину долю выпала участь войти въ небольшую семью Александра Александровича. И вотъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ переступилъ порогъ дядина дома, для него началась уже вполнѣ сознательная и обдуманная жизнь.

Тяжела была она на первыхъ порахъ для избалованнаго девятилѣтняго мальчика, выросшаго въ провинціи на свободѣ и положительно не имѣвшаго того, что̀ называютъ воспитаніемъ и выдержкой. За обѣдами дяди онъ сидѣлъ сгорбившись, наливая воды, непремѣнно опрокидывалъ стаканъ, отрѣзая сыру—обрѣзалъ себѣ палецъ, благодаря послѣ обѣда, задѣвалъ за чей-нибудь сосѣдній стулъ, первый протягивалъ руку и вмѣшивался въ разговоръ, а передъ днемъ своихъ именинъ безцеремонно спрашивалъ, что̀ ему подарятъ. Все это коробило тетку, Вѣру Васильевну, бывшую институтку и вдобавокъ нервную и вспыльчивую, хотя и очень добрую женщину. Не желая своими замѣчаніями конфузить Сережу, почти гостя въ ихъ домѣ, она однакожъ не могла удержать нѣкоторыхъ выраженій неудовольствія, которыя, какъ ножомъ, рѣзали чутко-самолюбиваго Сережу. Но всего больше боялся онъ одной улыбки Вѣры Васильевны; улыбка эта была всегда признакомъ сдерживаемаго раздраженія и ужасно смущала Сережу, тѣмъ болѣе, что онъ ясно видѣлъ ея натянутость. Впрочемъ, къ счастью, онъ почти не имѣлъ никакихъ сношеній съ дядей и тетей: дѣти ихъ—сынъ Володя и дочь Лена, а вмѣстѣ съ ними и Сережа—бо̀льшую часть дня проводили въ дѣтской, подъ надзоромъ добродушной, слѣпой и глухой старушки-няни. Сережа съ первыхъ же дней заслужилъ себѣ репутацію хорошаго игрока во всѣ игры и, главное, мастера выдумывать новыя. О потерѣ матери онъ почти забылъ, хотя послѣ онъ ее почувствовалъ сто разъ сильнѣе.

Между тѣмъ Александръ Александровичъ хлопоталъ о принятіи племянника на казенный счетъ въ младшій „прі-

уготовительный" классъ гимназіи, какъ значилось на надписи на доскѣ, надъ дверьми этого класса.

Имѣя сильную протекцію, Александръ Александровичъ не сомнѣвался въ томъ, что племянника его примутъ, но во всякомъ случаѣ для виду ему слѣдовало выдержать экзаменъ по русск. и франц. языкамъ, ариѳметикѣ и Закону Божію. И вотъ настадъ, наконецъ, этотъ роковой день для дикаря Сережи. Наканунѣ тетка заставила его немного читать вслухъ по-французски и пришла въ ужасъ отъ его выговора.

Но готовиться было поздно, и Сережа, обезкураженный, упавшій духомъ, на саняхъ вмѣстѣ съ дядей подъѣхалъ къ неуклюжему, въ казенномъ стилѣ выстроенному зданію гимназіи, покрытому желтой краской, кое-гдѣ обвалившейся и открывшей штукатурку. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ, вмѣсто настоящихъ, были нарисованныя окна. Они особенно непріятно поразили Сережу—точно безжизненные глаза мертвецовъ смотрѣли они на него со всѣхъ желтыхъ стѣнъ. Вообще этотъ день ярко запечатлѣлся въ памяти Сережи.

Классы еще не начинались.

Длинные коридоры съ толпящимися въ мастиковой пыли, озаренной лучами зимняго солнца, мальчиками въ форменныхъ, засаленныхъ и испещренныхъ заплатами мундирчикахъ, шумъ, топотъ, бѣготня и крикъ, высокая, въ черный фракъ облеченная фигура какого-то учителя, мрачно и торжественно, съ портфелемъ подъ мышкой, исчезающаго на горизонтѣ коридора, голыя стѣны, однообразно-унылый видъ изъ оконъ на обнаженныя деревья парка—все это произвело въ высшей степени тяжелое впечатлѣніе на робкую душу Сережи.

Нѣсколько насмѣшливыхъ дѣтскихъ взглядовъ, обращенныхъ на его высокую, худощавую и испуганную фигуру въ смѣшныхъ, короткихъ, сѣрыхъ шароварахъ и сѣрой курточкѣ, окончательно смутили его. Онъ не зналъ, куда дѣвать свои длинныя, тонкія, далеко выходящія изъ рукавовъ его куртки руки и на что смотрѣть—и отъ этого казался еще смѣшнѣе.

— А, вотъ и Миша Броневскій,—проговорилъ Александръ Александровичъ, подавая руку своему двоюродному племяннику, раскраснѣвшемуся, удивительно маленькому мальчугану въ умнымъ личикомъ, нѣсколько вздернутымъ носомъ „пуговкой" и проницательными, черными, маленькими глазами. Чистенькій, розовенькій, нѣсколько странно, но къ лицу причесанный (Сережѣ бросились въ глаза его рѣдкіе волосы), онъ пріятно выдѣлялся изъ среды товарищей своимъ опрятнымъ мундирчикомъ, и только на спинѣ его красовалась какая-то рожа, нарисованная мѣломъ. Изъ-за колонны за

нимъ весело слѣдили нѣсколько любопытныхъ и также раскраснѣвшихся дѣтскихъ физіономій.

— Что̀ это, братъ, у тебя на спинѣ за украшеніе?—спросилъ А. А.

Миша быстро обернулъ голову черезъ плечо и отвѣтилъ:

— А это мы со вторымъ классомъ воюемъ. Они хотѣли ворваться къ намъ, а мы приперли дверь щеткой, а сверху въ нихъ принялись пускать мѣломъ. Я—царь нашихъ. Вонъ они смотрятъ изъ-за колонны,—и онъ указалъ на товарищей, которые тотчасъ же скрылись,—они хотятъ меня въ плѣнъ взять, вѣрно, эту рожу они и намазали.

— Ахъ, ты, карапузикъ,—добродушно засмѣялся А. А.,—тоже царь! Да тебя всякая курица съ ногъ сшибетъ.

— Ну нѣтъ, хотя я и самый маленькій въ классѣ, но я ловкій. Я теперь Петрушенко беру, — отвѣчалъ Миша съ сознаніемъ всего величія подобнаго подвига. . . . . . .

Къ тихой пристани.

(Посвящается памяти Н. М. Д.).

„У генерала была дочь—существо дотолѣ невиданное. Иногда случается человѣку во снѣ увидать нѣчто подобное—и съ тѣхъ поръ онъ уже всю жизнь свою грезитъ сновидѣніемъ. Дѣйствительность для него пропадаетъ навсегда“.
Гоголь. „Мертвыя души“. Глава XI.

I.

Тускло, какъ бы черезъ силу мерцаютъ нагорѣвшія лампы, озаряя невеселую обстановку класса. Классъ — какъ всѣ классы: тѣ же зеленой краской выкрашенныя стѣны съ широкимъ коричневымъ бордюромъ внизу и черными деревянными, испещренными алгебраическими іероглифами досками, тотъ же потрескавшійся и закоптѣлый потолокъ, тотъ же полинялый, исшарканный желтый полъ, тѣ же высокія грязныя окна съ холщевыми сѣрыми занавѣсками и съ назойливо заглядывающею въ нихъ непріютной и туманной сѣверной ночью и тѣ же выровненные ряды скамеекъ и черная, какъ эшафотъ, каѳедра съ высокимъ столомъ и неуклюжимъ деревяннымъ кресломъ. Занимающихся немного: то здѣсь, то тамъ виднѣются надъ столами согбенныя фигуры въ разстегнутыхъ сюртукахъ, съ всклоченными волосами и заспанными гла-

зами, и слышится невнятное бормотанье нѣмецкихъ вокабуловъ или предметовъ промышленности, вывозимыхъ изъ Россіи.

На задней скамейкѣ черезъ равные промежутки раздается мѣрный и спокойный храпъ.

— Довольно, чортъ возьми, пора спать...—лѣниво потягиваясь и закрывая книгу, произноситъ одинъ изъ занимающихся, упомянувъ чорта не со злости или досады, а такъ, по школьной привычкѣ.—Вонъ „Бизонъ“ давно храпитъ, а завтра опять схватитъ ноль по французскому... Петровъ, вставай-ка... Ну, дядюшка, поворачивайся,—ишь, какъ крѣпко заснулъ... Да ну же, вставай!..

— Убирайся, пожалуйста, какое тебѣ дѣло?—внезапно поднявъ голову и озлобленно вращая неповинующимися глазами, отвѣчаетъ „Бизонъ“ и снова поудобнѣе укладывается на жесткой скамьѣ.

— Дура... да ложись же на постель: вѣдь лучше же, чѣмъ такъ валяться... Ну, вставай...

— Если ты сейчасъ же не отстанешь,—совсѣмъ озлившись, произноситъ Петровъ,—я, ей-Богу, запущу въ тебя сапогомъ,

— Ну, чортъ съ тобой. Прощайте, господа,—смѣясь, отвѣчаетъ первый и уходитъ изъ класса.

Мало по малу комната совсѣмъ пустѣетъ.

Остается только одинъ высокій и худощавый юноша, да попрежнему раздается храпъ „Бизона“. Занимающійся не обращаетъ на него вниманія. Часто онъ отрывается отъ исписаннаго клочка бумаги и задумчиво всматривается въ сѣдую даль, но по выраженію его небольшихъ, но умныхъ и глубокихъ черныхъ глазъ можно заключить, что онъ ровно ничего не видитъ и не слышитъ. Онъ чѣмъ-то глубоко занятъ.

— Зимневъ, что̀ вы засидѣлись? Ступайте спать!—раздается у двери.—Ну да, такъ и есть, опять поэзія!—досадливо говоритъ вошедшій воспитатель, бросая бѣглый взглядъ на листъ бумаги, лежащій передъ Зимневымъ.—А завтра по физикѣ опять мнѣ ничего не отвѣтите...

— Опять ничего не отвѣчу!—усмѣхнулся Зимневъ.

— Но, послушайте, другъ мой, вѣдь такъ нельзя, вамъ же нужно хоть немножко подумать о вашей будущности,—вѣдь вы не ребенокъ. Ну какъ вы будете держать выпускной экзаменъ, съ чѣмъ вступите въ жизнь? Съ какими познаніями? За вашихъ небесныхъ дѣвъ, розъ и соловьевъ не могу же я вамъ поставить удовлетворительнаго балла по физикѣ!

— Во-первыхъ, Михайла Александровичъ, — отвѣтилъ,

вспыхнувъ, Зимневъ,—ни въ одномъ моемъ стихотвореніи нѣтъ ни небесныхъ дѣвъ, ни розъ, ни соловьевъ, а во-вторыхъ, вы такимъ тономъ говорите объ этомъ несчастномъ удовлетворительномъ баллѣ, какъ будто бы я васъ слезно просилъ о немъ, а этого я, кажется, еще не дѣлалъ!..

— Да, самолюбія-то въ васъ много, да, жаль, проку изъ него мало. Ну, скажите, пожалуйста, на что вы разсчитываете? Вѣдь вы же разсчитываете на что-нибудь?—мягко заговорилъ Михайла Александровичъ.

— А вы какъ думаете?

— Извольте, я вамъ скажу, что̀ я думаю: вы считаете низкимъ заниматься дѣломъ, вы мечтаете о славѣ, о всеобщемъ поклоненіи, а не о насущномъ хлѣбѣ, вы... Ну что̀, угадалъ?

Зимневъ покраснѣлъ.

— Вы правы, но правы только отчасти. Я не считаю, о, далеко не считаю низкимъ заниматься дѣломъ, но главное въ томъ, что мы разно понимаемъ слово „дѣло". Я же не отрицаю, что физика и ну, тамъ, хоть тригонометрія—дѣло, отчего же вы поэзію не считаете дѣломъ—это во-первыхъ. А во-вторыхъ, я считаю себя обязаннымъ, понимаете, обязаннымъ,—подчеркнулъ онъ,—заниматься съ любовью. А зубрить безъ толку и безъ пользы формулу упругихъ шаровъ для того, чтобы забыть ее черезъ два дня—это безсмыслица, а не дѣло...

— Ну, этакъ мы съ вами не сговоримся, вы отпѣтый...—махнулъ рукой Михайла Александровичъ.—А это еще что̀ за философъ храпитъ?.. А, Петровъ, дитя невинное... Вотъ, Зимневъ, кого бы вамъ взять въ примѣръ; онъ, можетъ-быть, и душевно бы радъ заниматься, да способностями не наградилъ Господь. Надъ чѣмъ это онъ заснулъ? Батюшки, надъ Лермонтовымъ!

— Да, намъ задано къ завтрему разобрать „Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ",—отвѣтилъ Зимневъ, запирая столъ и выходя изъ класса въ полутемный, безконечный коридоръ.

На душѣ его было невесело.

„Въ самомъ дѣлѣ, на что же я разсчитываю?—думалось ему.—Вѣдь пора же взглянуть впередъ посерьезнѣе, что̀ ждетъ меня тамъ, въ этой туманной дали, чѣмъ я буду жить? Ну, положимъ, у меня, можетъ-быть, есть талантъ... Хотя это вопросъ, далеко еще не рѣшенный; нѣтъ, впрочемъ, у меня не можетъ не быть его—онъ долженъ быть у меня. Состоянія у меня—ни гроша, познанія, пожалуй, и есть, но такія, которыя не прокормятъ; на рукахъ сестра... Къ тому же я

не хорошъ собой... Эхъ, какое ребячество!—ловилъ онъ самъ себя.—Это все пустяки, а главное—у меня нѣтъ никакой нравственной поддержки и никакой почвы подъ ногами. Во что я вѣрую, во имя чего я поступаю? Для чего я живу? И какъ они могутъ тормошить меня со своей ничтожной физикой, когда на плечахъ у меня ужасный, неразгаданный вопросъ—есть ли Богъ, и зачѣмъ мы живемъ? И неужели они сами никогда не задавали себѣ такихъ вопросовъ? Двѣ недѣли я хожу, какъ потерянный, голова ломается на части..."

„Странная вещь...—продолжалъ онъ думать, укладываясь въ холодную постель и закрываясь съ головой жиденькимъ казеннымъ одѣяломъ,—отчего ни въ одномъ романѣ не встрѣчалъ я описанія этой тяжелой, мучительной поры сомнѣній? Надо замѣтить всѣ ея проявленія—это мнѣ пригодится".

А между тѣмъ бездонная бездна мучительныхъ вопросовъ все глубже и глубже втягивала его въ себя.

„Что такое безконечность?—спрашивалъ онъ себя,—развѣ можетъ она существовать? Ну, положимъ, я отдѣляюсь отъ земли и подымаюсь все выше и выше. Подо мной сначала будетъ лежать городъ, какъ планъ, но я лечу выше—городъ исчезаетъ въ мутно-голубомъ туманѣ—я уже обнимаю всю землю, наконецъ и она скрывается изъ виду, замираетъ послѣдній отголосокъ ея шума, вокругъ меня тишина и пространство. И чѣмъ выше поднимаюсь я, тѣмъ болѣе удаляюсь отъ всего земного—а надо мной все то же безконечное пространство, и я буду летѣть и летѣть, и не будетъ этому конца, все летѣть, все летѣть... Гдѣ же конецъ, вѣдь онъ же долженъ быть? А я все лечу и лечу, и нѣтъ конца, нѣтъ конца. И какъ это Богъ безъ начала и конца? Зачѣмъ Онъ создалъ міръ? Зачѣмъ послалъ Онъ въ міръ Своего Сына и распялъ Его за людей? Неужели Богъ—директоръ того жалкаго театра маріонетокъ, который называется міромъ, и неужели мы созданы только на то, чтобы забавлять Его, и наши страданья, наши вопросы и сомнѣнья для Него также только забава?".

„А я лечу все выше и выше",—внезапно врывается въ его память, и снова воображеніе его силится нарисовать картину безконечности и изнемогаетъ въ этихъ напрасныхъ усиліяхъ... Имъ начинаетъ овладѣвать состояніе, похожее на лихорадочное.—„А если Бога нѣтъ?"—возникаетъ въ умѣ его новый вопросъ, и онъ заранѣе ужасается глубинѣ той бездны, которая открывается передъ его взоромъ при этомъ новомъ вопросѣ.

„Что, если Бога нѣтъ?—повторяетъ онъ, стискивая хо-

лодными руками пылающую голову.—Для чего же тогда и жизнь... и физика и поэзія? Для чего же я живу? Неужели для того, чтобы умереть? И что̀ такое смерть?“

„А я лечу все выше и выше...“—назойливо бьется въ его головѣ.—Боже мой, я съ ума сойду!..—произноситъ онъ почти вслухъ и снова ужасается при мысли о безконечности.—Да наконецъ, что̀ такое умъ?—спрашиваетъ онъ опять.—Умъ вещь условная. Богъ, если Онъ такъ могуществененъ, какъ говорятъ, можетъ умъ превратить въ глупость, глупость въ умъ, и все, что̀ съ такимъ трудомъ добыто людьми, пойдетъ ни къ чему! Боже мой, какое жалкое созданье—человѣкъ, какъ жестоко поступилъ Ты, создавъ человѣка!

— Господи!—во внезапномъ порывѣ произнесъ онъ, крестясь,—если Ты есть, отгони отъ меня эти мысли, я усталъ, я измученъ... Завтра же надо пойти въ лазаретъ и отдохнуть, а то меня все вокругъ раздражаетъ, все мучаетъ, все кажется ничтожнымъ. Вѣдь этакъ въ самомъ дѣлѣ недалеко и до сумасшествія...

А вокругъ все спало крѣпкимъ сномъ. Передъ кіотомъ, изъ темной рамы котораго съ затаенной грустью смотрѣлъ ликъ Спасителя, мирно теплилась лампада, мерцающимъ свѣтомъ обливая камеру, и въ окна такъ же назойливо смотрѣла сѣдая зимняя полночь.

II.

Зимневъ былъ правъ,—въ эти послѣднія двѣ недѣли онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ недалекъ отъ сумасшествія и самоубійства.

Росъ онъ мальчикомъ болѣзненнымъ и нервнымъ. Съ ранняго дѣтства предоставленный самъ себѣ, онъ бо̀льшую часть времени проводилъ или за книгой, или въ одинокихъ наблюденіяхъ. Съ сестрой онъ игралъ рѣдко въ веселыя минуты, такъ какъ она далеко не подходила подъ его уровень развитія и благоговѣла передъ нимъ, что̀ казалось ему очень скучнымъ. Бывало, въ К., гдѣ жилъ онъ до своего поступленія въ гимназію, захватитъ онъ книгу и отправляется въ садъ, на край обрыва, поросшаго густой душистой травой, и читаетъ, читаетъ до того, что забудетъ наконецъ, гдѣ онъ и кто онъ.

Но вотъ окончена послѣдняя страница, знойный полдень ласково нѣжитъ и пригрѣваетъ, рѣка, залитая со̀лнечнымъ блескомъ, какъ зеркало лежитъ въ зеленыхъ берегахъ, а тамъ, въ далекой лазури, высоко-высоко, какъ клочокъ ваты, плыветъ бѣлоснѣжное облачко. По цѣлымъ часамъ непо-

движно всматривается Сережа въ безбрежную глубину, и не хочется ему оторваться отъ этого, съ каждымъ мигомъ новаго вида. А рядомъ, въ густой травѣ, все живетъ своей особенной хлопотливой жизнью: вонъ мохнатый шмель гудитъ надъ лиловой чашечкой колокольчика, вонъ по стебельку медленно вползаетъ божья коровка, и недюжинный муравей что-то тащитъ въ свое жилище.

И Сережѣ вдругъ придетъ фантазія взглянуть на окружающій міръ съ точки зрѣнія этого муравья. Стройные стебли богородицыной травы и невѣдомо какъ попавшій сюда матово-зеленый колосъ ржи кажутся ему тропическими пальмами и тополями. Онъ подмѣчаетъ игру свѣта и тѣни подъ широкимъ, сквозящимъ на солнцѣ листомъ подорожника и достигаетъ наконецъ того, что растущій вблизи репейникъ кажется ему такимъ великаномъ, что сердце сжимается въ его дѣтской груди...

То вдругъ представится ему, что онъ индѣецъ въ засадѣ. Крапива, растущая на днѣ оврага—это караванъ мексиканцевъ, ручеекъ—Миссиссипи. Онъ, какъ кошка, припадаетъ къ землѣ и выжидаетъ удобнаго мгновенія. Но вотъ кажется ему, что пора—и онъ бросается внизъ и машетъ своей деревянной саблей, любуясь, какъ падаютъ вокругъ ряды подкошенной крапивы. Лицо и руки его давно въ пузыряхъ, но онъ не обращаетъ на это никакого вниманія и все глубже и глубже врѣзывается въ крапиву, и вдругъ останавливается, пораженный новымъ вымысломъ: онъ уже не индѣецъ, онъ Русланъ, наѣхавшій на покинутое поле битвы, и въ его молодой, еще не истощенной памяти шевелятся заученныя имъ слова:—„О, поле, поле, кто тебя усѣялъ мертвыми тѣлами?..“ Такъ развивалъ Сережа свое воображеніе!

Вернется домой обыкновенно усталый, исцарапанный, и неохотно отвѣчаетъ на разспросы. Да его и не смѣютъ тревожить ими—всѣ давно привыкли почему-то вѣрить, что онъ слишкомъ уменъ, чтобы не пользоваться извѣстной самостоятельностью, и что ничего другого онъ не могъ дѣлать, какъ читать книгу, или задумчиво всматриваться въ безбрежную высь, или наконецъ, взобравшись на дерево и приникнувъ къ его изогнутому стволу—отдаться своимъ обычнымъ наблюденіямъ.

Сережа не любилъ и не умѣлъ вспоминать о своемъ дѣтствѣ. Онъ чаще всего его представлялъ себѣ, какъ представлялъ, напримѣръ, годъ въ видѣ какой-то круглой дороги, въ которой часть, обозначающая Великій постъ, казалась ему устланной чернымъ сукномъ, а Пасху—краснымъ, какъ пред-

ставлялъ Рождество—въ видѣ украшенной и залитой огнями елки, море—въ видѣ озера, расположеннаго вблизи К., съ той только разницей, что противоположнаго берега видно не было, а вмѣсто него синѣла необъятная гладь воды. При словѣ „дѣтство" возникалъ въ его воображеніи извѣстный уже намъ обрывъ, потомъ маленькій флигелекъ въ саду, потомъ—лицо старушки-няни, украшенное огромными очками въ мѣдной оправѣ, и наконецъ цѣликомъ выступала въ его воображеніи врѣзавшаяся въ его память картина смерти и похоронъ его матери. Но онъ отгонялъ ее отъ себя, такъ какъ всегда ее сопровождало мучительное чувство одиночества, испытанное имъ впервые въ то время, когда, не помня себя, стоялъ онъ на колѣняхъ у подножія гроба и въ то же время безотчетно и упрямо наблюдалъ, какъ перебѣгала по окнамъ храма узорчатая тѣнь отъ только-что распустившихся листьевъ, и какъ смѣшно открывалъ ротъ стоящій прямо противъ него пѣвчій, съ широкимъ и полнымъ, умиленнымъ, краснымъ лицомъ и масляными глазками. Промежутки между этими отрывочными картинами и сценами онъ старался не вспоминать; да и, дѣйствительно, въ нихъ было мало отраднаго. Отца онъ не помнилъ. Когда ему было лѣтъ семь, мать его вынуждена была по своему безвыходному положенію, не желая принять помощи отъ родныхъ, выйти замужъ во второй разъ. Нѣсколько мѣсяцевъ ея жизни съ отчимомъ были однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ воспоминаній Сережи. Съ одной стороны—ревность и упреки отчима, а съ другой—слезы и грусть его матери, все это мучило и терзало его дѣтское сердце. Наконецъ отчимъ самъ не выдержалъ такой жизни—и въ одинъ прекрасный день застрѣлился, а съ мамой сдѣлалась нервная горячка. Въ ихъ маленькій домикъ въ К. пріѣхали чужіе, чтобъ ухаживать за его больной мамой, и имъ, понятно, не было времени заниматься съ избалованнымъ Сережей и его сестрой, такъ что оба они часто бывали забыты, а иногда получали и колотушки.

Несмотря на всю любовь къ матери, Сережа не могъ понять, что подобное положеніе вещей неизбѣжно, и его рано развившееся самолюбіе глубоко страдало. Но, слава Богу—гроза пронеслась мимо: Антонина Александровна поправилась. Пріѣхавшій за нею изъ Петербуга ея братъ взялъ ее и дѣтей къ себѣ и Сережу помѣстилъ пансіонеромъ въ школу. Сестра его пока оставалась дома. Между тѣмъ у Антонины Александровны открылась чахотка, и черезъ короткій срокъ она умерла. Сережа и сестра его остались на рукахъ у дяди. Разсказъ нашъ застаетъ его уже въ выпускномъ классѣ школы.

На слѣдующій день послѣ описываемаго вечера Сережа проснулся съ порядочной головной болью. Онъ рѣшился итти въ лазаретъ, тѣмъ болѣе, что ему было нѣсколько совѣстно передъ учителемъ физики, которому урока онъ опять не зналъ.

Лазаретъ былъ постояннымъ прибѣжищемъ въ часы хандры. Во-первыхъ, тамъ не надоѣдали ему учителя со своими уроками и сожалѣніями о немъ, какъ о человѣкѣ совершенно погибшемъ (Сережа послѣдній годъ ровно ничего не дѣлалъ въ классѣ и держался въ немъ только по старой памяти и благодаря своимъ блестящимъ способностямъ), а во-вторыхъ, тамъ не было этого постояннаго шума и веселья беззаботной чужой жизни, которая глубоко возбуждала его негодованіе и зависть въ тѣ тяжелыя минуты, когда онъ боролся съ внезапно нахлынувшими сомнѣніями и вопросами, стараясь уйти въ самого себя.

— Что съ вами, Зимневъ, вы больны?—спросилъ его докторъ, почему-то особенно къ нему благоволившій.

— Да, немного усталъ...—лѣниво отвѣтилъ Сережа,—позвольте отдохнуть...

— Сдѣлайте милость, кровати свободныя есть...

Сережа тотчасъ же надѣлъ лазаретный халатъ и туфли и разлегся на кровати. Опять нахлынули безконечныя думы, опять тѣ же мучившіе своей безконечной глубиной неразгаданные вопросы.

Сережа пробовалъ-было заговорить съ кѣмъ-нибудь изъ товарищей, но вездѣ приходилось ему сталкиваться съ пошлостью мелочныхъ интересовъ или обычной грязью почти всегда развратной внѣшкольной жизни. Онъ попробовалъ-было принудить себя выслушать съ интересомъ похожденія Петрова на Невскомъ проспектѣ, такъ какъ и „Бизонъ“ счелъ за лучшее спастись подъ гостепріимной сѣнью лазарета отъ французскаго языка,—но изъ этого ничего не вышло. Попробовалъ-было читать какую-то попавшую ему подъ руки исторію литературы, но строчки пробѣгали мимо его глазъ безъ всякаго значенія, а за ними развертывалась все та же томившая его бездна неразгаданныхъ вопросовъ, утомляя безплодными усиліями больной умъ. Сережа съ досадой бросилъ книгу и пошелъ шататься по палатамъ.

Въ пріемной тѣ же портреты царской фамиліи, тотъ же шкапъ съ номерами медицинской газеты и инструментами, тѣ же старинные неуклюжіе часы, наводящіе тоску своимъ однообразнымъ тиканьемъ, въ палатахъ знакомыя лица товарищей. Кто читаетъ, кто играетъ въ шахматы, кто наконецъ, какъ и Сережа, безцѣльно шатается изъ угла въ уголъ.

Все это ужасно надоѣсть и перенадоѣстъ за семь долгихъ, скучныхъ и однообразныхъ, точно вычеркнутыхъ изъ жизни, школьныхъ лѣтъ. По коридору мимо стеклянныхъ дверей лазарета суетливо снуютъ фигуры учителей въ черныхъ фракахъ и съ портфелями подъ мышкой. Вотъ, какъ маятникъ, закачалась съ ноги на ногу длинная фигура гуманнаго директора и позвонила у двери лазарета. Заикающійся старичокъ-служитель торопливо отперъ дверь и съ низкимъ поклономъ принялъ съ плечъ начальника генеральскую шинель, какъ-то особенно нѣжно и торжественно растопыривъ руки.

Сережа поклонился.

Директоръ разсѣянно и задумчиво окинулъ его взглядомъ и предложилъ ему свой обычный вопросъ:

— Ну что?

Вопросъ этотъ, именно потому, что директоръ его предлагалъ постоянно, и что вотъ уже семь лѣтъ, какъ онъ раздается въ ушахъ Сережи, разсердилъ его, и хотя онъ понялъ, что директоръ спрашиваетъ его о здоровьѣ, онъ рѣшилъ прикинуться непонимающимъ.

— Ничего, ваше превосходительство!

Директоръ спачала опѣшилъ, потомъ улыбнулся.

— То-есть какъ ничего? что съ вами?

— Лихорадка, ваше превосходительство...

— А!—и директоръ опять задумчиво и глубокомысленно кивнулъ головой и прошелъ дальше, сопровождаемый выбѣжавшими ему навстрѣчу фельдшерами съ озабоченными и благонамѣренными физіономіями.

„Точно Китай!“ — досадливо подумалъ Сережа и поплелся опять въ пріемную, слушать до смерти надоѣвшій стукъ часовъ. Мимо него шмыгнула широкоплечая фигура Петрова.

— Чуть-чуть директоръ не поймалъ,—осклабясь широкой улыбкой, обратился онъ къ Сережѣ, показывая ему папиросу. Сережа также отвѣтилъ ему разсѣянной улыбкой и молча прошелъ мимо.

А изъ сосѣдней камеры доносилось до него мѣрное распеканіе директора:

— Развѣ на то даются туфли, чтобъ бить ими товарища по головѣ. Стыдитесь! Валяетесь въ лазаретѣ совершенно здоровые, а журналъ...—и, вдругъ перемѣнивъ голосъ, онъ ласково обращается къ лежащему въ жару мальчугану изъ младшаго класса, и снова до слуха Сережи доносится до смерти надоѣвшее ему: „ну что?“

„Господи, и какъ они могутъ такъ жить! — думалось

Сережѣ.—Точно и въ самомъ дѣлѣ дѣло дѣлаютъ! Да и какъ можно вообще жить, когда вокругъ тебя заколдованный кругъ загадокъ. Когда самая ничтожная простуда или какой-нибудь расцарапанный прыщикъ можетъ не только вліять на отправленіе твоего ума и души, но даже отнять у тебя совсѣмъ и этотъ умъ и эту душу, отнявъ жизнь. Какъ можно жить, будучи такимъ жалкимъ, беззащитнымъ и, главное, безцѣльнымъ созданіемъ, какъ человѣкъ? Ну міръ, положимъ, созданъ для человѣка, человѣкъ—для прославленія и служенія Богу, а Богъ? Для чего созданъ Богъ? Положимъ, міръ и человѣкъ созданы Богомъ, но кѣмъ же созданъ Богъ? Вѣдь не могъ же Онъ явиться безъ причины и безъ цѣли, вѣдь долженъ же Онъ имѣть право на существованіе? И о чемъ они всѣ хлопочутъ! Зачѣмъ? зачѣмъ? Все такъ ничтожно, такъ пошло!!!

А между тѣмъ зимній день тихо догоралъ на разбросанныхъ кучахъ сѣдыхъ облаковъ.

Ослѣпительно-ярко сіяла темно-малиновая заря, и по угламъ, за драпировками и занавѣсками, сгущались и передвигались глубокія тѣни наступающей ночи. Была суббота.

На колокольнѣ однообразно позванивалъ школьный колоколъ. По коридору засновали ламповщики.

Сегодня, какъ вчера, вчера, какъ завтра,—тоска и тоска...

— Послушайте, Зимневъ, нѣтъ ли у васъ почтовой бумаги и конверта?

Сережа оглянулся. Черезъ нѣсколько кроватей лежалъ краснощекій мальчуганъ съ лихорадочно-блестящими глазами и упавшими на лобъ мокрыми прядями русыхъ волосъ. Его маленькія, худенькія руки, выпростанныя изъ одѣяла, лежали безсильно, какъ кисти. Онъ, очевидно, сконфузился своей просьбы.

— Почему вы меня знаете?—спросилъ его Сережа.

— А я у Петрова спросилъ, Петрова я давно знаю. Мы всѣ, весь нашъ классъ знаетъ Петрова.—И онъ хитро улыбнулся.

— Что это съ вами?—подошелъ Сережа къ его кровати. „Перваго класса, Дороженко, febris catarralis“,—прочелъ онъ на доскѣ.—Зачѣмъ вамъ конвертъ и бумагу?

Миловидное личико мальчика мгновенно перемѣнилось. Въ его большихъ сѣрыхъ глазахъ заблестѣли слезы; съ губъ сбѣжала улыбка.

— Я хочу написать домой, чтобы ко мнѣ пріѣхали,—отвѣтилъ онъ.

Сережа подсѣлъ на его кровать. Эти слезы, эти безсильныя,

худенькія руки и мокрые волоса, упавшіе на умный лобикъ, какъ-то тронули его сердце и повѣяли на него чѣмъ-то знакомымъ.

— Что же, вамъ скучно здѣсь? Вѣдь вы первый годъ?— спросилъ онъ.

— Да, скучно...—чуть слышно прошепталъ Дороженко, и слезы закапали на его подушку.

Сережа растерялся. Онъ хотѣлъ и не умѣлъ утѣшить его.

— Ну, полноте, свыкнетесь...—неловко заговорилъ онъ.— Вотъ и мнѣ прежде было скучно, потомъ привыкъ... Не плачьте, право, не плачьте. Поправитесь, пойдете въ отпускъ. На Рождество на двѣ недѣли отпустятъ... Да ну же, полноте, не плачьте... Хотите, я вамъ достану конвертъ и бумагу... Хотите, я самъ напишу вашей мамашѣ; вамъ, можетъ-быть, трудно... Вѣдь у васъ есть мамаша, да?

— Есть,—тихо отвѣтилъ Дороженко.

— Ну, хотите, я напишу?

— Напишите, только сегодня же.

— Сегодня когда же? Сегодня поздно—вы знаете, а завтра я пошлю утромъ письмо. Какъ вашъ адресъ и какъ зовутъ вашу мамашу?

— Софьей Андреевной,—оживляясь, отвѣтилъ Дороженко.— Мы живемъ на Фонтанкѣ, въ казенномъ домѣ. Папа тамъ служитъ. У насъ очень удобная квартира. У меня съ Наташей такая хорошенькая комната—одна половина моя, другая Наташи. Это сестра моя,—пояснилъ онъ.

— Что же, они знаютъ, что вы больны?

Лицо мальчугана опять омрачилось грустью.

— Знаютъ,—отвѣтилъ онъ.—Но мама пишетъ, что Наташа также нездорова, и она не можетъ ее оставить. Но неужели ни на минуточку нельзя пріѣхать? Вы напишите мамѣ, что я очень прошу. Хотите, я вамъ покажу, что мнѣ пишетъ Наташа?—проговорилъ онъ во внезапномъ припадкѣ довѣрія.—Хотите? Тутъ секретовъ нѣтъ, можно!..

— Покажите,—улыбнулся Сережа, взявъ изъ рукъ его письмо, написанное крупнымъ женскимъ почеркомъ.

— Читайте вслухъ!

Сережа началъ читать. „Дорогой Мишукъ,—писала Наташа,— мнѣ очень больно, что ты заболѣлъ и не придешь въ субботу. Я также больна немножко, и мама заставила меня лечь въ постель. Я всю ночь не спала и лежала въ бреду, и мнѣ мама представлялась китайцемъ. Мама говоритъ, что я говорила много смѣшного. Я тебѣ разскажу, когда ты придешь. Вообще, мнѣ много надо разсказать тебѣ важнаго. Я немного

поссорилась съ Андрюшей, а онъ опасно заболѣлъ. Это очень грѣшно, то-есть не то, что онъ заболѣлъ, а то, что я поссорилась. Какъ это смѣшно... не правда ли? Впрочемъ, тебѣ, можетъ-быть, теперь вовсе не смѣшно—ты боленъ. Ну, да все равно. Я прочла безъ тебя „Серапіоновыхъ братьевъ". Ахъ, какая это чудная книга! Мы прочтемъ ее потомъ вмѣстѣ еще разъ. Что это я тебѣ все глупости пишу? Папа здоровъ и повѣряетъ органъ. Онъ кончилъ запонку съ часами. Вышло очень хорошо, только часы врутъ. Папа говоритъ, что это все равно, такъ какъ счастливые часовъ не наблюдаютъ, а я должена быть счастлива тѣмъ, что онъ мнѣ сдѣлалъ этотъ подарокъ. Онъ такой смѣшной!

„Ну, прощай. Выздоравливай. Любящая тебя твоя сестра, Н. Дороженко. P. S. Напиши, пожалуйста, мнѣ что-нибудь. Н. Д.".

Сережа улыбнулся и письму, и тому боязливому взгляду, которымъ Миша хотѣлъ уловить впечатлѣніе, произведенное на него чтеніемъ.

— Сколько лѣтъ вашей сестрѣ?—хотѣлъ-было онъ спросить, но остановился, боясь огорчить Мишу, и спросилъ только, кто этотъ Андрюша. Мишу, казалось, затруднилъ вопросъ.

— Это... это одинъ нашъ знакомый...—запинаясь, проговорилъ онъ.

— А что это вамъ пишетъ сестра, что вашъ папа сдѣлалъ ей запонку съ часами?

— Да, папа все умѣетъ дѣлать, папа играетъ на фортепіано и віолончели, папа точитъ и выпиливаетъ, папа дѣлаетъ часы; да вотъ эти часы онъ мнѣ сдѣлалъ,—отвѣтилъ Миша, показывая на свои хорошенькіе золотые часики.

— А, отлично!—похвалилъ Сережа и пустился въ дальнѣйшіе вопросы.

Изъ нихъ узналъ онъ, что семейство Дороженко состоитъ изъ отца, Михаила Михайловича, жены его, Софьи Андреевны, старшей дочери Наташи и сына Миши. Что, кромѣ того, живетъ съ ними другъ ихъ дома, Катерина Семеновна Рощина, сестра милосердія, больная чахоткой въ послѣднемъ ея градусѣ. Узналъ онъ, что Наташѣ—пятнадцать лѣтъ, что она играетъ на скрипкѣ и фортепіано, и что вообще все ихъ семейство очень музыкальное, что у нихъ собираются многія музыкальныя и литературныя извѣстности.

Послѣднее въ особенности заинтересовало Сережу . . .

НА ЗАРѢ ТУМАННОЙ ЮНОСТИ.

Разсказъ.

I.

— Скажи, пожалуйста, любезный, какъ пройти къ Египетскому мосту?

— Къ Египетскому-то?

— Да, къ Египетскому...

— Это, что̀ на Фонтанкѣ?

— Да.

— Къ Египетскому... — еще разъ повторилъ дворникъ, точно недоумѣвая, зачѣмъ это барину понадобился Египетскій мостъ. — Да такъ и пройди: все прямо, мимо театровъ, а тамъ своротишь направо, на мостъ и опять-таки прямо, а какъ выйдешь на Могилевскую, такъ тебѣ тутъ и есть Египетскій, цѣпной, значитъ, мостъ.

— На Могилевскую? А Могилевская гдѣ?

— Могилевская-то?

— Да.

— А вотъ какъ ты, значитъ, свернешь направо, по Катерингофскому, то тутъ тебѣ первая улица налѣво и будетъ Могилевская.

— А, спасибо!

Спрашивающій сдѣлалъ нѣсколько нерѣшительныхъ шаговъ впередъ и опять обратился къ дворнику.

— Значитъ, теперь прямо мимо театровъ?

— Прямо, прямо, а тамъ направо на мостъ... — толковалъ ему дворникъ вдогонку.

Онъ прибавилъ шагу.

Это былъ высокій, худощавый юноша, одѣтый въ форму военной гимназіи. На видъ ему можно было дать лѣтъ шестнадцать.

— Столбовцевъ!.. — окликнулъ его сзади чей-то веселый юношескій голосъ. Онъ обернулся. За нимъ вдогонку спѣшитъ быстрыми шагами его товарищъ по классу, Аксентьевъ.

Онъ остановился.

— Куда это ты стремишься? — еще издали кричалъ онъ, — я смотрю, кто это разсуждаетъ съ дворникомъ — неужели нашъ типъ? Чистенькій такой, башлыкъ такъ аккуратно лежитъ! Какъ это ты сподобился? Вонъ и перчатки свѣжія... — говорилъ онъ, пожимая своей широкой рукой съ толстыми, красными пальцами тонкую руку Столбовцева, дѣйствительно зашитую въ свѣжую замшевую перчатку.

— Э, батюшка, тутъ цѣлая исторія... Ты куда? Проводи меня, я тебѣ разскажу... — отвѣчалъ Столбовцевъ.

— А ты куда?

— Я къ Египетскому мосту... Да пойдемъ, все узнаешь.

— Мнѣ бы еще нужно на Невскій забѣжать... — отнѣкивался Аксентьевъ. — Инструменты физическіе посмотрѣть, картины...

— Тебѣ смотрѣть картины? Ты будешь картины смотрѣть? — съ комическимъ ужасомъ воскликнулъ Столбовцевъ. — Ты, врагъ искусства, математикъ и философъ, будешь смотрѣть картины? Аксентьевъ, ты ли это! Стыдись!

Съ добродушныхъ румяныхъ губъ Аксентьева сбѣжала улыбка, и въ его большихъ сѣрыхъ глазахъ вспыхнулъ огонекъ оживленія.

— Вотъ ты опять чепуху городишь, — горячо заговорилъ онъ, принимаясь шагать съ пріятелемъ по направленію къ театрамъ. — Кто тебѣ сказалъ, что я отрицаю искусство, кто тебѣ это сказалъ? Изъ того, что я не люблю Пушкина, нельзя еще этого заключить. Вѣдь я тебѣ вчера доказывалъ, что я люблю природу, вѣдь вчера ты самъ согласился со мной...

Столбовцевъ не возражалъ. Онъ зналъ, что, если только онъ станетъ возражать, споръ опять затянется на неопредѣленное время, какъ всегда случалось, когда онъ спорилъ съ Аксентьевымъ объ отвлеченныхъ предметахъ. Ему хотѣлось разсказать о себѣ.

— Ну, ладно, — перебилъ онъ, — ты, братъ, лучше послушай, какое я чудо отыскалъ. — И онъ началъ разсказывать ему, что̀ случилось съ нимъ вчера вечеромъ.

— Ты знаешь Дороженко? Ну вотъ, этотъ маленькій гимназистикъ второго класса, который боленъ коклюшемъ? Я тебѣ его показывалъ. Ну, такъ слушай. Какъ-то я спасался отъ геометріи въ лазаретѣ. Скука смертельная, а тутъ еще разныя думы лѣзутъ въ голову. Просто хоть на стѣнку лѣзь. Отъ-

нечего-дѣлать я и пошелъ бродить по камерамъ. Въ одной изъ нихъ набрелъ на мальчугана лѣтъ двѣнадцати. Мнѣ бросилось въ глаза его умное, раскраснѣвшееся отъ лихорадки личико съ высокимъ лбомъ, на который упали мокрые русые волоса, и, главное, ручки, худенькія, нѣжныя, съ тонкими пальчиками, выпростанныя изъ-подъ одѣяла и такъ безпомощно лежащія по бокамъ... Я не знаю... замѣчалъ ли ты... но на меня эта безпомощность ужасно дѣйствуетъ. Мнѣ становится такъ жалко человѣка, что я съ первой минуты люблю его, какъ брата. Ну, я подсѣлъ къ нему на кровать и разговорился... Оказалось, что онъ мальчикъ очень неглупый, начитанный и скромный: онъ не бьетъ тебѣ въ глаза развитіемъ, не навязывается, а только, какъ бы это выразить... поддается тебѣ... Ты понимаешь? Я началъ разспрашивать его о семействѣ его, онъ мнѣ разсказалъ, и я изъ его разсказовъ узналъ, что у Дороженко собираются всѣ знаменитости музыкальнаго и литературнаго міра, что у него есть отецъ, мать и сестра, что мать бы давно къ нему пріѣхала, если бы сестра также не была больна. Между прочимъ, онъ попросилъ меня написать его матери (у него была сильная лихорадка и самъ онъ не могъ), чтобы она не безпокоилась, что у него ничего особеннаго нѣтъ, но все-таки, что, если возможно, такъ пріѣхала бы. Я написалъ. Въ отвѣтъ получилъ онъ письмо отъ сестры, которая пишетъ, что она поправляется, что мама пріѣдетъ черезъ недѣлю, въ субботу, и непремѣнно. Хочетъ со мной познакомиться и лично поблагодарить за участіе, которое я принимаю въ ея сынѣ. Надо тебѣ сказать, что я все время ухаживалъ за нимъ, приносилъ ему книги и читалъ ему все такое. Наташа, между прочимъ, пишетъ, что она сердита на меня за то, что я...

„ВЪ ЛУЧАХЪ СВѢТА“.

Отрывокъ изъ романа „Юность Сергѣя Полянскаго“.

I.

— Ну, прощай, Саша, дай обнять тебя въ послѣдній разъ: Богъ знаетъ, свидимся ли еще. Прощай, не забывай, о чемъ я тебѣ говорилъ, и, главное, не лѣнись писать... Смотри, не усни тамъ, на лаврахъ-то.

— Прощай... буду писать... а ты мнѣ пришли карточку ся, непремѣнно... слышишь...

Свистъ локомотива заглушилъ послѣднія слова уѣзжающаго. Поѣздъ дернулся назадъ, потомъ, медленно двигая своими колесами, мѣрно отошелъ отъ станціи, скрываясь все болѣе и болѣе изъ виду и исчезая въ туманномъ сумракѣ весенняго вечера. Сергѣй Сергѣевичъ Полянскій задумчиво направился къ выходу изъ вокзала.

„Вотъ и разбита наша шестилѣтняя дружба,—думалось ему.—Что, жъ не привыкать — не первый щелчокъ получаю я отъ судьбы... Однако я спокойнѣе, чѣмъ предполагалъ... Что жъ это значитъ? Или я не могу ни къ кому сильно привязаться?“

Занятый этимъ вопросомъ, онъ машинально вышелъ на улицу и отправился по направленію къ сосѣдней съ Варшавской станціи Петергофской желѣзной дороги.

„А Наташа?—мелькнуло у него въ головѣ.—Да, я люблю ее, люблю безумно, страстно...“ И въ его воображеніи быстро возникъ знакомый ему образъ шестнадцатилѣтней дѣвушки съ русой, густою косою, ласковыми и глубокими сѣрыми глазами и нѣжнымъ румянцемъ на нѣсколько загорѣвшихъ щекахъ.—„Да, я люблю ее...“—еще разъ настойчиво повторилъ онъ и зашагалъ бодрѣе по панели, любуясь вызваннымъ въ его воображеніи призракомъ.

„Люблю ее...—задумчиво, почти вслухъ произнесъ онъ.—

За что же? Какъ за что? Ну, разумѣется, за то, что она талантлива, за то, что она умна, проста, начитана... Да, ея нельзя не любить... она слишкомъ хороша, она идеально хороша... фу, какое пошлое выраженіе! Да, пошлое, какъ все пошло, старо и избито, — думалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ. — Вѣдь и вся жизнь не что иное, какъ пошлость. Я за то такъ и люблю Дороженко, что они необыкновенны во всемъ, начиная съ физіономій и кончая убѣжденіями и принципами.

„И какъ мы скоро сошлись: я — пятнадцатилѣтній мальчикъ, довѣрчивый, откровенный, ищущій любви и участія — это съ одной стороны; потомъ мать Наташи — Антонина Александровна, съ ея идеальными взглядами — съ другой стороны, Наташа служила какъ бы посредникомъ.

„Я любилъ ее, мнѣ нуженъ былъ другъ и руководитель въ новомъ для меня чувствѣ. Нина Александровна относилась ко мнѣ съ такимъ участіемъ — и вотъ въ счастливую минуту я признался ей, краснѣя и робѣя, что я люблю ея дочь. Все это, конечно, смѣшно и наивно, а поэтому и не могло имѣть никакого другого результата, какъ мое сближеніе съ Ниной Александровной. Она сдѣлалась моимъ другомъ, моей матерью. Придешь, бывало, къ ней съ какимъ-нибудь горемъ на душѣ — она уже по глазамъ узнаетъ, успокоитъ, утѣшитъ... а тутъ рядомъ звенитъ милый, грудной смѣхъ Наташи, видится ея веселое, разрумяненное отъ оживленія личико, горятъ чудные глаза — ну, и долой горе и сомнѣнье, и самъ дѣлаешься веселымъ и счастливымъ... Какъ же не сойтись, какъ же не любить ихъ? А мужъ Нины Александровны, Петръ Григорьевичъ, съ его всегдашними шутками и остротами? У него даже и лицо какъ-то такъ устроено, что такъ и кажется, что вотъ онъ хочетъ подойти и обнять тебя.

„Нѣтъ, Дороженко нельзя не любить!“ — рѣшительно заключилъ Сережа, входя на ступени станціи Петергофской дороги. Онъ взялъ билетъ до Сергія и черезъ нѣсколько минутъ сидѣлъ уже въ вагонѣ.

„Какъ странно, — думалъ онъ, разсѣянно смотря изъ окна вагона на тѣсно сжавшіеся кресты окрестнаго кладбища.— Саша въ эту минуту ѣдетъ изъ Петербурга на Кавказъ, ѣдетъ потому, что ему ничего не хочется, что онъ ничего не любитъ, ничего не ждетъ. Ему нужно разсѣяніе, онъ хочетъ бѣжать отъ самого себя и бѣжитъ. А я въ то же время, счастливый и влюбленный, ѣду къ Дороженко, и эта двухмѣсячная любовь совсѣмъ вытѣснила изъ сердца шестилѣтнюю дружбу.

„А какіе друзья были мы съ Сашей!

„Мнѣ почему-то въ память врѣзался одинъ вечеръ: мы сидѣли съ нимъ вдвоемъ, въ одной изъ нишъ нашего гимназическаго коридора, въ полутемнотѣ, слегка озаряемой багровымъ свѣтомъ потухающей печки. Въ окно смотрѣла луна. Виднѣлась длинная перспектива улицъ съ мигающими огненными точками — фонарями. Издали, изъ рекреаціонной залы доносился смѣшанный шумъ, говоръ и смѣхъ товарищей...

„Мы о чемъ-то говорили съ Сашей: кажется, я читалъ ему мое новое стихотвореніе...

„Хорошо и свѣтло было у меня на душѣ въ эти тихія мгновенія... Да, мы были большими друзьями... А теперь — онъ уѣзжаетъ, уѣзжаетъ навсегда — и я даже насильно не могу выжать на глаза ни одной слезы...

„Прощаясь съ нимъ, я думаю, что вотъ сейчасъ я сяду на поѣздъ, и онъ умчитъ меня къ Дороженко, въ ихъ уютныя комнатки, въ ихъ душистый садикъ, и рядомъ съ этимъ опять-таки она — царица этихъ комнатъ и этого садика... Ахъ, хоть бы скорѣе пріѣхать... вѣдь она ждетъ...“

— Позвольте спросить, далеко ли до Сергія? — раздался надъ его ухомъ чей-то неестественно-грубый голосъ.

Полянскій обернулся къ спрашивающему и остолбенѣлъ: передъ нимъ стоялъ Петръ Григорьевичъ Дороженко и смѣялся.

— Петръ Григорьевичъ! — радостно воскликнулъ Сережа, пожимая ласково протянутую руку. — Какими судьбами?

— Я домой ѣду. Задержали сегодня на службѣ, — все еще продолжая смѣяться, отвѣчалъ Дороженко, садясь на сосѣднее пустое мѣсто. — А вы къ намъ?

— Да... если позволите...

— Ну и отлично, ѣдемъ вмѣстѣ. Что̀, я васъ сильно напугалъ? Вы такъ задумались, просто страхъ... Я думалъ, восточный вопросъ рѣшаете...

— Я и то, признаваясь откровенно, рѣшалъ вопросъ, когда же вы наконецъ меня выгоните; вѣдь я чуть не каждый день у васъ.

— Послушайте, Сережа, какой вы странный, — возразилъ Дороженко, ласково глядя на лицо Сережѣ. — Вѣдь мы вамъ не надоѣли, съ какой же кстати вы предполагаете, что вы намъ надоѣли?

Сережа не нашелъ возможнымъ возражать на подобную логику и только пробормоталъ: — Положимъ, что... ну да, впрочемъ, теперь скоро ночь, все равно выгнать нельзя, не въ лѣсу же мнѣ ночевать, — рѣшительно и весело докончилъ онъ свою мысль.

— Нѣтъ, мы всегда очень рады, — продолжалъ серьезно Петръ Григорьевичъ, — и Наташѣ есть съ кѣмъ поболтать и поспорить. Она и то вчера спрашивала, что̀ это васъ давно не видно.

— Какъ давно? — возразилъ Сережа, между тѣмъ какъ сердце его радостно забилось. — Я вѣдь еще третьяго-дня былъ...

— Да, третьяго-дня, — лукаво продолжалъ Петръ Григорьевичъ. — когда вы получили такую головомойку отъ Наташи за стихи. Кстати, скажите мнѣ ихъ; за что она разсердилась?

Сережа покраснѣлъ до ушей.

— Да пустяки, Петръ Григорьевичъ... вы избавьте ужъ меня... я и не помню ихъ...

— Не помните—скажите содержаніе... — настаивалъ Дороженко.

— Да, право, пустяки, Петръ Григорьевичъ... ну, тамъ на модную тему — сомнѣніе, разочарованіе... — смущенно отвѣтилъ Сережа.

— Да, за это сто̀итъ бранить! И какъ вамъ не стыдно, право, размѣнивать вашъ талантъ на мелочи... И въ чемъ вамъ сомнѣваться, въ чемъ разочаровываться — вамъ въ будущемъ предстоитъ столько прекраснаго: извѣстность, уваженіе... Эхъ, мало сѣкли васъ... — съ укоризной заключилъ Петръ Григорьевичъ. — Однако пора выходить, — промолвилъ онъ.

Поѣздъ подошелъ къ станціи, на платформѣ забѣгали пассажиры, а черезъ пять минутъ по дорогѣ, едва видной въ сумеркахъ погасающаго вечера, бодрой рысцой бѣжала коляска Дороженко. По мѣрѣ приближенія къ мѣсту все сильнѣе и сильнѣе билось сердце Сережи. Вотъ и монастырь, спокойно уснувшій на берегу тихаго озера и утонувшій въ темныхъ волнахъ зелени. Вотъ ряды дачъ, окна которыхъ свѣтлыми огненными четыреугольниками прорѣзываютъ полумглу. За дачами и полями туманный просторъ моря. Откуда-то слышится скрипка, тихо рыдая въ тишинѣ и замирая слабымъ аккордомъ. На скамейкѣ у воротъ подъ аккомпанементъ гармошки звучитъ „Стрѣлокъ“.

„Скорѣе, скорѣе...—думаетъ Сережа.—Господи, пріѣдемъ ли мы когда-нибудь...“

— Ну, вотъ и пріѣхали... — весело проговорилъ Дороженко, выходя изъ коляски. — Идемъ, Сережа.

Они вошли во дворъ, мелко усыпанный желтымъ пескомъ и примыкавшій къ садику. — Сюда, куда же вы, забыли дорогу? — смѣялся Петръ Григорьевичъ, указывая на дверь.

— Папа, папа пріѣхалъ! Мамочка, папа пріѣхалъ...— весело и звонко послышалось имъ навстрѣчу, и на порогѣ двери показалась стройная фигура Наташи, улыбающейся и щурившейся отъ блеска свѣчи, которую она держала въ рукѣ.

II.

— Отчего вчера не пріѣхали? — быстро и сурово, обернувшись къ Сережѣ, спросила она и еле-еле протянула ему свою изящную руку.

— Это что же, допросъ? — шутливо промолвилъ онъ.

Наташа не отвѣтила ни слова. Она принялась помогать раздѣваться Петру Григорьевичу.

— Ужъ вы, кажется, успѣли побраниться...— проговорилъ онъ, глядя на нахмуренное личико дочери.

— Милые бранятся, только тѣшатся...—лукаво отвѣтила Наташа, вѣшая шинель Петра Григорьевича. — Сергѣй Сергѣевичъ... Сережа... да что жъ это? Развѣ вы не видите, что я не могу одна повѣсить... Да идите же сюда.

— Не пойду... — пробурчалъ Сережа.

— Что-о-о? не пойдете? Сейчасъ же идите, слышите... Я вамъ приказываю.. Ну же, поворачивайтесь...

— Не повернусь...

— Смотрите, будете раскаиваться... мнѣ вамъ что-то интересное нужно было сказать, а теперь не скажу.

— Авось и безъ этого проживу какъ-нибудь...

— Какъ знаете... Не хотите — не надо... — И она принялась снова вѣшать шинель, тщетно поднимаясь на цыпочки, и все-таки не доставала вѣшалки. — Чего же вы здѣсь стоите — идите въ столовую..—проговорила она, обернувшись къ Сережѣ.

— Не пойду... — отвѣтилъ онъ.

— Ну и не ходите, ну и стойте здѣсь... и чаю вамъ не дамъ... Паша, Паша, помоги мнѣ шинель повѣсить... Паша... Да что же это она нейдетъ... Ну, я не стану ее вѣшать, пусть лежитъ на стулѣ... Прощайте, стойте тутъ въ темнотѣ... Злюка... — И она, бросивъ шинель на стулъ, выбѣжала изъ дверей.

Сережа остался одинъ.

„Боже мой, какъ хороша... — промолвилъ онъ, страстно сжимая руки. — Царица... Пойти туда? Нѣтъ, я лучше выдержу характеръ — пусть сама за мной придетъ...“

„И входитъ онъ, любить готовый,
Съ душой, открытой для добра...
И мыслитъ онъ, что жизни новой
Пришла желанная пора...“ —

прошепталъ онъ. За дверями раздались торопливые шаги Наташи.

— Что же, вамъ угодно будетъ войти? — сказала она, вглядываясь въ темноту.

— Пожалуй... — небрежно отвѣтилъ Сережа. — Если вы попросите хорошенько...

— Сергѣй Сергѣевичъ, сдѣлайте намъ честь, войдите, пожалуйста... — проговорила она, дѣлая съ притворнымъ смиреніемъ реверансъ.

— Извольте, если вы такъ этого хотите... Богъ съ вами, пожалуй... — И онъ переступилъ порогъ комнаты и вошелъ въ столовую.

Столовая и вмѣстѣ съ тѣмъ зала была уютная, хорошенькая комната съ кисейными занавѣсками и цвѣтами на окнахъ. По стѣнамъ, оклееннымъ бѣлыми веселенькими обоями, были со вкусомъ развѣшаны олеографическія картины.

Піанино съ разбросанными на немъ нотами да легкая дачная мебель дополняли убранство.

Одно окно было открыто, и въ комнату заглядывала душистая и темная ночь. Посрединѣ стоялъ чайный столъ. Вокругъ него размѣстились Нина Александровна, Петръ Григорьевичъ и Володя, младшій братъ Наташи. Послѣ первыхъ привѣтствій Сережа усѣлся за столъ. Наташа подошла къ окну и принялась вглядываться въ сумракъ, разстилавшійся за нимъ.

— Сережа, да скоро ли вы кончите пить чай? Въ Петербургѣ не напились, а еще поэтъ! Пойдемте въ садъ... — прозвенѣлъ ея голосокъ.

— А вамъ, что жъ, чаю жаль? Никогда больше стакана не пью, а теперь выпью на зло...

— Не смѣйте... Слышите? Не смѣйте... Мнѣ жаль чаю! Ну, кончайте скорѣй и идемъ...

— Да что жъ ты въ самомъ дѣлѣ не дашь ему напиться... — вмѣшалась Нина Александровна.

— И знать ничего не знаю... Что это еще такое, онъ все время сегодня меня дразнитъ... Не хочу, не хочу и не хочу... Не дамъ больше! Слышите, не смѣйте пить...

— Ну, коли не дадите — нечего дѣлать... Идемъ... — И Сережа взялъ фуражку. — А Володя? — спросилъ онъ.

— Я еще не кончилъ... Я сейчасъ приду... — отвѣчалъ Володя.

— Идемъ же, Наталья Петровна... — и они вышли въ садъ.

Душистые кусты сирени, нѣсколько липъ да двѣ-три черемухи составляли весь садъ Дороженко. Тихо-тихо было

кругомъ. Полосы луннаго свѣта, рельефно выхватывая изъ темноты вѣтки сирени съ кистями лиловыхъ цвѣтовъ и пробираясь черезъ окно въ бесѣдку, перерѣзывали усыпанныя пескомъ дорожки садика.

— Сядемъ сюда... и разскажите мнѣ что-нибудь... — сказала Наташа, указывая Сережѣ на скамейку, залитую луннымъ свѣтомъ.

— Что̀ жъ вамъ сказать, Наталья Петровна; политикой мы съ вами не занимаемся, о литературѣ давно переговорили... Скучно — вотъ все, что̀ могу вамъ сказать, страшно скучно... Вотъ сегодня я Сашу проводилъ на Кавказъ, думалъ, что мы съ нимъ и дѣйствительно друзья на жизнь и на смерть, а оказалось, что я чуть не радъ, что онъ уѣзжаетъ; прошло два часа — я о немъ почти забылъ. Что̀ же въ такомъ случаѣ дружба, и гдѣ эта идеальная вѣчная дружба? Если ужъ я въ себѣ обманулся, во что же вѣрить, въ кого вѣрить? Если ужъ я сознаю, что я неспособенъ глубоко чувствовать, я не повѣрю, чтобы кто-нибудь другой былъ на это способенъ. Вы знаете, мы себя считаемъ всегда лучше и умнѣе другихъ...

Онъ задумался.

— А вы его любили? — тихо спросила Наташа.

— Да, по крайней мѣрѣ думалъ, что любилъ...

— Странно... Этого со мной не случалось... — задумчиво проговорила она. — Я помню, разъ только я испытала нѣчто подобное, но это было очень давно... Мы жили тогда на дачѣ Скворцова, вонъ тамъ, у самаго моря... Мы занимали верхъ, а внизу жили какіе-то купцы, ну, и у нихъ былъ сынъ Петя. Мнѣ въ этомъ Петѣ понравились щеки, такія розовыя, румяныя, я и подумала, что влюбилась. Моя любовь выражалась въ томъ, что я бѣгала отъ Пети и трусила его страшно. Мнѣ было тогда девять лѣтъ... Вы знаете, я и теперь не дурна, а тогда была, говорятъ, прехорошенькой дѣвочкой.

Сережа улыбнулся.

— Ахъ, какой вы злой, Сережа... — весело проговорила Наташа. — Ну, слушайте дальше и не перебивайте, а не то я перестану разсказывать. Петя этотъ былъ порядочный чурбанъ — ему бы только голубей гонять, но я тогда, конечно, не замѣчала этого. Вотъ, засталъ онъ меня какъ-то въ бесѣдкѣ, убѣгать было неловко, я и осталась... Не знаю, что̀ на меня нашло, только я взяла и бухнула Петѣ: „я тебя люблю!“ Какъ это случилось, я до сихъ поръ понять не могу; знаю только, что въ первую минуту я страшно покраснѣла и перепугалась, и только послѣ уже сообразила, что онъ вѣдь

не пойметъ этого. Онъ мнѣ говоритъ: „и я тебя“... А я только-что передъ этимъ прочла какой-то французскій романъ. Вѣдь вы знаете, мнѣ все позволялось читать. Я и давай ему пояснять, въ чемъ заключаются обязанности влюбленныхъ: какъ нужно сначала добиться поцѣлуя, потомъ писать записки и наконецъ увезти и жениться. Поцѣлуя онъ добился въ тотъ же вечеръ, или, говоря правду, я чуть не навязала ему этотъ поцѣлуй... И потомъ, вообразите, онъ цѣлое лѣто надоѣдалъ мнѣ самыми безграмотными записками, — ему, какъ видится, понравилась новая игра въ „влюбленныхъ“. Одна изъ этихъ записокъ попала къ папѣ. Папа принялся трунить надо мной и надъ безграмотностью моего обожателя, такъ что я несказанно обрадовалась,—заключила она со смѣхомъ,—когда его увезли въ какой-то пансіонъ. Но вѣдь это была не любовь, даже не увлеченіе, а такъ...

Сережа разсмѣялся.

— Ну, а тѣхъ, кого вы любите, вы не разлюбили бы такъ же скоро? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не разлюбила бы... — горячо заговорила Наташа. — Смотрите, какая чудная ночь! Въ этакія ночи я не могу скрытничать... Слушайте, я скажу вамъ, кого я люблю...

Сердце Сережи замерло.

— Мы познакомились три года тому назадъ. Онъ жилъ тутъ же, въ Сергіевѣ. Началось съ того, что онъ началъ ходить за мной на музыкѣ, потомъ...

— Да кто онъ? — перебилъ страстно Сережа.

— Володя Недолинъ, — тихо отвѣтила Наташа. — Вы его видѣли всего раза два; помните, третьяго-дня, въ паркѣ онъ раскланивался со мной... вы еще спросили, кто такой...

— Какъ, этотъ выхоленный франтикъ? — воскликнулъ Сережа.

— Сережа, будьте осторожнѣе въ выраженіяхъ... — вспыхнула Наташа. — Я вамъ говорю, что я его люблю, а вы тутъ же при мнѣ...

— Не сердитесь, Наталья Петровна... — грустно отвѣтилъ Сережа. — Я не могъ удержаться... я... я васъ люблю... — шопотомъ произнесъ онъ.

— Вы... любите меня?

— Да, я... — съ озлобленіемъ заговорилъ Сережа. — Я... я васъ люблю глупо, безумно, страстно, я жизнь готовъ отдать за васъ, слышите ли? Легко ли мнѣ, какъ вы думаете? Да поймите же, что я безъ вашей любви жить не могу, поймите вы это...

И онъ крѣпко сжалъ руку Наташи въ своей широкой рукѣ и зарыдалъ.

Наташа растерялась.

— Полно, успокойтесь... — заговорила она, не отнимая руки. — Что жъ дѣлать, вѣдь я же не виновата, вѣдь здѣсь никто не виноватъ... Ахъ, если бъ я знала это раньше... Да полно, Сережа... и зачѣмъ я вамъ сказала это... я васъ сама люблю, какъ друга, какъ брата... Ну, хотите, будемъ друзьями на жизнь и на смерть, навсегда... хотите... хочешь?

— Наташа, выслушайте меня, — страстно отвѣтилъ онъ, отпуская ея руку, къ которой приникъ горячимъ поцѣлуемъ. — Вѣдь вы для меня единственная святыня; я никого не люблю, ни въ кого не вѣрю, кромѣ васъ. Я съ восьми лѣтъ остался сиротою, брошенъ былъ въ четыре стѣны гимназіи, одинъ, безъ любви, безъ всякаго участія... Вы первая со мной говорите ласковымъ языкомъ. Саша любилъ меня, Саша поклонялся мнѣ, но онъ былъ нравственно ниже меня и я его не уважалъ. Вы лучше меня, вы выше меня, я васъ полюбилъ: что же здѣсь удивительнаго?.. Вы подняли во мнѣ вѣру въ себя, въ мой талантъ и въ людей. Я видѣлъ обманъ вездѣ и только въ васъ не видѣлъ обмана. Вамъ я обязанъ моими лучшими стихотвореніями, моими первыми успѣхами въ литературѣ и дерзкими мечтами о славѣ... Вамъ наконецъ я обязанъ этими мучительно-пріятными минутами... Какъ же мнѣ не любить васъ, какъ же мнѣ не молиться на васъ, какъ на первый свѣтъ во мглѣ моей жизни, какъ на святыню! И вдругъ вы говорите, что вы меня не любите... Знаете ли вы, сколько свѣтлыхъ надеждъ вы разбиваете? Знаете ли, что вы этимъ говорите, что вы для меня чужая, что я не имѣю права любить васъ... Вѣдь это тяжело, Наташа, мучительно-тяжело. Будемъ друзьями... — со вздохомъ заключилъ онъ, прижимая еще разъ къ губамъ ласково протянутую руку.

— Сережа, я не забуду вашей любви, и вѣрьте, когда мнѣ нужно будетъ утѣшеніе, я ни къ кому, кромѣ васъ, не обращусь, — растроганно отвѣтила Наташа.

— Спасибо вамъ, — проговорилъ онъ, — спасибо за то, что вы не оттолкнули меня, не отвѣтили мнѣ насмѣшкой... Что это... музыка? — прошепталъ онъ. — Слышите?

Изъ открытаго окна доносились звуки фортепіано. Тихо и страстно въ сонномъ воздухѣ раздавалась серенада Шуберта. А вокругъ горѣла ночь, непроглядная, ласковая, душистая ночь, и лунный свѣтъ мягко освѣщалъ растроганное лицо Наташи и тонулъ въ волнахъ мглы.

— Господа, что вы тамъ засидѣлись, идите въ комнату, сыро, а ты, Наташа, еще въ русскомъ костюмѣ — простудишься... — закричала изъ окна Нина Александровна.

Они молча переглянулись и отправились домой.

III.

Всѣ разошлись очень поздно. Наташа объявила, что она будетъ пѣть, и Сережа, разговорившійся съ Ниной Александровной, неловко оборвалъ разговоръ и весь предался вниманію. Онъ испытывалъ какое-то грустное, но пріятное чувство. Въ душѣ его шевелилось сознаніе, что послѣ этого вечера Наташа для него не совсѣмъ чужая, что между ними есть тайна, неизвѣстная и непонятная для другихъ. Часто, когда въ словахъ романса встрѣчался хотя слабый намекъ на тѣ отношенія, которыя установились теперь между нимъ и Наташей, Сережа встрѣчалъ ея глубокій взглядъ, какъ бы говорившій ему: „мы съ тобой понимаемъ это“ — и онъ чувствовалъ, какъ вся душа его отзывалась на этотъ взглядъ и на губахъ его, противъ его воли, появлялась задумчивая улыбка. „Друзья на жизнь и на смерть... хотите... хочешь?“ — звучалъ въ его душѣ знакомый, растроганный тихій голосъ — и сердце его сладко билось въ отвѣтъ на эти дорогія слова.

„Что жъ, — думалъ онъ, — если судьба распорядилась такъ, а не иначе, если она полюбила другого — я постараюсь заглушить въ себѣ мою безумную, первую, не увѣнчанную успѣхомъ страсть. Я буду ея другомъ, я забуду все для нея. Ей нужны друзья — она еще не сталкивалась съ жизнью, не испытала ни одного разочарованья, она свѣтло смотритъ на все и идетъ съ гордой вѣрой въ судьбу и людей. Рано или поздно, а вѣра эта должна разбиться. Придетъ пора сомнѣній и разочарованій, настанутъ безсонныя ночи, въ сердцѣ закипятъ жгучія слезы. Отъ этого не уберегутъ ея всѣ старанія, вся любовь отца и матери. Въ эти минуты я пригожусь ей; пожертвую любовью для дружбы, а если буду не въ состояніи заглушить совершенно мое чувство къ ней — я его затаю глубоко-глубоко на душѣ ото всѣхъ и даже отъ нея“.

Это сознаніе, сознаніе своего великодушія, убаюкивало грусть Сережи и заставляло его отраднѣе смотрѣть впередъ. А тутъ какъ разъ звучали знакомыя слова романса —

Уймитесь, волненія страсти,
Усни, безнадежное сердце...

и исполненный вдохновеніемъ, глубокій взглядъ Наташи вспыхивалъ и потухалъ подъ длинными, густыми рѣсницами.

Стѣнные часы пробили два.

— Какъ хотите, больше я не позволю сидѣть!—рѣшительно заявила Нина Александровна,—уже два часа...

— Мамочка, еще одну вещицу...—молила Наташа.—Сережа еще не слыхалъ ея...

— Нѣтъ, Таля, нельзя, пора спать. Онъ самъ, я думаю, усталъ послѣ экзамена...

— Я не усталъ, Нина Александровна,—попытался-было заступиться Сережа, но Петръ Григорьевичъ рѣшительно отказался аккомпанировать. Нечего дѣлать—пришлось расходиться.—„Прощай",—шепнула Наташа Сережѣ, крѣпко сжавъ его руку.

— Прощай,—такъ же тихо отвѣтилъ онъ ей и отправился съ Володей наверхъ, гдѣ были приготовлены для нихъ постели.

Сережа долго не могъ заснуть; въ его воображеніи, какъ живая, вставала Наташа, и грезы, юношескія, страстныя грезы волновали его грудь. Подушка жгла его; кровь приливала къ вискамъ... Ему стало душно—онъ поднялъ штору и отворилъ окно. Столбъ луннаго свѣта ворвался въ комнату и, скользнувъ по лицу соннаго Володи, блѣднымъ пятномъ отразился на двери. За окномъ тонули во мракѣ неясныя очертанія дачъ съ выглядывающими изъ-за крышъ контурами деревьевъ. Востокъ уже начиналъ бѣлѣть, но вся остальная часть неба попрежнему оставалась темною. Изъ лазурной вышины кротко смотрѣли внизъ алмазныя звѣзды.

„Не все еще потеряно, — думалъ Сережа, сжимая руками свою пылающую голову.—Она пойметъ же когда-нибудь, что этотъ Недолинъ не стòитъ ея любви, ея золотого сердца. На лицѣ его написано столько пошлости, что не трудно сразу опредѣлить, къ какого рода людямъ принадлежитъ онъ. И что̀ понравилось въ немъ Наташѣ? Румяное, наглое лицо? Бѣлокурые волосы? Глаза, безъ признака огня и выраженія? Э, да что̀ объ этомъ думать,—перебилъ онъ самъ себя,—что̀ ни понравилось, она предпочла его всѣмъ другимъ. Она находитъ, что онъ стòитъ этого—ну, и кончено... Прощайте, безумныя грезы!

„Уймитесь, волненія страсти,
Усни, безнадежное сердце".

А грезы, какъ на зло, не унимались. Неугомонное воображеніе рисовало Сережѣ цѣлый рядъ картинъ, одна другой привлекательнѣе. Видится ему тотъ же садъ, озаренный блѣд-

нымъ свѣтомъ луны... Онъ сидитъ на той же самой скамейкѣ, обвивая рукою стройный станъ Наташи. „Я люблю тебя“,— страстнымъ шопотомъ звучитъ во мракѣ ея голосокъ, и милая русая головка стыдливо склоняется на его плечо... Вокругъ ни души—и только изъ раскрытаго окна слышатся звуки серенады Шуберта, да внезапно набѣжавшая теплая струя вѣтерка, коснувшись волосъ Наташи, пробѣжитъ по темнымъ кустамъ сирени, и снова стихаетъ и снова пробѣжитъ—но уже гдѣ-то дальше. Сережа весь отдается сладкому обаянію нѣги... „Прощай“,—тихо звучитъ надъ нимъ знакомый голосокъ, и, убаюканный, онъ закрываетъ глаза... Воображеніе ослабѣваетъ, образы колеблются и исчезаютъ— вмѣсто нихъ передъ глазами сплетаются и таютъ и снова сплетаются какіе-то голубые и коричневые круги... еще минута—и онъ уснетъ. Внезапно раздавшійся стукъ отворяемаго подъ нимъ окна разбудилъ его. Изъ окна тихо зазвучалъ знакомый голосъ—ему отвѣтилъ другой, незнакомый. Сережа прислушался.

Наташѣ также не спалось... Объясненіе въ саду не на шутку ее волновало и безпокоило, тѣмъ болѣе, что она не могла не сознавать, что она сама вызвала его своимъ слишкомъ простымъ обращеніемъ съ Сережей. Къ этому сознанію примѣшивалось еще чувство удовлетвореннаго самолюбія. Ей вспомнилось это робкое: „я васъ люблю“, вспомнился затаенный огонь послѣдняго „прощай“, и сердце ея сладко забилось. „Да, онъ дѣйствительно любитъ меня,—думалось ей,— я дѣйствительно хороша“. Но одинъ вопросъ долго не давалъ ей покоя: она не знала, какъ ей теперь держать себя по отношенію къ Сережѣ. „Если я буду обращаться съ нимъ, какъ съ другомъ, какъ съ братомъ—я еще болѣе буду разжигать эту несчастную любовь; если я буду сдержана и холодна—онъ будетъ страдать. Я обѣщала, что буду его другомъ; но въ состояніи ли я сдержать это обѣщаніе? Дружба— вещь святая, съ ней нельзя шутить... Пусть будетъ, что будетъ,—рѣшила она наконецъ,—довольно объ этомъ думать... лучше я буду думать о Володѣ“.

Картина за картиной, развернулась передъ ней вся исторія ея любви. Сначала, какъ она говорила Сережѣ, Володя слѣдилъ за нею на музыкѣ... Какъ-то пришлось имъ встрѣтиться однимъ въ паркѣ; она уронила платокъ, онъ подалъ ей его— и съ этой минуты они стали кланяться. Нина Александровна, придерживающаяся въ своей методѣ воспитанія того правила, что только то неприлично, что безнравственно, и что довѣріе—

лучшая узда, умышленно не обращала никакого вниманія на новое знакомство дочери. А знакомство это становилось все короче и короче. Наконецъ Володя не выдержалъ и намеками признался Наташѣ, что онъ ее любитъ. Это было первое признаніе, которое она слышала. Ее неопытная головка окончательно вскружилась. При нечаянныхъ встрѣчахъ затаенный огонь намековъ и главнымъ образомъ сознаніе, что она любитъ, что она уже взрослая—все это окончательно увѣрило Наташу, что она дѣйствительно влюблена. Она не думала о будущемъ, не загадывала впередъ, она жила, отдаваясь житейской волнѣ безъ вопросовъ и сомнѣній—и эта волна весело уносила ее въ розовую даль. Недѣлю тому назадъ въ паркѣ, на качеляхъ, Володя обнялъ ее. Наташа вспыхнула; поступокъ этотъ такъ ошеломилъ ее, что она не сказала ни слова, и только жгучія слезы стыда выступили на ея рѣсницахъ... Всю ночь она проплакала отъ какого-то невѣдомаго, мучительно-сладкаго чувства и на другой день вечеромъ, снова встрѣтясь съ Володей, она напрасно старалась слѣдовать заранѣе обдуманному плану и озадачить его своей холодностью... Онъ засмѣялся чему-то, она не удержалась и отвѣтила ему такимъ же беззаботнымъ смѣхомъ.

Въ этотъ вечеръ Володѣ удалось еще разъ обнять ее и поцѣловать ея руку. Странныя чувства закрались въ грудь Наташи: она не могла въ нихъ дать себѣ отчета, она сознавала только одно, что она дѣлаетъ что-то дурное, хотѣла остановиться—и не могла. Она привыкла ничего не скрывать отъ матери, а теперь ей приходилось это дѣлать. Къ кому обратиться?—думала она и уже остановилась на Сережѣ, когда нечаянно вырвавшееся „я васъ люблю“ остановило ея намѣреніе...

„Что же мнѣ дѣлать,—думала Наташа,—отъ кого ждать совѣта?“

И вновь цѣлая вереница свѣтлыхъ грезъ и воспоминаній заслонила собою роковой вопросъ, заставляя сладко биться ея сердце...

Легкій стукъ въ окно прервалъ ея размышленія. Наташа приподнялась и оперлась на подушку—стукъ повторился еще сильнѣе.

— Кто тамъ?—тихо спросила она.

— Я, отворите...—отвѣчалъ знакомый голосъ.

„Сумасшедшій, что онъ дѣлаетъ,—мелькнуло въ ея головѣ.— Вдругъ услышитъ папа...“—Она окончательно растерялась.

— Да отворите же, это я,—еще настойчивѣе раздалось за окномъ.

Наташа не двигалась.

— Отворите ли вы?—почти грубо заговорилъ Володя.—Я хочу этого, слышите?.. Торопитесь же, скорѣе.

Наташа хотѣла сказать ему, что онъ забывается, хотѣла крикнуть, позвать кого-нибудь—и не могла. Накинувъ на плечи пледъ, она робко отперла окно и, взволнованная, не будучи въ состояніи собрать своихъ мыслей, прошептала: „Какъ вы смѣли...“

— Я держалъ пари съ Хоменко,—заговорилъ Володя,—что я приду ночью къ вамъ, разбужу васъ и заставлю васъ говорить со мною. Онъ меня увѣрялъ, что я не посмѣю этого сдѣлать. Мы условились, что сегодня въ три часа онъ будетъ въ саду, въ кустахъ, а я исполню, что̀ сказалъ... Прощайте, мнѣ больше ничего не нужно,—со смѣхомъ заключилъ онъ и, перескочивъ черезъ заборъ сада, исчезъ.

Вся кровь ударила въ голову Наташи... рыданіе сдавило ей горло... „Негодяй!“—вырвалось изъ ея задрожавшихъ губъ, и, приникнувъ къ подушкѣ, она залилась жгучими слезами.. А наверху Сережа съ бѣшеной злобой и сжатыми кулаками смотрѣлъ на исчезавшую въ сумракѣ фигуру счастливца.

IV.

— Эй, мечтатель, поэтъ... вставай! Поворачивайся же, соня этакій,—со смѣхомъ раздалось надъ ухомъ Сережи...

Онъ поднялъ голову и открылъ глаза. Яркій солнечный лучъ ударилъ ему въ лицо.

— Хорошъ!—смѣялся между тѣмъ Володя,—до того замечтался, что заснулъ на подоконникѣ. Да вѣдь какъ спалъ-то еще—я насилу добудился. Я ему говорю: вставай!—а онъ мычитъ что-то, и конченъ балъ. Я ужъ всякую надежду потерялъ.

— Который часъ?—спросилъ Сережа...

— Да уже десять часовъ. Папа два раза приходилъ справляться... Кстати, папа говорилъ, что какой-то твой товарищъ заходилъ часовъ въ девять, тебя спрашивалъ: кто такой?

— А, это Брониковъ,—отвѣтилъ Сережа,—онъ гоститъ тутъ у знакомыхъ. Что̀, чай уже пили?

— Пьютъ. Мойся, да идемъ скорѣе... Наши, кажется, въ монастырь итти собираются. Ты пойдешь?

— Пойду,—отвѣтилъ Сережа и принялся приводить себя въ порядокъ. Черезъ нѣсколько минутъ оба они сидѣли ужъ въ столовой за столомъ.

— Спокойно ли было вамъ спать?—спросилъ Петръ Григорьевичъ у Сережи.

— О, очень спокойно, папа,—со смѣхомъ отвѣтилъ Володя.—Вообразите, я просыпаюсь, гляжу на его постель—а его тамъ и нѣтъ. Неужели, думаю, онъ раньше меня поднялся? Не можетъ быть... Начинаю осматриваться—и вижу, что онъ сидитъ на стулѣ, передъ окномъ, а голову положилъ на подоконникъ. Я думалъ, что онъ рано всталъ и грѣется на солнцѣ—смотрю, спитъ!.. И то какихъ-то два мужика стояли передъ окномъ, на улицѣ, и пальцами на него показывали..

Всѣ разсмѣялись, только Наташа вспыхнула и бросила на Сережу тревожный взглядъ. Одного этого взгляда было достаточно для нея, чтобы понять, что онъ все знаетъ. А онъ сидитъ, какъ на иголкахъ, отвѣчая растерянной улыбкой на общій смѣхъ.

— Однако вы поздненько встаете, — замѣтила Нина Александровна.—Впрочемъ, и моя принцесса сегодня еле поднялась—спитъ, какъ убитая...

— Симпатія...—попробовалъ сострить Сережа.

— Да, симпатія,—серьезно отвѣтила ему Наташа.—Мама, идешь ты въ монастырь?

— Я пойду, не знаю, какъ вы; но, во всякомъ случаѣ, надо торопиться—и то ужъ придемъ къ шапочному разбору.

Въ нѣсколько минутъ всѣ были готовы. Сережа пошелъ съ Наташей впередъ и опередилъ остальныхъ. Нѣсколько шаговъ они шли молча.

— Наталья Григорьевна, помните вы нашъ вчерашній разговоръ?—робко началъ Сережа, глядя въ землю, чтобъ избѣжать взора Наташи.

— Да, помню,—тихо отвѣчала она.—А что̀?

— Помните ли вы, что̀ вы мнѣ сказали въ отвѣтъ на то призна... на тѣ слова, которыя невольно вырвались у меня вчера?

— Помню...

— А вы сдерживаете ваше обѣщаніе, или оно дано было подъ впечатлѣніемъ минуты, подъ вліяніемъ весенней ночи?

Наташа съ недоумѣніемъ взглянула на него.

— „Друзья на жизнь и на смерть... хотите... хочешь...“—съ усиліемъ отвѣтилъ онъ, инстинктивно чувствуя на себѣ ея взглядъ и еще ниже нагибая голову.

„Нѣтъ сомнѣнія, онъ слышалъ... онъ все знаетъ...“—подумала Наташа.—Вы слышали?—спросила она.

— Да, слышалъ... я все слышалъ...—вспылилъ Сережа.—Достаточно было этихъ немногихъ словъ, которыя онъ ска-

залъ вамъ, чтобы все понять... И любить такого... милаго господина... отдавать ему свое сердце, плакать за него... Это—безумство, простите меня, вѣдь я самъ васъ люблю...— съ внезапнымъ приливомъ отчаянія сказалъ онъ. — Вѣдь мнѣ больно, больно за васъ... Поймите, что я не могу объ этомъ говорить хладнокровно...

Наташа не отвѣчала. Она сознавала, что Сережа былъ правъ, безпощадно правъ.

— И вы такъ мало вѣрите въ меня, что боялись мнѣ разсказать объ этомъ и испугались, когда поняли, что я все знаю... А я-то тѣшилъ себя надеждой, что мы и вправду друзья... Не дай Богъ ни въ комъ вамъ такъ ошибиться, Наташа,—съ горечью сказалъ Сережа, взглянувъ прямо ей въ лицо своимъ честнымъ и открытымъ взглядомъ.

— Я не потому хотѣла скрыть это отъ васъ, что я въ васъ не вѣрю, Сережа,—оправдывалась Наташа,—мнѣ просто было стыдно за него, мучительно стыдно...

— Да, и вы опять всю ночь проплакали,—отвѣтилъ онъ.— Не отпирайтесь,—это въ порядкѣ вещей. И о чемъ плакать? Вѣдь это еще только цвѣточки, а вы имѣйте терпѣніе, такъ еще и ягодки увидите... Онъ теперь только намекнулъ вамъ, а черезъ день какъ дважды-два докажетъ, что онъ ни капли васъ не уважаетъ, что онъ любитъ васъ и поддерживаетъ съ вами хорошія (онъ подчеркнулъ это слово) хорошія отношенія ровно настолько, чтобы имѣть право ими хвастаться передъ другими, передъ своими друзьями, такими же благородными, какъ онъ. Что же, плачьте по ночамъ—у него вѣдь отъ этого ничего не убудетъ: онъ будетъ такъ же румянъ и веселъ и будетъ все такъ же искренно любить васъ и... уважать,—съ злою ироніей заключилъ Сережа.

— Сережа, къ чему эти насмѣшки, къ чему этотъ тонъ? Мнѣ и такъ тяжело... Господи, что̀ дѣлать, что̀ дѣлать?—съ отчаяніемъ прошептала Наташа.

— Что̀ дѣлать? Я вамъ скажу, что̀ дѣлать: дайте мнѣ возможность съ нимъ поговорить и забудьте его, если можете,— горячо отвѣтилъ Сережа.

Наташа вспыхнула.

— Не смѣйте этого дѣлать!—заговорила она.—Я не хочу этого... поймите, что я и теперь люблю его...

— На здоровье, Наталья Григорьевна, любите, любите— любовь чувство прекрасное! Я мѣшать не стану... мнѣ что̀? Я чужой, я здѣсь ни при чемъ, я—отвергнутый воздыхатель, все, что̀ сказано мною, или ложь, или расчетъ личныхъ выгодъ, или ревность. Вы мнѣ приказываете, мнѣ ничего не

остается дѣлать, какъ только покориться... А о дружбѣ, знаете, отложимъ попеченія на время; не надолго—только до слѣдующей хорошей ночи, когда вы опять придете въ такое же настроеніе духа, какъ вчера, въ саду... Простите за рѣзкость—иначе не могу; что дѣлать—такой характеръ...— И онъ замолчалъ.

„Все кончено, да, теперь все кончено,—думалъ онъ,— даже мечты о дружбѣ разлетѣлись въ прахъ... этакое ужъ у меня счастье... Вѣрно, Недолины способнѣе меня къ любви и дружбѣ...“

А Недолинъ былъ легокъ на поминѣ. Онъ шелъ по шоссе навстрѣчу, весело болтая съ какой-то хорошенькой блондинкой. Поровнявшись съ Наташей, онъ небрежно, не прерывая разговора, кивнулъ ей головой и, обратившись къ своей собесѣдницѣ, что-то со смѣхомъ началъ ей разсказывать, нѣсколько разъ оглядываясь на прошедшую съ опущенными глазами, смущенную и взволнованную Наташу. Сережа былъ блѣденъ, какъ полотно, и долженъ былъ употребить громадное усиліе, чтобы казаться по наружности спокойнымъ.

— Господа, налѣво,—раздался голосъ Петра Григорьевича,—сегодня служба, кажется, въ зимней церкви...

V.

Тихо и торжественно, какъ органъ, звучалъ монастырскій хоръ, слабо замирая подъ высокими сводами церкви. Яркое солнце, заглядывая въ разноцвѣтныя окна, зажигало радужными цвѣтами густые клубы ладана. Богомольцевъ было немного. Двѣ-три старушки, въ скромныхъ черныхъ платьяхъ, робко затаились въ уголку. Нѣсколько дачниковъ да какой-то сѣдой отставной генералъ—временъ очаковскихъ и покоренья Крыма—составляли всю публику, Обѣдня почти кончалась—пѣли „Вѣрую“. Сережа сталъ позади Дороженко и наблюдалъ. Молиться онъ не могъ: онъ переживалъ въ это время бурную и тяжелую пору религіозныхъ сомнѣній, но какое-то благоговѣйное чувство невольно закрадывалось въ грудь его при видѣ окаменѣвшей въ страстной молитвѣ фигуры Наташи.

— Господи, пошли ей счастья,—горячо шепталъ онъ,— если только Ты существуешь,—и онъ нѣжнымъ взоромъ слѣдилъ за каждымъ поворотомъ головы Наташи, за каждымъ поднятіемъ ея руки.

„За кого она молится?—думалось ему порой.—За себя ли, или за него... или за меня?“

А Наташа дѣйствительно въ это время молилась и за себя, и за Володю, и за него.

— Господи,—молила она,—научи, что̀ мнѣ дѣлать... Я гибну, спаси меня... спаси и его, Господи, прости его... Онъ, можетъ-быть, не такъ виноватъ... онъ, можетъ-быть, не видалъ ни хорошаго примѣра... ни... Нѣтъ, я все не то говорю... Господи, прости его, потому что я его люблю, прости, какъ я его прощаю... Облегчи участь Сережи, онъ мучается, бѣдный, онъ страдаетъ... Что̀ мнѣ дѣлать, Боже мой, что̀ мнѣ дѣлать?.. Я даже молиться не могу: онъ, онъ всюду передо мной... Я гибну, спаси меня, Господи...

И она сжимала свои руки, и горячія слезы блестѣли на ея рѣсницахъ.

Горячо молилась и Нина Александровна: молилась она за дочь свою, за свою Наташу, прося оградить ее отъ мукъ и разочарованій, прося сохранить въ чистотѣ ея сердце.—Ты пошлешь Ангела Твоего къ ней,—шептала Нина Александровна,—и онъ сохранитъ ее... Ты благъ, Господи, услышь же молитву мою...

Обѣдня отошла...

— Сережа,—обратилась къ нему Нина Александровна,—мы съ Петромъ Григорьевичемъ и Володей пройдемъ на минутку къ настоятелю, а вы съ Наташей погуляйте пока по кладбищу... Ждите насъ на скамеечкѣ у озера—мы сейчасъ придемъ.

— Хорошо, Нина Александровна,—отвѣтилъ Сережа, любуясь, какъ Наташа ласково и стыдливо одѣляла нищихъ,—только какъ бы не разойтись намъ...

— Не разойдемся...—отвѣтила она.—Ты, Наташа, проведи его къ новой часовнѣ—оттуда прекрасный видъ на море.

— Идемъ, Сергѣй Сергѣевичъ,—проговорила Наташа, открывая зонтикъ.—Я вамъ покажу мое любимое мѣстечко.

При первыхъ звукахъ ея голоса Сережа пытливо взглянулъ въ ея лицо... Въ словахъ Наташи звучала какая-то незнакомая ему до этихъ поръ, ласковая и торжественная нотка. Не было и слѣда прежняго отчаянія—что-то кроткое, спокойное и ясное, какъ это солнечное, яркое утро, горѣло въ ея чертахъ.

— Наташа, что̀ съ вами?—не удержался онъ.

— Со мной?—съ удивленіемъ спросила Наташа.—Ничего... а что̀?..

— Васъ не узнать: вы такъ за эти два часа перемѣнились...

— Я молилась,—строго и серьезно отвѣтила Наташа, и вновь то же самое чувство благоговѣнья, которое испытывалъ онъ въ церкви, овладѣло его душой.—Я знаю теперь, что̀

мнѣ дѣлать,—такъ же спокойно и ясно продолжала она,—я... я покончу съ этими отношеніями, и, мнѣ кажется, я ужъ и теперь не люблю его... Посмотрите, Сережа, какъ хорошъ этотъ крестикъ; да не тотъ, вы не туда смотрите... вотъ тамъ, видите—мраморный, весь въ цвѣтахъ... Господи, какъ бы я хотѣла умереть! Вѣдь тамъ,—и она указала на безоблачную, безбрежную лазурь,—тамъ ни злобы, ни разочарованій, ни сомнѣній... Тамъ—любовь, вѣчная и безкорыстная, и вѣчная молитва. Тамъ Богъ! Знаете ли вы, что̀ такое Богъ?—заговорила она, внезапно одушевляясь,—все, что̀ есть лучшаго. Богъ—это та любовь, святая и искренняя, которую питаетъ мать къ дѣтямъ; Богъ—это та любовь, которая заставляетъ васъ жертвовать своей жизнью для спасенія ближняго; Богъ—это та любовь, которая всѣхъ ровняетъ; Богъ—это тѣ слезы, чистыя и свѣтлыя, которыя кипятъ на глазахъ вашихъ, когда сердце ваше полно чистаго и свѣтлаго восторга; Богъ—это та красота, которой вы любуетесь въ природѣ; Богъ—та поэзія, которая слышна въ музыкѣ; Богъ—эта та простая и свѣтлая мудрость, передъ которой вы невольно склоняетесь—и все это въ высшей степени, невозможной для человѣческаго пониманія. Вотъ что̀ такое Богъ... Не знаю, понимаете ли вы меня,—прибавила она, откинувъ назадъ привычнымъ движеніемъ руки свою густую русую косу и смотря въ глаза Сережи тѣмъ же ласковымъ и спокойнымъ взглядомъ, и только легкій румянецъ—признакъ возбужденія—игралъ на ея смуглыхъ, покрытыхъ замѣтнымъ загаромъ щекахъ.

— Наташа, вы поэтъ!—проговорилъ онъ, любуясь ею, любуясь этимъ чуднымъ взглядомъ, который такъ ласково смотрѣлъ на него изъ-подъ широкихъ полей соломенной шляпы.

— А мы,—прервала его Наташа,—мы, считающіе жизнь высшимъ благомъ, не понимаемъ и не хотимъ понять, что есть еще высшее благо—смерть. Вы только подумайте,—оживилась она,—подумайте, что тамъ, за гробомъ, не будетъ этихъ слезъ, которыми я плакала сегодня ночью, не будетъ ничего дурного и порочнаго, ничто не нарушитъ покоя души, ничто не возмутитъ и не взволнуетъ... Подумайте, что тамъ вѣчно будетъ горѣть этотъ чудный свѣтъ, который теперь въ моей душѣ, что тамъ не нужно будетъ ни обманывать, ни хитрить, ни... ревновать,—тихо прибавила она.—Тамъ всѣ любятъ всѣхъ, тамъ нѣтъ ни зависти ни страсти. Вамъ это не смѣшно?—какъ бы спохватившись, спросила она.

— Нѣтъ, не смѣшно, Наташа,—отвѣтилъ Сережа,—но это такъ ново для меня: я... я не вѣрю, Наташа,—грустно докончилъ онъ.

— Вы не вѣрите?..—И она съ глубокимъ сожалѣніемъ взглянула въ его лицо.—Вы не вѣрите въ Бога?..

— Да, не вѣрю...—тихо отвѣтилъ онъ, краснѣя. Наступила небольшая пауза.

— Послушайте, Сережа,—ласково заговорила она,—я васъ разувѣрять не стану: у меня не хватитъ на это ни ума ни умѣнья. Я вамъ одно скажу только—молитесь, и я буду за васъ молиться. Богъ милосердъ, Онъ пошлетъ вамъ вѣру. Поймите же только одно: откуда же въ порочныхъ людяхъ могъ выработаться тотъ свѣтлый идеалъ, какимъ они представляютъ себѣ Бога, и откуда, наконецъ, могло выработаться неудовлетвореніе жизнью и неясное стремленье куда-то туда, кверху? Какъ могли рыбаки-апостолы быть такими высоко-нравственными людьми? Вглядитесь въ религію—какъ она нравственна. Ни одного пятна, ни одной уступки безсильному человѣчеству!.. Откуда же эта нравственность и чистота, когда вокругъ столько пошлости и грязи? Впрочемъ, что̀ это, какъ я книжно выражаюсь,—внезапно сконфузившись, добавила она. Наступило небольшое молчаніе.

— Я не умѣю отвѣтить вамъ на это сразу,—возразилъ Сережа,—дайте мнѣ подумать. Но я спрошу васъ объ одномъ: откуда къ вамъ явились свѣтлыя мысли и эта логика?

— Ахъ, Господи, вы все обо мнѣ,—досадливо отвѣтила она.—А вы думаете, мнѣ легко досталась моя вѣра? Вы думаете, я мало боролась за нее, мало сомнѣвалась, пока наконецъ додумалась, что такъ должно быть, потому что иначе быть не можетъ? Богъ сжалился надо мной: Онъ мнѣ послалъ этотъ святой якорь спасенья...—заключила она, входя на ступеньки, ведущія на верхушку часовни, съ которой, дѣйствительно, открывался прекрасный видъ.

Море какъ будто спало, пригрѣтое яркими солнечными лучами. Въ ясной дали тонулъ дальній парусъ, все болѣе и болѣе сливаясь съ небосклономъ. А внизу бѣлѣли кресты кладбища, бѣжали во всѣ стороны извилистыя дорожки, и изъ темной группы густой зелени виднѣлась блестящая крыша церкви.

— Какъ здѣсь хорошо,—невольно вырвалось у Сережи.

— Да, хорошо...—задумчиво отвѣтила Наташа, вглядываясь въ лазурную даль моря.—Сережа,—вдругъ обернулась она къ нему съ тихой и ясной улыбкой,—а задавали ли вы себѣ вопросъ, почему здѣсь хорошо?

— Хорошо потому,—сама отвѣтила она,—что нѣтъ... какъ бы это выразить... диссонансовъ. Здѣсь—полный аккордъ, красота природы, отсутствіе всего, что̀ можетъ волновать и

тревожить, общество той, кого, какъ вы говорили, вы... любите—вотъ почему хорошо. Тамъ—будетъ еще лучше! Тамъ будетъ все это во всемъ совершенствѣ, начиная съ природы и кончая любовью, не нашею земною любовью, но иной, святой, небесной любовью! Какъ же не хотѣть умереть, когда здѣсь душно, когда душа проситъ совершенства... Люди зовутъ это идеализмомъ и въ большинствѣ случаевъ смѣются надъ этимъ, а развѣ можетъ быть смѣшна гармонія и красота? Смѣшны только диссонансы... Вотъ у меня есть двоюродный братъ, правовѣдъ—такъ онъ меня монашенкой зоветъ и всегда считаетъ своимъ долгомъ это слово „монашенка" подчеркнуть, какъ будто это—оскорбленіе. Онъ говоритъ, что совершенство вещь прекрасная, но что оно очень скучно... Онъ говоритъ, что онъ жить хочетъ. Да развѣ это не жизнь?— И она указала ему на картину, разстилавшуюся у ногъ ихъ, и подошла къ самымъ периламъ, жадно вдыхая влажный морской воздухъ.

— Развѣ я не живу?—обратилась она къ Сережѣ, и все лицо ея горѣло тихимъ наслажденіемъ.

— Посмотрите,—заговорила она,—видите, тамъ, ближе къ морю, эти три липы и скамеечку подъ ними: это мое любимое мѣстечко. Тамъ въ особенности хорошо ранней весною, когда цвѣтутъ ландыши... Я бъ желала, чтобы меня тамъ похоронили, когда я умру,—оживляясь, заговорила она.— Знаете, я часто себѣ воображаю, какъ я буду лежать въ гробу, вся въ цвѣтахъ... вокругъ—свѣчи... дымъ отъ ладана будетъ подыматься густыми клубами... и солнце, знаете, будетъ заглядывать въ комнату косыми столбами свѣта... благоговѣйная тишина, вокругъ торжественно звучитъ погребальный хоръ, и на колѣняхъ, у моего гроба...

— Наташа,—испуганно прервалъ ее Сережа,—ради Бога, не говорите такъ... У меня сердце болитъ отъ этихъ словъ...

Нарисованная ею картина ясно возникла передъ его глазами.

— Да вѣдь вы же говорили, что вы меня любите,—отвѣтила она.—А вы подумайте только: я буду прилетать къ вамъ незримой тѣнью, буду говорить съ вами въ вашей душѣ, буду молиться тамъ за васъ... Чего же вамъ еще?..— И она задумалась.

— „Чего мнѣ еще?—думалось Сережѣ.—Да вѣдь я люблю ее, вѣдь я не могу жить безъ нея,—отозвалось что-то въ глубинѣ души его.—Не видать этихъ глазъ, не слыхать этого голоса... нѣтъ, такъ жить нельзя",—рѣшилъ онъ, глядя на всю залитую жаркимъ солнечнымъ блескомъ, золотую фигуру Наташи.

— Впрочемъ, что это мы, въ самомъ дѣлѣ, о чемъ заго-

ворили,—весело разсмѣялась она,—точно меня уже хоронятъ... Будемъ жить, Сережа, пока живется... Что вы насупились? Смѣйтесь же! Слышите, сейчасъ смѣйтесь...

— Будемъ жить, пока живется,—вздохнувъ, отвѣтилъ Сережа, сходя за ней по ступенямъ лѣстницы внизъ, подъ прохладные своды монастырскаго сада.

VI.

Наташу, дѣйствительно, молитва успокоила.—„Стоитъ ли волноваться изъ-за всего этого,—говорила она себѣ,—ну, ошиблась въ человѣкѣ, что жъ изъ этого? Больно, конечно, очень больно; но вѣдь это, въ сущности, была и не любовь... Да я въ немъ вовсе и не ошиблась, я и не имѣла права думать, что онъ дѣйствительно стоитъ моей любви, такъ какъ я никогда себѣ не давала труда узнать его. Я просто играла въ любовь... Отчего же мнѣ все-таки больно и досадно? — спрашивала она себя.—Не оттого ли, что мнѣ жаль поэзіи нашихъ отношеній, жаль разбившихся грезъ, которыми я украшала мою любовь...“—И въ воображеніи ея живо возникла одна знакомая сцена, послѣдовавшая за первымъ признаніемъ Недолина.

— Смотрите же, Володя,—говорила она, взволнованная и счастливая, протягивая ему руку сквозь рѣшетку сада, залитаго прощальными лучами догорающей зари,—наши отношенія (она старательно обходила слово „любовь“) навѣки, навсегда.

— Навсегда...—страстно отвѣчалъ онъ, торопливо пожимая эту маленькую, нѣжную ручку и едва скрывая самодовольную улыбку.

— Ну, идите, могутъ увидѣть...

И онъ послушно уходилъ, а она шла домой, упоенная счастьемъ и радужными грезами, и долго изъ открытаго окна слышалось фортепіано, и грудной голосокъ ея, звонко раздаваясь въ воздухѣ, замиралъ надъ синею грудью спокойнаго моря...

„Да, все это прошло и не вернется,—думалось Наташѣ,— вотъ отчего мнѣ больно“, — рѣшала она, и снова въ воображеніи ея вставали свѣтлыя картины свѣтлаго прошлаго.

Безсильно уронивъ на колѣни руки и прислонясь головой къ стѣнѣ бесѣдки, сидѣла она въ саду. Раскрытая книга, „Обыкновенная исторія“ Гончарова, лежала на скамейкѣ. Она не могла сегодня читать: происшествія недавняго прошлаго слишкомъ сильно волновали ее. Да, и вправду, ей было о чемъ задуматься: она въ первый разъ столкнулась съ дѣйствительной жизнью, въ первый разъ начала разувѣряться въ непогрѣшимости того „своего“ особеннаго міра, въ которомъ она жила до сихъ поръ.

БЛУЖДАЮЩІЙ ОГОНЕКЪ.

Повѣсть.

1880 г.

...Мертвымъ не приснится
Ни грусть, ни радость прежнихъ дней...

***Лермонтовъ* „Демонъ“.**

Тифлисъ.

Вчернѣ.

I.

Ужасно долго тянется сегодня время! Сонечка Дихте знаетъ, куда ей дѣться отъ скуки. Все ей кажется отврат тельнымъ — и эта длинная, почти пустая комната съ тре окнами, выходившими на одну изъ самыхъ безлюдныхъ ули Тифлиса, и это хромоногое піанино, какъ-то совершенно н кстати прислонившееся къ стѣнѣ, и этотъ столъ, покрыт прожженной папиросами и лоснящейся бархатной скатерть которая, строго говоря, давно ужъ отслужила свой срокъ должна бы быть продана татарину, если бъ... если бъ были мамаши деньги, чтобъ купить другую, а у мамаши никог нѣтъ денегъ. Это старая, но вѣчно-юная исторія: какъ толь полковникъ получитъ жалованье и передастъ его въ ру полковницы, послѣдняя сейчасъ же облекается въ лилов шелковое платье — единственное шелковое платье изъ все своего небольшого гардероба,—накидываетъ на плечи желт съ разводами шаль, украшаетъ свою голову чѣмъ-то, что о называетъ шляпой, но что походитъ скорѣй на все, ч угодно, только не на шляпу, забираетъ съ собой всѣхъ ча и домочадцевъ, не исключая и Сонечки—и отправляются лавки. Здѣсь дѣлаются закупки, какъ-то: чай, сахаръ, коф макароны, крупа и т. д., въ количествѣ, потребномъ на м сяцъ, потомъ закупки нужныя, потомъ закупки полезныя наконецъ закупки совершенно безполезныя; все это, съ пр совокупленіемъ почтеннаго семейства, нагружается въ фа

онъ и, по возможности благополучно, доставляется на квартиру. И результатомъ всего этого является полное безденежье до конца мѣсяца.

А расходовъ между тѣмъ немало: учитель музыки приходитъ по два раза въ недѣлю и получаетъ за урокъ по рублю, за младшаго сына платится сто рублей въ годъ, за младшую дочь — по пяти рублей въ мѣсяцъ за обученіе ея грамотѣ. Старшая дочь и старшій сынъ требуютъ денегъ на библіотеку. Полковникъ съ утра и до вечера не выпускаетъ изо рта трубки. Всѣхъ ихъ надо накормить и обшить; квартира, правда, стоитъ дешево, всего двадцать пять рублей въ мѣсяцъ, но когда ихъ негдѣ взять—тогда и это дорого. А свѣчи, а дрова, а прачка, а... но, Боже мой, всего не пересчитаешь, и все это надо устроить на какіе-нибудь двѣсти рублей полковничьяго жалованья.

Положимъ, что эти расходы можно было бы и сократить въ случаѣ необходимости. Сонечка могла бы и не брать уроковъ на фортепіано, или, вѣрнѣе, на хромоногомъ піанино, если бы не брали уроковъ двѣ дочери домохозяина, капитана Скряжнева; но онѣ берутъ,—слѣдовательно должна ихъ брать и Сонечка. Къ тому же полковница такъ любитъ, такъ страстно любитъ музыку!..

Но въ такомъ случаѣ не слѣдовало бы дѣлать безполезныхъ покупокъ!

Да, это справедливо, это совершенно справедливо, но полковница создана очень странно: она всегда дѣлаетъ именно то, чего не слѣдовало бы дѣлать, дѣлаетъ совершенно невольно, но настойчиво и упорно, и ея ужъ тогда никто не остановитъ. Впрочемъ, некому и останавливать: дѣти не властны, а полковникъ ни во что не мѣшается; полковникъ любитъ поспать, любитъ поѣсть, любитъ поиграть въ карты, любитъ почитать книжку, но не любитъ обременять свою посѣдѣлую, многодумную голову разными заботами. Его потребности удовлетворены—и хорошо, а тамъ хоть провались весь Тифлисъ, онъ не выпуститъ изо рта своего чубука. Слава Богу, было время успокоиться: шутка ли сказать — тридцать пять лѣтъ безпорочной военной службы, да еще на Кавказѣ, вѣдь это чего-нибудь да стоитъ. И начальство оцѣнило его по достоинству: полковникъ числится по кавказской арміи, т.-е. ничего не дѣлаетъ и получаетъ за это 200 руб. въ мѣсяцъ. Миръ его праху! Но какъ бы то ни было, а Сонечкѣ все-таки скучно и, что самое главное, ей скучно не только сегодня, но и вчера было скучно и завтра будетъ скучно.

Это такъ же вѣрно, какъ то, что у мамаши черезъ недѣлю

разстроются нервы: у мамаши разстраиваются нервы пері
дически и въ равномѣрные сроки!..

Сонечкѣ скучно, и тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, та
какъ теперь уже четыре часа, слѣдовательно обѣдъ прошел
а до чаю еще очень далеко. До обѣда возможно еще как
нибудь не скучать: утромъ надо напоить чаемъ брата Ван
и отправить его въ школу, потомъ хлопоты въ кухнѣ съ ни
чего не понимающимъ денщикомъ, хлопоты, которыя тѣм
труднѣе для Сонечки, что и сама она мало понимаетъ, по
томъ бездѣйствіе, — не тягостное, такъ какъ съ минуты н
минуту ожидается событіе провинціальной жизни — обѣдъ, н
послѣ обѣда... О, это послѣ-обѣда положительно невыносим
Въ часъ Сонечка успѣваетъ сбѣгать къ дочерямъ домохо
зяина и потолковать съ ними о томъ и о семъ, поиграть с
котенкомъ, побрянчать на фортепіано, развернуть и бросит
валяющуюся на столѣ книжку „Тюрьма въ сосновой башнѣ“ —
и вотъ всѣ занятія исчерпаны. Шитье Сонечка не считает
занятіемъ, такъ какъ и шитье, въ сущности, тоже бездѣйстві
пасьянса не любитъ, мечтать не умѣетъ, спрашивается, чт
дѣлать? А тутъ еще братъ начнетъ подбирать на разстроен
номъ піанино „Хуторокъ“ и, какъ нарочно, касается по
стоянно именно того „до“, которое такъ отвратительно дре
безжитъ. Послѣ долгихъ усилій, наконецъ „Хуторокъ“ по
добранъ, — но мученья не кончены: Евгеній, обрадовавшис
успѣху, начинаетъ его разыгрывать съ самыми невозможным
интонаціями, прижимая попеременно то одну изъ педалей, т
даже обѣ вмѣстѣ — и вѣдь нужно только вообразить себѣ, чт
у Евгенія дѣйствуетъ одна правая рука, а басъ безмол
ствуетъ, чтобъ понять всю прелесть этой музыки. Тоскливы
мотивъ точно гвоздемъ вбивается въ русую головку Сонечки
и она потомъ цѣлый день не можетъ отъ него отдѣлаться
сидитъ ли она у окна, разсматривая проходящаго писаря
разливаетъ ли чай, перелицовываетъ ли платье — ей все так
и слышатся противныя, протяжныя ноты: „За рѣко-ой. под
го-о-о-рой!..“ Невыносимо!..

Да, невыносимо, но между тѣмъ нужно выносить! Не за
тѣвать же изъ-за этого спора съ упрямымъ братомъ! Со
нечка, впрочемъ, и вообще не любитъ ссориться, даже тогд
когда дѣло касается ея несомнѣнныхъ правъ. Сонечка всегд
всѣмъ и во всемъ уступаетъ; только одна мамаша въ со
стояніи вывести ее изъ себя и доводитъ до бѣшенства. Пе
редъ другими Сонечка безотвѣтна. Это очень хорошо, но
очень невыгодно; а Сонечка воспитывалась въ институтѣ и
выгодѣ имѣетъ весьма туманныя понятія. И зачѣмъ это е

взяли изъ института? Вѣдь этого совсѣмъ дѣлать не слѣдовало; глазная болѣзнь, конечно, была только предлогомъ, но полковница, по обыкновенію, сдѣлала изъ пустяковъ ужасную драму: „мое дитя,—кричала она флегматику-мужу,—мое дитя можетъ ослѣпнуть!“ И полковникъ добросовѣстно старался понять это, упуская изъ виду, что Сонечка была настолько же дитя полковницы, насколько и его самого. А полковница между тѣмъ уже успѣла упасть въ кресло и удачно изобразить судороги. Домашній совѣтъ рѣшилъ взять Сонечку изъ института. Безпристрастіе требуетъ сказать, что полковница была вовсе не довольна этимъ результатомъ: ей было скучно; болото ея жизни давно уже не возмущалось ни однимъ брошеннымъ камнемъ, и полковница выдумала этотъ камень, чтобъ имѣть удовольствіе сыграть трагическую роль страдающей матери и изобразить судороги. Но она не предполагала, что это зайдетъ такъ далеко; она слишкомъ увлеклась ролью и, паче чаянія, смутила даже своего супруга, который и сказалъ: „ну, въ такомъ случаѣ, я согласенъ“. Назадъ идти было поздно: Сонечка сторвана была отъ занятій и отъ подругъ и поселилась подъ отеческой кровлей. А если ей скучно, такъ кто же виноватъ въ этомъ? Скучно—ну и пусть будетъ скучно; выйдетъ замужъ, авось не найдетъ времени скучать. Кстати: что же это отъ жениха нѣтъ такъ долго извѣстій? Не это ли причина Сонечкиной скуки?

Не думаю. Женихъ тутъ совершенно въ сторонѣ. Эта свадьба обѣщаетъ быть прекурьезной, судя по тѣмъ обстоятельствамъ, которыми сопровождалось сватовство. А сопровождалось оно слѣдующими обстоятельствами: какимъ-то образомъ полковницѣ удалось, къ полнѣйшему своему недоумѣнію, свести концы съ концами прошлой весной, т.-е. именно тогда, когда Сонечку взяли изъ института. Къ счастью или къ несчастью, съ этимъ временемъ совпало и нервное разстройство полковницы, вызванное, между другими причинами, и тѣмъ, что капитанъ Скряжневъ нанимаетъ на это лѣто дачу, а она должна была задыхаться въ Тифлисѣ. Совокупность всего этого привела къ тому, что и полковница рѣшила отправиться на воды въ Ессентуки, для успокоенія своихъ нервовъ, — и дѣйствительно, дача была нанята. Результатомъ дачи, не медицинскимъ результатомъ, о которомъ мы судить не можемъ, а, такъ сказать, общежитейскимъ, были, какъ и слѣдуетъ полагать, дачныя знакомства. Въ числѣ этихъ знакомствъ слѣдуетъ считать пріятное знакомство съ артиллеристомъ Прохоровымъ. Послѣднему понравилась полненькая и веселенькая, какъ котенокъ, Сонечка, а Сонечкѣ послѣ че-

тырехъ стѣнъ института нравились рѣшительно всѣ, слѣдовательно и артиллеристъ Прохоровъ. Началось съ комплиментовъ при маменькѣ, потомъ слѣдовало цѣлованіе ручекъ безъ маменьки, а наконецъ и объясненіе въ любви на музыкѣ.

— Васъ не пугаютъ мои годы?—спрашивалъ артиллеристъ Сонечку, когда объясненіе состоялось.

Сонечка отвѣчала: „нѣтъ".

— Итакъ, вы согласны быть моей женой?

Сонечка отвѣчала: „да".

Сонечка отвѣчала совершенно искренно и простодушно, какъ искренно и простодушно дѣлала она все. При словѣ „жена" въ ея воображеніи вставали идиллическія картины семейнаго счастья и маленькій карапузикъ-сынъ, а Сонечка еще въ институтѣ любила все маленькое вообще и маленькихъ карапузиковъ въ особенности. Другихъ обязанностей, соединенныхъ съ званіемъ жены, она не знала, о любви хотя и слышала что-то такое и даже сама „обожала" одного учителя, но точныхъ свѣдѣній не имѣла; къ тому же Прохоровъ былъ артиллеристъ и цѣловалъ ея ручки. Все это заставило Сонечку совершенно искренно сказать „да", а артиллериста она вознесла за облака. Свадьба по молодости невѣсты была отложена на годъ, и послѣ лѣта нареченные распростились: Прохоровъ тронулся къ мѣсту своего служенія, а семейство Дихтэ водворилось въ той самой квартирѣ, которая, какъ мы видѣли раньше, была такъ противна Сонечкѣ.

Если бъ не пламенныя посланія артиллериста, Сонечка совсѣмъ бы забыла, что у нея есть женихъ. Сама она писала ему очень аккуратно, робкимъ, институтскимъ почеркомъ и не безъ грамматическихъ ошибокъ. Но даже и эти невинныя посланія подвергались строгой цензурѣ полковницы, причемъ все-таки ошибки не исправлялись, такъ какъ полковница сама не была сильна въ орѳографіи. Такъ дѣло тянулось вплоть до того дня, когда мы застаемъ Сонечку скучающей. Въ самомъ дѣлѣ, что же дѣлать, за что приняться? Но, какъ ни думала Сонечка,—приняться было рѣшительно не за что, а какъ на зло всѣ, кромѣ папы, разошлись изъ дому: полковница сидѣла наверху съ капитаншей, Евгеній, вѣчно увлекающійся какой-нибудь фантазіей, вотъ уже два дня, какъ задался мыслью, что онъ дурной братъ, и по этой причинѣ утащилъ двухъ младшихъ дѣтей гулять съ собою, папа преисправно спитъ... Сонечка охотно бы сбѣгала еще разъ наверхъ, но старшая дочь Скряжнева, Нина, постоянно издѣвалась надъ ней, и поэтому она избѣгала съ ней встрѣчи.

По улицѣ, какъ на зло, не проходитъ ни одного писаря; въ комнатѣ все тихо, только стучатъ часы да бьется объ окно большая муха; тоска, тоска и тоска!..

Сонечка присѣла на кресло у стола и, откинувъ на спинку свою хорошенькую головку, постаралась заснуть. А головка и въ самомъ дѣлѣ была хорошенькая: съ выпуклаго, благороднаго лобика красиво были отброшены назадъ густые каштановые, доходящіе до плечъ волосы. Все лицо было хотя нѣсколько полно, но зато дышало свѣжестью и молодостью и освѣщалось парой ясныхъ, карихъ глазъ, надъ которыми смѣло размахнулись правильной дугой тонкія брови. Добрѣе этихъ милыхъ глазокъ едва ли было что̀ на свѣтѣ. Алыя, горделиво подиятыя губки какъ нельзя болѣе гармонировали со всѣмъ личикомъ. Да, Сонечка была недурна, очень недурна, но красота ея была слишкомъ обыденная, слишкомъ простая красота; святость дѣвственной мысли не осѣняла этого бѣлаго лобика, не горѣла въ этихъ добрыхъ и кроткихъ глазкахъ, не обозначалась въ лѣнивомъ складѣ губокъ; но сколько жизни, сколько спящей силы сказывалось въ округленномъ овалѣ милаго личика! Казалось, нужно только явиться въ заколдованный лѣсъ прекрасному принцу—и проснется эта спящая сила и потребуетъ себѣ дѣятельности!

Однако время шло, а принцъ не являлся. Сонечка начинала уже засыпать и видѣть начало какого-то сна; она даже мысленно пообѣщала себѣ непремѣнно запомнить этотъ сонъ и потомъ справиться о его значеніи у Мартына Задеки, какъ вдругъ въ комнату ворвались съ шумомъ и крикомъ дѣти, а за ними влетѣлъ Евгеній, какъ былъ, въ шляпѣ и пальто. Замѣтя сестру, онъ сразу бросился къ ней, охватилъ ея шею своими сильными руками и звонко поцѣловалъ въ румяную щеку. Сонечка улыбнулась сквозь дремоту и, не перемѣняя положенія, лѣниво приподняла вѣки и вопросительно взглянула на брата изъ-подъ полуопущенныхъ густыхъ рѣсницъ.

— Что̀ съ тобой?—спросила она наконецъ.

— Читай, — отвѣтилъ Евгеній и, кинувъ ей на колѣни распечатанное письмо, сталъ за спинкой кресла, чтобы слѣдить за ея чтеніемъ.

Сонечка опять подняла на него недоумѣвающій взглядъ.

— Отъ Столбовцева,—пояснилъ Евгеній.

Сонечка любила читать письма Столбовцева. Столбовцевъ писалъ всегда очень смѣшно, но вотъ уже около года, какъ переписка между нимъ и Евгеніемъ прекратилась. Сонечка не знала Столбовцева; Столбовцевъ былъ гимназическимъ товарищемъ ея брата, когда тотъ ѣздилъ въ Петербургъ и

учился въ столичной гимназіи; но Евгеній, какъ природный южанинъ, не вынесъ суроваго сѣвернаго климата и два раза сильно заболѣвалъ, что помѣшало ему выдержать переходный экзаменъ. Между тѣмъ лѣта препятствовали ему сидѣть два года въ классѣ; мамаша не преминула по этому случаю разыграть драму, и Евгеній вернулся опять въ лоно семьи, гдѣ и готовился къ экзамену въ юнкерское училище. Столбовцевъ писалъ ему сначала довольно часто, но Евгеній отвѣчалъ ему довольно неаккуратно, и черезъ полтора года переписка оборвалась совершенно.

— „Добрый другъ мой,—читала Сонечка,—гора съ горой не сходятся, а намъ съ тобой, видно, суждено сойтись еще разъ: думалъ ли я когда-нибудь попасть къ вамъ, въ Тифлисъ, представлявшійся всегда чѣмъ-то совершенно недосягаемымъ, а между тѣмъ черезъ двѣ недѣли мы опять увидимся послѣ долгой разлуки, хотя обстоятельства, вызвавшія наше свиданіе, не могутъ считаться для меня очень благопріятными: я боленъ, Женя, и боленъ серьезно. Я давно уже писалъ тебѣ, что чувствую себя нехорошо, а тутъ еще повалили разныя непріятности, которыя окончательно меня доконали; прежде всего сообщу тебѣ объ обстоятельствѣ, мысль о которомъ сводитъ меня съ ума: Наташа умерла! Ты знаешь, чѣмъ была она для меня, она — кроткая, умная, святая, дорогая дѣвочка, ты знаешь, какой чистой и глубокой любовью любилъ я ее — и она-то, милая, незабвенная, умерла! Не правда ли, это дико, странно, невозможно,—но это такъ! Это такъ, хотя я до сихъ поръ не могу свыкнуться съ этой мыслью и не повѣрилъ бы никогда, если бъ самъ не бросилъ на ея гробъ горсть земли.

„Послѣ этого сообщенія всѣ остальныя—маловажны; какое мнѣ дѣло до того, что я покончилъ наконецъ съ гимназіей, что мои первыя литературныя попытки увѣнчались успѣхомъ, что у меня открылся легкій катарръ въ легкихъ, для излѣченія котораго я и ѣду на Кавказъ; все это, Женя, пустяки, или почти пустяки, главное же то, что Наташа умерла, что лежитъ она теперь въ могилѣ, занесенной октябрьскимъ снѣгомъ, лежитъ безъ думъ, безъ чувствъ, безъ мыслей, съ закрытыми, безжизненными глазами и, страшно вымолвить... разрушается! Она, понимаешь ли ты, она разрушается, превращается въ землю, въ прахъ! О, какъ унизительно, какъ позорно безсиленъ человѣкъ, и какъ страшна и странна роковая тайна смерти! И что значитъ, что она умерла, что трупъ ея лежитъ въ могилѣ,—вѣдь въ душѣ моей вырѣзанъ неизгладимыми чертами ея образъ, въ ушахъ моихъ до сихъ

поръ слышенъ ея серебряный смѣхъ или задумчивая рѣчь, вѣдь при всякомъ дѣлѣ я по старой привычкѣ все еще думаю, что скажетъ она? Похвалитъ ли, пожуритъ ли? А мнѣ говорятъ, что она умерла, и я долженъ этому вѣрить! Вѣдь это подло, это ужасно, Женя, что она умерла! Понимаешь ли ты меня: подло, именно подло! Я не умѣю объяснить себѣ, почему подло, но, когда я думаю объ ея смерти, а я думаю постоянно, это слово само собой просится на языкъ! Мама серьезно опасается за мое здоровье, и она имѣетъ на это основаніе: ты знаешь, я всегда былъ болѣзненъ, а теперь просто ни на что не похожъ: я точно скелетъ, обтянутый кожей; взглянешь на себя въ зеркало—и самъ испугаешься, такъ странно глядятъ мои глаза съ худого и желтаго лица. Мнѣ кажется, что катарръ — это только предлогъ, мама просто хочетъ, чтобы поѣздка разсѣяла меня нѣсколько, но если она предполагаетъ, что я забуду Наташу—она жестоко ошибается. Я могу забыть ея лицо, ея голосъ, но души, этой чистой, прекрасной души—я не забуду никогда!—„Сережа,— умирая, говорила она,—помните мое послѣднее слово: любите людей, какъ вы меня любите, любите беззавѣтно и горячо. Въ мірѣ много такихъ людей, которые живутъ только для однихъ себя, нужно же, чтобъ были и такіе, которые бы жили для другихъ. Любите, и васъ будутъ любить, и будетъ вамъ тепло на свѣтѣ. Вѣдь вы сдѣлаете это ради вашего умирающаго друга, да?“ И я отвѣтилъ: да!—Подумай, Женя, можно ли забыть эти слова?

„Я самъ удивляюсь себѣ: я всегда считалъ себя Рудинымъ, неспособнымъ ни на одно серьезное чувство. Я даже не вѣрилъ въ свою любовь къ Наташѣ, но я долженъ вѣрить въ нее, слишкомъ сильно, слишкомъ глубоко то горе, которое вызвала во мнѣ ея смерть. Однако обо всемъ объ этомъ мы успѣемъ поговорить при свиданіи. Вѣришь ли ты: хотя я присутствовалъ при ея смерти и похоронахъ, я, собираясь на Кавказъ, смутно надѣюсь встрѣтить тамъ ее, и то же самое было бы, если бъ я ѣхалъ вмѣсто Кавказа въ Финляндію или за границу: я готовъ вѣрить въ самую сумасшедшую, ни на чемъ не основанную надежду, но только не въ ея очевидную смерть!

„Въ Тифлисѣ я остановлюсь у моего дяди Нестроева. Я извѣщу тебя телеграммой, когда выѣду изъ Петербурга, а покуда—прощай.

„Твой другъ

„Сергѣй Столбовцевъ“.

Соня задумчиво уронила руку съ письмомъ на колѣни и съ упрекомъ посмотрѣла на брата.

— Чему же ты радуешься?—тихо спросила она.

— Ахъ, Соня,—отвѣтилъ онъ,—ты не знаешь, какъ мнѣ дорогъ Столбовцевъ, какъ я его люблю! Вокругъ все такъ гадко, такъ скверно: все мнѣ здѣсь надоѣло, все противно; я не живу здѣсь, я прозябаю, а онъ найдетъ какой-нибудь исходъ, посовѣтуетъ мнѣ что-нибудь; однимъ словомъ, оживитъ, спасетъ меня!..

— Ты эгоистъ, Женя, — отвѣтила Соня и вышла распорядиться насчетъ самовара.

II

Недѣли двѣ спустя у дверей полковничьей квартиры позвонилъ высокій, худощавый юноша. Заспанный денщикъ отворилъ дверь и съ недоумѣніемъ взглянулъ на неизвѣстнаго ему гостя.

— Дома Евгеній Карловичъ?—спросилъ гость.

— Евгеній Карловичъ ушли гулять, а барыня и барышня дома,—отвѣчалъ денщикъ.

— Такъ доложите Марьѣ Степановнѣ, что Столбовцевъ желаетъ ее видѣть, — отвѣтилъ юноша, входя въ переднюю и снимая пальто. Денщикъ исчезъ, еще разъ окинувъ гостя удивленнымъ взглядомъ.

Воцарилось на минуту молчаніе. Потомъ въ сосѣдней комнатѣ послышалось покашливаніе денщика и наконецъ осторожный возгласъ:

— Барыня, а барыня!..

Отвѣта не послѣдовало.

— Барыня, вставайте, васъ кто-то спрашиваетъ,—снова пробасилъ денщикъ.

— Что тамъ такое? — откликнулся сонный женскій голосъ, — чего тебѣ нужно? — озлобленно заговорилъ онъ,— чего ты присталъ ко мнѣ?

— Да васъ кто-то спрашиваетъ.

— Кто такой?

— Не могимъ знать, черненькій какой-то... Доложи, говоритъ, полковницѣ, Столбовцевъ пришелъ.

— Столбовцевъ, — очнулась полковница, — что жъ ты мнѣ сразу не сказалъ? Ну, проси въ залу, я сейчасъ выйду, да скажи Сонѣ, чтобъ она дала тебѣ денегъ на булки къ чаю. Сегодня у насъ гость.

— Слушаю, — откликнулся денщикъ и, вынырнувъ снова въ дверь, проговорилъ Сережѣ:—пожалуйте въ залу.

Сережа вошелъ въ извѣстную ужъ намъ комнату и осмотрѣлся.

Случалось ли ему знакомиться съ кѣмъ-нибудь или приходить къ кому-нибудь на домъ въ первый разъ, онъ всегда обращалъ вниманіе на первое впечатлѣніе и судилъ по немъ о человѣкѣ—и, странное дѣло, ему никогда не приходилось ошибаться. Впечатлѣніе, произведенное въ немъ сценой поднятія съ постели полковницы и въ особенности словами: „спроси у Сони денегъ на булки“, а также и тѣмъ пустымъ сараемъ, который полковница такъ громко именовала залой, было не очень благопріятно. Мѣщанскія замашки рѣзали глаза на каждомъ шагу: на ломберномъ столѣ, накрытомъ уже извѣстной намъ скатертью, стояла слишкомъ для нея красивая лампа — одна изъ безполезныхъ покупокъ полковницы, но съ разбитымъ шаромъ и закоптѣлымъ стекломъ; мебель, состоящая изъ двухъ креселъ, дивана, піанино и трехъ-четырехъ стульевъ, совершенно затерянныхъ въ просторѣ большой комнаты, была самая разношерстная: не говоря ужъ о томъ, что кресла не походили другъ на друга, а диванъ былъ самъ по себѣ, но даже и обивка на нихъ была разная; впрочемъ, диванъ, кажется, недавно былъ обитъ заново, судя по свѣжести ситца, но на лѣвой ручкѣ его уже зіяла рана и сквозила начинка. Дверная ручка, за которую при входѣ взялся Сережа, была обсалена; на піанино, на разбросанныхъ нотахъ, совершенно некстати красовался графинъ съ водою, а на противоположной стѣнѣ, Богъ вѣдаетъ въ силу какихъ соображеній, торчала лампа съ огромнымъ металлическимъ рефлекторомъ. Сразу было видно, что хозяева натащили въ эту комнату все, что было у нихъ цѣнаго въ домѣ, и расставили какъ попало. Если прибавить къ этому олеографическую картинку безъ рамки, косо приколотую булавками къ загрязненнымъ бѣлымъ обоямъ, закоптѣлый образъ въ углу съ теплящейся передъ нимъ лампадкой и разбросанныя карты на широкомъ подоконникѣ,—то получится полная фотографическая копія полковничьей залы.

А между тѣмъ, пока Сережа дѣлалъ эти наблюденія, въ сосѣдней запертой комнатѣ, которая, повидимому, была спальной, слышался оживленный, громкій шопотъ и шлепанье туфель.

— Соня, Соня, гдѣ же ключи, куда ты дѣла ключи?—торопливо спрашивалъ голосъ полковницы.

— Ахъ, Боже мой, мама, да вотъ они, въ комодѣ. Сами же доставали сейчасъ воротничокъ,—раздавалось въ отвѣтъ.

— Ну, хорошо, хорошо, — досадливо перебивалъ тотъ же голосъ,—достань шелковое платье и...—тутъ шопотъ понижался, и до Сережи доходили только отдѣльныя слова, изъ

которыхъ онъ понялъ, что дѣло шло опять-таки о чаѣ. Наконецъ дверь отворилась — и изъ нея выплыла полковница.

Полковница, Марья Степановна, была еще женщина не старая, лицо и до сихъ поръ хранило остатки прежней красоты и дышало свѣжестью и здоровьемъ, но Сережу съ перваго взгляда непріятно поразили глаза полковницы, совершенно не гармонирующіе съ выраженіемъ сознанія собственнаго достоинства, отпечатаннымъ на ея лицѣ: глаза эти съ такимъ безцеремоннымъ любопытствомъ уставились на него, что онъ покраснѣлъ. По своей привычкѣ онъ тотчасъ же безсознательно опредѣлилъ ихъ такимъ образомъ: водянистые и безстыжіе.

— Здравствуйте, — заговорила полковница, протягивая руку съ тупыми и толстыми пальцами и обдавая его запахомъ одеколона, — наконецъ-то вы пріѣхали! Женя будетъ очень радъ. Если бъ онъ зналъ, что вы придете, онъ бы ни за что не ушелъ... Ахъ, не садитесь, пожалуйста, на это кресло, у него подломана ножка.

Сережа попятился назадъ.

— Сюда, пожалуйста, — пригласила полковница, указывая на другое кресло, а сама грузно опустилась на диванъ, шумя своимъ неизбѣжнымъ лиловымъ шелковымъ платьемъ. — Вы, я слышала, пріѣхали сюда лѣчиться?

— Да, — отвѣчалъ Сережа заготовленной фразой, — у меня открылся катарръ, и доктора рѣшили, что мнѣ нужно было бы прокатиться на Кавказъ, ну, а я, конечно, и самъ былъ не прочь отдохнуть годикъ послѣ гимназіи, тѣмъ болѣе, что Кавказъ — это постоянная цѣль моихъ стремленій.

— Что жъ, дай Богъ вамъ скорѣе поправиться, — вздохнула полковница, — и надолго вы пріѣхали?

— Отъ занятій, собственно, я свободенъ до будущаго августа, но сколько времени пробуду въ Тифлисѣ — не знаю: мѣсяцевъ семь-восемь... Все зависитъ отъ здоровья...

— Да, ужъ это ужасъ, что такое вашъ петербургскій климатъ: я не узнала Женю, когда онъ пріѣхалъ оттуда, — и цвѣтущее лицо полковницы мгновенно приняло страдальческое выраженіе. — Князь Кихадзе, — продолжала она, — крестный отецъ Жени... Ахъ, онъ такъ насъ всѣхъ любитъ, добрый князь... Такъ князь Кихадзе какъ увидѣлъ его, такъ и всплеснулъ руками: что это, говоритъ, голодомъ васъ тамъ морили, что ли? Да и вы выглядите не особенно хорошо... Вамъ бы нужно гулять побольше...

„Гм... князья выѣхали на сцену, — мысленно отвѣтилъ Сережа, — она хочетъ показать, что знакома съ князьями, что жъ, будемъ и мы рекомендоваться...“

— Да, это конечно, — отвѣтилъ онъ, — но бѣда моя въ томъ, что мнѣ больше по душѣ укромный уголокъ да хорошая книжка...

— Что это, какая все нынче молодежь странная, — перебила полковница, — вотъ и Женя мой тоже, — и она вскинула глазами на затепленную лампадку, — все хандритъ, все хандритъ, просто не знаю, что съ нимъ дѣлать. Сначала, какъ только онъ пріѣхалъ изъ Петербурга, былъ такой веселый, ласковый, а теперь все ни почемъ: и военная служба унизительна, и общество скверное, и сестра глупа. Иногда, вѣрите ли, слова не скажетъ ни съ кѣмъ въ цѣломъ домѣ... Отецъ сидитъ одинъ, скучаетъ, — что бы потолковать съ нимъ о чемъ-нибудь, а онъ запрется у себя въ комнатѣ, ляжетъ на постель, да и смотритъ себѣ въ потолокъ, или спать заляжетъ, а не то такъ начнетъ на піанино брянчать, просто всю душу вытягиваетъ... Моя дочь беретъ уроки, — замѣтила она. — Я все думаю, нѣтъ ли у него на душѣ чего-нибудь... Да нѣтъ, не можетъ быть: вѣдь онъ знаетъ, что мать — это лучшій его другъ... Я его пробовала и къ Антонію возить, и лампадку вотъ жгу съ утра до ночи, — нѣтъ, ничего не помогаетъ... Только вотъ на васъ и надежда: онъ какъ получилъ ваше письмо, такъ и оживился...

— Да, я въ гимназіи имѣлъ на него нѣкоторое вліяніе, — скромно отвѣчалъ Сережа, — но мы такъ давно не видѣлись... Вы говорите, что онъ радъ моему пріѣзду, отчего же онъ мнѣ не отвѣчалъ на мои письма?

— Да вѣдь вы знаете его, — сокрушенно заговорила полковница. — у него вѣчно какія-нибудь фантазіи... Вообразите себѣ, — получилъ разъ ваше письмо и говоритъ: „Вотъ у Сережи какой прекрасный почеркъ, а я ему такими іероглифами пишу, что просто совѣстно“, — и пришло ему въ голову исправить свой почеркъ; накупилъ прописей, перьевъ, бумаги, два дня сидѣлъ, не разгибая спины, точно и въ самомъ дѣлѣ дѣло дѣлаетъ. „Никому, говоритъ, не буду писать, пока не добьюсь своего“, — а на третій день разсердился на брата за то, что тотъ какъ-то нечаянно толкнулъ его, когда онъ писалъ, — и прописи полетѣли въ печку, а писемъ все-таки никому не пишетъ... А то еще вотъ на-дняхъ сидѣлъ-сидѣлъ въ своей комнатѣ, да вдругъ выскочилъ оттуда и прибѣжалъ ко мнѣ въ спальню. Я отдыхала послѣ обѣда... Не спала, а такъ дремала немножко. Лежу я — и слышу сквозь сонъ, что онъ что-то говоритъ мнѣ... Я начала прислушиваться, что такое, открыла глаза и вижу, что онъ ужасно волнуется. „Да въ чемъ дѣло?“ — спрашиваю его, а онъ

мнѣ кричитъ:—„Вы вотъ тутъ спите себѣ, вамъ нѣтъ дѣла ни до чего, а сынъ вашъ мучается да съ ума сходитъ... какая же вы мать послѣ этого!..“ Кричалъ, кричалъ, да въ слезы; перепугалъ меня ужасно, а потомъ бросился передо мной на колѣни, началъ руки цѣловать:—„Простите, говоритъ, меня, вы ни въ чемъ не виноваты, вы мнѣ не можете дать больше того, что̀ вы имѣете“. Потомъ загородилъ чушь какую-то о воспитаніи: „Зачѣмъ, говоритъ, я ѣздилъ въ Петербургъ, мнѣ все кажется теперь здѣсь мерзкимъ, пошлымъ... Никто меня не понимаетъ, я, говоритъ, застрѣлюсь...“ Вы подумайте, каково мнѣ-то, матери, было слушать это! „Я, говоритъ, дурной сынъ, дурной братъ, я безхарактерный... Съ сегодняшняго дня буду заниматься съ Колей. Мамочка, будьте мнѣ другомъ“.—„Да что̀ же, говорю, ты хочешь, Женя, денегъ, что ли, тебѣ надо? Ты вонъ прошлую недѣлю цѣликомъ пропадалъ съ юнкерами, все увѣрялъ меня, что нужно самому черезъ все пройти и все испытать, чтобъ закалить себя... такъ ты, можетъ - быть, задолжалъ кому-нибудь въ трактирѣ? Ты скажи, если нужно денегъ, я дамъ“. А онъ посмотрѣлъ на меня этакъ какъ-то странно, не отвѣтилъ мнѣ ни слова, вышелъ и дверью хлопнулъ. Что̀, думаю, за оказія; слышу, зоветъ къ себѣ брата, вытащилъ изъ чемодана старыя книги, сшилъ тетрадку, и засѣли заниматься... Вначалѣ все пошло хорошо, а тамъ вдругъ прибѣгаетъ ко мнѣ Коля въ слезахъ. „Что̀ такое?“ — спрашиваю. — „Женька, говоритъ, ремнемъ отхлесталъ“, — и въ самомъ дѣлѣ у бѣднаго мальчика на рукахъ красныя полосы. Я къ нему, — дверь заперта, стучу — не отпираетъ. Я испугалась страшно: что̀, думаю, онъ тамъ дѣлаетъ? „Если не отопрешь, кричу ему, „я позову Мишхыдоку“, — это денщикъ нашъ, татаринъ, — „и прикажу ему выломать дверь“. Отперъ. — „Какъ тебѣ, говорю, не стыдно, Женя?“ А онъ какъ крикнетъ на меня:— „Молчать!“ Это матери-то молчать!.. Схватилъ шапку — и былъ таковъ. Весь вечеръ пропадалъ гдѣ-то, а часовъ въ десять явился, какъ ни въ чемъ не бывало. Не знаю, чѣмъ бы все это кончилось, если бъ не ваше письмо: онъ такъ обрадовался ему: „я, говоритъ, теперь оживу опять!..“ Что̀ съ нимъ такое дѣлается? Не растолкуете ли хоть вы мнѣ? — со вздохомъ обратилась она къ Сережѣ, который слушалъ ее съ большимъ вниманіемъ.

Онъ отвѣтилъ не сразу.

— Я и самъ ничего пока не понимаю,—сказалъ онъ,—хотя и догадываюсь, въ чемъ дѣло. Женя и въ гимназіи былъ какой-то странный... Есть такіе характеры, которыхъ ничто не удовле-

творяетъ, и это тѣмъ печальнѣе, что Женя, въ сущности очень хорошій человѣкъ: у него сердце золотое...

„Ну, вотъ и открылась возможность исполнить завѣтъ Наташи,—думалось Сережѣ,—вотъ и страданіе, которое можно и должно облегчить".

— Ахъ, и не говорите, — возражала между тѣмъ полковница,—я его такъ люблю, такъ люблю... Я для дѣтей на все готова... Я мучаюсь и страдаю не меньше его, но что̀ же дѣлать-то мнѣ, подумайте-ка вы, чего же ему собственно недостаетъ?—И полковница окинула взглядомъ комнату, чтобы посмотрѣть, чего недостаетъ Женѣ, и не замѣтила, какъ поморщился ея гость, которому рѣзалъ ухо плаксивый, фальшивый тонъ ея рѣчей.

„Матери недостаетъ", — чуть не бухнулъ Сережа, но удержался.

— И за что это Богъ такъ наказываетъ человѣка? — мечтательно продолжала полковница, взгромоздившись на своего конька и радуясь, что нашелся свѣжій человѣкъ, который обязанъ былъ, въ качествѣ гостя, выслушивать ея дѣланые вздохи и сѣтованія;—я ли не любила моихъ дѣтей, я ли не заботилась о нихъ,—и что̀ же вижу: одну неблагодарность. Вы посторонній человѣкъ,—обратилась она къ Сережѣ, какъ бы желая завоевать его на свою сторону,—но и вы поймете, какъ это тяжело, когда увидите, какимъ образомъ они со мной обращаются: ни почтительности ни уваженія, я ужъ не говорю о дружбѣ, точно я и не мать имъ, въ самомъ дѣлѣ. Дочь моя, напримѣръ, Соня, — за дверью въ спальнѣ кто-то двинулъ стуломъ при этихъ словахъ,—Соня, — повторила полковница, бросивъ на дверь уничтожающій взглядъ,—чего-чего ни дѣлала я для нея: себя кругомъ обрываю, чтобъ сшить ей новое платье; больная, еле живая...—и полковница кашлянула и продолжала слабымъ голосомъ, — пріѣхала изъ Эривани, гдѣ служилъ мой мужъ, хлопотать у его высочества, чтобъ ее приняли въ институтъ; заболѣли у нея глаза — и я на лѣченіе не жалѣла ни денегъ ни средствъ; наконецъ доктора, которыхъ я созвала на консиліумъ, рѣшили, чтобъ взять ее изъ института (полковница лгала: никакихъ докторовъ она никогда не созывала, а институтскій докторъ даже протестовалъ противъ ея рѣшенія), и за все это меня же теперь упрекаютъ.—Въ спальнѣ стулъ полетѣлъ на полъ.—Да, упрекаютъ,—повысила она голосъ:—вы, говорятъ, хотите, чтобъ я была совершенной невѣждой, чтобъ я была неучемъ, чтобъ всѣ надо мной смѣялись. — Ничего подобнаго не было, но полковница такъ увлеклась воображаемымъ

драматизмомъ своего положенія и остановиться уже не могла.

— Вѣрите ли, — продолжала она,—даже младшихъ дѣтей, этихъ невинныхъ ангельчиковъ, научаютъ неповиновенію и грубости: мама, говорятъ, ничего не понимаетъ... И необразована-то я, и эгоистка, и несправедлива... Конечно, бываетъ, что иной разъ замѣтишь что-нибудь рѣзко, или не пустишь въ Александровскій садъ шушукаться съ офицерами: нельзя же взрослую дѣвушку оставить безъ присмотра, на то я и мать... да къ тому же и женщина слабая, больная, — здѣсь опять послѣдовалъ кашель, — кое-что и простить можно. И больше всего—это Женя, — заговорила она, понизивъ голосъ и придвигаясь къ Сережѣ,—онъ положительно не обращаетъ на меня...

Но полковница не успѣла окончить фразы: дверь въ передней хлопнула, затѣмъ раздались торопливые шаги, и въ комнату вбѣжалъ Женя.

— Сережа, дружище! — кинулся онъ къ поднявшемуся Столбовцеву и, крѣпко пожавъ руку, трижды поцѣловался съ нимъ.

Нѣсколько минутъ они молчали и оба влажными, растроганными глазами посмотрѣли другъ на друга. Лицо полковницы начинало принимать сладкое выраженіе.

— Какъ ты перемѣнился, — заговорилъ наконецъ Женя и покачалъ головой.

— Что̀ дѣлать, Женя, зато ты поправился; вонъ плечи-то — косая сажень, — отвѣтилъ Сережа, еще разъ пожимая руку его, которую Женя не выпускалъ изъ своей руки. — Поживу у васъ—и я такой же стану.

— Нѣтъ, какъ ты страшно перемѣнился, вѣдь тебя просто и узнать нельзя...

— Плоть немощна, но зато духъ бодръ, — отшутился Сережа, который вообще избѣгалъ разговоровъ въ этомъ родѣ; онъ не любилъ и стыдился выражать чувство словами.

— Ну, садись, садись вотъ сюда на диванъ рядомъ, по-старому, рука съ рукой,—заговорилъ Женя.—Мама, пустите... Помнишь, какъ мы съ тобой сиживали на подоконникѣ въ гимназіи, въ коридорѣ.

— И любовались на нашъ плацъ, покрытый снѣгомъ и освѣщенный луною, отыскивая въ немъ природу... — улыбнулся Сережа.

— Да, у меня стихи твои сохранились: „Бросала красный отблескъ печка на наше тихое мѣстечко, мнѣ было хорошо съ тобой... изъ глазъ катились тихо слезы, полны ду-

щевной теплоты"... Да, а теперь ты ужъ не такъ пишешь... Я читалъ въ „Вѣстникѣ“ твои послѣдніе стихи: „У гроба“.

— Да, много воды утекло съ тѣхъ поръ, — поспѣшилъ прервать Сережа, которому непріятно было, что Женя упоминаетъ именно объ этихъ стихахъ, написанныхъ на смерть Наташи. Сережа только очень немногихъ допускалъ въ святая святыхъ своей души.

Женя, кажется, понялъ это.

— Ну, мама,—заговорилъ онъ,—вы послѣ познакомитесь, а теперь намъ съ нимъ надо потолковать вдвоемъ...

— Да какіе же у тебя могутъ быть секреты отъ матери? — попробовала протестовать полковница, съ заискивающей улыбкой смотря на сына.

Лицо Евгенія вдругъ приняло холодное выраженіе.

— А вы думаете, у меня нѣтъ отъ васъ секретовъ?— презрительно спросилъ онъ. — Ну хорошо, оставайтесь тутъ, а мы пойдемъ въ мою комнату. Это даже и лучше будетъ,— добавилъ онъ, окинувъ глазами такъ называемую залу, и, вдругъ замѣтивъ лампадку, весь вспыхнулъ.

— Это что значитъ? — спросилъ онъ у матери,—вѣдь я вамъ говорилъ, что, если я еще разъ увижу, что вы зажигаете лампадку, я ее разобью въ дребезги,—и онъ гнѣвно схватилъ со стола книгу, собираясь пустить ею въ лампадку, но одумался и положилъ ее опять на мѣсто.

— Идемъ, Сережа, — обратился онъ къ Столбовцеву. — Стыдно вамъ, мама, — кинулъ онъ, уходя, смущенной полковницѣ.—Вѣдь я отлично знаю, что вы лжете, что вы зажигаете лампадку вовсе не для того, чтобъ молиться, а только чтобъ вывести меня изъ себя да разыграть комедію. Потушите сейчасъ же!—и онъ, пропустивъ впередъ Сережу, вышелъ изъ комнаты.

Полковница бросила вслѣдъ сыну взоръ, полный глубокой ненависти, но все-таки придвинула стулъ и затушила лампадку. Исполнивъ все это, она отправилась въ спальню, и черезъ нѣсколько времени оттуда сталъ доноситься оживленный, крупный споръ двухъ женскихъ голосовъ. Соня горячилась, полковница отвѣчала небрежнымъ тономъ. Вся эта исторія кончилась наконецъ тѣмъ, что Соня разрыдалась и выбѣжала изъ комнаты.

PARTIE de PLAISIR.

Очеркъ.

I.

Послѣдняя лодка причалила къ берегу, тихо стукнувшись о зыбкій плотъ, и высадила своихъ пассажировъ. Было уже за полночь, и на воздухѣ, въ особенности вблизи воды, надъ которой бродилъ и сыпался, какъ вата, туманъ, становилось свѣжо и сыро. По-деревенски давно было бы ужъ пора ложиться спать, но общество, воротившееся съ шумнаго пикника и до сихъ поръ еще полное оживленія и веселости, медлило расходиться по домамъ: очень ужъ хороша была темная и звѣздная ночь догорающаго лѣта, съ блѣдно-палевой полоской зари за рѣкой, съ безформенной, черной массой скученныхъ избъ сосѣдняго села и неясными силуэтами двухъ-трехъ крылатыхъ вѣтряныхъ мельницъ, выступавшими нѣсколько въ сторонѣ отъ села, на холмѣ.

— Посидимте, господа, подъ елками,—предложила Надя Истомина, дочь гостепріимнаго хозяина мызы Дидвино, огни которой свѣтились сквозь густую зелень сада.

— Поздно, Nadine, — нерѣшительно, видимо исполняя только свою обязанность, попробовала-было возразить компаньонка Нади,—большинство дамъ въ русскихъ костюмахъ, долго ли простудиться...

— Что за поздно, Аделаида Сергѣевна, — живо отвѣчала Надя,—успѣемъ выспаться, а что касается до простуды, то я ея, во-первыхъ, не боюсь, а во-вторыхъ, у меня есть ватерпруфъ.

— Ты только о себѣ думаешь, Надя,—наставительно замѣтилъ ей братъ ея, студентъ,—а что скажетъ, напримѣръ, Марья Николаевна?..

— Я не прочь,—лѣниво проговорила въ отвѣтъ высокая и полная блондинка,—если только мой кавалеръ,—и она кив-

нула головой на красиваго, статнаго юношу-гимназиста,—согласится дать мнѣ свое пальто.

Пальто немедленно было наброшено на ея вздрагивающія плечи, и общество разсѣлось вокругъ деревяннаго стола, на скамьяхъ, подъ густымъ навѣсомъ четырехъ елокъ-близнецовъ, далеко распространявшихъ въ сонномъ воздухѣ свой пріятный, смолистый запахъ... Скоро прерванный разговоръ возобновился; братъ Нади, Алексѣй Николаевичъ, высокимъ теноромъ затянулъ: „Коль славенъ“, къ нему присоединились два-три женскихъ голоса, потомъ въ аккордъ влилась баритонная нота молодого офицера, вначалѣ не хотѣвшаго-было пѣть потому, что не ему пришла въ голову эта мысль и что не онъ, вопреки обыкновенію, первымъ запѣлъ. Не выдержалъ наконецъ и докторъ, и его мягкій молодой басъ сразу скрасилъ и оттѣнилъ небольшой хоръ... Красными огоньками во тьмѣ сверкнули папиросы... Аделаида Сергѣевна о чемъ-то интимно бесѣдовала съ другой пожилой дамой, Смирницкой, чуть ли не о нервахъ и мигреняхъ, а нѣсколько въ сторонѣ отъ собравшагося общества, на бревнахъ, грудою наваленныхъ тутъ для какой-то постройки, вся закутавшись въ шинель, полулежала въ красивой позѣ Марья Николаевна, и у ногъ ея—высокій гимназистъ... Здѣсь бесѣда шла шопотомъ, съ долгими паузами и подчеркиваньями нѣкоторыхъ словъ...

— Я положительно не могу называть васъ Валерьяномъ Валерьяновичемъ,—говорила Марья Николаевна.—Это какъ-то странно звучитъ, вы еще мальчикъ...

— Зовите меня Валей,—живо отвѣчалъ гимназистъ,—это звучитъ менѣе странно и для моего уха болѣе пріятно...

— А знаете что̀, m-r Валя, вы не обидитесь?

— На васъ? Будто это возможно?

— Ну, смотрите же... Знаете ли, что вы таки-порядочный фатъ, и въ самомъ дурномъ смыслѣ этого слова, да, фатъ и фатъ...

— Марья Николаевна!..

— А? Видите,—ну, значитъ, и на меня можно обидѣться, но вы не горюйте, что вы фатъ, вы очень красивый мальчикъ, и къ вамъ это идетъ; и я не понимаю, какъ могло бы быть иначе; вѣдь вы знаете, что вы красивы?..

— Еще бы не знать, я не институтка и не вы: вотъ вы тоже знаете, что вы красивы и что вамъ ничего не сто̀итъ влюбить меня въ себя, и однако дѣлаете видъ, что не замѣчаете впечатлѣнія, которое на меня производите...

— А вы влюблены?

— Влюбленъ.

— Очень?

— Очень...

— Гм... влюбленный бебе... это интересно... ха, ха, ха...— И она разсмѣялась звонкимъ, нѣсколько дѣланымъ смѣхомъ.— Бѣдный, онъ влюбленъ... Разскажите, пожалуйста,—съ кокетливымъ оживленіемъ продолжала она,—какъ вы влюблены? Постойте, дайте мнѣ усѣсться удобнѣе... Вы мечтаете, вы бродите ночью мимо моего окна, видите меня во снѣ? Да? Ну, что жъ вы...

Но Валерьянъ молчалъ. Его безпокоилъ и смущалъ изящный башмачокъ Марьи Николаевны, съ перемѣной позы пришедшійся почти надъ его плечомъ.

— M-r Валя, да отвѣчайте же, когда съ вами говорятъ... Ахъ, pardon, я васъ, кажется, коснулась ногой...

— Вамъ смѣшно, что же я буду вамъ отвѣчать,—сердито проговорилъ онъ, отвертываясь.

— Нисколько, увѣряю васъ... Первая любовь!.. Это, должно-быть, такъ прекрасно, такъ идеально... Я вамъ кажусь безплотнымъ ангеломъ, да, вѣдь да?.. Вѣдь вы,—и она понизила голосъ,—любите идеально, платонически, не такъ ли?

Терпѣть и ждать могу я,
Не нужно мнѣ ни ласкъ ни поцѣлуя?..

— Вы отлично знаете, что я не дитя,—проговорилъ Валерьянъ.

— Ага, браво, m-r Валя... Такъ вамъ нуженъ поцѣлуй, да?.. Такъ сразу-таки и поцѣлуй?

— Марья Николаевна, что вы со мной дѣлаете,—дрожащимъ голосомъ отвѣчалъ онъ, сжимая руки.—Къ чему вы такъ шутите?

— Нѣтъ, вы многаго захотѣли,—совсѣмъ шопотомъ, медленно заговорила она, не слушая его,—слишкомъ многаго... Но руку, нате, цѣлуйте, только скорѣй, чтобъ никто не увидѣлъ.

И полная, обнаженная рука красавицы какъ-то безсильно отдалась его горячему, сумасшедшему поцѣлую.

— Ну, довольно, до завтра,—быстрымъ шопотомъ кинула ему Марья Николаевна и, вставъ, какъ ни въ чемъ не бывало, подошла къ гостямъ, сидящимъ за столомъ.—Что вы, господа, похоронный маршъ какой-то затянули? Въ такую ночь-то? Докторъ, Алексѣй Николаевичъ, „Спрятался мѣсяцъ за тучки", пожалуйста...

И веселая цыганская пѣсня грянула надъ спящимъ садомъ...

СЛЕЗЫ.

Изъ одного дневника.

Это была послѣдняя капля, переполнившая чашу моихъ страданій... И странно, пока не хлынули эти, прямо изъ глубины души поднявшіяся, горячія слезы, я почти не страдала, т.-е. страдала, но безсознательно, въ чаду и опьянѣніи. Чуть ушелъ онъ, я, какъ была, полураздѣтая, прильнула головой къ подушкѣ, къ моей позорной подушкѣ, и зарыдала, какъ та голубоглазая, робкая, чистенькая швейка, какой я была три года тому назадъ, когда въ первый разъ неопытность, нужда, вліяніе среды и многое другое, о чемъ больно и вспоминать, привели меня къ открытой безднѣ... Тускло горѣла полуопущенная лампа въ моей комнатѣ, оставляя въ тѣни развѣшенныя по стѣнамъ безстыдныя, дешевыя картинки. За запертой дверью раздавался хриплый голосъ моей подруги, Дуни, и смѣхъ ея „кавалера“. Я видѣла и слышала все, какъ во снѣ, и плакала, плакала и больно и сладко. Но, впрочемъ, что̀ говорить обо мнѣ, моя исторія—старая, слишкомъ старая пѣсня; сожалѣніе меня не спасетъ, да я и не хочу его... Есть одинъ исходъ — петля, да я не хочу лгать, — я никогда не рѣшусь на него; пусть же тянется моя жизнь, какъ тянулась до сихъ поръ, въ безумныхъ оргіяхъ, въ опьянѣніи и грязи разврата, — но о немъ, о немъ хочется мнѣ разсказать...

Я вышла гулять, какъ всегда лѣтомъ, около 10 часовъ. Дуня не пошла со мною, она ждала своего юнкера. Ночь выдалась славная, теплая и свѣтлая, южная ночь... Заря, какъ вспыхнула, такъ и горѣла, медленно переходя изъ яркоалаго цвѣта въ болѣе блѣдный, и осталась наконецъ на небѣ нѣжной, палевой полосой. Я пошла въ Лѣтній садъ. Онъ весь сіялъ огнями и электрическимъ свѣтомъ. Весело гремѣлъ оркестръ у ресторана, по аллеямъ сновали гуляющіе, не было ни одной свободной скамейки. Я присѣла за столикъ у ресторана, вблизи оркестра, и спросила себѣ чашку чая... Когда

сидишь очень близко къ оркестру, то кажется, что, кромѣ музыки, еще кричитъ и поетъ гдѣ-то масса голосовъ... Стала я пить свой чай, заглядѣлась на толпу и огни, заглядѣлась и въ ночь и незамѣтно задумалась... Думала я Богъ знаетъ о чемъ, о пустякахъ и о разныхъ несложностяхъ моего незатѣйливаго, домашняго, „дневного“ житья-бытья, но, когда его голосъ разбудилъ меня отъ задумчивости, я сознала, что у меня въ раздумьѣ выраженіе лица было грустное... Это бываетъ, лицо не всегда зеркало души; можно задуматься о совершенныхъ пустякахъ и сохранять на чертахъ грустное выраженіе, — это старая, глубокая, хотя иногда не вполнѣ сознанная печаль пользуется минутой забвенія и невниманія къ себѣ человѣка и безсознательно прокрадывается на его лицо... Однако я наблюдательна, книги принесли мнѣ пользу, я только теперь это замѣтила... впрочемъ, „пользу“! Какъ будто для меня можетъ быть что-нибудь хорошее во мнѣ — пользой? Я думаю, что это-то печальное выраженіе лица и привлекло его, я даже угадываю всѣ соображенія, которыя должны были пробѣжать въ его головѣ, прежде чѣмъ онъ рѣшилъ подсѣсть ко мнѣ. Онъ такой идеалистъ... я убѣждена, что онъ почти забылъ въ ту минуту и о себѣ и о цѣли своей прогулки и, навѣрно, на мой счетъ сочинилъ въ головѣ цѣлую драму, въ которой я играла роль героини и жертвы... Мнѣ самой столько разъ приходилось встрѣчать въ книгахъ такую же идеализацію порока и слабохарактерности, что я и себя иногда возвожу на пьедесталъ „страдающей и незаконно наказанной обществомъ“, а это тѣмъ легче, что я по отношенію къ себѣ не живу, иначе бы я, конечно, давно не вынесла бы, а точно слышу разсказъ о чьей-то чужой жизни. Это можетъ казаться страннымъ, но это такъ.

Онъ не высокъ собой и не красивъ, хотя, впрочемъ, въ лицѣ его не было ничего и уродливаго: худощавое, съ высокимъ прекраснымъ лбомъ, съ большими и очень умными глазами, оно такъ и стоитъ предо мной до сихъ поръ. Губы его дрожали, когда онъ чуть слышнымъ шопотомъ спросилъ меня:—„Можно ли сѣсть съ вами рядомъ?“ Я ему кинула небрежно, едва скользнувъ по немъ взглядомъ:—„Конечно, можно, садитесь“.

Конечно, онъ молодъ, очень молодъ. Ему, должно-быть, лѣтъ семнадцать. Въ наше время темные инстинкты рано начинаютъ говорить въ человѣкѣ, я и то удивляюсь, что онъ сберегъ себя и до этакого возраста. Ко мнѣ самой приходили чуть не дѣти, и какъ они были развязны и наглы, сколько говорило въ нихъ безстыдства!..

Онъ робко сѣлъ. Нѣкоторое время длилось молчаніе...

— Вы любите музыку? — спросилъ онъ меня наконецъ. Меня удивилъ и тонъ и самый вопросъ. Раньше мои „кавалеры“ о музыкѣ со мной не говорили.

— Да, люблю,—отвѣчала я, удивленно глядя на него.

— Ахъ, я ее ужасно люблю,—нѣсколько оживляясь, заговорилъ онъ,—но я не знаю, почему на меня музыка, даже самая веселая, наводитъ грусть, особенно, когда я бываю въ толпѣ. Толпа вообще возбуждаетъ непріятныя думы,—столько народу, и всѣмъ ты чужой... А вѣдь навѣрно въ этихъ тысячахъ людей есть же кто-нибудь, съ кѣмъ бы ты сошелся, какъ братъ, знаете, такъ, какъ мечтаешь сойтись... Да случай не сталкиваетъ. Иногда сидишь въ толпѣ, вотъ, напримѣръ, въ Павловскѣ,—я живу въ Павловскѣ, на дачѣ, и только на сегодня за книгами пріѣхалъ сюда,—такъ сидишь иногда и слышишь чей-нибудь разговоръ. Видишь по разговору, что говоритъ человѣкъ умный и хорошій, съ которымъ хотѣлось бы хорошенько сойтись, но незнакомый, и думаешь: а что, если я вдругъ встану, подойду къ нему и скажу: „Послушайте, будемте друзьями... вѣдь вы тоже ищете дружбы, такъ къ чему намъ всѣ эти свѣтскости, когда мы съ полуслова можемъ понять другъ друга“... Но въ мечтахъ все это хорошо, а на самомъ дѣлѣ не подойдешь, да если бы и подошелъ, то выйдетъ не то...

Онъ говорилъ это задумчиво, какъ бы для самого себя, очевидно, онъ забылъ, гдѣ онъ и съ кѣмъ онъ. Меня онъ начиналъ и интересовать и въ то же время злить: что за невинность аркадская, думалось мнѣ, неужели онъ сѣлъ ко мнѣ, чтобы дѣлиться впечатлѣніями, или, можетъ-быть, онъ смѣется надо мной? Но нѣтъ, впрочемъ, это не можетъ быть... Тонъ его голоса слишкомъ мягокъ и задушевенъ.

— А знаешь (я нарочно сказала на „ты“, чтобы отрезвить его), вѣдь это вовсе неинтересно...

— Неинтересно?—переспросилъ онъ.

— Нисколько.

— Да, впрочемъ, это правда,—отвѣчалъ онъ.—Я сегодня немного разсѣянъ, я усталъ, да и думалъ много... о чемъ же говорить?..

— Да ни о чемъ, если не умѣешь ничего сказать, или говори мнѣ, что я хорошенькая...

Онъ посмотрѣлъ на меня.

— Да, вы очень красивы, — сказалъ онъ,—въ васъ есть что-то особенное, и глаза тоже красивые, сѣрые, большіе...

Неожиданный комплиментъ этотъ сконфузилъ меня... Я опустила глаза.

— Пойдемъ лучше ходить, — сказала я, — давай руку... Человѣкъ!..—позвала я лакея, желая разсчитаться.

— Вы, можетъ-быть, хотите, чтобы я заплатилъ за васъ?—спросилъ онъ:—у меня есть деньги.

— Заплати.

Онъ вынулъ изъ кармана изящное перламутровое портмонэ. Такія портмонэ дарятъ обыкновенно добрые родители послушнымъ дѣтямъ.

Не замѣтила, что онъ далъ лакею на чай, но, должно-быть, необычайно много, потому что послѣдній сначала недоумѣвающе взглянулъ на него, потомъ низко поклонился и въ заключеніе бросился со всѣхъ ногъ отодвигать стулъ, который вовсе и не стоялъ на нашей дорогѣ.

Руку онъ предложилъ мнѣ чрезвычайно вѣжливо, даже немножко чопорно, и мы вошли съ нимъ въ потокъ толпы, въ одну изъ боковыхъ аллей. Теперь ужъ я сама рѣшилась заговорить съ нимъ, мнѣ все это начинало казаться слишкомъ глупымъ и неумѣстнымъ.

— Послушай, зачѣмъ ты подошелъ ко мнѣ?—спросила я.

Онъ смѣшался:—Я... я думалъ,—запинаясь, сказалъ онъ,—если я ошибся, я прошу извиненія... я уйду...

— Ты думалъ, что я... потерянная женщина? Такъ ты не ошибся... Но подумай, кто же говоритъ съ потерянными женщинами такъ, какъ ты говоришь со мной...

— А какъ же съ ними говорятъ? — спросилъ онъ. Это было ужъ слишкомъ наивно; въ самомъ тонѣ вопроса такъ и слышалось дѣтское любопытство. Я положительно была убѣждена, что онъ сейчасъ разсмѣется мнѣ въ лицо и броситъ мою руку. Приливъ неудержимой злости охватилъ меня...

— Ты или дуракъ,—сказала я,—или смѣешься надо мной... Если ты подошелъ ко мнѣ съ этой цѣлью, такъ иди прочь...

— Вы не сердитесь, — отвѣчалъ онъ,—я, ей-Богу, не хотѣлъ васъ обидѣть, научите меня сами, что говорить... Я,—и тутъ онъ понизилъ голосъ,—я въ первый разъ.

Меня словно что кольнуло... Жгучая краска стыда залила мои щеки. Первымъ моимъ движеніемъ было отнять мою руку, но я тотчасъ же снова просунула ее подъ его локоть: во мнѣ заговорило какое-то странное чувство, какая-то жалость и заботливость... Къ кому еще попадетъ онъ, — думалось мнѣ,—чьи наглыя уста будутъ пить эти чистыя лобзанья, чьи объятья обовьются вокругъ его шеи? Нѣтъ, ужъ лучше пусть онъ идетъ со мной, очевидно, что нужно много думать и твердо рѣшиться „покончить съ этимъ“, если онъ отважился подойти ко мнѣ; не я, такъ другая, и въ этомъ отношеніи

совѣсть моя была спокойна, но мнѣ хотѣлось, чтобъ ужъ лучше пусть это буду я, чѣмъ другая. Я не могла не знать, что я умна и не безъ сердца. Книги, которыя я такъ полюбила и которыхъ такую массу прочла въ безсонные часы дней моей распутной жизни, сдѣлали свое дѣло: я хотѣла оградить его отъ излишней грязи, оставить хоть первое впечатлѣніе—не подавляющее...

— Пойдемъ прочь отсюда,—сказала я,—бери извозчика и ѣдемъ.

Мы выбрались изъ сіяющаго огнями, шумнаго Лѣтняго сада, и дрожки наши загремѣли по мостовой. Часы на крѣпости били двѣнадцать...

Нѣкоторое время мы ѣхали молча. Смутно и нехорошо было у меня на душѣ; всегда сознаніе своей порочности вдвое тяжелѣе передъ сіяніемъ чистоты. Его била лихорадка. Я видѣла сквозь мою вуаль, какъ горѣли его глаза, и какъ нервно сжималъ онъ рукою набалдачникъ своей тросточки. Наконецъ онъ заговорилъ, и заговорилъ ужъ и самъ на „ты".

— Послушай,—сказалъ онъ,—я не могу... вели извозчику остановиться... Ты не бойся... я тебѣ заплачу...

Послѣдняя фраза точно ножомъ кольнула меня: вѣдь все-таки согласиться ѣхать съ нимъ было съ моей стороны нелегко и очень нелегко. Дуня бы просто бросила его, да еще насмѣялась бы надъ нимъ. Движеніе моего сердца было чисто и прекрасно, я не могла этого не сознать, и за эти полчаса разговора онъ положительно сдѣлался мнѣ дорогъ и милъ, какъ родной сынъ.

— Ты ребенокъ,—сказала я.—Смѣшно жить на землѣ и требовать отъ нея неба, вѣдь все равно, не сегодня, такъ завтра,—отъ этого не уйти...

Онъ больше не настаивалъ. Молча доѣхали мы до моей квартиры, молча поднялись на лѣстницу и вошли въ комнату. Я зажгла лампу, онъ снялъ пальто, сѣлъ въ кресло, облокотился на руку и задумался. Въ душѣ моей дѣлалось все мрачнѣй и мрачнѣй. Я сбросила бурнусъ и сѣла въ другое кресло...

— Будь смѣлѣе,—сказала я, чувствуя, что меня самоё оставляетъ смѣлость...

— Тебѣ легко это говорить,—началъ онъ,—а мнѣ каково? Вѣдь ты знаешь, что я совсѣмъ почти не знаю женщинъ, такъ сложилась моя жизнь. Когда я мечталъ о сегодняшнемъ вечерѣ, я мечталъ о немъ порочно и грязно, а теперь, здѣсь, въ эту ночь, наединѣ съ тобой, мнѣ просто хочется дружбы, участія, хочется сжать твою руку чистымъ братскимъ пожатіемъ, открыть передъ тобой мою душу.

— Чтò же, говори, я рада тебя слушать.

— Вѣдь ты знаешь, что ты мнѣ сестра, сестра по страданію? Тебѣ живется тяжело, мнѣ такъ же; ты никогда и ни отъ кого не видала любви, и я не видѣлъ ея. Тебя всѣ презираютъ, ко мнѣ всѣ равнодушны. Я росъ въ богатой, аристократической семьѣ. Въ нашихъ комнатахъ все красиво, дорого—и бездушно, то же самое—и въ нашихъ отношеніяхъ. Мать моя умерла, когда мнѣ было только годъ, а отецъ мой чиновникъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Я учусь въ гимназіи. Съ дѣтства я сталъ читать все безъ разбора и развился рано, слишкомъ рано. Не зная жизни, почти не выходя изъ четырехъ стѣнъ моей комнаты, я уже старикъ, и даже больше, я мертвецъ, потому что ничто ужъ не влечетъ меня и ничего не хочу я. По ночамъ я не сплю: меня мучаютъ вопросы, къ чему жить, меня мучаютъ и другія мысли, подумай, напр., легко ли сознавать, что твой нравственный міръ, которымъ ты такъ дорожишь, весь зависитъ отъ твоего тѣла: развинтился винтикъ въ организмѣ — на все ты смотришь съ мрачной точки зрѣнія, здоровъ ты — и ты пошло-счастливъ. Я долго искалъ причины моего томительнаго настроенія духа и рѣшилъ, что женщина, женская любовь съ ея наслажденіями спасетъ меня. За этой-то любовью я и пришелъ къ тебѣ, но я забылъ свою впечатлительность, мнѣ... мнѣ просто жаль тебя...

Слезы прихлынули къ моему горлу. Я молчала.

— Послушай, — заговорилъ онъ опять, весь вспыхнувъ, какъ дѣвушка, — я не хочу быть похожимъ на тѣхъ пошлыхъ моралистовъ, которые такъ невеликодушно читаютъ вамъ проповѣди, но неужели это не во снѣ? Неужели жизнь можетъ довести до необходимости торговать собой? Подумай хорошенько, нѣтъ ли хоть какого-нибудь исхода?.. Человѣкъ иногда не сознаётъ ужаса своего положенія, можетъ-быть, и ты не сознала его; вдумайся только глубже... Я тоже не зналъ, чтò такое потерянная женщина, пока не увидѣлъ тебя и не посидѣлъ въ этихъ стѣнахъ; книги ничего не скажутъ, книги—тѣнь, а по тѣни нельзя судить о живомъ человѣкѣ... Но если тебѣ непріятно, я замолчу... Бѣдная, бѣдная!..

Я уже не могла больше сдерживаться, я тихо плакала.

— Пойди сюда, сядь рядомъ, дай мнѣ твою руку... — продолжалъ онъ.

ИДИЛЛІЯ.

Тщетно высматриваетъ сквозь сумракъ осенней ночи осиротѣлый фонарь Торговой площади своего товарища, вмѣстѣ съ нимъ озарявшаго, бывало, ея безлюдный просторъ: товарища не видно. Рѣзкій вѣтеръ разбилъ стекло и затушилъ его дрожащій огонекъ. Приходится одному бороться съ глубокою мглою,—одному, если не считать свѣтлой огненной полоски, пробивающейся сквозь ставни дома Красавикой. Только изъ одного окна и бьетъ эта полоска, задѣвая за уголъ водосточной трубы и блестя на лужѣ тротуара. Кто это не спитъ въ такой поздній часъ?

Не спитъ подпоручикъ Медвѣдковъ. Онъ сидитъ въ своей крохотной, квадратной комнаткѣ, за ломбернымъ столомъ, покрытымъ зеленой фланелью, что придаетъ этому столу видъ письменнаго. На столѣ развернута огромная тетрадь, а въ тетради на лѣвой страницѣ изображенъ профиль женской головки — и изображенъ очень скверно, а на правой начертано: „2 сентября 188* года“ и затѣмъ слѣдующая фраза: „Вчера и третьяго-дня не велъ дневника, такъ какъ было некогда, занимался съ ротной школой и сильно усталъ. Запишу сегодня мои впечатлѣнія“.

Подпоручикъ Медвѣдковъ одѣтъ въ армейскую тужурку, лицо у него худощавое, изжелта-блѣдное, опушенное молодой бородкой, волосы всклочены. Онъ облокотился на руку и куритъ, задумчиво глядя, какъ синеватый дымокъ расплывается надъ лампой и потомъ стелется по комнатѣ. Забытое перо высыхаетъ на чернильницѣ; тихо и размѣренно тикаютъ на столѣ часы...

Идиллія.

(Изъ записокъ жильца маленькой комнаты).

*** Я положительно озадаченъ. За школьною стѣной, когда, въ минуты хандры, мечталъ я иногда о предстоящей мнѣ жизни и дѣятельности, — не могу похвастаться, чтобы грезы мои были слишкомъ радостны. „Уѣхать куда-нибудь въ глушь, думалось мнѣ, въ провинцію, гдѣ не услышишь живого слова, не увидишь живого лица,—посвятить свою жизнь маршировкамъ и смотрамъ, когда душа рвется къ живому дѣлу, хочется работать, и работать головой, а не ногами, — это ужасно!“ Но оказалось вовсе не такъ ужасно. Разскажу подробнѣе.

Что̀ я теперь? Я армейскій офицеръ, подпоручикъ, выброшенный въ армію случаемъ и получившій воспитаніе и образованіе, значительно превосходящее то, какое считается необходимымъ minimum'омъ для занимаемаго мною положенія. Проживаю я въ спосномъ приморскомъ городкѣ К., слѣдовательно недалеко отъ Петербурга, въ маленькой комнаткѣ одного скверпаго деревяннаго домишки. Домишко несомнѣнно скверный: во-первыхъ, онъ стоитъ въ глухомъ мѣстѣ, на углу безлюдной площади, сіяющей въ окна всѣми своими безчисленными осенними лужами; въ-вторыхъ, наружность его далеко не представительная: одинъ этажъ, маленькія окна, деревянное, покосившееся крылечко... И, несмотря на все это, онъ положительно мнѣ симпатиченъ, какъ бываютъ иногда симпатичны добрыя старушки, и симпатиченъ, главнымъ образомъ, потому, что ужъ очень онъ цѣльно-характеренъ, со всѣми своими жильцами. Бродилъ я сегодня по улицамъ, отыскивая квартиру, и вижу на окнѣ билетикъ. Я позвонилъ. Дверь отворила мнѣ маленькая, вертлявая, худощавая старуха съ бѣгающими черными глазами, ежеминутно мигающими, и губами, сложенными сердечкомъ. Ну, конечно:— „Что̀ вамъ угодно?“—„Мнѣ, говорю, угодно комнату,—отдается у васъ?“—„Какъ же, пожалуйте“,—а сама осматриваетъ меня экзаменаціоннымъ взглядомъ,—каковъ еще, дескать, батенька, ты жилецъ-то будешь. Вошелъ въ темную переднюю, а изъ нея она отворила дверь налѣво, въ небольшую, почти квадратную комнатку. „Вотъ, дескать, любуйтесь“.

Комнатка сразу мнѣ понравилась: небольшой столъ стоялъ у единственнаго окна, направо у стѣны комодъ, налѣво—этажерка. Умывальный шкапчикъ, надъ нимъ—въ видѣ украшенія — голова оленя съ обломанными рогами, мягкія

стулья, потертый коверъ... На стѣнахъ—древнѣйшія гравюры съ надписями подъ ними, сдѣланными чернилами.

Все просто и чисто до мѣщанства и въ то же время — необыкновенно уютно. Я, какъ моя кузина-институтка, ужасно люблю все маленькое,—и поэтому и комнатка пришлась мнѣ по вкусу. Стоя посреди ея, я уже мысленно покрывалъ столъ зеленымъ сукномъ, ставилъ на немъ новенькіе подсвѣчники, бюсты Пушкина и Гоголя, чернильницу и стаканчикъ для перьевъ,—а на этажеркѣ размѣщалъ свои книги. Цѣна показалась мнѣ немножко черезчуръ высокой, но симпатичность комнаты меня подкупила. Потолковали-потолковали, и я отправился въ гостиницу, чтобы сейчасъ же начать свое переселеніе.

Переселеніе совершилось весьма торжественно и при большомъ стеченіи народа. Едва внесли въ мою комнату чемоданъ и остальныя вещи, какъ въ двери, которыя я посовѣстился затворить на крючокъ, принялись любопытно заглядывать личики двухъ маленькихъ дѣвочекъ. Шутя, я пугнулъ ихъ, онѣ разсмѣялись и убѣжали, но черезъ минуту явились опять. Не прошло и четверти часа, какъ мы сдѣлались совершенными друзьями: оказалось, что моихъ новыхъ пріятельницъ зовутъ—одну Шурочкой, а другую Таночкой, что у нихъ есть еще старшій братъ, Миша, который учится въ гимназіи, въ первомъ классѣ, и двѣ сестры-гимназистки, изъ которыхъ самой старшей — четырнадцать. Ожидается, кажется, и еще прибавленіе семейства,—какъ конфиденціально сообщила мнѣ старушка, оказавшаяся тещей хозяина.

По правдѣ сказать, она мнѣ порядочно таки-надоѣла разсказами, разспросами и совѣтами. Говоритъ она безъ умолку и тысячу разъ повторяетъ одно и то же. Особенно развязало ей языкъ то обстоятельство, что между прочими вещами я вынулъ изъ чемодана образъ,—память моей покойной матери. Ея сморщенное лицо сразу просіяло, а въ глазахъ пропала послѣдняя тѣнь недовѣрія къ новому жильцу.

— Вотъ это хорошо,—заговорила она,—это я люблю, и видно сейчасъ, что хорошаго воспитанія,—и она съ любовью остановила свой взоръ на моемъ свѣжемъ сюртукѣ, по причинѣ моего недавняго производства въ офицеры дѣйствительно чистомъ и сносно сшитомъ у столичнаго портного.— А то эти нынѣшніе такіе безбожники. У меня въ этой комнатѣ тоже жилъ одинъ офицеръ, въ академію готовился, такъ онъ...—и тутъ по крайней мѣрѣ на десять минутъ затянулось повѣствованіе о безбожномъ академикѣ, который, какъ оказалось, терпѣть не могъ лампадки, такъ какъ у него отъ дере-

виннаго масла болѣла голова.—Да что жъ это вы съ дѣтьми-то возитесь; видите, они такъ васъ и облѣпили... Шурочка, Танечка, не надоѣдайте дядѣ, они устали...

— Ничего, сдѣлайте милость, я люблю дѣтей, — разувѣрялъ я.

— Любите?.. А они рады, коли ихъ кто приласкаетъ... Это что у васъ,—бѣлье? Давайте сюда, въ комодъ... А мундиръ вашъ я въ шкапъ повѣшу, въ свой... Вамъ у насъ хорошо будетъ... Мы къ вамъ, какъ къ родному... ужъ извините... А то надоѣло ужъ съ буянами-то жить да по мировымъ таскаться... У меня внучки — взрослыя дѣвочки... — И т. д. и т. д., пока наконецъ въ передней не дрогнулъ звонокъ, возвѣщающій прибытіе отца семейства. Вскорѣ изъ гимназіи вернулись и старшія дѣвочки, и за моей стѣной раздался лязгъ ножей и стукъ тарелокъ,—а я, убравъ все, принялся оглядывать съ чувствомъ довольства свою работу.

Комнатка вышла дѣйствительно преуютная; немножко темная, но я это люблю. И если правда, что по комнатѣ можно судить о ея хозяинѣ, то обо мнѣ всякій долженъ бы быть весьма лестнаго мнѣнія. Пушкинъ и Гоголь на письменномъ столѣ, а также книги на этажеркѣ говорятъ о моей интеллигентности, пюпитръ въ углу и ящикъ со скрипкой — о томъ, что я люблю музыку и съ любовью ею занимаюсь, а уютность и порядокъ моего гнѣзда—о томъ, что я не шалопай и не гуляка, что люблю сидѣть дома и, конечно, заниматься дѣломъ.

Разумѣется, послѣднія строчки написаны въ шутку. Очень ужъ какъ-то непривычно-хорошо и спокойно у меня на душѣ. На долго ли?..

*** Слава Богу, онѣ хорошенькія! Иначе это было бы слишкомъ досадно, слишкомъ звучало бы диссонансомъ... Не могу выразить, какъ идутъ къ этому старому деревянному домику съ его простой обстановкой и поэзіей семейнаго очага милыя личики старшихъ дѣвочекъ. Мало сказать, что онѣ хорошенькія: онѣ больше, чѣмъ хорошенькія, почти красавицы. У старшей,— зовутъ ее Маней, — въ лицѣ есть что-то строгое, важное, умное. Какъ-то особенно благородно и красиво съ ея бѣлаго, словно выточеннаго лобика падаютъ на плечи каштановые кудри, какъ-то особенно ясно и спокойно глядятъ ея голубые глазки. Младшая, Наташа, совсѣмъ въ другомъ родѣ: она вся огонь, веселье, удаль... Когда она засмѣется своимъ отрывистымъ, милымъ смѣхомъ, у нея изъ-подъ алой губки, какъ жемчуги, сверкаютъ зубы. Бойкая дѣвочка.

Только-что дописалъ я послѣднія строчки, какъ услышалъ

сзади себя шумъ. Оглянулся—вижу что-то мохнатое, черноз... оказалось, это старая собака. Къ довершенію моего изумленія, она вдругъ, совершенно неожиданно, стала па заднія лапы и принялась служить... Прекрасный аксессуаръ для идиллической картины!..

I.

Въ окнахъ вагона мелькаеть сосновый лѣсъ — и, кажется, нѣтъ ему конца: вотъ уже три станціи тянется онъ, изрѣдка перерѣзываемый полянами, съ блѣдными, только-что одѣвшимися зеленью березами или небольшими огородами вокругъ избушекъ сторожей... Кажется—что̀ хорошаго? Но Полозовъ по грудь высунулся въ окно и жадно дышитъ весеннимъ воздухомъ. Послѣ зимы, проведенной въ четырехъ стѣнахъ гимназіи, сердце его сильно бьется при видѣ этой зелени и приволья. Каждая мелочь бросается въ глаза и крѣпко запоминается: сложенный въ кучу щебень, сквозь который весело пробивается трава, легкая изгородь, цвѣты въ придорожныхъ канавахъ и между ними, главнымъ образомъ, какой-то бѣлый, пушистый, болотный цвѣтокъ и желтыя пятна одуванчиковъ, воробьи на телеграфной проволокѣ—все это врѣзывается въ память. Сережу это даже забавляетъ: проѣзжаетъ ли онъ мимо ели, у которой какъ-нибудь особенно изогнутъ сучокъ, онъ старается запомнить ихъ очертанія и представить ихъ себѣ черезъ нѣсколько времени. А поѣздъ летитъ и летитъ, и съ каждымъ мгновеніемъ все дальше Петербургъ, все ближе родная Полозовка. Да, ближе, но еще очень далеко—нѣсколько сутокъ ѣзды...

Давно Полозовъ не былъ такъ хорошо настроенъ, да и немудрено: этотъ весенній, яркій, зовущій къ жизни день, оживленіе дороги, за плечами — покинутыя навсегда стѣны гимназіи, впереди сады и лѣса родной южной глуши — чего же можно требовать лучшаго? А впереди, за этими заманчивыми картинами, такъ много еще свѣтлаго: университетъ, трудъ, литература... Все это такъ заманчиво, что даже ослѣпляетъ, не хочется и заглядывать глубже впередъ, да и незачѣмъ: вѣдь и ближайшее такъ хорошо, хотя бы, напр., прибытіе въ Полозовку, знакомый сѣренькій домикъ съ балконами и красной крышей въ зелени душистаго сада; тихая, залитая румянцемъ вечера Тигода, съ накрененными надъ ней кривыми, суковатыми вербами и гибкими вѣтвями молодой осоки, низкія, не оклеенныя обоями комнаты, съ ихъ бревенчатыми, законопаченными мохомъ стѣнами, а потомъ самоваръ, свѣча на столѣ и вокругъ зажженной свѣчи ночныя бабочки, а за

окнами — таинственный сумракъ сада. Такъ отрадно думать объ этомъ послѣ долгой и скучной зимы.

Сережа слишкомъ молодъ, чтобъ передъ нимъ не вставали еще и другія картины, чтобъ не хотѣлось ему поблистать въ средѣ деревенскихъ сосѣдей, пококетничать съ ихъ дочерьми, даже влюбиться... Вѣдь онъ давно уже не былъ въ Половкѣ; все тамъ, навѣрно, успѣло перемѣниться и вырасти—и березовая рощица около дома и Сонечка Столбовцева......

ТЕРНІИ.

Очеркъ.

I.

Послѣдняя лодка, глухо стукнувшись о плотъ, высадила воихъ пассажировъ. Веселая группа молодежи, бѣлѣя въ ольскихъ сумеркахъ матросскими рубахами гребцовъ и малороссійскими костюмами дамъ, захвативъ весла, уключины и ринадлежности пикника, тронулась по саду къ мызѣ, огни оторой привѣтливо блистали сквозь спутанную листву.

— Накатались? — раздался съ балкона мызы раскатистый гарческій голосъ.

Ему отвѣтилъ цѣлый хоръ.

— Готовь чай, папочка,—звонко крикнула, перекрывъ голоса, Іадя Скряжнева, — мы продрогли, на водѣ сыро,—и вскорѣ о лѣстницѣ стараго дома звучали шаги, и веселое общество со смѣхомъ и шумомъ ворвалось въ освѣщенную залу.

Старикъ Скряжневъ встрѣтилъ молодежь съ распростерыми объятьями. Поднялись разговоры о происшествіяхъ и риключеніяхъ пикника. Обѣдали въ „пустой середкѣ“ на амомъ берегу... Османъ-паша (такъ прозывался высокій, неклюжій лицеистъ) взялся смотрѣть за яичницей и печь карофель и, конечно, кончилъ тѣмъ, что сковородки опрокиулъ, а изъ картофеля сдѣлалъ какіе-то уголья... Если бы е пирогъ, взятый изъ дому, то проголодались бы... Николай асильевичъ хотѣлъ перескочить черезъ канаву и упалъ въ оду... Кто-то сломалъ весло, кто-то обронилъ сережку, но се-таки было страхъ какъ весело, а теперь чаю, чаю, чаю, пусть Николай Васильевичъ отойдетъ отъ рояля и не соазняетъ голосомъ, пока не уберутъ самовара...

Въ углу, у шахматнаго столика, шелъ ожесточенный споръ: порила молоденькая нѣмка, Доротея Ивановна, компаньонка дной изъ присутствующихъ барышенъ, и в... полная

блондинка, Марья Николаевна. Блондинку особенно энерги
поддерживалъ красавецъ-гимназистъ, доказывая, что лод
на которой была рулевымъ Марья Николаевна, перегнала
всѣмъ правиламъ искусства, а не хитростью, лодку, на ко
рой правила компаньонка. Блондинка, невыносимо ломая
едва роняла слова, но ея адвокатъ, Володя Пыльневъ, за
распинался. Нѣмка тоже горячилась, хорошенькое личико
такъ и горѣло. Видно было, что ее не на шутку возмуща
несправедливость оппонентовъ.

— Если мы были вначалѣ впереди, — кричалъ гим
зистъ,—вы могли насъ догнать...

— Какъ же это васъ догнать, если вы въ то время, ко
мы отчалили, были уже у моста?—отвѣчала Доротея И
новна.—А вотъ вы должны были дать намъ сровняться...

— Да, дождаться васъ, — иронически отвѣчалъ гимназис
кивая на сидящаго въ другомъ углу юношу-офицера,—ко
у васъ такіе гребцы, какъ Сережа.

— Ну, Сережу... Сергѣя Ѳедоровича, виноватъ, вы
лучше оставили въ покоѣ,—запальчиво и серьезно отклик
лась Доротея Ивановна,—тѣмъ болѣе, что онъ и къ веслу
сегодня не прикасался, а гребъ вашъ хваленый Османъ-паш
Сами-то вы хорошо гребете!..

— Да ужъ лучше Сережи...

— А кто сегодня чуть всѣхъ не опрокинулъ?

— Когда?

— Когда?.. вы забыли? Припомните-ка лучше тогда и т
куйте,—и она, отвернувшись, отошла. Гимназистъ состро
ей вслѣдъ гримасу.

— Замѣтили,—обратился онъ къ блондинкѣ,—какъ она
Сергѣя вступилась? Какъ же, друзья неразлучные... Ужас
я люблю злить эту Шмерцкухенъ... Голь, шмоль и компан
а гонору, не приведи Богъ, сколько, настоящій ершъ!..

— Ахъ, Вольдемаръ, можно ли быть такимъ злымъ,
проронила блондинка,—что̀ вамъ сдѣлала эта... эта дѣвочк

— Она препротивная... Сколько разъ я просилъ маму п
гнать ее — не хочетъ; ее Катя очень любитъ, а между тѣ
изъ-за нея только постоянныя ссоры.

— Но зато у васъ, надо отдать ей справедливость, п
красная непріятельница... Какіе у нея славные глаза...

— Глаза? Помилуйте, совершенно рыбьи... Никакого
раженія... Я одни знаю только прекрасные глаза...

— Чьи, не секретъ?

— Для васъ — не секретъ: ваши...

Бесѣда продолжалась въ томъ же шутливомъ духѣ...

Доротея Ивановна подошла между тѣмъ къ Сережѣ и сѣла стулъ рядомъ съ нимъ.

— Ну что̀, сынокъ?—ласково спросила она.

— Да что̀ — отвѣчалъ онъ, поднявъ на нее усталый глядъ, — скучно, конечно... Что̀, вы позлословить пришли? злословимте, хоть душу отведемъ немного... Замѣтили вы енку въ „пустой середкѣ" между Володей и Маріей Никоевной? Препикантно вышло; мнѣ невольно пришлось подушать ихъ...

— Нѣтъ, не замѣтила, а что такое? — заинтересовалась вушка.

— А вотъ, извольте видѣть: когда стали собирать сучья я костра и всѣ разбрелись по опушкѣ, я воспользовался учаемъ, что отыскалъ нѣсколько кустовъ малины, разлегся принялся уписывать... Вдругъ — шелесть, и на полянѣ яется „она"... Еще шелесть—и съ другой стороны „онъ"! ия не видятъ, а я нарочно ни гу-гу... Вы скажете—нехорошо дсматривать, ну, да мнѣ можно, я вѣдь изъ литературныхъ довъ, въ качествѣ наблюдателя. Конечно, сейчасъ же взаное удивленье: „А, и вы здѣсь?... и вы?.." и проч... точно нарочно сошлись... „Фу, какъ я устала",—говоритъ она и дится на траву. Онъ откликается: „жарко..."—„Что̀ жъ, вы дитесь тоже"... Она садится... Потолковали о томъ, о семъ, онъ, конечно, сейчасъ съѣхалъ на пошлыя любезности: егодня вы особенно хороши", да „какъ къ вамъ идетъ малоссійскій костюмъ" и прочія... „Въ самомъ дѣлѣ идетъ?" рашиваетъ она.—„Еще бы!"—„И вы не находите, напримѣръ, о руки у меня слишкомъ грубы, чтобы ихъ открывать?" она свою руку подноситъ къ глазамъ и начинаетъ разатривать ее. Онъ, конечно, начинаетъ ужасаться: „Ваши-то ки и грубы... да что̀ вы!.."—„И поцѣловать такую руку не отивно?.."—„Поцѣловать, да это блаженство".—„Ну, такъ -те, цѣлуйте",—и она протянула ему руку. Онъ ее чмокъ, я возьми и кашляни за кустомъ... Эффектъ вышелъ необыйный, а я, какъ ни въ чемъ не бывало, всталъ и пошелъ костру, точно ихъ и не видѣлъ...

— Да неужели?—изумилась дѣвушка.

— Своими глазами видѣлъ... Да вы посмотрите на Водю, онъ такъ и сіяетъ, точно именинникъ...

— Вотъ-то ужъ не ожидала! Ай да Марья Николаевна!

— Именно: ай да Марья Николаевна!.. Володенька хоть порядочно нахаленъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и трусъ, да и опытенъ... Не наведи она его,—онъ бы и не рѣшился нигда; знаете: „и хочется, и колется, и маменька не велитъ!"

А Марья Николаевна для него божество: во-первыхъ, замужняя а интрижка съ замужней всегда имѣетъ особую пикантность во-вторыхъ—аристократка, а въ-третьихъ, хоть и раскрашена неимовѣрно, но несомнѣнно эффектна... Какъ будущій „Донъ Жуанъ“, Володенька, конечно, все это прекрасно взвѣсилъ.

— Еще бы,—согласилась Дарья Ивановна.

— А знаете что, — вдругъ вскинулъ на нее глазами Сережа,—вѣдь мы съ вами ужасными мерзостями занимаемся. Ну, какое намъ собственно дѣло до всего этого; что у насъ съ ними общаго? Все это такъ, ей-Богу, мелочно и скучно.

— Съ волками жить... — вздохнула Дарья Ивановна... — Такой ужъ тутъ воздухъ дачный... да и характерно все это. Однако,—прибавила она,—взгляните-ка, всѣ усаживаются за чай... Я тоже хочу чаю...—Она сдѣлала милую гримаску и дѣтскимъ голосомъ пропѣла:—Я проголодалась...

— Что это, — замѣтилъ Сережа, — никакъ и вы начали кокетничать... Не со мной ли? Неблагодарный трудъ!..

Она засмѣялась.

— Отчего, развѣ въ меня нельзя влюбиться?..

А между тѣмъ всѣ усаживались за столъ; стулья громко задвигались... Надя, занявъ свое мѣсто хозяйки во главѣ стола, звонко кричала отца. Старикъ не сразу отвѣтилъ: онъ былъ нѣсколько сентименталенъ и сидѣлъ на балконѣ, заглядываясь въ ночь, лунную и тихую... Около Нади увивался Османъ-паша, предлагая ей разносить всѣмъ чай...

— У меня большія лакейскія способности, — тараторилъ онъ и въ доказательство перекинулъ черезъ плечо салфетку. Надѣ показалась эта шутка неумѣстной.

— У насъ есть прислуга, благодарю васъ, — строго отвѣтила она: — если я попросила васъ отнести чашку Марьѣ Николаевнѣ, это не значитъ, что навязала вамъ лакейскія обязанности. Въ другой разъ я снесу сама.

Османъ-паша смутился и забормоталъ извиненье.

— Ну, довольно, — уже съ улыбкой отозвалась Надя,—садитесь здѣсь и сидите смирно, а не то вы свалите самоваръ.

Перекрестный разговоръ и веселый смѣхъ не умолкали ни на минуту...

II.

Общество, собиравшееся у Скряжневыхъ, было довольно смѣшанное. Самъ старикъ Скряжневъ, еще бодрый и красивый, съ сѣдыми кудрями надъ высокимъ лбомъ и сѣдыми же нависшими бровями, представлялъ собою исчезающій теперь типъ хлѣбосола-помѣщика. Когда-то онъ былъ, говорятъ

очень богатъ, но широкое гостепріимство, идеальный взглядъ на жизнь да непрактичность порядочно поразстроили его состояніе. Имѣніе его было подъ Петербургомъ, на линіи желѣзной дороги, и могло имѣть значеніе почти исключительно какъ дача. Скряжневъ же затѣялъ въ ней сложное хозяйство, повыписалъ изъ столицы машины, завелъ у себя техника и такимъ образомъ безъ всякой выгоды ухлопалъ на небольшой клочокъ земли послѣдовательно два состоянія, доставшіяся ему по завѣщанію его богатыхъ аристократовъ-родственниковъ. Главный доходъ получался съ дачъ, и дачникамъ жилось у Скряжнева дѣйствительно очень весело. Радушный хозяинъ и его красивая дочь, Надя, которая только-что окончила курсъ въ одномъ изъ лучшихъ петербургскихъ институтовъ, удивительно умѣли соединять дачное общество. Дня не проходило безъ какого-нибудь развлеченія: то устраивались прогулки за грибами, то поѣздка на лодкахъ, то справлялись чьи-нибудь именины—и старый садъ весь загорался огнями, то наконецъ въ залѣ ставились декораціи и организовался домашній спектакль, и душой всего этого была всегда Надя, веселая, ровная, одинаково привѣтливая со всѣми и всегда немножко себѣ на умѣ.....

Терніи.

Очеркъ.

1882 г. Іюнь.

„Я слышалъ шумъ волны нагорной, я стону Терека внималъ; Дарьялъ, нахмуренный и черный, я жаднымъ взоромъ измѣрялъ, и тамъ, гдѣ діадемой снѣжной Казбекъ торжественный сіялъ, съ рукой подъятой ангелъ нѣжный, казалось, въ сумракѣ стоялъ“. Эти стихи, послѣ получасовой работы, сложились въ головѣ Сережи Полозова, когда тройка его, прогремѣвъ по деревянному мосту черезъ Терекъ, въѣхала въ узкое Дарьяльское ущелье. Еще разъ, почти вслухъ, повторилъ онъ эти строки, вслушиваясь въ нихъ музыку и стараясь взглянуть на нихъ объективно, не такъ, какъ глядитъ онъ, авторъ, а какъ будетъ глядѣть его читатель...—Нѣтъ, такъ нельзя, рѣшилъ онъ, въ двухъ куплетахъ одна и та же глагольная риѳма: внималъ, стоялъ... да и образъ смѣлъ: правда, здѣсь, въ сумракѣ ночи, подъ вьюгой и вѣтромъ, очертанія

камней и скалъ, нависшихъ надъ дорогой, напоминаютъ людскія фигуры,—но, во-первыхъ, я слишкомъ замечтался: Казбека еще не видать, а во-вторыхъ, столичный читатель, не видавшій Кавказа, просто мнѣ не повѣритъ, не повѣритъ въ правдивость ангела съ поднятой рукой... Вотъ если бы какъ-нибудь эту вьюгу... Точно людскіе голоса, голосъ Тамары... И снова началась привычная ему мысленная работа, — проносились образы, мѣрно укладывались снова въ размѣръ, и скоро второе четверостишіе замѣнилось новымъ: „и сквозь глухія завыванья грозы, волшебницы сѣдой, звучалъ мнѣ, полный обаянья, Тамары голосъ молодой“. — Вотъ такъ будетъ хорошо, — рѣшилъ Сережа, — во-первыхъ, въ картину ворвались звуки, а во-вторыхъ, суровый колоритъ ея согрѣлся образомъ миѳической красавицы. Надо будетъ въ Тифлисѣ обработать это,—заключилъ Сережа, стараясь укрыться отъ порывистаго вѣтра за спиной ямщика и ближе придвигаясь къ своему попутчику, умудрившемуся задремать, несмотря на все неудобство перекладной и бурную погоду.

Итакъ, герой мой, Сергѣй Александровичъ Полозовъ, былъ поэтъ, и этимъ уже кое-что сказано . . . .

СКАЗКА О „ЗВѢРЯХЪ".

„Жестокіе, сударь, нравы въ нашемъ городѣ"...

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, въ самой его столицѣ, на самомъ ея краю, имѣется нѣкій проспектъ. На проспектѣ этомъ, значительно отступая отъ линіи домовъ, находится пышное зданіе, промежутокъ между которымъ и проспектомъ занятъ садомъ. Зданіе это преслѣдуетъ нѣкія спеціально-воспитательныя цѣли и содержитъ въ своихъ стѣнахъ до двухсотъ молодыхъ, преимущественно румяныхъ, красивыхъ, сытыхъ и здоровыхъ джентльменовъ, готовящихся со временемъ съ оружіемъ въ рукахъ защищать отечество отъ всякихъ внѣшнихъ и внутреннихъ вороговъ. Цѣль, какъ видите, читатель, весьма почтенная. Самъ я въ этомъ зданіи бывалъ очень рѣдко, но зато сосѣдъ мой бывалъ тамъ довольно часто, а еще чаще бывалъ у сосѣда одинъ румяный, красивый, сытый и здоровый джентльменъ изъ этого зданія. Онъ много разсказывалъ о немъ сосѣду,—сосѣдъ, что упомнилъ, разсказалъ мнѣ, а я хочу теперь разсказать вамъ, чтобы вы въ свою очередь разсказали другимъ вашимъ знакомымъ. Такой способъ разсказа называется мною „иллюминаціей факта". Но однако къ дѣлу! Все это была только присказка, а сказка будетъ впереди. . . . .

ИДИЛЛІЯ.

(Изъ записокъ жильца маленькой комнаты).

Кронштадтъ, 1883 года.

I.

...Итакъ, „жизнь одинокая, жизнь сиротливая, жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая“, началась для меня. Я сравнительно свободенъ—и одинъ. Сегодня я хлопоталъ цѣлый день, деньги еще оставались у меня въ карманѣ,—и слѣдовательно успокоиться было рѣшительно невозможно, являлась настоятельная необходимость пріобрѣсти занавѣски на окна, сукно, чтобъ покрыть „письменный столъ“, плохую олеографію—украсить стѣну, и недорогіе бюсты Пушкина и Гоголя—для этажерки съ книгами. Теперь я обставился окончательно и, какъ побѣдитель, озираю поле битвы. Ничего—комнатка преприличная, или, по крайней мѣрѣ, пресимпатичная. Правда, она невелика и темна, но мнѣ это нравится; вечеромъ въ ней очень уютно: чисто, просто и мило. Я думаю, мнѣ будетъ тутъ отлично работаться...

Однако я въ послѣдній разъ писалъ свои записки за недѣлю до „производства“, и поэтому скачокъ въ моемъ общественномъ положеніи неизвѣстенъ миѳическому читателю. (Кстати,—я совершенно отвыкъ писать, не воображая себѣ читателя, съ тѣхъ поръ, какъ началъ печататься. Впрочемъ, „мой“ читатель—человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ не похожій на читателей реальныхъ,—во-первыхъ, онъ воплощенный идеалъ, а во-вторыхъ—ему все доступно и понятно во мнѣ, онъ тонкій психологъ и наблюдатель, почему мы съ нимъ бесѣдуемъ больше полунамеками). Итакъ (почему „итакъ?“), я больше ужъ не „нижній чинъ“ какой-нибудь, а ни болѣе ни менѣе, какъ подпоручикъ россійской арміи, „той славной арміи, которая отличалась при Суворовѣ“ и т. д. и т. д. Званіе не маловажное (впрочемъ, это не званіе, а чинъ), а

обстоятельства, съ нимъ соединенныя, и еще того важнѣе, слѣдовательно вовсе не нужно было ставить въ заголовкѣ этой страницы „жалкихъ словъ“ насчетъ сиротливой жизни, такъ какъ я... О, ужасъ, я—доволенъ своимъ положеніемъ!!! Трепещи, мой міопическій читатель, и укоряй меня во лжи,— ты будешь имѣть основаніе. Какъ,—давно ли на страницахъ моего дневника проливалъ я слезные токи по поводу того, что я буду офицеромъ, а не студентомъ? Давно ли мерещилась мнѣ, какъ въ минуты кошмара, долгая жизнь, посвященная „вытягиванью носка и обученію сборкѣ и разборкѣ скорострѣльной винтовки Бердана, номеръ второй, со скользящимъ затворомъ“? Давно ли единственными развлеченіями въ этой жизни, которыя могли быть доступными для меня, представлялись мнѣ водка, карты, бильярдъ и шпоры батальоннаго адъютанта!.. И вдругъ!.. И вдругъ я—доволенъ! Вѣдь это измѣна, измѣна знамени, измѣна всему прежде дорогому и святому!

Будто бы?

Однако перестанемъ заниматься „языкоплепствомъ“, какъ еще недавно писалъ на поляхъ моихъ сочиненій мой учитель „хитростей піитическихъ и элоквенціи“, да оставимъ кстати и этотъ шутовской тонъ, не идущій къ важности предмета, и бросимъ бѣглый взглядъ... На что?.. Ну, да на что придется.

Въ самомъ дѣлѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ жизни моей произошелъ большой переворотъ: я ни отъ кого не завишу, я вырвался и изъ скучныхъ школьныхъ стѣнъ и изъ тяжелыхъ рукъ моихъ аристократическихъ благодѣтелей. Въ послѣднее время въ Петербургѣ я положительно былъ боленъ и нравственно и физически: мелкія невзгоды, мелкія униженья, хлопоты, попреки и вся эта невыносимая проза жизни вконецъ доконали меня. Благодѣтели изломали мою жизнь, теперь мое дѣло поправить ее, какъ я хочу. А хочу я сдѣлать ее честной—это разъ, и полезной—это два. Буду учиться, буду развивать свой талантъ и ждать минуты, когда обстоятельства позволятъ мнѣ сбросить наскучившую военную ливрею, такъ несоотвѣтствующую складу моего характера и моимъ стремленіямъ! Слѣдовательно, говоря, что я доволенъ, я подразумѣваю возможность въ будущемъ устроиться, какъ я хочу, а въ настоящемъ—готовиться къ этому будущему, чѣмъ скрасится и само настоящее. Однако я усталъ, а пока, кромѣ отвлеченныхъ разсужденій, ничего не написалъ. Но, впрочемъ, это не бѣда, пусть эти страницы послужатъ, такъ сказать, введеніемъ къ моимъ запискамъ, „запискамъ маленькой комнатки“.

Благодаря вчерашней болтливости и отсутствію „фактовъ", записываю не сегодняшнія, а послѣднихъ двухъ-трехъ дней...

I.

„А вѣдь „собачій паркъ" неизбѣженъ!.."

Это была первая сознательная мысль только-что проснувшагося подпоручика Столбовцева, проснувшагося „окончательно". „Окончательное просыпаніе" выразилось въ томъ, что онъ облокотился локтемъ о подушку и закурилъ папиросу. Дольше спать было въ самомъ дѣлѣ невозможно, хозяйскіе часы за стѣной, кряхтя и шипя, пробили двѣнадцать. Весеннее солнечное утро ярко глядѣло въ единственное окно его комнаты.

„Ну, слава Богу,—подумалъ онъ,—хоть до полудня дотянулъ,—все вечеръ ближе. Чтò же однако сегодня я буду дѣлать?"

Наступившее „сегодня" обѣщало пройти вовсе не веселѣе миновавшаго „вчера", если даже не скучнѣе: вчера все-таки были будни, значитъ, надо было отправиться въ полкъ, на службу, чтò отнимало около пяти часовъ въ день, сегодня же числилось въ календарѣ „воскресеньемъ", днемъ, какъ извѣстно, „неприсутственнымъ". Положимъ, въ полку тоже веселья было не много, но зато время-то шло скорѣе и, главное, не такъ обидно-безплодно, какъ въ праздникъ. Хочешь не хочешь, а пять часовъ отсиди, за то тебѣ и жалованья въ мѣсяцъ идетъ пятьдесятъ два рубля,—все-таки скука оправдывается матеріальнымъ соображеніемъ. А въ праздникъ—время свободное, располагай имъ, какъ хочешь, а какъ имъ располагать въ такомъ порядкѣ и въ такой средѣ, которые были суждены судьбою N-му пѣхотному полку?

Несмотря на этотъ яркій, манящій день, Столбовцеву вставать не хотѣлось: „зачѣмъ?" Онъ лежалъ, курилъ, думалъ и злился. Злилъ его, главнымъ образомъ, этотъ весенній день, этотъ вызывающій, горячій солнечный свѣтъ, яркимъ золотомъ заливавшій его комнатку и прямо надъ его головой, на стѣнѣ, фотографирующій въ увеличенномъ видѣ переплетъ окна со стоящими на немъ горшками фуксій и герани. Какъ страстно, какъ молодо отзывался онъ душою на такіе дни только годъ тому назадъ! Но тогда вся жизнь еще была впереди; за скучной стѣной училища грезилась свобода, дѣятельность, даже, можетъ-быть, слава. Но достаточно было

года этой независимой жизни, чтобы развѣять въ прахъ всѣ эти грезы. И вотъ день ярокъ, день зоветъ къ жизни, день волнуетъ еще молодую и полную силъ душу, и отозваться ей нечѣмъ. Нѣтъ ни свѣтлыхъ желаній ни радостныхъ надеждъ, тоска и „мерзость запустѣнья“!

Изъ всего этого вытекаетъ съ поразительной ясностью и логикой, что „собачій паркъ неизбѣженъ“. Въ самомъ дѣлѣ, куда же дѣваться?

Въ часъ въ офицерскомъ клубѣ обѣдъ, затѣмъ до пяти можно дома какъ-нибудь проволочить время за чтеніемъ, питьемъ чая и безконечными спорами на тему объ „идеальномъ и реальномъ“ съ сожителемъ, нанимающимъ комнату у тѣхъ же хозяевъ, а потомъ неизбѣжно придется облечься въ пальто, закурить папиросу и отправиться въ обычное мѣсто прогулки N-скихъ жителей, т.-е. именно въ „собачій паркъ“. А какое тоскливое мѣсто этотъ, такъ называемый паркъ, который въ сущности не что иное, какъ длинный бульваръ, тянущійся по одной сторонѣ наиказарменнѣйшей улицы казарменнаго N-ска! Сергѣй Николаевичъ (имя Столбовцева) вначалѣ конфузился въ присутствіи дамъ именовать паркъ „собачьимъ“, но потомъ убѣдился, что это въ городѣ „принято“. А назывался онъ собачьимъ по той причинѣ, что былъ излюбленнымъ мѣстомъ всѣхъ бездомныхъ N-скихъ дворняжекъ, какъ бы обрадовавшихся тому случаю, что при входѣ въ паркъ не торчало столбовъ съ обычнымъ: „деревьевъ не ломать, собакъ не водить“. Въ этой пыльной загородкѣ, обладающей далеко не тропической растительностью, съ вечера и до полночи толкалось, любезничало, острило и любовалось природой N-ское общество. Послѣ прогулки приходилось, конечно, вернуться домой и лечь спать, досадуя на новый скучно и глупо прошедшій, опошляющій день.

Положимъ, неизбѣжный паркъ можно было бы и избѣжать, пойдя, напримѣръ, въ гости къ Покровскимъ, но Сергѣй Николаевичъ имѣлъ „особыя причины“ не итти туда сегодня.

Только-что въ головѣ его мелькнула мысль о Покровскихъ, какъ она сейчасъ же прицѣпилась къ какому-то смутному, но пріятному впечатлѣнію. Сергѣю Николаевичу случалось просыпаться съ этимъ впечатлѣніемъ въ дѣтствѣ, на другой день послѣ пріобрѣтенія какой-нибудь заманчивой игрушки, когда онъ вдругъ вспоминалъ, что игрушка эта принадлежитъ ему, и что ему стóитъ только встать, чтобы вполнѣ насладиться этимъ чувствомъ собственности. Въ данномъ же случаѣ впечатлѣніе, послѣ нѣкотораго анализа, оказалось просто воспоминаніемъ сна, и мало-по-малу и весь сонъ при-

помнился и всталъ передъ глазами. Безалаберный, но въ то же время очень пріятный сонъ, хотя, „впрочемъ, теперь ужъ все кончено, и этого не нужно“, какъ мысленно добавилъ себѣ Столбовцевъ. Видѣлъ онъ во снѣ, что онъ вдругъ выигралъ двѣсти тысячъ и въ силу какихъ-то экстренныхъ, великодушныхъ соображеній, не любя, сдѣлалъ предложеніе старшей дочери Покровскихъ, Антонинѣ Александровнѣ, которая, какъ ему казалось, была имъ нѣсколько заинтересована. Какъ и почему онъ сдѣлалъ это, наяву не припомнишь, но во снѣ все это выходило очень логично и хорошо. Но только-что получилъ онъ согласіе осчастливленной и растроганной Ниночки, которая пошла объявить объ этомъ роднымъ, какъ въ комнату вбѣжала младшая дочь, Маруся, къ которой онъ самъ былъ не совсѣмъ равнодушенъ, бросилась ему на шею, объявила ему, что его любитъ, и, конечно, совершенно измѣнила его намѣреніе жениться на Нинѣ. Дальше онъ ходилъ по комнатѣ съ Марусей, обнявъ ее за талію и совѣщаясь, какъ бы отвязаться отъ Нины и все это уладить. Были и еще какія-то подробности, но онѣ теперь изъ памяти ускользнули, одно только впечатлѣніе было особенно живо и пріятно, это именно то, что онъ ходилъ съ Марусей, обнявъ ее за талію.

„А вѣдь кончится тѣмъ, что я все-таки сегодня пойду къ нимъ“,—подумалъ Сережа.

„Нѣтъ, глупости, что за слабохарактерность, — рѣшилъ онъ, — ни за что, ни за что и ни за что! Однако лежать надоѣло,—буду одѣваться“. — Онъ позвонилъ. Въ дверяхъ появилась фигура денщика.

— Давай одѣваться, Алексѣй. Что, Петръ Николаевичъ всталъ?

— Такъ точно, ваше б—діе; встаютъ.

Сергѣй Николаевичъ принялся одѣваться.

ПРОЛОГЪ.

У наивнаго подпоручика собрались гости,—обстоятельство первой важности!.. Не потому важно оно, что въ комнатѣ горѣли четыре свѣчи, что чай подавался въ серебряныхъ подстаканникахъ, любезно предоставленныхъ въ распоряженіе наивнаго подпоручика хозяевами, у которыхъ онъ нанималъ квартиру; не потому важно оно, говоримъ мы, что во время закуски, состоящей изъ сига (сигъ былъ перломъ вечера), сыра, сливочнаго масла и колбасы, распита была присутствующими бутылка наливки (водка по принципамъ наивнаго подпоручика не допускалась), нѣтъ, не потому, но это

былъ первый вечеръ подпоручика, первый разъ у него, лично у него, въ его комнатѣ, собирались гости, въ присутствіи которыхъ ему еще удобнѣе было наслаждаться другимъ, невѣдомымъ ему раньше удовольствіемъ имѣть своего денщика, который ежеминутно требовался прислуживать гостямъ. Все вышесказанное долженствовало намекнуть читателю, что наивный подпоручикъ весьма и весьма недавно надѣлъ офицерскіе эполеты...

При торжественномъ блескѣ четырехъ свѣчей въ торжественныхъ подсвѣчникахъ весьма легко было разсмотрѣть въ подробностяхъ гостей наивнаго подпоручика. Тутъ былъ, во-первыхъ, Евгеній Лабазинъ, тоже подпоручикъ, затѣмъ Сергѣй Столбовцевъ, поручикъ, и Коля Воронинъ, прапорщикъ, по прозванію бильярдный шаръ; былъ тутъ наконецъ и самъ хозяинъ (еще бы ему не быть) Алексѣй Семеновичъ Дороженко, о которомъ подробнѣе узнаемъ потомъ. Пока же займемся гостями.

Всѣ четыре физіономіи были типичны, но всякаго вновь вошедшаго, если бы только оказался онъ человѣкомъ наблюдательнымъ, непремѣнно больше всѣхъ заинтересовалъ бы Евгеній Васильевичъ Лабазинъ. Онъ далеко не былъ красивъ: нѣсколько излишне круглое, смугловатое, не вполнѣ чистое лицо, носъ картошкой, узкіе и маленькіе глаза, но выраженіе лица, съ прядью волосъ, съ небрежнымъ кокетствомъ брошенныхъ на лобъ, и, главное, выраженіе глазъ сразу говорило въ пользу ума Лабазина; а умъ всегда кладетъ на черты лица явственный, но не поддающійся опредѣленію отпечатокъ. Коля Воронинъ былъ совершенно въ другомъ родѣ: это была маленькая, до карикатурности толстенькая фигурка, съ весьма замѣтнымъ брюшкомъ и почти совершеннымъ отсутствіемъ шеи. Цвѣтъ лица у Воронина былъ прекрасный, лицо—широкое и еще болѣе расширенное нѣмецкими бакенбардами темно-русаго цвѣта, скобками спускающимися отъ висковъ вдоль щекъ. Глаза Воронина были большіе, но закрытые золотымъ пенснэ, прическа съ проборомъ посерединѣ и взбитыми волосами. Вообще онъ очень и очень напоминалъ вербнаго херувима и на „вечеринку“ къ Дороженко попалъ случайно.

МИНА И КОНТРМИНА.

(Сцена представляетъ комнату, разгороженную пополамъ веревкою, за которою Сережа устанавливаетъ мебель для репетиціи)

Сережа *(кричитъ въ дверь).* Сейчасъ, Господи Боже, не разорваться же мнѣ... Успѣете еще: вѣдь, все равно, Лиза не пріѣхала, безъ нея нельзя начинать. *(Къ публикѣ)* И нужно было начинать спектакль, только хлопоты да ссоры. Пять дѣвочекъ и одинъ мальчикъ! Можете себѣ представить, какой изъ этого выйдетъ ералашъ: пять дѣвочекъ! Да отъ одного ихъ крика можно убѣжать за тридевять земель. *(Тоненькимъ голоскомъ)* „Сережа, какой у васъ отвратительный почеркъ, ничего не разберу въ своей роли", „Сережа, я не стану играть старуху", „Сережа, мнѣ стыдно", „Сережа, я не могу пріѣзжать постоянно на репетицію", „Ахъ, охъ!"... Та пристаетъ, другая пристаетъ, всѣ кричатъ и ни одна не помогаетъ! Нѣтъ, это въ первый и послѣдній разъ: Богъ съ ними, съ этими спектаклями.

Голосъ за сценой. Сережа, скоро ли?

Сережа *(приставляя кресло къ маленькому столику за веревкой).* Да сейчасъ же, Господи, дайте хоть мебель установить, вѣдь все равно Лизы нѣтъ. *(Къ публикѣ)* Эта Лиза— это ужасъ что̀ такое. Это гусаръ, а не дѣвочка. То она запрячетъ всѣ роли, когда нужно начинать репетицію, то въ самомъ трогательномъ мѣстѣ разсмѣшитъ всѣхъ, а вчера, когда на репетиціи я игралъ судью, даже подставила мнѣ ножку... да, подставила ножку и, когда я упалъ—засмѣялась и убѣжала. Ну гдѣ это видано, чтобъ дѣвочки подставляли ножки мальчикамъ? Гдѣ это видано, спрашиваю я васъ?.. Однако, кажется, все готово, пора и репетицію начинать... *(Кричитъ въ дверь)* Ну идите, готово! Идите же!.. Вотъ, торопили-торопили, а когда готово, сами куда-то убѣжали. Ахъ, дѣвочки, дѣвочки! Пойти ихъ поискать. *(Уходитъ въ дверь).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Лиза *(одѣтая мальчикомъ, выбѣгаетъ изъ другой двери, сначала осматривается, а потомъ подбѣгаетъ къ зеркалу, передразнивая Сережу)*. „Ахъ, мальчики, мальчики!". Прекрасно, я думаю, никто не узнаетъ. *(Къ публикѣ, дѣлаетъ реверансъ)* Вы-то, конечно, узнали меня, но вамъ можно, а мнѣ, главное, хотѣлось бы провести Сережу... Терпѣть не могу этихъ мальчишекъ: Богъ знаетъ что̀ о себѣ воображаютъ; что у нихъ тамъ алгебру проходятъ, они ужъ думаютъ, что они невѣсть что̀... Ну и оставайтесь съ вашей алгеброй на бобахъ *(смѣется)*. Нѣтъ, вы представьте себѣ, какую физіономію состроитъ нашъ почтеннѣйшій и ученѣйшій режиссеръ, когда ему объявлю, что такъ и такъ, дескать *(мѣняя голосъ)*, „Лизавета Николаевна не можетъ быть сегодня на репетиціи, такъ какъ, будучи въ гостяхъ у своихъ знакомыхъ, внезапно заболѣла... Она просила меня, сына этихъ знакомыхъ, извѣстить объ этомъ господина режиссера". *(Своимъ голосомъ)* Отчаянія-то, отчаянія сколько: вѣдь это послѣдняя репетиція, завтра спектакль, необходимо, чтобъ всѣ были, и вдругъ заболѣла, не можетъ! Столько хлопотъ—и все даромъ! Прощайте бакенбарды для роли судьи, прощай занавѣсъ, прощайте декораціи! *(Разводя руками, измѣненнымъ голосомъ)* Заболѣла, не можетъ! Ха-ха-ха-ха...

ЯВЛЕНІЕ III.

(Въ дверяхъ показываются Сережа, Надя, Нина, Вѣра и Соня).

Сережа *(отмахиваясь)*. Ахъ, Господи, да почемъ я знаю, что̀ вы ко мнѣ пристали? *(Замѣтя Лизу)* Это еще кто такой?

Лиза *(подходя, расшаркивается)*. Сережа, если не ошибаюсь?

Сережа. Да, я Сережа, что̀ вамъ угодно?

Лиза. Петя Стрѣльскій! Позвольте познакомиться! Я къ вамъ по порученію отъ Лизаветы Николаевны. Она просила меня передать вамъ, что сегодня на репетиціи, а можетъ-быть, и завтра на спектаклѣ она присутствовать не можетъ.

Всѣ. Какъ не можетъ? Почему не можетъ? Какъ же мы будемъ?

Лиза. Не знаю-съ. Но мнѣ достовѣрно извѣстно, что едва ли вашъ спектакль состоится. Лизавета Николаевна сильно заболѣла. Сегодня утромъ она была у насъ со своей мамашей и, спускаясь съ лѣстницы, шутя, желала подставить мнѣ ножку, но споткнулась и упала. Ушибъ ноги настолько силенъ, что мы принуждены были оставить ее у насъ и, чтобъ

вы напрасно не прождали ея, мамаша поручила мнѣ съѣздить и извѣстить васъ объ этомъ.

Сережа. Мы вамъ очень благодарны, но позвольте, что же мы будемъ теперь дѣлать? Вѣдь у Лизы главная роль... замѣнить ее нельзя никѣмъ.

Лиза. Не знаю-съ. Заболѣла и не можетъ.

Надя (*Сережѣ*). Какъ же это?

Нина. Неужели все разстроится, Сережа?

Соня. Сережа, да придумайте же что-нибудь, что вы стоите, какъ столбъ?

Вѣра. Увалень, Сережа!

Сережа. Ахъ, оставьте меня въ покоѣ, ради Бога, ну что я могу тутъ подѣлать? Понимаете вы, заболѣла и не можетъ. Не докторъ же я.

Надя. Сережа, что же мы будемъ дѣлать?

Вѣра. Сережа...

Соня и Надя. Сережа...

Сережа (*передразнивая*). Сережа! Сережа! Чего вы пристали, чѣмъ я могу тутъ помочь? (*Обращаясь къ Лизѣ*) Вы представить себѣ не можете, какъ мнѣ это досадно! И сильно ушиблась Лизавета Николаевна?

Лиза. Страшно! Вся рука посинѣла!

Сережа. То-есть нога, вы хотѣли сказать!

Лиза. Да, нога!.. Ваша правда, я ошиблась... я ошибся, то-есть!..

Сережа (*въ сторону*). Гм! Странно, что это онъ ошибается!.. (*Лизѣ*) Мнѣ очень знакомо ваше лицо, не встрѣчались ли мы гдѣ-нибудь съ вами?

Лиза. Не думаю, гдѣ же мы могли встрѣтиться? (*Да что онъ присталъ ко мнѣ?*) Какъ же вы, въ самомъ дѣлѣ, думаете устроиться? Мой совѣтъ—просто отложить этотъ спектакль, такъ какъ онъ, кажется, очень плохо идетъ, насколько я слышалъ отъ Лизаветы Николаевны.

Сережа. Ахъ, не говорите, пожалуйста, про Лизавету Николаевну. Отъ нея всегда можно было ожидать чего-нибудь такого...

НЕДОЛГО.

Разсказъ.

Въ одинъ тусклый осенній день случилось событіе, само по себѣ не важное, но для насъ съ читателемъ знаменательное, ибо оно послужило исходнымъ пунктомъ настоящаго разсказа: нѣкто Сережа Столбовцевъ, шестнадцатилѣтній юноша, заснулъ наканунѣ въ общемъ гимназическомъ дортуарѣ безвѣстнымъ ученикомъ шестого класса перваго отдѣленія, а проснулся литераторомъ: въ октябрьскомъ номерѣ журнала „Божій Міръ" появилось его стихотвореніе „Ночью на озерѣ". Фактъ былъ несомнѣненъ, объ этомъ послѣ перваго урока сообщилъ Сережѣ расположенный къ нему учитель словесности, Докунинъ, отведя его въ сторону въ коридорѣ и таинственно передавъ ему номеръ журнала.—„Поздравляю васъ, милый другъ,—говорилъ ему Докунинъ и при этомъ пожалъ его руку,—поздравляю и отъ души желаю успѣха. Литературный путь—тернистый путь, помните это: „Парнассъ—гора высокая, дорога къ ней—не близкая",—кстати торжественно продекламировалъ онъ.—Вы сдѣлали первый шагъ по этой дорогѣ, и, кто знаетъ, можетъ-быть, онъ приведетъ васъ къ славѣ. Только не возгордитесь своимъ успѣхомъ, работайте, учитесь, а ужъ радоваться на васъ предоставьте намъ, старикамъ!.."

И при этомъ Докунинъ еще разъ пожалъ ему руку, торопливо подобралъ упавшіе изъ его портфеля во время этой горячей тирады листки какого-то диктанта, испещреннаго красными чернилами,—и маленькая фигурка учителя съ его кудрявыми, начинающими сѣдѣть волосами и небольшой, растрепанной бородкой потонула во тьмѣ безконечнаго коридора, отбиваясь на пути отъ назойливыхъ учениковъ-просителей и привычнымъ жестомъ отвѣчая на безчисленные поклоны.

Сережа былъ ошеломленъ. Впечатлѣніе сказалось такъ

сильно, что въ первыя минуты его точно не было совсѣмъ: почти испуганно принялъ онъ изъ рукъ учителя журналъ, безсознательно отвѣчалъ на его поздравленія и потомъ стремглавъ бросился въ классъ. „Напечатано!..“—билось въ его сознаніи, и ему казалось страннымъ, что все вокругъ оставалось по-прежнему, точно онъ ждалъ чего-то большого, чего-то совершенно необыкновеннаго. Но необыкновеннаго ничего не было: классъ смотрѣлъ такъ же казенно и скучно, товарищи такъ же шумѣли, и самъ онъ, Столбовцевъ, былъ все тѣмъ же гимназистомъ въ потертомъ и вылинявшемъ казенномъ мундирчикѣ, и за спиной его не бились крылья, чтобъ унести его отъ этой прозы и скуки. Только въ груди его что-то горѣло, только въ глазахъ свѣтилась безконечная гордость...

НА ЗАРѢ ТУМАННОЙ ЮНОСТИ.

Разсказъ.

I.

Мѣсяца два тому назадъ, въ десять часовъ вечера, у дверей моей квартиры раздался отчаянный звонокъ—и вслѣдъ за нимъ въ комнату, не раздѣваясь, ворвался хорошій мой пріятель, артиллеристъ Столбовцевъ, и, упавъ на диванъ, съ отчаяніемъ вскрикнулъ:—„Что я сдѣлалъ, что я сдѣлалъ!"

Такое начало предвѣщало мало хорошаго, и я навѣрно бы очень испугался, если бъ не зналъ почти женской нервности Сережи, вслѣдствіе которой онъ часто превращалъ муху въ слона; но, впрочемъ, на этотъ разъ дѣло, кажется, было не въ шутку: на немъ лица не было.

— Что такое, да успокойся, — уговаривалъ я его, — можетъ-быть, все еще поправимо, разскажи толкомъ!

Но вмѣсто всякаго отвѣта изъ груди его вырвались сдавленныя рыданія, вскорѣ перешедшія въ истерическія. Я растерялся совершенно. Послѣ долгихъ усилій мнѣ удалось наконецъ привести его въ себя, и первыми словами, которыя онъ произнесъ, было:—„Маруся отравилась!"

Я не вѣрилъ своимъ ушамъ: изъ разсказовъ Столбовцева я зналъ, что онъ, еще будучи юнкеромъ, влюбился на Кавказѣ, куда онъ ѣздилъ лѣчиться, въ какую-то провинціальную барышню, съ которой и велъ переписку; но онъ всегда говорилъ о ней такимъ образомъ, какъ будто бы тяготился этими отношеніями и тянулъ ихъ потому, что не имѣлъ жестокости ихъ оборвать. Впрочемъ, я вообще не придавалъ большого значенія его чувству: онъ влюблялся чуть не каждый мѣсяцъ, не дальше, какъ нѣсколько дней назадъ, восхищался какой-то венгерской пѣвицей Лѣтняго сада, которую онъ слышалъ на эстрадѣ и которая поразила и увлекла его грустнымъ выра-

женіемъ лица. Основываясь на этомъ выраженіи, онъ сочинилъ чуть не цѣлую драму: она, можетъ-быть, попала въ труппу по нуждѣ, она, можетъ-быть, страдаетъ отъ безцеремоннаго любопытства публики и т. д. и т. д. Вообще я считалъ моего пріятеля чѣмъ-то въ родѣ Рудина нашего времени. Тѣмъ болѣе изумлялся я, взглянувъ на его блѣдное, какъ полотно, лицо и слыша эти сдавленныя рыданія, въ искренности которыхъ сомнѣваться не было возможности. Когда наконецъ онъ успокоился настолько, что могъ болѣе или менѣе толково объяснить дѣло, онъ передалъ мнѣ, что сегодня, собираясь уже спать, онъ развернулъ газету и прочелъ въ ней корреспонденцію изъ Тифлиса, въ которой между прочимъ сообщалось, что на-дняхъ растворомъ фосфорныхъ спичекъ отравилась восемнадцатилѣтняя дѣвушка Маруся Шторхъ. „Причиной,—добавлялъ корреспондентъ,—была, какъ говорятъ, безнадежная любовь“.

— Ты понимаешь,—говорилъ Сережа, сжимая обѣими руками свою голову,—что это я, я причиной, что изъ-за меня отравилась она. Я нѣсколько дней тому назадъ написалъ ей письмо, въ которомъ объявлялъ, что я не могу отвѣчать на ея любовь, что я готовъ быть для нея другомъ и братомъ, но что обстоятельства мои не позволяютъ мнѣ жениться: у меня на рукахъ сестра, которую я долженъ содержать изъ этого нищенскаго офицерскаго жалованья. О, я поступилъ подло, въ высшей степени подло,—но развѣ я зналъ, что это такъ кончится: вѣдь мы оба были тогда совершенно дѣти— и я и она.

И онъ разсказалъ мнѣ, постепенно успокаиваясь, исторію своихъ отношеній съ Марусей Шторхъ.

II.

Ты знаешь, что три года тому назадъ, — началъ онъ,—я ѣздилъ въ Тифлисъ, лѣчиться отъ катарра легкихъ, но катарръ этотъ въ моихъ глазахъ не имѣлъ ровно никакого значенія. Я согласился на поѣздку, вовсе не думая о своей болѣзни; мнѣ просто необходимо было освѣжиться и развлечься, такъ какъ я съ ума сходилъ отъ разныхъ сомнѣній и вопросовъ, касающихся загробной жизни и религіи. Я надѣялся, что путешествіе и южная природа повліяютъ на меня благопріятнымъ образомъ, да къ тому я еще вѣрилъ тогда въ свое поэтическое призваніе и ждалъ отъ Кавказа чудесъ. Однако изъ двухъ моихъ ожиданій исполнилось только одно: тревожные вопросы дѣйствительно улеглись какъ-то сами собой, и, не помню ужъ какимъ образомъ, я пришелъ къ слѣдующему

выводу: кто меня создалъ—я не знаю, не знаю также, что ждетъ меня за гробомъ, но я твердо знаю то, что въ сердцѣ моемъ таится горячее желаніе добра людямъ, много самоотверженія и чистой, безкорыстной любви. Росъ я одиноко, въ чужихъ людяхъ, и поэтому на опытѣ извѣдалъ всю страшную силу теплаго братскаго чувства: оно можетъ пересоздать человѣка вконецъ; ему дано вліяніе и власть даже на тѣхъ, на кого не дѣйствуютъ ни страхъ ни позоръ; такимъ образомъ задача моей жизни—безкорыстная и беззавѣтная любовь къ человѣку, какъ бы она ни проявлялась, а слѣдовательно вопросъ, самый мучительный изъ всѣхъ мучительныхъ вопросовъ: „къ чему я живу?“—рѣшался вполнѣ удовлетворительно. Ты видишь, что въ концѣ концовъ я все-таки приблизился къ христіанскому идеалу, къ идеалу земной жизни Христа,—а это составляетъ уже первый шагъ къ вѣрѣ и, значитъ, къ разрѣшенію всѣхъ вопросовъ. Все это не совсѣмъ логично на дѣлѣ, такъ какъ складывалось подъ вліяніемъ тысячи мелкихъ впечатлѣній, которыхъ я теперь и не припомню. Изъ всего этого важенъ только выводъ, касающійся цѣли моей жизни, выводъ, который я не преминулъ приложить къ дѣлу, какъ только представился къ этому удобный случай.

У меня еще въ гимназіи былъ другъ Петя Шторхъ. Я не знаю человѣка, которому не везло бы такъ, какъ постоянно не везло ему. Учился онъ, напримѣръ, совсѣмъ не важно, хотя и обладалъ очень порядочными способностями; ему мѣшала его добросовѣстность: къ каждому дню нужно было готовить по пяти уроковъ, а времени давалось только два часа; Петя засядетъ, бывало, за нѣмецкій урокъ и весь вечеръ пророется въ лексиконѣ, а на слѣдующій день получитъ по-нѣмецки 10, а по алгебрѣ 0. Къ слѣдующему уроку онъ цѣлый день проучитъ алгебру—и смотришь, опять въ журналѣ единица по исторіи. Но особенно плохо шла у него математика, которую онъ терпѣть не могъ, подозрѣвая, что учитель ея относится къ нему несправедливо. Я также ненавидѣлъ эту науку отъ всей моей души—и это было первымъ пунктомъ нашего сближенія. Впослѣдствіи этихъ пунктовъ набралось немало: и онъ и я были сравнительно одиноки,—у меня совсѣмъ не было родителей, а онъ покинулъ ихъ на Кавказѣ и жилъ у тети; оба мы были склонны къ разнымъ сердечнымъ изліяніямъ, оба шли вразрѣзъ съ кадетскимъ направленіемъ и кадетскими идеалами класса, оба страстно любили музыку и пѣніе и наконецъ оба были влюблены. Такимъ образомъ сойтись было недолго, но я былъ и начитаннѣе и развитѣе его, я уже тогда начиналъ пробовать свои силы въ

поэзіи и считался лучшимъ ученикомъ по словесности, и не мудрено, что въ нашей дружбѣ я игралъ роль руководителя и божка, онъ—моего поклонника.

Мнѣ принадлежала идея оппозиціи учителю математики, которому мы, когда онъ насъ вызывалъ, отвѣчали, что мы урокъ знаемъ, а отвѣчать ему не намѣрены; мнѣ принадлежалъ проектъ и организація общества „Noirs vengeurs",—не знаю почему назвали мы это общество по-французски, предварительно отыскавъ въ лексиконѣ нужныя слова; мнѣ принадлежалъ планъ подводнаго корабля, который долженствовалъ быть средствомъ для осуществленія нашихъ мстительныхъ цѣлей; мнѣ принадлежалъ проектъ неудавшагося побѣга въ Америку, въ свое время надѣлавшій въ гимназіи такого шуму, и много другихъ, подобныхъ этимъ, сумасбродныхъ плановъ, передъ которыми обязанъ былъ преклоняться Петя, онъ же и секретарь страшнаго общества. Впрочемъ, между нами случались иногда и размолвки; я помню, одна изъ нихъ произошла по поводу простодушнаго вопроса секретаря: „за что будемъ мы мстить людямъ?" Вопросъ этотъ поставилъ меня въ тупикъ: я совершенно объ этомъ не думалъ, а поэтому и предпочелъ отдѣлаться отъ него слѣдующимъ образомъ: „я,—говорилъ я Петѣ,— президентъ общества, а ты — секретарь, и слѣдовательно ты и не долженъ проникать въ мою тайну и спрашивать у меня отчета; я отвѣчаю за все". Но Петя вломился въ амбицію и, когда я сталъ настаивать на своемъ положеніи, онъ отказался отъ участія въ обществѣ и выдалъ тайну классу. Мы, кажется, около двухъ мѣсяцевъ не говорили другъ съ другомъ, пока не сошлись опять на новомъ проектѣ бѣгства въ Америку.

Я уже сказалъ раньше, что Петѣ сильно не везло: въ гимназіи онъ отличался недостаткомъ ученическаго такта и умѣнія подлаживаться къ требованіямъ учителя, безъ чего даже и самыя добросовѣстныя занятія оставались незамѣченными.

Петя никогда не разсчитаетъ, какой учитель и когда долженъ его спросить, никогда не сдержится передъ учителемъ словесности, который терпѣть не могъ возраженій, никогда не дастъ говорить за себя учителю исторіи, никогда не измѣнитъ тона своего тихаго голоса передъ глухимъ батюшкой, ни за что не признающимся въ своей глухотѣ; прислуживаться онъ вообще не умѣлъ и не хотѣлъ, но зато во всякомъ скандалѣ и во всякой шалости считался непремѣннымъ членомъ, такъ какъ подобныя происшествія организовывались обыкновенно мною и я съ тираніей ребенка настаивалъ на его участіи въ нихъ во имя дружбы,—товарищества, которое я уважалъ въ

принципѣ,—и справедливости. Все это привело къ тому, что учителя считали Петю „лѣнтяемъ и тупицей“, т.-е. какъ разъ наоборотъ тому, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, да къ тому же негодовали на него за безконечные „бенефисы“ въ ихъ пользу, какъ назывались въ гимназіи наши классныя исторіи. Петя застрялъ въ классѣ и совершенно бросилъ заниматься; еще черезъ годъ родные принуждены были взять его домой, гдѣ и начались его мытарства: былъ онъ и домашнимъ учителемъ, былъ и писцомъ, былъ и вольноопредѣляющимся и, со свойственнымъ ему отсутствіемъ энергіи и настойчивости, совершенно не думалъ о своемъ будущемъ, все болѣе и болѣе погружаясь въ грязное болото провинціальной жизни. Въ концѣ концовъ онъ принялся готовиться къ экзамену въ юнкерское училище, и эта-то эпоха его безалаберной жизни и совпала съ моимъ пріѣздомъ въ Тифлисъ.

III.

Въ Тифлисѣ я остановился у моего дальняго родственника, полковника Юрскаго, бывшаго командиромъ одного изъ лучшихъ мѣстныхъ полковъ. Юрскій встрѣтилъ меня не особенно любезно, хотя и былъ предувѣдомленъ тетушкой о моемъ пріѣздѣ, и прежде всего освѣдомился, есть ли у меня порядочный мундиръ, такъ какъ онъ боялся, чтобы я не скомпрометировалъ его своей признанной и извѣстной ему небрежностью къ костюму. Мнѣ отвели комнату, и я началъ акклиматизироваться.

Мнѣ приходилось въ первый разъ жить въ провинціи. Слышалъ и читалъ о ней я довольно много, такъ что успѣлъ составить о ней извѣстное понятіе, которое и хотѣлъ провѣрить на дѣлѣ. Но прежде всего я рѣшилъ ознакомиться съ городомъ.

Намъ, кореннымъ петербуржцамъ, Кавказъ представляется чѣмъ-то необыкновенно прекраснымъ, и я, конечно, не могу рѣшительно опровергать этого мнѣнія, такъ какъ видѣлъ прославленную Военно-Грузинскую дорогу, Тифлисъ да мѣстечко Коджары, но и это немногое произвело на меня въ высшей степени безотрадное впечатлѣніе: горы меня давили.

Картины были эффектны, прекрасны, удивительны, — но онѣ какъ-то не говорили душѣ: я не вѣрилъ въ ихъ естественность, я не чувствовалъ никакой внутренней связи между этой дикой, величественной природой и мною. Я смотрѣлъ на нихъ съ тѣмъ же чувствомъ, съ которымъ смотрѣлъ въ итальянской оперѣ на декорацію „Чортовой долины“ въ „Фрейшюцѣ“, съ той только разницей, что я не испытывалъ

того чувства разочарованія, которое испыталъ здѣсь. Мнѣ былъ чуждъ ихъ языкъ, и я невольно упрекнулъ Лермонтова въ идеализаціи кавказской природы вообще и красокъ ея въ особенности. Я многаго ждалъ отъ красоты южныхъ ночей, но и тутъ разочаровался. Помню, я проѣзжалъ Дьявольскимъ ущельемъ. По сторонамъ, тѣсно обступивъ дорогу, высились черныя, изрытыя пещерами, почти отвѣсно уходящія вверхъ горы, кое-гдѣ тронутыя снѣгомъ; дорога краснѣла въ сумеркахъ и вилась изгибами и поворотами параллельно теченію Терека, котораго я долго не хотѣлъ признать за прославленную двумя поэтами рѣку,—такимъ мизернымъ показался онъ мнѣ въ сравненіи съ тѣмъ образомъ, который я начерталъ въ своемъ воображеніи. Краски были въ высшей степени однообразны: черная, бѣловатая да красноватая; вмѣсто упоенія и нѣги южной ночи злился и бушевалъ сумасшедшій вѣтеръ, такой вѣтеръ, о которомъ мы, петербуржцы, не имѣемъ ни малѣйшаго понятія: онъ то гнался за нами, то обгонялъ тройку и дулъ въ упоръ ямщику, останавливая лошадей и бросая въ лицо брызги Терека. Лучше всего былъ черный бархатъ неба, усыпанный серебряными звѣздами, но и тотъ дѣйствовалъ непріятно на нервы, напоминая траурную ризу.

Нѣсколько примирила меня съ Кавказомъ Койшаурская долина, которая дѣйствительно прекрасна, но зато въ Тифлисѣ я опять совершенно разочаровался: представь себѣ огромный и глубокій котелъ, стѣнкамъ котораго соотвѣтствуютъ окружающія Тифлисъ горы. По дну этого котла протекаетъ довольно широкая для Кавказа, но поразительно грязная и мелкая рѣчонка Кура, цвѣтъ воды которой похожъ на кофе, слегка подкрашенный молокомъ. По правую сторону рѣки, если стать лицомъ по теченію, расположенъ собственно Тифлисъ, а по лѣвую—Нѣмецкая колонія, Муштаидъ, Авлабаръ, Навтлугъ и другія демократическія части города. Церквей, такъ скрашивающихъ физіономію города, очень мало, сады въ высшей степени мизерны и преимущественно состоятъ изъ фруктовыхъ, малорослыхъ деревьевъ; только нѣсколько красавцевъ-тополей, четко рисующихся темной зеленью на голубомъ фонѣ неба, переходящемъ въ зенитѣ въ темно-синій, нѣсколько нарушаютъ однообразіе. Горизонта, понятно, никакого: горы, горы и горы, и въ ряду ихъ—далекій серебряный Казбекъ; на правой сторонѣ одной изъ стѣнокъ котла, на серединѣ ея вышины прилѣпился монастырь св. Давида,—небольшая бѣлая церковь, окруженная нѣсколькими постройками въ грузинскомъ стилѣ. На вершинѣ сосѣдней стѣнки котла красуются маленькія развалины башни, за которыми рас-

положенъ, невидимый изъ Тифлиса, ботаническій садъ. Вотъ тебѣ и весь городъ.

Освоившись съ мѣстностью, я принялся наблюдать черты уличной жизни Тифлиса, обращая преимущественно вниманіе на тѣ изъ нихъ, которыя отличаются отъ столичной жизни. Здѣсь оказалось гораздо больше интереснаго: отъ Солдатскаго базара, напримѣръ, отъ его скученныхъ, плоскокрышныхъ построекъ, узенькихъ, извилистыхъ и темныхъ улицъ, безчисленныхъ открытыхъ лавокъ съ фруктами, звуковъ зурны и духановъ, бритыхъ головъ торговцѣвъ и мушей, лавокъ и мастерскихъ, гдѣ отдѣлываются чернью рукоятки кинжаловъ, нагруженныхъ верблюдовъ и нестерпимаго гама, который стоитъ надъ базаромъ, отъ всего этого такъ и вѣетъ глубокой Азіей. Зато Головинскій проспектъ, соотвѣтствующій нашему Невскому, имѣетъ вполнѣ европейскій характеръ. Та же ярмарка съ утра и до вечера, тѣ же разряженныя и затянутыя дамы, тѣ же группы офицеровъ, тѣ же сіяющія окна магазиновъ и тотъ же грохотъ экипажей,—но только въ миніатюрѣ. Коля Юрскій, который показывалъ мнѣ Тифлисъ, съ перваго раза поразилъ меня тѣмъ, что могъ назвать по фамиліи почти всѣхъ встрѣчающихся намъ прохожихъ: это сумасшедшій поэтъ, рекомендовалъ онъ, это князь Кикадзе, это Нина Герингъ — наша первая красавица, а это, — и онъ снималъ свою гимназическую кэпи передъ мужчиной въ очкахъ и вицмундирѣ,—это нашъ учитель греческаго языка, Скворскій.

Тутъ, по обыкновенію, слѣдовалъ длинный рядъ анекдотовъ про семинариста-учителя.

— А вотъ Александровскій садъ,—указалъ Коля налѣво.— Хочешь, войдемъ.

— Войдемъ.

Мы стали спускаться по широкой каменной лѣстницѣ, а навстрѣчу намъ поднималась на Головинской небольшая группа: впереди шла высокая, худощавая дама съ закинутой назадъ головой, украшенной какой-то необыкновенной шляпой, и съ прищуренными глазами. „Вотъ солдатъ-баба“,—кинулъ ей вслѣдъ Коля. За ней двигалась молодая дѣвушка лѣтъ шестнадцати, держа за руку дѣвочку и мальчика.

— Недурна,—почти вслухъ сказалъ Коля. Дѣвушка вспыхнула и низко опустила свою хорошенькую русую головку, и только, когда мы уже миновали ее, она обернулась и бросила взглядъ на мои погоны, очевидно, недоумѣвая, къ какому полку я принадлежу.

Не успѣли мы сдѣлать двухъ-трехъ шаговъ, какъ изъ

боковой аллеи акацій стремительно вылетѣлъ смуглый юноша и бросился по лѣстницѣ вслѣдъ за исчезающей группой. Не разсчитавъ, онъ столкнулся со мной и нѣсколько времени изумленно смотрѣлъ на меня, точно припоминая что-то.

Я извинился, но онъ не отвѣтилъ, бросился ко мнѣ и съ радостнымъ крикомъ: „Сережа!“—протянулъ мнѣ обѣ руки.

Это былъ Петя Шторхъ.

IV.

Да, это былъ Петя Шторхъ, но я бъ его ни за что не узналъ, такъ онъ перемѣнился и возмужалъ: передо мной, вмѣсто блѣднаго, голубоглазаго, мальчика съ желтыми льняными волосами и востренькимъ носикомъ нѣмецкаго происхожденія, стоялъ рослый и широкоплечій, загорѣлый юноша. Волосы и глаза потемнѣли, надъ губой ясно обозначались усы.

Петя бросился ко мнѣ—и вдругъ остановился и сконфузился. Показалось ли ему, что я недостаточно тепло отвѣтилъ на его привѣтъ, или онъ смутился передъ Юрскимъ,—не знаю, но онъ вдругъ измѣнилъ радостное выраженіе въ нахмуренное. Мнѣ была хорошо знакома эта черта его характера,—онъ всегда и во всемъ слѣдовалъ сначала первому движенію сердца, а потомъ начиналъ подозрительно осматриваться и кончалъ тѣмъ, что совершенно отрекался отъ недавняго порыва; не желая, чтобъ теперь произошло то же самое, я поспѣшно отвѣтилъ на его пожатіе. „Коля,—обратился я къ Юрскому,— ты извини, я отъ тебя исчезну: мнѣ хочется потолковать съ нимъ“. Юрскій ушелъ.

Петя опять просіялъ.

— Ты ли это, голубчикъ? — торопливо говорилъ онъ,—да какъ ты перемѣнился, какимъ образомъ, на долго ли? Да вотъ пойдемъ сюда, направо, къ бассейну, тамъ на скамейкѣ можно потолковать, — и онъ потащилъ меня за рукавъ въ одну изъ безлюдныхъ аллей, продолжая на ходу разспрашивать.

Я тоже былъ обрадованъ встрѣчей. Отвѣтивъ ему на его вопросы, я въ свою очередь сталъ разспрашивать.

— Э, да что̀ говорить,—безнадежно махнулъ онъ рукою,— самъ увидишь; скажу одно: въ гимназіи мнѣ не везло, но это было самое счастливое время моей жизни: товарищество, дружба, любовь,—ты знаешь, вѣдь я до сихъ поръ помню Лизу и люблю ее... Ну, а ты? Что̀ Нина?.. позабылъ ты ее?

— Нина вышла замужъ,—отвѣтилъ я.

— Ну и что̀ жъ, ты очень огорченъ?

— Да вѣдь это же ребячество было, Петя, — отвѣтилъ

я,—вѣдь Нинѣ было 19 лѣтъ, когда я сидѣлъ еще въ третьемъ классѣ. Развѣ можетъ тутъ быть какая-нибудь серьезная любовь? Я прихожу къ убѣжденію, что я скорѣй боялся ея, чѣмъ любилъ; вѣдь я съ ней ни слова не сказалъ во все продолженіе нашего знакомства и только въ душѣ приносилъ ей жертвы.

Петя задумался.

— Да, тебѣ хорошо,—заговорилъ онъ послѣ небольшого молчанія,—вѣдь ты и послѣ нашей разлуки продолжалъ жить, такъ мудрено ли, что ты не такъ, какъ я, дорожилъ прошлыми воспоминаніями и даже относился къ нимъ критически, а я, какъ распрощался съ гимназіей, такъ сразу и окунулся въ этотъ омутъ, который называютъ провинціей. Вѣдь тутъ ни свѣта ни воздуха, Сережа... Жизнь давитъ, какъ эти горы... Не могу вспомнить Петербурга безъ волненія.

— Да неужели же ты считалъ, что мы и въ гимназіи жили, а не прозябали?

— Еще бы не жили,—отвѣтилъ онъ,—еще бы не жили! Мы были дѣти — и жили по-дѣтски, но все-таки жили. Помнишь наши планы, наше общество „Noirs Vengeurs“, наше желаніе мстить людямъ? Это все было наивно и смѣшно, но все это насъ волновало, радовало или печалило; какъ ни узокъ былъ нашъ дѣтскій горизонтъ и наши дѣтскіе интересы,—они во всякомъ случаѣ шире моихъ теперешнихъ. О тебѣ я, конечно, не говорю,—ты пишешь, ты печатаешься...

— Да на что жъ ты собственно жалуешься, чѣмъ ты недоволенъ?

— На все, Сережа, на все рѣшительно. На природу, которая мнѣ здѣсь и чужда и непонятна, хотя я и кавказецъ по рожденію, на ту карьеру армейскаго офицера, которая мнѣ предстоитъ, на условія жизни, которыми я окруженъ, на людей, съ которыми имѣю дѣло, и... и на семью, къ которой принадлежу,—и онъ вспыхнулъ, избѣгая моего удивленнаго взгляда.

— Позволь, дружище,—перебилъ я его, — ты что-то непослѣдователенъ. Я помню твое первое письмо ко мнѣ,—въ немъ ты пишешь совсѣмъ другое.

— Ахъ, изъ этого ровно ничего не слѣдуетъ, ровно ничего,—горячо отвѣтилъ онъ.—Будто ты въ этомъ письмѣ не узналъ самого себя.

— Себя? Какимъ образомъ?

— Да очень понятно, какимъ: припомни-ка, что̀ ты мнѣ натолковалъ, когда я уѣзжалъ изъ Петербурга?.. Не помнишь? Да гдѣ же тебѣ и помнить? Вѣдь ты говорилъ только потому, что на эту тему можно было красиво говорить...

— Что это, упрекъ?

— Да, пожалуй, и упрекъ,—потупившись, отвѣтилъ онъ.— Вѣдь, если я несчастливъ здѣсь, я тебѣ этимъ обязанъ: зачѣмъ я пережилъ такое хорошее, свѣтлое дѣтство и переживаю такую мерзкую и пошлую юность? Зачѣмъ ты далъ мнѣ задатки развитія, стремленія и наклонности, которымъ не суждено тутъ развиться и удовлетвориться? Вѣдь это все равно, что пріучать къ роскоши человѣка, зная, что ему придется жить послѣ въ нищетѣ, вѣдь это разладъ на всю жизнь! Что ты мнѣ говорилъ, когда я ѣхалъ сюда? Тебя ждетъ природа, тебя ждетъ семья... Не падай душою: твое исключеніе изъ гимназіи только проба, испытаніе, одолѣй все это, закались духомъ—и вступай въ жизнь твердо и увѣренно. У тебя есть сестры и братья: займись ими... э, да что!—и онъ замолчалъ.

— Такъ вѣдь въ письмѣ твоемъ...—началъ я.

— Въ письмѣ!.. Въ письмѣ ты и увидѣлъ, что я не забылъ твоихъ словъ, а глубоко затаилъ ихъ въ душѣ. Ты нарисовалъ прекрасныя картины, а съ прекраснымъ трудно разставаться. Съ первой же встрѣчи я увидѣлъ, что все, что ты мнѣ натолковалъ, невозможно привести здѣсь въ исполненіе, что ты разсуждалъ такъ же, какъ слѣпой разсуждаетъ о цвѣтахъ. Да, я это увидѣлъ, но не сознавалъ и долго не сознавалъ, потому что не хотѣлъ и боялся сознать! Мудрено ли, что тамъ фигурировала и природа, и дружба съ матерью, и планы новой дѣятельности и борьбы съ жизнью! Ахъ, Сережа, сколько лжи, сколько черной лжи въ ней, въ этой жизни!

. . . .

ХОРОШІЕ ЛЮДИ.

Повѣсть.

Въ „Первомъ Литературномъ Кружкѣ“ назначенъ былъ обычный субботній вечеръ. Ежеминутно къ обтянутому тикомъ и ярко освѣщенному подъѣзду, шипя полозьями по мягкому мартовскому снѣгу, подъѣзжали сани, высаживая своихъ пассажировъ. Успѣвшая уже собраться часть публики разбрелась по гостинымъ и коридорамъ Кружка, образуя группы, останавливая знакомыхъ литераторовъ и вполголоса разговаривая. Изъ-за таинственно-запертыхъ дверей комнаты „участвующихъ“ доносилась чья-то декламація и кварты настраиваемой скрипки. На эстрадѣ, съ пестрой бутоньеркой въ петличкѣ, безъ нужды суетился одинъ изъ распорядителей, передвигая на столѣ графинъ съ сахарной водой и одергивая скатерть. Ряды стульевъ мало-по-малу наполнялись. Публика не блистала изяществомъ туалетовъ,—въ большинствѣ случаевъ ее пестрили студенческія блузы да скромныя платья курсистокъ, благо уставомъ Кружка не требовались никакія строгости въ этомъ отношеніи. Только въ первомъ ряду, благодушно и вмѣстѣ важно, засѣдалъ извѣстный всей пишущей братіи генералъ Калининъ, завсегдатай всѣхъ литературныхъ сборищъ. Но вотъ гдѣ-то за дверями прозвонилъ колокольчикъ, со всѣхъ сторонъ раздалось энергическое „тс!“, и на эстрадѣ появился толстенькій и приземистый редакторъ одного изъ мелкихъ столичныхъ журналовъ, онъ же и беллетристъ, и, раскланявшись на жиденькія рукоплесканія, встрѣтившія его выходъ, развернулъ на столѣ книгу и что-то такое зачиталъ. Всѣ внимательно слушали. Въ это время по лѣстницѣ Кружка поднимались двое новыхъ гостей: одинъ изъ нихъ былъ высокій, широкоплечій старикъ, съ длинной сѣдой бородой, закинутыми назадъ волосами, типичнымъ лицомъ литератора шестидесятыхъ годовъ, и рядомъ съ нимъ худощавый, тонкій,

смуглолицый юноша, одѣтый въ черный сюртукъ и старающiйся соразмѣрить свои шаги съ походкой перваго. Юноша былъ настроенъ нервно: глаза горѣли лихорадкой, на щекахъ выступилъ легкiй румянецъ, голосъ звучалъ волненiемъ.

— Страшно, Александръ Николаевичъ, — говорилъ онъ ежеминутно, заглядывая въ спокойное лицо своего спутника.

— Вамъ страшно, а мнѣ скучно,—отвѣтилъ ему тотъ.— До смерти мнѣ надоѣли всѣ эти чтенiя и вечера! Надѣвай свѣтозарныя одежды, слушай до полночи всякую белиберду, только время отнимаетъ!

— А, Александръ Николаевичъ! Наконецъ-то! — подлетѣлъ въ коридорѣ къ вошедшимъ одинъ изъ распорядителей, оглядывая между разговоромъ робѣвшаго юношу. — А ужъ мы боялись, что вы не прiѣдете!.. Ужасный скандалъ вышелъ,—продолжалъ онъ шопотомъ, заискивающе и игриво приближая ротъ къ уху старика. — Столбовцева прислала письмо, что не можетъ быть,—больна! Розановъ охрипъ, а Стружкинъ сидитъ въ буфетѣ пьяный-препьяный и ругаетъ по обычаю цензуру. Его не только нельзя на эстраду выпустить, а хорошо бы и совсѣмъ сплавить домой, да нейдетъ, я уже пробовалъ! Пойдемте однако въ „писательскую“—тамъ чай!..

— Позвольте представить вамъ, Степанъ Степановичъ, Поморцева,—сказалъ старикъ, указывая на своего спутника, краснѣвшаго при этомъ, какъ дѣвочка; — вы его, должно-быть, знаете по стихамъ въ „Еженедѣльникѣ“ и въ нашемъ журналѣ.

— А, очень радъ, очень радъ, — радушно заговорилъ распорядитель.—„Кружокъ“ давно хотѣлъ видѣть васъ въ числѣ своихъ гостей, а я, я вашъ глубокiй поклонникъ... У васъ есть что-то такое, что̀ вѣетъ Лермонтовымъ...—Все это онъ говорилъ на ходу, пожимая руку Поморцева и любопытно всматриваясь въ его сконфуженное, умное лицо. Въ концѣ коридора онъ отворилъ какую-то дверь, и всѣ трое вошли въ комнату, въ которой находилось человѣкъ двѣнадцать народу. Это была святая-святыхъ „Кружка“, такъ называемая „писательская“.

Старика тотчасъ окружили. Онъ былъ здѣсь, очевидно, свой человѣкъ, а Поморцева распорядитель съ нѣкоторымъ торжествомъ потащилъ знакомиться съ присутствующими. Тутъ былъ и длинный, сухопарый, съ огромной гривой черныхъ волосъ, скрипачъ, съ партитурой въ рукѣ что-то толковавшiй своему аккомпанiатору и разсѣянно пожавшiй холодную отъ волненiя руку Поморцева, и двѣ пѣвицы,

сильно декольтированныя и съ подведенными глазами, которыхъ смѣшилъ, замѣтно рисуясь, комическій актеръ. Изъ угла въ уголъ комнату крестилъ бѣлокурый поэтъ, что-то бормотавшій про себя, а за чаемъ засѣдали тузы—одинъ романистъ, одинъ критикъ большой газеты и предсѣдатель кружка, извѣстный драматургъ. Къ нимъ скоро присоединился и Александръ Николаевичъ Ребцовъ. Разговоръ велся шопотомъ, чтобы не мѣшать слушать читавшаго въ это время на эстрадѣ толстяка, и касался запрещенія пользовавшагося популярностью толстаго журнала. Поморцевъ скромно присѣлъ въ уголъ на стулъ и сталъ слушать.

— Да, времечко, — желчно говорилъ критикъ. — На этой недѣлѣ четвертый фельетонъ дважды пришлось передѣлывать. Съ редакторомъ сладу нѣтъ: трусить каждаго слова!

Всѣ неловко промолчали. Газета, въ которой работалъ критикъ, въ послѣднее время стала нѣсколько измѣнять своему прежнему оппозиціонному направленію, принимая благонамѣренную окраску. Ребцовъ морщился.

— Больше всего мнѣ жаль Колокольцева,—сказалъ онъ.— Человѣкъ только-что прочно пристроился и вотъ снова шатается по издателямъ да переводитъ всякій вздоръ по восьми рублей съ листа.

— Жена его здѣсь, — замѣтилъ критикъ. — Сидитъ въ публикѣ. Ужасно измѣнилась. Говорятъ, у нихъ неладно съ мужемъ.

— Да, я бы не желалъ быть на ея мѣстѣ,—задумчиво отвѣтилъ Ребцовъ.

— А что, онъ продолжаетъ пить?

— Больше прежняго, и, что хуже всего, это, кажется, начинаетъ вліять на его голову. Онъ сталъ раздражителенъ и самолюбивъ до крайности; видѣть ихъ вмѣстѣ — просто пытка. Онъ не даетъ ей сказать ни слова, сейчасъ какія-то насмѣшки. Весь домъ на ея плечахъ. Иногда онъ по цѣлымъ днямъ ничего не дѣлаетъ, не встаетъ съ дивана, и тогда она, въ своемъ легонькомъ пальто, бѣгаетъ по Петербургу, добывая денегъ... И кто ей велитъ терпѣть все это? Ушла бы себѣ спокойно... Она сама хорошо переводитъ и компилируетъ, у нея есть литературныя связи, прожила бы и безъ него. Вѣдь неужели она его любитъ?

— Кто знаетъ,—отвѣчалъ Ребцовъ.—Вы не знаете этой женщины. Это воплощенное самоотверженіе и энергія. Само собой разумѣется, что добромъ у нихъ не окончится. А вы что читаете сегодня, Алексѣй Алексѣевичъ?—обратился онъ къ драматургу.

— Да вотъ, хочу прочесть второй актъ изъ „Нашихъ миллiонеровъ“, пьеска еще не шла, такъ оно выйдетъ въ родѣ рекламы.—И драматургъ принялся оживленно разсказывать, какъ пьеску его выбрала уже для своего бенефиса звѣзда драматическаго театра, и какъ дирекцiя хотѣла купить его комедiю за единовременное вознагражденiе, а онъ и не согласился, разсчитывая на большiя выгоды отъ поспектакльной платы...

Поморцевъ въ это время испытывалъ не совсѣмъ обыденныя ощущенiя. Въ комнатѣ было душно и дымно, голова его горѣла... „Да неужели это я—,думалось ему,—я, Поморцевъ, вчерашнiй гимназистъ, сижу здѣсь, знакомлюсь съ артистами, слушаю писателей, настоящихъ, и мое стихотворенiе будетъ сегодня читать „самъ“ Ребцовъ?“ И вспомнилась ему та маленькая меблированная комната, въ которой написано было это стихотворенiе „За стѣной“, плачъ хозяйскихъ ребятъ. Воздухъ затхлъ и нездоровъ, какъ всегда бываетъ, если нужда сгоняетъ многихъ въ тѣсные и низкiе углы. У него, Поморцева, безпорядокъ страшный. Пыль, пепелъ... На кровати брошено кое-какъ платье... Повсюду книги, записки, клочки газетъ. А тутъ? Блестящая зала, шумные разговоры, интеллигентныя лица, и онъ въ семьѣ литераторовъ, тоже какъ литераторъ, свой человѣкъ! Всѣ они уже слышали о немъ, каждый нашелъ для него два-три одобрительныхъ слова. Есть отъ чего закружиться головѣ!

И какое странное впечатлѣнiе даже для глазъ видѣть всѣ эти лица, давно извѣстныя ему по фотографiямъ, выставленнымъ въ окнахъ каждаго художественнаго магазина, и отлившiяся уже въ его воображенiи во что-то стереотипное и неподвижное,—разговаривающими, отражающими на своихъ лицахъ различныя ощущенiя, смѣющимися или озабоченными! „Такое впечатлѣнiе долженъ былъ испытывать Пигмалiонъ, когда его Галатея вдругъ заговорила“,—подумалъ онъ и тотчасъ отмѣтилъ въ своей памяти это замѣчанiе „для будущаго романа“.—„А вдругъ мое стихотворенiе освищутъ?“—мелькнуло, какъ молнiя, въ его головѣ, и онъ весь похолодѣлъ отъ этой мысли...

Въ это время за дверью раздались рукоплесканiя, и въ „писательскую“ вошелъ толстенькiй беллетристъ, весь красный, отирая потъ, выступившiй на его открытомъ, примѣтно начинающемъ лысѣть лбу. Въ отворенную дверь на мгновенье блеснула зала, какъ бы подернутая легкимъ туманомъ, ряды лицъ и аплодирующiя руки. Распорядитель засуетился, въ комнатѣ вдругъ заговорили громко, одна изъ пѣвицъ подошла

къ зеркалу и стала оправлять платье. Поморцевъ тоже заволновался: послѣ пѣнія, по программѣ, которую онъ мялъ въ рукахъ, слѣдовалъ номеръ Ребцова и слѣдовательно чтеніе его стихотворенія.

— Я пойду въ залу, Александръ Николаевичъ,—тревожнымъ шопотомъ сказалъ онъ Ребцову и вышелъ.

Въ коридорѣ на него налетѣлъ маленькій золотушный поэтъ Петровъ, который изрѣдка печатался въ „Еженедѣльникѣ“ и былъ членомъ кружка.

— А вотъ и вы,—заговорилъ онъ,—пойдемте, я васъ проведу. Значитъ, сегодня будемъ вызывать автора!

— Нѣтъ, ради Бога, Сергѣй Ивановичъ... — умоляюще заговорилъ Поморцевъ.

— Да вѣдь это, батенька, неизбѣжно: не я, такъ другой крикнетъ. Вашъ талантъ замѣтили, о васъ говорятъ...

— Э, полноте, какой тамъ талантъ,—въ отчаяніи махнулъ рукою Поморцевъ, занимая мѣсто въ послѣднемъ ряду стульевъ, бокъ-о-бокъ съ Петровымъ. Нѣсколько лицъ въ публикѣ, знавшихъ Петрова, не разъ читавшаго съ эстрады, любопытно обернулись въ ихъ сторону... Онъ шопотомъ, указывая головой на нѣкоторыхъ изъ нихъ, называлъ Поморцеву литературныя фамиліи... Снова распахнулась дверь писательской, и на эстрадѣ появилась пѣвица... Публика стихла.

Поморцевъ страстно любилъ музыку, но въ эту минуту онъ не могъ слушать ее. Волненіе смѣнилось полной и унылой безнадежностью. Онъ не сомнѣвался, что его ошикаютъ; и мелкія неправильности въ стихѣ, ускользающія отъ обыкновенныхъ читателей и замѣтныя только автору да спеціалистамъ, выросли въ его глазахъ до колоссальныхъ размѣровъ. Ему бы хотѣлось, чтобы пѣвица пѣла безъ конца, хотѣлось этого, кажется, и самой пѣвицѣ, но публика аплодировала лѣниво, очевидно, только изъ приличія, и вотъ настал роковой моментъ: фигура Ребцова, патріархальная и могучая, скульптурно выросла на эстрадѣ. Громкіе аплодисменты перекатились по залѣ: Ребцова вообще любили. Его талантъ былъ не изъ самыхъ крупныхъ. Элегическій, мягкій, онъ трогалъ не глубоко и не надолго, но за поэтомъ было литературное и гражданское прошлое, онъ былъ „одинъ изъ стаи славной“ шестидесятыхъ годовъ, считалъ среди своихъ друзей лучшихъ людей своего времени и слылъ на рѣдкость благороднымъ и добрымъ человѣкомъ. Онъ первый познакомился съ Поморцевымъ, заинтересовавшимъ его задушевностью и горячностью его дарованья, и теперь помогалъ юношѣ стать на ноги и вводилъ его въ литературные кружки.

Ребцовъ долженъ былъ читать подъ-рядъ два стихотворенія, первое—свое и второе—Поморцева. Читалъ Ребцовъ, строго говоря, плохо, но всегда производилъ большое впечатлѣніе, чему способствовала и благородная наружность чтеца. Онъ какъ-то умѣлъ придать своему однотонному, глухому по тембру и старческому голосу мощность и энергію и, что особенно важно, эффектно окончить чтеніе. Сила непоколебимаго убѣжденія слышалась въ каждомъ его словѣ, и отъ всей его фигуры вѣяло величавостью и идеализмомъ. Онъ началъ.

Въ эти двѣ-три минуты многое успѣло промелькнуть въ головѣ Поморцева. Вотъ маленькій кабинетъ Ребцова, за которымъ, какъ было условлено, зашелъ Поморцевъ передъ отправленіемъ въ „Кружокъ". Александръ Николаевичъ заботливо натягиваетъ свой потертый въ долгой службѣ фракъ и, шутя, бросаетъ Ребцову изъ „Ревизора": „Сукнце совсѣмъ новое"... „Ахъ, чортъ,—перебиваетъ онъ самъ себя,—Катерина Өедоровна, да развѣ у меня нѣтъ чистаго бѣлаго галстуха?"

— Конечно, нѣтъ, слѣдовало объ этомъ раньше подумать,—раздается откуда-то ворчливый голосъ.

Ребцовъ комически свиститъ.

— Да у тебя подъ бородой не будетъ замѣтно,—смягчившись, успокаиваетъ его тотъ же голосъ, и онъ повторяетъ:— И вправду не будетъ замѣтно!.. Ѣдемте, Поморцевъ!..

И вотъ теперь этотъ человѣкъ, этотъ обыкновенный смертный со своимъ фракомъ и несвѣжимъ галстукомъ, на эстрадѣ, подъ сотнями взглядовъ, устремленныхъ на него, выросъ въ какого-то авгура, чуждаго мелочныхъ заботъ и волненій жизни. Пророчески гремитъ его голосъ, и сердце невольно бьется, внимая ему. Послѣдняя заключительная строфа—и зала загремѣла. Всѣ аплодировали.

— Браво, браво, Александръ Николаевичъ! — неистово кричалъ Петровъ,—браво, бисъ!..

По настоятельному требованію Ребцовъ повторилъ свое стихотвореніе.

„Ну, теперь я окончательно погибъ, — думалъ Поморцевъ, — послѣ такого успѣха что значатъ мои вирши!"

Ребцовъ, отыскавъ его глазами въ толпѣ, бросилъ ему одобрительный взглядъ и снова зачиталъ.—„Разладъ", стихотвореніе Поморцева,—громко раздалось съ эстрады.

Поморцевъ былъ въ необычайномъ волненіи. Невольно для самого себя онъ почти вслухъ повторялъ каждое слово, вылетавшее изъ устъ чтеца, и только Петровъ нѣсколько отрезвилъ его, наклонившись къ его уху и шепнувъ: „Александръ-то Николаевичъ какъ разошелся! Каково читаетъ!" Поморцевъ

сдѣлалъ ему знакъ молчать. Но едва только послѣдніе и дѣйствительно хорошіе стихи были произнесены Ребцовымъ, какъ Петровъ громко крикнулъ: „автора!“. Аплодирующая публика энергично повторила требованіе. Ребцовъ съ эстрады смотрѣлъ на Поморцева и добродушно улыбался. Всѣ головы обернулись къ нему, сотни рукъ аплодировали ему, сотни устъ повторяли его имя, и онъ, не зная, что дѣлать, красный отъ стыда и счастья, съ туманомъ въ глазахъ и сильно бьющимся сердцемъ, поднялся со своего стула. Ребцовъ сошелъ съ эстрады и, пройдя черезъ публику, взялъ за руку Поморцева и вывелъ его впередъ. Громъ рукоплесканій усилился. Нѣсколько разъ долженъ былъ выходить юноша передъ публикой, пока наконецъ вызовы не смолкли и его не обступили въ писательской знакомые и незнакомые, поздравляя съ успѣхомъ. „Слава Богу, слава Богу!“—радостно дрожало въ груди Поморцева, на уста невольно выступила улыбка торжества. Крѣпко-крѣпко пожалъ онъ руку Ребцова и сказалъ:—Я вамъ обязанъ этимъ.

— Я вамъ предсказывалъ, — добродушно отвѣчалъ ему тотъ, раскуривая на свѣчкѣ толстую сигару...

ПИСЬМА.

Сестрѣ С. Я., Аннѣ Яковлевнѣ Мокѣевой.

1877 г.

Дорогая Нюша!

Ты, навѣрно, немало удивляешься, что я такъ давно, съ самаго лѣта, у тебя не былъ. Но чтò же дѣлать: повѣрь, мнѣ самòму это крайне, крайне тяжело и непріятно: сама судьба, слѣпая и глупая судьба, лишала меня возможности увидѣться съ моей дорогой сестренкой, узнать, чтò она подѣлываетъ, пожалѣть о ней, если ей скучно, порадоваться, если весело, побранить ее, если она худо учится и ведетъ себя, и наконецъ разсказать ей и о себѣ.

Такъ какъ даже и въ будущее воскресенье я не предвижу возможности быть у тебя, я рѣшился тебѣ написать, справиться о твоемъ житьѣ-бытьѣ въ институтскихъ стѣнахъ и о себѣ вѣсточку подать, для того, чтобы ты не подумала, какъ думала въ былыя времена, что я тебя могу забыть и промѣнять на кого бы то ни было другого.

Дѣла мои идутъ хорошо. Въ журналѣ „Свѣтъ“ попрежнему печатаются мои стихотворенія, и одно изъ нихъ, а именно поэма „Христіанка“, посвященная нашему гимназическому священнику, въ гимназіи просто фуроръ произвела. Всѣ меня поздравляли, точно я въ именинники попалъ. Вася очень хорошѣетъ и учится ѣздить верхомъ. Тетя, дядя и Катя живутъ попрежнему, потихоньку. У Дешевовыхъ бываю довольно часто. Наташа, когда я ей сказалъ, что собираюсь тебѣ написать, просила тебѣ кланяться, чтò я, какъ видишь, и исполняю. Въ свою очередь прошу тебя поклониться всѣмъ моимъ институтскимъ знакомымъ, да пониже и повѣжливѣе. Напиши мнѣ, какъ идутъ твои дѣла и чтò ты подѣлываешь. Любопытно было бы знать, отпустятъ ли тебя на Рождество?

Ну, прощай, дорогая моя, до скораго свиданья.

Любящій тебя братъ

С. Надсонъ.

P. S. Адресъ мой: или Васильевск. островъ, 9 линія, домъ Петрова, кв. № 12, или 2-я Военная СПБ. Гимназія, воспитаннику старшаго возраста, VII кл. I отд. Семену Надсону.

С. Надсонъ.

1878 г.

Дорогая Нюшка!

Не знаю, какъ благодарить тебя за твое письмо: меня радуетъ и твоя ореографія, и слогъ, и почеркъ, однимъ словомъ, я никакъ не думалъ, что ты такъ порядочно пишешь. Ты меня упрекаешь въ томъ, что я очень мало тебѣ пишу, отговариваясь зноемъ, но вѣдь писать-то почти не о чемъ: вся жизнь моя здѣсь есть не что иное, какъ цѣлый рядъ прогулокъ, начиная отъ моего путешествія въ первый день пріѣзда, когда я съ Петромъ Васильевичемъ отправился пѣшкомъ со станціи до Дидвина, и кончая прогулкой за черникой и морошкой, которую я совершилъ сегодня утромъ. Но о сегодняшнемъ днѣ, или, вѣрнѣе говоря, о сегодняшней ночи я тебѣ разскажу подробнѣе. Вечеромъ, когда загорѣлась заря, отправился вчера я въ самую деревню (мыза находится отъ нея въ полверстѣ разстоянія), встрѣтился съ знакомымъ мнѣ крестьянскимъ мальчикомъ Мишей и отправился съ нимъ къ намъ на мызу, гдѣ, выпивъ чаю и угостивъ имъ Мишу, условился я съ нимъ ѣхать лучить рыбу.

Едва ли ты знаешь, что значитъ лучить, но это выяснится изъ дальнѣйшихъ строкъ.

Когда сдѣлалось совершенно темно, я съ Мишей отправился къ рѣкѣ, захвативъ раньше наготовленные дрова и хворостъ, и, усѣвшись на ройкахъ (родъ лодки), развелъ яркій костеръ на ихъ носахъ. Осторожно отпихиваясь острогою, двинулись мы вдоль берега, пристально всматриваясь въ освѣщенное дно рѣки. Вдругъ я замѣтилъ на днѣ большого спящаго налима и указалъ на него Мишѣ.

Онъ намѣтилъ острогою и вдругъ бросилъ ею въ рыбу, но не попалъ. Нѣсколько разъ били мы по щукамъ, язямъ и окунямъ, но въ заключеніе нашей охоты въ ройкахъ оказалось столько рыбы, сколько было, когда мы отправлялись на охоту. Нужны были ловкость и проворство, а у насъ нѣтъ ни того ни другого. Хотѣлъ тебѣ прислать черники, голубики и морошки, но не успѣлъ собрать достаточно. Земляника отошла уже. Къ слѣдующему воскресенью закажу, чтобы принесли ягодъ. Прощай, поклонъ нашимъ, Настѣ и Дружку.

Остаюсь любящій тебя братъ

Сенька.

Отвѣтъ пришли.

Тифлисъ, 1879 г.

Дорогая Нюша!

Пишу тебѣ изъ Тифлиса, куда, какъ и слѣдовало ожидать, добрался я совершенно благополучно. Только на Военно-Грузинской дорогѣ встрѣтила меня сильная буря и такой страшный вѣтеръ, о которомъ вы въ Петербургѣ, конечно, не имѣете ни малѣйшаго понятія. Зато въ Тифлисѣ погода чудесная—солнце и зелень. Твой почтенный братецъ то и

дѣло лазаетъ по горамъ и взбирается на страшныя крутизны, отыскивая прекрасные виды — и виды дѣйствительно стоятъ того, чтобы на нихъ любоваться безъ конца: какая-то глубоко-могучая и безконечно-суровая мысль залегла въ сѣдыхъ горахъ Кавказа. Такъ вотъ и кажется, что сдвинутся они, эти суровые великаны, и раздавятъ дерзкаго червяка-человѣка, рѣшившагося взобраться на ихъ крутые хребты. А какъ чудно-хорошо стоять на ихъ вышинѣ, на краю обрыва, и глядѣть на лежащій подъ ногами городъ съ его хлопотливой муравьиной жизнью и движеніемъ! Какъ отрадно, какъ вольно дышится горнымъ воздухомъ! Но всего этого не передать въ письмѣ. Живу я здѣсь недурно: встрѣтили меня очень радушно, и первое, что я сдѣлалъ—это познакомился съ семействомъ Саши Александера, и не только познакомился, но и сошелся. Мы затѣваемъ у него спектакль, причемъ твой покорнѣйшій слуга будетъ играть роль Подколесина въ „Женитьбѣ“ Гоголя. Здоровье мое хорошо, и ты можешь надѣяться, что я вернусь къ тебѣ послѣ лѣта такимъ же толстымъ и румянымъ, какъ нашъ „папаша“ Алексѣй Ивановичъ Быковъ. По дорогѣ въ Тифлисъ я питался преимущественно фруктами, которые здѣсь баснословно дешевы: арбузъ—5 к., десятокъ яблокъ—5 к., двѣ айвы—5 к., однимъ словомъ, все—5 к. Ну, прощай, дорогая моя, не скучай и пиши мнѣ по слѣдующему адресу:

Тифлисъ, Головинскій проспектъ, д. Бабаносова, кв. Евгенія Карловича Юрковскаго. Семену Яковлевичу Надсону.

3-го февраля 1879 г., Тифлисъ.

Дорогая моя сестренка Аня!

(Съ сегодняшняго дня я хочу звать тебя этимъ именемъ: оно больше мнѣ нравится, чѣмъ Нюша). Я очень радъ, что сегодняшній день заключился для меня радостной вѣсточкой съ далекаго родного сѣвера. Онъ былъ для меня вообще днемъ сюрпризовъ, но твое письмо—самый лучшій изъ нихъ, хотя и не самый неожиданный. Я все-таки вѣрилъ, что, несмотря на то, что я тебѣ давно не писалъ, ты порадуешь меня въ день моего ангела двумя-тремя строками отъ себя.

Признаюсь тебѣ откровенно, твои письма всегда нѣсколько стыдятъ меня за мою лѣнь, и я уже послѣ прошлаго письма ежедневно собирался тебѣ отвѣтить—и такъ протянулъ до сихъ поръ. Не можешь себѣ представить, какъ взволновало меня извѣстіе о томъ, что продѣлала опять „барыня“ на Рождество. Я могу подать тебѣ одинъ искренній совѣтъ: подожди и вѣрь, что рано или поздно наверстается потерянное. Дай мнѣ кончить курсъ — и мы отлично заживемъ съ тобой. Что же касается до совѣта, о которомъ ты просишь, я скажу тебѣ: попробуй и попробуй непремѣнно. По правдѣ сказать, меня нѣсколько огорчило, что ты, должно-быть, не будешь больше учиться музыкѣ: ты знаешь, какъ я ее люблю! Но и на это я тебѣ отвѣчу — подожди, наверстаешь въ

будущемъ, а до тѣхъ поръ — старайся быть и примѣрной ученицей и примѣрной племянницей. Знай одно, что отъ тебя и почти только отъ тебя зависитъ твое будущее общественное положеніе, если не считать той возможной и невозможной помощи, которую я буду въ состояніи тебѣ оказать, любя тебя больше, чѣмъ люблю самого себя. Подумай хорошенько надъ этими строками. Мнѣ наша будущая жизнь рисуется въ очень розовыхъ краскахъ — и знай, что если я только *захочу*, я всего *достигну*. Взамѣнъ же моей любви и откровенности я требую того же и отъ тебя. Занятія ли твои пойдутъ дурно или приключится что-нибудь другое — не скрывай отъ меня, ради Бога, и помни, что братъ и проститъ, и пожалѣетъ, и поможетъ прежде всѣхъ другихъ, потому что, какъ бы то ни было, а онъ очень горячо тебя любитъ.

О здоровьѣ своемъ могу сообщить тебѣ самыя утѣшительныя свѣдѣнія: отъ моего катарра почти не осталось и слѣда. Всѣ находятъ, что я очень поправился, а докторъ, предсказывавшій мнѣ даже смерть, если я не перестану курить, теперь молчитъ и только смотритъ на меня во всѣ глаза, точно удивляется, я ли это или не я? Время провожу я здѣсь довольно однообразно: утромъ гуляю или читаю, или, наконецъ, занимаюсь немножко; послѣ обѣда, т.-е. часовъ съ 3-хъ до 9 сижу у Саши Александера, читаю его матери и сестрѣ, или играю съ ними дуэты — скрипка съ фортепіано. Самого Саши не бываетъ по буднямъ дома: онъ учится въ Тифлисскомъ юнкерскомъ училищѣ и завидуетъ моей участи — я выйду на два чина старше его и могу выбирать между гвардіей и артиллеріей, тогда какъ ему придется довольствоваться арміей. Сегодняшній день я провелъ у него и съ аппетитомъ отдавалъ должную честь именинному пирогу. Видишь — обо мнѣ заботятся и тутъ. Я у Александеръ принятъ, какъ родной, и на этотъ день былъ заранѣе приглашенъ ими. Софья Александровна, мать Саши, подарила мнѣ прехорошенькій серебряный портъ-сигаръ, а Соня, сестра его, вышила закладку съ неизбѣжнымъ Souvenir на голубой шелковой лентѣ. Но во всякомъ случаѣ твои предположенія насчетъ меня неосновательны: правда, мы съ Соней большіе друзья, но вѣдь мы же друзья и съ Сашей, — слѣдовательно на этотъ счетъ опасаться нечего.

Спектакль нашъ разстроился, но я уже отличался на репетиціяхъ. Кстати, сообщу тебѣ о маленькомъ курьезѣ: за исключеніемъ Александера, всѣ мои здѣшніе знакомые — князья, начиная съ князей Эристовыхъ и кончая Багратіонъ-Мухранскими.

Вася и то въ своихъ письмахъ начинаетъ подтрунивать надъ моимъ аристократизмомъ, полагая, должно-быть, что я ни на что болѣе путное не гожусь. Наивное заблужденіе!

Печатать я теперь пока не печатаю, такъ какъ въ Петербургъ посылать далеко, а здѣсь журналовъ нѣтъ. Напиши мнѣ непремѣнно, довольны ли тобой, и выразп мое глубочайшее уваженіе твоей доброй классной дамѣ, которая произвела на меня въ высшей степени отрадное

впечатлѣніе. Жалѣю, что ты не сообщила мнѣ адреса дяди Саши. Ну, прощай, дорогая моя, помни мои душевные совѣты и люби попрежнему горячо любящаго тебя твоего брата.

С. Надсонъ.

Двоюродному брату В. И. Мамантову.

Тифлисъ, 1880 г.

Спѣшу отвѣтить тебѣ, Вася, тотчасъ же по полученіи твоего письма—и не могу сказать тебѣ, какое страшно-тяжелое впечатлѣніе произвело оно на меня: точно лишній комъ земли бросили на могилу Наташи! Господи, давно ли мы гостили въ Сергіевѣ, давно ли, наконецъ, хоронили Софью Степановну — и теперь эта свадьба, въ тѣхъ же самыхъ комнатахъ, гдѣ, помнишь, когда-то собирались мы, гдѣ такъ много было передумано и перечувствовано! Я вполнѣ, вполнѣ понимаю Наталью Петровну: только теперь, только въ эти минуты окончательно похоронены Наташа и Софья Степановна, похоронены—и позабыты. Я не обвиняю Михаила Михайловича — онъ слишкомъ долго находился подъ вліяніемъ Софьи Степановны, онъ—ребенокъ и увлекается легко и по-дѣтски. Да и за что, наконецъ, обвинять его? Но мнѣ невыразимо больно за Наташу и за ту же Софью Степановну, несмотря на все зло, причиненное мнѣ ею, больно, потому что я вѣдь ее все-таки любилъ. Пусть она лгала всю жизнь, пусть та „идеальность", которой я въ ней искалъ, была напускной и поддѣланной, но ужъ одно то, что она могла возвыситься до понятія объ идеалѣ и умѣла сдѣлать Наташу идеальной, одно это—ея неотъемлемая, безконечная заслуга.

Страшно, Вася, сказать всему этому прошлому послѣднее прости. Впрочемъ, дай Богъ, чтобъ Михаила Михайловичъ былъ счастливъ — чего я не замедлю ему пожелать.

Упреки ваши (т.-е. твои и дядины) въ томъ, что я ничего вамъ не пишу—меня порядочно-таки удивляютъ: жаловаться въ правѣ скорѣе я, такъ какъ вотъ ужъ на два письма не получаю отъ васъ ни строчки отвѣта.

Я здоровъ, дѣлать — почти ничего не дѣлаю, стиховъ тоже пока не пишу, читаю и гуляю. Впрочемъ, на-дняхъ отвѣчу подробнѣе тетѣ. Пиши, ради Бога. Кланяюсь всѣмъ.

Твой С. Надсонъ.

М. А. Россійскому.

Декабрь 1881 г.

Г-нъ старшій портупей-юнкеръ. Прежде всего очень сожалѣю, что, поздравляя васъ съ Рождествомъ, не могу въ то же время поздравить съ производствомъ въ фельдфебеля: нашъ якобы педагогическій коми-

тетъ удостоилъ сего высокаго званія одного только Баранова. Вообразите себѣ, если только у васъ хватитъ на это воображенія, что я переведенъ въ первый разрядъ! Такъ и написано: Надсонъ!

Всю эту прелюдію я создалъ для того, чтобы немножко подзадорить ваше нетерпѣніе и любопытство, зная, что васъ не интересуетъ моя „служебная карьера" и что вы ждете отъ меня, главнымъ образомъ, свѣдѣній *о немъ* *). Впрочемъ, ничего новаго я вамъ не сообщу, — читайте и узрѣете. Пишу я вамъ въ первый день Рождества, и до этого дня я былъ у него два раза: вчера и третьяго-дня. Самъ бы я не пошелъ, но онъ прислалъ записку съ надписью: *нужное*, и съ просьбой зайти къ нему часовъ въ 9 вечера — время самое поэтичное. Само собой разумѣется, я не опоздалъ. Принялъ онъ меня задушевно, какъ всегда, и мы совѣщались съ нимъ о томъ, какимъ образомъ напечатать перлы моей музы (понадобились еще кое-какія передѣлки). Какъ вѣрный вашъ товарищъ, я поторопился скорѣе кончить съ ними, чтобы переговорить о вашихъ стихахъ — и вотъ вамъ его отзывъ, не смягченный и не прикрашенный, по условію: кое-что (преимущественно оригинальныя вещи) слабо, хотя талантъ и проблескиваетъ въ красивомъ оборотѣ фразы, въ оригинальномъ стихѣ и т. д. Удачнѣе всего (изъ оригинальныхъ) картинки: „Тишина, вокругъ все глухо" (конецъ слабъ) и потомъ „У гроба"; все напечатанное въ „Вѣстникѣ" слабѣе остальныхъ переводовъ. „Донна Клара" очень недурна (онъ самъ переводилъ ее, но бѣлымъ стихомъ, и нашелъ, что вашъ переводъ удачнѣе даже, чѣмъ его). „Лорлея" — недурна; не безъ таланта „Жилъ-былъ поэтъ", хотя не сглажено. Кое о чемъ спрашивалъ онъ, напечатано или нѣтъ, — видно, что онъ самъ бы съ охотой помѣстилъ кое-что, если бъ отдѣлать. Общее замѣчаніе: талантъ есть; можетъ выработаться очень и очень хорошій переводчикъ, а можетъ-быть, и оригинальный поэтъ, къ чему тоже имѣются задатки, — но небрежность поразительная: полнѣйшее презрѣніе къ отдѣлкѣ. Искусство этого не терпитъ. „Донна Клара", благодаря отдѣлкѣ, ярко выдѣляется изъ остального. Я объ печати и не говорилъ пока, но это не уйдетъ: будьте увѣрены, что я поступаю, какъ лучше и какъ сдѣлалъ бы *для самого себя*; о васъ я буду еще имѣть случай говорить и устрою и печатаніе и знакомство — это я вамъ обѣщаю, если вы захотите работать. Теперь призовите на помощь всю свою вѣру ко мнѣ и вѣрьте тому, что̀ я вамъ скажу: общій результатъ, общее впечатлѣніе — благопріятно; онъ васъ выдѣляетъ изъ массы другихъ, интересуется вами и просилъ показывать все, мало-мальски значительное. Онъ же обѣщалъ давать мнѣ, а слѣдовательно и вамъ, книги иностранныхъ поэтовъ и указывать, что̀ стоитъ перевода: у него есть и нѣмцы и французы. Я не думаю, чтобы вы ждали колоссальной удачи, но да не обезкураживаетъ васъ сдержанный тонъ его

*) Изъ послѣдующаго видно, что рѣчь идетъ объ А. Н. Плещеевѣ.

одобренiй; если бъ я думалъ, что вы меньше мнѣ вѣрите и что вы меньше благоразумны, то, любя вашъ талантъ, я не написалъ бы такъ просто и откровенно, — но я надѣюсь на васъ. Ради Бога, не надуйте меня: подумайте, если бъ я не цѣнилъ вашъ талантъ, сталъ ли бы я писать вамъ правду, когда могъ отдѣлаться просто комплиментами?.. Руку, товарищъ, руку на новую жизнь *труда* воимя искусства, но непремѣнно *труда* (а вы его избѣгали), какъ долженъ былъ бы сказать герой какой-нибудь повѣсти.

Два слова обо мнѣ. Мы съ *нимъ* сближается не по днямъ, а по часамъ. Онъ мнѣ далъ свою карточку съ надписью: „Молодому поэту отъ отживающаго“. На Рождествѣ звалъ обѣдать; конечно, я пойду. Ледъ перваго знакомства растаялъ, и я съ нимъ близокъ теперь, какъ рѣдко съ кѣмъ. Подумайте, развѣ не отрадно намъ будетъ вмѣстѣ работать подъ его руководствомъ? Ну, прощайте. Начальство рѣшилось меня вконецъ замучить: на ночь не пускаютъ на Р. Ю. (!!!). Много церковныхъ службъ, и за отсутствiемъ пѣвчихъ я долженъ путешествовать на каждую. Передайте Зилишенкевичу поклонъ и то, что онъ произведенъ, купно съ Петровымъ, Мартыновымъ и еще кѣмъ-то, не помню, въ вицы. Напишите мнѣ *немедленно* честно, какъ вы приняли мое письмо? Мои вещи подъ моей фамилiей (его совѣтъ) будутъ въ „Отеч. Зап.“ за январь. Новаго ничего; а у васъ? При свиданiи все въ подробностяхъ. *** Былъ у него и вралъ, вралъ, вралъ, вралъ... при свиданiи разскажу. Бочка вранья (не думайте, что это моя подпись).

Юнкеръ *перваго разряда* (да-съ, а вы что думали?)

С. Надсонъ.

А. Я. Моклевой.

Дорогая Нюта!

Отвѣтить на твое письмо тотчасъ же по полученiи я не могъ, такъ какъ получилъ его вечеромъ, въ субботу.

Я сошелся опять здѣсь со старыми товарищами, съ Аксеновымъ и Ханыковымъ. Оба кончаютъ курсъ. Аксеновъ выходитъ въ лейбъ-гвардiи Семеновскiй полкъ. Занимаюсь механикой. Попроси тетю выслать мнѣ нѣсколько денегъ, такъ какъ безъ нихъ въ лагеряхъ совершенно невозможно обойтись: иногда приходится быть безъ ѣды въ полѣ съ пяти часовъ утра и до четырехъ дня, какъ, напримѣръ, на съемкахъ, а ни зайти на ферму ни къ маркитанту нельзя. При прiѣздѣ въ лагерь пришлось запастись нѣкоторыми необходимыми вещами, какъ-то: туфлями, мыломъ, бумагой, табакомъ и т. п. Туфли здѣсь особенно необходимы въ часы отдыха, такъ какъ отъ большихъ сапоговъ я давно нажилъ себѣ раны на ногахъ и сегодня на ученье не иду. Нужны деньги также и на баню, такъ какъ я не купаюсь. Я уже не говорю о томъ, что иногда хочется съѣсть мороженаго и бутербродъ; это, конечно, не не-

обходимость, хотя иногда и бываетъ нѣсколько неловко отклонять всѣ предложенія товарищей угостить меня, такъ какъ самъ я не могу отвѣтить имъ тѣмъ же.

Очень сожалѣю, что Вася провалился, но онъ, кажется, ничего не теряетъ. Кланяйся отъ меня сему новоиспеченному ташкентцу и пожелай всякихъ удачъ у Мар. Ник. и Мадем. Брянской. Радуюсь твоему намѣренію не коптѣть въ вашемъ разсадникѣ „благородныхъ нянекъ" (noble bonne), но сомнѣваюсь, чтобъ его можно было привести въ исполненіе. Кланяйся всѣмъ и прощай, боюсь, что стану бранить начальство и наши порядки. Твой братъ С. Надсонъ.

26-го іюня 1881 г.

Дорогая Нюша!

Я непремѣнно началъ бы это письмо извиненіями, что такъ давно не писалъ, если бы въ самомъ дѣлѣ былъ виноватъ; но у насъ наступило теперь такое сумасшедшее время, что положительно некогда даже выспаться, не то что писать: маневры, смотры, объѣзды, караулы — все это такъ и посыпалось къ концу лагерей. Прежде всего былъ у насъ объѣздъ Владимира Александровича (не Стобеуса, а великаго князя). Но ты, вѣроятно, не знаешь, что̀ такое объѣздъ: объѣздъ назначается заранѣе, и приготовленія къ нему назначаются за сутки, лагери украшаются вѣнками и флагами, и въ назначенный часъ всѣ войска выходятъ на переднюю линейку, причемъ музыка играетъ марши, а пѣсельники поютъ. Лагерь во время объѣзда представляетъ очень оживленную картину. Въ назначенное время великій князь или Государь, дѣлающіе объѣздъ, выѣзжаютъ изъ Краснаго Села и объѣзжаютъ весь лагерь, здороваясь съ войсками и говоря по нѣскольку словъ начальникамъ. Цѣли подобные объѣзды никакой не имѣютъ, это просто что-то въ родѣ военнаго торжества. Такихъ объѣздовъ было у насъ два, причемъ одинъ дѣлалъ Владимиръ Александровичъ, а другой—Государь. Кромѣ того было у насъ два смотра Владимира Александровича, и въ близкой перспективѣ имѣются парадъ и смотръ Государя. Все это само по себѣ не очень утомительно,—но хуже всего приготовленія, при которыхъ начальство положительно не знаетъ жалости. Вскорѣ должна быть и стрѣльба на призы, въ которой, можетъ-быть, и мнѣ придется принять участіе, такъ какъ я сталъ хорошо стрѣлять. Но особенно плохо отзываются на мнѣ маневры, такъ какъ на нихъ, не говоря уже о ходьбѣ, приходится бѣгать съ ружьемъ и ранцемъ до одышки и головокруженія. Въ особенности тяжелы были одни маневры: въ пять часовъ вечера мы выступили изъ лагеря, шли безъ остановокъ и къ 9-ти часамъ пришли на бивуакъ. Здѣсь намъ дали поужинать, напоили чаемъ, и мы должны были переночевать ночь. Само собой разумѣется, что нашъ талантливый полководецъ Р. выбралъ мѣсто для бивуака на самомъ болотѣ, такъ что спать было не слишкомъ удобно...

къ тому же и ночь выдалась ясная и холодная, такъ что немногіе спали, и то только подъ утро: всю ночь горѣли у насъ костры и распѣвались пѣсни; то же самое было и у нашихъ сосѣдей-союзниковъ, конногвардейцевъ и артиллеристовъ... Было, если хочешь, очень красиво и весело, но очень сыро и нездорово. Къ тому же мы были не въ мундирахъ, а въ бѣлыхъ рубашкахъ. Я выбралъ себѣ кочку мха, досталъ соломы и, несмотря на холодъ, подъ утро отлично заснулъ. Въ девять часовъ слѣдующаго утра мы снялись съ бивуака, и потащили насъ противъ непріятеля, бывшаго отъ насъ верстъ за 12-ть. Дороги были отвратительны, такъ какъ мѣсто вокругъ холмистое: Дудергофъ, Киргофъ и всякія другія горы... Въ иныхъ мѣстахъ подъемы очень круты, и въ концѣ концовъ я до того измучился, что положительно отупѣлъ, и, что̀ всего хуже, у меня показалась горломъ кровь. Чтобъ отвести душу, я во все время передвиженій шелъ сзади Огаркова и ругался вслухъ. Дня два послѣ этихъ маневровъ я не могъ оправиться.

Кромѣ этихъ юнкерскихъ обязанностей, у меня масса другихъ занятій: наши вечера превратились въ спектакли, слава о которыхъ гремитъ по всему лагерю. Огарковъ выписалъ изъ Петербурга свою сцену и музыкальные инструменты, и у насъ уже было три спектакля, на которые, помимо училищъ, сходится еще масса посторонняго офицерства; на послѣднемъ спектаклѣ были даже дамы. У насъ шло: „Отъ преступленія къ преступленію“, „Звѣзда падучая“, причемъ я съ большимъ успѣхомъ игралъ Каталова—Васину роль, „Счастливый день“, „Женитьба“ и „Что̀ имѣемъ, не хранимъ“. Труппа подобралась очень порядочная, и мы приводимъ въ восторгъ публику. Обстановка тоже очень хороша: сцена на возвышеніи, съ помѣщеніемъ для оркестра и суфлерской будкой, разнообразныя декораціи (даже садъ есть), парики, костюмы—все это очень исправно. Спектакли эти устраиваются на средства обоихъ училищъ: нашего и Константиновскаго, причемъ на каждый собирается рублей до 40. Завѣдуетъ всѣмъ Огарковъ. Съ этими спектаклями мнѣ приходится рваться на части: я и пѣвчій—слѣдовательно участвую въ дивертисментѣ, я и актеръ, я и музыкантъ, слѣдовательно въ антрактахъ играю въ оркестрѣ: придешь съ ученья, тащатъ на репетицію—на спѣвку, со спѣвки—на сыгровку. Хоръ нашъ въ лагеряхъ очень хорошо спѣлся, и на-дняхъ мы пѣли въ Красномъ Селѣ. Послѣ обѣдни великій князь пригласилъ насъ во дворецъ и угостилъ завтракомъ, причемъ самъ пилъ съ нами за здоровье Государя, а мы—за его здоровье. Нечего и говорить, что накормили насъ прекрасно. Ты видишь отсюда, что жизнь я веду очень дѣятельную, боюсь даже—не слишкомъ ли дѣятельную?

Поблагодари отъ меня тетю за деньги, которыя она мнѣ прислала, онѣ мнѣ очень пригодились. Дядю поздравь съ прошедшимъ днемъ ангела, а также и себя самоё: я не забылъ 20-го и 25-го іюня, но не имѣлъ ни минуты свободнаго времени; да и теперь мнѣ предстоитъ порядоч-

ная возня со слѣдующимъ спектаклемъ. Напиши мнѣ, какъ провели вы 20-е и 25-е іюня? Здоровы ли всѣ? Что подѣлываетъ кукушка и проч. проч. Всѣмъ мой низкій поклонъ.

Твой братъ С. Надсонъ.

29-го іюня 1881 г.

Дорогая Нюша, пишу тебѣ, еще не успѣвъ хорошенько отдохнуть: сегодня Петра и Павла, день именинъ графа Шувалова, корпуснаго начальника гвардіи, а во время лагерей—и нашего. Онъ былъ на нашемъ батальонномъ праздникѣ, и ему такъ понравилось наше пѣніе (пусть Вася не улыбается и не остритъ), что онъ просилъ насъ пѣть сегодня у него, въ Красномъ Селѣ, обѣдню и молебенъ. Пришлось путешествовать за три версты, простоять службу и вернуться назадъ. Нашъ батальонный праздникъ происходилъ 24-го іюня. Не могу пожаловаться, чтобы мнѣ было очень весело,—но зато обѣдъ былъ порядочный. Съ самаго утра шелъ дождь, а поэтому и на дворѣ и въ баракахъ грязь была страшная.

Ты спрашиваешь, когда я пріѣду? Положительно не могу сказать тебѣ ничего вѣрнаго: ходятъ слухи, что маневры кончатся 9-го августа, но у меня въ августѣ, послѣ маневровъ назначена переэкзаменовка. Когда я освобожусь,—не знаю.

Фокусы, о которыхъ я тебѣ писалъ, удались какъ нельзя лучше, причемъ и на мою долю выпала совершенно неожиданная овація: въ антрактѣ между двумя отдѣленіями съ дирекціей этихъ увеселеній (называю ее очень громко, хотя вся дирекція состоитъ изъ одного только человѣка—Черленіовскаго, который завѣдываетъ устройствомъ декорацій, занавѣси, возвышенія и импровизированныхъ люстръ и канделябровъ, а также представляетъ по начальству программу вечера и спрашиваетъ разрѣшенія). Я отказался читать, но въ публикѣ поднялся страшный гамъ, и меня вызывали до того упорно, что мой ротный командиръ принялся самъ меня разыскивать въ толпѣ зрителей, куда я спрятался. Къ счастью, въ это время подломилась скамейка, на которой я сидѣлъ, и я очутился на полу, скрытый массой зрителей. Я упросилъ моихъ сосѣдей крикнуть, что я въ лазаретѣ, что меня въ баракѣ нѣтъ— и публика мало-по-малу успокоилась. Но, въ виду этой оваціи, дирекція вновь приняла мои условія,—и въ среду (пишу тебѣ въ понедѣльникъ) я буду читать „Грѣшницу“ Толстого. О здоровьѣ своемъ ничего новаго не стану писать—ибо нечего. Теперь два слова о твоемъ письмѣ: если Дарья Васильевна желаетъ знать, что у меня внутри, то пусть она броситъ анатомію и примется за „ключъ къ мужскому сердцу“—наука менѣе серьезная, но зато въ данномъ случаѣ вполнѣ удовлетворяющая цѣли. Что же касается до сравненія ея головы съ моей, то скажи ей, что моя лучше, и что тутъ никакого сравненія быть не можетъ. Ты мнѣ

пишешь: „теперь 4 минуты второго часа ночи; я сижу посреди стола...“ Какъ это ты туда забралась? Вѣдь на корточкахъ писать неудобно.

Далѣе: кукушка шьетъ для тети платье—вѣрить ли своимъ глазамъ? Скажи Васѣ, что не мудрено поймать язя, если онъ плаваетъ по *поверхности воды*, хотя бы и пятнадцать лѣтъ. Вмѣсто того, чтобы ловить тину, я бы посовѣтовалъ тебѣ съ Катей ловить хотя комаровъ—все-таки больше проку. Теперь 4 минуты 6-го часа. Я сижу на печкѣ. Справа отъ меня виситъ на веревочной лѣстницѣ Черленіовскій и дѣлаетъ тебѣ ручкой, а слѣва стоитъ на одной ногѣ Голиковъ. Внизу собралась большая публика и смотритъ на даровое гимнастическое представленіе. Скажи, пожалуйста, отъ какого филологическаго корня производишь ты слово „здоровье“? Катѣ припишу черезъ $1\frac{7245}{9321}$ секунды.

Какъ только получишь мое письмо, отвѣчай немедленно. Кланяйся всѣмъ нашимъ: дядѣ, тетѣ, Васѣ, Дарьѣ Васильевнѣ и себѣ.

P. S. Я извиняюсь, что не могу написать Катѣ: я шилъ платье для батальоннаго командира и укололъ себѣ палецъ, причемъ у меня разболѣлась рука. Цѣлую тебя и тоже желаю не хворать. Молока не буду пить—и *вмѣстѣ съ тѣмъ* буду не забывать добрую Нюшу.

Твой братъ
Семенъ (съ позволенія сказать) Надсонъ.

А. Н. Плещееву.

1881 г.

Милостивый Государь
Алексѣй Николаевичъ!

Со страхомъ и трепетомъ повергаю я на вашъ судъ прилагаемое стихотвореніе. Хотя оно и озаглавлено изъ пѣсенъ „Джованни“, но вы, конечно, знаете, что никакого такого Джованни не существовало на бѣломъ свѣтѣ, и имя это—мнѣ. Я поставилъ его въ заголовкѣ для того, чтобы содержаніе стихотворенія не ввело кого-нибудь въ недоумѣніе, въ которое оно вводитъ самого автора. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ положительно неизвѣстно, почему въ кухнѣ, въ клубахъ пара отъ котловъ и подъ стукъ поварскихъ ножей, пригрезилась мнѣ эта тюрьма и заключенные въ ней, но писалъ я его съ горячностью вдохновенья—если не самонадѣянно съ моей стороны вѣрить въ то, что у меня можетъ быть вдохновеніе. Во всякомъ случаѣ, отдаюсь совершенно на вашъ приговоръ. Безконечно уважающій васъ

С. Надсонъ.

„ИЗЪ ПѢСЕНЪ ДЖОВАННИ“.

Мрачна моя тюрьма,—за крѣпкими стѣнами
Бѣжитъ въ морской туманъ за валомъ новый валъ и т. д.

26-го іюля 1882 г.

Глубокоуважаемый Алексѣй Николаевичъ, горько сожалѣю, что принужденъ васъ обезпокоить цѣлыми двумя просьбами: во-первыхъ, передать при свиданіи вложенную записочку И. Л., такъ какъ у меня и на конверты и на финансы, говоря откровенно, туго; а во-вторыхъ... Но къ тому что я намѣренъ изложить во-вторыхъ, приступаю со страхомъ и трепетомъ, съ красной строки.

Дѣло въ томъ, что на бѣломъ свѣтѣ я одинъ: есть у меня дядюшка и тетушка, но имъ до меня дѣла мало: „что имъ Гекуба!..“ Уѣхали они на Кавказъ и о существованіи моемъ позабыли, и оказался у меня въ „кассѣ по обмундировкѣ“ недохватъ, который надлежитъ мнѣ пополнить какими угодно средствами, хоть алхиміей занимайся. Его можно было бы покрыть гонораромъ, который я получилъ бы изъ „Отечеств. Записокъ“, если бы мои стихи были тамъ помѣщены, чего, какъ вы мнѣ писали, они удостоятся и въ самомъ дѣлѣ. Нельзя ли какъ-нибудь, въ виду крайней необходимости, получить этотъ гонораръ впередъ? Производство у насъ 7-го августа, и къ этому дню мнѣ деньги нужны будутъ „до зарѣзу“ Пишу вамъ такимъ развязнымъ тономъ, чтобы прикрыть ту конфузливость, которую я испытываю. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это первый мой шагъ на поприщѣ самостоятельнаго существованія, и вдругъ—кель орёръ!.. Если моя просьба, благодаря вашимъ великодушнымъ хлопотамъ, будетъ подлежать удовлетворенію,—прошу васъ объ одной еще вещи: не откажитесь хоть строчкой дать мнѣ знать, и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

Какъ я вамъ и И. Л. благодаренъ за ваши сердечныя отношенія ко мнѣ и моей музѣ,—я сказать вамъ не сумѣю. Какъ бобыль, я цѣню ихъ больше, чѣмъ на вѣсъ золота, тѣмъ болѣе, что они невѣсомы.

Я вышелъ въ Каспійскій полкъ, въ Кронштадтъ, такъ что, если я вамъ не надоѣлъ, мы будемъ часто видѣться. Вѣдь вы меня не погоните отъ себя?

Безъ конца и навсегда преданный вамъ, въ ожиданіи вашего отвѣта, опьяненный отъ хлопотъ и заботъ

Семенъ Надсонъ.

Седьмого числа я—военноначальникъ!.. Ура!.. А впрочемъ, ура ли?..

И. Л. Леонтьеву.

28-го іюля 1882 г.

Благодарю васъ, Иванъ Леонтьевичъ, за присылку „Курсовыхъ“ и за ваше участіе ко мнѣ. Письмо вашего товарища, конечно, очень и очень порадовало меня. А теперь попытаюсь исполнить обѣщаніе свое и высказать свой взглядъ на „Курсовыхъ“. Прежде всего, они читаются легко и съ интересомъ. Мысль есть, и мысль прекрасная, но есть и крупные недостатки. Если въ произведеніи все нужно направить къ

тому, чтобы возможно рельефнѣе выставить мысль, то здѣсь вы согрѣшили: мнѣ кажется, вамъ слѣдовало бы, во-первыхъ, сдѣлать сценку съ казачкой ярче и обстоятельнѣй, такъ какъ она идетъ въ пандань со сценкой въ бесѣдкѣ, надъ которой вы работали больше,—это разъ; а второе—отбросить совершенно конецъ и въ особенности водевильную встрѣчу всѣхъ дѣйствующихъ лицъ въ омнибусѣ въ концѣ разсказа. Во-первыхъ, эта встрѣча невѣроятна, а во-вторыхъ, ваше намѣреніе округлить и заключить въ ней разсказъ является шитымъ бѣлыми нитками. Вообще, Иванъ Леонтьевичъ, вамъ, какъ мнѣ кажется, слѣдовало бы избѣгать комизма, основаннаго на *случайности*. Припомните, что̀ мы съ Алекс. Ник. говорили вамъ по этому поводу, напавъ на васъ за газету. Читатели,—какъ я убѣдился, повыпытавъ мнѣніе двухъ-трехъ товарищей, которымъ я давалъ читать вашъ набросокъ,—очень сильно чувствуютъ такую фальшь (это все по поводу сбора всѣхъ, да еще и въ томъ же порядкѣ, въ дилижансѣ). Скажу я вамъ и еще одно замѣчаніе, но знаю заранѣе, что вы съ нимъ не согласитесь. Это относительно общаго тона очерка. Вы въ этомъ отношеніи мнѣ не понятны. Представьте себѣ, что я бы имѣлъ настолько сценическаго таланта, чтобы быть въ состояніи играть въ высокой комедіи,—и вмѣсто этого избралъ бы амплуа водевильнаго актера: это было бы странно. Я не отрицаю комизма, но комизмъ въ такой легкой формѣ и по поводу такой серьезной идеи мнѣ кажется неумѣстнымъ. Слишкомъ скоро вашъ Поморцевъ относится къ своему „романчику“ (слово невозможное) съ примиряющимъ смѣхомъ. Это, по-моему, психологическая ошибка и ошибка крупная. Нѣтъ, смѣйтесь вы,—но Поморцевъ не долженъ, да и не можетъ смѣяться, и его заключительный монологъ съ зѣвотой, по-моему, фальшивъ. Теперь мелочи: тромбонъ—такая большая труба, что не могъ быть у кондуктора, а стихи, которые вы цитируете, напечатаны были не въ какомъ-то журналѣ, а въ „Вѣст. Евр.“, и принадлежатъ самому Полонскому, а вы и къ нимъ кощунственно отнеслись съ примиряющимъ смѣхомъ. Муза оскорблена!.. Есть и еще кое-что, но за неимѣніемъ мѣста мы поговоримъ объ этомъ при свиданіи, а пока простите за прямо выраженное мнѣніе и позвольте откланяться наивозможно болѣе джентльменскимъ образомъ.

М. А. Россійскому.

5-го августа 1882 г.

Дорогой Миша! Горячее спасибо тебѣ за твои письма, хотя я и не Николаевичъ, а Яковлевичъ. Я получилъ ихъ оба и нѣсколько запоздалъ съ отвѣтомъ только оттого, что „не имѣлъ финансовъ“, и на мои доводы о необходимости пріобрѣсти марку мой министръ финансовъ В. только скорбно выворачивалъ наизнанку пустой кошелекъ. Воала ту. Алексѣй Николаевичъ дважды писалъ мнѣ и теперь укатилъ по ка-

кимъ-то дѣламъ въ Нижній и Москву на двѣ недѣли. Въ послѣднемъ письмѣ онъ пишетъ о полученіи стихотворенія Россійскаго (твое?), которое, нѣсколько измѣнивъ, онъ думаетъ помѣстить. Леонтьевъ у меня былъ. Въ „Дѣлѣ“ напечатанъ его набросокъ „Курсовые“, за который его выругалъ Введенскій не вполнѣ неосновательно, но и не вполнѣ основательно. Прочти.

О выходѣ вещей Гаршина знаю.—Dieu merci, я на маневры не иду, а остаюсь въ лагеряхъ. Сначала, вообрази, меня хотѣли послать артельщикомъ *верхомъ!!!* Но такъ какъ у меня „хроническій процессъ въ легкихъ“, то потомъ раздумали и оставили. За послѣднее время я вообще вошелъ въ моду: былъ на призовой стрѣльбѣ, причемъ, конечно, приза не взялъ, ибо изъ пяти пуль попали только три, а вчера такъ въ одинъ день испыталъ двѣ почетныхъ должности: утромъ былъ разводящимъ въ караулѣ, а потомъ дежурнымъ (а не за дежурнаго) по лазарету. Съ величайшимъ трудомъ добылъ вакансію въ Каспійскій полкъ, въ Кронштадтѣ, къ ***. Начальство нашло нужнымъ въ этомъ году и меня *показывать*, почему я былъ на всѣхъ смотрахъ и парадахъ. Огарковъ со мной матерински нѣженъ,—однимъ словомъ, я сдѣлалъ себѣ карьеру; жаль, что поздно. На твое литературное уныніе твердо смотрю, какъ на временное и, главнымъ образомъ, какъ на плодъ фельдфебельства, которое, доставляя тебѣ маленькіе тріумфы, заставило забыть о стремленіи къ высшимъ. Все перемелется, и выйдетъ поэтическая мукà. Г... насъ потѣшаетъ каждый разъ, какъ откроетъ ротъ: то командуетъ съ ноги на караулъ, то кричитъ, что въ заднихъ *полувзводахъ* (?) не ровняется, то развиваетъ такія тактическія соображенія, что и мы и офицеры въ строю покатываемся отъ смѣха. Мельниковъ застрѣлился, оставивъ записку, чтобы не обвиняли отдѣльныхъ личностей, и что онъ стрѣляется потому, что жизнь надоѣла.

Въ лагеряхъ остается со мною и „драконъ“, и мы будемъ съ нимъ распѣвать чай. „Крокодилъ“ хоть и ругается, а черезъ часъ вмѣстѣ со всѣми долженъ выступить на маневры (сегодня 5-го августа). Новаго я ничего не писалъ, такъ какъ совершенно одурѣлъ отъ хлопотъ по вакансіи и обмундировкѣ. Алексѣй Николаевичъ перевелъ изъ Поля Гейзе бѣлыми стихами поэму „Богъ сна“. Леонтьевъ говоритъ, что красиво. Прощай, лѣнись, отъѣдайся, кланяйся въ письмѣ твоей сестрѣ и приготовляйся къ частымъ путешествіямъ въ Поварской и въ Кронштадтъ. Жду до 7-го еще одного письма отъ тебя—послѣдняго къ юнкеру Надсону, а пока жму тебѣ руку до чертиковъ.

1882.

ИЗЪ РОБЕРТА ПРУТЦА.

Пусть безжалостно-сурова
Ты, судьба, ко мнѣ была,—
Молодая сила снова
Въ старомъ тѣлѣ ожила.

Крылья, смятыя грозою,
Снова я могу поднять,
И изъ сердца такъ и рвутся
Пѣсни прежнія опять!
Пусть отъ времени и горя
Голова моя сѣда,
Но попрежнему струится
Въ жилахъ кровь, а не вода.
Пусть я долго былъ безсиленъ.
Но теперь опять крѣпка
И за мечъ готова взяться
Эта грозная рука!
Тѣмъ же пламенемъ сверкаетъ,
Какъ и встарь, мой зоркій взглядъ,
Тотъ же смѣхъ и тѣ же слезы
На душѣ моей кипятъ.
И пускай побѣдныхъ лавровъ
Не дождусь я до конца,
Я погибну славной смертью,
Смертью честнаго бойца.

М. Р—ій.

Это произведеніе, почтенный Михаилъ Александровичъ, украшаетъ собой шестую (іюньскую) книжку ежемѣсячнаго литературно-политическаго журнала „Устои“ и въ настоящую минуту лежитъ передо мной. Я его списалъ, такъ какъ Плещеевъ его нѣсколько измѣнилъ, а вамъ, какъ автору, конечно, интересно до послѣдней точки знать, какъ оно напечатано. Кланяйтесь и благодарите за то, что я преодолѣлъ лѣнь и списалъ его. Свѣдѣнія дополнительныя: насчетъ гонорара въ „Устояхъ“ глухо. Я до сихъ поръ съ нихъ ни копейки не получилъ за мои стихи. Напечатано стихотвореніе на лѣвой сторонѣ, кончается на правой. Печать аппетитная. Идемъ далѣе. Что это, коварство или недоразумѣніе? Какимъ образомъ въ редакціи „От. Записокъ“ стихотвореніе, очевидно, принадлежащее вашему перу,—и я тѣмъ не менѣе ничего о немъ не знаю? „Станешь ночью—день возненавидишь, станешь днемъ—возненавидишь ночь“. Знакомы вамъ эти строки? Подпись подъ ними: Михаилъ Александровичъ Россійскій, гонораръ „по усмотрѣнію редакціи“. И ты скажешь, что это не твое стихотвореніе? Объясни, какъ оно попало въ „Записки“, гдѣ, вѣроятно, съ измѣненіями будетъ напечатано? Стихотвореніе прехорошенькое. Что касается новыхъ двухъ стихотвореній, то, несмотря на то, что первое изъ нихъ очень мелодично, а второе мѣстами бойко, я совѣтую тебѣ объ обоихъ забыть и Плещееву ихъ пока показывать не хочу, такъ какъ оба они не самостоятельны. Первое напоминаетъ „Поцѣлуй“ Полонскаго, а второе рабски дышитъ гейновщиной. Есть и еще недостатки, о которыхъ я, за ограниченностью времени, не пишу.

Теперь немножко философіи:

Итакъ, ваше желаніе напечататься исполнилось. Одно изъ твоихъ

стихотвореній красуется въ „Устояхъ“ другое, вѣроятно, будетъ въ „Запискахъ“. Неужели же хоть это не сообщитъ тебѣ *им-пуль-са*, и ты попрежнему будешь утопать въ морѣ лѣни?.. Не думай, чтобы стихотвореніе твое въ „Устояхъ“ пошло на „затычку“,—оно очень и очень прилично. Впередъ, Миша, и à bas всѣ прежнія тревоги и сомнѣнія въ талантѣ.

Часть неофиціальная:

Мнѣ такъ много нужно тебѣ написать, что я рѣшилъ почти ничего вовсе не писать. Сколько курьезовъ съ лагерями, съ производствомъ, съ кутежомъ послѣ производства, сколько литературныхъ новостей!.. Лучше всего, пріѣзжай поскорѣе и тогда постараемся наговориться. Какъ только будешь въ Питерѣ, сейчасъ валяй на Царскосельскій вокзалъ, бери билетъ въ Павловскъ (цѣна 55 коп., ѣзды 3/4 часа). Въ Павловскѣ отправляйся на уголъ Правленской и Песочнаго переулка, на дачу Абрамсона, и спроси кв. № 6, Леонтьева, гдѣ ты найдешь и его и меня. Мы съ Леонтьевымъ на дачѣ до 18-го сентября. Живемъ вдвоемъ,—хорошенькая квартирка. Каждый день къ намъ заходитъ „падре“ Плещеевъ и бываетъ неизобразимо милъ. Жду отъ тебя за мои важныя новости благодарственнаго письма, которое прошу адресовать въ Павловскъ, а самъ, хотя ты только юнкеръ, а я подпоручикъ, такъ и быть, протягиваю тебѣ, какъ литературному собрату, два пальца. Пишу тебѣ въ тужуркѣ съ офицерскими погонами. А пока—adieu.

А. Н. Плещееву.

22-го сентября 1882 г.

Сажусь вамъ отвѣчать, дорогой мой Алексѣй Николаевичъ, немножко въ лирическомъ настроеніи. Происходитъ это оттого, что ужъ очень хорошо сегодня я себя чувствую. Только-что провелъ весело время у товарищей (не новыхъ, а вышедшихъ вмѣстѣ со мною) и вернулся въ свою уютную комнату, гдѣ такъ балуетъ меня моя мягкая мебель, такъ ласково горитъ лампадка передъ образами, такъ дружелюбно глядятъ съ этажерки любимыя книги и завѣтныя тетради, а на этажеркѣ стоитъ карточка дорогой моей Наташи. Нѣтъ, рѣшительно не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ,—Кронштадтъ производитъ на меня благопріятное впечатлѣніе. Въ полномъ смыслѣ слова сбываются мои мечты: маленькая, очень и очень уютная комнатка, письменный столъ, запирающіяся на ночь ставни (я это очень люблю) и, главное, сознаніе, что уголъ этотъ мой, и что въ немъ, наединѣ съ собой, я совершенно *независимъ*,—все это мнѣ, насловявшемуся по благодѣтелямъ, безконечно дорого и мило. Какой-то слѣпой случай мнѣ покровительствуетъ: я нашелъ квартиру въ очень симпатичномъ семействѣ техника-моряка, и по вечерамъ вокругъ меня сіяютъ добрые и ясные дѣтскіе глазки, которые я такъ люблю. Удобства у меня всевозможныя, и даже хозяйское

піанино постоянно къ моимъ услугамъ. Такова свѣтлая сторона моего здѣшняго житья-бытья, но есть и терніи, и эти терніи, конечно, полкъ.

На службу меня пока еще не тянули, но съ завтрашняго дня потянутъ. Надѣюсь въ субботу пріѣхать въ Питеръ и разсказать вамъ все подробнѣе, а также и то, какимъ образомъ ведутся у меня дѣла въ ротной школѣ, которою я, по всей вѣроятности, съ завтрашняго дня буду завѣдывать. Не писалъ пока ничего. Если я въ субботу не пріѣду, урвите какъ-нибудь денекъ, пріѣзжайте ко мнѣ—у меня прекрасно. Васъ, дорогой Алексѣй Николаевичъ, за ваши хлопоты съ „Геростратомъ“ я могу только отъ всей души благодарить. А за всѣмъ тѣмъ прощайте и не забывайте глубоко благодарнаго и взывающаго къ вамъ съ самаго дна Каспія

Семена Надсона.

Октябрь 1882 г.

Милый, милый и милый Алексѣй Николаевичъ! Ваши письма—стрѣлы солнечнаго свѣта въ зеленой мглѣ дѣвственнаго лѣса: лѣсъ темно-зеленый, а стрѣлы ярко-золотыя (Гм...).

Ей-Богу, я ужасно радъ каждой вашей строчкѣ. Но позвольте васъ заподозрѣть въ неискренности: мнѣ кажется, стихотвореніе мое вамъ не понравилось, и вы не пишете объ этомъ, чтобы не обезкуражить меня. Мысль понравилась, но форма—нѣтъ, мало образности, мѣстами фельетонно и публицистично. Это я знаю самъ, только мотивъ-то ужъ очень лакомый. Я еще поработаю надъ этими стихами, если не для печати, то con amore. То, что вы мнѣ пишете о литературномъ кругѣ, я тоже созналъ давнымъ-давно, т.-е. не давнымъ-давно, но все же созналъ, а еще больше—повѣрилъ вамъ, Jean'у de Щеглову и графу Л. Толстому. Хотя кое-кто мнѣ очень симпатиченъ, а въ томъ числѣ Альбовъ, съ которымъ я почти ни одного слова не сказалъ—симпатиченъ, да и все тутъ. Что касается тѣхъ изъ литературы, къ которымъ у васъ лежитъ душа—то Туртукай взятъ, и я тамъ, по крайней мѣрѣ, желаю быть тамъ! Да-съ, желаю... И буду... „Тамъ“—это въ храмѣ вашего сердца.

Какъ я живу? Изумительно! Въ Кронштадтѣ имѣю успѣхъ. Во вчерашнемъ № „Кронштадтскаго Вѣстника“ изображено въ отчетѣ о первомъ „литературно-музыкальномъ вечерѣ“: „Къ удовольствію слушателей, г. Н., молодой поэтъ, котораго прекрасн. стихотв. помѣщ. въ нашихъ лучшихъ журн., съ одушевл. прочелъ одно изъ этихъ стихотвор.“. Познакомился съ Р**, мѣстнымъ литераторомъ, рецензентомъ и проч. Человѣкъ скромный, съ синими глазами, особой талантливости не видно. Читалъ на вечерѣ и С.—третій актъ изъ комедіи „Не ко двору“, усыпилъ всѣхъ и торжественно провалился при жидкомъ аплодисментѣ и громкомъ шиканьи. Кромѣ того, я пою здѣсь въ любительскомъ хорѣ Морского Собранія, буду участвовать въ спектаклѣ и устраи-

ваю музыкально-литературные вечера въ полку. Одинъ ужъ былъ и сошелъ порядочно. То, что вы пишете объ Иванѣ Леонтьевичѣ, меня не удивляетъ. Отъ него должно было ждать такого письма съ такими характеристиками. По-моему, о Щегловѣ-писателѣ надо плакать—онъ погибъ. Знакомствъ у меня куча и съ каждымъ днемъ все прибавляется,—есть довольно интересныя. Пишу мало и рѣдко, такъ какъ завертѣлся и *живу*, хотя и довольно безсмысленно. Но какъ бы мнѣ хотѣлось васъ видѣть у меня,—вы не повѣрите: не шутя, два года жизни бы отдалъ. Пріѣзжайте, будьте добренькимъ! Душевно и душевно радъ, что Полонскій меня хвалитъ: онъ—художникъ.

М. А. Россійскому.

31-го октября, Кронштадтъ. 1882 г.

Вотъ еще выдумалъ, чудакъ! За что я на тебя буду сердиться? Если жъ я не писалъ, то на то имѣются весьма солидныя причины: въ Петербургѣ я дѣйствительно былъ и предполагалъ пробыть только пятницу и субботу; не зашелъ къ тебѣ потому, что оба эти дня заранѣе были у меня заняты. Пріѣхалъ я въ пятницу къ обѣду и за онымъ страшно разбранился дома: зачѣмъ, дескать, каждый вечеръ поздно прихожу, пріѣзжая, дома не сижу, а „шляюсь“, и пріѣзжаю домой только ночевать, какъ въ трактиръ; однимъ словомъ, въ родѣ училища. Ругань эта такъ мнѣ пришлась по душѣ, что я утромъ въ субботу ѣздилъ въ институтъ къ сестрѣ, ибо, между прочими обвиненіями, на меня напали за нелюбовь къ сестрѣ. Отправившись въ Кружокъ, я сговорился съ Плещеевымъ у него ночевать, чтобы „не возвращаться домой поздно“, что и исполнилъ. Весь слѣдующій день и понедѣльникъ (ночевалъ въ воскресенье въ Ораніенбаумѣ) попадалъ въ Кронштадтъ, но такъ и не попалъ,—вернулся обратно въ Петербургъ, гдѣ и пробылъ до среды дома во избѣжаніе непріятностей и упрековъ, и только на нѣсколько часовъ зашелъ къ Р., члену Кружка, гдѣ толковали о кружковыхъ дѣлахъ. Вотъ и вся повѣсть. Вчера (суббота) не пріѣхалъ въ Питеръ, ибо дежурилъ; будущую субботу постараюсь быть и читать въ Кружкѣ (Некрасовскій вечеръ), но не знаю, какъ устроиться съ ночлегомъ и будетъ ли сообщеніе. Въ заключеніе тебѣ новость: я думаю гимна твоего не посылать (впрочемъ, какъ хочешь),—онъ мнѣ не весь нравится. Стихи же твои касательно „дня и ночи“,—помнишь?—посланы Плещеевымъ набирать для „Отеч. Записокъ“. Вѣрно, они будутъ въ слѣдующей книжкѣ, если Щедринъ не забракуетъ: въ послѣднее время онъ особенно придирчивъ. Арсеній—брр!.. не понравился и весьма. Въ стихахъ смыслитъ мало, хотя, по мягкосердію, и долженъ былъ бы смыслить. Самолюбивъ до сумасшествія: вообразилъ, что Достоевскій написалъ „Братьевъ Карамазовыхъ“ въ пику ему! И это весьма серьезно.

Откуда ты узналъ обо мнѣ? Когда и какъ попасть къ твоей сестрѣ?

Передай ей отъ меня очень низкій поклонъ. Прощай, милый, извини, что не писалъ, не сердись и будь въ субботу, хотя, къ несчастью, я не могу навѣрно сказать, что пріѣду: путь скверный; я и то порядкомъ натерпѣлся страху. Напиши что-нибудь на недѣлѣ, не лѣнись. Леонтьевъ уѣхалъ въ Бендеры.

Твой весь С. Надсонъ.

А. Н. Плещееву.

14-го декабря 1882 г.

Дорогой мой Алексѣй Николаевичъ. Пишу къ вамъ въ день для меня знаменательный: сегодня мнѣ 20 лѣтъ,—но нѣтъ никого на всемъ бѣломъ свѣтѣ, кто бы вспомнилъ объ этомъ и прислалъ мнѣ теплую вѣсточку и теплыя пожеланія. Это, конечно, пустяки, и когда они есть, ихъ не цѣнишь,—но лишеніе ихъ тяжело: ужасно сильно чувствуешь свое одиночество. Въ Петербургѣ не былъ я такъ давно не только потому, что у меня нѣтъ денегъ, но и потому, что не хочется видѣться съ дядюшкой и съ прочими онерами. До меня долетаютъ отголоски грозы, которая по этому поводу разражается тамъ: сестра написала мнѣ дерзкое письмо, въ которомъ, между прочимъ, преподаетъ мнѣ совѣтъ быть болѣе благодарнымъ къ моимъ „благодѣтелямъ“. Изъ этого явствуетъ, что благодѣтели были у сестры и наговорили ей на меня турусы на колесахъ. Надоѣло мнѣ все это хуже горькой рѣдьки, и страхъ не хочется ѣхать туда, а быть въ Петербургѣ и не быть тамъ—невозможно по разнымъ причинамъ.

Два слова о дѣлѣ: въ финансовомъ отношеніи для меня крайне и крайне важно, чтобы извѣстные вамъ стихи,—если они въ самомъ дѣлѣ хороши,—были напечатаны, но только въ томъ случаѣ, если они хороши. Вторую строку второй строфы можно измѣнить такъ: „И спутники въ трудномъ житейскомъ пути“. Хотѣлось бы и послѣднія двѣ строки измѣнить для большей гармоничности и строгости метра, поставивъ вмѣсто нихъ слѣдующія двѣ строки:

Не то же ли солнце намъ ярко сіяло
За черною тучей—зарей золотой?

Въ случаѣ, если прежніе лучше—можно ихъ оставить. Что же касается роковыхъ строкъ о „крестѣ“—у меня на нихъ рука не подымается. Лучше всю строчку замѣнить точками. Еще разъ повторю, что деньги за стихи мнѣ были бы далеко не лишни (у васъ брать я не хочу, Алексѣй Николаевичъ), но что *необходимо* и *неизбѣжно*, чтобы стихи стоили печати. Если нельзя въ „Отеч. Зап.“, не пройдутъ ли они у Станюковича? Жду съ нетерпѣніемъ отвѣта.

Я продолжаю тѣшиться: ухаживаю за барышнями, устраиваю спектакли и литературно-музыкальные вечера, но скелетъ жизни уже начинаетъ опять сквозить сквозь цвѣты, которыми я его убираю. Ночи не

силю, тоска иногда нападаетъ страшная,—хочется посидѣть у васъ въ креслѣ, пожать вамъ руку, поговорить съ вами о младшемъ братѣ, погорячиться о добрѣ, а еще больше хочется васъ у себя видѣть.

Читали ли вы стихотворенія въ прозѣ Тургенева? Нѣкоторыя замѣчательны, если вчитаешься. Меня обрадовало и поразило въ особенности одно: „Черепья", сюжетъ котораго и самый образъ схожъ съ мыслью моего стихотворенія въ январской книжкѣ „Отеч. Зап.",—„Какъ бѣлымъ саваномъ".

Прощайте, дорогой Алексѣй Николаевичъ, и, читая мое письмо, вспомните, какъ на иныя письма нетерпѣливо ждешь отвѣта. Низко кланяюсь вамъ и вашимъ. Сожитель мой, Абрамовъ, попалъ тоже въ писатели: настрочилъ статью въ „Родникъ", которую приняли. Корреспонденцій въ „Театръ" отъ меня не ждите, ибо онѣ вамъ не нужны и являются только предлогомъ для гонорара. А затѣмъ бью вамъ челомъ до земли включительно.

16-го декабря 1882 г.

Милый и дорогой Алексѣй Николаевичъ, каждая ваша строчка—точно солнечное пятно въ моей комнатѣ; вѣдь есть же еще на бѣломъ свѣтѣ такіе сердечные люди, какъ вы! Ну чтò я для васъ такое, за что вы любите меня и заботитесь обо мнѣ, какъ о родномъ?

Рѣшите мнѣ и еще одинъ вопросъ (вы, конечно, вѣрите, что онъ предлагается искренно): чтò хорошаго и выдающагося въ моихъ стихахъ? Отчего я самъ не вижу того въ нихъ, чтò видятъ другіе, отчего они мнѣ кажутся блѣдными и неуклюжими? Иногда я готовъ вѣрить во что угодно, только не въ ихъ достоинство; я говорю себѣ, что я сумасшедшій, вообразившій себя поэтомъ, и что всѣ изъ участія ко мнѣ хвалятъ мою дребедень; это серьезно.

Стихотвореніе, которое вы перевели такъ просто и хорошо (только послѣдняя строчка не нравится моему педантизму: необходимость обозначенія ударенія на словѣ „нѣма",—и то, впрочемъ, въ сущности, это придирка съ моей стороны), стихотвореніе по идеѣ мнѣ больше чѣмъ нравится: нужно быть очень чуткимъ и честнымъ съ собою, чтобы написать его, чтобы просить у погибшей любви и счастья прощенья и благословенья на новую любовь и счастье. Есть что-то подлое и низкое въ способности забвенія, вложенной въ душу человѣка: забвеніе, въ сущности говоря, та же измѣна и даже хуже измѣны, такъ какъ лицо страдательное изъ могилы не въ силахъ поднять своего голоса; и вмѣстѣ съ тѣмъ—это неизбѣжно, это человѣчно, это—одна сторона стараго разлада между идеаломъ и жизнью. Очень глубокій мотивъ затрагиваютъ эти ваши двѣнадцать строкъ...

Прекрасныя черты, любимыя когда-то,
Затушевала жизнь чертами чуждыхъ лицъ,

И то, что было мнѣ такъ дорого, такъ свято,
Изъ книги прошлаго—рядъ вырванныхъ страницъ.

И, какъ это ни больно—это неизбѣжно.

(Четверостишіе привелъ изъ одного моего отрывка). Меня мотивъ стихотворенія касается особенно близко: сколько разъ я молилъ у прошлаго прощенія за одну только *возможность жить* въ настоящемъ! Помнится, еще не такъ давно мы съ вами говорили на эту тему, и я, на основаніи того, что есть забвеніе,—отрицалъ любовь, такъ какъ такая любовь на время мнѣ кажется жалкой, ничтожной, „земной" любовью,—а сердце проситъ, даже требуетъ вѣчности и чистоты идеала!..

Станюковичу понравилась моя пѣсенка, а Салтыковъ хочетъ непремѣнно моихъ стиховъ... ура! Я мысленно прыгаю до потолка,—но только мысленно, ибо фактически я все-таки подпоручикъ, а не мальчишка! Надѣюсь, вы въ этомъ не сомнѣваетесь, иначе я пришлю къ вамъ секундантомъ А. В**, если только онъ еще не утонулъ въ собственной фельетонной водѣ. Кое-что у меня задумано и пишется, но когда напишется—невѣдомо мнѣ, а вѣдомо музамъ.

Удивляюсь, что нѣтъ ни слуху ни духу отъ Миши, и по нѣкоторымъ причинамъ сильно боюсь за него. Не увлекся бы черезчуръ: прежде онъ писалъ довольно аккуратно, если только съ нимъ возможно соединить понятіе объ аккуратности. И что это безмолвствуетъ Jean Щегловъ? Непостижимо! Вейнберговской присылкѣ буду очень и очень радъ. Двоюродный братъ писалъ мнѣ, что какой-то Р*** торжественно провалилъ меня у Пушкинцевъ,—чтобъ ему за это ни дна ни покрышки. Что тамъ дѣется, кто фигурируетъ? Я думаю, Оболенскій блистаетъ? Жаль, что только моему стихотворенію, а не мнѣ самому прійдется быть въ компаніи съ Гаршинымъ. Изъ дому наконецъ послѣ пяти недѣль молчанія вылетѣла бомба: удивляются, что обо мнѣ нѣтъ ни слуха ни духа, и спрашиваютъ, живъ ли. Успокоилъ утвердительнымъ отвѣтомъ.

Прощайте, Божій человѣкъ, живая душа, милый падре; поклонъ въ ноги вамъ и вашимъ и жду отвѣта.

С. Надсонъ.

Январь 1883 г.

Дорогой Алексѣй Николаевичъ, что вы, какъ вы, почему вы?.. Что я, — вамъ разскажетъ И. Л., который осіялъ мою армейскую келью своимъ артиллерійскимъ присутствіемъ. Благодаря Станюковичу я долженъ отказать себѣ въ удовольствіи видѣть васъ въ воскресенье, ибо въ моей дарохранительницѣ всего нѣсколько пфениговъ, и если Станюковичъ меня не выручитъ, я долженъ буду до 20-го сидѣть безъ чаю, сахару, свѣчей и прочихъ продуктовъ цивилизаціи. Не можете ли вы какъ-нибудь повліять на него?

Что новаго въ литературѣ, что дѣлаете вы, о, падре, поэзіи таинственныхъ скорбей могучій и сумрачный сынъ? Жду слова. Поздравляю васъ съ предсѣдательствомъ, а Пушкинцевъ съ предсѣдателемъ. Addio.

С. Надсонъ.

18-го января 1883 г.

„Къ ней все влечетъ, влечетъ неодолимо", къ вашей хорошенькой комнаткѣ, Алексѣй Николаевичъ, „спокойный взоръ и ясное чело ея хозяина" и т. д. Изъ этихъ строкъ явствуетъ, что вашъ покорнѣйшій слуга упражняется теперь въ изученіи роли Рунина, которую онъ надѣется имѣть честь сыграть въ вашемъ присутствіи въ морскомъ клубѣ 25-го числа сего мѣсяца. Да, такъ-таки и надѣется и слышать не хочетъ никакихъ отговорокъ. Не желаете же вы, чтобы я передъ всѣми моряками, передъ моими кронштадтскими знакомыми, оказался лгуномъ! Вотъ, скажутъ, расхвасталась мелкая литературная сошка, говоритъ, что знакома съ А. Н. Плещеевымъ, предсѣдателемъ Пушкинскаго Кружка и театрально-литературнаго комитета, маститымъ поэтомъ маститаго журнала и пр. и пр. Видите, какъ я слѣжу за вами по газетамъ: я знаю, что вы театральный предсѣдатель, что 10-го былъ въ Кружкѣ вечеръ, посвященный вамъ, и знаю даже то, чего, можетъ-быть, и вы не знаете: читали ли вы, напримѣръ, въ одномъ изъ номеровъ „Новостей" (9-го, 10-го или 11-го числа), въ „словарѣ достославныхъ современниковъ" краткую свою характеристику, авторъ которой, вкупѣ съ авторомъ сего письма, чуть не молится на васъ? А я читалъ, да-съ!

Теперь вамъ, вѣроятно, ясно, почему я не списался съ вами до 10-го числа: тогда мы бы не успѣли поставить „Искорку", а теперь это возможно. И скажу вамъ еще, что пьеска пройдетъ прекрасно,—въ этомъ я убѣжденъ заранѣе: роли Сашеньки и Вѣры Павловны взяли на себя двѣ красивѣйшія, интеллигентнѣйшія и талантливѣйшія здѣшнія артистки-любительницы m-lle Ж. и m-me X. Произведемъ фуроръ, пріѣзжайте только и украсьте своимъ участіемъ дивертисментъ. Сожалѣю, что пишу вамъ мертвыя буквы; если бы я *говорилъ* это вамъ, вы навѣрное бы исполнили „по моей молитвѣ", потому что вы добрый, а того, о чемъ я прошу, мнѣ очень хочется. Во всякомъ случаѣ не томите мою душеньку и отвѣтьте поскорѣе, чтобы въ случаѣ невѣроятнаго отказа я успѣлъ заблаговременно повѣситься.

Читалъ я „Театръ" и своимъ глубоко-критическимъ взглядомъ à la A. W** узрѣлъ въ немъ промахи: во-первыхъ, мнѣ кажется, уступая вкусамъ публики, которымъ, къ несчастію, нельзя не уступить, слѣдовало бы ввести въ текстъ отдѣлъ фельетонной легкой болтовни, такъ какъ статьи всѣ подъ рядъ ужасъ какъ серьезны. Во-вторыхъ: литературный отдѣлъ надо бы расширить, а то два стихотворенія, напечатанныя въ двухъ номерахъ его, являются какими-то кляксами на бѣлой бумагѣ, нѣчто въ родѣ Кронштадта въ морѣ. Какой-нибудь разсказъ, въ родѣ

искандеровской „Сороки-воровки“, былъ бы весьма желателенъ. Я этимъ не совѣтую „Театру“ удариться въ суфлеровщину и весельчаковщину—но струйка жизни не повредила бы ему.

Самъ ничего не пишу. Изъ „Записокъ“ жажду немедленныхъ долларовъ, ибо, если они не придутъ къ 24-му числу, мой заложенный мундиръ погибъ. Здоровье мое шатко. Настроеніе духа, какъ иногда погода, перемѣнно. Затѣмъ общій поклонъ и addio.

26-го января 1883 г.

Милый мой Алексѣй Николаевичъ. Если вы иногда встрѣтите нелѣпости въ моихъ письмахъ, не удивляйтесь: во мнѣ много страннаго и больного—и это не фраза... Спасибо вамъ за ваше отношеніе ко мнѣ и за ваши письма: я васъ, право, люблю больше, чѣмъ кого-нибудь,—больше родныхъ и самого себя. Живется мнѣ какъ всегда. Кронштадтское болото мнѣ порядкомъ надоѣло; что̀ дѣлать, чтобы выбраться отсюда? Да и сто̀итъ ли выбираться...

Прочелъ половину „Клары Миличъ“ и половину Гаршина. И то и другое пока очень нравится; что̀ будетъ дальше — не знаю. Читали ли вы Кота Мурлыки романъ „Къ свѣту“? Я думаю, должно-быть, хорошо.

Я порядочно поопустился здѣсь каса́тельно литературы,—лѣнь даже пробѣгать газеты, да и сто̀итъ ли? Все это шумиха дня, мелочи жизни, заборъ, закрывающій просторъ другихъ жгучихъ, мучительныхъ вопросовъ. Знаете, судя по началу, мнѣ жаль, что Гаршинъ сошелъ съ пути, по которому шелъ раньше. Или и онъ призналъ свое безсиліе передъ міровыми тайнами?

Я бы васъ просилъ, милый Алексѣй Николаевичъ, показать Салтыкову мои стихи,—мнѣ интересно, что̀ онъ скажетъ. Вейнберга стихотвореніе, когда я прочелъ, мнѣ очень и очень понравилось (я говорю о „Женщинѣ“). Мотивъ не новъ, но форма прекрасна. Боровиковскій—увы!—не нравится: души и простоты нѣтъ.

А впрочемъ, прощайте. Всего очень лучшаго и хорошаго, и, пожалуйста, отвѣтьте на сію мелодію. Вы не знаете, какъ мнѣ пріятно получать ваши письма.

А. Я. Мокѣевой.

20-го января 1883 г.

Дорогая Нюша.

Изъ двухъ твоихъ послѣднихъ писемъ я вижу, что ты желаешь сохранить со мною добрыя дружескія отношенія. Мнѣ не остается ничего другого, какъ только радоваться такимъ твоимъ намѣреніямъ, вполнѣ отвѣчающимъ и моему собственному желанію. Буду отвѣчать тебѣ сразу

на оба письма. Первое—порядочно-таки меня повеселило особенно то, что ты мнѣ пишешь о гаданьи. Карты тебя обманули, я и здоровъ и жениться не собираюсь; но для меня остается тутъ одинъ вопросъ смутнымъ: а если бы я и въ самомъ дѣлѣ вздумалъ жениться (чего я не имѣю права сдѣлать до 23-хъ лѣтъ), почему это было бы для тебя непріятно? Растолкуй!.. Очень и очень радъ, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, ты останешься въ Петербургѣ; ты пока еще не научилась въ четырехъ стѣнахъ цѣнить его, поживешь—увидишь. На вопросъ твой о деньгахъ я ничего не могу сказать положительнаго, но, если ты изложишь все, о чемъ меня спрашиваешь, въ письмѣ къ тетѣ, я увѣренъ, что она и не разсердится и дастъ тебѣ необходимый отвѣтъ. То же самое было и со мною при выпускѣ. Спроси ее просто, какой суммой ты можешь располагать для своей экипировки. Я не былъ въ Петербургѣ съ праздниковъ. Здѣсь живется очень весело: въ полку я распоряжаюсь устройствомъ музыкально-литературныхъ вечеровъ, на которые собирается чуть не весь городъ и которые дѣлаются для Кронштадта самымъ любимымъ развлеченіемъ. Кромѣ того я участвую въ спектакляхъ морского клуба и 25-го играю главную роль въ пьесѣ Плещеева „Искорка". Плещеевъ самъ обѣщалъ пріѣхать въ этотъ день ко мнѣ, въ Кронштадтъ, посмотрѣть меня. Знакомствъ у меня масса, только выбирай, и я въ самомъ дѣлѣ сталъ на нихъ разборчивъ. Змѣя Екатерина Александровна свободно могла бы и не благодарить меня за какой-то „мой привѣтъ", переданный будто бы черезъ Круглова. Никакихъ я привѣтовъ ей не пересылалъ, а просто, встрѣтясь съ Кругловымъ въ Пушкинскомъ Кружкѣ и узнавъ, что онъ живетъ въ Любани, сказалъ, что у меня есть тамъ знакомые, и что, вѣроятно, и мои родные будутъ лѣтомъ жить тамъ. Какъ поэтъ, онъ немножко прикрасилъ и сочинилъ при встрѣчѣ съ ней еще какой-то „привѣтъ".

Что же тебѣ написать еще: за хлопоты обо мнѣ и за „Онѣгина"—благодарю. Здоровье мое сносно, а въ послѣдніе дни, когда у насъ тутъ началась оттепель, я и совсѣмъ растаялъ и расцвѣлъ,—подумалъ, что весна настала. Пишу довольно много: на-дняхъ вышло два моихъ стихотворенія: одно въ „Отечественныхъ Запискахъ", въ январской книжкѣ, а другое въ „Театрѣ". Вчера послалъ Плещееву еще одно, не знаю только еще самъ, куда онъ его помѣститъ. Должно-быть, въ „Записки": ему всѣ мои стихи такъ нравятся, что мнѣ, самому автору, приходится очень часто упрашивать его напечатать тѣ изъ нихъ, которыя, по моему мнѣнію, похуже, въ какомъ-нибудь второстепенномъ журналѣ, а то онъ со Щедринымъ всякую бездѣлку тянетъ въ „Записки". Все, какъ видишь, обстоитъ благополучно, одно скверно—жалованье маленькое: 52 рубля. На нихъ не разойдешься. Впрочемъ, скоро намъ прибавятъ еще двѣнадцать, да и литература подсобляетъ. Очень радъ, что могу услужить твоей классной дамѣ присылкой билетовъ. Пусть она впишетъ свою фамилію противъ слова „гость". Народу въ „Кружкѣ" бываетъ все больше

и больше. Плещеевъ писалъ, что на его вечерѣ было 600 человѣкъ. Прощай, Нюша, пиши, если не лѣнь, а я буду отвѣчать по возможности аккуратно.

Любящій тебя братъ
С. Надсонъ.

Адресъ мой: Крѣпость Кронштадтъ, Осокина площадь, уголъ Сѣвернаго бульвара, д. Дьячкова, кв. № 1 Красовскаго.

С. Н.

Къ А. Н. Плещееву.

29-го марта 1883 г.

Давно не писалъ я вамъ, дорогой Алексѣй Николаевичъ; давно не получалъ я отъ васъ вѣсточки, а между тѣмъ какъ обрадовала бы она меня въ моемъ кронштадтскомъ захолустьѣ, гдѣ все „бѣдность да бѣдность, да несовершенства жизни“! Сегодня я намѣренъ искупить свою вину передъ вами и вызвать васъ на отвѣтъ. Прежде всего, разрѣшаете ли вы посвятить вамъ мою белиберду и такимъ образомъ хотя отчасти выразить вамъ мою признательность за то, что вы были моимъ крестнымъ отцомъ на литературномъ поприщѣ? Да и вообще, что̀ такое я написалъ? Хорошо это или дурно? Я о своихъ вещахъ не имѣю своего мнѣнія и думаю о каждомъ своемъ стихотвореніи то, что̀ думаете вы о немъ. Если Мережковскій показывалъ вамъ два мотива, подписанные моимъ именемъ, забудьте эту блѣдную дрянь, а если не показывалъ— не читайте ихъ, ибо они мерзки.

Что̀ вы, какъ вы, что̀ новаго въ литературѣ, „а я, слава Богу, здоровъ“, но живъ ли—не знаю. Въ Кронштадтѣ все попрежнему: тѣ же вечера въ клубахъ, тѣ же люди на вечерахъ.

Что̀ значитъ, что въ „Дѣлѣ“ не является моего стихотворенія? Не нравятся мнѣ ни Боровиковскіе романсы, ни его пыльный поэтъ изъ черныхъ дней съ своей анахронической лирой. Банально! Максима Бѣлинскаго повѣсть, по-моему, въ деталяхъ не дурна, а въ общемъ—швахъ. Особенно курьезна смерть героя; вычурно и неправдоподобно. „Грезы“ въ послѣднее время меня очень сильно занимаютъ,—работалъ я много, извелъ бумаги пропасть, а все-таки есть стилистическіе промахи.

Знакомствъ у меня масса. Около 15-го апрѣля полкъ нашъ совсѣмъ переходитъ въ Петербургъ; тогда увидимся и наговоримся, если вы попрежнему ко мнѣ расположены. Прощайте и ради Бога отвѣчайте поскорѣе.

Весь вашъ С. Н.

Апрѣль 1883 г.

Съ понятнымъ уныніемъ, дорогой Алексѣй Николаевичъ, берусь я за перо, чтобы отвѣчать вамъ. Между строками вашего письма я прочелъ то, о чемъ вы, по врожденной вамъ добротѣ и мягкости, не хотѣли мнѣ

говорить: въ самомъ дѣлѣ, временно или навсегда, но талантъ мнѣ измѣняетъ. Да и былъ ли талантъ? Дѣтство мое сложилось несчастливо, всюду и всегда мнѣ приходилось довольствоваться послѣдней ролью, а я чувствовалъ, что я не хуже другихъ, и вотъ чувство боли и несправедливости, контрастъ между жизнью и грезами вызвали изъ души нѣсколько правдивыхъ звуковъ, и искорка была принята за священный огонь. Недаромъ я всегда такъ недовѣрчиво въ глубинѣ души относился къ похваламъ и спрашивалъ себя: „за что?"

„Грезы" мои—дрянь; это для меня ясно; дрянь и философское стихотвореніе, а о тѣхъ двухъ мотивахъ я не говорю. Да и немудрено; все это пѣсни мертваго сердца,—сердца, въ которомъ ни грезъ, ни вѣры, ни желаній, и которое все-таки физически живетъ и по привычкѣ хочетъ высказаться.

Не вѣрьте вообще моимъ „свѣтлымъ" пѣснямъ,—онѣ пишутся, чтобы увѣрить самого меня въ томъ, что не все вокругъ и во мнѣ безотрадно и темно. Я ими, по выраженію Гейне, разгоняю свой собственный страхъ и отчаяніе. Гроза на зарѣ моей жизни разбудила меня раньше, чѣмъ моихъ сверстниковъ—мудрено ли, что вначалѣ я шелъ впереди ихъ? Но я же раньше и состарѣлся, чѣмъ они, раньше и усталъ.

Вы недоумѣваете, какимъ образомъ все это я вычиталъ между строкъ вашего письма. Я вамъ скажу: во-первыхъ, я не вѣрю въ то, что цензура не пропустила двухъ моихъ стихотвореній у Станюковича; это не можетъ быть: въ нихъ ничего нѣтъ, а онъ просто не захотѣлъ ихъ печатать, какъ вещи слабыя. Не взялъ же Щедринъ „философскаго" стихотворенія! Что же касается „Грезъ", — то, во-первыхъ, онѣ холодны, во-вторыхъ—длинны, въ-третьихъ—блѣдны и въ-четвертыхъ—вамъ самому не нравятся, и вотъ почему вы совѣтуете послать ихъ въ ***. Вы, конечно, знаете, что художественныя соображенія всегда неизмѣримо выше для меня матеріальныхъ, и что я готовъ скорѣе печатать вовсе безъ гонорара, чѣмъ не на „видномъ мѣстѣ". Пусть лежатъ.

Мережковскому я писалъ потому, что онъ мнѣ прислалъ полное отчаянія письмо; вообще, онъ мой братъ по страданію: у насъ съ нимъ есть на душѣ одно общее горе, и я радъ былъ бы, если бъ могъ хоть немножко его поддержать.

До свиданья, дорогой Алексѣй Николаевичъ. Не разувѣряйте меня изъ доброты въ томъ, что истинно. Я порядочно-таки разстроенъ и о пустякахъ моего прозябанія писать не буду теперь. Прощайте, не забывайте меня письмами. Я всегда часы считаю, когда жду отъ васъ отвѣта.

1883 г.

Пишу вамъ, дорогой Алексѣй Николаевичъ, въ 11-мъ часу вечера, порядочно усталый и разстроенный (?) разной галиматьей. Вы, конечно, догадались, что мое письмо не отвѣтъ на ваше и только случайно на-

чинается одной и то же мыслью; это меня радуетъ, такъ какъ доказываетъ, что души наши звучатъ въ одинъ тонъ. „Грезы“ мнѣ очень не хотѣлось печатать теперь, такъ какъ я ихъ передѣлываю и сокращаю, хотя и не спѣша,—ибо онѣ мнѣ немного прiѣлись, и надо дать имъ полежать. Одинъ изъ ὀбразовъ, за которые вы меня хвалите—увы!—не мой, а украденъ мною изъ „Кузнечика-музыканта“, какъ я недавно случайно убѣдился:

...Тихо раздвигая
Облака, вставала зорька золотая...

Но зато „крылья серафимовъ“—мои. Поэтому въ передѣлкѣ я первый образъ выпустилъ.

Чтὸ вы скажете о новомъ лирическомъ стихотворенiи? Можетъ ли оно итти? Мнѣ кажется, мысль его правдива. Форма не блеститъ,—да я не имѣлъ и времени о ней особенно позаботиться, а тонъ, кажется, вѣрный, искреннiй. Голубчикъ Алексѣй Николаевичъ, пришлите мнѣ, если это васъ не затруднитъ, ваши юмористическiе стихи Вейнбергу. На музу, какъ я вижу, вы вообще жалуетесь напрасно: а „Богъ сна“, а переводы для журнала Вейнберга и наконецъ эти послѣднiе стихи? Пусть она женщина, но вспомните „Мазепу“ Пушкина. О Фругѣ имѣю сообщить вамъ, что не знаю почему, несмотря на явную красоту стихотворенiя, оно меня не трогаетъ и ничего душѣ не говоритъ; чтὸ же касается ὀбразовъ, то нѣкоторые невольно напоминаютъ мнѣ столь излюбленный Иваномъ Леонтьевичемъ стихъ Минскаго: „Колонны спятъ, какъ точно дѣти“. Судите сами:

И ты явилась мнѣ въ сiяньи золотомъ,
Въ вѣнкѣ изъ алыхъ розъ, въ одеждѣ серебристой,
Вечерней звѣздочкой на небѣ голубомъ,
Голубкою невинною и чистой!..

(Это говорится о музѣ).

Итакъ, муза явилась ему въ золотомъ сiяньи и серебристой одеждѣ (не слишкомъ ли много драгоцѣнныхъ металловъ?), вечерней звѣздочкой или голубкой—въ вѣнкѣ изъ розъ! Звѣздочка или голубка въ вѣнкѣ? Головной уборъ нѣсколько странный, по-моему. Я не говорю уже о нѣкоторыхъ тонкостяхъ: слишкомъ часто на слишкомъ короткомъ пространствѣ повторяется красивое слово „вечернiй“ (Бѣгутъ огней вечернихъ переливы“). Да и вообще этотъ стихъ, долженствующiй намекать на краски потухающаго дня, не ясенъ, такъ какъ можетъ быть понятъ въ другомъ смыслѣ. Третья строчка приведеннаго у меня куплета кончается словомъ „голубкомъ“, а слѣдующая начинается „голубкой“; „звуки *покатились* струей“—тоже, по-моему, некрасиво. Но главное — сама мысль мнѣ чужда, или я ея не понялъ. Вообще реальной подкладки, выхваченнаго изъ жизни и перечувствованнаго—нѣтъ, а красивые образы нагорожены немножко нерасчетливо и небрежно. Это красивая риторика, Немировичъ-Данченко высшаго полета.

Не знаю, что написать вамъ о моихъ сердечныхъ дѣлахъ: хаосъ страшный и во мнѣ и въ моихъ отношеніяхъ. Я самъ не знаю, насколько серьезно мое чувство, и думаю, что все это сведется на нѣтъ, на забвеніе другъ друга до новой вспышки. Боюсь и еще одного, — боюсь прійти по отношенію къ героинѣ моего романа къ тому печальному выводу, къ которому пришелъ Jean Leontieff относительно женщинъ вообще: это именно касательно цинизма. Были кой-какія данныя; зато съ сестрой ея я положительно большой пріятель: славная, честная дѣвушка, съ хорошими стремленіями и хорошимъ сердцемъ.

Кстати, не будете ли вы такъ безконечно добры оказать мнѣ маленькую услугу: узнайте у кого-нибудь (вы много разнаго народа встрѣчаете), что такое учительская семинарія, что надо для поступленія въ нее, какая въ ней плата, чему она учитъ и какія права даетъ. Я буду вамъ очень обязанъ. Сегодня пришелъ къ намъ изъ Питера первый пароходъ. Слѣдовательно на-дняхъ и я прибуду въ Питеръ—по крайней мѣрѣ постараюсь прибыть. Мнѣ нужно съ вами обо многомъ посовѣтоваться. М*** возьмите, Алексѣй Николаевичъ, — онъ вовсе не требователенъ, за это я вамъ ручаюсь, а время, проведенное имъ у васъ, спасетъ его отъ мертвечины его домашней обстановки.

Что вы рѣшили насчетъ моей „философіи“? Посылать или нѣтъ въ „Русскую Мысль“? Хочу, пріѣхавъ въ Петербургъ, усиленно хлопотать о переводѣ. Да, въ Питеръ... въ самый разгаръ жизни и мысли, а не киснуть здѣсь.

А. Я. Мокѣевой.

1883 г.

Посланіе ваше, многоуважаемая сестра наша Анна, нами получено. Излагаемъ вамъ отвѣтъ на оное. Прежде всего за поздравленіе благодаримъ, а въ томъ, что оно опоздало, поводовъ для грознаго нашего гнѣва не видимъ и пребываемъ къ вамъ постоянно благосклонными. За желаніе намъ успѣха — тоже благодаримъ, что же касается до выкидыванія изъ головы нашихъ плановъ, съ недоумѣніемъ пожимаемъ плечами. Небезынтересно бы знать, что называете вы дѣльнымъ и что бездѣльнымъ? Тоже хотѣлось бы знать и о томъ, что въ моихъ планахъ кажется вамъ спутаннымъ? Дѣло, кажется, очень просто: во-первыхъ, военная служба мнѣ вообще не по душѣ, во-вторыхъ, она мнѣ особенно не по душѣ въ наше время (по причинамъ, о которыхъ умалчиваю), и въ-третьихъ, она, не обезпечивая меня съ матеріальной стороны, въ то же время мнѣ мѣшаетъ заниматься, какъ слѣдуетъ, литературой. Отсюда ясно, что эту самую военную службу надо по-боку. Если вы примете къ тому же во вниманіе мое здоровье, то авось и вы это поймете. Но бросать военную службу можно только тогда, когда вмѣсто нея я что-нибудь найду и смогу обставить свою жизнь получше,

чѣмъ въ маленькомъ, гниломъ городишкѣ и въ здѣшнемъ армейскомъ полку. Нельзя, однако, найти что-либо, не поискавъ; нельзя тоже, сидя въ Кронштадтѣ, искать мѣсто въ Петербургѣ. Отсюда ясно, что прежде всего мнѣ бы хотѣлось перевестись въ Петербургъ, все-таки имѣя въ виду отставку; а если мнѣ представится возможность выйти въ отставку и прямо безъ перевода, то это, конечно, самое лучшее. Дядя надъ моими планами можетъ смѣяться, сколько хочеть, мнѣ до его смѣха дѣла нѣтъ. Онъ устроилъ мою жизнь такъ, какъ онъ находилъ лучше, не сообразуясь съ моими личными желаніями, характеромъ и здоровьемъ. За прошлое я ему очень благодаренъ, но теперь я вижу себя въ необходимости перейти на другой путь и дѣйствовать безъ его вмѣшательства. Выйдеть изъ этого что-нибудь или нѣтъ — дѣло темное. И въ томъ и въ другомъ случаѣ—виноватъ буду я одинъ. Вотъ вамъ мои планы. Какое мѣсто я получу—неизвѣстно; за меня хлопочуть опредѣлить меня и городскимъ учителемъ, и въ театръ, и въ какой-то банкъ. Кромѣ того, я намѣренъ еще, если позволятъ обстоятельства, жениться. Пишу это вамъ подъ условіемъ строжайшаго секрета. Въ вашей власти теперь доказать мнѣ, могу ли я вамъ довѣрять или нѣть, и какого рода отношенія должны остаться между нами. На комъ и когда я хочу жениться,—объ этомъ пока говорить не будемъ,—дѣло далекое. Ну-съ, теперь вамъ мои намѣренія извѣстны,—что же въ нихъ для васъ оскорбительнаго?..

Извѣщаю васъ еще, сестра Анна, что никакого мнѣ подарка не нужно, и что я просто не приму его,—такъ и знайте! Что за подарки такіе? Копите лучше денежку на черный день. Что же касается того, что вы мнѣ не прислали вашей карточки, то знайте, что это меня, не шутя, обижаетъ и сердитъ. Постарайтесь исправить этотъ грѣхъ и пришлите вашу физію съ отвѣтомъ на это письмо. Когда я самъ буду въ Петербургѣ, сообщить навѣрное вамъ не могу, —дорога убійственная. Прошлый разъ я пробылъ на пароходѣ во льду 7 часовъ. За опозданіе изъ отпуска мнѣ попало, — но очень немного. Впрочемъ, такъ или иначе, а въ Питеръ мнѣ попасть необходимо по дѣламъ объ отставкѣ. Здоровье мое ничего себѣ. Попрежнему участвую въ разныхъ спектакляхъ и устраиваю въ полку музыкально-литературно-танцовальные вечера. Да не покажется вамъ тонъ этого письма слишкомъ холоднымъ, — я въ любви объясняться вообще не люблю и не умѣю. Вамъ это впослѣдствіи подтвердить и... ну, хоть и ***. Вообразите, какой со мной произошелъ скандалъ! *Она* была у насъ въ клубѣ, съ матерью и старшей сестрой, на балу. По окончаніи бала я поѣхалъ ихъ провожать: мать сѣла со старшей дочерью, а я съ *ней*. По дорогѣ отъ скуки мы вздумали цѣловаться,—а городовой, болванъ, выпучилъ глаза, стоитъ, смотритъ, да еще мнѣ честь отдаетъ! Попался!.. Ну, да это не бѣда.

На балахъ у насъ вообще бываетъ очень весело: вотъ бы вамъ пріѣхать какъ-нибудь, хоть съ Дарьей Васильевной. У меня бы и переноче-

вали, я бы вамъ все устроилъ. Кстати, видите ли вы Дарью Васильевну? Поклонитесь ей отъ меня, пришлите мнѣ ея адресъ и скажите ей, что пламенной душою... тьфу, не то, — что я ее ужасно уважаю. Да-съ!.. больше всѣхъ!.. Т.-е. почти больше всѣхъ!..

До свиданья-съ, цѣлую васъ несчетное число разъ и кланяюсь вамъ до земли. Съ моей стороны починъ откровенности и добрыхъ отношеній сдѣланъ, — отъ васъ зависитъ продолжать; а для сего необходимо: во-первыхъ—моимъ планамъ всякаго рода сочувствовать, во-вторыхъ—отвѣтами на письма не медлить, въ-третьихъ — подарковъ мнѣ не дарить. въ-четвертыхъ — держать языкъ за зубами и то, что̀ я вамъ пишу, другимъ не разсказывать, въ-пятыхъ—уважать и любить Дарью Васильевну, въ-шестыхъ — познакомясь, полюбить М., въ-седьмыхъ—нотацій мнѣ не читать и въ-восьмыхъ — прислать мнѣ вашу карточку. Если вы на сіи пункты согласны, мнѣ остается только мысленно поцѣловать васъ и поблагодарить Бога за хорошую сестру. Жду отвѣта.

Вашъ братъ

С. Надсонъ.

А. Н. Плещееву.

6-го мая 1883 г.

Голубчикъ Алексѣй Николаевичъ, съ невыразимымъ ужасомъ пишу вамъ это письмо. Стояли ли вы когда-нибудь лицомъ къ лицу со смертью? А я стою. Жить просто невыносимо. Мы съ Абрамовымъ какъ оглянулись да подвели итоги нашему „армейскому году“, приподнявъ, кстати, и завѣсу будущаго, — такъ оба пришли въ страшное отчаяніе. Что̀ жъ, въ самомъ дѣлѣ, будетъ дальше? Вѣдь тутъ въ Кронштадтѣ задохнуться можно. Я не хочу медленной нравственной смерти, постояннаго опошливанія — и въ такія минуты у меня хватитъ отваги кончить съ собой. Ничего въ душѣ и ничего впереди,—это на зарѣ-то жизни! Писать въ безвоздушномъ пространствѣ невозможно, а служба—развѣ это дѣло?

Сегодня, между прочимъ, получилъ письмо отъ сестры, что дядя разсердился на то, что я не ѣду. Заодно же узналъ, что въ юридическую академію могу поступить не черезъ три, а черезъ четыре года службы въ строю; а четыре года въ Кронштадтѣ—этого я не переживу. Четыре года смерти въ такое горячее время, когда, и со стороны-то глядя на родину, духъ захватываетъ! Готовъ цѣловать ручки хоть у чорта, готовъ итти хоть въ трубочисты, но только бы на воздухъ, на свѣтъ, въ Петербургъ. Что̀ дѣлать, научите!..

Ваше молчаніе мнѣ непостижимо: неужели я не сто̀ю отвѣта? Или у васъ въ Питерѣ что-нибудь стряслось? Я читалъ въ газетахъ что-то странное о Щедринѣ, намѣренъ онъ, кажется, *поселиться (????)* въ Тифлисѣ. Говорятъ о какихъ-то сказкахъ. Что̀ все сіе означаетъ?

Для меня этотъ пріѣздъ въ Питеръ будетъ *все*,—жизнь или смерть! Во-первыхъ, я долженъ хоть умерѣть, да выбраться отсюда (но какъ, какъ?); во-вторыхъ, я долженъ кончить съ одной страшной тяжестью, толкающей меня къ *неизбѣжной* и *скорой* могилѣ... Что здѣсь осуществится — не знаю, но знаю только, что это послѣдняя попытка; я слишкомъ измученъ и страдаю, конечно, невозможно. Порою даже какъ-то не вѣришь себѣ: все кажется, что не живешь, а читаешь книгу о чужихъ страданіяхъ!

Какъ манны небесной, жду отвѣта отъ васъ. Да нельзя ли что-нибудь устроить „матеріальное" съ послѣднимъ стихотвореніемъ? Деньги нужны; часы я давно заложилъ, — и вотъ причина, почему, главнымъ образомъ, дома я не показываюсь: дядя, проживающій самъ больше десяти тысячъ въ годъ, начнетъ мнѣ очень ясно доказывать, что я на мои шестьсотъ долженъ существовать съ полнымъ комфортомъ. Если не отвѣтите, значитъ, и вы отъ меня отвернулись, и я утопаю себя.

Дорогой мой, мой единственный свѣтъ въ жизни, прощайте и отвѣчайте скорѣе!

Май 1883 г.

Милый Алексѣй Николаевичъ, благодарить васъ за ваше участіе ко мнѣ было бы съ моей стороны смѣшно, такъ какъ тутъ дѣло не словъ, а чувства, словамъ не поддающагося. Ужъ не во снѣ ли я вижу ваши письма? Не вѣрится какъ-то, не привыкъ я. И какъ вамъ не надоѣстъ со мною возиться!

Я знаю, что мои слова о „могилѣ" для васъ непонятны, но пока я не въ правѣ вамъ ихъ объяснить. Попытаюсь выкинуть еще одинъ фортель; не удастся—тогда я погибъ.

Полкъ нашъ придетъ въ Питеръ 24-го. „Грезы" я отложилъ. Вообще мнѣ очень не до писанія, — надо спасать свою шкуру. Усталъ я ужасно отъ непрерывной, тайной, никому не видной борьбы, отъ постояннаго отчаянія и страха!..

1883 г.

Тысячу разъ вамъ спасибо, милый Алексѣй Николаевичъ, за ваши хлопоты и заботы обо мнѣ. Моя просрочка печальныхъ результатовъ не имѣла, а застрялъ я потому, что не получаю до сихъ поръ никакого извѣстія отъ Черторoева, изъ чего заключаю, что Рейеръ не свободенъ. Живу я здѣсь не безъ приключеній и очень часто принимаю у себя петербургскихъ гостей: на-дняхъ у меня были двѣ Абариновы и черезъ нѣсколько времени двоюродный братъ. Рецензію понемножку строчу. Новую книжку „Записокъ" еще не видалъ. Отъ Х—вой я получилъ письмо съ просьбой участвовать въ „Еженедѣльномъ Обозрѣніи", на

которое и не замедлилъ вѣжливо отвѣтить. Здоровье мое ни шатко, ни валко, ни на сторону. Отъ Абариновой узналъ, что отецъ мой умеръ, будучи сумасшедшимъ. Отъ матери въ наслѣдство - чахотка, а отъ отца—„черная меланхолія“ Что же это 6 деть. въ особенности, если, по незабвенному выраженію Случевскаго, „Дарвинъ не вретъ“? Началъ писать одну штучку. съ намѣреніемъ тиснуть оную въ „Еж. Об.“; не знаю, выйдетъ ли. Вообще состояніе духа удовлетворительное, а въ моментъ полученія вашего письма и слѣдующіе за онымъ — возвышенное, просвѣтленное и умиленное Былъ въ театрѣ, смотрѣлъ Зазулинцевъ. Болѣе деревянной группы я въ жизнь не видѣлъ. Особенно хорошъ былъ какой-то А. — поворотливъ, какъ столбъ. Madame Абаринова была хороша, а дочь—такъ себѣ. Абаринова говоритъ, что бесѣдовала обо мнѣ съ Вейнбергомъ, Ватсономъ и Пальмомъ — и всѣ они отзывались обо мнѣ весьма хорошо.

Аннѣ Яковлевнѣ Мокеевой.

2 іюля 1883 г.

Пишу тебѣ, главнымъ образомъ, потому, что этого хочетъ Дарья Васильевна, такъ какъ я на тебя, собственно говоря, сердитъ. Доброправовой пишешь каждый день, а больному брату написать не можешь,— не похвально. Ничего не могу тебѣ сообщить насчетъ себя веселаго и утѣшительнаго: лежу въ постели, скука смертная, не могу двинуться безъ страшной боли, и, главное, мнѣ кажется, что Чертороевъ не понимаетъ, что со мной,—возится съ пустяками, а на главное, что меня безпокоитъ, не обращаетъ вниманія и только говоритъ: „не падайте духомъ“ Ужасно утѣшительно, нечего сказать!

Что мнѣ написать тебѣ о своемъ времяпрепровожденіи? Читаю, играю на дудкѣ (на скрипкѣ—увы!—не могу), бранюсь съ денщикомъ, который въ Петербургѣ поглупѣлъ на девяносто процентовъ, изучаю обои въ комнатѣ, да любуюсь на стѣну дома, торчащаго передъ окномъ. Изрѣдка меня навѣщаютъ товарищи и литераторы, спасибо имъ. Когда поправлюсь, неизвѣстно, — Чертороевъ говоритъ, что все это можетъ затянуться и на недѣлю и на двѣ. Онъ пугаетъ меня въ будущемъ операціей, но пусть разочаруется: рѣзать себя я не позволю. „Это, говоритъ, пустяки, надо только въ двухъ мѣстахъ перевязать жилу“. Хороши пустяки!

Больше писать не о чемъ, да лежа и неудобно. Прощай; кланяйся отъ меня всѣмъ вашимъ. Желаю вамъ всѣмъ веселиться, а мнѣ пожелайте выздоровѣть и удрать отъ Чертороевской рѣзни, которая вовсе мнѣ не по душѣ.

Твой братъ С. Надсонъ.

Д. С. Мережковскому.

1883 г.

Пользуюсь случаемъ, дорогой другъ, пожелать вамъ еще разъ, наканунѣ вашего отъѣзда, всего хорошаго,—здоровья, творческихъ впечатлѣній, душевнаго мира... Я полагаю, что было бы хорошо, если бы вы мнѣ написали оттуда раза два-три: я бы вамъ отвѣтилъ съ образцовой аккуратностью. Прощайте, ѣдьте (?) веселѣе и дышите тамъ свободнѣе.

Вашъ С. Надсонъ.

Написано и отправлено 24-го марта 1883 г.

Отвѣчаю вамъ сейчасъ же по полученіи вашего письма и прежде всего предлагаю на ваше усмотрѣніе слѣдующій трактатъ, съ тѣмъ, чтобы намъ уже принять и утвердить его въ нашей перепискѣ до тѣхъ поръ, пока стоитъ русская земля: 1) никогда въ письмахъ не стѣсняться ни почеркомъ, — ибо это внѣшность, — ни безпорядочностью содержанія, — ибо письма эти дружескія, и пишется то, что хочется написать, 2) сентиментальностей не бояться,—ибо неизвѣстно, гдѣ онѣ граничатъ съ высокимъ чувствомъ, и 3) — собственно для меня — не обращать вниманія на мою, иногда странную ороографію, — ибо я съ каждымъ днемъ начинаю дѣлать все болѣе и болѣе ошибокъ. Послѣднее „ибо“ — не логично, но и къ логикѣ строго тоже не слѣдуетъ придираться, ибо человѣкъ — созданье крайне нелогичное.

Нашелъ еще и четвертый пунктъ: вы извиняетесь въ томъ, что пишете только о себѣ. Сіе нехорошо, ибо знаменуетъ, что вы мало вѣрите въ мою дружбу. Очевидно, что, если мы и вправду друзья,—меня должно серьезно интересовать все, что съ вами дѣлается.

Засимъ перехожу собственно къ письму. Вы, можетъ-быть, только на одинъ день предупредили меня,—я самъ вамъ со дня на день собирался писать. Матеріала накопилось порядочно. Во-первыхъ—я опять чувствую себя совершенно больнымъ. Когда еще былъ здоровъ, я встрѣтился и познакомился съ Гаршинымъ. Онъ произвелъ на меня очень благопріятное впечатлѣніе: кажется, онъ — большая умница и несомнѣнно талантливъ. Болѣзнь лишила меня возможности съ нимъ видѣться, а приглашать его къ себѣ я не хочу, вѣрнѣе — боюсь, не зная, какое впечатлѣніе произвелъ я на него. Милый Алекс. Ник. *) возится со мною, какъ съ сыномъ, часто заѣзжаетъ, притащилъ своего доктора, носитъ мнѣ книги, сидитъ со мною и мечтаетъ о томъ, чтобы вырвать меня изъ Кронштадта,—но—увы!—Богъ вѣдаетъ, когда осуществятся эти „грезы“. Что же касается до другихъ, извѣстныхъ вамъ „Грезъ“,— то имъ надлежитъ появиться, по моимъ предположеніямъ, въ сентябрѣ.

---

*) Плещеевъ, поэтъ.

Сообщаю вамъ кстати нѣсколько литературныхъ новостей: толкуютъ подъ секретомъ о смягченіи участи одного извѣстнаго писателя Ч. Подробнѣе не пишу, ибо нельзя. В. Крестовскій (псевдонимъ) написалъ новую повѣсть, говорятъ, очень талантливую, которая тоже, вѣроятно, будетъ въ сентябрьской книжкѣ „От. Записокъ". Гаршинъ написалъ двѣ повѣсти для „О. З.". Пріѣхалъ изъ Бендеръ Леонтьевъ (Щегловъ). Умеръ Коршъ. Минскій и Позняковъ уѣхали въ деревню, а Станюковичъ и Салтыковъ — за границу. Въ редакціи „О. З." имѣются четыре стихотворенія Фруга — плохія. Два стихотворенія Яхонтова — мерзкія. Въ „Наблюдателѣ" напечатана прозаическая повѣсть Полонскаго „Галлюцинатъ", — такъ себѣ. Самъ „Яковъ, братъ Господень", теперь въ Одессѣ. Послѣднее: несмотря на мерзкое состояніе духа, вашъ покорный слуга написалъ небольшое стихотвореніе, которому надлежитъ быть въ августѣ въ „О. З.", которое онъ для наглядности ниже прилагаетъ. Кстати, о своей литературной дѣятельности вы пишете слишкомъ мелькомъ,—я рѣшительно ничего не знаю, что̀ вы пишете теперь и что̀ уже написали. Изъ вашего письма я вижу только, что̀ вы „полны солнцемъ", — употребляю выраженіе Сюлли Прюдома, котораго теперь пытаюсь читать въ оригиналѣ.

Засимъ мое произведеніе:

„Неужели сейчасъ еще бархатный лугъ..." и т. д. Напишите, нравится ли вамъ или нѣтъ? На вашъ вопросъ объ ораніенбаумскихъ пажитяхъ отвѣчаетъ то обстоятельство, что я лежу въ постели, и сколько еще пролежу, небу извѣстно. По выздоровленіи, по настоянію доктора, я беру на мѣсяцъ отпускъ. Мѣсяцъ этотъ, вѣроятно, проведу на дачѣ дяди, въ Любани. Зиму поневолѣ придется опять провести въ Кронштадтѣ, какъ это мнѣ ни плачевно.

Развлеченія: созерцаніе стѣнъ, игра на дудкѣ, визиты друзей.

Искусства: по воскресеньямъ — гармоника и пѣніе на дворѣ, „ежедневно" — фортепіанныя гаммы.

Чтенія—разнородно: газеты, журналы, поэзія, политика и пр. и пр.

Природа: два горшка резеды на окнѣ, ягоды, салатъ.

Не богато.

Пишите мнѣ, милый другъ, если не полѣнитесь. Отвѣчать буду аккуратно, а пока — крѣпко жму вашу руку и остаюсь страдать на одрѣ болѣзни. Засвидѣтельствуйте мое почтеніе вашимъ роднымъ.

Вашъ „Горацiо" С. Надсонъ.

P. S. Когда вы возвращаетесь?

Алексѣю Николаевичу Плещееву.

1883 г.

Недоставало еще, милый и дорогой Алексѣй Николаевичъ, чтобы судьба сыграла со мной еще одну послѣднюю штуку, — чтобы оказалось, что надежды, возбужденныя мною, — пустой миѳъ, и что таланта

у меня нѣтъ. А къ этому, кажется, клонится; прежде были радушіе и привѣтъ отовсюду, — теперь звучатъ уже другія ноты. А что я безъ таланта? Самая глубокая, самая жалкая толпа,—и я не вынесу такого поруганія надъ моими стремленіями. Меня удивилъ вашъ отзывъ о послѣднихъ моихъ стихахъ: часто, посылая вамъ что-нибудь, я очень сильно сомнѣвался въ посланной вещи, — но послѣднее стихотвореніе я цѣнилъ; мнѣ казалось, что я высказался и горячо, и сильно, и образно, — конечно, сравнительно. Что стихи, помѣщенные въ „Отеч. Запискахъ"? Не слыхали ли мнѣнія о нихъ? Ради Бога, напишите правду и не обманывайте меня для меня. Что касается вашихъ колебаній, ѣхать или нѣтъ, я предоставлю слово посланному,—С., распорядителю вечера 25-го числа. Онъ сообщитъ вамъ, что и фрака вовсе не нужно, и что дорога далеко не такова въ это время года, какъ вы думаете. Однимъ словомъ, я живу надеждой васъ видѣть. „Искорку" играю по печатнымъ экземплярамъ. Идетъ весьма порядочно. Не отказывайте же мнѣ въ удовольствіи сыграть въ вашей пьесѣ при васъ. Вѣрьте, весь вечеръ держится вашимъ именемъ, и васъ заранѣе ждетъ цѣлый Кронштадтъ. То, что вы пишете о моемъ „увлеченіи", — не совсѣмъ такъ. Если бы не рефлексія, я бы, конечно, влюбился. Пріѣзжайте, я обѣщалъ познакомить ихъ съ вами, и они заранѣе восхищаются.

Милый Алексѣй Николаевичъ, чѣмъ же кончится моя стихотворная карьера? Пусть, конечно, лаетъ... моя тетенька, вдохновляемая великою тѣнью Каткова, — но, въ самомъ дѣлѣ, есть ли у меня талантъ? Послѣдніе стихи переждите отдавать куда-нибудь, — мнѣ хотѣлось бы раньше съ вами о нихъ переговорить. Въ чемъ хромаетъ ихъ форма? Я большой педантъ въ этомъ отношеніи.

Февраль или мартъ 1884 г.

Голубчикъ Алексѣй Николаевичъ, обрѣтаюсь въ весьма подломъ настроеніи духа: человѣкъ бо есмь и ничто человѣческое мнѣ не чуждо,— въ томъ числѣ и сомнѣнія и нерѣшимость. Страшно бросать извѣстное на неизвѣстное. Повидайте М. В., — не сообщитъ ли она чего-нибудь утѣшительнаго. Напишите хоть нѣсколько словъ, а то мнѣ весьма невесело. Насчетъ отставки думаю такъ: выходить!.. Будь, что будетъ: съ голоду, говорятъ, не умираютъ. Посылаю вамъ рецензію. Она вышла довольно блѣдной, ибо самъ поэтъ изъ заурядныхъ. Не наклюнется ли еще какая-нибудь работа? Былъ бы несказанно радъ. Съ нетерпѣніемъ жду отъ васъ отвѣта.

Г-жѣ N. N.

Кронштадтъ, 1-го марта 1884 г.

Глубокоуважаемая NN.

Случилась оказія! Мережковскій, вѣрный своему слову, былъ у Семеко даже раньше назначеннаго часа и все-таки не засталъ его дома. Ему оставалось одно: оставить у Семеко мое прошеніе, письмо и карточку О. К. и отретироваться, что онъ и сдѣлалъ. Теперь вопросъ вотъ въ чемъ: подвинулось ли хоть на шагъ впередъ мое дѣло или, благодаря моей безалаберности, оно проиграно окончательно? Въ послѣднемъ случаѣ я попросилъ бы похлопотать о мѣстѣ корректора у Ландау и подалъ бы въ отставку, ибо здоровье мое расклеивается съ каждымъ днемъ, и я начинаю наконецъ сознавать неотложную необходимость лѣчиться, чтобы отдалить отъ себя „блаженство небытія", какъ выражаются поэты.

Знаете ли, на какомъ странномъ желаньи я поймалъ себя недавно? Я хотѣлъ бы, чтобъ ваши хлопоты никогда не увѣнчались успѣхомъ и вѣчно бы тянулись: мнѣ такъ ново, такъ хорошо и дорого сознавать, что обо мнѣ заботятся и относятся ко мнѣ съ участьемъ. Выйдетъ ли или не выйдетъ изъ этого что-либо положительное — вопросъ второстепенный; я такъ усталъ, что даже сильно желать чего-нибудь не въ состояніи; лишь бы знать, что не одинъ на свѣтѣ, что кому-нибудь дороги мои интересы. Есть у меня еще одна странная мысль, которая меня смущаетъ. Примите въ ней мое покаянье: если О. К. хлопочетъ за меня, то, конечно, не ради меня, какъ человѣка, а ради меня, какъ *поэта*, нѣчто обѣщающаго. А вдругъ я этихъ обѣщаній моихъ не выполню? А вдругъ окажется, что я бездарность, или что у меня былъ талантъ, да „весь вышелъ"? За что же, по какому праву беру я то, на что, въ сущности, права не имѣю? Однако довольно. Я тоже не имѣю права дѣлать васъ свидѣтельницей моихъ самоугрызеній. До свиданья. Кланяюсь многоуважаемому Э. К., Л. Э. и моему доброму другу Васькѣ*).

Съ нетерпѣніемъ жду вашего отвѣта.

Безконечно благодарный вамъ

С. Надсонъ.

Мой адресъ: Уголъ Владимирской и Козельскаго, д. наслѣдниковъ Никитина, кв. № 1 капитана Григорьева, мнѣ.

27-го марта 1884 г. Кронштадтъ.

Я пишу къ вамъ, дорогая N. N., не потому, что мнѣ это надобно, а потому, что *хочется*. Сидѣлъ я за своимъ письменнымъ столомъ съ твердымъ намѣреніемъ разбирать Минскаго, и вдругъ, Богъ знаетъ почему, меня охватило такое чисто-дѣтское желаніе побесѣдовать съ вами, что я отодвинулъ тетрадь, взялъ листъ почтовой бумаги и сижу надъ нимъ. Бываютъ такія минуты, когда сильнѣе чувствуешь прошлое, чѣмъ чув-

*) Котъ.

ствовалъ его, когда оно было настоящимъ,—именно это и приключилось со мной: меня вдругъ, не знаю почему, охватило воспоминанье о васъ, о вашемъ задушевномъ участіи ко мнѣ, и мнѣ захотѣлось это вамъ высказать. Если бы я былъ въ Петербургѣ, я бы пришелъ къ вамъ, теперь я только ограничиваюсь писаньемъ. Растолкуйте мнѣ, какъ вы умудряетесь такъ относиться къ людямъ? Не говорите, чтобы такія отношенія были „въ порядкѣ вещей“, что съ вашей стороны тутъ нѣтъ никакой особенной заслуги, не говорите этого, потому что это неправда. Я знаю, что̀ такое понимаютъ подъ выраженіемъ „любовь къ человѣчеству“, знаю, какъ люди *любятъ* одинъ другого. Въ большинствѣ случаевъ это просто фарисейство передъ самимъ собою и передъ другими. Вы же возвысились до идѣала любви. Вы поняли, что человѣкъ озлобленный, мнительный, усталый, даже любви боится, даже отъ нея сторонится. Вы поняли, что любить его нужно въ такомъ случаѣ почти *насильно*, почти *противъ его желанія*, не отступая при первомъ его жесткомъ, отталкивающемъ словѣ, не бросая его при первомъ капризѣ. Но, Боже мой, если бы вы знали, какъ такому усталому человѣку иногда неудержимо хочется покапризничать, именно для того, чтобы за нимъ ухаживали, чтобы чувствовать еще живѣе все необычное для него счастье—быть любимымъ. Я не въ первый разъ въ жизни сталкиваюсь съ такого рода любовью: я вамъ разсказывалъ о Дешевовой: она первая дала мнѣ понятіе о такой любви, понятіе отвлеченное, идейное. Узнавъ васъ, я увидалъ его осуществленіе. Много нужно широты души и мысли, чтобы подняться до этого идеала, — вы до него поднялись. Простите кстати и меня за мои капризы, за то нервное состояніе, въ которомъ я однажды находился у О. К., когда она, помните, поѣхала со мною къ Семеко. Мнѣ было тогда и очень неловко и очень хорошо. Мысль, что обо мнѣ такъ заботятся, что я тоже кому-нибудь близокъ, трогала меня чуть не до слезъ. Да я бы и разрыдался, если бъ это продолжалось дольше. А все-таки О. К. не такъ относится ко мнѣ, какъ вы: вы для меня—родная, она — чужая. Это происходитъ оттого, что вы любите меня сердцемъ, она—головой. Она сознаётъ, что это съ ея стороны хорошо, честно и великодушно, — и поэтому любитъ меня. У нея это не непосредственно, какъ у васъ.

Я подалъ просьбу объ освидѣтельствованіи меня. (Не находите ли вы, что послѣ этого моего письма меня необходимо было бы освидѣтельствовать психіатру?). Думаю, что затрудненій съ отставкой не будетъ. Немножко страшно броситься въ водоворотъ жизни наудачу, какъ говорится, „на ура!“—Ну, да будь, что̀ будетъ. До свиданья. Съ вашего разрѣшенья крѣпко жму вашу руку. Дѣло съ довѣренностью по нѣкоторымъ обстоятельствамъ дня на три замедлилось. Кланяюсь глубокоуважаемому Э. К., Л. Э. и противному измѣннику коту Васькѣ.

С. Надсонъ.

P. S. На отвѣтъ не претендую.

Воскресенье, 27-го мая.

Пишу вамъ, дорогая N. N., едва отдохнувъ отъ разныхъ волненій и тревогъ, неожиданно приключившихся со мной: Риттеръ все забылъ и напуталъ. Я полагаю, что если онъ и помнилъ о вашей просьбѣ, свидѣтельствуя меня, то самую просьбу навѣрно перепуталъ, вообразивъ, что вы просили, чтобы онъ призналъ меня здоровымъ, такъ какъ *одинъ онъ* изъ всей комиссіи съ настойчивостью, достойной лучшей цѣли, былъ противъ меня и увѣрялъ, что я могу служить. Дѣлать нечего, пришлось показать имъ и мою больную ногу; но и она произвела эффектъ сравнительно ничтожный: Риттеръ ограничился совѣтами лѣчиться и лечь въ Николаевскій госпиталь, и только заступничество остальныхъ докторовъ спасло меня отъ окончательнаго осужденія меня на каторгу военной службы: они уговорили Риттера отправить меня въ Николаевскій госпиталь, къ доктору-хирургу Вельяминову, съ тѣмъ, чтобы я пролежалъ дней 5 на испытаніи, и чтобы Вельяминовъ далъ свое заключенье. Къ счастью, я вспомнилъ, что прошлымъ лѣтомъ мой докторъ Чертороевъ привозилъ ко мнѣ Вельяминова: въ отчаяньи я тотчасъ же поѣхалъ къ Чертороеву, отъ него, вооруженный его письмомъ, къ Вельяминову, и теперь, кажется, дѣло уладилось: Вельяминовъ отнесся ко мнѣ съ большимъ участіемъ и обѣщалъ дать обо мнѣ отзывъ такого рода, послѣ котораго моя служба невозможна. Отзывъ будетъ формулированъ такимъ образомъ: при настоящемъ состояніи моей ноги я служить не могу. Вылѣчить ногу можно только посредствомъ операціи, но операція по разнымъ причинамъ для меня опасна и слѣдовательно невозможна, — значитъ, меня надо выпустить въ отставку. Все это должно рѣшиться въ будущую субботу, когда мнѣ Риттеръ велѣлъ къ нему опять явиться, Не могу выразить вамъ, какъ я золъ на него и въ какомъ я былъ отчаяньи: въ виду отставки я совершенно распорядился своими дѣлами — и вдругъ все валится! Но теперь, Богъ дастъ, дѣло наладится.

Такъ какъ главнымъ мотивомъ отставки является невозможность операціи при теперешнемъ состояніи моего здоровья, то очевидно, что всѣ мои переговоры съ Кирѣевымъ должны пока кончиться ничѣмъ, ибо въ военный госпиталь къ Богдановскому я уже лечь не могу: еще, чего добраго, онъ меня вылѣчитъ, и отставка тогда погибла. Необходимо раньше мнѣ сдѣлаться частнымъ человѣкомъ. Я думаю рѣшиться на операцію въ концѣ іюля, предъ тѣмъ, какъ совершенно огайдебурюсь, тѣмъ болѣе, что это же самое совѣтуютъ мнѣ Чертороевъ и Вельяминовъ (молодой, талантливый хирургъ, помощникъ звѣря-Рейера), напирая на необходимость для меня поправиться и окрѣпнуть. Если Риттеръ не выдумаетъ еще чего-нибудь, я недѣли черезъ полторы буду свободенъ и уѣду въ отпускъ (т.-е. на дачу) до отставки. Теперь довольно обо мнѣ. Что вы, какъ вы поживаете въ вашемъ Кузовѣ? Хорошъ ли оказался подъ финляндскимъ солнцемъ мордовскій костюмъ, и

чѣмъ кончилась ваша эпопея съ Вольфомъ? (Вольфъ, — вѣдь это въ переводѣ волкъ! По шерсти и кличка). Что подѣлываютъ Э. К. и Л. Э., и благополучно ли совершилъ свое путешествіе Васька, „мой невѣрный другъ“, какъ поется въ одномъ „жестокомъ романсѣ“? Не чувствуетъ ли онъ иногда скорби при мысли о моихъ волосахъ, которые теперь, за дальностью разстоянья, совершенно невозможно лизать и разбирать лапами? Пусть онъ молитъ своего кошачьяго бога о скорѣйшемъ свиданіи со мной.

А. Я. Моктьевой.

Май 1884 г.

Не знаю, право, Нюша, какъ исполнить твое желаніе: я мечусь, какъ бѣлка въ колесѣ, и постояннаго адреса пока не имѣю. Мнѣ представилась возможность въ госпиталь не ложиться, и пока я у тети на Литейной, но въ субботу, когда все рѣшится, уѣду, вѣроятно, на одинъ, на два дня въ Кронштадтъ для окончательнаго ликвидированья тамъ своихъ дѣлъ. Во всякомъ случаѣ, передъ отъѣздомъ на Сиверскую я заверну къ тебѣ. Всего лучше, если ты будешь мнѣ писать на квартиру Плещеева: Спасская, д. № 1, Алексѣю Николаевичу Плещееву для передачи С. Надсону. Поклонись отъ меня Людмилѣ Алексѣевнѣ.

Твой С. Надсонъ.

Госпожѣ N. N.

16-го іюля 1884 г. Сиверская.

Пишу вамъ опять въ минорномъ тонѣ, дорогая, глубокоуважаемая N. N.—и письмо будетъ длинное, ибо судьба рѣшительнѣйшимъ образомъ ставитъ мнѣ на пути свои рогатки.

Видно, мнѣ на поправку здоровья этимъ лѣтомъ нужно отложить попеченіе: столько хлопотъ и непріятностей. Начну по порядку: на этотъ разъ Риттеръ призналъ меня больнымъ, но до сихъ поръ о движеньи моей отставки нѣтъ ни слуху ни духу,—что это значитъ,—понять не могу. На другой же день послѣ вторичнаго моего освидѣтельствованья, прошедшаго все-таки не безъ большихъ хлопотъ для меня, я, не долго думая, уѣхалъ на Сиверскую, къ Алексѣю Николаевичу, гдѣ теперь и нахожусь. Хлопоты были по тому поводу, что меня свидѣтельствовалъ въ госпиталѣ одинъ Вельяминовъ, а не вся комиссія, и что меня посылали туда вторично, вслѣдствіе чего дѣло могло затянуться еще на недѣлю. Но кто-то изъ докторовъ сжалился надо мной и убѣдилъ остальныхъ, что можно ограничиться отзывомъ Вельяминова. Обрадовавшись тому, что дѣло, повидимому, кончено, и узнавъ, что въ Кронштадтѣ, въ приказѣ по полку, отдано о моемъ отпускѣ на двѣ недѣли (на большій срокъ меня не отпускали), какъ я заблаговременно выхлопоталъ это, я уѣхалъ на Сиверскую, а одного изъ моихъ полковыхъ товарищей просилъ

выслать мнѣ по почтѣ отпускной билетъ. Затѣмъ, въ этотъ короткій промежутокъ времени, до 17-го іюня, я получилъ отъ товарища три письма, а самъ написалъ одно, частное, къ командиру полка. Оказывается, что для выдачи мнѣ отпускного билета мой самодуръ-начальникъ требуетъ непремѣнно моей явки въ полкъ, несмотря на то, что въ приказѣ объ отпускѣ моемъ уже отдано (срокъ отпуска истекаетъ завтра, 17-го). Сегодня я получилъ лаконическую телеграмму отъ товарища: „пріѣзжайте немедленно“ — и завтра ѣду въ Кронштадтъ узнать, что еще такое стряслось, и получить билетъ на отпускъ впредь до отставки, если только командиру полка не вздумается меня почему-либо задержать, или если не случилась какая-нибудь новая путаница съ отставкой. Ко всему этому присоединилось временное безденежье. Все это до крайности волнуетъ меня и отравляетъ мнѣ каждую минуту.

Еще очень непріятная вещь. Гайдебуровъ пріѣзжалъ сюда и рѣшительно требуетъ, чтобы я съ іюля принялся за дѣло. Срокъ моего отдыха сокращается такимъ образомъ весьма значительно. Я выхлопоталъ у него по три дня (подъ-рядъ) свободы каждую недѣлю въ іюлѣ и буду ѣздить на Сиверскую, но обойдется это мнѣ очень дорого и будетъ, конечно, хлопотно.

Манкировать же окончательно предложеннымъ имъ мнѣ мѣстомъ я и не хочу, да и не могу: секретарство — самое подходящее и самое интересное для меня занятіе.

Здоровье мое — такъ себѣ. Съ каждымъ днемъ чувствую необходимость операціи. Кашляю. Сегодня ходилъ къ доктору Головину, который тутъ живетъ: прописалъ мнѣ порошки и капли. Къ вамъ думаю пріѣхать тотчасъ же, какъ вырвусь изъ Кронштадта, если только позволятъ финансы (жду гонорара изъ „Недѣли“ за одну стишину). Чувствую *крайнюю необходимость* повидать васъ, отдохнуть съ вами душой, запастись снова бодростью... Дай-то Богъ, чтобы удалось. Да, чуть-было не забылъ: Гайдебуровъ уѣхалъ за границу. Онъ проситъ передать вамъ, что по случаю внезапности своего отъѣзда (цѣль его — Киссингенъ) онъ не могъ побывать у васъ.

Если бы не всѣ эти непріятности, не комары и не одна барыня, — на Сиверской жилось бы сносно. Шуму здѣсь нѣтъ, все очень скромно и тихо; мѣсто очаровательное, стоитъ Швейцаріи по удивительной своей красотѣ, общество Алексѣя Николаевича очень мило и пріятно. Екатерина Михайловна оказалась женщиной недурной и очень сердечной, съ Еленой Алексѣевной я тоже, противъ чаянія, лажу, хотя и обхожу нѣкоторые вопросы, во взглядахъ на которые мы не сойдемся.

Донимаетъ меня тутъ нѣкая m-me Горожанская, дама, взятая для Елены Алексѣевны, для практики во французскомъ языкѣ. Бонтонность у нея удивительная, я каждую минуту шокирую ее проявленіями моего кадетскаго полувоспитанія, причемъ она строитъ пресмѣшныя гримасы, надъ которыми мы съ Алексѣемъ Николаевичемъ по вечерамъ поти-

хоньку подсмѣиваемся. На-дняхъ она даже изумлялась (не при мнѣ, конечно), неужели я, такой глупый, на ея взглядъ, человѣкъ, могу въ самомъ дѣлѣ сочинять недурные стихи! Вообще, дама презабавная.

Не отвѣчайте мнѣ, дорогая N. N., во-первыхъ, потому, что я этого не стою (мое молчаніе), а во-вторыхъ, — такъ какъ надѣюсь на-дняхъ видѣть васъ и вашихъ. Впрочемъ, мой долгій неотвѣтъ (?) на ваше письмо имѣетъ оправданіе: письмо только дня два тому назадъ привезъ Алексѣй Николаевичъ изъ Петербурга, гдѣ оно залежалось на его квартирѣ. Низко-низко кланяюсь доброму Э. К. и Л. Э., вамъ не знаю какъ и кланяться. Пародируя Шпильгагена, боюсь, что слишкомъ дорого возьметъ финляндская таможня за провозъ моего теплаго чувства къ вамъ. Нехорошо, что вы мнѣ о себѣ и вашихъ ни строки не написали; это доказываетъ, что вы дурно обо мнѣ думаете и считаете меня безсердечнымъ или чужимъ вамъ человѣкомъ, тогда, какъ я —

глубоко преданный вамъ

С. Надсонъ.

P. S. Алексѣй Николаевичъ вамъ кланяется. На всякій случай сообщаю вамъ его адресъ: Варшавская желѣзная дорога, станція Сиверская, дача Карисона Скверно, что мнѣ ничего не пишется, слишкомъ много безпокойства всякаго рода и хандра, хандра, хандра — до одурѣнія. Скорѣй бы повидаться съ вами!

С. Н.

P. S. S. Однако, когда я перечелъ письмо, я увидѣлъ, что стиль его далеко не соотвѣтствуетъ моему будущему званію секретаря редакціи. Боюсь, что вы мало поймете изъ моихъ сбивчивыхъ словъ о той чепухѣ, которая происходитъ со мной. Въ такомъ случаѣ — подождите моего пріѣзда.

P. S. S. S. Еще одно слово: M-me Пирогова плохо напророчила. Никакого духа донынѣ я не видѣлъ.

10-го іюля 1884 г.

Пишу вамъ, дорогая N. N., еще не получая вашего письма, ибо я оказался на Сиверской, вмѣсто того, чтобы остаться въ Петербургѣ. Но Алексѣй Николаевичъ далъ мнѣ прочесть то, что вы пишете ему. Кирѣевъ не совсѣмъ правъ: дѣйствительно положеніе мое опасно, почти безнадежно, но не потому, почему онъ думаетъ. Болѣзнь — пустяки, даже, можетъ-быть, избавленіе, если она кончится смертью, — я боюсь другого врага, страшнѣе — сумасшествія. Не могу вамъ объяснить, что со мной дѣлается, но чувствую, что я повисъ надъ бездной, и что врядъ ли хватитъ силы у вашей дружеской руки оттащить меня отъ зіяющаго зѣва. Но все-таки не бросайте меня: съ вами и гибнуть легче Впрочемъ, можетъ-быть, все и уладится, хотя я пишу это больше для вашего, чѣмъ для своего успокоенья. Не спрашивайте меня, въ чемъ источникъ моей хандры, — я этого не знаю, — знаю только, что жить становится

невозможнымъ. Ахъ, какъ я усталъ, N. N., если бъ вы знали, какъ страшно усталъ! Съ нетерпѣніемъ жду осени, чтобы повидать васъ и отдохнуть, но дождусь ли — не знаю Ради Бога, только особенно не безпокойтесь: сегодня у меня разстроены нервы, хочется высказаться, хотя, вѣроятно, я и преувеличиваю Знаете ли, какая еще штука со мной стряслась: пріѣзжаю я недавно въ Красное Село, спрашиваю въ штабѣ, что̀ моя отставка, оказывается, что отъ Риттера до сихъ поръ въ штабѣ — ни гу-гу. Я къ нему. Есть у него секретарь, молодой докторъ ** (рожа его мнѣ давно не понравилась), справляюсь у него, что̀ все это значитъ, а онъ мнѣ отвѣчаетъ, что мнѣ нужно отправиться въ Николаевскій госпиталь, чтобы меня освидѣтельствовала коммиссія, такъ какъ свидѣтельство Вельяминова одного не имѣетъ офиціальнаго значенія! Это — мѣсяцъ спустя послѣ того, какъ мнѣ офиціально объявили, что все кончено и въ продолженіе котораго меня даже не увѣдомили объ этомъ сюрпризѣ. (Какъ оказалось потомъ, ** просто хотѣлъ взятки). Я бросился къ Риттеру, онъ опять все перезабылъ; наконецъ я поднялъ на ноги начальника штаба (не знаю, откуда у меня прыть взялась), и на этотъ разъ дѣло рѣшительно двинулось впередъ, освидѣтельствованіе оказалось лишнимъ, и, вѣроятно. недѣли черезъ три я буду въ отставкѣ. У Гайдебурова я начинаю заниматься съ пятницы этой недѣли (13-го числа). Къ вамъ наврядъ ли соберусь; почему — писать долго и неудобно. Что̀ же касается операціи и вообще лѣченія, то ужъ позвольте мнѣ подождать вашего пріѣзда, когда мнѣ, вѣроятно, опять захочется и жить, и лѣчиться, и заботиться о себѣ. Не можетъ быть, чтобы я погибъ, слишкомъ много вы дѣлаете для меня, и, можетъ-быть, вамъ и удастся чудо моего спасенья, но это будетъ въ полномъ смыслѣ слова чудо. Во всякомъ случаѣ, увѣдомьте меня, когда вы думаете вернуться изъ Финляндіи. Радъ, что лѣто было плодотворно для Э. К. и весело для Л. Э. Кланяюсь имъ низко и остаюсь вашимъ вѣчно ноющимъ дѣтищемъ, горячо васъ любящимъ и глубоко уважающимъ.

С. Надсонъ.

А отвѣтъ мнѣ будетъ?

20-го іюля 1884 г.

Вотъ вы и замолкли, дорогая N. N. Почему? Не сердитесь ли на меня за что-нибудь? Если такъ, — мнѣ это очень больно, и я заранѣе извиняюсь. Вмѣстѣ съ письмомъ къ вамъ отправляю и посланіе въ Красное Село, въ лагерь, — узнать, что̀ же, наконецъ, моя отставка? До сихъ поръ ни слуху ни духу, — ужасно надоѣло. У Гайдебурова мои занятія начались. Бываю въ редакціи по вторникамъ и пятницамъ, дѣла порядочно: корректура, переписка, рукописи, но дѣло по мнѣ, а это главное. Остальные дни проживаю на Сиверской и сожалѣю, что я не въ Финляндіи; съ Алексѣемъ Николаевичемъ мы, конечно, уживаемся прекрасно, но въ условіяхъ жизни и во вкусахъ его семьи есть многое,

съ чѣмъ мнѣ помириться трудненько. Иногда бываютъ и столкновенія, хотя и небольшія; вообще съ гигіенической точки зрѣнія врядъ ли лѣто принесло мнѣ большую пользу; нервы я разстроилъ себѣ еще больше, чѣмъ въ городѣ: всякая мелочь волнуетъ, кашляю тоже весьма изрядно. Одно, что меня радуетъ, это свобода отъ военщины и родъ занятій, симпатичныхъ мнѣ. Съ вдохновеніемъ зато у меня дѣла совсѣмъ плохи, за все лѣто ни одной строчки стиховъ, точно никогда и пера въ руки не бралъ. Впрочемъ, лѣто для меня всегда бываетъ неурожайно. Не знаю, какъ я устроюсь зимою: меблированныя комнаты до-нельзя надоѣли, а у Алексѣя Николаевича врядъ ли будетъ мнѣ удобно поселиться: если и на Сиверской иногда не бываетъ отбоя отъ разныхъ свѣтскихъ хлыщей, что будетъ въ городѣ? Въ литературѣ ничего особенно интереснаго нѣтъ. Слышалъ, что „Дѣло“ куплено Вольфсономъ, и что Э. К. приглашенъ въ составъ редакціи. Правда ли? Арестованъ Гольцевъ. Дѣло Кривенко, говорятъ, плохо. Арестованъ Шелгуновъ; зато Эртель освобожденъ, Протопоповъ тоже, кажется, скоро будетъ освобожденъ. Познакомился съ живущимъ здѣсь семействомъ Давыдовыхъ. Онъ самъ — премилый человѣкъ, а жена его играетъ роль почитательницы литературы. У насъ на Сиверской — сибирская язва. Были смертные случаи съ людьми: мы всѣ немножко трусимъ. Бываетъ ли Э. К. въ Петербургѣ, и если бываетъ, то когда? Хотѣлось бы повидаться и поразспросить о васъ. Кланяюсь ему сердечно (лѣвымъ бокомъ), а также и Л. Э. Васькѣ жму лапу, а отъ васъ съ нетерпѣливѣйшимъ нетерпѣніемъ жду отвѣта. Ваши письма для меня точно лучи солнышка: все вокругъ становится тепло и свѣтло. Читали ли вы „Радости бытія“ Золя? Ну, такъ я совершенный Лазарь. Нельзя сказать, чтобы типъ былъ очень симпатичный, да что жъ дѣлать? Вы скажете — исправиться? Съ вашей помощью — постараюсь!

Секретарь редакціи С. Надсонъ.

3-го августа 1884 г.

Черезъ 26 дней, дорогая N. N., вы вернетесь въ Петербургъ, и мы съ вами увидимся. Въ Кузу пріѣхать я рѣшительно не могу — Катерина Осиповна уѣхала на три недѣли, и я остался одинъ въ конторѣ. Я просилъ бы и васъ не стараться пріѣхать въ Петербургъ, если это такъ трудно и хлопотно: мысль о томъ, что я причинилъ вамъ массу безпокойства, отравитъ мнѣ всю радость свиданья съ вами. Простите, что я напугалъ васъ своими письмами, — но мнѣ не передъ кѣмъ излить свою душу, кромѣ какъ передъ вами. Плещеевъ, Мережковскій и пр., — все это скорѣе связи ума, чѣмъ сердца, а сердцемъ я люблю только васъ одну. Грустный тонъ моихъ писемъ я легко объясню вамъ: я не всегда такъ думаю и такъ хандрю, какъ объ этомъ писалъ вамъ, но мнѣ всегда именно тогда хочется писать вамъ, когда я захандрю. „Въ несчастьѣ мы мать вспоминаемъ“,—говоритъ Некрасовъ, — я въ

несчастьѣ вспоминаю васъ. Мои редакціонныя обязанности пока совершенно по мнѣ, — только конторскіе счеты нѣсколько не по вкусу, да это временное. Дѣла помимо конторы не много, — переписка небольшая, да и та большею частью не литературная, а все по поводу недоставки журнала или постороннихъ запросовъ подписчиковъ. Да и вообще литературы въ моихъ занятіяхъ почти нѣтъ: читать рукописи мнѣ Вячеславъ Александровичъ не довѣряетъ, рецензій не даетъ, — а въ Москву, въ „Р. М." посылать далеко. Впрочемъ, я надѣюсь, что и это съ пріѣздомъ Павла Александровича перемѣнится, а теперешній редакторъ „Недѣли" — увы! — далеко не кажется мнѣ даровитымъ. Живу я пока на квартирѣ у Алексѣя Николаевича, а съ 15-го августа думаю перебраться въ комнату въ томъ же домѣ. Что же касается моего здоровья, я съ нимъ ничего не могу подѣлать безъ васъ. Передъ моимъ отъѣздомъ съ Сиверской у насъ устроился маленькій литературный вечеръ у m-me Давыдовой, о знакомствѣ съ которой я, помнится, вамъ писалъ. Въ качествѣ чтецовъ фигурировали мы съ Мережковскимъ, и насъ, какъ это всегда бываетъ, когда читаешь свѣтскимъ дамамъ, — а ихъ было нѣсколько на этомъ вечерѣ, — конечно, засыпали комплиментами. Но, скажу вамъ откровенно, на меня такія дамы производятъ сквернѣйшее впечатлѣніе: одна изъ самыхъ скверныхъ ихъ чертъ—это индифферентизмъ: сегодня онѣ будутъ жать руку Салтыкова, а завтра—Майкова. Грошовый либерализмъ, общія мѣста, громкія фразы и тщеславіе — вотъ ихъ сфера. „Словечка въ простотѣ не скажутъ, все съ ужимкой", и постоянно претензія не имѣть претензій и расчетъ на впечатлѣніе. Ваше послѣднее письмо я прочелъ во вторникъ послѣ редакціи, но Э. К. ко мнѣ не заходилъ, какъ вамъ это, вѣроятно, извѣстно. Жаль, я былъ бы радъ повидать его и поразспросить о васъ, такъ какъ вы сами на такія сообщенія въ своихъ письмахъ скупы. Отчего вы, давая мнѣ такъ много вашей дружбой, не хотите и мнѣ позволить любить васъ, интересоваться всѣмъ, что вамъ близко, и болѣть за васъ сердцемъ, если и вы захандрите? Въ послѣднее время мнѣ такъ ново и такъ странно чувствовать, что и мое мертвое и очерствѣвшее сердце бьется къ кому-нибудь теплымъ чувствомъ! Это не фраза — вѣрьте мнѣ. Кромѣ васъ мнѣ никто такъ не дорогъ. Кланяюсь Л. Э. и Э. К. и сердечно благодарю его за участіе ко мнѣ, а отъ васъ жду нѣсколькихъ добрыхъ строкъ.

Оживленный вами мертвецъ

С. Надсонъ.

Мнѣ не хочется ограничиться, начиная мое письмо, казенными эпитетами; они такъ избиты, такъ часто употреблялись, что имъ совершенно перестали вѣрить, а между тѣмъ я хочу, чтобы вы вѣрили, что вы для меня и *дорогая*, и *глубокоуважаемая*, можетъ-быть, *самая* дорогая и *наиболѣе* уважаемая во всемъ Божьемъ мірѣ. Итакъ, опять

вмѣсто себя—я посылаю вамъ только невѣрное отраженіе моего внутренняго *я* — это мертвое письмо. Не стану съ вами лукавить, — здѣсь, живя у Алексѣя Николаевича, я . . . .

9-го августа 1884 г.

Привыкнувъ сообщать вамъ, милая N. N., все меня касающееся и находя въ васъ всегда самаго сердечнаго слушателя, пишу къ вамъ и сегодня, но пишу въ самомъ геройскомъ расположеніи духа, отъ чего вы, вѣроятно, отвыкли. Вотъ въ чемъ дѣло: сейчасъ только я нанялъ себѣ комнатку на Фурштадтской, д. № 25, черезъ домъ отъ васъ, и ликую по этому поводу. Моей квартирной хозяйкой будетъ m-me Станюковичъ. Обстоятельство это, нечего грѣха таить, имѣетъ свои неудобства: сосѣдство больной при смерти дѣвочки, бѣдственное положеніе семьи, чувство гнета и горя, — все это отразится на моихъ нервахъ, но въ то же время, я надѣюсь, будетъ имъ хорошей школой и отучитъ меня самого ныть, когда рядомъ со мной будетъ глубокое и благородное горе. Комната для меня нѣсколько дорога, — 20 р., но это заставитъ меня усерднѣе трудиться, лишь бы была работа! А я сильно надѣюсь, что, во-первыхъ, и жильцомъ я буду болѣе подходящимъ, чѣмъ другіе, иначе, можетъ-быть, думающіе, да, можетъ-быть, и окажусь въ состояніи подъ шумокъ хоть чѣмъ-нибудь быть полезнымъ семьѣ человѣка, на котораго свалилось такое тяжелое несчастье. Если же мнѣ и будетъ иногда тяжело — къ вамъ недалеко, а вы, я увѣренъ, всегда позволите мнѣ прійти отдохнуть около васъ. Одобряете ли вы мой поступокъ?

Я боюсь, что вы не получаете всѣхъ моихъ писемъ. На послѣднее, напримѣръ, я не получилъ отвѣта. Тщетно поджидаю я также и визита Э. К., онъ, должно-быть, въ Петербургъ не ѣдетъ. Какова погода въ вашемъ Кузовѣ? У насъ омерзительная. Небо плачетъ, сыро, холодно, туманно! Осень по всей формѣ. Въ „Недѣлѣ" съ 10 ч. у. и до 4-хъ вечера занимаюсь преимущественно тѣмъ, что злюсь. Конторскія занятія оказались настолько сложными, что иногда у меня руки опускаются: почтамтъ теряетъ номера, подписчики жалуются; отъ разныхъ комплектовъ, накладныхъ, повѣстокъ, квитанцій, билетовъ, расписокъ, трактовыхъ листовъ и пр. и пр. въ глазахъ рябитъ. Въ конторѣ настоящій книжный магазинъ: покупка и продажа отдѣльныхъ №№, продажа журналовъ. Ежеминутно боишься за чужія деньги и каждый мигъ чувствуешь свою неопытность и непрактичность. Хорошо, что моему хозяйству длиться осталось только 10 дней, а то я бы натворилъ дѣлъ (сегодня 9-го августа). Отставка мнѣ до сихъ поръ не выходитъ. Я начинаю думать, что тутъ что-нибудь не спроста, только что? Съ Риттеромъ у меня дѣла покончены совершенно и рѣшительно.

Редакторомъ „Дѣла" представленъ Е. П. Карновичъ, но неизвѣстно, будетъ ли онъ утвержденъ. Насколько я слышалъ, Станюковичу грозитъ высылка въ Сибирь, и, говорятъ, дѣло кончится въ сентябрѣ. Переби-

раюсь я на новую квартиру около 15-го. Если будете мнѣ писать, адресуйте въ редакцію „Недѣли“, Ямская, 6. Муза моя недавно проснулась отъ летаргіи и разразилась небольшой, нескладной, но очень жалостной пѣсенкой, которая и украситъ собой гостепріимные столбцы „Недѣли“. Если и теперь не получу отъ васъ отвѣта, буду безпокоиться, а пока кланяюсь Э. К. и Л. Э., а вамъ крѣпко жму руку и остаюсь вашимъ названнымъ сыномъ.

С. Надсонъ.

Э. К. Ватсону.

Висбаденъ, 7-го октября 1884 г.

Сердечно обрадовало меня, дорогой Эрнестъ Карловичъ, ваше письмо, хотя небольшое крушеніе съ моей книжкой и не очень-то мнѣ по сердцу. Дѣлать нечего,—отдавайте ее въ цензуру, и „съ нами Богъ“, — лишь бы это не причинило вамъ особенныхъ хлопотъ. Безъ М. В. я бы погибъ вконецъ. Боюсь отстать отъ нея на одинъ шагъ. Прибавьте къ этому еще мою обычную конфузливость, и окажется, что безъ М. В. я бы испытывалъ здѣсь и горе, и голодъ, и холодъ, и не умѣлъ бы помочь себѣ. Пока за границей я не скучаю, — слишкомъ много вокругъ новаго и интереснаго. Смотрю во всѣ глаза и удивляюсь. Да. недаромъ говорятъ, что нѣмецъ обезьяну выдумалъ! Онъ еще и не то выдумаетъ. Жаль, что варварская погода не даетъ мнѣ немножко пожить въ Висбаденѣ,—городъ мнѣ очень нравится и расположеніемъ и обычаями. Въ пансіонѣ у насъ очень хорошо. Кормятъ прекрасно и сытно, прислуга вѣжлива и предупредительна, и все это сравнительно недорого. Зато въ отеляхъ драли столько, сколько можетъ только взбрести на умъ жадному нѣмцу, желающему поживиться на чужой счетъ. Не понравились мнѣ также и желѣзныя дороги: вотъ гдѣ легко простудиться даже и здоровому человѣку! Дуетъ изъ всѣхъ закоулковъ. Горе мнѣ тоже здѣсь безъ газетъ. Пошелъ-было въ курзалъ, да тамъ, кромѣ „Нов. Времени“, четыре дня назадъ, да „Моск. Вѣдом.“, ничего нѣтъ. Такъ и не знаю, что̀ дѣлается въ родной сторонѣ. Должно-быть, мало путнаго. По пріѣздѣ на мѣсто надо будетъ хоть какую-нибудь мерзость выписать,—только бы русское. Не знаете ли, что было въ Москвѣ? Я „Моск. Вѣдомостямъ“ не очень-то довѣряю. До свиданья, дорогой Эрнестъ Карловичъ; не пишу вамъ много, потому что, вѣроятно, фактическая сторона нашей поѣздки извѣстна вамъ изъ писемъ М. В. Крѣпко жму вамъ руку и низко кланяюсь милой Ликѣ.

А. Я. Моклевой.

Висбаденъ, 8-го октября 1884 г.

Милая Нюша, я живъ, здоровъ, но голоденъ. У проклятыхъ нѣмцевъ все габерсупъ, да и того немного. За границей, кромѣ большихъ горо-

довъ, которые дѣйствительно очень хороши (куда нашъ Петербургъ!), ничего нѣтъ особеннаго: земля такая же черная, небо синее, дождь водяной, однимъ словомъ, все, какъ и у насъ. Холодъ тоже совсѣмъ петербургскій. Хочу отрясти прахъ отъ ногъ моихъ и уѣхать въ Ментону, а то здѣсь или замерзнемъ, или съ голоду умремъ. Висбаденъ, впрочемъ, городъ хорошенькій, даже очень. Несмотря на холодъ, розы все-таки цвѣтутъ. Должно-быть, нѣмцы ихъ пріучили къ терпѣнію. М. В. за границей сдѣлалась ужасно воинственной, совсѣмъ Жанна Д'Аркъ. Какъ расходится—бѣда! Нѣмцы только рты разѣваютъ. И я разѣваю— отъ голода. Прощай, цѣлую тебя, кланяйся Мамантовымъ, ѣшь больше и помни меня.

Твой С. Надсонъ.

В. А. Фаусску.

Висбаденъ, 12-го октября 1884 г.

Привѣтъ вамъ изъ Висбаденскихъ кущей, дорогой Викторъ Андреевичъ, — даже тысячи привѣтовъ. Живъ и намѣренъ быть здоровымъ. Заранѣе ликую по поводу будущаго лукулловскаго пира въ стогнахъ „Кишинева“:

Грязна харчевня „Кишиневъ“.
Ее бранить языкъ устанетъ,
И, вѣрно, страшенъ и суровъ,
На пыльный рядъ ея столовъ
Градоначальникъ громомъ грянетъ...
Но хорошо порой и въ ней,
Смѣясь безсилію недуга,
Справлять, шумя, кружку друзей
Возвратъ воскреснувшаго друга...

А я вотъ непремѣнно воскресну,—только дайте срокъ. Что вамъ сказать о своей поѣздкѣ? Забавно все это, забавно и ужасно неожиданно. Если вы прочли мои письма къ Алекс. Аркад. и Гаршину, вамъ извѣстно, что я благополучно изволилъ прослѣдовать въ Висбаденъ, гдѣ, какъ оказалось, мнѣ не жить, ибо здѣсь стоятъ чисто-петербургскіе холода, и что съ помощью Божьей и М. В. надѣюсь прослѣдовать дальше, въ городъ Ментону, гдѣ и находится въ настоящее время Бѣлоголовый. Не знаю только до сихъ поръ, какой путь мы изберемъ изъ трехъ—черезъ Женеву ли, черезъ С.-Готардъ, или наконецъ черезъ Парижъ. Всѣ три имѣютъ свои большія неудобства, въ родѣ холеры и карантиновъ, и свои прелести. Въ Висбаденѣ я прожилъ очень пріятно: на мое счастье, за эту недѣлю выдалось два солнечныхъ денька, и мы воспользовались ими „въ лучшемъ видѣ“. Въ одинъ изъ нихъ мы взяли экипажъ и поѣхали на нѣкую Neroberg,—возвышенный пунктъ, съ котораго Висбаденъ весь какъ на ладони. Тамъ, на вершинѣ, передо мной открылся видъ, который я не скоро забуду: роскошныя висбаденскія виллы, тонущія въ массѣ зелени, стройныя готическія башни собора, зеленыя ко-

лонны тополей и уходящая вдаль зеленоватая лента Рейна, вьющаяся между холмами, — все это точно ластилось къ подножію Nerobergʼa. Осмотрѣли мы также на вершинѣ русскую церковь, всю выстроенную изъ дорогого мрамора разныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ и украшенную живописью Нефа. Она такъ изящна и роскошна, что въ Петербургѣ была бы лучшимъ его украшеніемъ. Забавно только было то, что показывалъ намъ ее чистокровный нѣмецъ, даже не понимающій по-русски. Мы съ М. В. едва удерживались отъ смѣха, когда онъ, называя намъ образа̀, говорилъ: „деръ хейлиге Александеръ Нэвски, деръ хейлиге Василь“ и т. д. Тамъ же недалеко нашли мы и фотографію, въ которой за двѣ марки мгновенно сняли наши физіономіи и преподнесли намъ по экземпляру, въ рамкахъ и за стекломъ. Кромѣ того я, помня свое обѣщаніе, снялся и еще, и въ скоромъ времени вышлю вамъ свое изображеніе на добрую память и въ залогъ скораго свиданія. На обратномъ пути съ Nerobergʼa мы осмотрѣли разбойничью пещеру, высѣченную глубоко въ скалѣ. Штука интересная, — такъ и вѣетъ стариной и романтизмомъ. На слѣдующій день мы поѣхали поклониться старику Рейну, который протекаетъ верстахъ въ 7—10 отъ Висбадена. Поѣздъ въ нѣсколько минутъ домчалъ насъ въ небольшой побережный городокъ Мусбахъ, бывшее дачное мѣсто Нассаускаго герцога. Опустѣлый дворецъ его печально стоитъ на самомъ берегу Рейна, окруженный великолѣпнымъ каштановымъ паркомъ. Мы присѣли въ какомъ-то кабачкѣ, въ стеклянной галлереѣ его, выходящей на Рейнъ, ѣли скверный бифштексъ, пили скверное рейнское вино и любовались видомъ рѣки и ея страннымъ, морскимъ, зеленоватымъ цвѣтомъ. Вдали, въ мглистомъ и тускломъ туманѣ солнечнаго дня, виднѣлись готическія башни Майнца, а мимо насъ ежеминутно проходили пароходы, пропадая за изгибомъ между двумя рядами усѣянныхъ виноградниками холмовъ. Само собой разумѣется, что не обошлось безъ Гейне: вспоминали его Лорелею, даже искали ее глазами; но—увы!— прозаическій образъ нашей курносой и приземистой трактирщицы мало напоминалъ намъ прелестную фею. Сегодняшній день тоже отмѣченъ нѣсколькими событіями: во-первыхъ, мы получили телеграмму отъ Л. Б. Бертенсона, гласящую: „Gleich nach Mentona“, а во-вторыхъ... ого!.. я удостоился визита Фридриха Боденштедта, имя котораго вамъ должно быть извѣстно. Да-съ! Случилось это такимъ образомъ: не имѣя возможности выйти сегодня изъ дому самъ,—во-первыхъ, по причинѣ подлой погоды, во-вторыхъ, по причинѣ больной ноги, — я просилъ М. В. купить въ магазинѣ карточку Боденштедта, зайти къ нему и попросить его факсимиле. Онъ продержалъ М. В. два часа, былъ звѣрски любезенъ, читалъ ей пѣсни Мирзы Шафе на всѣхъ 17 языкахъ, на которые онѣ переведены, и въ заключеніе, несмотря на то, что погода была très fromage, какъ говорятъ у насъ во Франціи, пріѣхалъ съ нею самъ ко мнѣ. Не спрашивайте, на какомъ языкѣ мы съ нимъ объяснялись, но разстались мы съ этимъ

добродушнымъ нѣмцемъ истыми и завзятыми друзьями. Между прочимъ, я ему показывалъ мой альбомъ и заочно рекомендовалъ ему Плещеева, Гаршина и др.

Автографъ свой онъ мнѣ, конечно, далъ, даже написалъ на карточкѣ какіе-то стихи, изъ которыхъ я, конечно, ровно ничего не понялъ. М. В. перевела мнѣ ихъ, и тамъ значилось. что слово — это дыханіе, и что дыханіе надо чеканить! Можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ надо? Какого вы объ этомъ мнѣнія? Хотѣлъ я также побывать въ здѣшнемъ курзалѣ, въ концертѣ, которые здѣсь славятся, но уступилъ энергичному натиску М. В. и не былъ.

Я буду вамъ безконечно обязанъ, если вы подѣлитесь свѣдѣніями изъ этого письма съ Александрой Аркадьевной, Гаршинымъ, Плещеевымъ и всѣми, кому они интересны. Прощайте пока, дорогой Викторъ Андреевичъ; сердечно радъ переписываться съ вами и жду отъ васъ скорой вѣсточки.

А. Н. Плещееву.

Ницца, 4-го ноября 1884 г.

Простите, дорогой Алексѣй Николаевичъ, что я замедлилъ нѣсколько отвѣтомъ на ваше письмо: причина у меня была весьма уважительная,—мнѣ дѣлали операцію. Слава Богу, теперь этотъ проклятый Рубиконъ перейденъ, — но вы не можете вообразить себѣ, какія страшныя ощущенія я вынесъ. Рѣзали меня подъ хлороформомъ, но самъ хлороформъ нѣчто невообразимо страшное: съ каждымъ вздохомъ вы чувствуете, какъ въ ваше тѣло вливается какая-то отвратительно-приторная волна, туманитъ вамъ голову, затопляетъ легкія и разливается дальше, до оконечностей пальцевъ. Вы точно тонете, точно опускаетесь въ какую-то ночь. Мнѣ было особенно страшно, потому что мое тѣло заснуло раньше сознанія, и я, совершенно не чувствуя своихъ костей и мяса, все-таки открывалъ глаза и сообщалъ доктору, что я еще не заснулъ, боясь, что онъ примется меня рѣзать. Скоро, впрочемъ, хлороформъ одолѣлъ меня, и я потерялъ сознаніе. Операція показалась мнѣ минутой, — я не чувствовалъ рѣшительно ничего, и послѣ, когда я проснулся, я не хотѣлъ вѣрить, что все кончено, Но доктора, которые ее дѣлали (одинъ русскій, а другой—хирургъ, французъ Пальяръ), говорили мнѣ, что во время операціи я велъ себя презабавно: сначала очень весело напѣвалъ что-то, а потомъ принялся на чемъ свѣтъ стоитъ ругать докторовъ дураками и невѣждами за то, что они не понимаютъ дѣла. Русскій докторъ говоритъ, что онъ все время до слезъ хохоталъ. М. В., чтобы не слушать моихъ криковъ, ушла въ другой этажъ и тамъ все время проплакала; и немудрено: до операціи я ей порядочно поразстроилъ нервы своими страхами. Здоровье мое теперь весьма и весьма удовлетворительно, и если бы не перевязки, которыя мнѣ дѣлаютъ каж-

дое утро и которыя разстраиваютъ мнѣ нервы, давая чувствовать рану,— я былъ бы и совсѣмъ доволенъ своимъ положеніемъ. Въ Ниццѣ есть при церкви русская библіотека, изъ которой я получаю книги и „Новое Время“ (на домъ), а мои сосѣди по комнатѣ, нѣкто И. изъ Москвы, тоже каждый день снабжаютъ меня „Новостями“, такъ что литературой я пока обезпеченъ. Кстати объ И. Когда-то, чуть ли не въ прошломъ году, ихъ братъ прислалъ въ редакцію „О. З.“ повѣсть изъ военнаго быта, подписанную „Б. Левъ“, которую по цензурнымъ условіямъ нельзя было напечатать. Не будете ли вы такъ великодушны, не похлопочете ли, чтобы ее какъ-нибудь разыскать? Мнѣ бы очень хотѣлось отплатить этимъ барышнямъ за ихъ вниманіе ко мнѣ. Сегодня утромъ получилъ милое письмо отъ М. съ его стихами „Поэту“, которые—увы!— мнѣ не понравились. Во-первыхъ, несмотря на то, что идея сама по себѣ очень ясна, ибо слишкомъ не нова, она выражена все-таки туманно; а во-вторыхъ, „объѣдки“ міровъ просто невозможны. Кто же міры ѣстъ?.. Не знаю, какъ удалась М. другая пьеса,—„Манлій“, о которой онъ мнѣ пишетъ. Впрочемъ, я скоро буду ему отвѣчать, хотя все-таки пусть онъ ждетъ отъ меня отвѣта, а пишетъ самъ еще, — и чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

Читалъ „Р. М.“; дѣйствительно идея библіографіи очень счастливая. Очень понравилась мнѣ повѣсть Златовратскаго. Тема мнѣ ужъ очень симпатична. Не понимаю, почему Гаршинъ не отвѣчаетъ на мое письмо. Нехорошо покидать больного, на чужбинѣ, безъ отклика. Скажите ему это. Очень и очень понравились мнѣ ваши стихи и въ сотый разъ доказали мнѣ, что вы напрасно плачетесь на себя. Но какъ можно было потопить ихъ въ какомъ-то „Развлеченіи“?!! А еще меня постоянно браните. Очень тепло, прочувственно и красиво,—да и немудрено.

Пока лежу въ постели; погода перемѣнилась, и хотя въ воздухѣ тепло, но небо сѣрое, совсѣмъ какъ въ Питерѣ. Порой забываешь, что находишься въ Ниццѣ. Очень радъ я знакомству съ Бѣлоголовымъ, который недавно пріѣзжалъ навѣстить меня изъ Ментоны. Это очень умный и очень хорошій человѣкъ. Здѣшній докторъ—русскій, оригиналъ, какихъ мало. Сначала онъ мнѣ не понравился, а теперь нравится все больше и больше. Между прочимъ, познакомился я здѣсь и съ теткой m-lle З., которая постоянно живетъ въ Ниццѣ. „Свѣтъ слишкомъ тѣсенъ“,—говорилъ Диккенсъ,—вотъ въ какой дали пришлось мнѣ снова услышать эту фамилію! Что подѣлывается у васъ? Что Л. А. и проч. ваши домочадцы? Передайте, что, какъ только появятся здѣсь насѣкомыя, я примусь собирать для Л. А. коллекцію, а пока кромѣ проклятыхъ москитовъ, которые кусаются, какъ собаки, — никого нѣтъ. Однако темнѣетъ, да и писать лежа неудобно.

Вѣрѣ Павловнѣ Гайдебуровой.

Ницца, 5-го ноября 1884 г.

„Простите, многоуважаемая Вѣра Павловна, что я безпокою васъ...“ отвѣтомъ на ваше письмо (заимствую у васъ готовую форму вѣжливости, ибо на эти дѣла самъ не мастеръ). Къ большому моему прискорбію, исполненіе вашей просьбы я долженъ отложить, пока не вернусь самъ къ роднымъ пенатамъ, ибо не имѣю ни малѣйшей надежды, чтобы кто бы то ни было могъ разыскать въ моихъ бумагахъ вышереченный „злосчастный“ листокъ. И почему это вамъ пришла въ голову оскорбительная идея придать ему такой эпитетъ? Назвали бы его *розовымъ*, чего, надѣюсь, онъ вполнѣ заслуживаетъ по тому благоуханію поэзіи, которое онъ струитъ. Вы не возражаете? Ну, еще бы, я въ этомъ увѣренъ! Напрасно вы сѣтуете на М. В. за то, что она нѣсколько замедлила отвѣтомъ на ваше обязательное письмо,—ей было немало хлопотъ за это время со мной: постоянные переѣзды съ мѣста на мѣсто, доктора, кондуктора, операція, перевязки и проч. и проч., — было отъ чего устать, тѣмъ болѣе, что я, пользуясь привилегіей больного, капризничалъ, сколько вздумается, а М. В., по свойственной ей добротѣ, не препятствовала мнѣ въ этомъ занятіи. Впрочемъ, косвеннымъ образомъ мы на ваше письмо отвѣчали: я писалъ Павлу Александровичу.

А признайтесь, вы должны порядочно-таки завидовать тому, что я за границей. Я тону здѣсь въ цѣломъ ушатѣ поэзіи. Одинъ мой адресъ чего стôитъ: „France“ — страна культуры, страна прогресса, страна модъ... „Alpes maritimes“!.. Видите ли вы изъ-подъ вашего грязнаго неба эти гордыя вершины, покрытыя цвѣтущими деревьями, и эти бирюзовыя, теплыя волны Средиземнаго моря?.. „Nice“!.. Ницца!.. Помните: „О, этотъ югъ, о, эта Ницца, какъ этотъ блескъ меня тревожитъ!..“. „Boulevard de la Buffa“... не жидкій петербургскій бульваръ изъ корявыхъ малорослыхъ липъ, а развѣсистыя пальмы, благоуханные олеандры, темно-зеленые апельсины!.. И наконецъ—„pension Java“!.. Ява!.. О, вѣдь это такая прелесть!.. Жаль только, что я не силенъ въ географіи и не знаю, гдѣ она находится! Да и чтô за штука эта Ява? Озеро? Гора? Рѣка? Или, можетъ-быть, городъ?

Положимъ, что и самъ я не очень много видѣлъ изъ того, чтô съ такимъ искреннимъ паѳосомъ описываю вамъ, такъ какъ я уже больше недѣли не встаю съ постели,—но не вѣчно же я буду лежать! Докторъ говоритъ,, что дня черезъ два онъ мнѣ позволитъ встать.

Очень вамъ благодаренъ за милую кошку, которую вы мнѣ прислали. Я очарованъ ея видомъ. Вы преуспѣваете въ рисованіи, такъ что я надѣюсь, что лѣтъ черезъ 10 вы, можетъ-быть, будете такъ же хорошо рисовать, какъ я, когда былъ во 2-мъ классѣ. Старанье, говорятъ, все преодолѣваетъ.

В. К. Губаревичъ-Радобыльской.

5/17 ноября, Ницца.

Сердечно благодаренъ вамъ, многоуважаемая Валентина Константиновна, за ваше милое письмо. Если я не отвѣчалъ тотчасъ же на него, я имѣлъ на это вѣскія причины: во-первыхъ, у меня около десятка корреспондентовъ, а во-вторыхъ, я сильно возился со своей персоной, заглаживая и вылѣчивая свои недуги: въ Ниццѣ нашелся евангельскій Ѳома, который вложилъ свои персты въ мои раны, т.-е., выражаясь проще,— сдѣлалъ мнѣ операцію,—это французскій хирургъ Пальяръ. Я страшно боюсь всякой рѣзни,—можете ли себѣ вообразить, въ какомъ веселомъ состояніи духа я находился на операціи. Но теперь, слава Богу, это кончено, и я надѣюсь на-дняхъ встать на ноги и хоть немножко познакомиться съ Ниццей, которую я, благодаря моей болѣзни, почти совсѣмъ еще не видѣлъ. Судя по тому виду, который открывается за моимъ окномъ, я убѣжденъ, что знакомство это будетъ изъ числа пріятныхъ: едва только открываютъ утромъ ставни, какъ прямо въ глаза бьетъ мнѣ и ослѣпительное южное солнце и роскошная южная зелень. Пальмы, апельсины, увѣшанные дозрѣвающими плодами, жасмины въ полномъ цвѣту, роскошныя розы и еще какіе-то цвѣты, похожіе на громадные колокольчики,—вотъ флора густого сада, разбитаго передъ окнами нашего пансіона. А впереди стелется и уходитъ въ даль Средиземное море, тихо колыхаясь у подножья скалъ и слѣдуя за изгибами береговой цѣпи приморскихъ Альпъ. Говорятъ, что и самъ городъ очень хорошъ. Туземцы называютъ Ниццу — маленькимъ Парижемъ. Встану на ноги,— тогда и провѣрю эти похвалы, а пока я слушаю, удивляюсь и готовлю аппетитъ для обжорства природой.

Очень сожалѣю, что до сихъ поръ я ничего не могъ послать въ „Живописное Обозрѣніе“. Передайте, пожалуйста, Александру Константиновичу, что лучшій способъ побудить меня къ скорѣйшей посылкѣ чего-нибудь, это—начать высылать мнѣ журналъ. Тогда я почувствую себя *обязаннымъ* редакціи и непремѣнно что-нибудь вышлю стихотвореніе. Поэты немного любятъ чувствовать надъ собой нравственную палку, „*какъ сыны роскошной лѣни*“.

Мнѣ очень пріятно слышать, что милый Дрентельнъ относится ко мнѣ симпатично. Не помню кто, чуть ли не Бердяевъ, говорилъ мнѣ, что Дрентельнъ нашелъ меня гордымъ и заносчивымъ. Мнѣ было тѣмъ больнѣе это слышать, что самъ я о первомъ нашемъ свиданіи у Мережковскаго сохранилъ самыя симпатичныя воспоминанія. Поклонъ мой и Ларіонову. Отчего онъ кланяется черезъ васъ? Написалъ бы самъ,—я такъ радъ письмамъ изъ Россіи. Стихотвореньице, которое вы мнѣ прислали изъ вашей шкатулочки, я давно знаю,—оно лежитъ и въ моей. Вообще я не понимаю, что подѣлалось съ моими друзьями,—такого горячаго участія отъ всѣхъ, такого взрыва любви я не смѣлъ воображать

себѣ даже въ самыхъ дерзкихъ своихъ мечтахъ. Впрочемъ — вы сами видѣли это и сами такъ же ко мнѣ относились,—вамъ, слѣдовательно, лучше знать, за что вы меня любите. До свиданія пока, Валентина Константиновна, привѣтъ вамъ и Людмилѣ Христофоровнѣ, а въ ожиданіи дальнѣйшихъ вашихъ посланій, сообщаю вамъ мой адресъ: France, Alpes maritimes, Nice, boulevard de la Buffa, pension Java. Надѣюсь, что вы будете писать мнѣ. Сообщите мой адресъ и редакціи „Ж. О.", да кстати и мнѣ—адресъ редакціи. Я знаю, что она на Николаевской, но не знаю номера дома.

Преданный вамъ С. Надсонъ.

В. А. Фаусеку.

Ницца, 6-го ноября 1884 г.

Къ моему глубокому огорченію, я лежу и не встаю съ постели. „О, если бъ крылья мнѣ!"—я полетѣлъ бы далеко и полетѣлъ бы высоко,—прямо на Монбланъ. На Монбланѣ я сталъ бы ворочаться во всѣ стороны и смотрѣть въ подзорную трубу на небо, — нѣтъ ли въ теченіи небесныхъ свѣтилъ какого-либо намека на возможность лунѣ сѣсть на землю, — если только это атмосферическое явленіе необходимо для нашего свиданія, дорогой другъ Викторъ Андреевичъ! О, я бъ заставилъ луну сѣсть на землю, непремѣнно бы заставилъ!

Я бъ ей сказалъ:

„Умчались годы
Волшебныхъ чаръ твоихъ, луна;
Для человѣка и природы
Въ нашъ вѣкъ ты больше не нужна.
Ты отжила,—тебѣ на смѣну
Богъ электричества идетъ...
Покинь же міровую сцену,
Сойди съ лазоревыхъ высотъ!.."

Я надѣюсь, что она тронулась бы этой мольбой и, выбравъ мѣстечко попросторнѣе, чтобы не уколоться о шпицъ какой-нибудь башни или о колокольный крестъ, сѣла бы на землю. Но къ чему желать невозможнаго,—„никогда не взойдетъ солнце съ запада!.."

Скажите, кому далъ клятву Гаршинъ никогда не писать мнѣ ни строки? Положимъ, написавъ ему письмо изъ Висбадена, я просилъ его до поры до времени мнѣ не отвѣчать, но теперь съ тѣхъ поръ прошла чуть не вѣчность, а онъ продолжаетъ упорно безмолвствовать! У Минскаго жена больна—я понимаю, что ему можетъ быть не до меня, а Всеволодъ Михайловичъ-то почему молчитъ? Служитъ на своей Кукуевкѣ и знать не хочетъ друзей? Не бла-а-рродно! „О, не молчи, кукуевецъ бездушный, пиши скорѣй изъ сѣверныхъ снѣговъ! Твоимъ строкамъ всегда пріемъ радушный въ моей душѣ тоскующей готовъ, забудь на мигъ расчеты и тарифы, забудь свой съѣздъ и знай,—я буду ждать! Я такъ люблю твои

іероглифы, хотя порой ихъ трудно разбирать!" (Строки эти надлежитъ пѣть на мотивъ: „Скажите ей"). Въ самомъ дѣлѣ, „скажите ей", этой скверной Гаршинѣ, что она особенно популярна за границей. Всѣ русскіе, которыхъ я тутъ встрѣчаю, съ большимъ интересомъ наблюдаютъ его физіономію, кульминирующую въ моемъ альбомѣ. А одинъ русскій докторъ, который меня лѣчитъ, сообщилъ мнѣ, что разсказъ Гаршина „Красный цвѣтокъ" удостоился разбора въ парижскомъ научномъ психологическомъ журналѣ.

Я нахожусь въ скверномъ состояніи духа. М. В. скоро уѣзжаетъ. Комментарій не нужно. Мнѣ сдѣлали операцію. Если бъ вы знали, какъ я трусилъ, и если бъ вы знали, какой ужасъ хлороформъ. Точно умираешь! Зато теперь я спокоенъ, ибо эта штука за плечами. Подъ хлороформомъ я очень странно велъ себя, о чемъ, къ большому моему конфузу, узналъ отъ докторовъ, ибо самъ ничего не чувствовалъ: сначала, какъ путный человѣкъ, что-то пѣлъ, а потомъ принялся на чемъ свѣтъ стоитъ ругаться, называя докторовъ дураками и болванами и крича, что они не понимаютъ дѣла. Говорятъ, это всегда такъ бываетъ.

А. Я. Мокѣевой.

14—26-го ноября 1884 г. Ницца.

Здравствуйте-съ! Какъ поживаете? Съ полѣнцемъ—девять, съ огурцомъ—пятнадцать,—наше вамъ почитаніе съ кисточкой! Ну-съ, вы хотѣли отъ насъ письма,—получайте на здоровье. Мы ничего, слава Богу, живемъ въ свое удовольствіе. Операція, кажется, удалась хорошо, теперь мнѣ уже совсѣмъ не больно,—и сегодня, вѣроятно, я встану на ноги, благо онѣ у меня не болятъ, какъ у васъ. Одно скверно, отъ раны у меня постоянно по вечерамъ бываютъ лихорадки, и меня поэтому преусердно пичкаютъ хиной, отчего я сильно глохну по вечерамъ. Вчера со мной была передряга: пришли ко мнѣ третьяго-дня доктора и нашли необходимымъ еще что-то порѣзать. Безъ хлороформа я не соглашался, и они сказали, что придутъ на слѣдующій день и хлороформируютъ меня. И въ самомъ дѣлѣ,—пришли, приготовили все для хлороформированія и, сказавъ, что только осмотрятъ рану,—принялись меня рѣзать, не усыпивъ. Я оралъ самымъ страшнымъ образомъ, боль была ужаснѣйшая, а потомъ, когда все кончилось, я все-таки былъ доволенъ, что меня обманули, потому что послѣ хлороформа бываешь боленъ цѣлыя сутки: тошнитъ, голова кружится, и нервы до того разстроены, что каждая муха можетъ разогорчить до слезъ. Зато, правда, подъ хлороформомъ я рѣшительно ничего не чувствовалъ, такъ что самая операція мнѣ была гораздо легче, чѣмъ вчерашняя рѣзня.

Послѣднимъ письмомъ твоимъ я доволенъ, ибо оно не разбавлено сентиментальностью и не заключаетъ горькихъ жалобъ на меня и на судьбу. Не понимаю, что за охота воображать себя никѣмъ не любимой

и несчастной! Какого тебѣ еще рожна надо? У многихъ ли такое положеніе, какъ у тебя? Подожди, М. В. пріѣдетъ и приберетъ тебя къ рукамъ, я ее просилъ объ этомъ. Одновременно съ твоимъ письмомъ я получилъ письма отъ Гайдебурова, Давыдовой и Фаусека, и всѣ сообщаютъ мнѣ о выходѣ „Нови"; но ты называешь ее во всѣхъ отношеніяхъ прекрасной, Давыдова хвалитъ только внѣшность, а Фаусекъ и совсѣмъ бранитъ, „толста и глупа, говоритъ, какъ купчиха", съ чѣмъ и я согласенъ, судя по оглавленію. Очень жаль, если твоя шубка помѣшаетъ тебѣ пріѣхать ко мнѣ въ Швейцарію на лѣто. Истинная любовь узнаётся не изъ словъ, а изъ поступковъ, запомни это хорошенько. Я посылаю тебѣ съ М. В. нѣсколько бездѣлушекъ изъ Висбадена и Ниццы. Пусть онѣ напоминаютъ тебѣ, что я *одинъ* и *далеко* Несмотря на всѣ твои оправданія, я рѣшительно не вѣрю, чтобы ты не могла урвать нѣсколько минутъ для того, чтобы побывать у моихъ друзей; я хочу этого не для себя, а для тебя же. Подумай, пріятно ли мнѣ, что сестрѣ моей совершенно чужды и непонятны ни тотъ кругъ, въ которомъ я вращаюсь, ни тѣ интересы, которыми я живу. Ты какъ-то умудрилась такъ обставить себя, что ничего не знаешь и ничѣмъ не интересуешься, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Образованіемъ отговариваться нечего,—и оно и развитіе въ твоихъ рукахъ, а хорошіе люди всегда помогутъ тебѣ въ этомъ, стóитъ только захотѣть. М. В. обѣщала мнѣ это. Ну, пока прощай; пиши почаще и побольше. Цѣлую тебя крѣпко, но безъ излишней сентиментальности.

Любящій тебя братъ
С. Надсонъ.

P. S. Искренно благодарю васъ, многоуважаемая Людмила Алексѣевна, за ваши добрыя пожеланія. Въ сотый разъ радуюсь вашей дружбѣ съ моей сестрой и вашему доброму вліянію на нее и надѣюсь, что самъ еще свижусь съ вами, послушаю вашего „Рыцаря" и буду имѣть случай пожать вамъ руку.

Преданный вамъ
С. Надсонъ.

Э. К. Ватсону.

1-го декабря 1884 г.

Пишу вамъ тотчасъ же по отъѣздѣ М. В., многоуважаемый Эрнестъ Карловичъ, такъ какъ считаю теперь наиболѣе умѣстнымъ поблагодарить васъ за ту великую милость, которую вы мнѣ оказали, рѣшившись разстаться для меня съ М. В. на такой сравнительно долгій срокъ. Есть еще хорошіе люди на свѣтѣ, стóитъ еще жить! Не думайте, чтобы я былъ совершеннымъ невѣждой въ общественныхъ отношеніяхъ и чтобы я не зналъ, что принято и что не принято на свѣтѣ. Я отлично знаю, что принято выражать человѣку участіе только въ случаяхъ, или, что [illegible]

менѣе имѣетъ цѣны,—помогать ему матеріально; а относиться къ людямъ такъ, какъ отнеслись вы и М. В., въ глазахъ обыденныхъ людей—не принято. Тѣмъ дороже для меня ваше великодушіе, тѣмъ глубже моя искренняя благодарность вамъ. Горячо желаю, чтобы судьба когда-нибудь доставила мнѣ возможность доказать это. Я знаю, какъ тяжело было со мной М. В.: не говоря уже о тѣхъ хлопотахъ и безпокойствѣ, которыя неизбѣжны при участіи къ человѣку серьезно больному,—я видѣлъ, что она постоянно скучаетъ о васъ и Ликѣ и постоянно за васъ безпокоится. Но теперь, когда она будетъ съ вами, я думаю, что ей доставитъ нѣкоторое нравственное удовлетвореніе та мысль, что она поступила высоко-великодушно и—скажу не прибавляя—просто спасла человѣческую жизнь. Какъ бы мало эта жизнь ни стоила,—это все-таки жизнь! Знаю и знаю очень хорошо, что, должно-быть, не легко было и вамъ. Я разстался съ вами, когда вы были подъ впечатлѣніемъ только-что совершенной по отношенію къ вамъ низости. Въ такія минуты человѣку особенно нужна дружеская поддержка, а кто могъ лучше оказать вамъ ее, какъ не М. В.? Нельзя также, конечно, поручиться, что и къ самому факту отъѣзда М. В. всѣ отнеслись такъ, какъ бы слѣдовало, и хотя я, зная васъ, увѣренъ, что вы стояли всегда выше толковъ и пересудовъ людей, не могущихъ понять ничего, выходящаго вонъ изъ круга,—я въ то же время понимаю, что такіе толки, если они были, должны были очень и очень раздражать васъ. Все это дѣлаетъ вашъ великодушный поступокъ безконечно дорогимъ для меня, меня просто подавляетъ. Какъ мнѣ заплатить вамъ за все это, дорогой Эрнестъ Карловичъ? Большое спасибо вамъ и за то, что вы не давали хандрить моей сестрѣ и приласкали ее безъ меня. О себѣ пока ничего писать не буду, М. В. разскажетъ вамъ все. Что же касается моей книжки, о которой я совсѣмъ забылъ со всѣми операціями и передрягами, одолѣвшими меня,—я тоже просилъ о ней М. В. Теперь, я думаю, съ ней можно поторопиться, тѣмъ болѣе, что изданіе предназначается въ пользу Фонда. Вы меня сильно обрадовали бы, если бы черкнули мнѣ хоть двѣ строки.

Глубоко вамъ преданный (безъ фразы)

С. Надсонъ.

Г-жѣ N. N.

2-го декабря 1884 г.

Ужасно странно писать вамъ въ Петербургъ, дорогая N. N., когда еще вчера мы оба могли сами ждать писемъ изъ Петербурга. А между тѣмъ съ вашего отъѣзда прошло почти два дня (пишу вамъ въ 8 ч. вечера). Вчерашній день я провелъ не очень похвально: какъ вспомню о вашей добротѣ и вниманіи ко мнѣ, такъ сейчасъ и ударюсь въ слезы. Плакалъ, плакалъ,—и наплакалъ себѣ опять 39°, зато сегодня я веду себя примѣрно: на террасу вылѣзъ еще до завтрака, сидѣлъ до поло-

вины третьяго, а сейчасъ мѣрялъ себѣ температуру и имѣлъ удовольствіе узнать, что у меня 38°,—ни больше ни меньше. Благодаря чистому воздуху, котораго я надышался всласть, у меня и аппетитъ явился, за что я былъ много поощряемъ Фаусекомъ и Eugénie. Доктора приходятъ исправно, и Бурдонъ пророчитъ скорое выздоровленіе. Молоко дую исправно, спалъ хорошо. Мышьяка Бурдонъ велѣлъ принимать 4 капли. Вообще чувствую себя хорошо, чего и вамъ желаю. Къ большому моему удовольствію, Фаусека тоже поѣли сегодня москиты. Имѣлъ также честь увидать сегодня пресловутаго „roi". Сидитъ и ни на что вниманія не обращаетъ. Очень долго бесѣдовалъ съ madame, которая сломила со мной ледъ недовѣрія и разсказала такія вещи о monsieur, что я диву дался. По ея словамъ, онъ ни болѣе ни менѣе, какъ покушался убить ее изъ пистолета, но, промахнувшись, ранилъ себя въ ногу. Она говоритъ, что теперь она съ нимъ въ формальномъ разводѣ, что̀, впрочемъ, какъ вы знаете, не мѣшаетъ имъ ругаться. Наши русскіе знакомые меня не забываютъ, спасибо имъ за это. Фаусекъ ко мнѣ очень внимателенъ и всѣ наши дѣла ведетъ очень аккуратно: лѣкарствъ не забываетъ давать, температуру записываетъ, и вообще болѣе заботливъ, чѣмъ это можетъ казаться съ перваго раза, хотя, конечно, и дюжина Фаусековъ не замѣнитъ васъ. Мы съ нимъ раздобыли у хозяйки шахматы и сражаемся отъ скуки. Познакомился я и съ сестрой хозяйки, которая сегодня, когда я былъ на верандѣ, пріѣзжала разсуждать о буйствѣ Грилинга,—но въ длинные разговоры я не пускался. Сегодня изъ библіотеки дали новую „Русскую Мысль". Тамъ есть статья Острогорскаго о Плещеевѣ. Муза моя, какъ и при васъ, упорно безмолвствуетъ, видно, для нея необходимъ моціонъ. Бурдонъ прописалъ мнѣ какое-то особенное, сушеное, тертое мясо, которое нужно сыпать въ супъ. За обѣдомъ я попробовалъ его: ничего, ѣсть можно.

Eugénie за обѣдомъ все приставала, чтобы я ѣлъ (что̀ я и дѣлалъ), ибо иначе, дескать, madame Gripling напишетъ вамъ. Но я ѣлъ столько, что совершенно спокоенъ насчетъ этого доноса. Грудь пока не болитъ. Вчера Фаусекъ мазалъ ее іодомъ, сегодня намажетъ опять. Вотъ пока все, что̀ могу написать. До свиданья, дорогая N. N., послѣзавтра напишу еще, а теперь низко кланяюсь добрѣйшему Э. К., а также и всѣмъ моимъ друзьямъ, которыхъ вы увидите.

Искренно преданный вамъ

С. Надсонъ.

4-го декабря 1884 г.

Ваши письма съ дороги получаю исправно; карандашъ не стирается, и я все разбираю отлично. Сегодня, кромѣ двухъ вашихъ писемъ, получилъ и отъ Плещеева, со стихами по поводу присылки цвѣтовъ. Нюша тоже пишетъ, что цвѣты получила, но она не поняла, что они адресованы ей, а не Катѣ Мамантовой, и отнесла ихъ той. Она проситъ меня прислать

ей цвѣты къ 8-му, къ балу у Мамантовыхъ, но, къ несчастью, просьба опоздала, а то бы я ей выслалъ. Я себя чувствую хорошо. Прилагаю табличку лихорадки за третьяго-дня, вчера и сегодня (пишу послѣ обѣда). 2-го декабря въ 10 ч.—36.7, въ 3 ч. 15 м.—37,1, въ 7 ч. 15 м.—38,0; 9½ ч.—38,5, 10 ч.—38,5. 3-го декабря 10½ ч.—37,1, 4½ ч.—37,3, въ 7¼ ч.—37,8, въ 10 ч.—38,7. 4-го декабря въ 10¾—36,7, въ 3½ ч.—37.7, 5 ч.—37,6, въ 7 ч.—38,7. Сегодня лихорадка больше, потому что я принялъ только одинъ Бѣлоголовскій порошокъ *) (всѣ вышли); вчера мы ему написали, и онъ, вѣрно, завтра съ Острогорскимъ пришлетъ еще. Исправность докторовъ изумительна: сегодня Павелъ Иванычъ пришелъ ко мнѣ совершенно больной. Утромъ, когда у меня былъ Бурдонъ, отъ П. И. зашли съ просьбой, чтобы Бурдонъ навѣстилъ его, такъ что мы ужъ и не ждали его, а онъ пришелъ, въ жару и задыхаясь отъ одышки. Любезны оба медикуса до чрезвычайности. Вчера Всеволожская прислала намъ съ В. А. цѣлый огромный горшокъ борща, и мы вотъ уже второй день разогрѣваемъ и ѣдимъ его по 2 тарелки. Отсюда явствуетъ, что аппетитъ мой поправляется. Каждый день сижу на террасѣ. Сегодня произошло, наконецъ, изгнаніе roi, но— увы!—честь этой побѣды принадлежитъ Eugénie, а не мнѣ. Баталія загорѣлась изъ-за попугая. Eugénie объявила, что онъ принадлежитъ Конту Пихлеру, и что „хозяйка гораздо болѣе дорожитъ расположеніемъ жильцовъ отеля, чѣмъ живущихъ внѣ его“. Послѣ этого комплимента roi забралъ свой стулъ и исчезъ, такъ что я недолго пользовался его лицезрѣніемъ. Вчера у насъ былъ неожиданный визитъ: въ Ментонѣ проживаетъ нѣкая дѣвица, Татьяна Владиміровна А.—тоже сильно больная, знакомая Фаусека и Гаршина. Она вообразила, что Фаусекъ боленъ, и пріѣхала его навѣстить. Произошло знакомство. Дѣвица такъ себѣ, довольно безцвѣтная. Пріѣхала она, очевидно, больше отъ скуки, чѣмъ отъ участья къ Фаусеку. Мы ее угостили завтракомъ на верандѣ (мы теперь тамъ завтракаемъ) и отпустили съ миромъ. Что еще написать вамъ о себѣ: всѣ статьи моего здоровья довольно исправны. По ночамъ бываютъ поты, но не очень большіе. Сегодня противъ нихъ даютъ мнѣ atropin. Фаусекъ очень заботливъ: до сихъ поръ ни одного лѣкарства не забылъ, а пичкаетъ меня ѣдой просто на убой. По ночамъ онъ встаетъ и приходитъ, чуть я заворочаюсь. Кашляю очень мало—почти совсѣмъ не кашляю. Морфинъ бросилъ. Пока до свиданья, дорогая N. N. Фаусекъ кланяется вамъ и вашимъ, и я присоединяюсь къ его поклонамъ. Послѣзавтра еще напишу.

Преданный вамъ С. Надсонъ.

---

*) Порошки антипирина.

7-го декабря 1884 г.

Я немножко запоздалъ съ этимъ письмомъ, дорогая N. N., чему причиной Зайцы, просидѣвшіе вчера у меня весь вечеръ. Они очень милы и добры ко мнѣ, зато П. И—ча я сглазилъ: онъ заболѣлъ и вотъ уже три дня, какъ не былъ у меня. Впрочемъ, теперь мои дѣла идутъ хорошо и безъ него: Бурдонъ говорилъ сегодня, что, если бы онъ былъ „le maître“, онъ бы вытащилъ мои дрены. Особенно хорошо я себя чувствую на верандѣ. Вы спрашиваете въ письмахъ о погодѣ; погода у насъ умная: по утрамъ до 11 ч. бываетъ и вѣтрено и пасмурно, а къ часу солнце сіяетъ и вообще отлично. Аппетитъ въ исправности. Завтра долженъ быть Бѣлоголовый. Посмотрю, что̀ онъ скажетъ, и напишу вамъ. У насъ въ пансіонѣ прибавилось публики: пріѣхалъ какой-то румынъ со своимъ пѣстуномъ и еще нѣкая русская m-me Шварцъ (?). Пока антипирина не принимаю, ибо Бѣлоголовый изъ письма нашего, очевидно, не понялъ, что его порошки вышли,—но, во-первыхъ, мнѣ теперь и хина помогаетъ (сейчасъ мѣрилъ послѣ обѣда 38,1), а во-вторыхъ, завтра, вѣроятно, и Бѣлоголовый привезетъ порошковъ. Впрочемъ, мы заказали Сю, и онъ телеграфировалъ въ Парижъ. Новаго особенно ничего не случилось. Читаю и стараюсь не скучать и смотрѣть съ надеждой впередъ. Скорѣй бы встать на ноги, а тамъ все пойдетъ хорошо. Всеволожская, угостивъ насъ борщемъ, теперь намѣревается наварить намъ еще кислыхъ щей! Исполать ей! Eugénie все та же, и я съ успѣхомъ разсказываю ей разныя нелѣпости. Москитамъ нѣтъ числа: еще больше, чѣмъ было при васъ. Съ большимъ интересомъ слѣжу я теперь по газетамъ за процессомъ Сарры Бекеръ. Получилъ еще письмо отъ дочери Симоновой. Расхваливаетъ „Новь“, на чемъ свѣтъ стоитъ. Хозяева наши, въ виду прибытія иностранцевъ, заключили временный миръ. „Минетка“ *) гдѣ-то скрывается нѣсколько дней. Пѣтухъ и попугай въ добромъ здоровьѣ, а „Престо“ привязанъ на цѣпь и визжитъ самымъ раздирающимъ душу образомъ. В. А. вамъ и вашимъ кланяется. Онъ наловчился дѣлать перевязки не хуже П. И... Я угощаю обывателей здѣшнихъ мѣстъ концертами на скрипкѣ. Бурдонъ оказываетъ все болѣе и болѣе успѣховъ въ русскомъ языкѣ: сегодня произнесъ „moloko“ и спросилъ насъ—такъ ли? Больше ничего не случилось. До свиданія, дорогая N. N., мой поклонъ Э. К. и Л. Послѣзавтра еще напишу.

Искренно и весь вамъ преданный

С. Надсонъ.

P. S. Что̀ это мнѣ не отвѣчаетъ А. А. Или за что-нибудь сердится на меня?

---

*) Кошка.

11-го декабря 1884 г.

Простите, дорогая N. N., что не сдержалъ обѣщанія, — то тотъ, то другой мѣшалъ. Съ нетерпѣніемъ жду отъ васъ письма изъ Петербурга, — ибо со мной почти никакихъ особенныхъ перемѣнъ нѣтъ, а что дѣлается у васъ — не знаю. Бѣлоголовый пріѣзжалъ, несмотря на отвратительную погоду. Въ общихъ чертахъ вамъ его отзывъ извѣстенъ. Онъ подтвердилъ то, что и другіе доктора: главное зависитъ отъ воздуха и питанія. На воздухѣ я сижу каждый день (за рѣдкими исключеніями, погода у насъ хорошая), питаюсь же сколько могу. Madame Gripling, очевидно, чувствуетъ ко мнѣ родъ дружбы, ибо ежедневно и подолгу бесѣдуетъ со мной на старую тему: о злодѣйствахъ своего мужа. Этого господина чѣмъ болѣе я узнаю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что онъ порядочный „лапчатый гусь". Съ остальными обитателями нашей „Жавы" я не знакомлюсь. Здоровье мое ничего себѣ: антипиринъ помогаетъ и лихорадка ничтожная: 38,3 — самое большее. Якоби до сихъ поръ не является, ибо боленъ, Бурдонъ же ходитъ аккуратно. Впрочемъ, большихъ перемѣнъ съ ногой нѣтъ, и когда я встану—неизвѣстно. Скверно, что иногда я скучаю, и нервы у меня не очень того. Каждый день комната и садъ, садъ и комната, постель и кресло, кресло и постель — порядочно пріѣлись. Иногда, впрочемъ, бываютъ развлеченія: заходятъ Зайцевы, забѣгаетъ Всеволожская. Надняхъ она опять угостила насъ громаднымъ котломъ борща, который мы съ В. А. въ два дня прикончили. Сегодня же, когда я сидѣлъ на верандѣ, я получилъ одинъ совсѣмъ неожиданный визитъ: меня навѣстила нѣкая Екатерина Владимировна Л., вдова бывшаго управляющаго морскимъ министерствомъ. Когда я спросилъ ее, откуда она знаетъ, что я тутъ, она назвала мнѣ нѣсколько фамилій, изъ которыхъ я не знаю ни одной. Дама она, очевидно, свѣтская, насчетъ литературы беззаботная, и что ей надо отъ меня, я рѣшительно не знаю, тѣмъ болѣе, что никакихъ общихъ знакомыхъ и общихъ интересовъ у насъ не оказалось. И кто ей могъ писать обо мнѣ? Тѣмъ не менѣе мы поговорили съ ней очень дружелюбно, и она изъявила желаніе навѣщать меня. Странное желаніе!

Сегодня я получилъ длинное и очень милое письмо отъ Ал. Аркадьевны, — надо будетъ собраться съ духомъ и отвѣтить какъ ей, такъ и остальнымъ, ибо я очень запустилъ мою переписку. Здѣсь, въ Ниццѣ, какъ мнѣ сообщилъ Бѣлоголовый, обрѣтается въ настоящее время Немировичъ-Данченко. Что-то дѣлается у васъ, дорогая N. N.? Видѣли ли вы мою сестру, Алексѣя Николаевича и другихъ моихъ друзей? Какъ здоровье Э. К. и Л. Э.? Я до сихъ поръ, кромѣ телеграммы о моемъ здоровьѣ, отъ васъ изъ Петербурга не получалъ извѣстій. А вы—получили ли мои три письма? Это—четвертое. Очень благодаренъ вамъ за ваши письма съ дороги, по крайней мѣрѣ я зналъ, что вы благополучно доѣхали. Что подѣлываетъ madame Граве? Я все еще не

собрался ей написать, не зная навѣрное, въ Петербургѣ ли она или въ своемъ Монъ-Репо? Мы съ В. А. попрежнему просвѣщаемъ Eugénie насчетъ Россіи. В. А. оказываетъ изумительные подвиги ловкости: вчера расколотилъ чайникъ, а сегодня на верандѣ — два горшка съ цвѣтами. Еще раньше разбилъ подсвѣчникъ. Читаю иногда здѣшнія газеты, изъ которыхъ, впрочемъ, кромѣ сказокъ, ничего не вычитаешь. Если вы будете такъ добры, то зайдите въ „Живописное Обозрѣніе" за моими стихами и попросите мнѣ выслать его въ кредитъ. Москитамъ нѣтъ числа. Minette попрежнему навѣщаетъ меня, но послѣ васъ ей что-то немного достается. „Недѣлю" получаю исправно и Гайдебурову очень благодаренъ. Интересовались ли въ Петербургѣ убійствомъ Сарры Бекеръ? Мы съ В. А. съ жадностью слѣдили за этимъ процессомъ. До свиданья, дорогая N. N., кланяемся оба вашимъ и всѣмъ нашимъ друзьямъ. Пусть Нюша пишетъ.

Искренно преданный вамъ

С. Надсонъ.

---

15 — 27-го декабря.

Грустно вчера встрѣтилъ я день своего рожденья, дорогая N. N., грустно, потому что задумался о своемъ существованіи и надумалъ мало утѣшительнаго. Въ самомъ дѣлѣ, что я теперь? Боленъ, выбитъ изъ колеи. Стихи какъ-то не пишутся, всѣ, кого я люблю — далеко. Глупое и непрочное положеніе. Ждешь, ждешь лучшаго — и ждать устаешь. Наконецъ 25-го, въ день Рождества я всталъ на ноги: ходить мнѣ не больно, и я обѣдалъ за табльдотомъ (хозяйка пристала). Якоби за все это время былъ только разъ, именно 25-го, а вчера опять не пришелъ; зато Бурдонъ попрежнему исправенъ. Благодаря антипирину, лихорадка у меня небольшая, впрочемъ, иногда доходитъ до 38,6 (около 10 ч.). Погода вотъ уже три дня стоитъ подлая: тучи, вѣтеръ. Вашъ пріѣздъ въ Петербургъ ознаменовался для меня большимъ количествомъ писемъ. Даже Гаршинъ написалъ. Отвѣчать мнѣ нужно многимъ, да какъ-то не хочется: о здоровьѣ писать скучно, а больше писать не о чемъ. Обитатели нашего пансіона представляютъ собою мало интереснаго. Одна только Eugénie попрежнему хохочетъ всякой глупости. Вообще, болѣе однообразнаго и безполезнаго существованія, чѣмъ я веду, и не придумаешь. Якоби все пристаетъ съ драмами, но я рѣшительно не понимаю возможности писать для писанья. Совсѣмъ отрѣзанный ломоть. Хоть бы уѣхать куда-нибудь изъ Ниццы, а то надоѣло. Хорошо еще, что здоровье мое поправляется, что грудь не болитъ и ночные поты прекратились.

24-го декабря 1884 г.

Дорогая, милая N. N., можно ли безпокоиться оттого, что я не пишу четыре дня? Подумайте, два мѣсяца я не вставалъ съ постели: раз-

умѣется, я теперь обрадовался случаю и съ 11 до 3-хъ часовъ гуляю пѣшкомъ или въ экипажѣ, обѣдаю, устаю и лѣнюсь приняться за перо — до того надоѣла мнѣ комната и комнатныя занятія. Наконецъ, вы знаете меня: на меня находитъ, что я запущу переписку и не могу долго за нее приняться. Мнѣ порядочно-таки скучно безъ васъ, но я перемогаюсь въ надеждѣ будущаго. Кончится тѣмъ, что не вамъ обо мнѣ, а мнѣ о васъ прійдется безпокоиться — я и безпокоюсь. А не будь этого, все бы шло недурно: я вотъ уже почти недѣлю на ногахъ, ежедневно катаюсь, гуляю, осмотрѣлъ всю Ниццу и чувствую себя хорошо. Аппетитъ прибавился, и цвѣтъ лица гораздо лучше; а чуть я уменьшаю пріемъ антипирина, лихорадка сейчасъ выростаетъ — а при двухъ порошкахъ ея не бываетъ совсѣмъ. Якоби прогналъ Бурдона, сказавъ, что его больше не нужно (мнѣ теперь дѣлаютъ перевязку одинъ разъ), а самъ не ходитъ. Фаусекъ пошелъ за нимъ. Фаусекъ все собирается уѣзжать — это жаль, мнѣ безъ него будетъ скучно. Конечно, было бы чудесно, если бы удалось и Э. К. завезти сюда — но какъ это сдѣлать?

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я обѣдаю за табльдотомъ. Румынъ, живущій у насъ, глупъ, какъ пробка, и все время трещитъ ужасную чепуху, а подчасъ такъ и сальности. Все это достаточно скучно. Погода у насъ прекраснѣйшая — на солнцѣ просто печетъ. Сегодня съ нами случилось небольшое несчастье: Фаусекъ какъ-то нечаянно сжегъ мое пальто (рукавъ). Мы спрашивали портныхъ, нельзя ли найти здѣсь такой матеріи? Оказывается — нельзя. Завтра придется купить другое, готовое. А сегодня я гулялъ въ тепломъ — что было порядочно тяжело. Вы пишете, что Бурдону послана благодарность: онъ ея не получилъ, какъ кажется. Дошла ли она? До моего свѣдѣнія дошли слухи о вечерѣ въ Консерваторіи. Право, милая N. N., мнѣ невыразимо тяжело отъ этихъ хлопотъ и, главное, отъ этихъ денегъ... денегъ и денегъ! О, проклятыя деньги!..

Остороженъ я очень, вы напрасно на этотъ счетъ безпокоитесь — даю вамъ слово, что и берегусь и буду беречься. Получили ли вы письмо черезъ Плещеева? Съ книжкой моей, Богъ съ ней, — 15-го января, — ладно. Только вы все пишете про одну лишь типографію. Ну, прощайте, милая, дорогая N. N., не скучайте и не безпокойтесь, и все пойдетъ самымъ лучшимъ образомъ.

С. Надсонъ.

5-го января 1885 г. Ницца.

Милая, дорогая N. N., вы неправы, неправы и тысячу разъ неправы! Все дѣло въ томъ, что я не хочу быть Молохомъ и принимать ваши жертвы, какъ должное... Не писалъ я вамъ еще и потому, чтобы не показать вамъ, какъ я хандрю, и тѣмъ безполезно не огорчать васъ; а хандрю я ужасно: вы мнѣ *необходимы*, а въ возможность свиданія весной я не вѣрю, не вѣрю! Фаусеку я, очевидно, наскучилъ: онъ всѣ

вечера сидитъ у Якоби, а я хандрю одинъ въ пустынѣ нашего пансіона. Завтра онъ уѣзжаетъ, а я перебираюсь въ пансіонъ къ Сѣряковой, потому что мнѣ мочи нѣтъ отъ хандры. Если бы не пріѣздъ Алекс. Аркад—ны, которую неловко не подождать—я бы сейчасъ удралъ въ Россію. Не могу больше чувствовать себя одинокимъ, никому ненужнымъ, — однимъ словомъ, отрѣзаннымъ ломтемъ. Ради Бога, устройте что-нибудь: или вашъ пріѣздъ, или дайте мнѣ возможность уѣхать. Лучше погибать въ Россіи, чѣмъ жить здѣсь. Докторами я крайне недоволенъ,—въ Якоби я совсѣмъ потерялъ вѣру, Бурдонъ же заходитъ только изъ приличія, а Бѣлоголовый, не знаю почему, упорно не совѣтуетъ ѣхать въ Ментону. Несмотря на антипиринъ, лихорадка у меня каждый вечеръ весьма солидная; грудь тоже болитъ каждую ночь. Я васъ огорчаю, моя дорогая, но я и самъ въ эту минуту плачу. Я обѣщалъ вамъ не хандрить, потому что вѣрилъ немного въ вашъ пріѣздъ, а теперь не могу, не могу. Если я заболѣлъ и всю жизнь былъ несчастливъ — это было отъ моего одиночества, не добивайте же меня имъ и теперь. Еще разъ, ради Бога, умоляю васъ какъ-нибудь устроить или пріѣздъ вашъ, или мой возвратъ въ Россію—иначе мнѣ будетъ очень плохо. Добро бы я еще здѣсь замѣтно поправлялся—а то и этого нѣтъ, да при такомъ состояніи духа и не будетъ. Сколько ужъ писемъ я вамъ писалъ и разрывалъ ихъ, или въ волненіи я писалъ вмѣсто дѣла глупости, но это я допишу наконецъ. Объ одномъ прошу васъ: вѣрьте, что все это не минутная тучка, которая пройдетъ, и что тоска моя не есть слѣдствіе отъѣзда Фаусека, а нѣчто вполнѣ серьезное. Я не могу жить *одинъ*, вдалекѣ отъ Россіи и долго ждать перемѣны моего настоящаго положенія тоже не могу: я заложу или продамъ часы и все изъ вещей, что̀ можно продать, и уѣду назадъ! Видите, какая трагедія, мое солнышко, а я знаю, что и вы пріѣхать не можете! Что̀ дѣлать, что̀ дѣлать! У меня голова на части ломится!.. Я въ отчаяньи! Посовѣтуйтесь съ кѣмъ-нибудь и спасите меня, ради Бога, иначе я самъ съ собой кончу. Мнѣ больше силы нѣтъ. Прощайте... Больше писать не могу — опять слезы. Фаусекъ вамъ все разскажетъ.

Вашъ С. Надсонъ.

Н. А. Бѣлоголовому.

16-го января 1885 г. Ницца.

Очень благодаренъ вамъ, многоуважаемый Николай Андреевичъ, за заботы о моемъ здоровьѣ: на послѣднее пока особенно жаловаться не могу, и лихорадки или забываютъ меня совсѣмъ, или бываютъ очень незначительныя — 38,1. Въ появленіи послѣдней цифры я замѣтилъ странную періодичность: она аккуратно бываетъ черезъ день, чередуясь съ другой — 37,7 — и это очень аккуратно. Знаете ли вы, что въ январской книжкѣ „Р. М.“ помѣщена статья Толстого: „Такъ что̀ ж

вамъ дѣлать?". Книжка, впрочемъ, еще не вышла. Моя муза тоже, кажется, начинаетъ просыпаться,—хотя еще не знаю, что изъ этого выйдетъ. Ужъ не способствуетъ ли вдохновенію антипиринъ? Мой низкій, низкій поклонъ глубокоуважаемой Софьѣ Петровнѣ, если только, благодаря чуднымъ условіямъ Ментонскаго климата, ее и васъ не засыпало еще снѣгомъ.

Искренно преданный вамъ С. Надсонъ.

Г-жѣ N. N.

20-го января 1885 г.

Вижу, что послѣднія мои извѣстія васъ встревожили, дорогая N. N. Теперь спѣшу успокоить васъ. Я былъ не правъ и написалъ письмо подъ вліяніемъ хандры, овладѣвшей мной. Я переѣхалъ къ Сѣряковой, и переѣздъ оказался рѣшительно благодѣтельнымъ для меня. Здоровье мое весьма порядочно: аппетитъ больше, чѣмъ у здороваго человѣка, а столъ здѣсь въ самомъ дѣлѣ отличный, и хотя гораздо проще, чѣмъ въ Java, но въ тысячу разъ вкуснѣе и питательнѣе. Сплю я хорошо, грудь почти не болитъ (впрочемъ, по словамъ Бѣлоголоваго—боль пустяки и къ легкимъ не относится). Лихорадки почти нѣтъ, — рѣдко-рѣдко бываетъ 38, а то все около 37,7. Молоко пью безъ конца, лѣкарства принимаю съ аккуратностью, достойной хоть васъ самихъ. Сѣрякова и въ особенности Елена Евграфовна ухаживаютъ за мной донельзя. Конечно, и скучаю я тутъ меньше, ибо, какъ вы знаете, человѣкъ я общественный, а здѣсь все же, хоть какое ни на есть, — да общество. Якоби очень аккуратенъ, а Бурдонъ тоже все собирается навѣстить меня, но однако давненько уже не показывался. Говорятъ, что я пополнѣлъ и что у меня лучше цвѣтъ лица — объ этомъ судить не могу. Изъ дрэновъ у меня остался только одинъ, да и тотъ черезъ нѣсколько дней вытащатъ. Въ ногѣ боли никакой, хоть сейчасъ въ плясъ. Вообще „эклерсисманъ“ начинается. Пишу вамъ чистую правду, а не для того только, чтобы васъ успокоить. Вы знаете, какъ бы я былъ счастливъ увидѣть васъ скорѣе здѣсь, но если это сопряжено съ большими неудобствами,—поберегите возможность пріѣхать за границу на весну. Весной я останусь совсѣмъ одинъ: Якоби, Сѣряковы и Зайцевы,— всѣ разъѣдутся, и я не буду знать, куда преклонить мнѣ голову. А всего лучше, если бы и Э. К. могъ пріѣхать. Право, тутъ такъ хорошо, что невольно желаешь, чтобъ и другіе этимъ пользовались: вѣдь у насъ скоро весна! Сидѣть на балконѣ или въ саду я не чувствую никакой охоты и преспокойно гуляю себѣ по всему городу. Теперь у насъ идутъ дѣятельныя приготовленія къ карнавалу: барышни шьютъ себѣ домино; только и разговоровъ, что о будущемъ весельѣ. Въ самомъ дѣлѣ, по слухамъ, это нѣчто заразительное и увлекательное. Посмотрю и на-

строчу куда нибудь корреспонденцію. Олимпіада Евграфовна уѣхала во Флоренцію, перевозить куда-то въ другой городъ своего больного мужа. Познакомился здѣсь съ какимъ-то отставнымъ русскимъ полковникомъ, кирасиромъ А. Повидимому, господинъ этотъ весьма-таки глупъ и либеральничаетъ напропалую. Разлѣнился я страшно. Встаю въ половинѣ одиннадцатаго. Имѣю къ вамъ нѣсколько просьбъ: *во-первыхъ*— пересылаю расписку Гайдебурову. Очень благодарю за „Недѣлю“. Корреспонденцію о карнавалѣ пришлю ему, если ему она годится. Очень прошу Екатерину Осиповну перемѣнить мнѣ адресъ, который прошу васъ сообщить ей, а то и „Недѣля“ идетъ черезъ Бѣлоголоваго, что, конечно, его безпокоитъ. Вѣрѣ Павловнѣ передайте, что я не возвращаю назадъ того, что мнѣ разъ дано. Продолжаетъ ли писать въ „Недѣлѣ“ Меньшиковъ? *Во-вторыхъ*. Не можете ли вы зайти къ Шеллеру и, такъ какъ они мнѣ „Ж. О.“ не присылаютъ, взять всѣ №№, въ которыхъ печатается романъ Соборнаго и гдѣ я, какъ недавно мнѣ написала дочь Симоновой, фигурирую уже подъ своей фамиліей. Хотѣлось бы также имѣть и тотъ №, гдѣ помѣщены мои стихи. Симонова писала, что ихъ расхвалили въ „Петербургской Газетѣ“. Если бы и этотъ номерокъ можно было достать. *Въ-третьихъ*. Стихи „Грядущее“ непремѣнно включите въ сборникъ, поставивъ ихъ гдѣ-нибудь, гдѣ найдетъ лучше Алекс. Ник. Какъ мнѣ больно за него, по поводу всей этой исторіи съ ***. *Въ-четвертыхъ*. Пришлите мнѣ нѣсколько коробочекъ съ русскими оловянными солдатиками, — гвардейскую пѣхоту и кавалерію. Всѣмъ, что касается до книжки, я очень и очень доволенъ. Душевно благодарю милую Л. за ея *умныя* письма. „Русскія Вѣдомости“ получаю исправно. Въ послѣдніе два-три дня у насъ погода дождлива. Приходится сидѣть дома. Какъ это Фаусекъ умудрился такъ долго ѣхать? Это онъ виноватъ, что я написалъ вамъ такое мрачное посланіе: онъ чуть не съ вашего отъѣзда сталъ подумывать, какъ бы ему отъ меня удрать, и раздражалъ мнѣ нервы постоянными разговорами объ этомъ. А въ послѣдніе дни онъ каждый вечеръ уходилъ къ Якоби, заставляя меня одного скучать въ Java. Право, дорогая N. N., Сѣрякова порядочная женщина, и я очень радъ, что перебрался сюда. Фаусеку, конечно, вы ничего не скажете, кромѣ поклона и просьбы писать. Я принимался-было тоже за стихи, да что-то не клеится. А хороша, однако, моя сестрица, которая такъ упорно безмолвствуетъ! Положимъ, я дѣйствительно ей не отвѣчалъ, но и Симоновой, напр., я не отвѣчаю, а та преисправно пишетъ мнѣ, а вѣдь она мнѣ чужая. Очень кланяюсь О. К. Разговоръ ея съ тетушкой — верхъ прелести!.. Множество поклоновъ милому, дорогому Алек. Николаевичу. Вотъ если бы онъ какъ-нибудь собрался бы сюда! А знаете, N. N., что у Сѣряковой даютъ щи, борщъ, пироги, студень, солонину, селедки! Вотъ раздолье-то! Я не удовлетворяюсь завтракомъ и обѣдомъ, а еще и ужинаю. Вотъ и сейчасъ (пишу вечеромъ) буду ѣсть курицу. Пожелайте мнѣ хорошаго аппетита и до сви-

1885. Ницца.

Наконецъ-то собрался я и тебѣ отвѣтить, милая Нюша, и собрался главнымъ образомъ потому, что ты, видимо, сдерживалась въ своихъ письмахъ отъ привычки жаловаться и слѣдовательно хотѣла сдѣлать мнѣ пріятное. Трудно сказать тебѣ что-нибудь опредѣленное о моемъ здоровьѣ: кажется, оно порядочно. Съ ногой не все еще кончено,—но это, конечно, пустяки. Очень жаль, что ты хвораешь. Что̀ такое съ тобой? Зато очень радъ, что на праздникахъ тебѣ удалось повеселиться. Я здѣсь тоже, впрочемъ, кутилъ не мало. Ты представить себѣ не можешь, что̀ за прелесть здѣшній карнавалъ: какое богатство, какая роскошь, какое веселье! Онъ тянется нѣсколько дней, увлекая и стараго и малаго, и богатаго и бѣднаго. Подъ маской и домино всѣ равны. Я отправился на него въ костюмѣ Пьеро, въ бархатной полумаскѣ, прикрытой проволочной сѣткой, съ мѣшкомъ черезъ плечо и съ совкомъ въ рукѣ для конфетти. Знаешь ли ты, что̀ такое конфетти? Это известковые шарики, видомъ и величиной напоминающіе горохъ. Этими конфетти и происходитъ борьба. Сначала я никакъ не могъ понять, какъ это можно бросаться въ незнакомыхъ, но когда на улицѣ кто-то запустилъ мнѣ одинъ совокъ прямо въ сѣтку, прикрывающую лицо, а какая-то барышня, подкравшись сзади, осторожно высыпала цѣлый мѣшокъ конфетти мнѣ за спину (прескверное ощущенье), я разсердился и самъ принялся отстрѣливаться налѣво и направо. Во все продолженіе карнавала на улицахъ ты не встрѣтишь ни одного человѣка въ обыкновенной одеждѣ: хочешь не хочешь, а надѣвай маску и костюмъ, иначе тебя безжалостно забросаютъ. Докторъ, который меня лѣчитъ, человѣкъ очень разсѣянный,—совсѣмъ забылъ о карнавалѣ и отправился на визиты въ пальто и цилиндрѣ. Надо было видѣть, какимъ онъ вернулся съ половины дороги! Отъ шапки не осталось и помину. На цилиндры толпа особенно нападаетъ. Во все это время по главнымъ улицамъ, гдѣ происходитъ битва, разъѣзжаютъ такъ называемыя char'ы—колесницы, величиной съ добрый пятиэтажный домъ. Чтобы ты могла составить о нихъ, а также и объ отдѣльныхъ костюмахъ какое-нибудь понятіе, высылаю тебѣ рисунки этого карнавала. На одной изъ улицъ выстроены трибуны, тоже осыпающія пѣшеходовъ цѣлымъ дождемъ конфетти. Всюду

играетъ музыка, и толпа, вся безъ различія, пляшетъ вокругъ. Я тоже подхватилъ свою даму, одну русскую, въ голубомъ съ золотомъ домино, и отхватилъ съ ней на улицѣ польку. Здѣсь это принято. Такихъ битвъ confetti бываетъ три,—каждая черезъ день, а въ промежуткахъ двѣ битвы цвѣтами. Это праздникъ совсѣмъ другого рода,—праздникъ цвѣтовъ, красоты и роскоши. По длинной, въ нѣсколько верстъ, набережной, обсаженной пальмами, движутся два ряда экипажей, одинъ навстрѣчу другому, образуя какъ бы огромную карусель. Лошади, сбруя, колеса, дверцы,—все тонетъ въ свѣжихъ цвѣтахъ. Дамы—декольте и въ бальныхъ платьяхъ, и у каждой—огромныя корзины съ цвѣтами, связанными въ маленькіе букетики. Этими букетиками между собой перебрасываются знакомые и незнакомые, а съ трибуны гремитъ музыка. Вообрази себѣ чудное голубое небо, такое же море, яркій и чистый солнечный день, эту массу яркихъ нарядовъ и хорошенькихъ лицъ и длинную линію пышныхъ мраморныхъ виллъ, изъ которыхъ самая маленькая заслуживаетъ названіе дворца; вообрази себѣ ароматъ, разлитый вокругъ отъ непрерывнаго цвѣточнаго дождя, и ты будешь имѣть слабое понятіе о томъ, что называютъ здѣсь Bataille des fleurs. Я экипажа не бралъ: страшно дорого: за одинъ разъ—нужно заплатить отъ 75 до 100 франк., а просто взялъ себѣ за франкъ стулъ на набережной, купилъ корзину цвѣтовъ и перебрасывался. Впрочемъ, конфетти мнѣ больше нравятся,—тамъ больше простоты, оживленія, задора!.. Послѣдній актъ праздника—сожженіе фигуры Карнавала, начиненной 3000 ракетъ, и кромѣ того—блестящій фейерверкъ. Докторъ побоялся меня пустить вечеромъ въ толпу—и я не видѣлъ этого фейерверка, но зато устроилъ свой собственный, въ 3 часа ночи. Дѣло въ томъ, что мы, въ защиту отъ москитовъ, спимъ здѣсь всѣ подъ огромными балдахинами изъ кисеи: вотъ я и поджегъ, разумѣется, нечаянно, свой. Переполохъ поднялся ужасный и пожаръ скоро потушили, но однако успѣли погорѣть вся кроват съ тюфякомъ и подушками, мое платье и лѣтнее пальто, лежавшія около, кресло, и даже нѣсколько обгорѣлъ полъ. На слѣдующій день, когда всѣ оправились отъ страха, было немало смѣху по поводу разныхъ комическихъ эпизодовъ пожара. Теперь все уже реставрировано и приведено въ надлежащій порядокъ.

Вчера и третьяго-дня я былъ въ театрѣ. Давали „Данишевыхъ", пьесу изъ русской жизни, которую въ русской передѣлкѣ даютъ и у васъ подъ названіемъ „Анюта", и я, несмотря на то, что играла Паска, хохоталъ до слезъ, къ большому удивленію французовъ. Трудно разсказать всѣ нелѣпости пьесы и весь комизмъ костюмовъ. Особенно смѣшны были „le pope", сцена свадьбы героини и костюмы дворни, въ средѣ которой оказались и конногвардейцы, и казаки, и что-то ужъ вполнѣ непонятное! Театръ наполовину былъ полонъ русскими, и взрывы смѣха въ самыхъ трогательныхъ сценахъ раздавались безпрестанно. Паска, должно-быть, не запомнитъ въ своей карьерѣ такого спектакля. Вчера же давали

оперетку „Боккачіо" и давали очень скверно. Ни голосовъ, ни игры, ни хорошенькихъ лицъ. Да и самъ театръ очень и очень подгулялъ. У насъ и въ Кронштадтѣ клубныя сцены въ тысячу разъ лучше, а Ницца вѣдь сезонный городъ!

Только вотъ на письма я лѣнивъ,—но я нахожу, что это простительно.

О какой непріятности съ Л. пишешь ты мнѣ въ предпослѣднемъ письмѣ? Объяснись, пожалуйста, да только не забудь. На-дняхъ жду къ себѣ М. В—ну, о чемъ сообщаю тебѣ по секрету, во избѣжаніе необходимости многимъ повторять старую пословицу: Honny soit qui mal y pense. (За ореографію я не отвѣчаю, еще не успѣлъ въ этомъ отношеніи подтянуться). Книжка моя выйдетъ скоро, если только цензура не задержитъ. Третьяго-дня и вчера у меня гостилъ одинъ петербургскій знакомый, литераторъ. Онъ неожиданно получилъ 25 т. наслѣдство и укатилъ за границу. Ты слишкомъ мало и блѣдно мнѣ пишешь о всѣхъ. Неужели же ни съ моими родными ни съ моими знакомыми ничего рѣшительно не случается? Лѣнитесь вы, Анна Яковлевна, съ больными такъ поступать нехорошо! Искренно сожалѣю о непріятностяхъ Людмилы Матвѣевны. Какъ ея здоровье? Поклонись ей отъ меня, а также и Людмилѣ Алексѣевнѣ. Ты бы очень меня обязала, если бы зашла къ Плещееву и прочла бы ему отрывокъ изъ этого письма, то, что̀ не касается интимной его стороны, и пожала бы ему отъ меня покрѣпче руку: я ему не писалъ очень давно, на-дняхъ настрочу огромное посланіе. Надѣюсь, ты не откажешь мнѣ въ этомъ? Не пугаютъ ли экзамены нашихъ студіозовъ? Не собираются ли и они на лѣто за границу? Какъ здоровье ихъ всѣхъ? Все-таки я къ нимъ нѣсколько привязанъ, хоть за то, что они въ послѣднее время хороши къ тебѣ; но если я боленъ, то по ихъ винѣ, и этого никогда имъ не прощу. А какъ нехорошо поступила ты со мной съ карточкой Наташи! Устыдись и немедленно пересними ее, иначе я тебя и знать не хочу! Ну, однако довольно. Вотъ тебѣ цѣлый томъ, читай на здоровье и не лѣнись отвѣчать, а я усталъ, да и чай скоро. Да вотъ еще что̀, сдѣлай милость, не благословляй ты меня въ каждомъ письмѣ,—что̀ ты, попъ, что ли? Ужъ лучше цѣлуй, какъ я тебя теперь цѣлую. Прощай, твой братъ

С. Надсонъ.

Что̀ змѣя? Напиши о ней!

P. S. Боюсь, что рисунки карнавала не дойдутъ. Посылаю ихъ одновременно съ письмомъ, хотя, вѣроятно, они придутъ позже.

В. К. Губаревичъ-Радобыльской.

Ницца, $\frac{\text{25 марта}}{\text{7 апрѣля}}$ 1885 г.

Получилъ я вашу милую телеграмму, дорогая Валентина Константиновна, распечаталъ ее,—и въ первую минуту испугался: мнѣ показалось, что она написана по-англійски и что, вѣроятно, адресована не

мнѣ. Только съ помощью другихъ я понялъ, въ чемъ дѣло, и то надъ однимъ словомъ долго ломалъ голову: его переврали, и оно было написано: tchitiem. Что такое, думаю, тшитіемъ? Наконецъ понялъ, что это означаетъ „читаемъ“. Милый Николай Дмитріевичъ подъ карандашомъ французскихъ телеграфистовъ превратился въ Етшедроф'а,—но я догадался, что это—онъ. Теперь спѣшу отвѣтить всѣмъ вамъ, мои друзья.—Воистину воскресъ.—Воскресаю понемножку и я,—мнѣ лучше, значительно лучше, хотя до окончательнаго исцѣленія еще далеко; и ужъ чего-чего мнѣ ни приходится выдѣлывать по волѣ премудрыхъ медикусовъ. Сколько разной лѣкарственной дряни переглоталъ я за это время! Теперь, съ наступленіемъ весны, разныя гигіеническія соображенія гонятъ меня, какъ вѣчнаго жида, шляться по бѣлу свѣту: дня черезъ три-четыре я перебираюсь въ Ментону на нѣсколько недѣль, а тамъ надо отправиться въ Цюрихъ, въ Баденъ и друг. бессерменскія мѣста. Впрочемъ, я непрочь нѣсколько размяться: засидѣлся я въ этой утомительно-красивой Ниццѣ, оріѣлись мнѣ эти желтыя скалы и эта пыльная зелень оливъ,—да и душно весной въ большомъ городѣ! Къ тому же я сильно скучаю: пансіонскій персоналъ я не могу назвать особенно изысканнымъ и интереснымъ обществомъ. Это можетъ вамъ засвидѣтельствовать и Лазаревъ, на котораго я накинулся при нашемъ летучемъ свиданіи, какъ голодный на хлѣбъ; не далъ ему, бѣдному, даже спать по ночамъ. Поблагодарите его отъ меня за „Восходъ“. Къ сожалѣнію, пока я не могу еще отдарить любезную его редакцію, но непремѣнно это сдѣлаю, какъ только моя Муза стряхнетъ съ себя летаргію.

Что вы скажете о моей бѣдной, изуродованной книжкѣ? Господи, Господи, сколько дряни напихали въ нее и какъ много изъ нея выщипали того, чѣмъ я дорожилъ. Хуже всего то, что, кромѣ обыкновенной цензуры, я имѣлъ еще дѣло съ частной—суворинской. Онъ, напримѣръ, своей властью издателя, выкинулъ у меня „Герострата“, и вмѣсто него для пополненія книги нужно было включить тѣ два отчаянные блина комомъ, которые тамъ красуются подъ заглавіемъ „На чужбинѣ“ и которые были испечены съ юмористической приправой, отнюдь не для печати, и явились съ урѣзанными концами, въ которыхъ заключалась шутка. Обидно! Жду теперь достойной критической мзды за всѣ эти вольныя и невольныя прегрѣшенія.

Что новенькаго въ литературномъ мірѣ вообще и въ вашемъ кружкѣ въ частности? Давненько не встрѣчалъ я что-то подписи Людмилы Христофоровны, да и вы что-то примолкли. Одинъ Николай Дмитріевичъ, какъ видно, работаетъ. Къ сожалѣнію, я не получаю книжекъ „Недѣли“ и его стихотворенія, помѣщеннаго тамъ, не читалъ. Что бы ему прислать мнѣ въ рукописяхъ свои новинки? Не грѣхъ порадовать пріятеля, который „тоже въ Аркадіи родился“.

Кстати о стихахъ: Александръ Константиновичъ мнѣ не отвѣтилъ ни

звука на мое письмо,—окажите дружбу, справьтесь въ редакціи, что они намѣрены дѣлать съ присланнымъ мною стихотвореніемъ,—и отпишите мнѣ.

Съ пріятнымъ удивленіемъ встрѣтилъ я подъ телеграммой подпись вашего мужа. Итакъ, участь его уже рѣшена? Сообщите мнѣ объ этомъ.

Пишу вамъ въ ужаснѣйшій день, наводящій на душу щемящую хандру. Если у васъ на сѣверѣ становится грустно, когда небо въ тучахъ и дождь бьется въ окна, въ Ниццѣ такая погода просто невыносима. Что бы вы сказали, если на дѣтскомъ, радостномъ, оживленномъ личикѣ вдругъ показались бы старческія морщины? Вѣдь это просто ненормально. Зато у васъ, говорятъ, уже начинается весна. Здѣсь она незамѣтна, сады здѣсь зелены круглый годъ. Одинъ только миндаль, покрытый теперь, словно прозрачнымъ облакомъ, своимъ блѣдно-розовымъ цвѣтомъ,—необычайно нарядень и „праздниченъ“,—если можно такъ сказать. Я постыднѣйшимъ образомъ бездѣльничаю, это отражается на мнѣ очень вредно. Вижу безусловную необходимость придумать себѣ какое-нибудь обязательное занятіе,—безъ этого я рѣшительно не могу писать. Никогда я не бывалъ такъ поэтически плодовитъ, какъ въ то время, когда имѣлъ наименьшій досугъ. Мнѣ особенно хорошо пишется, когда для работы я долженъ красть время у другихъ, офиціальныхъ занятій. Бѣлоголовый обѣщалъ что-то такое подыскать для меня,—но это будетъ не раньше, чѣмъ я переберусь въ Ментону, а пока я развлекаюсь чтеніемъ французскихъ романовъ, убѣждаясь все болѣе и болѣе въ превосходствѣ нашей истинно-реальной литературы передъ помпѣзнымъ и кричащимъ французскимъ реализмомъ. Только Доде въ прозѣ да Мюссе въ стихахъ пока и понравились мнѣ. Да и то Мюссе непростительно узокъ, хотя очень простъ и задушевенъ. Но, какъ бы то ни было, отворачиваться совершенно отъ французовъ нельзя, хотя ѣдкая приправа ихъ кухни иногда и бьетъ слишкомъ сильно въ носъ.

Госпожа Кутузова очень просила меня поблагодарить Михаила Наумовича (такъ, кажется, его имя?) за исполненье ея порученья. Знаетъ ли онъ, съ какой барыней онъ бесѣдовалъ? M-lle Кузнецова—одна изъ „надеждъ“ театра. Ее очень расхваливаютъ въ рецензіяхъ.

Какъ дѣла Полевого и Скворцова? Я слышалъ, что будто оба „Обозрѣвья“ шатаются. Правда ли это? Вѣроятно, вамъ небезызвѣстно, что нѣкой, доктору правъ, Евреиновой разрѣшенъ новый „толстый“ журналъ,—„Сѣверный Вѣстникъ“; насколько я слышалъ, составъ редакціи порядочный. Журналъ будетъ выходить съ сентября. Впрочемъ, сообщать изъ Ниццы петербургскія литературныя новости по крайней мѣрѣ курьезно. Я сдѣлалъ это, чтобы доказать, что готовъ дѣлиться съ вами и тѣмъ малымъ, что имѣю здѣсь. А теперь, пока до свиданья. Несмотря на мой скорый отъѣздъ письма адресуйте въ Ниццу: France, Nice, Alpes Maritimes, Avenue Verdi, villa „Beau séjour“, pension Seriakoff.

Искренно и отъ всей души желаю вамъ, вашему мужу и всѣмъ моимъ добрымъ друзьямъ всего хорошаго. Людмилѣ Христофоровнѣ крѣпко жму руку. Дошли ли до васъ посланные мной цвѣты, и если дошли,— въ какомъ видѣ? Пожалуйста, пишите.

Вашъ С. Надсонъ.

А. Н. Плещееву.

Ницца. Первый день Пасхи (1885 г.).

Сколько лѣтъ, сколько зимъ, дорогой, милый, добрый Алексѣй Николаевичъ! Боюсь, чтобы намъ не пришлось просто наново знакомиться,— такъ давно ни я отъ васъ ни вы отъ меня не получали ни строки.

Само собой разумѣется, что вы сердитесь, и само собой разумѣется, что вы тысячу разъ въ правѣ сердиться,—и еще болѣе само собою, что вы меня простите. „Натуришка наша гнилая“, какъ говоритъ какой-то герой какого-то романа; вотъ, говоришь себѣ, завтра напишу, а проходитъ и это завтра, и послѣзавтра, и недѣля, и мѣсяцъ,—а письмо все-таки не отправлено. Впрочемъ, вы это знаете по себѣ. Хуже всего то, что не только вы сами мнѣ не пишете, но и никто другой о васъ не пишетъ съ отъѣздомъ ко мнѣ М. В.; да и вообще мнѣ никто не пишетъ. Всѣхъ вывелъ изъ себя! Надо теперь каяться и каяться!

Здоровье мое ничего себѣ, но операціи мнѣ не избѣжать. Состояніе духа скверное. Чувствую себя совершенно оторваннымъ отъ того русскаго интеллигентнаго круга, на который я ворчалъ въ Петербургѣ и который все-таки мнѣ необходимъ. Муза моя не производитъ ничего, кромѣ безчисленнаго множества разныхъ „началъ“, которымъ не суждено имѣть концовъ.

Теперь только, вдали отъ васъ и другихъ моихъ друзей, чувствую, какъ безусловно необходимо было мнѣ ваше одобреніе и совѣтъ. Бродишь, какъ въ потемкахъ. Боюсь, чтобы моя книга не легла могильной плитой на всю мою литературную дѣятельность, или, выражаясь проще, боюсь, что больше ничего не напишу. Вы, вѣроятно, читали то мое письмо къ А. А. Давыдовой, гдѣ я писалъ о книгѣ; теперь, когда она мнѣ прислана въ окончательномъ видѣ, такъ сказать, умытая и причесанная, она мнѣ нравится больше. Но все-таки есть большіе грѣхи. Попадаются и опечатки, иногда довольно досадныя. Такъ, напр., рѣка не *сквозитъ*, какъ у меня, за ракитами, а *скользитъ;* потомъ вмѣсто: межъ строкъ его болѣзненныхъ твореній, напечатано *между строчками*, что нарушаетъ размѣръ. Нарушенъ размѣръ и въ другомъ стихотвореніи, гдѣ вмѣсто: „богатствами души *соря* безъ сожалѣнья“, напечатано: „богатствами моей души сорилъ безъ сожалѣнья“. Въ „Іудѣ“ вмѣсто: „не жить, не помнить, отдохнуть“, напечатано: „не жить, не помнить, не *дохнуть*“, что выходитъ довольно забавно. Конечно, это мелочи, но въ глазахъ автора, какъ вы, вѣроятно, и сами знаете, онѣ вырастаютъ въ

большую вещь. Но вообще изданіе очень опрятное, приличное и интеллигентное; подождемъ, что скажетъ критика. Отчего только цѣна такая дорогая?

Часто ли вы видите Ивана Леонтьевича? Онъ меня очень растрогалъ, вспомнивъ обо мнѣ и приславъ мнѣ на Пасху карточку съ поздравленіемъ. Конечно, я больше былъ бы радъ менѣе офиціальному способу выражать свою дружбу, но спасибо и за то. Все-таки видно, что человѣкъ думалъ обо мнѣ и разсчитывалъ, чтобы его поздравленіе пришло какъ разъ къ Пасхѣ. Скажите ему отъ меня „воистину воскресъ". Я бы написалъ ему, да не знаю точно его адреса.

Спасибо милой, милой Александрѣ Аркадьевнѣ: она отнеслась ко мнѣ такъ сердечно, какъ это умѣютъ дѣлать однѣ женщины: въ день выхода книжки послала мнѣ телеграмму, а къ Пасхѣ выслала и самую книгу. Отчего только одинъ экземпляръ?

Васъ я не благодарю, дорогой Алексѣй Николаевичъ. Вы знаете, что если я—поэтъ, если книга вышла и если изъ меня что-нибудь выйдетъ, я этимъ обязанъ вамъ. Дорогой мой, какъ бы мнѣ хотѣлось съ вами повидаться поскорѣе! Ну, что бы вамъ лѣтомъ собраться въ Швейцарію! Да нѣтъ! Вы, какъ устрица, если и можете выползти—не выползете изъ инертности, врожденной вамъ. Если я Обломовъ,—то вы два Обломова.

Что новенькаго въ литературѣ? Отчего ваши фельетоны перестали появляться въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" и отчего въ „Недѣлѣ" нѣтъ статей о театрѣ? Здоровы ли вы? Кажется, что да, потому что въ „Новостяхъ" то и дѣло читаю вамъ благодарности за участіе въ литературныхъ вечерахъ. Или вы съ разрѣшеніемъ Евреиновой издавать журналъ намѣреваетесь отправиться въ „большое плаваніе" подъ редакторскимъ или другимъ флагомъ? Читалъ о возобновленіи „Дѣла". Чего можно ожидать отъ новой редакціи и какова вообще участь Станюковича? Гаршина повѣсти пока не читалъ. Боюсь, чтобы о всѣхъ семидесятникахъ не пришлось сказать:

„Не расцвѣлъ и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней".

Что-то роковое виситъ надъ ними и не даетъ даже безспорно талантливымъ расправить крылья. Время, что ли, такое (я, разумѣется, не дѣлаю исключенія и для себя). Прочелъ стихотворенія Тургенева: есть хорошія строки, но поэмы плохи, особенно по замыслу. Недуренъ въ этомъ отношеніи „Разговоръ", но идея развита психологически нѣсколько туманно... Я вамъ надавалъ тысячу вопросовъ; пожалѣйте меня, отшельника, и не полѣнитесь отвѣтить. Здѣсь душу отвести не съ кѣмъ въ этомъ отношеніи: одинъ Бѣлоголовый только и слѣдитъ за литературой, снабжая меня свѣдѣніями о Салтыковѣ и всѣмъ, что послѣдній пишетъ.

Я остаюсь въ Ниццѣ еще два-три дня, а потомъ уѣзжаю въ Ментону.

И слава Богу,—надоѣло мнѣ здѣсь черезъ край. Все-таки хоть мѣсто перемѣню.

Чуть-было не забылъ, что сегодня первый день Пасхи и что я съ вами не христовался, хоть письменно; Христосъ воскресе, милый падре! Скверная Пасха у этихъ сухопарыхъ французовъ! Ни колоколовъ ни нашихъ заутрень. Но мы въ пансіонѣ все-таки разговлялись ночью, и мнѣ было очень грустно, что я не въ Россіи.

И. А. Леонтьеву.

Menton, villa Ostroga, 1883.

Наконецъ-то, милый Ив. Леонт., и вы написали мнѣ нѣсколько строкъ. Пора, давно пора! Что касается меня,—меня останавливало въ моихъ покушеніяхъ писать вамъ незнаніе вашего адреса, а таковыя покушенія я обнаруживалъ еще послѣ выхода вашей „Идилліи“, о которой мнѣ хотѣлось побесѣдовать съ вами; какъ бы то ни было, а она все-таки вещь выдающаяся, и я радъ, что могъ остаться, прочтя ее, при первомъ моемъ впечатлѣніи,—помните, когда вы читали мнѣ и Мережковскому отрывокъ изъ повѣсти въ излюбленной „Вѣнѣ“. Особенно хорошъ конецъ; онъ производитъ сильное впечатлѣніе. Унылая картина гауптвахты и „дрянненькая“ дробь подмоченнаго барабана такъ тонко и умно оттѣняютъ повѣсть. Хотѣлось бы знать, надъ чѣмъ вы работаете теперь, и вообще какъ ваше „самочувствіе“. Если не полѣнитесь, сообщите.

Что до меня—я блаженствую. Были ли вы во время вашихъ странствій по заграничнымъ палестинамъ въ этихъ краяхъ? Кажется—да. Значитъ, вамъ памятны пыльно-серебристыя оливы на синевѣ неба, и море, и горы, и солнце, и розы; право, если бы я не зналъ, что авторъ картины, открывающейся съ террасы нашей виллы, сама природа, я бы обвинилъ его въ утрировкѣ и крикливости красокъ. Я остаюсь здѣсь недолго: рокъ, преслѣдующій меня въ образѣ моей больной ноги, требующей второй операціи, гонитъ меня въ Швейцарію, въ Цюрихъ, гдѣ, вѣроятно, придется порядочно полежать. Я утѣшаюсь тѣмъ, что это въ послѣдній разъ и что я буду не одинъ; ко мнѣ собираются Давыдовы, Мережковскій, сестра; будемъ, слѣдовательно, много спорить, и, можетъ-быть, шумъ этихъ споровъ разбудитъ лѣнивый сонъ, въ который погружена моя муза. Впрочемъ, я не очень оплакиваю эту непроизводительность: слишкомъ хорошо вокругъ меня, слишкомъ хочется наслаждаться непосредственно, чтобы питать какіе-либо творческіе замыслы. Теперь надо только вбирать въ себя эту красоту: она проснется въ сердцѣ подъ туманнымъ небомъ Петербурга, и тогда можно будетъ писать.

Здоровье мое, говорятъ, поправляется, но я нахожу, что слишкомъ медленно. Боюсь, чтобы и со мной не приключился тотъ скверный анекдотъ, который выпалъ на долю одной нѣмецкой коровѣ: она со-

всѣмъ было-отвыкла ѣсть, да, къ несчастью, умерла. Такъ и я: совсѣмъ бы выздоровѣлъ, если бы мнѣ не грозила опасность умереть. Впрочемъ, эту скучную матерію въ сторону. Тутъ и умирать весело. Вы сѣтуете на то, что въ Питерѣ „холодно“ живется, что только изрѣдка можно отогрѣться у падре. Хотѣлось бы мнѣ знать, что бы вы сказали, повидавъ нашихъ соотечественниковъ за границей и будучи принуждены пользоваться въ продолженіе года ихъ обществомъ? Жаль, что я не пишу беллетристики, а то здѣсь можно было бы пособрать богатый матеріалъ. До-нельзя омерзительны всѣ эти разжирѣвшіе богачи, герои и жертвы рулетки, всѣ эти либералы до перваго случая и ретрограды, открыто шпіонничающіе. Въ особенности блестящее общество собиралось въ русскомъ пансіонѣ Сѣряковой, въ Ниццѣ. Въ концѣ концовъ я просто не могъ выносить ея табль-д'отовъ и бѣжалъ въ Ментону, изъ опасенія наговорить кому-нибудь дерзостей. Зато я отвожу душу съ Бѣлоголовымъ и Острогой. Первый въ особенности большая умница. На виллѣ получаются журналы и газеты, и по нимъ я слѣжу за отечественнымъ прогрессомъ.

Однако солнце жжетъ невыносимо. Кефиръ мой бурлитъ и рветъ пробку, нужно торопиться допивать его. Какъ жаль, что солнечное пятно, упавшее на этотъ листъ въ настоящую минуту, не дойдетъ къ вамъ. Оно лучше всего объяснило бы вамъ, почему въ голову мою ничего не идетъ, и перо ходитъ лѣниво, и хочется кончить и растянуться на кушеткѣ въ лѣнивой дремотѣ. Прощайте, не забывайте меня, пишите побольше, а я пью за ваши будущіе успѣхи стаканъ кефира.

А. Н. Плещееву.

Ментона. Числа не знаю. Villa Ostroga.

Здоровье мое въ послѣдніе дни хуже; я, должно-быть, простудился, и простудился самымъ подлымъ образомъ въ Монте-Карло. Наконецъ-то и мнѣ удалось на-дняхъ побывать въ этомъ капищѣ „золотого тельца“. Признаюсь, я ждалъ большаго впечатлѣнія: правда, казино по своей роскоши не уступитъ любому дворцу; расположено оно прелестно, но сама рулетка не оправдала моихъ ожиданій. Эти грудами наваленныя на зеленыхъ столахъ деньги въ такой массѣ совершенно не производятъ впечатлѣнія денегъ: такъ, какіе-то блестящіе кружки, нѣчто въ родѣ условныхъ костяныхъ марокъ. Къ тому же и крупье и сами игроки, привыкшіе къ виду этихъ тысячъ, ежесекундно проходящихъ черезъ ихъ руки, обращаются съ ними самымъ хладнокровнымъ образомъ, швыряя ихъ по столу, какъ какія-нибудь щепки. Я видѣлъ только одно взволнованное лицо,—это было лицо М. В., которая проявила такой азартъ, какого я никакъ отъ нея не могъ бы ожидать. Результатомъ нашей игры, очень скромной по риску, былъ выигрышъ въ пятьдесятъ пять франковъ, честь котораго принадлежитъ всецѣло М. В. Хорошо,

что я ее во-время утащилъ, а то она бы, вѣроятно, опять проиграла. Въ тотъ же день фортуна и другимъ образомъ доказала мнѣ свою благосклонность: я выигралъ въ лотерею т. н. „bon“ на двѣнадцать купаній. А такъ какъ мнѣ купаться не приходится, вы можете судить, какъ меня это обрадовало. Утѣшаюсь тѣмъ, что билетъ стоитъ всего 50 сантимовъ, и что лотерея разыгрывалась въ пользу французовъ, раненыхъ въ Тонкинѣ,—слѣдовательно съ благотворительною цѣлью. На-дняхъ я высылаю вамъ мою физію, но прошу васъ не слишкомъ довѣрять тому цвѣтущему виду, который она имѣетъ на фотографіи. Возьмите среднее между моей висбаденской карточкой и этой, и вы получите искомое. Тщетно ищу я въ „Русск. Вѣдом.“, „Еженедѣльникѣ“, „Живоп. Обозр.“ и въ „Новостяхъ“ хоть строки о моей книгѣ—все безмолвно. Неужели же я настолько плохъ, что о моей книгѣ и упоминать не стоитъ? Впрочемъ, несмотря на это молчаніе, мнѣ очень жаловаться не приходится; говорятъ, книга идетъ хорошо, а это много значитъ. Самъ я пока ничего не пишу, по сотнѣ причинъ и, главнымъ образомъ, потому, что не знаю, какъ мнѣ смотрѣть на себя: или выздоровленіе для меня возможно и передо мной еще довольно времени для дѣятельности, или нѣтъ,—и тогда ни за что не стоитъ приниматься... Читали ли вы стихи, присланные мною въ письмѣ къ Д.? Дѣлайте съ ними, что хотите,—мнѣ все равно. Кстати о стихахъ; странная вещь: пока я читалъ Апухтина въ рукописяхъ, онъ мнѣ очень нравился, а на страницахъ „Русской Мысли“ нравится гораздо меньше. Есть даже вещи несомнѣнно плохія. Раздѣляете ли вы это мнѣніе? Какого, однако, урода пригласила „Рус. Мысль“ въ лицѣ нѣкоего С**. Вотъ трескъ, вотъ наборъ словъ.

Въ первыхъ моихъ письмахъ изъ Франціи я вамъ писалъ и о Ментонѣ, но о чемъ теперь и кому я ни пишу,—природа невольно просится подъ перо. Если бы вы могли только вообразить себѣ, какая прелесть этотъ садъ! Жизненная сила природы изумительна: вилла *буквально* тонетъ въ цѣломъ морѣ розъ всевозможныхъ оттѣнковъ, начиная съ бархатныхъ темно-малиновыхъ, величиной чуть ли не въ тарелку, и кончая маленькими бѣлыми, не больше военныхъ пуговицъ (простите за прозу). Къ сожалѣнію, мы съ М. В. не можемъ здѣсь дышать вполнѣ спокойно, я пишу это, разумѣется, вамъ одному. Она постоянно безпокоится за Э. К. и за Л.*, которымъ тоже живется очень несладко, а я—за нее. Я не узналъ ея, когда она пріѣхала, такъ ее измучилъ проклятый вашъ Питеръ. Однако кончаю.

Нетерпѣливо жду вашего отвѣта. Это письмо пишу вамъ мимоходомъ; считайте его не за увертюру, а за музыкальный антрактъ. Выѣзжаемъ отсюда недѣли черезъ двѣ. Нашъ адресъ: Menton, villa Ostroga, такому-то. Низко-низко кланяюсь всѣмъ друзьямъ и знакомымъ, а васъ, несмотря на ваше „сердце“ на меня, отъ души и крѣпко цѣлую. Прощайте, милый, дорогой Алексѣй Николаевичъ.

Вашъ С. Надсонъ.

В. А. Фаусеку.

Ментона, числа не знаю 1885.

Давно не писалъ вамъ, милый Викторъ Андреевичъ, и не писалъ самъ не знаю почему. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы и вы особенно баловали меня въ этомъ отношеніи, Богъ вамъ прости! Ни слуху ни духу! Что̀ дѣлаете, что̀ думаете, гдѣ бываете? Ничего неизвѣстно. Знаю одно, что увлекаетесь О. К., причемъ не могу не похвалить вашего вкуса. Само собой разумѣется, что это не одобряется А. А., ибо двѣ медвѣдицы въ одной берлогѣ не уживаются. Сегодня получилъ отъ Александры Аркадьевны Давыдовой письмо; она выѣхала за границу и будетъ ждать насъ въ Бэ. Я хотя искренно радъ повидать всѣхъ ихъ,—но и съ Ментоной жаль мнѣ разстаться, такъ какъ живется мнѣ тутъ очень хорошо. Природу не описываю, вы сами ее видѣли, но на нашей villa Ostroga и кромѣ природы много хорошаго, и прежде всего общество. Мы большіе друзья съ Мисей Острога, хотя ежеминутно ругаемся. Получаются тутъ журналы и газеты, и я наверсталъ потерянное въ этомъ отношеніи. Совершенно согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ о „Надеждѣ Николаевнѣ“, за которую отъ души благодарю милую Гаршиньку. Въ повѣсти есть лицо особенно мнѣ симпатичное—это рыжій котъ. Увы, Остроги боятся и не любятъ кошекъ, и мнѣ приходится здѣсь лишать себя этого удовольствія. Вы—злодѣй, порученій не исполняете и ведете себя дурно: на „Новое Время“ не подписались, не увѣдомивъ „почему“. О книгѣ мнѣ ничего не пишете *). Солнце мое, зайдите въ магазинъ и узнайте слѣдующее: 1) Сколько по окончательной распродажѣ книги достанется Литературному Фонду? 2) Сколько экземпляровъ уже продано? 3) Продается ли книга въ провинціи? Еще одна необходимая просьба: ради неба пріобрѣтите и вышлите мнѣ еще одинъ экземпляръ: онъ мнѣ необходимъ до зарѣзу. Я бы выслалъ вамъ деньги, да какъ выслать 1 р. 50 к.? Не было ли еще рецензій, кромѣ тѣхъ, которыя я читалъ, т.-е. „Новаго Времени“, „Кроншт. Вѣстника“ и „Недѣли“? Не знаете ли, что̀ говорятъ о книгѣ въ публикѣ?—Вообще пишите все, что̀ знаете объ этомъ.

При семъ получите мое изображеніе, сдѣланное иждивѣденіемъ (?) Остроги; не очень ему вѣрьте: я изображенъ въ нѣсколько утолщенномъ противъ истины видѣ. О здоровьѣ не пишу: теперь мнѣ нѣсколько хуже,—простудился.

Какъ ваши экзамены и что̀ намѣрены вы дѣлать съ собою лѣтомъ? Мнѣ опять приходится шататься. Я купилъ себѣ огромную соломенную шляпу и бѣлый зонтикъ и теперь имѣю видъ завзятаго туриста. Ужасно мнѣ жаль, что не могу вамъ въ письмѣ написать ничего новаго и интереснаго, такъ какъ я недавно писалъ Гаршину и Плещееву и съ содержаніемъ этихъ писемъ вы, вѣрно, знакомы.

---

*) Здѣсь идетъ рѣчь о собраніи стихотвореній Надсона.

Вчера пріѣзжала изъ Босежура Н. З., но мы съ ней въ контрахъ. Н. К. тоже оказалась при ближайшемъ разсмотрѣніи иной, чѣмъ я думалъ, зато въ самой Я* мы съ вами ошиблись—она женщина очень хорошая и привѣтливая, и все непріятное въ ней—кажущееся. Самъ великій докторъ, хотя и выигрываетъ при болѣе близкомъ знакомствѣ, какъ человѣкъ, проигрываетъ, какъ ученый—удивительно ловко умѣетъ онъ выставить на видъ и усилить свои хорошія качества, а на самомъ дѣлѣ онъ сильно и сильно односторонненъ и узокъ.

М. В. была въ Жава: румынъ оттуда уѣхалъ. Пихлеръ и Шварцъ тоже. Общество тамъ новое. Распри между М-me и М-r Жава продолжаются. Эжени позорно перешла на сторону М-r, за то и была изгнана, какъ Ева изъ рая. М-me Жава при свиданіи съ М. В. увѣряла, что на меня вовсе не сердится, что наоборотъ toute la maison l'adorait и что она beaucoup pleuré (?), когда меня увезли. Пусть вретъ, сахарная дура!

Звѣрски читаю по-французски, и—о, прогрессъ!—способенъ даже зачитываться книгами, написанными на этомъ бессерменскомъ языкѣ. Вообще,—цивилизуюсь, но до рѣшимости съѣсть устрицу не дошелъ.

Уѣзжая изъ Ниццы, были съ прощальнымъ визитомъ у Бурдона. Здѣсь мое общество составляютъ, кромѣ Остроги, еще Брокеры. Вы ихъ, кажется, не знаете. Люди очень милые и неглупые, хотя немножко пахнутъ провинціей. Голубчикъ, Фаусекъ, пишите мнѣ почаще, а мнѣ пока не о чемъ. Ей-Богу, буду отвѣчать возможно аккуратно! Подумайте, сколькимъ мнѣ приходится писать и все одно и то же. Гаршину и его женѣ поклонъ. Если онъ мнѣ не отвѣтитъ, я его прокляну. Прощайте, дружище.

Вашъ С. Надсонъ.

Разумѣется, М. В. кланяется. Надѣюсь, что всѣ мои просьбы исполните и увѣдомите меня возможно скорѣе.

М. О. Меньшикову.

1885.

Думалъ-было, друже, ограничиться однимъ письмомъ къ Абрамову, да ваше посланіе написано такъ задушевно, такъ задушевно-грустно,—что даже моя лѣнь отступаетъ на дальній планъ. А знаете что: вѣдь вы навѣрное пытаетесь чѣмъ-нибудь объяснить эту одолѣвшую хандру,—службой, что ли, или другими неудачами. Не объясняйте ее ничѣмъ, иначе вы ошибетесь; это—просто въ воздухѣ и въ эпохѣ, и будетъ все хуже и хуже... Знаю это по опыту: какъ бы ни складывалась жизнь,—а я все-таки хандрилъ, приписывая свое тяжелое душевное настроеніе то обстоятельствамъ, то болѣзни, пока не понялъ, что можно отлично хандрить „просто такъ",—wie der Vogel singt и вороны летаютъ. Это не безпричинная розовая печаль неудовлетворенной п—, простите

слово—любострастной юности; нѣтъ, это тотъ неврозъ, которымъ мы расплачиваемся и за грѣхи прошлаго и за наше настоящее развитіе. По-моему, близокъ день, когда нервы сдѣлаются пятой стихіей,— главной и основной міровой силой. Конечно, лучшее лѣкарство—трудъ, какой бы то ни было трудъ, но это все-таки только лѣкарство, а не исходъ. Я золъ на васъ, золъ на то, что вы такъ малодушно и трусливо не вѣрите въ себя, въ свой талантъ и въ свои силы. Да знаете ли вы, что даже ваше письмо ко мнѣ художественно и, что дороже всего, художественно той красотой разлада, какой красивы стихи Гейне и пѣсни Шопена—этого музыкальнаго Гейне. „Встань, проснись, пробудись!“ Кто ничѣмъ не рискуетъ? Спросъ не бѣда... Пробудитесь и ободритесь, жалкій трусъ, пишите,—„ибо это есть ваша доля на землѣ“, какъ говоритъ Экклезіастъ. Вижу васъ отсюда сосущимъ лапу въ вашей берлогѣ, передъ искусственнымъ солнцемъ искусственнаго „благодатнаго юга“, или щиплющимъ струны гитары, и негодую отъ всей моей души. Будь я съ вами, я бы насильно свелъ васъ съ литературнымъ кругомъ; но, увы, между нами тридевять земель и тридесять царствъ! Кстати обо мнѣ,—ибо говорить о себѣ свойственно сердцу человѣческому: не думайте, чтобы я былъ здоровъ и обрѣтался въ розовомъ настроеніи сентиментовъ. „Отнюдь!“ Но по крайней мѣрѣ, если я и умираю, то не очень замѣтно. Во всякомъ случаѣ, надѣюсь еще, что такъ или иначе, а судьба столкнетъ насъ.

. . . .

Никакихъ міровыхъ вопросовъ въ „Буддѣ“ я не намѣренъ разрѣшать,—да и какъ вообще можно разрѣшать „міровые вопросы“; но что поэма ихъ коснется—это неизбѣжно, коснется настолько, насколько касается ихъ легенда о Буддѣ,—и что это будетъ современно—это тоже вѣрно.

Оканчиваю письмо и жду цѣлыхъ томовъ отъ васъ съ Абрамовымъ. Прощайте, прощайте, прощайте—и помните обо мнѣ, а я васъ вѣчно ношу въ своемъ сердцѣ.

В. А. Фаусеку и В. М. Гаршину.

1885.

Пишу вамъ, милые друзья мои, Викторъ Андреевичъ и Всеволодъ Михайловичъ, изъ Турина, гдѣ остановился, чтобы отдохнуть въ своемъ стремленіи къ соединенію съ солнцемъ, — т.-е. съ Александрой Аркадьевной. Усталъ я ужасно: ѣхалъ цѣлый день и, можетъ-быть, именно поэтому я и не могу спать, а такъ какъ сегодня кстати я получилъ письмо отъ Виктора Андреевича,—то и пользуюсь этимъ удобнымъ досугомъ, чтобы отвѣтить вамъ обоимъ. Не знаю только, что подвернется мнѣ подъ перо, ибо никакихъ событій со мной за эти послѣдніе дни не случалось, а здоровье мое находится въ прежнемъ по-

ложеніи. Съ критикой на „Надежду Николаевну“ тоже прошу немного повременить: я хочу прочесть ее еще разъ и сдѣлать это дѣло такъ основательно, что хоть печатай. Надѣюсь, что я-то сумѣю отнестись къ Всеволоду Михайловичу безъ всякой jalousie de métier, какъ это, по выраженію В. А., сдѣлалъ со мной Минскій. Впрочемъ, самъ я его рецензіи не читалъ и боюсь, не очень ли вы погорячились, мои друзья, въ вашихъ нападкахъ на него? Вы знаете, что я ни въ какомъ отношеніи не принадлежу къ числу его поклонниковъ; но, положа руку на сердце, я долженъ сказать, что самъ въ немъ этой jalousie никогда не замѣчалъ, и что назвать его дурнымъ человѣкомъ я не могу, хотя я и не назову его и симпатичнымъ. Главная его бѣда, по-моему, въ томъ, что онъ страшно становится на ходули и ломается. Будь онъ проще, онъ былъ бы лучше.

Съ виллой „Острога“ я разстался самымъ теплымъ и задушевнымъ образомъ. Мы съ М. В. пришлись какъ нельзя лучше „ко двору“ тамошнему обществу. Намъ устроили сегодня цѣлые проводы и, что̀ очень драгоцѣнно,—снабдили насъ на дорогу разными съѣстными припасами. Говорю „драгоцѣнно“, потому что безъ этого на итальянскихъ дорогахъ рискуешь умереть съ голоду: нигдѣ ни одного буфета. Что̀ бы тутъ сдѣлалъ какой-нибудь русскій любитель „рюмочки“, пользующійся и дорогой, какъ однимъ изъ удобныхъ средствъ „наклюкаться“?

Но вотъ я и не любитель „рюмочки“, а Италіей рѣшительно недоволенъ: мѣстность отъ Ментоны до Турина такая скучная, неживописная и прозаическая, что я пожалѣлъ о томъ, что не избралъ дороги на Марсель. Къ тому же и день выдался скверный: моросило, низкое небо, жиденькая, плохо развернувшаяся зелень, сѣренькіе городишки и мошенникъ-кондукторъ, надувшій насъ на цѣлые три съ половиной франка. А я ожидалъ отъ него, что онъ будетъ благороденъ и честенъ, какъ Гарибальди. Вотъ тебѣ и Гарибальди!

Въ Туринѣ мы намѣрены остаться весь завтрашній день и выѣхать въ Женеву только послѣзавтра утромъ: я хочу осмотрѣть выстроенныя здѣсь средневѣковую деревню и за̀мокъ и по Швейцаріи ѣхать непремѣнно днемъ, что̀ было бы невозможно, если бъ я не рѣшился пожертвовать Турину двѣ ночи. Впрочемъ, такимъ образомъ я и отдохну лучше, что̀ вовсе и вовсе не лишнее. Пугаетъ меня очень погода въ Женевѣ: послѣ ментонскаго рая приниматься за топку и ежиться въ комнатахъ куда какъ невесело.

Скажу вамъ, други мои, еще одну штуку: меня начинаетъ невыносимо тяготить мое состояніе человѣка, живущаго невѣдомо на чьи средства. Въ особенности мнѣ непріятно, что все-таки пришлось взять еще изъ Литературнаго Фонда. Пожертвованіе мной дохода съ книги, за которое я получилъ благодарность (sic), оказывается, значитъ, одной пустой комедіей. Они могутъ подумать, что я весь этотъ фортель выкинулъ для того, чтобы вѣрнѣе получить выдачу. Знаю, что вы не

согласитесь со мной, но не могу все-таки не высказать этого тяжелаго чувства. Охъ, лучше бы и не затѣвать всей этой исторіи съ моимъ лѣченіемъ.

Однако я ударяюсь въ меланхолію... да и вообще, собственно говоря, написалъ преглупое письмо, чортъ знаетъ съ чего и чортъ знаетъ въ какое время,—проѣхавъ цѣлый день,—ночью! Не одобряю!.. Не хочу и до конца страницы дописывать!.. До свиданья!..

Nizza, 9. April 1885.

Vielleicht erinnern Sie sich noch, tiefgeehrter Herr Professor, jenes jungen kranken russischen Dichters, der diesen Herbst im Durchreisen in Wiesbaden es sich als ein besonderes Glück anrechnete Ihre Bekanntschaft gemacht und ein Autograph von Ihnen auf Ihrer Photographie bekommen zu haben? Seinerseits wird er gewiss diesen Tag nie vergessen:

Es giebt im Leben Augenblicke,
Die man „Momente" nennt...

Gerade so ein „Moment" war mir jene halbstündige Zusammenkunft, als Sie die Liebenswürdigkeit hatten mich. Leberberg Nr. 1, zu besuchen. Da ich mich anmasse zur Zahl der gegenwärtigen russischen Litteraturkräfte, die im letzten Jahrzehnt auf der Litteraturbahn aufgetreten sind, zu gehören, und da ich weiss, wie Ihnen die russische Poesie nahe am Herzen liegt, bin ich recht glücklich die Möglichkeit zu haben, Ihnen, für Ihren so freundlich gegebenen Autograph die so eben erschienene Auflage meiner Gedichte schicken zu können. Mir scheint, dass der Charakter meiner Poesien nicht ganz fremd dem der deutschen Poesie ist. Die Zeit des Mittelalters, der Minnesänger und der Ritterturniere—diese von Kraft und Poesie strotzende Jugend Germaniens ins besondere und Europas im Allgemeinen—machte noch auf der Schulbank einen grossen Eindruck auf mich. Sie werden sich leicht davon überzeugen, wenn Sie sich die Mühe geben würden das Gedicht „Грезы" zu lesen, das Sie in meinem Buche finden. Meine übrigen Gedichte tragen allesammt den Abdruck der Philosophie unseres Jahrhunderts und zeichnen sich meistentheils durch einen etwas dunklen Colorit aus. Ich überlasse übrigens es Ihnen selbst Ihre eigene Meinung zu fassen. Da ich Ihrer Adresse mich nicht erinnere, schicke ich Ihnen das Buch nicht geradewegs und bin also nicht ganz sicher, dass Sie es bekommen. Darum werde ich Ihnen recht dankbar sein, wenn Sie die Güte haben würden. mich mit ein paar

Zeilen zu benachrichtigen, ob meine Gedichte richtig in Ihre Hände gelangt sind. Ich zeichne mich als tiefster Verehrer Ihres poetischen Talents. S. Nadson *).

[Переводъ]. Можетъ-быть, вы еще помните, глубокоуважаемый господинъ профессоръ, того молодого больного русскаго поэта, который эту осень, проѣзжая чрезъ Висбаденъ, счелъ за особенное счастье съ вами познакомиться и получилъ отъ васъ фотографическій портретъ съ вашею подписью. Съ своей стороны я этотъ день никогда не позабуду: „Существуютъ въ жизни мгновенья, которыя называются моментомъ". Ваше посѣщеніе было для меня именно такимъ моментомъ (Леберборгъ, № 1, Висбаденъ). Такъ какъ я имѣю смѣлость причислять себя къ числу русскихъ литературныхъ дѣятелей, которые въ послѣднее десятилѣтіе выступили на литературное поприще, и такъ какъ я знаю, до какой степени вы интересуетесь русскою поэзіею, то считаю себя вполнѣ счастливымъ, что могу вамъ, за вашъ столь любезно данный мнѣ автографъ, препроводить только-что вышедшее изданіе моихъ стихотвореній. Мнѣ кажется, что характеръ моихъ стиховъ не совсѣмъ чуждъ нѣмецкой поэзіи. Средніе вѣка съ пѣвцами и турнирами, переполненные поэзіею, въ особенности въ Германіи и вообще въ Европѣ, сдѣлали на меня, еще на школьной скамьѣ, сильное впечатлѣніе. Вы легко въ этомъ убѣдитесь, если потрудитесь прочитать мое стихотвореніе: „Грезы". Мои прочія стихотворенія всѣ носятъ отпечатокъ философіи нашего столѣтія и исполнены, большею частью, нѣсколько грустнаго колорита. Я предоставляю, впрочемъ, вамъ самимъ судить о моихъ стихахъ. Такъ какъ я не помню вашъ адресъ, то посылаю вамъ книгу свою не прямымъ путемъ, и потому не совсѣмъ увѣренъ, что вы ее получите. Поэтому буду вамъ очень благодаренъ, если вы будете такъ добры извѣстить меня нѣсколькими строками о полученіи моихъ стихотвореній. Считаю себя глубочайшимъ почитателемъ вашего поэтическаго таланта. С. Надсонъ.

Н. А. Бѣлоголовому **).

Женева, май 1885 г.

Ей-Богу,—не я, многоуважаемый Николай Андреевичъ, все она! Однако этакъ вы ничего не поймете, и поэтому я объяснюсь болѣе связно. Дѣло въ томъ, что въ Женевѣ мерзкая погода, такая мерзкая, хуже которой и не выдумаешь, и что мы сдѣлали преотвратительное путешествіе: въ Кюлоцѣ, гдѣ пришлось намъ мѣнять вагоны, мы попали подъ проливной дождь, прошлепали нѣсколько саженей по лужамъ, и я вымокъ весьма основательно. Къ счастью, дѣло, кажется, обошлось безъ дурныхъ послѣдствій: я сейчасъ же въ вагонѣ перемѣнилъ сапоги и сегодня не ощущаю ухудшенія своего состоянія. Лихорадки вчера вечеромъ не было, такъ что я надѣюсь, что все обойдется. Зато здѣсь, въ Женевѣ, не обладая вашими твердыми принципами, я позорнѣйшимъ

*) Это письмо было написано С. Я. Надсономъ по-нѣмецки. Но, въ виду того, что онъ недостаточно хорошо зналъ нѣмецкій языкъ, оно, передъ отправленіемъ по назначенію, было исправлено другимъ лицомъ.

**) Извѣстный русскій докторъ, жившій за границей.

образомъ затопилъ каминъ, около котораго и отогрѣваю свою застывающую персону. Вѣтеръ, дождь, тучи!.. Право, можно подумать, что вокругъ не швейцарскій май, а питерскій октябрь! Хорошо еще, что, когда мы ѣхали Савойей, солнышко сжалилось надъ нами и проглянуло на минуточку понѣжиться на снѣгахъ Альпъ, — а то я уже сталъ-было импровизировать разные пасквили на природу, въ родѣ слѣдующаго:

Ели, горы,—горы, ели...
Бѣлымъ снѣгомъ крыты хвои...
Ахъ, какъ вы мнѣ надоѣли,
Виды сумрачной Савойи!..

Изъ Ментоны мы выѣхали въ среду утромъ. Вечеромъ были въ Туринѣ. Волненіе не помѣшало однако мнѣ крѣпко уснуть, а когда на слѣдующее утро я открылъ глаза, „bella Italia“ встрѣтила меня барабаннымъ боемъ дождя по стекламъ и крышѣ отельной мансарды, въ которой М. В. свила свое совиное гнѣздо. Впрочемъ, дождь оказался сравнительно еще милостивымъ и далъ намъ возможность нѣсколько ознакомиться съ городомъ.

Больше всего мнѣ понравилось то, что въ Туринѣ такая масса зелени. Липовый и каштановый паркъ, по-моему, очень эффектенъ. Были мы въ музеѣ искусствъ, гдѣ видѣли Рафаэля, Веронеза, Доминика, Сальватора-Розу и другихъ. Были въ музеѣ оружія, гдѣ есть вещи работы Бенвенуто Челлини (я въ нихъ ничего не понялъ, сознаюсь откровенно), и, позавтракавъ въ какой-то харчевнѣ весьма сомнительнаго достоинства, отправились смотрѣть знаменитый замокъ. Не знаю, видѣли ли вы его? По-моему, это прелесть, и побродить въ его комнатахъ весьма полезно для пишущаго. Эти высокіе покои съ ихъ холодной и тяжелой роскошью, эти каменныя лѣстницы, зубцы, бойницы, живопись на стѣнахъ и темные подвалы тюремъ—отлично иллюстрируютъ средніе вѣка. Хороша и деревня вокругъ. Мнѣ жаль, что я не видалъ этого раньше: я бы свои „Грезы“ написалъ иначе. Несмотря на такое многохожденіе, нога моя въ состояніи удовлетворительномъ, лучше даже, нежели въ Ментонѣ. Послѣ всѣхъ этихъ приключеній, мы переночевали въ Туринѣ еще ночь и вчера, выѣхавъ въ 9 ч. утра, пріѣхали вечеромъ, въ 8 ч., въ Женеву, гдѣ и увидѣлись съ Д. Сегодня опять льетъ дождь,—выйти немыслимо, и я сижу и здѣсь. Напишу вамъ письмо и примусь за присланнаго мнѣ вами Сюлли-Прюдома, за котораго отъ всей души благодарю васъ. Какъ вы мнѣ посовѣтуете поступить въ данныхъ обстоятельствахъ? Оставаться ли здѣсь, или перебраться до Цюриха на недѣльку въ Бе или Монтре?

Съ большимъ удовольствіемъ сообщилъ бы вамъ что-либо о вашихъ ментонскихъ знакомыхъ, но съ вашего отъѣзда прошло такъ немного времени, что случиться еще ничего не успѣло (вотъ такъ фраза!). Проводили насъ очень сердечно и тепло. В. и М. доѣхали даже съ нами до Бордигеры. Всѣ они здоровы и веселы. А теперь позвольте пожать вамъ руку и откланяться.

А. Н. Плещееву.

Женева, 3-го мая 1885 г.

Смерть-холодно, дорогой Алексѣй Николаевичъ. Ну, занесъ меня чортъ въ благословенную сторонку,—нечего сказать! У насъ въ Ментонѣ было давнымъ-давно теплое лѣто; цвѣли розы, пѣли соловьи, въ горахъ кричали кукушки, — а здѣсь каждый день приходится топить каминъ и ежиться отъ холода; весьма скверно... Наконецъ-то увидался я и съ А. А. Не скажу, чтобъ впечатлѣніе, произведенное нами взаимно другъ на друга, было бы вполнѣ благопріятно. Мнѣ въ ней многое, очень многое не нравится, такъ что я даже сильно подумываю устроить революцію. Конечно, этотъ разрывъ можетъ быть по причинамъ матеріальнымъ весьма невыгоденъ для меня, мало того—просто губителенъ, но я не стану кривить душой изъ-за денегъ и расчетовъ, которые съ каждымъ днемъ становятся мнѣ все омерзительнѣе и омерзительнѣе. Авось какъ-нибудь навернется работа, которая позволитъ мнѣ съ грѣхомъ пополамъ просуществовать еще годикъ за границей; а нѣтъ—вернусь въ Питеръ. Нельзя ли пристроить меня въ качествѣ критика къ Евреиновой? Книги мнѣ можно было бы посылать, а отзывы о нихъ я, право, могу дѣлать не хуже кого другого: въ этомъ я убѣждаюсь все болѣе и болѣе изъ разныхъ рецензій и библіографическихъ отдѣловъ. Голубчикъ Алексѣй Николаевичъ, побесѣдуйте объ этомъ въ возможно скоромъ времени съ Евреиновой и дайте мнѣ положительный отвѣтъ. Вы понимаете, что для меня это, вѣроятно, дѣло жизни и смерти. Посылаю вамъ злополучное стихотвореніе, залежавшееся у Шеллера, и убѣдительно прошу написать, какого вы о немъ мнѣнія. Вы очень ошибаетесь, объясняя себѣ въ дурную сторону то, что стихи мои я присылаю другимъ, а не вамъ. Вѣрьте мнѣ,—вашему мнѣнію я придаю большее значеніе, чѣмъ всѣмъ моимъ друзьямъ и всѣмъ критикамъ вмѣстѣ. Въ присылаемыхъ мною теперь стихахъ, я знаю самъ, кое-что не ладно; но, право, мнѣ кажется, что только „кое-что“, а не все. Впрочемъ, если вы ихъ и обругаете, я очень огорченъ не буду и даже совсѣмъ не буду огорченъ, —говорю это, положа руку на сердце.

Въ Женевѣ я второй день; во вторникъ утромъ мы выѣхали изъ Ментоны въ Туринъ, гдѣ провели цѣлый слѣдующій день. Путешествіе мое на этотъ разъ я не могу назвать очень удачнымъ, такъ какъ все время шелъ дождь и было холодно, а безъ солнца эти страны такъ много теряютъ, что не похожи сами на себя. Впрочемъ, Савойя очень красива, хотя Монъ-Сенизъ и пахнулъ на меня изъ своего туннеля чисто-роднымъ холодомъ. Ну ужъ удовольствіе этотъ туннель. Ужасно жутко полчаса мчаться по душному, темному, сырому и узкому каменному склепу. Всѣ невольно оживляются, когда въ окна вагона закрадывается наконецъ съ приближеніемъ къ выходу дневной свѣтъ, — а то такъ и кажется, что или эта громада, которая надъ вами, рухнетъ внизъ, или поѣздъ

разобьется въ дребезги о каменныя стѣны. Самъ Туринъ—городокъ довольно красивый, весь потонувшій въ каштановыхъ садахъ. Мы съ М. В. не преминули побродить въ его музеяхъ, полюбоваться на работы Рафаэля, Веронеза, Сальватора-Розы и другихъ корифеевъ живописи; причемъ я такъ-таки ровно ничего не понялъ въ этихъ шедёврахъ, въ чемъ съ прискорбіемъ сознаюсь. Но что̀ мнѣ страшно понравилось, это средневѣковый городокъ съ за̀мкомъ владѣтельнаго барона, оставшійся въ Туринѣ еще съ выставки. Это дѣйствительно городъ, состоящій изъ двухъ десятковъ каменныхъ домовъ, выстроенныхъ такъ прочно и точно, какъ будто бы они предназначаются внаймы. Самъ за̀мокъ, съ его тяжелой роскошью, съ полумракомъ молельни, подъемнымъ мостомъ, подземной темницей и обстановкой, такъ и вѣетъ средними вѣками. Жаль, что я его не видалъ, когда писалъ „Грезы“,—я бы придалъ первой части ихъ совсѣмъ другой колоритъ. М. В. продолжаетъ дѣлать меня счастливымъ своимъ присутствіемъ. Она вамъ не пишетъ, потому что пишу я. Ради Бога, поберегите ее въ Питерѣ, когда она вернется, а потомъ сплавьте ее опять какъ можно скорѣе ко мнѣ.

Послѣзавтра меня везутъ показывать здѣшней знаменитости, Цану. Во вторникъ всѣ мы уѣзжаемъ въ Монтрё, гдѣ я пробуду съ недѣлю, а потомъ опять отправлюсь для операціи въ Цюрихъ. Да вотъ еще что̀: нельзя ли отъ кого-нибудь достать мнѣ знаменитую критику Vilenkina, о которой изъ всѣхъ разсказовъ я не могу составить себѣ никакого понятія. Д. ее почему-то не привезла мнѣ. Хотѣлось бы имѣть также и отзывъ изъ „Русской Мысли“. Войдите въ мое положеніе: обо мнѣ пишутъ, меня разбираютъ, а я не знаю, что̀ и какъ. О стихахъ, присланныхъ Д., оставляю вопросъ открытымъ: печатайте ихъ, гдѣ вздумается, только *не подписывайте моего имени*,—можно подписать С. Н. Что „раны сердца“ банальны, —вполнѣ съ вами согласенъ, хотя и не нахожу, чѣмъ замѣнить этотъ стихъ, но насчетъ снѣговыхъ вершинъ гранитныхъ хребтовъ,—повѣрьте старому туристу, вы не правы. Таковыя бываютъ, и я ихъ ежедневно созерцаю передъ собой. Ваше письмо-монстръ получили и, конечно, съ жадностью ожидаемъ еще таковыхъ же. Новаго ничего не написалъ. Низко кланяюсь вашимъ домочадцамъ и моимъ друзьямъ. Особенно и еще разъ прошу васъ переговорить съ Евреиновой о моихъ критическихъ обстоятельствахъ и желаніи вывернуться изъ нихъ критическимъ путемъ (каковъ каламбуръ!) и прислать рецензію Минскаго. Да подскажетъ вамъ о необходимости для меня всего этого ваше чувство ко мнѣ, а мое заставляетъ меня въ настоящую минуту крѣпко поцѣловать васъ, милый, дорогой А. Н., и откланяться.

Н. А. Бѣлоголовому.

Цюрихъ, май 1885 г.

Ни за какія коврижки не взялъ бы въ руки пера въ такую жару, многоуважаемый Николай Андреевичъ, если бы не крайняя необходимость въ вашемъ совѣтѣ. Дѣло вотъ въ чемъ: Во-первыхъ, въ Женевѣ меня потащили къ Цану. Наговоривъ любезностей по вашему адресу за точность и вѣрность, съ которой вы опредѣлили въ вашемъ письмѣ состояніе моего здоровья, Цанъ нашелъ, что операція необходима; но когда онъ узналъ, что я хочу ее дѣлать въ Цюрихѣ, то сначала мимоходомъ замѣтилъ: „лучше бы въ Бернѣ или Базелѣ", а потомъ все-таки сталъ хвалить Кренлейна (цюрихскій хирургъ) и на своемъ замѣчаніи не настаивалъ. Мы на это замѣчаніе тоже не обратили никакого вниманія и вспомнили его только послѣ. Дѣло въ томъ, что всѣ, кого мы тутъ ни видѣли, въ одинъ голосъ говорятъ, что хирургъ въ Бернѣ, Кохеръ, гораздо лучше, чѣмъ Кренлейнъ: во-первыхъ, онъ не такъ грубъ и рѣзокъ, какъ послѣдній; во-вторыхъ, у Кохера свой пансіонъ для больныхъ, расположенный за городомъ и съ весьма умѣренными цѣнами, и наконецъ, въ-третьихъ, Кохеръ и какъ спеціалистъ не только не уступаетъ Кренлейну, но, говорятъ, и превосходитъ его. Вообще мѣстные жители (туземцы, какъ пишутъ въ географіяхъ) отводятъ Кренлейну только третье мѣсто послѣ хирурговъ базельскаго (фамилію забылъ) и бернскаго. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ я хотѣлъ посмотрѣть Цюрихъ, я пріѣхалъ туда и рѣшилъ ничего не предпринимать, не спросивъ вашего совѣта. Прибавлю, что послѣ разныхъ ужасовъ, которыхъ я наслышался о Кренлейнѣ, я бы съ большой увѣренностью помирился съ ножомъ Кохера, да и Бернъ, какъ городъ, мнѣ очень нравится, и во всякомъ случаѣ больше Цюриха. Позвольте мнѣ быть до такой степени нахальнымъ, чтобы попросить васъ отвѣтъ телеграфировать: погода становится невыносимо жаркая, и съ операціей надо спѣшить. Обратный переѣздъ въ Бернъ меня не утомитъ, такъ какъ вообще я чувствую себя хорошо, и нога моя меня ни капли не безпокоитъ; вотъ вамъ примѣръ: вчера мы сдѣлали экскурсію въ Интерлакенъ, оттуда на лошадяхъ проѣхали за Штальбахъ къ Траммельбаху (14 килом.) и въ тотъ же день вернулись назадъ въ Бернъ, налюбовавшись досыта Юнгфрау и Тунскимъ озеромъ. Погода была такъ тепла и я велъ себя такъ примѣрно, что никакого риску въ поѣздкѣ не было, и даже М. В. почти не ворчала. Несмотря на этотъ „суворовскій переходъ", я чувствовалъ себя очень сильнымъ и сегодня выдержалъ безъ особаго утомленія переѣздъ въ Цюрихъ.

На-дняхъ я былъ очень обрадованъ большой рецензіей на мою книгу, написанной Крестовскимъ-псевдонимомъ, гдѣ она защищаетъ меня отъ нападокъ разныхъ зоиловъ и хвалитъ совсѣмъ не по достоинству. Ея со-

чувствіе мнѣ крайне дорого, да и сама статья — горячая, задушевная, умная, просто прелесть.

О своихъ впечатлѣніяхъ пока не пишу, ибо жарко сегодня, какъ въ аду, и слова еле-еле выжимаешь изъ себя.

А. Н. Плещееву.

Монтрё, май 1885 г.

Ich weiss nicht, was soll es bedeuten, дорогой Алексѣй Николаевичъ, что вы мнѣ не желаете отвѣчать. Или вы до сихъ поръ въ Москвѣ, которая своимъ хлѣбосольствомъ и радушіемъ заставляетъ васъ забывать объ насъ съ М. В. Это совсѣмъ не великодушно: я вамъ пишу часто, а вы ни звука.

Сообщу вамъ, что я за эти дни значительно примирился съ А. А., которая, въ сущности, и въ особенности по отношенію ко мнѣ, право, очень и очень недурной человѣкъ. Боюсь только, какъ бы недавняя ссора Минскаго съ Гаршинымъ не послужила для насъ съ ней предметомъ столкновеній, ибо я, конечно, на сторонѣ Гаршина, а она заступается за Минскаго. Во всемъ прочемъ всѣ мы, т.-е. Давыдовы до Муси включительно, спѣлись отлично и живемъ очень сносно.

Одолѣваетъ насъ здѣсь погода; дожди, туманы, холода, а печекъ топить нельзя: дымятъ и не грѣютъ. Впрочемъ, мы уловили нѣсколько минутъ, чтобы взобраться на Гліонъ по ужаснѣйшей желѣзной дорогѣ, почти отвѣсно всползающей на эту гору, и чтобы повидать Шильонскій зáмокъ, который отсюда въ 10 минутахъ ѣзды. Послѣдній мнѣ не понравился, въ особенности послѣ туринскаго средневѣковаго зáмка: ни само зданіе ни его мѣстоположеніе не представляютъ ничего интереснаго; или, можетъ-быть, я ужъ очень избалованъ хорошими видами. Зато Монтрё—прелесть, и Женевское озеро гораздо болѣе по душѣ мнѣ, чѣмъ необъятный просторъ пугающаго Средиземнаго моря. Жаль, что необходимо покидать эту прелесть и отправляться въ Цюрихъ. Идея операціи мнѣ особенно не улыбается. Въ Женевѣ совѣтовался я съ тамошнимъ свѣтиломъ—Цаномъ, который очень меня обнадежилъ, сказавъ, что есть даже для меня возможность guérir complétement, что у меня въ легкихъ теперь изъ 32 дециметр. воздуха, потребныхъ для меня *нормально*, имѣется 25, а 7 не хватаетъ, и что это вполнѣ для меня достаточно. Что же, его бы устами да медъ пить! Какъ намѣрены вы распорядиться моими стихами? Извѣстите меня.

Я пишу вамъ только для того, чтобы вы видѣли, что я васъ люблю и помню, на самомъ же дѣлѣ рѣшительно ничего на этотъ разъ интереснаго сказать вамъ не могу. Жду вашего отвѣта. Здѣсь, въ Монтрё, больной русскій скрипачъ Полкинъ и семья Лорисъ-Меликова. Русскихъ въ нашемъ отелѣ вообще масса. Прощайте, кланяйтесь вашимъ и Мережку, которому я на-дняхъ писалъ, увѣщевая его пріѣхать. М. В. тоже кланяется. Жму вамъ крѣпко руку.

Н. А. Бѣлоголовому.

Bad Weissenburg, 1-го іюля 1885 г.

Не удивляйтесь, милый Николай Андреевичъ, что я такъ замедлилъ отвѣтомъ на ваше послѣднее письмо; при томъ образѣ жизни, который я здѣсь веду, ужасно трудно вырвать минутку для какого-либо умственнаго занятія. Будятъ насъ въ 6 часовъ. Съ 6 до 7 накачиваютъ водой, по полстакана черезъ полчаса. Воду нужно пить въ постели, такъ что я обыкновенно въ промежуткѣ засыпаю и вижу во снѣ подходящія къ случаю картины: то будто я паровозъ, въ который наливаютъ воду на станціи, то кувшинъ и т. п. Въ половинѣ восьмого ко мнѣ приходитъ Гюгененъ, или, какъ его называетъ находящійся тутъ паціентъ Ч., Гигіенъ. Съ 8 до 8½ пью какао, около половины 10-го выползаю на воздухъ и безъ чувства, безъ мысли, безъ книги въ рукахъ, лежу въ складномъ стулѣ на солнцѣ вплоть до часу,—до обѣда. Обѣдъ для меня настоящая мука, ибо продолжается почти два часа. Кормятъ по-отельному, но недурно. Послѣ обѣда заваливаюсь спать. Какъ ни противна мнѣ въ принципѣ эта неинтеллигентная привычка,—но при раннемъ вставаніи глаза къ этому времени смыкаются сами собой. Въ 4 опять жарюсь на солнцѣ, въ 7 ужинъ и въ 9 спать. Жара у насъ невыносимая; со мной не разъ дѣлалось дурно, и вообще я чувствую себя очень слабымъ и разбитымъ, что, впрочемъ, я приписываю операціи. Въ Гигіена я почти влюбился за его милую, симпатичную и простую манеру обращенія. Онъ находитъ у меня въ правомъ легкомъ сухой плевритъ и въ лѣвомъ — катарръ. Все это я заполучилъ въ Бернѣ, лежа послѣ операціи. Несмотря на усиленные пріемы антипирина, лихорадка не прекращается, колеблясь между 38,6—38,9 (въ 9 ч. в.). Сегодня онъ велѣлъ оставить антипиринъ. На ночь онъ даетъ мнѣ микстуру изъ морфія и опіума (очень небольшія дозы). Состояніе моего духа — апатическое и сонное. О поэзіи нѣтъ и помину. Рецензіи о себѣ въ „Р. М.“ такъ и не видѣлъ. Изъ литературныхъ новостей также ничего не знаю, такъ какъ Плещеевъ что-то замолкъ и не пишетъ. Что прикажете дѣлать,—лѣто! Изъ русскихъ здѣсь Ч. съ женой и А., паціентка К. и пріятельница У. Первый, очень типичный купецъ, добродушный, не безъ юмора, всегда немножко себѣ на умѣ и съ непреодолимой страстью изображать изъ себя европейца. Вторая — особа во всѣхъ отношеніяхъ мало интересная и вдобавокъ гоняется за пасторами и бесѣдуетъ съ ними о св. Петрѣ и Павлѣ... Гаршинъ опять былъ боленъ и опять поправился. Крестовская пишетъ большой романъ для „С. В.“. Что-то у васъ подѣлываетъ Салтыковъ, и какъ вы съ нимъ ладите? Выберите, пожалуйста, солнечный день и минуту, когда онъ будетъ въ хорошемъ настроеніи духа, и поосторожнѣе поклонитесь ему отъ меня.

Вотъ и все, что могу я сообщить вамъ пока о себѣ, дорогой Николай

Андреевичъ. Вейсенбургъ—это такая глухая дыра, гдѣ новостей днемъ съ огнемъ не сыщешь. Я уже начинаю скучать и подумывать, какъ бы скорѣй на зимнія квартиры.

Г-жѣ N. N.

Вейсенбургъ, 3-го іюля, пятница, 1885 г.

Опять, дорогая моя N. N., начинается для меня періодъ постояннаго ожиданія вашего пріѣзда, а для васъ—ожиданья моихъ писемъ. На этотъ разъ я не буду такъ подло оставлять васъ безъ всякихъ извѣстій о себѣ, — можете быть спокойны. Начну, какъ и слѣдуетъ, съ начала. Когда вы уѣхали, Нюша возилась еще довольно долго съ укладкой, и мы были въ Вейсенбургѣ только въ 10 ч. Комната наша оказалась такъ себѣ, средней величины; раздѣлена ширмами довольно неудобно, противъ чего я энергично воюю, но пока все полно, и другой достать нельзя. Насъ встрѣтили Галкины и живо перезнакомили со всѣмъ русскимъ персоналомъ, который тутъ не великъ: они, да еще какой-то купецъ съ женой,—человѣкъ очень милый и добродушный, хотя, очевидно, очень мало образованный. Кромѣ нихъ, впрочемъ, есть тутъ и полька изъ Монтрё, о которой разсказывалъ Галкинъ. Особа порядочно взбалмошная, хотя и очень несчастная. Конечно — скука адская, но чтеніемъ я обезпеченъ. Идельсонъ присылаетъ газету аккуратно. Часовъ въ 5 пришелъ ко мнѣ Гюгененъ, еще разъ выслушалъ и назначилъ воду. Вода сама изъ себя ничего особеннаго не представляетъ ни по виду ни по вкусу. Образъ жизни здѣсь вполнѣ гигіениченъ. Встаютъ и ложатся рано, много ѣдятъ, цѣлый день на воздухѣ. Сегодня утромъ вмѣсто кофе, по совѣту Гюгенена, я вылакалъ такую огромную лахань какао, что вы бы навѣрное пришли въ такой же восторгъ, какъ въ Монте-Карло. Гюгененъ сказалъ мнѣ, что будетъ являться ко мнѣ каждое утро, отъ 7—8 час. Не знаю, чему это приписать, и боюсь, что это вскочитъ мнѣ въ копейку. Что̀ стоитъ комната—еще не знаю, но, кажется, Галкинъ совралъ и преувеличилъ ея дороговизну. Кормятъ прекрасно; такъ, кромѣ pension de Genève, меня еще нигдѣ не кормили. Порядокъ образцовый. Вообще удобства огромныя. Пока Гюгененъ прописалъ мнѣ отъ кашля морфинъ (немного, какъ самъ онъ сказалъ) въ микстурѣ. Кашляю я еще много, но лихорадка значительно уменьшилась. Вчера была наибольшая 38,2, сегодня еще не мѣрилъ. Особенно грустно мнѣ было сегодня утромъ безъ васъ. Былъ зато у меня и сюрпризъ: оказалось, что тутъ живетъ барышня, знакомая Фаусеку, помните, которая жила въ Ментонѣ. Вы были бы счастливы, если бы вы видѣли, какъ она за мной ухаживаетъ. Вы знаете, близкому человѣку легче отказать, чѣмъ малознакомому, въ особенности, если онъ проситъ настоятельно,—а она не только проситъ, она пристаетъ и чуть ли не хуже васъ. Всѣ эти заботы расточаются мнѣ, какъ пріятелю Гаршина, въ котораго она влюблена. Еще

разъ повторяю — вы были бы за меня очень спокойны, если бъ видѣли ея отношеніе ко мнѣ. Съ Нюшей она очень сошлась. Сегодня получилъ письмо отъ Давыдовой: во вторникъ хочетъ пріѣхать, но какъ и съ кѣмъ—не знаю, кажется, впрочемъ, съ Мережковскимъ. Письмо съ дороги получилъ.

С. Надсонъ.

Вейсенбургъ, 6-го іюля 1885 г.

Отвѣчаю вамъ, милая, дорогая N. N., получивъ ваше письмо изъ Берлина. Сильно безпокоюсь я, что вамъ не хватитъ денегъ. Какъ-то вы тогда будете изворачиваться? Живу я здѣсь очень скучно. Читать нечего, ибо однѣхъ газетъ мнѣ мало. Вчера Гюгененъ смотрѣлъ мою рану и нашелъ, что все идетъ очень порядочно. Я хожу довольно много и безъ особой усталости. Вчера же получилъ письмо отъ Бѣлоголоваго — отвѣтъ на ваши два письма: настоятельно совѣтуетъ оставаться въ Вейсенбургѣ—потомъ на Беатенбергъ. Въ воду онъ очень вѣритъ и считаетъ ее полезной. Совѣты Идельсона относительно іодоформа называетъ большимъ абсурдомъ, могущимъ принести мнѣ много вреда. По письму сегодня должна пріѣхать Давыдова съ Лидой и Мережковскимъ. Гюгененъ продолжаетъ бывать у меня каждое утро, милъ, простъ и внимателенъ. Онъ находитъ, что мнѣ уже теперь лучше, и что цвѣтъ лица у меня значительно поправился. Аппетитъ у меня отличный, сплю крѣпко, но подымаютъ насъ рано: въ 6 ч. уже будятъ. Температура моя вчера вечеромъ 38,8.

Холодъ у насъ ужасный—и холодъ и дождь. Я почти не выхожу. Вотъ все, что могу вамъ пока сообщить о себѣ. Какъ-то ваши дѣла? Что нашли вы въ Питерѣ? Думайте почаще обо мнѣ—а я васъ жду, жду, жду!

Бернскій докторъ продолжаетъ меня бомбардировать письмами и поклонами отъ жены, Клейнманъ и др. Сегодня я встрѣтилъ здѣсь Кохера—пріѣхалъ въ гости къ Гюгенену. Былъ со мной очень любезенъ: Я не отважился попросить его осмотрѣть мою рану, да это, кажется, и не нужно. Отъ питерцевъ писемъ ни отъ кого не получаю: Гаршинъ, Фаусекъ, Плещеевъ, Крестовская—всѣ молчатъ. Получили ли вы письмо Лики, которое мы вамъ переслали? Я его не читалъ и очень сожалѣю, потому что врядъ ли тамъ были секреты отъ меня. Съ огромнымъ нетерпѣніемъ жду вашего царапанія и очень безпокоюсь за васъ, а также за Лику и Плещеева, о которомъ ни духу ни слуху. Когда же вы наконецъ вернетесь назадъ...

Вашъ С. Надсонъ.

Вейсенбургъ, 8-го іюля 1885 г.

Дорогая моя N. N.

Дѣла что-то не важны: Гюгененъ, который бываетъ каждый день (сегодня 8-й разъ), сказалъ мнѣ, что у меня давно уже плевритъ. Лихорадка порядочная,—38,9. Вечеромъ поэтому не бываетъ аппетита. Но сплю я хорошо, рана понемногу затягивается, нервы не разстроены, и впереди и я и докторъ надѣемся на все лучшее. Отъ Давыдовыхъ, несмотря на то, что послалъ имъ вчера телеграмму—ни слуху ни духу. Изъ Питера тоже нѣтъ ни отъ кого писемъ. Очень безпокоитъ меня молчаніе Плещеева. Отъ васъ разсчитываю получить тоже сегодня извѣстіе и подробности о Л. и Э. К. Сегодня уѣхали Г**, чему я душевно радъ: надоѣли мнѣ до смерти. Скука здѣсь прензрядная, и никакъ отъ нея не уйдешь. Ровно недѣля, какъ я здѣсь и какъ вы улетѣли. Это не письмо, а записочка только. Письмо напишу послѣзавтра, а теперь до свиданья.

Вашъ С. Надсонъ.

Не пишетъ ли вамъ Н. глупостей?

На скорую руку.

Вейсенбургъ, 12-го іюля 1885 г.

Дорогая моя,—сейчасъ получилъ ваше письмо о посѣщеніи вами Г. Все-таки подожду, что вы напишете послѣ посѣщенія М—ова и Ли. Что касается вашей поѣздки въ Пермь—тутъ ужасно трудно совѣтовать, въ особенности когда нѣтъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній о Э. К. Вы должны были сильно устать со всей этой суматохой. Пріѣзжайте скорѣй, если окажется возможнымъ—сюда. А я сегодня принялъ важное рѣшеніе: вчера двѣ недѣли, какъ я въ Вейсенбургѣ, и никакого особеннаго облегченія я не чувствую, хоть Гюгененъ увѣряетъ, что у меня грудь лучше. Пріѣхали Давыдова и Мережковскій, переговорили съ Гюгененомъ, и онъ рѣшилъ, что я очень хорошо сдѣлаю, если уберусь отсюда въ Беатенбергъ, ибо тутъ ужасно грустно и тоскливо и сыро. Впрочемъ, все это подъ непремѣннымъ условіемъ пить воды. Что касается груди, пожалуй, облегченіе и есть: могу глубоко вздохнуть безъ боли, кашляю меньше,—но зато меня безпокоитъ моя нога. Сегодня Гюгененъ смотрѣлъ ее и нашелъ, что тамъ образуется нарывъ (на разрѣзанномъ уже мѣстѣ). А я думаю, что это не нарывъ, а фистула, оттого, что операція была сдѣлана возмутительно-небрежно. Впрочемъ—увидимъ. Завтра (въ субботу) уѣзжаю въ Беатенбергъ. Изъ докторовъ тамъ профессоръ Мюллеръ, котораго Гюгененъ очень хвалитъ. Вы ничего не пишете, получаете ли наши письма? Мы вамъ строчимъ очень часто.

Что изъ „Сѣв. Вѣстн.“ ничего не выйдетъ,—это для меня теперь не подлежитъ сомнѣнію. Хорошо однако, что и вамъ и мнѣ будетъ работа. Вчера получилъ № „Еж. Обозр.“ съ хвалебной статьей Скворцова обо

мнѣ. Нельзя ли какъ-нибудь достать рецензію изъ „Р. М.“? Вейнберговскаго журнала еще не получалъ.

Здѣсь ужасное уныніе. Всѣ хвораютъ, всѣ кашляютъ. Бѣлоголовый пишетъ, что Салтыковъ безнадежно плохъ и дѣло его близко въ развязкѣ. Прощайте пока, будьте по возможности спокойны и помните, что васъ ждутъ.

Вашъ С. Надсонъ.

Петербургъ, 6-го августа 1885 г.

Поздравьте меня съ пріѣздомъ, дорогой Николай Андреевичъ: сижу на Николаевской улицѣ, внимаю колокольному звону Владимирской церкви (сегодня 6-е августа—Спасъ) и пишу вамъ. Доѣхалъ я благополучно, хотя ѣхалъ очень неблагополучно. Во-первыхъ, въ Берлинѣ насъ захватилъ такой чисто-сѣверный холодъ, что мы не знали, куда дѣться, а во-вторыхъ, г. М. оказалъ намъ своей протекціей весьма и весьма сомнительную услугу.

Долженъ вамъ откровенно сознаться, что при первомъ шагѣ на родную почву я страшно рѣзко почувствовалъ контрастъ между нами и заграницей,—разумѣется, контрастъ не къ нашей выгодѣ. Петербургъ мнѣ показался такимъ унылымъ, тусклымъ и мокрымъ, что невольно нагонялъ тоску. Вчера это впечатлѣніе нѣсколько разсѣялось. Я повидался съ Плещеевымъ, много услышалъ интереснаго о моихъ друзьяхъ и знакомыхъ и вообще былъ очень оживленъ. Въ „С. В.“, между прочимъ, будетъ помѣщена интересная вещь: если вы прочли въ „Русск. Мысли“ статью Златовратскаго „Городъ рабочихъ“,—вы навѣрное обратили вниманіе на типичную фигуру идеалиста-рабочаго, хлопочущаго о городовомъ положеніи для своего села,—немножко мечтателя, немножко философа и во всякомъ случаѣ пресимпатичную личность. Личность эта—живой человѣкъ, крестьянинъ, и автобіографію его удалось достать А. М. Она будетъ помѣщена въ журналѣ; февральскій № журнала (19-го февраля—юбилей освобожденія крестьянъ) по планамъ редакціи весь будетъ посвященъ крестьянскому вопросу, и статьи для него уже подготовляются. Вотъ и всѣ литературныя новости, которыя я могу сообщить вамъ.

Доѣхалъ я, какъ уже писалъ, благополучно и усталъ не очень сильно, вопреки мнѣнію сестры, переданному мнѣ, что я такъ плохъ, что врядъ ли доѣду до Сиверской... На-дняхъ перебираюсь на Сиверскую. Гаршина я еще не видѣлъ, но въ правленіи, гдѣ онъ служитъ, сказали, что онъ *очень* и *очень* плохъ.

Стыдливость моя постоянно мѣшала мнѣ высказать лично вамъ и С. П., какъ глубоко, искренно и сердечно я благодаренъ и вамъ и ей за ваши отношенія ко мнѣ и за ваше участіе. Позвольте же мнѣ сдѣлать это письменно, дорогой Николай Андреевичъ. Мало на свѣтѣ людей, которыхъ бы я уважалъ такъ, какъ уважаю васъ.

В. П. Гайдебуровой.

17 сентября 1885 г.

Искренно и глубоко сожалѣю, многоуважаемая Вѣра Павловна, что мои хворости мѣшаютъ мнѣ сегодня лично поздравить васъ съ вашими именинами и, разумѣется, пожелать всего хорошаго:—найти себѣ новую начальницу пансіона, которая платила бы вамъ за уроки хоть двугривенные, но настоящіе, а не фальшивые, благополучно сшить еще пару рейтузъ и выгодно сбыть ихъ, достигнуть въ пѣніи такого же совершенства, какого я достигъ въ игрѣ на скрипкѣ, и пр. и пр. Увѣренъ, что мои пожеланья сбудутся и вы будете безконечно благодарны мнѣ за нихъ. Поздравляю „маленькую Надежду", которой желаю быть надеждой вашей семьи, школы и Россіи.

Искренно преданный вамъ

С. Надсонъ.

Госпожѣ N. N.

Носковцы, 10 октября 1885 г.

Дорогая N. N. Отправляя вамъ списокъ стиховъ для книжки, вздумалъ написать вамъ еще нѣсколько строкъ. Живу попрежнему, но тѣмъ не менѣе начинаю уже скучать... Что-то дѣлается у васъ? До сихъ поръ (сегодня 7-е) я получилъ только одно ваше письмо съ дороги; съ нетерпѣніемъ жду другихъ. Погода начинаетъ портиться, становится значительно свѣжѣе. Изъ списка стиховъ вы видите, что я выбрасываю изъ книги „Боярина Брянскаго", „Іуду" и одно мелкое („Кругомъ легли..."). Прибавляю „Герострата", „Другъ мой, братъ мой" и всѣ новые, кромѣ „Это не пѣсни, это намеки", которыхъ некуда сунуть.

На-дняхъ получилъ письмо отъ Щедрова, собирается издавать журналъ (толстый), въ которомъ проситъ участвовать. Редакторъ—Вагнеръ. До свиданія, надѣюсь, скораго.

Вашъ С. Надсонъ.

А. Я. Мокѣевой.

11 ноября 1885 г. Носковцы.

Дорогая Нюша, я такъ запустилъ свою переписку, что не вижу никакой возможности скоро отдѣлаться и долженъ быть со всѣми поневолѣ краткомъ. Здоровье мое не хуже и не лучше, а состояніе духа отличное. Впрочемъ, какъ мнѣ здѣсь ни хорошо, а пора, конечно, и честь знать, и черезъ мѣсяцъ я думаю тронуться отсюда. Несмотря на то, что мы живемъ здѣсь въ совершенной глуши, я ни капли не скучаю: наоборотъ, послѣ петербургской суголоки мнѣ тутъ очень и очень по душѣ. Цѣлый день читаемъ, играю на скрипкѣ, ѣздимъ кататься. Я, кромѣ того, занимаюсь со старшимъ сыномъ Н., Савушкой (Степанъ), который, скажу не хвастаясь, дѣлаетъ большіе успѣхи.

Прошлую твою посылку получилъ, шоколадъ отдалъ дѣтямъ. А я тоже за то сдѣлаю тебѣ свой подарокъ: большой мой портретъ масляными красками, правда, не очень похожій, но все-таки сносный. Впрочемъ, по цѣнѣ и вещь, я заплатилъ за него 10 р. одному заѣзжему художнику. Экземпляръ книги по выходѣ тоже получишь. А есть ли у тебя мои новыя карточки Шапиро?

Пріѣздъ мой въ Кіевъ, когда я ѣхалъ сюда, былъ цѣлымъ тріумфомъ. Кіевъ мало измѣнился, но бабушкинаго домика нѣтъ и слѣда, на его мѣстѣ другой чей-то большой домъ. Къ П. на меня приходили смотрѣть, а какая-то глупая барышня часами ходила подъ окнами квартиры, чтобъ меня увидѣть. Но я былъ такъ жестокосердъ, что не показался ей. Разумѣется, атаковали меня и мѣстные поэты. У меня и теперь лежитъ цѣлый ворохъ ихъ стиховъ. Къ Пясецкому я не ходилъ, такъ какъ мнѣ сказали, что онъ при смерти боленъ. Не знаю, поправился ли. Изъ другихъ кіевскихъ знакомыхъ, кромѣ Лѣскова, я никого не помню, а его я не считалъ настолько интереснымъ, чтобы знакомиться съ нимъ и разыскивать его. Пишу мало, но все-таки пишу. Кланяйся отъ меня Мамантовымъ, Корнелію въ особенности, и скажи ему, что тутъ отличная охота на кабановъ, волковъ, лисицъ и зайцевъ, и, конечно, онъ отлично сдѣлалъ бы, если бъ пріѣхалъ. Я, разумѣется, изъ боязни простудиться въ этомъ удовольствіи участія не принимаю, а Меньшиковъ, который гоститъ у меня, на-дняхъ убилъ лисицу. Жду не больше, какъ черезъ недѣлю, пріѣзда М. В. Ну, однако, прощай; кланяйся Добронравовымъ и моей канареечкѣ. А Людмила Николаевна, небось, не могла мнѣ поклониться? Попеняй ей за это отъ меня. Портретъ вышлю посылкой на-дняхъ. Хочу только показать его М. В. Не бойся, тебя не обману и подарю его тебѣ.

Твой С. Надсонъ.

Братъ, поэтъ, и пр. и пр. и пр.

Евгеніи Карловнѣ Гайдебуровой.

30 декабря 1885 г.

Тарабарщину Вѣры Павловны я, разумѣется, не понялъ: должно-быть, что-нибудь необыкновенно глубокое и архи-французское. Но если она и своимъ ученицамъ преподаетъ вещицы въ этомъ родѣ,—не могу о нихъ не пожалѣть отъ всей души (объ ученицахъ, а не о вещицахъ).

Скажите, пожалуйста, за что меня такъ глубоко ненавидитъ и презираетъ Екатерина Осиповна? Заключаю это изъ того, что она никогда не отвѣчаетъ на мои поклоны! Ужъ не имѣетъ ли на нее вліянія Вѣра Павловна? Я вовсе не говорилъ, что повѣсть Маценко мнѣ не нравится,— напротивъ. Я не считаю только ее вещью *художественной*. Но въ ней много свѣжести и содержанія. Прошу В. П—вну моихъ словъ не перетолковывать. Что я не былъ на вашей елкѣ, это дѣйствительно

осадно. Но что у насъ не было елки, это злонамѣренная клевета. *У асъ было ихъ двѣ:* одна для дѣтей П., другая для школы, которая роцвѣтаетъ, хотя въ ней и не преподаетъ Вѣра Павловна. Съ сожаѣніемъ долженъ признаться, что это была самая обыкновенная, лѣсная, еревянная елка, и что никакихъ звуковъ изъ нея нельзя было извлечь, аже подобныхъ голосу Вѣры Павловны. Истина требуетъ прибавить, то никто изъ хозяевъ и гостей не покушался на нее взобраться, ни съ узыкальной ни съ какой иной цѣлью. Похвалы „Страничкѣ прошлаго“ ринимаю величественно, но снисходительно. Упрекъ въ несерьезности оихъ писемъ отвергаю съ негодованіемъ. Я изрекаю въ нихъ истину, истина всегда серьезна. Что же касается состоянія моего здоровья,— раво, это прескучная матерія. Я пишу объ этомъ подробные рапорты . В—ѣ. Изъ нея, какъ изъ источника, каждый интересующійся можетъ ерпать свѣдѣнія. Что же касается моего изданія, насчетъ котораго ронизируетъ все та же зловредная Вѣра Павловна,—имѣю честь досести, что на-дняхъ я приступлю къ *третьему*. Фактъ говоритъ самъ а себя. Если я сегодня въ этомъ письмѣ не очень остроуменъ,—извиите меня великодушно, милая Евгенія Карловна (не у Вѣры же Павовны просить извиненія,—parbleu!): голова болитъ до смерти. Чтобы е подать поводъ къ язвительнымъ насмѣшкамъ, скромно умолкаю, ожелавъ вамъ и всѣмъ вашимъ всего самаго лучшаго. Считаю не лишимъ прибавить маленькое свѣдѣніе библіографическаго свойства, котоое *особенно рекомендую* вниманію Вѣры Павловны. Есть на свѣтѣ нига: „*Хорошій тонъ*“, Эдуарда Гоппе. Въ ней подробно изложены равила переписки и наибольшее время, которое можно промедлить твѣтомъ. Рискуя свихнуть себѣ безплодно шею, усиленно кланяюсь катеринѣ Осиповнѣ.

Искренно и сердечно любящій васъ С. Надсонъ.

P. S. Неужели вы и вправду пріѣдете? Боюсь вѣрить этому, такъ бы то было отлично-хорошо!!!

В. П. Г—вой.

Носковцы, 1886 г.

Многоуважаемая, милостивая государыня Вѣра Павловна! Я его прочиталъ!! *Его*—это ваше письмо. Я не виноватъ,—оно пришло послѣ тъѣзда М. В.; я распечаталъ, чтобъ узнать, не содержитъ ли оно чегобо важнаго, увидѣлъ вашу подпись—и не устоялъ! Но мало того, что его прочиталъ,—я на него отвѣчу.

Съ новымъ счастьемъ!

Первыя строки вашего письма заставляютъ призадуматься. Странныя, тобы не сказать больше, строки! „Я увѣрена, что вы на меня сердиесь, хотя сердится не за что“; иначе говоря *„я увѣрена, что вы —*

злая и несправедливая женщина",—очень любезно! Дальше: „и хоть я не виновата, я все-таки прошу извиненія"; иначе: „*а я, наоборотъ, кроткая и великодушная дѣвушка*". Скажите, пожалуйста, какая скромность! Вообще очень миленькое начало! Но пойдемъ дальше. Вы пишете, что вы видѣли меня во снѣ и что вы суевѣрны. Не понимаю, какое отношеніе между мной и вашимъ суевѣріемъ! Или видѣть меня во снѣ предвѣщаетъ несчастье? Или вы меня принимаете за чорта, прости Господи? Я поэтъ, сударыня, скромный поэтъ, имѣющій честь быть сотрудникомъ „Недѣли",—и только! Никакихъ связей съ нечистой силой я не имѣю,—клянусь вамъ моимъ бархатнымъ пиджакомъ! О, женщины!!! Слѣдя за дальнѣйшимъ теченіемъ вашихъ мыслей по строкамъ письма, лежащаго передо мной, я узнаю, что въ Петербургѣ ходитъ слухъ о возстановленіи медицинскихъ курсовъ, и что за него всѣ хватаются... Хватаются за слухъ!? Это смѣло сказано. Я знаю, что люди, — въ особенности тѣ, которые посвятили себя педагогической дѣятельности, хватаются иногда за уши своихъ учениковъ и ученицъ,— это въ порядкѣ вещей; но хвататься за слухъ!.. Слуга покорный,—этого я не могу понять!

Отъ курсовъ вы дѣлаете естественный переходъ къ погодѣ. Очень радъ, что у васъ хорошая погода, душевно радъ! Но на вашъ вопросъ, какая у насъ погода, отвѣтить не намѣренъ, да-съ! Я считаю этотъ разговоръ не слишкомъ изысканнымъ.

Слѣдующій параграфъ письма совсѣмъ не ясенъ для меня. „Папа на елкѣ игралъ на скрипкѣ". Не понимаю, на чемъ игралъ дорогой П. А.— на елкѣ или на скрипкѣ? И если онъ игралъ на елкѣ, то значитъ ли это, что онъ сидѣлъ на елкѣ, или извлекалъ изъ елки звуки? Пожалуйста, разрѣшите мое недоумѣніе!

Покончивъ съ елкой, вы переходите ко мнѣ. Лестно! И то дерево и это дерево,—не такъ ли? Ахъ, Вѣра Павловна, Вѣра Павловна! Вамъ вотъ не нравится расположеніе моихъ стихотвореній,—а мнѣ такъ не нравится недостатокъ въ васъ расположенія ко мнѣ. У всякаго свой вкусъ! Вы пишете, между прочимъ, что сожалѣете, что я далеко,— и сейчасъ же оговариваетесь: „Потому что не могу съ нимъ поспорить". Хорошо сожалѣнье!

Вы просите написать вамъ, какъ понравилась М. В. повѣсть М. О. Ей никакъ не понравилась, такъ какъ книжка пришла послѣ отъѣзда М. В., а по моему мнѣнію, повѣсть не дурна, хотя авторъ не художникъ. Кстати шепну вамъ по секрету, что стихи Надсона мнѣ очень не понравились. Это—кромѣ шутокъ. Виновата въ ихъ печатаніи М. В.

Очень радъ узнать, что вы безъ голоса. Какъ было бы хорошо, если бы всѣ сварливые люди были безъ голоса! За вашъ дружескій поклонъ спасибо въ три версты. Онъ меня нѣсколько миритъ съ вашимъ письмомъ, и поэтому я мѣняю тонъ и начинаю тоже откланиваться... „Всѣ мелочи" изъ своей жизни пусть вамъ передастъ сама М. В., а я позво-

Mademoiselle!

Permettez moi de Vous remercier mainte fois pour l'indulgence que ous avez bien voulu me témoigner dans Votre lettre, adressée à Madame V. J'espère que ces quelques lignes vous prouverons bien que Votre imable intention do m'accepter dans la première classe de Votre école st un peu tardive. N'est-ce pas, Mademoiselle? Je vois bien que vous e vouliez pas là que me monter une scie. Je profite de l'occasion pour ous communiquer, à mon tour, que, rentré à Petersbousg, j'ai en vue 'organiser une école primaire de langue russe, et que je Vous conseillerais d'y entrer comme élève dans la première classe pour apprendre uc le mot „прежде" s'ecrit par e à la fin et non par ѣ. Vous voyez que 'ai enfourché mon dada et qu'il serait difficile de rivaliser avec moi elativement à ce sujet, и потому сердечно кланяюсь вамъ и, празднуя вою побѣду, имѣю честь остаться вашимъ покорнѣйшимъ слугою. Прошу ередать мой поклонъ и вашему семейству.

С. Надсонъ.

А. Я. Мокѣевой.

6 января 1886 г.

Дорогая Нюша, пишу два слова, такъ какъ сейчасъ посылаютъ на почту. Здоровье плоховато, лихорадокъ нѣтъ, но часто показывается кровь горломъ. Изданіе мое, если его не отрезкаетъ цензура, выйдетъ на-дняхъ. Зачѣмъ это тебѣ такъ понадобилось знать это? Коверъ присылай на мое имя. У Давыдовыхъ большое горе: умеръ Авг. Юльевичъ, братъ Карла Юльевича, профессоръ. Твои извѣстія меня очень огорчили, въ особенности относительно Петра Васильевича Бардовскаго. Пожалуйста, какъ только дѣло его рѣшится, извѣсти меня. Въ январскихъ книжкахъ „Недѣли" и „Русской Мысли" будутъ мои стихи. Пишу я теперь вообще больше, чѣмъ прежде. Прощай и пиши почаще. Такъ портретъ ты нашла мало похожимъ?

Любящій тебя братъ С. Надсонъ.

Носковцы. Январь 1886 г.

Дорогая N. N. Получилъ архи-любезное письмо отъ Бахметева: гонораръ онъ выслалъ; проситъ для февральской книжки „Р. М." три стихотворенія (ишь какой прыткій), говоритъ, что у нихъ подписчиковъ больше девяти тысячъ. Быть-можетъ, если успѣю, пошлю ему Герцена—

хотя и сомнѣваюсь. Книжка „Р. М.“ съ беллетристической стороны оч[ень] интересна. Короленко — верхъ совершенства. Разсказъ полонъ тон[кой] и задушевной поэзіи. Саловъ — такъ себѣ. Данилевскій подража[етъ] Толстому, что̀ и слѣдовало ожидать, хотя романъ по фабулѣ интерес[енъ] написанъ. Переводы хороши.

Пишите побольше. Съ Ю. Ст. временами бываетъ трудненько ужит[ь], но я все-таки стараюсь ладить съ нею *для васъ*, чтобы вы не безп[о]коились. М. Б. помѣстилъ въ „Зарѣ“ курьезную статью „Лженадсонъ“, гдѣ разоблачаетъ исторію съ Балабухой. Она такъ забавна, что, вѣ[-]роятно, исторію эту подхватятъ и другія газеты. Фельетонами своими не очень доволенъ. У насъ ничего новаго. Вчера я чуть-было не по[-]ссорился съ Ю. Ст. и вообще рѣшительно долго здѣсь не выжив[у]. Какъ-то ваши дѣла? Очень скучаю. — Ради Бога, пріѣзжайте ка[къ] можно скорѣе.

Вашъ С. Надсонъ.

Н. А. Бѣлоголовому.

Станція Жмеринка, село Носковцы, 30 января 1886 г.

Сажусь отвѣчать вамъ, дорогой Николай Андреевичъ, подъ милымъ впечатлѣніемъ вашего письма, въ которомъ, однако, не все мило. Между прочимъ, вы пишете: „простите, что я, повидимому, выхожу за предѣлы моей спеціальности“. Это немножко обидно. Вы сами знаете, что вы были для меня въ періодѣ нашего знакомства больше чѣмъ *спеціалистомъ*-медикомъ, и что я высоко цѣню васъ, какъ человѣка съ убѣжденіями, которыя я раздѣляю отъ всей души, и съ традиціями, которыя я желалъ бы усвоить и себѣ, и что слѣдовательно ваша оговорка совсѣмъ не нужна. Или вы сами хотите поставить границей нашихъ отношеній ту медицинскую помощь, которую вы мнѣ оказываете? Это было бы мнѣ очень больно. Если бы не эта фраза, я былъ бы безконечно и глубоко благодаренъ вамъ за ваше письмо. Позвольте мнѣ надѣяться, что она не имѣетъ этого непріятнаго для меня смысла, и постараться нѣсколько разсѣять вашу хандру моей корреспонденціей. Несмотря на то, что я живу теперь въ порядочной глуши, я не перестаю быть au courant всего, что̀ дѣлается на бѣломъ свѣтѣ вообще и въ миломъ отечествѣ въ частности. Утѣшительнаго, впрочемъ, какъ и слѣдовало ожидать, — не очень много. Въ сферѣ политической — какая-то каша съ восточнымъ вопросомъ, два крупныхъ дѣла, кончившихся смертными казнями, въ Варшавѣ и въ Одессѣ, грядущія перемѣны въ судопроизводствѣ, грядущее банкротство, да мѣра, имѣющая цѣлью уменьшить пьянство въ Россіи и на самомъ дѣлѣ только покровительствующая ему. Казнь Бардовскаго, какъ мнѣ пишутъ изъ Петербурга, произвела удручающее впечатлѣніе на семью М. Въ сферѣ литературной ничего крупнаго. Выдвинулся очень талантъ Короленко. Ему

сулять блестящую будущность. Недавно отпраздновали юбилей Плещеева; вышло, какъ пишуть, очень тепло и задушевно. Въ литературномъ мірѣ два побѣга редакторовъ: исчезли съ подписной редакторъ „Иллюстр. Міра“ Турба и „Луча“ О—ъ. Объявленіе послѣдняго, какъ крупный и характерный курьезъ, посылаю вамъ. У „Нови“, послѣ огромнаго успѣха въ первомъ году изданія (30.000 подписчиковъ), въ этомъ году огромное паденіе, — 3.000 подписчиковъ. Примѣръ поучительный и утѣшительный. Зато возросла подписка на „Русскую Мысль“: она считаетъ въ этомъ году 10.000 подписчиковъ. Положеніе ея крайне выгодно. О „С. В.“ ничего не пишу вамъ, ибо боюсь, что не сохраню необходимаго безпристрастія. Съ редакціей его я разошелся при самомъ началѣ и продолжаю думать, что ничего свѣжаго и новаго ни въ журналистику ни въ жизнь онъ не внесетъ. Сожалѣю, что въ области литературы я долженъ ограничиться сплетнями за неимѣніемъ дѣйствительныхъ событій; что̀ дѣлать, — такова̀ теперь наша общественная жизнь, и, знаете ли, меня въ Петербургъ рѣшительно не тянетъ. Что̀ же касается моей гражданской совѣсти, какъ вы выражаетесь, — ее вовсе не такъ легко успокоить болтовней, но объ этомъ въ письмѣ распространяться неудобно. Въ сферѣ искусства въ Петербургѣ гремитъ теперь Рубинштейнъ съ его историко-музыкальными концертами. Одинъ изъ нихъ я слышалъ еще до отъѣзда сюда. Рубинштейнъ дѣйствительно богъ, когда онъ за роялемъ. Это что-то до того величественное, что словами не передашь: точно въ первый разъ Альпы увидѣлъ.

Позвольте теперь отъ великихъ міра перейти къ скромной своей особѣ и сообщить вамъ кое-что о своемъ житьѣ-бытьѣ. Медицинскія свѣдѣнія вы почерпнете изъ прилагаемой записки лѣчащаго меня доктора Л. И. Д., очень молодого человѣка, кончившаго курсъ въ кіевскомъ университетѣ. Мои личныя дѣла, въ особенности литературныя, очень успѣшны. Второе изданіе теперь, т.-е. спустя мѣсяцъ по выходѣ, разошлось почти все. На-дняхъ начинаю печатать третье. Работаю довольно усердно. Такой успѣхъ, а также и надежда получить Пушкинскую премію, позволяютъ мнѣ иногда дерзко мечтать провести будущую зиму за границей, — а именно въ Римѣ, весну же и лѣто я думаю остаться здѣсь, въ Носковцахъ. Я занимаюсь съ сыномъ П., и не безъ успѣха: въ эти три-четыре мѣсяца мальчикъ бойко читаетъ и считаетъ. Вы пишете, что у васъ припахиваетъ весной; у насъ также. Сегодня все таетъ и рушится. Воздухъ нѣжный и сладкій, — а я весьма бодръ, веселъ и дѣятеленъ по этому случаю. Знаете ли вы, что каждый день я выпиваю по 7 стакановъ густѣйшаго кефира? Похвалите меня за это; что̀ касается кондитерскихъ печеній, — вы тоже неправы: здѣсь ихъ нѣтъ, а варенье мнѣ весьма опротивѣло... Однако довольно, милый, дорогой Николай Андреевичъ. Если у васъ нѣтъ лучшаго корреспондента и если вамъ не скучно мое письмо, — я буду періодически, наподобіе газеты, извѣщать васъ о томъ, что̀ можетъ быть вамъ интересно.

Низко кланяюсь Софьѣ Петровнѣ и прошу не забывать меня, тѣмъ болѣе, что я сильно надѣюсь еще увидѣться и съ вами и съ нею.

Искренно и душевно преданный вамъ

С. Надсонъ.

P. S. Докторъ хочетъ написать вамъ отдѣльно. Онъ намѣренъ подробно изложить вамъ весь ходъ моей болѣзни съ пріѣзда и по сей моментъ. Вѣдь вы не сердитесь, что я вамъ надоѣдаю своей особой?

P. S. Нѣтъ, не судьба. В. М. затерялъ объявленіе „Луча“, и я лишенъ возможности познакомить васъ съ этимъ перломъ охранительной литературы. „Русская аккуратность“,—скажете вы. Зато сообщу вамъ другой курьезъ. Недавно Павленковъ задумалъ выпустить книгу подъ заглавіемъ: „Всемірная Иліада“, сборникъ стихотвореній, исторически рисующихъ жизнь всѣхъ вѣковъ и народовъ. Оттуда цензура выкинула сначала „Потока Богатыря“ А. Толстого, потомъ „Христа“ (изъ Гюго) Плещеева, „Думу“ Лермонтова (!!!) и наконецъ запретила всю книгу. Зато произвелъ большое впечатлѣніе отвѣтъ Аксакова на данное „Руси“ предостереженіе по поводу ея статей о болгарскомъ вопросѣ. Впечатлѣніе отъ статьи такое, точно въ лакейской заговорилъ порядочный человѣкъ. Говорятъ, Государю представляли о необходимости запретить „Русь“, но Государь велѣлъ оставить ее въ покоѣ. Однако, такимъ образомъ я никогда не кончу. Еще разъ крѣпко жму вашу руку и кланяюсь Софьѣ Петровнѣ.

Вашъ С. Надсонъ.

Носковцы, 10 февраля 1886 г.

Моя дорогая N. N.—Новенькаго у насъ ничего нѣтъ—здоровье мое попрежнему. Теперь о дѣлахъ литературныхъ: съ большой радостью узналъ я, что недавно меня очень выругалъ „Русскій Вѣстникъ“. *Убѣдительно прошу васъ* немедленно достать этотъ № и прислать мнѣ. Должно-быть, статья эта помѣщена въ январской или февральской книжкѣ за этотъ годъ. Лука Ивановичъ, которому сообщилъ объ этомъ въ Кіевѣ Тулубъ, не хотѣлъ говорить мнѣ сначала. Онъ не понимаетъ, что для меня быть обруганнымъ Катковымъ — большая честь, и что я счелъ бы себя скорѣе обиженнымъ, если бъ „Р. В.“ меня игнорировалъ. Прочелъ я и суворинскій фельетонъ. Что жъ, можетъ-быть, онъ и правъ, и всѣ мы въ самомъ дѣлѣ „маленькіе поэты“. Я и не претендую на роль генія, — но на своемъ мѣстѣ и въ свое время надѣюсь все-таки быть (оборвано).

Не забудьте предупредить Крылова, что переводъ „Библіотекаря“ сдѣланъ кое-какъ, начерно, и что я имѣлъ въ виду пьесу передѣлать, а то онъ сочтетъ меня за безграмотнаго. Всѣ вамъ кланяются.

Вашъ С. Надсонъ.

Милая, дорогая N. N. Получилъ образчики обертки. Выбираю зелененькую. Ничего, что много такихъ есть — она мнѣ нравится. Объ „Іудѣ“ я уже написалъ, что надо его вставить. Не забудьте опечатки и включить два стихотворенія: „Изъ письма“ и другое изъ „Рус. Мысли“. Слава Богу, что вы скоро пріѣдете. Лихорадокъ у меня нѣтъ, но кровь показывается, и слабость я чувствую сильную. Получилъ письмо отъ Фаусека, очень и очень милое...

Вашъ С. Надсонъ.

Милая, дорогая N. N., — пишу только два словечка и то очень маленькихъ: очень усталъ, теперь уже поздно. Здоровье мое, кефиръ, аппетитъ, лихорадка и все прочее — попрежнему. Много пишу. Третій мой фельетонъ напечатанъ; по письмамъ изъ Кіева вижу, что онъ понравился—четвертый послалъ. Въ пятомъ фельетонѣ будетъ 80 строкъ стиховъ; они уже готовы. Получилъ письмо отъ В. Гайдебуровой. Получилъ еще забавное письмо отъ какой-то поклонницы, съ Сиверской. Она видѣла въ „Нови“ мой портретъ, узнала мой адресъ и выражаетъ мнѣ свой восторгъ. Не подписалась. Просила отвѣчать до востребованія, на буквы Л. В. Ф. Получилъ письма отъ Фаусека, отъ Гольденева, Эртеля, Н. Тулуба и Иванова. У насъ все попрежнему. Карточки мои готовы; по-моему — очень неважныя, и я вамъ ихъ не высылаю. Ей-Богу, не стóитъ. Отъ всей души счастливъ, что вы скоро выѣзжаете. Пора, милая N. N. Съ Ю. С. дѣла довольно натянутыя. До свиданія.

Вашъ С. Надсонъ.

Село Носковцы, февраль 1886 г.

Дорогой Николай Андреевичъ, долго ждалъ я, чтобы мой эскулапъ исполнилъ наконецъ свое обѣщаніе и, преодолѣвъ свою хохлацкую лѣнь, написалъ вамъ о состояніи моего здоровья, да такъ въ концѣ концовъ и не дождался. Поэтому извините меня, если я это письмо цѣликомъ почти наполню моими личными дѣлами, положеніе которыхъ — увы!—я считаю далеко не утѣшительнымъ. Мнѣ кажется, что моя пѣсенка движется къ развязкѣ: какъ ни сильно во мнѣ желаніе жить, съ природой ничего не подѣлаешь; должно-быть, я не нуженъ на бѣломъ свѣтѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ вы меня видѣли, положеніе мое измѣнилось. Во-первыхъ, насколько я могу судить, я еще похудѣлъ. Цвѣтъ лица моего потерялъ свою желтизну, зато пріобрѣлъ традиціонную прозрачность и чахоточный румянецъ на скулахъ. Пищевареніе разстроено: не знаю почему, я чувствую послѣ ѣды знобъ и родъ какого-то опьяненія, въ родѣ дурноты. Аппетитъ небольшой. Лихорадокъ нѣтъ. Больше всего на меня непріятно дѣйствуютъ постоянныя боли въ груди (мышечныя, по увѣренію доктора) и кровь, которая показывается почти аккуратно каждый вечеръ и все въ большемъ и большемъ количествѣ: сначала бывали только маленькія жилки, а теперь вся мокрота окра-

шена такъ, что имѣетъ видъ розовой пѣны. Кровь выходитъ въ количествѣ нѣсколькихъ капель. Какъ видите, разрушеніе легкаго началось, и всѣ мои усилія не ведутъ ни къ чему. Все это приводитъ меня въ состояніе ужаснѣйшей тоски, не дающей мнѣ спать по ночамъ и прогоняющей меня въ мою комнату днемъ. Будь у меня подъ рукой револьверъ, я бы, пожалуй, не задумался пустить себѣ пулю въ лобъ. Лучше сразу покончить съ собой, чѣмъ постоянно хвататься за призракъ надежды и потомъ погибать снова. Все равно, въ такой жизни ничего нѣтъ привлекательнаго. Я пишу вамъ все это не для того, чтобы вы меня утѣшали: я достаточно уменъ, чтобы глядѣть правдѣ въ лицо и видѣть мое положеніе въ настоящемъ свѣтѣ. Не разсчитываю я также, чтобы вы могли мнѣ помочь, такъ какъ чахотта (я это видѣлъ на примѣрѣ моей матери) неизлѣчима, но мнѣ хотѣлось высказаться. Простите, что я избралъ для этого васъ: это обыкновенная пошлина, которою обложены хорошіе люди; а затѣмъ позвольте мнѣ пожелать вамъ и Софьѣ Петровнѣ всего лучшаго и остаться глубоко и искренно преданнымъ вамъ.

С. Надсонъ.

В. А. Фаусеку.

9 апрѣля 1886 г.

Дорогой другъ Викторъ Андреевичъ, пишу вамъ только для того, чтобы не быть въ слишкомъ неоплатномъ долгу передъ вами, ибо ничего особенно интереснаго изъ глухого моего угла сообщить не могу. Здоровье мое такъ себѣ, попрежнему, лихорадокъ нѣтъ. Надуваюсь кефиромъ, ѣмъ, сплю, читаю произведенія русской музы и русской прессы и адски скучаю. Что дѣлать, Фаусекъ, „таковъ удѣлъ намъ положенъ, — вся тварь разумная скучаетъ“. Плановъ на будущее никакихъ не строю, настоящее представляетъ собой идеальнѣйшую торричелліеву пустоту,—и воала ту, какъ говорятъ у насъ на Западѣ. Единственнымъ утѣшеніемъ для меня въ такомъ безсмысленномъ нравственномъ состояніи является моя книжка и ея успѣхъ: третье изданіе идетъ такъ же бойко, какъ и первыя два. Результатъ успѣха хорошій: два послѣднія изданія дадутъ мнѣ около 1.200 руб., да если еще получу Пушкинскую премію, то можно будетъ еще разъ посѣтить просвѣщенный Западъ, послушать умныхъ рѣчей Якоби, попить чаю съ апельсинами въ обществѣ его дамъ, пожать благородную руку Бѣлоголоваго и полюбоваться Альпами. Вновь я не пишу ничего или почти ничего. Зато не дремлетъ Николай Максимовичъ, и хотя я его (пальму) не очень люблю, но долженъ сознаться, что послѣдніе его стихи въ „Вѣстн. Европы“ недурны. А каковъ нашъ Евгеній Михайловичъ? Въ коммерцію пустился. Если это предпріятіе задумано такъ же практично, какъ и полное изданіе стихотвореній Полонскаго, я не очень-то вѣрю въ успѣхъ его книжнаго магазина.

Что-то вы подѣлываете, бродя въ нашихъ пустыняхъ „дальняго запада“? Не получили ли отъ туземцевъ названія „слѣдопытъ“, и не попалъ еще вашъ скальпъ за поясъ какого-нибудь краснокожаго? Я нахожу, что судьба обошлась съ вами очень милостиво, подсунувъ вамъ эту командировку: и интересно и полезно, хотя и мало денежно. Но, говорятъ, деньги дѣло наживное; утѣшайтесь этимъ.

Голубчикъ мой, если бы вы знали, какъ я звѣрски скучаю! Да вотъ, впрочемъ, вамъ наглядное доказательство: иногда я цѣлые дни провожу за картами, углубляясь въ таинственныя комбинаціи винта. Я — и карты! Есть ли на свѣтѣ двѣ величины несоизмѣримѣе? Такова иронія судьбы! Въ довершеніе ко всему у насъ тутъ невѣроятно омерзительная погода: на воздухъ нельзя носа высунуть — такіе стоятъ холода. Я уже выписалъ себѣ „Volapüc“,—буду изучать, благо много досуга. Такимъ людямъ, какъ мы съ вами, нельзя же отставать отъ Европы даже тогда, когда она занимается естественнѣйшей чепухой. Отъ моихъ петербургскихъ друзей не имѣю никакихъ вѣстей. Плещеевъ изнемогаетъ въ Донъ-Кихотской битвѣ съ долгами, Мережковскій тонетъ въ пучинахъ филологіи и поэзіи, а Всеволодъ Гаршинъ, должно-быть, пишетъ. Зато я былъ на-дняхъ обрадованъ посланіемъ отъ главы Вогуличей. Сія почтенная романистка прислала мнѣ письмо съ предложеніемъ участвовать въ какомъ-то журналѣ для дѣтей княгини Несвицкой. „Княгиня,—пишетъ она,—желаетъ сердечно привлечь васъ“... Гм!.. княгиня желаетъ привлечь меня!.. Какая любезная дама!.. Разумѣется, я изъявилъ свое согласіе, хотя сильно сомнѣваюсь, чтобъ мое участіе пошло дальше появленія моего имени на обложкѣ. Читали ли вы повѣсть Шапиръ „Безъ любви“? Напиши это мужчина, было бы очень недурно, а она размазала, какъ манную кашу по тарелкѣ. Вообще журналъ хоть не читай. Если будетъ время, напишите мнѣ что-нибудь о вашихъ подвигахъ и вѣрьте, что я всегда ношу вашъ незабвенный образъ въ своемъ сердцѣ. Крѣпко жму вашу руку. М. В. проситъ вамъ отъ нея „хорошенько“ поклониться.

Вашъ С. Надсонъ.

P. S. Чуть не подписалъ В. Фаусекъ.

А. Я. Мокѣевой.

Апрѣль 1886 г.

Милая Нюша, долгій опытъ долженъ былъ бы разъ навсегда дать тебѣ понять, на какого рода письма я не отвѣчаю. Твое предпослѣднее письмо было именно въ этомъ родѣ. Послѣ твоего полусознанія своей вины въ послѣднемъ письмѣ я пишу тебѣ снова. Во-первыхъ — поблагодари отъ меня Катю очень и очень за ея конфеты, а во-вторыхъ, Юлія Степановна, которой я передалъ *отъ тебя* твой коврикъ, проситъ меня очень тебя поблагодарить за него. Онъ лежитъ у нея въ

комнатѣ, на креслѣ. О себѣ мнѣ нечего писать. Здоровье мое такъ же, пишу я мало, событій у насъ никакихъ не происходитъ. Могу только сообщить, что второе изданіе моихъ стиховъ разошлось уже все, и что третье уже напечатано и на-дняхъ выйдетъ въ свѣтъ. Какая-то барыня написала на мои слова „Я вновь одинъ“ романсъ, который перевели по-французски, и Ласаль пѣлъ его въ концертѣ, а одинъ литературный нѣмецъ — Фидлеръ перевелъ мои стихи по-нѣмецки и напечаталъ ихъ въ газетѣ „Herold“. Въ „Новп“ же я вычиталъ, что одинъ итальянскій писатель думаетъ перевести нѣсколько моихъ стихотвореній на этотъ языкъ.

Отсюда ты видишь, что я начинаю дѣлаться „международнымъ“. Есть у меня еще слабая надежда получить академическую премію за мою книгу, но сбудется или нѣтъ, писано вилами на водѣ, и во всякомъ случаѣ это дѣло далекое: премію присуждаютъ только въ октябрѣ. Книгу я уже представилъ въ академію. Вотъ тебѣ краткій списокъ моихъ успѣховъ. Пожелай, чтобъ онъ на этомъ не остановился.

О моихъ планахъ на будущее, насколько такой больной человѣкъ, какъ я, можетъ ихъ имѣть, пока не могу сообщить ничего положительнаго. Чувствую только, что деревня, несмотря на всю свою прелесть, мнѣ надоѣла. По всей вѣроятности, я поселюсь или въ Кіевѣ, или въ Москвѣ, или въ Питерѣ, смотря по тому, гдѣ найду постоянную литературную работу. О Давыдовыхъ ничего не могу сообщить тебѣ новаго. Отъ нихъ давно ни слуху ни духу, слышалъ только, что К. Ю. серьезно боленъ.

Весна къ намъ что-то не приходитъ, хотя снѣгъ весь стаялъ, и я уже нѣсколько разъ выходилъ. Не везетъ мнѣ на погоду: куда ни пріѣду, всюду холода. Отвѣчай мнѣ пока еще въ Носковцы, но долго тутъ я не останусь. Видно, такая моя участь—быть вѣчнымъ жидомъ: на мѣстѣ не сидится; тянетъ въ городъ, къ людямъ. Ну, прощай; больше писать нечего.

Твой братъ С. Надсонъ.

М. И. Кулишеру.

1886 г.

Многоуважаемый Михаилъ Игнатьевичъ *), всѣ эти дни мнѣ сильно нездоровится, да и журналы были получены слишкомъ поздно, такъ что я лишенъ былъ возможности прислать на этой недѣлѣ вамъ мой фельетонъ. Онъ будетъ готовъ только черезъ недѣлю. Пишу я о „Сѣверн. Вѣстникѣ“; его послѣдняя книжка, по стройности и живости содержанія,—это нѣчто удивительное. Статьи Лѣсевича, Михайловскаго и Воронцова—это такое тріо, какого я не помню въ нашей журналистикѣ

*) Г. Кулишеръ былъ фактическимъ редакторомъ кіевской газеты „Заря“, въ которой Надсонъ писалъ нѣкоторое время литературно-критическіе фельетоны.

съ прекращеніемъ „Отечественныхъ Записокъ“. Я буду писать о нихъ по возможности основательно и боюсь, что одного фельетона мнѣ будетъ мало. Хорошо бы, если бъ на этой недѣлѣ кто-нибудь написалъ объ Островскомъ. По многимъ причинамъ я не берусь это сдѣлать. Кстати, я совсѣмъ не согласенъ съ фельетономъ Іеронима Іеронимовича на эту тему: по-моему, газета должна служить *во всѣхъ своихъ отдѣлахъ* интересамъ дня, слѣдовательно и въ литературныхъ фельетонахъ, не отвлекаясь другими задачами. Что жъ дѣлать, что иногда въ журналистикѣ нашей царствуетъ полнѣйшая пустота! Во-первыхъ, это, по моему мнѣнію, бываетъ *далеко не часто*, а во-вторыхъ, и маленькія явленія все-таки не пустяки,—изъ мелочей слагается и жизнь человѣческая и общій духъ литературы. Съ другой стороны, газетный обозрѣватель не можетъ давать *критическихъ статей* въ строгомъ смыслѣ этого слова и еще по двумъ причинамъ—по недостатку мѣста и времени. О первой распространяться нечего, а о второй замѣчу, что для критической статьи недостаточно прочесть автора, а нужно его изучить въ связи *со всѣмъ имъ написаннымъ*, или написаннымъ другими на ту же тему. А мыслимо ли изучить въ недѣлю 100 печатныхъ листовъ, принимая, что фельетонистъ будетъ имѣть дѣло только съ 4-мя толстыми журналами, не касаясь другихъ? Я не говорю уже о томъ, что для критика нуженъ серьезный критическій талантъ, и эрудиція, и глубина, и много всякихъ *и*. Область газеты—это рецензія. Для рецензента главное—въ немногихъ чертахъ набросать физіономію произведенія, выдвинуть самое цѣнное, передать впечатлѣніе, производимое произведеніемъ (про... про...!!). Для этого достаточно критической чуткости, отъ которой до таланта еще очень далеко. Не согласенъ я и съ тѣмъ, что критикъ долженъ быть неповиненъ въ полемическомъ грѣхѣ. Это почему? Критику, какъ и всякому, позволяется имѣть опредѣленное міровоззрѣніе и защищать его всегда; иначе онъ не критикъ, а машина. Развѣ Бѣлинскій, Писаревъ, Добролюбовъ не полемизировали? Да и Арсеньевъ вовсе не чуждъ полемикѣ; пусть І. І. прочтетъ хоть его статью: „Романъ—орудіе регресса“. Рѣшительно не сочувствую я этой проповѣди „безтенденціозности“ ни въ беллетристикѣ ни въ критикѣ.

Однако я слишкомъ расписался, и главное—нескладно, такъ какъ у меня страшно болятъ зубы и въ головѣ сумбуръ отъ лихорадки. До свиданья; потрудитесь передать мой поклонъ Николаю Григорьевичу. Очень благодаренъ за высылку гонорара, хотя этимъ дѣломъ я не торопился. Прилагаю расписку въ полученіи.

Искренно преданный вамъ

С. Надсонъ.

*Г-жѣ Л. В. Ф. *).*

28 мая 1886 г.

Вы, разумѣется, не сомнѣвались, что я тотчасъ же отвѣчу вамъ на ваше милое, теплое, задушевное письмо: развѣ на такое письмо можно не отвѣтить? Если есть на свѣтѣ какое-нибудь прочное счастье, то это счастье знать, что вы не одни заблудились въ жизненномъ лѣсу, что рядомъ съ вами слышится человѣческій голосъ, бьется человѣческое сердце. Вы дали мнѣ всею душой почувствовать это счастье. Позвольте мнѣ надѣяться, что вы не заподозрите въ моемъ свѣтломъ чувствѣ другое чувство, болѣе низменное, чувство удовлетвореннаго тщеславія. Мое небольшое дарованіе и я—это два существа совершенно различныя; мнѣ нечѣмъ гордиться, такъ какъ не я создалъ свой талантъ,—создали его природа и моя организація,—я же только послушный рабъ его. Есть много людей въ тысячу разъ лучше меня и все-таки лишенныхъ таланта. Вѣрьте, въ эту минуту во мнѣ живетъ другая, высшая радость,—та радость, которую доставляетъ сознаніе своего родства, своего братства со всею человѣческой семьей. Письма, вообще, очень плохіе посланники; я никакъ не могу написать въ письмѣ именно то, что̀ хочу, но вѣдь и вы желаете отъ меня не литературнаго произведенія и не глубокомысленнаго трактата, а сердечнаго отклика. Примите же его отъ всей моей души и заглядывайте иногда въ мою книжку; если мнѣ суждено вскорѣ покончить мои расчеты съ землей, все-таки тогда я не совсѣмъ умру.

Мѣсто, гдѣ вы проводите лѣто, полно для меня воспоминаніями. Тамъ живутъ, между прочимъ, мои хорошіе друзья Давыдовы. Поклонитесь отъ меня быстрой рѣчкѣ, ея красным обрывамъ и грустнымъ елямъ. Не знаю, суждено ли мнѣ еще когда-нибудь ихъ увидѣть.

Адресъ мой вы написали вѣрно; слѣдовало только прибавить: „мѣстечко Жмеринка“.

С. Надсонъ.

— —

15 іюня 1886 г.

Невѣдомая мнѣ, но милая Люба. Изъ перваго моего письма вы уже могли составить себѣ самое выгодное понятіе о моей скромности: я не разспрашивалъ васъ, ни кто вы, ни какихъ лѣтъ,—ничего подобнаго. Скажу даже больше, я ни слова не писалъ о васъ моимъ друзьямъ на Сиверской, однимъ словомъ, не дѣлалъ никакихъ усилій, чтобъ разгадать ваше инкогнито,—разъ вы сами не желаете его открывать. А между тѣмъ, не говоря уже о простомъ человѣческомъ любопытствѣ, меня могла бы побудить къ такимъ „изслѣдованіямъ“ простая осторожность

*) Г-жа Л. В. Ф.—корреспондентка-поклонница, подписывавшая свои письма только именемъ и начальной буквой фамиліи и такъ и оставшаяся неизвѣстной С. Я. Надсону.

за мое имя, которое подъ моими письмами я ставлю цѣликомъ: вы говорите столько лестнаго для меня, окружаете мою скромную личность такимъ незаслуженнымъ мною идолопоклонствомъ, что, какъ я ни довѣрчивъ, у меня невольно зарождается мысль о насмѣшкѣ, и я боюсь, не хотите ли вы me monter une scie. (Ни за что не позволилъ бы себѣ галлицизма въ русскомъ письмѣ, если бы вы сами меня на это не вызвали). Впрочемъ, если бы это и было такъ, я для одного случая не намѣренъ мѣнять моихъ правилъ общежитія, а поэтому и продолжаю бесѣдовать съ вами попрежнему, хотя, признаюсь, присылка карточки разсѣяла бы до нѣкоторой степени мои опасенія. Само собой разумѣется, что вы можете прислать мнѣ карточку совсѣмъ чужую; но, помните, я вамъ обѣщаю не узнавать о васъ ничего, пока вы сами не захотите сообщить мнѣ что-либо, и слѣдовательно у васъ нѣтъ никакой необходимости меня обманывать. Я былъ бы *радъ карточкѣ;* но, если вы хотите прислать ее только для того, чтобы я самъ не дѣлалъ никакихъ догадокъ, это лишнее: я умѣю уважать чужую тайну.

Вы пишете: *лѣчитесь*. Отъ чахотки не вылѣчишься. Весь вопросъ въ томъ, насколько хватитъ силъ протянуть. Я дѣлалъ все возможное: былъ на Кавказѣ, за границей, обращался къ лучшимъ докторамъ. Теперь я живу въ наилучшихъ условіяхъ, „на благословенномъ югѣ“, въ средѣ людей, расположенныхъ ко мнѣ и любящихъ меня. Осенью двинусь опять куда-нибудь въ теплые края, гдѣ солнце теплѣе нашего, и птицы поютъ громче, и плещетъ о берегъ голубое море. Скучно только жить вдали отъ родины, для которой хочется и дышать и работать.

Здѣсь я пишу критическіе фельетоны въ кіевской газетѣ „Заря“ и, за неимѣніемъ возможности жить въ Петербургѣ, удовлетворяюсь пока этой скромной дѣятельностью. Все это могло бы поправить чудо, но я сынъ моего вѣка и въ чудеса не вѣрю.

Я живу вовсе не въ идеальномъ мірѣ, какъ вы предполагаете, а на землѣ, которая тоже, впрочемъ, бываетъ иногда очень недурна. Вообще, не выхваляйте меня до небесъ, зачѣмъ это? Нѣкоторые находятъ даже, что я препротивный. До свиданья (?) пока. У меня накопилась груда писемъ, ждущихъ отвѣта: все больше стихи начинающихъ. Итакъ, *если хотите*, то пришлите вашу карточку, мнѣ будетъ очень пріятно ее имѣть, но пришлите отъ души. Тогда я вамъ скажу тоже *отъ души* мое спасибо. Зовутъ меня Семенъ Яковлевичъ; но если я васъ буду звать Любой, неужели вы будете титуловать меня такъ высокоторжественно? Пожалуйста, не лѣнитесь ставить въ каждомъ письмѣ вашъ адресъ; иначе при моей неаккуратности и забывчивости, переписка можетъ оборваться.

Жму вамъ руку, если позволите.

С. Надсонъ.

Я убѣжденъ, что вы меня считаете за самаго неблаговоспитаннаго человѣка въ мірѣ: вы написали мнѣ прелестное письмо, прислали вашу карточку,—а я больше недѣли промедлилъ отвѣтомъ! Но подождите гнѣваться: увѣряю васъ, я поступилъ такъ невѣжливо отъ избытка вѣжливости. Дѣло въ томъ, что всѣ эти дни я чувствовалъ себя прескверно. Благословенный югъ сшутилъ надо мной самую злую шутку, въ срединѣ іюля заткавъ небо октябрьскими облаками, неутомимо поливая землю холоднымъ ливнемъ и заставляя меня дрожать отъ холода въ карточномъ домикѣ, который, однако, мой хозяинъ упорно именуетъ дачей. Результатомъ этого „кавардака въ стихіяхъ“ была прескверная лихорадка, которую не могли прогнать соединенныя усилія всѣхъ кіевскихъ знаменитостей. Поневолѣ мнѣ пришлось отложить намѣреніе писать вамъ, изъ опасенія угостить васъ скучнѣйшей и безсвязнѣйшей элегіей въ минорномъ тонѣ. Насколько я угадалъ васъ между строкъ вашего письма, вы не любительница этого тона; вы даже всю нашу переписку назвали „шуткой“. Это мнѣ показалось нѣсколько жестоко. Какъ! И первое ваше письмо, гдѣ вы говорите о впечатлѣніи, произведенномъ на васъ моими стихами—шутка?.. Только шутка? Значитъ, тѣ ваши теплыя строки, которыя я, какъ авторъ и какъ человѣкъ, такъ близко принялъ къ сердцу,—не вызваны у васъ порывомъ чувства, желаніемъ откликнуться на звуки, задѣвшіе завѣтныя струны вашей души? А я думалъ... Впрочемъ, все равно. Давайте шутить.

Въ первомъ вашемъ письмѣ вы мнѣ писали, что, прочтя мою книгу, вы узнали меня. Это было нетрудно: книга моя—это дѣйствительно моя душа, или, точнѣе говоря, все свѣтлое и завѣтное, что̀ есть въ моей душѣ. Я старался не фальшивить ни однимъ звукомъ. Теперь позвольте и мнѣ сообщить вамъ, что̀ я знаю о васъ, знаю по вашимъ письмамъ и карточкѣ. Вы принадлежите къ средѣ, съ которой я давно разорвалъ всѣ связи и которая для меня служитъ такимъ же bête noire, какъ для васъ евреи. Не сердитесь,—пока я говорю не о васъ, а о средѣ, окружающей васъ. Восьми лѣтъ я остался круглымъ сиротой и попалъ въ семью дяди моего, И. С. М. Вашъ мужъ, вѣроятно, его знаетъ: онъ довольно видное и извѣстное лицо въ петербургскомъ бюрократическомъ мірѣ. По обычаю всѣхъ такихъ благодѣтелей, мой чиновный дядюшка спихнулъ меня на казенный счетъ въ закрытое заведеніе,—военную гимназію. Ни ласки, ни тепла, ни участія не зналъ я въ моемъ дѣтствѣ, и часто на мраморные подоконники дядюшкиной квартиры капали мои одинокія горячія слезы. Военная служба, для которой меня предназначали, была мнѣ сильно не по душѣ. Рано началъ я писать. Разумѣется, мои первые опыты встрѣтили самый неласковый пріемъ. Я не стану разсказывать вамъ, какъ я старался вырваться изъ душной среды, давившей меня, и какъ, наконецъ, благодаря усиліямъ моихъ друзей, мнѣ это удалось,—хотя и удалось цѣною смертельной болѣзни. Скажу только, что съ семьей дяди и со средой, къ которой принадлежитъ она, я разорвалъ навсегда. Мнѣ

сталъ ненавистенъ пропитанный чиновничьимъ безсердечіемъ воздухъ штофныхъ гостиныхъ,—я ушелъ въ кружки литературные, въ „меблированныя комнаты“ учащейся молодежи, ушелъ въ жизнь, въ настоящую жизнь, изъ жизни призрачной, условной и лживой, гдѣ каждый порывъ чувства сводится на шутку, гдѣ каждый скромный работникъ именуется „чучеломъ“, а работой зовется вязаніе кружевъ или вышиваніе. Сначала мнѣ было не по себѣ: новый кругъ моихъ знакомыхъ, какъ показалось мнѣ, лишенъ той красоты обстановки, той утонченности и изысканности, къ которымъ я привыкъ. Потомъ я убѣдился, что есть своя красота и въ этомъ кругу. Вы читали мою книгу, вспомните вторую часть „Грезъ“. Слава Богу: синія очки, стриженые волосы, косыя рубахи—отошли въ прошлое. Потребность въ эстетическомъ элементѣ сдѣлалась чувствительна для всѣхъ. Я сталъ отыскивать эту красоту труда и мысли и воспѣвать ее, насколько сумѣлъ. Я имѣлъ успѣхъ. Если бъ не болѣзнь, я былъ бы счастливъ.

Года два тому назадъ я вдругъ вошелъ въ моду и въ томъ „среднемъ классѣ“, съ которымъ, казалось, разорвалъ безъ возврата. Я служилъ въ Кронштадтѣ, и въ рѣдкіе мои пріѣзды въ Петербургъ меня брали нарасхватъ. Сначала я довольно охотно принималъ эти приглашенія и прислушивался къ сладкому ѳиміаму лести, который мнѣ курили мои поклонники и поклонницы; меня тѣшила мысль войти тріумфаторомъ въ тѣ самыя гостиныя, гдѣ нѣкогда прошло мое обиженное, одинокое дѣтство. Вскорѣ мнѣ это надоѣло. Теперь, моя неизвѣстная корреспондентка, я записался окончательно въ разрядъ чучелъ, сталъ въ ряды плебеевъ. „Свѣту“ будетъ довольно его привилегированныхъ пѣвцовъ,—графовъ Толстого, Цертелева, Голенищева-Кутузова. Все тепло и весь свѣтъ моей души я отдамъ „чучеламъ“—и внѣ ихъ круга не ищу сочувствія. Какъ видите,—я нетерпимъ.

Однако, я шучу что-то серьезно; боюсь, что вы найдете меня или слишкомъ скучнымъ, или, что еще хуже, слишкомъ дерзкимъ. Перейду къ вамъ. Ваше лицо мнѣ нравится. Правда, вашу красоту нельзя назвать классической, но глаза у васъ дѣйствительно прелестны,—если только они не зеленаго цвѣта. Я понимаю, что въ сравненіи съ вами вашъ фотографъ тоже оказался чучелой. Сегодня я любовался тоже однимъ очень хорошенькимъ личикомъ; нѣсколько дней тому назадъ дворникъ принесъ мнѣ письмо, въ которомъ какая-то неизвѣстная особа изъявила мнѣ желаніе познакомиться со мной и приглашала зайти къ ней. (Я живу теперь на станціи Боярка, подъ Кіевомъ). Я написалъ ей, что нигдѣ не бываю и что предпочитаю видѣть ее у себя. Послѣ долгихъ письменныхъ переговоровъ она, наконецъ, сегодня явилась. Это дѣвушка лѣтъ 22-хъ, сильная брюнетка, еврейка, курсистка —и красавица. Стороной я слыхалъ, что она принадлежитъ къ еврейской купеческой аристократіи. Она мнѣ не очень понравилась: очень бойка, очень развязна,—но пустовата. Много говорила о какихъ-то своихъ страданіяхъ, но на

самомъ дѣлѣ она, кажется, просто скучаетъ и ищетъ приключенія. Такіе визиты у меня не рѣдкость,—къ сожалѣнію, они почти всегда бываютъ скучноваты. Я не педантъ; но знакомиться только для того, чтобы выслушивать избитый салонный вздоръ—не люблю. Знакомыхъ, впрочемъ, въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, у меня вообще нѣтъ; есть зато хорошіе и балующіе меня друзья; а избалованъ я ужасно,—навѣрно не меньше, чѣмъ вы.

Доставку вамъ „Зари" я на-дняхъ устрою; для этого мнѣ нужно повидать кого-нибудь изъ редакціи. Съ Буренинымъ я „связался" потому, что давно пора указать ему его настоящее мѣсто. Его всѣ бранятъ и всѣ боятся. Разумѣется, мнѣ было бы гораздо пріятнѣе красоваться въ плащѣ поэта и бряцать на лирѣ,—но жизнь заставляетъ иногда противъ воли засучивать рукава и браться за метлу. Здоровье мое очень худо; теперь начинаетъ нѣсколько поправляться. На-дняхъ я думаю приступить къ новому, четвертому изданію моихъ стихотвореній. Какъ только оно выйдетъ, одинъ экземпляръ я вышлю вамъ. Зачѣмъ вамъ знать дни моихъ именинъ и рожденія? Я родился въ знаменательное число, 14-го декабря, а именины мои 3-го февраля. Вы пишете, что твердо рѣшили никогда не встрѣчаться со мной. Позвольте вамъ напомнить, что одного вашего рѣшенія еще не достаточно,—нужно, чтобы я рѣшилъ то же самое. Еще одно маленькое замѣчаніе: зачѣмъ вы называете себя „бабёнкой",—вы, избѣгающая всего вульгарнаго? Право, это пренекрасивое слово.

Однако довольно болтать. Сердечное спасибо вамъ за карточку и за письмо; не забывайте меня и впредь. Свою карточку я вамъ вышлю, какъ только получу отъ Шапиро. У меня есть здѣсь снятыя въ Кіевѣ, но онѣ очень нехороши. *До свиданья*, такъ какъ я *твердо рѣшилъ*, что оно будетъ. Впрочемъ, это вздоръ. Я написалъ это, чтобъ подразнить васъ.

Вашъ преданный другъ,—если вамъ угодно,

С. Надсонъ.

P. S. Простите за росчеркъ: забылъ, что въ письмахъ къ дамѣ житейскимъ регламентомъ онъ не допускается. Мой новый адресъ: Юго-Западн. ж. д., станція Боярка, С. Я. Надсонъ.

Пишу вамъ, милая Люба, на балконѣ моей дачи, сплошь заплетенной дикимъ виноградомъ, въ ясное осеннее утро. Прямо передо мною палисадникъ; розы, которыхъ въ немъ очень много, теперь уже отцвѣли, зато астры и георгины въ полномъ цвѣту. Въ особенности хороши послѣднія; кусты ихъ выше человѣческаго роста, а горячій пунцовый цвѣтъ, да еще освѣщенный къ тому же вашимъ малороссійскомъ солнцемъ, удивительно эффектенъ. Для иллюстраціи посылаю вамъ одинъ лепестокъ. Замѣчаете ли вы, какой у меня сегодня нетвердый почеркъ? За послѣдній мѣсяцъ я почти разучился писать, такъ какъ схватилъ плевритъ и всѣ работы долженъ былъ бросить. Теперь я понемножку

поправляюсь, но очень медленно и съ большими колебаніями. Въ началѣ сентября уѣзжаю въ Крымъ; докторъ усиленно гналъ меня за границу, но я наотрѣзъ отказался: внѣ Россіи я ужасно скучаю.

Вы спрашиваете: неужели у меня не найдется хоть капельки любви для васъ? Какъ не найтись, разумѣется, найдется: „чучеламъ“ все равно останется еще много. А васъ нельзя, кажется, не любить: письма ваши такія милыя, мягкія, женственныя... Какъ жаль, что вы достались свѣту, а не чучеламъ! Онъ васъ не стоитъ.

Меня очень удивило, что вы такъ ополчились за красоту. Перечтите внимательно мое письмо, и вы увидите, что я никогда и не думалъ отрицать ея; напротивъ,—я рабъ красоты (простите за банальное выраженіе). Насколько мнѣ позволяютъ средства и мой бродячій поневолѣ образъ жизни, я стараюсь всюду создать себѣ уютную обстановку,—но, вѣроятно, ваши понятія о красотѣ сильно расходятся. Для меня красота лица таится, главнымъ образомъ, въ его выраженіи, а не въ чертахъ.

. . . .

Эстетическая сторона развита у меня, мнѣ кажется, сильнѣе всѣхъ другихъ сторонъ моей натуры, и нарушеніе моихъ эстетическихъ потребностей причиняетъ мнѣ почти страданіе. . . . .

29-го августа 1886 г.

Знаете что, дорогая Люба? Изъ послѣднихъ вашихъ двухъ писемъ ко мнѣ я убѣдился, что вы въ самомъ дѣлѣ очень милая и симпатичная женщина, съ умомъ и сердцемъ. Правда, вы немножко хитры, иногда немножко неискренни, иногда немножко мелочны,—но на то вы и женщина, да еще хохлушка. Безъ фразъ, я начинаю васъ любить и съ большимъ удовольствіемъ встрѣчаю конвертъ, надписанный вашимъ почеркомъ. Одно только меня нѣсколько смущаетъ,—это буква Ф., съ которой начинается ваша фамилія. Я боюсь, что буква означаетъ ***. Я имѣлъ случай дважды встрѣтиться съ нею у однихъ моихъ знакомыхъ, и она своей безтактностью и безалаберностью поставила меня въ одинъ прекрасный день въ крайне неловкое положеніе. Ради Бога, успокойте меня на этотъ счетъ въ будущемъ вашемъ письмѣ.

Послѣднее ваше „посланіе“ затронуло меня такъ глубоко, какъ вы и не подозрѣваете. ** я знаю очень мало: слышалъ ея пѣніе одинъ разъ у Давыдовыхъ,—но зато очень и очень коротко знаю Михаила Михайловича Дешевова, и, скажу вамъ по секрету, книга моя посвящена памяти его покойной дочери, Наташи, которую я когда-то такъ горячо и чисто любилъ, какъ только можно любить. И первая жена Д. и его дочь были существа совершенно необыкновенныя, въ особенности послѣдняя. Несмотря на то, что со смерти ея прошло уже немало лѣтъ, меня и теперь глубоко волнуетъ мысль о ней. Въ письмѣ трудно и неудобно разсказать вамъ исторію моихъ отношеній къ семейству Д., и мнѣ не хотѣлось бы, чтобы вы разспрашивали объ этомъ М. М—ча

Знайте только, что Наташа для меня и теперь остается живымъ существомъ, лучшимъ и дорогимъ другомъ, съ которымъ я мысленно совѣтуюсь во всѣхъ трудныхъ случаяхъ жизни и достойнымъ котораго стараюсь быть. Вагнера я тоже хорошо знаю. Это странный человѣкъ. При случаѣ поклонитесь ему отъ меня,—если вы не намѣрены держать въ безусловной тайнѣ нашего полузнакомства съ вами. Спиритизмомъ я самъ когда-то страшно увлекался, и представься мнѣ случай,—увлекся бы и теперь, такъ какъ у меня, несмотря на то, что я сынъ своего вѣка, очень сильна мистическая жилка.

Какъ мнѣ жалко вашу бѣдную руку! Можно ли быть такой неосторожной! Вамъ слѣдовало вашего варенаго рака принести въ жертву не мнѣ, а Діанѣ, если только ее можно считать покровительницей спорта вообще. Чтò касается до меня, я терпѣть не могу раковъ,—ужасно безсмысленное и неопрятное кушанье.

Меня немножко удивляеть, что вы меня разспрашиваете, есть ли около меня кто-нибудь, кто меня любитъ и кто мнѣ дорогъ? Если вы знакомы съ *** и если вы когда-нибудь говорили съ нимъ обо мнѣ, онъ долженъ былъ разсказать вамъ и объ этомъ, такъ какъ, къ сожалѣнію, моя частная жизнь, благодаря массѣ знакомыхъ и сплетнѣ, царствующей въ литературныхъ кругахъ, слишкомъ на виду

. . . .

Одна молодая женщина, тоже немножко писательница, вотъ уже больше двухъ лѣтъ служитъ для меня ангеломъ-хранителемъ. О такой любви, о такомъ золотомъ сердцѣ врядъ ли вы имѣете понятіе: въ вашей средѣ это немыслимо. Это воплощенное самоотверженіе, всепрощеніе, терпѣніе и выносливость. Теперь на дачѣ я одинъ: она уѣхала на десять дней въ Петербургъ устроить свои и мои дѣла передъ моимъ отъѣздомъ въ Крымъ. Со мной осталась здѣсь только ея падчерица, да кромѣ того у меня сидитъ съ утра до вечера кружокъ молодежи, курсистки, студенты. Я очень счастливъ на друзей; куда я ни появляюсь, я всюду создаю ихъ себѣ въ самое короткое время. Говорятъ, въ моемъ характерѣ есть что-то открытое, дѣтское, чтò привлекаетъ къ себѣ. Но вы на этомъ основаніи не ревнуйте меня; я не смѣшиваю васъ съ массой: съ каждымъ разомъ вы мнѣ становитесь милѣе и дороже.

Итакъ, я ѣду въ Крымъ. Передъ этимъ, въ первыхъ числахъ сентября, я дамъ въ Кіевѣ литературно-музыкальный вечеръ въ пользу Литературнаго Фонда. Одинъ такой вечеръ я уже далъ весною: молодежь на рукахъ вынесла меня на эстраду, и восторгамъ не было конца. Пожелайте мнѣ успѣха и на этотъ разъ. А то не пріѣдете ли вы принять участіе? (Это, разумѣется, шутка!).

Вы спрашиваете, какъ я провожу день? Очень тихо и очень однообразно. Мѣсяцъ тому назадъ я схватилъ плевритъ, который чуть не свалилъ меня окончательно съ ногъ. Теперь я только-что начинаю оправляться. Я встаю въ девять часовъ и сейчасъ же выхожу на бал-

конъ. Пью чай, усѣвшись въ кресло-качалку. Въ одиннадцать кто-нибудь изъ моихъ ассистентокъ приноситъ мнѣ съ вокзала письма и газеты. Читаю до двухъ. Въ два завтракъ. Все это дѣлается на балконѣ. Я торжественно возсѣдаю на моемъ креслѣ, а молодежь группируется вокругъ меня,—шутитъ, споритъ, читаетъ вслухъ. Къ шести часамъ я перехожу въ комнаты, обѣдаю, и вечеръ мы всѣ коротаемъ за лампой. Теперь я самый старшій изъ всего общества, и въ нашей молодой республикѣ царствуетъ миръ, согласіе и веселье, насколько послѣднее допускаетъ моя болѣзнь. Весь этотъ мѣсяцъ я лѣнился и не бралъ пера въ руку. У меня здѣсь очень часты гости изъ Кіева: кто-нибудь изъ редакціи, или М. Б., котораго, впрочемъ, я терпѣть не могу, или гг. начинающіе поэты, или, наконецъ, „поклонники" и „поклонницы". Но истинное несчастье моей жизни составляетъ та самая красавица-еврейка, о которой я вамъ писалъ и къ которой вы меня такъ лестно приревновали. Во-первыхъ, при ближайшемъ изслѣдованіи и на предательскомъ украинскомъ солнцѣ (у насъ стоятъ чудные дни), она оказалась вовсе не красавицей,—и во-вторыхъ, это такое скучное, вѣчно ноющее созданіе, что меня бросаетъ въ дрожь, едва я издали замѣчу ея зонтикъ. Вообразите себѣ, что̀ она устроила: снялась въ Кіевѣ съ моей книгой въ рукахъ, причемъ поручила ретушерамъ *) надписать на книгѣ: „Стихотвор*ѣ*нія С. На*тзо*па"! Какъ вамъ нравится такая любезность? И преподнесла мнѣ такую карточку! Кстати о карточкахъ: свою я вамъ вышлю въ непродолжительномъ времени. Мой добрый другъ привезетъ мнѣ нѣсколько дюжинъ изъ Петербурга, отъ Шапиро. №№ „Зари" съ моими фельетонами вы, вѣроятно, уже получили. Пожалуйста, обратите вниманіе на отвѣтъ „Историка культуры": я не хочу, чтобы вы въ самомъ дѣлѣ считали меня недоучкой. Всѣ новые фельетоны будутъ вамъ тоже высылаться.

Вашу кузину, конечно, очень жаль, но жаль тоже, что у нея не хватаетъ мужества открыто взглянуть въ лицо своему положенію и отнестись съ презрѣніемъ къ тому фарисейскому суду, который съ такой наглостью караетъ ее. Ну, а у васъ, милая Люба, хватитъ смѣлости итти вразрѣзъ съ этимъ приговоромъ и открыто принимать вашу кузину? Хотѣлось бы думать, что да.

До свиданья, или, вѣрнѣе, до слѣдующаго письма. Дай вамъ Богъ всего лучшаго. Сердцемъ вашъ

С. Надсонъ.

P. S. Мнѣ не хотѣлось бы, чтобы вы узнавали что-нибудь обо мнѣ помимо меня.

17-го сентября я посылаю вамъ „до востребованія" телеграмму.

С. Н.

P. S. S. Мой адресъ пока: Кіевъ, ред. „Зари", С. Я. Надсону.

---

*) Въ переводѣ на вашъ языкъ „чучеламъ".

28-го сентября 1886 г. Ялта.

Сегодня получилъ ваше письмо и сегодня же вамъ отвѣчаю. Это такъ мало похоже на меня, ненавидящаго писать письма, что я поневолѣ задаюсь вопросомъ: съ какой стати ради васъ я измѣню своему обыкновенію, которому не измѣнялъ даже ради близкихъ друзей? Опускаюсь по этому поводу въ бездны самой глубокой психологіи. Вы—графиня, аристократка, и проч. и проч., а я—плебей; неужели же мнѣ льститъ идея именно поэтому дорожить нашими письменными отношеніями? Какъ знать! Человѣческая натура—вещь сложная; Богъ вѣсть, какія мелкія чувства шевелятся иногда противъ воли въ нашей душѣ. Вашъ любимый поэтъ, Алексѣй Толстой, говоритъ же въ одномъ изъ своихъ стихотвореній о „демагогахъ“: „Чтобъ русская держава спаслась отъ ихъ затѣи, повѣсить Станислава всѣмъ вожакамъ на шеи“. Нѣтъ ли и во мнѣ немножко желанія „Станислава“, въ какомъ бы то ни было смыслѣ? Вы, напримѣръ, полагаете, что есть,—такъ усиленно въ послѣднемъ письмѣ вы подчеркиваете вашъ аристократизмъ. Согласитесь, что мое предположеніе, не*** ли вы, обидѣло васъ именно въ этомъ смыслѣ; не могу же я повѣрить, чтобъ васъ и въ самомъ дѣлѣ такъ пугала репутація „либералки“, сама по себѣ ничего позорнаго не заключающая. Нѣтъ, вашимъ опроверженіемъ вы хотѣли сказать иное: вы хотѣли сказать, что ***, одна изъ представительницъ „бюрократической аристократіи“, передъ вами—ничто, что ваше общественное положеніе выше. Удивительно тоже то, что̀ вы пишете по поводу моей шутки. Разумѣется, я поняла ее,—говорите вы,—у меня и мысли не могло явиться, чтобы какой-нибудь Надсонъ, не „де“ и не „фонъ“, осмѣлился серьезно приглашать меня пѣть на эстрадѣ въ пользу косматыхъ литераторовъ и ученыхъ“. Простите меня, впредь я буду знать свой шесокъ.

Итакъ, вы недостижимо аристократичны и, считая меня въ душѣ немножко лакеемъ (у людей вашего круга часто понятія плебей и лакей однозначащи), спѣшите мнѣ это заявить, полагая заинтересовать меня этимъ. Мнѣ слѣдовало бы доказать вамъ на дѣлѣ, что вы ошибаетесь—перестать писать вамъ; но я предоставляю починъ этого вамъ; а самъ я додумался вотъ до какой вещи. У насъ—ужасная рознь. Всѣ мы проходимъ жизнь вразбродъ, какъ затерявшіеся въ лѣсу. Это недостойно человѣка, и потому иниціативу разрыва моихъ отношеній съ кѣмъ бы то ни было я брать на себя не буду, лучше мирясь съ человѣческими слабостями, чѣмъ расходясь окончательно. Это слѣдовало бы развить яснѣе, но мнѣ не хочется уклоняться въ сторону. Кстати, вотъ еще одно доказательство, что вы обо мнѣ не очень лестнаго мнѣнія: вы пишете, что считаете крайне неделикатнымъ разузнавать что-нибудь стороной о человѣкѣ, и въ концѣ письма просите меня не дѣлать этого относительно васъ. Смѣю васъ увѣрить, графиня, что намъ, плебеямъ, не чуждо чувство такта въ такой же мѣрѣ, какъ и вамъ, сильнымъ міра сего. Да, наконецъ, мнѣ вовсе и не интересна ваша фамилія: „Что̀

мя? Звукъ пустой". Я убѣжденъ, что мнѣ, никогда не поднимавшемуся о тѣхъ общественныхъ слоевъ, въ которыхъ вы вращаетесь, оно скажетъ такъ же мало, какъ имя г-на X, котораго вы, вѣроятно, считаете очень извѣстнымъ, такъ какъ даже не объясняете, кто онъ такой. Мое хо болѣе привыкло къ именамъ Островскаго, Салтыкова, Тургенева и р. и пр.

Простите меня, Люба: я знаю, что я васъ оскорбляю, а что хуже сего—оскорбляю незаслуженно; но я уже писалъ вамъ, что я былъ воспитанъ уродливо, росъ въ чужихъ людяхъ, и вслѣдствіе этого самолюбіе, мнительность и щепетильность развиты во мнѣ до крайности. Кромѣ того, я чувствую себя очень плохо и ужасно раздражителенъ. Переѣздъ изъ Кіева въ Ялту не обошелся мнѣ даромъ, и, Боже мой, что за скверная нора эта Ялта, въ сравненіи съ западными курортами! Это какая-то пародія на югъ. Горы—мизерныя, море—черное, какъ чернила, холодъ—ужасный, гостиницы—скверныя. У меня съ утра до вечера лихорадка. Хорошо еще, что на морѣ не качало . . . .

16-го октября. Ялта.

Простите, милая Люба, если я не всегда аккуратенъ въ нашей переепискѣ. Во-первыхъ, аккуратность вообще не качество поэтовъ, даже тогда, когда они пишутъ дамамъ, а во-вторыхъ, право, иногда я такъ скверно себя чувствую, что рѣшительно бываю не въ состояніи заняться какимъ-либо умственнымъ трудомъ. Въ Бояркѣ я былъ очень сильно боленъ, а въ Кіевѣ страшно усталъ: я устраивалъ вечеръ въ пользу Литературнаго Фонда,—тотъ самый вечеръ, на который я шутя пригласилъ васъ участвовать, а вы постарались мнѣ дать понять, какъ неумѣстно, даже шутя, приглашать васъ пѣть въ пользу какихъ-то косматыхъ литераторовъ и ученыхъ. Простите за дерзкую шутку; впредь я буду знать мой шестокъ. Тѣмъ не менѣе вечеръ состоялся, хотя и безъ васъ, и я имѣлъ большой успѣхъ. У меня чуть не брызнули слезы изъ глазъ, когда меня встрѣтилъ продолжительный гулъ рукоплесканій. Дамы въ антрактѣ дарили мнѣ цвѣты, въ буфетѣ молодежь пила за мое здоровье, и публика, сходя съ лѣстницы, повторяла: „Облетѣли цвѣты, догорѣли огни". Было много другихъ лестныхъ для меня эпизодовъ, о которыхъ разсказывать было бы долго. Усталый, покинулъ я Кіевъ; меня провожали опять-таки цвѣтами и добрыми пожеланіями. Переѣздъ моремъ сошелъ благополучно: покачало немножко только передъ самой Ялтой. И вотъ я на югѣ, на благословенномъ югѣ, какъ говорятъ поэты. Не скажу, чтобы мнѣ здѣсь пока очень нравилось: послѣ Ниццы Ялта кажется довольно невзрачной норой,—зато я чувствую себя нѣсколько лучше.

Знаете ли вы, что я *очень* боленъ? Жить мнѣ, вѣроятно, осталось годъ-полтора. По вашимъ письмамъ я вижу, что вы не очень-то этому вѣрите. Смотрите, если мы увидимся, не испугайтесь.

Кстати о вашихъ письмахъ: они вовсе не такъ просты, какъ это можетъ показаться съ перваго раза; въ каждомъ изъ нихъ всегда есть какая-нибудь задняя мысль. Я не могу указать вамъ, въ чемъ именно: это тонко, какъ паутина.

Л. А. Купернику.

Ялта, 29-го октября 1886 г.

Многоуважаемый Левъ Абрамовичъ, искренно благодаренъ вамъ за память обо мнѣ; мнѣ очень лестно, что вы подумали о моемъ мнѣніи и поспѣшили разсѣять недоумѣніе, которое могло бы возникнуть во мнѣ, разъ я не увидѣлъ вашей подписи въ числѣ подписей лицъ, „отрекшихся" отъ обновившейся, или, вѣрнѣе, разоблачившейся „Зари". Разумѣется, я былъ далекъ отъ какихъ-либо невыгодныхъ для вашей репутаціи предположеній, но все-таки ваше разъясненіе далеко не было лишнимъ. Что касается лично меня, я очень сожалѣю, что мое имя и мое вліяніе такъ не велики, что я не могу потопить Андріевскаго. Я, однако, дѣлаю, что могу: на-дняхъ я послалъ въ „Недѣлю" такъ называемое „письмо въ редакцію", въ которомъ стараюсь представить инцидентъ съ „Зарей" въ настоящемъ свѣтѣ. Возмущенъ я до глубины души,—пожалуй, больше, чѣмъ самъ Кулишеръ. „Заря" подъ редакціей Андріевскаго, по-моему, не должна существовать. Насколько хватитъ моего голоса (фигурально, конечно), я буду кричать о безсовѣстности его поступка всюду. Если въ краѣ есть органическая потребность въ живомъ органѣ,—органъ этотъ возникнетъ и помимо „Зари"; если же такой потребности нѣтъ, не о чемъ и жалѣть. Вы говорите: „направленіе останется то же." Нѣтъ, не то же: уже кое-гдѣ проскользнули глупыя нападки на евреевъ; мнѣ это рѣшительно ненавистно. Кромѣ того, г.*, оперетка, Клара де-ла-Торре... Для литератора имя—все. Я дорожу моимъ именемъ и ни на какіе компромиссы никогда не пойду. Андріевскій, очевидно, разсчитывалъ на то, что „бывали хуже времена, но не было подлѣй". Я думаю, онъ сорвется на этотъ разъ. Какъ ни терпимо наше общество, но всему есть предѣлъ. Андріевскій поступилъ слишкомъ цинично. Вотъ мой взглядъ на вашъ кіевскій переворотъ.

Г-жѣ Л. В. Ф.

Пользуюсь небольшимъ облегченіемъ, милая Люба, чтобъ вамъ написать. Право, вашему мужу не отъ чего было блѣднѣть, узнавъ о нашей перепискѣ: honny soit qui mal y pense: ничего не можетъ быть чище.

Съ какой стати вы подозрѣваете меня въ томъ, что я смѣюсь надъ вами! Я такой же аристократъ души и чувства, какъ и вы, и позволяю себѣ грезить и переноситься во времена Тоггенбурговъ; не даромъ же

я поэтъ: все, выходящее изъ ряда очень будничнаго и обыкновеннаго, мнѣ мило и доступно.

Простите, что не пишу больше: я нездоровъ. На-дняхъ соберусь и отвѣчу вамъ основательно: это—пока, чтобы вы не думали, что я забылъ васъ.

Сердцемъ вашъ С. Надсонъ.

П. А. Гайдебурову.

25-го ноября 1886 г.

Многоуважаемый Павелъ Александровичъ!

Простите меня, что пишу не самъ, а диктую, ибо, неизвѣстно почему, у меня вдругъ отнялась рука и нога. Доктора увѣряютъ, что это явленіе нервное, родъ нервнаго удара, а не въ связи съ моей основной болѣзнью. Не будь этого, я бы чувствовалъ себя не такъ дурно: я нахожусь въ здравомъ умѣ и твердой памяти, хотя стиховъ и не пишу. Очень сожалѣю, что письмо мое не могло быть напечатано въ „Недѣлѣ". Я близко заинтересованъ нравственной стороной этого вопроса и нахожу, что нашей печати, вообще говоря, слѣдовало бы быть этичнѣе. Вотъ, напримѣръ, на меня въ каждомъ фельетонѣ неприлично нападаетъ знаменитый В. Буренинъ, и никто за меня не вступится... Двѣ послѣднія книжки „Недѣли", октябрь и ноябрь, мнѣ очень понравились, не говоря уже о томъ, что ноябрь украшенъ моимъ произведеніемъ. Какія свѣженькія вещи „Разладъ" и „Въ глухомъ углу", и въ особенности первое, главнымъ образомъ началю. Оно дышитъ жизненной правдой. Меньшиковъ у васъ подвизается очень недурно—остроумно и бойко. Помогите ему выбраться на ровную дорогу. Очень кланяюсь всѣмъ вашимъ.

Искренно уважающій васъ С. Надсонъ.

Г-жѣ Л. В. Ф.

26-го ноября 1886 г.

Милая Люба, что значитъ тревожный тонъ вашихъ вопросовъ? Мнѣ писать очень трудно, но, чтобъ успокоить васъ, отвѣчаю тотчасъ же.

Я въ Крыму не одинъ, а съ моимъ добрымъ другомъ, къ которой я отношусь, какъ къ старшей сестрѣ, и которой извѣстно о нашей перепискѣ. Да не коснется ничего темнаго ея имени. Въ Италію ѣхать я серьезно и не собирался. Когда я сталъ совѣтоваться съ докторами, они посылали меня въ Меранъ. Но я предпочелъ ѣхать въ Крымъ, такъ какъ вообще я скучаю за границей. О васъ, простите, въ это время я и не думалъ и никогда серьезно не принималъ вашихъ словъ о возможности увидѣться съ вами. Ради Бога, не считайте себя связанной какимъ-нибудь образомъ и теперь вашимъ обѣщаніемъ. Не все исполнимо. Да, говоря откровенно, я и боюсь видѣться съ вами. Во-первыхъ, я

очень боленъ, а во-вторыхъ, что могло бы выйти для насъ обоихъ изъ этого знакомства,—такъ какъ мы стоимъ на разныхъ точкахъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Вагнера я знаю очень немного и болѣе офиціально, чѣмъ лично, какъ редактора журнала, въ которомъ я печатался, какъ человѣка, съ которымъ я встрѣчался на сеансахъ. У меня вышло, правда, съ нимъ одно недоразумѣніе: когда я пришелъ отъ души и искренно поговорить съ нимъ, какъ съ любимымъ писателемъ, объ одномъ волновавшемъ меня вопросѣ, то онъ встрѣтилъ меня такъ холодно, что у меня осталось къ нему навсегда непріязненное чувство. Я обратился къ нему со всѣмъ довѣріемъ молодости, а онъ окатилъ меня холодной водой.

Меня нисколько не обижаютъ ваши вопросы: напишите яснѣе, я готовъ отвѣчать вамъ совершенно искренно. А то, что это за игра въ прятки?

До свиданія. Сердцемъ вашъ С. Надсонъ.

Ялта, 8-го декабря 1886 г.

Попробую написать вамъ самъ, милая Люба, хотя это мнѣ сдѣлать и очень трудно: я истериченъ, какъ женщина, и со мной въ послѣднее время случился нервный курьезъ: отнялись лѣвая рука и нога. Такъ какъ это явленіе не мозговое и не параличное, то лѣчить его нельзя: приходится дожидаться, пока оно само пройдетъ, что очень скучно.

Полученіе вашего полотенца (я получилъ его сегодня) превратило для меня простой понедѣльникъ въ настоящій праздникъ: ваша работа—верхъ вкуса и изящества; меньшаго я отъ васъ, впрочемъ, и не ожидалъ. Письмо ваше крайне меня растрогало, но отказываться вамъ отъ удовольствій я рѣшительно не вижу причины; наоборотъ, веселитесь за двоихъ: за себя и за меня.

Здоровье мое стало лучше (разумѣется, сравнительно), доктора въ Ялтѣ есть, кажется, порядочные, но вѣдь не въ нихъ дѣло. Знаете ли, что я начинаю пріобрѣтать аристократическія связи: здѣсь я познакомился съ нѣкіимъ поэтомъ, графомъ Бутурлинымъ, который очень за мной ухаживалъ, и съ княгиней Трубецкой: сегодня утромъ она прислала мнѣ варенья и маринаду. Однимъ словомъ, я пустился въ большой свѣтъ. Отчего вы не захотѣли поздравить меня съ полученіемъ отъ академіи наукъ Пушкинской преміи? Это важный успѣхъ, и мнѣ было бы пріятно, чтобы вы раздѣлили по этому поводу мою радость. Изъ вашего полотенца я сдѣлалъ вотъ какое употребленіе: купилъ рамку, посадилъ туда вашъ портретъ и задрапировалъ его полотенцемъ. Разумѣется, портретъ скрытъ отъ непосвященныхъ взоровъ. Выходитъ это нѣсколько черезчуръ пышно для моей комнаты, но мило.

Разскажу вамъ окончаніе моего романа съ семиткой. Она объяснилась мнѣ письменно въ любви. Я на это промолчалъ; а когда на слѣдующій день она письменно же спросила меня, можетъ ли пріити, я

отвѣчалъ, что можетъ, если позабудетъ о вчерашнемъ письмѣ, какъ о недоразумѣніи, и обѣщалъ тоже забыть о немъ,—кажется, ясно? На это она мнѣ отвѣтила, что должна убить себя и меня. Благодарю покорно. Однако оба мы остались въ живыхъ, но она до самаго моего отъѣзда продолжала преслѣдовать меня и письмами и лично.

Вы хотите, чтобъ я васъ приревновалъ къ кому-нибудь. Къ кому жъ, напримѣръ? Вѣдь я никого изъ вашихъ поклонниковъ не знаю. Что же касается до меня, то мое общество въ Ялтѣ состоитъ изъ моего добраго друга да кіевской курсистки, пріѣхавшей спеціально для меня. Да-съ! За мной ухаживаютъ не меньше, чѣмъ за вами.

Однако я совсѣмъ не въ ударѣ писать, къ тому же мнѣ это очень трудно, что вы должны видѣть изъ моего ужаснаго почерка. Пишу же я только для того, чтобы 12-го числа madame Руся не ушла съ пустыми руками изъ почтамта (это не очень дерзко, что я ее такъ назвалъ?). До свиданія, милая Люба.

Сердцемъ вашъ С. Надсонъ.

9-го декабря 1886 г.

Если вашему другу позволительно читать письма, которыя вы пишете, черезъ ваше плечо (кстати, развѣ вы можете писать, когда черезъ плечо читаютъ?), такъ и мнѣ позволительно тѣмъ болѣе—какъ больному—диктовать мои письма моему доброму другу, въ особенности такъ какъ, бесѣдуя съ вами этимъ способомъ, я могу писать больше и чаще.

Это правда, я боюсь нашего свиданія, но боюсь потому, что непремѣнно оба мы взаимно разочаруемся. Вы, напримѣръ, столько мнѣ натолковали о вашей красотѣ, что, окажись вы немножко не красавица, я буду на васъ въ претензіи; къ тому же вашъ иностранный выговоръ долженъ непріятно поразить меня, въ особенности послѣ вашихъ милыхъ писемъ, написанныхъ красивымъ и изящнымъ, хотя немножко черезчуръ женскимъ языкомъ. О себѣ умалчиваю; но во всякомъ случаѣ это довольно дико вообразить, что не будете въ Ялтѣ, а мы не увидимся. Не забудьте, что вашъ анонимъ нѣсколько раскрытъ, и мнѣ васъ разыскать при здѣшнемъ малолюдствѣ будетъ нетрудно. Сегодня вы уже подписались фонъ-деръ-Брррр...

Теперь шесть часовъ вечера, я только-что пообѣдалъ, лежу на диванѣ подъ вашимъ портретомъ и бесѣдую съ вами. Боюсь, что моя домашняя обстановка покажется вамъ очень неприглядной. Меня, какъ поэта, вы, вѣроятно, воображаете среди какихъ-нибудь райскихъ кущей, сидящаго на вѣткѣ рододендрона и брящающаго на лирѣ. На самомъ дѣлѣ я чаще возлежу на диванѣ въ комнатѣ, или на балконѣ, выходящемъ въ хорошенькій садъ, окружающій нашу дачу, и всю красоту коей обстановки составляютъ крымскія горы, съ Ай-Петри во главѣ, да ясное небо, да дальнее море. Несмотря на то, что я живу немножко внѣ города, я не могу жаловаться на недостатокъ общества. Знакомыхъ у меня обра-

зовалось огромное количество: каждый день по два, по три визита. Между ними есть интересные экземпляры, напримѣръ, одинъ старичокъ, который ни съ того ни съ сего пришелъ ко мнѣ, спросилъ зачѣмъ-то показать ему языкъ и показалъ свой. Приходитъ онъ ко мнѣ съ цѣлью обращать меня къ Богу, и мы съ нимъ бесѣдуемъ о божественномъ. Впрочемъ, онъ добрѣйшій, кажется, и приноситъ мнѣ фіалки, которыя я очень люблю. Есть еще одинъ поэтъ 21-го года, нѣкто **, талантливый, повидимому, но, къ сожалѣнію, недоучка... Затѣмъ бываетъ у меня одинъ скрипачъ, одинъ редакторъ мѣстной газеты, которая однако не выходитъ, и много барынь; но—увы!—молодыхъ и красивыхъ между ними нѣтъ, за исключеніемъ княжны Трубецкой и нѣкоей Пассекъ. Зато меня окружаютъ старушки всѣхъ возрастовъ, съ 30 и до 60-ти лѣтъ включительно. Барыни меня очень балуютъ, приносятъ мнѣ варенье, а я очень радъ этому, ибо варенье люблю. Вотъ вамъ и вся моя обстановка. Образъ жизни я веду непозволительно-идиллическій: часовъ въ 7, 8 ложусь спать, а въ 10 для меня уже глубокая ночь,—вотъ что значитъ глухая провинція. Подробности писать не стоитъ. Вздумалъ-было 14-го декабря устроить здѣсь вечеръ въ пользу Литературнаго Фонда (не пріѣдете ли вы участвовать?), да не оказалось подходящихъ исполнителей. А вечеръ былъ бы курьезный: участвовали бы все „отъ одра возставшіе", и мнѣ приходилось бы вылѣзть на четверенькахъ. Но я пока отложилъ вечеръ до 29-го января, день смерти Пушкина. Вѣрно, въ это время вы будете въ Ялтѣ. Позвольте васъ спросить, для какого-такого вашего здоровья вы сюда ѣдете? Вѣдь вы, слава Богу, здоровехоньки; чего же вы Бога гнѣвите? Что бы вамъ еще написать? Еще разъ прошу прощенія у вашего друга за то, что фамильярно назвалъ ее m-me Руся, Пока до свиданія, милая Люба фонъ-деръ-Бррррр... Я очень нетерпѣливъ васъ увидѣть. Hasta mas ver, senora! (Это по-испански).

Сердцемъ вашъ С. Надсонъ.

Любѣ Реутской *).

Ялта. 1886 г.

Милая моя Бусенька, ваша мамаша написала, что вы меня цѣлуете—это меня очень обрадовало. Мнѣ жалко, что я далеко отъ васъ, что вы теперь не можете больше ко мнѣ заходить въ гости. Я здѣсь о васъ соскучился. Учитесь скорѣе читать и писать, чтобы умѣть написать мнѣ письмо. Я хочу знать, что вы подѣлываете и какъ поживаете. Кланяюсь вашей доброй мамашѣ и прошу васъ меня не забывать **).

Любящій васъ Надсонъ.

---

*) Дѣвочка 6-ти лѣтъ.

**) При письмѣ была приложена фотографическая карточка съ надписью: „Дорогой маленькой ласточкѣ Бусѣ на память отъ лохматаго".

15-го декабря 1886 г.

Люба моя, Люба, мнѣ хочется потолковать съ вами. Во-первыхъ, отчего вы не прислали мнѣ вчера телеграммы? Хотя у меня было ихъ и безъ вашей много, хотя телеграмма, въ сущности, ничего не выражаетъ, но мнѣ было бы пріятно знать, что вы обо мнѣ лишній разъ вспомнили. Во-вторыхъ, я долго раздумывалъ надъ тѣмъ, отчего вы мнѣ не сообщаете вашей фамиліи? Если это дѣлается для того, чтобы меня заинтересовать, то вы не достигаете цѣли: „что имя—звукъ пустой“. Оно ничего не прибавитъ къ тому граціозному, милому образу, который почти художественно отразился въ вашихъ письмахъ, и для меня будетъ имѣть такъ же мало значенія, какъ имя X. Я не принадлежу къ той средѣ, которая придаетъ значеніе громкимъ именамъ. Карпова вы или Сидорова, мнѣ все равно. Если же вы это дѣлаете изъ недовѣрія ко мнѣ, то да будетъ стыдно вамъ.

Вчерашній день принёсъ мнѣ нѣсколько пріятныхъ сюрпризовъ. Во-первыхъ, телеграмму отъ бывшихъ полковыхъ товарищей; во-вторыхъ, букетъ отъ какой-то неизвѣстной маленькой почитательницы. Вообще, многіе вспомнили о моемъ рожденіи, кромѣ васъ. Вѣрно, у васъ сидѣлъ X. съ визитомъ.

У меня было вчера все мое ялтинское общество въ сборѣ: „божественный“ старичокъ, который принесъ мнѣ цвѣты, конфеты и псалтырь, и редакторъ безъ газеты, и прочіе. Утромъ я ихъ поилъ шоколадомъ, а потомъ нѣкоторыхъ кормилъ сквернымъ обѣдомъ. Ваше полотенце висѣло на креслѣ и распространяло такое благоуханіе, что всѣ кругомъ чихали. Теперь еще очень рано, 8 часовъ утра, и такъ какъ я васъ видѣлъ во снѣ (вы были не очень красивы), то вздумалъ утромъ писать вамъ.

Впрочемъ, больше писать не о чемъ. Мой другъ говоритъ, что въ письмахъ я не очень любезенъ съ вами; развѣ это правда?

Вашъ С. Надсонъ.

22-го декабря 1886 г.

Попробую исполнить ваше желаніе и писать вамъ собственноручно и собственнолично. Отъ васъ цѣлую вѣчность не было писемъ, и я сталъ побаиваться, не умерли ли вы въ самомъ дѣлѣ отъ разрыва сердца. По поводу послѣдняго вашего посланія имѣю нѣчто сообщить вамъ. Приглашалъ я васъ пѣть, конечно, шутя. Я уже дѣлалъ разъ подобное приглашеніе и подчеркнулъ, что шучу; вы мнѣ отвѣтили въ такомъ родѣ: „Зачѣмъ подчеркиваете вы вашу шутку? Мнѣ и въ голову не могла прійти мысль, чтобъ вы серьезно просили меня пѣть въ пользу какихъ-то косматыхъ писателей и ученыхъ! Знайте, пожалуйста, вашъ шестокъ!“ Я его и знаю и повторилъ свое приглашеніе, чтобы подразнить васъ. А вы еще негодовали, что я предположилъ, будто вы не можете понять

такой неправдоподобной шутки! Отъ души поздравляю васъ съ победой, говоря о ***.

. . . .

А вы, вѣроятно, думали, что я стану ревновать васъ къ ***? Признайтесь.

Со мной въ послѣднее время творятся очень недобрыя вещи. Вотъ уже больше мѣсяца, какъ на меня Буренинъ выливаетъ цѣлыя лохани грязи въ „Новомъ Времени“. Если бы онъ говорилъ обо мнѣ, какъ о поэтѣ, я не обратилъ бы никакого вниманія на его отзывы, хорошо понимая, чѣмъ они внушены. Я не знаю ни одного стихотворенія, на которое нельзя бы было написать пародію. Это наилучшимъ образомъ доказалъ самъ Буренинъ, пародируя Пушкина, Лермонтова, Жуковскаго, даже Державина. Нельзя только пародировать его самого, такъ какъ и безъ того каждое его стихотвореніе—пародія, и онъ непремѣнно въ концѣ концовъ сбивается на шутовской тонъ. Но онъ глумится надъ моей личностью, надъ моими отношеніями къ близкимъ мнѣ людямъ, надъ посвященіемъ моей книги. Онъ взводитъ на меня самыя нелѣпыя и неправдоподобныя клеветы, дѣлаетъ для меня изъ литературной полемики дѣло чести. Игнорировать это дольше я не имѣю права. Одна газета, „Недѣля“, попробовала-было заступиться за меня, но это вышло еще хуже. Нападки его стали вдвое наглѣе, и никакихъ разумныхъ доводовъ онъ не понимаетъ. Я удивляюсь моимъ литературнымъ друзьямъ, изъ которыхъ никто не заступится за меня. Все это до такой степени разстроило меня, что я вынужденъ былъ написать письмо къ Плещееву, наиболѣе близкому мнѣ въ литературѣ человѣку, переполненное упреками на друзей, являющихся зрителями и только зрителями этой омерзительной травли. Между прочимъ, я пишу въ этомъ письмѣ, что, если литераторы не будутъ протестовать противъ Буренина, я долженъ буду самъ ѣхать въ Петербургъ, чтобъ своими слабыми силами отстаивать свою честь. Роковой этотъ шагъ будетъ, по всей вѣроятности, смертельнымъ... Я понимаю, что каждый уважающій себя человѣкъ долженъ быть выше клеветы, но всему есть граница. Интересно бы знать, какіе такіе враги пытались меня очернить передъ вами. Кромѣ Буренина я, кажется, враговъ не имѣю.

Съ четверга я остаюсь въ Ялтѣ одинъ. Мой добрый другъ уѣзжаетъ на двѣ недѣли въ Петербургъ по своимъ и моимъ дѣламъ.

Какъ я завидую вашей елкѣ! Я ужасно люблю обрядовую сторону Рождества и Пасхи. Впрочемъ, и я устрою себѣ елку на праздникъ и уже послалъ къ Урлаубу деньги, чтобъ онъ мнѣ выслалъ картонажей. Съѣшьте на вашей елкѣ за мое здоровье самый большой пряникъ.

Сегодня по моей настоятельнѣйшей просьбѣ мой добрый другъ идетъ въ театръ. Играютъ знакомые-любители и одна молоденькая барышня, гораздо моложе 30-ти лѣтъ, обладающая глазами, которые, навѣрно, ничуть не уступятъ вашимъ. Да-съ!

Могу ли я въ заключеніе этого длиннаго посланія попросить васъ передать мой почтительный поклонъ madame Русѣ, этому здравомыслу нашихъ писемъ? Вы меня совершенно обворожили, сообщивъ, что у нея золотыя косы и голубые глаза, передъ которыми, какъ сказалъ Лермонтовъ,

что̀ такое бирюза!
Что̀ небо! Впрочемъ, я отчасти
Поклонникъ голубыхъ очей
И не гожусь въ число судей.

Я тоже страстно обожаю красоту блондинокъ.

Но, однако, довольно. Я очень усталъ, исполняя вашъ капризъ имѣть отъ меня письма, писанныя мною самимъ. Надѣюсь, что ваша угроза не увидѣть меня и не пожелать быть у меня не серьезна.

Yours truly С. Надсонъ!

P. S. Не думайте, однако, что я знаю по-испански и по-англійски: я выписываю изъ лексикона.

Оглавленіе.

Алфавитный списокъ лицъ, которымъ адресованы письма.